
РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(1966–2021)



ПФ

Институт языкознания РАН
Российская психолингвистическая ассоциация
Научно-образовательный центр межкультурных исследований
им. А.А. Леонтьева
Московская международная академия

Российская психолингвистика:
итоги и перспективы
(1966–2021)

Москва
2021

УДК 81'1.001, 81-13

ББК 81

DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

В коллективной монографии отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день.

Российская психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева, в настоящее время объединяет многочисленные научные направления и центры и справедливо может гордиться важными результатами как теоретического, так и прикладного значения.

Монография – своеобразный обобщающий обзор развития и достижений психолингвистики в России. Каждый раздел дополнен библиографией по соответствующей проблеме.

В Приложении приводится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия и диссертации, защищенные по психолингвистической проблематике.

Для специалистов в области теории языка, психолингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся историей и современным состоянием лингвистики и психолингвистики в нашей стране.

Редколлегия:

И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева – научные редакторы;

Е.Ю. Мягкова – зам. научного редактора;

Е.Ф. Тарасов, В.А. Пицальникова, Н.П. Пешкова, И.В. Шапошникова – члены редколлегии.

Рецензенты:

д.ф.н. *Д.Б. Никуличева*

д.ф.н. *Н.В. Васильева*

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – 626 с.

ISBN 978-5-6045633-7-3

© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии (Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Е.Ю. Мягкова)	8
I. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	
1.1. Методологические основания отечественной психолингвистики	14
1.1.1. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского (И.В. Журавлев)	14
1.1.2. Системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева (Е.Ф. Тарасов)	22
1.1.3. Теория системной динамической мозговой локализации высших психических функций А.Р. Лурии (И.В. Журавлев)	27
1.1.4. Творческий путь А.А. Леонтьева – история теории речевой деятельности (Е.Ф. Тарасов)	31
1.1.5. Теория деятельности как теоретическая основа отечественной психолингвистики (В.А. Пищальникова)	35
1.2. Становление и развитие Московской психолингвистической школы	53
1.2.1. Нас было немного (Как все начиналось) (Н.В. Уфимцева)	53
1.2.2. Основные направления деятельности МПЛШ	58
1.2.2.1. Исследования речевого общения в МПЛШ (Е.Ф. Тарасов)	58
1.2.2.2. Исследования проблем языкового сознания в МПЛШ (Е.Ф. Тарасов)	65
1.2.2.3. Организационная и научно-издательская деятельность МПЛШ (Н.В. Уфимцева)	73
1.3. Становление и развитие психолингвистики в Санкт-Петербурге (Т.Е. Петрова)	81
1.4. Психолингвистика в регионах России (И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева)	95
1.5. Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования (В.А. Пищальникова)	97
2. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	
2.1. Гендерные исследования языкового сознания. Гендерная лексикография (А.В. Рудакова, И.А. Стернин)	109
2.2. Языковое сознание: возрастной аспект.....	116
2.2.1. Региональное языковое сознание: возрастной аспект (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова)	116
2.2.2. Возрастная динамика ментального лексикона (А.П. Сдобнова)	130
2.3. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова) (А.В. Рудакова, И.А. Стернин)	140

2.4. Этнопсихолингвистические исследования	148
2.4.1. Предмет и задачи этнопсихолингвистических исследований (В.А. Пищальникова)	148
2.4.2. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности (Н.В. Уфимцева)	159
2.4.3. Этнолингвистическая теория лакун (И.Ю. Марковина, Е. Денисова-Шмидт)	172
2.4.4. Языковая личность (И.В. Шапошникова)	178
2.5. Проблема сенсорной мотивированности языкового знака (Е.А. Елина, Л.Ф. Прокофьева)	195
2.6. Концепция невербальности мышления в трудах И.Н. Горелова (И.А. Стернин, Е.А. Елина)	204
2.7. Фоносемантика в России (С.С. Шляхова)	212
2.8. Репрезентация профессионального сознания в языке (Л.А. Шкатова, Е.В. Харченко)	224
2.9. Социопсихолингвистический аспект языкового сознания (Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева)	231
2.10. Психолингвистические аспекты изучения феномена Лингвокреативности (Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова)	241
2.11. Восприятие коммерческой номинации языковым сознанием (М.Е. Новичихина)	252
2.12. Психолингвистический аспект исследования оценки (на материале ядра русского языкового сознания) (Е.Б. Чернышова)	258
2.13. Психолингвистические исследования в Новосибирске (И.В. Шапошникова)	263
 3. ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА	
3.1. Тверская психолингвистическая школа: значение слова как единицы ментального лексикона, понимание текста, проблемы двуязычия, естественный метаязык (А.А. Залевская, Н.О. Золотова, Е.Ю. Мягкова)	270
3.2. Курская группа психолингвистики (Е.Ю. Мягкова)	285
3.3. Моделирование ментального лексикона в условиях билингвизма (И.А. Барина, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева)	292
3.4. Группа слов-цветонаименований как объект психолингвистического изучения (А.П. Василевич)	300
3.5. Структура субъективного значения слова и интеллект носителя языка (И.А. Бубнова)	312
3.6. Проблема психолингвистического исследования базовых ценностей (В.А. Ильина)	335

4. АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

4.1. Общие ассоциативные словари.....	344
4.1.1. Словарь ассоциативных норм русского языка (И.А. Стернин)	344
4.1.2. Русский ассоциативный словарь (РАС) (Н.В. Уфимцева)	345
4.1.3. Ассоциативные словари французского языка (М. Дебрени)	353
4.2. Региональные ассоциативные словари	358
4.2.1. Проект «Русский региональный ассоциативный словарь» (Н.В. Уфимцева)	358
4.2.2. Словари языкового сознания в национальных республиках РФ (Н.В. Уфимцева)	362
4.2.3. Ассоциативный словарь Сибири и Дальнего Востока (И.В. Шапошникова)	365
4.2.4. Ассоциативно-семантический словарь жителей Омска (Л.О. Бутакова)	370
4.3. Сопоставительные ассоциативные словари	373
4.3.1. Проект «Славянский ассоциативный словарь» (Н.В. Уфимцева)	373
4.3.2. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков (Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин)	377
4.3.3. Казахстанская ассоциативная лексикография (Н.В. Дмитрюк)	378
4.3.4. Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка (СИБАС) (С.В. Савицкая)	385
4.3.5. Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане РКАС (2017 – 2020) (СИБАС) (Е.В. Бентя)	386
4.3.6. Ассоциативные нормы испанского и русского языков (Н.В. Уфимцева)	388
4.3.7. Русский сопоставительный ассоциативный словарь (Н.В. Уфимцева)	388
4.3.8. Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков (Н.В. Уфимцева)	389
4.4. Возрастные ассоциативные словари	390
4.4.1. Ассоциативный словарь ребенка (Н.В. Уфимцева)	390
4.4.2. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Лексикон младшего школьника (И.Г. Овчинникова)	391
4.4.3. Ассоциативный словарь подростка (Е.Н. Гуц)	392
4.4.4. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области (А.П. Сдобнова)	395

Содержание

4.5. Гендерные ассоциативные словари	401
4.5.1. Ассоциативный дифференциальный гендерный словарь лексического ядра русского языка (И.А. Стернин)	401
4.6. Тематические ассоциативные словари	402
4.6.1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики (А.В. Рудакова, И.А. Стернин)	402
4.6.2. Подкорпус вербальных ассоциаций военнослужащих (СИБАС) (Р.А. Кафтанов)	406
4.6.3. Ассоциативный словарь внешнего человека (О.В. Коротун)	407
4.6.4. Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма (О.А. Кузина)	407
4.6.5. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей (В.А. Пищальникова)	409
4.6.6. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка (Н.В. Уфимцева)	416
4.7. Психолингвистические толковые словари (на базе ассоциативных)	416
4.8. Общие психолингвистические толковые словари	417
4.8.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка (И.А. Стернин, А.В. Рудакова)	417
4.9. Тематические психолингвистические толковые словари	417
4.9.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Антропонимы (А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин)	417
4.9.2. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Наименования автомобилей (И.А. Стернин, Э.В. Шаламова)	419
4.10. Дифференциальные психолингвистические толковые словари (А.В. Рудакова, И.А. Стернин)	420
4.10.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Синонимы	420
4.10.2. Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь русского языка	420
4.10.3. Гендерный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка	421
4.10.4. Территориальный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка	421
5. ПОРОЖДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ И ТЕКСТА	
5.1. Исследования порождения и восприятия речи в отечественной психолингвистике (Т.В. Ахутина)	423
5.2. Очерк деятельности Лаборатории психологии речи и психолингвистики в Институте психологии РАН (Т.Н. Ушакова)	436
5.3. Психолингвистические исследования текста.....	443

Содержание

5.3.1. Психолингвистика текста в исследованиях Ю.А. Сорокина (<i>В.Н. Базылев, И.Ю. Марковина</i>)	443
5.3.2. Психопозитика текста (<i>В.А. Пищальникова</i>)	455
5.3.3. Текст и его смысл (психолингвистические исследования в русле школы А.И. Новикова)	461
5.3.3.1. Уфимское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов (<i>Н.П. Пешкова</i>)	463
5.3.3.2. Пермское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: алгоритмизация выделения основного содержания текста (<i>Н.М. Нестерова, Д.С. Курушин</i>)	470
5.3.4. Психолингвистическое исследование текста в культуре (<i>В.В. Красных</i>)	477
5.3.5. Психолингвистический анализ художественного текста (<i>В.П. Белянин</i>)	491
5.3.6. Текст и его структура (психолингвистические исследования в русле школы Л.В. Сахарного и А.С. Штерн) (<i>Т.Е. Петрова</i>)	505
5.4. Психолингвистическое изучение звучащей речи: восприятие и порождение (<i>Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, Е.В. Петроченко, И.В. Воропаева</i>)	517
5.5. Суггестивные ресурсы вербальных моделей (<i>Т.М. Рогоженикова</i>)	526
6. ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ	
6.1. Санкт-Петербургская школа онтолингвистики (<i>С.Н. Цейтлин, М.Д. Воейкова</i>)	538
6.2. Онтогенез языковой способности в концепции А.М. Шахнаровича (<i>К.Я. Сигал</i>)	550
6.3. Онтопсихолингвистика и ее методы в концепции К.Ф. Седова (<i>И.А. Стернин</i>)	553
6.4. Коммуникативное поведение младшего школьника (<i>Н.А. Лемяскина</i>)	556
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин</i>)	562
ПРИЛОЖЕНИЯ	
От составителей (<i>И.А. Стернин, Е.Ю. Мягкова</i>)	567
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Наукометрические показатели ведущих российских психолингвистов	570
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Избранные монографии и пособия по психолингвистике (1966–2021)	574
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Избранные диссертации по психолингвистике (1966–2021)	588
Список авторов	617
Summary	620

От редколлегии

Представляемая лингвистической общественности коллективная монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» публикуется по решению Ученого совета Института языкознания РАН; инициатива подготовки такого издания была выдвинута Российской психолингвистической ассоциацией в мае 2021 г. на традиционной Международной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» в Москве.

В монографии отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день и представлены ее основные направления, развивающиеся в настоящее время. Кроме того, в сжатой форме описываются полученные в рамках разных направлений и научных центров теоретические разработки и практические результаты.

Отечественная психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева (Московская психолингвистическая школа), сегодня прошла большой путь и представлена многочисленными научными направлениями и центрами и важными результатами как теоретического, так и прикладного значения. За время своего развития российская психолингвистика зарекомендовала себя как актуальное, перспективное, теоретически новаторское и практически значимое направление современной лингвистической науки.

Российская психолингвистика (теория речевой деятельности – ТРД) опирается на достижения отечественной психологии: культурно-исторический подход к анализу психических явлений Л.С. Выготского и системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева.

Следует особо подчеркнуть, что эту психологическую школу нельзя считать теорией, стоящей в одном ряду, например, со школой генетической психологии Ж. Пиаже, когнитивизмом Дж. Брунера, психологией С.Л. Рубинштейна или современными когнитивистами. Отечественная психология, сформировавшаяся в середине прошлого века в русле культурно-исторической школы и теории деятельности, представляет собой уникальное явление.

Дадим слово одной из учениц А.Н. Леонтьева, А.П. Стеценко:

«Хочу особенно отметить для широкого круга читателей, что это теория, созданная в начале и середине прошлого века такой выдающейся плеядой российских учёных (принадлежащих к одной научной школе), как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Н.Г. Морозова, Р.Е. Левина, А.В. Запорожец, Л.С. Славина, П.И. Зинченко, П.Я. Гальперин (и некоторые другие), сегодня представляет собой передний край мировой психологии и привлекает всё больше последователей во всём мире (см. сборники последователей из разных стран по культурно-исторической теории, напр., [Chaiklin 2001; Engestroem at al. 1999; Robbins and Stetsenko 2003]). Данная научная школа является уникальным явлением в мировой психологии – по глубине проработанных ею идей, по широте её практических применений, а также по её гуманистической, нравственной ориентированности. По мнению ряда ведущих психологов Запада (Bruner 1992; Cole 1996; Wertsch 1991; Shotter 2003; Nelson 1998; Tomasello 2001] и др.), культурно-историческая теория представляет собой завтрашний день психологии, её “зону ближайшего развития”, поскольку именно разработанный в ней подход составляет интегральную парадигму изучения психического развития в реальном мире (см. также Stetsenko, Akievitch 1997)» [Стеценко 2005: 4–5].

В ТРД сформированы представления о единице психолингвистического анализа как об элементарном речевом действии и речевой операции. Эта единица несет в себе все признаки деятельности: а) предметность, б) целенаправленность, в) иерархическая («вертикальная») организация деятельности, г) фазная («горизонтальная») организация деятельности. Постулируется эвристический принцип организации речевой деятельности, который предполагает: а) звено, в котором осуществляется выбор стратегии речевого поведения, б) гибкость. Одним из принципов организации речевой деятельности является вероятностное прогнозирование. Предполагается, что в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере, частично, воспроизводящие процессы ее порождения.

Язык как деятельностная структура в ТРД включает в себя значения как социальные по своей сущности единицы, универсальную организацию речевой деятельности по единицам и уровням и специфические для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и восприятия) [А.А. Леонтьев 1996: 42]. Язык рассматривается как система ориентиров, необходимых человеку для деятельности в мире его родной культуры, т.е. в социальном или предметном мире. Особая роль отводится значению, которое понимается как социокультурный феномен.

Значение слова представляет собой единство общения и обобщения, а это означает, что, с одной стороны, слово существует в реальном процессе общения, в системе «Я» и «Другой», а, с другой стороны,

«внутренняя сторона слова, его значение выступает как психологический эквивалент обобщения в качестве неотчуждаемого от субъекта умственного образа» [Ярошевский 1993:35].

Из такой трактовки значения как основной составляющей сознания и вытекает представление о том, что значение развивается и проходит в онтогенезе определенные стадии своего развития, а в основе усвоения и «присвоения» значения лежит принцип интериоризации. Объектом же интериоризации выступает «инструментальный акт», т.е. опосредованная культурным знаком психическая функция, являющаяся «по происхождению» внешней, данной в системе реального общения и лишь вторично «переместившаяся» в личное, скрытое от других людей сознание [Там же:70]. Отсюда следует, что сознание человека – это явление интерпсихическое, существующее вне индивида в форме знаков и значений. Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной.

Неожиданное подтверждение роли культуры в онтогенезе человеческой психики пришло из современной нейробиологии в связи с открытием в мозге так называемых зеркальных нейронов. Как утверждает Вилейанур Рамачандран,

«Сложно переоценить важность понимания зеркальных нейронов и их функций. Они вполне могут оказаться центром социального обучения, подражания, культурной передачи навыков и отношений, а возможно, и тех слитых воедино групп звуков, которые мы называем словами. Благодаря усиленному развитию системы зеркальных нейронов (эволюция) фактически сделала культуру новым геномом» [Рамачандран 2015: 25].

В. Рамачандран называет человека единственным видом, «который поистине живет и дышит культурой» [там же :140], которая передается, с его точки зрения, благодаря языку и подражанию.

Психолингвистический подход позволил по-новому взглянуть на сам предмет лингвистики – язык, и определить его как деятельностную структуру, состоящую из двух языков: внутреннего концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, не имеющего отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнего, формального, предназначенного для общения с другими носителями той же культуры. Их совместное функционирование образует тот феномен, который Н.И. Жинкин называет сознанием [Жинкин 1982: 141]. Такое представление позволяет нейтрализовать крайности структурализма и конструктивно использовать его достижения, которые касаются только внешнего языка, но ничего не говорят нам о языке внутреннем и о взаимоотношении этих языков (внутреннего и внешнего).

Принцип системности, применяемый к анализу речевых процессов в отечественной психолингвистике, с неизбежностью приводит нас к необходимости признать, что в центре объектной области лингвиста должны находиться сотрудничающие и общающиеся члены социума, использующие языки, которые адекватны для решения их задач. Речевые процессы при таком системном подходе обладают статусом элемента системы, их протекание во внешней форме зависит как от сознания коммуникантов, так и от суперструктуры (по А.Н. Леонтьеву), т.е. от их совместной деятельности и от их социальных отношений (Е.Ф. Тарасов) [Шапошникова 2020].

Деятельностный подход к исследованию сознания локализует источник нашего сознания во внешнем мире. Это задает предметность как один из основных факторов в интерпретации процессов сознания и, в частности, субъектно-объектных отношений.

Именно субъектно-объектные отношения человека с миром задают онтологическую картину, в которой формируется индивидуальное сознание человека и его вербальная модель – языковое сознание. Образ сознания формируется, с одной стороны, из результатов чувственного индивидуального восприятия, а, с другой, из знаний, вскрытых общественной практикой и присвоенных личностью. Необходимость сотрудничества с другими членами этноса и, следовательно, необходимость обмена образами сознания для обоюдной ориентировки вызвала к жизни появление языка как средства формирования языкового сознания, отображающего во внешней и общепонятной форме образы индивидуального сознания. Речь – это то, при помощи чего, по мнению А.Н. Леонтьева, существует индивидуальное сознание в момент производства и смыслового восприятия речевого сообщения.

Наиболее существенными достижениями российской психолингвистики можно признать модель порождения речи (Т.В. Ахутина-Рябова, А.А. Леонтьев), представление о языке как о деятельностной структуре и о значении как социокультурном феномене (А.А. Леонтьев), теорию языкового сознания (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева), теорию речевого общения (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов), теорию лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), модель восприятия (смыслового восприятия) речи (И.А. Зимняя), теорию слова как единицы индивидуального лексикона и модель понимания текста (А.А. Залевская), интент-анализ текста (Т.Н. Ушакова и др.), сетевую психолингвистическую модель образа мира (ассоциативно-вербальная сеть) и принципы ее анализа (Н.В. Уфимцева, И.В. Шапошникова). Ценность ассоциативно-вербальных моделей во многом обусловлена тем, что ассоциативный эксперимент позволяет снять данные с работающего (живого) сознания личности.

Не вызывает сомнения, что в теоретическом, методологическом и прикладном аспектах основная проблематика и результаты ее разработки отечественной психолингвистикой не имеют аналогов в мировой лингвистике и психолингвистике или представлены совершенно оригинальными концепциями и методами. Эту уникальность проблематики и методологическую оснащенность российской психолингвистики мы постарались показать в этой книге.

Задача книги – отразить, насколько это возможно в одном издании, во-первых, историю становления отечественной психолингвистики; во-вторых, ее методологию и разработанные методы; в-третьих, результаты, полученных в разных научных центрах и направлениях в различных регионах России; в-четвертых, наметить основные направления дальнейшего развития отечественной психолингвистики.

Эта книга – своеобразный обобщающий итог развития отечественной психолингвистики на сегодняшний день. В каждом разделе приводится библиография исследований по соответствующей проблеме. В Приложении содержится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия психолингвистического характера и диссертации, защищенные по психолингвистике. Содержание представленных здесь публикаций является убедительным свидетельством актуальности психолингвистической тематики и эффективности разработки психолингвистических проблем в России.

Редколлегия прекрасно осознает трудность поставленной задачи и ограниченность возможностей исчерпывающего описания всей психолингвистической проблематики в стране. Ограниченность объема издания, разумеется, тоже сужает возможности отразить все многообразие исследований в области психолингвистики в России за 50 лет.

К сожалению, по разным причинам не все ученые, к которым мы обратились с предложением изложить свою концепцию, смогли прислать свои материалы: здоровье, нехватка времени, отпускной период, технические проблемы. В связи с этим в книге они не представлены отдельными развернутыми параграфами, хотя мы постарались обязательно упо-

мянуть их исследования в соответствующих разделах, а также включили их в Приложение в раздел «Наукометрия», в котором они фигурируют как психолингвисты или как ученые, занимавшиеся психолингвистическими исследованиями наряду с исследованиями в других направлениях. По формальному признаку этот список ограничен в основном докторами наук; включены в список также некоторые кандидаты наук – соавторы наиболее известных публикаций и проектов или авторы монографий по психолингвистике. В Приложении они указаны также в разделах «Монографии и пособия» и «Диссертации».

Особый вопрос – отражение научных результатов и вклада в психолингвистику ученых, которых уже нет с нами. К сожалению, далеко не все ученики оказались готовы изложить для этого издания концепцию своего учителя. В таком случае функцию обзора взяли на себя члены редколлегии. Было бы некорректно и неуважительно не отразить в монографии вклад ушедших из жизни ведущих российских ученых-психолингвистов.

Точки зрения отдельных ученых по тем или иным понятиям и проблемам современной психолингвистики не совпадают, и это естественное состояние любой науки. Мы вовсе не старались представить российскую психолингвистику как монолитную, общепринятую всеми российскими учеными теорию (концепцию), чтобы дать Читателю возможность познакомиться с разными точками зрения.

В течение последних трех лет в каждом выпуске журнала «Вопросы психолингвистики» публиковались большие обзорные материалы под рубрикой «Психолингвистика в регионах». Успех этой рубрики в значительной степени стимулировал наше решение подготовить данную коллективную монографию. Эти уже опубликованные материалы, обновленные и дополненные авторами актуальной информацией (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова; И.А. Стернин, А.В. Рудакова; Е.А. Елина, Л.Ф. Прокофьева; С.С. Шляхова; А.А. Залевская; Е.Ю. Мягкова; И.А. Барина, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева; М. Дебрэн; Н.В. Дмитрюк; Т.М. Рогожникова; Н.А. Пешкова; Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, Е.В. Петроченко; С.Н. Цейтлин, М.Д. Воейкова) легли в основу ряда разделов и параграфов данной монографии.

Полагаем, что эта книга даст читателю возможность системно представить проблематику отечественной психолингвистики, а также позволит показать ее передовой теоретический характер и уникальность многих достижений на фоне отечественной и мировой лингвистики, что, надеемся, привлечет новых исследователей в эту сферу науки.

Литература

Леонтьев А.А. Язык не должен быть чужим // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41–47.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. Москва: Карьера Пресс, 2015. 394 с.

Стеценко А.П. Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. М.: ЧеРо, 2005. 256 с.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с.

Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский в поисках новой психологии. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993. 301 с.

Chaiklin S. (Ed.). The theory and practice of cultural-historical psychology. Aarhus, Denmark: Aarhus University Press, 2001.

Engestroem Y., Miettinen R., Punamaki R.-L. (Eds.). Perspectives on activity theory. Cambridge: Cambridge University Press.

Bruner J. Acts of Meaning: N.Y. etc.: Harvard University Press. 1992. 208 p.

Cole M. Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 416 p.

Nelson K. Language and Cognitive development: The Emergence of the Mediated Mind. New York etc.: Cambridge University Press, 1998. 432 p.

Shotton J. Jerome Bruner: Toward a third cognitive revolution in psychology: From inner mental representations to dialogical social practices // D. Bakhurst and S. Shanker (Eds.), *Culture, Language, Self*. London: Sage Publications, 2003. P. 167–183.

Tomasello M. *The Cultural Origins of Human Cognition* (reprint edition). N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 2001. 256 p.

Wertsch J.V. *Voices of the mind: a sociocultural approach to mediated action*. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 169 p.

Координаторы разделов монографии

1. Из истории российской психоллингвистики – *Е.Ф. Тарасов*

2. Исследование языкового сознания – *И.А. Стернин*

3. Исследования ментального лексикона – *Е.Ю. Мягкова*

4. Ассоциативная лексикография – *Н.В. Уфимцева*

5. Порождение и восприятие речи – *Н.П. Пешкова*

6. Онтогенез языковой способности – *Н.В. Уфимцева*

Координатор подготовки текста – *И.А. Стернин*

Редакторы – *Е.Ю. Мягкова, И.А. Стернин*

От редколлегии и Заключение – *Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Е.Ю. Мягкова*

Приложение – *И.А. Стернин, Е.Ю. Мягкова*

И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова

Раздел 1

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Российской психолингвистике уже 55 лет. Ее история началась в 1966 году семинаром по психолингвистике, организованным А.А. Леонтьевым.

Теория речевой деятельности (ТРД) была создана усилиями А.А. Леонтьева при поддержке сначала незначительного числа учеников и соратников. Краткий период знакомства с зарубежными психолингвистическими работами сменился периодом интенсивного созидательного творчества по созданию ТРД и пропаганде ее идей.

Методологическую базу ТРД образуют культурно-исторический подход Л.С. Выготского и системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева. Это позволило А.А. Леонтьеву с сотрудниками создать оригинальную психолингвистику с большим эвристическим потенциалом.

Основные проблемы, решаемые ТРД – это производство и восприятие речи и речевое общение. Затем в центр исследовательских интересов вошла теория языкового сознания.

Благодаря тому, что было проведено девятнадцать Симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации, психолингвистическими исследованиями занимаются во всех уголках России.

Е.Ф. Тарасов

1.1. Методологические основания отечественной психолингвистики

Психологические теории, используемые в российской психолингвистике для объяснения психических процессов, лежащих в основе производства и восприятия речи, значительно отличаются от психологических теорий в зарубежной психолингвистике, используемых для этой цели.

В психолингвистике Ч. Осгуда это был бихевиоризм, в психолингвистике Миллера–Хомского – необихевиоризм. В 80-е гг. все эти разновидности бихевиоризма были заменены когнитивной психологией, которую трудно считать адекватной для объяснения психических процессов при производстве и восприятии речи.

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского и системно-деятельностный А.Н. Леонтьева, в рамках которых построены психологические теории, находящие применение в анализе речевых процессов в ТРД, пока не знают альтернатив.

Этот раздел состоит из анализа концепций Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, на которые опираются теоретические и экспериментальные исследования российских психолингвистов.

1.1.1. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского

И.В. Журавлев
Москва

Принципиальные положения культурно-исторической психологии, основы которой заложил Л.С. Выготский, легли в основу общепсихологической теории деятельности и, соответственно, теории речевой деятельности (основной теории Московской психолингвистической школы). Рассмотрим эти положения.

Главный методологический принцип теории Л.С. Выготского – это *принцип монизма*, требующий рассмотрения человеческой психики, сознания не как особой «бестелесной» субстанции, противопоставленной миру физических («протяженных») объектов, а как функции человеческого коллектива. Вместо картезианского абсолютного противопоставления психики и тела (мозга), выражающегося в неразрешимой психофизической проблеме, Выготский ориентируется на диалектическое противопоставление индивида и коллектива. Оставляя психику «один на один» с мозгом, невозможно объяснить ни мозг, ни психику (но именно этим и занимается большинство представителей так называемой “philosophy of mind”). Развитие высших психических функций у ребенка никак нельзя объяснить созреванием его мозга, реализацией биологически (генетически) заложенных в мозге «задатков». Равным образом это развитие невозможно объяснить и реализацией («актуализацией») душевных «способностей» или «качеств», якобы в зачаточной форме присутствующих в психике с момента появления ребенка на свет. Путь объяснения, найденный Выготским, – это анализ системы социальных отношений и деятельности коллектива, позволяющий раскрыть как единое происхождение всех высших психических функций (в фило- и онтогенезе), так и единое их строение.

Любая высшая психическая функция, говорит Л.С. Выготский, в ходе развития выступает на сцену дважды: сначала как отношение *между людьми* (интерпсихическое), а потом – как отношение *внутри психики* (интрапсихическое). Система интрапсихических отношений формируется в ходе *интериоризации* системы интерпсихических отношений. Это можно пояснить на примере формирования понятий, т.е. развития функции обобщения. Обобщение – это не только подведение предмета или явления под какую-то общую категорию, но и узнавание предмета в качестве «того же самого» в любой новой ситуации взаимодействия с ним. Любимый стол, который мы прежде не видели, благодаря обобщению мы воспринимаем именно как стол. Но и письменный стол, стоящий у нас в кабинете, мы можем иногда использовать как обеденный опять-таки благодаря обобщению. Однако понятием стола мы обладаем исключительно потому, что смотрим на стол «глазами» коллектива. Первоначально обобщение – это разделение предмета между людьми в совместной деятельности, это коллективный взгляд на предмет (интерпсихическое отношение), и лишь затем, в результате интериоризации, обобщение становится способностью человека разделить предмет с самим собой, увидеть его в контексте собственной деятельности, отнести его к той или иной категории в своей голове (интрапсихическое отношение). Другой пример – формирование воли: изначально один человек управляет другим, и только впоследствии человек начинает управлять собой сам. Только так и развиваются все высшие психические функции: сначала ребенок учится чему-то во взаимодействии с взрослым, а затем делает это самостоятельно. Функции или операции, которые ребенок пока еще выполняет с помощью взрослого, находятся, по Л.С. Выготскому, в *зоне ближайшего развития*. Когда ребенок научается выполнять их сам, они переходят в *зону актуального развития*.

Единое социальное происхождение высших психических функций необходимо оборачивается единством их *строения*. Недостаточно сказать, что интерпсихические отношения «становятся» интрапсихическими. Надо указать *средство*, при помощи которого форма отношения между людьми становится формой интрапсихического отношения. В этом средстве должны соединиться *общение* и *обобщение*: с одной стороны, оно должно служить воздействию одного человека на другого, но с другой стороны, оно должно давать возможность человеку посмотреть на предмет глазами других людей, подвести его под определенную категорию, увидеть в предмете форму возможных действий с ним. Кроме того, оно должно быть средством, при помощи которого человек станет самим собой, обретет способность посмотреть на себя со стороны и управлять собственным поведением. Наконец, это сред-

Раздел 1

ство само должно быть объектом эволюции, развития, оно должно быть частью «неорганического тела человека», т.е. системы объектов, в которых воплощаются и фиксируются формы человеческой деятельности: *раз высшие формы поведения становятся возможными благодаря культурному, а не биологическому развитию человека, то и в строении этих форм поведения «определяющим целым» должны быть единицы, имеющие не природное, а культурное происхождение.* Таким критериям отвечает только знак (в первую очередь – слово естественного языка): согласно Выготскому, все высшие формы поведения, все высшие психические функции опосредуются знаками.

Однако подход Выготского состоял не просто в том, чтобы добавить в формулу «стимул – реакция» недостающее среднее звено. Принципиально это еще ничего не решало бы, и дуализм схемы «стимул – реакция» не был бы таким образом преодолен. Точно так же, недостаточно было просто связать развитие психики человека с системой социальных отношений: ведь эта система может трактоваться как такая же внешняя по отношению к человеку (индивиду) среда, каковой является среда биологическая. И снова, тут не произошло бы преодоление дуалистической схемы «внешнее – внутреннее». Выготский, выстраивая *монистическую* психологию (как последователь Спинозы, Гегеля и Маркса), элегантно разрушает обе дуалистические схемы. Он не только показывает, как «устроены» высшие психические функции, но и обосновывает их строение их происхождением. Во-первых, в структуре высшей функции примитивная связь между стимулом и реакцией не просто устраняется или, наоборот, усложняется введением опосредующего звена: высшая структура вбирает в себя низшую, сохраняя («снимая») ее и в то же время подчиняя ее себе. Во-вторых, *происхождение* высших психических функций рассматривается как их *природа*, а это значит, что социальность, система социальных отношений не противопоставляется индивиду как внешняя среда, из которой он что-то «усваивает» в ходе развития, а трактуется как суть, как существо его психики.

Сначала человек воздействует при помощи знака на другого, а потом на самого себя. Сначала он выступает как объект такого воздействия, а потом применяет это воздействие к самому себе, становясь и его субъектом, и его объектом. И только так психические функции человека становятся произвольными, только так формируется самосознание – способность человека посмотреть на себя со стороны. Как пишет Л.С. Выготский, про животного можно сказать, что его «потянуло» к чему-то, а про палку нельзя сказать, что она «взялась» лапой обезьяны. Применение орудия – это важный шаг к произвольности функций. Но орудием мы не воздействуем на самих себя, на свой внутренний мир. Чтобы функция стала произвольной, нужно сделать самого себя объектом собственного воздействия. Единственным средством, позволяющим это сделать, является знак. Эта функция знака исчезает лишь вместе с наступлением безумия [Выготский 2000: 619]. Без знакового опосредования нет сознания и нет произвольности.

Развитие психики поэтому может быть представлено в виде естественной истории знаков:

«Новые структуры, которые мы противопоставляем низшим, или примитивным, отличаются прежде всего тем, что непосредственная слитность стимулов и реакций в едином комплексе оказывается нарушенной. ...Между стимулом, на который направлено поведение, и реакцией человека выдвигается новый промежуточный член, и вся операция принимает характер опосредованного акта. ...*в высшей структуре функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления*» [Выготский 2000: 595–596].

Еще раз подчеркнем, что этот принцип применим по отношению к абсолютно любой высшей психической функции, будь то память или мышление, воображение или воля, восприятие или внимание. И если исследователь, интроспективно рассматривая функции, которые уже прошли свое развитие (и в своей «окаменелой форме» выглядят примерно так же, как и примитивные реакции), не обнаруживает в них роли знаков, то это никак не может свидетельствовать о том, что знакового опосредования там нет. Природа и суть функции –

это история ее развития. Знаками (и в первую очередь – знаками естественного языка) «прошито» в психике всё. Это, конечно, не означает, что нет произвольных, несознательных, неоречевленных процессов. Они всегда есть, но ими не только не исчерпывается, но и никак не объясняется психология человека.

Во избежание недоразумений отметим, что можно словами действовать на предметы, а орудиями – на самих себя. Однако слово (знак) в этом случае выступает как орудие, а орудие – как знак. Оговоримся также, что знаки могут быть не только словесными. Например, при экспериментальном изучении функции опосредованного запоминания используются пиктограммы. Однако при переходе от внешнего опосредования к внутреннему, при формировании внутренней структуры функции памяти неизбежно возрастает опора именно на слова: теперь уже слово как универсальный знак оказывается средством, позволяющим вспомнить картинку (актуализировать образ), а не наоборот, не картинка позволяет вспомнить слово. Слово «шкаф» гораздо легче «перенести» из комнаты в комнату, чем хотя бы на дюйм сдвинуть с места реальный шкаф или хотя бы на пару секунд удержать в голове представление шкафа. Потому-то Выготский и говорит, что слово – это не источник, а венец развития, что «вначале было дело, а в конце – слово».

Вектор развития психологии, заданный Л.С. Выготским, позволил А.Н. Леонтьеву рассматривать *деятельность* как предмет психологии [Леонтьев А.Н. 1994: 163]. И поскольку Л.С. Выготский источник развития видит в деле, а венец – в слове, его позиция оказывается полностью защищенной от обвинений в словоцентризме. *Слово играет в развитии психики центральную роль только потому, что в слове воплощена деятельность*. Слово (знак, квазиобъект) – это и есть кристаллизованная деятельность общественного человека по отношению к одному объекту, закрепленная (воплощенная) в другом объекте. Сознательный (т.е. означающий) взгляд на вещь – это взгляд на нее глазами других людей, взгляд глазами коллектива, позволяющий увидеть в вещи форму возможной деятельности с ней. Сознательный взгляд на себя – это также взгляд глазами коллектива, позволяющий человеку увидеть себя участником коллективной деятельности. Для осознания себя, сознательного доступа к самому себе у человека нет иных средств, кроме средств доступа к другому человеку, каковыми являются знаки. Л.С. Выготский формулирует это так: «*Осознание есть общение с собой по поводу внутренней действительности*» [Записные книжки ... 2018: 412]. Сознательный взгляд по природе своей *всегда опосредован знаком*, и прежде всего – словом как универсальным знаком. При помощи знаков человек *представляет* что-то другому человеку и себе как другому; представление невозможно без знака. Последователи Л.С. Выготского формулируют это положение следующим образом.

«Если я “созерцаю” вещь глазами другого индивида, сообщающего мне свои непосредственные впечатления о ней, то я приобретаю представление. И наоборот, если я выражаю в речи созерцаемый мною факт, то это значит, что осознаю его для другого, а тем самым и для себя самого как общественно созерцающего индивида» [Ильенков 1997: 85].

«Поставленность чего-либо перед субъектом – иными словами, представление как субъективно-психологическое новообразование, – возможно лишь при овнешнении переживания жизненно значимой реальности в общезначимом средстве обращения к другому и к себе как другому» [Михайлов 2001: 88-89].

Обладающий сознанием человек «действует внутри себя общественным образом»; его психика социальна не просто по происхождению, но и *по существу*, по способу функционирования. В этом вся суть теории Л.С. Выготского.

Высшая психическая функция как развивающаяся система

Благодаря знаковому опосредованию формируются ВПФ – высшие психические функции человека (Л.С. Выготский называл их психологическими системами или высшими структурами, противопоставляя их низшим, животным формам поведения). В основе теории ВПФ лежит представление о функции как о *развивающейся системе*. Представим строительство многоэтажного дома. Каждый этаж надстраивается над предыдущим, сохраняя

принципиальные особенности организации нижних этажей. Наивный взгляд на развитие психики уподобляет ее такому дому: у ребенка формируются новые знания, навыки, функции, которые просто присоединяются к имевшимся ранее. В действительности, как показал Л.С. Выготский, все происходит иначе: строительство каждого «этажа» в психике ребенка сопровождается существенной перестройкой всех предшествующих «этажей». Элементарные функции перестраиваются и совершенствуются, формируются новые межфункциональные связи и отношения, возникают новые *психологические системы*, заступающие на место элементарных функций. Основные характеристики ВПФ – это: 1) прижизненное формирование; 2) социальное происхождение; 3) системное строение; 4) произвольная регуляция; 5) знаково-символическое опосредование; 6) системная и динамическая мозговая локализация.

По Л.С. Выготскому, ВПФ – это социальные способы поведения, которые мы применяем к самим себе. Так, исходное назначение речи – это управление другими людьми, но в ходе интериоризации мы начинаем ее использовать для управления собственным поведением. *Человек обретает себя, свои потребности, ценности, мотивы исключительно через других людей и в обращении к ним: «...через других мы становимся самими собой, и это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной функции. <...> Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предьявляет для других»* [Выготский 1983: 169].

Формирование ВПФ ребенка распределено во времени и не является линейным: разные системы и отдельные их компоненты начинают формироваться в разное время. При этом на каждом этапе развития выстраиваются новые отношения как между компонентами одной функции, так и между разными психическими функциями, а значит, меняется их мозговая локализация. Таков *принцип хроногенной мозговой локализации психических функций* Л.С. Выготского.

Из этого принципа следует, что поражение одного и того же участка мозга у ребенка и у взрослого должно оборачиваться неодинаковыми последствиями. В детском возрасте очаг поражения вызывает системное недоразвитие более высоких уровней мозговой деятельности или формирование патологических новообразований, не соответствующих нормальному развитию. У взрослого человека структура психических функций уже сформирована, и поэтому церебральный дефект приводит к нарушению только отдельных ее составляющих. Например, поражение первичных гностических зон коры у ребенка может привести к глубокому недоразвитию зрительного, слухового или кинестетического гнозиса. У взрослого человека поражение этих же зон приведет лишь к элементарным сенсорным нарушениям, т.к. функцию гнозиса уже взяли на себя вторичные и третичные зоны коры. При расстройствах развития ребенка, вызванных церебральным дефектом, больше страдают высшие мозговые центры, ближайšie к пораженному участку, и относительно меньше страдают низшие. При распаде функций у взрослого отмечается обратная зависимость: больше страдают ближайšie низшие центры, которые теперь зависят от данного участка, и относительно меньше страдают высшие центры, которым этот участок теперь подчинен.

Теория интериоризации и соотношение мысли и слова

Основной закон развития психики человека – это закон интериоризации (термин «интериоризация» был заимствован Л.С. Выготским из работ французских психологов, но наполнен принципиально новым содержанием). Когда человек записывает в блокнот план своих дел или, думая о чем-то серьезном, начинает рассуждать вслух, он выносит вовне механизмы контроля над собственной деятельностью. По Выготскому, эти механизмы изначально являются внешними, но в ходе развития «перемещаются» вовнутрь. Так, для дошкольников характерна *эгоцентрическая речь*: ребенок, играя, вслух комментирует свои действия или сам отдает себе команды. В ходе интериоризации эта речь дает начало мысленному диалогу человека с собой и речевому мышлению.

Интерииоризации подвергается то, что первоначально существовало в форме отношения между людьми. Сначала речь служит общению, а уже потом – контролю над собственным поведением. Формы совместной деятельности людей дают начало внутренним мыслительным операциям. В этом состоит ключевое отличие интерииоризации от формирования условных рефлексов у животных. Условный рефлекс, каким бы сложным он ни был, – это реакция биологического организма на раздражитель. Человек, в отличие от животного, носит в своей голове систему социальных отношений, поэтому его способ восприятия мира и поведения в нем принципиально не биологичен.

Но как происходит интерииоризация? Как «внешнее» становится «внутренним»? Вернемся снова к процессу опосредования и к истории этого процесса. Любое средство, перестроившее примитивную связь между стимулом и реакцией, парадоксальным образом стремится к исчезновению, с одной стороны, и к наибольшему воплощению собственного бытия – с другой. По Л.С. Выготскому, судьба знаков-посредников в структуре высшей психической функции может быть различной. В одних случаях это «вращивание по типу шва», когда опосредованная связь между стимулом и реакцией становится непосредственной, а посредник – «шов» – отмирает, становится ненужным. В других случаях операция переходит вовнутрь с сохранением всех своих звеньев («вращивание целиком»). Наконец, третьим и самым важным вариантом является «вращивание структуры» – перевод вовнутрь не конкретных звеньев операции, а совокупности правил ее выполнения.

Однако описываемое Л.С. Выготским «вращивание» знаков нельзя трактовать как перевод внешнего средства вовнутрь, физического – в психическое (так дуализм не преодолевается, а, напротив, устанавливается). *Интерииоризация – это формирование структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности.* Знак как носитель такой формы – это *объект особой плотности*, он всегда столь же «внешний», сколь и «внутренний»; это «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда его не позволяет нам увидеть даже самая изощренная интроспекция), а в других – неожиданно обретает свою «плотность», обращает наше внимание на свои объектные характеристики (и в этих случаях его функциональное бытие отходит для нас на задний план). Только такие «полупрозрачные» объекты обладают для нас наибольшим семиотическим потенциалом. Судьба знаков, опосредующих психические функции, судьба слова, опосредующего мысль, – стремление к такой «полупрозрачности».

Испарение знака – это испарение его объектных свойств, которое можно проследить как в ходе развития психики, так и в актуальной психической деятельности. В ходе развития психики ребенка его эгоцентрическая речь дает начало его внутренней речи, и понятно, что в целом у «внутреннего» слова остается меньше объектных характеристик, чем у «внешнего». Однако в некоторых ситуациях эгоцентрическая речь появляется и у взрослого, так что описываемое испарение знака в ходе развития – это всегда отчасти обратимый процесс. (Обратимым лишь отчасти он является потому, что структура внутренних операций, сформированная в ходе интерииоризации, в норме остается сохраненной даже при экстерииоризации тех или иных звеньев этих операций.) В актуальном функционировании знака также можно наблюдать процесс испарения: речь «испаряется в мысль», знак стремится к наибольшей прозрачности, к исчезновению, чтобы не заслонять собственное содержание.

«Внутренний» знак – это и есть знак с минимальными объектными характеристиками. Это не объект, мистическим образом перенесенный из протяженной субстанции в мыслящую. Это функция, процесс в одном объекте, подчиненный форме другого объекта. «Внутреннее» – это функциональное бытие знака, и искать его следует не в бестелесной субстанции, не в «нематериальной мысли», а в движении «мыслящего тела» по форме предметов или во «встречном движении формы вещи и формы деятельности» [Ильенков 2020]. К такому пониманию отношения между мыслью и словом, надо полагать, и шел Л.С. Выготский. Процесс воплощения мысли в речи – это *«постоянно совершающийся переход внешнего*

Раздел 1

во внутреннее и внутреннего во внешнее, действительное, а не мнимое единство и борьба противоположностей» [Записные книжки ... 2018: 293].

Путь «от мысли к слову» – это не оречевление изначально бессловесной мысли, не «ассоциация» между «готовой» мыслью и «готовым» словом, а *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь мысли внутри слова*:

«отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» [Выготский 1934: 269].

«Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [Выготский 1934: 271].

«Единицы мысли и единицы речи не совпадают. Один и другой процессы образуют единство, но не тождество. Они связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями, но не покрывают друг друга, как наложенные друг на друга прямые линии» [Выготский 1934: 311–312].

«Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов» [Выготский 1934: 313].

Развитие значений

Соответственно, Л.С. Выготский жестко критикует представления «старой» психологии, представляющей отношение между словом и значением (а значит, и между словом и мыслью) как простую ассоциативную связь. Важно подчеркнуть, что мысль не тождественна значению слова. Мысль внешне опосредуется знаками и внутренне опосредуется значениями (исчезновение объектных свойств знака, о котором мы писали выше, – это и есть воплощение его функционального бытия, т.е. актуализация значения). «Значение опосредствует мысль на пути к ее словесному выражению, т.е. путь от мысли к слову есть непрямой, внутренне опосредствованный путь» [Выготский 1934: 314]. Но отказ от позиций ассоциативной психологии в решении проблемы соотношения мысли и слова неизбежно оборачивается новой теорией значения, идеей *развития значений*.

«С точки зрения старой психологии связь между словом и значением есть простая ассоциативная связь... Ассоциация, связывающая слово и значение, может закрепляться или ослабляться, может обогатиться рядом связей с другими предметами того же рода, может распространяться по сходству или по смежности на более широкий круг предметов или, наоборот, суживать или ограничивать этот круг, ...но не может изменять своей внутренней психологической природы... Развитие смысловой стороны речи исчерпывается для лингвистики изменениями предметного содержания слов, но ей остается чужда мысль, что в ходе исторического развития языка изменяется смысловая структура значения слова, изменяется психологическая природа этого значения, что от низших и примитивных форм обобщения языковая мысль переходит к высшим и наиболее сложным формам, находящим свое выражение в абстрактных понятиях, что, наконец, не только предметное содержание слова, но самый характер отражения и обобщения действительности в слове изменялся в ходе исторического развития языка» [Выготский 1934: 262–263].

Значение предстает не как «представление предмета», «мысль о предмете» и т.п., а как *форма общения и обобщения*, которая изменяется в ходе развития языка и развития психики. Такое понимание значения становится возможным именно потому, что формирование «внутреннего» мыслится Выготским как усвоение человеком форм совместной активности людей: все интрапсихические отношения «были некогда реальными отношениями между людьми». «При всяком обобщении человек вступает в общение сам с собой, т.е. действует внутри себя общественным образом» [Записные книжки ... 2018: 412]. Значения развиваются так же, как развиваются формы отношений между людьми.

«Значение слова не константно. Оно изменяется в ходе развития ребенка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли. Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование. Установление изменчивости значений сделалось возможным только тогда, когда была

определена правильно природа самого значения. Природа его раскрывается прежде всего в обобщении, которое содержится как основной и центральный момент во всяком слове, ибо всякое слово уже обобщает» [Выготский 1934: 268].

Теория внутренней речи

Теория интериоризации, идея развития значений и анализ проблемы соотношения мысли и слова оборачиваются у Л.С. Выготского принципиально новым подходом к трактовке внутренней речи, созданием полноценной *теории внутренней речи*. Именно эта теория легла в основу модели порождения высказывания, известной как модель А.А. Леонтьева – Т.В. Ахутиной (Рябовой).

Внутреннюю речь Л.С. Выготский понимает как особый вид речевой деятельности со специфическими характеристиками, по своей природе восходящий к процессу испарения речи в мысль. Здесь, опять-таки, прослеживается четкая связь между происхождением функции и ее строением. Внутренняя речь как речь для себя генетически связана с внешней речью (речь для другого) и эгоцентрической речью. Она характеризуется сокращенностью и предикативностью, относительной независимостью семантической стороны речи от ее «фазической» стороны, преобладанием смысла над значениями, «вливанием» смыслов друг в друга (сгущение смыслов) и, наконец, текучестью, ситуативностью: «слово умирает во внутренней речи, рождая мысль» [Выготский 1934]. Внутренняя речь – это динамический момент драмы речевого мышления, драмы процессов, идущих между полюсами слова и мысли. Однако мысль – не последняя инстанция в этих процессах: за ней стоит мотивация, стоят аффективные и волевые тенденции. Соответственно, механизмы порождения и восприятия речи Л.С. Выготский представляет как «живую драму» переходов между мотивом, мыслью, внутренним словом, значениями внешних слов и внешними словами.

Представленные положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского можно сформулировать в виде ряда тезисов.

1. Все высшие психические функции человека (ВПФ) имеют социальное происхождение. Любая ВФП выступает сначала как интерпсихическое отношение, а потом – как интрапсихическое отношение. Единое происхождение ВПФ обуславливает и единое их строение: любая ВФП опосредуется знаками.

2. Знаки – это и есть главное в человеческой психике: именно они являются объектом развития, с одной стороны, и инструментом (средством) развития, с другой. История развития психики – это естественная история знаков.

3. Знаки используются человеком не только для управления другими, но и для управления самим собой. У человека нет никаких иных средств доступа к самому себе, кроме средств доступа к другим, т.е. знаков. Если осознание внешней вещи – это разделение ее с другим человеком, общение с другим, то осознание себя – это общение с самим собой, отношение к себе как к другому человеку. Никакие внутренние содержания не даны человеку непосредственно.

4. Основной принцип развития психики – это принцип интериоризации («вращения»). Интериоризация – это формирование внутренней структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности (знаками и значениями). Этот процесс характеризуется редукцией объектных свойств знаков (пример – испарение речи в мысль).

5. Формы коллективной деятельности, формы общения и обобщения не являются статичными, раз и навсегда данными. Они изменяются в ходе развития языка и развития психики (развитие значений). Природа значения раскрывается в обобщении.

6. Мышление и речь образуют единство, но не тождество. Мысль не выражается, но совершается в слове. Порождение и восприятие речи – это «живая драма» переходов между мотивом, мыслью, внутренним словом, значениями внешних слов и внешними словами.

Литература

- Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 362 с.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Издательство Московского университета, 1994. 288 с.
- Михайлов Ф.Т. Избранное. М.: Индрик, 2001. 655 с.

1.1.2. Системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева

Е.Ф. Тарасов
Москва

Общепсихологическая теория деятельности (ТД) А.Н. Леонтьева имеет фундаментальное значение для психолингвистической теории речевой деятельности (ТРД) А.А. Леонтьева, т.к. она является частнонаучной методологией для ТРД, не только задающей методологические регулятивы для последней, но и определяющей границы ее познавательных возможностей. Методологическая ориентировка ТРД на ТД создает ее особый познавательный статус, отграничивающий российские теоретические и экспериментальные работы, от психолингвистических работ хомскианской традиции и их последователей.

Без опоры на методологические принципы ТД А.Н. Леонтьева не могут быть до конца поняты сильные и слабые стороны ТРД А.А. Леонтьева.

Прежде чем мы приступим к анализу (рецепции) ТД, укажем на ее двойственную ориентацию – методологическую и теоретическую. Методологическая ориентация ТД А.Н. Леонтьева – это использование деятельностного объяснительного принципа, полагающего, что «смысл *понятий* и человеческих *представлений* порождается характером деятельности и представляют собой результат ее опредмечивания. Понимание деятельности как особого вида действительности означает, что *практика* заключается в воздействии действительности «в форме деятельности» на действительность «в форме объекта», а субъект включен в качестве специфического фрагмента действительности» [Бажанов 2009: 177]. (Концепция о двух формах действительности принадлежит И.С. Алексееву [1995].)

Теоретическая ориентация психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева состоит в том, что эта теория была сформирована в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского к анализу психики и является деятельностной интерпретацией этого подхода: если Л.С. Выготский полагал, что высшие психические функции (ВПФ) формируются в речевом общении взрослого и ребенка, то А.Н. Леонтьев уточнил эту формулировку: ВПФ ребенка формируются в совместной деятельности (СД) ребенка и взрослого, погруженной в речевое общение (РО).

Деятельностный объяснительный принцип позволяет рассматривать реальную действительность в виде деятельности, распределенной между двумя полюсами – субъектом и объектом. А.Н. Леонтьев описывает это так:

«Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованная психическим

отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Иными словами, деятельность – это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [Леонтьев 2012: 62].

Такое понимание активности человека задает схему теоретического анализа речевых сообщений: любое речевое сообщение может быть адекватно проанализировано только в качестве инструмента (орудия) воздействия субъекта на объект, и только в структуре этого воздействия, которое есть фактор, детерминирующий характеристики речевого сообщения.

Предупреждая естественный вопрос о локализации этого субъект–объектного взаимодействия, А.Н. Леонтьев с опорой на К. Маркса и Ф. Энгельса делает важный вывод:

«В каких бы, однако, условиях и формах ни протекала деятельность человека, какую бы структуру она не приобретала, ее нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует» [Леонтьев 2012: 62].

Из этого вывода А.Н. Леонтьева следует, что выключение анализируемых речевых сообщений из неречевого контекста, как это практикуется в описательной и когнитивной лингвистике, а тем более из социальных отношений коммуникантов, ставит под сомнение валидность такого подхода к анализу речи. Естественно, что исследователь речевых сообщений анализирует не реальную речь в реальных неречевых контекстах, а некоторую модель, но анализ этой модели должен позволять выносить суждения о реальных речевых процессах, иначе зачем нужна наука лингвистика.

Анализ речевых сообщений предполагает, что при смысловом восприятии речи реципиент имеет дело не со словарными значениями языковых единиц, а с их контекстуальными значениями, для обозначения которых А.Н. Леонтьев предложил словосочетание «личностный смысл» (см. ниже), который формируется в сознании реципиента путем соотнесения контекстуального значения языковой единицы с мотивом-целью деятельности, в структуре которой происходит развертывание РО и производство–восприятие речи. Если одно и то же действие входит в разные деятельности, т.е. подчиняется разным мотивам, то оно приобретает разный смысл.

Отсюда легко можно сделать вывод о требованиях учета неречевой деятельности, в которой разворачивается РО, это обязательная процедура при определении *смысла* речевых сообщений.

Теперь мы переходим к анализу основной характеристики деятельности, осмысление которой имеет первостепенное значение для лингвистики и, в первую очередь, для исследователя речевых процессов.

А.Н. Леонтьев пишет, что

«основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность. <...> Выражение “беспредметная деятельность” лишено всякого смысла. Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [Леонтьев 2012: 63].

Предмет как объект деятельности подчиняет ее, вынуждая деятеля в своем воздействии на предмет учитывать его форму и субстанцию при подборе орудия, но свойства предмета раскрываются деятелю только в результате такого воздействия, и значение конкретного культурного предмета складывается как знание о качествах его субстанции, вскрытое в воздействии на него и как знание об операциях его изготовления и использования.

Внешняя деятельность человека входит в сознание человека-деятеля «<...> своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной деятельности и ее преобразование в форму субъектности» [Леонтьев 2012: 70]. Иными словами, деятельность субъекта

Раздел 1

застывает в форме предмета, субъективная форма которого есть его образ в сознании деятеля. А образ сознания – это неязыковое сознание, для внешнего отображения которого человеку требуется вербальный язык.

Сейчас мы подходим к анализу соотношения внешней и внутренней деятельности. Проблема такого соотношения была поставлена и решена Л.С. Выготским в рамках культурно-исторического подхода к анализу психических процессов. Суть этого подхода в изложении А.Н. Леонтьева состоит в том, что орудийная (инструментальная) деятельность включена во взаимоотношения людей:

«Орудие опосредствует деятельность, связывая человека не только с миром вещей, но и с другими людьми. Благодаря этому его деятельность впитывает в себя опыт человека. Отсюда и проистекает, что психические процессы человека (его “высшие психические функции”) приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними. Но передать средство, способ выполнения того или иного процесса невозможно иначе, как во внешней форме – в форме действия или в форме внешней речи» [Леонтьев 2012: 3].

Но самое главное, по мнению А.Н. Леонтьева, в факте происхождения внутренних психических процессов из практической деятельности состоит в том, что «<...> одновременно происходит изменение самой формы психического отражения реальности: возникает сознание, рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» [Леонтьев 2012: 73]. Из общественного характера процесса формирования сознания следует,

«<...> что индивидуальное сознание может существовать только при наличии общественного сознания и языка, являющегося его реальным субстратом. В процессе материального производства люди производят также язык, который служит не только средством общения, но и носителем фиксированных в нем общественно-выработанных значений» [Леонтьев 2012: 74].

Тезис о том, что предпосылкой индивидуального сознания является существование общественного сознания, которое можно рассматривать как превращенную форму индивидуального сознания, как часть этого сознания, которое объединяет всех носителей конкретного этнического сознания, решает проблему знакового общения. Именно общественное сознание является предпосылкой знакового общения, при котором в начале связи «передаются», т.е. предлагаются для смыслового восприятия *только* тела языковых знаков, своей субстанцией никаких знаний не несущих и не передающих. Восприятие этих тел знаков для реципиента служит только толчком для конструирования им содержания из образов своего сознания, ассоциированных с воспринятыми телами знаков [Чертов 1993: 24]. Для психолингвистического анализа речевых сообщений чрезвычайно важно понимание языка как инструмента для овнешнения собственно сознания, которое есть отражение реальной действительности, осуществленное в ходе ориентировочной активности в виде образов сознания, доступных субъекту в интроспекции и служащих ему для управления своей деятельностью. «То, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык», пишет А.Н. Леонтьев [Леонтьев 1988: 38]. Образы сознания, отображающие реальную действительность – это индивидуальное сознание, формируемое личностью, условно говоря, для внутреннего потребления. Если возникает необходимость сделать содержание индивидуального сознания доступным для других, то оно «пересказывается» при помощи знаний, понятных для других носителей идентичного языка и культуры, т.е. знаний, ассоциированных с общественными языковыми знаками.

Трактуя соотношение внешней и внутренней деятельности человека, А.Н. Леонтьев писал, что

«<...> сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится. <...> Таким образом, процесс интериоризации состоит не в том, что внешняя деятельность перемещается в предсуществующий внутренний “план сознания”; это – процесс, в котором этот внутренний план формируется» [Леонтьев 2012: 74].

Понимание формирования этого внутреннего плана основывается на исследовании процесса его формирования, осуществленное Л.С. Выготским в его работе «Орудие и знак в развитии ребенка», который резюмировал свое исследование следующими словами:

«<...> если в начале развития (ребенка – *Е.Т.*) стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом. Слово, делающее действие человека свободным» [Выготский 1984: 90].

Еще сто лет тому назад Л.С. Выготский показал, что развитие языка у человека является целиком социогенным процессом:

«Между утверждением, что высшие психические функции, неотъемлемой частью которых является употребление знаков, возникают в процессе сотрудничества и социального общения, и другим утверждением, что эти функции развиваются из примитивных корней на основе низших, или элементарных функций, т.е. между социогенезом высших функций и их естественной историей, существует генетическое, а не логическое противоречие» [Выготский 1984: 16].

Этот тезис Л.С. Выготского утверждает мысль, что между низшими врожденными функциями человека и высшими психическими функциями нет никакой генетической связи – последние есть результат не природного, а социогенного развития – результат участия ребенка в совместной социогенной деятельности со взрослым.

Для психолингвистики наиболее существенную роль играет проблема значения как проблема психологии сознания. Первая задача в проблеме сознания – разделение значения и языка, имеющее решающее значение для лингвистики, где исходят из представления, что значение и слово неразрывно связаны, и только в этой связке они могут быть объектом научной лингвистики. Исходным тезисом для понимания значения является мысль А.Н. Леонтьева, что

«чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта, <...> значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность» [Леонтьев 2012: 105–106].

Процесс овладения человеком значением (сознанием) и процесс усвоения языка – это два разных процесса, хотя феноменологически (в наблюдении) – это единый процесс.

Подтверждение этой мысли находим у А.Н. Леонтьева:

«Было показано, что понятия отнюдь не формируются в голове ребенка по типу образования чувственных генерических образов, а представляют собой результат процесса присвоения «готовых», исторически выработанных значений и что процесс этот происходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает соответствующими операциями, которые в их сжатой идеализированной форме представлены в значениях.

Само собой разумеется, что первоначально процесс овладения значениями происходит во внешней деятельности ребенка, с вещественными предметами и в симпрактическом общении» [там же].

Иначе говоря, отображая реальную действительность, человек, вооруженный присвоенными знаниями общества (вскрытыми общественной практикой), формирует свое сознание, существующее в виде образов сознания. В то же время, кроме этого сознания для управления собственной предметной деятельностью, человек овладевает вербальными моделями для раскрытия своего сознания другим членам общества. С вербальными моделями ассоциировано общественное сознание, т.е. та часть индивидуального сознания, которая является, как уже упоминалось, общей для всех носителей языка и культуры.

Однако соотношение индивидуального сознания и его вербальных моделей не исчерпывает всю сложность функционирования сознания, тем более мы еще не касались этого функционирования, а пытались только сформировать некую диспозицию по отношению к этим двум формам человеческого сознания. В своем функционировании сознание оборачивается к исследователю другой своей стороной, обнаруживая две сферы своего бытования: в обществе и в индивидуальной психике.

А.Н. Леонтьев пишет:

«Эта проблема особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а, с другой – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании. <...> В результате общественно выработанные значения начинают жить в сознании индивидов как бы двойной жизнью. Рождается еще одно внутреннее отношение, еще одно движение знаний в системе индивидуального сознания. <...> Вот это-то обстоятельство и ставит психологию перед необходимостью различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта. Чтобы избежать удвоения терминов, я предпочитаю говорить в последнем случае о личностном смысле» [Леонтьев 2012: 108–109].

Понятие личностного смысла – это, пожалуй, самое важное понятие, сформированное А.Н. Леонтьевым в его теории деятельности. При помощи этого понятия устанавливается значение и значимость любого предмета в жизни члена общества. В своем РО люди оперируют не значениями предметов и знаков, а их смыслами, обнаружение которых не доступно, если речевое высказывание изолируется не только от СД и РО, где было произведено, но и от сознания коммуникантов, как это происходит при анализе речевых сообщений в теоретической и когнитивной лингвистике, где исследователь анализирует собственное языковое сознание, конструируемое при манипулировании вербальными артефактами (см., например: [Федорова 2015: 635–675]).

Жизнь реального коммуниканта неразрывно связана с его потребностями (витальными и социогенными) и предметами, их удовлетворяющими. Игнорирование лингвистами этой проблематики при анализе речевых высказываний лишает результаты их штудий всякой достоверности, хотя и практикуется ради пресловутой простоты анализа.

Анализ проблемы потребностей позволил А.Н. Леонтьеву сделать следующий вывод:

«В самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность жестко не записан. До своего первого удовлетворения потребность “не знает” своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только после такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом» [Леонтьев 2012: 142].

Мотив-предмет делает потребность предметной, т.е. делает мотив предметным, который, отражаясь в сознании деятеля-коммуниканта, приобретает качества побудителя деятельности, придающего речевым сообщениям, разворачивающимся в структуре этой деятельности, смысл достижения ее мотива. Если сюда добавить мысль, что «потребности человека порождаются развитием производства» [Леонтьев 2012: 143], то становится очевидным, что именно мотивы СД формируют человеческий характер речевых сообщений, т.е.

«они как бы “оценивают” жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих жизненных обстоятельствах, придают им личностный смысл» [Леонтьев 2012: 113].

Теперь нам нужно только сформулировать окончательный вывод, который можно представить в форме следующих тезисов.

ТД А.Н. Леонтьева, в основание которой положен деятельностный объяснительный принцип, задает онтологическую ориентировку ТРД А.А. Леонтьева, согласно которой неречевая и речевая активность коммуникантов есть интеракция членов социума, при этом каждый коммуникант полагает себя субъектом СД и в РО, отдавая партнеру роль объекта в РО и роль субъекта / сотрудника в СД.

ТРД А.А. Леонтьева основывается на культурно-историческом подходе к построению высших психических функций человека, в соответствии с которым психика человека, в том числе языковая способность – это социогенные образования. Психика человека, включая и языковую способность, формируется в ходе интериоризации СД взрослого и ребенка, погруженной в РО.

Предметность деятельности обосновывается А.Н. Леонтьевым как предпосылка формирования образов сознания, которые суть образы предметов, управляющих деятельностью по изготовлению подобных предметов.

В сознании члена социума целесообразно различать индивидуальные невербальные образы сознания, доступные субъекту сознания в интроспекции, и вербальные модели этих образов (общественное сознание), ассоциированные с общественными (социальными) знаниями.

Индивидуальные образы сознания и вербальные модели сознания (общественное сознание) – это целиком продукт общества.

Мотив деятельности – это предмет потребности человека-деятеля, придающий личностный смысл вербальным и невербальным значениям всех предметов, действий, явлений, вовлеченных в эту действительность.

Литература

Алексеев И.С. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М.: Руссо, 1995. 528 с.

Бажанов В.А. Деятельностный подход // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.6. Научное наследство / Под ред. И.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. 400 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Вестник МГУ. Сер. Психология. 1988. № 3. С. 6–25.

Федорова О.В. Типология референциальных конфликтов (экспериментальные исследования) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.

Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. 388 с.

1.1.3. Теория системной динамической мозговой локализации высших психических функций А.Р. Лурии

И.В. Журавлев
Москва

Ключевым противоречием в формировании представлений о связи между мозговыми процессами и психическими функциями (в т. ч. речью) является противоречие между двумя позициями. Позиция узкого локализационизма предполагает возможность обнаружения областей коры головного мозга, отвечающих за ту или иную «способность». Позиция антилокализационизма подразумевает отсутствие жесткой привязки функции к структуре (области мозга). А.Р. Лурия, будучи учеником Л.С. Выготского, развивал его представления о высших психических функциях (ВПФ) как развивающихся психологических системах, имеющих в мозге хроногенную (т.е. меняющуюся в ходе развития) локализацию. Кроме того, А.Р. Лурия опирался на теорию функциональных систем П.К. Анохина, представляя функциональную систему как морфофизиологическую основу ВПФ. Теория системной динамической мозговой локализации ВПФ, разработанная А.Р. Лурией, снимает противоречие между позициями узкого локализационизма и антилокализационизма, представляя функцию не как изолированную «способность», а как систему, включающую разные звенья и опирающуюся на совместную работу целого ряда участков мозга:

«высшие психические функции как сложные функциональные системы не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры или в изолированных клеточных группах, а должны охватывать сложные системы совместно работающих зон, каждая из которых вносит свой вклад в осуществление сложных психических процессов и которые могут располагаться в совершенно различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга» [Лурия 2002: 77].

Принципиальным моментом в теории А.Р. Лурии является положение Л.С. Выготского о социальном происхождении и знаковом опосредовании ВПФ. Знаковое опосредование позволяет связать между собой процессы, которые биологически между собой никак не связаны; соответственно, в функциональную систему в качестве ее звеньев могут включаться участки мозга, связь между которыми не предусмотрена биологически. Идея о функциональных связях между участками мозга, формирующихся в ходе социализации человека, во многом предвосхищает современное учение о нейронных сетях, оставаясь в сравнении с ним существенно более глубокой.

Если мозг не предоставляет каждой психической функции отдельную «комнату», то это еще не значит, что любая структура мозга может выполнять любую работу. Как говорил А.Р. Лурия, у разных мозговых структур есть «собственные функции», собственные принципы работы. В деятельности мозга можно выделить ряд структурно-функциональных единиц, для обозначения которых А.Р. Лурия ввел понятие «нейропсихологический фактор». Например, при поражении нижней теменной области левого полушария больной путает близкие по произношению звуки («патон» вместо «батон») или вообще не находит нужной артикуляции, не может опознавать предметы на ощупь, не способен с закрытыми глазами опознать свои пальцы. В данном случае страдает корковый анализ двигательных импульсов: больной не способен совершать движения, поскольку «не знает», в каком положении находятся его двигательные органы (в том числе – органы, ответственные за произношение звуков). Анализ двигательных импульсов (кинестетический анализ), выполняемый нижнетеменной зоной коры – это и есть *нейропсихологический фактор*, нарушение которого ведет к формированию нижнетеменного синдрома. Важно, что у больного будут страдать разные функции (устная речь, письмо, чтение, праксис позы), но нарушенный фактор в данном случае будет один.

Выделены разные нейропсихологические факторы: модально-специфические факторы, нарушение которых приводит к различным агнозиям, фактор инертности-подвижности нервных процессов, фактор пространственного и квазипространственного анализа и синтеза, факторы межполушарного взаимодействия и др. Все они соотносятся с определенными мозговыми структурами. Нарушение того или иного нейропсихологического фактора ведет к формированию *нейропсихологического синдрома*. В нейропсихологической школе А.Р. Лурии разработан *метод синдромного анализа*, позволяющий определить, как связаны между собой различные симптомы, наблюдаемые у больного, и найти их общее основание – нарушенный нейропсихологический фактор.

Для психолингвистики первостепенное значение имеет подход А.Р. Лурии, его коллег и учеников к решению проблемы мозговой локализации функции речи. Однако здесь следует отметить важный момент. Задача, которую ставили перед собой занимавшиеся этой проблемой исследователи XIX и начала XX века, заключалась в том, чтобы для процессов, казавшихся хорошо изученными, обнаружить мозговой субстрат, т.е. ответить на вопрос о том, какая структура мозга за какой процесс отвечает. Однако попытки решения этой задачи обернулись пересмотром понятия функции; движение от функции к структуре оказалось необходимым дополнить обратным движением от структуры к функции. Было обнаружено, что функция речи (как и любая другая психическая функция) не представляет собой некую неразложимую «способность», за которую отвечает локальный участок мозговой ткани, а должна представляться как многоуровневая система из различных звеньев, часть из которых имеет жесткую, а часть – пластичную мозговую локализацию. Изучение мозговой организации функции речи привело к формированию новых представлений о том, как «устроена» сама эта функция; данные нейропсихологии речи (наряду с данными общей психологии) легли в основу модели порождения речи, сформированной в Московской психолингвистической школе.

А.Р. Лурия и его коллеги строили нейропсихологию речи как на материале нормы, так и на материале патологии. Огромный пласт данных был получен при исследовании боль-

ных с разными видами афазий (нарушений речи при локальных поражениях мозга). Метод синдромного анализа, разработанный А.Р. Лурией, позволил создать собственную классификацию афазий и указать для каждого вида афазии нарушенный нейropsychологический фактор, лежащий в ее основе. Нужно подчеркнуть, что афазии обычно входят в состав более сложных синдромов, вызванных нарушением того или иного нейropsychологического фактора (или группы факторов).

Кратко охарактеризуем основные виды афазий по данным А.Р. Лурии и его учеников [Лурия 1975; Цветкова 2002; Ахутина 2014].

Динамическая афазия возникает при поражении областей лобной доли левого полушария, расположенных впереди от «зоны Брока». Больные лишаются способности спонтанно говорить, строить высказывание, переходить от одного слова к другому, хотя повторение слов, воспроизведение речевых стереотипов у них сохранно. Данная форма афазии связана с нарушением активного построения схемы высказывания во внутренней речи.

Эфферентная моторная афазия – более грубое нарушение спонтанной речи, связанное с поражением задней части третьей лобной извилины левого полушария («зоны Брока»). Человек не может переключаться с одной артикуляции на другую, т.е. переходить от звука к звуку; вторично нарушается построение схемы высказывания. Основным механизмом развития данной формы афазии – это нарушение кинетической (моторной) программы и грамматического структурирования высказывания.

Афферентная моторная афазия возникает при поражении нижних отделов постцентральной области коры левого полушария. Больной не может подобрать правильную артикуляцию, путает звуки, не находит правильное положение губ и языка при произнесении слов. Механизмом этого расстройства является нарушение коркового анализа двигательных импульсов, приводящее к невозможности выбора артикуляции по кинестетическим признакам.

При рассмотренных афазиях нарушается прежде всего экспрессивная речь. Однако если динамическая и эфферентная моторная афазии связаны с поражением *передних отделов* коры левого полушария, отвечающих за комбинацию элементов и построение «цепочек» (синтагматика), то афферентная моторная афазия – с поражением *задних отделов*, ответственных за извлечение (выбор) элементов из системы категорий (парадигматика).

При локализации очага поражения в височных и теменно-затылочных отделах коры левого полушария возникают афазии, характеризующиеся прежде всего нарушением понимания речи. Однако экспрессивная речь при таких афазиях тоже может страдать.

При *сенсорной афазии* очаг поражения локализуется задней трети левой верхней височной извилины («зоны Вернике»). Больной не понимает слышимую речь. Иногда он может повторить воспринятое слово, но не понимает его значения. Центральным механизмом развития данной афазии является нарушение фонематического слуха: звуки слышимой речи перестают различаться и восприниматься как речевые. Собственная речь больного в тяжелых случаях становится бессвязной, превращаясь в «словесный салат». Нарушается выбор звуков по фонетическим признакам, а также выбор слов по звуковой форме.

Акустико-мнестическая афазия возникает при поражении коры второй височной извилины левого полушария. Больной не удерживает в памяти длинную фразу или цепочку слов, а также не может подобрать правильное слово при назывании предметов и явлений. Механизмом этой афазии является снижение объема слухоречевой памяти и нарушение связи слова с предметным образом. При этом нарушается выбор слова на основе звуковых следов (по звучанию).

Семантическая афазия связана с поражением теменно-височно-затылочных отделов левого полушария. Человек с такой формой афазии не понимает логико-грамматических отношений; кроме того, у него резко затруднена актуализация значения слова в системе категорий (нарушены системные связи слова). Нарушен выбор слов по значению, но предметная отнесенность слова сохранна. Механизм этой афазии связан с нарушением симультанного пространственного и квазипространственного анализа и синтеза.

При всех афазиях, проявляющихся в первичном нарушении понимания речи, в той или иной форме страдает механизм выбора слов. Это значит, что процессы понимания речи связаны с процессами ее порождения. Важно также подчеркнуть, что при любых нарушениях речи обычно в той или иной мере выражены нарушения других психических процессов – восприятия, мышления, воображения, памяти, планирования и контроля психической деятельности в целом. При разных афазиях подобные нарушения могут быть разными, входя в состав того или иного нейропсихологического синдрома как первичные, вторичные или третичные симптомы.

Модель и теория порождения речи, сформированная в Московской психолингвистической школе, восходит к разработкам Л.С. Выготского (теория ВПФ, теория мышления и речи, учение о внутренней речи) и А.Р. Лурии (теория системной динамической мозговой локализации ВПФ, нейропсихология речи, афазиология). Л.С. Выготский представлял путь от мысли к слову как «живую драму», в которой движение идет от мотива, порождающего мысль, к оформлению мысли, ее опосредствованию во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах. В модели порождения речи, предложенной основателем отечественной психолингвистики А.А. Леонтьевым и ученицей А.Р. Лурии, нейропсихологом Т.В. Ахутиной, эти положения Выготского были конкретизированы в [Леонтьев 1969; Ахутина 1989; Ахутина 2014]. Очень кратко обрисует эту модель (различий в концепциях А.А. Леонтьева и Т.В. Ахутиной здесь мы касаться не будем).

Когда мы что-то говорим, мы движимы мотивом: мы хотим что-то сделать. Для этого необходимо сформировать образ потребного будущего (речевую интенцию), построить внутреннюю программу высказывания и реализовать ее во внешней речи.

На уровне *внутренней программы* строится схема высказывания во внутренней речи, происходит отбор слов по их смыслу, т.е. значению для самого говорящего. Этот механизм страдает при *динамической афазии*.

На следующем уровне происходит *семантическое структурирование*: необходимо отобрать те или иные слова из сетки языковых значений. Этот механизм нарушается при *семантической афазии*.

Далее нужно построить *грамматическую структуру предложения* и *отобрать слова по их звуковой форме*. Первый процесс первично страдает при *эфферентной моторной афазии*, второй – при *сенсорной* и *акустико-мнестической афазии*.

Наконец, необходимо построить *программу речевых движений* и *подобрать нужные артикуляции* для произнесения звуков. Первый процесс нарушается при *эфферентной моторной афазии*, второй – при *эфферентной моторной афазии* (выбор артикуляций по кинестетическим признакам) и *сенсорной афазии* (выбор звуков по фонетическим признакам).

Кроме того, говорящему нужны механизмы *слухового контроля* собственной речи, которые нарушаются при *сенсорной афазии*.

Все эти механизмы было бы невозможно описать, не опираясь на единый теоретический аппарат и не объединяя экспериментальные данные и клинические наблюдения, полученные как на материале нормы, так и на материале патологии.

Теоретические разработки А.Р. Лурии, его коллег и учеников вылились в создание *нейропсихологии нового типа* [Хомская 2010] – науки о мозговой локализации психических функций человека, объясняющей соотношение психики и мозга принципиально иначе, чем это делается в западных нейропсихологических концепциях. Нейропсихология А.Р. Лурии основана на общепсихологической теории Л.С. Выготского, которая до сих пор является передовой психологической теорией и обладает огромным методологическим и объяснительным потенциалом. Одно из ключевых положений данной теории заключается в том, что, хотя психические функции обеспечиваются деятельностью мозга, их источником является не сам мозг, а активность человека во внешней предметной и социальной среде. Функциональные связи в мозге – это отражение связей, выстраивающихся в человеческой деятельности.

Литература

- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики, М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.
- Ахутина Т.В.* Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Издательство Московского университета, 1989. 216 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1975. 253 с.
- Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Academia, 2002.
- Хомская Е.Д.* Нейропсихология: учебник для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010. 496 с.
- Цветкова Л.С.* Афазиология: современные проблемы и пути их решения. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 640 с.

1.1.4. Творческий путь А.А. Леонтьева – история теории речевой деятельности

Е.Ф. Тарасов
Москва

Этот параграф посвящен анализу научной деятельности А.А. Леонтьева, направленной на создание теории речевой деятельности (ТРД), отечественному варианту психолингвистики (ПЛ). Мы попытаемся показать А.А. Леонтьева не только как создателя ТРД, но и как ее умелого и неутомимого пропагандиста.

Оглядываясь на путь А.А. Леонтьева, пройденный им в науке, можно только удивляться его плодовитости и настойчивости в распространении знаний о ТРД: есть мало оснований сомневаться в том, что без его творческой и проповеднической активности мы не имели бы возможности создать труд под названием «Российская психолингвистика».

Для правильного понимания роли А.А. Леонтьева в создании ТРД нужно постараться вспомнить атмосферу начала шестидесятых годов, царившую в лингвистике.

Научный лингвистический ландшафт тех лет довольно пустынен: немногие ведущие журналы печатали статьи, излагавшие результаты сравнительно-исторических исследований в духе работ XIX века, а также статьи младограмматического толка, рецепция сосюровской лингвистики только начиналась, брошюра О.С. Ахмановой «О психолингвистике» [Ахманова 1957] большой популярностью не пользовалась.

Время формирования ТРД можно было бы обозначить от начала шестидесятых годов XX века и до настоящего времени, если полагать, что время жизни научной теории – это время ее совершенствования, ибо в противном случае она умирает. Но такое суждение будет не совсем точным: ТРД в основных своих частях была сформирована за 15–20 лет и причем, как это ни странно, усилиями практически одного человека, поддержанного не очень многими учениками и соратниками.

Нужно специально подчеркнуть, что это была не столько организационная активность А.А. Леонтьева, сколько теоретическая и публикационная активность, результатом которой явилась сформированная ТРД, получившая описание в многочисленных журнальных и книжных публикациях.

Легко обнаружить, что публикационная активность А.А. Леонтьева в эти 15–20 лет интенсивного формирования ТРД имела две цели: с одной стороны, познакомить отечественных лингвистов с зарубежными психолингвистическими работами, которые были проанализированы корректно, но строго, а, во-вторых, сформировать объект, предмет ТРД и познакомить с этой теорией лингвистов, делая акцент на пропаганду идей теории деятельности А.Н. Леонтьева и идей культурно-исторического подхода к психике человека Л.С. Выготского.

При этом обращает на себя внимание беспрецедентное знание зарубежных психолингвистических работ и хорошее владение понятийным аппаратом психологической теории деятельности (ТД) А.Н. Леонтьева и культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Это объясняется близостью к отцу, одному из создателей ТД, который с сочувствием относился к занятиям сына: статью «Общее понятие о деятельности» А.Н. Леонтьев написал для знаменитой книги «Основы теории речевой деятельности» [Леонтьев А.Н. 1974] по просьбе сына (см. ниже).

Первая большая работа, в которой А.А. Леонтьев поставил вопрос о создании ТРД, было «Слово в речевой деятельности» [Леонтьев А.А. 1965].

Центральной проблемой в этой книге стала проблема объекта в лингвистике, актуальность которой возникла из-за неопределенности в понимании этой важнейшей категории, эта неопределенность стала следствием рецепции категорий сосюррианской лингвистики. Эта проблема стала актуальной, потому что объект лингвистики и ТРД как стыковой дисциплины должен быть общим. Такой объект – систему речевых действий, т.е. речевую деятельность А.А. Леонтьев сформировал, проанализировав практически все существовавшие в то время точки зрения лингвистов, увлеченных системным подходом.

В 1967 году вышла небольшая (всего 118 страниц) книга «Психолингвистика» [Психолингвистика 1967], в которой А.А. Леонтьев предпринял беспрецедентную, как уже упоминалось, попытку сделать обзор практически всех, зарубежных психолингвистических работ того времени во всех странах, где подобное исследования осуществлялись. Примечательна первая глава этой книги, носящая название «От Штейнталя до Скиннера», в которой А.А. Леонтьев, определяя форму языка, цитирует В. Гумбольдта:

«это, с одной стороны, звук вообще, с другой – совокупность чувственных впечатлений и самостоятельных душевных движений, которые предшествуют образованию понятия с помощью языка» (цит. по: [Леонтьев А.А. 1967: 7]).

Эта простая, но чрезвычайно глубокая мысль В. Гумбольдта, мимо которой прошло большинство лингвистов, представляется, недооцененной и не до конца понятой, но она по сути дела раскрывает цель функционирования человеческого языка. В терминах теории языкового сознания мысль В. Гумбольдта может быть понята как утверждение о том, что чувственным восприятием начинается формирование образов неязыкового сознания, которые затем моделируются при помощи языковых средств, ассоциированных со знаниями общества.

А.А. Леонтьев начинает анализ проблем психолингвистики с творчества В. Гумбольдта не только потому, что это начало научной лингвистики, а потому что с именем В. Гумбольдта и его учеников Г. Штейнталя и А.А. Потемни связаны попытки психологического объяснения языковых явлений, подхваченные в отечественной лингвистике И.А. Бодуэном де Куртене, а за рубежом Л. Блумфилдом и психологами – бихевиористами.

Появляется соблазн истолковать цель первой главы как утверждение вполне прозрачной мысли о том, что появление психолингвистики в середине XX века было закономерным и неизбежным.

Эта мысль находит подтверждение и при знакомстве с обзором психолингвистических работ в США, Франции, Германии и Японии.

Глава «Психолингвистические исследования в СССР» начинается с краткого, но достаточно глубокого экскурса в советскую психологию 20-х годов с целью показать научный контекст для развернутого анализа идей Л.С. Выготского, которые А.А. Леонтьев трактовал как частнонаучную методологию для ТРД.

Позиция А.А. Леонтьева как аналитика взглядов Л.С. Выготского на формирование высших психических функций может быть охарактеризована как позиция последователя. Слова Л.С. Выготского:

«Психика человека формируется как своего рода единство физиологических *предпосылок* и знаковых, внечеловеческих *средств*. Лишь усваивая эти средства, присваивая их, делая их частью своей личности, человек становится сам собой, становится человеком» [Выготский 1956: 9],

А.А. Леонтьев резюмирует следующим выводом

«<...> “психологические орудия”, включая язык, есть не только средство воздействия общества на его членов, но и средство формирования психики каждого из них. Сам факт существования человеческого сознания есть следствие опосредованного характера психической деятельности человека» [Леонтьев 1967: 80].

К идеям Л.С. Выготского, как и к взглядам А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии, развивавшим эти идеи, А.А. Леонтьев будет обращаться неоднократно, но в этой небольшой книге уже практически обозначена программа построения ТРД.

В 1969 году вышла книга А.А. Леонтьева «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания», которая представляет собой реплику текста его докторской диссертации, защищенной годом ранее.

По своему значению в процессе создания ТРД как основной творческой задачи автора эта работа занимает особое место. Автор исходил из вполне здоровой мысли о том, что любой исследователь для успешной теоретической работы должен учитывать теоретический и экспериментальный «фон» конкретной дисциплины. Учитывая слабое знакомство отечественных лингвистов с конкретными экспериментальными психолингвистическими работами за рубежом, А.А. Леонтьев предпринял попытку критического обзора зарубежных работ в этой области.

Этот шаг позволил А.А. Леонтьеву избежать чистого теоретизирования, а делать свои выводы, опираясь на конкретный анализ многих экспериментальных работ.

Теперь мы переходим к последней главе этой неординарной книги. Последняя, пятая, глава отдана под изложение модели языковой способности, которая строится при соблюдении следующих принципов.

Первый принцип – *анализ по единицам, а не по элементам*. В соответствии с этим принципом минимальной единицей анализа является

«элементарное действие, эквивалентное элементарной “клеточке” деятельности, обладающее всеми признаками деятельности» [Леонтьев 2007: 263].

Второй принцип – *трехчленность процесса деятельности* (фаза планирования, фаза реализации и фаза сопоставления запланированного и полученного результата [Леонтьев 2007: 264]).

Далее, это *целенаправленность и мотивированность* деятельности; иными словами, всякая деятельность или ее «клеточка», помимо некоторых структурных характеристик, характеризуется:

- а) конечной и промежуточной *целью*, поставленной предварительно,
- б) стимулирующим деятельность *мотивом* или системой мотивов.

Наконец, это иерархическая организация психофизиологической обусловленности деятельности» [Леонтьев 2007: 264].

А.А. Леонтьев вслед за Т.В. Ахутиной-Рябовой предлагает следующую последовательность действий при производстве речи

«а) программирование грамматико-семантической стороны высказывания; б) грамматическая реализация и выбор слов; в) моторное программирование компонентов высказывания (синтагм); г) выбор звуков; д) “выход”» [Леонтьев 2007: 265].

В 1974 году А.А. Леонтьев издает первую крупную работу, подготовленную коллективом сотрудников Группы психолингвистики и теории коммуникации, который трудился под его руководством. Это «Основы теории речевой деятельности» [1974].

Первая цель этой работы – познакомить будущих психолингвистов с позицией Московской психолингвистической школы «по ряду кардинальных вопросов». Вторая цель этой коллективной монографии – создать своеобразный справочник, содержащий в сжатом виде сведения, необходимые для комплексного исследования речи. Третья цель книги – служить в определенной мере учебником для начинающих психолингвистов.

Раздел 1

Первая глава «Общее понятие о деятельности» принадлежит перу А.Н. Леонтьева и содержит уже сформированную ТД, которая год спустя выйдет в расширенном виде, в форме книги «Деятельность. Сознание. Личность» [Леонтьев А.Н. 1975].

Вторая глава «Речевая деятельность», написанная А.А. Леонтьевым, ориентирована в согласии с целью монографии на пропаганду теории производства и восприятия речи, ранее сформированную в работе «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания». Третья глава «Факторы вариативности речевых высказываний» содержит адаптацию представлений о структуре предметной деятельности к речевым процессам.

Результатом анализа, осуществленного в этой главе, явился вывод о возможности исследования речи при помощи понятий, отображающих структуру неречевой деятельности. Остальные главы содержали анализ проблем методологии (в которой нуждалась молодая российская психолингвистика), собственно психолингвистики, теории речевой коммуникации.

Для создания этой этапной работы А.А. Леонтьеву удалось создать коллектив единомышленников, состоящий уже из сотрудников Группы психолингвистики и теории коммуникации, а также отечественных лингвистов, специализирующихся на анализе речи.

Образцом пропаганды идей психолингвистического анализа речи может служить небольшая брошюра «Психолингвистика за рубежом» [1972], которая содержала переводы наиболее информативных работ зарубежных психолингвистов.

А.А. Леонтьев переходит в Институт русского языка имени А.С. Пушкина, и с этого времени начинается интенсивная серия работ, ориентированная на применение идей ТРД в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ). В начале серии этих работ лежит небольшая книга «Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки)», затем последовали «Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи» (1972); «Лекция как общение» (1974); «Педагогическое общение» (1979); «Психологический портрет лектора» (1979); «Педагогическое общение» (2-е изд., 1996).

Цикл работ по психолингвистическому обоснованию преподавания РКИ логично завершает книга «Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии» (2003), содержащая ранее опубликованные работы, но подобранные и сгруппированные самим автором.

В первую очередь естественно обратить внимание на разделы «Значение и смысл», «Язык, речь, текст», «Психология обучения языку и педагогическая психология», «Этнопсихология и социальная психология», т.к. автор организовал эти разделы в соответствии с целью, которую он преследовал всю свою творческую жизнь: создание ТРД и пропаганда идей этой единственной на сегодняшний день наиболее адекватной теории, объясняющей производство и восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение.

Последняя прижизненная крупная работа А.А. Леонтьева «Деятельный ум» [2001] содержит часть 2. «Деятельность как психологическое понятие», где автор делает попытку исторического анализа становления ТД в работах А.Н. Леонтьева и его учеников.

До настоящего времени издаются два его учебника «Основы психолингвистики», и «Психология общения», которые пользуются популярностью у студентов и служат воспитанию новых поколений психолингвистов.

Литература

- Ахманова О.А. О психолингвистике. М., 1957. 64 с.
- Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1965. 246 с.
- Леонтьев А.А. Психолингвистика. Л.: Наука, 1967. 118 с.
- Леонтьев А.А. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М.: Знание, 1972. 39 с.
- Леонтьев А.А. Лекция как общение. М.: Знание, 1974. 40 с.

- Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А.А. Педагогическое общение. Серия «Педагогика и психология». Новое в жизни, науке, технике. 1979. № 1. М.: Знание, 1979. 47 с.
- Леонтьев А.А. Психологический портрет лектора. М.: Знание, 1979. 47 с.
- Леонтьев А.А. Педагогическое общение. 2-е изд., переработ. и дополн. М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 96 с.
- Леонтьев А.А. Психология общения. Сер. «Психология для студента». Изд. 2, испр. и доп. М.: Смысл, 1997. 365 с.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум. М.: НПФ «Смысл», 2001. 252 с.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд. испр. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
- Психолингвистика за рубежом. Ред. А.А. Леонтьев и Л.В. Сахарный. М.: Наука, 1972. 126 с.

1.1.5. Теория деятельности как теоретическая основа отечественной психолингвистики

В.А. Пищальникова
Москва

Деятельностный подход в психолингвистике формируется под влиянием идей немецкой классической философии и философии языка В. фон Гумбольдта, а также под воздействием общей теории психической деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и др.

Категория деятельности в философии

Философские представления о деятельности многочисленны и разнообразны. И. Кантом, И. Фихте, Ф. Шеллингом и особенно четко Г.В.Ф. Гегелем было сформулировано понятие деятельности как *объяснительного принципа*, который сменил понятие природы как первоосновы любого познания действительности.

И. Кант в учении о явлениях и вещах в себе (*Ding an sich*) различает

«в явлении то, что по существу принадлежит наглядному представлению и имеет значение для всякого человеческого чувства вообще, от того, что принадлежит ему лишь случайно, так как имеет значение не в отношении к чувственности вообще, а только *в отношении к особому положению или организации того или иного чувства*. О первом познании говорят, что оно представляет вещь в себе, а во втором – что оно представляет только явление этой вещи» [Кант 1994: 63] (курсив мой. – В.П.);

причем «в чувственном мире мы везде, даже и при глубочайшем исследовании его предметов, имеем дело только с явлениями» [цит. раб.: 64]. Познаваемые явления образуют сферу возможного бесконечного опыта. Знание – это синтез ощущения и понятия, причем в этом синтетическом единстве ощущение играет доминантную роль.

И.Г. Фихте утверждал, что всякая реальность – продукт *деятельности* сознания: «Объект ... не ощущается и не созерцается, а только мыслится» [Фихте 2000: 396]; при этом «сознание не есть простое безжизненное и страдательное зеркало, отражающее внешние предметы... оно само по себе обладает жизненной силой» [цит. раб.: 397]. «Вещей в себе» нет, поскольку у природы с познавательной точки зрения нет независимого от человека существования, нет самостоятельной ценности: «внешнее восприятие есть своеобразно и самостоятельно в себе самой покаяющаяся жизнь сознания» [цит. раб.: 399]. По И. Фихте, в основе человеческого знания лежит акт действия – *чистая деятельность*, которая не предполагает никакого объекта, а производит его сама. В этом акте действие становится непосредственно делом. «Чистый акт деятельности, где тождественны “Я” как действующее начало и результаты деятельности, объект и процесс деятельности, рефлексия и объективация, и представляет для Фихте единственную абсолютную реальность» [Постовалова 1982: 22].

Диалектика бесконечного процесса творческого самополагания «всеобщего самосознания» – «Я» была воспринята в переработанном виде Ф.В.Й. Шеллингом и Г.В.Ф. Гегелем. Гегель, создатель систематической теории диалектики, полагал, что история человечества – это постепенная реализация абсолютной идеи, которая является универсальной схемой творческой деятельности мирового духа. Главной характеристикой этой деятельности является развитие. При этом мышление – творец духовного богатства, вечная, вневременная схема творческой деятельности вообще. Дух просыпается как активная творящая сила в человеке в виде языка [Гегель 1978].

Ф. Шеллинг испытал сильнейшее влияние идей И. Фихте, но рассматривал природу не как средство реализации нравственной цели, не как материал практического разума, а как самостоятельную реальность, форму бессознательной жизни разума. Назначение природы, по Ф. Шеллингу, – порождение сознания.

Таким образом, деятельностный подход в философии – это способ анализа, предметом которого является *отношение* между субъектом и объектом, отношение человека к природе и к людям, опосредованное его деятельностью.

Понятие деятельности активно используется в современной теории познания. Деятельность рассматривается как специфическая реальность, при этом выявляется отношение этой реальности как определенной формы бытия к бытию в целом, вырабатываются представления об общей и формальной структурах деятельности и ее типах. Категория деятельности используется в философских концепциях и как объяснительный принцип, и как специфический акт отношения субъекта к объекту. Трактовки деятельности отличаются пониманием субъекта деятельности и пониманием природы деятельности.

Но общепсихологическая теория деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и др. опирается прежде всего на понимание деятельности, представленное в работах классиков марксизма, и в свое время Е.Ф. Тарасов детально рассмотрел философскую доктрину К. Маркса, связав определение категорий «деятельность», «общение», «общественные отношения» и «сознание личности» с необходимостью уточнения деятельностной психологической парадигмы и разграничением

«понятийных систем различных уровней анализа: категории методологического уровня иногда без необходимого осмысления используются на теоретическом уровне в специальных дисциплинах, общенаучные понятия фигурируют в качестве методологических категорий и т.п.» [Тарасов 1986: 97].

Е.Ф. Тарасов отмечает, что задача деятельностного объяснения истории философии была сформулирована в «Тезисах о Фейербахе»:

«Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [Маркс, Энгельс 1956: 1].

В марксизме деятельность – это диалектическое единство взаимопроникающих и противоположно направленных процессов опредмечивания и распредмечивания. В своем наиболее «чистом» виде деятельность рассматривается как всеобщий способ бытия человеческой культуры. Связь деятельности и предметности описывается в различно понимаемых терминах опредмечивание/распредмечивание, а также отчуждение/овладение (присвоение). В деятельности происходит, по К. Марксу, ее «угасание в продукте»; форма деятельности превращается в «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*), в форму бытия. В деятельности осуществляется постоянный процесс перехода из форм деятельности в формы предметности. В этом процессе опредмечиваются представления, которые побуждают, направляют, регулируют деятельность субъекта. В продуктах деятельности запечатлеваются новые формы существования этих представлений в виде предметов (чувственно воспринимаемых объектов), которые, в свою очередь, становятся/могут становиться объектами познания. Здесь существенным оказывается понятие превращенной формы, связанное с пониманием опредмечивания как преобразования действующей способности человека в форму предмета, то есть

«процесс превращения свойств субъекта деятельности, выступающих в виде характеристик его способность действия, его движения и жизни, в *свойства объекта деятельности*, в характеристики, которые передаются человеком предмету и *получают новую форму существования, неотделимую от своего предмета-носителя*» [Маркс, Энгельс 1956: 560–563, 566] (курсив мой. – В.П.).

Распредмечивание (идеализация) – обратный процесс перехода из форм предметности в форму живой человеческой активности, в действующую способность. Важно подчеркнуть, что распредмечивание – не утрата свойств предметности, а только способ идеального представления этой предметности в деятельностном процессе. Идеализация – не просто чувственная проекция действительности; идеальное – не свойство, а философская экспликация абстрагирующей способности психики. Это мысленное превращение одних вещей в другие без их физической трансформации. По Э.В. Ильенкову, идеальное – форма вещи, но вне этой вещи. В этом смысле идеальное значение слова. Под «идеальностью» или «идеальным» понимается

«то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его измерениях, во всех его эмпирически очевидных вариациях» [Ильенков 1979: 131].

Деятельностный подход к исследованию общения предполагает его анализ в структуре деятельности. Это означает также, что общение, рассматриваемое как человеческий способ отношения людей друг к другу, является деятельностным отношением, то есть разворачивается по той же схеме, что и деятельность: структура деятельности и структура общения содержит субъект и объект. Объектом деятельности является природа, объектом общения – человек.

Именно эти исходные философские положения обуславливают направление исследования *общения* в рамках отечественной психолингвистической парадигмы.

Специфическое представление о деятельности обнаруживается в трудах В. фон Гумбольдта. Обращение к идеям В. фон Гумбольдта исследователи связывают, прежде всего, с тем, что структурализм, много лет господствовавший в лингвистических исследованиях, по сути не мог интерпретировать социальные функции языка, и тогда на смену «семиотическому формализму» [Постовалова 1982: 4] закономерно приходит антропоцентрический взгляд на язык. Такой взгляд, акцентируя неустранимость «человеческого фактора» в процессе познания, смещает фокус исследования с языковой имманентной структуры на взаимоотношение языка и человека в определенной культуре. Вполне органично язык начинает рассматриваться как деятельность.

Однако деятельностные представления о языке не отличаются единообразием. Как правило, они представляют собой редукцию программы В. фон Гумбольдта или даже некую альтернативную теорию, сформулированную по принципу отталкивания от исходной позиции. Практически каждая интерпретация концепции В. фон Гумбольдта – это специфический вариант построения лингвистической теории на базе его философии языка, при этом возможно несколько способов интерпретации исходной концепции: (1) «онтологически наивная» позиция, отождествляющая интерпретатора и автора интерпретируемого текста. Интерпретатор «доставляет» концепцию, включая в нее недостающие, по его мнению, элементы. Рефлексия над основаниями собственной деятельности в этом случае практически отсутствует; (2) сознательная реконструкция интерпретируемой концепции; (3) критика фрагментов концепции и выявление возможностей их включения в собственное теоретическое построение [Постовалова 1982: 7].

Почему так часто исследователи обращаются к анализу концепции В. фон Гумбольдта? Во-первых, В. фон Гумбольдт сформулировал антиномии языка, отразившие сложность, противоречивость и неоднозначность языковых феноменов, а, следовательно, и способов

Раздел 1

формирования теоретических представлений о языке. Это антиномии языка и мышления, произвольности знака и мотивированности элементов языка, объективного и субъективно-го, устойчивости и движения в языке, целого и единичного, индивидуального и коллективного, языка и речи, понимания и непонимания.

Такой диалектичный подход к языку позволял развивать различные направления в языкознании, в том числе психологическое. Интегрируя позиции представителей немецкой классической философии, В. фон Гумбольдт пишет:

«Субъективная деятельность создает в мышлении объект. Ни один из видов представлений не образуется только как чистое восприятие заранее данного предмета. Деятельность органов чувств должна вступить в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа; и лишь эта связь обуславливает возникновение представления, которое становится объектом, противопоставляясь субъективной силе, и, будучи заново воспринято в качестве такового, опять возвращается в сферу субъекта. Все это может происходить только посредством языка» [Гумбольдт 1984: 76–77].

Во-вторых, В. фон Гумбольдт актуализирует идею деятельности в представлении о языке: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). <...> *каждый язык заключается в акте его реального порождения*» [цит. раб.: 70] (курсив мой. – В.П.). Акцентируя необходимость рассмотрения языка как процесса, В. фон Гумбольдт вовсе не исключает возможности исследования языка как продукта, результата этого процесса. Он лишь подчеркивает, что именно *процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его феноменальная эволюция*. Язык и дух тождественны функционально, хотя основания такого функционального слияния двух разных феноменов остаются неясными:

«Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой» [цит. раб.: 68];

«В языке следует видеть не какой-то материал, который можно обзреть в его совокупности или передать часть за частью, а *вечно порождающий себя организм*, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными» [цит. раб.: 78] (курсив мой. – В.П.).

Могли ли такие идеи закрепиться в современной В. фон Гумбольдту науке и, в частности, в лингвистических исследованиях? Конечно, нет. Во-первых, философия опережала в это время уровень развития научных парадигм других наук, и потому новые философские концепции далеко не всегда воспринимались представителями частных наук как «руководство к действию». Во-вторых, доминирующей задачей господствовавшего сравнительно-исторического языковедения было диахроническое исследование языковых изменений. А это практически исключало исследование «психологической составляющей» языка.

Деятельностный принцип объяснения языковых фактов, к сожалению, не стал доминирующим ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике XX – начала XX вв., несмотря на наличие гениальных трудов А.А. Потебни, Л.В. Щербы, психологически ориентированной синтаксической теории А.А. Шахматова, трудов Д.Н. Овсянико-Куликовского, Д.Н. Кудрявского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского и др.

Психологическую интерпретацию языковых фактов лингвисты чаще считали своеобразным «довеском» к логизированным языковедческим теориям, рассматривавшим структуру языка «в самой себе и для себя». Поэтому отечественной психолингвистикой принцип деятельности был заимствован из психологии и, в частности, из общепсихологической теории деятельности Л.С. Выготского, уже в ранних трудах которого заложена идея анализа деятельности как метод научной психологии и введены понятия орудия, орудийных («инструментальных») операций, мотива («мотивационной сферы сознания»).

Содержание термина «речевая деятельность» в отечественной психолингвистике существенно отлично от того, которое так или иначе эксплуатируется в системноцентрической лингвистике. Речевая деятельность – это структурно и функционально специфическое явле-

ние, не являющееся манифестацией языка. Она представляет собой систему речевых действий, сущность которых обнаруживается при соотнесении структуры и элементов речевого высказывания с содержанием, мотивом и формой деятельности индивида. В соответствии с общепсихологической теорией деятельности внешняя (материальная) и внутренняя (психическая) деятельности изоморфны, при этом внутренняя деятельность формируется через интериоризацию внешней. Поэтому с двух сторон последовательно изучается внешнее, наблюдаемое поведение индивида: на основе предметного мотива его поведения и на основе вычленения определенных фаз (действий и операций) его деятельности. Основные психологические понятия – сознание, личность, коммуникация – в этом случае оказываются подчиненными деятельности, вытекающими из ее анализа. Деятельность становится объяснительным принципом в анализе базовых понятий психолингвистики. «*Всякая деятельность имеет кольцевую структуру: исходная афферентация → эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой → коррекция и обогащение на основе обратной связи исходного афферентирующего образа*» [А.Н. Леонтьев 1975: 86]. То есть психология соотносит содержание речи с содержанием деятельности, в рамках которой эта речь порождается и понимается, и это положение принимается всеми отечественными психолингвистами.

А.Н. Леонтьев пишет:

«... главное заключается <...> в том, что психическое отражение предметного мира порождается не непосредственно внешними воздействиями (в том числе и воздействиями «обратными»), а теми процессами, с помощью которых субъект вступает в практические контакты с предметным миром и которые поэтому подчиняются его независимым свойствам, связям, отношениям» [цит. раб.: 86].

Управляет процессом деятельности первично сам предмет, вторично – «его образ как субъективный продукт деятельности» [там же].

Последовательно применяя деятельностный принцип к анализу речи, психологи и психолингвисты рассматривают речь как систему речевых действий, включенных в иную деятельность; как *специфическое средство для решения неречевых задач коммуникантов* (А.А. Леонтьев, Н.А. Бернштейн). Речь не является *собственно* деятельностью, но она способна включаться в любую форму деятельности, вступая с последней в отношения изоморфизма. Отсюда возможно считать, что (1) речь и другие виды предметной деятельности имеют общую психологическую организацию; (2) речь варьирует в зависимости от условий протекания деятельности; (3) возможно анализировать речь, вычленяя в ней действия и операции, как в других видах деятельности; (4) речь подчиняется представлению о результате деятельности, и эта подчиненность отражается в характере речевых действий.

Тогда по отношению к мотиву деятельности речевое поведение индивида выступает как деятельность, по подчиненности цели деятельности – как действие (совокупность действий), по отношению к условиям деятельности – как последовательность операций. Говоря иначе, деятельность мотивированна, действие целенаправленно, операция ситуативна.

В связи с перечисленными положениями в рамках отечественной психолингвистики сформирована трехчленная структура анализа речи: операция – действие – собственно деятельность. Эта структура может рассматриваться в трех аспектах: мотивационном, целевом и исполнительном. Традиционно выделяются три фазы в развертывании речевой деятельности: фаза ориентировки в ситуации общения и планирования высказывания во внутриречевом смысловом коде; фаза реализации плана во внешней речи; фаза сличения полученного результата с первоначальным замыслом и при необходимости – коррекция полученного результата в новом речевом действии.

Большинство языковедов исходит в научном исследовании из убеждения в том, что лингвист изучает *тексты* как *результат* речевой деятельности мыслящего человека. При этом принято считать, что субъект речевой деятельности не только *использует* лексику определенного языка *в соответствии с устойчивым* (общеупотребительным) *значением* знака, но может и употреблять тот или иной знак для обозначения субъективного значения – смысла. Отсюда и лингвистические определения значения как устойчивого инвариантного содержа-

ния, исторически закрепившегося за определенным звуковым комплексом, и ситуативного использования слова для обозначения субъективно важного содержания (смысла).

Анализируя содержание текстовых (языковых) элементов, лингвист, как правило, опирается на интроспекцию собственных ментальных образований, соотносимых им с этими элементами, в лучшем случае добавляя к интроспективным наблюдениям данные лексикографических источников. Такой путь анализа для лингвиста не только допустим, но и, собственно, единственно возможен: предполагается, что сознание человека доступно в интроспекции только субъекту сознания. Лингвист, субъект сознания, исследует одну из разновидностей *фиксации* сознания – тексты.

В отличие от такой позиции в отечественной психологии и психолингвистике актуально представление, согласно которому сознание человека структурируется при обязательном участии языка как средства обобщения ментальных образов, возникающих в деятельности, и поэтому сознание является языковым. Язык фиксирует и актуализирует для индивида познанные, запечатленные другими. Поэтому акт номинации – это не что иное, как акт выделения идеальной стороны объекта. Отсюда присвоение языка индивидами – это присвоение «означаемого им в форме его осознания» (А.Н. Леонтьев). Пользуясь языком, индивид пользуется выработанными до него готовыми формами осознания, познания мира. Присвоенные формы фиксируются в виде субъективных образов, но не неких абстрактных, отдельных от образов форм – в противном случае языковая коммуникация и понимание были бы невозможны. Образ, стоящий за формой, может меняться, но форма (внутренняя форма языка, по В. фон Гумбольдту) остается стабильной. Поэтому познавательный результат, закрепленный в языке, принципиально отличается от чувственного познания. Он включает свойства и связи реальных, недоступные чувственному восприятию, поскольку формируется на базе интеграции присвоенных ранее форм. Таким образом, *языковая форма* (элемент) *передает формы знания*, а анализ языкового элемента осуществляется *только в структуре деятельности*, в которую он включен, и характеризуется через связи элементов этой структуры. Такая схема, объясняя специфику восприятия действительности характером и способом ее включения в деятельность индивида, позволяет субъекту в исследовательских целях абстрагировать сознание от деятельности, задать определенные параметры научного объекта, – словом, делать сознание индивида объектом научного анализа.

В этом случае понятие деятельности используется как статичная операциональная схема, которая позволяет рассматривать сознание (1) как предмет или квазипредмет, во внешней форме которого превращенно представлена деятельность; (2) как некое идеальное представление о результате мотивированной и целенаправленной деятельности субъекта; (3) как форму самой деятельности.

Общеизвестно положение А.Н. Леонтьева о том, что психика всегда направлена на решение задач, поставленных *взаимодействиями в мире*: психика – неотъемлемая часть реальности взаимодействия живого организма и среды. В этом смысле чрезвычайно важны представления Н.А. Бернштейна об осмысленном действии, обладающем открытой вероятностной структурой и поуровневой регуляцией, *действию, всегда создаваемом в данных условиях в соответствии с моделью потребного будущего* [Бернштейн 1966].

Эти фундаментальные положения отечественной психолингвистики сейчас заново «переоткрываются» рядом западных исследователей. Так, в работах М. Дональда [Donald 1993] прослеживается происхождение и развитие психики как приспособление к окружающей среде, вызванное задачами, возникающими в ходе эволюции. К. Нельсон разрабатывает сходную интерпретацию на материале развития языкового сознания в онтогенезе [Nelson 1996]. М. Томазелло представляет развивающееся сознание на стыке филогенетических, онтогенетических и культурно-исторических параметров [Tomasello 2003]. Опираясь именно на работы Н.А. Бернштейна, Э. Телен и Л. Смит показали, как мультимодальные процессы обслеживания и селекции, формирующиеся в ходе порождения движений, образуют самоорганизующиеся динамические системы, одновременно несущие в себе совокупный феномен «восприятие–действие».

Из кардинальной мысли о неотделимости живых систем от среды обитания естественно вытекает мысль о социальности человеческого развития, акцентированная школой Л.С. Выготского –

А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии. Близкое к теории деятельности развитие этих идей можно найти в работах М. Коула, Дж. Вёрча, В. Джон-Стайнер. Особое внимание уделяется факту опосредствования сознания культурными орудиями – это положение используется в качестве главного концептуального принципа в объяснении и выявлении социальной природы развития человека.

Роль орудийного опосредствования и принципиальную неотделимость культурных орудий от строения познавательных действий показал Э. Хатчинс. Культура, по Э. Хатчинсу, – это «не собрание объектов, осязаемых и абстрактных» [Hutchins 1995: 356], а адаптивно-когнитивный процесс, часть среды, в котором накапливаются решения самых разнообразных познавательных задач и который, осуществляясь в психике человека, специфически присваивает внешние материально-идеальные артефакты (культурные модели, когнитивные схемы, сценарии). Э. Хатчинс своеобразно «переоткрыл» понятие функциональной системы А.А. Ухтомского, утверждая, что в процессе мышления появляются особые координирующие между собой «субсистемы», которые определяют направление мышления. Такие субсистемы он считает базовыми процессами когниции, структурированными по-разному для решения различных задач и соотносящимися с символическими системами. Последние влияют на мышление и могут привести к его «реконфигурации». Учет специфики социокультурной среды позволяет рассматривать мыслящего человека как активного деятеля в активной среде, что детально продемонстрировано А.А. Леонтьевым еще в 70-х гг. XX в. Неотделимость познания от языковых средств отмечается сейчас многими психолингвистами, психологами, специалистами по массмедиа, нейрофизиологами: [Рашкофф 2003; Маклюэн 2007; Докинз 2013; Марков 2013; Пищальникова 2018; Солдатова, Рассказова, Нестик 2018] и др.

Физиологическое и нейрофизиологическое обоснование теории деятельности

Огромное влияние на развитие гуманитарных наук, в том числе психологии, оказали труды И.М. Сеченова, в которых ставилась и оригинально решалась проблема соотношения физиологических и интеллектуальных процессов. Идеи И.М. Сеченова об активности и целевой детерминации работы нервной системы, об обратной связи как факторе, регулирующем поведение, во многом подготовили появление деятельностного подхода в психологии.

Великий ученый полагал, что природа нервных соматических процессов и низших форм психических явлений, вытекающих из деятельности высших органов чувств, родственна. Более того, нервные соматические процессы родственны вообще всем психическим явлениям. Другое дело, что наблюдать эту родственность трудно, поскольку «очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ее чувственным первообразом» [Сеченов 1953: 225]. Поведенческий акт И.М. Сеченов представляет как акт деятельностный: это активное взаимодействие индивида и среды, которое осуществляется не только на основе воздействия объективных характеристик среды, но и на базе продуктов сознания, «лежащих между представлениями о предметах и умственными формами, непосредственно переходящими за пределы чувств» [цит. раб.: 298]. Отсюда среда оказывает воздействие на индивида только через опосредствование этих воздействий в специфических формах сознания; внутренняя психическая среда индивида формируется системой его внешних поступков.

Важно для уяснения деятельностной природы психики понимание И.М. Сеченовым соотношения слова с чувственными представлениями:

«Когда ... мысль человека переходит из чувственной области во вчувственную, речь как система условных знаков, развивающаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без нее элементы вчувственного мышления, лишенные образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придает им объективность, род реальности (конечно, фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления вчувственными объектами» [цит. раб.: 302].

Таким образом, «чувственная прокладка» в процессе символизации признаков и отношений феноменов действительности настолько радикально преобразуется, что практически не обнаруживается в слове.

Несомненно влияние идей И.М. Сеченова на А.А. Ухтомского и П.К. Анохина. С именем А.А. Ухтомского связано одно из наиболее крупных физиологических обобщений – учение

Раздел 1

о доминанте. Еще в 1928 г. ученый писал, что «предмет физиологического исследования, в конце концов, один – динамика живого организма в его целом» [Ухтомский 1950: 319]. Особенно важна роль А.А. Ухтомского во внедрении нового методологического подхода к объяснению явлений, предполагающего глубокую внутреннюю диалектику, принятие многообразия форм детерминизма, включая вероятностно-статистический, диалектическое понимание внешней и внутренней детерминации.

Этот подход существенно повлиял на возникновение деятельностного подхода в психологии.

«В течение тысячелетий научной мысли импонировало в особенности твердое тело с его постоянными свойствами. Его проще всего было сделать предметом научного исследования и предвидений. Механическое естествознание и считало своей нормальной задачей видеть повсюду, в том числе и в физиологии, всего лишь твердые тела и результаты их взаимодействия в организмах», – писал А.А. Ухтомский [цит. раб.: 153].

Такой подход, по А.А. Ухтомскому, практически исключает исследование процессуальности, активности живых систем.

Специфика научного мышления А.А. Ухтомского проявилась в его понимании соотношения внешних и внутренних детерминант в реализации рефлекторного акта и поведения. Так, он полагал, что любое конечное материальное образование не может действовать, не определяясь извне, то есть не будучи включенным в некую систему взаимодействия со средой. Однако вместе с тем это образование имеет внутреннюю детерминацию – самоопределяемость, саморегуляцию. Задача науки – раскрыть механизм взаимосвязи этих типов детерминации на различных уровнях организации живых организмов. Внутренние детерминанты – это накопленная организмом история взаимодействия «реагирующего субстрата с факторами среды». Поэтому среда организма – это не весь окружающий его физический мир, а та небольшая его часть, элементы которой представляют для организма «биологический интерес», служат своеобразными проекциями его внутреннего содержания. Степень отражения организмом внешнего мира, по А.А. Ухтомскому, определяется уровнем и содержанием двигательной активности, включая двигательное противостояние среде в виде оперативного покоя:

«Нужно нарочито действовать, чтобы хорошо отображать... Степень отображения текущих событий по впечатлительности животного выражается в деятельности его посреди данных событий, но также и зависит от образа действия данного животного в отношении событий среды» [цит. раб.: 223] (курсив мой. – В.П.).

Чем глубже и полнее организм отражает среду, тем он свободнее в своем поведении, тем глубже детерминация этого поведения условиями среды: тем в большей степени внешние воздействия трансформируются через внутренние условия. Из положения о неразрывности рецепции и моторики вытекает важное следствие: *отношение к действительности немислимо вне деятельности и реализуется в деятельности.*

Трудно не заметить, что концепция А.А. Ухтомского практически повторяется в теории аутопоза У. Матураны и Ф. Варелы, но взгляды великого физиолога были системно сформулированы на 70 лет раньше. (Подробно об учении А.А. Ухтомского о доминанте см.: [Пищальникова 2021]). Особого внимания заслуживает отмеченная А.А. Ухтомским способность мозга к «проектированию» среды. В этом легко выявляется основание модели потребного будущего Н.А. Бернштейна.

На основе концепции А.А. Ухтомского П.К. Анохин создал универсальную модель деятельности человека в аспекте ее саморегуляции – теорию саморегулирующихся систем [Анохин 1975; 1979; 1980]. Способность организма к регуляции и коррекции деятельности (в том числе психической деятельности человека) П.К. Анохин рассматривает как свойство функциональной системы. Таким образом, ключевым моментом этой теории является утверждение и доказательство того, что элементы функциональных систем могут при необходимости *саморегулироваться* (взаимозаменяться).

П.К. Анохин подчеркивает: «способность к саморегуляции есть следствие объединения в рамках одной функциональной системы различных механизмов:

«... в состав функциональных систем входят по крайней мере две категории физиологических механизмов с весьма различными свойствами: 1) механизмы, обладающие крайней консервативностью (рецепторы результата) и относительной консервативностью (сам конечный эффект); 2) узловыe механизмы системы, а именно средства достижения приспособительного результата, обладающие весьма широкой пластичностью и способностью к взаимозамене» [Анохин 1980: 156].

П.К. Анохин установил также, что механизмы коррекции могут быть наделены эмоциональным компонентом удовлетворенности или неудовлетворенности, который является дополнительным стимулом к поиску новых программ достижения поставленной цели. Такая концепция физиологически объясняет деятельный характер отношения человека к среде.

А.А. Леонтьев отмечал, что для становления теории деятельности вообще и теории речевой деятельности в частности важной является концепция Н.А. Бернштейна. Так, во-первых, в его работах акцентировано основополагающее различие топологии и метрики в исследовании поведения. Топология понимается как совокупность качественных особенностей (геометрического объекта) вне зависимости от величины, формы и др. его свойств. Н.А. Бернштейн подчеркивает, что движение живых организмов в не меньшей мере, чем восприятие, определяется именно топологическими категориями, и этот принцип применим и к недвигательному поведению. Во-вторых, координация движений осуществляется по принципу сенсорных коррекций, и эта коррекция осуществляется совместно самыми разными системами афферентации. В-третьих, каждая двигательная задача проходит разный сенсорный синтез в зависимости от своего содержания и смысловой структуры. Сенсорный синтез при этом адекватен качеству и составу образующих его афферентаций. В-четвертых, ни одно движение не обеспечивается только одним ведущим уровнем – оно организуется вследствие иерархического синтеза афферентаций. В-пятых, Н.А. Бернштейн предлагает модель произвольного движения, состоящую из нескольких этапов: (1) восприятие и оценка ситуации; (2) определение того, что должно стать с ситуацией в результате активности организма (конструирование модели желаемого/потребного будущего); (3) что надо для этого сделать; (4) как это сделать. Последние два этапа – это программирование поставленной задачи. Модель потребного будущего вероятностна: из всех возможных прогнозируемых исходов избирается один, и действие программируется только применительно к нему. Легко видеть, что кратко представленная физиология активности близка идеям И.М. Сеченова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина.

Лингвистические истоки теории речевой деятельности

В России психолингвистика как специфическое направление лингвистики начала развиваться в начале 1960-х гг. Первая публикация, где в заголовке стоит этот термин, появилась еще в 1957 г, но она носила в основном реферативный характер [Ахманова 1957], первые академические издания по психолингвистике появились в 1961 г. Как отмечал Л.В. Сахарный, «развитие психолингвистики в США в 50–60-е годы послужило толчком, катализатором, активизировавшим развитие психолингвистических идей» [Сахарный 1989: 5].

Большая часть исследований, осуществляемых российскими психолингвистами, ведется в рамках определенной общеметодологической традиции, восходящей к лингвистическим работам И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, А.А. Потебни. Общелингвистические взгляды Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ были детально исследованы создателем отечественной психолингвистики А.А. Леонтьевым, который отмечал, что

«очень многие из направлений и тенденций, существовавших в языкознании первой половины XX в. и существующих в ней сейчас, в конечном счете восходят к И.А. Бодуэну де Куртенэ или восприняты через него» [Леонтьев А.А. 1963: 3].

На становление отечественной психолингвистической парадигмы оказало воздействие специфическое понимание И.А. Бодуэном де Куртенэ речевой деятельности, которую, по

Раздел 1

его мнению, нельзя рассматривать в отрыве от человека как носителя языкового мышления: «Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одаренные языковым мышлением» [Бодуэн 1963: 19]. И еще:

«Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идол, он представляет собой орудие и деятельность» [цит. раб.: 140] языкового коллектива. Вот это представление о языке как о социально обусловленной деятельности людей было специфичным для психологического языкознания XIX в., которое считало реальными только «индивидуальные языки».

Научная концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ развивалась не как собственно лингвистическая, а как комплексная, включавшая, помимо лингвистических, элементы психологические, социологические, физиологические. Так, под влиянием идей И.М. Сеченова, выявившего зависимость рефлекса не только от раздражителей, но и от совокупности прежних воздействий на человека, И.А. Бодуэн де Куртенэ говорит о зависимости психических процессов от физиологического субстрата, о том, что все психические процессы существуют только вместе с живым мозгом. Он признает:

«Без мозга нет психических явлений. Если погибнет мозг индивида, – погибнет и его душа, то есть погибнут все психические явления, подлежащие наблюдению и зависящие от данного мозга»; «Мы признаем взаимную зависимость физиологической стороны мозга вместе с продолжением в ней непрерывной физической энергии, с одной стороны, и мышления вместе с языком – с другой» [цит. раб.: 56, 57].

Вместе с тем эта психическая деятельность индивида обусловлена его социальным опытом:

«Все множество представлений вообще ... передается путем языкового общения от одного человека к другому, от одного поколения к другому» [цит. раб.: 201];

«Индивидуальный язык у детей возникает вследствие целого ряда, вернее, целых рядов воздействий со стороны окружающих ребенка индивидов, принадлежащих к одному языковому коллективу. Конечным результатом этого воздействия является возникновение в «душе» нового члена данного языкового коллектива языковых ассоциаций, более или менее соответствующих ассоциациям, существующим в «душах» окружающих индивидов. Разумеется, здесь речь может идти только о приблизительном подобии, а никак не о тождестве» [цит. раб.: 60].

Последняя цитата обнаруживает очевидное влияние гумбольдтовских рассуждений по этому же поводу:

«Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением. Услышанное не просто сообщается нам: оно настраивает душу на более легкое понимание еще ни разу не слышанного; оно проливает свет на давно услышанное, но с первого раза полупонятое или вовсе не понятое и лишь теперь – благодаря своей однородности с только что воспринятым – проясняющееся для окрепшей меж тем душевной силы ...» [Гумбольдт 1984: 78–79].

Общество, по И.А. Бодуэну де Куртенэ, является необходимым условием развития психики индивида. Эта мысль о речевой деятельности как деятельности языкового коллектива восходит к Г. Штейнталу и В. фон Гумбольдту, хотя в позиции И.А. Бодуэна де Куртенэ есть одно серьезное отличие. Для В. фон Гумбольдта язык – психическая и метафизическая духовная сущность, для Г. Штейнтала язык психичен, для И.А. Бодуэна де Куртенэ язык одновременно психичен и социологичен: «В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе; но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю»; «... О развитии языковых особенностей можно говорить только у индивидуума» [Бодуэн 1963: 208]. А.А. Леонтьев считает, что «Бодуэн не сумел приложить к конкретным психологическим проблемам выдвинутый им в общем плане тезис о том, что психичность как продукт мозга есть закономерная качественная ступень эволюционного развития» [Леонтьев А.А. 1963: 10] человека. Но именно этот тезис оказал большое конструктивное влияние на развитие психологических представлений в лингвистике.

Большое значение на становление психологического подхода к исследованию языковых явлений в отечественной лингвистике оказала позиция А.А. Потебни, в частности, его представления о значении слова и его внутренней форме. В структуре лингвистического значения А.А. Потебня выделяет значение и представление: «Уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, то есть *способом, каким обозначено это значение*, существует неравенство: *в значении всегда заключено больше, чем в представлении*» [Потебня 1990: 134] (курсив мой. – В.П.). Представление является конституирующим компонентом значения, поскольку оно доминирует в системе других познавательных признаков, обнаруженных мышлением в процессе познания реальности, соотносимой со словом. А.А. Потебня называет этот доминирующий признак внутренней формой, *способом организации структуры значения*.

Вслед за В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебня утверждает, что «слово служит лишь точкой опоры для мысли» [Потебня 1989: 134].

«Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [цит. раб.: 166].

Разделяя позиции В. фон Гумбольдта, А.А. Потебня настойчиво повторяет, что «средством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную» [цит. раб.: 167]. Вместе с тем слово связывается говорящими в процессе общения с новыми и новыми ассоциациями и реалиями, потому что степень обобщения единичных признаков, представленная в познавательной структуре, обозначенной данным словом, позволяет сделать это. Одновременно в процессе общения выявляются смыслы как лично актуальные компоненты значения, поэтому

«по мере применения слова к новым и новым случаям это несоответствие (между значением и представлением. – В.П.) все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значение слова ... стремится оторваться от сравнительно ничтожного представления ... но в этом стремлении производит лишь *новое слово*» [Потебня 1990: 134].

И именно потому, добавим, что так или иначе в процессе употребления в динамичной семантической структуре слова каждый индивид выделяет актуальные для него компоненты, что постепенно ведет к *изменению познавательной структуры*, обозначенной прежним словом, т.е., по сути, к медленному, но неуклонному изменению его значения.

«Стремясь оторваться от представления в слове, мысль производит новое слово с ясным представлением. Эта непрерывная борьба мысли со словом при благоприятных условиях, при свежести духовных сил производит все более и более усовершенствований в языке и обогащает его содержание» [Потебня 1989: 223].

Познавательная структура, способ ее организации, по А.А. Потебне, разрушается внутри вследствие смещения доминантного признака структуры – представления, вследствие постепенного изменения степени его важности в структуре значения. С одной стороны, то, что говорящий индивид не осознает познавательную структуру, стоящую за словом, не мешает ему использовать слово как средство познания. С другой стороны, по А.А. Потебне, даже если этимологические разыскания обнаружат признак, ставший конституирующим при образовании значения, перцептивное содержание его *принципиально невозстановимо* (непередаваемо) и не меняет установившегося отношения значения и представления. Отсюда

«одновременное существование в языке слов образных и безобразных обусловлено свойствами нашей мысли, зависимой от прошедшего и стремящейся в будущее. Развитие языка совершается при посредстве затемнения представления и возникновения, в силу этого и в силу новых восприятий, новых образных слов» [Потебня 1990: 134].

Чрезвычайно важно, что все эти положения актуальны, по А.А. Потебне, при рассмотрении слова «со стороны его значения для самого говорящего».

Продуктивность представлений А.А. Потебни в исследовании значения слова демонстрируют современные психолингвисты, исследующие содержание слова с учетом отраженной в его структуре «позиции говорящего» (см., например: [Лукашевич, Герман 2001; Лукашевич 2001; Бескорвайная 2004]).

Описывая процесс понимания речи, А.А. Потебня указывает, во-первых, что оно осуществляется на основе «запаса мысли», «комплекса мысли», в котором некое представление как способ фиксации этого «комплекса» не осознается, однако звуковая оболочка, в свое время оформившая этот способ, актуализирует весь комплекс, всю познавательную структуру в силу принципиальной непрерывности, континуальности связи ее компонентов. Безусловно, что эти структуры – «объясняющие комплексы» – различны, ибо «разница их состава зависит не только от различия прежних восприятий, но и от различия сочетаний, в которые вошли эти восприятия с другими» [Потебня 1990: 138]. По сути, современная психолингвистика, утверждающая, что различие таких структур объясняется различиями в ассоциативно-апперцепционном характере мышления, полностью повторяет положение А.А. Потебни.

Для А.А. Потебни речевая деятельность – это специфическая мыслительная деятельность. Поэтому в случае прозрачности для коммуникантов структуры значения его общими компонентами являются звуковая оболочка и «представление» как конституирующий, структурообразующий компонент значения. Однако чаще, в силу «затемненности» представления, общими будут, по А.А. Потебне, «только звуки». Это заставляет ученого еще раз обратиться к мысли В. фон Гумбольдта о том, что «никто не думает при слове именно того, что другой»; «всякое понимание есть вместе непонимание». А.А. Потебня пишет:

«... при понимании мысль говорящего не передается слушающему; но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, сходное с местом мысли говорящего. Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [цит. раб.: 138].

Отсюда вытекает, что динамика значения как познавательной структуры обусловлена связями самих компонентов этой структуры, а не характером референциальных связей единиц языка с лингвистической действительностью. Последние, безусловно, могут стать толчком к изменению познавательной структуры, стоящей за словом. Но сам характер изменения, сущность новой структуры будут зависеть от внутреннего процесса речесмыслопорождения.

Позиция А.А. Потебни позволяет представить значение как устойчивую, принципиально динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности, дискретно соотнесенную с определенным звуковым образом, входящим в эту структуру и «овнешняяющем» ее.

С опорой на теорию значения слова А.А. Потебни можно предложить интегративную схему значения как устойчивой, но принципиально динамичной структуры, репрезентирующей определенный способ познания действительности и ассоциативно связанной с конкретным звуковым образом (см. схему 1).

Интегративным компонентом представленной структуры значения является устойчивая ассоциативная связь физической акустической оболочки слова, конституируемой физическими свойствами звуков, и акустического образа слова. Все другие компоненты в структуре значения в силу их ментальной природы принципиально континуальны. Возможна временная стабилизация различных компонентов значения в условиях конкретной речевой деятельности, но в целом значение как компонент естественно развивающегося языка принципиально подвижно.

Из истории российской психолингвистики

Второй компонент значения – ментальные структуры – представляет собой единство познавательной структуры, соответствующей способу познания данной категории (класса) реалий, и актуального когнитивного признака, определяющего процесс конкретного речесмыслопорождения (порождение смысла), в котором этот когнитивный признак становится основой модификации имеющейся стабильной когнитивной структуры – значения («... духовная деятельность, направленная на выражение мысли, имеет дело уже с готовым материалом: она не создает, а преобразует» [Гумбольдт 1984: 71]). Этот компонент структуры значения также внутренне динамичен и организуется по принципу функциональной системы: хотя совокупность когнитивных признаков, входящих в эту систему, может быть одной и той же, актуальный признак (доминанта) меняется, а следовательно, меняется и смысл. (А.А. Потебня называет этот признак «представлением», внутренней формой слова.)

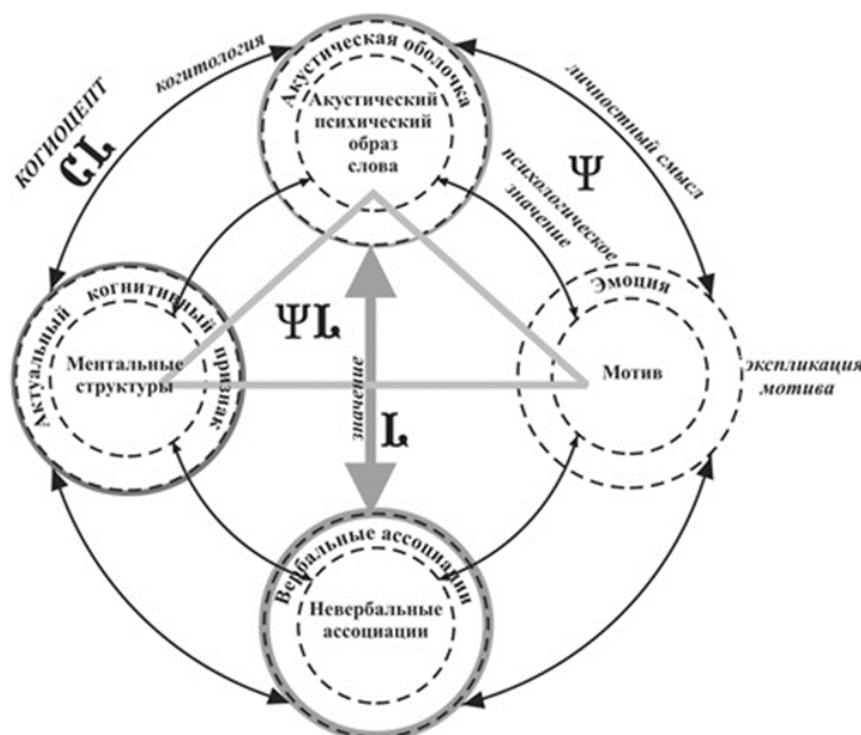


Схема 1. Интегративная модель значения [Пищальникова 1999]

Такой структурообразующий ментальный компонент значения – смысл, который необходимо репрезентировать, в силу постоянного употребления определенного слова (языка вообще) членами языкового коллектива, является неодинаковым для разных людей, и потому естественный процесс употребления слова постепенно изменяет его семантическую структуру именно вследствие того, что слово является единственным возможным средством представления психически актуальных смыслов: «Всякое создание нового слова из прежнего создает вместе с новым значением и новое представление» [Потебня 1989: 133]. С этим представлением, по А.А. Потебне, соотносится образ реалии или образ действия с этой реалией. Акустический образ при этом актуализирует прежде всего доминантный в данном речепорождении смысл, хотя принципиально способен активировать и всю структуру значения.

Третий компонент – мотивационно-эмоциональный, единство мотива и эмоции. Мотив рассматривается как структура потребностей индивида, определяющая цель смыслопорождения.

Четвертый – вербально-авербальный, единство невербальных и вербальных ассоциаций, собственно ассоциативная структура, которая является базой интерпретации содержания всех других компонентов. Внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, способа актуализации познавательной структуры, стоящей за словом, и невербальных ассоциаций – это и есть значение как стабильно-нестабильная структура, лежащая в основе речесмыслопорождения. Связь внешних по отношению к ней компонентов — акустической оболочки, эмоции, актуализированного когнитивного признака (смысла) и вербальных ассоциаций с ними репрезентирует смысл как актуальное содержание данного процесса речесмыслопорождения. Речесмыслопорождение как процесс может быть «запущено» любым компонентом, представленным в данной схеме, но неизбежно при этом актуальное функциональное взаимодействие каких-либо частей этих компонентов или их структур в целом – в зависимости от целей говорящего. (Литеры CL, L, ΨL, Ψ на схеме означают соответственно области, изучаемые когнитивной лингвистикой, лингвистикой, психолингвистикой, психологией.)

Представленная схема, демонстрирующая возможность актуализации структуры значения за счет субъективной акцентуации любого его компонента, может быть моделью любого типа значения. Такая схема демонстрирует также и то, что динамика значения как познавательной структуры принципиально обусловлена механизмом языка (речесмыслопорождения), а не характером референциальных связей его единиц с нелингвистической действительностью. Эти связи, безусловно, существуют, и в виде компонента познавательных структур (и только в нем) они способны влиять на речесмыслопорождение, но не обуславливать его абсолютно.

Одним из своих основоположников отечественная психолингвистика признает Л.В. Щербу, знаменитая работа которого «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974] оказала на становление отечественной психолингвистической парадигмы серьезное влияние. И это вполне обоснованно, поскольку именно Л.В. Щерба впервые четко разграничил возможные аспекты изучения языка-феномена («языковых явлений»): речевую деятельность, языковую систему, языковой материал, определив принципы выделения каждого аспекта и в языке-конструкте. Л.В. Щерба писал:

«... при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [Щерба 1974: 24].

Обратим внимание на сноску, которую делает Л.В. Щерба, говоря об «определенных законах сочетания»:

«Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, *правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы*, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно известные всем хорошим стилистам» [Там же] (курсив мой. – В.П.).

Несмотря на большие достижения отечественной лингвистики, эта идея, созвучная В. фон Гумбольдту, А.А. Потебне, И.А. Бодуэну де Куртенэ, до недавнего времени не принималась во внимание ни в серьезных теоретических построениях модели языка, ни в практическом анализе языка-феномена. Гениальная идея, по-разному обозначенная в трудах перечисленных ученых и в работах Л.В. Щербы, о том, что *язык является ненамеренным детерминированным следствием определенных речевых действий*, была подхвачена А.А. Леонтьевым и легла в основу его теории речевой деятельности.

Л.В. Щерба подчеркивает: «Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными, не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем «языком» ... они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность процессов говорения» [Щерба 1974: 25]. Л.В. Щерба понимал, насколько нетрадиционно его утверждение, и потому постоянно ссылаясь на опыт говорящих и лингвистов:

«Обо всем этом неоднократно говорилось лингвистами, и я хотел бы только подчеркнуть то обстоятельство, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и потребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, поскольку мы имеем право сказать, что вообще все формы слов и сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента.

Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание), а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической...» [цит. раб.: 25].

В этом положении обнаруживается очевидное влияние В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни, а чтобы высказать его в условиях господства тезисов о «неразрывном единстве языка и мышления» и о происхождении языков из ограниченного количества стабильных элементов, требовалась не только научная убежденность, но и человеческое мужество.

Первый аспект языковых явлений – аспект речевой деятельности, предполагающий исследование процессов понимания и говорения. Второй – языковая система: грамматика и словарь языка, «исчерпывающее знание данного языка». Л.В. Щерба отмечает:

«... все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений)» [цит. раб.: 26].

Намеренное разграничение языкового материала и выводимой из него языковой системы позволяет более четко задать параметры языка как научного объекта, а следовательно, с большей степенью достоверности судить о существенных свойствах языка. Л.В. Щерба подчеркивает единство языкового материала и языковой системы как разных аспектов данной в опыте речевой деятельности: «Языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (то есть языковой системы) невозможно» [Там же].

Ученый акцентирует важность проблемы понимания, ставшей в современной науке одной из междисциплинарных, объединяющих лингвистику, психологию, логику, философию и другие науки. Попутно Л.В. Щерба поднимает серьезный вопрос о соотношении системы языковых представлений индивида и языковой системы, которая в современном языковедении исследуется в рамках проблемы языкового сознания. Его не удовлетворяют попытки решения сложнейшей проблемы, предпринятые И.А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром, С.Л. Франком, Э. Сепиром, а потому Л.В. Щерба ищет «иные пути» разрешения вопроса. «Прежде всего возникает вопрос, в каком отношении находится «психофизиологическая речевая организация» владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе» [Щерба 1974: 28]. Языковая система – «то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала», и она противопоставлена «индивидуальным речевым системам» [Там же]. Постулируя отличия индивидуальных речевых систем, Л.В. Щерба отмечает, что эти различия исчезают в процессе общения, однако этот факт не дает оснований смешивать «несоизмеримые понятия» – индивидуальную речевую систему и систему языка.

Л.В. Щерба считает, что изучение частей речи не может быть отнесено ни к одному из выделенных отделов грамматики. Основания для такой позиции очень серьезные. Л.В. Щерба считает, что части речи – это не простая классификация слов, как это обычно представляется в лингвистике. Противопоставляя существительные, прилагательные, глаголы, с одной стороны, и союзы, предлоги – с другой, Л.В. Щерба подчеркивает, что первые

употребляются для выражения неких «форм» мысли, а вторые являются простыми разрядами слов, объединенными общностью синтаксической функции. Показательно, что ученый употребляет слово «форма» в кавычках, и в скобках подчеркивает, что использует это слово «совсем в другом смысле», нежели оно было употреблено при обосновании особого отдела грамматики – формообразования. Анализ примеров, произведенный Л.В. Щербой, позволяет заключить, что речь идет о способах категоризации действительности, представленных разными типами слов – «частей речи»: в один ряд ученый ставит существительное, глагол, прилагательное, которые содержательно «в известном смысле тождественны», безличность, род, вид («поскольку русского глагола вне вида нельзя и мыслить»). Он отмечает, что «в других языках <...> найдется немало и других общих категорий, в аспекте которых они (носители языка. – *В.П.*) привыкли воспринимать действительность» [Щерба 1974: 59]. Ученый подчеркивает, что необходимость такого особого раздела предвидел его учитель И.А. Бодуэн де Куртенэ, и предлагает назвать пятый раздел грамматики лексическими категориями.

Л.В. Сахарный отмечал, что Л.В. Щерба был не единственным исследователем, кто ввел в отечественную лингвистику принцип изучения речевой деятельности с опорой на деятельность человека и его процессы мышления. Так, сходные идеи высказывались В.Н. Волошиновым [Волошинов 1930], Е.Д. Поливановым [Поливанов 1968], Л.П. Якубинским [Якубинский 1986]. Нельзя не вспомнить здесь также А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, Н.В. Крушевского, в работах которых так или иначе отражается психологический взгляд на интерпретацию языковых фактов.

Таким образом, общепсихологический принцип деятельности был подкреплен традициями русского психологического языкознания, что позволило создать психолингвистическую модель, преодолевающую методологическую ограниченность психолингвистики Ч. Осгуда и Дж. Миллера – Н. Хомского.

Психологическая основа теории речевой деятельности

По определению А.Н. Леонтьева, психология – это наука «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» [Леонтьев А.Н. 1975: 12]. Речевую деятельность принято рассматривать как частный случай психологической деятельности.

В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, деятельность – «молярная единица» индивидуального бытия человека, «осуществляющая то или иное жизненное отношение» человека; это «целостная, не аддитивная система, обладающая многоуровневой организацией» [Леонтьев А.Н. 1974: 9].

В рамках нового научного объекта всегда выделяется специфическая единица анализа, позволяющая четко представить специфику изучаемого объекта. Понимание психолингвистических единиц анализа опирается на концепцию Л.С. Выготского, согласно которой эти единицы, «в отличие от элементов, обладают всеми основными свойствами, присущими целому и ... являются далее не разложимыми живыми частями этого единства» [Выготский 1956: 48]. Свой подход Л.С. Выготский противопоставляет такому психологическому анализу, при котором сложное психологическое целое разлагается на элементы – части, которые не сохраняют свойств целого. Такие препарированные компоненты являются «чужеродными по отношению к анализируемому целому» и не могут дать представления о сущности целого. Л.С. Выготский настаивает на необходимости оперирования такими единицами анализа, в которых бы сохранялись все существенные признаки целого – в противном случае их выделение не имеет научного смысла. При этом подходе элемент – это статический коррелят языковой единицы в психике человека, а единица – речевая операция или элементарное речевое действие (А.А. Леонтьев, вслед за Л.С. Выготским, допускает предельный случай единицы – акт речевой деятельности [Леонтьев А.А. 1997: 65]).

Л.С. Выготский заложил основы для разграничения психологических и психолингвистических единиц. Психологические единицы – это компоненты знания о языке, которое может быть различным у разных индивидов, но так или иначе присутствует всегда. Так,

«ребенок владеет известными умениями в области речи, но он не знает, что он ими владеет. Эти операции не осознанны. Это сказывается в том, что он владеет ими спонтанно, в определенной ситуации, автоматически, то есть владеет ими тогда, когда ситуация в каких-то больших структурах вызывает его на проявление этих умений, но вне определенной структуры – произвольно, сознательно и намеренно – ребенок не умеет сделать того, что умеет делать непроизвольно» [Выготский 1956: 267].

Впрочем, такое автоматическое владение некоторыми умениями характерно не только для детей, но и для взрослых. Чтобы приобретенные умения, в том числе и речевые, развивались, они должны быть включены в новые, более сложные, системные связи. Только в этом случае *произвольность, намеренность и сознательность* как характеристики свободного владения навыком, в том числе и речевым, могут развиваться.

Однако, помимо знаний индивида о языке, существуют определенные оперативные единицы порождения и восприятия речи – это единицы психолингвистические. Они соотносятся с речевой деятельностью и содержат все основные признаки деятельности: (1) *предметность* деятельности, под которой понимается включение в психическую деятельность предметов действительности в превращенном виде; (2) *целенаправленность* деятельности: любая деятельность имеет конечную цель, а действия, выделяемые в структуре этой деятельности, имеют цели промежуточные; (3) *мотивированность* деятельности.

«Деятельность – в высшей степени динамическая система, в ней постоянно происходят трансформации: акт деятельности утрачивает мотив и превращается в действие, реализующее другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать актом деятельности; действие может трансформироваться в операцию, начать реализовывать различные цели...» [Леонтьев А.А. 1997: 62];

(4) *иерархическая и фазная организация* деятельности. Понятие фазного строения акта деятельности было введено С.Л. Рубинштейном. В соответствии с ним, первая фаза акта деятельности – его мотивация, продуктами которой являются интенция и установка, соответствующие мотивации. Вторая фаза – ориентировочная, результатом которой является выбор определенной стратегии поведения; третья – планирование деятельности, четвертая – реализация плана, или исполнительная фаза, пятая – фаза контроля. Все последующие модели фазного строения деятельности принципиально от модели, разработанной С.Л. Рубинштейном, не отличаются.

Впервые фазную трактовку речепорождения предложил Л.С. Выготский: «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли... Это течение мысли совершается как внутреннее движение через целый ряд планов» [Выготский 1982: 305]. Первым звеном в порождении речи Л.С. Выготский называет мотивацию, которую он четко отделяет от «установок речи» как фиксированных «отношений между мотивом и речью». Вторая фаза – мысль (эту фазу в современной психолингвистике соотносят с понятием речевой интенции). Третья фаза – внутренняя речь, опосредование мысли во внутреннем слове (что, по А.А. Леонтьеву, соответствует в современной психолингвистике внутреннему программированию речевого высказывания). Четвертая фаза – внешняя речь, или опосредование мысли в значениях внешних слов (реализация внутренней программы), пятая фаза – акустико-артикуляционная реализация речи – опосредование мысли в словах. Представленная модель легла в основу многочисленных схем/моделей развертывания порождения высказывания, разрабатываемых в рамках отечественной психолингвистики (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, Т.В. Рябова-Ахутина и др.).

Деятельностная методология не просто далеко не исчерпала своих возможностей – она еще не полностью реализована как объяснительный принцип, и собственно деятельностные

Раздел 1

методики анализа языка немногочисленны, что связано в первую очередь с проблемой формирования теоретического объекта исследования, не просто сложного и неоднозначного, но и соотносимого с феноменом, суть которого – процесс постоянного становления. Естественно, что в этом случае принципы задавания параметров объекта научного исследования должны быть специфическими, собственно динамическими, и задача их определения чрезвычайно трудна. Укрепившиеся в науке *способы формулирования* базовых понятий, задавания дефиниций противоречат принципиально деятельностной природе человека как объекта психологии и его речевой деятельности как объекта психолингвистики. Стремление к созданию «теоретических антиномий», порожденное картезианскими традициями и ставшее не только привычным, но и, кажется, единственно возможным, искажает феноменологию человека и его деятельности. Конечно, «объект науки имеет мало общего с “объективной эмпирической данностью”» – это прежде всего теоретический конструкт, и вся научная деятельность сводится к его постоянной деформации и реформации, к смене аспектов его рассмотрения и соответствующим изменениям в его интерпретации» [Сонин 2010: 3]. Но столь же очевидно, что создание модели изучаемого объекта должно быть направлено на обнаружение закономерностей его функционирования.

Специфика научного объекта современной отечественной психолингвистики и тенденции его расширения, интерпретативные категории теории речевой деятельности детально рассмотрены в: [Пищальникова 2021].

Литература

- Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.
- Анохин П.К.* Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 454 с.
- Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 196 с.
- Ахманова О.С.* О психолингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 64 с.
- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 350 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Бескоровайная И.Г.* Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагмента языкового сознания // *Вопр. психолингвистики.* № 2. 2004. С. 73–77.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1930. 188 с.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 8 т. Т.2. М., 1982. 504 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Избранные психологические исследования.* М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. 520 с.
- Гегель Г.В.Э.* История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978. 363 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: АСТ: Corpus, 2013. 501 с.
- Ильенков Э.В.* Проблема идеального. Статья первая // *Вопросы философии.* № 6. 1979. С. 265–284.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Леонтьев А.А.* Общелингвистические взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 31 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // *Основы теории речевой деятельности.* М.: Наука, 1974. 364 с.
- Лукашевич Е.В.* Детки – деткам рознь // *Языковое бытие человека и этноса.* Вып. 4. Барнаул–Москва, 2001. С. 100–108.
- Лукашевич Е.В., Герман И.А.* К проблеме детерминации учебной деятельности социальными стереотипами // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* Барнаул, 2001. С. 5–17.
- Маклюэн М.Г.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 464 с.

Из истории российской психолингвистики

- Марков А.В.* Эволюция человека. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ, Corpus, 2013. 512 с.
- Маркс К., Энгельс Э.* Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. 345 с.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. М.: Р-Валент, 2021. 488 с.
- Пищальникова В.А.* Психопэтика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.
- Пищальникова В.А.* «Эффект бабочки»: трансформация знака в массмедиа как когнитивная проблема // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV: Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка / гл. ред. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2018. С. 148–154.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. 223 с.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. 299 с.
- Рашкофф Д.* Медиавирус. М.: Изд-во «Ультра. Культура», 2003. 392 с.
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 181 с.
- Сеченов И.М.* Избранные произведения. М.: Учпедгиз, 1953. 332 с.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018. 375 с.
- Сонин А.Г.* Очень наивная статья, или О радостях жизни без границ // Методология современной лингвистики. М., 2010. С. 204–214.
- Тарасов Е.Ф.* Научное наследие К. Маркса и исследование проблем речевого общения // Вопр. яз-ния. 1986. № 6. С. 97–104.
- Ухтомский А.А.* Собрание сочинений. В 6 т. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1945–1952. Т.1. 1950. 328 с.
- Фихте И.Г.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 783 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1974. 427 с.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Donald M.* Origins of the modern mind. Harvard Univ. Press. 1993. 424 p.
- Hutchins E.* Cognition in the World. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995. 381 p.
- Nelson K.* Language in Cognitive Development: The emergence of mediated mind. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. [Электронный ресурс: URL: https://education.byu.edu/sites/default/files/COMD/documents/ASLP_330_f01.pdf]. (Дата обращения 17.09.2020).
- Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge: Harvard University Press, 2003. 388 p.

1.2. Становление и развитие Московской психолингвистической школы

1.2.1. Нас было немного (Как все начиналось)

Н.В. Уфимцева
Москва

Возникновение отечественной психолингвистики как нового научного направления и формирование Московской психолингвистической школы связано прежде всего с именем Алексея Алексеевича Леонтьева.

Еще в студенческие годы Алексей Алексеевич проявил склонность к научной работе, его дипломная работа получила высокую оценку и легла в основу двух публикаций, благодаря чему он в виде исключения был принят на работу в Институт языкознания Академии наук СССР – сначала в сектор германских языков, а затем был переведен в сектор общего языкознания.

С начала 60-х гг. А.А. Леонтьев увлекся новой научной областью – психолингвистикой и стал автором первых статей и книг по психолингвистике в СССР. В 1968 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности», а с 1969 года возглавил в Институте языкознания Группу психолингвистики и теории коммуникации (см. подробную его биографию в: [Леонтьев, Леонтьева, Тарасов 2016: 11]).

Событием, положившим начало психолингвистическим исследованиям в СССР, можно считать первый семинар по психолингвистике, который состоялся 30 мая – 1 июня 1966 года в Институте языкознания в Москве и в Ленинградском государственном университете и был организован А.А. Леонтьевым. Весьма примечательным является состав участников семинара: А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова, Г.П. Щедровицкий, Н.Д. Климов, С.Д. Кацнельсон, С.К. Шаумян, Р.Г. Пиотровский, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.Р. Зиндер, Р.М. Фрумкина, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Г.П. Мельников, А.А. Брудный, В.М. Павлов и др.

История психолингвистических исследований в Институте языкознания АН СССР начинается с деятельности Проблемной группы психолингвистики, которая была создана решением ученого совета Института языкознания АН СССР 17 ноября 1967 г. В состав группы вошли сотрудники и аспиранты Института: А.А. Леонтьев (руководитель группы), Н.Н. Коротков, О.Н. Селиверстова, Е.М. Вольф, Р.М. Фрумкина, В.М. Павлов, Е.М. Иванова, А.П. Василевич, А.Н. Журинский, а также Е.Л. Гинзбург (Институт русского языка АН СССР), Н.И. Лепская (филологический факультет МГУ) и И.И. Ильясов (факультет психологии МГУ). Вот как об этом пишет сам А.А. Леонтьев:

Работа Группы началась в четверг 28 декабря докладом И.И. Ильясова «"Психологическая реальность" трансформационной грамматики». 8 февраля Р.М. Фрумкина и А.П. Василевич выступили с совместным докладом «Исследование восприятия слов тахистоскопическим методом». 7 марта состоялся доклад А.А. Леонтьева «Теоретические основы и состояние готовности „Словаря ассоциативных норм русского языка». 11 апреля Г.П. Мельников (МГПИ им. В.И. Ленина) прочитал доклад «Анализ процесса наименования». 23 мая О.Н. Селиверстова выступила с докладом «О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов». 14 ноября состоялось заседание, на котором Т.В. Рябова (Ахутина) выступила с докладом о взглядах Л.С. Выготского на фазную структуру внутренней стороны речи, а Е.М. Верещагин и А.А. Леонтьев проинформировали собравшихся о новой зарубежной и советской литературе по психолингвистике. 12 декабря обсуждался доклад А.А. Леонтьева «Смысл как психологическое и психолингвистическое понятие».

Наряду с систематическим обсуждением докладов (в числе постоянных и активных участников этих обсуждений хотелось бы назвать Н.И. Жинкина, В.М. Андрющенко, А.Е. Кибрика, И.Ф. Вардуля, Е.М. Верещагина) проблемная группа вела и другую работу. Так, она подготовила и провела в июле 1968 г. Второй симпозиум по психолингвистике, на котором с докладами и сообщениями выступили 7 из 12 членов группы [Леонтьев А.А. 2007: 6].

Официальная история нашего подразделения начинается с 1969 года, когда в штатном расписании Института языкознания РАН появляется Группа психолингвистики и теории коммуникации, которую возглавил Алексей Алексеевич Леонтьев, а первым сотрудником стал Александр Маркович Шахнарович.

О том, как это было, – слово Юрию Александровичу Сорокину:

«Но сначала был Алексей Алексеевич Леонтьев. Хочется даже сказать: "Изначально был". В некотором научном царстве-государстве, что на Волхонке, в уцелевших подсобных строениях (флигелях?) старинной дворянской усадьбы, соседствующей с музеем Изобразительных искусств имени Пушкина. Царство-государство не ахти какое, в два этажа, если память мне не изменяет, и на каждом из них вольнодумствовали по мере сил и возможностей сектора – уделы размером в одну небольшую комнату. Совсем маленькая – столы стояли впритык, повернуться было негде – досталась А.А. Леонтьеву после того как он, словно князь Курбский, бежал из германского сектора, где его и ценили, и привечали, но не одобряли его семейного интереса к психологии и «преждевременного» теоретизирования о Доме бытия

– о его архитектуре, сути и назначении. Словом, А.А. обособился с полудобрения, естественно, начальства, которое решило: отпустим и поглядим, что из этого получится. (Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, можно сказать: стоила овчинка выделки, стоила, хотя многие в этом сомневались, считая, что и молодость ему помеха, и исследовательский талант подозрителен и легковесен). Укоряли – и не всегда про себя – в неодобрении совковых порядков (А.А. временами был ироничен и ехиден), в дружбе с «подозрительными», внимании к тому, чем и как занимаются (но не по накатанной колее) лингвисты и психологи за бугром. Со временем подозрения с его таланта были сняты, но «печать» на нем поставили: полусвой, маргинал, пария. Проносил он ее всю жизнь, справедливо не веря в аплодисменты и комплименты, которыми и бескорыстно, и с расчетом (авось, запомнит, авось, он пригодится) его осыпали.

Получил эту маленькую комнату А.А. после того как ему разрешили заведовать Группой психолингвистики и теории коммуникации. Он понимал: нужны сотрудники-союзники, небольшая, но дружина. Одному тянуть новенький воз непосильно и трудно. Я присоединился к ней – по рекомендации Ольги Николаевны Михеевой, у нее учился А.А., – когда в этой комнате уже хозяйничали А.А. и Саша Шахнарович (где он его нашел – не помню). Потом А.А. сманил из Ленинграда Наталью Уфимцеву, а позже и нашего нынешнего шефа Евгения Федоровича Тарасова (кажется, он преподавал в ту пору в Военном институте). Значительно позже – после смерти А.А. Реформатского и «коловоращений» внутри его бывшего Сектора – к нам пришли Саша Василевич и Ревекка Марковна Фрумкина).

Защитили мы кандидатские диссертации – Саша, Наталья и я, – не отрываясь от нашего годового планового конвейера. А.А. был доволен: Группа посолднела. И завертелась дни и недели. Сашу А.А. благословил заниматься детской речью (речевому онтогенезу А.А. уделял – и справедливо – большое внимание), а нам, Наталье, Евгению Федоровичу и мне, досталось все остальное. А его хватало с избытком: нужно было разбираться в том, о чем шумят ненародные витии – лингвисты и психологи, чтобы не выглядеть профанами, отыскивать свое, и, по возможности, нетривиальное, внутри отвердевших осыпей взглядов и мнений и доказывать еще оспариваемое право на научное существование.

Для этого очень годились Симпозиумы по психолингвистике и теории коммуникации – обустройством их занимались вчетвером, – на которых и себя можно было показать, и других увидеть, обмениваясь с ними тем, что знаешь и что напридумывал. Именно на них довелось познакомиться с А.А. Брудным, И.Н. Гореловым, А.П. Журавлевым, А.С. Штерн, перемолвиться парой фраз с А.Н. Леонтьевым и Б.Ф. Поршневым. Они, старший Леонтьев и Борис Федорович, были благожелательны к нам, иные – но не на Симпозиумах – относились иначе: они, как говаривал М.Е. Щедрин, «... плечи на ударение, хресты на раны, уды на раздробление, телеса на муки предавали», и, естественно, телеса наши, а не свои.

Поводы для этого искать не приходилось: смущала теория деятельности, заимствованная у психологов (А.Н. Леонтьев, А. Валлон, но и Ж. Пиаже) и адаптируемая к потребностям лингвистики, стремление разобраться в механизмах восприятия и порождения речи (Т. Ахутина, а позже и А.А. Залевская) и представить в компактной и убедительной форме «грамматику говорящего» (она не написана до сих пор, хотя задача – сверхзаманчивая), требование, и к себе, но и к другим, экспериментально проверять и доказывать свои утверждения, жертвуя гипотезами / теориями первого уровня (умозрительными / абстрактными) в пользу гипотез третьего уровня (промежуточных / операциональных). Если к этому добавить, что А.А. был явным поливановцем (собрал и издал работы Е.Д. Поливанова, хотя, кажется, не все), а я – скрытым потебнианцем и уорфианцем, то картина получалась вполне импрессионистическая.

Говоря об этом не столь сухо, я сказал бы так: А.А. хотел, чтобы мы запомнили хотя бы два дзэн-буддийских постулата: «Труднее всего играть на флейте без отверстий» и «лучше увидеть лицо, чем услышать имя». Второй из этих постулатов / коанов был нам по душе. Мы интуитивно улавливали его суть. (Сейчас я «дешифровал» бы этот постулат / коан с помощью М. Хайдеггера: «Мыслящее знание есть в себе поведение, ведомое не тем или иным сущим, но бытием и в бытии»).

Из нашей комнаты на втором этаже мы все-таки переехали на этаж первый. Расширились волею начальства: надоели просьбами. Новое место понравилось: и к выходу поближе (шагов десять – пятнадцать), и в окно вылезти – пара пустяков, если необходимо было неофициально исчезнуть. Или что-нибудь передать мимо вахтера. А такое случалось: почти напротив был винно-водочный магазин, рядом

с ним торговали портвейном в розлив, а правее, отступая в глубь от соседствующего дома, находилось летне-зимнее кафе: распивочно и на вынос. Для себя и наших гостей мы (Саша и я) приносили вино в бидоне и наливали в чайник. И гоняли «чай». Запах, правда, выдавал. Говорили о разном, и не только о «матерях важных». Перескакивая с одного на другое: «Где-то девочка живет, молодая, модная. // Где-то месяц хлеб жует, жарит мясо молния. // Где-то весело бегут за морошкой власти. // Где-то волосы стригут золотые страсти». Но каждый все-таки помнил и о другом: «Мой черновик, как бездорожье. // Пора к рукам прибраться, пора. // По неосмыслимой пороше // скрипят салазочки пера. // Порожний рейс без лошадей, // ни образа вам, ни креста. // О, пей да дело разумей, // моя падучая звезда!»

О своих и чужих «салазочках» спорили в коридорах (с Толей Новиковым, Борисом Якушиным, Вероникой Телия. В последние годы своей жизни к нашим, психолингвистическим, «салазочкам» стал внимательно приглядываться и Г.В. Колианский).

По поводу и без оного собирались и у шефа, у А.А., благо он жил почти в самом Центре. Он всеми силами старался выбивать из нас пыль официальности, которая стояла столбом на всех этажах Института. Лучшие всего это было делать дома, в обыденной семейной обстановке за неторопливым ужином вперемежку с разговорами обо всем понемножку. А в соседних комнатах еще играли напоследок дети. Эту атмосферу домашности А.А. старался перенести и в Группу, незаметно приучая к ней. Если к этому добавить его терпимость / толерантность к человеческим слабостям и творческой полусостоятельности приходящих и претендующих, а они были частыми гостями, его неприязнь к социальным альпинистам, дружескую равнопартнерскую манеру беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолобий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом помимо двух своих профессий – лингвиста и психолога – и поощрять набег в сопредельные с психолингвистикой домены («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»), можно сказать, что вопреки всем титулярным советникам и миру их ценностей, верований и притязаний МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО. Не скажу, что А.А. был верующим. А если и был – верил в бога Р. Декарта: «Под словом «бог» я подразумеваю субстанцию бесконечную, вечную, неизменную, независимую, всеведущую, всемогущую, создавшую и породившую меня и все остальные существующие вещи (если они действительно существуют)». И наверное согласился бы с Р. Декартом, который спрашивал: «Но что же я такое?» и отвечал: «Мыслящая вещь».

Не скажу, что другие мои коллеги были христианами, скорее всего, они были скептиками и пантеистами (а я, например, был и остаюсь неудавшимся полудаосом). И все-таки и тогда мы пытались, не зная об этом, жить по Ефрему Сирину: «Не делай так, чтобы сегодня петь с Ангелами, а наутро плясать с бесами. Блажен, кто плакал на земле для Бога...»

Когда нам говорят: «У вас здесь хорошо: спокойно и доброжелательно» – мы отвечаем: «По традиции. Не нами заведено, и, надеюсь, не нами и кончится» [Сорокин 2007: 7–8].

В 1986 году Группа психолингвистики и теории коммуникации стала сектором, а в 2011 – отделом психолингвистики, в состав которого входят сектор общей психолингвистики, сектор этнопсихолингвистики и Научно-образовательный центр межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева (создан в 2016 году, проводятся регулярные заседания, записи докладов размещены на сайте Института языкознания РАН и в социальных сетях: <https://vk.com/leontevcentr>, <https://www.facebook.com/leontevcentr/> https://www.youtube.com/channel/UCu6wKN7gjJThIF_8Ms-v2A).

Силами сотрудников отдела психолингвистики организовано и проведено 19 симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации (сейчас они проходят раз в три года), в том числе X Международный конгресс Международной ассоциации по прикладной психолингвистике (ISAPL), Москва, 26–29 июня 2013 г., 8 ежегодных конференций «Жизнь языка в ультуре и социуме» (проходят, начиная с 2010 года). С 1996 г. по 2009 г. при отделе работал постоянно действующий семинар «Язык. Сознание. Культура», было выпущено 7 сборников трудов. С 2003 года издается журнал «Вопросы психолингвистики» (<https://www.iling-ran.ru/web/ru/publications/journals/vpl/>).

Начав с критического осмысления и анализа достижений американской психолингвистики, Московская психолингвистическая школа очень быстро, хотя отнюдь не безболезненно,

обрела собственное лицо. Постепенно расширяя свой предмет, отечественная психолингвистика выросла в самостоятельную научную дисциплину, работающую на стыке лингвистики, общей, этнической и социальной психологии, культурологии, социологии. Сформировано новое представление о языке как о деятельностной структуре,

«к которой принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и, наконец, специфичные для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия)» [А.А. Леонтьев 1996: 43].

Сформированы новые области исследования: этнопсихолингвистика, языковое сознание, коммуникативное сознание, онтогенез языковой способности, фоносемантика, психо-поэтика, слово как достояние индивида, индивидуальный лексикон, теория общения, интент-анализ речи, психологическое литературоведение, психология грамматики. Построены модели порождения речи (а по сути, модели языковой способности) (Т.В. Ахутина-Рябова, А.А. Леонтьев, Т.Н. Ушакова) и смыслового восприятия речи (И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин), понимания текста (А.А. Залевская), межкультурной коммуникации (Е.Ф. Тарасов), создана первая сетевая модель образа мира носителей русского языка по материалам РАС, и на ее основе сформированы представления о культуре как системе сознания (Н.В. Уфимцева). Разработаны оригинальные методики исследования текста: семантический дифференциал (Ю.А. Сорокин), теория лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), апробированы методы анализа ассоциативного поля (семантический гештальт Ю.Н. Караулова и его модификации и метод выявления яркости ассоциатов И.А. Стернина).

Собран огромный корпус экспериментального материала по разным языкам и культурам, прежде всего в виде ассоциативных словарей, самыми объемным из которых являются Русский ассоциативный словарь (РАС) и Славянский ассоциативный словарь (САС), созданный на базе четырех языков: белорусского, болгарского, русского и украинского. Продолжается работа по сбору экспериментального материала для Русского регионального ассоциативного словаря, состоящего из трех самостоятельных баз данных: ЕВРАС (эксперименты проводятся в Европейской части РФ), УРРАС (эксперименты проводятся на Урале) и СИБАС (эксперименты проводятся в Сибири и на Дальнем Востоке); заканчивается сбор материала для Крымского ассоциативного словаря, начата работа по созданию Ассоциативного словаря жителей Донбасса.

Написаны десятки монографий, изданы многочисленные сборники статей и материалов симпозиумов и конференций (см. Приложение 1, 2).

Защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, написано около десятка учебников. Все это свидетельствует о том, что психолингвистика вступила в такой период своего развития, когда полностью сформировалась ее парадигма, и она стала, по классификации Т. Куна, «нормальной наукой».

Заканчивая этот маленький обзор, который не претендует на полноту анализа, хочу поклониться светлой памяти Виктории Николаевны Ярцевой, тогдашнего директора Института языкознания АН СССР, ибо благодаря ее прозорливости и научной смелости возникла в Институте языкознания АН СССР сначала Проблемная группа психолингвистики, а в 1969 году и административная единица с таким названием.

Литература

Леонтьев А.А. Язык не должен быть чужим // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41–47.

Леонтьев А.А. О проблемной группе психолингвистики // Вопросы психолингвистики, 2007, № 6, С. 6.

Леонтьев Д.А., Леонтьева А.А., Тарасов Е.Ф. Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография // Вопросы психолингвистики, 2016, № 1(27), С. 10–17.

Сорокин Ю.А. Нас было немного // Вопросы психолингвистики, 2007, № 6, С. 7–8.

1.2.2. Основные направления деятельности МПЛШ

1.2.2.1. Исследования речевого общения в МПЛШ

Е.Ф. Тарасов
Москва

Цель этого параграфа – описать методологические теории речевого общения (ТРО).

Знакомство с попытками построить ТРО показывает чрезвычайную сложность проблем, решение которых необходимо для ее создания. Это, прежде всего, речевое общение (РО) – процесс несамостоятельный, целиком зависящий от совместной деятельности (СД), ради организации которой оно и разворачивается. Само РО реализуется как решение ряда задач, которое есть процесс собственно РО. Но РО – это два взаимосвязанных процесса: процесс производства речи и одновременно с ним разворачивающийся процесс смыслового восприятия речи (если мы имеем дело с устной речью). Речевые процессы осуществляются при помощи сложного инструмента – при помощи языковых и неязыковых знаков, из которых продуцируются и воспринимаются речевые сообщения, состоящие из тел языковых и неязыковых знаков, использование которых предлагает общность сознаний коммуникантов, а также идентичное понимание ими той инфраструктуры общества, где разворачивается РО.

При анализе речевых процессов производства и восприятия речи со сложными психическими процессами, имеющими как внешние звенья (производство и восприятие речи), так и внутренние звенья (образы сознания, образующие мысль, которая затем вербально моделируется в речи. Однако объектом анализа в ТРО является речь коммуникантов, в разной степени владеющих речью, и поэтому ТРО должна учитывать проблемы овладения речью в онтогенезе.

Целесообразно указать, что психолингвистика (ПЛ) как стыковая дисциплина возникла на границе психологии и лингвистики для решения четырех базовых проблем: производство речи, (смысловое) восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение.

К моменту возникновения ПЛ в 1953 уже существовала модель передачи сообщений в электрических цепях К. Шеннона и У. Уивера (1949), но она не учитывала специфику и динамику собственно человеческого общения. В этой модели коммуникативного акта была реализована схема, при помощи которой описывается деятельность – это субъект–объектная схема. Но в модели Шеннона–Уивера субъект–объектная схема, ранее сформированная при анализе деятельности человека, была использована для анализа не деятельности, а общения, что позволило трактовать его как воздействие человека на человека, или как управление его поведением.

Описание задач, предлагаемых к решению

Решение любой научной задачи, при анализе речи, в первую очередь, предполагает осмысление методологических проблем влияния неязыковых факторов, обуславливающих константность и вариативность речевых воздействий коммуникантов друг на друга. Эти факторы локализуются непосредственно в структуре их совместной деятельности или в структуре общества и в общественных отношениях.

В качестве частной методологии ТРО российская ПЛ, предпосылки которой мы пытаемся сформировать, имеет общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева. Поэтому в качестве предварительной проблемы при построении ТРО стоит задача рецепции системно-деятельностного подхода. Перечислим задачи, подлежащие решению.

1. Задача рецепции системно-деятельностного подхода, сформированного в рамках культурно-исторической психологии Л.С. Выготским и общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьевым, с целью адаптации этого подхода к построению объяснительных моделей производства, восприятия и хранения языковых и неязыковых единиц ментального лексикона.

2. Задача построения модели речевого общения взрослого и ребенка как процесса организации их совместной деятельности, которая через этап интериоризации становится психикой ребенка.

3. Задача построения модели речевого общения как процесса организации совместной предметной деятельности в профессиональной сфере, ориентированной на производство культурных предметов конкретной этнической культуры.

Таким образом, исходное методологическое положение, основанное на наблюдении за процессами СД и РО, состоит в утверждении их неразрывной генетической связи.

Следующее методологическое основание ТРО состоит в том, что РО трактуется в соответствии с субъект–объектной схемой, которая искажает отношения коммуникантов, т.к. каждый из них полагает себя субъектом речевого воздействия, регулируя поведение собеседника.

Дело в том, что в анализе РО мы имеем дело с тремя субъектами: два субъекта – это коммуниканты, психологически воздействующие друг на друга, а третий субъект – это ученый-аналитик, изучающий РО коммуникантов. Наблюдения показывают, что каждый из субъектов создает в своем сознании собственную индивидуальную модель ситуации общения: каждый из коммуникантов полагает себя субъектом, а партнера объектом, при этом свои реплики в этой модели он рассматривает как воздействие, а реплики партнера как обратную связь. Ученый-лингвист, анализируя РО, фиксирует только внешнее речевое и неречевое поведение, которое квалифицирует как обмен репликами и контррепликами. При попытках вскрыть ненаблюдаемые феномены РО аналитик строит модель РО, «вставая» поочередно на позиции коммуникантов. Такую же умственную процедуру осуществляют и сами коммуниканты, выстраивая модель РО с позиции партнера. В этом случае аналитик может изучать РО при помощи дополнительных моделей, апеллируя к принципу дополненности Н. Бора.

Очевидно, что адекватное представление о РО исследователь может сформировать только в случае анализа РО при помощи, по крайней мере, трех разных моделей РО, эклектически сопоставляя их как рядоположенные сущности и не интерпретируя разные модели друг через друга в рамках триангуляционного подхода [Янчук 2000].

В РО воздействие осуществляется субъектом РО в процессе производства сообщений, состоящих из языковых и неязыковых знаков, и предоставляемых объекту.

Цель смыслового восприятия речевого сообщения реципиентом заключается в том, чтобы сориентироваться в тех изменениях в некотором фрагменте его образа мира, которое он должен учитывать в СД с партнером, т.е. субъективная цель реципиента, участника СД, – понять воздействие на него как управление его поведением.

Регулирование внутреннего и внешнего поведения реципиента состоит в том, чтобы побудить его построить в своем сознании картину его будущих действий, побуждаемых субъектом РО (цель, действия, операции), а также мотивировать совершение этой инспирируемой деятельности (актуализовать одну из потребностей реципиента, предложить мотив, удовлетворяющий этой потребности, ориентировать в инспирируемой деятельности).

Очевидно, что предлагаемая модель РО – это модель в рамках не информационного, а системно-деятельностного подхода, который позволяет анализировать РО в контексте реальной жизни коммуникантов, понимаемой как СД, погруженную в РО. Иначе говоря, системно-деятельностный подход дает более адекватное представление о РО. При опосредованном знаками РО предполагается, что говорящий, производя речевое сообщение, состоящее только из тел языковых (и неязыковых) знаков, заранее осведомлен о знаниях реципиента, которые тот может использовать для конструирования содержания полученной цепочки тел языковых знаков. Другими словами, РО состоится только в том случае, если знания, ассоциированные с телами языковых знаков в речевой цепочке, будут общими для обоих коммуникантов. Вывод о необходимости общности сознаний коммуникантов является вполне банальным, он учитывается во многих областях человеческой деятельности [Зайцев 1999; Гиндилис 2001].

В лингвистике общность сознаний коммуникантов не рефлексруется в явной форме при анализе речевых сообщений, современных для исследователя. Необходимость учета этой проблемы возникает только при анализе текстов, созданных в отдаленных от исследователя эпохах, а также при анализе детской речи, у носителей которой еще не сложилась общность сознаний со взрослыми, при анализе специальных (профессиональных) текстов и, естественно, при исследовании речевых сообщений в межкультурном общении. При чтении «Евгения Онегина» современный читатель пользуется комментарием М. Лотмана или В. Набокова, «Путеводителем по Пушкину» [Путеводитель 2009: 592]; при общении с ребенком взрослый избегает слов, ребенку неведомых. Профессиональные тексты читаются с использованием специальных словарей, для оптимизации межкультурного общения создаются книги образца «Наблюдая за англичанами» К. Фокс, и только при исследовании производства и восприятия речевых сообщений в теоретической лингвистике обходят вниманием проблемы общности сознаний коммуникантов.

В теории деятельности А.Н. Леонтьева большое внимание уделяется проблемам восприятия, и поэтому вполне закономерно эта проблема получила решение в концепции образа мира, где было разработано представление о формировании сознания в ходе присвоения своей этнической культуры [Леонтьев 2012], а также собственно представление об образе мира [Леонтьев 2000].

Образ мира, по А.Н. Леонтьеву, это интегративная совокупность знаний личности, которая формируется в процессе проживания в конкретной этнической культуре. Эти знания служат для прогноза результатов своей деятельности в качестве инструмента познавательной активности. В дальнейшем концепция образа мира разрабатывалась С.Д. Смирновым [Смирнов 1985].

Концепция образа мира А.Н. Леонтьева объясняет онтологические основания знакового общения членов этноса, когда люди при помощи квазипредметов, т.е. при помощи предметов «утративших» свою субстанцию и сохранивших способность только указывать на другие (предметы) могут регулировать поведение других людей, инспирируя их активность, модели которой известны коммуникантам заранее, как и инфраструктура общества, где протекает СД и РО. Следовательно, знаковое общение возможно только в том случае, если коммуниканты обладают общностью сознаний и осуществляют СД в известной им общественной инфраструктуре. Только в этом случае субъект РО может побудить объект РО сконструировать в своем сознании программу будущей СД, не сообщая ему никаких новых знаний, а вынуждая построить новые знания из рекомбинации своих старых знаний.

Центральными проблемами при анализе речи являются проблемы смыслового восприятия речи (СВР).

В лингвистике при анализе СВР лингвист-аналитик в поле своего восприятия имеет дело чаще всего с остановленной, т.е. с письменно зафиксированной речью, представленной в виде редуционистской модели, в которой речь изолирована от соупотребляемых неязыковых знаков и от ограничений, накладываемых социальной ситуацией общения и социальными характеристиками коммуникантов [Морозов 2011: 29]. Любое речевое сообщение лингвист-аналитик рассматривает как имеющее некоторое содержание, которое он ничтоже сумняшеся конструирует от имени реципиента этого сообщения, приписывая реципиенту свое понимание содержания. В литературоведении научное сообщество принимает такую подмену, но в лингвистике такая подмена осуществляется контрабандой, правда, в некоторой степени оправданной, когда анализируется грамматическая система языка. В психолингвистике, стремясь нейтрализовать недостатки интроспекционистского анализа, СВР изучают экспериментально, исследуя рецептивное поведение профанных носителей языка.

В связи с тем, что при анализе СВР исследователь описывает свое собственное восприятие, от рефлексии ускользает проблема хранения реципиентом сконструированного им содержания воспринятого речевого сообщения.

Итак, реальная форма существования значения – это личностный смысл, который определяется в ходе осознания, протекающего как отнесение мотива к целям деятельности, в структуре которой разворачивается РО и осуществляются речевые высказывания.

Вторая проблема, подлежащая решению в ТРО, как мы уже упоминали, это проблема речевого воздействия субъекта РО на объект (на другого человека) с целью регулирования его поведения в структуре РО и в структуре СД. Возможности регулирования поведения человека в социуме обусловлены степенью строгости ограничений, налагаемых ролевыми ожиданиями.

Социальная роль (понятие, которое было введено Р. Линтоном и Дж.Г. Мидом) – это социально санкционированные константные образцы поведения, обусловленные социальным статусом или социальной ролью занимаемой личностью [Андреева 2010:954].

Обычно, но не всегда, поведение члена социума регулируется с учетом ролевых предписаний, которым должен следовать конкретный человек, занимающий некоторую социальную позицию, динамическим аспектом которой является социальная роль.

Регуляция ролевого поведения членов социума осуществляется при помощи речевых (шире – знаковых) сообщений, что предполагает изготовление цепочки тел языковых знаков говорящим и смысловое восприятие этой цепочки реципиентом. Последнее состоит в восприятии цепочки тел языковых знаков и в построении в результате этого *образа содержания* речевого сообщения, в последнем кроме тел языковых знаков ничего нет.

В науке и за ее пределами имеет хождение ложная метафора «информация передается и принимается в речевых сообщениях», которая вводит в заблуждение, если она используется для объяснения семантических процессов в сознании общающихся коммуникантов.

Л.Ф. Чертов показал, что в исследовании взаимопонимания общающихся коммуникантов общим признаком всех информационных процессов является детерминация отношений одной системы отношениями другой системы, которая объясняется формулой «причина – следствие». Такая детерминация существует в форме двух видов: непосредственной и опосредованной, отождествляемой им с непосредственным и опосредованным способом передачи информации.

Непосредственный способ передачи информации – это передача структуры источника (причины) приемнику, в котором эта структура запечатлевается некоторым образом, например, штамп запечатлевается в металле заготовки, гравюра отпечатывается на бумаге и т.п. [Чертов 1993: 22–23].

Такая детерминация отношений наблюдается в физических природных процессах. Более сложно организованные процессы: социальные, психологические, биологические, используют информационные опосредованные связи, осуществляемые при помощи сигнальных знаковых способов.

Характеризуя опосредованные формы связи, Л.Ф. Чертов пишет, что

«соотношение структуры внешнего воздействия с внутренней структурой “приемника” в опосредованных формах связи радикально меняется. Если при непосредственном контакте “источника” и “приемника” внутренняя структура последнего оказывается препятствием для принятия и сохранения “чужой” структуры, то уже в простейших случаях сигнальной связи внутренняя структурная организация “приемника” превращается в основной фактор, от которого зависит количество и качество информации, извлекаемой “приемником” из сигнала. В то же время структура внешнего воздействия при опосредствовании способа передачи информации уже не имеет той роли главного информирующего начала, формирующего само содержание сообщения, какую она играет в случаях прямого переноса структуры от “источника” к “приемнику”. Сигнал может быть определен как такое внешнее воздействие на систему – приемник, которое играет роль “пускового толчка”, включающее действие некоторой готовой программы ответной реакции. Существенно, что такая программа должна быть уже заранее заданной, заложенной в организацию реагирующей системы и поэтому априорной по отношению к данному сигнальному воздействию, – поскольку именно эта программа, а не структура сигнала детерминирует структурные характеристики, измененных отношений, т.е. полученной информации» [Чертов 1993: 25–26].

Подобное представление о механизме сигнального способа не является экзотическим, как это могло показаться, напротив, оно достаточно распространено [Винер 1968: 116–117; Черри 1972: 201; Штейнбух 1967: 51].

Таким образом, производство и смысловое восприятие речевых сообщений, которое относится к знаково опосредованным способам передачи и приема информации, можно трактовать как «пусковой толчок», включающий производство «заранее заданной» программы, реализация которой и есть процесс понимания речевого сообщения – в наших терминах – построение образа содержания воспринятого сообщения. Иначе говоря, смысловое восприятие реципиентом речевого сообщения, состоящего только из тел языковых знаков, начинается с сенсорного восприятия звуков, которые реципиент опознает как звуки конкретного этнического языка, затем на основе воспринятой сенсорной массы реципиент строит перцептивный образ конкретного слова (а затем и всей речевой цепи), на следующем шаге, опознав некоторый осмысленный фрагмент речевой цепи (например, предложение), реципиент из *своего сознания* вызывает образы предметов, ассоциированные с воспринятыми телами языковых знаков, значения этих предметов и формирует образ содержания осмысленного предложения.

Взаимопонимание коммуникантов происходит тогда, когда реципиент формирует образ содержания воспринятого речевого сообщения в соответствии с прогнозами говорящего. Так как речь служит эффективным средством управления поведением людей и, следовательно, подобные прогнозы оправдываются, то встает вопрос о причинах эффективности таких прогнозов, или, говоря иначе, нужно ответить на вопрос: «Почему коммуниканты, общающиеся на одном языке, обладают общностью своих сознаний?»

Ответить на этот вопрос можно, если учесть, что человек становится личностью, т.е., собственно, человеком только тогда, когда сформирует свою психику и прежде всего свое сознание в процессе деятельностного присвоения предметной культуры своего этноса. Культурно-исторический подход Л.С. Выготского и системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева к анализу психических явлений дают адекватное, и пока не знающее альтернатив, решение: психика человека формируется в СД ребенка и взрослого (наставника), погруженной в РО.

Человек, живущий в социуме, и, естественно, сотрудничающий с другими членами этого социума, вынужден присваивать значения культурных предметов, вскрытых общественной практикой и создавать тем самым сознание, идентичное с сознанием всех членов социума, что и является самой главной предпосылкой знакового общения.

Для обозначения знаний, формируемых личностью в процессе проживания в конкретном обществе, имеющем среду обитания в определенном природном ландшафте, А.Н. Леонтьев предложил, как уже упоминалось, понятие образа мира, которое отображает результат ориентировочных действий, практикуемых личностью в конкретном обществе [Леонтьев А.Н. 1983: 251–261].

Образ мира А.Н. Леонтьева – это совокупность знаний личности. Главная характеристика этих знаний не только в том, что они – результат присвоения личностью конкретной этнической культуры, но и в том, что эти знания в определенной степени идентичны у всех носителей конкретной этнической культуры, а сверх того являются инструментом познания этой же культуры. Следовательно, знание конкретной этнической культуры обеспечивает взаимопонимание с другими понятиями этой культуры, но только в структуре этой же культуры. Именно идентичность знаний из общего образа мира коммуникантов позволяет им достаточно точно прогнозировать образ содержания речевого сообщения, который будет создаваться реципиентом из наличных знаний в качестве его реакции на речевое высказывание («пусковой толчок») говорящего.

В качестве промежуточного вывода о предпосылках и механизме знакового общения, можно утверждать, что информация в РО *не передается, а создается* реципиентом в качестве реакции на воспринятое речевое сообщение (в виде цепочки тел языковых знаков) и *каждый раз заново*.

Любая ТРО, претендующая на адекватное отображение поведения коммуникантов, должна рассматривать их как субъекты СД и РО, которые в своей активности учитывают результаты ориентировочных действий и воздействуют на партнера по общению, исходя из собственных представлений о его качествах, релевантных для достижения успеха. Следовательно, каждый коммуникант в своей активности ориентируется на собственный образ ситуации РО, который включает в себя следующие представления о коммуникативном акте: (1) сведения о СД, в структуре которой разворачивается РО, охватывающие знания о мотивах участников СД; (2) гипотезу о познавательных возможностях собеседника и его потребностно-мотивационной сфере, которая обуславливает отбор языковых единиц для построения речевых сообщений, направленных на объект воздействия; (3) план осуществления РО, включающий в себя гипотезу о речевом поведении собеседника.

Наблюдения за живым общением дают повод для вывода о том, что образы одной и той же ситуации РО не идентичны у разных коммуникантов. (Кстати, различие подобных образов не рефлексировано в описательной лингвистике.) В искусстве – в кино и художественной литературе – различие образов ситуации у отдельных коммуникантов учитывается и отображается. В науке эта проблема отрефлексирована у М.М. Бахтина (в концепции полифонического романа Ф.М. Достоевского, анализ которого позволяет М.М. Бахтину представить жизнь человека как «глубочайшее общение» [Бахтин 2002]).

В лингвистике проблема неидентичности образа ситуации РО не удостоилась научной рефлексии из-за сложности объекта анализа – речевого общения, которое есть процесс трудно фиксируемый, где языковые средства имеют неоднозначно идентифицируемые личностные смыслы, окказиональные употребления, неадекватно вербально моделируют образы сознания, употребляются с нарушением лексических, грамматических и этических норм.

В отечественной лингвистике модели РО строятся с опорой на работы функционалистского направления, здесь нужно назвать в первую очередь работы членов Пражского лингвистического кружка, а также близких к ним К. Бюлера, Р. Якобсона. Кроме того, к этому направлению могут быть причислены Ю.С. Степанов, В.А. Аврорин и наш современник Л. Теньер.

Проблема идентичности / неидентичности образа ситуации РО напрямую связана с проблемой языкового и неязыкового сознания коммуникантов и с проблемой образа мира А.Н. Леонтьева, которая может пониматься и как аналог этнокультурного сознания членов социума, степень общности которого у участников речевого взаимодействия сказывается на процессе взаимопонимания. Общность сознаний коммуникантов никогда не бывает полной, исключая, вероятно, профессиональное сознание, где взаимодействие в СД и РО специально отрабатывается, как, например, при подготовке космонавтов.

Чем могут различаться образы ситуации общения у разных коммуникантов? Прежде всего, целью СД, но только на начальном этапе, далее цепь СД должна стать общей – иначе СД не состоится. Далее они могут различаться (или совпадать) мотивами сотрудников СД. Кроме того, они могут не совпадать по критерию набора операций у каждого коммуниканта, что является несовпадением представлений об условиях (особенно социальных) протекания действий СД.

Распространенной является, как уже упоминалось выше, оценка познавательных возможностей собеседника и его потребностно-мотивационной сферы. Экспериментально было показано, что оценка содержания экспериментального текста, осуществленная по методу семантического дифференциала Ч. Осгуда, фундаментальным образом зависит от позиции испытуемого (автор, реципиент, сторонний наблюдатель) [Матвеев и др. 2019: 236–249].

Естественно, возникает вопрос о том, как и при помощи каких инструментов исследователь РО может анализировать этот феномен.

При анализе микромира наличие двух моделей атомного ядра вынудило Н. Бора сформировать познавательный инструмент, известный как принцип дополнительности, в социологии при анализе социальных явлений используют эклектический подход, суть кото-

Раздел 1

рого состоит в том, что при исследовании одного объекта 1) используются разного типа данные; 2) участвуют разные исследователи; 3) принимаются разные теории (подходы); 4) разные методы и результаты таких исследований рассматриваются как рядоположенные и не интегрируются в одну картину, а эклектически дополняют друг друга [Denzin 1989]. Этот способ научного анализа, распространенный в социологии и социальной психологии, получил обозначение триангуляционного подхода [Аберкромби, Хилл, Тернер 2004; Янчук 2000].

Триангуляционный подход в приложении к проблеме а) понимание образов ситуации РО и б) понимания собственно речевых сообщений позволяет сделать, по крайней мере, два важных вывода.

Во-первых, для решения проблемы понимания образов ситуации РО, которое детерминирует как производство, так и смысловое восприятие речевых сообщений, целесообразно, во-первых, использовать принцип дополнительных моделей речевого общения [Тарасов 2019], а, во-вторых, перенести на понимание речевых сообщений принцип множественности научной истины, в соответствии с которыми содержание конкретного речевого сообщения *всегда* вариативно, т.к. оно конструируется реципиентом из своих наличных знаний, которые *никогда* полностью даже у одного коммуниканта не являются константными в пространстве и времени, и точность понимания речевого сообщения может быть осуществлена только на основе наблюдения за овнешнениями реципиента полного содержания.

Практика общения, когда правильность понимания речевого сообщения, контролируется в ходе наблюдения за внешней реакцией реципиента, можно проиллюстрировать следующим, правда несколько экзотическим, примером. Б.М. Теплов в работе «Ум полководца» писал, что при подготовке штурма Измаила А.В. Суворов не только предложил подробнейшую диспозицию (как нужно действовать), но и построил копию измаильского вала и систематически тренировал войска, наблюдая во внешней форме как понята его диспозиция [Теплов 1985: 255].

Исходя из принципов триангуляционного подхода к анализу РО, образы ситуации РО и содержание речевых сообщений каждого реципиента целесообразно фиксировать и описывать при помощи дополнительных рядоположенных моделей, включающих в себя следующие единицы: сотрудник по СД в качестве субъекта этой же СД, партнер по РО в качестве объекта, его познавательные возможности и потребностно-мотивационная сфера, действия речевые и неречевые, цели действий и мотивы участников СД.

Выводы

Наш анализ проблем речевого общения в ТРД позволяет сделать следующие выводы.

ТД и ТРД являются вполне адекватными методологическими и, соответственно, теоретическими основаниями для формирования ТРО.

ТРО на современном этапе нельзя считать полностью сформированной.

Для дальнейшего развития ТРО необходима обширная программа экспериментальных исследований.

Литература

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Е.С. Социологический словарь / Под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: «Экономика», 2004. 622 с.

Андреева И.Н. Социальная роль // Новейший социологический словарь. Сост. А.А. Грищанов, В.Л. Абушенко и др. Мн.: Книжный Дом, 2010. 1312 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960–1970 гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.

Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. 2-е издание. М.: «Советское радио», 1968. 328 с.

Гинделис Л.М. Внеземные цивилизации: век двадцатый // Общественные науки и современность. 2001, № 1. С. 138–147.

- Зайцев А.Л.* Радиовещание для внеземных цивилизаций // Информационный бюллетень SETI. 1999, № 15. С. 31–47.
- Леонтьев А.Н.* Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
- Матвеев М.О., Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф.* Восприятие текста в зависимости от коммуникативной позиции испытуемого // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под. ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: ИЯ РАН, 2019. 436 с.
- Морозов В.П.* Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: «Когито-Центр», 2011. 410 с.
- Путеводитель по Пушкину / *М.К. Азадовский* и др. М.: Эксмо, 2009. 592 с.
- Смирнов С.Д.* Психология образа: Проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985.
- Тарасов Е.Ф., Головина Л.В.* Понимание речевых сообщений и принцип дополнительности // *Организационная лингвистика*. 2019. № 2 (6). С.9–23.
- Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2-х тт. Т.1. М.: Педагогика, 1985. 328 с.
- Черри К.* Человек и информация (Критика и обзор). Пер. с англ. М.: «Связь», 1972. 368 с.
- Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. 388 с.
- Штейнбух К.* Автомат и человек. Кибернетические факты и гипотезы. Пер. с нем. С.А. Бигдаш; Ред. пер. с нем.: В.И. Мудров. М.: Советское радио, 1967. 493 с.
- Янчук В.А.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Мн.: Бестпринт, 2000. 347 с.
- Denzin N.K.* *The Research Act*. 3rd ed. Englewood Cliffs, NY Prentice Hall, 1989.

1.2.2.2. Исследования языкового сознания в МПЛШ

Е.Ф. Тарасов
Москва

Целью теории языкового сознания является создание теоретических предпосылок для исследования процессов производства и восприятия речи.

Предметом этой теории является исследование связи между образами сознания, формируемыми при непосредственном восприятии реальной действительности или образами воспоминания (воображения), извлекаемыми из социальной памяти говорящим, и вербальными моделями – речевыми сообщениями, во внешней форме представляющими содержание мыслей говорящего. В современных психолингвистических работах существуют модели производства и восприятия, в которых пока отсутствуют четкие и однозначные представления о связи содержания мыслей говорящего и возможностями их вербального моделирования.

Объектом языкового и неязыкового сознания являются акты речевого общения, разворачивающиеся в совместной деятельности (СД) в социальных отношениях носителей конкретной этнической культуры.

Известно, что существует философский подход к сознанию, эксплицируемый обычно в суждениях о первичности материи и вторичности сознания и научный подход, модифицированный в различных научных дисциплинах для своих целей. Синтетическое представление о сознании, сформированное в психологии, но с попыткой на философское расширительное понимание сознания дано В.П. Зинченко:

«Сознание – идеальная форма, существующая объективно, имеет полифоническое, диалогическое, смысловое строение, включающая в себя не только со-знание, но и аффективно-смысловые образования. Идеальная форма, существующая до и вне отдельного индивида есть приглашающая сила или движущая

Раздел 1

сила индивидуального развития. Она усваивается, субъективируется и становится реальной формой психики и сознания индивида» [Зинченко 2009: 892].

Пожалуй, наиболее адекватное, подходящее для экспериментальных верификаций, психологическое понимание сознания сформировал А.Н. Леонтьев, связав филогенетическое представление о сознания с предметной деятельностью, в процессе которой сознание понимается как образ предмета, в котором «застывает», опредмечивается деятельность. В процессе труда

«происходит опредмечивание также и тех представлений, которые пробуждают, направляют и регулируют деятельность субъекта. В ее продукте они обретают новую форму существования в виде внешних, чувственно воспринимаемых объектов. Теперь в своей внешней, экстериоризованной или экзотерической форме они сами становятся объектами отражения. Соотнесение с исходными представлениями и есть процесс их осознания субъектом – процесс, в результате которого они получают в его голове свое удвоение, свое идеальное бытие. Такое описание процесса осознания является, однако, неполным. Для того, чтобы этот процесс мог осуществляться, объект должен выступить перед человеком как запечатлевший психическое содержание деятельности, т.е. свой идеальной стороной» [Леонтьев 2012: 22–23].

Иначе говоря, образ предмета как психическое содержание деятельности по изготовлению этого предмета должен присутствовать в сознании деятеля еще до самой деятельности в качестве средства управления ею.

Но А.Н. Леонтьев связывает возникновение и функционирование сознания не только с предметной деятельностью, но и с общественными (социальными) связями. Он пишет, что выделение идеальной стороны предметной деятельности «не может быть понято в отвлечении от общественных связей, в которые необходимо вступают участники труда, от их общения. Вступая в общение между собой, люди производят также язык, служащий для означения предмета, средств и самого процесса труда. Акты означения и суть не что иное, как акты выделения идеальной стороны объектов, а присвоение индивидами языка – присвоения, означаемого им в форме его осознания» [цит. раб.: 23]. Для А.Н. Леонтьева язык – это только средство присвоения идеальной формы культуры, т.е. сознания, но не само сознание, формируемое в предметной деятельности, а только его вербальная модель, делающая доступным для других (и всего общества) любое индивидуальное сознание. Но при этом язык не порождает сознание.

Вербализация неязыкового сознания

Наличие двух форм сознания – неязыковой и языковой – не является новым для современной психологии, проблематичными являются только связи этих форм в процессе познания реальной действительности.

С.Э. Поляков делает попытку эксплицирования этих форм сознания:

«Вербализация – это не только иной (второй) уровень репрезентирования реальности – перевод субъективного чувственного психического содержания в новую вербальную форму, потенциально доступную передаче между людьми. Но это еще и репрезентирование недоступной восприятию реальности. Конечно, в первую очередь, вербализация – это выражение с помощью понятий и вербальных психических конструкций невербального, главным образом чувственного психического содержания человеческого сознания.

Только вербализованное содержание сознания в принципе способно становиться достоянием других людей в результате его экстериоризации человеком в форме устной или письменной речи. То, что не вербализовано, как бы не существует ни для кого, кроме переживающего субъекта» [Поляков 2017: 105].

Правда, нужно сделать существенную оговорку, что вербализация сознания еще не является гарантией существования знаний, ассоциированных с этой вербализацией – нужно тело человека в качестве носителя знаний, усвоенных в ходе инкультурации, для того чтобы в процессе смыслового восприятия вербализации были сконструированы новые знания из имеющихся в наличии.

Представление о двух формах сознания – индивидуальной, состоящей из предметных значений, сформированных в предметной деятельности и доступных для наблюдения только субъекту сознания, и общественной формы, общей для всех носителей, ассоциированной с телами языковых знаков, проблематизирует связь этих двух форм сознания, предполагает, по крайней мере, две задачи: во-первых, является ли связь неязыкового и языкового сознания одно-однозначной или некоторой иной, а, во-вторых, всегда ли при производстве и восприятии речи субъект сознания имеет дело с языковым и неязыковым сознанием, иначе говоря, может ли быть речь, не овнешняя никаким образом сознания или образы сознания, не выразимые речью.

Об одно-однозначности связи неязыкового и языкового можно с достаточной уверенностью утверждать, что неязыковое сознание может быть овнешнено различными по форме и содержанию речевыми высказываниями. Этот феномен давно является объектом научной рефлексии. И.Е. Суриков показал, что в древнегреческих полисах в условиях прямой полисной демократии оратор мог склонить к каким-либо действиям любую аудиторию, описывая некоторое содержание по-своему и в собственных интересах [Суриков 2012: 287]. Мысль о множественности вербальных форм, выражающих идентичное содержание, реализована в теории полифонического романа М.М. Бахтина, что позднее даст повод для тезиса о множественности форм существования знания [Бахтин 2002: 10].

В современной науке идея множественности форм существования истины (т.е. некоторого знания в форме утверждения) закрепились в виде триангуляционного подхода, когда одна научная проблема решается при помощи данных разного типа, разными исследователями с неидентичным научным аппаратом, с помощью разных теорий и разных методов [Denzin 1989; Янчук 2001]. Следовательно, в современных развитых языках любое (или почти любое) неязыковое (образное) содержание может быть овнешнено неидентичными вербальными моделями.

Вторая задача не имеет, видимо, однозначного решения.

При анализе проблемы связи между неязыковым и языковым сознанием должны анализироваться, по крайней мере, три варианта.

1. Вербальное моделирование образов восприятия, когда два процесса – отображение в образах восприятия и вербальное моделирование этих образов осуществляются одновременно (или почти одновременно) и часто многократно, когда субъект сознания «подбирает слова». При этом именно структура вербальной конструкции определяется строением чувственного отображения (чувственной репрезентации), т.е. конфигурацией образов сознания, представленных в сознании симультанно [Поляков 2017: 160].

2. Вербальное моделирование образов *воспоминания* и *представления* осложнено тем, что, эти образы являются только *знаками* образов *восприятия*, которые ранее послужили источником (основой) для их формирования, а не непосредственно образами восприятия.

3. Вербализация замещающаяся, а не моделирующая – это использование речевых произведений для презентирования реальной действительности при помощи образов слов, ассоциированных не с индивидуальными, а с общественными знаниями говорящего. Этот феномен открыт еще представителями Вюрцбургской школы в психологии послужил основанием введения термина «без-образное мышление» – «мышление, свободное от чувственных элементов (образов восприятия и представления)» [Большой 2009: 376].

Проблема вербализации – вербальных моделей сознания является объектом широкой рефлексии в психологии. Можно вспомнить приведенное выше определение вербализации, данное С.Э. Поляковым.

Резюмируя анализ вербализации образов неязыкового сознания, можно воспользоваться выводом С.Э. Полякова:

«С помощью вербальных конструкций люди не только вербально конструируют (или повторно по-новому репрезентируют) реальность, доступную восприятию и уже чувственно репрезентированную ими, но и “препарируют”, “расчленяют” и видоизменяют ее. Они также вербально конструируют реальность недоступную восприятию» [Поляков 2017: 165].

Внутренняя речь

Вербальное моделирование неязыкового сознания представляет собой чрезвычайно трудный объект для анализа. В лингвистике вербальные модели, т.е. речевые сообщения членов социума, ассоциированные с *общественными знаниями*, полагаются единственным объектом научного анализа. Это происходит потому, что языковые процессы, по мнению А.Н. Леонтьева [Леонтьев 2012: 108], возникнув как знаковая форма биотических процессов человека, отрываются от них и приобретают квазисамостоятельное бытование, понимание которых осуществляется только в рамках общественного сознания, что и провоцирует лингвистов на игнорирование индивидуального неязыкового сознания.

Хотя общественные знания как содержание вербальных моделей (речевых сообщений) существуют в индивидуальном сознании коммуникантов в сокращенном виде (т.к. для понимания речевых сообщений реципиенту нет необходимости полностью эксплицировать для себя словарные значения слов), в лингвистических исследованиях аналитики игнорируют эту необходимую редукцию знаний, которыми оперируют коммуниканты [Поляков 2017: 103]. Очевидно, что аналитик, исследуя содержание текста, которое он конструирует сам, если не опирается на реальное редуцированное вербальное сознание испытуемых, то он анализирует только содержание собственного сознания.

Для дальнейшего понимания процесса перевода индивидуальных знаний в знания общественные и наоборот, который мы пытались представить как процесс производства–восприятия речи, необходимо сделать промежуточные резюме.

Производство речи можно представить как процесс вербализации индивидуального сознания (мысли), которое существует в форме разномодальных образов восприятия или в форме образов воспоминания или представления. Вербализация (вербальное моделирование) мысли означает трансформацию индивидуальных знаний в знания общественные. Такое представление можно полагать верным, но не совсем точным, процесс вербализации образов сознания гораздо сложнее.

В процесс зарождения мысли в форме образов индивидуального невербального сознания, заканчивающийся ее вербализацией, означающей перевод первоначальной мысли в мысль, состоящую из значений общественного сознания, Л.С. Выготский предложил ввести промежуточный этап – этап внутренней речи. Внутренняя речь, по А.С. Выготскому, это промежуточная форма, опосредующая связь индивидуальной образной формы мысли с внешней речью [Выготский 1982: 356].

Во внутренней речи неязыковые образы сознания осмысливаются при помощи значений слов, опирающихся на визуальные и звуковые образы слов, которые затем выражаются при помощи слов внешней речи. Л.С. Выготский приписывает внутренней речи функцию внутреннего плана речевого мышления, где формируется содержание будущего высказывания во внешней речи. Кроме того, Л.С. Выготский полагает, что внутренняя речь – это средство общения с собой, когда субъект сознания относится к себе как к другому. Строго говоря, общение с самим собой – это отрефлексированная ипостась внутренней формы мышления [цит. раб.: 342].

Внутренняя речь как отношение мысли к внутреннему слову «<...> есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» [цит. раб.: 305]. Внутренняя речь – это только подготовительный этап для формирования мысли в слове: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове» [цит. раб.: 305].

Мысль для субъекта речи, естественно, уже существует в форме внутренней речи – поэтому слова Л.С. Выготского «о совершении мысли в слове» следует понимать как то, что это мысль субъекта речи умопостижима и для других. Внутренняя речь – это социогенное образование, сформированное у каждого носителя языка при помощи внешней речи, поэтому значения слов во внутренней и внешней речи обладают определенной идентичностью.

Но самый главный вывод о внутренней речи, который делает Л.С. Выготский, состоит в следующем:

«Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. <...> Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем действительную, аффективно-волевою подоплеку [цит. раб.: 357].

Это чрезвычайно важный вывод, определяющий методы анализа речевых сообщений: содержание речи может быть вскрыто в анализе только тогда, когда оно анализируется в инфраструктуре совместной деятельности, в которой оно было произведено и с целями-мотивами которой оно должно быть соотнесено.

Значение и смысл

Вполне обоснованным представляется вывод А.Н. Леонтьева о том, что центральная проблема сознания –

«это проблема особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а, с другой – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании» [Леонтьев 2012: 108].

Постулирование двойного принципа существования сознания человека получило у А.Н. Леонтьева закрепление в понятийной паре «значение–смысл». Деятельностное определение значения было дано учеником А.Н. Леонтьева В.Ф. Петренко:

«Обобщенная форма отражения субъектом общественно-исторического опыта, приобретенного в процессе совместной деятельности и общения и существующего в виде понятий, опредмеченных в схемах действия, социальных ролях, нормах и ценностях. Посредством системы значений сознанию субъекта предстает образ мира, других людей, самого себя. Индивидуальная система значений, выступающая в виде интериоризованных эталонов, обуславливает познавательные процессы (восприятие, мышление, память и т.д.) и акты социального поведения» [Петренко 2009: 214].

Значение – это прежде всего знание, вскрытое общественной практикой, но присвоенное личностью во внешней совместной деятельности с носителем знаний общества. Важное дополнение делает В.Ф. Петренко, указывая, что система таких значений представляет *образ мира* как совокупность знаний, которыми вооружена личность как носитель конкретной этнической культуры, это делает значение существенным элементом жизни члена социума, т.к. образ мира в концепции А.Н. Леонтьева – это результат проживания личности в конкретном социуме.

Современное понимание значения предполагает его процессуальный (деятельностный) характер, при этом подчеркивается его включенность в *процесс* понимания:

«<...> значение – это свойство не просто языка, но конкретного текста, да и то не самого по себе, включенного в процесс понимания, т.е. знаковую деятельность и коммуникацию, и в отношения с внешним окружением. Тогда текст является в такой же степени условием понимания и существования значения, как и процесс понимания – условием существования текста как такового» [Кассавин 2009: 255].

Эта же мысль о процессуальной форме знания присутствует у А.А. Леонтьева в его понимании образа содержания текста:

«Образ содержания текста – это не некоторый итог или конечный результат понимания. Это сам процесс понимания, взятый с его содержательной стороны. Приведение текста к некоторому виду – лишь частный случай формирования содержания. Но и в этом случае новый текст есть не итог понимания, а лишь способ опредмечивания процессов понимания» [Леонтьев 2005: 142].

После того как мы рассмотрели «значение» из пары значение–смысл целесообразно обратиться к анализу понятия «смысл», по А.Н. Леонтьеву.

А.Н. Леонтьев понимание смысла как субъективной формы значения для личности связывает прежде всего с деятельностью:

«<...> для самого субъекта осознание и достижение им конкретных целей, овладение средствами и операциями действия есть способ утверждения его жизни, удовлетворения и развития его материальных

и духовных потребностей, опредмеченных и трансформированных в мотивах его деятельности. Безразлично, осознаются или не осознаются субъектом мотивы, сигнализируют ли они о себе в форме переживаний, интереса, желания или страсти; их функция, взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как бы “оценивают” жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» [Леонтьев 2012: 112–113].

Исходя из такого понимания смысла, по А.Н. Леонтьеву, который он предпочитал называть личностным смыслом, следует, что адекватное смысловое восприятие речевых сообщений коммуникантами и, конечно, исследователем, возможно только в том случае, если сконструированное реципиентом содержание речевого сообщения будет соотносено с его мотивом участия в деятельности, в которой было воспринято речевое сообщение. В противном случае исследователь речевого сообщения анализирует не реальный объект, а некий эпифеномен, сконструированный самим исследователем.

Можно вспомнить, что Л.С. Выготский понимание речевых сообщений также связывал с необходимостью соотношения содержания сообщения с мотивом деятельности, в которой это содержание сконструировано.

Методический вывод, который неизбежно следует из представления о личностном смысле, заключается в том, что игнорирование мотива (цели) деятельности, в которой произведено речевое высказывание, лишает всякой доказательности результаты его анализа.

Модель образа сознания

После того, как мы попытались выяснить соотношение языкового и неязыкового сознания и личностного смысла, которые описывают подлинное, следовательно, пристрастное постижение реальной действительности членом социума, резонно проанализировать представление об объективном мире, предстоящем каждому человеку.

Если анализируется сознание члена социума, т.е. сознание человека, обитающего в конкретном этносе, то, очевидно, что объектом его познавательной активности являются природа, культура и мир людей, в котором он проживает.

В ТД усилиями А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко и других исследователей сформировано модельное представление о реальной действительности, которая является объектом познавательной человека. Их совместные усилия привели к построению модели «слои и составляющие» образа сознания, в которой описаны части познавательной активности человека, «специализирующиеся» на ориентировке в специфических частях реальности (природа, культура, мир людей).

Первоначально А.Н. Леонтьев построил модель составляющих сознания, располагающихся на двух уровнях: на бытийном и рефлексивном, а затем В.П. Зинченко добавил еще один слой – духовный [Леонтьев 2012: 100–101; Зинченко 2010: 111–113].

Бытийный слой сознания, по В.П. Зинченко, состоит из биодинамической ткани живого (познавательного) действия – действия, обладающего различными временными, пространственными, кинетическими, силовыми и т.п. характеристиками, влияющими на сенсорный ответ познающего субъекта. В.П. Зинченко полагает, что «она (биодинамическая ткань – *Е.Т.*) представляет собой “строительный материал” поведения и деятельности» [Зинченко 2010: 111].

Чувственная ткань сознания – совокупность сенсорных полимодальных данных, характеристики которых целиком зависят от характеристик биодинамической ткани познавательного действия.

Важнейшая характеристика чувственных образов сознания, по А.Н. Леонтьеву,

«состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное “поле” и объект его деятельности» [Леонтьев 2012: 100].

А.Н. Леонтьев показал, что предметность сознания как отражение предметности мира в качестве важнейшей характеристики сознания существует только благодаря чувственным образам, формируемым человеком в его деятельности [Леонтьев 2012: 104].

Рефлективный слой сознания, представление о котором было сформировано А.Н. Леонтьевым, состоит из значения и смысла. Чувственное восприятие любого объекта прежде всего осмысливается экзистенциально – оценивается с точки зрения опасности, полезности, съедобности и т.д., а затем означается при помощи известных субъекту восприятия значений. В.П. Зинченко указывает на интересный для лингвистики процесс означивания смысла, сформированного в познании, которое сопровождается осмыслением означенного, которое, в свою очередь, вновь означается и снова осмысливается и т.д. Этот процесс, обычно игнорируемый в лингвистике, является поводом для повторных речевых высказываний, практикуемых в обыденном общении.

Духовный слой сознания, на который указывает В.П. Зинченко, это необходимый и неизбежный результат бытования личности в социуме, где человек не может выжить в одиночку и поэтому вынужден сотрудничать с другими людьми. Предложение В.П. Зинченко о введении духовного слоя сознания представляет интерес для лингвистики, изучающей речевые сообщения. Дело в том, что духовный слой личности формируется во взаимодействии и общении с другими членами общества, что ведет к созданию у человека представления о себе и других.

Анализ духовного слоя сознания предполагает введение в исследование представления о личности субъекта сознания как совокупности некоторых устойчивых психических качеств человека, формирующихся у индивида в ходе проживания в конкретном социуме.

Господствующая точка зрения в психологии на личность состоит в постулировании некоторых устойчивых психических черт, формирующихся у нее в результате включения индивида в совокупность социальных отношений, реализующихся в совместных деятельности с другими членами социума.

А.Н. Леонтьев, создатель наиболее адекватной теории личности в психологии, пишет по этому поводу:

«...> реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее совокупностью его многообразных деятельностей» [Леонтьев 2012: 137].

Почему теория личности А.Н. Леонтьева представляет интерес для лингвистов? Дело в том, что деятельности человека – это, прежде всего, совместные деятельности, погруженные в РО. Очевидно, что эти совместные деятельности, являются той инфраструктурой, в которой формируются речевые навыки, начиная с младенческого возраста и во все периоды активной жизни личности.

Попытка построить теорию языкового и неязыкового сознания в рамках системно-деятельностного подхода связана с представлением о динамическом (деятельностном) характере феноменов, объясняемых в теории.

В сфере неязыкового сознания исследователь имеет дело с образами восприятия, воспоминания и представления, которые субъективно для человека существуют как процессы конструирования образа восприятия с опорой на образы воспоминания и представления в функции перцептивных эталонов. Подчеркивая процессуальный характер восприятия, сошлемся на распространение среди психологов мнение, что сформированные образы сознания – это устойчивые ориентиры в море чувственных ощущений.

Образ восприятия, в отличие от одномодальных ощущений, формируется из нескольких разномодальных ощущений, что предполагает обычно полипроцессуальный характер сознания.

Речевое сообщение – это, естественно, процесс производства внешней формы речи, т.е. процесс производства звуков, слов, графем, производимых субъектом речевого воздействия, и предлагаемых для смыслового восприятия реципиенту (объекту речевого воздействия).

Смысловое восприятие речевых сообщений включает в себя процесс восприятия субстанции языковых и неязыковых знаков, конструирование содержания речевого сообщения из знаний общественного сознания реципиента, через этап внутренней речи переводимых в образы неязыкового сознания, если таковые существуют в сознании реципиента, или не переводимых в такие образы, если они отсутствуют, и понимание речевого сообщения завершается построением содержания на уровне общественного сознания.

Внутренняя речь – тоже процесс, процесс осмысления образов неязыкового сознания при помощи образов акустических или графических языковых знаков, с которыми ассоциированы знания общественного сознания – это функционирование внутренней речи при опосредовании его производства речи. Внутренняя речь может опосредовать процесс смыслового восприятия речи, переводя ее во внутренний план, и рождая мысль [Выготский 1982: 353].

А.А. Леонтьев, подчеркивая динамический (процессуальный) характер смыслового восприятия речи, показал, что понимание текста процесс формирования образа содержания этого текста и образ содержания существует только как процесс [Леонтьев 2005: 142].

Воспроизведение образа содержания текста должно опираться на некоторое овнешнение – реферат, резюме, пересказ и т.д. и является частным случаем описания мира, отображенного в первичном тексте.

Письменный текст – это единственная константа, существующая во внешней форме в этом мире процессов сознания, речи и взаимодействия коммуникантов.

Показательным примером константного текста может служить диоритовая стела с Законами Хаммурапи, хранящаяся в парижском Лувре. Стела хранит около четырех тысяч лет речевые сообщения в виде клинописных текстов, овнешняющих образы сознания людей, живших во времена царствования Хаммурапи. Сейчас Законы Хаммурапи читают специалисты-историки, которые приносят иное сознание в процесс формирования смыслового содержания законов и комментируют законы при помощи знаний европейской культуры нашего времени. Стабильна только форма текста, порождающая неидентичные содержания из неидентичных знаний, которые вводят в процесс смыслового восприятия разные реципиенты.

Литература

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. 800 с.

Большой психологический словарь. 4-е изд. Расширенное / Сост. и общ. Ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; АСТ Москва; СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений в шести томах. Т.2. М.: «Педагогика», 1982. 417 с.

Зинченко В.П. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+ – РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Кассавин И.Т. Значения теории // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+ – РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник для студ. высш. учебных заведений. 4-е изд., испр. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

Петренко В.П. Значение // Большой психологический словарь. 4-е изд. Расширенное / Сост. и общ. Ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; АСТ Москва; СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2009. 811, [5] с.

Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с.

Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2012. 304 с.

Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Мн.: Бестпринт, 2000. 347 с.

Denzin N.K. (1988) *The Research Act*. 3rd ed. Englewood Cliffs, NY, Prentice Hall.

1.2.2.3. Организационная и издательская деятельность МПЛШ

Н.В. Уфимцева
Москва

Приведем основные сведения об организационной и научно-издательской деятельности МПЛШ.

Симпозиумы и конференции по психолингвистике (1966–2021)

1. Семинар по психолингвистике. Москва, Институт языкознания АН СССР, 30 мая – 1 июня 1966 г.
2. Второй симпозиум по психолингвистике. Москва, Институт языкознания АН СССР, 4–6 июня 1968 г.
3. Третий Всесоюзный симпозиум по психолингвистике (Москва, Институт языкознания АН СССР, июнь 1970 г.).
4. IV Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, Институт языкознания АН СССР, 1972 г.
5. V Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Ленинград, 27–30 мая 1975 г.
6. VI Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, Институт языкознания АН СССР, 17–20 апреля 1978 г.
7. VII Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, Институт языкознания АН СССР, 1982 г.
8. VIII Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, Институт языкознания АН СССР, 1985 г.
9. IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г.
10. X Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание». Москва, Институт языкознания АН СССР, 3–6 июня 1991 года.
11. XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика». Москва, Институт языкознания РАН, 1994 г.
12. XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». Москва, Институт языкознания РАН, 2–4 июня 1997 г.
13. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: содержание и функционирование». Москва, Институт языкознания РАН, 1–3 июня 2000 г.
14. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: устоявшееся и спорное». Москва, Институт языкознания РАН, 29–31 мая 2003 г.
15. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности». Памяти А.А. Леонтьева. Москва, Институт языкознания РАН, РосНОУ, 30 мая – 2 июня 2006 г.
16. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы». Москва, Институт языкознания РАН, 2009 г..
17. XVII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации – проведен в рамках 10-ого Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL) – «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика». Москва, РУДН, МИЛ, 2013 г..
18. XVIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам». Москва, Институт языкознания РАН, 24–26 мая 2016 г.

Раздел 1

19. XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». Москва, Институт языкознания РАН, 6–8 июня 2019 г.

20. Жизнь языка в культуре и социуме. Конференция, посвященная 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова. Москва, 14–15 апреля 2010 г.

21. Жизнь языка в культуре и социуме – 2. Москва, 27–28 апреля 2011 г.

22. Жизнь языка в культуре и социуме – 3. Москва, 20–21 апреля 2012 г.

23. Жизнь языка в культуре и социуме – 4. Международная научная конференция. Москва, 30–31 мая 2014 г.

24. Жизнь языка в культуре и социуме – 5. Международная научная конференция. Москва, 29–30 мая 2015 г.

25. Жизнь языка в культуре и социуме – 6. Международная научная конференция. Москва, 26–27 мая 2017 г.

26. Жизнь языка в культуре и социуме – 7. Международная научная конференция. Москва, 1–2 июня 2018 г.

27. Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Международная научная конференция. Москва, 28 – 29 мая 2021 г.

Коллективные монографии и пособия

1. Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. 270 с.

2. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. Сборник / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1972. 142 с.

3. Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. 367 с.

4. Фрумкина Р.М., Василевич А.П., Андрукович П.Ф., Герганов Е.Н. Прогноз в речевой деятельности. М., Наука, 1974. 239 с.

5. Смысловое восприятие речевого сообщения / Под ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1976. 262 с.

6. Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977. 265 с.

7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. 327 с.

8. Национально-культурная специфика речевого поведения народов СССР. М.: Наука, 1982. 165 с.

9. Психолингвистические проблемы семантики / Под ред. А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича. М.: Наука, 1983. 285 с.

10. Исследование речевого мышления в психолингвистике / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 239 с.

11. Исследование речевого мышления в психолингвистике / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 239 с.

12. Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1988. 190 с.

13. Оптимизация речевого воздействия. / Под ред. Р.Г. Котова. М.: Наука, 1990. 239 с.

14. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова (отв.ред.), Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1993. 174 с.

15. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: «Перемена», 1998. 149 с.

16. Сорокин Ю.А., Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. Ульяновск. 2000. 134 с.

17. Василевич А.П. Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Каталог названий цвета в русском языке. М., «Смысл», 2002.

18. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, 2004. 253 с.
19. Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А. Психолингвистика телесности. М., 2005.
20. Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005 (изд. 2 – 2008, изд. 3– 2011, изд. 4. – 2013, изд. 5 – 2016).
21. Жданова В., Щеголев Ю.А., Сорокин Ю.А. Русские и русскость (лингвокультурологические этюды). М.: Гнозис, 2006. 335 с.
22. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН, 2008. 172 с.
23. Тарасов Е.Ф. (в соавт.) Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М.: РУДН, 2008
24. Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Цвета российского флага в русской культуре. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 222 с.
25. Тарасов Е.Ф., Синячкин В.П., Дронов В.В., Ощепкова Е.С.. Формирование образов языкового сознания в процессе усвоения русского языка. М.: Изд-во РУДН, 2013. 256 с.
26. Тарасов Е.Ф., Бестерс-Дилгер Ю., Бразельманн П. и др. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Монография. Книга I / Отв. ред. Г.П. Нещименко. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 397 с.
27. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / Под ред. Н.В. Уфимцевой. Коллективная монография. М.: РФФИ–ИЯз РАН, 2017. 240 с.
28. Уфимцева Н.В., Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. М.: Гнозис, 2017. 90 с.
29. Уфимцева Н.В. (в соавт.) (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология (Коллективная монография). М.: Гнозис, 2017. 392 с.
30. Пильгун М.А., Дзялошинский И.М. Россия в 1917 году в восприятии современной молодежи: медиадискурс. Монография М.: Издательство АПК и ППРО, 2017. 445 с.
31. Пильгун М.А., Дзялошинский И.М. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. В 3-х т. Т. III. М.: Academia, АПК и ППРО, 2018. 400 с.
32. Per linguam ad communicationem. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания, 2019. 436 с.
33. Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А., Реут Д.В., Тхостов А.Ш. Психосемиотика телесности / Под общ. ред. и с предисл. И.В. Журавлева, Е.С. Никитиной. Изд. 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 152 с.
34. Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 345 с.
35. Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 180 с.
36. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл. Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
37. Базовые ценности носителей русской культуры: учебное пособие для студентов иностранцев / Вашунина И.В., Дронов В.В., Ильина В.А., Тарасов Е.Ф. [и др.]; под ред. Е. Ф. Тарасова. М.: РУДН, 2020. 479 с.
38. Пильгун М.А., Дзялошинский И.М., Лободенко Л.К. Социальные сообщества и коммуникационные сервисы в эпоху цифровой цивилизации. Монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 747 с.

Монографии и пособия

1. Балясникова О.В. «Свой-чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). М.: изд-во Канцлер, 2016. 202 с.
2. Василевич А.П. Имена цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Saarbrücken: Lambert Academic publishing, 2016. 76 с.
3. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем. М., Наука, 1974. 138 с.
4. Жукова Л.С. Образ родного языка в картине мира современных англичан. М.: Институт языкознания, 2013. 184 с
5. Журавлев И.. Взламывая психологию. М.: ООО Изд-во АСТ, 2019. 256 с.
6. Журавлев И.В. Как доказать, что мы не в матрице? Сознание, коммуникация и психические расстройства. М.: ЛЕНАНД, 2019. 148 с.
7. Журавлев И.В. От Фрейда к Выготскому: Очерки истории психологии в ее связях с философией и лингвистикой. М.: URSS, 2018. 218 с.
8. Журавлев И.В. Психология для каждого образованного человека. М.: АСТ, 2020. 192 с.
9. Журавлев И.В. Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории «зонда». Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 160 с.
10. Журавлев И.В. Семиотический анализ расстройств речемыслительной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 160 с.
11. Журавлев И.В. Сознание и миф: Что мы делаем, чтобы быть сознательными существами. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. Изд. 2-е, стереотип. 160 с.
12. Журавлев И.В. Как доказать, что мы не в матрице? М.: URSS, 2006. 148 с.
13. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 139 с.
14. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287с.
15. Леонтьев А.А. Психолингвистика. Л.: Наука. Лен. отд., 1967. 118 с.
16. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969; переизд. 2005, 2010. 307 с.
17. Леонтьев А.А. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М., 1972. 39 с.
18. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965; переизд. 2006. 245 с.
19. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969; переизд. 2007. 214 с.
20. Никитина Е.С. 12 лекций по семиотике. М., 2005.
21. Никитина Е.С. Психосемиотика: Курс лекций. Изд.2, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 304 с.
22. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М., 2006.
23. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста. Психосемиотический подход. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
24. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация: монография. М.: Наука, 1983. 216 с.
25. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
26. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: Пер СЭ, 2004. 316 с.
27. Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М.: Ключ-С., 2010. 92 с.
28. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.
29. Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность. М.– Ярославль: Канцлер, 2020. 418 с.

30. Сорокин Ю.А. Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 146 с.
31. Сорокин Ю.А. Неканоническая русистика (статьи, заметки, реплики). М.: Ариадна, 2008. 172 с.
32. Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
33. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
34. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: Институт проблем риска, 2007. 117 с.
35. Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. М.: Педагогика, 1991. 159 с.
36. Степанова А.А. Русская фразеология: психолингвистический аспект исследования. М.: Ин-т языкознания РАН., 2012. 123 с.
37. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 166 с.
38. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 251 с.
39. Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.
40. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 320 с.; ... 5-е изд., испр. М.: Академия, 2014. 336 с.
41. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М.: Наука, 1964.
42. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
43. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: ИЯз РАН, 1999. 165 с.
44. Шахнарович А.М. Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 165 с.
45. Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. М.: Гуманитарий, 2006. 487 с.
46. Юрьева Н.М. Устное повествование в онтогенезе речи: Экспериментальное исследование. М.– Ярославль: Канцлер, 2020. 191 с.
47. Pilgun M.A. Neuroinformatics and semantic representations. Theory and Applications. Eds. A. Kharlamov and M. Pilgun. 2020. Cambridge Scholars Publishing. 310 p.

Сборники статей

1. Вопросы порождения речи и обучения языку. / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 150 с.
2. Психология грамматики / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М. Изд-во Московского ун-та, 1968. 260 с.
3. Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 235 с.
4. Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М. Изд-во Московского ун-та, 1970. 164 с.
5. Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 282 с.
6. Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 232 с.
7. Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике / Под ред. А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания АН СССР, 1974. 189 с.
8. Проблемы психолингвистики / Под ред. Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания АН СССР, 1975. 189 с.

Раздел 1

9. Психолингвистические проблемы общения и обучения языку / Под ред. А.А. Леонтьева, Е.А. Ножина, А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания АН СССР, 1976. 156 с.
10. Виды и функции речевой деятельности. / Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова (отв. ред.), Н.В. Уфимцевой, А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания АН СССР, 1977. 240 с.
11. Теоретические проблемы речевого общения / Под ред. А.В. Пименова, Е.Ф. Тарасова. М.: Институт языкознания АН СССР, 1977. 215 с.
12. Общение: теоретические и прагматические проблемы / Под ред. Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина, Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. 180 с.
13. Психолингвистические и социолингвистические детерминанты речи / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. 278 с.
14. Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку) / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. 156 с.
15. Этнопсихолингвистические проблемы семантики / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. 278 с.
16. Исследование проблем речевого общения / Под ред. Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина, Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. 213 с.
17. Психолингвистические проблемы грамматики / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. 100 с.
18. Проблемы организации речевого общения / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1981. 302 с.
19. Общение: структура и процесс / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. 56 с.
20. Экспериментальные исследования в психолингвистике / Под ред. Р.М. Фрумкиной и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. 142 с.
21. Текст как психолингвистическая реальность / Под ред. Ю.А. Сорокина и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982.
22. Текст как инструмент общения / Под ред. Ю.А. Сорокина и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1983. 184 с.
23. Семантика текста и проблемы перевода (Сборник статей). М.: Институт языкознания АН СССР, 1984. 149 с.
24. Речевое общение: цели, мотивы, средства / Под ред. Н.В. Уфимцевой и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1985. 149 с.
25. Текст и культура: общие и частые проблемы / Под ред. Ю.А. Сорокина. М.: Институт языкознания АН СССР, 1985. 295 с.
26. Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы / Под ред. Е.Ф. Тарасова и др. М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. 247 с.
27. Экспериментальные методы в психолингвистике / Редкол.: Р.М. Фрумкина (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1987. 196 с.
28. Речь: восприятие и семантика. / Редкол.: Фрумкина Р.М. (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1988. 169 с.
29. Семантика в речевой деятельности (на материале онтогенеза) / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Наука, 1988. 142 с.
30. Структуры языкового сознания / Редкол.: Ю.А. Сорокин (отв. ред.), Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. 326 с.
31. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. 174 с.
32. Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова. Москва, 14–15 апреля 2010 г./ Редколлегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева и др. М.: Изд-во «Эйдос», 2010. 310 с.

33. Жизнь языка в культуре и социуме – 2. Материалы конференции, Москва, 27-28 апреля 2011 / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.) и др. М., Калуга: Изд-во «Эйдос», 2011. 280 с.
34. Межэтническое общение: контакты и конфликты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: ИЯ РАН – МИЛ, 2012. 268 с.
35. Жизнь языка в культуре и социуме – 3. Материалы международной конференции. Москва, 20-21 апреля 2012 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин. М.: Изд-во «Эйдос», 2012. 458 с.
36. Материалы 10-го Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL). Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика. М.: Институт языкознания РАН, РУДН, МИЛ, 2013. 474 с.
37. Жизнь языка в культуре и социуме – 4. Материалы международной конференции. Москва, 30-31 мая 2014 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин и др. М.: Изд-во «Канцлер», 2014. 218 с.
38. Жизнь языка в культуре и социуме – 5. Материалы международной конференции. Москва, 29-30 мая 2015 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.А. Маховиков. М.: Изд-во «Канцлер», 2015. 276 с.
39. «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам». Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24-26 мая 2016 г. Часть I. / Ред. коллегия Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова. М.: Изд-во «Канцлер», 2016. 316 с.
40. Жизнь языка в культуре и социуме – 6. Материалы международной научной конференции. Москва, 26-27 мая 2017 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, О.В. Балясникова, А.А. Степанова, С.В. Дмитриук. М.: Изд-во «Канцлер», 2017. 342 с.
41. Жизнь языка в культуре и социуме – 7. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 1-2 июня 2018 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова, С.В. Дмитриук. М.: Изд-во «Канцлер», 2018. 264 с.
42. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности» 6-8 июня 2019 / Ред. коллегия Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, У.М. Бахтикиреева и др. М.: Изд-во «Канцлер», 2019.
43. Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Материалы международной научной конференции. Москва, 28 – 29 мая 2021 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Е.С. Ощепкова, О.В. Балясникова. М., 2021. 374 с.

Труды постоянно действующего семинара «Язык. Сознание. Культура»

1. Этнокультурная специфика языкового сознания. Отв. ред. Н.В. Уфимцева М.: ИЯ РАН, 1996. 226 с.
2. Языковое сознание: формирование и функционирование. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1998. 256 с.
3. Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М. ИЯ РАН, 2000. 320 с.
4. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей / Редактор Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2004. 316 с.
5. Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 400 с.
6. Языковое сознание: парадигмы исследования / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2007. 348 с.

Раздел 1

7. Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: Изд-во «Эйдос», 2009. 324 с.

*Научно-образовательный центр межкультурных исследований
им. А.А. Леонтьева*

Центр создан в 2016 году для разработки проблем взаимоотношения языка, сознания и культуры, продолжает традиции постоянно действующего семинара «Язык. Сознание. Культура», который работал при отделе психолингвистики с 1996 по 2009 год.

Задачи:

- 1) фиксация и системное описание национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных культур в синхронии и диахронии;
- 2) разработка методов «межкультурного обучения» для профилактики коммуникативных конфликтов в межкультурном взаимодействии;
- 3) изучение содержания этнокультурных авто- и гетеростереотипов и способов их языковой (речевой) объективации;
- 4) исследование форм межкультурной (межъязыковой) лакунарности как причины непонимания/неполного понимания в различных ситуациях межкультурного взаимодействия;
- 5) исследование взаимовлияния языкового сознания носителей русской культуры и носителей других этнических культур;
- 6) изучение влияния окружающей этнокультурной среды на формирование образов языкового сознания русских;
- 7) выявление потенциально конфликтных зон в языковом сознании контактирующих этносов и описание форм языкового выражения межкультурных конфликтов.

Центр межкультурных исследований выполняет координирующие функции в рамках заявленной проблематики через проведение ежемесячных научных семинаров, разработку программ конкретных исследований, обучение слушателей курсов повышения квалификации, а также через публикацию научных трудов Центра. Страницы центра:

<https://vk.com/leontevcentr>

<https://www.facebook.com/leontevcentr/>

https://www.youtube.com/channel/UCu6wKN7gjJTihIF_8Ms-v2A

Руководитель Центра – д.ф.н., зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, проф. Наталья Владимировна Уфимцева.

Центр начал свою работу 29 сентября в 2016 года. За время работы Центра в нем выступили с докладами:

А.М. Улановский (к.психол.н., г. Москва). «Разговор при знакомстве: конверсационный анализ быстрых свиданий».

В.И. Карасик (д.ф.н., проф., г. Москва). «Ценностная картина мира в коммуникативной практике».

Istvan Lenart (Венгрия). “Application of Lacuna Theory in the Business Context”.

Н.В. Уфимцева (д.ф.н., проф., г. Москва). «Русские и русскость глазами психолингвиста».

Е.Ф. Тарасов (д.ф.н., проф., г. Москва). «Теория речевой деятельности: современное состояние».

И.А. Стернин (д.ф.н., г. Воронеж), А.В. Рудакова (к.ф.н., г. Воронеж). «Значение как феномен языкового сознания».

И.В. Шапошникова (д.ф.н., проф., г. Новосибирск). «Процессы идентификации в современном обществе».

В.П. Белянин (д.ф.н., к.псих.н., проф., Канада). «Психолингвистическая типология художественных текстов».

Г.А. Казаков (доктор английского языкознания (PhD), Япония; г. Москва). «Феномен полиглотии и его изучение: материалы, вопросы, тенденции».

Д.Б. Никуличева (д.ф.н., проф., г. Москва). «Изучение лингводидактических стратегий полиглотов – к разработке теории полиглотии и практики ее применения».

Из истории российской психолингвистики

И.Г. Овчинникова (д.ф.н., проф., Израиль), М.Н. Еленевская (к.ф.н., Израиль). «Русскоязычные израильтяне».

Alfredo Ardila, prof. (США). “Historical Development of Human Cognition”.

А.В. Кирилина (д.ф.н., проф., г. Москва). «Конструирование гендера на рубеже XX– XXI вв.».

Е.Ф. Тарасов (д.ф.н., проф., г. Москва), И.В. Журавлев (к.псих.н., г. Москва). «Языковое и неязыковое сознание».

М.А. Пильгун (д.ф.н., проф., г. Москва). «Данные социальных медиа: психолингвистический подход к интерпретации».

Т.Ю. Власкина (с.н.с., г. Ростов-на-Дону). «Современные речевые практики Донбасса».

В.И. Теркулов (д.ф.н., проф., ДНР). «Изучение языковой личности горожанина (на примере жителей Донецка)».

В.Л. Завьялова (д.ф.н., доцент, г. Владивосток). «Феномен иноязычного акцента».

Н.С. Сергиева (д.ф.н., г. Сыктывкар). «Транслингвальные практики порождения письменного текста».

1.3. Становление и развитие психолингвистики в Санкт-Петербурге

Т.Е. Петрова
Санкт-Петербург

Петербургская школа психолингвистики была создана Леонидом Владимировичем Сахарным и Аллой Соломоновной Штерн.

«Если с Пермью связано становление Л.В. Сахарного как ученого..., то с Ленинградом-Петербургом – научная зрелость крупного российского ученого-психолингвиста. Леонида Владимировича можно смело назвать одним из основателей отечественной психолингвистики» [Шабес и др. 2006].

Л.В. Сахарный – автор первого в стране учебника по психолингвистике «Введение в психолингвистику» [Сахарный 1989]. А.С. Штерн, ученица А.А. Леонтьева и Л.Р. Зиндера, написала один из важнейших трудов по восприятию устной речи: монографию «Перцептивный аспект речевой деятельности», в которой представлены как общие закономерности перцептивной деятельности человека, так и специфические – на материале разных языков, в онтогенезе и при интерференции [Штерн 1992]. Многие теоретические и методологические положения этой работы не утратили своей актуальности до сих пор.

Л.В. Сахарный и А.С. Штерн были организаторами и активными участниками всех отечественных симпозиумов по психолингвистике. Еще в начале 80-х годов прошлого столетия они создали городской (межвузовский) семинар по психолингвистике при кафедре общего языкознания СПбГУ, которой тогда руководил Ю.С. Маслов, всячески поддерживавший развитие нового направления в науке о языке. Однако, как справедливо отметила на одном из заседаний Петербургского семинара Т.В. Ахутина, «тогда разграничения по школам не было, в стране создавалось новое научное направление – психолингвистическое». В создании этого направления участвовали лингвисты из разных центров Москвы, Ленинграда, Перми, Твери. В те годы на семинаре выступали крупные отечественные лингвисты, психологи, нейрофизиологи – А.М. Шахнарович, В.Б. Касевич, А.В. Венцов, Н.Д. Светозарова, Н.И. Лепская, С.Н. Цейтлин, В.Л. Деглин, Т.В. Черниговская, В.Д. Глезер, В.М. Павлов, В.А. Ковшиков и другие.

Уже более двадцати лет Петербургской школой психолингвистики и семинаром руководит один из ведущих специалистов в области когнитивных наук Татьяна Владимировна Черниговская. Сейчас на семинаре выступают звезды мирового уровня, даже нобелевские лауреаты (<https://artesliberales.spbu.ru/ru/calendar/kognitivnye-seti-mozga>).

Мероприятие открыто для всех: послушать докладчиков приходят студенты, а с переходом в онлайн-формат участвовать могут и представители университетов других городов.

При активном участии Л.В. Сахарного, а потом Т.В. Черниговской на кафедре общего языкознания СПбГУ была открыта специализация «Психолингвистика». Сначала она реализовывалась просто в формате факультативов и дополнительной специализации, затем преобразовалась в магистратуру. Сейчас по этому направлению открыты аспирантура и докторантура. Кроме того, под руководством Т.В. Черниговской открылась магистерская программа «Когнитивные исследования», сперва относившаяся к факультету свободных искусств и наук, а затем – к Институту когнитивных исследований СПбГУ. В рамках Школы созданы два онлайн-курса «Психолингвистика» (<https://ru.coursera.org/learn/psikholingvistika>) и «Нейролингвистика» (<https://openedu.ru/course/spbu/NEUROLING>), которые выставлены на международных образовательных платформах.

В 2003 году в СПбГУ для экспериментального изучения речемыслительной деятельности человека была открыта научная лаборатория. В 2020 году она была преобразована в Институт когнитивных исследований, которым руководит Т.В. Черниговская (<https://artesliberales.spbu.ru/ru/structure/institut-kognitivnyh-issledovaniy>). В своих экспериментах коллектив использует как традиционные психолингвистические методики, так и электроэнцефалографию и метод вызванных потенциалов, методику регистрации движений глаз, совместно с Институтом мозга человека имени Н.П. Бехтеревой проводит исследования с использованием ПЭТ и ФМРТ.

В 2006 году в Петербурге состоялась Вторая международная конференция по когнитивной науке. С 2011 года регулярно проводится Международный симпозиум по экспериментальным исследованиям языка и речи “Night Whites” (St. Petersburg Winter Workshop on Experimental Studies of Speech and Language, <https://nightwhites2019.wordpress.com> и др.).

Воспитанники Ленинградской (Петербургской) школы продолжают развивать психолингвистику не только в Петербурге, но и в Москве (Н.А. Слюсарь), Перми (И.А. Барина, Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Т.Н. Чугаева), Череповце (Е.В. Грудева), Германии (М. Краузе, Н.В. Гагарина), Израиле (И.Г. Овчинникова), Финляндии (Е.Ю. Протасова, А.А. Кониная, А.С. Добрего), США (К. Гор), Норвегии (Е. Ткаченко).

Сфера основных научных интересов петербургской психолингвистики – восприятие, осознание и продуцирование слова и других лингвистических единиц, психологическая природа значения, смысловая структура текста и его функционирование в речевой деятельности, механизмы восприятия и порождения речи, механизмы чтения, ассоциативные связи в ментальном лексиконе, частотные характеристики речи, становление речи при изучении родного и иностранного языков, патология речи, разработка новых методов психолингвистических исследований, изучение высших функций мозга человека. Кратко остановимся на описании основных результатов ряда исследований.

Язык и мозг

Исследования Т.В. Черниговской и ее коллег показывают, что локализованность в мозгу основных сенсорных и когнитивных функций, модулярность их организации вызывают серьезные сомнения. Такие выводы основаны на современных ФМРТ, ЭЭГ и ПЭТ и иных экспериментальных данных, показывающих не только участие многих зон мозга в любой когнитивной деятельности и их сетевую организацию, но и статистическую неопределённость, индивидуальную вариативность и нестабильность. По-прежнему вызывает горячие споры психофизическая проблема, соотношение осознаваемых и бессознательных процессов, сложность нейрофизиологической интерпретации чувственного образа, проблема изоморфизма между субъективными явлениями и их нейродинамическими субстратами. Используя различные виды мозгового картирования, Т.В. Черниговская с коллегами раскрывают работу звеньев нейрональных систем организации ментального лексикона, что кардинально важно для понимания языковых функций. Особо следует отметить работы,

посвященные межполушарной асимметрии [Черниговская 1984; 1986; 1993; 2004; 2010; 2021 и др.].

Среди нейролингвистических исследований, проведенных с участием сотрудников лаборатории в последние годы, можно выделить серию экспериментов, посвященных проблеме порождения и обработки словоформ (см.: [Slioussar et al. 2014; Kireev et al. 2015; Kireev et al. 2020] и др.). Русский язык отличается богатой словоизменительной морфологией, поэтому на его материале возможно протестировать роль таких факторов, как частотность, регулярность, продуктивность различных морфологических моделей. На базе лаборатории проводятся также различные ЭЭГ-исследования, посвященные особенностям зрительного восприятия и распознавания вербальных и невербальных стимулов (например, [Prokopenya, Podvigina 2019]).

Обобщая представления о моделях организации языка, Т.В. Черниговская предлагает совмещение модулярной и сетевой моделей, полагая, что языковые процессы включают в себя как нисходящие контекстные алгоритмы и восходящие процедуры научения, так и неалгоритмические принципы. Поэтому Т.В. Черниговская считает, что ни мозг, ни язык в обозримое время не поддадутся адекватному моделированию по фундаментальным причинам.

Восприятие устной речи

В основе подхода к анализу речевого сигнала и описанию процесса восприятия устной речи, которого придерживаются представители Петербургской школы психолингвистики, лежат работы научной группы, созданной Л.А. Чистович и В.А. Кожевниковым в конце 50-х гг. XX века в Институте физиологии им. И.П. Павлова, и исследования представителей Петербургской фонологической школы, в центре интересов которой всегда были и остаются процессы речевой деятельности (см. работы Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндера, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, М.В. Гординой, В.Б. Касевича, А.С. Штерн и др.).

Результатом объединения подходов от физиологии и от лингвистики можно считать ставшую уже классической монографию В.Б. Касевича и А.В. Венцова «Проблемы восприятия речи» [Венцов, Касевич 1994; 2003], в которой представлено комплексное описание процесса восприятия речи человеком. Разработанные А.В. Венцовым и В.Б. Касевичем положения легли в основу компьютерного алгоритма, имитирующего процесс сегментации речевого сигнала [Kassevich, Ventsov, Yagounova 2000]. Тестирование алгоритма осуществлялось на материале Национального корпуса русского литературного языка (<https://narusco.ru/>), который был специально разработан петербургскими лингвистами в начале 2000-х гг. как база для компьютерного моделирования речевой деятельности.

На протяжении последних 20 лет представители Петербургской школы психолингвистики, занимающиеся изучением устной речи, – А.В. Венцов, Н.А. Слепокурова, Е.И. Риехайнен и их студенты – сосредоточены на экспериментальном исследовании того, каким образом слушающий распознает естественную устную речь разной степени спонтанности. Основополагающими при этом являются следующие теоретические принципы: 1) высокая опора на смысл при восприятии, 2) признание словоформы единицей словаря слушающего, 3) динамический характер всех языковых механизмов и их связь с внеязыковыми ситуациями. Для выдвижения гипотез и подбора материала для их последующей проверки в перцептивных экспериментах разрабатывается Корпус русской устной речи (<http://russpeech.srbu.ru/>). На сегодняшний день это единственный обще доступный русскоязычный корпус устной речи, все записи в котором снабжены не только орфографической, но и акустико-фонетической расшифровкой.

В ходе корпусных и экспериментальных исследований 1) были получены новые количественные данные, позволяющие оценить степень сохранности фонетического облика словоформ, а также количество и локализацию пауз в русской спонтанной речи и их восприятие слушающим [Венцов и др. 2015; Раева, Риехайнен 2015]; 2) впервые на материале рус-

ского языка описаны стратегии распознавания неоднозначных фрагментов речевого сигнала – редуцированных словоформ и омофонов ([Риехакайнен 2016] и др.), реалистичность этих стратегий в настоящее время тестируется с помощью методов машинного обучения [Dayter, Riekhakaunen 2020]; 3) выдвинуты гипотезы о роли грамматического и семантического контекста в процессе распознавания речи; ведется проверка этих гипотез на представительном материале и разрабатывается алгоритм, имитирующий то, каким образом слушающий распознает редуцированные словоформы [Венцов, Коробейникова, Риехакайнен 2019]; 4) описано то, как реализуются частотные слова в речи детей – носителей русского языка и в речи иностранцев, изучающих русский язык [Риехакайнен, Телова 2019; Riekhakaunen 2021]; 5) исследуется природа хезитаций в речи на родном и иностранном языках [Прокаева 2019; Прокаева, Риехакайнен 2021].

Полученные представителями Петербургской школы психолингвистики данные о процессе восприятия речи находят практическое применение в области диагностики слуха: в частности, при составлении словесных таблиц для проведения речевой аудиометрии учитываются как выявленные в психолингвистических экспериментах перцептивно значимые признаки, так и представления о психолингвистических факторах и процессах, которые могут влиять на обработку речевого сигнала (например, семантический и грамматический прайминг; см. об этом подробнее в: [Бобошко, Риехакайнен 2019]).

Механизмы чтения

В рамках Петербургской школы психолингвистики на протяжении уже более пятнадцати лет ведется работа, посвященная изучению механизмов чтения и зрительного восприятия – прежде всего, с помощью методики регистрации движений глаз (айтрекинга). Она позволяет следить за процессом обработки письменной речи в режиме реального времени, что открывает новые возможности верификации выдвигаемых теоретических гипотез. Книга «Взгляд кота Шредингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях» [Черниговская и др. 2018] является первой отечественной фундаментальной работой, в которой обобщены результаты экспериментальных исследований, направленных на изучение процесса лингвистической обработки письменной речи на разных лингвистических уровнях – от отдельных букв до чтения связных текстов. При этом подчеркивается чрезвычайно важная роль контекста, который, с одной стороны, служит опорой для читателя, предвосхищающего еще не поступившую информацию, а с другой стороны, создает возможность множественных трактовок сообщения.

Ряд исследований, проведенных С.В. Алексеевой, Н.А. Слюсарь и их коллегами, сфокусирован на низкоуровневой обработке лингвистической информации: выявлен ряд закономерностей, определяющий ход вычленения и кодирования позиций букв в словах на ранних этапах лексического доступа [Алексеева 2018; Alexeeva, Dobrego 2021; Слюсарь, Алексеева, 2017]; показана роль длины при поиске слов в ментальном лексиконе [Алексеева & Слюсарь, 2017b]; доказано наличие временного соотношения между морфологическим и орфографическим анализом при чтении слов на русском языке (морфологический анализ – по крайней мере в отношении словоизменения существительных – предшествует или происходит одновременно с анализом буквенного состава слова) [Алексеева, Слюсарь 2017a]; продемонстрирован особый статус начальной формы слова (вероятно, в ментальном лексиконе к начальной форме есть прямой доступ, без или параллельно с доступом через декомпозицию) [Алексеева, Слюсарь 2017a]. Кроме того, проводились исследования, посвященные визуальным характеристикам букв русского алфавита (проблеме перцептивного сходства букв и др.) и сравнению перцептивных характеристик различных кириллических шрифтов [Алексеева et al. 2019; Кониная, Алексеева 2016].

Важным прикладным результатом деятельности петербургских психолингвистов стало создание базы данных StimulStat для слов русского языка и веб-интерфейса для поиска по ней (http://stimul.cognitivestudies.ru/ru_stimul/) [Alexeeva et al. 2018]. База данных позволяет

отбирать слова по разным психолингвистическим параметрам. StimulStat включает более 50000 лексем и более 1,7 миллионов образованных от них форм. База содержит параметры, связанные с частотностью словоформ и лемм, буквенным составом (длина в слогах и символах, первая и последняя буква, обратная запись, позиция однозначной идентификации и др.), просодическими особенностями (место ударения, слоговая структура, наличие сдвига ударения в парадигме и др.), полисемией и омонимией, а также различными грамматическими характеристиками.

Н.А. Слюсарь, Д.А. Чернова и С.В. Алексеева также работают над темами, связанными с изучением роли индивидуальных различий читающих в процессе восприятия текста, в том числе роли читательского опыта, орфографических навыков и навыков грамматической обработки. Лаборатория принимает участие в международном проекте, направленном на создание мультязычного корпуса чтения текстов на родном и иностранном языках Multilingual Eye-movement Corpus [<https://meco-read.com/about/>; Kuperman, Siegelmann 2019]. Лаборатория участвовала также в создании Русского корпуса предложений, или Russian sentence corpus, позволяющего анализировать движения глаз при чтении предложений на русском языке [Laurinavichyute et al. 2019]. Сейчас ведется работа над корпусом предложений для изучающих русский язык в качестве иностранного, а также над тестами, позволяющими оценивать различные читательские компетенции [Чернова и др. 2020].

Экспериментальные исследования грамматики

При помощи психолингвистических методов М.В. Русакова исследовала целый ряд грамматических явлений русского языка: прежде всего, грамматические категории одушевленности, числа и падежа у существительных и категорию вида и времени у глаголов, особенности согласования в атрибутивном словосочетании, проблему морфологической продуктивности на материале глагольной морфологии. Результаты ее исследований обобщены в докторской диссертации [Русакова 2009] и опубликованной на ее основании монографии [Русакова 2013], а также в целом ряде статей [Русакова 1988; 2006; 2007; 2008; Rusakova et al. 2002]. В ее работах широко применялись эксперименты и анализ оговорок в спонтанной речи. При этом М.В. Русакова настаивала на том, что выделять психолингвистику в отдельную область лингвистики неверно, скорее можно сказать, что различные вопросы, возникающие в рамках лингвистики, можно решать разными способами – путем теоретического моделирования, а также при помощи корпусных и экспериментальных методов. Кроме того, М.В. Русакова придавала огромное значение т.н. антропоцентрическому подходу к языковым явлениям – она исходила из того, что любое явление может быть рассмотрено в аспекте того, как им пользуется человек, и этот аспект дает чрезвычайно много не только для выяснения его функционирования в речевой деятельности, но и для понимания самой сути этого явления.

Экспериментальные исследования грамматических явлений русского языка играют важную роль и в работах сотрудников Института когнитивных исследований. Ряд статей, посвященных этой проблематике, был упомянут выше. Кроме того, Н.А. Слюсарь с коллегами исследовала механизмы обработки актуального членения предложения [Slioussar 2011], порождение и обработку предикативного согласования по роду, числу и падежу [Slioussar, Malko 2016; Slioussar 2018] различные аспекты порождения и обработки словоформ [Magomedova, Slioussar 2017; Slioussar, Chuprina 2016], обработку предложений с частицами и деепричастиями [Zhukova et al. 2020; Валова, Слюсарь 2017]. Многие работы Н.А. Слюсарь направлены на прояснение психолингвистического статуса различных понятий, используемых в теоретической морфологии и синтаксисе, в частности, морфологической регулярности, продуктивности, маркированности граммем, разных типов падежного синкретизма, что созвучно идеям М.В. Русаковой об общности теоретической и экспериментальной лингвистики, и обобщены в ее докторской диссертации [Slioussar 2019]. Д.А. Чернова с коллегами анализировала особенности обработки морфологических форм в контексте предложения [Чернова

и др. 2020], особенности синтаксического анализа предложений, в том числе предложений с различными типами синтаксической неоднозначности, с учетом морфологических, лексических, просодических, дискурсивных характеристик [Чернова 2015; 2020; Чернова и др. 2016].

Структура ментального лексикона и способы его изучения

Основные работы Е.В. Глазановой [Глазанова, Штерн 1996; Глазанова 1999; Глазанова, Ерофеева 2020] представляют собой экспериментальное исследование семантики, основанное на принципах анализа языкового материала, заложенных А.С. Штерн и В.Б. Касевичем. В диссертации [Глазанова 2001] (посвященной изучению принципиальных возможностей и методологической ценности различных психолингвистических методик для выявления структуры ментального лексикона и типов отношений между его единицами) и связанных с ней работах были продемонстрированы принципиальные ограничения на использование метода прайминга, а также то, что наблюдаемый эффект не универсален, и не существует какого-то простого механизма, его обеспечивающего. У Е.В. Глазановой также есть работы, нацеленные на экспериментальную проверку надежности ряда психолингвистических методов [Глазанова 2004; 2006], в том числе – субъективного шкалирования и градуального эталона, используемых в психолингвистических исследованиях лексики для объективизации и формализации индивидуальной системы значений носителя языка.

Особый интерес петербургских психолингвистов вызывает применение конвергентного подхода для изучения ментального лексикона и механизмов выбора в ситуации многозначности, с чем человек сталкивается постоянно. Было показано, что неоднозначность в языке может выступать не только как предмет, но и как инструмент лингвистического исследования. Особенности обработки неоднозначных лексем позволяют описать структуру связей в ментальном лексиконе. Так, в работах В.К. Прокопени, направленных на изучение закономерностей разрешения референциальной неоднозначности, показано, что на выбор референциального средства, осуществляемый говорящим, и на ожидания адресата относительно дальнейшего развития дискурса влияют разные типы факторов, т.е. механизмы установления анафорических отношений при порождении речи и при ее восприятии различаются [Прокопеня 2016а; 2016б; Прокопеня и др. 2018]. На материале неоднозначности буквальных и небуквальных языковых выражений появилась возможность сделать вывод о том, как в реальном времени осуществляется переход от текста к смыслу при речевой деятельности – от распознавания слова до интеграции его в дискурсивный контекст [Слюсарь и др. 2017; Петрова, Михайловская 2014]. Исследования восприятия саркастических фраз при чтении диалогических текстов показали, что в процессе чтения одновременно действуют механизмы, направленные на восходящую и нисходящую обработку. С одной стороны, большое значение имеет формируемое контекстом читательское ожидание того, как в дальнейшем будет развиваться дискурс, с другой стороны, происходит лексическая обработка слов и их интеграция в общую структуру [Прокопеня, Константинова 2018].

Восприятие и понимание текста

Петербургские психолингвисты продолжают активно развивать идеи Л.В. Сахарного и А.С. Штерн, связанные с изучением механизмов восприятия и построения текста и выделением на каждом уровне лингвистического анализа (в том числе – на уровне текста) иерархии признаков, влияющих на характер распознавания/осознания речевых единиц [Сахарный 1994; Штерн 1992]. Т.Е. Петрова и ее коллеги активно используют методику регистрации движений глаз, позволяющую в режиме реального времени проверить действие механизмов центростремительной и центробежной грамматик языка при обработке смысловой структуры текста, о которых писал Л.В. Сахарный. Особое внимание в последние годы уделяется изучению поликодового текста – текста, включающего вербальные и невербальные компоненты. Результаты исследований показывают, что успешность восприятия текста зави-

сит от трех главных взаимообуславливающих и взаимодополняющих факторов, влияющих на процесс чтения: фактора автора текста (автор учебника/презентации или сам учащийся), типа читателя (его возраст, уровень владения языком, на котором написан стимульный текст, навыки чтения), типа текста (разные типы поликодовых текстов) [Черниговская и др. 2018; Petrova 2016, Petrova, Dobrego 2016; Petrova, Riekhakaynen 2018; Petrova et al. 2020; Коновалова и др. 2021].

Е.В. Ягунова, опираясь на исследования В.Б. Касевича и А.В. Венцова, изучает вариативность стратегий восприятия звучащего текста на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей [Ягунова 2009]. В ее работах показано, что в основе восприятия любого текста лежит «презумпция осмысленности» [Касевич 2003], и восприятие текста без его понимания адресатом практически невозможно. Функциональный стиль текста определяет особенности просодического структурирования текста. Просодические признаки (в отсутствие лексико-грамматических) могут служить достаточной опорой для принятия решений о характеристиках текста и о характеристиках синтагмы как его структурной составляющей. Множественность моделей восприятия речи отражает объективную множественность перцептивных стратегий [Венцов, Касевич 2003; Ягунова 2008].

Работы Е.В. Грудевой и её учеников связаны с изучением восприятия письменных текстов разного типа, порождения и восприятия вторичных текстов (пересказы, изложения, ключевые слова), изучением речевой деятельности детей-инофонов. Докторская диссертация [Грудева 2009] выполнена на материале серии психолингвистических экспериментов и посвящена изучению средств создания избыточности текстов разного типа (научного, публицистического, художественного, разговорного) и таким механизмам её сокращения, как эллипсис, редукция и компенсация.

На материале детских нарративов – неподготовленной связной монологической речи русскоязычных детей дошкольного и младшего школьного возраста – П.М. Эйсмонт продолжает работу по изучению процессов структурирования цельности текста [Эйсмонт 2008; Eismont 2018]. П.М. Эйсмонт удалось определить, что при описании последовательности действий в монологическом тексте для детей обеих возрастных групп существенным элементом повествования является начальный элемент эпизода [Эйсмонт 2017] или начальная фаза действия [Эйсмонт 2019], однако в нарративах детей дошкольного возраста эпизоды часто не доводятся до конца, их описание «обрывается» и между ними возникают длительные паузы. Кроме того, важную роль в процессе восприятия действительности и ее отражения в собственном монологическом тексте играет невербальная составляющая коммуникации [Eismont 2021].

Когнитивная поэтика

С опорой на психолингвистические исследования развивается еще один подход, связанный, прежде всего, с изучением механизмов воздействия художественного текста на читателя – когнитивная поэтика. Это направление, возникшее на рубеже XX и XXI веков на стыке когнитивной лингвистики, психолингвистики и рецептивной эстетики фокусирует свое внимание прежде всего на процессах семантического выдвижения в тексте. В Петербурге исследованиями в этой области занимается, в первую очередь, Д.Н. Ахапкин. Его научные интересы связаны главным образом с изучением и теоретическим осмыслением функций метафоры и дейксиса в поэтическом тексте [Ахапкин 2012а; 2012б; 2019]. Экспериментальные исследования поэтической речи позволили описать ряд особенностей лингвистической обработки поэтического текста при наличии в тексте ситуации неопределенной-неопределимой единственности, оформленной с помощью так называемого дейксиса к воображаемому – указанию на конкретный объект (референт), существующий вне текста и в самом тексте ни разу не упоминаемый [Прокопья и др. 2021].

В исследованиях Л.А. Пиотровской обосновано положение о наличии в языке особого коммуникативного типа высказываний, предназначенных для выражения эмоционального восприятия субъектом речи объективной действительности, сформулированы критерии выделения эмотивных высказываний, разграничены три принципиально разных механизма формирования эмотивного или эмотивно-оценочного компонента значения на синтаксическом уровне, а также предложено описание эмотивных типов интонации в тесной взаимосвязи с определенными структурными типами эмотивных высказываний [Пиотровская 1995; 2004]. Л.А. Пиотровская предложила разграничивать не только описание и выражение эмоций, но и отражение эмоций [Piotrovskaya 2009; Пиотровская 2015; 2019]: при описании эмоций последние становятся объектом познавательной деятельности человека, что предопределяет доминирование рациональной оценки над эмоциональной.

Л.А. Пиотровская обосновала также положение о целесообразности введения в научный оборот, наряду с термином «фонематический слух», предложенным А.Р. Лурия, термина «фонетический слух». Фонематический слух – это способность ребенка различать в речи других людей звуки, выполняющие смыслоразличительную функцию; фонетический слух – способность ребенка дифференцировать в собственной речи звуки, являющиеся аллофонами разных фонем родного языка [Пиотровская 2011]. Ее ученики (О.В. Иванова, Е.В. Абросова, С.Ю. Ильина) реализуют психолингвистический подход в коррекционной педагогике.

Становление речи в онтогенезе

Изучение детской речи в Петербурге связано с Петербургской школой онтолингвистики, которая возникла под руководством С.Н. Цейтлин (см. соотв. главу этой книги). Ее деятельность началась в 70-ые годы XX века с открытия студенческого научного кружка, в котором анализировались особенности усвоения языка русскими детьми. Один из главных вопросов в работах С.Н. Цейтлин, основанных на богатейшем эмпирическом материале, связан с соотношением системно-языковых и нормативных особенностей на разных этапах усвоения языка ребенком, а также с функциональным статусом развивающейся языковой системы детей [Цейтлин 1977; 1978; 1989; 2000].

В 1991 г. в РГПУ им. А.И. Герцена открылась первая в России специализированная кафедра детской речи, сотрудники которой и составили ядро того направления, которое сейчас ассоциируется с Петербургской школой онтолингвистики. Исследования Н.В. Гагариной начинались с усвоения глагольных категорий русскими монолингвами [Гагарина 2008], а впоследствии были продолжены в Центре общего языкознания Ассоциации Лейбница в Берлине, где она возглавляет Междисциплинарную исследовательскую платформу по изучению билингвизма. С ее активным участием был разработан специальный тест MAIN для проверки навыков рассказывания по картинкам монолингвами и билингвами, который применяется сейчас для многих языков и их комбинаций [Gagarina et al. 2012].

Основные работы М.Б. Елисейевой связаны, с одной стороны, с подробным описанием лексических и грамматических особенностей речи ее дочери на основе дневника и записей спонтанной речи [Елисейева 2015], а с другой стороны, с разработкой русской версии теста МакАртура [Елисейева, Вершинина, Рыскина 2017]. Оба направления стали ценным источником наблюдений и перспективных исследований.

Исследования Г.Р. Добровой посвящены усвоению персонального дейксиса – местоимений и терминов родства [Доброва 2003] на основе лонгитюдных и экспериментальных данных. Групповые особенности, выявленные в ходе этих наблюдений, позже легли в основу описания различных стратегий усвоения языка детьми [Доброва 2018]; основные из этих стратегий («референциальная» и «экспрессивная») уже описывались ранее на материале речи англоговорящих детей.

Работы М.Д. Воейковой посвящены усвоению детьми именных категорий и согласования [Воейкова 2015]. При этом дети используют «вспомогательные механизмы», то есть опираются на слова определенного морфонологического строения (например, диминутивы), которые и служат «флагманами» в овладении категориями числа и падежа. При согласовании некоторые дети оказывают предпочтение тем формам зависимых прилагательных и глаголов, которые по окончанию созвучны существительным. Эта морфологическая гипотеза рассматривалась в монографии [Tribishinina, Voeikova, Noccetti 2015] на материале нескольких языков с богатой флективной морфологией.

Вопросами изучения чтения и письма у детей занимается А.Н. Корнев. Им разработаны Стандартизованная методика исследования навыка чтения (СМИНЧ) и первая в России методика раннего выявления дислексии [Корнев 1997]. А.Н. Корнев также изучает клико-психологические и нейролингвистические механизмы недоразвития устной речи у детей. Полученные результаты легли в основу книги «Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты» [Корнев 2006].

Исследования Петербургской школы онтолингвистики отличает ряд особенностей. Они опираются на теоретическую платформу функциональной грамматики, то есть исходят из нон-нативистской платформы, обычно имеют эмпирическую и индуктивную направленность (основаны на анализе конкретных речевых фактов), ориентированы на широкое типологическое сравнение. В целом для этого направления характерен системноцентрический подход к описанию языка, однако, оно не противоречит также и основным положениям теории усвоения языка, основанной на употреблении.

Механизмы усвоения неродного языка

Исследованием психолингвистического аспекта формирования звуковой системы неродного языка занимается Н.А. Любимова. В ее работах были выявлены критерии лингвометодического описания фонетических нарушений у изучающих русский язык иностранный и показано, что формирование механизмов, обеспечивающих речевую деятельность индивида на другом, изучаемом, языке происходит в условиях действия интерференции, при котором первичная и вторичная языковая система вступают в противоречие [Любимова 1991; 2006].

Изучением вопросов понимания лексики неродного языка занимается профессор Мерилэндского университета США Кира Гор, неоднократно выступавшая на Петербургском семинаре по психолингвистике и принимавшая участие в создании курса по нейролингвистике [Gor K., Chernigovskaya T. 2003; 2004].

В последние годы сотрудники Института обратились к теме усвоения грамматических категорий при изучении русского языка как иностранного на примере экспериментальных исследований категории падежа [Cherepovskaia et al. 2021a; 2021b] и языковых средств передачи отрицательной семантики [Петрова, Саевич 2020], а также к вопросу восприятия и понимания разных типов текста иностранцами [Петрова, Калугина 2019].

Язык и ментальные репрезентации

В.Я. Шабес постулировал важность применения методов психолингвистики не только в традиционных для нее областях интереса, но и при изучении структур знания – ментальных репрезентаций разных типов. В частности, критикуя существовавшие на тот момент событийные модели, например, «сценарии» Р. Шенка и Р. Абельсона, а также схемы Р. Лангакера (Лэнэкера) за интроспективный подход, он отмечал важность моделирования такого рода структур на основе объективации субъективных представлений множества субъектов, носителей определенного языка и культуры, что позволило бы минимизировать субъективизм самого исследователя. Полученные модели предполагалось использовать при анализе текстов. В своей докторской диссертации и монографии 1989 г., знаменательно названной «Событие и текст», В.Я. Шабес предложил экспериментальные модели параметрических

Раздел 1

знаний (Градуальный эталон, получаемый через прямое ранжирование набора элементов) и знаний о событиях (Событие, моделируемое через интеррогативный эксперимент), которые далее применялись для текстового анализа.

Под «градуальным эталоном» (ГЭ) автор понимает «когнитивную континуальную количественно-качественную оценочную сущность, свободную от каких-либо шкал, на которую, однако, могут быть нанесены шкалы различного вида» [Шабес 2008: 35–36]. ГЭ рассматривается как универсальная когнитивная модель, одновременно фиксирующая как накапливаемый экстралингвистический, так и лингвистический опыт путем параллельной фиксации сходств-различий когнитивных и коммуникативных единиц. ГЭ позволяет как количественно-качественно оценивать, фиксировать и обозначать сходства и различия статических объектов и явлений, так и описывать динамическое изменение, также проявляющееся в сходстве-различии [Шабес 2008: 37–38].

В развитие идей В.Я. Шабеса, в том числе о континуально-дискретной организации ценностных концептов [Шабес 2011; Шабес и др. 2012], Е.В. Трощенко в докторской диссертации [Трощенко 2016а] использовала ряд психолингвистических экспериментов для моделирования ряда социокультурных ментальных репрезентаций в американской культуре, таких как положительно / отрицательно оцениваемое событие, ценностные концепты и ролевые стереотипы. Работа посвящена изучению того, как фрагмент социокультурного знания (ценности и стереотипные ожидания относительно социальных ролей) взаимодействует с коммуникативными стратегиями в современном общественно-политическом дискурсе [Трощенко 2016б; 2020].

Подводя итог краткому обзору исследований Петербургской школы психолингвистики, следует отметить, что представители этого активно развивающегося направления, используя в своих работах разные методы и подходы, строя конкретные модели языковых процессов и обосновывая их теоретически, всегда опираются на понимание единства языка, речи и речевой деятельности. И до сих пор во всех исследованиях, выполняемых в рамках Школы, строго соблюдаются принципы, заложенные Л.В. Сахарным, учитываются три фактора, на которых держится отечественная психолингвистика – фактор человека, фактор ситуации, фактор эксперимента.

Литература

Абросова Е.В. Становление семантических функций падежных форм существительного в речи детей 4 – 6 лет (в норме и при патологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.

Алексеева С.В., Доброг А.С., Коница А.А., Чернова Д.А. К вопросу о механизмах распознавания кириллических букв при чтении: Роль типа шрифта // Вестник Томского Государственного Университета, 2019, № 438. С. 11–18.

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Орфографические соседи в русском языке: База данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции // Вопросы Психолингвистики, 2017а, 32(2). С. 12–27.

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Эффект длины при парафовеальной обработке слов во время чтения // Вестник ТГУ, 2017б, 45. С. 5–29.

Ахапкин Д.Н. Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5. М.: Институт психологии РАН, 2012а. С. 252–263.

Ахапкин Д.Н. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов // Новое литературное обозрение, 2012б. № 114. С. 298–312.

Ахапкин Д.Н. Бистабильные тексты: о когнитивных механизмах поддержания неразрешимой многозначности // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 9–19.

Валова, Е.А., Слюсарь, Н.А. Исследование синтаксических свойств энклитики же: корпусный и экспериментальный подход // Вопросы языкознания. Vol. 2. 2017. С. 33–48.

Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 230 с.

Венцов А.В., Коробейникова И.И., Риехакайнен Е.И. Алгоритм восстановления редуцированных словоформ в спонтанной речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2019». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 325–331.

Венцов А.В., Нигматулина Ю.О., Раева О.В., Риехакайнен Е.И., Слепокурова Н.А. Альбом мелодических контуров «расчлененных» и «нерасчлененных» дискурсивных единиц, выделенных из спонтанной речи [электронный ресурс]. URL: <http://russpeech.spbu.ru/ALBUM-15> (дата обращения: 31.08.2021).

Воейкова М.Д. Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., ЯСК, 2015.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. 352 с.

Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. 237 с.

Глазанова Е.В. О надежности психолингвистических методов // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2004. Вып. 5. Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. С. 45–53.

Глазанова Е.В. Что такое хорошо и что такое плохо? // ...слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 187–196.

Глазанова Е.В., Ерофеева Е.В. Пространство и время: русская фразеологическая картина мира vs научная картина мира // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2020, 6 (1). С. 14–27.

Грудева Е.В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Избыточность в грамматическом строе языка / Отв. ред. М.Д. Воейкова. СПб.: Наука, 2010 (Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т. VI. Ч. 2.). С. 73–89.

Грудева Е.В., Губушкина А.А. Набор ключевых слов и устный пересказ как вторичные тексты (на материале вторичной речевой деятельности учащихся 6-х классов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. №2 (95). С. 56–72.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). Монография. СПб., РГПУ, 2003. 492 с.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М., ЯСК, 2018. 264 с.

Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М., 2015. 344 с.

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л. Мак-Артуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Иваново: Листос. 2017. 16 с.

Ильина С.Ю. Речевое развитие умственно отсталых школьников пятых – девярых классов: теоретико-экспериментальное исследование. СПб, 2005. 240 с.

Казаковская В.В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый – ребенок» (2-е изд., испр. и доп.) / Отв. ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова. М.: URSS, 2011. 464 с.

Коновалова А.А., Петрова Т.Е., Беспалова К.В., Митина А.В. Оценка рекламных плакатов подростками и взрослыми: психолингвистическое исследование на материале русского языка // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 358–362.

Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие. СПб.: МиМ, 1997. 286 с.

Любимова Н.А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб, 1991. 33 с.

Петрова Т.Е., Михайловская Е.В. Восприятие идиом: экспериментальное исследование с использованием методики регистрации движений глаз на материале русского языка // Глобальный научный потенциал. 2014, № 43 (10), С. 163–166.

Петрова Т.Е., Калугина Н.В. Особенности движений глаз при чтении поликодовых текстов на русском языке // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 825–830.

Пиотровская Л.А. Проблема «эмоции в речевой деятельности» // Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Изд-во СПбГУ, 2004. С. 418–433.

Пиотровская Л.А. О понятии «фонематический слух» с психолингвистической точки зрения // Современные тенденции в системе образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: сб. материалов науч.-практ. конф., С.-Петербург, 2011. С. 253–258.

Пиотровская Л.А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1. № 4. С. 52–63.

Пиотровская Л.А. Дифференцированный подход к изучению эмотивной функции интонации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 143–163.

Прокаева В.О. Незаполненные паузы хезитации в русской речи японцев, изучающих русский язык как иностранный // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. № 7. С. 46–52.

Прокаева В.О., Риехакайнен Е.И. Хезитации при чтении и пересказе на русском как родном и японском как иностранном языках // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2021): Труды девятого междисциплинарного семинара. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 74–80.

Прокопья В.К. Особенности обработки и интерпретации предложений с референциальной неоднозначностью // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016а. № 1(33). С. 21–30.

Прокопья В.К., Слюсарь Н.А., Петрова Т.Е., Чернова Д.А., Черниговская Т.В. Экспериментальные исследования грамматики: установление анафорических отношений в процессе речепонимания // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 76–90.

Прокопья В.К., Константинова О.Н. Влияние контекстной предсказуемости на чтение саркастических фраз: данные движений глаз // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. 2018. С. 833–835.

Раева О.В., Риехакайнен Е.И. Пространство русского спонтанного текста с точки зрения слушающего // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 67–70.

Риехакайнен Е.И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, 2016. 270 с.

Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., ЯСК, 2013. 568 с.

Русакова М.В. К проблеме значения и функции русского падежа: стратегии падежного оформления в русском языке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. Серия 9, вып. 1. С. 57–72.

Русакова М.В. Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Под ред. Н.Н. Казанского. Санкт-Петербург: Наука, 2007, Т. III, ч. 3. С. 113–153.

Русакова М.В. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида (В соавторстве с С.С. Саем) // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008, Вып. 2, Ч. 2. С. 205–214.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 184 с.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 7–59.

Слюсарь Н.А., Петрова Т.Е., Михайловская Е.В., Череповская Н.В., Прокопья В.К., Чернова Д.А., Черниговская Т.В. Экспериментальные исследования лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением // Вопросы языкознания, 2017, № 3, С. 83–98.

Слюсарь Н.А., Алексеева С.В. Орфографические соседи с заменой буквы при изучении механизмов лексического доступа. Компьютерная Лингвистика и Интеллектуальные Технологии: По Материалам Международной Конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.): В 2-х т., Т.2. С. 407–418.

Троценкова Е.В. Психолингвистический эксперимент «событие с заданной оценкой» (в американской культуре) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2–1. С. 235–243.

Фонетический аспект общения на неродном языке: Коллективная монография / Науч. ред. Н.А. Любимова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 294 с.

Цейтлин С.Н. Семантика производного слова и детская речь // Слово как предмет изучения. Л., 1977. С. 140–146.

Цейтлин С.Н. Обратное словообразование в детской речи // Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку). М., 1978. С. 61–66.

Цейтлин С.Н. Основные особенности детской практической грамматики // Совершенствование методов диагностики и преодоления нарушений речи. Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1989а. С. 24–31.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Учебное пособие для вузов. М.: Владос, 2000. С. 61–66.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам. Тарту, 1984, вып. 17. С. 48–67.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам. Тарту, 1986, вып. 19. С. 68–84.

Черниговская Т.В. Мозг и язык: полтора века исследований // «140 лет кафедре общего языкознания», СПб, 2004. С. 16–34.

Черниговская Т.В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Вестник Российской Академии наук. 2010, № 80, 5–6. С. 461–465.

Черниговская Т.В., Гор К., Свистунова Т.И. Формирование глагольной парадигмы в русском языке: правила, вероятности, аналогии как основа организации ментального лексикона (экспериментальное исследование) // Когнитивные исследования. Сб. научн. трудов. Вып.2. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 165–181.

Черниговская Т.В. Еще раз о мозге и семиозисе: можно ли найти точку в нейросетях? // Вопросы философии. 2021, № 6. С. 5–13.

Черниговская Т.В., Алексеева С.В., Дубасова А.В., Петрова Т.Е., Прокопья В.К., Чернова Д.А. Взгляд кота Шредингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях. СПб, 2018. 228 с.

Черниговская Т.В., Коница А.А., Алексеева С.В., Кнабенгоф М.А. Поле внимания при реализации синхронного перевода. Нелинейная Динамика в Когнитивных Исследованиях - 2017: Труды V Всероссийской Конференции. С. 242–243.

Чернова Д.А., Слюсарь Н.А., Алексеева С.В. Особенности орфографической обработки падежных форм русских существительных в контексте предложения. Вестник ТГУ, 2020а, 454. С. 45–54.

Чернова Д.А., Слюсарь Н.А., Алексеева С.В. Чему нас учат ошибки: Трудности при обработке слов с частотными орфографическими ошибками. Компьютерная Лингвистика и Интеллектуальные Технологии: По Материалам Ежегодной Международной Конференции «Диалог» (Москва, 17–20 Июня 2020 г.). 2020. Вып. 19 (26). С. 132–144.

Чернова Д.А. Интерпретация неоднозначной разметки синтаксических связей: экспериментальное исследование на материале русского языка. Вопросы психолингвистики, 2020, № 1(43). С. 110–120.

Чернова Д.А., Слюсарь Н.А., Прокопья В.К., Петрова Т.Е., Черниговская, Т.В. Экспериментальные исследования грамматики: синтаксический анализ неоднозначных предложений. Вопросы языкознания, 2016, № 6. С. 36–50.

Чернова Д.А. Экспериментальное исследование процесса разрешения синтаксической неоднозначности в русском языке с использованием методики регистрации движения глаз. Вопросы психолингвистики, 2015, (26). С. 256–267.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989. 175 с.

Шабес В.Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 11 Языковая вариативность. Пермь, 2008. С. 30–43.

Шабес В.Я. Континуально-дискретная репрезентация ценностных концептов // Проблемы социо- и психолингвистики. № 15, 2011. С. 46–74.

Шабес В.Я., Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Л.В. Сахарный // ... Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. Пермь, 2006. С. 14–15.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб, Изд-во СПбГУ, 1992. 236 с.

Эйсмонт П.М. Эпизод и событие в устном детском нарративе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Рус. филология. 2017. № 5. С. 67–76.

Эйсмонт П.М. Формирование понимания фазовой структуры действия в детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 345–366.

Ягунова Е.В. Контекстная предсказуемость и коммуникативная структура в процедурах восприятия звучащего текста // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 630–641.

Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста: экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 47 с.

Alexeeva S., Slioussar N., Chernova D. StimulStat: A lexical database for Russian. Behavior Research Methods, 2018, № 50(6), 2305–2315.

Cherepovskaya N., Slioussar N., Denissenko A. Acquisition of the nominal case system in Russian as a second language // Second Language Research, online first. Doi: 10.1177/0267658320988058.

Chernigovskaya T.V., Balonov L.J., Deglin V.L. Bilingualism and brain functional asymmetry // Brain and Language, 1983, v. 20. Pp. 195–216.

Chernova D., Podvigina D. Phonological and Orthographic Representations in Visual Word Recognition: ERP Study of Russian Homophones // Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics: Proceedings of the 9th International Conference on Cognitive Sciences, Intercognsci–2020. 2021. Pp. 329–334.

Dayter M.V., Riekhakaynen E.I. Automatic Prediction of Word form Reduction in Russian Spontaneous Speech // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics), 2020, 12335 LNAI. Pp. 119–127.

Eismont P. Non-verbal Behavior and Its Role in Narrative Production. In: Chernigovskaya T., Eismont P., Petrova T. (eds) Language, Music and Gesture: Informational Crossroads. Springer, Singapore. 2021. Pp. 91–109.

Eismont P., Metelyagin V., Riekhakaynen E. Coherence Understanding Through Cohesion Markers: The Case of Child Spoken Language. In: Karpov A., Jokisch O., Potapova R. (eds) Speech and Computer. SPECOM 2018. Lecture Notes in Computer Science, vol 11096. Springer, Cham. 2018. Pp. 145–154.

Gagarina N., Daleen Klop, Sari Kunnari, Koula Tantele, Taina Välimaa, Ingrida Balčiūnienė, Ute Bohnacker, Joel Walters. MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives // ZASPiL N 56, 2012. 155 p.

Gor K., Chernigovskaya T. Mental Lexicon Structure in L1 and L2 Acquisition: Russian Evidence. 2003 // «Glossos». The Slavic and East European Language Resource Center. Issue 4, Summer 2003. Pp. 131.

Gor K., Chernigovskaya T. Formal Instruction and the Acquisition of Verbal Morphology. In: (Alex Housen and Michel Pierrard eds.) Investigation in Instructed Second Language Acquisition. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2004. Pp. 103–139.

Kashevich V.B., Ventsov A.V., Yagounova E.V. The simulation of continuous text perceptual segmentation: A model for automatic segmentation of written text // Language and Language Behavior. 2000. V. 3, Pt. II. SPb. Pp. 48–59.

Kireev M.V., Slioussar N., Chernigovskaya T.V., Korotkov A.D., Medvedev, S.V. Changes in functional connectivity within the fronto-temporal brain network induced by regular and irregular Russian verb production. Frontiers in Human Neuroscience, 2015, № 9, art. 36. Pp. 120–129.

Laurinavichyute A.K., Sekerina I.A., Alexeeva S., Bagdasaryan K., Kliegl R. Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Cyrillic // *Behavior Research Methods* 51. 2019. Pp. 1161–1178.

Petrova T., Dobrego A. Processing of static and dynamic texts: an eye-tracking study of Russian // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts 2016, 2016*. Vol. 1, № 1. Pp. 991–997.

Piotrovskaya L. Description, expression and reflection of emotions in language behaviour // *Polish Studies in English Language and Literature* / ed. by Jacek Fisiak. 2009. Vol. 27: *Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data: Studies in Honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk* / Ed. by Wiesław Oleksy and Piotr Stalmaszczyk. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. Pp. 307–338.

Riekhakaynen E. Comparing Phonetic Reduction in Russian as First and Second Language: From Psycholinguistics to Natural Language Processing // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. T. 1184. Pp. 478–486.

Rusakova M.V., Sai S., Bogomolova S., Guerassimov D., Tangisheva T., Zaika N. On the mental representation of Russian aspect relations // *Morphology 2000. Selected papers from the 9th Morphology Meeting, Vienna, 24-28 February 2000*. [= *Current Issues in Linguistic theory*, 218] / Ed. by S.Bendjaballah, W.U.Dressler, O.E.Pfeiffer and M.Voeikova. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. Pp. 305–312.

Slioussar N., Kireev M.V., Chernigovskaya T.V., Kataeva G.V., Korotkov, A.D., Medvedev S.V. An ER-fMRI study of Russian inflectional morphology. *Brain and Language*, 2014, № 130. Pp. 33–41.

Slioussar N. Processing of a free word order language: The role of syntax and discourse context // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2011. Vol.40. Pp. 291–306.

Slioussar N., Malko A. Gender agreement attraction in Russian: production and comprehension evidence // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol.7. Art. 1651. Pp. 1–20.

Slioussar N., Chuprina A. How derivational links affect lexical access: evidence from Russian verbs and nouns // *Italian Journal of Linguistics*. Vol. 28. 2016. Pp. 115–136.

Tkachenko E., Chernigovskaya T. Input Frequencies in Processing of Verbal Morphology in L1 and L2: Evidence from Russian // In: A. Grønn & I. Marijanovic (eds.) *Russian in Contrast, Oslo Studies in Language* 2(2), 2010. Pp. 281–318.

1.4. Психолингвистика в регионах России

И.А. Стернин, Воронеж
Н.В. Уфимцева, Москва

Как свидетельствует изложенное выше, Москва, Московская психолингвистическая школа явилась колыбелью отечественной психолингвистики. Заметны и психолингвистические достижения второй столицы – Санкт-Петербурга. Однако специфика развития психолингвистики в нашей стране такова, что сформировалось много научных центров, которые занимаются психолингвистическими исследованиями в регионах страны, причем занимаются интересно и плодотворно, во многом обновляя и продвигая вперед психолингвистическую науку в самых разных направлениях.

Традиционно тяготея и ориентируясь в основном на научную проблематику и результаты Московской психолингвистической школы, региональные исследования существенно продвигают психолингвистическую науку в стране, придавая ей динамику и новые импульсы, обогащая ее конкретными результатами.

«Центр межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева» ИЯ РАН (директор проф. Н.В. Уфимцева) предоставляет ученым из регионов возможность выступить на семинаре Центра в ИЯ РАН с презентацией своих проектов и их обсуждением.

Раздел 1

В журнале «Вопросы психолингвистики» в последние годы была создана рубрика «*Психолингвистические проекты в регионах России*», которая знакомит читателей с наиболее значимыми и интересными психолингвистическими проектами, выполняемыми учеными и научными коллективами в разных городах России.

Именно эти публикации позволили объемно и разнообразно представить работу российских психолингвистов и в немалой степени содействовали идее возникновения данной коллективной монографии. Многие материалы этих публикаций, обновленные и дополненные авторами актуальной информацией, легли в основу ряда разделов данной монографии (это, к примеру, публикации таких авторов как Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова; И.А. Стернин, А.В. Рудакова; Е.А. Елина, Л.Ф. Прокофьева; С.С. Шляхова; А.А. Залевская; Е.Ю. Мягкова; И.А. Барина, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева; М. Дебренин; Н.В. Дмитрюк; Т.М. Рогожникова; Н.А. Пешкова; Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, Е.В. Петроченко; С.Н. Цейтлин, М.Д. Воейкова).

Отметим, что некоторые психолингвисты переезжали из одного региона в другой и образовывались новые научные школы. Так И.Н. Горелов переехал из Магнитогорска в Саратов, А.А. Залевская – из Казахстана в Тверь, Л.В. Сахарный и А.С. Штерн – из Перми в Санкт-Петербург, Е.Ю. Мягкова – из Курска в Тверь, В.А. Пищальникова из Барнаула в Москву, И.А. Бубнова из Минска в Москву и т.д. При этом в «старых» местах оставались и продолжали действовать созданные ими школы и научные коллективы, возникали новые направления психолингвистических исследований.

Ограничимся кратким перечислением основных городов России, в которых сформировались психолингвистические школы и направления.

Это, прежде всего, такие крупные психолингвистические центры как:

Тверь (А.А. Залевская, Е.Ю. Мягкова, Н.О. Золотова, С.В. Мкртычян, С.И. Тогоева и др.);

Пермь (Е.В. Ерофеева, Т.И. Доценко, С.С. Шляхова, И.А. Барина, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева, Н.М. Нестерова и др.);

Саратов (В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, Е.А. Елина, Л.П. Прокофьева, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов и др.);

Омск (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова и др.);

Новосибирск (И.В. Шапошникова, М. Дебренин и др.);

Челябинск (Л.А. Шкатова, Е.В. Харченко и др.)

Екатеринбург (Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова и др.);

Воронеж (Л.В. Величкова, А.В. Рудакова, Н.А. Лемяскина, М.Е. Новичихина, И.А. Стернин и др.);

Уфа (Н.П. Пешкова, Т.М. Рогожникова, Э.А. Салихова и др.);

Курск (Е.Ю. Мягкова, С.В. Лебедева, О.С. Зубкова и др.).

Самобытно и плодотворно работали и работают психолингвисты в **Архангельске** (Т.В. Соколова), **Донецке** (В.И. Теркулов), **Иваново** (Е.И. Исенина), **Пятигорске** (А.Б. Михалев), **Череповце** (Г.Н. Чиршева), **Ярославле** (В.И. Жельвис).

Отметим также города бывшего СССР – **Минск** (А.П. Клименко, А.Е. Супрун, Н.И. Курганова, Б.Ю. Норман), **Харьков** (Е.И. Горошко), **Черновцы** (В.В. Левицкий), **Чимкент** (Н.В. Дмитрюк) и др.

Ряд психолингвистов находится в настоящее время в дальнем зарубежье – А.П. Журавлев, И.Э. Ключанов, И.Л. Медведева, Н.В. Мохамед (Рафикова), И.Г. Овчинникова, В.П. Белянин, Е.Ю. Протасова, Т.Ю. Сазонова, А.П. Сдобнова.

Все перечисленные ученые внесли свой вклад в развитие отечественной психолингвистики, в разработку психолингвистической теории и методов психолингвистических исследований. Их участие не забыто.

Все эти региональные направления и ученые в том или ином объеме представлены в разделах 2–6 данной монографии.

1.5. Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования

В.А. Пищальникова
Москва

Исследование развития психолингвистических направлений в нашей стране свидетельствует о следующем:

«с момента обособления отечественной психолингвистики и ее становления как самостоятельной области лингвистической науки, она, казалось бы, приобрела все необходимые и достаточные признаки научной парадигмы. Действительно, был сформулирован исследовательский объект, разработан и апробирован спектр исследовательских методов и приемов, отработан и систематизирован понятийный аппарат. Тем не менее, в начале XXI века ученые все так же задаются вопросом о статусе психолингвистики, о степени ее обособления от традиционной науки о языке, об актуальности и уникальности решаемых психолингвистами научных задач» [Карданова, Сонин 2015].

Анализ типов решаемых задач, представленных на ряде международных симпозиумов по психолингвистике, организаторами которых выступает Отдел психолингвистики РАН, показал: выделяются эмпирические исследования языковой способности субъекта и его речевых действий, эмпирические исследования продуктов речевой деятельности, моделирование речемыслительной деятельности и связанных с ней механизмов, методологические работы и обзоры, при этом *моделированию* речемыслительной деятельности и связанных с ней механизмов уделено меньше внимания, хотя именно модели представляют закономерные отношения между общими концептами объектной области и эмпирическими исследованиями.

Перечислим некоторые направления современных отечественных психолингвистических исследований.

Методология и теория исследования языкового сознания (Отдел психолингвистики РАН; долгосрочная программа «Языковое сознание человека»), где основное внимание уделяется установлению сущности и специфических свойств методологической категории «языковое сознание» [Тарасов 2000; Уфимцева 2011], формам его существования, способам фиксации и приемам моделирования. Отметим, что в последнее время количество теоретических работ по названной проблеме уменьшается, а содержание самого термина «языковое сознание» подвергается переосмыслению: исследователи отмечают, что он девальвирован нестрогим употреблением в разных контекстах [Овчинникова 2008; Пищальникова 2009; Баринаева, Нестерова, Овчинникова 2010; Яковлев 2019] и др. Кроме перечисленных проблем, в рамках концепции языкового сознания исследуется его роль в порождении и восприятии речи, в межкультурном общении; выявляется этнокультурная специфика языкового сознания носителей разных языков. В последние годы усилился интерес сторонников концепции языкового сознания к изучению базовых ценностей:

«... к так называемым “общечеловеческим” ценностям, которые подверглись разного рода трансформации. Социологи, занимающиеся мониторингом изменения социальных ценностей, фиксируют изменение отношения людей к этим ценностям, но они не задаются вопросом, как поменялось содержание ценностей, и потому не могут дать на него ответ» [Тарасов 2012: 15].

Е.Ф. Тарасов считает, что можно надеяться на новый теоретический прорыв в рамках теории языкового сознания:

«Ближайшая область, где можно ожидать каких-то достижений – это область языкового сознания и речевого общения. Сама проблематика речевого общения разорвана между несколькими дисциплинами, поэтому среди так называемых коммуникативистов сейчас интенсивно раздаются во многом справедливые претензии по поводу того, что эта необъятная область знаний разобщена, разделена разными науками и на сегодняшний день нет глобальных теорий, которые бы объединили и сориентировали усилия

многих исследователей. Действительно, таких теорий нет, но их можно ожидать от психологов и психолингвистов, но не от социологов или коммуникативистов, которые часто ориентированы на социологические и философские представления... Как мне представляется, можно ожидать каких-то прорывов... в области, связанной с речевым общением» [Тарасов 2010: 20], хотя при этом вполне осознается необходимость «нового инструментария и более широких исследований».

Безусловным достижением направления стало издание Русского ассоциативного словаря под редакцией Ю.Н. Караулова [РАС 2002], а также ряда аналогичных словарей, о которых речь пойдет в других разделах.

Особое место в современной отечественной психолингвистике занимает *Тверская психолингвистическая школа*, созданная и долгие годы руководимая выдающимся психолингвистом А.А. Залевской. В рамках школы были созданы фундаментальные, основательно аргументированные теоретически и экспериментально концепции психолингвистического значения слова, позволившие существенно продвинуть вперед методологию психолингвистики, разработать эффективные экспериментальные методы психолингвистического исследования значения слова, детально обосновать принципы психолингвистики, заложенные еще трудами А.А. Леонтьева. В них представлено разграничение видов знаний и специфика их вербальной репрезентации, особенности исследования языка как достояния человека, механизмы речи в связи с проблемой языкового сознания, слово как достояние индивида [Залевская 1992], значение и интеллектуальные возможности человека, лексикон как динамическая функциональная система [Золотова 2005], распознавание слов [Сазонова 2000] и многие другие. Особое место уделяется здесь моделированию процессов понимания речи, устной и письменной [Залевская 2007], установлению ментальных опор понимания [Залевская 2005; Голубева 2016] и др.

На основании широкого корпуса данных, полученных

«с применением разных исследовательских процедур в условиях владения одним, двумя и тремя языками, в сочетании с широким межъязыковым/межкультурным сопоставлением ассоциативных норм разных языков»,

А.А. Залевской была разработана *интерфейсная концепция значения слова*, показавшая, что

«за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщенности» [Залевская 2007: 239].

При этом индивид может и не иметь четкого представления о значении употребляемого им в типичных контекстах слова и идентифицировать его через не вполне дифференцированные ситуативные связи; человек может акцентировать только один признак представляемого словом понятия или даже не само понятие или признак, а иные, ассоциативно связанные с ним, и во всех случаях опознание слова может сопровождаться эмоционально-оценочными переживаниями разной степени интенсивности.

Интерфейсный подход представляет значение слова как поиск в индивидуальном тезаурусе человека мультимодальных следов, разного уровня осознаваемости «опор» памяти, которые возникают вследствие переработки вербального и невербального опыта индивида, и позволяет объяснить, как с помощью языка человек адаптируется к естественному и социальному окружению.

А.А. Залевская сформулировала принципы организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы, в которой взаимодействуют языковые и энциклопедические знания индивида, различные личностно переживаемые смыслы, социальные нормы и т.п., акцентировав важность рассмотрения значения «живого слова», а не словарных инвариантов. «Живое слово» для человека актуализирует самые разные индивидуальные ассоциативные связи, стоящие за ним, опирающиеся на результаты переработки опыта – перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного,

то есть индивидуальное значение слова – это результат работы всех механизмов психической деятельности человека.

Язык выполняет функцию специфического интерфейса между индивидом и социумом, между образом мира индивида и природно-социальной средой, и важно подчеркнуть, что эта функция зависит от деятельностной активности субъекта. Результат переработки *всего* опыта – вербального и невербального – А.А. Залевская называет *единой информационной базой человека*. Слово – средство доступа к этой базе, средство обнаружить, что стоит за ним в памяти индивида, при этом слово связано с единицами разных уровней обобщения, даже если и не доступных для вербализации, но являющихся опорами процессов мышления. Эти и другие принципиальные положения позволили А.А. Залевской, обобщив опыт экспериментальных исследований, создать *спиралевидную модель идентификации слова и понимания текста*, которая показывала закономерности взаимодействия разного рода выводного знания и эмоционального опыта индивида в процессах понимания и объясняла ситуативный выбор значения «достаточным семиозисом».

Понятие единой информационной базы человека было уточнено [Залевская 1992], а коллективное знание представлено двумя типами: «функционирующее в культуре коллективное знание-переживание» и «зарегистрированная в артефактах часть такого знания» [Залевская 2007].

Развивая положения Л.С. Выготского, А.А. Залевская акцентировала, что индивидуальное знание как психический феномен ориентировано на познание и общение, поэтому функции слова связаны как с «общепринятым» значением, так и с индивидуальным вербально-авербальным содержанием, которое лежит за словом у человека. Первое обеспечивает взаимопонимание между людьми, но вместе с тем слово является средством доступа к единой информационной базе индивида – слово «живет двойной жизнью». Позже в работах А.А. Залевской появится понятие «живой поликодовый/мультимодальный гипертекст», который учитывает специфику современных текстов, но по сути принципиально не изменяет содержание термина «единая информационная база человека».

В отечественной психолингвистике одним из основных методов сбора эмпирических данных для моделирования ассоциативного поля, которое, в свою очередь, используется для решения самых разных теоретических и прагматических задач, стал *свободный ассоциативный эксперимент*. Работы, интерпретирующие результаты свободного ассоциативного эксперимента, многочисленны, однако теоретико-методологические проблемы, связанные с отбором слов-стимулов, их классификацией, интерпретацией отношений стимул – реакция как речевого действия и др. остаются нерешенными или решенными частично. (В современной западной науке этот экспериментальный метод используется редко, что не способствует интеграции нашей психолингвистики в общемировую науку).

В ассоциативном эксперименте обнаруживается деятельностное отношение человека к миру, представленное специфической связью стимула и реакции в условиях конкретной деятельности, в том числе и речевой. Это отношение (мотив) определяет актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно – специфику концептуализации мира. По данным эксперимента моделируется ассоциативное поле слова-стимула, которое представляет психологическое содержание, актуальное для носителя языка именно в данной деятельности. Ассоциативное значение стимула определяется посредством анализа дистрибуции реакций, что позволяет устанавливать актуальную психологическую структуру личностного смысла, репрезентируемого стимулом, и выявлять сдвиги в психологическом значении слова-стимула.

Ассоциативный эксперимент выводит в светлое поле сознания глубинные ментальные связи слова, и потому данные, полученные с его помощью, могут использоваться при решении многообразных задач психолингвистического исследования. Однако его проведение всегда требует тщательной методологической работы по установлению параметров

исследования объекта, проверяемых в эксперименте, – в противном случае экспериментатор получает массив реакций, толкование которых не приводит к выявлению существенных свойств научного объекта. Поэтому описание, а тем более интерпретация психического процесса ассоциирования – сложная теоретическая проблема.

На базе ассоциативного эксперимента создана серьезная эмпирическая база для решения актуальных теоретических вопросов о сущности речевого действия и его соотношения с речевой операцией; о вербализации психологически актуального смысла и его моделировании на основе ассоциативных полей слов-стимулов; о специфике динамических смысловых процессов и способах/средствах их диагностики и др.

Собранный ассоциативный материал позволяет создать *психолингвистическую программу исследования идентичности*.

Несмотря на активное исследование проблемы в разных науках [Леонтьев 2012: с. 89], феномен идентичности по сути остается психологическим: это аспект самосознания индивида, переживания им своего Я, что проявляется прежде всего в процессах речесмыслопорождения, а потому может быть эффективно исследован психолингвистическими экспериментальными методами, по сравнению с другими более непосредственно выявляющими ментальное содержание, поскольку они предполагают спонтанную реакцию испытуемых на предъявляемые стимулы. Особенно актуален вопрос о детерминированности идентичности системой базовых ценностей, и эта обусловленность наиболее очевидно представляется в характере предикации между стимулом и реакцией, единство которых рассматривается как речевое действие [Пищальникова 2019].

Представители Омской школы психолингвистики, используя методики реконструкции коммуникативного существования, изучают различные аспекты социального статуса носителей культуры, в том числе возрастные и гендерные [Бутакова 2018; Бутакова, Гуц, Орлова 2018; Бутакова 2019; Орлова 2019; Харламова 2019; Бутакова 2020], создавая программу *частичной социально-психологической и психолингвистической адаптации для наиболее уязвимых групп общества* (детей, подростков, пенсионеров [Бутакова, Гуц, Козловская 2018] к условиям современной жизни, в том числе опосредованной виртуальной реальностью и текстами или сообщениями интернет-среды. Комплексное изучение ценностей пожилого человека осуществляется на основе аутентичных разговоров лиц «в возрасте поздней зрелости» во всех сферах деятельности с последующим моделированием типичных моделей коммуникации и установлением различий «поколенческой и возрастной специфики языка – речи» определением «ценностно-оценочных составляющих дискурсов с субъектами речи в возрасте “обычной” и “поздней” зрелости» [Бутакова, Гуц 2021], что в целом позволило представить комплексное описание пожилых людей с точки зрения актуальных для них стереотипов и их динамики и с позиций социального внимания к пенсионерам, разделяемым существующим законодательством на шесть категорий в зависимости от получаемых социальных выплат. Такое детальное исследование речевой деятельности пожилых людей в разных группах позволяет выявить их отношение к разным аспектам социальной деятельности государства и одновременно установить, какое место отводят себе представители исследуемой социальной группы в современной действительности и как они определяют «образ себя». Выявлены ценностные доминанты пожилых людей: труд, семья, здоровье, востребованность в социуме.

Отношение к разным социально значимым аспектам современной культуры устанавливается в разных экспериментальных исследованиях, позволяющих выявить материал, на основе которого можно анализировать и проблему *личностной идентичности*. Так, фрагмент образа Я моделируется в экспериментальном психолингвистическом изучении категории вежливости. Анализируя состав ядерных ассоциатов поля 礼貌 / вежливость, Яо Чжипэн делает вывод о

«включенности исследуемой морально-этической категории в сознание испытуемых на уровне неосознаваемых, операциональных действий, что свидетельствует о “вращенности” вежливости в поведенческие реакции испытуемых. Китайские респонденты не говорят о вежливости, не оценивают содержание этой категории – они действуют вежливо» [Яо Чжипэн 2019: 89].

Очевидно, что одобряемая социумом норма поведения становится в этом случае личностно необходимой, единственно возможной, а потому полученный экспериментальный материал можно использовать в моделировании личностной идентичности. Правомерность такого использования подтверждается сравнением ассоциативных полей носителей китайского и русского языков. Например, при внешнем совпадении признака ассоциирования, например, ‘носитель качества’, коэффициенты разнообразия ассоциатов значительно различаются: 0.6 у русских и 1.2 у китайцев, что явно обнаруживает более высокую степень стереотипности ассоциатов в русской лингвокультуре и свидетельствует о характере личностного отношения к базовой ценности. В рамках направления создаются новые типы словарей, например, «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» [Степыкин, Миронова 2020].

Виды идентичности при исследовании с позиции психолингвистики эффективно различать по специфике речевого действия, в котором закономерно отражается мотив речевой деятельности. В массиве экспериментального подвергаются анализу все речевые действия, так или иначе отграничивающие Я от не-Я, несмотря на сложность и трудоемкость процедуры. Отобранные ассоциаты дифференцируются по группам, проявляющим разные аспекты идентичности. В группу речевых действий, реализующих признаки идентичности, могут быть отнесены такие, в которых представлены психологические характеристики индивида, его ценности, отношение к социально одобряемым ценностям, семье вообще и членам семьи, ощущение себя как цельной личности, осознание своих способностей, ответственности, роли в обществе и др.. Такая позиция поддерживается социологическими и психологическими исследованиями идентичности:

«Человек в современном обществе не просто социален, а полисоциален, т.е. входит по разным основаниям в множество разных форм социальной организации, ценности и ролевые требования которых не согласуются между собой» [Леонтьев 2009, с. 92].

Поэтому в любом речевом акте, так или иначе отражающем социальное бытие индивида, можно обнаружить и личностное отношение к нему, а следовательно, опосредованно эксплицированные характеристики Я. Важным методологическим требованием к психолингвистическому исследованию идентичности является обязательная проверка модели, полученной на основе одного эксперимента, с помощью других: шкалирования и ранжирования в условиях ограничения времени.

Активизируются исследования, прагматически направленные на осуществление социальных программ, в том числе региональных, связанных с **вербальным диагностированием внутриэтнической и межэтнической напряженности и напряженности в отношениях между разными социальными группами** населения страны [Кирилина, Терентий 2014].

В процессе качественного пересмотра межэтнических отношений в связи с новыми социальными условиями существования современных этносов в разных регионах планеты усиливается степень межэтнической напряженности, возникают межэтнические конфликты, многие исследователи говорят о кризисе национальной идентичности. В современном мире межэтнические конфликты могут протекать до известного момента латентно, поэтому возникает необходимость разработки различных методик обнаружения и оценки степени межэтнической напряженности. Возможность вербальной диагностики межэтнической напряженности показана на примере анализа массива ассоциатов, полученных в свободном ассоциативном эксперименте и так или иначе репрезентирующих межэтническую напряженность между представителями разных этносов [Пищальникова, Рогозина 2004; Адамова 2006].

Раздел 1

Теоретические основания практической диагностики межэтнической напряженности таковы.

Во-первых, согласно теории речевой деятельности (А.А. Леонтьев), этносоциальные представления, составляющие содержание этнической идентичности, фиксируются в конвенциональных стереотипах, специфически репрезентированных в языке. Данные ассоциативного эксперимента, рассматриваемые как материальный субстрат языковой способности субъекта, помогают определить характер этой репрезентации: члены одной этнокультурной общности существенно сходным образом вербализуют результаты познавательной деятельности.

Во-вторых, структура и содержание этнической идентичности могут быть смоделированы на основе анализа ассоциативных связей слов, представляющих вербально-ассоциативную сеть индивида. При этом возможно (1) моделирование эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов, который выполняет доминирующую роль в образовании стереотипа, (2) установление базового содержания этнической идентичности и (3) тенденций ее трансформации.

В-третьих, ментальная эволюция современного человека связана, с одной стороны, с процессами глобализации всех сфер человеческой деятельности и проявляется в активном создании интегративных познавательных структур вербально-авербального характера [Романовская 2003]. Образование таких познавательных, в том числе и мультимодальных, структур приводит к усилению темпов слияния этнокультурных общностей быстрее, чем какие-либо социальные, политические или культурные события.

С другой стороны, не менее отчетливо стремление этнокультурных сообществ сохранить свою специфичность, которая определяется системой базовых знаний, мнений и верований, лежащих в основе формирования совокупности этнических стереотипов и определяющих картину мира представителей данной этнокультурной общности. Поэтому любая целенаправленная попытка побудить членов этнокультурного сообщества к принятию фрагмента «чужой» картины мира наталкивается на сопротивление. При этом можно по-разному рассматривать генезис и онтологические свойства системы стереотипов: как изначальные базовые структуры, отвечающие за дифференциацию этносов, или как прижизненно формирующиеся структуры – в любом случае они являются основой идентификации этнокультурной общности. Важно, что такая идентификация во многом связана с обязательным наличием в этнической картине мира аксиологических признаков, противопоставляющих одну этнокультурную общность другой.

Психолингвистическая диагностика степени агрессивности по отношению к чужому народу, которая и определяют состояние межэтнической напряженности, может складываться из следующих этапов:

- (1) проведение массового свободного ассоциативного эксперимента в диагностируемых регионах с целью выявления актуальности концептов, свидетельствующих о межэтнической напряженности;
- (2) типологизация результатов ассоциативного эксперимента на основе разработанной интегративной модели актуального психологического значения (личностного смысла) с заданным количеством актуальных параметров [Адамова 2006],
- (3) математическая обработка полученных результатов с целью повышения их репрезентативности; (4) построение гистограмм и линий тренда с целью наглядного представления результатов всех предыдущих этапов исследования и создания формализованных структур как операциональных компонентов дальнейших интерпретаций в психолингвистических и иных исследованиях, связанных с изучением этнической напряженности.

В настоящее время актуальны *психолингвистические исследования базисных духовно-нравственных ценностей/антиценностей* (см., например: [Пэй Цайся 2019; Яо Чжипэн 2019; Хлопова 2018]) и идеалов современной личности и факторов, определяющих социально-психологическую адаптацию человека к условиям мегаполиса.

Базовые ценности психологически актуальны только тогда, когда они специфически освоены индивидом в процессе его жизнедеятельности и определяют характер его мировоззрения и поведения. Такое освоение нейрофизиологически фиксируется в ассоциативно-вербальной сети индивида, а потому экспериментально может быть выявлен не только специфический характер присвоения ценности индивидом, но и его связь с осмыслением человеком своего Я. В речевом действии репрезентируется личностная иерархия ценностей, связанная со степенью социализации человека, но одновременно детерминированная индивидуальной значимостью предметов деятельности человека (см.: [Адамова 2006; Боргоякова 2018; Пищальникова, Дубкова, Цун Фэнлин, Яо 2020; Пищальникова и др. 2020] и мн. др.). В анализе ценностей учитываются следующие параметры: представленность в речевых действиях актуальных признаков потребностей; мотивационная основа социальных ценностей поведения – доминантные эмоции и оценка, обнаруживаемые в речевых действиях эмоционально-оценочного содержания; степень удовлетворенности и «сила» мотивационных образований, обнаруживаемый в соотношении мотивационной основы и «направленности» речевых действий; характер и механизм актуальной установки, связанной с социальной ценностью, обнаруживаемый в соотношении структуры и содержания всех компонентов модели личностного смысла; нарушение структуры языковых конвенций как проявление социальной напряженности.

Расширение эмпирической базы важно для осмысления *проблем этнопсихолингвистики*, исследующей специфические признаки этнической культуры, репрезентированные в языке: язык как элемент культуры того или иного этнокультурного сообщества с помощью системы смыслов, обнаруживаемой в ассоциациях, отражает этническую неповторимость ([Красных 2002; Пищальникова 2021; Уфимцева 2006] и др.).

Этнопсихолингвистика – междисциплинарное уникальное научное экспериментально-теоретическое направление, возникшее в рамках психолингвистики как учения о речевой деятельности. Поэтому термин «этнопсихолингвистика» не является общепринятым в мировой науке, и изучение сходных проблем осуществляется за рубежом в рамках психологии народов, психологической антропологии, сравнительно-культурной психологии, культурной психологии, или кросс-культурной психологии, социальной антропологии и др. Используя различные лингвистические, психологические и иные методы, этнопсихолингвистика исследует национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности в:

- «а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности;
- б) языковом сознании, то есть когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем;
- в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев А.А. 1997: 192].

Теоретическую основу этнопсихолингвистики составляют базовые положения классической теории речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.А. Залевская и др.).

Однако специфика предметной области этого научного направления требует привлечения данных когнитивной психологии, в которой исследуются культурологически обусловленные когнитивные структуры, используемые в речевой деятельности; лингвокультурологии, изучающей отражение, фиксацию, способы экспликации (проявления) культуры в языке и трансляции ее через язык; социологии, исследующей, в частности, социальную дифференциацию языка; этнопсихологии, рассматривающей психологию межэтнических отношений, в том числе и в сравнительно-историческом аспекте. Поэтому этнопсихолингвистика – наука интегративного типа, объединяющая в себе изучение разных сторон речевой деятельности как одного из видов психической деятельности человека в аспекте ее национально-культурной вариантности [Пищальникова 2021].

Отдельное направление составляют психолингвистические исследования, объединенные общим названием «*Лингвистическая безопасность*» [Баженова, Пищальникова 2015], которые изучают, во-первых, разные аспекты влияния современной лингвистической экспансии, ведущей к деформации национального языка, познавательных моделей и стратегий под воздействием информационных технологий. Прагматически это важно для сохранения стабильности языка как самобытной семиологической структуры, а, следовательно, сохранения специфической ментальности народа, его познавательных моделей и стратегий, без чего невозможно сохранение народа как этнической целостности. Во-вторых, психолингвисты обосновывают необходимость законодательно урегулировать практически бесконтрольное использование лингвопсихологических методов информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание, осуществляющегося, например, в рекламе и иных речевых продуктах СМИ.

Особое место отводится изучению толерантности религиозных конфессий с помощью лингвистических и психолингвистических методов. В-третьих, выработка принципов и способов анализа так называемых конфликтных текстов, особенно в юридической практике, требует участия психолингвистов. Такие тексты стали частотными в практике СМИ, экономике и других сферах общения. Они затрагивают честь и достоинство индивида, деловую репутацию человека и юридических лиц и в целом не способствуют социальной стабилизации общества. Теория речевой деятельности становится основой для решения выделенных и других проблем, разрабатывая инструментарий эффективные процедуры анализа речевых произведений. Сложность этой задачи, с одной стороны, обуславливается тем, что коммуникативные нормы включают ориентации на ценности, этические нормы и нравственные императивы; это «сплав» коммуникативных стандартов, прагматических регуляторов, этикетных правил, которые в свою очередь взаимодействуют с правом и требованиями профессиональной этики. С другой стороны, современная психолингвистика обладает необходимой теоретико-экспериментальной базой, чтобы решать такие комплексные проблемы.

Еще одно направление прикладной психолингвистики – *моделирование полиглотии* [Никуличева 2009; 2013; 2015 и др.; Казаков 2019].

Д.Б. Никуличева исследует эффективные стратегии обучения иностранным языкам, акцентируя постановку задач, мотивацию, способы исправления ошибок и расширения языковых способностей и техник запоминания языка, в том числе и в отдельных аспектах языковой компетенции: устном общении, чтении, создании письменных текстов на иностранных языках. При этом был предложен ряд практических алгоритмов применения выявленных стратегий для эффективного усвоения языка. Важным и перспективным представляется мониторинг речевого поведения полиглотов в процессе изучения ими новых языков (100 дней наблюдений за американским полиглотом Александром Аргуэльесом в ходе изучения им иврита и 1000 дней мониторинга А. Бигулова (Владикавказ) в процессе изучения им 10 новых языков), позволивший сформулировать гипотезу о волнообразной кривой лингводидактической эффективности и уточнить индивидуальные стратегии интериоризации акустических, грамматических, лексических, прагматических и др. явлений в языках разной типологии. Г.А. Казаков разрабатывает концептуальные основы полиглотии как научной дисциплины, формулируя объект, задачи исследования и устанавливая основы концептуального аппарата. Полиглотия определяется как сознательно достигнутое индивидуальное многоязычие, отличное от полиглоссии и мультилингвизма.

Установлено, что языковые достижения полиглотов обеспечиваются, с одной стороны, универсальными принципами высокоэффективной работы мозга, применимыми и в других сферах деятельности, с другой – характером внешних стимулов: объемом воспринимаемого речевого материала (инпут), экстенсивное аудирование и чтение и др.

Под руководством Г.А. Казакова были также выполнены работы, связанные с введением материалов современного движения полиглотов в научный оборот. Так, Н.Р. Гаганов использует публикации полиглотического интернет-форума www.how-to-learn-any-language.com для выявления лингвистических и межкультурных аспектов овладения фонетикой иностранного языка. А.Н. Макаров изучает методы развития навыков устной речи на материале докладов Съездов полиглотов (Polyglot Gathering) 2017–2018 гг. С.Л. Кулаков исследует тематику и динамику развития дискуссий о полиглоте, начиная с 2013 г.

Открытыми теоретическими вопросами изучения полиглоте остаются установление критериев для разграничения типов полиглотов, экспериментальное изучение особенностей работы мозга полиглотов, применение данных полиглоте для верификации концепций усвоения языка.

Литература

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 212 с.

Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. 150 с.

Баранова И.А., Нестерова Н.М., Овчинникова И.Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». 2010. № 4. С. 10–21.

Бутова Л.О. Общение государства с людьми пожилого возраста (на материале сайтов Пенсионного Фонда Российской Федерации, общественной организации «Союз пенсионеров России», регионального социального центра) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2020. Вып. 4 (210). С. 163–173.

Бутова Л.О. Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихолингвистика. 2019. №2. С. 188–204. [Электронный ресурс: <https://epl-inion.org/article.php?id=33>]. (Дата обращения 11.08.2020).

Бутова Л.О. Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Psycholinguistics. Series: Philology. Переславль-Залесский. 2018. № 23 (2). С. 25–39. [Электронный ресурс: <https://psycholing-journal.com/index.php/journal/issue/view/5>]. (Дата обращения 12.07.2020).

Бутова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. 446 с.

Бутова Л.О., Гуц Е.Н. Комплексность психолингвистических исследований пожилого человека: Целесообразность vs мода? // Методология современного языкознания – 3: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. М.: Р. Валент, 2021. С. 31–48.

Бутова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 146–168.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2016. 345 с.

Карданова К.С., Сонин А.Г. Основные тенденции в российской психолингвистике XXI века // Актуальные вопросы теории речевой деятельности. М., 2015. С.34–44.

Кирилина А.В., Терентий Л.М. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 130–139.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1992. 134 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2 изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Раздел 1

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2005. 306 с.

Казаков Г.А. Сколько нужно инпута для овладения языком: данные детской речи, корпусной лингвистики и полиглотики // Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. М.: Канцлер, 2019. С. 245–246.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2003. 282 с.

Леонтьев А.А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. (Проблемы психолингвистики) / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1968. 272 с.

Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире // Философские науки. 2012. № 11. С. 89–105.

Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–11.

Нгуен Тхи Хыонг. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 24 с.

Никуличева Д.Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учебно-методическое пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 304 с.

Никуличева Д.Б. Говорим, читаем, пишем: Лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учебно-методическое пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 288 с.

Никуличева Д.Б. Моделирование языкового сознания полиглота: динамика концептуальной метафоры в процессе изучения языка // Вопросы психолингвистики. М., 2015. Вып. 4 (26). С. 136–143.

Никуличева Д.Б. Круглый стол «Психолингвистическое исследование полиглотики и его применение для целей изучения языков» // Вопросы психолингвистики, 2021, №2 (48). С. 205–209.

Обчинникова И.Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? // Филологические студии. Ч.1. Hrvatska, 2008. С. 4.

Пищальникова В.А. К проблеме содержания психолингвистических терминов: образ языкового сознания // Вестник МГЛУ. Вып.557. М.: Рема, 2009. С. 11–24.

Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Пэй Цайся, Яо Чжипэн. Двужычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Изд-во «Спутник+», 2020. 262 с.

Пищальникова В.А., Дубкова О.В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р. Валент, 2020. 240 с.

Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.Н. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / од ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019. 200 с.

Пищальникова В.А., Rogozina И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 120–128.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 236 с.

Русский ассоциативный словарь: в 2-х Т. Том I. От стимула к реакции. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Том II. От реакции к стимулу. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 992 с. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2000. 260 с.

Степыкин Н.И., Миронова Д.М. Проект мультилингвального ассоциативного словаря тезауруса вежливости. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга». 2020. 205 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 24–32.

Из истории российской психолингвистики

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1(15). С.8–16.

Романовская Н.В. Когнитивная и языковая способность как детерминанта перевода: экспериментальное исследование. Тверь, 2003. 216 с.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика вчера и сегодня // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 92 – 100.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 213 с.

Яо Чжунэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 283 с.

Kazakov G. Research on polyglottery: sources of data // EDULEARN21 Proceedings. 2021. P. 8290–8296.

Раздел 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

2.1. Гендерные исследования языкового сознания. Гендерная лексикография

*И.А. Стернин, А.В. Рудакова
Воронеж*

Результаты психолингвистических исследований гендерной семантики слова могут быть отражены в лексикографической форме¹.

Так, был подготовлен *Ассоциативный дифференциальный гендерный словарь лексического ядра русского языка*.

*Электронное издание. / Научный редактор – проф. И.А. Стернин.
Воронеж: Центр коммуникативных исследований ВГУ, 2020. -151с.*

(<http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/solomatina-gender.pdf>).

Словарь является *дифференциальным*, поскольку в нем представлено дифференциальное гендерное описание мужских и женских ассоциативных реакций на исследованные стимулы.

Выявленные сходства и различия представлены в сравнительной форме. Основные параметры сравнения:

- 1) совпадающие полностью или незначительно различающиеся по частоте мужские и женские реакции (не более чем на 5 пунктов);
- 2) совпадающие, но существенно различающиеся по частоте мужские и женские реакции (более чем на 5 пунктов);
- 3) чисто мужские реакции;
- 4) чисто женские реакции.

Словник словаря

Бабушка, белый, бог, богатый, больной, большой, брат, веселый, ветер, вечер, вечность, вместе, вода, война, враг, время, вспоминать, встреча, глаза, глупый, говорить, голова, голос, гора, город, гость, дверь, девочка, дело, день, деньги, деревня, добро, дом, дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть (кушать), жадный, жена, женщина, жизнь, зеленый, земля, зло, искать, красивый, красный, кричать, лес, лицо, любовь, маленький, мальчик, мать, машина, много, молодой, муж, мужчина, надеяться, народ, начало, ненавидеть, новый, ночь, обещать, обман, огонь, палец, памятник, пить, плохо, помогать, путь, работа, радость, разговор, ребенок, река, родина, родной, рот, руки, свет (освещенность), свободный, семья, сила, слабый, слово, смерть, справедливость, старый, стол, стыд, счастье, терять, умный, успеть, утро, хлеб, ходить, хорошо, хотеть, человек, черный, чистый.

Приведем пример словарной статьи Ассоциативного гендерного словаря.

БОГАТЫЙ

БОГАТЫЙ 100 м.п.: деньги 18; человек 16; много денег 9; бедный 8; мажор 4; Абрамович, олигарх 3; бизнесмен, вор, золото, работа, толстый, хорошо 2; Билл Гейтс, большое состояние, Буратино, везучий, другой, друзья, еврей, жених, жид, зависть, золото, изба, миллионер, много имеющий, обеспеченный, отдых, папа, роскошь, салон, состоятельный, толстосум, Трамп, успех, я 1; отказы 2.

БОГАТЫЙ 100 ж.п.: деньги 27; бедный 15; человек 10; муж 8; золото 6; жадный, жених 3; дядя, купец, олигарх 2; барин, богатство, большой, Буратино, вредный, выделяваться, друг, злой, интеллект, крутой, миллионер, мужчина, несчастливый, новый русский, огромный парк, папа, сильный, сосед, хороший дом 1; отказы 3.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

Общие реакции, совпадающие или незначительно различающиеся по частоте (не более чем на 5 пунктов)

Реакции	Мужчины	Женщины
Буратино	1	1
Жених	1	3
Золото	2	6
Миллионер	1	1
Олигарх	3	2
Папа	1	1

Общие реакции, существенно различающиеся по частоте (более чем на 5 пунктов)

Реакции	Мужчины	Женщины
Бедный	8	15
Деньги	18	27
Человек	16	10

Чисто мужские реакции

Реакции	
Много денег	9
Мажор	4
Абрамович	3
Бизнесмен, вор, работа, толстый, хорошо, толстый	2
много имеющих, обеспеченный, отдых, роскошь, салон, состоятельный, толстосум, Трамп, Билл Гейтс, большое состояние, везучий, другой, друзья, еврей, жид, зависть, изба, успех, я	1

Другим способом лексикографической фиксации гендерных различий в семантике слова является описание и сопоставление *психолингвистических значений слов* (см. ниже, 2.3), которое осуществляется методом семантической интерпретации результатов свободного ассоциативного эксперимента.

Под психолингвистическим значением слова понимается

«упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка; тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин, Рудакова 2011:94; Рудакова, Стернин 2015].

Описание психолингвистических значений слов в сознании женщин и мужчин позволяет говорить о следующих *основных формах проявления гендерной специфики семантики слова*:

- наличие значений, совпадающих в мужском и женском языковом сознании, но заметно различающихся по яркости;
- наличие эндемичных мужских и женских значений (выявляющихся только в мужском или только в женском языковом сознании);
- наличие сем, совпадающих в мужском и женском сознании, но заметно различающихся по яркости;
- наличие эндемичных мужских и женских семантических компонентов.

Покажем методику выявления гендерных семантических различий на примере слова БАБУШКА в женском и мужском языковом сознании.

БАБУШКА

Ассоциативные поля

Женщины 100

БАБУШКА 100: тепло 14; бабушка, родная 10; любимая, любовь, пирожки 6; старость 5; доброта, добрая, уют 4; платок, старенькая, бабушка 3; дом, ласковая, платочек, пожилая 2; варенье, вкусная еда, внуки, домик в деревне, еда, единственная, Лариса, любящая, ма-тушка, молоко, продвинутая, радость, самая дорогая, уехала 1; отказ 0.

Мужчины 100

БАБУШКА 100: бабушка 12; бабушка 11; мудрая, пироги 5; борщ, деревня, старая 4; внук, в платочке, детство, мама, на скамейке, родная, семья, старость, уважение 3; блинчи-ки, вязание, еда, живет, заботливая, как мама, любимая, родня, удава, фото 2; блины, далеко, косынка, на печке, сказала, советчик, уже нет 1; отказ 0.

Психолингвистические значения

Женщины

1. Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят

[Мать отца или матери], с ней уютно 0,18 (*тепло 0,14, уют 0,04*), ее любят 0,14 (*любимая 0,06, любовь 0,06, единственная 0,01, самая дорогая 0,01*); бывает старая 0,13 (*старость 0,05, старенькая 0,03, бабушка 0,03, пожилая 0,02*), родная 0,10, добрая 0,08 (*доброта 0,04, добрая 0,04*), ласковая 0,02, любящая 0,01, Лариса 0,01 (*Лариса 0,01*), современная 0,01 (*продвинутая 0,01*); готовит еду 0,10 (*пирожки 0,06, варенье 0,01, вкусная еда 0,01, еда 0,01, молоко 0,01*), ходит в платке 0,05 (*платок 0,03, платочек 0,02*), живет дома 0,02 (*дом 0,02*) и в деревне 0,01 (*домик в деревне 0,01*), у нее есть внуки 0,01 (*внуки 0,01*); вызывает чувство радости 0,01 (*радость 0,01*).

Противоположно: бабушка 0,10, мать 0,01

СИЯ 0,99

2. Старая женщина, которая ходит в платке

Старая женщина 0,13 (*старость 0,05, старенькая 0,03, бабушка 0,03, пожилая 0,02*), ходит в платке 0,05 (*платок 0,03, платочек 0,02*).

Противоположно: бабушка 0,10

СИЯ 0,28

Фразы: уехала 0,01

Не интерпретируется: 0

Не актуально: 0

Мужчины

1. Старая мать отца или матери, которая готовит еду

[Мать отца или матери]; член семьи 0,03 (*семья 0,03*); бывает старая 0,19 (*бабушка 0,12, старая 0,04, старость 0,03*), родная 0,05 (*родная 0,03, родня 0,02*), мудрая 0,06 (*мудрая 0,05, советчик 0,01*), заботливая 0,02; готовит еду 0,14 (*пироги 0,05, борщ 0,04, блинчики 0,02, еда 0,02, блины 0,01*); живет в деревне 0,05 (*деревня 0,04*), живет далеко 0,01 (*далеко 0,01*); ходит в платке 0,04 (*в платочке 0,03, косынка 0,01*); вызывает уважение 0,03 (*уваже-ние 0,03*); запомнилась из детства 0,03 (*детство 0,03*); у нее есть внуки 0,03 (*внук 0,03*); ее любят 0,02 (*любимая 0,02*), есть на фото 0,02 (*фото 0,02*), занимается вязанием 0,02 (*вяза-ние 0,02*), лежит на печке 0,01 (*на печке 0,01*).

Противоположно: бабушка 0,11, мать 0,05

СИЯ 0,91

2. Старая женщина, которая ходит в платке

Старая женщина 0,19 (*бабушка 0,12, старая 0,04, старость 0,03*), ходит в платке 0,04 (*в платочке 0,03, косынка 0,01*), сидит на скамейке 0,03 (*на скамейке 0,03*), ее уважают 0,03 (*уважение 0,03*).

Раздел 2

Противоположно: дедушка 0,11

СИЯ 0,40

Фразы: бабушка удава – персонаж из мультфильма «Тридцать восемь попугаев» 0,02 (удава 0,02); выражение «бабушка надвое сказала» 0,01 (сказала 0,01); живет 0,02, уже нет 0,01

Не интерпретируется: 0

Не актуально: 0

В Табл. 1 представлено сопоставительное описание гендерных психолингвистических значений слова БАБУШКА.

Таблица 1. Сопоставительное описание психолингвистических значений

Женщины	Мужчины
1. Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят / Старая мать отца или матери, которая готовит еду	
<p>[Мать отца или матери], с ней уютно 0,18, ее любят 0,14; бывает старая 0,13, родная 0,10, добрая 0,08, ласковая 0,02, любящая 0,01, Лариса 0,01, современная 0,01; готовит еду 0,10, ходит в платке 0,05, живет дома 0,02 и в деревне 0,01, у нее есть внуки 0,01; вызывает чувство радости 0,01.</p> <p><i>Противоположно:</i> дедушка 0,10, мать 0,01 СИЯ 0,99</p>	<p>[Мать отца или матери]; член семьи 0,03; бывает старая 0,19, родная 0,05, мудрая 0,06, заботливая 0,02; готовит еду 0,14; живет в деревне 0,05, живет далеко 0,01; ходит в платке 0,04; вызывает уважение 0,03; запомнилась из детства 0,03; у нее есть внуки 0,03; ее любят 0,02, есть на фото 0,02, занимается вязанием 0,02, лежит на печке 0,01.</p> <p><i>Противоположно:</i> дедушка 0,11, мать 0,05 СИЯ 0,91</p>
2. Старая женщина, которая ходит в платке	
<p>Старая женщина 0,13, ходит в платке 0,05.</p> <p><i>Противоположно:</i> дедушка 0,10 СИЯ 0,28</p> <p><i>Фразы:</i> уехала 0,01</p> <p><i>Не интерпретируется:</i> 0 Не актуально: 0</p>	<p>Старая женщина 0,19, ходит в платке 0,04, сидит на скамейке 0,03, ее уважают 0,03.</p> <p><i>Противоположно:</i> дедушка 0,11 СИЯ 0,40</p> <p><i>Фразы:</i> бабушка удава – персонаж из мультфильма «Тридцать восемь попугаев» 0,02; выражение «бабушка надвое сказала» 0,01; живет 0,02, уже нет 0,01</p> <p><i>Не интерпретируется:</i> 0 Не актуально: 0</p>

Комментарий

Семейная специфика

У лексемы БАБУШКА есть два совпадающих в женском и мужском языковом сознании значения:

- 1) «Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят» / «Старая мать отца или матери, которая готовит еду»;
- 2) «Старая женщина, которая ходит в платке» / «Старая женщина, которая ходит в платке».

Соотношение совпадающих значений по гендерной яркости

Совокупная яркость значения «Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят» / «Старая мать отца или матери, которая готовит еду» несколько выше у женщин (0,99 против 0,91).

Значение «Старая женщина, которая ходит в платке» / «Старая женщина, которая ходит в платке» в сознании мужчин значимо ярче (в 1,5 раза) соответствующего значения в сознании женщин (0,40 против 0,28).

Таким образом, наблюдается гендерная асимметрия значений по яркости: одно из них заметно ярче у мужчин.

Иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем

В гендерном языковом сознании иерархия значений в семантеме слова различается. От ядра к периферии женские значения располагаются в следующей последовательности:

1. «Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят» – СИЯ 0,99, ядро
2. «Старая женщина, которая ходит в платке» – СИЯ 0,28, дальняя периферия

В мужском языковом сознании – в следующей последовательности:

1. «Старая мать отца или матери, которая готовит еду» – СИЯ 0,91, ядро
2. «Старая женщина, которая ходит в платке» – СИЯ 0,40, ближняя периферия

Таким образом, в иерархии семем в гендерных семантемах не выявляется гендерной специфики.

В полевой организации значений гендерная специфика проявляется во втором значении «Старая женщина, которая ходит в платке»: в женском языковом сознании оно относится к дальней периферии смысловой структуры слова, в мужском значении – к ближней.

Семная специфика

1. В гендерных значениях «Старая мать отца или матери, с ней уютно, ее любят» / «Старая мать отца или матери, которая готовит еду» интегральные семы различаются *по уровню различий*:

- интегральная сема *ее любят* ярче у женщин (Ж 0,14 – М 0,02, на 12 пунктов);
- сема *старая* несколько ярче в мужском значении (М 0,19 – Ж 0,13, на 6 пунктов); *родная* (Ж 0,10 – М 0,05; на 5 пунктов);
- семы *живет в деревне* (Ж 0,01 – М 0,05; на 4 пункта), *готовит еду* (Ж 0,10 – М 0,14; на 4 пункта), *противоположно – мать* (Ж 0,01 – М 0,05; на 4 пункта), *у нее есть внуки* (Ж 0,01 – М 0,03; на 2 пункта), *ходит в платке* (Ж 0,05 – М 0,04; на 1 пункт), *противоположно – дедушка* (Ж 0,10 – М 0,11; на 1 пункт).

Наиболее яркими дифференциальными семами в женском языковом сознании являются семы *с ней уютно* 0,18, *добрая* 0,08. Отметим также семы *ласковая* 0,02, *любящая* 0,01, *Лариса* 0,01, *современная* 0,01, *живет дома* 0,02, *вызывает чувство радости* 0,01.

В мужском языковом сознании самые яркие семы – *мудрая* 0,06, *член семьи* 0,03, *вызывает уважение* 0,03, *запомнилась из детства* 0,03. Характерны также такие семы, как *заботливая* 0,02, *есть на фото* 0,02, *занимается вязанием* 0,02, *лежит на печке* 0,01, *живет далеко* 0,01.

2. В гендерных значениях «Старая женщина, которая ходит в платке» / «Старая женщина, которая ходит в платке» интегральный семантический компонент *старая* ярче у мужчин (М 0,19 – Ж 0,13; на 6 пунктов, уровень различий – **низкий**); сема *противоположно – дедушка* (Ж 0,10 – М 0,11; на 1 пункт).

Дифференциальных женских сем нет.

Наиболее яркие дифференциальные мужские семы: *ее уважают* 0,03, *сидит на скамейке* 0,03.

Выводы о наиболее ярких гендерных семантических различиях 25 исследованных нами лексем таковы.

1. Гендерные различия семем

БАБУШКА в сознании женщин – это добрый родной человек, с которым бывает уютно, а в сознании мужчин – мудрый член семьи, который готовит еду.

Яркими женскими значениями лексемы БЕЛЫЙ является «Хороший, невинный», «Белогвардеец». Ярких мужских значений нет.

Ярким женским значением лексемы БОЛЬШОЙ является «Представленный выдающимися деятелями, мастерами высокого класса театр». Ярких мужских значений нет.

БЫТ в сознании женщин – это жизненный уклад, который предполагает приготовление еды, а у мужчин – обыденная, повседневная жизнь.

У лексемы ВЕРНОСТЬ выявлено пять женских сем и одна мужская сема. Женщины считают, что верность характеризуется поддержкой и любовью, очень ценна, так как редко встречается. У мужчин этот стимул ассоциируется с преданностью какого-либо лица (сема «кого-то»). Ярким мужским значением является «Правильность сказанного». Ярких женских значений нет.

У женщин стимул ВЫСОКИЙ ассоциируется с именами существительными, которые могут сочетаться с данным прилагательным (семы *воротник, брови*). Реакции мужчин представляют собой симиляры (*длинный, большой*).

Стимул ДЕТИ в женском сознании представлен бóльшим количеством сем, чем в мужском. Женщины склонны детально описывать детей: они уже взрослые, приносят счастье, жизнь, смеются, оцениваются положительно, противоположны взрослым. В мужском сознании представлены семы *ребенок, любовь*.

ДРУЗЬЯ в женском сознании – это люди, которых связало несчастье. Они бывают старые, их дружба вечна. Однако они могут предать. В сознании мужчин они настоящие, близкие, проверенные, лучшие, это компания.

ДУМАТЬ в сознании женщин – много, постоянно размышлять о делах и учебе. Для мужчин ДУМАТЬ – понимать, соображать; размышлять над задачей. Яркими мужскими значениями являются «Беспокоиться о ком-то, например, о женщине», «Бездельничать», «Скучать по кому-либо». Ярких женских значений нет.

ЖЕНЩИНА в сознании лиц женского пола – красивая леди, которая хранит очаг. Для мужчин ЖЕНЩИНА – это послушная и любящая жена, подруга, стерва, похожа на кошку.

Лексема ИЗВЕСТНЫЙ в женском сознании представлена семами *роман, продюсер*, в мужском – *спортсмен, факт*.

ИЗМЕНА в сознании женщин – это поступок, который совершают мужчины. Ее надо прощать, несмотря на боль. В сознании мужчин ИЗМЕНА – это обман, подлый поступок женщины, который противен, также это предательство Родины. ИЗМЕНА вызывает раскаяние, противоположна верности.

КРАСНЫЙ в сознании женщин – это цвет менструации, предупреждающий об опасности; является любимым. Для мужчин это цвет огня. Ярким женским значением является «Праздничный день». Ярких мужских значений нет.

ЛЮБОВЬ в сознании женщин – непредсказуемое банальное чувство, она предполагает романтические отношения. Для мужчин бывает «любовь к чему-то». Ярким мужским значением является «Половой акт». Ярких женских значений нет.

МОЛОДОЙ в сознании женщин – пьяный, неопытный организм. В сознании мужчин – веселый, бодрый, сексуально привлекательный человек.

МУЖЧИНА в сознании женщин – сильный, умный, надежный, настоящий добытчик. В сознании лиц мужского пола МУЖЧИНА – уверенный в себе и ответственный человек, который следует инстинктам. Ярким женским значением является «Любимый человек, с которым состоят в отношениях, например, муж». Ярких мужских значений нет.

НАДЕЯТЬСЯ в сознании женщин – рассчитывать на лучшее, на везение, на подругу, доверять кому-то. Также женщины отмечают, что надеяться ни на кого нельзя. Для мужчин НАДЕЯТЬСЯ – это ждать.

Лексема **НЕНАВИДЕТЬ** в сознании женщин связана со словами, которые сочетаются с данным глаголом. Женщины ненавидят зло, несправедливость, бывшего молодого человека. Мужчины сильно ненавидят предательство.

ОБЕЩАТЬ в сознании женщин – обязываться сделать дело, помочь; в сознании мужчин – давать надежду.

ОСНОВНОЙ – выдвинутый на первый план. Женщины считают «основным» вопрос, цвет, закон. Мужчины считают «основным» состав: **ОСНОВНОЙ** – незаменимый, противоположный запасному.

ОТНОШЕНИЯ в сознании женщин характеризуются длительностью, надежностью, бывают в семье, предполагают свидания. В сознании мужчин они характеризуется взаимопониманием, бывают в паре, с девушкой, на работе, могут быть отличными.

Женщины ассоциируют **ПОСЛЕДНИЙ** с вагоном, вечером, мерзавцем, мужчины – с боем и патроном.

РАЗГОВОР в сознании женщин бывает важный, серьезный, проходит наедине между подругами. В сознании мужчин это интересное общение, обмен сплетнями.

РЕВНОСТЬ в сознании женщин – это недоверие, которое порождает злость, бывает из-за другой женщины. Для мужчин это сомнение в верности девушки, любимой, страсть, которое возникает из-за расстояния.

СВИДАНИЕ в сознании женщин предполагает романтику, посещение ресторана, вызывает волнение, проходит на крыше. В сознании мужчин оно бывает с девушкой, с женой, предполагает поцелуй, нежность секс.

У совпадающих значений лексем **ДЕТИ, ДРУЗЬЯ, ДУМАТЬ, ЖЕНЩИНА, ИЗМЕНА, ЛЮБОВЬ, МОЛОДОЙ, МУЖЧИНА, ОТНОШЕНИЯ, РЕВНОСТЬ** различия преобладают над сходствами, поскольку яркость дифференциальных сем выше яркости интегральных сем.

Гендерная специфика выявляется в 71 семеме из 102 исследованных и во всех 25 лексемах.

2. Гендерные различия семантем

Для характеристики уровня гендерных различий семантем можно предложить следующие шкалы:

0	отсутствие различий	0,26 – 0,50	существенный
0,01– 0,04	несущественный	0,51 – 0,70	высокий
0,05 – 0,10	низкий	0,71 – 0,99	очень высокий
0,11 – 0,25	заметный	1,00	абсолютный

Применительно к семантеме (совокупности значений) уровень различий определяется как отношение суммы чисто мужских значений слова (ЧМЗ), чисто женских значений слова (ЧЖЗ) и значений, демонстрирующих существенные различия по яркости (СР), к общему количеству значений (ОКЗ) данного слова ($\frac{\text{ЧМЗ} + \text{ЧЖЗ} + \text{СР}}{\text{ОКЗ}} \cdot 100$).

Исследованные семантемы в процентах от всего проанализированного материала распределяются по степени яркости гендерной спецификации следующим образом:

- отсутствие различий – 4% (**РАЗГОВОР**);
- заметный уровень – 4% (**ВЫСОКИЙ**);
- существенный уровень – 28% (**ЖЕНЩИНА, ИЗВЕСТНЫЙ, МУЖЧИНА, ОБЕЩАТЬ, ОТНОШЕНИЯ, РЕВНОСТЬ, СВИДАНИЕ**);
- высокий уровень – 16% (**БОЛЬШОЙ, ВЕРНОСТЬ, МОЛОДОЙ, НАДЕЯТЬСЯ**);
- очень высокий уровень – 16% (**БЕЛЫЙ, ДУМАТЬ, КРАСНЫЙ, ПОСЛЕДНИЙ**);
- абсолютный уровень – 32% (**БАБУШКА, БЫТ, ДЕТИ, ДРУЗЬЯ, ИЗМЕНА, ЛЮБОВЬ, НЕНАВИДЕТЬ, ОСНОВНОЙ**).

Как показало исследование, реакции мужчин чаще представляют собой оппозицы и симиляры, чем реакции женщин. К мужским реакциям относится лексика, связанная с досугом, работой, войной, спортом; к женским реакциям – лексика, связанная с модой, выполнением домашних обязанностей, уходом за внешностью, описанием своего психологического состояния, с абстрактными понятиями «красота», «мечта».

Таким образом, гендерная специфика выявляется в значениях всех исследованных 25 лексем (100 % исследованных единиц).

Литература

Конопелько И.П., Стернин И.А. Сопоставительный анализ ассоциативных полей // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2018. Вып. 3. С. 48–51.

ПЛТС 2019 – Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2019. 175 с.

Рудакова А.В., Стернин И.А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. №4. С. 100–108.

Соломатина В.И. Ассоциативный дифференциальный гендерный словарь лексического ядра русского языка. Электронное издание / Научный редактор – проф. И.А. Стернин. Воронеж: Центр коммуникативных исследований ВГУ, 2020. 151 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Стернин И.А. Дефиниции психолингвистических значений в дифференциальных психолингвистических словарях // Язык и национальное сознание: сборник науч. статей. Вып. 25. Воронеж: «ООО РИТМ», 2019а. С. 81–87.

Стернин И.А. Экспериментальное исследование гендерной семантики слова // Тезисы IV Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019б. С. 27–29.

2.2. Языковое сознание: возрастной аспект

2.2.1. Региональное языковое сознание: возрастной аспект

Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова
Омск

Проект «Языковое сознание: возрастной аспект» осуществляется на кафедре русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в рамках широкой научной темы «Лингвистические исследования человека в русском языке, речи, языковом сознании» с 2000-х г.г. Проект объединяет теоретические и экспериментальные исследования языкового сознания подростков, детей и взрослых носителей русского языка разного возраста, включая пожилых.

Начальным этапом проекта явилось исследование психолингвистических проблем структурирования языкового сознания подростка [Гуц 2004; 2005]. Автор использовала базовые психолингвистические категории «языковое сознание», «ядро языкового сознания», экспериментальную методику построения структуры ядра языкового сознания и доказала наличие в структуре ядра ЯС подростка образов сознания, связанных с некодифицированными (в том числе жаргонными) лексическими элементами [Гуц 2005: 59–120]. Были определены принципиальные методические процедуры: установлен уровень репрезентативности выборки информантов, создана алгоритмизированная схема анализа, показан путь создания нескольких моделей на одном и том же ассоциативном материале с использованием

многоступенчатого применения одного вида эксперимента (ядро языкового сознания конструировалось на базе результатов трех этапов САЭ, пилотажного и контрольного экспериментов; фрагменты АВС языковой личности подростка, связанные с некодифицированной лексикой, моделировались на этом же материале в виде системы пересекающихся реакций, для ядра языкового сознания подростка построен семантический гештальт.

В качестве инструмента анализа семантики использовалось понятие «психологическое значение» [Леонтьев А.Н. 2005: 100], которое применялось как динамическая категория в рамках интегративного подхода к исследованию языка как психического феномена [Гуц 2005: 25]. Единый подход и многообразие процедур указали пути создания психолингвистических моделей, выявляющих разные компоненты языкового сознания, характер и величину связей единиц АВС, способы верификации и классифицирования экспериментальной базы. В конечном итоге эти модели доказывали эвристический потенциал психолингвистического описания языкового сознания как многомерного конструкта, состоящего из объемных и плоскостных моделей разного уровня [Гуц 2005: 25–26]. Практическим дополнением к работе стал «Ассоциативный словарь подростка» [Гуц 2004], включающий ассоциативные поля традиционного типа (от стимула к реакции, от наиболее частотных реакций к единичным).

Выработанный методический и теоретический арсенал был использован в дальнейших исследованиях, в частности при работе над темой «Языковое сознание жителя сибирского города в онтогенезе (от 7 до 25 лет)» (Проект РГНФ 09 – 04 – 00185а 2009 -2010). Работа над данной темой составила *второй этап проекта*.

Авторский коллектив (Л.О. Бутакова (руководитель), Н.В. Орлова, Е.Н. Гуц, О.В. Коротун) решал проблему описания динамических процессов в структуре языкового сознания жителей одного города, используя в качестве базовой психолингвистическую категорию «языковое сознание», содержание которой в традициях московской школы предстает как система «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. Категория интерпретировалась в виде своеобразного моделирующего устройства, с помощью которого можно реконструировать знания, мнения, представления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур, а также описывать семантику слов как достояния индивида [Бутакова 2010: 10].

На данном этапе для описания языкового сознания, реконструированного по результатам регионально ограниченного эксперимента, было введено понятие «региональное языковое сознание» – система образов сознания жителей определенного региона, «формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей, реконструированных в результате разнонаправленных психолингвистических и лингвистических мероприятий» [там же].

Содержание языкового сознания молодых жителей г. Омска диагностировалось с позиции теории речевой деятельности с помощью серии психолингвистических экспериментов (ассоциативных), семантических (дефиниционных), семантических (рецептивных) с одним и тем же стимульным списком и когнитивно-дискурсивного анализа текстов сочинений на темы, актуализирующие те же составляющие сознания, что и слова, входящие в стимульные списки экспериментов. Были поставлены задачи исследовать динамику этической, эстетической, эмотивно-оценочной составляющих языкового сознания жителей города Омска с акцентированием возрастной, гендерной, социальной дифференциации информантов. Результатом стали выводы, касающиеся языкового сознания, языковой способности и речевой компетенции незрелых жителей г. Омска и Омской области, в частности, установление зависимости объема и сложности структурной организации семантического поля от возраста, социального и речевого опыта носителя языка.

Был применен принцип «горизонтального» и «вертикального» анализа полученного материала. С его помощью «по вертикали» оценивалось состояние *языковой способности* на основе сопоставления интеллектуального и речевого развития, сделан вывод о качестве связи интеллектуального и коммуникативного развития.

Наблюдения за одними и теми же учащимися 6-8 классов выявили следующую закономерность: если интеллектуальный показатель соответствует норме или превышает ее, то и речевой показатель высокий. Некоторые учащиеся в шестом классе показывали невысокие результаты как интеллектуального, так и речевого развития, зато к восьмому классу их речевое и интеллектуальное развитие достигло нормы либо превысило ее. По результатам эксперимента другие школьники отличаются неизменностью речевого показателя и снижением интеллектуального. Аналогичная ситуация проявилась в ходе анализа письменных работ. У учащихся с развитым интеллектом, хорошо сформированной языковой способностью, превышающей по некоторым параметрам возрастную норму, отмечается разветвленная концептуальная система, в которой присутствуют ценностные и оценочные компоненты ряда концептов, объемные ментальный и языковой лексиконы. Был замечен рост интеллектуального и речевого развития некоторых школьников, что соответствует представлениям о структурах языка как результате интерпретации основных отношений объективной действительности и способов общения, носителями которых для ребенка являются взрослые.

Третьим этапом проекта явилось разноаспектное описание устной и письменной речи школьников 1-х – 11-х классов (Н.В. Орлова) и исследование ценностных концептов студентов (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц). Исследование подтвердило наличие в речи учащихся младшего и среднего школьного возраста показателей позднего этапа онтогенеза, на котором продолжают действовать «правила детской грамматики». Записи бесед, устные и письменные ответы на вопросы, сочинения разного объема и разных жанров рассматривались как гуманитарный учебный дискурс, в котором анализировались стратегии речевого поведения, манера письма, метатекстовая деятельность, концепты и ценности школьника конца первого десятилетия XX века. Сопоставление полученных данных с аналогичным материалом рубежа веков (1998–2003) позволило обозначить следующую динамику языкового сознания школьника.

Младший школьный возраст – более полутора тысяч единиц анализа, в которых соотнесены записанные на диктофон устные ответы на вопросы детей: *Хороший человек – какой?, Плохой человек – какой?, Что вас огорчает?, Чему вы радуетесь?; За что тебя хвалит мама? За что тебя хвалит папа;* письменные ответы на вопросы: *Чему учит твоя сказка? Какие в ней мудрые мысли, мораль?* (после сочинения детьми сказок); *За что тебя хвалит мама? За что тебя хвалит папа?;* мини-сочинения: «Бабочка и одуванчик», «Снежинка и подснежник», «Что случилось бы, если бы дети стали взрослыми, а взрослые детьми?», «Школа моей мечты», «Письмо Маленькому принцу»; «Я глазами одноклассников» и пр.; ответы на вопросы родителей: *За что Вы хвалите своего ребенка? Ругаете ли Вы своего ребенка? Если да, что за что;* письменные задания: «Напиши прилагательные, которые называют хорошие качества человека / плохие (отрицательные) качества человека»; «Если бы у тебя была волшебная палочка... Загадай и напиши три желания»; «Закончи предложения «Больше всего на свете я радуюсь, когда...»; «Больше всего на свете я огорчаюсь, когда...».

Средний и старший школьный возраст – около 1200 единиц анализа: сочинения «Что такое честь?»; «Око за око, зуб за зуб? (Как я понимаю справедливость)»; «Никому на свете не завидуй»; «О ком говорят "Ни стыда, ни совести"»; «Что значит жить по-человечески?»; «Зачем мы учим русский язык?»; сочинения ЕГЭ по русскому языку, написанные по фрагменту романа А.И. Куприна «Юнкера»; 2) письменные ответы на вопросы учителя по стихотворениям «Мужество» А. Ахматовой; «Соловьи» А. Фатьянова; вопросы шестиклассников лица по произведению А.С. Пушкина «Дубровский». Формулировки задания: «Что вас удивило в этом тексте? О чем вы хотите спросить одноклассников? На какие вопросы вы

не смогли сами себе ответить?»; Сочинения на тему «Дубровский – положительный или отрицательный герой?», которые завершали изучение произведения Пушкина [Орлова 2010]. Продуктивным оказалось применение к массиву собранных письменных и устных текстов когнитивно-дискурсивного анализа.

Исследование ассоциативных полей концептов и их структуры с помощью АЭ и РЭ экспериментально подтвердило гипотезу о возрастной специфике формирования ядерных фрагментов ЯС, включая оформление этических концептов в младший школьный период развития ребёнка, доказало необходимость разных экспериментов. Построение психолингвистической модели концептов выпукло представило их содержание. Массив полученных ассоциатов, состав АП проявил отсутствие выраженной целостности, структурности, константности образов сознания школьника.

В процессе исследования этических, ценностных, эстетических концептуальных фрагментов в языковом сознании студентов г. Омска была произведена экспериментальная реконструкция концептов *любовь, сердце, верность, страсть, ревность, секс, соблазн, счастье и кайф*, установлено их пересечение с помощью смысловых полей, связанных со сферой любовных отношений, имеющих схожие черты в разных гендерных группах. При этом большая телесность фиксируется в группе студентов-мужчин.

Зафиксированы следующие особенности: смысловое содержание указанных концептов пересечено со сферой любовных отношений; лексемы, репрезентирующие концепты, активно вступают друг с другом в отношения стимул-реакция; все концепты объединены смысловым полем «чувства, эмоции» (большинство стимулов подводится под родовидовые отношения посредством этих лексем); все концепты включают смысл «отношения между людьми»; в составе ассоциативных полей всех концептов присутствует смысловое поле «объект и субъект любовных отношений»; все концепты включают смысловое поле «ощущения, испытываемые в любовных отношениях»; в структуре концептов есть смысловое поле «обстановка и атрибутика эмоциональной ситуации»; в большинстве концептов присутствует смысловая группа «части тела»; в ассоциативных полях данных концептов есть реакции-символы (символическое определение стимула), ряд из которых является общим для нескольких концептов; в пределах ассоциативных полей данных концептов фиксируется совмещение смыслового поля духовных отношений с семантикой телесности; в структурах ассоциативных полей концептов есть множественные атрибутивные реакции развертывания, представляющие объемно сформированный эмоционально-оценочный компонент; в структуре данных концептов обнаруживается неактуальность предметного действия (в силу высокой степени абстрактности).

Эти выводы были подтверждены экспериментальным исследованием вербальных репрезентаций системы жизненных ценностей в языковом сознании студентов и школьников. Была обнаружена тесная связь концептов *семья, любовь, дружба, деньги, работа, карьера* с различными аспектами человеческой деятельности: мотивами, потребностями и др., хотя сама эта связь информантами не осознавалась. Семья константно обладает ценностью для школьников и студентов именно в области человеческого наполнения (дом, дети), любовь прочно связана с дружбой у всех возрастных категорий респондентов, но статус в ядре концептуального пространства разный: у студентов вперед выдвигается телесная оценка стимула; дружба ценна также человеческими отношениями (высок ранг реакций, обозначающих субъектов отношений); значительно возросла ценность стимула *деньги* (это видно по результатам всех проведенных экспериментов): рост позитивной оценки, тенденции «предметизации» денег были зафиксированы в разных возрастных и гендерных группах реципиентов.

Первые три этапа проекта завершились подготовкой ряда словарей. Словарь Е.Н. Гуц [Гуц 2010] обобщил длительные наблюдения автора (скрытое и включенное наблюдение, ассоциативный эксперимент, письменные работы школьников, анкетирование за 25 лет) за жаргонно-просторечной лексикой информантов определенного возраста. Словарь относит-

Раздел 2

ся к словарям тезаурусного типа. Словарные статьи включали только некодифицированную лексику, распределенную по семантическим полям на основе частотности семантических множителей (структура словаря и принципы отбора материалы подробно описаны в Предисловии [Гуц 2010: 311]). Поскольку семантика человека оказалась доминирующей в массиве ответов информантов, то вокруг лексики группы «Человек» выстроен весь словарь. Пример словарной статьи приводится в таблице ниже.

Таблица. Семантическое поле «Женский»

<i>1. Ребенок женского пола</i>	ДЕВОЧКА
Брызгалка, зажигалка, коза, козочка, козюлька, малая, малявка, папетка, пипетка, пацанка, соска, стремачка, сывка, шмакодявка, шпока, шавка, кнючиха	
«я ключи этой шпонке из седьмой квартиры оставил»	
<i>2. Лицо, противоположное по полу мужчине; лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоявшее в браке</i>	ЖЕНЩИНА, ДЕВУШКА
Бикса, брошка, клюшка, кляча, кобыла, кобылка, кожа, короста, коза, кошелка, метелка, морковка, мочалка, овца, соска, тачила, телка фикса, чика, чикса, чувиха	
«В загоне такие биксы навороченные»	

Словарь О.В. Коротун основан на экспериментальных данных, собранных в 2001 – 2009 гг. Он содержит два раздела: национальности; профессии. В каждом разделе реакции распределены дифференцированно: реакции всех информантов, реакции информантов без высшего / с высшим образованием, реакции информантов женщин / мужчин. В первом разделе 19 АП (стимульный список слов-этнонимов составлен на основе опроса информантов – учащихся старших классов школ и студентов вузов г. Омска). Второй раздел включает 20 АП, полученных на стимулы – наименований профессий [Коротун 2010: 3–5]. Словарь дает возможности дальнейшего психолингвистического анализа ассоциативного поля по социальному и гендерному направлениям.

«Материалы к ассоциативно семантическому словарю жителей города Омска» Л.О. Бутаковой представляют результаты экспериментов, проведенных с одними и теми же реципиентами и единым стимульным списком. Такой тип словаря «решает задачи психолингвистического моделирования в нескольких плоскостях, отражая картину языкового сознания в «трехмерном пространстве» [Бутакова 2012: 5]. Словарная статья содержит ассоциативные, семантические поля, эмотивно-чувственное значение каждого слова-стимула школьников и студентов. Ассоциативная и семантическая информация о слове-стимуле получена в разнонаправленных экспериментах – свободном ассоциативном и двух семантических (на толкование значения и перцептивного на определение эмоционально-чувственного компонента семантики). АП сконструировано традиционным образом. «Из развернутых предикаций, явившихся результатом дефиниционного семантического эксперимента (ответы давались по схеме «X – это...»), были сформированы семантические поля. Указанный словарь относится к комплексным психолингвистическим словарям. Принципиальным является отсутствие в семантическом поле каждого стимула лингвистических обобщений: семантические множители и конкретизаторы даны «в оригинале» – так, как сформулировали предикацию информанты.

Первым в словарной статье дано ассоциативное поле (АП) стимула – от стимула к реакции с фиксацией сначала ядра (наиболее частотных реакций), потом – периферии АП (малочастотных и единичных). Этот же принцип лежит в основе идентификации и толкования значения слов. Основными единицами семантической модели стали «семантические множители»: «полнозначные слова, использованные в правой части толкового словаря», в

Исследование языкового сознания

нашем случае – в толкованиях (дефинициях), полученных от испытуемых в семантическом эксперименте. Кроме этого, в словарной статье содержатся *конкретизаторы* – слова, словосочетания, отдельные сегменты высказываний и целые высказывания. Индексы шкалирования, полученные по методике семантического дифференциала, даются последними в виде таблицы в конце словарной статьи. Они показывают эмотивно-чувственное значение слов-стимулов с нагрузкой по четырем факторам» [там же: 6–7].

Стимульный список – сорок общелитературных слов (имена существительные и прилагательные), маркирующие базовые этические, эстетические, ценностные концепты: *дом, жизнь, красота, любовь, деньги, воля, надежда, прощение, грех, ложь, слава, страсть, разочарование, сострадание, вина, щедрость, верность* и т.п. Кроме этого, в списке были 10 слов, использованных в ассоциативных экспериментах Е.Н. Гуц в 1980–2000-х гг. и входящих в ядро языкового сознания подростка (*кайф, лох, плохо, зло, друг, секс* и т.п.). Ниже приводится пример словарной статьи.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ШКОЛЬНИКОВ

ВЕРНОСТЬ – дружба (78); собака (69); любовь (33); преданность (27); доверие (22); хорошо (18); привязанность (17); друг (15); вера (14); верить; надёжность (12); верность (9); правда (6); дружба до гроба (4); друга (3); в жизнь; деньги (2); баня; баскетболу; брак и дружба; верить и надеяться; верить хомута; добродушная; искренность; кач; квадрат; клятва; к человеку; мама; муж, и жена, и друг; не доверие; отлично; парень; перед другом; пёсик; подруге; положение; помощь; поцелуй; предание; предательство; прикольно; противоположность; собака такая!!!!; собачка; судьба; счастье; у близких; храбрость; честность; я не знаю; 100% раб; 100% хорошо (1)

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СТУДЕНТОВ

ВЕРНОСТЬ – доверие (84); любовь (78); преданность (54); собака (18); друг (16); честность (15); брак; семья (13); надёжность; ответственность (10); вера; правда; уверенность (8); однолюб; хранить (7); верная; партнёр; чистота (6); верить; всё жизнь; в любви (4); быть верным; вместе и навсегда; доброта (3); друзей; друзья (2); без предательства; белый голубь; Божья Матерь; боль; до гроба; духовная и физическая; есть; жена; жёлтый цвет; измена; искренность; клёво; кольцо; лебеди; лебедь; лебединая; любимый человек; любить; муж; навсегда; надежда; надо доверять друг другу; настоящая; не изменять; не обманывать; не предать; откровенность; открытость; отлично; парень; парню; пёс; покой; праведность; привязанность; проверка; радость; редкость; самоверие; светлое; связь, основанная на взаимном доверии; секс; слову; собаки; Соня; супруг; трепет; тупость; уважение; хранить; целомудренность; ценность; цепь; чего порой не хватает; чувства; это любовь; это хорошо (1)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ШКОЛЬНИКОВ

Преданность (108) человеку (12); в любви (7); чему-либо, кому-либо (5); одному любимому (2); кому-то от чистого сердца (1) **Измена (35)** отсутствие измен (19); нет измен (11); без измен (6) **Честность (30)** к людям (9) **Доверие (26)** к человеку (21) **Не предавать (24)** кого-либо (11); человека (7)

Качество (19) хорошее (16); любимое в моей собаке (1); отражающее привязанность людей к кому-либо, чему-либо (1); характеризующее степень уверенности в человеке (1);

Любовь (16) одному (7); то же, что (2)

Не изменять (15) своему парню (2)

Чувство (14) преданности другому человеку (6); одно из лучших чувств в человеке (5); приверженности чему-либо (3)

Быть всегда рядом (13) не врать чувствами, полностью делиться своими мыслями (1); с каким-то человеком (1)

Когда (9) человек верен одному человеку и больше никому (5); любишь одного, верна только ему (3); 2 через 2 (1)

К человеку (7) близкому тебе (2)

Приверженность (6) человеку (4) идее, себе (1)

Желание (2) быть с ней другим человеком (1); прийти на помощь в любую минуту (1)

Раздел 2

(1) Антипредательство; быть честной с человеком, которого любишь, важна; во всём верить ему; маме, папе!; веришь кому-то; верность; второе определение любви; говорить правду; должна быть между людьми; к любимому; какому-то человеку; мне нравится это слово; начало предательства; не обманывать; неизменение взглядов; нет верности в нашей стране; ну верить; оставаться верной одному человеку; отстаивание одной и той же позиции в изменяющихся условиях; понятие несуществующее; постоянство; привязанность; свадьба; следование высшим идеалам; способность подчинить свою волю другому; «служение»; устойчивость воли; хорошие отношения (1)

Отказ (98)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СТУДЕНТОВ

Доверие (96) в любви (7)

Преданность (79) человека (11) к человеку (5) одному человеку (4); до самого конца (1); другому (1)

Когда (53) верен (42) одному человеку (24); своему слову (13)

не можешь (7) совершить подлость (6); не можешь переступить барьер (1); один человек не изменит, не предаст другого (2); нет желания изменить, предать (1); что-то одно важнее, чем всё остальное (1)

Чувство (46) преданности (21) кому-либо (11); к чему-нибудь одному (5); кому-либо осознанное (1) к человеку (17), когда любишь человека. полностью отдаёшься ему, верен (1); привязанности (1) привязанности к человеку, стране и др. (1); испытываемое к своим родным и близким, и никак иначе (1)

Любовь (24) к кому-либо (11)

Уважение (19) к близкому человеку (2)

Качество (17) не отступает от своих обещаний (1); отличительное, увы, не всех людей (1); при котором человек предан другому человеку (1); того, кто ценит других (1)

Способность (14) сохранять чувства к одному человеку (7); оставаться с избранным человеком до конца (4); следовать убеждениям, не поддаваться влияниям (3)

Быть (13) преданным чему-либо (7); честным (6)

Понимание (11) ответственности (10) за силы человека отвержение силы человека (1)

Не предательство (9)

Состояние (6) когда не хочется врать человеку, совершать поступки, которые ему не понравятся (1); что ничего плохого по отношению между людьми (1)

Неизмена (5)

Подразумевает заботу (4)

Умение (2) воздерживаться от соблазна (1); понимать (1)

(1) Довериться; друг; душевное родство; жадность собственника: многое бы мы охотно бросили, если б не боялись, что кто-нибудь другой это поднимет; желание быть преданным одному человеку; за что себя не жалко; искренность людей; надёжность; не встречал таких людей; недопустимость для себя изменить чему-либо, кому-либо; неизменность в своих решениях; неизменчивость; непозволение думать о чём-то, ком-то другом; осознание того, что ты будешь рядом с человеком, которому ты верен, что бы ни произошло; ответственность; (в человеческих отношениях) отказ от разнообразных связей для придания большей ценности главной связи; очень ответственное дело, которое не тяготит; ощущение своей принадлежности к человеку; правда; правдивость к человеку; преданное отношение; сила человека; соблюдение установленных правил между людьми; стойкость в своих убеждениях; стремление быть рядом; так называемые рамки для человека, которые возникают между людьми; уверенность в людях; хорошо; хранить верность кому-либо; часть дружбы; честное исполнение своих действий; честность (1) **Отказ (24)**

ЭМОТИВНО-ЧУВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Студенты	Индекс Ж	Индекс М	Школьники	Индекс
Весёлый / грустный	1,083	1,25	Весёлый / грустный	1.230
Хороший / плохой	2,642	2,3333	Хороший / плохой	2,66667
Полный / пустой	1,928	2	Полный / пустой	2
Светлый / тёмный	1,166667	2	Светлый / тёмный	2,23076

Состав словарных статей оказался удобен для дальнейших сопоставительных описаний как в направлении сравнения с ранними и поздними региональными результатами (с базой «Ассоциативного словаря подростка», например), так и с ассоциативными базами других регионов (в частности с «Ассоциативным словарем школьников г. Саратова).

Основные результаты трех этапов проекта

Введено понятие «региональное языковое сознание» (см. выше).

Разработан метод комплексного описания, включающий лингвистические (текстовые, речевые, дискурсивные) и психолингвистические методики исследования дискурсивного пространства г. Омска и Омской области в аспектах институциональных и персональных коммуникаций с участием детей и направленных на них.

Доказано наличие в структуре ядра ЯС подростка образов сознания, связанных с некодифицированными лексическими элементами.

Показано, что психолингвистическое описание языкового сознания можно представить в виде многомерного конструкта, состоящего из объемных и плоскостных моделей разного уровня.

Установлена зависимость объема, сложности структурной организации семантического поля от возраста, социального и речевого опыта носителя языка. Оказалось, что ядра семантического поля этически и эмоционально значимых лексем у индивидов 10–12 лет и 19–22 лет образуются сходным образом. Возрастное развитие значения слова состоит в изменении рангов когнитивных категорий, составляющих ядро семантического поля, расширении объема и изменении качества конкретизаторов, изменении образов сознания в них, отражающих личный опыт носителей языка, и дефиниционных стратегий.

Состав и структуры полученных семантических полей выявили следующие тенденции: чем абстрактнее семантика слова, тем больше социального опыта и рефлексии требуется индивиду для образования обширной, сложно оформленной области значения; чем более социально значимое явление обозначено словом, тем больше компонент рефлексии над миром и над собой представлен в составе его семантического поля у носителей языка взрослого возраста; тем меньше объем поля, размытее его состав, незначительнее рефлексийный слой у незрелых информантов.

Оценка представленности в ЯС моральных ценностей показала стабильность состава ценностных концептов за 10 лет. Для младших школьников «Быть хорошим» – значит быть прежде всего «душевным, добрым и веселым». В этом перечне актуальных ценностей наблюдаются константы русской ментальности. Выявлена *устойчивость стереотипа* следующего содержания: *хороший человек* уступает место старушке, переводит её через дорогу, несет её тяжелые сумки. *Плохой*, соответственно, ведет себя противоположным образом. Этот образ не уходит из группового сознания младшего школьника на всех зафиксированных срезах (1998–2001, 2003, 2005, 2007, 2008, 2010 гг.). Для школьников среднего и старшего возраста и студентов «хорошо» – *когда все нормально, отлично, круто, благополучно, в семье гладко*.

Динамика ценностей отмечается в изменившейся значимости семьи и дружбы: ценность семьи растет, значимость дружбы, напротив, несколько снижается. Из высказываний о семье «уходят» упоминания о бабушках и дедушках, зато появляется компьютер. Как «импортируемая» ценность отмечается концептуализация в речи детей смысла «успешный человек». Ценностью, прививаемой в семье, является успешное завершение труда (а не процесс), что не согласуется с положением о том, что для русских старание важнее, чем результат.

Исследование ассоциативных полей концептов и их структуры с помощью АЭ и РЭ экспериментально подтвердило гипотезу о возрастной специфике формирования ядерных фрагментов ЯС, доказало необходимость разных экспериментов, подтвердило вывод о формировании этических концептов в младший школьный период развития ребёнка.

В письменной речи (сочинениях) проявилась тенденция актуализировать понятийные, эмотивные и оценочные компоненты концептов, заданных в высказывании-формулировке темы, на фоне совокупности компонентов разных концептов, которые относятся к доминантным смысловым областям лишь косвенно. Средства вербализации (лексические и синтаксические) слабо вариативны. С целью повысить убедительность позиций пишущие широко использовали стратегию прецедентности, выраженную через привлечение прецедентных имен, высказываний, текстов и пр. Рефлексивный компонент языкового сознания в письменной речи проявился незначительно, имеет опору в жизненном опыте членом семьи, соседей, друзей [Бутакова 2010: 100–133].

Результаты, полученные на первых трех этапах проекта, позволили выстроить направление следующего – *четвертого этапа* исследования, посвященного комплексному анализу институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка на основе реконструкции дискурсивного пространства региона².

Этот этап направлен также на решение междисциплинарной проблемы влияния коммуникативной среды на языковую личность в возрасте от 5 до 14 лет. Исследование регионально ориентировано: экспериментальный и дискурсивный материал относится к одному региону (Омская область), участники коммуникаций дифференцируются по социолингвистическому признаку ‘место проживания’ (областной центр / сельские районы области). Психолингвистические методы применялись в указанном проекте комплексно, как и ранее. Они соотнесены с коммуникативным и когнитивно-дискурсивным подходами к описанию устной и письменной речи детей, детских журналов, книг, учебников для младшей школы.

Ассоциативный эксперимент осуществлен в двух видах – свободный АЭ и по методу до-страивания высказываний; семантический эксперимент представлен семантическим дифференциалом, он был применен для исследования восприятия популярных мультсериалов в детской и студенческой аудитории; восприятия произведений, изучаемых по программе литературы в среде детей разных школьных возрастов; восприятия школьных программ и учебников в профессионально ориентированной среде учителей школ, восприятия рекламных поликодовых текстов детского питания и товаров для детей в среде взрослых. Кроме того, тексты сочинений школьников средних классов анализировались с учетом принципов коммуникативной, когнитивной, структурной организации, предложенных психологом Н.И. Жинкиным [Жинкин 1998: 188–192] и дополненных нами [Бутакова 2016: 101–111].

Дети включаются в дискурсивное пространство региона как потенциальные (моделируемые взрослыми) и реальные участники коммуникаций.

Мониторинг ценностей (коммуникативных, социальных, моральных, материальных), транслируемых и прививаемых доступной детям информационной средой, осуществляется в проекте в ходе бесед, опросов и анкет социолингвистического характера, а также психолингвистических экспериментов, направленных на реконструкцию языкового сознания, характера перцепции рекламных и иных текстов.

Основные вопросы, решаемые авторским коллективом проекта (Л.О. Бутакова – руководитель, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова и др. – исполнители):

- Какие ценности транслируются и воспринимаются в контакте с дискурсивной средой места проживания (город – районы сельской местности)?
- Каково смысловое пространство наиболее популярной в детской и подростковой среде теле- и кинопродукции, книг, журналов, сайтов?
- Какие основания дифференцируют типы языковых личностей в детском и подростковом возрасте?

² Грант РФФИ 15-04-00325 «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка»

- Какие семантические изменения произошли в смысловых полях ценностно и коммуникативно ориентированной лексики?

- Каково состояние языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка 5–7, 7–12, 13–14, 15–16 лет? Какие типичные речевые и коммуникативные нарушения фиксируются в письменных текстах и устных высказываниях учащихся школ и гимназий? Являются ли они следствием влияния особенностей новой информационной среды?

По результатам работы над проектом были сделаны следующие выводы (см. [Орлова, Исенова 2018; Бутакова, Гуц, Козловская 2018]).

Была представлена модель детства в дискурсивном пространстве региона и методика комплексного исследования.

- По основанию «субъект речи» выделен детский дискурс, маркированный по таким признакам, как социальный статус говорящего, стратегии, интенции, ценности, тематический и жанровый репертуар, язык. Материал «одного речевого дня» разных информантов показал, как социальная среда отражается в языке дискурсов.

- Выявлено одновременное функционирование ряда институциональных дискурсов, адресованных исключительно детям или включающих детскую аудиторию в число своих «клиентов» (учебно-педагогический, просветительский, массмедийный, праздничный, рекламный и др.). Анализ письменных, устных, аудиовизуальных текстов (учебников, видеороликов, мультфильмов, рекламных объявлений на сайтах и мн. других) позволил сделать вывод о конкуренции (оппозиционности) учебно-педагогического и массмедийного дискурсов. Активное внедрение в детский развлекательный медиадискурс консьюмеристского начала порождает новые медиажанры: рекламные видеоблоги для детей и летсплеи. Вследствие большой популярности жанровые новообразования становятся действенным инструментом формирования у детей ценностей общества потребления.

- Описаны фрагменты картины мира детского дискурса, имеющие ценностную составляющую (способ получения информации – экспериментальные методы). На основе эксперимента по методу дополнения языкового знака построено смысловое поле ‘говорить’, выявлены обычные и / или предпочтительные для школьников типы собеседников, темы общения и другие характеристики коммуникации и таким образом ре-конструированы коммуникативные ценности.

- Психолингвистическое моделирование семантики языковых знаков, передающих дружеские и семейные отношения, зафиксировало, с одной стороны, стабильные ценности данной сферы человеческих отношений для школьников младшего и среднего возраста в г. Омске и в Омской области, с другой – динамические тенденции в смысловых пространствах и связях лексем «семья», «дружба», «друзья», «друг» при сопоставлении результатов ассоциативных экспериментов, проведенных в тех же учебных заведениях города и в тех же возрастных группах в 2010 г. Трендовые ассоциативные исследования, осуществленные с перерывом в 7 лет, зафиксировали динамику изменений психо-логического значения лексем, что выразилось в перестройке структуры ассоциативных полей (количественном и качественно изменении ядерных и периферийных частей).

- Моделирование семантики существительных *друг*, *друзья*, *дружба* как фрагментов языкового сознания школьников г. Омска с элементами трендового исследования позволило увидеть смысловой состав значений трех однокоренных лексем (двух слов и словоформы одного слова), отражающих ценностные фрагменты языкового сознания незрелых носителей языка, выявить их семантические связи, сходство и различия в ментальном лексиконе, определить динамику изменений, произошедших за 7 лет, установить наличие / отсутствие влияния в данном фрагменте современной информационной среды. Рост объема ближней периферии позволяет утверждать наличие перестройки стереотипа и формирование нового в ментальном лексиконе респондентов (в частности, начали появляться реакции, указывающие на виртуальный характер дружбы).

Раздел 2

• Ассоциативный эксперимент выявил наличие устойчивых линий взаимодействия смысловых областей «Интернет», «ВКонтакте», «Компьютер», «Планшет», «Игра», «Информация», «Общение», «Друзья / Друг». В субъектном секторе данных смысловых областей проявилась выраженная в разной степени свойственная школьникам тенденция персонализировать и конкретизировать субъектов (с помощью имен, имен и фамилий конкретной персоны, пары или группы лиц). Малое количество отказов, специфика когнитивной организации смысловых областей стимулов, их тесные связи друг с другом (взаимообратимость отношений «стимул – реакция») указывают на значимость описанных смысловых областей для современных школьников, на наличие в них стабильных (стереотипных) частей.

• Метод определения понятий, или семантический метод, примененный в разной по возрасту аудитории, дал возможность проследить, с какими единицами глубинного яруса лексикона (по А.А. Залевской) связаны стимулы этического характера. Выявлены константные и переменные семантические зоны поля «любовь». Константами для гештальтов семантических полей «любовь» являются ‘чувство’, ‘боль’ и синтаксические конструкции с союзными словами ‘когда’, ‘что’ (наглядно-действенное толкование стимула).

• Метод семантического дифференциала позволил выявить эмоционально-оценочную составляющую восприятия школьниками разных текстов, а значит, особенности их ценностной картины мира. В области восприятия художественного текста он дал информацию, позволяющую решать собственно психолингвистические и прикладные дидактические и психологические задачи. При чтении прозаических произведений художественной литературы читатели обращают внимание на характеры героев, авторскую оценку произведения; в лирике сопереживают лирическому герою, соотносят его эмоции со своими ощущениями, обращаются к своему жизненному опыту и впечатлениям. Применение этого метода к оценке восприятия русских и американских мультсериалов показало, что у современных школьников, вероятно, не сформированы стереотипы «своего» и «чужого» (в отличие от студентов, у которых они играют роль «стабилизаторов» процессов восприятия, определяют регулирование эмоционально-оценочных интерпретаций в процессе рецепции), граница между ними не столь ощутима.

• Осуществлено описание языка детского дискурса, уровня развития языковой способности и речевой компетенции в новых аспектах. Возрастное развитие языковой способности происходит за счет оформления аргументативных и рефлексивных стратегий мышления и речи, усложнения синтаксиса. Сопоставление речевых произведений на одну и ту же тему в разных классах проявило нарастание рефлексии пишущих от пятого класса к седьмому и динамику формирования в ментальном лексиконе учащихся риторического канона, соответствующего формату ЕГЭ. Заметны ограниченный состав концептов и их компонентов, приближение в ряде случаев письменной речи к ее разговорной разновидности, структурное упрощение, увеличение эгоцентрической направленности коммуникации.

Методико-методологический арсенал всех этапов проекта был применен на *пятом этапе*, целью которого была комплексная реконструкция социально-коммуникативных характеристик группы российского общества, номинируемой в русском языке выражением «пожилые люди» (соответствующий термин психологии – «поздняя зрелость»). Исследование осуществлялось через обращение к двум формам репрезентации характеристик – дискурсам и языковому сознанию русскоговорящих.³ Объектом исследования является пожилой человек как социально-коммуникативный тип. Комплексный подход реализовался как соединение методов и методик анализа дискурсов (разговоров, текстов) и языкового сознания. Предмет исследования задан как взгляд «снаружи» и «изнутри», в параметрах

³ Проект РФФИ № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

внешней и внутренней репрезентации объекта. Взгляд «снаружи» означает отношение к исследуемой возрастной группе социума в лице его институтов и социальных групп, взгляд «изнутри» отражает самоидентификацию пожилых. Разграничение внешней и внутренней репрезентации связано с включением в исследование, наряду с дискурс-анализом, психолингвистических методов.

Авторский коллектив (Л.О. Бутакова – руководитель, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова, Е.С. Шифрова, М.А. Харламова, Н.О. Худякова) установил следующее (см.: [Пожилый человек 2020]).

Обнаружились разные уровни речевой рефлексии над объектом в материале разного типа: в дискурсах она более или менее осознается, а в экспериментах не отрефлексирована. Описание тематических фрагментов языкового сознания социальной группы пожилых и других возрастных групп реализовано как масштабная верификационная процедура, призванная дополнить и уточнить данные дискурс-анализа.

Понятия «пожилый человек», «пожилой / старческий возраст» в Проекте не определяются в числовом измерении. При отборе информантов авторы опирались на психологическую дифференциацию жизненного периода по количеству прожитых лет. В соответствии с ней использовались термины «младшие пожилые» (от 60 до 74) и «старшие пожилые, старческий возраст» (от 75 до 90 лет). В институциональных источниках критерием отбора материала являлось как минимум однократное употребление в тексте слов «пожилой», «старый», «пенсия» и однокоренных с ними, а также знака «55+» как маркера переходного периода к пожилому возрасту.

Речевой материал, полученный от пожилых (спонтанные разговорные диалоги, интервью, комментарии в социальных сетях, данные психолингвистических экспериментов), выявил аксиологическую составляющую 'здоровье – важнейшая ценность' и широкий спектр вариативных характеристик объекта, обусловленных возрастом (младшие пожилые, старшие пожилые), социальными и личностными характеристиками информантов, их физическим состоянием. Персональные коммуникации не объединяются в «дискурс пожилых» с четко очерченными общими признаками, однако выявляются коммуникативные предпочтения и особенности самопрезентации пожилых. Ранжирование контекстов при описании персональных дискурсов по частотности («очень часто», «часто», «редко»), анализ ядерно-периферийного устройства ассоциативных полей, учёт частотности реакций во всех экспериментах, широкое применение качественно-количественных методов позволили сформулировать обоснованные суждения, касающиеся отдельных параметров дискурсов с участием пожилых. Основными собеседниками старших пожилых являются члены семьи, родственники, нетривиальными собеседниками – персоны «из телевизора»; пожилые активно пользуются сотовыми и стационарными телефонами; младшие, реже старшие пожилые стремятся к компьютерной грамотности; младшие пожилые стремятся помочь детям и внукам; для младших пожилых актуален имущественный статус (они переживают нехватку денег и говорят об этом); старших пожилых интересует политика; для всех пожилых актуальны этические, фелицитарные и гедонистические ценности, для младших пожилых – новые возможности.

В ходе самоидентификации пожилой возраст четко не определяется (*не знаю, как сказать, за столько-то*), выделяются оптимистический и пессимистический сценарии старения. К признакам старения информанты относят изменения в физическом и интеллектуальном состоянии, утрату способности двигаться и работать. Значимыми языковыми средствами, выражающими эти смыслы, являются глаголы с семантикой деятельности, движения, статического состояния, памяти. В дискурсе пожилых высокочастотны слова и конструкции, выражающие временные сопоставления (сейчас – раньше, еще – уже и другие). Знаки градуирования и оппозиты отражают переживание переходного либо нового (в сравнении с прожитым) этапа жизни. Языковое сознание, реконструированное по экспериментальным данным, коррелирует с дискурсивными данными (отражает наличие инварианта, устойчивых смыслов и др.). Такова модель пожилого человека «изнутри»: срав-

Раздел 2

нительный анализ масштабных экспериментов (свободный ассоциативный эксперимент, разные виды направленного ассоциативного эксперимента, эксперимент по методу семантического дифференциала), проведенных в разные годы реализации грантового проекта; анализ включает описание смысловых полей базовых стимулов, называющих возраст, а также стимулов, номинирующих современное коммуникативное пространство («компьютер», «телефон» и т.д.).

Экспериментальный материал, полученный от двух групп респондентов (пожилые люди, школьники), был представлен в ассоциативных (АП) и смысловых полях (СП), в процентном отношении установлены ядро / околядерная часть / периферия всех АП полей, средние показатели по шкалам эксперимента, проведенного по методике семантического дифференциала; произведено полное сопоставительное описание по результатам всех типов экспериментов стимулов *пожилой человек, пожилая женщина, пожилой мужчина, пожилой возраст, преклонный возраст, старый, старость*, включая анализ и описание сочинений.

Например, для стимулов *пожилой человек, пожилая женщина, пожилой мужчина* анализ полей, полученных при проведении ассоциативного свободного эксперимента, по когнитивным параметрам выявил преобладание секторов характеристики в реакциях респондентов пожилого возраста для всех описываемых стимулов: для стимула *пожилой человек* он составил 43%, *пожилая женщина* – 40,5%, *пожилой мужчина* – 41,5%, причем в каждом поле ментальная, интеллектуальная, духовная характеристика важнее всего. Этот сектор смыслового поля стимула *пожилой человек* составил 19,7% (*мудрый* (6); *опытный* (4); *умудренный* (4)); возрастная характеристика – 17,2% (*старый* (9)); физическая – 4,9% (*усталый*); стимула *пожилая женщина* сектор ментальной, интеллектуальной, духовной характеристики равен 22,3% (*степенная* (9); *мудрая* (4); *умудренная* (3)); возрастной характеристики – 8,3% (*ещё не старая* (4); *не старая* (2)); физической – 6,6% (*интересная* (2); *красивая* (2)); стимула *пожилой мужчина* сектор ментальной, интеллектуальной, духовной характеристики – 23,3% (*мудрый* (5); *степенный* (4); *опытный* (3)); возрастной характеристики 15% (*старый* (5); *70 лет* (3)); физической – 4,3% (*не энергичный* (2)).

Характеризующий тип стратегии реагирования на данные стимулы для пожилых респондентов образует устойчивую тенденцию, что указывает на наличие прочных связей стимулов и реакций в ментальном лексиконе людей данного возраста, опоры в процессе поиска на характеризующую предикацию, связанную в большей степени с акцентированием ментальных, интеллектуальных духовных особенностей человека (опыта, мудрости, знаний). При актуализации физических свойств респонденты чаще обращались к позитивным приметам возраста.

У респондентов школьного возраста в поле стимула *пожилой человек* сектор характеристики намного меньше – 17,5%, сектор возрастной характеристики составил 9,1% (*старый* (9)); ментальной, интеллектуальной, духовной характеристики – 4% (*мудрый* (2); *очень умный*); физической – 3,3% (*беззащитный; дряхлый; малоактивный*), оценочной – 0,8% (*бедняшка*); стимула *пожилая женщина* этот сектор мал – 3,9%, в нем возрастная характеристика составила 1,6% (*старая; старенькая*); физическая – 0,8% (*красивая*); оценочная – 1,6% (*хорошая*); реакций других типов не зафиксировано; стимула *пожилой мужчина* сектор характеристики – 14%, сектор возрастной характеристики – 7,9% (*старый* (8); *мужчина в возрасте*), ментальной, интеллектуальной, духовной характеристики – 4,6% (*злой; многознающий*); физической – 1,6 (*не ловкий*), но в этом секторе у данных респондентов есть небольшой сектор оценочной характеристики – 3,9%. И здесь видна тенденция: стратегия характеристики не первая в поиске способов реагирования на указанные стимулы у респондентов невзрослой группы, но при ее реализации первичный поиск осуществляется в сфере возрастных параметров пожилого человека, причем отмечаются негативные проявления возраста (гендерные различия в данном случае не столь ощутимы).

Другие модели обобщают результаты исследования институциональных дискурсов, релевантных для объекта исследования (взгляд снаружи, варианты внешней репрезентации), а также результаты экспериментов с информантами школьного возраста и студентами (взгляд снаружи, внутренняя репрезентация). Построены модели, реконструирующие образ пожилого человека в рекламе и близких к ней текстах, в телесериалах, в социально-политическом дискурсе, в средствах массовой информации (федеральных, региональных, местных), в социальных проектах, в языковом сознании школьников и студентов.

В перечисленных типах дискурсов и в восприятии молодых реципиентов пожилой человек предстает в разных качествах и ипостасях: как персонифицированное воплощение геронтологических стереотипов (телесериалы, реклама, частично языковое сознание студентов); как получатель пенсии и объект обучения азам компьютерной грамотности (сайт Пенсионного фонда РФ), как объект патерналистской политики (портал партии «Единая Россия», частично СМИ), как партнер по коммуникации, активный и ответственный член общества (портал общественной организации «Союз пенсионеров России»), как энергичная, творческая, развивающаяся личность (социальные проекты, реализованные преимущественно в виртуальной среде), как жертва либо каузатор негативных обстоятельств, в том числе правонарушений (СМИ). В языковом сознании школьников пожилой человек предстает как размытая фигура; по отношению к пожилому возрасту этот тип реципиента испытывает неинтенсивно-положительные эмоции.

Очевидно, что представленные модели пересекаются, но не совпадают, поскольку отражают разнонаправленные связи пожилого человека в окружающем его дискурсивном пространстве. Отношение социума к людям пожилого возраста соответствует их самоидентификации частично.

К традиционным социальным стереотипам, транслируемым в дискурсах, относятся следующие: бедный пенсионер; одинокая старость; старость в окружении заботливых родственников; пожилые мужчины легче, чем женщины, переживают старение и готовы к новым отношениям (гендерный геронтологический стереотип); основное занятие пожилых – уход за домом и дачей и другие. Стереотипы противоречат друг другу, что отражает нормальное для этого феномена положение дел.

Социокультурные изменения последних десятилетий формируют новые устойчивые представления о том, «как нужно стареть». Новые стереотипы, связывающие образ пожилого человека с активным отдыхом, увлечениями, способностью к обучению, транслирует бизнес в жанрах рекламы, в том числе скрытой, а также социальные проекты (SNOVA 20, «Возраст счастья»).

Отдельным результатом реализации Проекта стало введение в научный оборот данных о вовлеченности лиц пожилого возраста в новые дискурсивные практики (социальные сети, социальные проекты и т.д.), в ситуацию виртуального общения и получения информации в Интернете (последнее получено в результате ассоциативного эксперимента со стимулами «планшет», «интернет» и др.).

Перспективы работ над проектом связаны с психолингвистическим исследованием поколений (в частности, Y и Z) (см.: [Бутакова 2021]) и трендовым исследованием субъективной семантики (собрана новая база «Ассоциативного словаря подростка» по экспериментам 2020–2021 г.г.).

Литература

Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование. Омск: Омск. гос. унт им. Ф.М. Достоевского: «Вариант – Омск», 2010. 160 с.

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ОмГУ: «Вариант – Омск», 2012. 128 с.

Раздел 2

Бутакова Л.О. Ассоциативное портретирование ценностных составляющих языкового сознания школьников (на материале слов друг, дружба) // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию В.Е. Гольдина. Отв. ред. О.В. Крючкова, Л.П. Крысин. М.: Саратов: Амирит, 2015. С. 201–211.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников). Вестник КемГУ. № 3 (2016). С. 101–110.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z. Русский язык в школе. 2021. Т. 82. №4. С. 61–75.

Бутакова, Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций: монография. Омск, Изд. Дом «Наука», 2018. 446 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: ОмГУ: «Вариант – Сибирь», 2004. 156 с.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск, ОмГУ: «Вариант – Омск», 2005б. 260 с.

Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985 – 2010. Омск: ОмГУ: «Вариант – Омск», 2010. 64 с.

Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VIII классов // Н.И. Жинкин. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998. С. 183–219.

Исенова М.Х., Орлова Н.В. Между Агнией Барто и Мистером Максом: дискурсивное пространство младшего школьника: монография. Омск, Изд. Дом «Наука» 2018. 138 с.

Коротун О.В. Ассоциативный словарь внешнего человека. Омск: ОмГУ: «Вариант – Омск», 2010, 376 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл: КДУ, 2005. 511 с.

Орлова Н.В. Метаязыковое сознание выпускника школы (по данным сочинений ЕГЭ) // Обыденное метаязыковое сознание. Часть II. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово. Кемерово, 2009. С. 410–457.

Орлова Н.В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы. Омск, «Вариант – Омск», 2010. 97 с.

Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование: монография / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова, М.А. Харламова, Н.О. Худякова, Е.С. Шифрова, В.Г. Щербинина. Под ред. Л.О. Бутаковой, Н. В. Орловой. Омск, «Амфора», 2020, 372 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.

Гранты

Грант РГНФ № Г85-а «Языковое сознание жителя сибирского города в онтогенезе (от 7 до 25 лет)». 2009– 2010 гг.

Грант РГНФ № 12-04-00219 «Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа». 2012-2014 гг.

Грант РФФИ 15-04-00325а «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка». 2015-2017 г.г.

Грант РФФИ 18-012-00507а «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование». 2018-2020 г.г.

2.2.2. Возрастная динамика ментального лексикона

А.П. Сдобнова
Саратов

Было проведено исследование ментального лексикона школьников, которое опиралось на разработанную А.А. Залевской концепцию ментального лексикона как функционально-

динамической системы, открывающей доступ к информационной базе личности. По определению А.А. Залевской, лексикон выступает как

«средство доступа к единому информационному тезаурусу, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и накладываемой на имеющиеся знания выработанной в социуме системой норм и оценок» [Залевская 1999: 165].

Вербальные реакции, фиксируемые в результате свободных ассоциативных экспериментов, – это одна из форм отражения ментального лексикона в речи, придающая ему языковую определенность.

Исследование возрастной динамики ментального лексикона проведено на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» [АСШС 2009]. В электронной базе данных АСШС представлено более 900 тысяч реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте в 130 городских и сельских школах от более 30,5 тысяч школьников всех возрастных групп (с 1 по 11 кл.) на 1126 специально подобранных стимулов (подробнее см.: [Сдобнова 2015]). Ценность АСШС состоит в том, что его база данных имеет фильтрацию материала по возрасту, полу испытуемых, месту их проживания, типу учебного заведения (школа, гимназия, лицей), дате проведения эксперимента и некоторым другим признакам. Принципиально важно, что список стимулов словаря обеспечивает возможность сопоставления материалов АСШС с информацией других ассоциативных словарей, включая ассоциативные словари русскоязычных детей и школьников других регионов страны [Сдобнова 2015]. Сопоставление результатов экспериментов, отраженных в АСШС, с данными ассоциативных экспериментов, проведенных со школьниками других регионов страны (Москвы, Омска, Кургана, Уфы, Белорецка, Перми и Пермской области), выявило, что ассоциации русскоязычных школьников различных регионов России в основном совпадают [Сдобнова 2015]. Это означает, что АСШС не имеет регионального характера и репрезентирует общие особенности языкового сознания российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века. Названными особенностями базы данных АСШС определяются широкие возможности использования его как научного источника.

В монографии «Лексикон школьника как динамическая система» А.П. Сдобновой выделен и рассмотрен в динамическом аспекте ряд конструктов в качестве модели языкового сознания школьников, модели ментального лексикона: совокупный лексикон школьников; его возрастные, гендерные и другие варианты; базовая часть лексикона; ядро ментального лексикона (ЯЛ) и его возрастные, гендерные и другие варианты; периферия лексикона.

Ядро ментального лексикона школьников и его динамика

В психолингвистике к ядру языкового сознания (ЯЯС), или ядру ментального лексикона, принято относить слова-реакции, которые имеют наибольшее количество ассоциативных связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети. Ими являются лексические единицы, представленные в наибольшем количестве различных ассоциативных полей. По материалам обратного словаря АСШС по методике А.А. Залевской выделено ядро языкового сознания *коллективного* школьника (1–11 кл.) – 76 единиц, обладающих наибольшим количеством ассоциативных связей. По той же методике смоделированы варианты ЯЯС школьников, дифференцируемые по *возрасту* испытуемых, по *полу*, по *месту* жительства (всего – 15 разновидностей). Состав и описание единиц ядра см. в [Сдобнова 2015].

Ядро лексикона каждой группы школьников отличается от ядра всех других групп, то есть, нет такого варианта ЯЛ, состав которого полностью совпал бы с составом другого варианта. Сопоставление состава единиц возрастных разновидностей ядра лексикона учащихся 1–4 и 5–6 кл., 5–6 и 7–8 кл., 7–8 и 9–11 кл. показало, что составы разновидностей ядра лексикона смежных возрастных групп очень близки друг к другу: совпадает от 81 до 89 % лексических единиц.

Раздел 2

Наиболее близки ядро младших школьников (1–4 кл.) и ядро младших подростков (5–6 кл.): в них совпадает почти 90 % ядерных единиц. Ядро лексикона старшеклассников 9–11 кл. выделяется наибольшим своеобразием: в нем имеются единицы, номинирующие лиц по половой принадлежности (*мужчина, парень, девушка, подруга*) или обозначающие состояние лица (*боль, страх, ужас, отдых, счастье*), которые отсутствуют в ядре лексикона всех других возрастных групп.

Сопоставление состава единиц гендерных разновидностей ЯЛ учащихся показало, что составы ЯЛ мальчиков и ЯЛ девочек тоже очень близки друг к другу: они совпадают в диапазоне 77–83 %.

Единицы, различающие ядро мальчиков и ядро девочек, не являются однородными по составу, поскольку отражают определенный фокус интересов, актуальную сферу каждой из гендерно-возрастных групп школьников. Тем не менее, наблюдаются следующие особенности:

– своеобразие ядра лексикона младшей и подростковых групп отражают единицы, обозначающие направленность их «детских» интересов и занятий. У мальчиков: *автомобиль* (1–4, 5–6 кл.), *самолет* (1–4 кл.), *велосипед* (5–6 кл.), *компьютер* (7–8 кл.). У девочек выделяются другие единицы: *игрушка, кошка* (1–4 кл.), *гулять, девочка* (1–4, 5–6 кл.) и др.;

– в ЯЛ старшей возрастной группы гендерное своеобразие проявляется в наличии противопоставленных «парных» единиц, отражающих неодинаковое положение лиц своего и противоположного пола в картине мира в юношеском возрасте: единице *парень* в ядре лексикона девочек 9–11 кл. соответствует единица *девушка* в ядре мальчиков той же возрастной группы;

– ЯЛ мальчиков старших возрастных групп (7–8 кл. и 9–11 кл.) отличает от всех других гендерно-возрастных разновидностей ЯЛ школьников наличие жаргонных, грубо оценочных и других негативно окрашенных единиц, отражающих усиленную негативную оценочность в их картине мира (*козёл, лох, тупой, война, убить*). Эти данные коррелируют с теми, которые получены Е. Н. Гуц: в ядро лексикона подростков, по данным Е. Н. Гуц, входят *лох, урод, зло, смерть* [Гуц 2005: 122–123]. В противоположность этому каждая из разновидностей ЯЛ девочек выделяется преимущественно «жизнеутверждающими» единицами, и особенно – ядро лексикона девочек старшей возрастной группы (9–11 кл.): *красота, счастье, веселье, семья, мама, подруга, солнце, свет* и др.

Сопоставление разновидностей ядра лексикона показало, что ЯЯС школьников отличается высокой стабильностью, что при имеющемся своеобразии каждой возрастной или гендерно-возрастной разновидности ЯЯС школьников основу ядра (более 53 %) каждой группы школьников составляют единицы, которые остаются неизменными в ЯЛ в течение всего школьного периода: *большой, быстро, вода, город, делать, день, деньги, дерево, дом, дорога, друг, думать, животное, жизнь, игра, идти, класс, книга, красивый, люди, маленький, мальчик, машина, мой, нет, плохо, плохой, работа, радость, ребёнок, собака, стол, ум, умный, урок, хороший, хорошо, человек, школа, я*. Четверть из них входит в ядро лексикона уже у дошкольников 3–6 лет (*человек, я, хороший, хорошо, большой, маленький, быстро, мальчик, идти, книга*). Можно утверждать, что в период формирования языковой личности в школьном возрасте основа ядра лексикона, его константная часть, которая эксплицирует самые значимые концепты в картине мира, остается стабильной, по-видимому, потому, что к школьному возрасту у русскоязычного ребенка она уже сформирована.

Ядро языкового сознания коллективного школьника (1–11 кл.) в основе своей (более 60 % единиц ядра) совпадает с ЯЯС взрослых по данным РАС [Уфимцева 2000]. Все центральные единицы ЯЯС взрослых имеются в ядерной зоне у школьников, и большинство из них близки по ранговым позициям (например, *друг, хорошо, хороший, плохо* и др.), а главные единицы *человек* и *дом*, обладающие наибольшим количеством ассоциативных связей в ядре русского языкового сознания, по рангам совпадают: имеют первый и второй ранги соответственно и в РАС, и в АСШС.

Можно утверждать, что в основе формирующегося ядра лексикона ребенка в школьный период лежат наиболее значимые для русского языкового сознания константные единицы.

Вместе с тем ЯЛ – неоднородная структура, т.к. в ней имеются не только константные единицы, которые эксплицируют самые значимые концепты в картине мира школьника любого возраста, но и переменные единицы, составляющие меньшую его часть, передающие, с одной стороны, особенности картины мира каждой из групп школьников (возрастной, гендерной и др.), с другой стороны, – формирование ядра. ЯЛ школьников – активно формирующаяся система. Проявлением динамических процессов выступает тенденция сближения ядра школьников с ЯЯС взрослых носителей языка: его состава, организации семантической структуры. Так, в структуре ЯЛ выделяются шесть семантических зон (Человек, Жизнь, Оценка, Деятельность, Природный и животный мир, Цвет), и особенность семантической структуры ядра школьников заключается в подвижности, смене приоритетов семантических зон в процессе становления ядра в школьный период, в ярко выраженном последовательном сближении семантической структуры ЯЛ школьников со структурой ядра взрослых. При значительном сходстве в организации ядра взрослых и ядра школьников имеющееся различие определяется иерархией ценностей в их картине мира: у школьников наблюдается бóльшая детализация тех областей картины мира, которые для них актуальны, предметами которых они оперируют, в частности – приоритетность зоны Деятельность (и в первую очередь области учебной деятельности) у младших школьников и подростков. Наибольшее сходство с организацией ядра взрослых наблюдается у старшеклассников (9–11 кл.): сближение со «взрослой» организацией проявляется у них в приоритетности зон Жизнь, Оценка.

Формирование ядра находит выражение и в семантическом наполнении ядерных единиц и их связей в АВС школьников (динамику семантической структуры ассоциативных полей единиц ядра жизнь, друг, дом, деньги см. [Сдобнова 2015: 130–148]), и в динамике приоритетности единиц ядра.

Актуальность той или иной ядерной единицы для определенной гендерной, возрастной группы школьников проявляется в подвижности ранговых позиций единиц ЯЯС. Показательна динамика ранговой позиции ядерной единицы **Я**. Актуализация ядерной единицы **я** в сознании школьников **интенсивно возрастает** от младшей возрастной группы к старшей. Ср. ранги в ЯЯС возрастных групп:

9–11 кл. – 3-й ранг;

7–8 кл. – 10-й ранг;

5–6 кл. – 10-й ранг;

1–4 кл. – 27-й ранг.

То есть от младшего к старшему возрасту ассоциативно-вербальные связи **я** становятся настолько сильными и широкими, что эта единица по мере становления личности в школьный период перемещается в ЯЯС с 27-й позиции на 3-ю (после *человек* и *дом*). Такая динамика – проявление процесса становления самосознания, устойчивого образа «я», осознания себя как личности в школьный период. Примечательно, что ценность **я** в сознании школьников-старшеклассников значительно превышает ценность этой единицы в сознании взрослых, у которых она имеет в ЯЯС ранг 36-й [Уфимцева 2000].

В языковом сознании взрослого, когда становление личности завершилось, **я** перестает иметь такой вес, как у подростков и старших школьников. Сильная актуализация **я** в сознании старших школьников обусловлена и другим, общественно-политическим фактором, – ростом личностного начала в перестроечный и постперестроечный периоды в России, когда проводился ассоциативный эксперимент со школьниками (1998–2008 гг.). Следует заметить, что Н. В. Уфимцева отмечает изменения в структуре ядра языкового сознания в XXI веке, в частности повышение ранга единицы **я** с 36-го (РАС, 1988–1998 гг.) на 10-й (РАС 2, 2008–

Раздел 2

2011 гг.) [Уфимцева 2014: 28]. И по материалам ассоциативной базы СИБАС (2008–2013 гг.) единица Я имеет 10-ю ранговую позицию в ядре (см. также: [Шапошникова 2012]). Вместе с тем, несмотря на активизацию личностного начала в языковом сознании взрослых носителей языка в XXI веке, на выросшую ранговую позицию единицы я в их ядре, ценность я в момент становления, социализации личности школьников-старшеклассников значительно превышает ценность этой единицы в сознании взрослых.

Важно отметить и гендерное различие в становлении этой единицы в ЯЛ школьников: ранг единицы я у мальчиков всех возрастных групп выше, чем у девочек. Вместе с тем у девочек актуализация этой единицы проходит интенсивнее (с 46-й позиции в ЯЛ младшего возраста перемещается на 8-ю у девочек 9–11 кл.), чем у мальчиков (соответственно с 14-й – на 3-ю).

Активная подвижность ранговых позиций ядерных единиц, обусловленная их возрастной актуализацией, наблюдается и у ряда единиц, таких как *жизнь, мир, любовь* и др. [Сдобнова 2015: 130–148],

Таким образом, можно утверждать, что ядро лексикона школьников – наиболее устойчивая его часть. К школьному периоду константная, центральная часть ядра лексикона человека уже сформирована. Константные единицы эксплицируют самые значимые концепты в картине мира каждого школьника.

Ядро лексикона каждой возрастной и гендерной группы школьников имеет свои особенные ядерные единицы, отражающие референтные зоны, актуальные для той или иной группы школьников, особенности их языковой картины мира. Эти единицы ядра, составляющие меньшую его часть, выступают переменными в процессе формирования ЯЛ, и именно они испытывают наиболее интенсивные изменения в процессе перестраивания их ассоциативно-вербальных связей в АВС в школьный период.

Динамические процессы в формировании языковой картины, концептосферы отражаются в смене ранговых позиций единиц ядра лексикона и в изменении структуры ассоциативного поля этих единиц. Наиболее интенсивные изменения происходят в ассоциативных полях ядерных единиц, в семантике которых содержатся коннотации личностного характера, связанные с осмыслением себя как личности, своей социальной роли, себя как члена социума, осознание отношений людей в социумных группах.

Устойчивость ядра лексикона проявляется как в константности ядерных единиц, так и в организации ядра, в совпадении семантических зон ядра школьников и ядра взрослых. Динамические процессы в семантической организации ядра проявляются в смене приоритетности, актуальности той или иной зоны в языковом сознании школьников разных возрастных групп.

На динамику состава ядра и его организации в школьный период оказывают действие разные факторы, доминирующими среди которых выступают возрастной и гендерный. Действие возрастного фактора проявляется в ярко выраженной тенденции сближения с «нормой», стандартностью ядра лексикона носителей русского языка. Гендерный фактор обнаруживается в разной силе, интенсивности проявления этой тенденции.

Типы возрастной динамики ассоциативных полей

При исследовании состава и содержания ассоциативных полей разновозрастных групп школьников В.Е. Гольдин установил, что у разных слов-стимулов векторы развития их значений, скорость протекающих изменений и глубина преобразований не одинаковы. Им были выделены четыре наиболее противопоставленных типа возрастной динамики ассоциативных полей, условно называемых «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации», «тип периферийного развития» [Гольдин 2005; Гольдин, Сдобнова 2007].

Динамический тип *вхождения* в лексикон представлен возрастным изменением ассоциативного поля стимула скупой.

У младших школьников 52 % ассоциативного поля составляют нулевые реакции (отказ от ответа), у старшеклассников 9–11 кл. – примерно 3 %. Одной из частотных реакций у младших выступает *скупка*, связанная со стимулом формально, и это, по-видимому, свидетельствует о том, что «содержательная сторона стимула *скупой* младшими школьниками в целом еще не освоена» [Гольдин, Сдобнова 2007: 25]. У старшеклассников на долю самой частотной реакции *жадный* приходится 38 % (у младших ее доля 4 %), что свидетельствует о семантической освоенности ими слова, вхождении его в лексикон.

Для динамического типа *стандартизации* (примером этого динамического типа выступают возрастные изменения ассоциативного поля стимула читать) характерно возрастание доли самой частой словесной реакции (*книга*) по мере взросления школьников и соответственно уменьшение количества единичных и нулевых реакций при относительной стабильности содержательной структуры поля. Основные преобразования в строении данного поля связаны с уровнем стандартизации ассоциаций: он становится все более высоким.

Для типа *усложнения* поля характерны возрастные изменения противоположной направленности, связанные с усложнением представлений испытуемых о соответствующих фрагментах мира. Эталонном динамическом типе *усложнения* являются возрастные изменения ассоциативного поля РЕБЕНОК. Значение этого слова известно уже малышам, по мере взросления ребенка оно заметно усложняется: появляются новые смысловые связи и увеличивается разброс реакций.

Так, в реакциях младших школьников ребенок выступает в противопоставлении взрослому (*маленький, малыши, дети – взрослый*). В реакциях следующей возрастной группы определенно выражена линия ‘дети – семья, родители’, ‘уход за ребенком’ (*памперсы, пеленка, ползунки, ухаживать, нянчить* и др.), имеются оценочные реакции, преимущественно положительные (*хорошенький, красивый* и др.). У старших возрастных групп (7–8 и 9–11 кл.) наряду с положительно оценочными имеются негативно оценочные реакции (*пискля, урод* и др.), появляются новые тематические группы реакций (*забота, обязанность, проблемы и свадьба, рожать, от кого, не хочу*). Данный тип развития характерен для слов-стимулов, называющих социальные отношения и ситуации (РЕБЕНОК, СЕМЬЯ, АРМИЯ и под.), которые «по мере взросления человека приобретают для него другую значимость и положение человека в которых с возрастом меняется» [Гольдин, Сдобнова 2007: 26].

Особенностью динамики *периферийного* развития (эталон – возрастные изменения ассоциативного поля ВПЕЧАТЛЕНИЕ) выступает отказ от реагирования как самая частотная реакция в ассоциативных полях школьников всех возрастных групп. Развитие наблюдается на периферии поля, вербальные связи слабы и не актуализированы в течение всего школьного периода. Данный тип развития характерен для ассоциативных полей абстрактной лексики типа ИСКЛЮЧЕНИЕ, СМЫСЛ, СКОРЬБЬ, КОЛОРИТ, МЕТОД, ПРИНЦИП и под. Названные динамические типы, считает В.Е. Гольдин, образуют парные оппозиции: тип усложнения – тип стандартизации; тип периферийного развития – тип вхождения в лексикон. Основные типы реализуются множеством частных разновидностей и переходных случаев, по-разному представленных в ядерной и периферийной зонах ментального лексикона школьников⁴.

Исследование ментального лексикона в целом показало, что к динамическим типам стандартизации или усложнения относится большинство ассоциативных полей слов-стимулов *активной* зоны лексикона, семантика которых или достаточно полно освоена школьниками или находится в стадии активного освоения.

⁴ Возрастную динамику ассоциативных полей на большем возрастном диапазоне (школьники – взрослые до 55 лет) исследовала Е.В. Старостина. Она выделила шесть динамических типов и подтипов: кроме типа стандартизации, усложнения, вхождения в лексикон, периферийного развития, она определила тип/подтип снижения уровня стереотипности, тип стабильности/устойчивости поля [Старостина 2011; 2017].

В *периферийной* зоне лексикона у основной части школьников находятся преимущественно слова, ассоциативные поля которых относятся к динамическим типам периферийного развития или вхождения в словарь. Освоение школьниками лексики периферийной зоны проходит неравномерно. Книжная абстрактная лексика активно осваивается чаще всего учащимися двух старших возрастных групп (7–8 кл., 9–11 кл.) или при переходе от старшего подросткового возраста (7–8 кл.) к юношескому (9–11 кл.). В противоположность этому скачок в освоении периферийной неабстрактной лексики чаще наблюдается при переходе из младшей возрастной группы (1–4 кл.) в младшую подростковую (5–6 кл.).

Состав и структура лексикона школьников в их динамике

Совокупный лексикон школьников 1–11 кл. – это словник, включающий более 25 тысяч разных лексических единиц и фразем, полученных в результате лемматизации более 927 тысяч ассоциативных реакций школьников всех возрастных групп и объединения совпадающих единиц. Для сравнения: в словнике РАС, полученном по материалам ассоциативных экспериментов с испытуемыми 18–25 лет и включающем более 1 миллиона ассоциативных реакций, имеется около 30 тысяч лексических единиц [РАС: 3]. Хотя стимульный ряд в АСШС в 6 раз меньше, чем в РАС, объемы смоделированных на их основе лексиконов оказались количественно близки, что свидетельствует о возможности рассмотрения АСШС как полноценного источника получения информации о лексиконе школьников. Кроме совокупного лексикона были выделены лексиконы каждой из четырех возрастных групп.

В составе лексикона каждой группы выделяются три части: *базовая часть*, единицы которой имеются во всех четырех возрастных вариантах, в том числе единицы ядра лексикона; *околобазовая часть*, единицы которой имеются в двух или трех вариантах лексикона; *единичные лексемы*, которые во всем массиве ассоциативных реакций АСШС встречаются как реакция только один раз. В разных возрастных вариантах лексикона обнаруживается свое соотношение этих трех частей.

Базовая часть лексикона, составляющая четверть совокупного лексикона школьников, включает те единицы, которые наиболее активно функционируют в речевой коммуникации школьников и взрослых, обозначают главные и актуальные для всех понятия и реалии окружающего мира. Это те единицы, которые обеспечивают единую информационную базу, понимание общающихся в процессе речевой коммуникации. Они составляют от 42 до 49 % состава лексикона каждой возрастной группы.

Единичные лексемы – это слова, которые во всем массиве данных АСШС представлены одной единственной реакцией. Единичные лексемы обнаруживаются в составе лексиконов всех возрастных групп школьников. Так, только в составе лексикона старшеклассников оказались отмечены слова *авантюра, безнаказанность, глумиться*, лишь в лексиконе старшей подростковой группы – *адаптация, афроамериканец, милосердный, недоверчивость*, в лексиконе младшей подростковой группы – *анальгин, саркофаг, царствовать*, а слова *бетономешалка, божественно, брезгливость* – в лексиконе школьников 1–4 классов. Единичные лексемы составляют почти треть (31,15 %) совокупного лексикона школьников.

Если говорить о репрезентативности единичных лексем, то лексика этой зоны, за исключением очень ограниченного числа единиц, не относится ни к уникальной, ни к низко-частотной. Среди единичных фиксируются слова, которые относятся скорее к активной части словаря школьника любой возрастной группы, чем к тому, что принято считать пассивом, периферией, например *ряженка, овощной, наказанный, нагуляться* – в ассоциациях учащихся 1–4 кл., *буханка, закричать, доплыть, вприпрыжку, занавесить, лыжный* (5–6 кл.), *опозорить, утащить, ягодный, голубоглазый, разрез, соломинка* (7–8 кл.), *штанина, шутливый, ученический, совестно, смешивать, удлинить, спасённый, согреть, разогнать* (9–11 кл.) и под.

Ассоциативный материал не может дать однозначный ответ на вопрос о том, представлены ли в лексиконе каждого школьника слова, оказавшиеся в базе данных АСШС «единичными». Однако, во-первых, нет сомнения в том, что если ребенок использовал узуальное слово в качестве ассоциативной реакции, то это значит, что оно имеет устойчивую связь в его ассоциативно-вербальной сети и входит в активную зону его лексикона, хотя актуальность отдельных пластов словаря различна у школьников разных возрастных групп. Во-вторых, нельзя забывать, что в ситуации ассоциативного эксперимента действия испытуемых лишены частных прагматических мотиваций, влияющих на порождение речи в обычной коммуникации, а это меняет относительную значимость различных ассоциативных связей слова, выдвигает в эксперименте на первый план более общие, менее специфичные связи и создает тот эффект «компактности» строения ассоциативного поля, на который обращает внимание Г.А. Мартинович [Мартинович 2008: 178]. Другими словами, при рассмотрении ассоциативного тезауруса в качестве репрезентации лексикона школьников необходимо иметь в виду, что в нем, по-видимому, оказывается несколько усиленным вес достаточно полно представленной в нем ядерной части лексикона, но ослаблены значимость и полнота других его частей, в том числе «зоны единичности». «Единичность» в ассоциативном словаре, конечно, указывает на определенную функциональную специфику этой части лексикона в сравнении с ядерной и базовой, но не дает основания считать ее зоной индивидуального и рассматривать все ее единицы как принадлежность лексикона лишь тех школьников, в анкетах которых эти единицы зафиксированы. Можно утверждать, что «единичные» слова в ассоциативном словаре – важная надындивидуальная часть активного лексикона школьников.

Единичные лексемы выступают показателями степени разнообразия возрастных вариантов лексикона школьников. Наибольшим количеством и разнообразием этих единиц выделяется лексикон старшеклассников (9–11 кл.), в котором единичные лексемы составляют почти пятую его часть. В лексиконах остальных групп школьников их доли меньше (от 13% до 14%), и различаются они незначительно. Доли единичных лексем в составе реакций увеличиваются от младшей возрастной группы к старшей: 0,69 – 0,79 – 0,90 – 1,19. Такая динамика растущего разнообразия наблюдается также и в пределах одной возрастной группы (от одного класса к другому). См., например, наполнение ассоциативно-вербальной сети единичными лексемами в старшей возрастной группе:

- 9 кл. – 0,73 %,
- 10 кл. – 0,91 %,
- 11 кл. – 0,95 %.

Ярко проявляется и гендерное различие: в лексиконе мальчиков всех возрастных групп доля единичных лексем выше, чем у девочек (например, в 1–4 кл. у мальчиков доля – 0,64 %, у девочек – 0,49 %; в 9–11 кл. 1 % и 0,75 % соответственно). Результаты сопоставления коррелируют с полученными нами ранее и с результатами других исследователей: реакции и лексикон мальчиков разнообразнее, богаче, чем у девочек. Реакции и лексикон девочек ближе к «взрослому» стандарту, нормативнее.

Лексикон младших школьников (1–4 кл.) отличают, как отмечают все исследователи, лексические единицы, отражающие наглядно-чувственную картину мира, характерные для повседневной сферы общения. Группу единичных лексем в них составляют прежде всего: лексические единицы конкретной семантики (*газонокосилка, землянка, стюардесса, захлопнуться, плевать, кошкн, огуречный, трамвайный, на цыпочках* и под.), слова субъективной оценки, преимущественно с модификационными аффиксами, дериваты, образованные от слов-стимулов: *добренький, малюська, лошадошка, расхотеть, перерешать* и под.).

В группе единичных лексем в ассоциациях младших подростков (5–6 кл.) имеются те же пласты лексики, что у младших (*буханка, лыжный, доплыть, прихожка, клёвенький* и под.),

но они менее многочисленны. Отличие группы единичных лексем подростков от подобной группы у младших школьников – в пополнении лексикона иноязычной и другой актуальной для современного общества лексикой: *фейсконтроль, уфолог, энергомобиль, дизайнерский, деноминация, шокотерапия; автогражданка, велотренажёр, гидрометцентр, термоядерный*, то есть лексикой широкого употребления, как распространенной в бытовом общении, так и функционирующей в СМИ, в рекламе. Другое отличие от лексикона младших школьников – в значительном пополнении его состава сниженной, жаргонной, бранной лексикой: *суперски, мажорка, дистрофан, клубняк, лахудра, растеряха, придуряться, дохлятина, брехливый* и под.

У старших подростков (7–8 кл.) пласт некодифицированной лексики еще более расширяется, представлен разнообразнее, чем у младших подростков, и носит более сниженный, более грубый характер: *выпендрёж, лохушка, недоум, раздолбайка* и под. Характерной чертой ассоциативного реагирования в этот период является замена кодифицированных лексических единиц, выступавших ранее в качестве реакций на стимул, некодифицированными. И именно этим выделяется лексикон старших подростков.

Состав единичных лексем старшей возрастной группы (9–11 кл.) отличается от лексиконов всех остальных групп прежде всего разнообразием лексических единиц. Переход на более высокую ступень образования, расширение социального опыта, бóльшая сформированность и устойчивость фокуса интересов, культурно-социальной ориентации влекут за собой пополнение, расширение лексикона, актуализацию определенных его зон, поэтому главная особенность лексикона старшеклассников – пополнение его словами функционально неоднородными и стилистически маркированными: книжными, отвлеченной семантики (*абсурд, авантюра, атрибут, величавость, деликатный, идеология, менталитет, модернизация, обличать, раритет, тщеславный, фантасмагория, феномен* и др.); лексикой различных профессиональных сфер (*астролог, бензопила, биатлонист, бромгексин, велокросс, вердикт, волонтерство, деканат, декорации, заявка, зверосовхоз, зулус, инжекторный, карцер, кинокадр, коллаيدر, корпорация, крановщик, кульбит, куратор, металлоконструкции, мечеть, нотариус, оленевод, полтергейст, промоутер, резидент, соната, стела, травматология, флажток, фобия, шпиль, ядерщик* и др.); терминологией учебных дисциплин (*биоценоз, вектор, гидросфера, гротеск, дефис, индуктивный, инфразвук, консистенция, нейрон, палеонтология, призма, тромбоциты, футуристический, эпидермис* и др.); наряду с этим – конкретными лексическими единицами сферы повседневности (*баночка, брызгать, ватрушка, двойняшки, мотыга, неотложка, разрубить* и др.); сниженной, жаргонной лексикой (*алкашка, бесперспективняк, гадина, гамиться, набрехать, рульный, соплячка* и др.).

Состав лексикона старшей возрастной группы, соотношение его частей (42% – базовой части, 18% – единичных, 40% – околобазовой части) отличается от соотношения таких же частей у остальных трех возрастных групп (48–49% – базовой части, 13–14% – единичных, 38% – околобазовой части). Количественные характеристики лексикона старшеклассников указывают на выросшую ассоциативно-вербальную сеть, на увеличившийся лексический запас. Это проявляется в смещении ядерно-базовой части лексикона (она занимает в этом возрасте уже не половину, как у других школьников, а только две пятых словаря), за счет увеличения как единичных лексем, так и единиц околобазовой части.

Анализ материалов базы данных АСШС показал, что лексикон современного школьника предстает как живая, развивающаяся система. Динамические процессы идут во всех его зонах, пронизывают структуру содержания каждой единицы. Эти процессы, с одной стороны, обусловлены возрастными психофизиологическими изменениями, протекающими у детей в годы их обучения в школе, и имеют некоторую гендерную специфику, с другой же стороны, находятся в зависимости от расширения социально-культурного опыта школьников, от меняющегося осознания ими окружающего мира и себя, своего места в нем, включая свою гендерную роль, иными словами параметр «возраст» имеет не только обобщен-

ное биологическое, но и тесно связанное с ним социальное, культурное и психологическое содержание.

Возрастной фактор выступает доминирующим в развитии лексикона. Его проявление наблюдается во всех динамических процессах, идущих в лексиконе. Наиболее активно влияние этого фактора проявляется в развитии лексикона в подростковый период. Действие гендерного фактора начинается в старшем подростковом возрасте школьников, а активная гендерная дифференциация происходит в юношеский период развития личности.

Установленный в исследовании объем активного словаря ребенка в школьный период составляет в целом более 25 тысяч слов и фразем. В лексиконе школьников всех возрастных групп выделяется его стабильная часть – ядро, формирование которого начинается в раннем возрасте, а стабилизационные процессы протекают в школьный период. При большой устойчивости состава ядра лексикона и его семантической организации в ядре лексикона в школьный период, как и во всём лексиконе в целом, совершаются изменения, основной направленностью которых является сближение с ядром лексикона взрослых на основе постепенной стандартизации ассоциативных связей.

Вариативность и изменения лексикона в основном накапливаются в подростковых группах, а динамический скачок к стабилизации системы лексикона происходит при переходе из старшей подростковой группы в юношескую.

Литература

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области : база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / *Сост. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов*. Саратов: Гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 1998–2008.

Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // *Язык. Сознание. Культура*: сб. ст. М.; Калуга: Эйдос, 2005. С. 165–173.

Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Электронный русский ассоциативный словарь школьников // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 69–74.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия Филология. Журналистика* 2007. Т. 7, вып. 1. С. 24–30.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Мартинювич Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 256 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / *Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов*. М.: Астрель; АСТ, 2002.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.

Старостина Е.В. Изучение возрастной динамики вербальных ассоциаций: проблемы и перспективы // *Психолингвистика и лексикография*: сб. ст. Воронеж, 2017. С. 87–96.

Старостина Е.В. Динамика языкового сознания носителей русского языка по данным ассоциативных экспериментов // *Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф.* (Саратов, 15–17 ноября 2010 г.). Саратов: Наука, 2011. С. 59–65.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // *Языковое сознание: формирование и функционирование*: сб. стат. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. 2-е изд. М., 2000. С. 135–170.

Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 27–29.

Шапошникова И.В. Эмпирическая база для исследования вербальных ассоциаций русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке // *Вестн. НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 63–76.

2.3. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова)⁵

И.А. Стернин, А.В. Рудакова
Воронеж

Проект «Значение как феномен языкового сознания» в рамках научной темы «Психолингвистическое описание семантики слова» выполняется на базе Центра коммуникативных исследований ВГУ в Воронеже с 2002 г., когда в Воронежском государственном университете начали проводиться исследования *понимания* значений слова с использованием различных экспериментальных методов, например, исследование понимания носителем русского языка иностранных слов [Высочина 2001], понимания значений абстрактных слов старшеклассниками [Грищук 2002] и др. В исследованиях Е.И. Грищук употреблялся термин *психологически реальное значение слова* для обозначения экспериментально выявляемого значения в сознании реципиента.

Теоретические основы исследования были заложены в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина о разграничении когнитивного и семантического подходов к описанию концептов и семантического пространства слова [Попова, Стернин 2002: 180–190; Язык и национальное сознание 2002: 8–50] и продолжен серией публикаций И.А. Стернина, А.В. Рудаковой и других участников, присоединившихся к проекту. Теоретическое обоснование действующей концепции проекта нашло отражение в монографиях [Стернин, Рудакова 2011; Рудакова 2014]. С 2005 г. в исследованиях стал использоваться термин *психолингвистическое значение* [Стернин 2005], было определено понятие психолингвистического значения и предложены первые варианты его описания [Попова, Стернин 2007; Фридман 2006].

Была поставлена задача описания содержания и структуры психолингвистического значения и разработки методов такого описания [Попова, Стернин 2007: 165–173].

С начала 10-х гг. исследования психолингвистического значения стали проводиться развернуто и на разных типах слов, чему способствовали полученные исследовательской группой гранты; появились многочисленные публикации и первые психолингвистические словари (полные тексты словарей представлены на сайте Центра коммуникативных исследований Воронежского университета:

<http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>.

Руководитель проекта – проф. И.А. Стернин, основные исполнители проекта – А.В. Рудакова, О.Е. Виноградова, Е.И. Колесникова, Е.А. Дьяконова. В рамках проекта в настоящее время работает большая группа преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов ВГУ, а также Ярославского ГУ, отдельные исследователи из Москвы, Курска, Борисоглебска.

В рамках проекта выполняются курсовые, дипломные, бакалаврские выпускные работы, магистерские, кандидатские и докторские диссертации.

Проект основывается на концепции языкового сознания, сформулированной Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьева. Языковое сознание носителя языка понимается в проекте как *совокупность механизмов порождения, восприятия и хранения языка в сознании*. Эти механизмы представлены в сознании носителя языка в виде языкового знания (знания о языке). Применительно к лексическому аспекту языкового сознания исследуется знание носителем языка значений языковых единиц и особенностей их употребления в конкретных коммуникативных ситуациях.

Исследования выполняются в области *обыденного языкового сознания*, то есть языкового сознания рядового носителя языка, не имеющего филологических знаний.

⁵ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации», НИЧ 20014.

Теоретическая основа проекта – понятие психолингвистического значения.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период*.

Описание психолингвистического значения слова – это углубленное описание семантики слова. Теоретическая основа углубленного описания значения в реализуемом проекте – интегральная концепция значения слова, понятие энциклопедического значения и полевая концепция семантики слова, выдвинутые в 1979–1985 гг. [Стернин 1979; 1985].

Цель исследования – разработка методов экспериментального описания психолингвистического значения, а также формулирование принципов его лексикографической фиксации.

Особенность развиваемого проекта в том, что психолингвистика выступает как *метод анализа и описания* значения слова в языковом сознании. Психолингвистическое описание семантики слова позволяет приблизить описание семантики слова к психологической реальности, описать психологически реальное значение языковой единицы в единстве её ядра и обширной периферии – последняя не выделима без использования психолингвистических методов. Этот подход в известной степени противостоит традиционному лексикографическому описанию семантики в толковых словарях, которое традиционное основывается на обобщении употреблений слова в текстах, преимущественно художественных, и строится по принципу редукционизма – объединения значений и включения в дефиницию только нескольких логически определенных как главные семантических компонентов.

В проекте психолингвистические методы используются для разграничения и описания отдельных лексических значений, как это делает традиционная семасиология – с использованием понятий *многозначность, семема, сема, семантема, полевая организация семантемы, полевая организация семемы*. Основой практического описания семантики в концепции психолингвистического значения выступает *семная семасиология* – семантика отдельного слова описывается с использованием понятия семы как упорядоченная семная структура.

В ходе реализации проекта был разработан метод семантической интерпретации ассоциативных реакций – семемная интерпретация (выделение отдельных семем) и семная интерпретация (выделение семантических компонентов), метод обобщения ассоциативных реакций в процессе их семной интерпретации, а также метод интеграции результатов ассоциативных экспериментов [Рудакова 2014; Стернин 2015; Виноградова, Стернин 2016].

Разработан также метаязык семного описания значения по результатам психолингвистических экспериментов.

Разрабатывается трафаретная модель описания психолингвистического значения, которая включает три макрокомпонента: денотативный, коннотативный и метаязыковой (см.: [Стернин, Рудакова 2015а; 2015б] и др.).

В проекте изучаются и в лексикографической форме описываются общеязыковые, гендерные, возрастные значения лексем, значения имен собственных, синонимия и антонимия лексем, темпоральные изменения в семантике слова, территориальные семантические различия.

В теоретическом плане в результате исследований на разном лексическом материале определены основные особенности психолингвистического значения как реального типа значения.

Отдельный аспект и практический «выход» проекта – это лексикографическая фиксация психолингвистических значений.

В рамках проекта предложено несколько типов психолингвистических словарей:

- психолингвистический толковый словарь;
- психолингвистический гендерный словарь;
- психолингвистический возрастной словарь;
- психолингвистический словарь собственных имен;
- психолингвистический словарь синонимов;
- психолингвистический темпоральный словарь;
- психолингвистический территориальный словарь;
- психолингвистический словарь оппозитивов.

Приведем образцы словарных статей отдельных типов разрабатываемых словарей (полные тексты словарей, как уже отмечалось, представлены на сайте Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета –

<http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html> .

Психолингвистический толковый словарь русского языка

СЕМЬЯ

(195 ин)

1. Родители и дети

Люди 0,01⁶, объединенные родственными связями 0,17, являющиеся по отношению друг к другу родителями 0,10 или детьми 0,16, мужем 0,03 или женой 0,04, включают домашних животных 0,01; совместно ведут хозяйство 0,09, проявляют по отношению друг к другу чувство любви 0,09, заботу 0,04; живут дружно 0,06; имеют общие интересы 0,02 и проблемы 0,01; бывает: моя 0,08, большая 0,03, своя 0,01, имеет высокую ценность 0,02, вызывает позитивные чувства 0,13.

Менее 0,01: оказывают взаимопомощь, проявляют понимание, уважение; признаются обществом как группа, особенно на Кавказе; бывает полноценная, полная, благополучная, богатая, здоровая, крепкая, вызывает негативные чувства, является социальным институтом.

Фразы: семья – это ячейка общества 0,01; семейный очаг 0,03; семья – это святое 0,01; *менее 0,01*: семья – это семь Я, семья года, семья – это сила.

СИЯ 0,99

Пример употребления: *Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по-своему* (Л.Н. Толстой).

2. Группа близких по интересам людей

(*Группа*)⁷ людей 0,03, связанных общими интересами 0,08, оказывающая друг другу помощь 0,01; дружная 0,05; моя 0,04, большая 0,03; вызывает позитивные эмоции 0,06.

Менее 0,01: связана решением общих проблем, связана дружбой.

То же, что: близкие люди 0,02; родные люди 0,01; *менее 0,01*: друзья.

СИЯ 0,31

Пример употребления: *Мои близкие друзья – это моя семья.*

3. Солнце и вращающиеся вокруг нее планеты

Менее 0,01: (*Система*), включающая звезду Солнце (*и вращающиеся вокруг нее планеты*).

СИЯ 0,005

Пример употребления: *В нашу семью входят девять планет.*

Не интерпретированные реакции: сон

Не актуально – 0

Психолингвистический гендерный словарь

БОГАТЫЙ

Значение	Женщины 100	Мужчины 100
1. Имеющий много денег	Имеющий много денег 0,28, золота 0,06, человек 0,10; например, муж 0,08, жених 0,03, дядя 0,02, олигарх 0,02, купец 0,02, миллионер	Имеющий много денег 0,28, золота 0,03, имущества 0,01; человек 0,17, например, мажор 0,04; олигарх 0,03, Абрамович 0,03; бизнесмен 0,02,

⁶Цифра означает индекс яркости семы, вычисляемый как отношение количества ассоциатов, объективирующих данную сему, к общему количеству опрошенных; СИЯ – совокупный индекс яркости семемы, вычисляемый как сумма индексов яркости сем, образующих данное значение.

⁷ В скобках приводятся архисема и/или дифференциальные семы, сформулированные исследователем в целях придания связности формулируемой словарной дефиниции.

Исследование языкового сознания

	<p>0,01, новый русский 0,01, барин 0,01, друг 0,01, сосед 0,01, папа 0,01, мужчина 0,01; жадный 0,03, умный 0,01, вредный 0,01, злой 0,01, сильный 0,01, выделяется 0,01, несчастливый 0,01, имеет огромный парк 0,01, имеет хороший дом 0,01, крутой 0,01.</p> <p><i>Фразы:</i> богатый Буратино 0,01</p> <p><i>Противоположно:</i> бедный 0,15 СИЯ 0,97</p>	<p>вор 0,02, миллионер 0,01, еврей 0,01, жид 0,01, жених 0,01, папа 0,01, я 0,01, Билл Гейтс 0,01, Трамп 0,01; толстый 0,02, везучий 0,01, успешный 0,01, много работает 0,02, отдыхает 0,01, окруженный роскошью 0,01, имеет много друзей 0,01, вызывает чувство зависти 0,01, вызывает одобрение 0,02.</p> <p><i>Фразы:</i> богатый Буратино 0,01 <i>То же, что:</i> обеспеченный 0,01, состоятельный 0,01, толстосум 0,01 <i>Противоположно:</i> бедный 0,08 СИЯ 0,96</p>
2. Стоящий дорого, роскошный	<p><i>(Дорогой)</i>, например, огромный парк 0,01, хороший дом 0,01. <i>Противоположно:</i> бедный 0,15 СИЯ 0,17</p>	<p><i>(Дорогой)</i>, например, изба, салон, отдых 0,03. <i>Противоположно:</i> бедный 0,08 СИЯ 0,11</p>
3. Отлич. значительным содержанием	<p><i>(Отличающийся)</i>, например, интеллектом 0,01 СИЯ 0,01</p>	-
	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0,03	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0,02

Психолингвистический возрастной словарь

ДРУГ

Значение	Молодежь 100	Взрослые 100
1. Верный человек	<p><i>(Человек)</i>, верный 0,11, хороший 0,04, может предать 0,03, с ним весело 0,02, с ним интересно общаться 0,01, бывает мой 0,02, фальшивый 0,02, честный 0,01, новый 0,01, плохой 1, настоящий 0,01, единственный 0,01, с ним связаны крепко 0,01, всегда понимает 0,01, дает надежду 0,01, всегда рядом 0,01, например, Питин 0,01.</p> <p><i>Фразы:</i> лучший друг 0,25, друг детства 0,09, друг познается в беде 0,01, друг семьи 0,01; друг, товарищ и брат 0,04, милый друг 0,01, дорогой друг 0,01</p>	<p>Человек 0,06, хороший 0,04, надежный 0,04, верный 0,04, бывает единственный 0,02; любимый 0,02, преданный 0,02, никудашный 0,01, в семье 0,01; например, муж 0,01, одноклассник 0,01, Кургуз 0,01.</p> <p><i>Фразы:</i> лучший друг 0,12, настоящий друг 0,04, закадычный друг 0,02, друг детства 0,01, друг/товарищ по несчастью 0,01, милый друг 0,01, друг, товарищ и брат 0,09, «если друг оказался вдруг...» 0,01</p>

Раздел 2

	<p><i>То же, что:</i> подруга 0,04, корень 0,01</p> <p><i>Противоположно:</i> враг 0,10</p> <p>СИЯ 0,92</p>	<p><i>То же, что:</i> товарищ 0,08, подруга 0,03, братан 0,02, амиго 0,01, брат 0,02, кореш 0,01</p> <p><i>Противоположно:</i> враг 0,19, недруг 0,01</p> <p>СИЯ 0,88</p>
2. Верное животное	<p>(<i>Верное животное</i>), например, собака 0,04.</p> <p><i>Фраза:</i> собака – друг человека 0,03.</p> <p>СИЯ 0,07</p>	<p>(<i>Верное животное</i>), например, собака 0,06.</p> <p>СИЯ 0,06</p>
3. Любимый предмет	-	<p>(<i>Любимый предмет</i>), например, игрушка 0,01, Винни-Пух 0,01</p> <p>СИЯ 0,02</p>
4. Партнер	-	<p><i>То же, что:</i> партнер 0,01</p> <p>СИЯ 0,01</p>
5. Устройство, помогающее что-либо сделать	-	<p>(<i>Устройство, помогающее что-либо сделать</i>), например, доводчик 0,01.</p> <p>СИЯ 0,01</p>
	<p>Не интерпретированные реакции: <i>дурак</i></p> <p>Не актуально – 0</p>	<p><i>Коммуникативная реакция:</i> друг – это сила 0,01</p> <p>Не интерпретированные реакции: <i>дурак, дружба</i></p> <p>Не актуально – 0,01</p>

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

ЛОМОНОСОВ (300 ии)

Ученый, основатель Московского университета

Гениальный 0,04 ученый 0,21, писал оды (поэт) 0,06, основал Московский университет 0,05, сделал много открытий 0,15 в разных областях науки 0,05: в области химии 0,01, физики 0,01, родился в деревне 0,01, пешком пришел учиться в Москву 0,05; носил парик 0,01, умный 0,11, целеустремленный 0,04, настойчивый 0,03, образованный 0,02, смелый 0,01; изображен на портрете сидя 0,01.

Менее 0,01: русский, сделал открытия в области механики, истории, математики, лингвистики, разработал теорию о трех стилях, профессор, занимался педагогической деятельностью, его некоторые открытия устарели; способствовал развитию культуры; сын рыбака, носатый, круглолицый; знаменитый, надменный, добрый, принципиальный, сложный, патриот; умер; имеет прозвище «русский Да Винчи», его именем названы город, станция метрополитена в Санкт-Петербурге, существует легенда о тайном свитке, вызывает удивление.

Метаязыковой признак: его фамилия состоит из слов «сломать нос» 0,01.

СИЯ 0,98

Не интерпретированные реакции: *лежит*

Не актуально – 0,02

ВНЕДОРОЖНИК – ДЖИП

Значение	ВНЕДОРОЖНИК 103	ДЖИП 100
Автомобиль повышенной проходимости	<p>Полноприводный 0,02 автомобиль 0,29 повышенной проходимости 0,12, с фарами 0,01, большой по размеру 0,08, дорогостоящий 0,01, Например, УАЗ 0,05; Хаммер 0,04; Нива 0,03; ВАЗ 0,01, Ленд Ровер 0,01, Ока 0,01, УАЗ «Козел» 0,01, BMW 0,01, Land Cruiser 0,01, трактор 0,01; на нем ездит дорожный патруль 0,01, участвует в соревнованиях 0,02, дает чувство свободы 0,01; вызывает одобрение 0,02, вызывает неодобрение 0,01.</p> <p><i>То же, что:</i> джип 0,24, вездеход 0,01, вездеходник 0,01</p> <p>СИЯ 0,97</p> <p>Пример употребления: <i>Вчера на внедорожнике катался.</i></p> <p>Не интерпретируемые реакции: <i>подорожник</i></p> <p>Не актуально – 0,02</p>	<p>Автомобиль 0,43, большой 0,07, с огромными колесами 0,01, повышенной проходимости 0,05, дорогостоящий 0,09, например, Ленд Ровер 0,01, Мерседес 0,01, Хаммер 0,01; черный 0,07, красный 0,02, зеленый 0,01, тонированный 0,02, за рулем сидит богатый 0,04, лысый мужчина 0,01, свидетельствует о высоком статусе владельца 0,03; бывает седан 0,01, новый 0,01, вызывает одобрение 0,10.</p> <p><i>То же, что:</i> внедорожник 0,02</p> <p>СИЯ 0,94</p> <p>Пример употребления: <i>На дороге с джипом столкнулся.</i></p> <p>Не интерпретируемые реакции 0</p> <p>Не актуально – 0,06</p>

ШТРАФ⁸

	РАС 2002 год 627 ии	ЕВРАС 2014 год 547 ии
Денежное наказание за нарушение	<p>Наказание 0,03 в виде денежной 0,16 платы 0,17 за нарушение 0,05, например, за безбилетный проезд 0,15 в автобусе 0,02, выписывается сотрудником милиции 0,04, ГАИ 0,02; бывает большой 0,18, небольшой 0,02, например 3 рубля 0,17; 10 рублей 0,03; 5 рублей 0,02; рубль 0,02</p> <p>СИЯ 1,00</p>	<p>Наказание 0,07 в виде денежной 0,26 платы 0,05 за нарушение 0,12, например, за неправильную парковку 0,06, за превышение скорости 0,04, выписывается сотрудником милиции 0,12, ГАИ 0,15; в виде квитанции 0,03; бывает большой 0,12.</p> <p>СИЯ 1,00</p>

⁸ Проанализированы ассоциаты с частотностью 5 и более.

Отметим, что в развитии проекта был этап, когда разрабатывалась также методика описания психолингвистическими методами *концептов*, но в конечном итоге это направление выделилось в отдельную задачу. В настоящее время в рамках проекта описание концептов не проводится.

Исследования О.Е. Виноградовой показали, что традиционные лексикографические и антропометрические методы описания значения следует рассматривать как взаимодополняющие [Виноградова 2014; 2015].

Установлено, что любой из использованных методов (свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций) не выявляет все значения исследуемого слова, представленные в актуальном языковом сознании народа, что подтверждает выдвинутую гипотезу о необходимости использования комплекса методов для адекватного описания значения как феномена языкового сознания и необходимости верификации лексикографических описаний психолингвистическими методами. Обобщение результатов исследований, выполненных разными методами, позволяет получить психологически достоверные описания значений лексем, релевантные для современного языкового сознания русского человека.

По результатам, полученным разными методами, О.Е. Виноградовой было предложено интегрированное описание семантики исследуемых слов как феномена актуального языкового сознания. Данное описание позволяет достаточно объективно осуществить полевую структуризацию семантемы слова, определить ядерные и периферийные семемы в семантеме, а также выявить многочисленные семантические компоненты, не выявляемые другими методами, объективно разграничить ядро и периферию в семантике слова с помощью индекса яркости каждой семы.

Сопоставление эффективности разных психолингвистических методов в выявлении значений и сем исследованных единиц позволяет сделать следующие выводы: наиболее эффективен в выявлении значений и семантических компонентов существительных метод свободного ассоциативного эксперимента, а прилагательных и глаголов – метод направленного ассоциативного эксперимента. Их комбинация и интеграция результатов дает наиболее надежные и содержательные описания значений как феномена языкового сознания [Виноградова 2016: 17].

На данном этапе развития проекта можно назвать некоторые существенные особенности психолингвистического значения, выявившиеся в ходе исследования:

- число выявленных значений лексических единиц при психолингвистическом описании оказывается обычно больше, чем в любых толковых словарях;
- объем отдельного психолингвистического значения оказывается обычно больше по семному составу, чем при описании традиционными методами;
- объективно выявляются неактуальные для языкового сознания значения;
- объективно выявляются новые значения;
- установлено, что для носителя обыденного языкового сознания в языке отсутствует омонимия;
- разные семантические компоненты в структуре значения могут существенно различаться по яркости для языкового сознания;
- обнаруживаются ложные значения и ложные семы, присутствующие в языковом сознании носителей языка;
- в структуре психолингвистического значения могут присутствовать антонимичные семантические компоненты и антонимичные оценочные семы;
- в значении выделяются семы, актуализирующие симилятивные и оппозитивные связи исследуемого слова;
- в значении обнаруживаются семы, отражающие коммуникативную реакцию носителей языка на слово-стимул;

- многие лексические единицы содержат в своей семантике отсылки к устойчивым сочетаниям, в том числе прецедентным текстам;
- в значении слова присутствуют метаязыковые семы, характеризующие некоторые языковые признаки лексической единицы (сленг, жаргон, грубое, молодежное, модное слово, прилагательное и под.);
- психолингвистическое описание дает возможность дифференцировать трудно различимые синонимы;
- психолингвистическое описание дает возможность объяснить антонимию многих значений в системе языка;
- семантика лексических единиц разных частей речи существенно различается по объему и структуре;
- описание психолингвистического значения позволяет проследить глубинные системные связи языковых единиц по значению.

С 2010 г. в рамках проекта выполняются исследования по нескольким полученным нами грантам:

- Проект «Русское обыденное языковое сознание (экспериментальное исследование), Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт № 16.740.11.0118 – 2010–2012 гг.;
- Проект «Теоретические проблемы разработки и создания «Психолингвистического толкового словаря современного русского языка», РГНФ, № 1204-00128а – 2012–2014 гг.;
- Проект «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», РФФИ, № 15-04-00250 – 2015–2017 гг.;
- Проект «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации», РФФИ, № 20-012-00013 – 2020–2022 гг.

С 2014 г. в рамках проекта выпускается ежегодный сборник «Психолингвистика и лексикография» и проводится ежегодная всероссийская конференция «Значение как феномен языкового сознания носителя языка».

Литература

- Виноградова О.Е.* Психолингвистическое значение слова: экспериментальный метод исследования и описания (на примере семантики слова «женщина») // Известия Сочинского государственного университета. Выпуск 3 (31). 2014. С. 200–206.
- Виноградова О.Е.* Сопоставление результатов исследования семантики слова разными методами // Сопоставительные исследования 2015. Воронеж: Истоки, 2015. С. 21–28.
- Виноградова О.Е.* Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 26 с.
- Виноградова О.Е., Стернин И.А.* Психолингвистические методики в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016. 157 с.
- Высочина О.В.* Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 183 с.
- Гришук Е.И.* Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 248 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Концептосфера и семантическое пространство // Чествуя филолога. Орел, 2002. С. 180–190.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007а. 314 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007б. 250 с.
- Рудакова А.В.* Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 177 с.

Раздел 2

Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «психолингвистическое значение» // Язык и история. Глазов, 2005. С. 179–182.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

Стернин И.А. Экспериментальные методы в семном описании семантики // Язык и национальное сознание. Вып. 21. Воронеж: Истоки, 2015. С. 8–11.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации. 2015а. №4. С. 100–108.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. Вып. 2. Воронеж: Истоки, 2015б. С. 97–110.

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 219 с.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. 314 с.

2.4. Этнопсихолингвистические исследования

2.4.1. Предмет и задачи этнопсихолингвистических исследований

В.А. Пищальникова
Москва

Этнопсихолингвистика – междисциплинарное уникальное научное экспериментально-теоретическое направление, возникшее в рамках психолингвистики как учения о речевой деятельности, но не характеризующееся единством теоретических установок даже в пределах отечественной науки. Поэтому термин «этнопсихолингвистика» не является общепринятым в мировой науке, и изучение сходных проблем осуществляется в рамках психологии народов, психологической антропологии, сравнительно-культурной психологии, культурной психологии, или кросс-культурной психологии, социальной антропологии и др.

Используя различные лингвистические, психологические и иные методы, этнопсихолингвистика исследует *национально-культурную вариантность* когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности в:

«а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, то есть когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев А.А. 1997: 192].

Первые исследования в этой области относятся к 70-м гг. XX в. По А.А. Леонтьеву, на этом этапе изучались следующие важнейшие проблемы:

- обнаружение принципиальных различий в стратегиях порождения высказывания, связанных с особенностями языка;
- создание прагматической типологии речевых действий, специфика которых в разной мере зависит от характера и степени их связи с неречевыми действиями: «различные языки различаются не только своей грамматической структурой, но и соотношением языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации» [Леонтьев А.А. 1997: 193];
- изучение национально-культурной обусловленности языковой семантики;
- исследование национально-культурной детерминированности образа мира в целом и предметных значений;
- изучение этнопсихолингвистической детерминированности языковых и неязыковых средств общения (национально-культурная иерархия средств общения, функционально зна-

чимые особенности протекания процессов общения, национально-культурные особенности речи: темп, способы заполнения пауз, способы разложения слов при необходимости точно транслировать слово собеседнику и др.).

Очевидно, что большинство перечисленных проблем так или иначе соотносится с проблемами лингвокультурологии и этнолингвистики. Однако исследуются они в рамках иной парадигмы – психолингвистической и на более широком языковом материале.

Теоретическую основу этнопсихолингвистики, составляют, прежде всего, базовые положения классической теории речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.А. Залевская и др.). Однако специфика предметной области этого научного направления требует привлечения данных когнитивной психологии, в которой исследуются культурологически обусловленные когнитивные структуры, используемые в речевой деятельности; лингвокультурологии, изучающей отражение, фиксацию, способы экспликации (проявления) культуры в языке и трансляции ее через язык; социологии, исследующей, в частности, социальную дифференциацию языка; этнопсихологии, рассматривающей психологию межэтнических отношений, в том числе и в сравнительно-историческом аспекте.

Таким образом, этнопсихолингвистика – наука интегративного типа, объединяющая в себе изучение разных сторон речевой деятельности как одного из видов психической деятельности человека в аспекте ее национально-культурной вариантности.

Решение перечисленных проблем теоретического характера осуществляется и на базе концепции языкового сознания, представленной в работах Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и их последователей.

Для этнопсихолингвистики важнейшими теоретическими постулатами являются следующие:

- (1) национальная культура существует в ментальной, предметной и деятельностной формах;
- (2) ментальные составляющие национальной культуры принципиально не могут быть «перекодированы» адекватно;
- (3) национально-культурная специфика сознания специфически обнаруживается в речевой деятельности, репрезентирующей когнитивные структуры и механизмы смыслообразования, свойственные данной культуре.

Наиболее активно исследуется в настоящее время этнопсихолингвистическая детерминация языкового сознания (то, что А.А. Леонтьев связывал с исследованием национально-культурной детерминации образа мира). Однако в этой области пока не создано каких-либо значительных теорий, объясняющих сущность и закономерности такой детерминации. На наш взгляд, это обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Во многих работах наблюдается реальное отхождение от принципов теории речевой деятельности А.А. Леонтьева и изучение на деле не речевых действий, а языковых знаков, устойчиво коррелирующих, по мнению части исследователей, с одной стороны, с некими компонентами образа мира, с другой – с реалиями действительности. При этом чаще всего интерпретируется содержание лексем, получаемых в качестве реакций в свободном ассоциативном эксперименте, как языковых единиц, и это содержание далее приписывается компонентам образа мира. Опорой интерпретации, как правило, являются словарные дефиниции и частично – данные культурологического характера.

Следовательно, перед современной этнопсихолингвистикой стоят важные теоретические задачи.

1. Систематизация терминологии в разных этнопсихолингвистических «течениях» в соответствии с базовой теорией, а в идеале – систематизация терминологии отечественной этнопсихолингвистики для создания ее эффективного концептуального аппарата как особого междисциплинарного направления. В этом смысле важнейшую роль могут сыграть

термины, используемые в смежных с этнопсихолингвистикой науках, при условии их необходимого методологического «приспособления» к специфическому объекту. Так, эффективным может оказаться понимание дискурса как совокупности специфических способов действия со словом (Ю.С. Степанов, П. Серию и др.) как реализации национально-специфичных способов представления образов сознания.

Кроме того, все исследования так или иначе подчеркивают, что в отечественной этнопсихолингвистике актуально рассмотрение отношения языка и среды его функционирования – культуры, понимаемой в самом широком смысле как «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в формах и типах организации людей, в их взаимоотношениях, а также в материальных и духовных ценностях» [БСЭ 1976: 607]. Однако такое понимание среды функционирования языка не актуализирует специфику этнопсихолингвистических явлений. Но если рассматривать среду в психологическом аспекте, то акцентируется важность *единства* субъекта и среды. Так, Л.С. Выготский одним из первых отметил, что психологический анализ должен быть направлен на то отношение, в которое вступает личность в окружающей его действительности. Принимая этот тезис, А.Н. Леонтьев подчеркивал, что субъект не просто противопоставлен действительности – он переживает эту действительность, действует по отношению к ней и потому обнаруживает себя как существо сознательное [Леонтьев А.Н. 1998].

Под средой в научном психологическом смысле может пониматься, с одной стороны, модель целостного мира человека, в котором выделяется несколько саморегулирующихся областей: природная, социальная, культурная, деятельностьная [Круусвалл 1983: 83]. С другой стороны, понятие среды может трактоваться в социолингвистическом аспекте. В этом случае среда определяется как вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которой реализуется общение [Аврорин 1975]. Все эти факторы, определяющие свойства среды, безусловно, важны. Но этнопсихолингвистика сосредоточивается, как правило, на одном аспекте – отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности, которые могут быть выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности. Язык при этом рассматривается как одно из средств фиксации и обнаружения культуры, как форма представления культуры, но не приравнивается к культуре.

Известно, что термин «среда обитания языка» впервые употребил Э. Сепир, включив в него физические (географические) и социальные факторы (религию, мораль, формы политической организации общества и искусство) [Сепир 1993: 271]. Утверждая, что опосредованному воздействию физической среды подвергаются все уровни языка, Э. Сепир выдвигает предположение о разной скорости изменения культуры и среды, с одной стороны, и языка – с другой. Изменения в сфере культуры не параллельны языковым изменениям, они не находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом, утверждает Э. Сепир [Сепир 1993: 281–282]. Вместе с тем речевая деятельность индивида и общества в целом оказывает воздействие на среду своего бытования, упорядочивая ее с помощью значений как когнитивных структур, запечатлевших те или иные способы познания действительности. Язык, формируясь под воздействием среды, отчасти сам формирует представление о ней. Поэтому в отношении язык – сознание – этнос для этнопсихолингвиста важно, в первую очередь, не то, что значит реалья и как она фиксируется в языке, а то, что думает индивид о создании чего-либо, как индивид концептуализирует мир – как создает специфическое понятие и систему понятий, а во вторую очередь – какими вербальными способами индивид передает этнокультурную информацию. Возможно, продуктивным в этом случае могло бы оказаться понимание среды как системы когнитивных структур, определяющих способы действия со словом.

2. Важнейшая теоретическая задача, требующая серьезной экспериментальной базы, – формирование психолингвистических методов анализа вариативности речевого действия

в разных языках. Она связана с необходимостью разработки теории речевого действия вообще.

3. Все обозначенные задачи закономерно приводят к расширению экспериментальных методов исследования этнической детерминированности речевой деятельности.

В этнопсихолингвистическом аспекте актуальны также следующие проблемы: (1) характер вербальной репрезентации специфики менталитета и, в частности, базовых этнических и иных ценностей; (2) создание вербальных методик установления специфики образов мира представителей разных культур; (3) определение параметров речевой деятельности, которые могут быть положены в основу сопоставления характера речевого общения в различных лингвокультурных общностях; (4) в коммуникативно-прагматическом аспекте важно и установление речевых способов устранения этого отличия, поэтому существенное место в этнопсихолингвистических исследованиях занимает изучение национально специфичного компонента значения слова, а также особенностей грамматической и синтаксической структур разных языков.

Для решения перечисленных и других проблем необходимо выявление национально-культурной специфики смыслообразования, отраженной в речевых действиях носителей разных культур, поскольку оно определяет характер концептуализации действительности и позволяет с большей точностью моделировать содержание образа мира. Кроме того, национально-культурная специфика смыслообразования обеспечивает понимание в межнациональных и межэтнических контактах и тем самым в известной мере определяет сосуществование этнических коллективов. Наличие специфики смыслообразования, с одной стороны, затрудняет межэтническое общение, а с другой – позволяет представителям этносов обмениваться национально-культурной информацией независимо от их врожденных физиологических и психических особенностей.

Лингвистическая традиция изучения фиксации национально-культурных особенностей сознания в языке предполагает, что специфичное культурное содержание может быть представлено в лексике языка четырьмя способами: в культурных семах, через культурный фон, в культурных концептах и в коннотациях. Поэтому семантика лексической единицы изучается со стороны: (1) наличия в ее структуре так называемых национально специфичных семем (в случаях полной безэквивалентности лексем); (2) наличия концептуальной специфики лексемы (при обнаружении смысловых лакун между языками и отличий в оценочном и эмоциональном компонентах семантической структуры слова); (3) национально специфичной стилистической дифференциации лексики; (4) собственно языковых отличий между единицами двух языков, связанных с их внутренней формой и не обусловленных культурой.

Выделение этих аспектов изучения, за исключением последнего, теоретически обосновывается следующим рассуждением. Познание (присвоение) действительности происходит под воздействием родного языка, поскольку рефлексия субъекта над действительностью осуществляется в средствах конкретного языка, репрезентирующего определенную совокупность концептов как познавательных структур, «сворачивающих» знание, мнение, представление о реалии в определенное содержательное ментальное образование.

Каждое языковое сообщество пользуется своим специфичным инструментом концептообразования — языком, формирует различные модели мира как основы национальных культур. В связи с этим каждой национально-культурной общности

«присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире», при этом каждая национально-культурная общность «функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества» [Лурье 1997, с. 41] (курсив мой. – В.П.).

Отметим, что структура культурных моделей как способа организации культурных знаний, определяющего содержание образа мира определенного народа, более эффективно и очевидно выявляется тогда, когда национальная специфика языка определяется его носителями, рефлекслирующими над своими национально-культурными характеристиками.

Вместе с тем культурные модели, реализующиеся в обыденном поведении, ритуалах, традициях и культурных артефактах, соединяющие в себе универсальный и специфически культурный опыт, в том числе физический, присваиваются основной частью населения неосознаваемо.

Исследование национально-культурной специфики элементов языка в перечисленных выше аспектах нельзя считать исчерпывающим.

Во-первых, эти аспекты, как правило, не учитывают и не могут учесть всего многообразия факторов, влияющих на этнически специфичную речевую деятельность.

Во-вторых, они не пытаются вскрыть механизмы, лежащие в основе такой деятельности, и, таким образом, не отвечают на вопрос о специфике речевой деятельности того или иного этноса.

В-третьих, они не объясняют принципов понимания в межкультурной коммуникации.

Словом, лингвистический (лингвокультурологический) подход не может в рамках своей методологии и только своими методами решить проблему национально-культурной вариантности речевой деятельности и представления в языке национально специфичного содержания сознания. Проблема эта междисциплинарная, и решение ее возможно только в рамках интегративных наук с учетом такой методологии, которая предполагала бы не статичное исследование объекта, а принципиально динамический подход к принципиально динамическому объекту. Таким объектом является речевая деятельность (а не язык), такой методологией может стать отечественная теория речевой деятельности в ее классической версии (А.А. Леонтьев), а интегративной наукой, способной хотя бы отчасти принципиально решить поставленную проблему, – этнопсихолингвистика.

Используя заимствованные из других наук термины: «национальное (этническое) сознание», «национальный (этнический) компонент сознания», «национальный (этнический) образ мира», «менталитет» и др., – этнопсихолингвистика устанавливает закономерные соответствия между ними и структурой речевой деятельности, моделируя процессы репрезентации/восприятия культуры/другой культуры. Это позволяет моделировать образ мира индивида как систему знаний и мнений о действительном и возможном мирах, репрезентируемую в его речевой деятельности.

Подчеркнем, что национально-культурная специфика образа мира обуславливается, прежде всего, наличием культурно специфичных значений, фиксированных единицами языка, и характером *действия* с ними в конкретной речевой деятельности – в процессе актуального для индивида речесмыслопорождения.

Как правило, авторы этнопсихолингвистических работ редко изучают характер действия со значениями, что отчасти обусловлено неразработанностью теории речевого действия вообще. То есть «концептуальный каркас» вроде бы сохраняется, но реальное следование деятельностиной парадигме не осуществляется. Но именно изучение характера действия с «культурными элементами», в том числе с национально специфичными языковыми значениями, может, реализуя собственно деятельностьный подход к исследованию речевого общения, дать представление о национальных особенностях сознания.

В соответствии с общей теорией деятельности в универсальной структуре деятельности каждое действие, в том числе и речевое, получает свое значение в зависимости от условий протекания и целей деятельности, а значит, национально специфичное содержание речевого действия может возникать в деятельности, в действии с элементами. Вот почему А.А. Леонтьев выделял следующие факторы, определяющие национально-культурную специфику речевого общения: связанные с культурной традицией; связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения (наличие функциональных подязыков, этикетных форм); связанные с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; определяемые спецификой языка данной общности [Леонтьев А.А. 1997: 191–192].

Именно особенности протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности, в том числе и речевой, позволяют исследовать «центральную зону культуры» [Лурье 1997] как коллективное бессознательное, поскольку язык – важнейший признак национально-культурной общности, главный фактор этнической интеграции, а, следовательно, и основной этнодифференцирующий признак.

Исследователи исходят из того, что с целью оптимальной трансляции культуры как внутри социума/этноса, так и в межкультурном общении человек создает на базе языка как универсальной семиотической матрицы все новые способы передачи культурных смыслов. Последовательность и степень их использования определяется культурой конкретного социума/этноса.

Исследования, тематически относящиеся к выделенной тенденции, могут опираться на разные системы базовых терминов. Так, даже основополагающее понятие культуры используется неоднозначно.

Культура традиционно понимается как совокупность социально выработанных и наследуемых материальных и духовных черт жизни человека и общества. При таком подходе культура одновременно является условием и результатом социальной активности человека. Именно это определение (или его вариации) используется в этнопсихолингвистических исследованиях чаще других. Оно позволяет толковать культуру как систему средств опосредования идеальных представлений, а знак – как универсальное средство опосредования.

С представленным толкованием культуры соотносимы концепции, развивающие основные идеи культурно-исторической школы А.Р. Лурии и Л.С. Выготского и определяющие культуру как знание, объективированное в «культурных предметах». Отсюда культура – предметное или деятельностное проявление сознания, а также процесс познания. Вслед за В.П. Зинченко, культура может рассматриваться как функциональный орган индивида и одновременно как «идеальная форма», воплощенная в системе медиаторов, основными из которых являются слово, знак, миф, символ. Медиаторы в значительной степени определяют процесс формирования сознания индивида. В модели культуры при этом выделяется стабильное «ядро» и динамичная периферия.

Осознание отличий между представителями «своей» и «другой» этнической общности в результате сопоставления, основанного на принципе «мы – они», способствует возникновению представлений об общих для всех членов данного этноса специфических чертах, отражающих особенности «мы». Поскольку однозначного соответствия между культурой и языком нет, их взаимодействие осложняется невозможностью адекватно перекодировать содержание культуры в знаки языка (или символы иных семиотических систем). Заметим, что деятельностная и предметная формы культуры, как правило, могут быть интерпретированы носителями разных культур адекватно, но ментальные составляющие культуры принципиально не могут быть перекодированы однозначно.

Отсюда и проистекает основная проблема этнопсихолингвистики, исследующей опосредование национально специфичного в сознании вербальными знаками: каковы закономерности фиксации в языке сущности и связей элементов национальной культуры, насколько специфика языка детерминирует овладение культурным знанием – на эти вопросы можно ответить только тогда, когда мы установим специфику речевого действия как компонента речесмыслопорождения/речевой деятельности. Эта специфика может отражаться в способах действия со словом, обусловленных, с одной стороны, внутренней формой языка как способом фиксации познавательных моделей, с другой – условиями деятельности.

Внутренняя форма языка может проявляться в доминировании определенных способов номинации и словообразования, в специфическом соотношении понятийного и коннотативного, особенно оценочного, компонентов слова и др. Условия осуществления деятельности связаны с массой разнородных факторов, но этнопсихолингвистика изучает, прежде всего, коммуникативные модели данной лингвокультуры и специфику их вербальной репрезен-

тации, одобряемые и закрепляемые социумом/этносом стратегии и тактики поведения, обусловленные спецификой менталитета.

Совершенно естественно затрагивается и обратный процесс – детерминации «конкретно исторической личности» вербально-авербальными коммуникативными действиями, свойственными определенной лингвокультурной общности. При этом Ю.А. Сорокин акцентирует мысль о том, что системность культурных предметов – предметная, когитивно-когнитивная и функциональная – вполне понятна только носителю культуры [Сорокин 1997], смоделировать которую психолингвист может, например, на основании изучения ассоциативно-вербальной сети индивидов.

Естественна в этом случае актуализация и еще одной проблемы – установление закономерностей присвоения базовых культурных компонентов и роль языка в этом процессе. Поэтому важны исследования, устанавливающие особенности переструктурирования имеющихся и формирования новых структур сознания, обусловленных новыми социальными установками, связанных с изменениями в общественно-политической, экономической, культурной жизни социума/этнота ([Адамова 2006; Карданова 2006; Христова 2006; Шевченко 2017; Панарина 2017; Хлопова 2018; Пэй Цайся 2019; Яо Чжипэн 2019; Вязигина 2019] и многие др.).

Любой исследователь, обращающийся к изучению тех или иных составляющих национальной культуры, избирает или создает модель, отражающую существенные параметры культуры, в том числе этнической. Такие параметры задаются произвольно, однако в ходе постепенного изучения интерпретативных свойств созданных моделей они сопоставляются, и обнаруживается некоторая совокупность существенных свойств изучаемого объекта, которая толкуется с помощью терминов, потенциально обладающих большей объяснительной силой.

Поэтому первый вопрос, с которым сталкивается исследователь так называемой этнической картины мира, – необходимость систематизации и установления интерпретирующего потенциала терминологии.

Отечественные этнолингвистические, этнопсихологические и этнопсихолингвистические исследования не только различаются между собой объектом и предметом исследования, но и внутри представленных направлений они очевидно неоднородны, хотя опираются на сходные (а подчас на одни и те же) базовые теории и концептуальный аппарат. Научные понятия в этих направлениях, как правило, определяются общо, что позволяет исследователям легко заимствовать их из парадигмы в парадигму. Но именно заимствование термина без необходимой методологической обработки, без его приспособления к специфическому объекту исследования, приводит к его неаргументированному использованию для толкования объектов иной парадигмы, к его содержательной диффузности и, в конечном счете, к утрате термином изначального объяснительного потенциала.

Поскольку деятельность имеет мотивационную, целевую и исполнительные стороны (А.Н. Леонтьев), важно установить, какие компоненты речевой деятельности их интегрируют. Мотивационная сторона речевой деятельности проявляется в самом механизме знакообразования, когда устанавливается ассоциативная связь между предметом деятельности, его презентацией в мышлении и языковой системой. Деятельностная, целевая природа проявляется в процессе смыслообразования – активности субъекта при порождении психологически актуальных личностных смыслов. Исполнительный характер реализуется в способе вербализации личностного смысла – в языковом способе репрезентации личностного смысла как результата смыслообразования.

Для нас важно, что все три стороны речевой деятельности синкретично представлены в речевом действии, которое может стать междисциплинарным термином, способным интерпретировать национально-культурную специфику смыслообразования.

Мотив речевой деятельности реализуется через психологическое предидеирование между значением языкового знака и личностным смыслом, который необходимо репрезентировать.

Но актуализированный признак предикации нужно вербализовать, и вербализовать определенным, принятым в данной языковой системе способом. Поэтому речевое действие – это, по сути, установление определенных отношений между характером психологической предикации и внутренней формой языка. Это одновременно и способ предикции, представляющий личностный смысл, и средство предикции, установленное внутренней формой языка. Вербальная форма речевого действия становится, таким образом, средством доступа к пониманию специфики предикации.

Эта специфика отражается в речевых действиях носителей разных культур, поскольку именно речевое действие, соединяя в себе особенности психологической предикации, внутреннюю и внешнюю форму языка, представляет особенности концептуализации действительности и позволяет с большей точностью моделировать содержание картины мира.

Культурная специфика смыслообразования, с одной стороны, затрудняет межэтническое общение, а с другой – позволяет представителям этносов обмениваться культурными смыслами. В этом случае возможно решить основную, по А.А. Леонтьеву, задачу этнопсихолингвистики: изучить «национально-культурную вариантность в:

- а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, то есть когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев А.А. 1993: 192].

Интегративным научным понятием для выявления этнической специфики речевой деятельности как междисциплинарного объекта может быть речевое действие, активирующее предикативный признак смыслообразования и специфический способ его вербальной репрезентации. Оно позволяет объединить в логичную иерархическую концептуальную систему термины «культура», «этническая картина мира», «этнические константы», «ценности», «этнический стереотип».

Наконец, сказанное позволяет сформулировать понятие этнической картины мира (образа мира), которую можно рассматривать как совокупность культурно-специфичных способов познания и репрезентации мира, детерминированных, с одной стороны, этническими константами, с другой – базовыми ценностями и ценностными ориентациями этноса, репрезентированными в речевой деятельности. Поэтому этническая картина мира, реализуемая в предпочитаемых моделях поведения и способах познания действительности, стабилизирует психологическое состояние индивидов, хотя, как правило, и не осознается ими или осознается частично.

Данные ассоциативного эксперимента, рассматриваемые как материальный субстрат языковой способности субъекта, помогают определить характер репрезентации психологически актуального содержания, связанного с этническими гетеро- и автостереотипами. Эти данные могут быть дополнены методиками различного вида ранжирования и шкалирования, а также социолингвистическими опросами.

Анализ речевого действия как отношения между стимулом и реакцией дает возможность моделирования эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов, установления базового содержания этнической идентичности и (3) тенденций ее трансформации, что детально продемонстрировано в ряде последних работ (см., например: [Яо Чжипэн 2019; Пэй Цайся 2019; Пищальникова, Яо Чжипэн 2019] и др.). Эффективными для обнаружения специфичности образов мира может оказаться исследование «соматологических карт» [Романов, Сорокин 2004] – способов ментального представления своего и чужого тела в сознании носителей конкретных языков. Соматологические поля, этнические портреты и самопортреты в последнее время активно изучаются лингвистами и психолингвистами. Такой интерес к соматикону чаще основывается на общеизвестной теории языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 1987].

Широкое признание в последние десятилетия получила корпоральная семантика, представители которой полагают, что порождение языкового знака (и речевого произведения) воз-

можно только как интегрированное действие всех систем организма человека. Идеи корпоральной семантики развиваются в ряде работ А.А. Залевской, например, в: [Залевская 2004].

Еще один пласт языкового материала, который отражает специфику речевого действия и потому может стать объектом этнопсихолингвистического исследования, – это прецедентные имена и тексты, трудности психолингвистического анализа которых связаны с тем, что эти единицы далеко не всегда воспроизводятся в речевой деятельности носителей определенной культуры в своем «инвариантном», «знаковом» содержании – их употребление часто связано с деактуализацией ценностного компонента прецедентной единицы, которая закономерно приводит к деструкции ее содержания. В изменении этого содержания активную роль играют динамические процессы в области ядра этнической культуры – базовых ценностях.

Основные этнопсихолингвистические принципы исследования культурных констант были сформулированы Ю.А. Сорокиным, который отметил, что в процессе межкультурной коммуникации «свои» и «чужие» когнитивные, эмотивные и аксиологические установки и стереотипы вступают в конфликт [Сорокин 1998]. Поэтому в содержании и структуре этнокультурных понятий, которые всегда в разной степени аксиологичны, легко вычленяется оппозиция «свой – чужой», которую можно, вслед за Ю.С. Степановым [Степанов 2001], рассматривать как принцип культуры, лежащий в основе этнического самосознания.

Этнокультурная специфика сознания с психолингвистической точки зрения состоит в особенностях представления реалий действительности в языковых знаках, в способах действия со словом как превращенной формой сознания. Поэтому предметом этнопсихолингвистики может являться структура психологического значения как формы хранения этнических знаний о мире.

Психологической основой этничности, как мы уже отмечали, является противопоставление *свой – чужой* (*мы – они*). В этнической картине мира обязательно присутствуют аксиологические признаки, противопоставляющие одну этническую общность другой. Следовательно, «культурными образованиями», без которых не может обходиться исследование этнической идентичности, являются этнические стереотипы. Именно этнические стереотипы лежат в основе стереотипов поведения. Процесс социализации индивида в рамках определенной этнической общности, осознание им этнической идентичности неразрывно связаны с процессом стереотипизации знаний.

Неуклонный рост разнообразия и диапазонов различий между людьми, этносами, религиями и культурами в историко-эволюционном процессе вызывает к жизни уникальный эволюционный механизм сосуществования больших и малых социальных групп, обладающих различными возможностями развития.

Интерес исследователей к проблемам этнокультурной специфики ментальности во многом обусловлен прагматически, в частности, необходимостью разрешать межнациональные противоречия, возникающие в новых социально-экономических условиях, когда сохранение этнической идентичности становится проблематичным в условиях глобализации, проявляющейся в целенаправленном и даже агрессивном распространении американских и так называемых «европейских» ценностей, хотя одновременно резко активизируется защитная функция этнической культуры, что приводит к напряженности в межэтнических отношениях. Способы их урегулирования исследуются в психологии межэтнических отношений, в теории межкультурной коммуникации, которая изучает межкультурные конфликты, приводящие к нарушению баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества.

Вербальная репрезентация различий в системе культурных ценностей и норм в коммуникативном поведении представителей различных социальных групп и этносов может стать источником социальной и межэтнической напряженности, поэтому их изучение представляется необходимым и в рамках этнопсихолингвистики. В этих условиях психолингвист может предложить социуму для урегулирования межэтнического дисбаланса методы вер-

бальной диагностики межэтнической и социальной напряженности, которые могут лечь в основу практических социальных мероприятий.

Этнопсихолингвистика располагает эффективными методами сбора языкового материала для создания методик такой диагностики, в том числе и межэтнического взаимодействия в миграционных процессах.

Во-первых, собраны определенные материалы в кросс-культурных исследованиях различий в этнических ценностях и нормах коммуникативного поведения как способах преодоления этноцентризма и деструкции негативных этнических стереотипов.

Во-вторых, разработаны лингвистические, лингвопрагматические и социолингвистические методы сопоставительного исследования культур в условиях глобализации и активного влияния массовых миграций на социокультурную среду.

В-третьих, создана внушительная экспериментальная база в изучении социального, гендерного, возрастного варьирования ядра этнической культуры, этнической ментальности и этнокультурных норм поведения. На этой основе осуществляется лингвистическое моделирование базовых ценностей ядра национальных культур и социальных трендов современной культуры, создаются двуязычные и многоязычные ассоциативные словари, вышел в свет первый ассоциативный многоязычный словарь базовых ценностей, который тоже можно рассматривать как фундамент социо- и этнолингвистических исследований [Пищальникова и др. 2020]. Такие словари не только создают фундаментальную базу теоретического исследования ценностной системы общества, но являются основой практической деятельности по ее коррекции путем обучающих и социальных программ.

Серьезную фактическую базу для исследования содержания этнических ценностей и реализующих их стереотипов могут представлять национальные корпуса языков, а также сетевой анализ речи различных социальных и этнических групп, позволяющий прогнозировать усиление межэтнической и социальной напряженности, а следовательно, разрабатывать различные психосоциальные программы для их предупреждения.

Психолингвистическая диагностика межэтнической напряженности может складываться из следующих этапов:

- проведение свободного массового ассоциативного эксперимента с целью выявления актуальности понятий/смыслов, свидетельствующих о межэтнической напряженности;
- типологизация результатов ассоциативного эксперимента на основе интегративной модели личностного смысла с заданным количеством актуальных параметров;
- математическая обработка полученных результатов с целью повышения их репрезентативности;
- построение гистограмм и линий тренда с целью наглядного представления результатов всех предыдущих этапов исследования и создания формализованных структур как операциональных компонентов дальнейших интерпретаций в психолингвистических и иных исследованиях, связанных с изучением этнической напряженности.

Проведенное нами исследование [Пищальникова, Рогозина 2003] показало, что структура психологически актуальных смыслов, смоделированная на основе результатов ассоциативного эксперимента, отражает наличие и степень межэтнической напряженности, которая обнаруживается в различном соотношении компонентов смысла, прежде всего аксиологических. Интерпретация их позволяет представить этнически обусловленное «смысловое строение» (Л.С. Выготский) сознания, смоделировать не только содержательные компоненты фрагмента этнического образа мира и его структуру, но и эмоционально-оценочное отношение к тем или иным социально значимым понятиям, во многом обуславливающим общественное поведение индивида.

Смысл как образующая сознания превращенно интегрирует визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта (понятия), поэтому знание о его структуре дает возможность строить коррекционные поведенческие методики на основе любых из них.

Для разработки методики диагностирования этнической напряженности актуальны следующие теоретические положения психолингвистики:

(1) члены одной этнокультурной общности существенно сходным образом вербализуют результаты познавательной деятельности в силу наличия системы этнических стереотипов и общности когнитивных структур – структур, возникающих при репрезентации стабильных ментальных содержаний стабильными языковыми элементами;

(2) ментальные структуры, отражающие личностный перцептивный опыт, принципиально могут репрезентироваться различными языковыми элементами, но при этом познавательные схемы определенного уровня интеграции отражаются существенно сходным образом.

На этой основе гипотетически предполагается, что характер соотношения модельных компонентов смысла, отклоняющийся от стереотипного, может свидетельствовать о наличии и степени межэтнической напряженности. Характер этого соотношения формализуется и используется в качестве способа диагностики межэтнической напряженности. Так, опираясь на доминантные конвенциональные стереотипы якутской и русской культур, З.Г. Адамова предприняла попытку моделирования структуры этнически значимых концептов и отношений между их элементами на базе ассоциативного эксперимента. При этом она уделила особое внимание эмоционально-оценочному компоненту структуры этнических стереотипов, так как в нем сконцентрированы этнические чувства, отражающие мотивационные состояния этнической группы, во многом определяющие социальное поведение ее членов [Адамова 2006]. Этот компонент фиксируется в специфической смысловой структуре вербальных значений и ассоциативно устойчиво связывается с определенной лексемой. Именно поэтому слово, соотносимое с социально значимым (одобряемым или неодобряемым) стереотипом, может выполнять функцию регулятора социального поведения.

Поскольку содержание стереотипа социэтнически обусловлено, именно его специфичный культурный компонент становится основным носителем социально значимой информации. Но эмоциональный структурообразующий компонент стереотипа позволяет индивиду проявлять «разную степень согласия» с одобряемым эмоционально-оценочным содержанием и проявлять разное отношение к нему в зависимости от условий жизнедеятельности. Изучение именно этого отношения, проявляющегося в процессе конкретной речевой деятельности, и составляет задачу психолингвиста, моделирующего процессы межэтнической напряженности. Так, З.Г. Адамова приходит к заключению, что исследованные ею социально актуальные стереотипы

«являются устойчивыми ментальными структурами, в содержании которых отражены как этнические знания о мире, так и лично и общественно значимые знания и эмоционально-оценочное отношение к ним» [Адамова 2006: 17].

Межэтнические конфликты могут протекать до известного момента латентно, поэтому разработка различных методик обнаружения и оценки степени межэтнической напряженности является актуальной. Одновременно с помощью таких методик возможно выявление некоторых особенностей менталитета той или иной этнической общности.

Литература

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 212 с.

Вязигина С.Ю. Экспериментальное исследование русского мультимедийного текста интернет-блога в аспекте ценностного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2019. 22 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

- Карданова К.С.* Лингво-психологическое исследование реструктуризации образа сознания империя / empire: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
- Залевская А.А.* Телесность/корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М., Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 57–65.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. Тверь: ТвГУ, 1998. 99 с.
- Круусвалл Ю.* Единый мир – единая среда // Психология и архитектура. Таллин, 1983. Ч.1. С. 81–83.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–127.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 445 с.
- Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Пэй Цайся, Яо Чжипэн.* Двужычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Р.Валент, 2020. 262 с.
- Пищальникова В.А., Яо Чжипэн.* Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 /услужливый в китайской лингвокультуре // Известия ЮзГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2019. Т.9. № 1(30). С. 56–64.
- Пэй Цайся.* Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 236 с.
- Романов А.А., Сорокин Ю.А.* Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН – ТвГУ, 2004. 253 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.
- Сорокин Ю.А.* Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Семантика и прагматика текста. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 1998. С. 32–37.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2. М., 2001. 989 с.
- Шевченко С.Н.* Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 272 с.
- Хлопова А.И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 213 с.
- Христова Н.А.* Нарушение языковой нормы в текстах СМИ: влияние на познавательные структуры индивида: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.
- Яо Чжипэн.* Содержательная специфика этического понятия «вежливость» – «貌» в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019. 29 с.

2.4.2. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности

Н.В. Уфимцева
Москва

Представление о языке как отображении социокультурной реальности, сформированное в отечественной психолингвистике, предполагает, как считает А.А. Леонтьев, что

«культурную специфику общности... составляет в большей мере система смысловых единиц, конституирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа, нежели система речевого реагирования или речепорождения. Этот образ мира построен не из вербальных, а, скорее, из предметных значений». И именно значения конституируют образ мира и одновременно выступают «как конститuentы развертывающихся во времени процессов речепорождения» [Леонтьев А.А. 1996: 43].

Почему это так? Во-первых, как указывает А.А.Леонтьев, человек «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений» [Леонтьев А.А.1993: 19]. Во-вторых, значение как составляющая сознания является преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [Леонтьев А.Н. 1975].

Главным препятствием любого общения, а особенно межкультурного, является тот факт, что мысль нельзя непосредственно передать из одной головы в другую. Для этого мы пользуемся специальными знаками, и, прежде всего, языковыми знаками, и, следовательно, опираемся при этом на знания, которые сформированы у нас в рамках родной культуры. Это ключевое положение для Московской психолингвистической школы и в той области исследований, которая получила имя этнопсихолингвистики.

Этническая культура, понимаемая как исторически выработанный способ деятельности, предполагает, что всем явлениям культуры присуща общая функция – служить средствами человеческой деятельности.

А это означает, что

«в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одними народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев А.А. 1993: 20].

Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной.

Имя, которое дается образу сознания (а одна из функций культуры как раз в том и состоит, что культура дает особое имя всем предметам и явлениям своего «культурного космоса») есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несет в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). По мнению С.В. Лурье, именно так этнос адаптируется к реальному миру. Таким способом как бы задается та система координат, в которой будет действовать в мире представитель данной этнической культуры, формируется образ мира, который является «основополагающей компонентой культуры этноса» [Лурье 1997: 221]. Однако в светлое поле сознания каждого носителя данной культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознается скорее его наличие и целостность.

Неожиданное подтверждение роли культуры в онтогенезе человеческой психики пришло из современной нейробиологии в связи с открытием в мозге так называемых зеркальных нейронов [Риццолатти, Снигалья 2012]. Как утверждает Вилейанур Рамачандран,

«сложно переоценить важность понимания зеркальных нейронов и их функций. Они вполне могут оказаться центром социального обучения, подражания, культурной передачи навыков и отношений, а возможно, и тех слитых воедино групп звуков, которые мы называем словами. Благодаря усиленному развитию системы зеркальных нейронов (эволюция) фактически сделала культуру новым геномом» [Рамачандран 2015: 25].

В. Рамачандран называет человека единственным видом, «который поистине живет и дышит культурой» [там же: 140], которая передается, с его точки зрения, благодаря языку и подражанию.

Открытие зеркальных нейронных систем показывает, что одни и те же нейронные системы активизируются и когда самим субъектом совершаются определенные действия и когда они просто наблюдаются им. А также, что особенно важно, для изучения языкового сознания, в процессе вербализации связанных с ними образов. Таким образом, можно вести речь о закреплённом (воплощённом) в нейронных сетях «МЫ-центричном» (we-centric space) пространстве совместного опыта [Шапошникова 2020]. Галлезе также считает, что этот общий функциональный механизм, своего рода воплощенная в теле имитативность (embodied simulation), опосредует нашу способность разделять (понимать) с окружающими

ми нас людьми смысл действий, установок, намерений, чувств и эмоций, формируя идентичность как многоуровневую связанность индивидов, их принадлежность к МЫ-центричному пространству ([Gallese 2009:520], цит. по [Шапошникова 2020: 193-194]), т.е. к культуре.

Этнопсихолингвистика

Этнопсихолингвистические исследования в отечественной теории речевой деятельности начались в 1970-х годах как исследования национально-культурной специфики речевого общения, которая, по мнению А.А. Леонтьева, складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности (или языкового коллектива).

Эти факторы «прилагаются к процессам общения на разном уровне их организации и сами имеют различную природу, но в процессах общения они взаимосвязаны и переплетены с другими факторами, обуславливающими и формирующими эти процессы, прежде всего, с факторами собственно языковыми, психолингвистическими и общепсихологическими» [Леонтьев А.А. 1997: 192].

А.А. Леонтьев дает такую классификацию этих факторов.

1. Факторы, связанные с культурной традицией.
2. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения.
3. Факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности.
4. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности [цит. раб.: 191–192].

Именно А.А. Леонтьев в 1977 г. предложил термин «этнопсихолингвистика» для обозначения специальной области психолингвистики, предметом которой были бы процессы общения в их национально-культурном аспекте на различном уровне их организации. С его точки зрения,

«этнопсихолингвистика – это область психолингвистики, изучающая национально-культурную вариантность в:

- а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности;
- б) языковом сознании, т.е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем;
- в) организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [цит. раб.: 192].

На первом этапе этнопсихолингвистические исследования в отечественной науке в основном велись силами исследователей, группировавшихся вокруг сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР, (см. коллективные монографии: [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977; Национально-культурная специфика речевого общения... 1982; Этнопсихолингвистика 1988]) и велись по нескольким направлениям в соответствии с факторами, детерминирующими общение, которые были выделены А.А. Леонтьевым.

Наряду с разработкой теоретических проблем, среди которых особое место занимала проблема соотношения языка, мышления и культуры, теория лакун, большое место в этих коллективных монографиях заняли конкретные исследования различий в вербальном и невербальном поведении народов мира и СССР (описания особенностей коммуникативного поведения носителей конкретных языков и культур: сравнительное описание русской и английской, русской и французской кинесики, описание кинесического поведения арабов, индонезийцев, японцев, китайцев, армян; речевого этикета американцев, корейцев, венгров, монголов и калмыков и т.п.).

Ю.А. Сорокин считал этнопсихолингвистику новой стыковой дисциплиной, «ориентированной на изучение вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического

поведения, а также на контрастивное сопоставление «текстов», обсуживающих тот или иной этнос (лингвокультурные сценарии и матрицы)» [Сорокин 2007: 4]. Он же предложил ввести подраздел этнопсихолингвистики – этническую конфликтологию, а «операционально-интерпретативными единицами конфликтологии следует, очевидно, считать конфликтемы и гармонемы» [цит. раб.: 5]. Термины не прижились, но само направление исследований получило в последнее время интересное развитие.

Методы этнопсихолингвистических исследований (по Ю.А. Сорокину).

1. Ассоциативный эксперимент – позволяет судить о когнитивных стратегиях носителей разных языков/культур (см. подробно в разделе «Ассоциативные словари»).

2. Шкалирование – позволяет «установить степень вариативности понимания и оценки семиотических продуктов, обслуживающих этническую нишу» [цит. раб.: 7].

3. Метод установления меры лакунизации одного (автохтонного) семиотического продукта относительно другого (не автохтонного) продукта ([цит. раб.: 8], см. подробно ниже).

4. Фоносемантический метод – ориентированный «на изучение различий и совпадений в структуре соотношений между звуком и смыслом, специфических для каждой лингвокультурной общности» ([там же], см. соответствующий раздел данной монографии).

5. Цветосемантический метод – изучение различий и совпадений в структуре соотношений между цветом и смыслом (см. соответствующий раздел данной монографии).

Предмет исследования

Языковое сознание

Понятие языкового сознания в Московской психолингвистической школе появилось в 90-е годы прошлого века с легкой руки Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1988].

Описывая качества сознания носителя определенной национальной культуры, вслед за когнитивными психологами он определяет их как знания

«перцептивные (сформулированные в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), концептуальные (формулируемые в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), процедурные (описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных)» [Тарасов 1996: 7].

И главную причину непонимания в межкультурном общении Е.Ф. Тарасов видит именно в различиях национальных сознаний коммуникантов, поскольку межкультурное общение – это всегда «общение носителей разных национальных сознаний» [цит. раб.: 9], а, точнее, это диалог культур, но, прежде всего, «в сознании бикультурного билингва» [там же].

Языковое сознание определяется как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [цит. раб.: 10]. Е.Ф. Тарасов в использовании психолингвистами понятия «образ сознания» вместо привычного лингвистам понятия «значение» видит то преимущество, что оно позволяет описывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые самим носителем языка знания, а «онтология межкультурного общения создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, и эта оптимальность в первую очередь определена тем, что она нарушает автоматизм восприятия языкового сознания благодаря использованию нового «прибора» – инокультурного сознания» [цит. раб.: 20]. Собственно, с этого момента языковое сознание стало рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры.

По мнению А.А. Леонтьева, термин «языковое сознание» не относится напрямую к языку как традиционному предмету лингвистики. И что особенно важно для нас, человек, как утверждает А.А. Леонтьев, «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений» (цит. по: [Тарасов 1996: 19]). Следовательно, языковое сознание – это и есть система предметных значений, которые могут овнешняться, в том числе и в вербальной форме.

В свою очередь, образ мира – «это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [цит. раб.: 18] и оно, с точки зрения А.А. Леонтьева, не тождественно ни понятию «языковая картина мира», ни понятию «когнитивная картина мира». А.А. Леонтьев выделяет инвариантный «образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [цит. раб.: 19].

В отечественной психолингвистике к настоящему времени созданы и теоретические, и экспериментальные предпосылки для изучения образа мира именно как целостного образования:

1. представление о культуре как о системе сознания;
2. представление о языке как отображении социокультурной реальности, откуда следует, что именно значения, а точнее их система, и должны составлять предмет исследования;
3. введение понятия «языковое сознание», синонимичного психологическому понятию «образ мира», определяемого как система предметных значений, которые могут овнешняться, в том числе и в вербальной форме;
4. использование свободного ассоциативного эксперимента как метода исследования, который в качестве «невидимого» контекста предполагает весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка;
5. моделирование языкового сознания через построение по данным массового ассоциативного эксперимента ассоциативно-вербальной сети (т.е. неполно связанного, ориентированного графа со взвешенной частотой) (первая сетевая модель образа мира носителя языка/культуры);
6. использование понятия значимости/ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра), организующего как в целом языковое сознание, так и каждый отдельный его фрагмент (вербальное значение);
7. представление о наличии в языковом сознании ядра и периферии (см. подробно: [Уфимцева 2016]).

Системный подход в методологии науки, получивший широкое распространение в XX веке, привел к рассмотрению объектов исследования как систем, как целостных структур. Понятие структуры занимает центральное место в разных областях научного знания – от математики до лингвистики. Предполагается, что свойства входящего в структуру элемента можно понять только исходя из его связей с другими элементами данной структуры.

Если рассматривать ассоциативно-вербальную сеть как структуру, то организующим для нее в целом и для каждого ее отдельного элемента является понятие значимости/ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение и значимость/ценность одновременно. Именно это свидетельствует, что он входит в систему, и его ценность определяется исходя именно из системы как целого. Кроме того, с точки зрения дихотомии значение/значимость организованы и знания, стоящие за телом знака каждой из единиц ассоциативно-вербальной сети, т.е. ассоциативное поле каждого слова-стимула. Следовательно, именно значимость каждого элемента является системообразующим фактором для предметных значений и их вербальных овнешнений, т.е. для языкового сознания.

Можно предположить, что конфликты непонимания или неполного понимания в межкультурном общении чаще всего являются именно следствием незнания системных качеств культурных предметов.

Ассоциативный эксперимент

В отечественной психолингвистике (теории речевой деятельности) экспериментальный метод исследования обыденного языкового сознания найден и успешно используется уже более 40 лет – сначала в виде исследования внутреннего лексикона (Тверская

Раздел 2

психолингвистическая школа: А.А. Залевская и ее ученики [Залевская 1971; 1979; 1988; Дмитрюк 1983; Рогожникова 1988; Шмелева 1988; Лачина 1994 и др.]). Предполагалось, что результаты ассоциативного эксперимента дают богатый материал для межкультурных исследований, позволяют выявить специфику связей между словами в речи носителей разных культур. На втором этапе в центре внимания исследователей оказалась категоризация окружающего мира в индивидуальном сознании, схемы хранения знаний о мире, взаимодействие языковых и энциклопедических знаний и преломление их через призму вырабатываемой в социуме системы норм и оценок и эмоционального опыта индивида [Залевская 1977; 1982; 1988; 1990; 1992].

С 90-х годов прошлого века в Московской психолингвистической школе основное внимание исследователей сосредоточено на исследовании языкового сознания представителей разных культур. Предполагается, что ассоциативное поле, получаемое в результате массового ассоциативного эксперимента, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре, т.е. отражает его значение именно как социокультурную реальность. Ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания (см. работы А.А. Леонтьева, который настаивал на принципиальном единстве «психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [Леонтьев А.А. 1969: 268]), поскольку большинство ассоциативных полей, как считает Ю.Н. Караулов, «обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную... “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности» [Караулов 2000: 193–194].

Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность получить информацию относительно психологических эквивалентов «семантических полей» и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, что позволяет считать ассоциативный эксперимент значимым и интересным не только для психолога или психолингвиста, но и для «чистого» лингвиста, занимающегося семантикой [Леонтьев А.А. 1977].

Особо хочется подчеркнуть, что упреки некоторых лингвистов в том, что слово-стимул фигурирует в ассоциативном эксперименте вне контекста, абсолютно беспочвенны. Контекстом в свободном ассоциативном эксперименте выступает весь прошлый опыт (речевой и неречевой) испытуемого, а задача эксперимента – выявление наиболее сильных на момент проведения эксперимента социокультурных или наиболее актуальных личностных связей слова-стимула с точки зрения именно испытуемого, а не экспериментатора.

Все эти исследования ведутся на материале ассоциативных баз данных, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями разных языков/культур (См. перечень имеющихся к настоящему времени ассоциативных словарей и баз данных в соответствующем разделе данной монографии)

Ядро языкового сознания

Понятие «ядро языкового сознания» появилось в психолингвистических исследованиях вместе с термином «языковое сознание». Ему предшествовало такое понятие, как «ядро внутреннего лексикона», введенное А.А. Залевской [Залевская 1981]. Анализируя материалы ассоциативного эксперимента, А.А. Залевская обратила внимание на стратегии ассоциирования, которые она назвала стратегиями разъяснения значения идентифицируемых слов, при этом, по ее мнению, «языковые единицы с конкретным, чувственным значением составляют основу успешного использования всех других языковых единиц» [Залевская 1981: 34], а наличие

«ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных, казалось бы не имеющих друг с другом связей, слов. Это помогает дать объяснение феномену, описанному Ю.Н. Карауловым как “правило шести шагов”: именно через принадлежащие к ядру

наиболее емкие единицы лексикона устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах названного числа переходов» [Залевская 1981: 30].

А.А. Залевской принадлежит и принцип выделения ядра как набора слов с наибольшим числом входящих связей (по материалам обратного ассоциативного словаря) [Залевская 1978; 1982].

Ядро лексикона в Ассоциативном тезаурусе английского языка содержит 584 слова с показателями входящих связей 100 и выше, а центр ядра – 75 слов с количеством входящих связей не менее 300. Таким образом была определена центральная часть ассоциативной сети со множеством связей, все более разреживающихся по направлению к периферии.

Анализ по аналогичной методике материалов Русского ассоциативного словаря (РАС, данные Обратного словаря) показал, что общее число слов, вошедших в ядро языкового сознания русских, составляет 530 единиц (у англичан – 584), а в центр ядра языкового сознания у русских вошло только 50 единиц (у англичан – 75). Но самыми интересными оказались не количественные, а качественные различия.

Замечательной особенностью ядра языкового сознания является то, что его состав практически не зависит от набора слов-стимулов, которые используются в ассоциативном эксперименте. На его достоверность влияет, прежде всего, количество испытуемых, принимающих участие в эксперименте, и количество слов-стимулов (не менее 100). Наши исследования показывают, что эта структура отличается большой устойчивостью во времени и усваивается в онтогенезе очень рано [Уфимцева 2003]. Происходящие же в ней изменения выражаются в изменении значимости (т.е. места в структуре) отдельных единиц ядра языкового сознания и/или семантических зон ассоциативных полей (см. сопоставление материалов РАС и ЕВРАС в [Уфимцева 2015]).

В рамках Московской психолингвистической школы ядро языкового сознания выявлено на материале белорусского, болгарского, бурятского, вьетнамского, испанского, казахского, немецкого, русского, украинского, французского, хакасского языков ([Боргоякова 2002; Нгуен Тхи Хьонг 2001; Уфимцева 1996; 2000; Дмитрюк Н.В. 2016] и др.).

Однако с помощью ассоциативного эксперимента можно выявить не только системность образа мира той или иной культуры, но и системность самого образа сознания, который стоит за словом, т.е. системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение (в психологическом смысле). Возможны разные подходы к решению этой проблемы. Как мы уже писали выше, для изучения национально-культурной специфики языкового сознания можно воспользоваться методом «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова, под которым он понимает «один из способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей» [Караулов 2000].

Этот метод успешно используется для анализа специфики образов языкового сознания носителей разных языков, овнешненных в виде ассоциативных полей, в том числе для исследования билингвизма. (См., например, [Боргоякова 2002; Дашиева 2000; Чжу Жуйшуан 2017] и др.).

Сопоставительное исследование языкового сознания бурят и русских, проживающих в Бурятии, проведенное Б.В. Дашиевой [Дашиева, 2000], позволило сделать следующие выводы.

1. Носители бурятской культуры с первым языком бурятским имеют в своем языковом сознании образ семьи, свойственный традиционной бурятской культуре.

2. Носители бурятской культуры, прошедшие социализацию на русском языке и не владеющие родным языком, в своих представлениях о семье отличаются от носителей бурятской культуры с первым бурятским языком и имеют больше общего с носителями русской культуры, проживающими в Бурятии.

Автор исследования приходит к выводу, что первый русский язык является знаком того, что частью бурятского этноса был усвоен новый городской образ жизни, несвойственный традиционной бурятской культуре. Таким образом, испытуемые-буряты представляют два

типа носителей бурятского языкового сознания: 1) билингвы, считающие свой родной язык первым, а русский – вторым; 2) буряты, считающие русский язык своим первым языком ввиду незнания родного. Особо необходимо отметить, что образ мира носителей английской (британской) культуры выступает в качестве контрастивного по отношению к образам мира испытуемых-бурят и русских, которые комплементарны.

Возможен и другой подход, предложенный Е.А. Попковой [Попкова 2002]. Исследование психолингвистических особенностей языкового сознания искусственных билингвов, проведенное Е.А. Попковой, показало, что, хотя содержание образа языкового сознания, стоящего за словом изучаемого иностранного языка у искусственного билингва меняется в процессе изучения языка, однако его структура (т.е. системность) определяется системностью значения его эквивалента в родном языке.

Таким образом, на восприятие реалий чужой культуры всегда накладываются знания, полученные в процессе социализации в родной культуре и системность образа мира родной культуры в целом и каждого образа сознания в этом образе мира, в частности. Следовательно, системные свойства культурных предметов существуют как бы в двух формах: с одной стороны, в виде системности самой культуры, которая определяет и место, и роль в ней данного культурного предмета, а, с другой стороны, в виде системности знаний (структура значения), связанных с данным культурным предметом и стоящих за словом, его обозначающим.

Очень интересные результаты были получены в исследовании особенностей регионального языкового сознания коми, русских и татар, проживающих в Республиках Коми и Татарстан [Региональное языковое сознание...2017]. Влияние фактора родного языка на особенности языкового сознания удалось выявить только на двух группах информантов-татар, отвечавших на татарском и русском языках (как правило, это билингвы, хорошо владеющие обоими языками). Результаты обработки полученных ассоциаций показали, что на содержание последних оказывает значительное влияние структура языка – в частности, грамматическая «заданность» реакции и ограничение лексической вариативности, что выражается в значительном сходстве частотных реакциях на русском языке у татар, отвечавших на русском языке, и у русских испытуемых, а также в возрастании числа устойчивых сочетаний на русском языке у татар, отвечающих по-русски. Речь идет, собственно, о когнитивных стратегиях, задаваемых во многом структурой языка, что объяснимо, если учесть типологическое несходство русского и татарского языков. Переключаясь на другой язык, билингв вынужден использовать эти стратегии.

Тем не менее, содержательное различие, указывающее на глубокую *концептуальную* самобытность культур, заметно и в этом случае. Оно выражается в репрезентации компонентов ценностной системы и связанными с ней подсистемами (см., например, ассоциативные поля стимулов БОГ, СЕМЬЯ, ЧЕЛОВЕК). Когда билингв отвечает в эксперименте на родном языке, ассоциативное поле в большей степени отражает знания, сформированные родной культурой, а когда отвечает на русском, в ассоциативном поле отражаются типичные словосочетания из освоенных текстов на русском языке.

Ассоциативно-вербальная сеть как модель языкового сознания

Почему полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели образа мира носителя того или иного языка/культуры?

Во-первых, эта модель описывает опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражает структуру «разумно-человеческого общения» [Лосев 2004]. По нашему мнению, тем самым она отражает и весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка.

Во-вторых, эта модель имеет системно-целостный характер, общий с языковым сознанием (образом мира) носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/

ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа этого аспекта модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента.

В-третьих, ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах.

В-четвертых, ассоциативно-вербальная сеть не строится искусственно, она просто «выводится» из материала, в котором имплицитно содержится, а значит, отражает структуру, объективно присущую образу мира наивного носителя языка, культуре как системе сознания, поскольку мир презентуется отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. И каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта.

Исследования, осуществляемые в московской психолингвистической школе на материале Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 1994–1998], показали, что ассоциативный тезаурус является моделью сознания человека. Это знаковая модель, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определенной культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры.

В современной лингвистике существует достаточно устойчивая традиция в исследовании характера народа и его жизненных установок посредством анализа ключевых слов, выявленных при анализе культурных текстов и словарей (см. например, [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]), Московская психолингвистическая школа решает данную проблему исходя из представления об особой системности образа мира любой культуры.

Как показывают наши многочисленные эксперименты, фактор культуры является определяющим для поведения испытуемых в ассоциативном эксперименте, и без его учета достоверно интерпретировать экспериментальные данные не представляется возможным.

Использование данных о ядре языкового сознания носителей той или иной культуры позволяет дополнить традиционный лингвистический анализ и взглянуть на культурные различия с позиций системности образа мира определенной культуры. Только в этом случае мы получаем представление о реальной (с позиций носителя данной культуры) существенности или несущественности выявляемых различий.

Материалы массового ассоциативного эксперимента, представленные в РАС и в Русском региональном ассоциативном словаре, позволяют увидеть и проанализировать те изменения, которые происходят в языковом сознании молодых носителей русской культуры под влиянием изменяющейся социокультурной реальности, а также проследить вектор этих изменений и спрогнозировать их последствия для культуры в целом. Для лингвиста же они открывают возможность наглядно увидеть и проанализировать содержание значения слова как отражения социокультурной реальности в его временной динамике.

Этническая конфликтология

Этническая конфликтология, выделенная Ю.А. Сорокиным как возможная область этнопсихолингвистических исследований, получила в последнее время активное развитие. Отметим исследование, выполненное сектором этнопсихолингвистики «Конфликтотенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели» (См.: [Балясникова, Уфимцева 2019; Балясникова и др. 2020]).

Наше исследование показало, что применительно к феномену конфликта внешнее его проявление в виде соответствующих слов, грамматических форм, знаков и стратегий речевого поведения может быть обусловлено только языковыми факторами. В частности, это касается частотных связей слов, их запоминания респондентами (например, общество – *прогнило* или люди – *идиоты*). Несмотря на наличие словарных помет, свидетельствующих о

стилистической сниженности подобной лексики, ее употребление может вообще не иметь никакой конфликтной основы, особенно в экспериментальной ситуации.

Однако существуют более значимые предпосылки для конфликта, обусловленные тем, что за «телами» языковых знаков у разных людей стоят разные концептуальные знания. Если говорить об их проявлении в языке, то речь идет о знаках, которые имеют эквиваленты в сопоставляемых языках (и в словарях), и о тех, которые таких эквивалентов не имеют, т.е. о культурологических (и языковых) лакунах. В числе последних наиболее очевидны названия национальных праздников и их атрибуты, элементов одежды, блюд национальной кухни, традиций и т.д.

Как показывают результаты исследования, в интеръязыковой лакунарности потенциально заложена конфликтность непонимания (неполного понимания) инокультурного собеседника (см., например, реакции на этноним ТАТАРЫ у русских респондентов Татарстана).

На материале наших исследований обнаружилось существование неявных, но более важных конфликтов, которые не выражаются однозначно в языке и которым по этой причине уделяется явно недостаточно внимания. Эти типы конфликтов связаны с так называемым «широким контекстом» общения, с социокультурным фоном, на котором оно разворачивается. Речь идет о когнитивных структурах, связанных с константами национального сознания и различающихся от культуры к культуре, несмотря на то, что они имеют общечеловеческую основу, общее название. Наше исследование показало, что эти константы лежат

- в сфере *родственных отношений*,
- в сфере *ценностных ориентаций* носителей языка / культуры,
- в сфере представлений *о себе и о своих этнических соседях*,
- в *конфессиональной* сфере,
- в сфере этнокультурных традиций и шире – *деятельности*, особенности которой мыслятся неодинаково в зависимости и от культуры, и от региона проживания наших респондентов.

Разработанная типология конфликтных зон (в пределах указанных межъязыковых сопоставлений) отличается возможностью ее практического использования в этнопсихолингвистических и кросс-культурных исследованиях. Термин «конфликтная зона» языкового сознания связан с комплексом понятий, обозначающих ценности определенной культуры, выражаемых средствами национального языка.

Особая значимость результатов видится в возможности их использования зарубежными и российскими исследователями-лингвистами (в том числе преподавателями русского языка как иностранного), специалистами в области этнической психологии, политологии, конфликтологии, регионоведения и журналистики. Разрабатываемая авторами методика выявления конфликтных зон может быть применена при сопоставительных исследованиях на материале других языков.

Метод выявления лакун

Особым направлением в этнопсихолингвистике с самого начала ее возникновения стало исследование текстов художественной литературы, при этом культура в ее вербальном аспекте понималась как сложное взаимодействие и сосуществование текстов, в частности художественных и исторических. Предметом же исследования выступала не национально-культурная специфика реального поведения носителей той или иной культуры, а ее отражение в тексте, транслируемом из одной культуры в другую (проблемы перевода). Развитие этого направления связано, прежде всего, с именем Ю.А. Сорокина и его ученицы – И.Ю. Марковиной и с развиваемой ими теорией лакун (см., например, [Антипов и др. 1989; Марковина, Сорокин 2008]). В таких исследованиях текст (некоторый семиотический ряд) рассматривается как источник, позволяющий судить о состоянии менталитета данного этноса, о тех моделях вербального и невербального поведения, в рамках которых реализуется

этот менталитет.

Наблюдения над текстами, функционирующими в той или иной этнической культуре, показывают, что в данных текстах наличествуют лакуны, сигнализирующие о специфических реалиях, процессах и состояниях, противоречащих узальному опыту носителя иного языка и культуры (конфронтативные лакуны). Лакуны могут встречаться и в текстах, принадлежащих одной и той же лингвокультурной общности (этносу) (контрастивные лакуны). Наибольший интерес для этнопсихолингвистики представляют конфронтативные лакуны. Эти лакуны могут быть зафиксированы на уровне и вербального, и невербального поведения.

Культурно-историческая концепция психики предполагает, что психика человека является результатом интериоризации, т.е. перехода во внутренний план действий индивида, первоначально осуществляемых с предметами внешнего мира, культурными предметами. Роль культуры в онтогенезе человеческой психики подтверждается данными современной нейробиологии благодаря открытию зеркальных нейронов мозга.

Таким образом, мы видим, что идеи культурно-исторической теории психики и построенные на ее основе теоретические представления теории речевой деятельности находят подтверждение в открытиях современной нейронауки.

Как показывают наши многочисленные эксперименты, фактор культуры является определяющим для поведения испытуемых в ассоциативном эксперименте, и без его учета получить достоверную интерпретацию экспериментальных данных не представляется возможным.

Использование данных о ядре языкового сознания носителей той или иной культуры позволяет дополнить традиционный лингвистический анализа и взглянуть на культурные различия с позиций системности образа мира определенной культуры. Только в этом случае мы получаем представление о реальной (с позиций носителя данной культуры) существенности или несущественности выявляемых различий, а это означает, что именно системно-целостный принцип является плодотворным при анализе образа мира, поскольку реальное значение и значимость можно выявить только применительно к некоторой системе как целостности.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что принятое в Московской психолингвистической школе вслед за А.А. Леонтьевым представление о единице сознания как о предметном значении и о значении как отражении социокультурной реальности позволяет строить на материале массовых ассоциативных экспериментов реальную модель обыденного языкового сознания носителя языка/культуры, т.е. модель образа мира как целого и прогнозировать вектор его развития, а этнопсихолингвистика является естественной частью отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности) и решает общие с ней задачи, хотя и делает это в специфической сфере - сфере межкультурного общения.

Литература

Балясникова О.В., Уфимцева Н.В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2019, том 19, № 1. С. 28–40.

Балясникова О.В., Дмитрюк Н.В., Уфимцева Н.В. Потенциально конфликтогенные зоны в языковом сознании билингва // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2020, № 6, часть 2. С. 163–170.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство культурных слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Дашиева Б.В. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят, англичан (национально-культурный аспект): дис. ... канд. филол. н. М., 2000. 229 с.

де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Раздел 2

Дмитрюк Н.В. О некоторых причинах сходства ассоциативных полей казахских и русских слов. // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, КГУ, 1983. С. 13–25.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 178–194.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. Калинин: Калинин. Гос. Ун-т, Калинин, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях: Учеб. пособие. Калинин. Калинин. гос. ун-т, 1978. 88 с.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: Учеб. Пособие. Калинин: Калинин. Гос. Ун-т, 1979. 74 с.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28–44.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982. 67 с.

Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С. 34–48.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1990. С. 73–83.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Монография. Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 1992. 134 с.

Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментально исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь, 1995. С. 38–46.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993. С. 134–289.

Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга, 2007. 463 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191–206.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь Т. 1–6. М., 1994–1998.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1, 2. М.: АСТ-Астрель, 2002. 782 с., 991 с.

Красных В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Лачина И.С. Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей ряда имен прилагательных разных языков // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь, 1994, С. 79–83.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 306 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 45–57.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. С. 5–16.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.

Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова-Институт языкознания РАН, 1996. С. 41–47.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: УРСС, 2004. 294 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: МГУ, 1975. 254 с.

Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1997. 448 с.

Исследование языкового сознания

- Маркарян Е.С.* Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во Ерев. гос. ун-та, 1969. 228 с.
- Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 284 с.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию: учебн. Пособие. М.: ГЕОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
- Наумова Т.Н.* Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике. Под редакцией А.А. Леонтьева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. 178 с.
- Незговорова С.Г.* Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: дис. ...канд. филол.наук. М., 2004. 223 с.
- Нгуен Тхи Хыонг.* Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 220–236.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. 351 с.
- Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. 152 с.
- Полякова Т.А.* Нравственный идеал в языковом сознании русских: дис. ...канд. филол.наук. М., 2009. 305 с.
- Попкова Е.А.* Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма): дис. ...канд. филол.наук. М., 2002. 239 с.
- Попова Т.В.* Ассоциативный эксперимент в психологии: учебн. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 72 с.
- Психологический словарь. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.
- Рамачандран В.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М., 2015. 394 с.
- Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Кол. монография под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Канцлер, 2017. 240 с.
- Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и переживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
- Рогоженикова Т.М.* О национально-культурной специфике ассоциативных реакций детей // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С.108–116.
- Сабуркина Н.В.* Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян(на материале русского, белорусского, украинского, болгарского языков). дис. канд. филол. наук. М. 2005. 283 с.
- Сабуркина Н.В., Сонин А.Г.* Общее и различное в языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа Славянского ассоциативного словаря) // Язык. Сознание. Культура. М.: Институт языкознания РАН, 2005. С. 230–245.
- Сорокин Ю.А.* Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998. 94 с.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: «Институт проблем риска», 2007. 120 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97–112.
- Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания СССР, 1988. С. 176–177.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 30–34.
- Тарасов Е.Ф.* Прологомены к теории языкового сознания// Вопросы психолингвистики, 2014. № 4. С. 24–35.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С.135–170.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–220.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. № 1, 2003. С. 102–110.
- Уфимцева Н.В.* Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики, № 1(17), 2013. С. 44–52.

Раздел 2

Уфимцева Н.В. Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики, 2015, № 3. С. 83–92.

Уфимцева Н.В. (в соавт.) (Нео)психолингвистика и психолингвокультурология. М.: «Гнозис», 2017. 390 с.

Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. Учебное пособие. М.: PerSe, 2006. 416 с.

Федченко А.В. Этнокультурная специфика формирования языкового сознания русских и американцев в школьном возрасте: автореф. дис. канд. филол. н. М., 2005. 22 с.

Чжу Жуйшуан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): дис. канд. филол. наук, М., 2017. 228 с.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 336 с.

Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурного «эталона» сравнения // Этнопсихолингвистика. М: Наука, 1988. С.120–124.

Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. 192 с.

Gallese 2009 – Gallese M. Mirror neurons, Embodied Stimulation, and the Neural Basis of Social Identification// Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives. 2009. Vol. 19 Iss. 5. P. 519–536.

2.4.3. Этнопсихолингвистическая теория лакун

И.Ю. Марковина, Москва
Е. Денисова-Шмидт, Швейцария

Лакунология в контексте отечественных психолингвистических теорий

Лакунология – направление этнопсихолингвистических исследований (московская психолингвистическая школа), изучающее проблемы межкультурного общения, обусловленные этнокультурной спецификой коммуникантов.

Первые упоминания о лакунах в контексте языковых и культурологических сопоставлений появились в публикациях Ю.С. Степанова [Степанов 1965] и В.Л. Муравьева [Муравьев 1971]. С тех пор изучение феномена лакунизации стало одним из исследовательских направлений в отечественной психолингвистике.

Разработанная в российской психолингвистике теория лакун в настоящее время широко используется в исследованиях, посвященных изучению феномена этнокультурной специфики, где инструментом служит *метод установления лакун*, а *классификационная сетка лакун* применяется в качестве терминологической номенклатуры для описания и «квалификации» выявляемых расхождений, как в языках, так и в культурах в целом.

Лакунология существует в общем контексте теорий языкового сознания и межкультурного общения, разрабатываемых московской психолингвистической школой, занимая свое собственное место в качестве метода выявления и описания этнокультурной специфики образов мира носителей разных языков. Создателями этнопсихолингвистической теории лакун считаются Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина. Основы лакунологии в разработанной авторами концепции, впервые наиболее полно были представлены в монографии «Текст как явление культуры» [Антипов и др. 1989].

Исследуя специфику языкового сознания носителей различных культур, этнопсихолингвистика использует в качестве объекта и средства научного анализа межкультурное общение. Межкультурное общение рассматривается как условие для выявления участков неконгруэнтности образов мира коммуникантов. Именно в этом исследовательском поле применяется теория лакун, демонстрируя выраженную *эвристическую ценность*: лакуны являются инструментом изучения (1) степени и характера *несовпадения* образов сознания участников (межкультурного) общения; (2) степени и характера *непонимания* фрагментов неавтохтонного вербального и невербального опыта; и (3) тактик *совмещения*

образов «своего» и «чужого» сознания при выборе стратегий достижения *понимания* «чужой» культуры.

Лакуны: понятие и признаки

Перефразируя определение, принадлежащее академику Ю.С. Степанову [Степанов 1965], сегодня лакуны можно определить как *пробелы*,

«белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования этнического сознания, прежде всего, языкового сознания. Лакуны незаметны изнутри, при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении. Такое сопоставление, как правило, имеет место в условиях диалога, а точнее, межкультурного общения. Отсюда ясно, каким образом межкультурное общение стало, с одной стороны, объектом этнопсихолингвистики, а с другой – средством научного анализа [Тарасов 1996].

Современные исследования явления лакунизации следует рассматривать как опыт этнопсихолингвистической интерпретации межкультурного общения, представленного максимально широко – от непосредственного диалога носителей разных культур, до переводческого феномена и взаимодействия читателя с инокультурным произведением.

Основным материалом для исследования феномена лакунизации являются тексты. Текст (прежде всего, художественный) – это модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы специфические характеристики вербального и невербального поведения того или иного этноса, а совокупность (художественных) текстов, созданных и функционирующих в лингвокультурной общности, понимается в лакунологии как модель этой общности (или «модель действительности с позиций этой культуры» – по Ю.М. Лотману).

Сопряжение «моделей действительности» в процессе межкультурного общения не может быть бесконфликтным, поэтому особую значимость с позиций лакунологии приобретает изучение того, как осуществляется процесс межкультурного текстового и иного общения, каковы способы ретрансляции тех или иных фрагментов культуры и насколько эти способы эффективны, какие потери возникают в процессе диалога языков и культур и насколько такие потери искажают «образы» культур-коммуникантов.

Лакуны, выявленные при сопоставлении некоторых двух культур, являются сигналами их специфики и позволяют вполне обоснованно судить о мере совместимости одной культуры с другой, о характере и степени различий, указывающих на дистанцию, которая будет разделять потенциальных субъектов общения, принадлежащих этим двум культурам. В соответствии с этнопсихолингвистическим пониманием феномена лакунизации были описаны лакуны, являющиеся сигналами специфики этнического сознания (образа мира), актуализированного в таких семиотических продуктах (формах его существования), как *язык и речь (текст) и культура*. Подробное описание, характеристика разновидностей и типология лакун представлены в монографии «Культура и текст» [Марковина, Сорокин 2010].

Выявлены *основные* оппозиционные признаки лакун, фиксирующие отличия «своего» от «чужого» в восприятии психологически, лингвистически и культурологически иного мира: (естественное) – **чуждое**, (привычное) – **экзотичное**, (знакомое) – **незнакомое/новое**, (понятное) – **непонятное**, (верное) – **ошибочное**. К *дополнительным* признакам лакун относятся следующие: (хорошее) – **плохое**, (необходимое) – **избыточное**, (предсказуемое) – **неожиданное**. Дополнительные признаки указывают на выраженный *аксиологический характер* категоризации мира на «свое» и «чужое».

Важным свойством лакунизации является амбивалентность. Лакуны, с одной стороны, *аттрактивны*: осознаваемые как нечто странное, непонятное и т.п., они требуют от субъекта общения соответствующей «рефлексивно-культурологической изощренности» (термин Ю.А. Сорокина), а с другой – *деструктивны*: являются причинами коммуникативных неудач.

Лакуны могут иметь не только *реальный* статус, т.е. возникать при непосредственном или опосредованном контакте с «чужой» культурой. Они могут существовать и в качестве *потенциальной* причины непонимания. Отсюда важная роль лакун как инструмента прогнозирования возможных «коллизий сознания» в различных ситуациях межкультурного общения.

Процессы лакунизации имеют место не только в межкультурном, но и в интракультурном контексте. Интракультурные (например, *беллетристические*) лакуны свидетельствуют о проблемах в восприятии автохтонной культуры для *общающихся личностей*, разделенных временной (исторической) или коммуникативной дистанцией.

Классификационная сетка лакун

Классификационная сетка лакун представляет типологию лакун таким образом, что с ее помощью можно описывать любые случаи несовпадений в исследуемых (сопоставляемых) языках, текстах, культурах, а все новые выявляемые разновидности лакун могут быть отнесены к той или известной группе/подгруппе.

Лакуны принято делить на две основные группы: лингвистические и культурологические лакуны. *Лингвистические* лакуны возникают, во-первых, при сопоставлении языков как систем – *языковые* лакуны (лексические, грамматические, стилистические); во-вторых, при сопоставлении текстов (например, оригинала и перевода) – *речевые* лакуны (полные, частичные, компенсированные) [Марковина, Сорокин 2010].

Одно из первых определений лакун как «элементов вербального и невербального аспектов «чужой» культуры» [Сорокин 1977], вызывающих реакцию *недооценки, неприятия, несогласия, непонимания*, относится, прежде всего, к *культурологическим* лакунам. Лакуны этой группы выявляются при непосредственном общении представителей разных культур, либо при восприятии инокультурного текста и носят, главным образом, экстралингвистический характер.

Культурологические лакуны, как экстралингвистические проблемы межкультурного общения, являются сигналами специфики, во-первых, участников коммуникации; во-вторых, деятельности, осуществляемой коммуникантами в автохтонной культуре; в-третьих, культурного пространства, в котором существуют и воспринимают окружающий мир субъекты общения [Марковина, Сорокин 2010]. Культурологические лакуны, таким образом, подразделяются на следующие три большие группы

- (1) *субъектные лакуны* (характерологические, эмотивные, «карнавальные»), «маркирующие» участников коммуникации, как носителей определенных национально-психологических черт;
- (2) *деятельностно-коммуникативные лакуны* (ментальные, поведенческие, коммуникативные, конфликтологические и др.), «маркирующие» специфику деятельности, осуществляемой каждым из потенциальных субъектов общения в «родной» культуре;
- (3) *лакуны культурного пространства* (перцептивные, этнографические, лакуны культурного фонда и др.), «маркирующие» специфику того культурного контекста, в котором существуют субъекты общения, и на фоне которого происходит восприятие, как партнера по коммуникации, так и содержания самого межкультурного диалога [Марковина, Сорокин 2010].

Исследование культурологической лакунарности позволяет получать научные данные о функционировании культуры как способа овнешнения национального (этнического) сознания, а также разрабатывать способы прогнозирования «деструктивных» проявлений лакунарности и приемы использования ее «аттрактивных» свойств.

Ю.А. Сорокиным и И.Ю. Марковиной предложены и апробированы экспериментальные этнопсихолингвистические методики исследования феномена лакунизации. К некоторым из них относятся: методика лингвокультурологического тестирования для «диагностики» эвристических (творческих) характеристик читателя, использование лакунизированного текста в качестве теста на восприимчивость (толерантность) к «чужой» культуре, методика изучения «авторской технологии» с помощью беллетристических лакун [Сорокин,

Марковина 1989]. Впоследствии создатели теории лакун и другие исследователи опубликовали ряд работ, экспериментально выявляющих общие характеристики лакун, а также отдельных их разновидностей, в частности, эмотивных лакун [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998].

Элиминирование лакун как способ решения проблемы непонимания «чужой» культуры

Особое место в лакунологии отводится способам элиминирования лакун. Неизбежное в ситуации межкультурного общения возникновение лакун, являющихся, с одной стороны, результатом неконгруэнтности образов сознаний коммуникантов, а с другой стороны, препятствием для достижения взаимопонимания, приводит к необходимости их элиминирования. (Если, разумеется, целью межкультурного диалога является именно понимание.) Элиминирование лакун представляет собой процесс согласования и совмещения, вступивших в конфликт «своих» и «чужих» когнитивных, эмотивных и аксиологических установок (по Ю.А. Сорокину), адаптации «чужих» образов сознания с помощью образов «своего» сознания.

Элиминирование лакун в процессе межкультурного общения (в зависимости от целей общения, этнопсихолингвистического профиля коммуникантов, размеров культурологической дистанции, жанра общения, характера лакуны) осуществляется двумя основными и противоположными по стратегии и результату способами, которые получили название *заполнение* и *компенсация* [Марковина 2006; Марковина, Сорокин 2010].

Сохранение специфичности (чуждости) образа инокультурного сознания при попытке осмыслить факт его несходства со «своим» образом или же факт отсутствия аналогичного образа в «родном» сознании происходит при элиминировании лакуны путем заполнения. Суть этого приема заключается в той или иной степени подробном разъяснении содержания образа чужого сознания. Эффективность заполнения обусловлена тем, что данный способ элиминирования лакун ведет к выработке нового знания о незнакомой культуре, способствует ее пониманию [Марковина, Сорокин 2010: 89; Тарасов 1996: 19]. Однако использование этого приема может иметь ряд ограничений в силу его «громоздкости», а также сложности восприятия комментария большого объема при попытке осмыслить специфику дистантных культур.

Альтернативный способ элиминирования лакун получил название компенсации. Суть элиминирования таким способом сводится к подбору квази-эквивалента, некоего аналога «чужому» образу в своей культуре.

Прием компенсации используется в тех случаях, когда сохранить лакуну нельзя (т.к. необходимо сделать текст максимально понятным или, точнее, «понимаемым»), а заполнить ее по тем или иным причинам невозможно. Когда перед автором или переводчиком стоит цель максимально приблизить текст к инокультурному читателю и добиться воздействия, аналогичного тому, какое реализуется при взаимодействии читателя и оригинального текста в автохтонной культуре, оригинальный культурный контекст частично или полностью, в имплицитной или эксплицитной форме заменяется на контекст культуры реципиента [Марковина, Сорокин 2010: 96–107]. Компенсация как путь к пониманию и познанию иной культуры, существенным образом отличается от заполнения. Благодаря использованию квази-эквивалента, при элиминировании лакун приемом компенсации обеспечивается легкость понимания «чужого», причем понимания на уровне функционального аналога. Такой способ элиминирования лакун не ведет к выработке нового знания, а лишь подменяет «чужое» – «своим», непонятное – понятным и является эффективным только в особых «жанрах» межкультурного общения, например, при переводе рекламных текстов, где, как правило, важно не знание о новой культуре, а прагматический аспект общения.

Элиминирование лакун, как один из способов решения проблемы непонимания «чужой» культуры и оптимизации межкультурного диалога, исследовалось экспериментально. Например, экспериментальные исследования способов элиминирования лакун, применяемых реципиентами при восприятии инокультурного текста [Васильченко, Марковина 2005], переводческих технологий как приемов элиминирования интеръязыковых и интеркультурных лакун и опыт построения читательских проекций оригинального и переводного текстов [Марковина, Данилова 2000]. Экспериментальное исследование тактик элиминирования лакун позволило получить данные, свидетельствующие о том, что приемы заполнения и компенсации соотносимы с социально-психологическими механизмами межэтнического взаимодействия, а именно, механизмами *притяжения* и *отталкивания* [Марковина, Васильченко 2005; Марковина 2006].

Лакунология сегодня: теория и практика

Метод установления лакун широко используется в настоящее время для выявления и описания этнокультурной специфики сознания и форм его существования, при анализе различных переводческих проблем, а также проблем межкультурного общения в целом. Сегодня лакунология развивается не только российскими исследователями (научное наследие Ю.А. Сорокина, исследования И.Ю. Марковиной и ее учеников, работы И.А. Стернина и его учеников, А.А. Махониной, М.А. Стерниной, Г.В. Быковой, А.А. Ривлиной, Е.А. Эйнуллаевой, Е.В. Бердниковой, О.М. Акай, К.Г. Ибрагимовой и др.), но и учеными, работающими в других странах: в Германии (Н. Schröder, А. Ertelt-Vieth, I. Panasiuk), Швейцарии (Е. Denisova-Schmidt), Венгрии (I. Lenart), США (Е. Grodzki), Финляндии (Н. Турунен), Франции (L. Nicolas-Kryzhko).

Крупным вкладом в развитие лакунологии стала монография “Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung” [2006], вышедшая в Германии под редакцией И. Панасюка и Х. Шредера. Монография (на немецком и английском языках) знакомит зарубежных исследователей с российской этнопсихолингвистической теорией, а также представляет работы ученых из разных стран, использующих теорию лакун и классификационную сетку для изучения проблем межкультурного общения.

Зарубежные исследования носят выраженный междисциплинарный характер и построены чаще всего на эмпирических данных, полученных в результате социологических исследований. Основы этого направления были заложены в свое время Астрид Эртельт-Фиит [1990; 1993] и поддержаны ее коллегами и учениками [Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт 2007; Ertelt-Vieth, Denisova-Schmidt 2011]. Впоследствии появились работы И. Панасюка, применяющие теорию лакун для изучения проблем перевода [Panasiuk 2006], работы Э. Гродски, сопоставляющие немецкую и американскую рекламу [Grodzki 2006]. Использование теории лакун и развитие терминологической номенклатуры лакунологии представлены в работах венгерского исследователя И. Ленарта, посвященных межъязыковым и межкультурным венгерско-вьетнамским сопоставлениям в сфере бизнеса [Markovina, Lenart 2016; Lénárt 2018]. Тематический диапазон работ по лакунологии и спектр сопоставляемых языков и культур постоянно расширяются.

В целом, следует отметить, что теория лакун, как и большинство российских (советских) инновационных подходов в области межкультурной коммуникации, происходит из лингвистических дисциплин, тогда как зарубежные теории по межкультурной коммуникации, например, теория Герта Хофстеде (Geert Hofstede), теория Чарльза Хэмпден-Тернера (Charles Hampden-Turner) и Фонса Тромпенаарса (Fons Trompenaars), карта культурных различий Эрин Мейер (Erin Meyer), были созданы в рамках бизнес-дисциплин и имеют выраженную прагматическую направленность [Denisova-Schmidt 2015; Denisova-Schmidt, Markovina, Nicolas-Kryzhko 2020; Denisova-Schmidt 2021]. Сегодня очевидно, что теорию лакун можно применять в широком спектре дисциплин, используя различные данные,

будь то интервью, опросники, результаты включенного наблюдения, а также тексты в самом широком понимании (художественная литература, театр, кино, реклама).

Этнопсихолингвистическая теория лакунарности, а также классификационная сетка лакун в настоящее время положены в основу целого ряда учебных курсов, целью которых является формирование *этнопсихолингвистической компетенции* при подготовке современных специалистов в области межкультурного общения: переводчиков, преподавателей иностранных языков, культурологов, регионоведов, журналистов-международников и т.д. Предложенный отечественными психолингвистами подход позволяет, с одной стороны, формировать профессиональное представление о феномене этнокультурной специфики и умение прогнозировать коммуникативные проблемы, а с другой – проводить своеобразный психологический тренинг, обучающий толерантному отношению к «чужому» образу мира, пониманию относительности «своего» взгляда на мир в условиях межкультурного общения.

Теоретическое и экспериментальное изучение явления лакунизации, а также стратегий элиминирования лакун, способствует более глубокому пониманию процессов межкультурного взаимодействия, что необходимо для построения современной теории понимания «чужой» культуры.

Дальнейшие исследования проблем межкультурного общения, понимания «чужой» культуры, инокультурного текста, направленные на развитие лакунологии, могут включать следующие теоретические и экспериментальные задачи:

- теоретическое осмысление феномена лакунизации текстов;
- рассмотрение феномена лакунизации в более широком контексте взаимосвязи языка – мышления – культуры;
- экспериментальные исследования, подтверждающие реальность существования выявленных типов лакун;
- экспериментальная проверка реальности признаков, приписываемых лакунам, и выявление их латентных характеристик.

Решение перечисленных задач, а также разработка других методов исследования и описания национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, отвечают целям оптимизации процессов межкультурного общения.

Литература

Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры/ отв. ред. А.Н. Кочергин, К.А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, 1989. 197 с.

Марковина И.Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» // Вопросы психолингвистики, 2006, №3. С. 12–34.

Марковина И.Ю., Данилова Е.В. Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 116–132.

Марковина И.Ю., Васильченко Т.А. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура. Сб. статей. Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.-Калуга, 2005. С. 217–229.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. Учебное пособие. М.: Гэтар-Медиа, 2010. 144 с.

Муравьев В.Л. О языковых лакунах // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. С. 31–40.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур: художественная литература в культурологическом аспекте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 122–136.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. М.: Госкомпечать СССР, 1989. 87 с.

Раздел 2

- Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М., 1965. 360 с.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7–22.
- Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998. 149 с.
- Эртельт-Виет А., Денисова-Шмидт Е.* Лакуны и их классификационная сетка. Вопросы психолингвистики, 2007, № 6. С. 39–51.
- Denisova-Schmidt E.* Transcultural Studies in a Russian Context. // Y. Sánchez & C.F. Brühwiler (Eds.). Transculturalism and Business in the BRIC States: A Handbook London and New York: Routledge, 2015. P. 95–102.
- Denisova-Schmidt E., Firnhaber P.* Smooth Operator: The Chair as the Drive Belt of the German Governance System // Shekshnia S., Zagieva V. (eds). Leading a Board. Palgrave Macmillan, Singapore. 2021. https://doi.org/10.1007/978-981-16-0727-1_9
- Denisova-Schmidt E., Markovina I., Nicolas-Kryzhko L.* The lacuna model: A new approach to cross-cultural management research. International Journal of Cross Cultural Management, 20(3), 2020. P. 329–344. <https://doi.org/10.1177/1470595820973448>
- Ertelt-Vieth A.* Der Ost-West-Konflikt im Kopf. Irritationen in Sachen Völkerverständigung // MERKUR – Zeitschrift für europäisches Denken. 10/11, 1990. P. 972–978.
- Ertelt-Vieth A.* Politische und kulturelle Aspekte der Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Europa, zwischen Ost und West // Ertelt-Vieth, A. (ed). Sprache, Kultur, Identität. Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Ost- und Westeuropa. Frankfurt (Main): Peter Lang, 1993. P. 17–23.
- Ertelt-Vieth A., Denisova-Schmidt E.* Lakunen-Analyse zur empirischen Forschung interkultureller Kommunikation: Methodologie // Roesch, O. (ed). Osteuropa: Interkulturelle, interlinguale und kulturvergleichende Studien. Berlin: News & Media, 2011. P. 170–87.
- Grodzki E.* Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Frankfurt am Main-Berlin: Lang, 2003. 185 p.
- Grodzki E.M.* The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research / Вопросы психолингвистики, 2006, №3. С. 95–103.
- Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. I. Panasiuk, H. Schröder (Hg)., Berlin: Lit Verlag, 2006. 352 p.
- Lenart I.* Intercultural Lacunae in Hungarian-Vietnamese Communication: with Emphasis on Entrepreneurial Interactions. GlobeEdit, 2018. 236 p.
- Markovina I., Lenart I.* Cross-cultural Investigation of the Concept of Business: a New Step in the Development of the Lacuna Theory, Journal of Psycholinguistics, Moscow, 2016, 29. P. 145–161.
- Panasiuk, I.* Perspektiven der Anwendung des Lakunen-Modells in der Translationstheorie // Koskela, M., Pilke, N. (eds). Publications of the Research Group for LSP and Theory of Translation at the University of Vaasa. Vaasa. 29, 2002. P. 257–278.
- Schröder H.* 'Lacunae' and the Covert Problems of Understanding Texts from Foreign Cultures // Schröder, H. et al. (eds). Lacunaology – Studies in Intercultural Communication. Vaasa. 1995. P. 10–25.

2.4.4. Языковая личность⁹

И.В. Шапошникова
Новосибирск

Концепция языковой личности в системе наук о человеке

Особую роль в интеграции и развитии наук о человеке играет теория языковой личности, которая органично вырастает из отечественного психологического и лингвистического наследия. Большая заслуга в разработке концепции языковой личности принадлежит Ю.Н. Караулову [1987; 2010а].

⁹ Глава написана на основе переработанных и дополненных материалов статьи [Шапошникова 2021а].

Системное теоретическое описание русской языковой личности (РЯЛ) и экспликация этого феномена в ассоциативном тезаурусе русского языка (эксперимент 1988 – 1997 гг.) [РАС] создали условия для дальнейшего развития междисциплинарных исследований в связи с новыми потребностями общества. Осмысляя концепцию ЯЛ, следует отметить общий, характерный для насыщенного бурными событиями конца XX века когнитивный контекст основных вызовов эпохи, на которые науке нового столетия (в особенности психологии) предстояло дать ответы. А.Г. Асмолов определяет их как «вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» [Асмолов 2019: 13]. Д.А. Леонтьев называет *неопределенность центральной проблемой психологии личности* [Леонтьев 2019а: 40], смещающей акцент на *психодинамику* как область исследования и принцип саморегуляции живой системы. В его основе лежит тезис о том,

«что протекающий в настоящем процесс активности живого организма или сложной целеустремленной системы определяется не устойчивыми априорными характеристиками, а актуальным взаимодействием с миром, управляемым обратными связями; *устойчивые структуры, напротив, порождаются и закрепляются в этом взаимодействии как его продукт*» [Леонтьев 2019б: 302] (курсив мой – И.Ш.).

Общая, как нам думается, для психологии и лингвистики концентрация на функционально-смысловом, психокогнитивном содержании личности как саморегулирующемся динамическом смысловом поле с учетом её включенности в смысловое поле культуры и должна быть в центре внимания междисциплинарного исследования. ЯЛ, как доступный для разнообразного изучения объект, актуальна и для общей психологии личности, и для других наук о человеке, поскольку в ней воплощается видоспецифичная универсалия человека.

Исследование факторов целостности и изменчивости феномена ЯЛ может дать ученому важный инструмент для познания степени свободы и предопределенности в саморегуляции и самоорганизации человека. Ведь, с одной стороны, ЯЛ индивида сама является продуктом взаимодействия его двух сигнальных систем, с другой стороны, физиологи убедительно свидетельствуют в пользу

«ведущей роли вербально-смысловых структур мозга в организации процессов сознательной произвольной деятельности человека» [Чуприкова 2019: 111]¹⁰.

Языковая личность – видоспецифичная универсалия человека

В качестве универсалии ЯЛ исследуется и познается в разных системах координат, как и все изменчивые объекты. Для её адекватного изучения требуются соответствующие методологические приемы, учитывающие смыслопорождающую природу объекта, дающие возможность строить и изучать отражающие его динамику модели. Такие модели неизбежно обращаются ко всему комплексу фундаментальных вопросов изучения видоспецифичной для Homo Sapiens организации его психики – сознания. Как *смыслопорождающий* объект ЯЛ способна создавать знаковые системы, единицы которых соотносимы с чем-то, что находится вне их самих; оперируя этими системами (с *ограниченным* набором единиц), взаимодействуя друг с другом, ЯЛ могут *бесконечно* создавать, насыщать разнообразными смыслами и передавать через научение и подражание (коммуникативно-когнитивную деятельность) смысловое поле культуры, с помощью которого человеческие сообщества

¹⁰ Ср. сформулированный Е.И. Бойко «универсальный для организации целенаправленного поведения человека принцип второсигнального управления афферентацией – сложная афферентация, необходимая для осуществления целенаправленных актов поведения, является не только (и даже не столько) результатом стихийных внешних воздействий, но результатом их взаимодействия со структурами второй сигнальной системы, которая регулирует, контролирует и в известном смысле организует потоки возбуждения, складывающиеся в проекциях непосредственных первосигнальных раздражителей» [цит. раб.: 26].

регулируют свои внутренние отношения и отношения с внешним миром. Деятельность человека *осмыслена, активна* и отличается *направленностью* на объекты внешнего мира, круг которых с развитием цивилизации постоянно расширяется, включая не только конструирование содержания сознания себе подобных, но и их генетический код.

У младенца *языковая способность* формируется при определенных условиях и в соответствии с *общими, эволюционно обретенными закономерностями*. Эта универсалия воплощается только в специфической форме в зависимости от интериоризируемой ребенком, родной для него культуры и поэтому *формирование языковой личности в онтогенезе отвечает специфическим закономерностям*, связанным с комплексом факторов *в системе конкретной культуры*, с её конвенциональностью и динамическими функциональными процессами. Такова и Русская языковая личность как *универсалия мира русского языка и культуры*¹¹.

Как универсалия в узком смысле слова, функциональный продукт обретенной человеком эволюционно в филогенезе речевой способности, ЯЛ познается в нескольких логических системах координат: с опорой на методологию и фактологию генетики, эволюционной биологии, психологии, антропологии, нейрокогнитивных наук и иных отраслей, занимающихся вопросами филогенеза.

Как универсалия в расширенном (историко-культурном и психокогнитивном) смысле в рамках смыслового поля конкретной культуры она подчиняется закономерностям иного порядка, которые познаются в более приземленном, содержательно-смысловом ракурсе. Они тоже многомерны и при их интерпретации требуется обращение к разным системам координат.

Особое место в практике изучения ЯЛ следует отвести сетевым подходам, которые широко используются в разных науках, в том числе и в науках о человеке (см. сноску 10 выше). В этом плане следует обратить особое внимание на гиперсетевую теорию сознания К.В. Анохина, которая стремится преодолеть характерный для огромного количества современных нейрокогнитивных исследований редукционизм в трактовке сознания, развивая теорию функциональных систем и рядопологая понятию коннектома, когнитом:

«для нейронаучного понимания сознания необходимо начать рассматривать мозг не как коннектом – нейронную сеть, а как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами. Структура когнитома тождественна структуре разума, а сознание есть специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в этой нейронной гиперсети» [Анохин 2021: 39].

Вершины в когнитоме – коги – объединены единым когнитивным опытом подмножества вершин нижележащей нейронной сети (коннектома).

«Связи между этими вершинами в когнитивной сети формируются как совокупности связей между образующими их подмножествами элементов в нервной сети. Эти межсистемные связи имеют свои специфические эмерджентные свойства, несводимые к сумме составляющих их нервных связей» [Анохин 2017: 4].

¹¹ Ср. приведенный Н.И. Чуприковой нейробиологический постулат о совершенствовании интегративной деятельности мозга по мере возрастного развития и обучения, не оставляющий сомнения в том, «что характеристики процессов интегративной деятельности мозга человека не могут быть свободны от влияния культуры в широком смысле слова. Наоборот, это влияние должно быть достаточно велико и должно сказываться на всех показателях интегративной деятельности. ...любой нейрон ЦНС так или иначе, через большее или меньшее число промежуточных нейронов, морфологически связан с каждым другим нейроном. Однако из всего этого неисчислимого множества предсуществующих связей только небольшая часть становится актуально работающей в результате опыта и научения. ...под влиянием совместного действия воспринимаемых раздражителей, текущей поведенческой активности и подкрепления изменяются функциональные свойства задействованных нейронов и это приводит к переводу потенциальных предсуществующих морфологических связей в актуальные, к формированию специфических актуальных нейронных констелляций, которые составляют субстрат опыта и научения» [Чуприкова 2019: 314].

Таким образом, мозг человека эволюционно развил такое многообразие и такую гиперсложную систему связей, что в них рождается качественно новый природный феномен – сознание, имеющий, к тому же ещё и вербальную систему выхода вовне, что существенно отличает человека от других биологических видов, подающих признаки развития интеллекта.

Концепция языковой личности и теоретические модели описания языка

В каком отношении с существующими теоретическими моделями описания языка находится концепция ЯЛ? Психолингвисты давно обратили внимание на тот факт, что ученые оперируют, как минимум, двумя разными ракурсами рассмотрения своего объекта, называя термином *язык* такие разные сущности как *речевая организация человека*, его *речевая деятельность*, *языковой материал* (тексты, «первичный продукт» в терминах А.А. Залевской) и собственно *систему языка* (точнее, её «*логико-рациональную описательную модель*»). Первые три, в теоретической интерпретации А.А.Залевской, представляют собой *достояние носителя языка и культуры*, естественно протекающие процессы, а четвертая – «вторичный», но часто трактуемый как самодостаточная система, продукт рефлексии ученого (см. схемы у [Залевская 2005: 260–261], в которых раскрываются оппозиции, эксплицирующие эти две ипостаси теории языка). Названное противоречие осознается многими учеными и побуждает некоторых из них к разработке интегрирующих подходов (см., например, критический обзор в [Кошелев 2013: 680–767]).

Так, А.А. Залевская последовательно развивает «интегративную теорию языка как достояния человека», способную учесть «неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» [Залевская 2005: 488]. Л.Г. Зубкова рассматривает идею о том, что «Подлинно системное целостное знание о сущности языка достижимо лишь исходя из триединства мира, человека и языка, из единства разносторонних связей и свойств человека» [Зубкова 2015: 29]. Вслед за Г.П. Мельниковым, она делит лингвистические теории на часто отрицающие друг друга и противоречащие друг другу аспектирующие концепции и синтезирующие, позволяющие перейти к рассмотрению сущности языка как органического целого» [там же]. К аспектирующим автор относит и господствовавшую в прошлом веке концепцию языка как структурно организованной знаковой системы. Как и для всех других аспектирующих концепций прошлого для неё характерно «*непонимание триединства мира, человека и языка, метафизическое противопоставление природного и социального, физического и психического, индивидуального и общественного в языке и его носителе – человеке*» [цит. раб.: 30].

Эти мысли Л.Г. Зубковой перекликаются с взятыми за основу концепции ЯЛ положениями Ю.Н. Караулова о достижении с её помощью «определенного баланса в соотношении фундаментальных свойств языка друг с другом» [Караулов, 2010а: 8]. Речь о таких свойствах языка (названных им «парадигмальными устоями» лингвистики), как:

«его исторический характер, социальная природа, системно-знаковое устройство и психическая сущность» [Караулов 2010а: 8].

Нам представляется необходимым в рамках такой дискуссии обратиться к оппозиции внутреннего и внешнего. Последняя предполагает при построении теории языка возможность учета обоих ракурсов его рассмотрения.

Первый ракурс основан на построении модели языка по аналогии с объектами естественных наук: *язык как внешний объект*. Будучи таковым, он допускает рассмотрение в качестве имеющего свои границы физического объекта, в котором усматривается структурно организованная субстанция, функционирующая как сложная знаковая система, адаптированная под коммуникативно-когнитивные потребности человека. Системность языка по законам логической интерпретации выявляется через анализ явлений, которым предписыва-

ется статус закономерных на основе наблюдения за первичными продуктами использования языка – текстами, дискурсом, за тем, как другие люди пользуются языком. Система строится из имеющих рационально-логически обоснованную поуровневую и типологическую строевую специфику единиц, абстрагированных от многообразия своих доступных непосредственному эмпирическому наблюдению материальных воплощений в текстах. В такой модели язык *воплощается преимущественно в качестве линейных структур*.

Второй ракурс оперирует моделью языка как *внутреннего объекта* (идея о языке в человеке пронизывает все работы Ю.Н. Караулова). Его материальная психофизиологическая и психокогнитивная основа, имеет *телесную воплощенность*. Единицы выявляются через многомерные связи, они не могут порождаться вне чувственной ткани носителя языка и функционируют при взаимодействии его сигнальных систем. Свойства языка в таком ракурсе рассмотрения познаются в настоящее время преимущественно на *сетевой модели*. Её системная организация детерминирована *языковой личностью* на *смысловой* основе. Исследования на такого рода моделях особенно активировались в связи с развитием программ создания искусственного интеллекта (ИИ).

Таким образом, через призму оппозиции внутреннего и внешнего выстраивается две модели, которые развиваются на разном материальном субстрате, используют разные группы методов, исходящие из различий целеполагания, имеют эвристический потенциал разной направленности на решение разных задач и потребностей общества в научных знаниях. Их объединяет *онтологический статус* общего объекта – языка в широком смысле, во всех аспектах его воплощения, но разъединяют *гносеологические* (методологические) ракурсы рассмотрения объекта. *Концепция ЯЛ* обладает *интегрирующей* силой по отношению к об-еим моделям, поскольку ЯЛ может изучаться в разных гносеологических координатах: и на линейных структурах, и в многовекторном сетевом пространстве с телесной воплощенностью мультимодальности и многомерности наполняющего знак содержания.

Интегрирующий статус концепции ЯЛ внушает надежду на то, что она обладает эвристическим потенциалом в исследовании фундаментальных проблем, имеющих только междисциплинарное решение на новом витке развития науки. Одна из них: соотношение Языка и Сознания (Мышления) – центральная для построения теории языка, претендующей на объяснительную силу в поле пересечения интересов разных наук.

Эта более общая проблема проявляет себя в соотношении *языковой модели мира* (ЯММ) и *концептуальной* (КММ), она тесно связана с различными способами упорядочения лексики в лингвистике при решении прикладных задач. Какая бы методика упорядочения лексики ни применялась разными отраслями междисциплинарной лингвистики (формализация языка в компьютерных разработках, лексико-статистические приемы в глоттохронологии, реконструкция картины мира архаичной культуры, статистические модели описания динамики языковых процессов, ассоциативная лексикография и пр.), практически все подходы в той или иной мере объединяет высказанная Ю.Н. Карауловым при разработке тезауруса РЯЛ *идея о несводимости* КММ к ЯММ [Караулов 2010б: 267–274], которая, как нам думается, получает все большее осмысление и становится очевидной в современном контексте, особенно при попытках построения ИИ.

К признанию значимости концепции ЯЛ в качестве интегрирующего фактора в решении фундаментальных проблем соотношения языка и мышления нас во многом подводит логика рассмотрения вопроса в разные периоды истории отечественной науки. Вспомним леонтьевское «Язык – не демиург значений», идею о том, что без чувственной ткани нет и мыслительного процесса [Леонтьев 2005: 100]; выделение Л.С. Выготским значений в качестве единиц научного анализа сознания и дальнейшее исследование соотношений лингвистического и психологического в ходе теоретической разработки проблемы «движения значений» вместе с другими аспектами человекообразования в теории речевой деятельности [Выготский 2008: 476; Леонтьев 2005: 100–104].

Фактический вынос проблемы соотношения языка и мышления (достижения понимания как разрешения противоречий между КММ и ЯММ) за пределы аспектирующей концепции системно-структурной модели языка, поиск её решения не в системе языка, а в речевой деятельности с открытием универсального предметного кода (УПК) Н.И. Жинкиным [Жинкин 1964]. Развитие аналогичных положений в концепции психолингвистики текста у А.И. Новикова, в чьих работах также утверждается положение о том, что противоречия смыслопорождения и смысловосприятия снимаются в общении (коммуникация рассматривается как момент понимания) [Новиков 2007].

Немалую роль сыграли выполненные в развитие теоретических положений Л.С. Выготского и А.Р. Лурии нейролингвистические исследования афазий с последующим обоснованием моделей порождения речи А.А. Леонтьева – Т.В. Рябовой: 1967 – 2005 [Ахутина 2014: 395–416].

Из относительно недавних когнитивных разработок следует выделить предложенные А.Д. Кошелевым модели онтогенеза базисных понятий, по сути, эксплицирующих один из аспектов работы УПК [Кошелев 2017; 2019]. В них предметно-двигательные сенсорные концепты исследуются как основа развития ЯЛ. Наконец, концепция РЯЛ Ю.Н. Караулова [Караулов 1987; 2010а] с обоснованием несводимости КММ к языковой, открытие им ассоциативной грамматики [Караулов 2010в], апробация теоретической модели в масштабе ассоциативного тезауруса [РАС]. Само создание такой модели есть *экспликация факта существования РЯЛ* как нелинейно организованной стохастической системы через выявление и измерение её основных ассоциативных параметров, моделирование гиперсетевой организации её узлов и многомерных связей. Последнее активировало усилия психолингвистического сообщества по созданию широкой *эмпирической базы* для построения *динамических сетевых моделей*, открывающих перспективу решения различных прикладных задач.

Следует отметить, что упомянутые психолингвистические разработки проводились параллельно с подходами, утверждавшимися на доминировавшей до последнего времени модели языка как внешнего объекта, где сознание (мышление) и язык рассматривались преимущественно как абстрактные компоненты в рамках дихотомии при попытках определить направленность детерминирующих отношений в ту или иную сторону без возможности опереться на достаточную доказательную базу с отчуждением этих сущностей от их материального носителя. Это порождало противоречия интерпретаций: абстракция сама по себе не мыслит. Мыслит человек.

Феномен ЯЛ заставляет нас задуматься о невозможности реализации сознательных процессов вне носителя, с одной стороны. С другой стороны – об ущербности интерпретации отношений между языком и сознанием (мышлением) как онтологически абстрактными сущностями. При последовательно одностороннем, абстрагирующемся от субъекта-носителя подходе гносеологическое имеет тенденцию подменять собою онтологическое.

В концепции ЯЛ преодолевается это отчуждение. Её понятийный аппарат определен в своих границах достаточно внятно, чтобы быть приложимым к междисциплинарной оценке гипотез о закономерных связях языковых и когнитивных процессов, которые выявляются разными науками о человеке и не могут оставаться неучтенными в лингвистике. Так, концепция ЯЛ позволяет должным образом оценить важность нейрофизиологического подхода, не предписывая ему самодостаточности (для широких теоретических интерпретаций в лингвистике), избегая тем самым ставшего заметным в последние десятилетия редуccionизма психологического к нейрофизиологическому. ЯЛ имплицитно за отраженной в нейрофизиологическом субстрате работой анализаторов доказанную в разнообразных экспериментах связь с психокогнитивным аспектом, ответственным за вербально-смысловое управление работой анализаторов (см., например, многочисленные эксперименты, описанные в монографии: [Чуприкова 2019]).

Сетевые модели как основа для междисциплинарного исследования языковой личности

Сетевые модели, как уже упоминалось выше, широко используются в нейрокогнитивных исследованиях. В этой связи рассмотрим некоторые значимые для общей теории языка постановки проблемы, поиск решения которых активно ведется в нейрокогнитивистике на экспериментальной основе с применением новых технологий и инструментов.

Наблюдая за дискуссиями в этой области и рефлексией ученых по поводу методологии и качества достижимых с её помощью результатов, нельзя не отметить, что специалистами признается не только *революционность* использующихся в настоящее время для понимания работы мозга технологий, но и невозможность по ряду направлений игнорировать полученные этими отраслями результаты при построении общей теории языка [Rodd, Davis 2017].

Речь идет о таких методах как *визуализация* изменений гемодинамической, электрофизиологической и нейроанатомической мозговой активности или структуры в связи с речевой деятельностью, *стимуляции* мозговой активности, вызывающей изменения в характере речевой деятельности; возможности взаимодополняющих методик, опоры на несколько методов сразу при изучении функционирования одного и того же явления на фоне комплекса воздействующих факторов.

По мнению авторов исследований, *нейронаучные методы*, которые используются в изучении устной речи, во всё возрастающей степени становятся *способны накладывать ограничения на теоретические выкладки ученых* и давать фактическую информацию для подготовки единой когнитивной и нейронаучной теории понимания устной речи [Rodd, Davis 2017: 806].

Однако, при всей революционности применяемого технологического инструментария, по мере накопления опыта его применения становится очевидной и возрастающая трудность в осмыслении полученных результатов и со стороны представителей нейрокогнитивных наук, и, тем более, со стороны филологов (лингвистов), которым предстоит оценить новизну, доказательную базу и целесообразность использования новой фактологии в построении модели языка. Мозаичность и противоречивость результатов во многом обусловлена старой проблемой сведения психокогнитивного к нейрофизиологическому субстрату.

Кроме того, как отмечает Т.В. Ахутина, ещё в начальном периоде развития нейролингвистики, было очевидно, что, когда языковеды пытаются в качестве обоснования своих гипотез при построения теории языка использовать данные, полученные при изучении речевой патологии (а многие исследования проводятся именно с таким материалом), им следует проявлять особую осторожность из-за высокой вероятности *амбивалентности* выводов, поскольку «проявления афазии настолько сложны и многообразны, что могут дать повод к самым различным истолкованиям» [Ахутина 2014: 33], порой, как утверждает автор, совершенно противоположным. Поэтому

«Первоочередным условием такого использования является наличие научного лингвистического описания выделяемых нейропсихологией видов афазий. Не отдельные заметки о распаде фонологической системы, грамматики или лексики у афатиков вообще, а детальное изучение принципиально различных вариантов афазии, построение соответствующей отрасли знаний – нейролингвистики – только и может стать основой для каких-то выводов, переносимых в общую теорию языка» [цит. раб.: 33].

Иначе говоря, речь шла о систематизации и упорядочении знаний внутри отрасли как этапе, предшествующем их широкому применению в общей теории языка.

При всей революционности инструментария, дающего доступ к разным аспектам функционирования мозга человека, *противоречивость*, связанная не только со спецификой данных патологии речи, но и с другими нейрокогнитивными подходами, привлекающими для изучения вербальные материалы, сохраняется. Говоря о «выдвинутом А.А. Леонтьевым принципе эвристичности речевых процессов», который подразумевает «возможность выбора различных путей порождения или восприятия высказывания», Т.В. Ахутина трактует

его как причину подтверждения экспериментами разных, в том числе «заведомо противоречащих друг другу моделей» [цит. раб.: 396–397]. Многое, как нам представляется, решает и сама постановка проблем, предопределяя результат экспериментов.

Сохранятся необходимость поиска общей для разных отраслей, занятых изучением отдельных аспектов всех ипостасей языка, понятийно-категориальной платформы при идентификации единиц смысла, процессов смыслообразования (смыслоуtratности) и их соотношения с функциональными системами мозга при учете возможности общего субстрата для разных функций.

Это, прежде всего, относится к *моделям значений вербальных единиц*, применяемым в нейрокогнитивных экспериментах: берется ли за точку отсчета *лингвистическое значение*, как чистый оператор (историко-культурный артефакт) вне личности его носителя, или исходным пунктом для интерпретации результатов служит порожденное языковой личностью *психологическое значение* (психокогнитивный артефакт). Отсюда активация дискуссий о мультимодальности и воплощенности, во многом, как нам представляется, свидетельствующих о том, что при анализе соотношений слов и иных носителей значений с функциональными нейрофизиологическими картами мозга, мозг реагирует на смысл, а *смысл есть продукт психокогнитивной активности ЯЛ человека*, несводимый к лексикографически зафиксированному лингвистикой значению слова.

Назовем некоторые из дискутируемых, значимых для общей теории языка вопросов и положений, представленных в многочисленных исследованиях нейрофизиологического и когнитивного направлений (из множества разных работ, зачастую решающих очень конкретные частные задачи, не всегда поддающиеся систематизации¹², мы выбрали несколько, как нам представляется, показательных для *оценки роли видоспецифичных универсалий человека*): различные аспекты работы мозга при обработке многозначных вербальных единиц, в частности имеющие свою историю в отечественной (психо)лингвистике исследования соотношений многозначности и омонимии [Ахутина 2014], восприятие (обработка) первичного, буквального значения слова и вторичных метонимических и метафорических значений¹³, восприятие мозгом различных классов объектов и действий, их вербальных репрезентаций, в том числе разных в своей сложности семантических категорий слов [Асланян, Киной, Лазуренко 2018], различия в обработке конкретных и абстрактных существительных [Cousins et al. 2017].

В зарубежной практике особенно популярны работы, посвященные попыткам найти экспериментальное обоснование когнитивной метафоре: в рамках теорий воплощенной когниции экспериментально проверяются положения о сенсомоторной основе когнитивной метафоры, в том числе и в связи с репрезентацией многозначности [Lakoff 2015; Lacey et al. 2017].

Поскольку *сенсомоторный субстрат* предполагается как *эволюционно более ранний феномен по отношению к языковой способности*, он и привлекает особое внимание не только для обоснования когнитивной метафоры и разных аспектов метафорического мышления как такового, но и для решения других фундаментальных [Arbib 2006; Lakoff 2015] и частных задач, в том числе и оценки воздействия коммуникативно-прагматических параметров ситуации при отсутствии прямых вербальных стимулов, ассоциирующихся с активацией моторной сети [van Ackeren et al. 2012].

¹² Более подробное рассмотрение основных положений названных здесь (и иных) работ по нейрокогнитивному направлению читатель найдет в [Шапошникова 2020б].

¹³ Например, в статье [Yurchenko, Lopukhina, Dragoу 2020] утверждаются положения о том, что в экспериментах проявились разные механизмы восприятия и обработки мозгом многозначных и омонимичных слов; причем, отношения между буквальным и метонимическим значениями полисеманта настолько близки, что для них предполагается единый субстрат в ментальном лексиконе испытуемого, в то время как отношения между буквальным и метафорическими значениями полисеманта значимо отличаются от метонимических настолько, что приближаются к экспериментально установленным для омонимов.

Особенно значимы для исследования ЯЛ работы, в которых ставятся задачи изучения *зависимости результатов экспериментов от характера предъявляемых стимулов* (вербальных и невербальных, разных видов вербальных, как конкретных, так и абстрактных существительных, имен действий и иных реалий, разных семантических групп вербальных стимулов, многозначных слов в различных своих значениях), в особенности в зависимости от вербальной установки, идущей от экспериментатора (об этом специально: [Чуприкова 2019]).

Подводя некоторые итоги нашему краткому экскурсу в рассмотрение решаемых преимущественно на сетевых моделях нейрокогнитивных задач, в значительной мере опираясь и на наш собственный опыт работы с экспериментальными материалами на модели ABC, в контексте дискуссий, возникающих в этом поле пересечения интересов разных наук, хотелось бы привлечь особое внимание к вопросу: на что в норме реагирует наш мозг (наши нейроны) в естественных условиях вербальной коммуникации? Этот вопрос напрямую обращен к ЯЛ, к её интенциональности, встрече её коммуникативно-когнитивных потребностей с воздействующими на неё объектами и субъектами. *Мозг реагирует на смысл*, а не просто на вербальные оболочки слов с их лингвистическими (словарными) значениями. Но откуда и как извлекается смысл? *Смысл* извлекается ЯЛ из *всего комплекса входящих сигналов* и перетекает в слово (ассоциирует его с собой, воплощается в нем).

Современные нейрокогнитивные исследования вновь и вновь дают убедительные свидетельства в пользу развивающегося в отечественной психолингвистике положения, которое присваивает лингвистическому значению статус оператора смыслопорождения, ни в коей мере не уравнивая его с психическим значением. Это отражается в многомерности (многонаправленности) и мультимодальности глубинных смысловых связей слова во внутреннем лексиконе, только частично схваченных в линейных поверхностных структурах. Работа с ассоциативно-вербальным материалом подвигает нас к выводу о том, что в ней проявляются онтологические свойства, «унаследованные» внутренним лексиконом от гиперсети когнитивного человека, прежде всего от функциональных систем, обеспечивающих биологическую память (подробнее об этом см.: [Шапошникова 2021б]). Как операторы смыслообразования единицы внутреннего лексикона – лексоны – социо-коммуникативно и историко-культурно маркированы через овнешняющие их языковые знаки, что позволяет извлечь из памяти в свернутом виде опыт прошлых поколений, но всякий акт реконструкции прошлого опыта осуществляется в новых условиях, ведет к реконсолидации памяти и новой категоризации при каждом новом воспроизведении. Это создает множественность и многоплановость связей, сложность постоянной модификации стоящих за ними функциональных систем мозга. В ABC на уровне «усредненной» ЯЛ это проявляется в диссипированности смыслов и грамматики, стохастичности формирования векторов ассоциативных доминант, что задает специфику гносеологического плана для познания эмерджентности сетевых процессов и поиска приемов их формализации.

Таким образом, через концепцию ЯЛ формируются необходимые условия для интеграции нейрофизиологического и психокогнитивного факторов, ибо ЯЛ управляет работой всех систем, выстраивая их на смысловой основе своей интенциональности. *Мозг реагирует на смысл через ЯЛ и благодаря ей.*

Сходные с характерными для нейронаук и лингвистики проблемы господства аспектирующих и атомистических по масштабу постановки и решения задач подходов наблюдаются и в методологии современной психологической науки. Это отмечают, например, исследователи, систематизирующие достижения зарубежной психологии последних лет; они также констатируют *отсутствие единой синтезирующей теории.*

Примечательно, что возможную перспективу выхода из сложившегося положения авторы видят в *перемещении предмета психологического исследования во внутренний мир человека:*

«В зарубежной психологии отсутствует широкая трактовка предмета как совокупного, позволяющего перенести объяснение (в том числе и причинно-следственное) внутрь предмета. Предложенные объяснительные модели при таком узком подходе неизбежно приобретают характер частных. Попытки отразить реальную сложность объяснения и неудовлетворенность частными моделями ни к чему, кроме эклектического соединения элементов различных объяснительных моделей, привести не может. Как нам представляется, большие перспективы на успех имеют подходы к объяснению, исходящие из общей трактовки предмета психологии и переносящие объяснение внутрь предмета, трактуемого как внутренний мир человека» [Мазилев, Костригин 2020: 407–408].

Очевидно, речь идет о недооценке смыслообразующего фактора жизни человека и организующего его сознание – фактора личности.

Интеграция внешнего и внутреннего аспектов рассмотрения ипостасей языка в лингвистике является междисциплинарной задачей. Для учета открытых в разных науках о человеке закономерностей, связанных с лингвистическими объектами, в идеале необходима первичная систематизация данных в находящейся, по нашим оценкам, в доинтеграционной стадии нейрокогнитивной отрасли, а также психологической науке, с последующей межотраслевой интеграцией на взаимодополняющей основе¹⁴.

Утвердившееся в отечественной психолингвистике положение о двойной жизни значения, как феномена исторического и социокультурного, с одной стороны, и психо-когнитивного, психодинамического, с другой, можно рассматривать как один из методологических подходов к разрешению противоречий, которые неизбежно возникают при переходе от внешнего (текстоцентричного, линейного) плана исследования языка к внутреннему, многомерному (язык в человеке). Концепция ЯЛ, что, впрочем, отнюдь не общепризнанный и хорошо осознаваемый факт в лингвистике, выполняет интегрирующую функцию в построении систематизирующей, интегративной теории языка.

Интенциональность личности в культуре и смысловые акцентуации языковой личности

Этнокультурная и социокоммуникативная детерминация процессов формирования личности как закономерность, опирающаяся на доказательную базу разных наук о человеке, требует обращения к вопросам целостности и системности внутреннего мира этнокультурных сообществ при изучении феномена ЯЛ, особенно в историко-типологическом аспекте. Сложность этого явления обусловлена множеством факторов и заслуживает особого рассмотрения на основе синтеза данных этнологии, антропологии и культурологии, где, впрочем, наблюдаются те же проблемы, что и в лингвистических и нейрокогнитивных отраслях. В этих условиях мы посчитали необходимым ввести некоторые уточнения для понятийного аппарата при исследовании РЯЛ на модели АВС через постановку вопроса об *интенциональности языковой личности* в её конкретном лингвокультурном воплощении [Шапошникова 2020а]. Это понятие находится в одном ряду с *интенциональной личностью*, комплексом *установок* в культуре, её *интенциональным миром* и опирается на разработки этнологов и антропологов, исследующих активацию связей личности со смы-

¹⁴ Для решения таких задач нужны специально организованные профессиональными сообществами при поддержке государства систематизирующие усилия по отбору и накоплению подлинно научно значимых результатов с установкой на движение от мелкого и частного к общему. Существующие так называемые «мировые» глобализаторские практики управления научными публикациями, сопровождающие проведенные в РФ западные реформы образования и науки, обезличивают гуманитарную науку и не способны должным образом распорядиться национальным научным гуманитарным наследием, сформированным в разных культурных традициях, часто обслуживающих внутренние гуманитарные потребности создавших их культурных (цивилизационных) сообществ. Особенно разрушительным становится бессмысленное административное принуждение к вытеснению русского языка из научного гуманитарного дискурса российской цивилизации, лишаящее её возможности подлинного внутреннего диалога в рамках единого смыслового поля культуры.

словым полем культуры¹⁵. Так С.В. Лурье исходит из психодинамического рассмотрения культуры как системы значений, которые могут провоцировать деятельность и сами возникают в процессе деятельности при сложном взаимодействии индивидов с фиксацией комплекса установок, способствующих формированию личности определенного направления. «Установка является связью между личностью и культурным полем и помогает понять, как эта связь происходит» [Лурье 2010: 159]. С.В. Лурье развивает положение о «культурных комплексах, осуществляющих процесс репрезентации (одновременного включения в человеческую психику “значимой системы” и установок по отношению к ней), т.е. о культурных константах» [цит. раб.: 160].

Комплекс культурных констант (интериоризированный культурный сценарий), создает каркас интенционального мира. Последний трактуется С.В. Лурье как *целостный* и *внеположный*, а потому *внутренне конфликтный* адаптационный механизм, побуждающий человека к действию. Система культурных констант представляет собой динамическую модель взаимодействующих образов, «внутри которой человек и строит свое поведение». Имея базовый комплекс фиксированных установок,

«интенциональная личность достаточно устойчива. ...Точно так же интенциональный мир (мир, созданный культурой) достаточно устойчив, но способен меняться в ответ на изменение внешнего окружения или изменений, происходящих в интенциональных личностях, его окружающих. Но все эти изменения происходят в рамках основного культурного сценария, являющегося скелетом, на котором построено интенциональное общество»¹⁶ [цит. раб.: 162].

Представляется вполне правомерной экстраполяция понятия интенциональности на диалог ЯЛ с вербально-смысловым полем сформировавшей её культуры, поскольку и сама ЯЛ и её язык являются частью этой культуры, а социо-коммуникативные сценарии – частью основного культурного сценария, характерного для рассматриваемого интенционального общества. Можно предположить, что *интенциональность ЯЛ* проявляет определенную *устойчивость*, формируя комплекс (иерархию) социо-коммуникативных установок на использование вербальных единиц в той или иной (характерной для исследуемой вербальной культуры) конфигурации, отраженной в АВС.

Наряду с утвердившимися в исследовании схематизации интенционального мира понятиями образа и концепта, в психодинамическом аспекте целесообразно рассматривать *смысловые акцентуации* как единицы анализа интенциональности ЯЛ, воплощающие в себе её социо-коммуникативные установки, поддающиеся статистическому анализу. Внешними маркерами векторов смысловых акцентуаций выступают *психоглоссы*. Развитие приемов психоглоссирования АВС позволит выводить соотносимые количественные параметры при измерении и сопоставлении разновеликих по объему ассоциативно-вербальных данных на основе доминантности их содержательно-смысловой организации, когда возникает такая задача¹⁷.

¹⁵ См. критический обзор литературы и постановку проблемы интенциональной личности в психокогнитивном и динамическом ключе в [Лурье, 2010].

¹⁶ Ср. с понятиями the shared intersubjective space («общее межсубъектное пространство»), we-centric space, we-ness («МЫ-центричное» пространство), embodied simulation («воплощенная имитативность»), развиваемые в работах В. Галезе и его коллег [Gallese et al. 2007; Gallese 2008; 2009; Gallese, Succio 2015] в контексте дискуссий о зеркальных нейронах; shared intentionality («совместная интенциональность») как качественное отличие коммуникации человека от приматов в [Tomasello 2014]. В западной научной практике тема интенциональности в сообществах носителей одной культуры, по нашим наблюдениям, преимущественно получает разработку на фактологии нейрофизиологического и широкого нейрокогнитивного планов, о чем свидетельствуют упомянутые выше работы.

¹⁷ О приемах психоглоссирования и области их применения см. подробно [Шапошникова 2020в]. Читатель также может обратиться к обучающему Приложению в электронной базе СИБАС [СИБАС] и самостоятельно с его помощью провести зонирование и психоглоссирование ассоциативных полей интересующих его единиц основного корпуса и подкорпусов СИБАС.

Методы статистического упорядочения лексики и векторного анализа как на всем массиве ассоциатов в АВС, так и в пределах отдельных АП эксплицируют смысловые акцентуаций, сформированные социо-коммуникативной интенциональностью языковой личности. Опираясь на развитие базовых положений концепции ЯЛ Ю.Н. Караулова, эти методы имеют ряд преимуществ перед иными статистическими приемами. Главное, о чем мы уже многократно писали – социо-коммуникативные установки отличает *направленность*, отраженная в АВС как результат достигнутой естественным образом у РЯЛ испытуемых сбалансированности ЯММ и КММ в ходе социализации, что делает возможным изучение динамики *психически актуальных личностных смыслов, сопряженных с установками культуры*.

Развитие приемов разметки АВС и векторный анализ акцентуаций через разные входы в АВС могут использоваться для проверки, на новых материалах, высказанных ранее Ю.Н. Карауловым идей о связи морфологической вариативности в АВС со смысловой. Здесь сокрыт потенциал новых знаний о смысловой мотивированности грамматики и о возможностях формализации ассоциативно-вербальных связей для решения прикладных задач (подробнее см.: [Шапошникова 2021б; 2021в]).

При наличии больших ассоциативно-вербальных баз данных становится возможной своего рода психолингвистическая диагностика социо-коммуникативного статуса вербальных узлов, представляющих имплицитный каркас смыслового поля культуры. Обратимся к вопросу психолингвистической диагностики общей направленности «усредненной» РЯЛ.

Параметры русской языковой личности на модели АВС

Языковая личность как универсалия, которая воплощается только в конкретных национально-культурных вариантах, характеризуется *определенной устойчивостью своих историко-этнокультурных параметров*. На модели АВС это проявляется в статистической упорядоченности относительно стабильно активирующихся групп (звеньев) вербальных узлов (единиц ядра языкового сознания, ассоциативных доминант), которые в совокупности дают нам представление о *статистических границах содержательно-смысловых флуктуаций контуров РЯЛ как целостной ассоциативно-вербальной модели*.

Опираясь на эти экспериментально выявленные параметры (контурные акцентуаций), лингвисты могут ставить новые проблемы и находить пути их решения с использованием разных филологических и заимствованных из других дисциплин методов и приемов анализа и интерпретации функциональной специфики акцентуаций РЯЛ.

Параметры РЯЛ по материалам русского ассоциативного тезауруса РАС были представлены в работах Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2017: 47–49]. Собранные за последние десятилетия на основе серии массовых ассоциативных экспериментов в разных регионах РФ материалы постепенно формируют и расширяют общую эмпирическую базу для построения динамических моделей, способных раскрыть характер, статистический диапазон и направленность (если таковая будет выявляться) содержательно-смысловых флуктуаций РЯЛ.

Сравнение распределенных по базовым параметрам ассоциативных доминант СИБАС 1 (2008–2013) и СИБАС 2 (2014–2020) (современная АВС – Сибирь и Дальний Восток)¹⁸ и единиц ядра языкового сознания РАС (данные АВС эпохи перестройки) в актуальной (три-

¹⁸ СИБАС – Русская региональная база данных, содержащая вербальные ассоциаты носителей русского языка в азиатских регионах России [СИБАС]. В СИБАС 1 содержатся данные из более чем 5000 анкет (по 100 стимулов в каждой), сгенерированных из 1000 стимулов и собранных в период с 2008 по 2013 год в азиатских регионах РФ. Пополняющийся ресурс СИБАС 2, отражающий второй этап эксперимента в этих регионах, пока не открыт для широкого пользователя. Однако в настоящее время СИБАС 2 уже соизмерим по объему представленной информации (также более 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, материалы получены в период с 2014 по 2021 год на стимулах, бывших реакциями первого этапа). Общий объем ассоциатов в обеих частях СИБАС в настоящее время (ещё до начала третьего этапа эксперимента в азиатских вузах страны) уже составляет свыше 1 млн. словоупотреблений, что, по расчетам Ю.Н. Караулова [Караулов, 2010 в, с.146], достаточно для формирования ассоциативного тезауруса.

Раздел 2

четыре одновременно живущих поколения) диахронии (см. Табл.1 ниже) свидетельствует о наличии флуктуаций в пределах определенного довольно устойчивого каркаса, причем колебания (от выпадения к возврату в прежний статистический коридор) активации одних и тех же единиц могут иметь довольно заметный разброс по времени, что с большой долей вероятности предполагает динамику смысловых акцентуаций внутри ассоциативных полей соответствующих вербальных единиц. Последнее требует особого рассмотрения вне рамок данной главы (см. сноску 18 выше, а также [Шапошникова 2021б; 2021в]).

Наблюдая за распределением выявленных в разные периоды времени ассоциативных доминант, можно зафиксировать рост рейтинга одних единиц (как Я, РАБОТА, СМЕРТЬ) по отношению к другим единицам соответствующего списка, или падение (как у ДУРАК). Однако после соединения СИБАС 1 и СИБАС 2 в единый ресурс, статистически приближенный к тезаурусному формату РАС, скорее всего, сходство в соотношении позиций единиц списка РАС и единого СИБАС возрастет. Уже сейчас, по предварительным наблюдениям, наибольшую стабильность демонстрируют параметры оценок и качеств. При этом во всех типах параметров тенденцию к сохранению большей устойчивости наблюдаем у единиц, имеющих наибольшее количество разных входящих связей. Здесь, вероятно, играет роль и второй статистический показатель функционирования ассоциативных доминант – интенсивность исходящих связей (учитывается частота встречаемости одной и той же реакции), в том числе и их связей друг с другом. Чем больше стимулов вызывает реакцию конкретным словом, тем больше связей у этого слова, тем сильнее его укорененность в сети, тем выше вероятность появления частотных (многократно повторяющихся в разнообразных смысловых конфигурациях) связей, в том числе и с другими доминантами сети.

Очевидно, что разные уровни ЯЛ (в соответствии с моделью структуры ЯЛ у Ю.Н. Караулова – вербально-семантический, когнитивный и мотивационно-прагматический [Караулов 2010а: 56]) в разные периоды времени могут показывать как разную устойчивость, так и разные способы и темпы вариативности. По всей видимости, устойчивость базисной гиперсетевой структуры лексонов, как и всего смыслового поля ЯЛ, восходит к раннему онтогенезу, к периоду наиболее пластичного восприятия ребенком интенциональности и конвенциональности родной культуры. Это проявляется на всех уровнях ЯЛ.

Как показали исследования процессов формирования центральных понятий в семантической системе ребенка, которые мы называем вербальными единицами ЧЕЛОВЕК, ДОМ, ХОРОШО, БОЛЬШОЙ и др., эти ассоциативные доминанты действуют в его сознании с трехлетнего возраста, а к 6 годам к ним добавляется ДРУГ [Уфимцева 2002: 161]. Роль первичной социо-коммуникативной среды, в которой складывается исходный смысловой каркас (коридор возможностей) социокультурной идентификации, очень важна в ходе дальнейшей трансформации ЯЛ в условиях более широкого социо-коммуникативного контекста.

Таблица 1. Параметры русской языковой личности: персоналии и реалии (сравнение ассоциативных доминант СИБАС 1 и СИБАС 2 с единицами ядра языкового сознания РАС)¹⁹

Персоналии			Реалии		
РАС 1988–1997	СИБАС 1 2008–2013	СИБАС 2 2014–2021	РАС 1988–1997	СИБАС 1 2008–2013	СИБАС 2 2014–2021
человек	человек	человек	дом	жизнь	жизнь

¹⁹ Данные РАС приводятся по [Уфимцева 2017: 47–49]. В таблице мы придерживаемся рубрикации, предложенной Н.В. Уфимцевой, чтобы соблюсти условия сопоставимости данных. Слова расположены в столбцах в порядке, отражающем снижение их статистической весомости в общем списке ассоциативных доминант. Статистическая весомость исчисляется в соответствии с экстенсивностью (разветвленностью) входящих связей (количество стимулов, вызвавших реакции приведенными в списках словами). Например, у слова ЧЕЛОВЕК (верхнее в

Исследование языкового сознания

друг	друг	я	жизнь	дом	дом
дурак	я	друг	деньги	деньги	деньги
мужчина	мужчина	парень	лес	мир	работа
ребенок	ребенок	мужчина	день	время	боль
парень	парень	девушка	любовь	работа	любовь
я	враг	ребёнок	работа	любовь	смерть
женщина	дурак	мама	вода	сила	страх
мальчик	мужик	женщина	радость	радость	радость
девушка	девушка	дурак	дело	смерть	еда
мужик	мальчик	мальчик	смерть	зло	счастье
муж		студент	стол	день	время
он		враг	дорога	город	мир
		молодец	мир	счастье	сила

Таблица 2. Параметры русской языковой личности: оценки, действия и качества (сравнение ассоциативных доминант СИБАС 1 и СИБАС 2 с единицами ядра языкового сознания РАС)

Оценки и действия			Качества		
РАС 1988–1997	СИБАС 1 2008–2013	СИБАС 2 2014–2021	РАС 1988–1997	СИБАС 1 2008–2013	СИБАС 2 2014–2021
плохо	хорошо	плохо	большой	большой	большой
хорошо	плохо	хорошо	хороший	хороший	хороший
много	много	много	плохой	умный	плохой
быстро	всегда	всегда	старый	плохой	большая
всегда	быстро	быстро	умный	красивый	красивый
очень	долго	долго	сильный	большая	умный
		красиво	старый		сильный
Действия			маленький		тупой
говорить	есть	есть			старый
есть	жить	жить			злой
жить		делать			маленький
думать		спать			глупый
идти		идти			добрый

Об этом же свидетельствуют, как нам думается, и лингвоперсонологические исследования индивидуальных ЯЛ, которые проводились в Институте славяноведения и ИЛИ РАН на текстовых моделях диалектной личности. В частности, в статье С.А. Ганичевой [Ганичева 2017] исследуется вопрос о связи различных факторов трансформации диалектной РЯЛ в течение жизни и о соответствующей им динамике различных уровней ДРЯЛ. Делается вывод о том, что лингвокогнитивный уровень ЯЛ сохраняет большее количество черт ДРЯЛ,

списке) в СИБАС 1 этот показатель составляет 450, а у МАЛЬЧИК (нижний уровень) – 100. Единицы ниже этого уровня экстенсивности входящих связей нами не включались в число ассоциативных доминант СИБАС 1.

чем вербально-семантический, показывающий большую изменчивость. Черты, характерные для ДРЯЛ сохраняются в речи человека, получившего среднее и высшее профессиональное образование и прожившего большую часть взрослой жизни в городской среде. Это относится преимущественно к когнитивному и прагматическому уровням, а вербально-семантический подвергается значительной трансформации [цит. раб.: 161].

Таким образом, и в условиях более широкой социокоммуникативной среды, при значительном расширении плотности и насыщенности контактов, ДРЯЛ сохраняет базисную когнитивную и мотивационно-прагматическую ориентацию на сохранение идентичности своего смыслового поля в рамках причастности к своей исходной культуре, показывая её модифицированное воплощение в обновленных социо-коммуникативных установках при оперировании вербальными единицами²⁰.

Поскольку для узлов АВС характерна множественность и многомерность связей, доступ к ним при исследовании динамики социокоммуникативных установок ЯЛ для экспликации её смысловых акцентуаций может осуществляться через самые разные точки входа в сетевую эмерджентность. Это и различные приемы анализа многообразных способов семантического варьирования вкупе со словообразовательным и словоизменительным на всем массиве ассоциатов, и приемы работы с отдельными ассоциативными полями (см., например, [Шапошникова 2021б; в]). Многоаспектность ЯЛ проявляет себя не только на моделях АВС. Она поддается измерению (хотя и в другом гносеологическом ракурсе) на текстовых моделях, что позволяет исследователям находить пути к реконструкции лексикона РЯЛ на основе разных подходов к работе с её текстами, например, с построением контекстуальных, тезаурусных или дискурсивных моделей лексикона ЯЛ [Иванова 2017]. Исторические тексты открывают перспективу реконструкции исторических процессов, отражающих культурную интенциональность и конвенциональность. Результаты исследований процессов реконструкции и упорядочения лексикона на историческом материале разной хронологической глубины, если они будут проводиться регулярно, могут быть сопоставлены с результатами актуальной диахронии в ассоциативно-вербальном измерении, что также требует систематической работы по накоплению и развитию баз ассоциативно-вербальных данных. Историко-культурный, но реконструированный в своей динамике профиль РЯЛ, будучи дополненным динамичным же ассоциативно-вербальным профилем в пределах актуальной диахронии, по нашему глубокому убеждению, мог бы дать мощную фактологическую основу для развития теории языка, которая будет востребована в междисциплинарном научном поле.

Выводы

Развитие отечественной психолингвистики на основе теории речевой деятельности оказалось очень плодотворным. Выработанные в рамках этого подхода общетеоретические положения последовательно подводят ученых к осознанию значимости концепции языковой личности для развития теории языка в новых условиях жизни и развития науки. Огромная заслуга Ю.Н. Караулова в том, что его разработка концепции ЯЛ создала необходимые условия для выработки интегрирующих подходов как внутриотраслевого, так и межотраслевого порядка.

Рассмотрение методологической значимости концепции РЯЛ Ю.Н. Караулова как основания для теории, исходящей из единства внутреннего и внешнего ракурсов анализа языка, побуждает исследователя задать себе вопрос: откуда берется системность в языке? Что упорядочивает его единицы и формирует их? Констатировать факт системности в языке на

²⁰ При этом надо иметь в виду, что, как утверждает исследователь лексикона РДЯЛ Т.И. Вендина, «диалектная категоризация мира отличается от литературной», к тому же, «в диалектах этнически маркированы не только слова или коннотации, но и вся лексическая система в целом» [Вендина 2020: 661–662]. Такие свойства РДЯЛ повышают её значимость как объекта для исследования вариативности и устойчивости ядра лексикона РЯЛ и её универсалий в целом.

чисто рациональной основе при выявлении регулярных причинно-следственных связей и зависимостей в ходе наблюдения за единицами языка в текстовом материале в отрыве от его создателя и носителя недостаточно для объяснения системы, во многом формирующейся на внелогической основе. Чем она инициирована? Как и при каких условиях сформирована? Ответ на эти вопросы необходим для понимания её базовых свойств и построения адекватной достигнутому уровню знаний модели её описания.

Внутри аспектирующей модели автономной структурно организованной системы языка найти исчерпывающие ответы на поставленные вопросы не представляется возможным. Язык в человеке не буквален, он наполнен опытом и смыслами человеческой личности, их системность может быть исторически и социокультурно унаследована, но преломляется в текущих социо-коммуникативных установках в актуальных сетевых процессах, требующих гибких механизмов интерпретации, выходящих за пределы жесткой рационально обоснованной детерминации.

Литература

Анохин К.В. Когнитом: сетевое расширение теории функциональных систем // Znaniium.com. 2017. №1–12. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://znaniium.com/catalog/product/529073> (дата обращения: 28.07.2021).

Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т.71. № 1. С. 39–71.

Асланян Е.В., Кирой В.Н., Лазуренко Д.М. Особенности восприятия понятий, относящихся к разным семантическим категориям // Журнал высшей нервной деятельности. 2018. Том 68. № 5. С. 588–601.

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / 2-е издание. Под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 13–26.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Вендина Т.И. Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.

Выготский Л.Н. Мышление и речь: Сборник ст. М.: АСТ М., Хранитель, 2008. 668 с.

Ганичева С.А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: Сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 128–138.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания, № 6. 1964. С. 26–38.

Залевская А.А. Психоллингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 760 с. (Studia Philologica).

Иванова Е.Н. Дискурсивная модель представления лексикона исторической языковой личности // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: Сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 207–222.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263с. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010а. 264 с.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография/ Отв. ред. С.Г.Бархударов. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010б. 360 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010в. 328 с.

Кошелев А.Д. Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680–767.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. 528 с.

Раздел 2

Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М.: ЯСК, 2019. 264 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ. 2005. 511 с.

Леонтьев Д.А. Неопределенность как центральная проблема психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / 2-е издание.* М.: ЯСК, 2019а. С. 40–53.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / 2-е издание.* М.: ЯСК, 2019б. С. 293–308.

Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2010. Т. XIII. №2. С. 152–167.

Мазилев В.А., Костригин А.А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // *Психология. Журнал ВШЭ.* 2020. Т. 17. № 3. С. 390–413.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН. 2007. 224 с

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. Т. II. От реакции к стимулу: более 100000 реакций. М.: ООО «Изд-о АСТ», 2002.

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008 – 2020 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко.

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // *Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры.* М.: Наука, 2002. С. 152–170.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: Коллективная монография / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис. 2017. С. 21–96.

Чуприкова Н.И. Время реакций человека: физиологические механизмы, вербально-смысловая регуляция, связь с интеллектом и свойствами нервной системы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 432 с.

Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // *Сибирский филологический журнал.* 2020а. № 1. С. 199–215.

Шапошникова И.В. К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020б. Т. 18. № 4. С. 5–15.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020в. 336 с.

Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2021а. Т. 12. № 2. С. 279–301.

Шапошникова И.В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // *Сибирский филологический журнал.* 2021б. № 4 (в печати).

Шапошникова И.В. Модус интенциональности русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021в. Т. 19. № 4 (в печати).

Arbib Michael A. The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages // *Action to Language via the Mirror Neuron System.* Cambridge University Press, 2006. P. 3–47.

Cousins Kathryn A.Q., Ash Sharon, Irwin David J., Grossman Murray. Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns // *Brain and Language.* 2017. V.165. P. 45– 54. Published by Elsevier Inc. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003>

Gallese V., Eagle Morris N., Migone P. Intentional Attunement: Mirror Neurons and the Neural Underpinnings of Interpersonal Relations // *Journal of the American Psychoanalytic Association,* 2007, vol.55, issue 1, pp. 131 – 175.

Gallese V. Mirror Neurons and the Social Nature of Language: The Neural Exploitation Hypothesis // *Social Neuroscience,* 2008, 3(3–4), P. 317–333.

Gallese V. Mirror Neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification. *Psychoanalytic Dialogues: The Int.Journal of Relational Perspectives,* 2009, 19(5), P. 519–536.

Gallese V., Cuccio V. The Paradigmatic Body – Embodied Simulation, Intersubjectivity, the Bodily Self, and Language // T. Metzinger & J. M. Windt (Eds). Open MIND: 2015, 14(T). Frankfurt am Main: MIND Group.

Lacey S., Stilla R., Deshpande G., Zhao Sinan, Stephens C., McCormick K., Kemmerer D., K.Sathian. Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension // Brain and Language, 2017. V.166. P. 1–18. Published by Elsevier Inc.

Lakoff G. How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ>

Rodd J.M., Matthew H.D. How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods // Language, Cognition and Neuroscience, 2017. Vol.32. No.7. P. 805–817.

Tomasello M. Horizon. The ultra-social animal // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. P. 187–194.

van Ackeren M.J., Casasanto D., Bekkering H., Hagoort P., Rueschemeyer S-A. Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network // Journal of Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 24. No.11. Pp. 2237–2247.

Yurchenko A., Lopukhina A., Dragoy O. Metaphor Is Between Metonymy and Homonymy: Evidence from Event-Related Potentials. // Frontiers in Psychology. 2020. Vol.11. article 2113. P. 1–12.

2.5. Проблема сенсорной мотивированности языкового знака

Е.А. Елина, Л.П. Прокофьева
Саратов

24 мая 1969 года в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР состоялся семинар по проблемам мотивированности языкового знака, значение которого, по словам В.В. Левицкого, «трудно переоценить: всего лишь 4–5 лет отделяют этот семинар от появления первых монографических работ, посвящённых соотношению фонетики и семантики» [Левицкий 2009]. Каждый из докладов содержал знаковые положения, впоследствии развитые и конкретизированные авторами и их учениками. Сообщения Г.П. Мельникова, Ю.Н. Завадовского, Л.Б. Ительсона, С.В. Воронина, В.В. Левицкого, В.М. Павлова и Н.В. Гяча, Е.Г. Эткинды, Е.М. Верещагина, А.Н. Журинского, А.А. Леонтьева, Б.В. Журковского, А.П. Журавлева, А.С. Штерн, Н.Г. Михайловской стали отправной точкой для развития целого ряда ныне магистральных направлений отечественной психолингвистики; опубликованные краткие «Материалы...» до сих пор активно цитируются, высказанные идеи вызывают научные дискуссии.

С докладом «О возможной примарной мотивированности языкового знака» на семинаре выступил Илья Наумович Горелов, с именем которого связано начало Саратовской психолингвистической школы. Гипотеза, прозвучавшая тогда, была чрезвычайно сдержанной по форме и революционной по содержанию:

«Предполагается, что звуковая форма некоторых номинаций является объективно закономерной для данного и для различных языков и мотивирующей звуковое выражение для зрительно, осязательно и т. п. воспринимаемых объектов. В основе такой закономерности находятся, предположительно, механизмы синестезии. <...> Мы предполагаем, что механизмы синестезии определяют не только такие окказиональные словосочетательные образования, как «чёрный ветер», «горячий взгляд» или «синий звук», столь частые для поэтической изобразительности, но и сам звуковой способ номинации «незвукового» объекта» [Горелов 1969: 19].

Эта идея нашла развитие и подтверждение в многочисленных экспериментах на материале различных языков: «звукосимволические законы являются статистическими универсалиями. Они справедливы для большинства языков, но не обязательны для любого языка», –

подытожил В.В. Левицкий эти изыскания в работе «Звуковой символизм: Основные итоги» [Левицкий 1998: 68].

В 1994 в Беркли (Калифорния, США) состоялась конференция “Sound Symbolism”, целью которой было рассмотрение практически тех же вопросов, что и на семинаре 1969 года, но уже на качественно ином по объему и широте охвата экспериментальном материале. Большая часть докладов и последующие коллективные монографии 1994 и 2006 гг. (ре-принт) с тем же названием посвящены результатам мультязыковых экспериментов, связанных с проявлениями звукового символизма в редких языках (см. обзор: [Михалев 2009: 52–59]), тогда как исследования собственно синестезии постепенно перешли в разряд нелингвистических: седьмая часть монографии полностью посвящена биологическим основам звуко-символизма.

Одной из центральных проблем, интересовавших И.Н. Горелова и нашедших продолжение в дальнейших исследованиях Саратовской психолингвистической школы, стала тематика, связанной с действием звуко-символизма и эстетической синестезии:

«звуковое оформление слова находится в известном психологическом соответствии со значением.

Оно как бы “к лицу” обозначаемому значению, не только в ассоциативном, но и в чисто эстетическом плане» [Аветян 1968: 71].

В 70-х годах прошлого века работа в этом направлении началась с обозначения задач, требующих решения с привлечением психолингвистических методов. В статье «Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения» И.Н. Горелов писал: «Наша задача... выявление причин возникновения и узуального употребления интересующих нас образований. Мы попытаемся также выяснить, почему эти образования присущи именно языкам искусствоведения» [Горелов 1976: 74]. За прошедшие почти пятьдесят лет исследование звуко-символизма и синестезии обогатилось огромным эмпирическим материалом, укрепило междисциплинарное взаимодействие (см. работы С.В. Воронина, Б.М. Галеева, А.А. Забияко, А.Б. Михалева, Н.П. Коляденко, С.С. Шляховой и др.). Однако вопросы, поставленные И.Н. Гореловым, и сегодня актуальны, а изучение синестетического механизма до сих пор не исчерпано и наполняется всё новым содержанием. Тезис Ильи Наумовича об обусловленности ассоциативно-образного восприятия звуков механизмом синестезии позволил выйти на объяснение принципиальной возможности воспринимать слитно разнородные ощущения, получаемые посредством разных органов.

В нашей стране традиции изучения синестезии заложены еще экспериментами Д.Н. Узнадзе (1922, 1940) и А.Р. Лурии (1975), развиты и преумножены в НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» Казанского технического университета под руководством профессора Б.М. Галеева. По классическому определению А.Р. Лурии, под синестезией понимаются «интермодальные ощущения, занимающие промежуточные места между известными видами чувствительности», причем в механизме синестезии «принимает участие подкорковый уровень, где ближе всего объединяются импульсы, идущие от разных рецепторов» [Лурия 1964: 134]. Позже И.Н. Горелов уточняет:

«Можно предположить, что эти импульсы взаимно индуцируются, в результате чего сначала в подсознательной сфере, а затем и в сознании возникают симультанные образы, объединяющие в любом сочетании зрительные ощущения с обонятельными, слуховыми, осязательными и др.» [Горелов 1969: 19].

Психолингвистика смогла предоставить инструмент, позволяющий проявить способы регулярного появления межсенсорных связей. Программы аудиторских экспериментов, со времен конца 20-х гг. XX века трансформировавшихся в строгую методологию, поддержка полученных данных материалами таких наук, как нейрофизиология, клиническая психология, позволили исследователям набрать мощную доказательную базу для теоретического обобщения системы интермодальных связей в сознании человека и их языковых реализаций. Исследование вербализации и структурирования эстетической синестезии как части терминосистемы искусствоведения показала, что синестезия является одним из основных

приемов интерпретации произведения изобразительного искусства, формирующим в своем конкретно-вербальном выражении значительную часть терминологической системы подъязыка искусствоведения.

Эстетические соощущения своей окказиональностью на уровне словосочетаний и узуальным характером для подъязыка отличаются от общеязыковых синестезий, функционирующих в виде нормативных, устойчивых, общеупотребительных словосочетаний. Поскольку предметом собственно эстетической синестезии являются интермодальные связи, относящиеся к сфере изобразительного искусства, следовательно, одни и те же эстетические синестетические сочетания могут отличаться по значению от общеязыковых и от синестезии в других подъязках: например, нормативное в общеязыковой практике сочетание *холодный тон* («отчужденный голос» – температурно-звуковая синестезия) приобретает при эстетическом искусствоведческом употреблении специальное значение («оттенок определенной цветовой направленности» – температурно-зрительная синестезия), а в подъязыке музыковедения получает свою узуальную характеристику («музыкальный звук определенной напряженности» – температурно-звуковая синестезия).

Функционирующие в искусствоведческих текстах *эстетические синестетические сочетания* (далее – «сочетания») имеют исходное ощущение общей ядерной (базовой) модальности – *зрительной*, с которым взаимодействуют соседствующие с ним ощущения других модальностей, образуя периферийные группы ощущений.

Синестетические ассоциации по сходству, значимые для искусства, связаны не только с элементарными типами ощущений – «внутренними» интроцептивными, проприоцептивными и «внешними» экстероцептивными, но и с восприятиями, психическими особенностями и состояниями, а также высшими эмоциями, поэтому в формировании эстетических синестезий можно усмотреть участие мыслительных операций. В связи с этим эстетическую синестезию следует отнести к сложным специфическим формам невербального мышления, возникающим не только в виде со-ощущения, но и в виде со-чувствования, со-переживания, со-восприятия, сопутствующими моносенсорному акту [Галеев 2008: 14–21].

На материале искусствоведческих текстов на русском и английском языках, в опоре на принципы классификации русских и немецкоязычных эстетических синестетических сочетаний, предложенные И.Н. Гореловым [Горелов 1976: 74–81], в дальнейшей разработке функционирования сочетаний была проведена четкая и детальная структуризация типов ощущений, подсчитана их частотность и соотношение, выявлены причины преобладания определенных сочетаний. Данная методика классификации и подсчета сочетаний используется также на материале английского языка в работе О.Н. Селивановой [Селиванова 2007].

Установлено, что, например, сочетания *теплые цвета*, *теплота цвета* и *цвета теплеют*, несмотря на синтаксические различия главного, зависимого и равноправных компонентов, в нашей классификации совпадают, так как имеют общий исходный компонент (всегда главный), представляющий зрительное ощущение (*цвета*, *цвета*), и собственно синестетический (подчиненный) периферический (*теплые*, *теплота*, *теплеют*).

Ядерные зрительные компоненты сочетаний представлены наиболее часто встречающимися в искусствоведческих текстах специальными понятиями, описывающими способы изображения объекта. К таким понятиям относятся три группы искусствоведческих терминов. В первую группу «*Живописные приемы и средства*», входят следующие лексические единицы: *цвет* (*цветовое пятно*), *мазок*, *линия* (*штрих*), *краска*, *кисть*, *форма*, *тон* (*оттенок*). Вторая группа изобразительных терминов «*Общие живописные понятия*», представленная лексикой общей семантики: *живопись* (*искусство*), *картина* (*произведение*, *холст*, *полотно*, *пейзаж*, *натюрморт* и др.), *рисунок*, *композиция*, *колорит*, а также третья группа «*Цветоминимации*» – исследуются аналогично, но не представлены в рамках данной работы [Елина 2012].

Периферийные ощущения, ассоциативно возникающие и актуализирующиеся под действием базового зрительного, представлены ощущениями тринадцати модальностей с возможными субмодальностями. Показано, что функционирование вербализованной системы ощущений не во всем совпадает с психофизиологической.

Экстероцептивные ощущения представлены слуховыми (*музыка красок*), вкусовыми (*сочный мазок*), тактильными (*жесткий рисунок*); интероцептивные – температурными (*горячие краски*), болевыми (*удары красного*); проприоцептивные – гравитационными (*равновесие форм*), вибрационными (*вибрирующий колорит*).

Слуховые ощущения имеют три субмодальности: *звуковую, музыкальную и языковую*. Хотя вообще слуховые ощущения – то же, что звуковые (акустические), нам приходится формально различать эти наименования, чтобы иметь возможность выделить в отдельный подвид многочисленные ощущения общего звучания (*звучные краски, негромкая кисть, глухой синий, кричащий красный* и др.), отличать их от ощущений музыкального характера (*певучие линии, оркестровка цвета*) и языкового содержания (*разговор линий, диалог тонов*) – все эти ощущения относятся к слуховым, но очень разнородны и потому отнесены к разным субмодальностям.

Группа психических особенностей и состояний подразделяется на две субмодальности – *эмоции и характер*. Аффекты, чувства, настроения и другие психические состояния включены в субмодальность *эмоций* (*радостные линии, беспокойный рисунок, агрессивный колорит* и др.); психические особенности, составляющие субмодальность *характер*, отличаются от первой стабильностью и постоянством проявления признаков (*уверенная живопись, свободная форма, наивный цвет*).

Восприятие, являясь более сложным, чем ощущения, наглядно-образным отражением предметов и явлений, представлено тремя модальностями. Восприятие пространства – чувственно-наглядное отражение величины, формы, расположения на плоскости и в глубину (*объемность форм, глубокий тон, плоские оттенки*); восприятие времени – отражение длительности, скорости и последовательности явлений (*форсирование цвета, неторопливые линии, быстрота кисти*); восприятие движения – отражение перемещающегося объекта (*движения рисунка, динамическая форма, стремительная живопись*).

Категория интенсивности, которая является лишь количественной характеристикой, степенью выраженности какого-либо определенного ощущения, тем не менее, выделена в отдельную группу ощущений как самостоятельный энергетический параметр, так как нет другого определителя для таких, например, единиц, как *мощный мазок, вялый колорит, интенсивная живопись*.

Результаты сравнительного исследования русско- и англоязычных сочетаний позволяют сделать следующие выводы:

– при функционировании сочетаний русского и английского языков важнейшей является психическая сфера со всем спектром как положительных, так и отрицательных эмоций: *мрачная живопись, тоскливый желтый, траурный серый, dry painting, capricious, disturbed landscapes, unkempt outlines, restless forms, carnivorous colour, aggressive orchestration of colors*;

– как русско-, так и англоязычные сочетания чаще всего активизируют двигательную, температурную, слуховую модальности и модальность степени интенсивности;

– не активизированными в обоих языках остается обонятельная модальность, так как нет психофизиологической основы для образования интермодальных зрительно-обонятельных ощущений. Вкусовые ощущения также практически не играют роли в образовании терминов (в английском языке встречается лишь прилагательное *acid*, в русском – *сочный*);

– основной объем сочетаний – это часто повторяющиеся стандартные синестетические образования, что подтверждает терминологичность данных сочетаний в обоих языках исследования (*strong color/мощный цвет, brushstrokes/удары кисти, warm tones/теплые тона, muted tones/приглушенные тона, tense colors/напряженный колорит*). Большинство сочетаний функционируют как готовые номинативные единицы, имеющие вполне специальное

Исследование языкового сознания

значение и регулярно используемые специалистами. Поэтому было бы нелогично называть такие сочетания квазитерминами по той причине, что в них «экспрессивность преобладает над информативностью» [Булатова 1999: 12]. Отметим, что среди них редко, но встречаются окказионализмы, свежие авторские метафоры: *red snarl* (Langmuir), *кроткая улыбка пейзажа* (Алпатов). Подобные сочетания носят индивидуально-субъективный и явно творческий характер;

– англоязычные искусствоведческие тексты характеризуются довольно незначительным разнообразием сочетаний. Если среди русскоязычных интерпретаций можно встретить творческие и индивидуализированные, использующие окказионализмы, то англоязычные специальные тексты, как правило, ограничиваются такими профессиональными штампами, как *cold colours, warm tones, intense colour, harmony of colours, orchestration of colours, strong lines, soft lines, dance of colours, play of horizontals and verticals, active brush*. Большинство подобных сочетаний являются часто употребляемыми терминами как в англоязычных, так и русскоязычных искусствоведческих текстах. Данные по видам ощущений и восприятия в русско- и англоязычных сочетаниях в процентном отношении ко всему рассмотренному материалу (по мере убывания) приведены в табл. 1.

Таблица 1. Соотношение типов ощущений (%)

Виды ощущений и восприятий	Русскояз. сочетания (% ко всему материалу)	Англоязычные сочетания (% ко всему материалу)
психические состояния	25,2	31
слуховые	22	18
двигательные	11,4	10,7
температурные	10,1	7,5
тактильные	7	6,1
степень интенсивности	6,4	9,3
гравитационные	4,5	4,2
вибрационные	5	2,4
болевые	2,3	3,2
пространственные	2	3
вкусовые	1,8	0,8
временные	1,4	2,3
обонятельные	0	0

Подсчет процентного соотношения сочетаний демонстрирует общую для обоих языков и их синестетико-терминологических систем тенденцию: значительнее и обширнее всего используется терминология на базе психических ощущений, затем – слуховых и двигательных ощущений и восприятий. Англоязычный материал обнаруживает больший, чем русскоязычный, удельный вес ощущений степени интенсивности и временные. Общая сравнительная картина участия ощущений и восприятий в формировании разноязычных сочетаний приводит к выводу о едином механизме продуцирования синестетических комплексов и образования на их основе специфических сочетаний, а также о возможной универсальности синестетических тенденций в сфере искусства.

Вопросы эстетической синестезии продолжают в диссертационных работах Е.К. Пятковской и О.Н. Селивановой (научный руководитель проф. Е.А. Елина) [Селиванова

Раздел 2

2007; Пятковская 2009]. В рамках изучения структуры и семантики вербализованных форм синестезии составлен русскоязычный «Частотный словарь синестетических сочетаний в подязыке искусствоведения (6120 ед.)» [Елина 2016]. В настоящее время готовится двуязычный (русско-английский) частотный словарь эстетических синестетических сочетаний, в перспективе – составление аналогичного частотного словаря на базе трех языков: русского, английского, немецкого.

Еще одним направлением развития идей И.Н. Горелова в саратовской психолингвистической школе является исследование звуко-цветовой ассоциативности как универсального свойства человеческого мышления. В конце 60-х гг. Илья Наумович в газете «Неделя» опубликовал результаты первого в СССР широкомасштабного психолингвистического эксперимента, позволившего на статистически значимом материале подтвердить идеи Д.Н. Узнадзе и В. Келлера о возможности передачи звуками признаков свойств незвукового объекта.

Описанный сегодня во всех учебниках по психолингвистике, смелый опыт исследования массовых ассоциаций открыл в нашей стране важный период накопления данных для создания полноценной фоносемантической теории. Важным этапом стала защита в 1973 году в Черновицком университете докторской диссертации В.В. Левицкого «Проблемы экспериментальной семасиологии», а в 1974 году в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского – диссертации А.П. Журавлева «Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке», эксплицитно постулирующей наличие фонетического значения в языке: «Исследования по фоносимволизму позволили получить первые экспериментальные подтверждения мотивированности звучания значением» [Журавлев 1974: 117].

Идеи отечественных психолингвистов постоянно звучали на лекциях И.Н. Горелова, проводился концептуальный анализ и намечались возможные линии их продолжения. Так возникла идея комплексного исследования лингвофоносферы в связи со сферой визуального восприятия, фиксации проявлений интермодальных связей в речи и тексте на базе общелингвистического, психолингвистического, культурологического, философского, психологического, социологического подходов. Работа студенческо-преподавательского коллектива разных вузов Саратова, продолжающаяся в течение 30 лет, позволила расширить понимание окружающего мира, исследовать языковую картину мира в трех ее синестетических составляющих – универсальной, национальной и индивидуальной, – коррелирующих, соответственно, с бессознательным, подсознательным и сознательным уровнями отражения реальности в акте речетворчества.

Явления бессознательного и подсознательного, закрепленные в стойких интермодальных ассоциативных связях (звуко-цветовых, цвето-слуховых, цвето-тактильных, цвето-обонятельных и под.), отмечаемые в искусстве и речи, могут косвенно свидетельствовать о широте сенсорных ассоциативных связей в сознании человека, а также о практической реализации методов и подходов, традиционно использовавшихся разными науками, разными видами искусства. Безусловно, чем разнообразнее поступающая информация, тем она достовернее: то, что мы видим, слышим, осязаем, помним, обоняем, чувствуем – все это синтезирует единую и неразрывную картину мира [Прокофьева 2006].

Теоретическое осмысление стало возможным на основе анализа результатов многолетних аудиторских экспериментов по методике прямого ассоциирования звука и цвета. Собранные статистически достоверные данные по русскому и английскому языкам позволили сформировать представление о национальных системах звуко-цветовой ассоциативности. Обнаруженные формальные совпадения и фактические различия позволяют с высокой степенью достоверности говорить о наличии национальных систем звуко-цветовой ассоциативности в разных языках при существовании универсальной фоносемантической картины мира, причем

Исследование языкового сознания

«фоносемантическая картина мира является не фрагментом языковой картины мира, а ее ядром, протоконцептуальным базисом, первоэлементом, минимальным порождающим всех языков, “штивом складного веера” языков» [Шляхова 2014: 191].

Сравнение имеющихся результатов исследователей, накопленных за 40 лет, демонстрирует около 55% полных или частичных совпадений, что свидетельствует о существовании функционирующего феномена звуко-цветовой ассоциативности [Прокофьева 2007]. Сводные данные приведены в табл. 2.

Таблица № 2. Цветовая ассоциативность графонов
в русском и английском языках

Цвет	Графоны	Colour	Graphones
Красный	А К Л М Р Ф Ю Я	Red	A J K M P Q R V
Синий	Б В Г И Й Л М Н С У Ф Ю	Blue	B M U W
Зеленый	Е Ё З У Щ Э	Green	E F G J N T
Желтый	Е Ё Ж Л О Ц Э	Yellow	C E H J L S Y
Черный	Д П Т Х Ч Ш Щ Ы	Black	X Z
Коричневый	Г Ы	Brown	D H
Фиолетовый	Ф	Vuilet	V
Белый	А Б Й М О Т Х Щ	White	I H O W
Серый		Grey	X
Оранжевый		Orange	O N

Цвет как одно из важнейших ощущений восприятия, также образует своеобразное поле, в которое наряду с визуальными представлениями входят синестетически мотивированные аудиальные. Ядро поля русского языка составляют 25 графонов (А, Б, В, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Х, Ц, Ч, Ш, Ы, Ю, Я), периферию – 6 (Г, Д, Л, Ф, Щ, Э); ядро английского – 11 графонов (А, В, D, G, I, M, O, R, X, Y, Z), периферию – 15 (С, Е, F, H, J, K, L, N, P, Q, S, T, V, U, W). Таким образом, звуко-цветовая ассоциативная палитра русского языка, зафиксированная на уровне ассоциаций тяготеет к *черно-белой, синей и красной гамме*, а английского – к *красно-желто-зеленой*. По гипотезе Э. Сэпира и С. Цуру национально обусловлены лишь цветовые ассоциации согласных, тогда как фоносемантический потенциал гласных позволяет относить их ассоциативность к универсальным феноменам. Результаты наших экспериментов не подтверждают это положение: лишь звуко-цветовая ассоциация графонов А и О с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление, тогда как система звуко-цветовой ассоциации остальных гласных и согласных в большей степени национально обусловлена. Продолжение экспериментов по апробированной методике, соотнесение данных по разноструктурным языкам, полученным другими научными коллективами (татарский, башкирский – Кочетова Г.Р., Рогожникова Т.М., 2013.; немецкий – Яковлева Р.В., Рогожникова Т.М., 2016; коми-пермяцкий – Шляхова С.С., 2015; японский – Кривошеева Е.И., 2015; китайский – Пруцких Т.А., 2009) позволит внести вклад в решение проблемы мотивированности языкового знака.

Самостоятельной задачей, намеченной в проекте, но еще далекой от решения является изучение явления звуко-цветовой ассоциативности в онтогенезе. «Атавистическая» теория синестезии, начиная с работ М. Нордау, Р. Валашека, Г. Вернера и заканчивая современными исследователями конца XX века – начала XXI Д. Грина, М. Бланка, С. Клига, включавшими в нее онтогенетический компонент, полагает, что

«все люди без исключения рождаются синестетами. В мозгу младенцев импульсы от всех органов чувств перемешаны, но в возрасте примерно полугодика происходит их разделение, тогда как у истинных синестетов этот процесс почему-то тормозится» [Blank & Klig 1970].

Ответ могут дать только консолидированные исследования нейрофизиологов и психолингвистов, но уже сейчас можно экспериментально проверить гипотезу, введя в состав интервьюеров детей разного возраста.

В процессе работы выработана методика выявления и анализа результатов межчувственных ассоциаций в речи и тексте. Анализ любого речевого произведения (устного и письменного) с точки зрения отражения в нем звуко-цветовой ассоциативности предусматривает как минимум три этапа:

1) *автоматизированный анализ* потенциальной возможности восприятия звуко-цветовой ассоциативности с помощью специально разработанных компьютерных программ, учитывающих одновременно многие параметры. В настоящем проекте подобных прикладных программ несколько, идет постоянная работа над их модификациями, учтены основные недостатки, выявленные в других программах подобного типа и создаются новые в соответствии с задачами каждого конкретного исследования («Звукоцвет» рег.№ 0321300648, 2013). Одновременно для уточнения и проверки используются программы, разработанные дружественными научными коллективами (Уфа, Ростов-на-Дону);

2) *аудиторский эксперимент*, позволяющий выявить возможные звуко-цветовые ассоциации конкретного текста;

3) *сравнительный и интерпретационный анализ* полученных данных с выявлением «следов» воздействия или их отсутствия.

Гипотетически звуко-цветовая ассоциативность, присутствуя в сознании каждого носителя национального языка, при нормальных частотностях в речи существует в латентном состоянии, тогда как в случае намеренного (или ненамеренного) изменения частотности может активизироваться и переходить с уровня бессознательного на подсознательный, образуя своеобразный эмоциональный «шлейф», связанный, в том числе, и с неосознаваемыми ассоциациями цвета речи. Эксперименты показывают, что усиление воздействия может проходить как в пределах одного речевого высказывания, например, в кульминационных его моментах, когда автор сознательно или подсознательно использует суггестивные возможности фонетики, так и в речевых произведениях разных стилей, жанров.

Проведенное исследование корпуса речевых произведений разных типов, жанров и форм (1–2-минутных записей устной монологической речи лекторов, заговоров, молитв, мантр, глоссолалий, поэтических и прозаических произведений малых форм, инсценированных актерами и записанных на аудиокассеты для прослушивания) подтвердило гипотезу о возможности фиксации звуко-цветовой информации в потоке речи, но не выявили значимых способов ее репрезентации, так как 95% речевых произведений получили нейтральную *бело-синюю* оценку. Исключение составили звучащие суггестивные и детские тексты, что позволило выделить их исследование в самостоятельный раздел проекта (О.В. Определеннова, А.А. Ермакова). Работа с ними показывает, что задачи суггестии выполняются именно на фоносемантическом уровне, тем более что лексический уровень по умолчанию затемнен, а часто и вообще асемантичен. Подтверждение этому находим в работах С.С. Шляховой и ее словаре фоносемантических аномалий [Шляхова 2004].

Обнаружено, что в потоке речи фонетическое значение гласных во многом нивелируется за счет редуцированных, оценивающихся как *бело-синие*, тогда как информативность звуковых повторов, организуемых согласными, падает в ходе действия фонетических законов редукации и ассимиляции. В результате цветовая составляющая речи остается скрытой и по большей части не воспринимается реципиентом. Написанный же текст изначально активизирует аудиальную и визуальную составляющую и способен проявить воздействие звуко-цветовой ассоциативности.

Эксперименты с большим корпусом письменных текстов разных стилей, жанров и типов речи показали, что в нехудожественном тексте программируется общая национальная система звуко-цветовой ассоциативности, находящаяся в латентном состоянии в процессе его восприятия: и в английских, и в русских произведениях разных стилей и жанров

рационалистического характера находит отражение желто-зеленая (англ.) и черно-белая (рус.) составляющие, тогда как в текстах, предусматривающих эмоциональный компонент (газетная и журнальная публицистика), реализуются красная (англ.) и сине-красная (рус.) составляющие. Соответственно, исследователь, работник PR отдела, СМИ, политик и публичный деятель, специалист рекламного дела, владеющий методикой анализа звуко-цветовой ассоциативности, может прогнозировать появление той или иной эмоциональной реакции и даже направлять ее, организуя звуковые повторы различного рода в текстах любого типа.

Качественно иные результаты получены при анализе художественного текста, в котором кроме индивидуальности *восприятия* появляется индивидуальность *продуцирования*, т.е. возможность неосознанного /осознанного использования звуко-цветовой ассоциативности как элемента идиостиля. В результате выявляется некая универсализированная авторская матрица звуко-цветовой ассоциативности, которая оказывает влияние на читателя, если творческая личность создала свою собственную систему, и общеязыковая, если таковой нет. Авторские установки должны учитываться при изучении принципов, которыми руководствовался художник слова в непосредственном творчестве, так как могут прояснить особенности его работы над текстом, своеобразие его миропонимания и мироощущения.

Актуальными остаются пласты речи и текстов, изучение которых только намечено или находится на начальном этапе: фольклор (Л.П. Прокофьева, М.А. Венгранович, О.В. Определеннова, А.А. Ермакова), речевой этикет (Л.П. Прокофьева), табуированная и жаргонная речь (Л.П. Прокофьева, Л.Ю. Матвеева), детская литература (А.Е. Бакытжанова, О.В. Определеннова, А.А. Ермакова).

Таким образом, синестетически обусловленная межсенсорная картина мира состоит из нескольких компонентов, ведущими из которых является универсальная (бессознательная) способность человека ассоциировать разномодальные чувства, национальное (подсознательное) свойство отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии. Являясь аналогом мироощущения, запечатленного в модели текста, синестетическая картина мира продуцируется и может быть воспринята. Описание ареала ее бытования, методы и механизмы выявления, а также способы функционирования в языке и речи остаются важной теоретической и практической задачей психолингвистики.

Литература

- Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. Ереван: Митк, 1968. 223 с.
- Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. №4. С. 34–49.
- Галеев Б.М. Системный анализ взаимодействия в перцептивной системе // Синестезия: содружество чувств и синтез искусств. Казань: Изд-во КГТУ, 2008. С. 14–20.
- Горелов И.Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. ИЯ АН СССР, Л.: Изд-во «Наука», 1969. С. 17–20.
- Горелов И.Н. Синестезия и мотивированные знаки подъязыков искусствоведения // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1976. С. 74–82.
- Горелов И.Н. Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977, Т.36, № 2. С. 165–178.
- Елина Е.А. Изобразительное искусство в интерпретациях. Лингво-семиотический взгляд. Саратов: Наука, 2012. 160 с.
- Елина Е.А. Вербальные интерпретации живописи. Саратов: Наука, 2016. 292 с.
- Елина Е.А., Прокофьева Л.П. Проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 92–112.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 159 с.
- Левицкий В.В. Звуковой символизм: Основные итоги. Черновцы: Рута, 1998. 130 с.
- Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 264 с.

Раздел 2

- Лурия А.Р. Курс лекций по общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1964. 227 с.
- Михалев А.Б. Современное состояние фоносемантики // Новые идеи в лингвистике XXI века. Материалы 1 Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А. Хомякова. Пятигорск, 2009. Ч. 1. С. 52–59.
- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск: ПГУ, 2018. 518 с.
- Прокофьева Л.П. Цвето-звуковая картина мира: к постановке проблемы // Вопросы филологии. 2006. № 1 (22). С. 91–98.
- Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.
- Пятковская Е.К. Типология и специфика вербальных интерпретаций произведений живописи Китая и Японии: дисс. канд. фил. наук. Саратов, 2009. 243 с.
- Селиванова О.Н. Общее и различное в интерпретациях пейзажа в искусствоведческих текстах разноструктурных языков (на материале русского и английского языков): дисс. канд. филол. наук. Саратов, 2007. 184 с.
- Шляхова С.С. Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2004. 225 с.
- Шляхова С.С. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы // Филологические заметки, 2014, № 1. С. 183–192.
- Blank M., Klig S. Dimensional learning across sensory modalities in nursery school children [Пространственное обучение посредством сенсорных модальностей у детей дошкольного возраста] // Journal of Experimental Child Psychology [Журнал экспериментальной детской психологии], 1970, 9, P. 166–173.

2.6. Концепция невербальности мышления в трудах И.Н. Горелова

И.А. Стернин, Воронеж

Е.А. Елина, Саратов

Обзор подготовлен по указанным в библиографии работам

Яркий и самобытный ученый и человек Илья Наумович Горелов, человек с интересной и трудной судьбой, последние десятилетия своей жизни был украшением саратовской лингвистики. Все его работы были исключительно интересными и новаторскими, но среди его исследований психолингвистической направленности, пожалуй, центральное место занимали исследования по проблемам соотношения языка и мышления.

И.Н. Горелов значительную часть своих работ посвятил обоснованию концепции невербальности мышления. Являясь последователем Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина и развивая их идеи, он оригинальными экспериментальными исследованиями и глубокими теоретическими наблюдениями подтверждал идею об осуществлении мышления в особом коде – УПК (так называемый «универсально-предметный код») и невербальности мыслительного процесса.

Тонкие наблюдения и интересные и порой очень остроумные доказательства и эксперименты немало способствовали распространению в отечественной лингвистике, психолингвистике, психологии и философии взглядов И.Н. Горелова на принятую дихотомию «язык – мышление»:

- речевая деятельность содержит невербальный компонент как базовый;
- оформление смысла не обязательно включает вербализацию;
- в определенных условиях мысль и языковой конструкт могут сосуществовать независимо друг от друга.

Изложим его концепцию в том виде, в котором она предстает в его основных и последних работах.

В советское время некоторые психологи, нейрофизиологи и психолингвисты постепенно стали ставить вопрос о пересмотре господствовавшей так называемой марксистской теории единства языка и мышления, в упрощенном виде утверждавшей, что мышление осуществляется исключительно с помощью языка, без языка мышление невозможно.

Эта точка зрения, особенно с развитием экспериментальных исследований, стала вызывать сомнение именно своей упрощенностью и категоричностью. Действительность выглядела сложнее и неоднозначнее.

Существовали экспериментальные данные, на первый взгляд подтверждающие вербальный характер мышления. И.Н. Горелов критически анализировал результаты этих экспериментов:

«В середине 60-х годов известный психолог А.Н. Соколов с сотрудниками провел огромную по объему и весьма важную серию опытов для выяснения главного вопроса психологии речи – о взаимозависимости мышления и языка. Психологи решили выяснить, является ли национальный язык “базальным компонентом” мыслительного процесса. Для этого многочисленным испытуемым с разными родными языками давались различные задания, решения которых безусловно требовало осмысления, исключало автоматизм. Одна серия заданий была безусловно связана с операциями на языке: чтение незнакомого текста, мысленное воспроизведение известного стихотворения и т. п. Другая серия заданий (лабиринтные задачи, сборка целостного изображения из фрагментов, шашечные и шахматные задачи, исследование рисунков с аналогичными деталями и пр.) прямой опоры на язык не предусматривала. Все испытуемые были оснащены на языке, на губах, на надгортаннике специальными датчиками, импульсы от которых записывались точными приборами. Специфические рисунки от самописцев, похожие на осциллограммы, назывались «электромиограммами» (ЭМГ). Так вот, ЭМГ были получены от всех испытуемых без исключения, т. е. было практически доказано, что в любой из моментов решения любой мыслительной задачи органы артикуляции находились в движении, проявляли свою скрытую от глаз и уха активность (скрытая активность называется “латентной”). Был сделан вывод: латентная активность органов артикуляции в моменты решения мыслительных задач свидетельствует о том, что „национальный язык является базальным компонентом мышления“. Что, как говорится, и требовалось доказать» [Горелов, Седов 2009: 101].

Далее И.Н. Горелов формулирует вопросы, заданные им после представления результатов опытов А.Н. Соколова, и анализирует ответы, которые были на них даны:

1. Снимались ли ЭМГ с каких-нибудь домашних животных? Ведь если бы с них снимались ЭМГ и последние показали бы схожие или идентичные латентные движения, то стало бы ясно, что ЭМГ фиксируют не «латентную артикуляцию», связанную с национальным языком, а нечто совсем другое! Ответ на этот вопрос был отрицательным: ЭМГ с животных не снимали.

2. Известно, что дети (и не только они) в моменты рисования, вышивания, преодоления каких-либо препятствий высовывают язык, поджимают губы и т. п. Закрашивание фигуры цветным карандашом и подобные задания не требуют особых размышлений, но обнаруживают особую активность органов артикуляции. Но известно и то, что наши органы артикуляции изначально и поныне выполняют и неязыковые функции (при еде, при откусывании нитки и т. п.). Можно ли утверждать, что такого рода активность есть именно артикуляция (скрытая речь), а не иной тип активности, с речью не связанный? Четкого ответа на этот вопрос дано не было, хотя он был признан интересным.

3. Нашли ли экспериментаторы, сличая друг с другом ЭМГ от разных испытуемых, общие фрагменты в тех ЭМГ, которые были разноязычными? Случалось ли в эксперименте так, что носители одного и того же языка мысленно воспроизводили одно и то же стихотворение? Если да, то отличались ли их ЭМГ от ЭМГ иноязычных носителей? На этот вопрос был дан такой ответ: многие ЭМГ обнаруживали между собой сходные фрагменты и несходные фрагменты. Но идентифицировать по ним общие или несходные языки не удавалось [цит. раб.: 102].

И.Н. Горелов делает вывод о том, что «безусловно добросовестные опыты не доказали того, на что рассчитывали экспериментаторы» [там же]. Он приводит и дополнительные аргументы, ставящие под сомнение выводы А.Н. Соколова о том, что мышление осуществляется на национальном языке.

Латентная артикуляция осуществляется с максимальной скоростью 24 слога в секунду. Опыт, проведенный с осмыслением визуальных картинок и краткой записью воспринятого и последующим анализом записанных текстов показал, что при сжатом внутреннем проговаривании при осмыслении картинок было бы необходимо минимум 6 секунд, в то время как картинка осмыслилась за время втрое меньше. Отсюда следует вывод, что при осмыслении картинки не нужна была латентная артикуляция, т.е. не было языковых операций [Горелов, Седов 2009].

Илья Наумович также указывал, что если внутренняя речь совершается в виде свернутого слогового проговаривания, и если слову средней величины соответствует якобы только один краткий слог, а тексту – только группа таких слогов, то – будь это так – нет никакого права считать такое «свернутое нечто» какой-то единицей национального языка. Разве ряд артикулем типа «жевамвседобнамнолет» отражает структурно-языковые особенности предложения русского языка «Желаем вам всего доброго на много лет»? «Да нет же! Скорее всего, этот ряд похож на высказывание на одном из инкорпорирующих языков вроде чукотского», пишет ученый [цит. раб.: 102].

И.Н. Горелов предлагал дополнительные объяснения феномена появления латентной активности органов артикуляции, ссылаясь на экспериментальные данные.

Так, он ссылаясь на эксперимент Н.И. Жинкина, которому удалось с помощью рентгеноскопии доказать, что внутренние органы предартикуляции, обеспечивающие воздушным потоком речепроизводство, и собственные (аутогенные) колебания голосовых связок, – эти органы активизируются и занимают определенное положение до момента произнесения. Изменения, которые демонстрируют органы артикуляции человека, который собирается вступить в коммуникацию, предопределены конкретной ситуацией речевого взаимодействия [цит. раб.: 65].

В исследованиях П.В. Симонова отмечается, что при снятии ЭМГ с артикуляционных мышц бессмысленные сочетания звуков, воспроизводимых «про себя», дают максимальную активность, что противоречит результатам анализа ЭМГ по методике А.Н. Соколова: последние показали наибольшую активность артикуляторных движений при решении *трудных мыслительных задач*. Наличие таких прямо противоположных результатов ставит под сомнение правомерность интерпретации.

В книге «Невербальные компоненты коммуникации» И.Н. Горелов предлагает свои объяснения двигательной активности речевых мышц, обнаруженных в экспериментах А.Н. Соколова.

В условиях эксперимента, т. е. в условиях потенциального речевого общения, неизбежно формируется установка на речь, что должно выражаться, в частности, в упреждающей активации органов артикуляции еще *до* реализации конкретной речевой моторики, связанной с конкретным высказыванием.

В условиях потенциального речевого общения могут быть активизированы механизмы звуковой сигнализации, близкие к механизмам «стайного шума» животных. Сигнализация такого рода не несет, как известно, никакой специальной информации, кроме «информации о присутствии».

В тех же условиях эксперимента может обнаруживаться активность, связанная с ауторитмией (в смысле Н.Л. Бернштейна, К. Лоренца, А.В. Войно-Яснецкого и др.), подобная той, которая обнаруживается еще в период гуления в раннем онтогенезе. Ауторитмия или первичные ритмы возбуждения, возможно, тесно связаны с формированием установки на речь (см. п. 1-й).

4. Всякий акт общения не может быть абсолютно нейтральным в эмоциональном плане, причем эмоциональные проявления затрагивают моторику лица, включая губы, язык – весь артикуляторный комплекс. Эмоциональная моторика манифестируется прежде речевой (К. Леонхард).

В результате, например, взаимодействия сигналов от разных рецепторов могут возникать интермодальные «соощущения» типа синестезий, которые обнаруживаются, в частности, в «речевых синестезиях». Как пишет Н.П. Бехтерева, они связаны с общей активацией «долгосрочной вербальной памяти» [Горелов 2009: 34–35]

В своих исследованиях И.Н. Горелов приводит и многочисленные дополнительные аргументы в пользу концепции невербальности мышления.

- Определенный уровень мышления, наблюдаемый у необученных языку глухонемых и слепоглухонемых, достигается явно без помощи языка.
- Был проведен большой многосерийный эксперимент с машинистками и наборщиками.

Уже предварительные наблюдения показали, что опытные наборщики и машинистки умудряются во время работы перебрасываться друг с другом репликами (без отрыва от работы), слушать радиопередачи (не музыкальные, а «разговорные»). В специальных условиях было проверено, что понимание речи соседа или текста радиопередач производится, действительно, не в «зазорах», не в кратких перерывах между набором или печатанием, а именно параллельно с ними. Однако ученые нашли способ сделать такую работу затруднительной и даже невозможной: предлагалось перепечатать (или набрать) текст, который был специально деформирован грамматически – как синтаксически, так и морфологически. Вот пример предложения из такого текста: *«Многая из такое и позже также или или вот из латуни муравьиные сапога пошел скоро потому что он стала совсемочки белая»*. Такого рода текст никто не смог перепечатать (набрать), не отвлекшись от текстов разговоров или от текста радиопередач. Нет, не в бессмыслице дело. С хорошей скоростью перепечатывался не менее бессмысленный текст: *«Многое из такого в данный момент и позже муравьи в латунных сапожках обнаруживали неоднократно; при этом они становились совсем белыми»*.

Значит, помехой наборщикам служила не семантика текста, который они обрабатывали, а его поверхностная вербальная структура, которая была нарушена. Понимание текста здесь не только невозможно, но и нецелесообразно; оно бы – при вникании в смысл – только тормозило работу.

- В конце 70-х годов в разных вузах нашей страны был проведен массовый эксперимент со студентами на лекциях по языкознанию.

Лекторы, сговорившись предварительно между собой, вставили в конспекты своих лекций несколько фрагментов, которые надо было продиктовать студентам для точной записи. Один фрагмент был такой: *«На одном из Антильских островов была в прошлом году обнаружена популяция птиц, которые переговаривались друг с другом при помощи азбуки Морзе, а в свободное время умели готовить вкусное печенье по рецептам кулинарных книг»*. И что же?

Подавляющее большинство первокурсников, не привыкших к осмысленной записи лекций, старательно зафиксировало в своих тетрадях этот формально правильный текст. И только перечитав его по просьбе преподавателя, аудитория дружно рассмеялась и сконфузилась.

- В особом эксперименте большой группе испытуемых через наушники передавались одни тексты, а синхронно через зрительный канал надо было одновременно обрабатывать тексты того же объема, но совершенно другого содержания.

Каковы же результаты? Ведь после опыта испытуемые должны были пересказать и текст, предъявленный на слух, и тот, что предъявлялся зрительно. «Феномен Цезаря» не подтвердился ни в какой мере: либо испытуемые сосредоточивались на читаемом ими тексте (и тогда хорошо его пересказывали), либо на тексте через наушники (и хорошо пересказывали его). Параллельные тексты никто пересказать не мог, даже тему назвать затруднялись. Типичный отчет испытуемого: *«Сначала как будто удавалось читать и слушать одновременно. Но после всего один текст рассыпался, не остался в памяти»*. Те же, кто во что бы то ни стало, следя за собой, пытались усвоить содержание обоих текстов, не запомнили ни одно-

го. Думается, что понять результат можно так: участки коры, ответственные за слуховое и зрительное восприятия (они находятся в разных местах мозга) работали нормально и свои задачи выполняли исправно. Но ведь зрительные и слуховые сигналы без задержек поступали в общий центр семантической (смысловой) обработки информации.

И здесь-то произошла интерференция (взаимное наложение, смешение) результатов мозгового декодирования сигналов одной и той же природы (речевой). Внутримозговые аналоги словесных и словосочетательных значений потеряли свою четкость, помешали «расшифровке» текстовых разносмысловых и разнооформленных материалов. Скорее всего, «феномена Цезаря» не существует, а миф о нем замаскировал способность знаменитого императора распределять свое внимание к текстам во временных «зазорах» между их исполнением.

- Еще меньше вероятность того, что постороннее общение (болтовня) на лекции не мешает усвоению учебного материала. Психолингвистика ответственно утверждает: нельзя производить одновременно двух осмысленных речевых действий.

- Был проведен и такой эксперимент: через наушники передавались тексты, а для зрительного предъявления был избран совсем другой материал – серия рисунков Х. Бидструпа (по 6 в каждой серии). Каждая серия представляла собой своеобразный «рисунчатый» рассказ о каком-либо событии. Понять смысл серии можно было, только последовательно переходя от одного рисунка к другому. Время было выверено так, что текст на слух мог быть нормально усвоен за тот же промежуток, что и серия рисунков. Каков же результат? Совсем не тот, что при обработке двух вербальных текстов – и поданный на слух текст пересказывался без потерь, и серия рисунков описывалась верно. Почему? Да потому, что образное содержание рисунков почти не надо перекодировать в аппарате мозга, а вербальный текст надо было все равно расшифровывать в центре обработки смыслов: пока он расшифровывался, рисунок уже был усвоен.

Эксперимент показывает:

а) национально-языковой материал понимается нами только потому, что он должен сначала пройти перекодировку в особый код мозга, ответственный за построение смысла. Он, этот код, в процессе своего функционирования и есть информационная система, которую мы называем «мышлением». Этот код не зависит от специфики национального языка, он универсален и надязыков. Н.И. Жинкин назвал его УПК – универсальным предметным кодом, в котором строятся все наши образные представления и схемы связи (смыслы);

б) рисунок (картина, реально наблюдаемая ситуация в жизни, шахматная позиция, чертеж конструкции, которые мы знаем) понимается в зависимости от знания смысла, а не от знания языка. Все это по своей сущности либо совпадает, либо близко к единицам и сочетаниям единиц УПК. Поэтому рисунок понимают представители практически любых языков, если они знают соответствующие общекультурные объекты, представляющие приблизительно один и тот же уровень цивилизации [Горелов, Седов 2009: 99–100].

Критически осмысливая знаменитую мысль Л.С. Выготского о соотношении мысли и слова, И.Н. Горелов пишет:

«Одно из базовых положений концепции Выготского заключается в следующем утверждении: “Мысль не воплощается, а совершается в слове”. Эта цитата из книги ученого стала кочевать по разным учебникам и монографиям, посвященным проблемам психологии речи. Вырванная из контекста, она часто интерпретируется таким образом: человек не знает, о чем он будет говорить до тех пор, пока не заговорит. В этой связи вспоминается описанный детским писателем Б. Заходером разговор с маленькой девочкой. В ответ на вопрос “О чем ты думаешь?” девочка сказала:

– Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу, тогда узнаю!

Здравый смысл заставляет усомниться в справедливости подобной трактовки порождения высказывания. И в самом деле, разве мы не знаем до запуска механизма речевой деятельности того, о чем пойдет речь? Другое дело, что в процессе говорения может происходить *трансформация замысла*.

“Мысль изреченная есть ложь”, – сказал поэт. Действительно, мы часто испытываем острое неудовлетворение по поводу словесного воплощения задуманного. И наоборот, как часто мы убеждаемся, за красивыми, вполне связными высказываниями может не скрываться никакого содержания. В процессе появления высказывания на свет идет “борьба” индивидуально-личностного смысла, понятного только самому говорящему, и языковых форм, несущих в себе принятые коллективом значения. Подобные рассуждения заставили ученика и соратника Л.С. Выготского С.Л. Рубинштейна несколько смягчить определение учителя: “В речи мы формулируем мысль, но, формулируя, мы сплошь и рядом ее формируем”. Такая редакция ближе к истине, но и она не дает ответа на возникающие вопросы:

Если внутренняя речь формируется у детей к 10-летнему возрасту, то как понимают высказывание дошкольники?

Как происходит процесс перевода с одного языка на другой?

В книге Л.С. Выготского есть намек на разрешение возникающего противоречия. “Единицы мысли и единицы речи не совпадают”, – написал ученый. Иными словами, исследователь обозначил существование двух качественно отличных языков, которые взаимодействуют в сознании человека: языка мысли и языка словесного. Ранняя кончина ученого не дала возможность развить намеченные положения» [цит. раб.: 62].

И.Н. Горелов видит разрешение противоречия Выготского в гипотезе Н.И. Жинкина об универсально-предметном коде (УПК). Он пишет:

Противоречия концепции Л.С. Выготского удалось разрешить другому выдающемуся отечественному психологу, Н.И. Жинкину, предложившему гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК) [цит. раб.: 62].

Согласно концепции Н.И. Жинкина, пишет И.Н. Горелов, базовым компонентом мышления является особый язык интеллекта (его-то и назвал исследователь универсально-предметным кодом). Код этот имеет принципиально невербальную природу и представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности в сознании. Это язык схем, образов, осязательных и обонятельных впечатлений реальности, кинетических (двигательных) импульсов и т. п.

УПК – язык, на котором происходит формирование замысла речи, первичная запись личностного смысла. И движение от мысли к слову начинается с работы этого несловесного коммуникативного образования. Динамику же порождения высказывания во внутренней речи, по Н.И. Жинкину, нужно представлять в виде перекодировки содержания будущего речевого произведения с кода образов и схем на язык вербальный. УПК – язык интернациональный. Он является достоянием людей различных языковых культур и в силу этого составляет предпосылку понимания иноязычной речи.

Рождение высказывания Н.И. Жинкин представлял как драматический процесс, в котором мысль как бы борется со словом:

«Мысль в ее содержательном составе всегда пробивается в язык, перестраивает его и побуждает к развитию. Это продолжается непрерывно, так как содержание мысли больше, чем шаблонно-узуальные возможности языка. Именно поэтому рождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление, так же как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию» [Жинкин 1998: 158–159].

Теоретические поиски Н.И. Жинкина не опровергаются, а значительно дополняют и углубляют концепцию Л.С. Выготского, считал И.Н. Горелов: они позволяют уточнить классическую формулу перехода мысли в речь. Мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, в ходе ее вербализации способна трансформироваться, обрастать значениями, которые несут в себе единицы конкретного национального языка. Фундаментальные положения Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина и их учеников и последователей легли в основу *теории речевой деятельности*. Одним из первых обобщил, систематизировал и представил в своих трудах целостную концепцию формирования и понимания речевого сообщения А.А. Леонтьев, отмечает И.Н. Горелов [Горелов, Седов 2009: 63].

Важнейшее значение для научного понимания этих процессов имеют, по убеждению И.Н. Горелова, работы академика Н.П. Бехтеревой, которая экспериментально вскрыла и описала нейролингвистическую природу кодовых переходов.

Биоэлектрические коды мозга записывались специальными устройствами и анализировались на ЭВМ. Установлено, что у каждого человека есть специальный биоэлектрический код для каждого слова. Этот код называют паттерн, и он субъективен у каждого человека. Это биоэлектрический, нейрофизиологический эквивалент слова в сознании человека, различная частота импульсных разрядов нейронов и сама структура импульсного потока. Для каждого слова у человека разный код.

Когда испытуемый слышит слово, у него в сознании возникают биоэлектрические импульсы, которые фиксируются и анализируются экспериментатором. Установлено, что:

1) сначала, сразу после восприятия слова, в сознании человека возникает паттерн, отражающий акустические признаки слова (слова, близкие по звучанию, имеют похожие паттерны); это первая фаза переработки вербального сигнала мозгом, первая фаза кодовых переходов;

2) затем первичный акустический паттерн претерпевает трансформацию, связанную с анализом значения предъявленного слова. Паттерн носит компенсированный характер, в сжатом виде повторяя все основные опорные точки акустического сигнала, но в нем уже появляются элементы, не отражающие звуковую оболочку слова. Этот паттерн быстро трансформируется в следующий тип, если слово оказывается знакомым испытуемому, но довольно долго держится, если слово незнакомое;

3) наконец, промежуточный паттерн трансформируется в такой, который уже никак не связан с акустическим обликом слова и является уже чисто семантическим. Такие паттерны образуют, по Н.П. Бехтеревой, вторичный нервный код или автономный код. Любопытно, что близкие по смыслу слова в автономном коде имеют сходные паттерны (в акустическом коде, напомним, сходными были паттерны близких по звучанию слов). Установлено, что перестройки второго и третьего типа полностью отсутствуют в паттернах активности при восприятии квазислов, бессмысленных звукосочетаний. При этом именно при обработке квазислов наблюдались всплески артикуляторной активности. Компрессированный промежуточный паттерн возникает перед произнесением слова и сохраняется, пока оно не произнесено.

Таким образом, можно говорить о существовании следующих кодовых переходов:

Речевосприятие

внешняя речь → акустический код → промежуточный код → УПК

Речепорождение

УПК → промежуточный код → акустический код → внешняя речь

И.Н. Горелов, анализируя материалы экспериментов Н.П. Бехтеревой и на основе результатов собственных психолингвистических экспериментов, приходит к выводу, что «вторичный нервный код и есть УПК Н.И. Жинкина, «дешифрат» вербального кода. Эти положения представляются предельно четким выражением идеи невербальности собственно мыслительного процесса», писал И.Н. Горелов в 1980 г. (см.: [Горелов 2009: 37]). В более поздней своей работе И.Н. Горелов пишет:

«Понимание речи есть процесс девербализации, перевода в УПК. Порождение речи есть процесс вербализации, то есть перевод из УПК в код коммуникативного (“внешнего”) языка, в речь. Мышление как таковое ... есть функционирование УПК» [Горелов 1987: 135].

Большой интерес представляет предложенное И.Н. Гореловым краткое описание этапов перехода мысли в речь.

«Повторим еще раз, чуть подробнее прежнего, как осуществляется программа превращения мысли в слово (“вербализация”).

1. Высказывание стимулируется *мотивом* данного акта речевой деятельности (Для чего, с какой целью я говорю?), а предварительно у говорящего должна быть сформирована установка на общение в целом (ее нет, например, во сне).

2. Первичная стадия формирования высказывания – стадия *коммуникативного намерения*, которое реализуется в виде настроя на определенную типичную ситуацию социального взаимодействия людей – на конкретный речевой жанр, будь то жанр приветствия, комплимента, ссоры, доклада, болтовни и т. п. В зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия у него формируется общая установка на определенную тональность коммуникации, модальность речи (на кооперативное или конфликтное общение, на понимание или коммуникативный саботаж и т. п.). В этой же стадии в сознании говорящего образуется представление о цели (интенции, иллюзии) будущего высказывания (На какой тип общения я настраиваюсь?). Установка на конкретный речевой жанр влияет на формирование общей семантической (смысловой) программы высказывания.

От коммуникативного намерения процесс переходит к моменту формирования смыслового содержания будущего высказывания (Не только “для чего”, но и “что именно буду говорить”, начну с вопроса или с констатации?) в УПК (по Жинкину). Это стадия общего *замысла*. Здесь формируется целостная (может быть, пока еще неотчетливая, диффузная) семантическая “картина” будущего высказывания: смысл, семантика уже есть, а конкретных слов и синтаксических структур еще нет.

Сформировавшаяся внутренняя программа (замысел) начинает трансформироваться: начинает работать механизм *перекодировки, перевода смысла* с языка образов и схем на конкретный национальный язык – язык значений. Здесь появляются *первичная вербальная запись* будущего высказывания: ключевые понятия, предложения, обрывки фраз, которые несут ядерный (рематический) смысл. Первичный словесный конспект будущего высказывания, который возникает в сознании человека, наполнен личностными смыслами: первые вербальные образования (если их озвучить) понятны только самому говорящему.

Дальнейшее формирование речи представляет собой *разворачивание* ядерного смысла (темы) в построенное в соответствии с психолингвистической нормой текстовости речевое целое.

При этом сначала образуется *синтаксическая схема* будущего высказывания. “Внутренние слова”, т. е. значения слов уже становятся “прообразами” слов внешних и занимают постепенно “свои” синтаксические позиции.

Следующая стадия речепорождения – грамматическое структурирование и морфемный *отбор конкретной лексики*, после чего реализуется послоговая *моторная программа* внешней речи, артикуляция».

Все названные этапы порождения речи не следует представлять себе строго отдельно и последовательно, отмечает ученый, скорее всего, все это – весь процесс порождения речи – быстротечно и реализуется в доли секунды [Горелов, Седов 2009: 69–70].

Многолетние исследования И.Н. Горелова приводят к важному выводу – в определенных условиях мысль и языковой конструкт способны «сосуществовать» без всякой связи.

«Можно утверждать, пишет ученый, что речь и мышление – самостоятельные познавательные процессы, которые могут присутствовать в нашем сознании независимо друг от друга. Еще более просто: в реальной деятельности людей мы сталкиваемся с “*мышлением без речи*”, и (что более парадоксально) с “*речью без мышления*”. В том же случае, когда мышление и речь соединяются в один когнитивный (познавательный) процесс, мы имеем дело с речевым (дискурсным) мышлением» [цит. раб.: 100].

Свои рассуждения о взаимосвязи языка и мышления И.Н. Горелов завершает следующим выводом:

«Полагаем, что на этом можно завершить рассмотрение вопроса о характере связи процессов мышления с процессами реализации языка в речи. И сделать вывод: нормально человек мыслит, когда говорит о чем-то. Это и есть речевое (дискурсивное) мышление, где, говоря словами Л.С. Выготского, “мысль рождается в слове”. Как мы уже говорили, подобный тип спонтанного порождения текста (дискурса) осуществляется в условиях практической одновременности формирования мысли и речи. Но это не значит, что человек, мысля, обязательно при этом еще и “скрытно говорит”. Поэтому Н.И. Жинкин утверждал, что “человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковыми свойствами“» [цит. раб.: 104].

Таковы основные идеи профессора Ильи Наумовича Горелова о соотношении мышления и речи.

Литература

- Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск: Челяб. пед. ин-т, 1974. 116 с.
- Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности: психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллинн: Валгус, 1987. 190 с.
- Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 317 с.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. Изд.4. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 112 с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Третье, переработанное и дополненное издание. М.: Издательство «Лабиринт», 2009. 304 с.
- Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Язык – речь – творчество: Избр. тр. М., 1998. С. 146–162.

2.7. Фоносемантика в России

С.С. Шляхова,
Пермь

Методологической основой фоносемантики является *принцип генетической произвольности, мотивированности языкового знака*: «унитарный принцип Ф. де Соссюра “языковой знак произволен” исчерпал себя как всеохватывающий основополагающий принцип. Мы видим, что на смену ему приходит новый – бинарный принцип: “языковой знак и непроизволен, и произволен” одновременно» [Воронин 1999: 130].

На сегодня отсутствует единое международное название этого направления исследований: *фоносемантика (phonosemantics)* (М. Magnus, R.W.Wescott, Ж. Колева-Златева, С.В. Воронин) – российская традиция, *фоносемика (R.W.Wescott)*, *лингвистический иконизм (linguistic iconicity)* – европейская традиция, *звуковой символизм (Sound Symbolism)* (А. Abelin) – американская традиция, *мимологика (mimologique)* – французская традиция, *мимология* – тюркология, *экспрессивный символизм* и *фонетический символизм* (Е. Sapir) и др. Представленные термины не являются синонимичными, поскольку в объем этих понятий включается как область акустического и неакустического денотатов (*фоносемантика, phonosemantics, лингвистический иконизм, linguistic iconicity*), так и только неакустический денотат (*звуковой символизм, Sound Symbolism* и др.).

«Аксиоматичность» тезиса Соссюра о немотивированности, произвольности языкового знака привела к периферийному и несистемному характеру исследований в области лингвистического иконизма, малокомпетентным публикациям в научных журналах, ограниченному числу фундаментальных фоносемантических исследований.

История развития и становления фоносемантической мысли в России представлена во многих российских исследованиях ([Михалёв 1995; Шляхова 2003; Прокофьева 2007; Левицкий 2009] и др.). Отдельные работы посвящены современной отечественной фоносемантике [Михалев 2009; Shlyakhova 2015; Шляхова 2018; 2019; 2020].

Рождение фоносемантики как самостоятельного раздела языкознания принято связывать с именем С.В. Воронина, в лингвистических трудах которого находит свое концептуальное оформление русскоязычная фоносемантическая мысль [Воронин 1982]. В.В. Левицкий как основу русскоязычной фоносемантики выделяет три основные работы: «Семантика и фонетика» В.В. Левицкого [Левицкий 1973], «Фонетическое значение» А.П. Журавлёва [Журавлев 1974] и «Основы фоносемантики» С.В. Воронина [Воронин 1982] (см.: [Левицкий 2009: 11]). К этому списку следует добавить монографию А.С. Газова-Гинзберга «Были ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней)» [Газов-Гинзберг 1965]. Все работы являются «пионерскими» в этой области, однако, на наш взгляд, именно работы С.В. Воронина надолго определяют пути и перспективы возможного развития фоносемантики. Работы А.П. Журавлева [Журавлев 1974] и В.В. Левицкого

посвящены, прежде всего, звуко-символизму; в монографии С.В. Воронина обосновано выделение фоносемантики как науки в целом.

1969

Знаковым событием для российской фоносемантики стал семинар по проблемам мотивированности языкового знака, который состоялся в Ленинградском отделении Института Языкознания Академии наук СССР ЛО ИЯ АН СССР (сегодня – Институт лингвистических исследований Российской академии наук, ИЛИ РАН). По итогам семинара были опубликованы «Материалы Семинара по проблеме мотивированности языкового знака» [Материалы ... 1969]. Участниками семинара стали многие выдающиеся ученые: Г.П. Мельников, Ю.Н. Завадовский, Л.Б. Ительсон, С.В. Воронин, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, И.Н. Горелов, А.А. Леонтьев, В.М. Павлов, Е.Г. Эткинд, Е.М. Верещагин, Б.В. Журковский, А.Н. Журицкий, А.С. Штерн, Н.Г. Михайловская.

1989

Следующее совещание фоносемасиологов состоялось только спустя двадцать лет в Пензе под эгидой Института языкознания АН СССР. Участники совещания: С.В. Воронин, Г.И. Богин, Ю.Д. Каражаев, С.В. Климова, А.В. Пузырев, Е.У. Шадрина, Л.Н. Кучерова, О.А. Кашичкина, И.Н. Горелов, О.Д. Кулешова, А.Н. Морозова, Т.О. Пахомова, И.И. Валуйцева, Ю.А. Сорокин, О.Л. Кулешова, А.П. Тимонина, Т.Е. Воронина и С.Ю. Косицина, Н.А. Аверьянова. Материалы совещания частично опубликованы в сборнике «Фоносемантические исследования» [Фоносемантические исследования 1990].

1999

Через десять лет в Пензе прошла Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики» [Актуальные проблемы... 1999]. В работе секции «Актуальные проблемы фоносемантики» приняли участие исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Казани, Пензы, Черновцов, Перми, Твери (С.В. Воронин, А.В. Пузырев, О.И. Бродович, Н.В. Бартко, Е.И. Беседина, Е.У. Шадрина, И.Б. Долинина, Л.Н. Живаева, С.С. Шляхова, Л.П. Прокофьева, Л.Г. Зубкова, О.А. Казакевич, Г.М. Богомазов).

2005

Наиболее представительной стала Международная конференция «Знак: иконы, индексы, символы», посвященная 70-летию со дня рождения проф. С.В. Воронина, которая прошла в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие свыше 80 человек из России, Европы и США: Б.Х. Бичагджан (Нидерланды), Й. Забарскайте (Литва), В.В. Левицкий (Украина), Дж. Охала (США), О. Абелин (Швеция), Р. Эллот (Великобритания), О.И. Бродович, А.А. Бурькин, А.И. Варшавская, Б.М. Галеев, Н.В. Дрожащих, А.А. Залевская, С.В. Климова, Г.Е. Крейдлин, А.Н. Ливанова, А.Б. Михалёв, И.Ю. Павловская, В.А. Пищальникова, Л.П. Прокофьева, В.А. Разумовская, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.С. Татарина, Е.Б. Трофимова, Е.А. Шамина, С.С. Шляхова, Т.В. Черниговская и др. [Тезисы докладов... 2005].

2008

В Саратове состоялась международная научная конференция «Язык – Сознание – Культура – Социум», посвященная памяти проф. И.Н. Горелова. В работе секции «Теоретические и прикладные аспекты фоносемантических исследований» участвовали докладчики из Санкт-Петербурга, Саратова, Курска, Москвы, Перми, Пятигорска О.И. Бродович, Н.В. Бартко, А.Б. Михалев, Л.П. Прокофьева, О.В. Определеннова, Г.В. Векшин, Н.А. Ефанова, Е.В. Петухова, Е.Ю. Кустова, Е.А. Шамина, С.С. Шляхова [Секция фоносемантика 2008].

2013

В Москве по инициативе Л.П. Прокофьевой организована секция «Современная фоносемантика» в рамках X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL). Участники представляли Санкт-

Санкт-Петербург (О.И. Бродович, Е.А. Шамина, М.А. Флакман), Ульяновск (А.В. Пузырев, Е.С. Голимбиевская, А.Д. Гимаева, М.А. Маравина), Саратов (Л.П. Прокофьева), Уфу (Т.М. Рогожникова, Н.В. Ефименко, Р.А. Даминова), Пермь (С.С. Шляхова) [Современная фоносемантика 2013].

2016

Следующее собрание фоносемасиологов прошло в Санкт-Петербурге на VIII Международной конференции «Англистика XXI века», посвященной 80-летию проф. С.В. Воронина. В работе секции «Фоносемантика» приняли участие исследователи из России (С.В. Климова, М.А. Флакман, А.Н. Ливанова, Н. Ноланд, В. Фридман, Л.П. Прокофьева, М.Г. Вершинина, Е.В. Сундуева, О. Барташова, Е. Кривошеева, Е. Татарина, О. Чукарькова, М. Данильчик, Е. Беседина, А. Краснова, И. Кузьмич, В. Давыдова, М. Смехова), Испании (Juan Carlos Moreno Cabrera), Израиля (Michal Ephratt), США (Natalia Noland), Японии (Jan Auracher, William J. Herlofsky), Нидерландов (Bernard H. Bichakjian, президент Международного общества происхождения языка). Материалы конференции опубликованы в [Anglistics of the XXI century 2016].

Сегодня в Санкт-Петербурге учениками С.В. Воронина и О.И. Бродович в рамках Международной научной конференции филологического факультета СПбГУ ежегодно формируется секция «Фоносемантика», а с 2017 года – секция «Проблемы фоносемантических исследований» в рамках ежегодной конференции «Актуальные проблемы языкознания» СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Несмотря на кажущуюся «вялость» исследований лингвистического иконизма в рамках конференций, кон. XX – нач. XXI вв. ознаменовались бурным развитием фоносемантики в России. Происходит формирование и становление фоносемантических школ; активизация исследований редупликации в различных языках (Ф.Л. Минлос, Ф.И. Рожанский, Ж. Колева-Златева, С.С. Шляхова, А.С. Алисултанов и др.); введение фоносемантики в вузовские учебные курсы (С.В. Воронин, Л.Н. Санжаров, Ю.В. Казарин, А.Б. Михалев, С.С. Шляхова); исследование «поэтической» фоносемантики (Ю.В. Казарин, Л.П. Прокофьева, В. Вейдле; Г. Векшин, Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова и др.); активизация исследований по биолингвистике (О.Л. Силаева, В.Д. Ильичев, Ю.А. Сорокин и др.), а также разработка программного обеспечения для фоносемантического анализа текста (В.И. Шалак, Л.П. Прокофьева, Т.М. Рогожникова и др.).

По нашим данным, за последние 25 лет в России было защищено не более 10–12 докторских диссертаций, связанных с проблемами лингвистического иконизма, среди них О.Л. Силаева «Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц» (М.: Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, 1998); И.Ю. Павловская «Фоносемантические аспекты речевой деятельности» (СПбГУ, 1999); Г.В. Векшин «Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования» (М.: РУДН, 2006); С.С. Шляхова «Фоносемантические маргиналии в русской речи» (Пермь: ПГУ, 2006); Н.В. Дрожащих «Синергетическая модель иконического пространства языка» (Тюмень: ТюмГУ, 2006); Л.П. Прокофьева «Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты» (Саратов: СГУ, 2009); И.А. Шаронов «Междометия в языке, в тексте и в коммуникации» (М., 2009); Е.В. Сундуева «Вербализация чувственного восприятия средствами корневых согласных [r/m] в монгольских языках» (Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011) и др. Но прогресс очевиден, поскольку за предыдущие 35 лет было защищено только 5 докторских.

В последние годы журнал «Вопросы психолингвистики» опубликовал ряд статей [Нистратов 2017; Козловская 2018; Елина 2018; Вашунина 2018; Зельдин 2018; Рогожникова 2018; Шляхова 2018; 2019; 2020 и др.], в той или иной степени посвященных проблемам лингвистического иконизма, что позволило значительно укрепить позиции фоносемантики в российском научном дискурсе.

Фоносемантические школы и исследовательские группы

Сегодня в России сформировались и активно работают несколько научных центров, занимающихся проблемами лингвистического иконизма.

Петербургская фоносемантическая школа: основатель С.В. Воронин (1935–2001) – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского университета; один из основоположников российской научной фоносемантики.

В рамках Петербургской фоносемантической школы решаются следующие проблемы: обоснование фоносемантики как самостоятельной научной дисциплины, ее категорий, законов, закономерностей; моделирование звукоизобразительной системы языка на уровне фонотипа (фонема / группа фонем, объединенных акустико-артикуляторными признаками, которые обладают универсальными характеристиками: спирант, вибрант, гуттуральный и т.п.); фоносемантическая этимология (разработан метод фоносемантического анализа, вводящего объективные критерии определения звукоизобразительного слова); универсальная типология ониматопов; иконическая концепция происхождения языка; обоснование принципа двоякой – произвольной / произвольной – природы языкового знака; разработан метод фоносемантического анализа; выявление объективных критериев определения звукоизобразительного слова; формулировка основных законов образования и эволюции языкового знака; обоснование категории фонотипа как основной категории фоносемантики; обоснование понятия и определение природы синкинестэмии – базиса звукоизобразительности; деиконизация звукоизобразительного слова; деиконизация звукоизобразительного слова и др. Странники Петербургской фоносемантической школы придерживаются изобразительной (иконической) теории происхождения языкового знака [Воронин 2003].

Концепция моделирования звукоизобразительных слов на уровне фонотипа С.В. Воронина проверялась на материале таких языков, как индонезийский (И.Б. Братусь), башкирский (Л.З. Лапкина), лезгинский (И.А. Мазанаев), осетинский (Т.Х. Койбаева), эстонский (Э. Вельди), грузинский (Н.Д. Канкия), русский (С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина), немецкий (С.С. Шляхова, О.В. Шестакова), итальянский (Е.А. Шамина), коми-пермяцкий (С.С. Шляхова, А.С. Лобанов] и мн. др. Оказалось, что звукоизобразительные слова различных языков сопоставимы друг с другом на уровне фонотипа.

Под руководством С.В. Воронина было защищено 25 кандидатских диссертаций: И.Б. Братусь (1976), Л.И. Петрова (1978), А.Ю. Афанасьев (1984), И.А. Мазанаев (1985), С.В. Климова (1986), М.Я. Сабанадзе (1987), О.А. Барташова (1987), Т.Х. Койбаева (1987), Е.И. Слоницкая (1987), Е.А. Шамина (1988), Н.Д. Канкия (1988), М.В. Иванова (1990), С.В. Пономарева (1991), Н.М. Ермакова (1993), И.В. Кузьмич (1993), Е.В. Петухова (2001), Н.В. Бартко (2002) и др., в которых развиваются и углубляются положения фоносемантики, выдвинутые С.В. Ворониным. Все исследования являются уникальными.

Фоносемантические идеи Петербургской фоносемантической школы во многом определяют теоретическую базу докторских диссертаций и фоносемантических концепций А.Б. Михалева (1995), С.С. Шляховой (2006), Н.В. Дрожащих (2006), Л.П. Прокофьевой (2007), Ж. Колевой-Златевой (2008), Е.В. Сундуевой (2011) и др. Вклад Петербургской фоносемантической школы в развитие русскоязычной и мировой фоносемантики переоценить невозможно.

В рамках Петербургской фоносемантической школы сегодня развивается веб-проект «Iconicity Atlas»; реализован проект «Фоносемантика» в Википедии.

Саратовская психолингвистическая школа: основатель школы – проф. И.Н. Горелов, выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Саратовского государственного университета. И.Н. Горелов выдвинул тезис об обусловленности звуко-символизма психофизиологическим механизмом синестезии [Горелов 1969]. Эксперименты, разработанные И.Н. Гореловым, убедительно показывают реальное существование потребности в гармонии между звуком и смыслом, кото-

рая существует в сознании человека [Горелов, Седов 2008: 20]. Наиболее фундаментально проблемы лингвистического иконизма представлены в работах К.Ф. Седова, Е.А. Елиной, Л.П. Прокофьевой.

В рамках Саратовской школы решаются следующие фоносемантические проблемы: обоснование тезиса о примарной мотивированности языкового знака; психолингвистическое экспериментальное исследование звуко-символизма; цвето-графемная синестезия, звуко-цветовая ассоциативность (русский и английский); разработка программного обеспечения анализа звуко-цветовой ассоциативности прозы, поэзии и драматургии (русский и английский).

Сегодня в рамках Саратовской психолингвистической школы реализуется проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» [Елина, Прокофьева 2018].

Пятигорская фоносемантическая школа: руководитель проф. А.Б. Михалев, Пятигорский государственный лингвистический университет. Методологическая концепция Пятигорской фоносемантической школы – теория фоносемантического поля (ФСП) А.Б. Михалева [Михалев 1995; 2018]. Развитие теории ФСП в работах учеников приводит А.Б. Михалева к постановке проблемы протоконцептуального пространства языка.

В рамках Пятигорской фоносемантической школы развиваются следующие идеи: теория фоносемантического поля (уникальные исследования); фоносемантическая этимология; обоснование протоконцептуального иконического пространства языка; иконическая концепция происхождения языка; исследование звукоизобразительности морфемотипов, фонем, инципалей, финалей.

Под руководством А.Б. Михалева защищены диссертации М.Д. Зимовой (2005), Ж.М. Тамбиевой (2003), М.А. Джукаевой (2010), Н.В. Папка (2002), Н.Н. Левиной (2007), М.А. Даниловой (2007), С.А. Атаджанян (2014) и др.

Бийская фоносемантическая школа (Лаборатория антропоцентрической типологии языков): руководитель проф. Е.Б. Трофимова, Алтайская государственная академия образования, Бийск.

В рамках Бийской фоносемантической школы рассматриваются проявление иконизма в условиях психолингвистического эксперимента; иконическая концепция происхождения языка; исследование процессов окказиональной вербализации и восприятия сигналов разной природы носителями русского, английского, китайского, корейского, японского, алтайского и др. языков; сопоставительные исследования по выявлению иконических свойств в звукоподражаниях и междометиях в русском, японском, английском, китайском, корейском, монгольском и др. языках. Уникальные исследования – экспериментальное выявление механизмов организации речи при наименовании объектов действительности, не получивших языковой кодификации. Результаты исследования нашли отражение в коллективных монографиях [Трофимова и др. 2009; 2011; 2018].

Под руководством Е.Б. Трофимовой защищены диссертации М.Э. Сергеевой (2002), Е.Ю. Деревягиной (Филипповой) (2008), Т.А. Пруцких (2009), Е.В. Панькиной (2009), С.В. Никрошкиной (2010), В.Ю. Вашкявичюс (2011), Одончимэг Тумээ (2013), Е.И. Кривошеевой (2015) и др.

Пермский фоносемантический кружок: руководитель проф. С.С. Шляхова, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Методологическая концепция Пермского фоносемантического кружка – теория о системности фоносемантических маргиналий (ФМ-система) С.С. Шляховой [Шляхова 2005]. ФМ-система понимается как базовая подсистема звукоизобразительной (иконической) системы языка и как периферийная подсистема языка в целом. Зона ФМ-системы понимается как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования не-семиотического звука в семиотический.

Пермскими фоносемасиологами разрабатываются многие проблемы фоносемантики: обоснование протоконцептуального иконического пространства языка (фоносемантическая картина мира); маргинальная лингвистика (уникальные исследования); иконическая

концепция происхождения языка; исследование звукоизобразительности коми-пермяцкого языка (уникальные исследования); моделирование звукоизобразительной системы языка, универсальная типология ономастов (русский, немецкий, коми-пермяцкий); фоносемантическая этимология; системность, универсальность и этничность ономастопеи (русский, немецкий, коми-пермяцкий); фоносемантическая лексикография: русский, немецкий, коми-пермяцкий (уникальные исследования); диалектная фоносемантика; экспериментальное исследование фонетического значения и цвето-графемной синестезии (коми-пермяцкий язык); системность ономастопеи, интеръективов, вокальных жестов, «заумной речи» (заумь, тексты бредовых и трансовых состояний, «квазиязыки» футуристов, обэриутов, постмодернистов, детские квазиязыки и пр.), а также их базовой позиции в происхождении и эволюции языка.

Сегодня пермскими фоносемасиологами реализуется международный научный веб-проект «Лингвистический Иконизм (ЛИК). Фоносемантика. Иконизм. Звукосимволизм. Ономастопея. Междометия. Звуковые жесты. Фонетический символизм. Мимология. Идеофоны. Синестезия. Семиотика иконизма», посвященный проблемам лингвистического иконизма.

Уфимская психолингвистическая школа («фоносемантический проект» уфимских психолингвистов): руководитель проф. Т.М. Рогожникова, Уфимский государственный авиационный технический университет (УГАТУ). Основные проблемы, разрабатываемые в Уфе: психолингвистическое экспериментальное исследование звукосимволизма; цвето-графемная синестезия, звуко-цветовая ассоциативность (русский, английский, татарский, башкирский, немецкий); разработка программного обеспечения анализа звуко-цветовой ассоциативности текстов (русский, английский, татарский, башкирский, немецкий).

Уфимская «фоносемантическая группа» (Р.А. Даминова, Н.В. Ефименко, Г.Р. Кочетова, Р.В. Яковлева, Э.Ф. Хасанова и др.) реализует проект, целью которого является разработка программного обеспечения для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте для русского, английского, татарского, башкирского и немецкого языков.

Сегодня в рамках Уфимской психолингвистической школы реализуется проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» [Рогожникова 2018].

Московская школа экологической биолингвистики: основатель проф. В.Д. Ильичев, руководитель проф. О.Л. Силаева, Лаборатория экологии и управления поведением птиц Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва. Основные решаемые проблемы: проблемы коммуникации человека и животных и птиц; иконическая концепция происхождения языка (в основе начала формирования речи человека – звуки природы и сигналы животных и птиц); открыт глобальный акустико-имитативный процесс, объединяющий все коммуникативные системы человека и животных. В результате сопоставительного анализа акустических коммуникационных систем человека и животных было выявлено не только сходство этих систем, но и подтверждена звукоподражательная теория глоттогенеза, доказано, что прототипом речевых фонем были звуки природы, и в подавляющем большинстве – сигналы птиц. В 80-х гг. XX в. в рамках биолингвистики родилось новое направление – экологическая биолингвистика. Исследования имитативной активности животных способствуют изучению также и самой прототипной речевой коммуникации человека [Силаева 1998]. Наиболее последовательно идеи В.Д. Ильичёва развивает О.Л. Силаева – последовательница звукоподражательной теории глоттогенеза, которую она доказывает в рамках глобального акустико-имитативного процесса коммуникации человека и животных.

Черновицкая фоносемантическая школа: основатель – В.В. Левицкий (1938–2012) – выдающийся российско-украинский лингвист, доктор филологических наук, профессор Черновицкого университета, один из основателей российской фоносемантики, один из крупнейших в мире специалистов по звуковому символизму.

В рамках Черновицкой фоносемантической школы решаются следующие проблемы: объективный и субъективный звуковой символизм в разноструктурных языках; звукосимволизм отдельных согласных и гласных, дифференциальных признаков фонем (смычные,

щелевые, аффрикаты, сонанты, лабиальные, дентальные и пр.), звукосочетаний, фонестем в начальных или конечных позициях слова; этимологическое развитие и этимологические связи лексики различных индоевропейских языков; семантическое пространство индоевропейской лексики; определение величины семантического дифференциала фонетических признаков (т.е. способность дифференцировать семантику и.-е. корня или группы корней от других групп); исследование звуко-символизма в романо-германских языках (в том числе в сопоставительном плане); соотношение фонетического и коннотативного значения слова; фонетическое значение и мотивированность; семантические и стилистические функции фонестем; статистическая методика семантических связей и фонетико-семантических корреляций; соотношение категорий *звучания – значение – цвет*; взаимосвязь «мажорности» и «минорности» с определенными фонестемами и характеристиками звуков и др.

Под руководством В.В. Левицкого подготовлено 42 кандидатских и 2 докторских диссертации (Н.Д. Капатрук, А.Д. Огуй, В.И. Кушнерик, С.В. Кийко, В.В. Дребет, Т.В. Джурюк, Л.В. Гиков, С.А. Кантемир, Н.Л. Львова, Ю.И. Мацкуляк, Н.Г. Есипенко, О.В. Найдеш, Т.А. Романова, О.В. Соловьева и др.).

Обзор научной литературы, созданной в рамках исследований фоносемантических школ и центров России, позволяет выявить проблемы, которые в российской лингвистике исследуются наиболее активно:

- фоносемантические универсалии в области звуко-символизма и ономотопеи на материале различных языковых семей (С.В. Воронин, А.Б. Михалев, С.С. Шляхова, О.В. Шестакова, Н.В. Дрожащих, Л.П. Прокофьева, Е.Б. Трофимова, Т.М. Рогожникова и др.);
- обоснование иконической концепции происхождения языка (С.В. Воронин, А.Б. Михалёв, Н.В. Дрожащих, С.С. Шляхова и др.);
- деиконизация звукоизобразительного слова (М.А. Флакман и др.);
- обоснование протоконцептуального иконического пространства языка: теория фоносемантического поля (А.Б. Михалёв), иконическое пространство языка (Н.В. Дрожащих), фоносемантическая картина мира (С.С. Шляхова);
- лексикографическая фиксация звукоизобразительных (фоносемантических) единиц (С.С. Шляхова, О.В. Шестакова, М.А. Флакман и др.);
- звуко-цветовая ассоциативность (цвето-графемная синестезия) (А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева, С.С. Шляхова, Т.М. Рогожникова и др.);
- программное обеспечение для фоносемантического анализа английского, русского (В.И. Шалак, Л.П. Прокофьева, Т.М. Рогожникова), татарского, башкирского и немецкого (Т.М. Рогожникова) языков и др.

Монографии и словари

Среди монографий, связанных с проблемами лингвистического иконизма, можно отметить следующие.

Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования: монография. М.: МГУП, 2006. 461 с.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.

Воронин С.В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация / 2-е изд. Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2004. 190 с.

Воронин С.В. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers. СПб.: СПбГУ, 2005. 146 с.

Дрожащих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2006. 254 с.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.

Левицкий В.В. Семантика и фонетика: Пособие, подгот. на материале эксперим. исследований / М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Черновиц. гос. ун-т. Черновцы, 1973. 103 с.

Левицкий В.В. Звуковой символизм = Sound symbolism: Основные итоги. Черновцы, 1998. 129 с.

Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка: опыт квантитативного анализа этимологического словаря. Черновцы: Рута, 2008. 231 с.

Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. 264 с.

Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск: ПГЛУ, 1995. 213 с.

Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 518 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка : Опыт систем. Осмысления. М.; Пенза: ПГПУ, 1995. 377 с.

Силаева О.Л., Ильичев В.Д., Дубров А.П. Говорящие птицы и говорящие звери. М.: Из-во ПАСЬВА-ИнЭкоПром, 2005. 240 с.

Силаева О.Л. Звукоподражание: наука и практика. М.: Сельсин АСБ. 2008. 232 с.

Сундуева Е.В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2011. 342 с.

Трофимова Е.Б. Оказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями. М.: УРСС, 2009. 168 с.

Трофимова Е.Б. Узуальное и оказиональное семиотическое пространство эмоций: коллективная монография / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.Э. Сергеева, М.С. Власов, Е.Ю. Филиппова, Т. Одончимэг. Улан-Батор-Бийск: Соёмбо-принтинг, КРАСАНД, 2011. 292 с.

Трофимова Е.Б., Власов М.С., Одончимэг Т., Филиппова Е.Ю. Контрастивная фоносемантика: опыт экспериментальных исследований монгольского и русского языков. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. 110 с.

Флакман М.А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. 198 с.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 291 с.

Шестакова О.В. Мир сквозь призму ономотопеи: монография. Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2016. 301 с.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2003. 216 с.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2005. 350 с.

Шляхова С.С., Лобанова А.С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке. Пермь: ПГГПУ, 2012. 297 с.

Шляхова С.С., Вершинина М.Г. Фоносемантическая звуковая картина мира: монография. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 423 с.

Российские фоносемасиологи целенаправленно ведут работу по лексикографической фиксации звукоизобразительных слов, при этом системное описание единиц выводится из их фоносемантических характеристик. Описание иконических слов в словарях целесообразно на основе универсальных (акустический признак; фонемная, фонотипная, фонестемная идентичность; грамматический класс иконических единиц и пр.) и идиоэтнических (фонестемная языковая специфика; звукоизобразительная мотивировка и звукоизобразительная этимология с похожей семантикой и пр.) фоносемантических признаков. На сегодня существует несколько фоносемантических словарей.

Шляхова С.С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2004. 225 с.

Шляхова С.С., Шестакова О.В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. *Deutsche Onomatopoeika: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.

Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. 201 с.

Программное обеспечение

На рубеже веков активно разрабатывается программное обеспечение для фоносемантического анализа текста. Изучение фоносемантической структуры текста фактически было начато в 60-70 гг. XX в. в работах А.П. Журавлева [Журавлев 1974], в основе которых лежит принцип семантического дифференциала Ч. Осгуда. В дальнейшем в сети появилось множество программ фоносемантического анализа текста, валидность экспериментов, которые лежат в основе программ, и их научную состоятельность фоносемасиологи оценивают весьма осторожно [Прокофьева 2006]. Почти все программы, представленные в Интернете (ВААЛ, DIATON, PSYLINE CD и др.), имели коммерческую основу.

Наиболее известной и прошедшей долгосрочную проверку является система ВААЛ, которая начинает разрабатываться в Москве в 1992 г. под руководством В.И. Шалака. Система позволяет оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека; генерировать слова с заданными фоносемантическими характеристиками; задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно корректировать тексты по выбранным параметрам в целях достижения необходимого эффекта воздействия; оценивать звуко-цветовые характеристики слов и текстов и др. (<http://www.vaal.ru/>).

Программа СЛОВОДЕЛ (версия DIATONE), разработанная под руководством И.Ю. Черепановой, – универсальная программа экспертизы текстов внушения (рекламных, психотерапевтических, личностных) рассчитана на анализ суггестивных особенностей текстов. Экспертиза проводится на основании анализа следующих параметров: фонетическое значение текста; тип кодирования (жесткий, мягкий); фонетическое значение отдельного слова; соотношение высоких и низких звуков; звуко-цветовые ассоциации на текст; ритмические характеристики текста и пр. (www.vedium.ru). Но сегодня программа недоступна в сети.

Однако популяризация фоносемантических идей при помощи подобных программ привела к недоверию и отрицанию принципа научности подобных исследований. Поэтому у многих, знакомых с ВААЛ и ДИАТОН, сформировано представление о фоносемантике как «лженауке» [Прокофьева 2006], поскольку эти программы имеют ряд существенных недостатков в области анализа звуко-цветовой ассоциативности [Прокофьева 2007: 169].

В 2007–2009 гг. в Саратове под руководством Л.П. Прокофьевой было разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий ЗВУКОЦВЕТ для английского и русского языков. Валидность экспериментальной базы программы обусловлена долгосрочностью проведения серии экспериментов (более 12 лет) и количеством респондентов (1000 англоязычных и 1000 русскоязычных). Программа решает ряд задач: рассчитывает частотность графонов русского и английского прозаического, поэтического и драматургического текстов; определяет цветность текстов на основании рассчитанной частотности звукобукв; определяет наличие приемов аллитерации и ассонанса в тексте; анализирует каждый абзац текста и текст целиком, за счет чего достигается эффект динамики звуко-цветовой ассоциативности текста [Прокофьева 2008, 2013].

В 2011 г. в Уфе под руководством Т.М. Рогожниковой разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАРИН для русского и английского языков. В 2013 г. там же разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАТЫР для татарского и башкирского языков [Рогожникова 2013; 2018], а в 2016 г.

– программа БЮРГЕР для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в немецких словах и текстах [Рогожникова 2018].

Анализ фоносемантических программных продуктов показывает, что все они направлены в том числе и на объективацию подсознательных механизмов возможной манипуляции сознанием.

Интернет-проекты

Важным фактом для развития фоносемантики следует считать презентацию в Сети в 2016 г. двух международных интернет-проектов: «ЛИК: Лингвистический иконизм (Language Iconicity)» С. Шляховой (<https://liconism.com/index.php>) и «Iconicity Atlas: An interactive multi-lingual comparative dictionary of iconic (imitative, onomatopoeic, sound symbolic, echoic) words.» Н. Ноланд и М. Флакман (<http://www.iconicity-atlas.com/index.htm>).

На сегодня портал «Лингвистический иконизм (ЛИК)» объединяет более 50 ведущих ученых в области лингвистического иконизма из 38 университетов и 5 подразделений РАН и НИИ восьми стран (Беларусь, Болгария, Молдова, Монголия, Нидерланды, Польша, Россия, Украина). Это наиболее полный ресурс, представляющий историю и теорию исследований лингвистического иконизма, научную литературу по фоносемантике (более 700 документов). Исследования представлены на материале 54 языков различных языковых семей на 12 языках (русский, английский, украинский, болгарский, белорусский, польский, немецкий, словацкий и др.). Ресурс включает разделы «Библиотека», «Фоносемантика в лицах», «Фоносемантические школы и центры», «Фоносемантические хроники» (краткая хронология исследований по лингвистическому иконизму в России, Европе и США), «Конференции, семинары», «Лаборатория» и др.

Iconicity Atlas Project – это интерактивный многоязычный сравнительный словарь иконических слов, состоящий из существующего лексикографического материала и полевых материалов, собранных командой исследователей. Iconicity Atlas содержит 100 наиболее частотных иконических слов, которые служат основой для кросс-лингвистического сравнения и с высокой вероятностью будут представлены иконографически на любом языке (шипение, свист, гул и т.д.). Необходимость настоящего словаря продиктована отсутствием твердых эмпирических доказательств постулируемого межъязыкового сходства фоносемантического материала. Авторы проекта стремятся собрать значительное количество иконических слов различных языковых семей, доступных для обоснованного сравнения.

Подводя итоги исследования состояния фоносемантики в России, следует говорить об активном развитии этого направления исследований, о впечатляющих результатах, полученных российскими учеными.

Дальнейшее накопление фактов системности лингвистического иконизма для различных фоносемантических кластеров на материале родственных и неродственных разноструктурных языков позволит по-новому взглянуть на проблемы проторечи и первичных языковых единиц, протоконцептуальной картины мира, категоризации и концептуализации мира и семантического пространства языка, формирования когнитивных схем и моделей, иконической теории происхождения языка, процесса семиогенеза в целом.

Универсальные и специфические характеристики, установленные в семантических и фоносемантических корреляциях, способствуют перспективному развитию типологических исследований, установлению универсального характера иконических слов как таковых. Идеографическое описание ономотопеи, количественная корреляция микро- и макрополей, сопоставление звукоподражательных и звуко-символических семантических полей, установление регулярных семантических переходов в области иконизма позволяют выявить общие закономерности когнитивной деятельности человека.

Установление общего семантического пространства ономотопей и звуко-символизмов родственных и неродственных языков позволяет предположить некий универсальный иконический код языка.

Литература

Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. М.; Пенза: Институт психологии, Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1999. 216 с.

Вашунина И.В., Матвеев М.О., Тарасов Е.Ф. Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 34–53.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 244 с.

Воронин С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11 декабря 1999 г.). М.; Пенза: Институт психологии и ИЯ РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. С. 128–130.

Воронин С.В. The iconic theory of language origin // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 5–12.

Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 183 с.

Горелов И.Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. Л.: ИЯ АН СССР, 1969. С. 17–20.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2008. 320 с.

Елина Е.А., Прокофьева Л.П. Проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» // Вопросы психолингвистики. 2018. №3 (37). С. 92–112.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.

Зельдин А.Е. Звуковой символ «мама» в синхроническом и диахроническом аспекте // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 120–136.

Козловская Е.А. Цветовой эксперимент как метод выявления особенностей восприятия гетерогенных составляющих полимодального текста рекламного ролика // Вопросы психолингвистики. 2018. №1 (35). С. 54–69.

Левицкий В.В. Семантика и фонетика: Пособие, подгот. на материале эксперим. исследований / М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Черновиц. гос. ун-т. Черновцы, 1973. 103 с.

Левицкий В.В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. 264 с.

Лингвистический Иконизм (ЛИК). Фоносемантика. Иконизм. Звукосимволизм. Ономотопея. Междометия. Звуковые жесты. Фонетический символизм. Мимология. Идеофоны. Синестезия. Семиотика иконизма. URL: <http://iconism.com> (дата обращения 08.03.2020).

Материалы Семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.: Наука, 1969. 77 с.

Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. 213 с.

Михалев А.Б. Современное состояние фоносемантики // Новые идеи в лингвистике XXI века. Материалы 1 Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А.Хомякова. Ч.1. Пятигорск, 2009. С. 52–59.

Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 518 с.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики. 2017. №2 (32). С. 124–134.

Прокофьева Л.П. Прикладные программы анализа фоносемантической структуры текста (игры разума или полезная в хозяйстве вещь?) // Диалог – 2006. Международная конференция по компьютерной лингвистике. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2006/?type=doc> (дата обращения: 25.12.2015).

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Прокофьева Л.П., Миронова Т. В., Пластун И.Л. Программный продукт Звукоцвет: программа фоносемантического анализа текста. № госрегистрации 0321300648. Саратов: Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России, 2013.

Прокофьева Л.П., Пластун И.Л., Миронова Т.В. Автоматизированный фоносемантический анализ нехудожественного текста // Предложение и слово. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 136–142.

Рогожникова Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Всероссийская Интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка», посвященная памяти доктора филологических наук, проф. Травкиной А.Д. Тверь, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Rogozhnikova-2013.pdf> (дата доступа 08.03.2020).

Рогожникова Т.М. Проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 163–174.

Секция фоносемантика // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н.Горелова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 482–540.

Силаева О.Л. Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц: дисс. ... докт. биолог. н. М., 1998. 278 с.

Современная фоносемантика // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL). 26–29 июня 2013. М.: РУДН, 2013. С. 258–274.

Тезисы докладов международной конференции «Знак: иконы, индексы, символы», посвященной 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина, 5–6 октября 2005 года. СПб.: Филологический факультет. СПбГУ, 2005. 81 с.

Трофимова Е.Б. Окказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями: коллективная монография / Е.Б. Трофимова, М.Э. Сергеева, Е.Ю. Филиппова. М.: URSS, 2009. 168 с.

Трофимова Е.Б. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций: коллективная монография / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.Э. Сергеева, М.С. Власов, Е.Ю. Филиппова, Т. Одончимэг. Улан-Батор-Бийск: Соёмбо-принтинг, КРАСАНД, 2011. 292 с.

Трофимова Е.Б. Контрастивная фоносемантика: опыт экспериментальных исследований монгольского и русского языков / Е.Б. Трофимова, М.С. Власов, Т. Одончимэг, Е.Ю. Филиппова. Бийск: АГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. 110 с.

Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. 201 с.

Фоносемантические исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. С.В. Воронина, А.В. Пузырева и др. М.-Пенза, 1990. 176 с.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2003. 216 с.

Шляхова С.С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2004. 225 с.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2005. 350 с.

Шляхова С.С. О состоянии фоносемантики в России. Статья первая. Проблемы в области исследования лингвистического иконизма // Вопросы психолингвистики. 2018. №1 (35). С. 99–114.

Шляхова С.С. О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume) // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39). С. 232–251.

Шляхова С.С. О состоянии фоносемантики в России. Статья третья. Фоносемантические школы и центры // Вопросы психолингвистики. 2020. №2 (44). С. 124–145.

Шляхова С.С., Шестакова О.В. Немецкая ономастопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeia: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.

Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics : in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary / St. Petersburg state univ., Fac. of philology; ed. by M.A. Flaksman, O.I. Brodovich. St. Petersburg : [s.n.], 2016. 157 p.

Iconicity Atlas 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения 08.03.2020).

Shlyakhova S. Linguistic iconism in academic and online discourse // *Russia Review*. 2015. No.1, pp. 30–42.

2.8. Репрезентация профессионального сознания в языке

Л.А. Шкатова, Е.В. Харченко
Челябинск

Деятельность Челябинской психолингвистической школы

Научная школа начала формироваться в 80-90-е годы 20-го века. Изменение экономического уклада потребовало осмысления сложившихся моделей поведения профессионалов и изучения их образа, сложившегося в языковом сознании носителей культуры. По инициативе Людмилы Александровны Шкатовой и при ее непосредственном участии в 1999 на основе договора с Институтом языкознания РАН и ЧелГУ была создана вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций. С этого времени началась серьезная работа по осмыслению эмпирического материала, полученного в ходе взаимодействия с коммерческими предприятиями Челябинска, Миасса, Симферополя и некоторых других городов России. Основное направление исследований челябинской психолингвистической школы – профессиональная сфера: образ профессионала в национальных культурах и специфика языкового сознания профессионалов, влияющая на их речевое поведение. Мы расширяем понятие «межкультурная коммуникация», включая в него взаимодействие между носителями не только национальных, но и гендерных, возрастных и корпоративных языков.

Исследования, проводимые в рамках Челябинской научной школы, базируются на двух основных теориях, разработанных в рамках Московской психолингвистической школы: теории речевой деятельности и теории языкового сознания. Это означает, что при описании единичного речевого действия во внимание принимаются не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего, отраженные в языковом сознании. Собственно, общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого говорящего, в его образе мира неких общих коммуникативно-когнитивных структур. Отсутствие каких-либо знаний может вызывать затруднения при взаимодействии или сделать коммуникацию невозможной. Разные образы мира могут приводить к конфликтам или отторжению собеседника как «чужого», а, следовательно, непонятного, вызывающего опасение.

Можно выделить основные направления исследований, проводимых в рамках Челябинской психолингвистической школы:

1) образ профессионала и специфика языкового сознания профессионалов, корпоративные культуры (Я.Л. Березовская, К.В. Битюцких, Е.В. Ваганова, Л.В. Житникова, Л.П. Иноземцева, Г.В. Кубиц, Г.Н. Кудрук, Л.В. Купфер, Е.С. Плешков, С.И. Приходкина, А.А. Селютин, Е.В. Харченко, О.В. Шефер, Л.А. Шкатова);

2) межличностное взаимодействие и речевое воздействие (Т.А. Воронцова, В.А. Мальцева, Е.В. Шелестюк);

3) этнокультурная специфика языкового сознания (Е.С. Баландина, Д.Г. Выговская, И.В. Гостева, М.В. Горбенко, Н.М. Дмитриева, О.В. Евсеева, МаньШу, Нин Хуайин, О.Г. Хохловская, Цзинь Чжи, Д.А. Яловец-Коновалова);

4) виртуальная коммуникация (Н.Г. Асмус, А.А. Селютин, П. Часовский)

В центре большинства работ находится понятие общения, особое значение для определения которого имеет теория речевой деятельности, разработанная А.А. Леонтьевым и Е.Ф. Тарасовым на базе психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Основными положениями этой теории является то, что речь обслуживает взаимодействующих ком-

муникантов, т.е. речь развертывается в структуре неречевой деятельности и только «ради» нее. Мотив, мотивация высказывания – побудительная причина возникновения речи – всегда лежит за пределами речи и, следовательно, за пределами психолингвистической модели порождения высказывания – в неречевой деятельности. Действие, в том числе и речевое действие, как раз и характеризуется тем, что оно направлено на свою конкретную цель, но не имеет собственного мотива, собственной побудительной причины, конкретное действие побуждается мотивом деятельности, в которую оно включено.

Применительно к нашим исследованиям данная теория выглядит таким образом: любая профессиональная деятельность наряду с речевой включает и другие виды деятельности с присущими им мотивами, которые и определяют речевые действия. Легко проследить это на примере деятельности врачей, работающих в «платных» и «бесплатных» кабинетах, основной целью деятельностью тех и других должно быть полное вылечение больных, а движущий мотив, как и у любой профессиональной деятельности, – получение вознаграждения (морального и материального). Если размер этого вознаграждения никак не связан с количеством и качеством работы, то речевые действия никак не корректируются (более того, типичными высказываниями становятся отказы от контакта). При прямой зависимости размера вознаграждения от удовлетворенности пациентов, речевые действия начинают варьироваться в зависимости от конкретной цели (уговорить на платные анализы; убедить в необходимости определенных лекарственных средств, которые тут же предлагаются; запугать, а потом предложить пути решения проблемы и т.д.). Речевое действие в данном случае направлено на свою конкретную цель, а побудительной причиной будет получение дополнительных доходов.

Однако речевое действие зависит от условий, обстановки, в которой протекает речь, причем от модели этой обстановки, которая формируется у коммуниканта. Понятно, что модели одного и того же акта общения у разных коммуникантов могут отличаться по полноте. (В психологии и психолингвистике между ситуацией общения и речью «помещается» сознание человека, отображающего, моделирующего эту обстановку.) Такая модель, как правило, отражает социальный опыт коммуникантов: платные врачи начинают заимствовать в других сферах удачные высказывания (в первую очередь из сферы торговли и услуг). Очень характерно в качестве примера использования методом «от противного» типичной ситуации в нашей медицине для рекламы услуг частного врача: «по-человечески и без очередей». Выбор речевого действия также зависит от представления коммуниканта о тех результатах, к которым должно привести совершаемое действие. Ориентация на долговременное сотрудничество с клиентами врачей платных зубных кабинетов при огромной конкуренции вынудила их применить идею семейных отношений, которая проявляется на разных уровнях часто в виде постоянной опеки. В речи основными темами являются забота о здоровье пациента в целом, в том числе и зубах, предложение наряду с услугами сопутствующих товаров, повышенное внимание к жалобам, предупреждение о визитах и проч.

Способ выполнения действия, выбор операции целиком зависит от внешних условий совершения действия. Отсутствие в социальном опыте коммуниканта положительных образцов речи профессионалов в своей области приводит к заимствованию их из других областей человеческой деятельности или из бытовой речи (например, у врачей: «потерпи, зайка моя»). Можно отметить, что в настоящее время под влиянием внешних социальных условий во многих сферах деятельности «человек – человек» происходит изменение речевого поведения профессионалов: на смену официального обезличенного взаимодействия приходит межличностное общение, ориентированное на потребности клиента, который становится главным действующим лицом (тем, на кого ориентируются) при контакте.

Среди внешних, социальных обстоятельств речевого общения, которые, на наш взгляд, необходимо ввести в модель порождения речевого высказывания одно из важных мест занимает этнокультурные особенности общения, базирующиеся на «социальных архетипах» (К. Касьянова), поскольку они, во-первых, влияют на выбор речевых действий (а точнее – на

закрепленные в культуре операции), во-вторых, определяют эффективность взаимодействия благодаря тому, что соответствуют норме, тому, как это принято у своих, следовательно, вызывают доверие у коммуникантов.

Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин писали, что отчетливее всего национальная специфика проявляется в деятельности. Сама деятельность реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами (операциями). Общественно-исторический опыт и его национальная специфика прежде всего воплощены в операциях, а также в «наборах» операций, предназначенных у разных народов для выполнения идентичных деятельностей.

Особую роль в этом играет язык и другие знаковые системы, так как язык, вернее речь (речевое поведение, речевая деятельность), является средством передачи социального опыта индивидам, и в рамках этого опыта социальные нормы поведения, являясь одним из устойчивых фрагментов культуры, представляют собой специфически национальную форму проявления универсальной и «организационной» функции культуры.

Национальная специфика общения проявляется как в социальном взаимодействии (интеракции коммуникантов), реализующих в каждом акте общения социальные связи, так и в речи, «обслуживающей» это социальное взаимодействие. И речевое, и неречевое общение коммуникантов регулируется едиными социальными нормами, речевое общение сверх того – специфическими для данного языка правилами.

Таким образом, теория речевой деятельности, на которой мы базируемся для описания и изучения феномена межличностного профессионального общения, позволяет четко структурировать речевую деятельность профессионала и ввести условия, которые в значительной мере влияют на нее (отбор речевых действий и операций), экспериментально проверить эти предположения и предложить систему обучения профессиональной речевой деятельности.

К основным достижениям научной школы можно отнести формирование нового направления психолингвистических исследований, ориентированное на изучение образа профессионала и межличностного общения в профессиональных стратах; выдвинуты теоретические положения, изменяющие сложившиеся представления о межкультурных коммуникациях как только межэтнических, что расширяет объем понятия «межкультурная коммуникация». В процесс исследований введен новый лингвистический материал, который не всегда легко собрать в силу профессиональной и корпоративной закрытости, разработаны новые методики исследования (коммуникативный аудит), а также некоторые методики адаптированы (метод незаконченных предложений); предложены модели эффективного межличностного общения специалистов с внешними и внутренними клиентами.

Интерес представляет выявление национально-культурных речевых поведенческих вариантов, одобряемых и порицаемых современным российским обществом, а также определение методов диагностики с использованием коммуникативного аудита сложившейся корпоративной культуры и способов ее корректировки путем влияния на языковое сознание специалистов.

Подход с позиций теории речевой деятельности позволяет теоретически обосновать специфику клиентоориентированного речевого поведения в профессиональной сфере «человек – человек», особо значимой в условиях изменений социально-экономических отношений, а также выявить факторы, которые следует учитывать для эффективного межличностного общения (в первую очередь социально закрепленные ролевые предписания, определяющие прогнозирование поведения профессионалов).

Аннотируем содержание некоторых диссертаций, выполненных в развиваемом нами направлении.

1. *Кудрук Г.Н.* Отражение образа профессионала в языковом сознании. Челябинск, 2008.

Целью исследования Г.Н. Кудрука является определение значимых компонентов, составляющих концепт «профессионал» в русской и американской культурах. Новизна исследования состоит в рассмотрении концепта «профессионал» сквозь призму психолингвистики, в

выявлении значимых компонентов концепта «профессионал» посредством анализа результатов ассоциативных тестов и построении уровневой ассоциативной модели исследуемого концепта.

2. *Евсеева О.В.* Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования: на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков. Челябинск, 2008.

Диссертационная работа посвящена исследованию национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования на материале глаголов эмоций английского, французского и русского языков. Важное место в работе занимает положение о нетождественности вербальной категоризации действительности в различных культурах, обусловленной национально-культурной спецификой языкового сознания. Центральная гипотеза исследования – предположение о том, что стратегии ассоциирования (термин А.А. Залевской) сходны для носителей трех изучаемых культур, а лексическое наполнение ассоциативных полей различно. Анализ материала, полученного при помощи свободного ассоциативного эксперимента на дискретные ассоциации с носителями языка, привел нас к выводу о том, что доминирующей стратегией ассоциирования для носителей английской и французской культур является «интерпретация через синонимизацию» (симиляры у А.А. Залевской), для носителей русской культуры – через «объект действия» (что может говорить о «другоцентричности» русской культуры (термин Н.В. Уфимцевой)). Кроме того, в ходе исследования лексического наполнения поля ассоциативных реакций автору удалось выявить как культурно-специфичные, так и общие для носителей трех культур реакции на глаголы, обозначающие эмоции, а также прийти к пониманию относительности стереотипов речевого поведения, в частности, поведения, связанного с проявлением эмоций.

3. *Мальцева В.А.* Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса). Челябинск, 2011.

Диссертационная работа посвящена исследованию юридического дискурса, зафиксированного в документах уголовного судопроизводства. Его предметом выступают характеристики стратегий и тактик речевого воздействия, реализуемых в судебной практике. Важное место в работе занимает анализ стратегий и тактик речевого поведения участников судебного процесса, их особенности вербального воздействия в рамках уголовного судопроизводства. Основные задачи исследования – уточнение понятия речевого воздействия применительно к структуре и специфике институциональной судебной коммуникации, расширение научных представлений о системе речевых действий ее участников, зафиксированных в судебном дискурсе, что расширяет исследовательскую базу коммуникативной лингвистики. Анализ материала, полученного в результате исследования, привел нас к выводу о том, что эти данные и сделанные на их основе выводы могут быть применены для анализа других типов профессиональной коммуникации.

4. *Выговская Д.Г.* Отражение содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании носителей русской культуры. Челябинск, 2014.

Диссертационная работа посвящена исследованию содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в современной русской культуре, а также выявлению изменений ее содержания в связи с трансформациями в российском обществе. Теоретической основой исследования послужило обоснованное в психолингвистике представление о том, что языковое сознание является совокупностью образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (Е.Ф. Тарасов). Гипотезой исследования является разное смысловое наполнение образов сознания, связанных с общечеловеческой ценностью «безопасность», а также специфика использования языковых средств представителями разных поколений россиян. Подробному анализу были подвергнуты 16 стимулов, нашедших свое отражение в языковом сознании носителей языка разных возрастов: молодых людей, проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних); российских граждан,

прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних); старшего поколения россиян, основная социализация которых прошла только при социализме (поколение 60-летних). Полученные результаты доказывают, что общечеловеческие ценности имеют субъективное наполнение (содержание) в языковом сознании носителей конкретной культуры в зависимости от времени и условий, при которых проходила их социализация. Кроме того, на примере стимула «экстремизм» удалось выявить несколько стратегий осмысления нового понятия, характерных для представителей трех поколений. В работе предложена модель анализа, включающая последовательно используемый набор исследовательских методов и различные уровни описания таких сложных явлений, как общечеловеческие ценности.

5. *Баландина Е.С.* Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур. Екатеринбург, 2013.

Диссертационная работа посвящена исследованию динамики образа семьи в языковом сознании носителей русской, английской и американской культур. Гипотезой исследования послужило предположение о том, что образы семьи, сложившиеся в языковом сознании носителей различных культур под влиянием глобализации и социально-экономических изменений общества подвергаются деформации, следствием которой выступает их сближение, утрата национальной специфики и самобытности. Материалом исследования послужили данные ассоциативных словарей (Русский ассоциативный словарь, Ассоциативный тезаурус Дж. Киша) и результаты, полученные в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями исследуемых языков и культур. В ходе проведенного исследования было выявлено, что основные тенденции динамики анализируемых образов являются универсальными для носителей американской и английской культур, для которых свойственно сохранение значимости изучаемых образов в общей системе базовых ценностей; изменения структуры взаимоотношений между супругами, прослеживаемые на примере анализа семантических зон реакций, указывающих на трансформацию функциональной роли мужчины и женщины в семье и обществе; выравнивание логико-понятийных реакций, отражающих статусные характеристики, с личностно-ориентированными ценностно-эмоциональными ассоциациями. Тенденции динамики российской семьи отмечены изменением содержания семантической зоны ассоциаций, указывающих на численность семьи, и групп реакций, отражающих преобразования внешних и внутренних характеристик образов, снижением эмоционального спектра за счет увеличения логико-понятийных реакций, иллюстрирующих ответственное отношение к вопросу создания семьи и рождению детей со стороны молодых людей.

6. *Нин Хуайин.* Этнокультурная специфика русско-китайской бизнес-коммуникации. Екатеринбург, 2020.

Диссертационная работа посвящена изучению этнокультурной специфики русско-китайской бизнес-коммуникации. В диссертации исследуется бизнес-коммуникация между представителями России и Китая, основное внимание уделяется переговорному процессу, подробно анализируются национальные характеры носителей обеих культур, выявляется этнокультурная специфика коммуникативного поведения и сложившиеся представления об образе и действиях оппонентов. Важное место в работе занимает полипарадигмальный подход к изучаемому объекту с учетом его неоднородности, что обеспечивает выявление блока причин определяющих специфику межкультурной бизнес-коммуникации, ее успешность либо, напротив, неэффективность. Центральная гипотеза исследования: отличия культурных традиций, языковых систем и правил общения влияют на эффективность межкультурной коммуникации, в том числе русско-китайской бизнес-коммуникации. В работе изучены и впервые проанализированы русско-китайские переговоры, осуществленные с помощью Skype; проведена модернизация существующих методик анализа коммуникации, определена система методов исследования, которую можно экстраполировать на исследование бизнес-коммуникации представителей разных лингвокультур, использованы полу-

ченные результаты исследований переговорного процесса и теории языкового сознания; доказано, что коммуникативное поведение во время межнациональной бизнес-коммуникации зависит как от знания коммуникантами этнокультурной специфики поведения представителя другой культуры, так и от образа собеседника и ситуации переговоров, который сложился в обыденном сознании носителей другой культуры.

7. *Плешков Е.С.* Специфика образов языкового сознания у носителей разных субкультур (на материале имен собственных). Челябинск, 2021.

Диссертационная работа посвящена исследованию специфики образов имен собственных в языковом сознании носителей разных субкультур посредством вербализации содержания образов названий музыкальных групп, альбомов и песен в языковом сознании будущих специалистов-химиков и профессиональных рок-музыкантов, фанатов рок-музыки и носителей профанного языкового сознания (в качестве контрольной группы). В диссертации предложена четырехэтапная методика исследования образов англоязычных названий музыкальных групп, альбомов и песен в языковом сознании представителей разных субкультур на основе формулирования психолингвистического значения, позволяющего дифференцированно описывать их специфику. Показано, что модели образов языкового сознания, выстроенные с использованием наименований из сфер разных субкультур, являются многослойными образованиями, и наполнение слоев коррелирует с особенностями языкового сознания носителей конкретной субкультуры. Поэтому по яркости и силе актуализации того или иного слоя в образе имени собственного можно определить субкультурную принадлежность воспринимающих. Кроме того, в работе впервые описаны функционально-семантические особенности и определен статус исследуемой категории онимов в ономастике.

В рамках развиваемых в рамках Челябинской научной школы исследований было предложено новое научное направление – «Организационная лингвистика», объектом которой является языковая среда организации, а предметом организационный дискурс.

Организационная лингвистика – направление лингвистических исследований, объектом которых является функционирование языка в организации. Ранее мы определяли предметное поле организационной лингвистики таким образом: организационная коммуникация как базовая основа профессиональной деятельности, структуризация коммуникативного пространства; формирование и поддержание позитивного имиджа и паблисити (создание известности) компании; способы работы с клиентами и взаимодействия с федеральными и региональными органами управления, а также с местными органами власти (известность, лоббирование); взаимосвязь с партнерами (поиск форм сотрудничества; обмен информацией; реализация совместных проектов); взаимодействие с конкурентами (поддержание хороших отношений, обмен информацией, выстраивание взаимовыгодных схем взаимодействия); PR-поддержка региональной политики (отношения с регионами); поиск потенциальных клиентов; работа с персоналом (командность, корпоративный дух, понимание и поддержка политики руководства). Большое внимание уделяется понятию «корпоративная культура» (культура корпорации, какого-либо объединения), которое является родовым по отношению к профессиональной культуре и организационной.

С нашей точки зрения, к профессиональной культуре относится то, что связано с деятельностью человека в определенной сфере (например, корпоративная/ профессиональная культура врачей, учителей и т.д.), организационная культура относится к какой-либо организации, которая, как правило, объединяет профессионалов из разных областей деятельности (например, в такой организации, как университет, можно выделить не только преподавателей, но и юристов, бухгалтеров, специалистов по международной деятельности и т.д.). Любая корпоративная культура вербализуется через тексты (документы, поздравления, объявления и т.д.), что позволяет изучать ее в рамках психолингвистики.

В настоящее время данное направление активно развивается.

Литература

- Баландина Е.С.* Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 234 с.
- Березовская Я.Л.* Организационный дискурс коммерческих фирм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 22 с.
- Битюцких К.В.* Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 24 с.
- Ваганова Е.В.* Языковое сознание студентов технических и гуманитарных специальностей как представителей различных корпоративных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 22 с.
- Выговская Д.Г.* Отражение содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании носителей русской культуры: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 224 с.
- Горбенко М.В.* Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях (на примере диаспор г. Костаная): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
- Гостева И.В.* Динамика лингвокультурного поля «духовность» в русской языковой картине мира (1981–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 25 с.
- Евсеева О.В.* Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования: на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 194 с.
- Иноземцева Л.П.* Отражение корпоративной культуры преподавателей вуза в языковом сознании носителей русской культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 18 с.
- Кубиц Г.В.* Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 20 с.
- Кудрук Г.Н.* Отражение образа профессионала в языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 21 с.
- Купфер Л.В.* Модели речевого поведения сотрудников организации: психолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 22 с.
- Мань Шу.* Восприятие и понимание имени собственного в межкультурной коммуникации (на материале прагмонимов и эргонимов китайского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021. 295 с.
- Нин Хуайин.* Этнокультурная специфика русско-китайской бизнес-коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2020. 236 с.
- Плешков Е.С.* Специфика образов языкового сознания у носителей разных субкультур (на материале имен собственных): дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2021. 179 с.
- Приходкина С.И.* Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж: на примере речевой деятельности промодутера: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 245 с.
- Шефер О.В.* Отражение корпоративной культуры вуза в имиджевом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 26 с.
- Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис... докт. филол. наук. Челябинск, 2009. 303 с.
- Халуно О.И.* Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств: дис... докт. филол. наук. Челябинск, 2016. 394 с.
- Харченко Е.В., Нин Хуайин.* Бизнес-коммуникация: психолингвистический подход (на примере русско-китайских переговоров): монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера. 182 с.
- Харченко Е.В.* Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2004. 49 с.
- Харченко Е.В.* «Организационная лингвистика»: миф или реальность? / Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. Вып. 32. № 17 (155). С. 90–95.
- Харченко Е.В.* Корпоративная культура профессионалов: попытка описания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 205–212.

Хохловская О.Г. Лингвокультурологический и онтогенетический феномен диалога. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 267 с.

Цзинь Чжи. Образ ребёнка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур): дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 255 с.

Часовский П.В. Социопсихолингвистический анализ компьютерно-игрового дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 23 с.

Шкатова Л.А. Методика коммуникативного аудита организации // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 40–45.

Яловец-Коновалова Д.А. Названия коммерческих предприятий ономаσιологическая классификация и функционирование в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1997. 24 с.

2.9. Социопсихолингвистические аспекты языкового сознания: пермская школа социопсихолингвистики

Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева
Пермь

История возникновения школы

Пермская школа социопсихолингвистики сформировалась как отдельное научное направление в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.

Идейным вдохновителем психолингвистического направления в Перми был Леонид Волькович (Владимирович) Сахарный (1934–1996) – крупный российский ученый, автор первого в стране учебного пособия «Введение в психолингвистику» [Сахарный 1989], один из основателей Петербургской психолингвистической школы. С 1963 по 1975 г. Леонид Владимирович Сахарный работает в Пермском государственном университете и развивает психолингвистический подход к изучению значения слова и его осознанию как коммуникативной номинации, для чего разрабатывает экспериментальный метод наивного толкования слова. Его представления о слове обобщены в научно-популярных изданиях «Удивительный, надежный, коварный», «Язык мой – друг мой», «Как устроен наш язык», «К тайнам мысли и слова» [Сахарный 1968; 1972; 1978; 1983]. После переезда в Петербург Леонид Владимирович не прерывает общения с Пермским университетом, и под его руководством в области психолингвистики пишут диссертации лингвисты из разных пермских вузов – Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, И.А. Баринова, С.И. Стрекаловская, Е.Л. Кавардакова.

Большое влияние на психолингвистическое направление пермской школы оказала также Алла Соломоновна Штерн (1941–1995) – жена Л.В. Сахарного, виднейший специалист в области психологии речи и психолингвистики. Особое внимание она уделяла перцептивному аспекту речевой деятельности и статистическим методам обработки экспериментального материала. Под ее руководством выполнены кандидатские диссертации Е.В. Ерофеевой и Т.Н. Чугаевой, а также докторская диссертация Т.И. Ерофеевой.

Становление и развитие собственно социопсихолингвистического направления в Перми связано в первую очередь с именем Тамары Ивановны Ерофеевой. Приоритетными в исследованиях Тамары Ивановны являются проблемы дифференциации речевой продукции и языкового сознания в зависимости от различных социальных и психологических факторов и разных ситуаций общения [Ерофеева Т.И. 2009]. Общность научных интересов, интеллектуальная поддержка и особая дружба, которая связывала Т.И. Ерофееву с семьей Сахарных–Штерн, исследования аспирантов и учеников этих ученых формируют пермскую школу социопсихолингвистики.

Методологические основы школы

Под оформившейся школой мы подразумеваем такое научное направление, у которого можно четко выделить общие для всех ученых, работающих в рамках школы, теоретические позиции, методологический аппарат, специфический материал исследования и определенный набор аспектов исследования, который определяет приоритетные научные интересы данной школы.

Теоретические позиции пермской школы социопсихолингвистики основываются на базовых положениях Петербургской школы, которая подходит к языку как к социальному и одновременно психологическому феномену и видит тесную связь между социальным и индивидуальным во всех языковых явлениях [Андреев, Зиндер 1963; Ларин 1977; Щерба 1974 и мн. др.].

Базовые **теоретические посылки** в понимании языка пермской социопсихолингвистической школой можно сформулировать следующим образом:

1) язык одновременно является социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования, и психической структурой – основой языкового сознания индивида и базой его речевой способности;

2) язык имеет активный динамический характер и может перестраиваться и достраиваться в зависимости от коммуникативной ситуации (в широком смысле слова);

3) существенной чертой языка являются вероятностные характеристики, на которые говорящий индивид опирается в своей речевой деятельности (см. подробнее [Доценко, Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И. 2010]).

Таким образом, как психолингвистическое исследование должно опираться на представление об индивиде как социальном субъекте, так и социолингвистика должна изучать социальную вариативность не только языкового материала, но и различных когнитивных структур и характера их языкового воплощения (т. е. в широком смысле – языкового сознания) и процессов речевой деятельности.

Основным **материалом** исследования являются результаты экспериментального изучения языкового сознания носителей языка и их живая спонтанная речь, полученные в результате синтеза традиционных для социолингвистики (полевые исследования, анкетирование, интервью и т. д.) и психолингвистики (ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, методы прямого толкования, ключевых слов, выделения микротем и мн. др.) **методов** исследования. Сочетание разнообразных методов дает возможность на практике получить одновременно и социально, и психологически значимый материал для исследования языкового сознания.

Методы обработки полученного материала включают, помимо традиционных лингвистических методов, статистическую обработку результатов, что обусловлено пониманием языка как динамической и вероятностной структуры [Ерофеева Т.И. 2009; Ерофеева Е.В. 2005; Доценко 2000; Овчинникова 1994; 2002; Овчинникова и др. 2000; Чугаева 2007 и др.]. Являясь изначально методами обработки материала, статистические методы, примененные в качестве инструмента моделирования, становятся методами интерпретации полученных результатов.

Аспекты изучения языкового сознания в исследованиях пермской школы достаточно разнообразны. К ним можно отнести следующие: устройство ментального лексикона и его социальную и ситуативную вариативность, психосоциальные проблемы значения слова и текста; изучение социального варьирования ценностей, стереотипов и идентичностей.

Ментальный лексикон и его организация

Проблема организации ментального пространства человека является одной из самых дискуссионных в современной психолингвистике. Определение ментального (внутреннего) лексикона в каждом отдельном случае зависит от целей исследователя, его теоретических

предпосылок и выбора методов. Общим для всех российских исследователей ментального лексикона является понимание его как когнитивной структуры, организованной по сетевому принципу (ассоциативно-вербальной сети по Ю.Н. Караулову), однако конкретные подходы к его исследованию варьируют. В одних случаях ментальный лексикон моделируется в виде сети узлов, в других – в виде сети полей, но в том и другом случае особенности структурной организации и принципы функционирования сети во многом обусловлены сложными взаимоотношениями между ее компонентами.

В пермской социопсихолингвистической школе исследуется динамика и перестройка структуры ментального лексикона в зависимости от параметров коммуникативной ситуации (включая социальные и психологические характеристики носителей языка, а также языковой код). Совокупность применения разнообразных экспериментальных методов (свободный ассоциативный эксперимент, направленный цепной ассоциативный эксперимент с множественным количеством реакций, метод актуального лексикона, вероятностные методы) позволяет анализировать не только традиционные ассоциативные пары и ассоциативные поля отдельных слов, но и организацию слов-узлов в ментальном лексиконе в более крупные и сложные семантические (фонетические, грамматические и др.) поля и актуализацию их в процессе обращения к слову.

Ассоциативная связь трактуется как «информационный канал», через который проходит маршрут активации общих лингвистических и экстралингвистических признаков стимула и реакции. При этом каждая единица, являясь узлом сети, представлена иерархией признаков (части речи, объективной и субъективной частот, семантических, фонетических, грамматических, прагматических характеристик и т. п.), взаимосвязанных между собой, и эта иерархия может перестраиваться в экспериментальном и/или коммуникативном контексте [Бочкарёва, Доценко 2005; 2012; Овчинникова 1994; 2002; 2009; 2010; Овчинникова и др. 2000; Углонова 2005]. Ассоциативная пара, являясь минимальной ассоциативной структурой, представляет собой часть актуального состояния сети при выбранном экспериментатором «пункте входа» в эту сеть. С другой стороны, ассоциативная пара может трактоваться и как перцептивно-смысловой процесс, обеспечивающий переход от внешней речи к внутренней, от поверхностного языкового уровня к глубинному [Доценко 1999], что позволяет ей выступать в качестве основы для развертывания высказывания [Овчинникова 1994 и др.].

Очень важным аспектом является рассмотрение связей внутри ассоциативной пары: связи позволяют судить о том, какой именно признак исходного слова оказался наиболее актуальным при его идентификации. Классификация ассоциативных связей строится на основе трех составляющих: качественных (тип связи), количественных (сила связи) и векторных (направление связи) признаков.

В психолингвистических исследованиях чаще всего рассматривают два типа ассоциативных связей – парадигматические и синтагматические. Анализ обширного экспериментального материала, полученного от информантов разного возраста, позволил выделить множество подтипов парадигматических и синтагматических связей [Береснева, Дубровская, Овчинникова 1995; Овчинникова 1994; 2002 и др.; Доценко 2000; 2001 и др.] и прийти к следующим выводам: вариативность парадигматических связей на оси сходства/различия свидетельствует о прототипической организации категориального пространства ментального лексикона [Доценко 2011]; синтагматический механизм обеспечивает развертывание и структурирование высказывания [Овчинникова 1994]; грамматическая оформленность/неоформленность синтагматической связи указывает не столько на результаты речевого процесса, сколько на его ход и промежуточные этапы речепроизводства [Доценко 2001]. Семантическая составляющая слова встраивается в глубинные, высокоструктурированные ментальные системы, связанные с хранением и функционированием энциклопедической информации, именно поэтому в ментальном

лексиконе широко представлены тематические связи, понимаемые как «своеобразные смысловые вехи... синкретичного образа объекта» [Овчинникова, 1994: 39] и как «ключевые слова некоторой ситуации» [цит. раб.: 35], которые эксплицируют ситуативные взаимосвязи референтов языковых единиц.

При формировании, становлении и развитии моно- и билингвальной языковой компетенции индивида происходит перераспределение разных типов связей и реструктурирование ментального лексикона: у русских детей от 6 до 12 лет значительно увеличивается количество тематических связей [Овчинникова 2006]; у взрослых на начальном этапе формирования учебного билингвизма преобладают межъязыковые связи переводного типа и внутриязыковые связи звуко(орфо)графического типа, которые в дальнейшем вытесняются парадигматическими связями [Доценко, Лещенко 2009].

Адекватной оценкой количественного признака – ассоциативной силы слова – является величина энтропии распределения реакций на него, которая предопределена семантическими и лексико-грамматическими характеристиками слова-стимула [Овчинникова, Штерн 1989]: чем ниже энтропия, тем выше ассоциативная сила слова.

Вектор связи, т. е. направление ассоциации, может быть исходящим, входящим и двунаправленным, при этом двунаправленные связи часто асимметричны по силе [Доценко, Лещенко 2009; Овчинникова 2018]. Узлы с сильными исходящими связями вызывают предсказуемые реакции; узлы с большим количеством входящих связей свидетельствуют об их близости к ядру ментального лексикона [Овчинникова 2018].

В единой сети ментального лексикона организуются отдельные, относительно самостоятельные подструктуры – кластеры узлов, подсети и сублексиконы, организованные по разным основаниям, разной глубины, широты и конфигурации [Доценко, Лещенко 2014]. Кластеры узлов, подсети и сублексиконы могут рассматриваться и как полевые структуры, имеющие ядро и периферию [Белоусов, Ерофеева Е.В., Лещенко 2018].

Так, владея двумя формами речи, носители языка располагают двумя взаимосвязанными сублексиконами (устным и письменным), которые неизоморфны друг другу. В структуре перцептивного словаря устный и письменный сублексиконы находятся в отношениях пересечения, при этом доля общей части у подростков с возрастом увеличивается, но сохраняет свой уровень ниже 50%. Соотношение ядра и периферии в устном и письменном лексиконах различно: устный сублексикон является более компактным и плотным образованием, чем письменный [Бочкарева 2005; Доценко 1999; Бочкарева, Доценко 2005].

В структуре би- и трилингвального лексикона межъязыковой сублексикон формируется двумя основными механизмами: переключением языкового кода и трансфером. В межъязыковом сублексиконе искусственного билингва преобладают связи переводного типа [Доценко, Лещенко 2009], а в межъязыковом лексиконе комбинированного билингва (естественный + искусственный билингвизм) – неперебиваемые связи синтагматического, парадигматического и тематического типов [Доценко, Лещенко, Остапенко 2013].

В целом результаты исследований, полученных на экспериментальном материале от моно- и мультилингвов, позволили прийти к следующему пониманию ментального лексикона: ментальный лексикон как целостное образование состоит из функционального множества системно организованных и связанных между собой подсистем, которые формируются и/или активируются в сознании индивида в зависимости от коммуникативной ситуации. К таким функциональным подсистемам относятся: актуальный сублексикон – частотное ядро ментального лексикона, актуализированное в определенной ситуации; семантическое поле как сублексикон определенной области образа мира; перцептивный сублексикон, интегрирующий информацию разных модальностей, сопряженных со значением; межъязыковой и одноязыковой сублексиконы – части мультилингвального лексикона, формируемые межъязыковыми и внутриязыковыми связями и т. п. Устройство ментального лексикона как сети, а также актуализация в этой сети в соответствующих контекстах отдельных ее компонентов

обеспечивают речемыслительный механизм человека. Такое понимание ментального лексикона вписывается в общую концепцию лингвокогнитивных структур, разрабатываемую современной лингвистикой.

Психосоциальные проблемы значения слова и текста

Одним из важнейших направлений пермской школы социопсихолингвистики является изучение проблем социокультурной вариативности психолингвистического значения слова и текста, а также связанная с этим разработка теоретических подходов к концепту, семантическому полю, категории и т. п.

Начало исследованиям психолингвистического значения слова заложил Л.В. Сахарный, который в своих работах, посвященных производному слову как коммуникативной номинации, рассматривал словообразовательную систему русского языка как «динамическую модель категоризации “картины мира” в русском языковом сознании» [Сахарный 2006: 99]. К значению синтаксических дериватов обращалась ученица Л.В. Сахарного – Т.И. Доценко, рассмотревшая ассоциативную природу структуры значения синтаксического деривата как сложного переплетения грамматических, лексических и словообразовательных признаков и описавшая две ведущие стратегии осознания синтаксических дериватов: актуализацию деривационной формы (при которой признак осознается как предмет) и актуализацию исходного признака (предикативного или атрибутивного) [Доценко 1984].

В дальнейшем многими представителями школы проводилось исследование социокультурной вариативности значения слова и концепта [Балашова 2007; Белоусов и др. 2015; Ерофеева Е.В. 2012; Ерофеева Е.В., Низгулов 2016; Ерофеева Е.В., Пепеляева 2011; Ерофеева Е.В., Сторожева 2009; Ерофеева Т.И. 2015; Орлатых, Ерофеева Т.И. 2016; Цыгульская, Гаранович 2018 и мн. др.].

Анализ ассоциативных полей слов, а также наивных толкований слов, проведенный на разнообразном лексическом материале и с разными социальными группами, позволил выявить те социокультурные факторы, которые в наибольшей степени оказывают влияние на вариативность значения слова: специальность (или профессиональная деятельность), пол и возраст информантов.

Так, при исследовании влияния фактора «специальность» на структуру психолингвистического значения слова показано, что зоны референции, актуализированные в ассоциативных полях и наивных толкованиях слов пересекаются, однако в ассоциативных полях обычно актуализируется большее количество зон референции, чем в толкованиях [Ерофеева Е.В. 2012]. В языковом сознании носителей языка значение термина подвергается процессу гибридации, т. е. внесению бытовых семантических признаков в структуру специального понятия; при этом данный процесс, хотя и в меньшей степени, отмечается и в языковом сознании профессионалов, владеющих термином [Ерофеева Е.В., Низгулов 2016].

Пол и возраст также оказываются весьма значимым фактором вариативности значения слова, однако, в отличие от специальности, которая актуализирует в сознании носителей языка совсем разные социальные сферы и, вследствие этого, различные значения слов, пол и возраст действуют, скорее, как аранжировщики значения, усиливая или ослабляя определенные семантические признаки в его структуре.

При исследовании варьирования семантики слова анализ материала, полученного экспериментальным путем, строится вне зависимости от типа эксперимента на основе объединения отдельных реакций в семантические поля, которые являются способом сегментации лексико-семантического континуума и одновременно способом членения определенной сферы опыта. Результаты экспериментов показывают, что 1) границы семантических полей прозрачны; 2) семантические поля имеют внутреннюю структуру, в основе структурных единиц поля (групп, подгрупп) могут лежать отношения семейного сходства и прототипические эффекты; 3) отношения между структурными единицами поля и разными полями

могут иметь разную природу, а членение поля на структурные единицы может проходить по разным основаниям; 4) отношения между структурными единицами могут перестраиваться [Белоусов, Ерофеева Е.В., Лещенко 2018 и др.]. Таким образом семантическое поле и его составляющие имеют категориальную природу, при этом данные категории динамичны и варьируют в зависимости от контекста, задач говорящего/слушающего, а также социальных групп, к которым принадлежат говорящий и слушающий.

Наиболее значимым результатом исследований является то, что они показывают реальность семантических полей в языковом сознании говорящих: семантическое поле одновременно социально и индивидуально, его социальное единство достигается за счет выделения в нем ядра общего для социальной группы (разной широты и природы), а индивидуальный характер обусловлен включением в него личностно-значимых структурных составляющих [Белоусов, Ерофеева Е.В., Лещенко 2018; Ерофеева Е.В., Пепеляева 2011 и др.].

Важным направлением в пермской школе социопсихолингвистики является исследование структуры и семантики текста. Основа этого направления была заложена в трудах Л.В. Сахарного и А.С. Штерн, изучавших структуру и цельность текста и его восприятие (подробнее см. раздел про текст). В работах представителей школы развиваются эти же аспекты исследования текста, однако материалом в большинстве случаев является устный спонтанный текст [Баринова 2009б, 2013; Павлова 2018; Худякова 2019; 2020; 2021; Чугаева 2008].

Так, показано, что при сворачивании исходного текста разговорной речи в набор ключевых слов и разворачивании этого набора в отредактированный экспертами письменный текст сохраняется инвариант цельности, который лежит в основе парадигмы текстов-перифраз (от отдельного слова-текста до развернутых текстов различной сложности). В качестве базовых текстов инварианта цельности рассматриваются набор ключевых слов и текст разговорной речи, не имеющие той степени развернутости и структурированности, которая обычно характерна для литературного текста. Синтагматическая организация разных типов текстов в динамической парадигме предопределяется их тема-рематической организацией, а структуры конкретных текстов могут широко варьировать в зависимости от типа коммуникативной ситуации [Баринова 2009а].

Кроме того, рассматривается взаимозависимость ассоциативных полей и текстовых структур. Так, И.Г. Овчинниковой показано, что как ассоциативная сила слова и вероятность связей слов в ассоциативном поле оказывают влияние на закономерности структурирования и вербализацию цельности текста, а также на стратегии развертывания текста и его лексическое разнообразие. Структурирование смысла текста в виде фрейма обеспечивается сильными (частотными) связями единиц в ментальном лексиконе. Стратегии декодирования текста обусловлены социально-психологическими факторами: профессиональной деятельностью, гендером и интеллектуальным стилем индивида, в то же время преобладание определенной стратегии зависит и от индивидуальных когнитивных процессов [Овчинникова 2002].

Изучение структуры устного спонтанного монологического текста (прежде всего нарратива) строится на основе анализа тематических и коммуникативных блоков (последние понимаются как функциональные единицы текста, включающие текстовый субъект и текстовый предикат и описывающие один компонент референтной ситуации). Показано, что спонтанные монологи на одну тему характеризуются однотипной структурой (количеством коммуникативных блоков в тексте, их объемом и качественным наполнением); в то же время «каноническая» структура устного спонтанного текста варьирует в зависимости от социальных характеристик информантов, прежде всего этноса, специальности и возраста [Худякова 2019; 2020; 2021].

В автобиографических русскоязычных нарративах билингов-татар, обычно достаточно однотипных, преобладают тематические блоки, связанные с социальными действиями

(учебой, работой), семьей, хозяйственной деятельностью, для татар актуальна категория времени/хронологии. В автобиографических русскоязычных нарративах коми-пермяков хронология нарушается, обычно за счет включения оценочных блоков о природе. Автобиографические нарративы русских вариативны и зависят от уровня образования информанта: говорящие со средним образованием предпочитают тип социальной автобиографии, говорящие с высшим образованием реализуют ассоциативный модальный тип нарратива [цит. раб.].

Оказывает влияние на структуру текста и фактор «возраст»: анализ спонтанных монологов людей разного возраста позволил выявить, что у детей нарративы с канонической структурой начинают появляться после только до 4,5 лет. С другой стороны, у представителей старшего поколения структура нарратива зависит от способности удерживать в оперативной памяти референтную ситуацию (чаще всего редуцируется временной компонент). Вместе с тем изучение становления и затухания текстовой деятельности доказывает и социальную природу автобиографического нарратива, в частности ее зависимость у людей среднего возраста от специальности. Статистически достоверным является влияние фактора «тип образования» на количество фраз в коммуникативном блоке и в тексте в целом, что демонстрирует способность информантов, получивших гуманитарное образование, порождать длинный, состоящий из множества высказываний, хорошо структурированный текст [Худякова 2019].

Анализ взаимодействия цельности и связности текста позволил ввести понятие семантической структуры текста, которая рассматривается как интегральная характеристика текста, формирующая единство его глубинной и поверхностной структур. Семантическая структура текста – это совокупность 1) семантических компонентов текста разных уровней (микротем текста и лексических единиц, семантика которых реализует эти микротемы) и 2) иерархической системы разнообразных связей (семантических и грамматических) между лексическими единицами, микротемами, лексическими единицами и микротемами [Павлова 2018]. При изучении семантической структуры устного спонтанного монолога было показано, что в текстах на одну тему она так же стабильна, как и структура коммуникативных блоков: устойчивость семантической структуры обеспечивается повторяемостью ядра – наиболее объемных в семантической структуре микротем и их связей. Одновременно структура устного спонтанного монолога варьирует в зависимости от социальных параметров говорящих: эта вариативность заключается в усилении и ослаблении неядерных микротем, а также связей между ними; наиболее сильным фактором, влияющими на вариативность, в данном случае оказался возраст (специальность в этом аспекте пока не рассматривалась) [цит. раб.].

Варьирование социальных идентичностей, ценностей и стереотипов

Социальные идентичности, ценностные установки, стереотипы – явления не тождественные, но тесно между собой связанные. Социальные идентичности индивида, рассматриваемые как осознанное приписывание себя к определенным социальным группам (категориям), основывается на разделении с представителями данных групп определенных ценностных установок – оценок тех или иных явлений действительности. Стереотипы, являясь устойчивой системой оценок, также являются основой социальной идентичности. Таким образом, социальные идентичности, ценностные установки и социальные стереотипы – это результат процесса социальной категоризации и, следовательно, они могут рассматриваться как когнитивные структуры, формирующиеся в результате социального опыта. Категории социальной жизни, как и все остальные категории действительности, отражаются в ментальном лексиконе, и, соответственно, они могут изучаться с помощью традиционных психолингвистических методов – ассоциативного эксперимента, эксперимента по выявлению актуального лексикона и прямого толкования слова.

Большое внимание в работах пермской социолингвистической школы уделяется изучению гендерных стереотипов. На примере анализа представлений о фемининности/маскулинности и признаках речи мужчин и женщин показано, что структура стереотипа имеет полевою структуру, которая варьирует в зависимости от родного языка, пола/гендера информантов, а также от возраста и уровня их образования. Ядро гендерных стереотипов, сформированных у женщин, людей старших возрастных групп и информантов со средним образованием, отражает традиционные представления о женщинах, мужчинах и их роли в семье; мужчины, представители молодого поколения и люди с высшим образованием опираются на традиционные представления в меньшей степени. В целом степень актуализации концептуальных признаков маскулинности и фемининности в языковом сознании разных социальных групп показывает, что стереотипы не являются статическим образованием, а отражают происходящие в современном обществе изменения социальных ролей мужчин и женщин [Гаранович 2020]. Исследование гендерных стереотипов в китайском языковом сознании показывает, что структура стереотипов отличается от той, которая представлена в русском социуме; эта разница объясняется различным культурным контекстом [Ерофеева Т.И., Ван Минь 2018].

Ментальный лексикон индивида отражает и социальную идентичность в совокупности с социальными ценностями. Это может проявляться различным образом: через актуализацию связей лексем, описывающих близкие группе представления и ценности; через приписывание положительных коннотаций дифференцирующим признакам группы и отрицательных – признакам противопоставленных групп и т. п.; но прежде всего через актуализацию лексических единиц, связанных с обозначением фрагментов реальности, которые являются ключевыми в социальной жизни данного человека.

Так, на материале актуальных лексиконов коми-пермяков, татар и русских показано, что в ментальном лексиконе отражаются актуальные для индивида групповые ценности и идентичности, при этом в ментальном лексиконе билингва актуализация того или иного вида идентичности зависит от языкового сублексикона. При этом прослеживается важная тенденция: если представления не являются существенной этнической ценностью, то наблюдается сходство наполнения соответствующих подгрупп в русских словниках татар, коми-пермяков и русских; однако если представления для этноса устойчиво ценностно окрашены, как, например, родственные отношения для татар или природа для коми-пермяков, то татарский/коми-пермяцкий словник билингвов будет влиять на структуру их русского словника, т. е. этническое языковое сознание, поддержанное неязыковыми этническими ценностями, оказывает влияние на словник второго языка билингва. Аналогично и в устных спонтанных монологах указанных этнических групп значительно чаще используется лексика, репрезентирующая ценности этнической группы [Ерофеева Е.В. 2011; 2014; Ерофеева Е.В., Худякова 2012; Худякова 2019; 2020].

Кроме того, в актуальных лексиконах коми-пермяков и татар прослеживается иерархия идентичностей. Наиболее актуальным для сознания коми-пермяков является осмысление человека как биологического существа, части природы; социальные идентификации в лексиконе актуализированы слабо и реализуются через связь с семьей и социально-биологическими половозрастными группами. Для татар также свойственна ориентация на биологические свойства и качества человека, однако с ней конкурирует социальная (семейная, профессиональная и ролевая) идентификация; актуальный лексикон в целом отражает важность иерархических социальных отношений: татары идентифицируют себя с большой разветвленной иерархически организованной семьей и с социальной группой, в которую они входят, при этом наблюдается ориентация на высокое положение в социуме, профессиональный статус человека, а также опора на чужой опыт и престиж пожилого поколения (половозрастные характеристики переосмысливаются в социальном аспекте). Для русских более всего важна идентификация с малой семьей; социальная идентификация у них происходит

прежде всего через личный социальный опыт и личные отношения [Ерофеева Е.В. 2011; 2014; Ерофеева Е.В., Худякова 2012].

* * *

Более 30 лет исследований социального варьирования структуры ментального лексикона, значения слова, цельности и связности текста, а также вербализации социальных стереотипов, ценностей и идентичностей, в которых приняли участие в целом около 70 человек, позволили пермской школе социопсихолингвистики уточнить многие теоретические положения современной психолингвистики, в частности динамическую структуру ментального лексикона как формы языкового сознания, а также показать коммуникативную и социальную вариативность психолингвистического значения слова, социальных стереотипов и ценностей, процессов порождения и восприятия текста.

Литература

- Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях языкового акта, речи, речевой вероятности и языка // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 15–21.
- Балашова Е.А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов). Пермь, 2007. 178 с.
- Баринова И.А. К вопросу об экспериментальном исследовании цельности текста // Вопросы психолингвистики. 2009а. № 9. С. 246–251.
- Баринова И.А. О смысловой структуре текста разговорной речи и возможностях ее изучения // Социальные варианты языка. 2009б. № 6. С. 55–58.
- Баринова И.А. О некоторых закономерностях построения и осознания текста разговорной речи // Вестник Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 4. С. 139–145.
- Белоусов К.И. и др. Знаковые системы, импровизация и диван на кафедре: к проблеме реконструкции образа профессиональной деятельности преподавателя-лингвиста / К.И. Белоусов, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Н.Л. Зелянская // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 86–93.
- Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Лещенко Ю.Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. № 35. С. 39–53.
- Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь, 1995. 312 с.
- Бочкарёва Е.В. Дихотомия «устная и письменная речь» и словарь подростка // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации / ред. М.П. Котюрова. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2005. С. 3–7.
- Бочкарёва Е.В., Доценко Т.И. Пути доступа к значению слова и ментальный лексикон // Научные чтения – 2004: приложение к журналу «Язык и речевая деятельность». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. Т. 6. С. 107–112.
- Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2020. 228 с.
- Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 18 с.
- Доценко Т.И. Вербальная ассоциация как перцептивно-смысловой процесс // Матер. XXVIII Межвуз. научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 1999. Вып. 16. С. 7–11.
- Доценко Т.И. Семантические (парадигматические) связи внутреннего лексикона подростка // Матер. XXIX Межвуз. научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2000. Вып. 14., ч. 2. С. 32–35.
- Доценко Т.И. О синтагматических ассоциативных структурах // Матер. XXX Межвузовской научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2001. Вып. 21, ч. 3. С. 7–11.
- Доценко Т.И. Категориальность и ментальный лексикон // Проблемы социо- и психолингвистики / отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2011. Вып. 15. С. 74–84.
- Доценко Т.И., Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2(8). С. 144–155.

Раздел 2

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Формирующийся иноязычный сублексикон взрослого: начальный этап // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 138–149.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Кластеры двуязычной ассоциативно-вербальной сети как модельный аналог ментальных репрезентаций // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты: матер. Междунар. науч. конф. памяти В.Я. Шабеса. СПб.: Университетские образовательные округа, 2014. С. 39–49.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е., Остапенко Т.С. Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 78–89.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е.В. Групповая идентичность и ее отражение во внутреннем лексиконе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 91–96.

Ерофеева Е.В. Вариативность наивных толкований в разных социальных группах // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика / отв. ред. Л.Г. Ким. Кемерово, 2012. С. 248–252.

Ерофеева Е.В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 90–102.

Ерофеева Е.В., Низгулов Т.С. Гибридизация специальных и обыденных понятий (на примере понимания юридических терминов) // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 63–79.

Ерофеева Е.В., Пеняева Е.А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 1(13). С. 7–19.

Ерофеева Е.В., Сторожева Е.М. Идиомный компонент коннотативного значения слова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 4. С. 5–13.

Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2(18). С. 7–16.

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Ерофеева Т.И. Концепт «деньги» в наивном сознании студентов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 3. С. 204–209.

Ерофеева Т.И., Ван Минь. Стереотип образа мужчины в китайском общественном сознании (в сопоставлении с русским) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 37–44.

Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1994. 124 с.

Овчинникова И.Г. и др. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И.Г. Овчинникова, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, Е.Б. Пенягина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 312 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002. 30 с.

Овчинникова И.Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85–92.

Овчинникова И.Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 43–49.

Овчинникова И.Г. О влиянии частотности коллокации лексем на взаимосвязи единиц ментального лексикона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1(7). С. 26–30.

Овчинникова И.Г. Входящие и исходящие связи слова в ментальном лексиконе младшего школьника // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 160–169.

Овчинникова И.Г., Штерн А.С. Ассоциативная сила русского слова // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С. 110–117.

Орлатых Е.В., Ерофеева Т.И. Лексема ПОЛИТИК/PONTICIAN в наивном представлении русских и англичан // Политическая лингвистика. 2016. № 6(60). С. 197–204.

- Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2018. 148 с.
- Сахарный Л.В. Удивительный, надежный, коварный. Пермь, 1968. 49 с.
- Сахарный Л.В. Язык мой – друг мой. Пермь, 1972. 49 с.
- Сахарный Л.В. Как устроен наш язык. М., 1978. 160 с.
- Сахарный Л.В. К тайнам мысли и слова. М., 1983. 160 с.
- Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 181 с.
- Сахарный Л.В. Категоризация «картины мира» в словообразовательной системе (опыт компактного описания словообразовательной системы русского языка) // ...Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 86–100.
- Углонова И.А. Экспериментальное исследование механизма вероятностного прогнозирования (на материале субъективных оценок частот слов младшими школьниками) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 167 с.
- Худякова Е.С. Нарратив и идентичность: от детства до старости / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/khudyakova-narrativ-i-identichnost.pdf>
- Худякова Е.С. Эмоционально-оценочный компонент в спонтанных текстах представителей старшего возраста // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (1). С. 172–184.
- Худякова Е.С. Социолингвистическое варьирование параметров устного спонтанного текста // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7, № 1. С. 169–182.
- Цыгульская Л.Д., Гаранович М.В. Актуализация значений многозначного слова орган в языковом сознании профессиональной группы работников органов ЗАГС // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 59–62.
- Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка / УроРАН. Екатеринбург; Пермь, 2007. 246 с.
- Чугаева Т.Н. Звучащий текст с позиции слушающего: уровневая структура и стратегии восприятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 144–155.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. 428 с.

2.10. Психолингвистические аспекты изучения феномена лингвокреативности

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова
Екатеринбург

Современная отечественная психолингвистика развивается в широком вариативном диапазоне исследования речевой деятельности и языкового сознания, что обеспечивает перспективу анализа самых разных языковых и речевых феноменов в свете их психологической реальности. Одним из таких феноменов, подвергаемых углубленному изучению в рамках уральской (екатеринбургской) психолингвистической школы, является лингвокреативность как форма проявления эвристической природы речемыслительной деятельности говорящих.

В 2008 г. на Международной конференции, организованной кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ и поддержанной грантом РГНФ, было инициировано новое научное направление «Лингвистика креатива» с целью консолидации разных исследовательских парадигм, связанных с изучением феномена лингвокреативности. В течение последующих лет под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной и ее непосредственном авторском участии было издано пять коллективных монографий, объединивших усилия российских и зарубежных ученых в области теоретических и прикладных подходов к рассмотрению лингвокреативности [Лингвистика креатива... 2009/2013 (2-е изд.), 2012, 2014, 2018, 2020].

При всей многоликости данного явления в качестве доминирующего начала его исследования в представленной серии выступает психолингвистическое обоснование функционала и природы лингвокреативности как реализации потенциала языка в разных видах речетворческой деятельности. Учеными уральской (екатеринбургской) психолингвистической школы представлены статьи, монографии, диссертации, учебные пособия, словари и словарные проекты, связанные с исследованием феномена лингвокреативности в следующих аспектах.

Рассмотрение природы лингвистической креативности в свете психолингвистического подхода.

Языковая игра как особая форма лингвокреативного мышления

Термины «креативность» и «креатив» в настоящее время широко применяются с целью характеристики разных видов человеческой деятельности, требующей для своего осуществления неординарных, нестандартных решений. В психологической парадигме креативность связывается, прежде всего, с «творческой уникальностью» личности». Особо подчеркивается тот факт, что в процессе становления этого качества отражается «стремление субъекта к самостоятельному нахождению ресурсов» [Варламова, Степанов 2002: 8–10], в чем проявляется как стихийное, так и сознательное эвристическое начало созидания нового на базе уже известного.

Феномен лингвокреативности в свете психолингвистического подхода предполагает рассмотрение, с одной стороны, механизмов дивергентного и конвергентного мышления в процессе обработки и вербализации информации, с другой стороны, форм и «продуктов» лингвокреативной деятельности – с учетом спонтанной или осознаваемой интенции говорящих к созданию речевых инноваций, социального и профессионального статуса, дискурсивных практик и собственно креативного базиса языковой личности. Процессуальная природа лингвокреативности основана на механизмах ассоциативного мышления (см. J. Deese, Дж. Гилфорд, Э. Торренс, Х. Е. Трик и др.), которое характеризуется такими параметрами, как беглость (количество и быстрота возникающих реакций на некий стимул), гибкость (способность субъекта видеть один и тот же объект в разных измерениях), оригинальность (ассоциативная эвристика, открывающая нетривиальный ракурс интерпретации свойств уже познанного или познаваемого объекта).

К числу параметров креативности относят также «сопротивление замыканию» (т.е. стремлению в ситуации неопределенности принять самое очевидное решение, основанное на прошлом опыте), «разработанность» (способность к развитию идеи и доведению ее до определенного результата). В этом плане разграничиваются такие типы личности, как креаторы и разработчики (см. [Минюрова 2013]). Соотношение дивергентного («веерообразного», многовариантного) и конвергентного (линейного, алгоритмизированного) начал в разных видах деятельности, в том числе речевой, выступает в неразрывном единстве. Соответственно двумя направлениями изучения креативности становится ее исследование как процесса и как продукта, что в полной мере касается и лингвокреативной (речетворческой) деятельности.

Таким образом, вербальная креативность (= лингвокреативность) является неотъемлемым параметром языковой личности, способной проявлять свою уникальность, одаренность и инновационность в использовании ресурсов языка (в неограниченном диапазоне прагматических установок речевой коммуникации).

Один из ярких показателей лингвокреативности – языковая игра, которая в широком витгенштейновском понимании характеризуется как «... сам язык и все сплетенные с ним виды деятельности» [Витгенштейн 1985], обозначая поле для реализации инициативы говорящего в рамках заданных конкретным языком возможностей выражения мысли. Данное определение языковой игры дает основания для рассмотрения ее механизмов как осново-

полагающего фактора разных проявлений лингвокреативности. Однако, будучи соположенными явлениями, языковая игра и лингвокреативность не являются абсолютно тождественными в свете той установки, которую реализует говорящий в случае преднамеренного нарушения языкового канона. Креативность –

«... обязательная составляющая языковой игры как особой формы адогматического речевого поведения: креативный процесс всегда содержит некое зерно, побудительный мотив к творческому поиску (в ситуации, когда обычный, стандартный ход невозможен или неприемлем для реализации интенции говорящего)» [Гридина 2020а: 14].

Собственно именно осознание проблемы – психологический импульс, запускающий креативный процесс; поиск оригинального решения как второй этап этого процесса в случае языковой игры сопровождается «... переключением / ломкой ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления словесных знаков» [Гридина 1996б: 64–68]. В данной трактовке ассоциативный стереотип понимается как разновидность динамических стереотипов языкового сознания.

При таком подходе соединяются собственно языковой (системный, онтологический), речедеятельностный (связанный с интенцией говорящего) и собственно инструментальный ракурс языковой игры, обусловленный техникой кодирования и декодирования информации, заключенной в игровой трансформе (продукте языковой игры). Данная ассоциативно-прагматическая концепция языковой игры, с выделением операциональных механизмов, конструктивных принципов и конкретных приемов, моделирующих «игрему», представлена в докторской диссертации «Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры)» [Гридина 1996а] и монографии «Языковая игра: стереотип и творчество» [Гридина 1996б].

Креативная природа языковой игры, связанная с обновлением речевого канона, определяется актуализацией ассоциативного потенциала слова (и шире – единиц всех языковых уровней) как некоего «субстрата», включающего в себя совокупность любых реакций, которые может вызывать этот знак в сознании носителей языка и конкретного говорящего. В предложенной трактовке понятие «ассоциативный потенциал слова» отражает «бесконечную» интерпретационную «валентность» (А.Ф. Лосев) связи компонентов внутрисловной и междусловной зон значения вербального знака и, будучи динамическим вектором языкового сознания, конгруэнтно психологической модели значения (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева и др.) и структуре ассоциативно-вербальной сети (Ю.Н. Караулов), где работают два вида связей – кустовая и цепочечная. При этом сам механизм лингвокреативного инсайта включает в себя эвристический момент, «вскрывающий» потенциальные ресурсы языкового развития. Такой ракурс рассмотрения языковой игры в наибольшей степени соответствует психолингвистическому подходу к определению ее сущностной природы и дает импульс для разработки теории лингвокреативности в широком регистре ее реализации.

Изучение «истоков вербальной креативности»

Данный аспект предполагает обращение к формированию языковой личности в онтогенезе в свете соотношения преднамеренности и непреднамеренности нарушения языкового канона (см. монографии «Своя игра»: ребенок в мире языка» [Гридина 2016а] и «Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре» [Гридина 2018а]). В фокусе внимания оказываются при этом два вида вербальной креативности ребенка – компенсаторная и преднамеренная.

Компенсаторная креативность связана с лексическим дефицитом, который делает ребенка «вынужденным креатором», заставляя его действовать методом проб и ошибок в поле языковых возможностей. Ребенок, еще не владеющий нормой, находясь под воздействием актуальных для него аналогий (лексических, грамматических, словообразовательных)

создает собственные «функциональные системы» слов и форм, структура которых (состав и соотношение компонентов) меняется в ходе приобретения детьми когнитивного и речевого опыта [Цейтлин 2000; 2012]. В этом плане психолингвистически значимым является исследование компенсаторных инноваций лексико-семантического и грамматического уровней в свете предметных эталонов, обусловленных «ментальными доминантами языкового сознания ребенка как временно господствующими аспектами восприятия детьми окружающего мира» [Гридина 2018б; Никаноров 2000].

Важно подчеркнуть тот факт, что развитие речи ребенка в компенсаторном лингвокреативном ключе стимулировано не только несформированностью лексической и грамматической компетенции, но и стремлением обозначить то, что в языковом узусе и норме не находит выражения, но значимо для детского сознания. Компенсаторная креативность ребенка в психолингвистическом измерении предстает, таким образом, не столько как отклонение от нормы, которая ребенком еще не освоена, сколько как форма речевой активности, проявляющая потребностную (когнитивно-ассоциативную) сферу языкового онтогенетического развития. Компенсаторные инновации выступают при этом как вполне естественный и комфортный для ребенка коммуникативный регистр. Выполняя роль фактора упорядочения поступающей к ребенку языковой информации, данный вид лингвокреативности непосредственно связан с речевым развитием как самого ребенка, так и с перспективами (тенденциями) развития языка, что находит опережающее отражение в детской речи.

Второй вид вербальной креативности в детской речи – это преднамеренное нарушение канона, осознаваемое самим ребенком как некая условность, что является одним из главных «индикаторов» языковой игры. Соответственно разработке в психолингвистическом ключе подвергается вопрос о факторах, которые стимулируют проявление инициативы ребенка к речетворчеству и определяют универсальные черты и уникальный «профиль» лингвокреативных практик формирующейся языковой личности.

В частности, «предтечей» осознанной лингвокреативности становится метаязыковая рефлексия, выступающая одной из главных стратегий усвоения языка в онтогенезе: в широком смысле – это установление объяснимой связи между неким лингвистическим знаком и свойствами обозначаемого на основе только формальных или формально-смысловых ассоциаций [Гридина 2013а; Гридина 2017б; Колясникова 2005]. В данной процедуре заложен прогностический (определение потенциального денотата в вариативном системном регистре), прагматический (ценностный аспект как зона личностного смысла) и эвристический («созидающий») потенциал осознанной лингвокреативности [Гридина 2012а: 5–33].

Показателями осознанной интенции ребенка к языковой игре могут быть явно шутивая интонация, эмоциональная (в частности, смеховая) реакция, сопровождающие детскую инновацию, способность к тиражированию («апробации») некоего освоенного алгоритма слово-, формо-, фразеобразования (когда в игровой трансформе «просвечивает» прототип), выведение собственных «правил», условно-игровых кодов коммуникации, например, имитация какого-либо языка – естественного или придуманного ребенком и т.п. В плане анализа спонтанной вербальной креативности и становления способности ребенка к преднамеренной языковой игре интерес для исследования представляет так называемый «детский вопрос», в том числе провокативный, в котором проявляется

«... аналитический инстинкт и познавательная активность ребенка ... Метаязыковая составляющая детского вопроса дает возможность оценить креативность речевого действия ребенка в терминах беглости, гибкости, оригинальности» [Гридина 2017а].

Данные параметры ассоциативного метаязыкового мышления закладывают перспективу дальнейшего развития и самореализации ребенка как креативной языковой личности.

В русле развиваемого направления «Лингвистика креатива» верифицировалась гипотеза о соотношении двух видов вербальной креативности как тесно взаимосвязанных в процессе перехода ребенка из зоны «языкового принуждения» в зону «языковой свободы» [Ажеж

2003] и в значительной степени «отзеркаливающих» друг друга в операциональном плане. С этой целью начиная с 2012 года руководителем направления разрабатывается лексикографический проект «Креативный ребенок».

Первым этапом реализации данного проекта стало создание «Объяснительного словаря детских инноваций» [Гридина 2012б], где толкования фактов живой детской речи представлены в свете рефлексии самих авторов этих инноваций (на основе метаязыковых контекстов, в которых они зафиксированы). Такие контексты, предваряющие или комментирующие, поясняющие смысл инновации, дают возможность для заключения о характере ассоциативных аналогий, лежащих в основе детского формо- и словотворчества, в свете их интерпретации самим ребенком. Второй этап реализации этого проекта, поддержанного грантом РГНФ 2014 г. и находящегося в настоящее время на стадии завершения, предполагает экспериментальную верификацию способности ребенка к считыванию и самостоятельному продуцированию смыслов детских инноваций из указанного выше словаря, предложенных в качестве стимулов.

Установка на произвольное толкование инновации, заданная в эксперименте, вероятностно предопределяет лингвокреативный поиск ответа в неограниченном спектре вариативных версий, в том числе интерпретацию стимула в игровом ключе (см., в частности, описание таких экспериментов в [Гридина 2013б; 2015, 2017б] и др.). В словаре, фрагменты которого представлены как одна из глав монографии «Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре» [Гридина 2018а], нашло отражение ассоциативное наполнение детского слова в его потенциальной интерпретационной проекции. Это создает базу для дальнейшего изучения лингвокреативных механизмов считывания (восприятия) и продуцирования окказиональных смыслов слова, в том числе в свете возрастной динамики проявления интенции к языковой игре.

Словарная статья, включает в себя в качестве заглавного слова исходную детскую инновацию и ее толкование ребенком; определение типа инновации и авторский комментарий причин ее появления; экспериментальные данные а) по толкованию инновации детьми-респондентами и б) (факультативно) данные, полученные в результате «воспроизведения» теми же респондентами исходной детской инновации по заданному мотивационному перифразу.

Основной целью пилотного проекта данного словаря было обнаружение идиоматики и игровой потенциальности детского слова, проявленных как в единичных, так и в повторяющихся реакциях разных групп респондентов.

Описание «пространства языкового креатива» в современной языковой ситуации

В психолингвистическом ключе (с выходом в широкий регистр изучения разножанровых форм и механизмов лингвокреативности, представленных в дискурсивных практиках современной речи) кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ в рамках трех издательских проектов – ежегодного сборника научных трудов «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности», «Уральского филологического вестника» (серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»), а также пяти коллективных монографий «Лингвистика креатива» / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной – с привлечением зарубежных и российских ученых разрабатывается следующая проблематика:

- *Исследование лингвокреативных механизмов языковой игры*

В фокусе анализа оказываются процессы порождения и восприятия единиц разных уровней, эксплуатирующие фонетическое, структурное, семантическое «подобие» ассоциатов, заключающее в себе «игровой парадокс» [Гридина 2020б: 75]. В психолингвистическом плане представляет интерес как выделение конструктивных принципов и описание собственно лингвистической техники моделирования игры («ассоциативная провокация,

ассоциативная выводимость, ассоциативная интеграция», «ассоциативное наложение», «ассоциативное отождествление», «имитация / стилизация, пародирование» и т.п. [Гридина 1996а; 2020б]), так и способность адресата к дешифровке игрового кода («опознание» некоего лингвистического прототипа в игровой трансформе, задающей его новую ассоциативную интерпретацию).

Значимым для изучения механизмов лингвокреативного мышления оказывается анализ игровых «проекций» восприятия вербальных знаков, полученных в режиме спонтанного реагирования на словесный стимул. Такую возможность дает выявление интенций к языковой игре по данным ассоциативных словарей. Подобное исследование на базе Русского ассоциативного словаря [РАС 2001] было предпринято нами [Гридина 2016б].

Основные направления игровой актуализации слов-стимулов характеризовались с учетом типов ассоциирования (формального, формально-смыслового, семантического). За основу вероятностного проявления интенции к языковой игре принималась нестандартность ассоциатов, которые рассматривались с учетом их игровой потенциальности или реализованности – например, при трансляции респондентами уже существующего прецедента (готовой шутки в виде цитаты, афоризма, каламбура и т.п.), акцентировании смысловой неоднозначности стимула, предъявлении в качестве реакции собственных словотворческих инноваций и т.п. Совокупный состав ассоциатов, представленных в словарной статье, дает возможность выявления разновекторных стратегий и приемов языковой игры применительно к одному и тому же стимулу. Операциональный компонент языковой способности, демонстрирующий приоритеты в выборе ассоциативных регистров языковой игры, отражает психологическую реальность данного феномена в сознании конкретного субъекта.

Одним из психолингвистических подходов к изучению продуктов языкового творчества выступает анализ игровых текстов в русле дихотомии «говорящий – слушающий» (при этом текст рассматривается как феномен, обнаруживающий индивидуальные особенности лингвокреативных практик автора в проекции на восприятие адресата).

В психолингвистическом плане актуальна экспериментальная верификация ассоциативного наполнения языковых структур игровой семантикой в сознании адресата и адресанта художественного текста. Такой ракурс исследования позволяет рассматривать лингвокреативный «почерк» конкретного автора с учетом факторов, влияющих на декодирование игрового текста его реципиентом. По сути, игровой текст сам есть экспериментальное поле для стимуляции рефлексии адресата над содержанием сообщения. Подчеркнем в этой связи, что опознание прототипа – одно из обязательных условий дешифровки игровой трансформы – не предопределяет, тем не менее, ее однозначной интерпретации.

Разнообразие функционала, смысловой и структурной специфики, индивидуальности или стандартизованности игрового текста требует систематизации с учетом выделения его универсальных параметров как продукта лингвокреативной деятельности. К таким параметрам в соответствии с ассоциативно-прагматической концепцией языковой игры можно отнести следующие:

1) игровой текст – открытая ассоциативно-интерпретационная структура, ориентированная на «сотворчество», интеракцию автора с адресатом в зависимости от способности последнего к дешифровке кодов языковой игры;

2) в игровом тексте проявляются типологические и индивидуальные черты личности *Ното ludens* – как автора (по доминирующему принципу языковой игры в плане направленного воздействия на ассоциативную сферу реципиента), так и адресата, наиболее восприимчивого к тому или иному регистру языковой игры. В числе таких типов выделяются игрок-имитатор / стилизатор, игрок-интерпретатор, игрок-креатор (экспериментатор). См. также определение имитативного, аллюзивного и образно-эвристического принципов языковой игры [Гридина 2008], которые при узнаваемости в игровой трансформе некоего прототипа задают неожиданный, новый ракурс его восприятия;

3) игровым текстом может быть назван только такой феномен, в котором прием или совокупность приемов языковой игры составляет смысловую перспективу его *восприятия и интерпретации*: вне игрового кода такой текст «рассыпается»;

4) функции игрового текста многообразны и не ограничиваются только комическим эффектом; ср. релаксирующую, манипулятивную, самопрезентационную, познавательную-эвристическую и др. функции языковой игры;

5) во всех случаях игровой текст моделируется по принципу «условной реальности», осознание которой – необходимый фактор адекватного восприятия авторской интенции.

- *Исследование лингвопрагматики игровых жанров в современной языковой ситуации*

Полидискурсивность языковой игры в современной коммуникации предопределяет необходимость рассмотрения ее функционала с учетом специфических жанровых форм речи, ориентированных на определенный тип адресата. Безусловно, художественный дискурс порождает игровые тексты наибольшей смысловой и формальной сложности. Однако современный арсенал игровых текстов не только не исчерпывается сферой художественной речи, но и приобретает абсолютно специфичные черты как в плане жанровой специализации, так и в плане техники создания игрового эффекта и расширения прагматического функционала лингвокреативных практик социума в разных дискурсах. Интересны в этом отношении так называемые политприколы и приколы «Русского радио» [Гридина 2014б], создающие эффект шокирующего комического парадокса, основанного на эффекте обманутого ожидания.

«Источником для создания приколов нового типа становятся, прежде всего, явления современной социально-политической жизни, представленные в виде парадоксальных (афористических) сентенций: псевдолозунгов, псевдофилософов, максим. В основе таких сентенций нередко лежат прецедентные феномены – высказывания, ситуации, тексты, имена собственные, подвергаемые трансформации и оценочной дискредитации, профанизации, шутливому переосмыслению. <Лингвокреативный> ... функционал жанра определяет его использование как в традиционном регистре балагурства и остроты (с целью развлечения), так и в регистре манипулятивного речевого воздействия (формирования ценностных установок общества)» [Гридина 2014б: 35, 38].

Таким образом, лингвопрагматика прикола как игрового жанра определяется переформатированием отношения адресата, прежде всего, к так называемым расхожим истинам, предполагая его способность к осознанию иронических импликаций.

Порождение и считывание (интерпретация) игрового текста производны от выбранного дискурса, и прагматики соответствующего жанра коммуникации; в этом отношении показательны широко представленные в современной коммуникации креолизованные игровые тексты, в частности, интернет-мемы, среди которых особенно интересны в плане порождения и восприятия так называемые метаязыковые мемы, в основе которых лежит апелляция к рефлексии говорящих над фактами собственной и чужой речи, включая и отражение в быденном сознании носителей языка обыгрываемой в мемах лингвистической терминологии. Языковой код в сочетании с невербальным становится при этом средством передачи самой разной информации в провокативном ключе, вызывая смеховую реакцию (см. [Гридина, Талашманов 2020]).

Вместе с тем обыгрывание лингвистических прецедентов может служить материалом для использования метаязыковых мемов в практике преподавания русского языка, развивая способность обучаемых, в частности, к разграничению ошибки и языковой игры. Эксперименты по восприятию таких мемов, проведенные со школьниками, предполагавшие выделение игремы на фоне опознанного лингвистического прототипа, в соотношении с невербальным рядом, позволяют говорить о разных уровнях рефлексии, определяющих характер считывания креолизованного текста [Гридина, Лисич 2021].

Активному исследованию в современном пространстве языкового креатива подвергается рекламный текст и сфера эргонимической номинации (см. работы И.Т. Вепревой, М.В. Голомидовой, О.С. Иссерс, Е.Н. Ремчуковой, М.Э. Рут, Т.В. Поповой, Т.В. Шмелевой и

др. участников проекта «Лингвистика креатива»). В психолингвистическом ключе реклама и эргонимы, выполняющие рекламную функцию, рассматриваются, прежде всего, как текст, транслирующий информацию с помощью разнообразных кодов языковой игры – графического [Адясова, Гридина 2017], фонетического, словообразовательного, мотивационного, семантического, морфологического, синтаксического. При этом коды языковой игры характеризуются в свете обратимости процессов текстопорождения и текстовосприятия как двух составляющих процесса коммуникации, в том числе с использованием методов экспериментальной верификации считывания адресатом лингвокреативного замысла рекламного сообщения [Лингвистика креатива 2012; 2103; 2014; 2018; 2020].

Прикладные аспекты исследования феномена лингвокреативности Тренинги вербальной креативности

Система таких тренингов с использованием адаптированных для этой цели психолингвистических методов и методик представлена в методическом пособии «Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности» [Гридина, Пипко 2014], теоретическое обоснование и материалы проведенных со школьниками и студентами конкретных тренингов описаны в главе коллективной монографии «Лингвистика креатива – 3» [Гридина 2014а].

Основным теоретическим постулатом для разработки и организации тренингов стало положение об активизации лингвокреативных способностей в специально смоделированных условиях их игровой стимуляции, когда участники тренинга сталкиваются с необходимостью решения нестандартной лингвистической задачи. При реализации данной концепции принималось во внимание то, что эвристическая технология должна быть

- 1) конструктивной, предполагающей проявление в ходе тренинговой процедуры ассоциативных механизмов и потенциальных, языковых аналогий, порождающих соответствующий тип новаций;
- 2) когнитивно ориентированной, учитывающей специфику познавательной сферы соответствующих возрастных групп – участников тренинга (от детей дошкольного до старшего школьного возраста);
- 3) комплексно прогностической, предполагающей обнаружение у респондентов способностей к тому или иному виду речевого творчества (в том числе к языковой игре);
- 4) экспериментально верифицируемой.

В типологическом отношении представленные тренинговые процедуры можно отнести к номинативным и текстовым. Соединение и взаимосвязь этих типов демонстрирует, в частности, разработанная и апробированная нами версия тренинга «Создание поля креативных номинаций». Суть ее состоит в образовании ряда дериватов от узуального или окказионального слова по заданным тематическим векторам (топонимы от стимульного слова; название жителей; род занятий, язык и т.п.), а затем создание текста на базе полученных номинаций в процессе их толкования и оформления в определенный сюжет – с привязкой к конкретному жанру. См. описание такого эксперимента со стимульным квазисловом *луфть* в [Гридина 2015].

Текстообразующие проекции окказионального игрового слова выявляет и процедура его семантизации, в ходе которой обычно наблюдается приращение креативных номинаций, и восстановление «игремы» в лакунаризованном тексте по заданному описанию (мотивационному перифразу). Те же тенденции текстовой актуализации обнаруживает и тренинговая процедура сочинения синквейна, раскрывающего ассоциативный потенциал окказионального стимульного слова в сознании участников творческого процесса. Интерес для стимуляции вербальной креативности представляет также толкование и ассоциативный контекст слов-фоносемантов, несущих в себе заряд экспрессивности и метафоричности (см. [Ваулина 2017]).

Учебный текст в аспекте его порождения и восприятия

Исследование учебного текста составляет особый ракурс психолингвистического анализа когнитивных механизмов восприятия заложенной в нем информации: этапов и особенностей ее интеллектуальной обработки, осмысления в свете деятельностной теории познания [Krasnopereva, Konovalova 2020]. Наряду с использованием универсальных когнитивных операций сравнения, различения, классификации, обобщения в основе процесса интериоризации информации лежат так называемые «эвристические познавательные операции», к которым относятся, например, установление отдаленных ассоциативных связей, обнаружение аналогов, концептуальное комбинирование и т.п. (см. об этом в: [Gridina, Ustinova 2016: 93–96; Устинова 2017]). Эти особенности позволяют рассматривать учебный текст в свете его лингвокреативной составляющей, предполагающей установку не на простое заучивание, а ориентированной на развитие самостоятельности, творческого отношения учащихся к усвоению учебной информации. Это требует принципиально нового подхода к конструированию структуры как учебника в целом, так и отдельных его тематических разделов с учетом психологических закономерностей овладения реципиентом когнитивными и метакогнитивными операциями.

Особое внимание уделяется психолингвистическим методам и методикам выявления характера рецепции учебного текста в единстве его формальных и содержательных параметров. Отсюда актуальным представляется учет эвристических механизмов порождения и восприятия в процессе разработки (конструирования) учебного текста по русскому языку.

С учетом этих факторов учебный текст анализируется в двух аспектах: 1) с позиций человека читающего (слушающего) и моделирующего в своем сознании образ содержания воспринимаемого текста; 2) с позиций разработчика, конструирующего учебный текст. В обоих случаях учитывается тот факт, что современный учебный текст формирует информацию комплексно, на основе единства вербальной и невербальной составляющей, а механизмы внешней (иллюстративной) и внутренней (обращенной к личностному опыту) визуализации обуславливают не столько последовательное декодирование знаков, сколько гештальтное, целостное «схватывание» информации [Коновалова 2016]. Закономерно поэтому акцентирование внимания на индивидуально-психологических различиях восприятия информации, представленной как вербальным, так и невербальным компонентами учебного текста.

Еще одним важным параметром изучения психолингвистических особенностей восприятия учебного текста является анализ способов его предъявления, в частности, в виде алгоритмов или аналогов. Методологически важным является анализ типовых упражнений и заданий (в том числе притекстовых), содержащихся в современных школьных учебниках по русскому языку, в аспекте «комфортности» и продуктивности восприятия для учащихся с разными латеральными профилями. См. в этой связи факторы, способствующие восприятию и пониманию учебной информации, или затрудняющие эти процессы в [Коновалова 2015, 2020].

Описанные выше подходы к содержанию и организации учебного текста нашли отражение в пособии «Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги» [Гридина, Коновалова 2021], где, помимо описания теоретических основ каждого метода, предлагаются конкретные практические рекомендации и тренинговые задания, включающие отработку процедур проведения психолингвистического эксперимента, формулирование гипотез, в том числе с использованием лингвокреативных технологий получения экспериментального материала. Во второй части пособия представлена система заданий по речевой психодиагностике.

Перспектива исследования феномена лингвокреативности видится в дальнейшей разработке психолингвистического инструментария для верификации творческих способностей языковой личности и эвристических механизмов речемыслительной деятельности.

Литература

- Адьясова О.А., Гридина Т.А.* Реклама как текст воздействия: графический код языковой игры // Филологический класс. 2017. №4 (50). С. 37–43.
- Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
- Варламова Е.П., Степанов С.Ю.* Психология творческой уникальности человека. Рефлексивно-гуманистический подход. М.: Институт психологии РАН, 2002. 256 с.
- Ваулина И.А.* Фоносемантическая экспрессивность русского слова: лингвистический и психолингвистический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 262 с.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128.
- Выготский Л.С.* Общая психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1006 с.
- Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1996а. 566 с.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996б. 214 с.
- Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. (2-е издание, испр. и доп.). 165 с.
- Гридина Т.А.* Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012а. С. 5–33.
- Гридина Т.А.* Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012б. 202 с.
- Гридина Т.А.* Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. М.: Флинта, 2013а. 152 с.
- Гридина Т.А.* Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2013б. №4. С. 5–18.
- Гридина Т.А.* Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива – 3 / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014а. С. 14–75.
- Гридина Т.А.* Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014б. 2(48). С. 34–38.
- Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015а. №25. С. 148–157.
- Гридина Т.А.* «Своя игра»: ребенок в мире языка. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 177 с.
- Гридина Т.А.* Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря) // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Междунар. научн. конф. 2016б. С. 56–69.
- Гридина Т.А.* Детский вопрос как форма лингвокреативного мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017а. №1 (69). С. 148–163.
- Гридина Т.А.* Лингвокреативный потенциал мотивационных эвристик детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017б. №15. С. 5–16.
- Гридина Т.А.* Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018а. 2-е изд. 272 с.
- Гридина Т.А.* «Через язык открывается дитяти сознание...»: соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. 2018б. №2 (52). С. 64–69.
- Гридина Т.А.* Глава 1. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020а. С. 14–60.
- Гридина Т.А.* Речезанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей // Филологический класс. 2020б. Т.25. №1. С. 73–85.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. 2-е изд. М.: Флинта, 2021. 360 с.

Гридина Т.А., Лисич Е.С. Метаязыковой мем как жанровая форма обучения русскому языку: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2021. № 19. С. 36–52.

Гридина Т.А., Пинко Е.И. Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 81 с.

Гридина Т.А., Талашманов С.С. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 134–143.

Колясникова О.С. Явление мотивационной рефлексии в детской речи. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 266 с.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 121 с.

Коновалова Н.И. Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как «след» креативных мнемотехник // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 118–128.

Коновалова Н.И. От формальной логики к «живой грамматике»: идеи Ф. И. Буслаева в современной теории и практике обучения русскому языку // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 59–63.

Коновалова Н.И. Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 164–172.

Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, Изд. 2-е. 2013. 368 с.

Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 378 с.

Лингвистика креатива-3. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 344 с.

Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 367 с.

Лингвистика креатива-5. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. 392 с.

Минюрова С.А. Человек креативный и/или инновационный? // Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. Изд. 2-е. С. 59–77.

Никаноров С.А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 200 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

Устинова Т.В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: лингвокогнитивные модели читательской рецепции и межъязыковой перевод: дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2017. 436 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. 240 с.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

Цейтлин С.Н. Детские инновации: к истории изучения // Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 49–62.

Gridina T.A., Ustinova T.V. The Poetic linguistic non-standardness and meaning construction: semantic aspects of the associative theory of linguistic creativity // Russian linguistic Bulletin. 2016. № 2 (6). P. 93–96.

Krasnoperova Ye.S., Konovalova N.I. Grammatical Lacunae of the Associative-verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020). 2020. P. 287–291.

2.11. Восприятие коммерческой номинации языковым сознанием

М.Е. Новичихина
Воронеж

Исследования коммерческой номинации и особенностей ее восприятия носителем языка начались в Воронеже в 1997 г., когда впервые было использовано центральное понятие обсуждаемого направления исследований, а именно – понятие коммерческой номинации [Новичихина 1997]. Под коммерческой номинацией было предложено понимать языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели и ориентированную на получение прибыли (например, конфеты *Маска*, кафе *Старый город*, магазин *Пятью пять* и т.д.). Именно такое понимание коммерческой номинации со временем закрепилось в научной литературе.

В рамках проводимых далее исследований была поставлена цель – разработать методику исследования коммуникативной эффективности коммерческой номинации, а также изучить особенности восприятия современных коммерческих названий языковым сознанием носителя языка.

Теоретическую базу проводимых исследований составили лингвистические труды по теории номинации, а практическая основа была заложена начавшимися в Воронежском государственном университете работами с использованием различных психолингвистических методов. Преимущество этих методов – в том, что они позволяют оценить и описать реальное восприятие того или иного коммерческого названия носителем языка.

В настоящее время в рамках исследования коммерческой номинации в Воронежском государственном университете выполняются курсовые, дипломные, бакалаврские выпускные работы, магистерские, кандидатские и докторские диссертации.

Реализованные этапы исследования были связаны с постановкой следующих проблем, а также с решением следующих задач.

1. *Исследование стереотипов восприятия коммерческой номинации носителем языка.*

Критический анализ сложившихся стереотипов восприятия в рамках данного исследования [Новичихина 2004а] позволил утверждать, что, вопреки сложившемуся мнению, процесс коммерческой номинации подчиняется определенным закономерностям. При этом выявленный в экспериментах факт неосознанности мотивов номинации несколько не противоречит заключению о закономерной природе этого процесса.

Очевидно, существуют стабильные ментальные механизмы номинации. Эти механизмы объясняются ассоциативной общностью внутри «коллективного» сознания, а также общностью процессов фонетического восприятия и эстетического оценивания. Все это обуславливает пласт «закономерного» в процессе коммерческой номинации. А расхождения в восприятии коммерческого названия номинатором и адресатом связаны с ситуативными, возрастными, гендерными и т.п. несовпадениями. И это – источник «случайного», кажущейся «стихийности» в коммерческой номинации.

В результате активизирующийся в наши дни процесс коммерческой номинации носит случайный характер в рамках существующих в сознании закономерностей. Вот почему появляются названия-двойники в различных населенных пунктах, тождественные названия разнородных коммерческих объектов и т.п.

2. *Постановка проблемы коммуникативной эффективности коммерческой номинации и исследование коммуникативной эффективности.*

В рамках решения поставленной проблемы (см. подробнее: [Новичихина 2003]) было показано, что существеннейшей характеристикой коммерческой номинации является эффективность номинации. Следует отметить, что в данном случае понятие эффективности, традиционно используемое в связи с текстом, применяется к отдельным номинативным единицам, а именно к коммерческим названиям. Это возможно по той причине, что ком-

мерческое название не только отражает действительность, но и несет какое-то развернутое сообщение, т.е. выполняет функции текста.

Следует разграничить собственно коммерческую и коммуникативную эффективность коммерческого названия. Если собственно коммерческая эффективность определяется уровнем коммерческого эффекта, то коммуникативная эффективность зависит от степени привлекательности названия, фонетического облика слова, его ассоциативной ориентированности, информативности, зрительной или чувственной образности, мотивированности, эмоциональной окрашенности, соответствия картине мира и ценностным ориентирам потенциального потребителя. Иными словами, коммуникативная эффективность определяется потенциалом, заложенным в слове для использования его в качестве коммерческого названия.

Таким образом, можно утверждать, что эффективность номинации как возможность достижения максимального коммерческого эффекта содержит как психолингвистическую составляющую, связанную с самим словом-названием и его восприятием, так и экстралингвистическую. В первом случае можно говорить о коммуникативной эффективности названия, во втором случае – о собственно коммерческой эффективности.

Основными составляющими коммуникативной эффективности коммерческой номинации являются ассоциативное соответствие, информативность, фонетическая привлекательность, мотивированность.

Информативность коммерческой номинации – это фиксирование языковым сознанием связи между признаками денотата и названием. Ассоциативное соответствие – наличие ассоциаций, которые раскрывают компоненты содержания коммерческой номинации. Фонетическая привлекательность – характеристика степени благозвучности слова-названия. Мотивированность – основание деятельности субъекта (потенциального потребителя) при распознавании коммерческого наименования и определении предпочтительности того или иного наименования.

Каждая из составляющих коммуникативной эффективности слова-названия может быть определена с помощью различных психолингвистических методов.

Так, например, ассоциативное соответствие может быть оценено методом ассоциативного эксперимента (методом свободных ассоциаций). Правомочность использования этого метода обусловлена следующими соображениями. Восприятие коммерческого наименования носителем языка в значительной степени зависит от тех ассоциативных связей, которые актуализируются данным наименованием в сознании человека. Эффективное коммерческое наименование должно быть нацелено на формирование таких ассоциаций, которые формируют в сознании человека образ предлагаемого товара или услуги. Ценность метода состоит в том, что роль испытуемого в нем сходна с ролью слушающего при восприятии лексической единицы.

Ассоциативный эксперимент осуществляется с привлечением испытуемых – носителей языка, потребителей товаров и услуг. Обычно в ходе ассоциативного эксперимента испытуемым предлагают перечень слов-стимулов (в нашем случае – коммерческих названий) и инструкцию типа: «Просим Вас указать слова-ассоциации, вызванные данным словом».

Продемонстрируем, например, результаты реализации метода ассоциативного эксперимента на примере коммерческого названия *Карандаш* (магазин канцтоваров):

КАРАНДАШ 65 – ручка 18, простой 10, бумага 4, цветной 3, острый 2, рисунок 2, тупой 2, чертеж 2, графит 1, дерево 1, деревянный 1, для черчения 1, зеленый 1, красный 1, книга 1, косметический 1, картина 1, пенал 1, резинка 1, рисование 1, сломан 1, стержень 1, стиралка 1, твердый 1, толстый 1, упал 1, цвет 1; отказ – 1.

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что в целом ряде случаев возникающие ассоциации прочно связаны с предлагаемой продукцией или услугой, в отдельных случаях таких связей не прослеживается.

Результаты ассоциативного эксперимента позволяют рассчитать особый количественный показатель – коэффициент ассоциативного соответствия (КАС), определяемый как отношение числа позитивных ассоциаций, связанных с предлагаемым товаром или услугой, к общему числу респондентов, выраженное в процентах. Например, результаты расчета коэффициента ассоциативного соответствия приведенного в качестве примера названия составят: $КАС_{\text{карандаш}} = 94\%$. Вывод об ассоциативном соответствии того или иного названия может быть сделан в том случае, когда коэффициент ассоциативного соответствия превышает пороговый уровень, принятый за 50%. Таким образом, на основании проведенных расчетов коммерческое название *Карандаш* можно считать ассоциативно соответствующим.

На сегодняшний день активно используются и другие методы оценки коммуникативной эффективности коммерческого названия – метод дефиниций, метод определения субъективных ожиданий, метод зрительных образов, метод определения субъективных предпочтений, метод фоносемантического анализа (см. подробнее: [Новичихина 2012б]). Каждый из названных методов служит для определения той или иной составляющей коммуникативной эффективности коммерческой номинации. Методы являются экспериментальными и требуют обращения к информантам – носителям языка, потребителям товаров и услуг.

3. *Исследование периферийных зон коммерческой номинации и особенностей восприятия элементов этих зон.*

В рамках этого этапа исследований, было установлено, что группа коммерческих названий неоднородна. В структуре коммерческой номинации можно выделить так называемое «ядро» коммерческой номинации и ее «периферию».

Бесспорно, ядро этой группы составляют собственно коммерческие названия – названия фирм, магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, отдельных видов товаров и т.п. Однако существует обширное поле названий, находящихся на периферии обсуждаемой области. Не являясь коммерческими в полном смысле этого слова, они выполняют явную коммерческую функцию. К таким названиям могут быть отнесены так называемые фармонимы (фармацевтические наименования), медианазвания, ник-имена (имена, используемые пользователями в интернете), event-названия (названия мероприятий) и некоторые другие.

Одно из важнейших мест в периферийной зоне коммерческой номинации занимает так называемая медианоминация (языковая номинация средств массовой информации).

Исследованию феномена медианоминации и особенностей ее восприятия посвящены работы М.А. Дрогайцевой [Дрогайцева 2018а; 2018б; 2019а; 2019б; Дрогайцева, Новичихина 2018]. Ее диссертационное исследование явилось продолжением работ по исследованию восприятия медианоминации, начатых ранее А.Е. Барановой, К.В. Киреевой [Баранова, Киреева 2012] и И.И. Коровченко [Коровченко 2014; 2015].

Научный вклад М.А. Дрогайцевой, в первую очередь, связан с тем, что автор (на примере медианоминации) впервые показала разноуровневость составляющих коммуникативной эффективности номинации. К составляющим более высокого уровня обобщения относится мотивационный потенциал, определяющий формирование субъективных предпочтений реципиента. В свою очередь, мотивационный потенциал может быть обусловлен ассоциативным соответствием, информативностью, фонетической привлекательностью – составляющими более низких уровней.

Кроме того, М.А. Дрогайцевой показано, что ассоциативное соответствие, информативность и фонетическая привлекательность определяют мотивационный потенциал и, как результат, коммуникативную эффективность медианоминации только в условиях так называемой субъективной актуальности сформированного в индивидуальном сознании образа именуемого объекта. Иными словами, была выявлена дополнительная составляющая коммуникативной эффективности медианоминации, обусловленная ее периферийным положением в системе коммерческой номинации.

Аналогичные исследования восприятия периферийных элементов коммерческой номинации проводились на материале эстрадных имен [Бердникова 2010; Щукина 2011; Липу-

нова 2012]); на материале event-названий [Хабарова 2014]; на материале фармацевтических названий [Новичихина 2016]; на материале спортивных названий [Литвинова 2018]; на материале интернет-номинации [Новичихина 2019] и т.п.

4. Исследование реального функционирования коммерческого названия в речи.

В частности, было установлено [Новичихина 2018a], что реально употребляемый носителем языка вариант коммерческой номинации может отличаться от официального варианта номинации.

Данный феномен обусловлен следующим. Известно, что 79,7 % коммерческих названий представляют собой отдельное слово, относящееся к той или иной части речи, называющее сам объект номинации или какое-либо его качество, свойство, особенность (например: *Лесной, Европа, Лорнет*) [Новичихина 2004б]. Однако в отдельных случаях в практике современной коммерческой номинации используется составная номинация: предложно-падежные формы, словосочетания и (крайне редко) предложения. При этом традиционно используемые в коммерческой номинации словосочетания являются простыми (например, *Мишка косопалый*); доля сложных словосочетаний и предложений в общей системе коммерческой номинации невелика. Именно поэтому вполне допустимо трактовать их как иносистемные элементы.

В речевой практике такие иносистемные имена переделываются, обретая специфические черты и свойства системы. Действительно, в реальной практике употребления иносистемных названий носителями языка наблюдается тенденция к трансформации: составная номинация → однословная номинация, составная номинация, представляющая собой сложное словосочетание → составная номинация, представляющая собой простое словосочетание (ср., например, зафиксированные в речи высказывания: *Заскочим в Орхидею?* (подразумевается коммерческое название *Белая Орхидея*), *Где купил? – В Панде* (подразумевается коммерческое название *Веселая Панда*) и т.п.

Заметим, что отмеченная трансформация является следствием реализации так называемого принципа экономии речевых усилий, традиционно действующего в текстах разговорного функционального стиля речи; именно этот принцип и находит непосредственное отражение в использовании тех или иных коммерческих обозначений в практике коммуникации.

Было установлено, что экономии могут подвергаться различные элементы составного наименования.

Проведенные исследования показали, что реализация принципа экономии речевых усилий может давать неодинаковые разговорные варианты номинации: остается первое слово составного наименования (см., например, *Вечерняя Москва* → *Вечорка*); остается главное, логически выделенное слово составного наименования (например, *Здоровые батончики* → *Батончики*); остается логически выделенное сочетание слов (в случае названий, состоящих из трех и более словесных элементов) (например, *Кулинарная лавка Варвары* → *Кулинарная лавка*).

Заметим, что описанные особенности реального функционирования коммерческих названий в речи представляют собой не только сугубо теоретический интерес. Особенности универбализации составных коммерческих названий можно и нужно учитывать на практике – например, в процессе лингвистической экспертизы тех названий, которые зарегистрированы в качестве товарных знаков.

5. Исследование коммерческого названия как инструмента речевого воздействия на носителя языка.

Коммерческая номинация, решая задачу сообщения и задачу воздействия, выполняет ряд функций, общих как для всей категории имен собственных, так и специфических, свойственных лишь обсуждаемой группе имен. Особое место среди последних занимает воздействующая функция, которая связана с воздействием на потенциального потребителя, формированием желания воспользоваться предлагаемым товаром или услугой. Именно эта функция делает коммерческое название мощным средством речевого воздействия на носителя

языка. Собственно, именно поэтому вполне правомочной становится постановка вопроса об эффективности слова – коммерческого названия, о чем говорилось выше.

Кроме того, значимыми функциями коммерческого названия являются информативная, рекомендательная, аттрактивная. Все эти функции вместе с воздействующей функцией обуславливают управленческий потенциал слова-названия. Происходит это по следующей причине: если коммерческое название успешно выполняет перечисленные функции, оно становится мотивированным (см. выше), мотивированное же коммерческое название способно выполнять функцию управления поведением потребителя наиболее полно [Данилова 2008].

При этом коммерческая номинация может стать специфическим инструментом манипулирования [Приймак 2014; Новичихина 2014;], способом воздействия на адресата в необходимом номинатору направлении. Подобное манипулирование в коммерческой номинации может приобретать различные формы, в частности: создание так называемых вторичных брендов, формирование псевдопрямого коммерческого названия, обращенность к адресату, использование «иностранных» имени, гиперболизация, указание на качество товара и др.

Продемонстрируем манипулятивный потенциал коммерческого названия на примере так называемых псевдопрямых названий. Для начала поясним, что под прямой номинацией понимается номинация вида товара; в данном случае название тождественно предлагаемому товару или услуге (например, магазин *Хлеб*, магазин *Ткани*). Суть же рассматриваемого способа манипулирования заключается в том, что формируется название, сходное, но не тождественное с наименованием вида товара (например, *Сметанка*). Высокий же процент сходства приводит к тому, что коммерческое название воспринимается как видовое обозначение товара. Аналогичный способ манипулирования прослеживается в случаях названий: *Сгущенка с сахаром* (молокосодержащий продукт), *Паплет куриный* (в действительности изготовленный на основе свиных субпродуктов), *Цикорий* (растворимый напиток, в составе которого присутствует далеко не только цикорий) и мн. др. Формирование таких названий представляет собой манипулирование сознанием потребителя.

Помимо описанных выше направлений осуществлялись также исследования национальной специфики восприятия коммерческих названий [Ступникова 2007, 2008]), исследования особенностей восприятия коммерческих названий–неологизмов ([Негреско 2009], исследование особенностей восприятия абстрактной лексики в коммерческой номинации [Новичихина 2006а], исследование особенностей восприятия слов-названий с невыявленной этимологией [Новичихина 2006б], исследования влияния рекламы на восприятие коммерческой номинации [Новичихина 2012а] и др.

В целом завершённые этапы исследования позволили сформулировать некоторые выводы относительно функционирования коммерческого названия в языковом сознании:

- коммерческое название является действенным инструментом речевого воздействия на носителя языка, определяющим, в конечном итоге потребительское поведение;
- эффективность речевого воздействия непосредственно связана со степенью коммуникативной эффективности слова названия;
- эффективность/неэффективность воздействия словом-коммерческим названием на носителя языка может быть успешно определена практически.
- для определения степени эффективности/неэффективности воздействия коммерческим названием на потребителя могут быть использованы методики из активного психолингвистического арсенала: ассоциативная методика, методика определения субъективных дефиниций, методика определения субъективных ожиданий, методика определения зрительного образа, методика определения субъективных предпочтений, методика фоносемантического анализа, методика определения эстетической привлекательности. Все перечисленные методики позволяют провести как качественную, так и количественную оценку коммуникативной эффективности коммерческого названия.

Практическая значимость исследования в области коммерческой номинации связана с возможностью использования его результатов в процессе создания коммерческих названий, адекватно воспринимаемых языковым сознанием и оказывающих эффективное речевое воздействие на носителя языка.

Данный этап исследования, а также перспективы исследования коммерческой номинации связаны:

- с разработкой и апробацией новых методов исследования коммуникативной эффективности коммерческой номинации;
- с дальнейшим исследованием периферийных зон коммерческой номинации и особенностей восприятия элементов этих зон языковым сознанием носителя языка.

Литература

Баранова А.Е., Киреева К.В. Эффективность медианоминации в современном медиапространстве // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Воронеж, 2012. С. 8–9.

Бердникова Ю.В. Эстрадное имя как элемент формирования «личного PR» // Коммуникация в современном мире. Ч. 2. Воронеж, 2010. С. 81.

Данилова Н.А. Коммерческое название как инструмент управления поведением потребителей // Проблемы массовой коммуникации. Воронеж, 2008. С. 105–107.

Дрогайцева М.А. Экспериментальное исследование коммуникативной эффективности современной медианоминации // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018а. Т.4. № 2. С. 46–50.

Дрогайцева М.А. Об использовании метода ассоциативного эксперимента при изучении современной медианоминации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2018б. № 3. С. 114–116.

Дрогайцева М.А. Субъективная актуальность образа номинируемого СМИ как один из факторов коммуникативной эффективности медианоминации // Язык и национальное сознание. Вып. 25. Воронеж, 2019а. С. 92–97.

Дрогайцева М.А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019б. 189 с.

Дрогайцева М.А., Новичихина М.Е. Медианоминация. Воронеж, 2018. 84 с.

Коровченко И.И. Медианоминация: к вопросу об основах структурирования и систематизации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 168–175.

Коровченко И.И. К вопросу о построении электронного ассоциативного словаря проприальной лексики (на материале медианоминации) // Вопросы психолингвистики. 2015. № 23. С. 199–211.

Липунова Е.В. Об исследовании коммуникативной эффективности эстрадного имени // Проблемы массовой коммуникации. Ч.1. Воронеж 2012. С. 49.

Литвинова К.А. Феномен нейминга в спорте // Культура общения и ее формирование. Вып. 34. Воронеж, 2018. С. 11.

Негреско Д.И. Исследование особенностей использования слов-неологизмов в процессе создания товарного знака // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Воронеж, 2009. С. 121–123.

Новичихина М.Е. Экспериментальное исследование эффективности коммерческой номинации // Языковое сознание и образ мира. М., 1997. С. 114–115.

Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: Монография. Воронеж, 2003. 191 с.

Новичихина М.Е. К вопросу о природе случайного и закономерного в коммуникации (на примере коммерческих названий) // Человек в информационном пространстве. Воронеж–Ярославль, 2004а. С. 155–156.

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2004б. 351 с.

Новичихина М.Е. Абстрактная лексика в коммерческой номинации: восприятие в коммуникативном сознании // Человек в информационном пространстве. Ярославль, 2006а. С. 163–165.

Новичихина М.Е. Коммерческая номинация и слова с невыявленной этимологией: восприятие в коммуникативном сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 8. 2006б. С. 314–316.

Раздел 2

Новичихина М.Е. О влиянии рекламы на восприятие коммерческой номинации // Коммуникативные исследования. Воронеж, 2012а. С. 106–110.

Новичихина М.Е. Проблемы изучения коммерческой номинации Воронеж, 2012б. 108 с.

Новичихина М.Е. О феномене манипуляции в коммерческой номинации // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 130–133.

Новичихина М.Е. Слово-фармоним как элемент периферийной зоны коммерческой номинации // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел, 2016. С. 152–155.

Новичихина М.Е. Коммерческое название в речевой ситуации // 12 Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Севастополь, 2018а. С. 121–126.

Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: теория и практика. Воронеж, 2018б. 246 с.

Новичихина М.Е. О коммуникативной эффективности никнейма // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Языкознание. Т. 5, № 3. 2019. С. 57–60.

Прийменко С.В. Манипуляция в коммерческой номинации // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Ч. II. Воронеж, 2014 С. 36–37.

Ступникова Н.М. Национальная специфика современной коммерческой номинации // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Ч.2. Воронеж, 2007. С. 108–109 с.

Ступникова Н.М. Национальная специфика коммерческой номинации как одна из причин ренейминга // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Ч. 2. Воронеж, 2008. С. 119–120 с.

Хабарова В.В. Коммуникативная эффективность названий мероприятий // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Ч. II. Воронеж, 2014. С. 86–88.

Щукина М.А. Практическое исследование эффективности эстрадного имени // Коммуникация в современном мире. Ч. 2. Воронеж, 2011. С. 98–99.

2.12. Психолингвистический аспект исследования оценки (на материале ядра русского языкового сознания)

Е.Б. Чернышова
Борисоглебск

Психолингвистическая концепция оценки строится на основных положениях и категориях теории языкового сознания, разрабатываемой Московской психолингвистической школой [Уфимцева, Тарасов 2009].

Теоретическое обоснование оценки в психолингвистическом аспекте отражено в монографии, диссертационном исследовании и статьях [Чернышова 2014; 2017; 2019а; 2019б].

Цель исследования: разработать параметрическую модель содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания и его единиц, отражающую динамику и вариативность оценки в сознании носителей русского языка.

В ходе проведенного исследования был разработан теоретический аппарат, включающий следующие компоненты: понятийно-терминологический аппарат, принципы, методы и источники психолингвистического исследования оценки. В процессе формирования терминологического аппарата исследования были введены такие понятия и соответствующие им термины, как *оценка* (в аспекте психолингвистики), *оценочная ассоциативная доминанта*, *оценочная зона ядра языкового сознания*, *оценочная зона ассоциативного поля*, *вариативность оценки*, *динамика оценки*, *оценочная параметризация*, *параметрическая модель ядра языкового сознания* и др.

Основными принципами психолингвистического описания оценки стали принципы деятельностного подхода, антропоцентризма, системности и целостности. В частности, оценка рассматривалась в деятельностной парадигме как сложное действие, производимое сознанием активного субъекта при познании действительности.

«Эта активность проявляется в постоянной классифицирующей работе сознания – отнесении тех или иных реалий к определенной оценочной категории» [Чернышова 2019а: 17].

Исходя из этого положения, мы даем следующее определение оценки с точки зрения психолингвистики:

«оценка – это положительные / отрицательные характеристики объекта, ассоциированные в сознании носителя языка с определенными языковыми знаками» [Чернышова 2019а: 6].

В оценке проявляется ценностное отношение (субъекта) к тому, что обозначает воспринимаемое или продуцируемое им слово.

Для успешной реализации исследовательского проекта разработана комплексная методика, предполагающая три направления изучения оценки в русском языковом сознании (ЯС):

- 1) исследование состава и структуры оценочной зоны ядра русского ЯС;
- 2) исследование состава и структуры оценочных ассоциативных доминант русского ЯС;
- 3) исследование состава и структуры оценочной зоны ассоциативных полей ядерных единиц русского ЯС.

Изучение оценки на каждом из трех направлений предполагалось выполнять в три этапа: сбор, анализ и интерпретация эмпирического материала.

Методы сбора и первичной обработки данных:

- свободный ассоциативный эксперимент с продолжающимися реакциями испытуемых;
- сплошная выборка;
- табулирование и ранжирование полученных данных.

Методы анализа:

- количественные (индексирование);
- качественные (шкалирование).

Методы интерпретации полученных данных:

- моделирование (в частности, метод полевого моделирования, построения семантического гештальта);
- параметризация содержания оценочной зоны в составе ядра русского ЯС и составе ассоциативного поля его ядерных единиц.

Используемые методы сбора, анализа и интерпретации данных в своей совокупности, позволили достаточно полно описать релевантные параметры оценки в сознании носителей русского языка в динамическом и вариативном аспектах.

Материалом исследования послужили:

- 1) словарные статьи 10431 слова-стимула пяти баз данных:
 - Словарь ассоциативных норм русского языка со словником в 196 стимулов;
 - Русский ассоциативный словарь со словником в 7000 стимулов;
 - Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус со словником в 1000 стимулов;
 - Русская региональная ассоциативная база данных со словником в 1109 стимулов;
 - Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области со словником в 1126 стимулов;

2) материалы Национального корпуса русского языка

(12991 документ общим объемом 3983829 предложений, 44408701 слово), используемые для исследования диахронических изменений частоты употребления слов *хорошо*, *плохо*, *хороший*, *плохой*, являющихся оценочными ассоциативными доминантами русского языкового сознания конца XX – начала XXI веков, и сравнения с экспериментальными данными;

3) результаты свободного ассоциативного эксперимента

с 800 русскими испытуемыми в возрасте от 7 до 25 лет методом письменного опроса на базе списка из 25 слов, включающего в себя 10 слов-стимулов, являющихся ядерными единицами русского языкового сознания (*человек*, *друг*, *я*, *работа*, *жизнь*, *сила*, *мир*, *радость*, *дом*, *деньги*). Всего было получено 96000 реакций, анализу были подвергнуты 40000 ассоциативных реакций, полученных автором при проведении эксперимента.

Изучение содержания ядра русского ЯС показал, что в состав каждого его слоя входят слова, выражающие ценностные отношения между субъектом и объектом [Чернышова 2015а]. В ядре ЯС выделяют от семи до десяти семантических зон, при этом зона оценки (зона ХОРОШО – ПЛОХО) наряду с зоной ЧЕЛОВЕК является наиболее представительной среди других зон семантического гештальта [Чернышова 2019а].

Для анализа оценочной зоны ядра русского ЯС была разработана параметрическая модель [Чернышова 2015б]. *Параметрическое моделирование* является методом

«системного анализа того или иного объекта, заключающийся в выделении и количественной/качественной оценке его существенных параметров» [Чернышова 2015б: 205].

При моделировании содержания оценочной зоны ядра русского ЯС рассматривались параметры ее состава и структуры.

Анализ состава оценочной зоны заключался в количественном и качественном описании ее элементов. В разработанной параметрической модели эта группа параметров определяла:

- 1) количественные характеристики состава оценочной зоны ядра;
- 2) принадлежность ядерных оценочных единиц, объективирующих разные типы оценки, к тому или иному лексико-грамматическому разряду;
- 3) семантический состав оценочной зоны.

При анализе структуры оценочной зоны сначала определялся ранг ядерных оценочных единиц в ассоциативно-вербальной сети и далее значимость по отношению к другим ядерным единицам. Эта группа параметров устанавливает ранг ядерных оценочных единиц в зоне «Оценка» ядра ЯС, направление и ориентацию их связей.

Метод параметризации позволил выявить динамику содержания оценочной зоны ядра русского ЯС [Чернышова 2015в].

«*Параметризация* – выделение критериев, характеризующих какое-то явление и определяющих его оценку, а также расчет их численных значений» [Чернышова 2019а: 23].

Параметрический анализ состава и структуры оценочной зоны показал, что из всей совокупности параметров стабильными остаются значения параметров абсолютной/сравнительной оценки. Остальные параметры демонстрируют динамику. С конца XX века к началу XXI века наблюдаются следующие динамические процессы в содержании оценочной зоны ядра русского ЯС:

- 1) при сохраняющейся общей положительной оценочности русского языкового сознания происходит увеличение доли языковых единиц, выражающих частную отрицательную оценку;
- 2) увеличение доли устойчивых ассоциативных моделей, образуемых ядерными оценочными единицами.

Следующим этапом исследования оценки в психолингвистическом аспекте стало выявление и описание возрастных и региональных вариантов оценочной зоны ядра русского ЯС.

Возрастная вариативность оценки в ядре ЯС [Чернышова 2015]

При ярко выраженной разнице состава оценочной зоны школьников (7–17 лет) и молодежи (18–25 лет) были выделены базовые единицы, которые присутствуют в каждом варианте ядерной оценочной зоны: *хорошо, плохо, хороший, плохой, красивый, умный*. Ярко выраженная возрастная вариативность параметра значимости в оценочной зоне ядра русского ЯС зарегистрирована у слов *хорошая, красивая, дурак, зло, красота, ужас*.

Региональная вариативность оценки в ядре ЯС

При явном сходстве состава оценочной зоны ядра ЯС жителей европейской части России и жителей Сибири и Дальнего Востока в ней можно выделить базовую единицу, которой они отличаются – это слово *добрый*. В остальном специфика состава и структуры региональных вариантов слабо выражена.

Результаты анализа динамики ядра русского языкового сознания и его вариантов показали, что особой активностью в ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка на протяжении последних 50 лет обладают общеоценочные слова *хорошо, хороший, плохо, плохой*. Эти единицы рассматриваются нами как оценочные ассоциативные доминанты (ОАД) русского языкового сознания [Чернышова 2018].

Параметризация содержания оценочной ассоциативной доминанты предполагала выделение параметров состава и структуры ее ассоциативного поля. Параметрический анализ состава и структуры оценочных ассоциативных доминант русского ЯС в динамическом аспекте показал, что наиболее заметные изменения происходят в составе и структуре оценочных ассоциативных доминант *плохо, хорошо*, менее заметные – у слов *хороший, плохой*. Если сравнивать динамику состава и структуры, то наиболее динамичен состав оценочных ассоциативных доминант, чем его структура.

В последующем была рассмотрена возрастная и региональная специфика содержания оценочных ассоциативных доминант.

В сознании носителей русского языка, объединенных по фактору «регион проживания», существует свой «вариант» группового ЯС, заключающийся в некоторых различиях структуры и состава. Выявлена заметная региональная вариативность долей семантических зон ассоциативных доминант, объективирующих отрицательную оценку. Региональная вариативность по другим параметрам состава и структуры слабо выражена или имеет нулевую степень выраженности.

Наибольшую возрастную вариативность по количественным параметрам демонстрируют оценочные ассоциативные доминанты *хорошо, плохо* и *плохой*. Возрастная вариативность состава и структуры оценочных ассоциативных доминант также ярко выражена по параметрам «Доля семантических зон» (особенно у доминанты *плохо*), «Доля ассоциативных моделей» и «Доля синтагматических/парадигматических связей». Тем самым возрастная и региональная вариативность оценочных ассоциативных доминант ярче проявляется в составе, чем в структуре.

Исследование возрастных и гендерных вариантов оценочной зоны и ядерных единиц, входящих в их состав, дало возможность получить сведения о реализации оценочной стратегии испытуемых в процессе ассоциирования. Гендерно-возрастная специфика оценочной стратегии ассоциирования ярко выражена у испытуемых женского пола двух возрастных групп 7–10 лет и 18–25 лет [Чернышова 2019в].

Изучение ассоциативных связей ядерных единиц РАБОТА, ИДТИ, ДЕНЬГИ, ДЕВУШКА, ДОМ, МИР, МАЛЬЧИК, УМ, КНИГА, РАДОСТЬ, ЧЕЛОВЕК и оценочных единиц ядра русского ЯС показало, что значение параметра оценочности исследуемых ядерных единиц колеблется: от 0,2 % слова ИДТИ до 46,5 % слова РАБОТА. Положительная динамика параметра оценочности зарегистрирована у 10,0 % ядерных единиц: (ДОМ, ДЕНЬГИ, ДЕВУШКА), отрицательная – у 20,0 % (ЧЕЛОВЕК, МИР, МАЛЬЧИК, РАДОСТЬ, КНИГА, УМ). Отсутствие динамики параметра оценочности зарегистрировано у 70,0 % ядерных единиц. При общей стабильности параметра оценочности наблюдается отрицательная динамика данного параметра у некоторых ядерных единиц. Зарегистрировано как снижение частотности оценочных связей, так и сокращение доли периферийных оценочных реакций. При этом только ядерная единица ДЕНЬГИ демонстрирует наращивание оценочных связей, которое идет как за счет увеличения частотности уже имеющихся, так и за счет появления новых связей. Параметр оценочности слова ДЕНЬГИ имеет положительную динамику как в ядре, так и на периферии ассоциативного поля. Для сравнения: параметр оценочности ядерной единицы РАДОСТЬ демонстрирует отрицательную динамику и в ядре, и на периферии.

Параметрический анализ оценки в содержании ядерных единиц русского ЯС показал, что параметры состава и структуры оценочной зоны ядерной единицы ЧЕЛОВЕК демонстрируют наименьшую возрастную вариативность. Наибольшая возрастная вариативность оценочной зоны регистрируется у ядерной единицы ДОМ. Наименьшая гендерная вари-

тивность у ядерных единиц ДРУГ и Я, наибольшая гендерная вариативность — у ядерных единиц ДОМ и СИЛА. Тем самым оценочной зоне ядерной единицы ДОМ присущи и возрастная, и гендерная ярко выраженная вариативность.

Параметрическое моделирование оценочной зоны ядерных единиц русского языкового сознания показало, что параметрами, демонстрирующими вариативность, являются параметры лексико-грамматического состава оценочной зоны, параметры семантического состава оценочной зоны (а именно общая и частная оценка, положительная и отрицательная оценка) и параметры силы оценочных связей в структуре ассоциативного ряда. Эти параметры можно считать самыми релевантными для психолингвистического описания вариативности оценки. Другие параметры являются менее существенными или требующими более детального рассмотрения.

Таким образом, динамические процессы в ядре русского языкового сознания, происходящие под воздействием изменяющейся социокультурной реальности, в большей мере влияют на параметры состава оценочной зоны и ядерных единиц, чем на параметры их структуры.

Степень проявления гендерной и возрастной вариативности оценки во многом сходна, кроме параметров силы оценочных связей и семантического состава. Наиболее ярко проявляется гендерная вариативность оценки в содержании ядерных единиц русского ЯС.

Возрастная и гендерная вариативность содержания оценочной зоны и ядерных единиц выражена ярче, чем региональная.

В итоге предпринятого нами исследования оценки в психолингвистическом аспекте были разработаны:

1) методики проведения свободного ассоциативного эксперимента с продолжающимися реакциями испытуемых, первичной обработки ассоциативных данных и моделирования ассоциативных полей ядерных единиц с учетом частотности и ранга реакций в ассоциативном ряду. Ассоциативное поле, содержащее единицы с двумя числовыми данными (частотой и рангом), позволило более полно интерпретировать эмпирический материал;

2) параметрическая модель оценочной зоны ядра русского языкового сознания, доминантами которой являются единицы *хорошо, плохо, хороший, плохой*;

3) параметрическая модель оценочной зоны в структуре ядерных единиц русского ЯС (*человек, друг, я, жизнь, работа, сила, радость, мир, дом, деньги*).

Параметризация как метод системного анализа показывает высокую эффективность в моделировании динамики и вариативности содержания оценочной зоны ядра русского ЯС и ядерных единиц. Предполагается, что данная параметрическая модель может быть эффективна при выявлении не только региональной, гендерной и возрастной, но и национальной специфики оценки.

Научные проблемы, которые предстоит решить, имеют методологический и научно-научный характер.

Во-первых, параметрическая модель была разработана для исследования динамики и вариативности оценки в русском языковом сознании. При изменении исследовательских целей возможно изменение совокупности параметров, вовлекаемых в параметрический анализ. Проблема выделения релевантных признаков тех или иных компонентов языкового сознания в зависимости от целей исследования требует дальнейшей разработки.

Во-вторых, с целью изучения механизма формирования оценки в языковом сознании человека необходимо обратиться к ассоциативным данным, полученным от детей раннего и дошкольного возраста. Кроме того, необходимы дополнительные исследования нашего предположения о том, что, чем выше ранговые позиции единицы в ядре, тем меньше наблюдается вариативность ее состава и структуры, тем меньше влияют факторы пола, возраста на ее содержание. Дополнительную разработку специальных методов анализа требует более дифференцированное описание различных типов синтагматических и парадигматических связей в структуре оценочной зоны ядерных единиц.

Литература

- Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 2 (10). С. 22–29.
- Чернышова Е.Б. Теоретические основы исследования оценки в обыденном языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 68–80.
- Чернышова Е.Б. Оценочные единицы ядра русского языкового сознания через призму потребностных отношений субъекта и объекта // Вестник дагестанского научного центра. 2015а. № 57. С. 150–156.
- Чернышова Е.Б. Параметризация содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015б. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 205–208.
- Чернышова Е.Б. Динамика содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания в период цивилизационного слома // Межкультурное общение: контакты и конфликты. Москва, 21-23 октября 2015 / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Издательство «Канцлер», 2015в. С. 118.
- Чернышова Е.Б. Возрастная вариативность оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015 г. Т.13. Вып. 4. С. 16–22.
- Чернышова Е.Б. Оценочные ассоциативные доминанты русского языкового сознания: динамический аспект // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 127–146.
- Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в сознании носителей русского языка: монография. Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2017. 295 с.
- Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2019а. 462 с.
- Чернышова Е.Б. Концептуальные положения психолингвистического описания оценки в русском языковом сознании // Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Издательство «Канцлер», 2019б. 69 с.
- Чернышова Е.Б. Возрастная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2019в. № 1 (39). С. 138–148.

2.13. Психолингвистические исследования в Новосибирске

И.В. Шапошникова
Новосибирск

Исследовательская группа в области психолингвистики начала складываться в Новосибирске с 2007 года под влиянием Московской психолингвистической школы через совместные проекты в сотрудничестве с отделом психолингвистики ИЯз РАН, а позднее и с Центром межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева. На начальном этапе междисциплинарные исследовательские проекты новосибирцев развивались на материалах иностранных языков [Жукова 2008; 2013; Шапошникова 2009; 2017] в рамках специально созданной для этого лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ, в настоящее время они выполняются на русском материале (под руководством д-ра филол. наук, проф., гнс И.В. Шапошниковой) группой сотрудников и аспирантов сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН совместно с факультетом информационных технологий НГУ при участии аспирантов и преподавателей ГИ НГУ. В разные годы отдельные исследования по этому направлению поддерживались грантами РГНФ и РФФИ, а также мегагрантом правительства РФ.

С учетом фактора социальной нестабильности и новых вызовов XXI века научная концепция, которая положена в основу психолингвистических проектов новосибирцев, исходит из общего принципа *человекообразования* как цивилизационной для российского мира гума-

нитарной задачи, объединяющей с одной стороны, целеполагание в развитии теоретической и прикладной науки о человеке и его языке, с другой стороны, научно-образовательную деятельность. Наличие языковой способности и языковой личности у человека является видоспецифичной универсалией *Homo sapiens*, что придает особый статус междисциплинарной лингвистике – науке, нацеленной на все связанные с языком аспекты формирования и идентификации человека как представителя своего вида и конкретной социокультурной общности. Особое внимание уделяется в силу специфики задач, решаемых в ИФЛ СО РАН, общероссийским цивилизационным доминантам в азиатских регионах России. Такое направление нуждается в разработке синтезирующего междисциплинарного подхода к построению общей теории языка.

Потребность в таком подходе осознается ведущими российскими лингвистами. «Подлинно системное целостное знание о сущности языка достижимо лишь исходя из триединства мира, человека и языка, из единства разносторонних связей и свойств человека» [Зубкова 2015: 29]. Установки на целостный подход к изучению речемыслительных процессов у человека во всем многообразии их проявлений были изначально присущи отечественной психологии и психолингвистике, ярче всего воплотившись в теории деятельности и развившейся на её основе теории речевой деятельности, фундаментальные принципы которой не утратили актуальности.

В своей изначально материалистической основе эта теория оказалась способной интегрировать все аспекты формирования и развития человека в стройную систему, в которой есть разделы, доказательная база и фактологические данные по *филогенезу* и по *онтогенезу*, по формированию *образа мира*, *природе языкового знака* и *речевой деятельности* в её взаимоотношениях с *когнитивной*, а также многие другие разделы. Это *глобальная концепция человекообразования* во всех его основных аспектах. Она хорошо работает как целостная система исходных когнитивных установок для постановки задач научного поиска в процессе становления молодого ученого и дает современному исследователю *базовый понятийно-категориальный аппарат*, используя который *в качестве системы операторов*, он может проводить селекцию *новых* фактологических данных, искать новые теоретические подходы, необходимые для того, чтобы добывать, осмыслять и интерпретировать *новые* знания в условиях информационно-технологической революции.

Таким образом, теория речевой деятельности *сохранила свое культурно-историческое значение как научное достояние в современных условиях*. Её фундаментальные принципы могут использоваться и быть подвергнуты конструктивному критическому осмыслению *в контексте современных дискуссий* по самым актуальным направлениям лингвокогнитивных исследований, связанных с новыми вызовами эпохи (в том числе и в области искусственного интеллекта).

Отечественные разработки моделей речемыслительной деятельности языковой личности позволяют ставить вопрос о синтезе разных ипостасей языка, которые ранее разрабатывались преимущественно в рамках аспектирующих концепций: речевая организация человека (с филогенезом и онтогенезом речевой способности), речевая деятельность и произведенный ею «первичный продукт» в терминах А.А. Залевской [Залевская 2005: 260–261] – тексты, а также построенная на основе анализа текстов логико-рациональная модель структурно организованной системы языка. Синтез таких граней познания языка, как его социо-коммуникативная природа, историко-культурный характер, системно-знаковое устройство, психокогнитивная сущность (ср. «парадигмальные устои» лингвистики у Ю.Н. Караулова [Караулов 2010а: 8]) и комплементарное использование знаний междисциплинарного плана при синтезирующем подходе опирается на схематизацию многоплановости объекта лингвистики в рамках оппозиции внешнего и внутреннего ракурсов рассмотрения. Когнитивные домены о речевой организации человека, речевой деятельности и её первичных продуктах относятся в отечественной психолингвистике к внутреннему

плану, в то время как структурно-организованная модель системы языка – к внешнему. В последнем случае язык уподобляется внешнему объекту по аналогии с объектами других наук, изучающих окружающий человека мир природы и вещей.

Для новосибирской школы характерна установка на применение двух планов исследования в качестве взаимодополняющих, а по некоторым вопросам и верифицирующих друг друга. Исследования внутреннего плана проводятся на *сетевых моделях*, в особенности на моделях ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка в азиатских регионах РФ в сопоставлении с соотносимыми данными из других источников и регионов.

Русская ассоциативно-вербальная эмпирическая база данных начала создаваться в Новосибирске с 2008 года в региональном (азиатском) формате параллельно с реализацией аналогичных проектов в столичных и уральском регионах. В настоящее время она представлена в пополняемом ресурсе [СИБАС], который создавался при активном участии группы программистов ФИТ НГУ (общая поддержка ресурса – канд. техн. наук А.А. Романенко; работы по разметке – канд. физ.-мат. наук Т.В. Батура и др.). СИБАС – Русская региональная база данных, содержащая вербальные ассоциаты носителей русского языка в азиатских регионах России (Сибирь и Дальний Восток). В этом ресурсе два базовых корпуса ассоциатов СИБАС 1 и СИБАС 2, созданных на материале двух этапов массового ассоциативного эксперимента в азиатских вузах РФ. В СИБАС 1 содержатся данные из более чем 5000 анкет (по 100 стимулов в каждой), сгенерированных из 1000 стимулов и собранных в период с 2008 по 2013 год в азиатских регионах РФ. Пополняющийся ресурс СИБАС 2, отражающий второй этап эксперимента в этих регионах, пока не открыт для широкого пользователя. Однако в настоящее время СИБАС 2 уже соизмерим по объему представленной информации (также более 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, материалы получены в период с 2014 по 2020 год на стимулах, бывших реакциями первого этапа). Общий объем ассоциатов в обеих частях СИБАС в настоящее время (ещё до начала третьего этапа эксперимента в азиатских вузах страны) уже составляет свыше 1 млн. словоупотреблений, что, по расчетам Ю.Н. Караулова [Караулов 2010б: 146], достаточно для формирования ассоциативного тезауруса. В электронном ресурсе СИБАС данные аккумулируются в виде базисного (основного корпуса), а также отдельно сформированных под конкретные исследовательские задачи локальных подкорпусов: ассоциаты военных в подкорпусе ПВАС (2015 – 2018) – автор и составитель канд. филол. наук Р.А. Кафтанов; носителей русского языка в Казахстане в подкорпусе РКАС (2017 – 2020) – автор и составитель преподаватель-исследователь Е.В. Бентя; подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка (2015-2020) создан преподавателем-исследователем С.В. Савицкой. Готовится подкорпус ассоциаций учащихся православных школ и гимназий (канд. филол. наук, науч. сотрудник ИФЛ СО РАН М.А. Кузьмина).

Разрабатываются принципы выявления вариативности вербальных единиц в ассоциативной сети, что важно для разработки ассоциативной вариантологии (асп. С.В. Евдокимова). Исследуются возможности формализации аксиологически значимых смыслов на модели АВС (канд. филол. наук, науч. сотрудник М.А. Кузьмина), что важно для развития аксиологической психолингвистики. Выполняются прецедентные работы по *разметке АВС* по ряду параметров. Уже выполнена разметка основного корпуса СИБАС по частям речи (канд. физ.-мат. наук, доц. Т.В. Батура). Разрабатываются механизмы оптимизации поиска данных по структуре запрашиваемых вербальных единиц, создаются *экспертные обучающие приложения* для автоматического зонирования ассоциативных полей и выявления как смысловых доминант (структуры и векторов направленности смыслового поля, стоящего за словом), так и активных лексико-грамматических лингводидактических единиц, отражающих социо-коммуникативные установки и готовности русской языковой личности (И.В. Шапошникова, М.А. Кузьмина, С.В. Евдокимова).

Накопление данных и оптимизация их обработки в целях получения научно значимой информации из эмпирического материала АВС являются важными условиями для развития

в будущем *ассоциативной типологии* с выявлением хроноглосс, как маркеров направленности в трансформации определенных типов вербальных единиц и моделей их взаимодействия в актуальной диахронии (в пределах трех-четырех поколений). Эти работы также дают перспективу исследования процессов *формирования нормы на модели ABC*.

Разработка, обоснование и апробация приемов и методов выявления *психоглосс* (векторов направленности актуальных смысловых акцентуаций ABC) показали приложимость этих методик при определенных условиях к анализу сложных социо-коммуникативных процессов, таких как раскрытие содержательно-смысловых трансформаций идентификационных процессов молодых россиян в пределах смены трех-четырех поколений [Шапошникова 2020].

Особое место в работе новосибирских психолингвистов занимают исследования, проводимые под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры романо-германской филологии НГУ Мишель Дебрени (Debrenne Michèle). Основное направление её психолингвистических интересов: ассоциативные нормы французского языка в диатопическом и диахронном аспектах.

Данные проекты в области ассоциативной лексикографии реализуются несколькими этапами в сотрудничестве с французской стороной: 2007–2010 создание «Французского ассоциативного словаря» – ФАС-01, прямой и обратный (1100 слов-стимулов, получено по 500 ответов на каждый). Исследование поддержано совместным грантом РФФИ–Дом наук о человеке (Франция); 2012 создание прямого и обратного Словаря ассоциативных норм франкофонии (САНФ) с набором стимулов из 100 слов, предъявлявшихся в эксперименте во Франции, Бельгии, Швейцарии и Канаде, по 500 респондентов в каждой стране.

Автор ставит задачу проведения диастратического анализа ассоциативных норм. В 2019–2021 проводится исследование динамических (диахронных) изменений ассоциативных норм у носителей французского языка. Создание нового (прямого и обратного) «Французского ассоциативного словаря (ФАС-02)» (1100 слов стимулов, по 500 ответов на каждый стимул). Исследование поддержано грантом РФФИ-НЦНИ (Франция). Особый интерес в контексте динамики процессов вызывают: прецедентные феномены в ассоциативных словарях; эволюция состава ядра языкового сознания; использование ассоциативных словарей для прикладных исследований, в том числе в социологии и изучении билингвизма. Материалы французской базы представлены по адресу: <http://dictaverf.nsu.ru/> и <https://sites.google.com/site/kevokcemot/home>

Литература

Бентя Е.В. Следы вестернизации в русском языковом сознании (на примере имен собственных) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №1. С. 44–51.

Бентя Е.В. К вопросу о вестернизации русского языкового сознания (на материале неустойчивых ассоциативных пар с именами собственными) // Сибирский филологический журнал. 2017. №3. С. 286–298.

Бентя Е.В. Иноязычные единицы в языковом сознании носителей русского языка (на материале ассоциативных баз данных РАС, ЕВРАС и СИБАС) // Вопросы психолингвистики. 2018а. №2 (36). С. 196–208.

Бентя Е.В. Особенности языкового сознания русскоговорящих казахстанцев (на материале свободного ассоциативного эксперимента в Казахстане) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2018б. №2. С. 70–82.

Дебрени М. Французский ассоциативный словарь. Т.1. От стимула к реакции. Новосибирск, 2010. 228 с. Т. 2. От реакции к стимулу. Новосибирск, 2010. 454 с.

Дебрени М. Неогумбольтианство и ассоциативные словари // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Том 10. Вып 2. С. 77–86.

Дебрени М. Собственные имена во французском ассоциативном словаре // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 14. Выпуск 9. 2015. С. 162–168.

Исследование языкового сознания

- Дебрени М.* Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 1. №16. С. 76–89.
- Дебрени М.* Проект «Французский ассоциативный словарь 2.0» // Вопросы психолингвистики, 2018. №1 (35). С. 150–166.
- Жукова Л.С.* Языковой пуризм как общественное явление в современной Англии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 104 с.
- Жукова Л.С.* Образ родного языка в картине мира современных англичан. М.: ИЯ РАН, 2013. 184 с.
- Зубкова Л.Г.* Эволюция представлений о Языке. М.: Языки слав. культуры, 2015. 760 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263с. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010а. 264 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010б. 328 с.
- Кафтанов Р.А.* Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 154–165.
- Кафтанов Р.А.* Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных (экспериментальное психолингвистическое исследование): автореф... дисс. канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 22 с.
- Кузьмина М.А.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как предмет аксиологической психолингвистики // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 290–302.
- Кузьмина М.А.* Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27–36.
- Кузьмина М.А.* Homo peregrinator: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 57–70.
- Савицкая С.В.* Авто- и гетеростереотипы в языковом сознании носителей русского и якутского языков // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 512–515.
- Савицкая С.В.* Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики. 2017. №1 (31). С. 203–216.
- Шапошникова И.В.* Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273.
- Шапошникова И.В.* Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 24–38.
- Шапошникова И.В.* Теория актуальна, пока она работает // Вопросы психолингвистики. 2019. №3(41). С. 156–173;
- Шапошникова И.В.* Междисциплинарное психолингвистическое исследование этнокультурной и гражданской идентичности студентов в азиатских регионах России // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 63–68.
- Шапошникова И.В.* Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Монография. 336 с. (Studia Philologica).
- Шапошникова И.В.* Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199–215.
- Шапошникова И.В.* К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. №4. С. 5–15.
- Шапошникова И.В.* Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. №5. С. 155–172.
- Шапошникова И.В., Романенко А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Том I. От стимула к реакции. М., 2014.

Раздел 2

Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Том II. От реакции к стимулу. М., 2015; СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2020) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А.Романенко) URL: <http://adictru.nsu.ru>.

Debrenne M. La création du dictionnaire des associations verbales du français // Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française. Nouvelle Orléans 2010 CMLF'10 P. 1663–1673.

Debrenne M. La lexicographie associative : vers un nouveau dictionnaire français des associations évoquées par les mots // 6e Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF-2018, SHS Web of Conferences 27, 03002 (2016).

Debrenne M. Variabilité diatopique des associations évoquées par les mots en Francophonie // CMLF-2016.

Debrenne M. La lexicographie associative: vers un nouveau dictionnaire français des associations évoquées par les mots // 6e Congrès Mondial de Linguistique Française SHS Web Conf. Volume 46, 2018, 05005.

Debrenne M. L'image de l'ami // 7e Congrès Mondial de linguistique française CMLF2020 SHS Web of Conferences Vol 78, 05003 (2020). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207805003>.

Раздел 3

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

3. ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

3.1. Тверская психолингвистическая школа: значение слова как единицы ментального лексикона, понимание текста, проблемы двуязычия, естественный метаязык

А.А. Залевская, Н.О. Золотова, Е.Ю. Мягкова
Тверь

Исследования Тверской психолингвистической школы ведутся по трём основным направлениям: значение слова как единицы ментального лексикона, понимание текста, проблемы двуязычия. Внимание фокусируется на медиативной функции слова как средства доступа к единой информационной базе индивида – многообразным продуктам перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения, т.е. к тому, что лежит за словом в памяти тела и разума. Идентификация слова и понимание текста трактуются как активация множества связей по всевозможным параметрам и признакам с получением промежуточных и конечных продуктов, только частично доступных для осознания.

Особую роль при этом играют, с одной стороны, взаимодействие продуктов максимальной компрессии смысла (надязыковых образований типа самых общих «идей», «категорий», «топов»), а с другой стороны – реализация множественных связей по мельчайшим признакам признаков, что обеспечивает понимание слова и текста и ведёт к получению нового знания в ситуации естественного семиозиса. С учётом двойной жизни слова, функционирование которого происходит у индивида, но направляется и контролируется социумом, акцентируется важность исследования стратегий и опор, актуальных для учёта выводного знания как условия успешности взаимопонимания при межличностных и межкультурных контактах, особое внимание уделяется эксперименту и моделированию исследуемых процессов.

Тверская психолингвистическая школа стала формироваться в начале 1980-х годов в связи с открытием в Тверском государственном университете аспирантуры по специальности «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика».

Создатель и на протяжении почти сорока лет руководитель Тверской психолингвистической школы, Александра Александровна Залевская, окончила Алма-Атинский институт иностранных языков и аспирантуру при ИМГПИИЯ, проходила повышение квалификации в институте английского языка Мичиганского университета в США, а также на кафедре общего языкознания ЛГУ и на психологическом факультете МГУ; была членом Общества психологов СССР. О результатах своих исследований по ассоциативной структуре памяти докладывала на международных конгрессах психологов (Москва, 1966; Лондон, 1969; Токио, 1972; Париж, 1976), на съезде психологов (Тбилиси, 1971), на симпозиуме по психологии памяти (Харьков, 1970); с 1968 г. участник всех симпозиумов по психолингвистике; принимала участие в составлении «Словаря ассоциативных норм русского языка» и первого издания «Русского ассоциативного словаря». Участвовала в международных форумах в Алматы, Астане, Будапеште, Гданьске, Гранаде, Констанце, Пекине, Харбине, Шанхае и др.; была приглашенным лектором в Алматы, Братиславе, Будапеште, Пекине, Харбине и т.д. Заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Тверского государственного университета, почетный профессор Хэйлунцзянского педагогического университета (Харбин, КНР), почетный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Алматы, Республика Казахстан); подготовила 14 докторов и 50 кандидатов наук.

Исследование ассоциативной структуры памяти проводилось А.А. Залевской в 1960-е гг. в Алматы с носителями одного, двух и трёх языков (русского, казахского, английского), что изначально определило стремление узнать: а) что кроется ЗА словом, которое с самого начала стало трактоваться как средство доступа к единой информационной базе человека – его памяти; б) каковы ведущие принципы организации лексикона человека, обеспечивающие мгновенный доступ к широчайшей сети выводных знаний и эмоционально-оценочных переживаний; в) что определяет специфику видения мира через призму того или иного языка; г) благодаря чему при национально-культурных особенностях видения мира всё-таки достигается взаимопонимание при межъязыковых / межкультурных контактах; д) чем обусловлены трудности и преимущества ситуаций овладения и пользования вторым, третьим языком. С возвращением в Тверь (1969) был значительно расширен круг исследуемых языков для межъязыковых / межкультурных сопоставлений, а к указанным выше приоритетам добавился интерес к процессам продуцирования и понимания текста и их моделированию при дальнейшей разработке теории слова как достояния индивида с акцентированием специфики слова как продукта переработки перцептивного, когнитивного и эмоционального опыта познания мира и общения (см.: [Залевская 1980]).

С открытием в Твери аспирантуры по психолингвистике работа по этим направлениям вышла на уровень кафедральных исследовательских программ. На рубеже веков первые защитившиеся ученики стали докторами наук и начали самостоятельную подготовку аспирантов, т.е. к настоящему времени образовались некоторые новые направления исследований, своеобразно развивающие исходные теоретические представления и совершенствующие исследовательские процедуры.

С 1978 г. в ТвГУ ежегодно издаются сборники статей по психолингвистическим проблемам слова и текста; с 2003-го года сборник стал периодическим изданием с единым названием «Слово и текст: психолингвистический подход» с последовательной нумерацией выпусков. По опубликованным в сборнике статьям можно ознакомиться с динамикой исследований по рассматриваемым проблемам за последние 40 лет. С 2005 г. проводимые исследования освещаются в рецензируемом научном журнале «Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология». По всем докторским диссертациям опубликованы монографии; имеются три коллективные монографии, посвященные психолингвистическим аспектам взаимодействия слова и текста [Залевская и др. 1998], исследованиям в области слова [Психолингвистические проблемы... 1999] и проблемам функционирования языка в социуме, тексте и индивидуальном сознании [Функционирование языка... 2018].

Психолингвистические проблемы значения слова

Это самая обширная программа, которая остается базовой и фокусируется на специфике *живого* слова, т.е. того, как слово опознаётся в качестве такового, за счет чего оно может вызывать те или иные образы и эмоционально-оценочные переживания, как оно определяет построение проекции читаемого текста и т.д.

Исходной для всех последующих исследований явилась публикация [Залевская 1977]. В ней фактически излагалась теория слова, согласно которой благодаря своей медиативной функции слово обеспечивает доступ к многообразным продуктам переработки опыта познания и общения при адаптации индивида (представителя вида, личности и члена определенного социума) к естественному и социальному окружению. Там же была обоснована трактовка ментального лексикона как многоярусной функциональной динамической системы с множеством пересекающимися связей по всевозможным признакам и признакам признаков, а роль слова сравнивалась с использованием лазерного луча при считывании голограммы, поскольку благодаря слову в единой информационной базе человека «высвечиваются» хранящиеся в памяти многообразные продукты перцептивной, когнитивной и

эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения, что реализуется в образах, ощущениях, переживаниях, логических связях и пр.

Стремление «заглянуть ЗА слово», проследить, как оно «работает», определило тематику дальнейших исследований в рамках школы, на уровне сначала кандидатских диссертаций, а затем и докторских диссертаций.

Т.М. Рогожникова рассматривала особенности развития значения слова у ребенка, что привело к анализу более общих психолингвистических проблем функционирования полисемантического слова с привлечением широких межъязыковых сопоставлений (см.: [Рогожникова 1986; 2000]).

С.И. Тогоева разработала процедуру экспериментального исследования стратегий понимания нового слова и далее фокусировалась на психолингвистических проблемах неологии [Тогоева 1989, 2000]. В частности, в плане поиска экспериментальных методик С.И. Тогоева рассматривает понятие «новизны» и приходит к выводу, что «ощущение новизны» – ничто иное, как «субъективное, индивидуальное ощущение», однако характер такого ощущения становится объективным, если большая часть носителей языка в определенный момент его ощущает. Конечно, этот критерий нельзя использовать, не учитывая всех механизмов восприятия слова (как значащей единицы) человеком в процессе коммуникативной деятельности, поэтому исследовать «ощущение новизны» можно лишь в процессе изучения индивидуального лексикона носителя языка. Более того, для выявления «степени новизны» слов, воспринимаемых индивидом, целесообразно использовать экспериментальные методики, стимулирующие творческую и образную системы языковой способности человека.

Анализ специфики нового слова с учетом связи такого слова, в первую очередь, с познавательной и словотворческой деятельностью человека ведет к представлению о том, что эта специфика определяется взаимодействием неизвестной индивиду ранее единицы (слова) с уже сложившейся у него картиной мира и другими единицами его внутреннего лексикона [Тогоева 1999: 92–93, 101].

И.Л. Медведева занималась спецификой связей типа «и/или» между единицами ментального лексикона, а затем перешла к выявлению особенностей функционирования слов неродного языка [Медведева 1989; 1999]. На основании анализа результатов серии экспериментальных исследований И.Л. Медведева пришла к выводу, что связи типа «и/или» обнаруживаются между словами, относимыми к самым разным классам: в таких парах можно обнаружить слова, принадлежащие ко всем частям речи, имена нарицательные и собственные, абстрактную и конкретную лексику и т.п. При этом оказывается, что лингвистически «признанные» антонимы составляют ядро расплывчатого множества слов, связанных в лексиконе человека «и/или» ассоциациями и способных противопоставляться друг другу.

Признавая, что сам термин «противопоставление» является психологически неопределенным, И.Л. Медведева считает, что противопоставление может рассматриваться как операция сравнения, проводимого с целью установления различий. Продуктами таких операций сравнения являются *оппозиты*, которые можно рассматривать как продукты свернутых, подсознательных процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации, имевших место в памяти индивида при упорядочении его знаний о мире. Исследование связей типа «и/или» показывает, что эти связи объединяют единицы, находящиеся на одном уровне обобщения или принадлежащие к одному и тому же ярусу или подъярусу лексикона и являющиеся одним из способов «горизонтальной» упорядоченности лексикона [Медведева 1989].

С.В. Лебедева занималась проблемой близости значения слов в индивидуальном сознании и ввела понятие *проксонима* [Лебедева 1991; 2002]. Разграничивая близость значения слов с позиций системы языка, речи и речевой организации индивида, С.В. Лебедева указывает, что для установления общности значения слов существует множество оснований,

обусловленных единством информационной базы, которая складывается через взаимодействие перцептивно-когнитивно-эмоциональных параметров речевой организации. В установлении близости значений слов в речевой организации индивида особую роль играют различные формы репрезентации образа мира в индивидуальном сознании и подсознании. С.В. Лебедева делает вывод о том, что связи по близости значения слов в речевой организации индивида могут устанавливаться между любыми единицами, сравнение которых актуально в ситуации «здесь и сейчас» [Лебедева 2002б: 185]. В 2012 г. при Курском государственном университете под руководством С.В. Лебедевой была основана Научно-исследовательская лаборатория «Психолингвистика и прикладная лингвистика», которая занимается исследованиями в области психолингвистики, лингвосемиотики, когнитивной лингвистики и прикладной лингвистики. В круг рассматриваемых в рамках лаборатории вопросов входят теоретические и прикладные проблемы изучения естественного языка; когнитивные аспекты построения лингвистических классификаций и разработка методик оценки их качества; психолингвистические, лингвосемиотические, когнитивные и лингвистические аспекты языковой интерференции; изучение механизмов речевого воздействия (https://kursksu.ru/labs/information/applied_Linguistics).

Т.Ю. Сазонова начинала с исследования особенностей идентификации прилагательных, что привело её к моделированию процессов идентификации слова [Сазонова 1993, 2000]. Разграничивая (в исследовательских целях) стадии процесса идентификации слова, Т.Ю. Сазонова условно выделяет доступ к слову, узнавание слова и последующую его идентификацию. Сам процесс идентификации рассматривается как имеющий стратегическую природу, поэтому при его анализе ключевым оказывается понятие *стратегии*. На основании результатов экспериментального исследования процесса идентификации новых прилагательных русского языка, Т.Ю. Сазонова описывает стратегические модели этого процесса и выделяет несколько стратегий идентификации: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы, опоры на фонетический образ слова, опоры на графический образ слова, опоры на морфологические компоненты слова и опоры на ситуацию [Сазонова 2000].

Н.О. Золотова от анализа специфики единиц ядра лексикона носителей английского языка пришла к разработке концепции ядра лексикона как естественного метаязыка [Золотова 1989; 2005а, 2005б]. Выявление многообразных связей между функцией, структурой и генезисом позволило автору приблизиться к пониманию целостности такого объекта как ядро ментального лексикона. Анализируя феномен разъяснения одних слов через другие, который можно наблюдать в ассоциативных экспериментах с носителями разных языков, Н.О. Золотова приходит к выводу, что единицы ядра ментального лексикона наилучшим образом выполняют функцию слов-идентификаторов в силу своих специфических характеристик, к которым относятся: ранний возраст усвоения, достаточно выраженная степень конкретности и образности их значений, эмоционально-оценочная значимость для носителя языка как личности, а также субъективная частотность, знакомость/известность значения слова и статус наименования базовой категории. Особая роль ядра ментального лексикона в познавательных процессах, которая сводится, прежде всего, к идентификации, конкретизации, приобщению к «живому» знанию вновь усваиваемых слов, связывается, прежде всего, с чувственной природой, «чувственными корнями» его единиц [Сеченов 2001] и эмоциональными переживаниями по поводу событий и объектов, о которых ребенок стремится сообщить в процессе научения языку [Bloom 1993].

Таким образом, природа единиц, фокусирующихся в ядро, обеспечивает общее психическое и языковое развитие человека, с одной стороны, и его ориентацию в окружающем мире, с другой. Являясь функциональной основой становления интеллекта и речемышления на ранних этапах онтогенеза, единицы ядра выступают в роли *естественного* (первичного) метаязыка, в том смысле, что он является достоянием индивида, то есть вырабатывается им самим для означенных целей. Механизм функционирования естественного метаязыка

представлен Н.О. Золотовой на материале результатов анализа примеров рефлексивных актов испытуемых, зафиксированных в ассоциативных словарях и других источниках.

Подчеркивается, что в естественном процессе коммуникации такая метаязыковая деятельность протекает в скрытых формах, то есть остается неосознаваемой: обращение к рефлексии или самокоррекция имеет место при необходимости констатации факта понимания в случаях затруднения или рассогласования между ожидаемым и реализованным, например, в случае «подбора слова» для наиболее точной передачи смысла высказывания и/или при встрече в незнакомом или плохо знакомым словом. Делается вывод, что метаязыковая деятельность рассмотренного типа является, в отличие от метаязыковой деятельности профессионального лингвиста, спонтанным условием работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком. Таким образом, предлагается разграничить *первичный метаязык* индивида (наивного носителя языка) и *вторичный метаязык*, который используется лингвистом для построения модели исследуемого объекта [Золотова 2005б]. Н.О. Золотова подготовила 7 кандидатов наук.

Из более поздних исследований с проблемой слова прямо связаны работы С.А. Чугуновой об особенностях концептуализации времени в разных культурах [Чугунова 2009] и Н.И. Кургановой о роли и месте смыслового поля в моделировании структурных и операциональных параметров значения слова [Курганова 2012].

На основании результатов проведенного экспериментального исследования С.А. Чугунова приходит к заключению, что концептуальные модели, получаемые в результате рационалистического анализа языка, не соотносятся с моделями, получаемыми при непосредственном обращении к индивиду. Экспериментальные данные не подтверждают неэгоцентрический характер модели «временной последовательности»: субъективное преимущество модели «движущегося Эго» совершенно очевидно. Носителю языка время представляется (и ощущается) как движущееся вместе с наблюдателем – из прошлого в будущее [Чугунова 2009: 40]. В настоящее время под руководством С.А. Чугуновой в Брянском государственном университете им. академика И.Г. Петровского выполняется ряд психолингвистических исследований, направленных на решение некоторых проблем психолингводидактики (делаются попытки с психолингвистических позиций объяснить возникновение феномена иноязыковой тревожности при субординативном билингвизме, особенности письменной речи в условиях учебного двуязычия школьников и др.), а также на выявление роли вторичных мысленных образов при переводе художественного текста.

По результатам исследования Н.И. Кургановой, когнитивно-дискурсивный подход к анализу ассоциативного поля позволяет представить процесс идентификации слова как перевод значений на смыслы и смыслов на значения, а также выделить основные этапы и уровни процессов естественного семиозиса, кроме того, он акцентирует роль операционального (процессуального) знания и позволяет моделировать процессы и результаты естественного семиозиса на разных уровнях осознания.

Моделирование операциональных параметров функционирования значения слова имеет целью выделение основных составляющих речевого действия на метакогнитивном, когнитивном и семантическом уровнях, что позволило автору выделить блок операционального знания, репрезентированного набором метастратегий, стратегий, схем и когнитивных операций. Генеральная стратегия (метастратегия) координирует работу и взаимодействие разноразноуровневых факторов, обеспечивает их взаимосвязь [Курганова 2019].

В разнообразных исследованиях значения слова в индивидуальном лексиконе были изучены его конкретные аспекты и параметры, например, параметры конкретности, образности и эмоциональности значения существительных в работе [Колодкина 1987], где впервые были опубликованы экспериментальные данные такого рода, полученные на материале русского языка. Было определено место предметного компонента в психологической структуре значения глагола [Соловьева 1989]; впервые получены статистически достоверные

экспериментальные данные по особенностям категоризации на материале существительных русского языка [Маскадыня 1989]; выявлена специфика опорного слова в устойчивом адъективном сравнении английского языка [Шмелева 1988]. Продолжением работы над этой проблемой стала работа [Дмитриева 2000], в которой обоснована роль признака в выборе эталона сравнения носителями разных языков, а также была выявлена роль признака как медиатора межполевых связей в лексиконе носителя языка [Соломаха 2003], что далее побудило рассмотреть роль языка в структурировании знания [Швец 2005], фокусироваться на роли метафоры как инструмента познания [Галкина 2004], а также моделировать особенности процесса конструирования метафоры [Белецкая 2007].

Ряд работ посвящен специфике процесса идентификации слов разных лексико-грамматических классов и различной семантики, а также особенностям реализации в ментальном лексиконе связей между словами: широкозначным существительным [Барсук 1991], прилагательным [Лачина 1993], глаголам [Родионова 1994], лексическим противопоставлениям [Новичихина 1995].

В дальнейшем имели место случаи возвращения к некоторым проблемам на другом уровне: например, исследовались средства номинации синестетических ощущений [Бардовская 2005], предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания [Карасева 2007]. Ряд работ был посвящен особенностям функционирования лексических единиц различных видов: библеизмов [Туркова-Зарайская 2002; Семенова 2003], крылатых слов [Михайлова С.Е. 2003], прецедентных имён [Хватова 2004], политических эвфемизмов [Кипрская 2005], лингвокультурной доминанты [Свицова 2005], гендерных стереотипов лексико-грамматической персонификации [Воскресенская 2007], номинативного биннома [Тарасова 2007]. Общим для проблематики слова и текста явилось исследование, ориентированное на выявление динамики смыслового поля слова [Каминская 1996].

Со временем появились новые проблемы и специфичные источники информации об изучаемых лексических явлениях: было обосновано преимущество представления значения слова в электронных словарях [Рублева 2009]; с использованием корпусов текстов исследована динамика именованных так называемых «цветных революций» от их возникновения до приобретения новых смыслов [Будина 2015]; описано (в диахронии) отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителя языка и культуры [Артыкбаева 2016]; выявлены особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры и построены модели, отражающие взаимодействия между составляющими демотивационного постера [Викторова 2016]; предпринято экспериментальное исследование стратегий идентификации аббревем компьютерной сферы и предложена модель рассматриваемого процесса [Жолтикова 2017].

Под руководством И.Л. Медведевой защищена кандидатская диссертация по результатам экспериментального исследования уровня освоенности слов носителями языка [Зайцева 2005]; под руководством С.И. Тогоевой – диссертация о новизне лексической единицы как параметре психологической структуры значения слова [Гришкина 2017]; под руководством Н.О. Золотовой – работы о синергетической модели концепта «жизнь» [Гирнык 2011] и возрастной динамике категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста [Павлова 2013].

Первое обобщение исследований по этой программе было сделано в монографии [Залевская 1990]. Дальнейшее развитие психолингвистической трактовки значения слова по результатам собственных экспериментов и раздумий, а также научных изысканий учеников и коллег представлено в ряде публикаций [Залевская 2011; 2012; 2014; 2018].

Психолингвистические проблемы понимания текста

Исследования проводились по разным вопросам теории и практики выявления специфики процессов и продуктов понимания текстов различных видов в варьирующихся условиях.

Разработке нового концептуального аппарата межкультурного общения (с ориентацией на перевод) посвящено исследование И.Э. Ключанова [Ключанов 1999; Klyukanov 2005]. В этом междисциплинарном исследовании, использовавшем понятийный аппарат целого ряда наук (этнографии, этнопсихолингвистики, психолингвистики, социологии и др.), представлен концептуальный аппарат для моделирования межкультурных взаимодействий. В теории И.Э. Ключанова динамические отношения между компонентами эгоструктуры личности были представлены как перевод; с этой точки зрения неопределенность перевода оказывается неизбежной и составляет основной движущий механизм знаковой интерпретации. Такая трактовка перевода дала автору возможность переместить перевод с речевой периферии в центр коммуникативных взаимодействий: было показано, что перевод «не столько выступает явлением культуры, сколько являет культуру: система-культура существует лишь постольку, поскольку образующие ее знаки переводятся другими знаками» [Ключанов 1998: 81]. В работе показано, что разные знаки обладают различной интерпретативной силой, а также отмечена особая роль межъязыкового перевода, семантического анализа и предложения-высказывания при моделировании межкультурных взаимодействий.

Моделирование и объяснение процесса формирования индивидуальной проекции текста предприняла Н.В. Мохамед (Рафикова) [Рафикова 1994; Мохамед 2000]. В ее работе обсуждаются теоретические вопросы, связанные с процессами нахождения информации в памяти при построении проекции текста, различные свойства ментальных репрезентаций слова и текста. Проблема ментальных репрезентаций возникает при исследовании различных этапов построения проекции текста (репрезентации отдельных слов предложения, отдельного предложения, интегративных единств репрезентаций отдельных предложений и т.п.). Подчеркивается, что связная и цельная проекция текста возникает только тогда, когда у читателя текста формируется установка на создание такой проекции. Особенность такой репрезентации состоит в том, что каждое предложение читаемого текста воспринимается не как самостоятельный текст, а как часть одного и того же текста (один предмет деятельности) [Рафикова 1999: 130]. Разные типы стимулов (внешние и внутренние), при помощи которых происходит нахождение информации, вызывают возникновение репрезентаций, образованных единицами разных уровней внутреннего лексикона [цит. раб.: 131].

В исследовании О.И. Колесниковой разработана модель становления художественно-языковой компетенции ребёнка (на материале поэтических текстов) [Колесникова 2006]. Типовая манера коммуникативной деятельности субъекта управленческого дискурса составила предмет диссертации С.В. Мкртычян [Мкртычян 2012]. О.В. Четверикова предложила трактовку знаков авторства в художественном тексте как средств вербальной манифестации смысловой сферы творческой личности [Четверикова 2009; 2013]. О.В. Голубева разработала теорию эвиденциальности выводного знания, уделив особое внимание абдуктивному поиску опор при понимании текста [Голубева 2016].

Под руководством А.А. Залевской были выполнены кандидатские диссертации, связанные с проблемами понимания текста: рассмотрена роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста и разработана вихревая модель изучаемого процесса [Корытная 1996]; выявлено влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста [Балдова 1999]; проведено экспериментальное исследование особенностей восполнения в тексте эллиптических конструкций [Михайлова Т.В. 1997]; исследованы механизмы разрешения неоднозначности в шутке и построена модель изучаемого процесса [Бревдо 1999]; выявлена специфика процесса понимания нестандартного поэтического текста [Гвоздева 2000]; обоснована трактовка образа ситуации как медиатора процесса понимания художественного текста [Чугунова 2002]; рассмотрены стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке [Воскресенский 2007].

Под руководством И.Л. Медведевой была защищена кандидатская диссертация по контекстуальной синонимии как проявлению номинативного варьирования в журнальном

тексте [Иванова А.И. 2006]. Под руководством Н.О. Золотовой защищены кандидатские диссертации по результатам когнитивно-синергетического моделирования процесса понимания рекламного текста [Чернышова 2010] и по выяснению роли комментируемого слова в проекции текста читателя [Захарова 2014]. Ряд диссертационных работ по пониманию текста был выполнен в условиях двуязычия (см. следующий раздел), в то время как некоторые работы, рассмотренные в предыдущем разделе, имеют непосредственное отношение к проблемам понимания текста при включении слова в более широкий контекст, что приводит к необходимости выявления особенностей взаимодействия слова и текста.

Первое обобщение выполняемых по этой кафедральной программе исследований было предпринято в монографии [Залевская 2001], где также приводится своя спиралевидная модель процесса идентификации слова и понимания текста. Анализ содержания части названных выше научных изысканий содержится в учебнике [Залевская 2007]; детальный обзор, проведенный с позиций последних лет, представлен в [Залевская 2015], где показан вклад представителей Тверской психолингвистической школы в изучение стратегий и опор, используемых носителями языка при понимании текстов разных видов, а также и в разработку процедур экспериментального исследования процессов поиска смысла читаемого текста, и в моделирование этих процессов.

Психолингвистические проблемы двуязычия

Выше уже говорилось об экспериментах с носителями двух и трёх языков, проводившихся в Алматы в 1960-е гг. Там же под руководством А.А. Залевской было начато исследование Т.Д. Кузнецовой по вопросу роли установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях овладения вторым или третьим языком [Кузнецова 1982]. В Твери эту линию исследований на материале лексических ошибок продолжила А.А. Поймёнова [Поймёнова 1999], разработавшая модель процесса преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком. К этому же времени относятся публикации И.Л. Медведевой по психолингвистическим аспектам функционирования иноязычного слова и защита ею докторской диссертации по этой проблеме [Медведева 1999].

Под руководством А.А. Залевской были также защищены кандидатские диссертации о стратегиях идентификации иноязычных фразеологических единиц [Шумилина 1997]; стратегиях понимания иноязычного текста [Соловьева М.В. 2006], специфике понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности [Ищук 2009], о доступе к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия [Корниевская 2012], а также о взаимодействии стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого иноязычного слова с моделированием установленных взаимосвязей [Саркисова 2014].

Под руководством И.Л. Медведевой защищены кандидатские диссертации о динамических аспектах функционирования лексикона билингва [Иванова О.В. 2004] и об исследовании степени освоенности слова индивидом [Зайцева 2005].

Под руководством Н.О. Золотовой выполнены исследования и защищены кандидатские диссертации об идентификации незнакомого слова как синергетическом процессе [Федурко 2008], особенностях идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии [Новикова 2011], стратегиях преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма [Беляева 2015] и проблеме доступа к лексическому контаминанту в ментальном лексиконе учебного билингва [Карцова 2020].

Теоретические положения, касающиеся учебного двуязычия, используемых в этих условиях стратегий и опор, а также моделирования соответствующих процессов, рассматривались в первом издании учебника «Введение в психолингвистику» [Залевская 1999], а также в учебном пособии «Психолингвистические проблемы учебного двуязычия» [Залевская,

Медведева 2002]. Ныне доступны в электронном формате две более поздние публикации: монография [Залевская 2009] и учебник для магистрантов «Вопросы теории учебного двуязычия» [Залевская 2016].

Особенности теоретического подхода и выводы

На основании выполненных в Твери научных изысканий можно составить представление о целенаправленных попытках выявить, описать и по возможности объяснить некоторые особенности реальных процессов функционирования слова, понимания текста и пользования неродным языком. Каждое из названных исследований вносит определённый вклад в совокупную картину представлений о том, что лежит за словом, текстом и шире – использованием языка как «живого знания» в процессах познания и общения. К числу таких представлений можно отнести следующие.

1. Язык как достояние индивида выступает в качестве *инструмента* познания и общения, а слово – как *средство доступа* к продуктам перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта адаптации человека к естественному и социальному окружению. Без возможности опоры на такой опыт язык не может означать что-то, он остаётся «мёртвым». Система смыслов начинает формироваться до речи (Н.И. Жинкин) при взаимодействии тела и разума через процессы анализа и синтеза, сравнения и классификации (И.М. Сеченов), при этом воспринимаемое обрабатывается по множеству параметров, признаков и ещё более дробно – признаков признаков для включения в единую функциональную динамическую систему памяти, постоянно находящуюся в состоянии изменяющейся активности. На табло сознания поступают только продукты множества взаимодействующих процессов, протекающих на неосознаваемом уровне при переходах от актуального сознания через сознательный контроль к неосознаваемому контролю и к бессознательному и/или в обратном порядке (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев).

Поэтому необходимо разграничивать ситуации, которые традиционно смешиваются, что ведёт к подмене понятий, в том числе: процесса и продукта (Л.В. Щерба), языковой ситуации и метаязыковой ситуации, языкового сознания и метаязыкового сознания, внешнего контекста и внутреннего контекста и т.п. Отсюда вытекает требование строгого отношения к научной терминологии, к пониманию того, на чём фокусируется то или иное направление исследований, в какие категориальные поля немедленно включается используемый термин. Например, экспериментальные ситуации должны ранжироваться по степени проявления метаязыковой активности испытуемых, но повсеместно эта характеристика исследовательской процедуры вообще не учитывается (при использовании в Твери процедур психолингвистического портретирования лексики набор из пяти заданий упорядочен по этому принципу).

2. Всё попадающее в систему памяти включается во множественные связи по всевозможным параметрам, признакам и признакам признаков, образуя гигантскую сеть, которая позволяет опознавать уже встречавшееся ранее, а при встрече с новым опытом строить правдоподобные гипотезы о его сути, признаках, связях и т.д. на основе уже имеющихся и/или вновь создаваемых выводных знаний. Таким образом, уже известное или впервые встреченное языковое явление проходит многостороннюю обработку посредством сравнения с тем, что уже имеется в предшествующем опыте, и принятия решений по каждому акту такого сравнения. Иначе говоря, то, что принято называть *пониманием* значения слова, в реальности представляет собой сложное взаимодействие ряда процессов, протекающих параллельно и/или последовательно и дающих различающиеся промежуточные и конечные продукты. Таким образом, переживаемое индивидом *понимание значения слова* представляет собой продукт активации следов имеющегося прошлого опыта, которые могут храниться в разных «форматах» и различаться по уровню их актуальности для наличной ситуации.

Поскольку в реальности взаимодействующие процессы и промежуточные продукты таких процессов функционируют преимущественно на неосознаваемых уровнях, создаётся впечатление мгновенного получения результата, что, в частности, дало основания для мифа о «неразрывности» формы и значения слова и для наивного убеждения в том, что значение слова адекватно описывается словарной дефиницией. На самом деле за каждым словом лежит широчайшая сеть связей, позволяющая так или иначе учитывать множество разнообразных выводных знаний, ситуаций, возможных следствий и т.д., которые выводятся на табло сознания только в случаях необходимости, но всегда определяют тот фундамент, благодаря которому становится возможным взаимопонимание между людьми.

Словарная дефиниция уточняет инвариантную суть социально принятого содержания, приписываемого слову на некотором этапе его функционирования. Отсюда становятся очевидными некоторые принципиальные различия между тем, как значение слова функционирует у индивида, и его лексикографическим описанием. В частности, это касается многозначных слов: в Твери еще в 1980-е гг. экспериментально обосновывалось мнение о том, что в лексиконе индивида полисемантическое слово функционирует как ряд омонимичных слов, каждое из которых входит в свой круг связей (т.е. увязывается с определённой ситуацией, категорией, признаками, входит в то или иное тематическое или смысловое поле и т.д.).

3. Гигантская сеть связей, лежащая за словом, предполагает наличие определённых принципов организации объединяемых сетью вхождений, что обеспечивает успешность идентификации слова как такового с учётом взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов. При ведущем принципе «многие ко многим» задействованные связи активируются по любым возможным параметрам и признакам, при этом для носителя языка могут быть актуальными основания для связи, отличающиеся от описываемых с точки зрения лингвистики. Тверскими исследователями показаны роль и специфика проявлений параметров предметности, образности, эмоциональности, новизны и т.д., связей типа «и/или», индивидуальной трактовки основания для связей и степени близости / расхождения значений слов, не вписывающихся в строгую дефиницию синонимов или антонимов, что потребовало введения терминов типа «симиляры», «оппозиты», «проксонимы». Обоснована также функциональная значимость признаков разных видов (в том числе несущественных, но характерных для некоторого объекта с позиций той или иной культуры) в различных ситуациях пользования словом.

4. Фундаментальную значимость для такой обработки слов имеют формирующиеся через опыт наиболее общие «идеи», «категории», «топы» и т.п. – продукты максимальной компрессии смысла. Логично признать, что базовые смысловые параметры, формируемые при взаимодействии ощущений, переживаний и рассуждений, на высшем уровне обобщения носят надязыковой характер, становясь «мысленными абстрактами» (И.М. Сеченов), именно это делает в принципе возможным взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Иначе говоря, при преломлении видения мира через призму разных языков и культур у жителей планеты Земля посредством единых врождённых механизмов переработки опыта познания и общения формируются общечеловеческие идеи сущностей, признаков, действий, переживаний и т.д. Может не иметься вербальной манифестации такой идеи: так, обычный носитель языка не знает лингвистической терминологии, но успешно пользуется языковыми средствами, оперируя «скрытой грамматикой» (грамматикой в широком смысле, т.е. процедурным знанием того, как работает язык). Неслучайно этой проблемой издавна интересовались наши отечественные языковеды (например, А.А. Потёбня прямо указывал на различия между научными категориями и теми, которые функционируют у носителей языка), проблема категорий с давних времён входила в число центральных для философов (её разрабатывали, например, Аристотель, И. Кант, Ч.С. Пирс).

5. Наряду с идеями сущностей, действий, признаков и т.д. как продуктами максимальной компрессии смысла, через призму которых перерабатывается воспринимаемый опыт, имеет ряд «промежуточных» уровней абстрагирования, продукты которых подлежат обязательной вербальной манифестации, что формирует специфичную категорию слов, играющих роль единиц естественного метаязыка в процессах идентификации воспринимаемого через суммированную отсылку к надёжному знанию со всеми вытекающими следствиями (типа: *брокер* – это *человек*, т.е. не знаю, чем он занимается, но уж точно – он человек, отсюда – живой, взрослый, имеющий профессию и т.д.). Обратим внимание на то, что понятие ядра лексикона было введено в Твери ещё в начале 1980-х гг., а трактовка единиц ядра лексикона как выполняющих важнейшую функцию своеобразного естественного метаязыка несёт мощный эвристический потенциал, поскольку создаются основания для более детального рассмотрения и объяснения специфики процессов и опор в ходе естественного семиозиса.

В частности, становится очевидной условность противопоставления языковых и неязыковых (экстралингвистических) знаний, поскольку те и другие в реальности функционируют по принципу взаимодополнительности, носитель языка их вообще не различает, как не различает, например, основания для противопоставления по актуальному для него самому признаку некоторой сущности, ситуации и т.п., что может выходить за рамки лингвистической трактовки антонимии (ср. ассоциативную связь: *КРУГЛЫЙ* – *квадрат*; это не бессмыслица, а противопоставление по признаку формы объекта, при котором не учитываются детали поверхностного уровня – согласования по лексико-грамматической принадлежности слова, манифестирующего продукт реализованного противопоставления). Отсюда следует требование при анализе экспериментальных материалов не искать в них иллюстрации к уже известным лингвистическим постулатам (что, к сожалению, нередко происходит в работах, квалифицируемых самими авторами как психолингвистические научные изыскания), а исходить из заданной в эксперименте ситуации для обнаружения возможных стратегий и опор, которые могли привести к эксплицитно представленному результату, требовавшему или не требовавшему определенного уровня мыслительной активности и перехода от когнитивного действия к метаязыковому рассуждению.

6. В сети связей особую роль играют не только слова, но и другие активные вхождения, выступающие в качестве медиаторов, или индексов (в том числе – формальные показатели, передающие идеи единственного или множественного числа, вещественности или действия, признака, процесса, принадлежности к числу живых объектов и т.д.), указывающие на отнесённость к некоторой категории (теме, разряду и т.д.), что автоматически активизирует ощущения, знания, переживания, логические связи, имеющие какое-либо отношение к используемому медиатору.

В качестве примера в первом издании учебника [Залевская 1999] обсуждаются результаты эксперимента с детьми, ещё не знающими правил склонения существительных, но убеждённых в том, что *бокр*, которого *штеко будланула глокая куздра*, несомненно, живой!

Следует подчеркнуть, что активация происходит при динамике уровней осознаваемости; в зависимости от сложного взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов получаемый продукт может оцениваться как значимый или несущественный. Множественность и дробность признаков, по которым устанавливаются и активируются связи в системе опыта, обуславливает многие расхождения между традиционно принятыми подходами к описанию значения слова и тем, что наиболее функционально значимо для индивидуальной системы смыслов. Это снова возвращает нас к необходимости психолингвистического (как экспериментального, так и теоретического) исследования особенностей формирования и функционирования скрытого процедурного знания, благодаря которому мы оказываемся способными мгновенно учитывать всё имплицитное некоторым формантом, включая и то, что разрешается, и то, что запрещается как приписанное языковой единице в социуме / культуре.

7. Таким образом, в продолжение провозглашенного в 2016 году перехода от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам Тверская психолингвистическая школа фокусируется на необходимости разработки на новом уровне теоретических аспектов языка как достояния индивида – представителя вида, личности и члена социума.

Литература

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Балдова В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 16 с.

Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.

Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значения широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.

Белецкая Е.В. Моделирование особенностей конструирования метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 19 с.

Беляева В.М. Стратегии преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 16 с.

Брево И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 18 с.

Будина М.Э. Динамика языковых явлений от возникновения до приобретения новых смыслов (на примере именованных «цветных революций»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 20 с.

Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Воскресенская С.Ю. Гендерные стереотипы лексикограмматической персонификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.

Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 20 с.

Галкина О.В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 19 с.

Гвоздева О.Л. Особенности понимания нестандартных художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 14 с.

Гирнык А.В. Синергетическая модель концепта ЖИЗНЬ: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 16 с.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2016. 48 с.

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 19 с.

Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 16 с.

Жолтикова М.А. Стратегии идентификации аббревем (на материале аббревем компьютерной сферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 18 с.

Зайцева Е.А. Степени освоенности слов носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 19 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 31–85.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980. 32 с.

Раздел 3

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 206 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 235–481.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с. [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.: Директ-Медиа, 2013. 561 с. URL: http://www.directmedia.ru/book_210597_vvedenie_vpsiho_lingvistiku_uchebnik

Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 144 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с. [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.: Директ-Медиа, 2013. 240 с. URL: http://www.directmedia.ru/book_210598_znachenie_slova_che-rez_prizmu_eksperimenta

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 280 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. / URL: www.directmedia.ru/

Залевская А.А. Понимание текста: процессы и продукты: обзор // РЖ ИНИОН РАН «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия б. Языкознание. 2015. № 1. С. 53–98.

Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с. / URL: <http://www.twirpx.com/file/2176361/>

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.

Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. 207 с.

Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 15 с.

Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989. 16 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2005а. 44 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005б. 204 с.

Иванова А.И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте (на материале журнальных статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.

Иванова О.В. Динамические аспекты функционирования лексикона билингва: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: 2004. 16 с.

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь 2009. 19 с.

Каминская Э.Е. Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова (на материале переводов поэтического текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1996. 16 с.

Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 15 с.

Карцова М.А. Психолингвистическое исследование идентификации лексических контаминантов в ситуации учебного билингвизма: автореф. Дис. канд. филол. наук. Тверь, 2020. 24 с.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь: ТвГУ, 1998. 99 с.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.

Исследования ментального лексикона

Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребёнка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2006. 46 с.

Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987. 17 с.

Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 19 с.

Корытная М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1996. 16 с.

Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982. 16 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2012. 46 с.

Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения // Вопросы психолингвистики, № 3 (41), 2019. С. 24–37.

Лачина И.С. Особенности идентификации прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 17 с.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 17 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002а. 42 с.

Лебедева С.В. Синонимы или проксимы? Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2002б. 202 с.

Маскадыня В.Н. Отнесение к категории как способ идентификации значения слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 16 с.

Медведева И.Л. Связи типа «и/или» в лексиконе человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 16 с.

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 1999. 46 с.

Михайлова С.Е. Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 18 с.

Михайлова Т.В. Особенности восполнения эллиптических конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 18 с.

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2012. 47 с.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2000. 40 с.

Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 20 с.

Новичихина М.Е. Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 16 с.

Павлова М.С. Возрастная динамика языковой категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 20 с.

Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 17 с.

Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 191 с.

Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994. 16 с.

Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 144 с.

Рогожников Т.М. Развитие значения полисемантического слова у ребёнка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1986. 20 с.

Раздел 3

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2000. 43 с.

Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994. 17 с.

Рублева О.С. Слово в электронном словаре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 16 с.

Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. 18 с.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000. 46 с.

Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.

Свицова А.А. Лингвокультурная доминанта «ДОМ – РОДИНА – ЧУЖБИНА» в русских и английских пословицах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 20 с.

Семенова Е.С. Библизм как средство речевого воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 20 с.

Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб: Питер, 2001. 416 с.

Соловьева М.В. Стратегии понимания иноязычного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 15 с.

Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 6 с.

Соломаха В.А. Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителей языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 16 с.

Тарасова Е.И. Номинативный бином в свете концептуальной целостности при вербальной раздельнооформленности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 19 с.

Тогоева С.И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 75–101.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2000. 44 с.

Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 17 с.

Туркова-Зарайская М.О. Особенности понимания библизмов современными носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 19 с.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 15 с.

Функционирование языка в социуме, тексте и индивидуальном сознании. Коллективная монография / под ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 216 с.

Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имён носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.

Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 17 с.

Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 51 с.

Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: АГПУ, 2013. 235 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 43 с.

Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2002. 16 с.

Швец Н.О. Роль языка в структурировании знаний: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2005. 20 с.

Шмелева Т.В. Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1988. 17 с.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 1997. 17 с.

Bloom L. The Transition from Infancy to Language. Acquiring the Power of Expression. New York: Cambridge Univ. Press, 1993. 350 p.

Klyukanov I.E. Principles of intercultural communication. – Boston; New York; San Francisco etc.: Pearson Education, Inc., 2005. – 290 p. I.E. Principles of intercultural communication. Boston; New York; San Francisco etc.: Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.

3.2. Курская группа психолингвистики

Е.Ю. Мягкова
Тверь

Основной состав Курской группы психолингвистики представлен преподавателями и сотрудниками кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета. Официально группа не работает над реализацией единого конкретного проекта, но всех её участников объединяет интерес к тому, что стоит за словом в сознании носителя языка. Этот интерес обусловлен во многом необходимостью решения ряда практических задач, стоящих перед преподавателями. Конкретные проблемы, ставшие предметом исследования, выбраны в соответствии с особенностями образовательной среды в Юго-Западном государственном университете, в частности, работой с иностранными студентами – представителями различных культур, а также разнообразными программами дополнительного образования.

Курская группа психолингвистики начала формироваться на кафедре иностранных языков Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ) в начале 2000-х годов, когда на кафедре появились дипломированные специалисты по специальности 10.02.19 – теория языка. Первоначально исследования велись в сотрудничестве с Курским государственным университетом, где была открыта аспирантура по той же специальности, позднее аспирантура по этой специальности была открыта в ЮЗГУ, и образовалась группа исследователей-единомышленников под руководством Е.Ю. Мягковой [Мягкова 2000] и Е.Г. Баянкиной [Баянкина 2016]. Несмотря на то, что проводимые членами группы исследования посвящены изучению самых разных проблем, связанных с жизнью языка, все они, по сути, продолжают традиции Тверской психолингвистической школы А.А. Залевской и Московской школы психолингвистики (идеи А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича).

Исследования Курской группы психолингвистики ведутся по основным направлениям: значение слова, понимание текста, проблемы двуязычия и многоязычия, моделирование внутренней грамматики, функциональная неграмотность. Методологически работы основываются на теории слова как средства доступа к единой информационной базе человека, разработанной А.А. Залевской. В этом ключе выполняются разнообразные экспериментальные исследования на материале ряда языков в разных социально-культурных и возрастных группах испытуемых. В последние годы исследования членов группы начинают объединяться единой, чрезвычайно актуальной в контексте жизни современного человека темой: изучением причин, специфики и последствий функциональной неграмотности.

Психолингвистические проблемы значения слова

Психолингвистические проблемы значения слова охватывают самые разные аспекты функционирования слова в сознании носителя языка. В широком смысле слова к этой сфере можно отнести все исследования, направленные на изучение того, что стоит за словом в индивидуальном сознании.

Исследование эмоционального компонента психологической структуры значения слова было начато Е.Ю. Мягковой ещё в конце 80-х годов прошлого века. Комплексное экспериментальное исследование, в котором использовались различные методики – от ассоциативного эксперимента до семантического дифференциала – позволили сделать ряд существенных выводов. В частности, на первом этапе исследования было доказано, что эмоциональная нагрузка является неотъемлемым компонентом психологической структуры значения слова. При этом эмоциональная нагрузка понималась как любое проявление отношения индивида к тому, что называется воспринимаемое или используемое им слово. Результаты экспериментальных исследований показали условность выделения так называемой эмоциональной лексики. На втором этапе исследования, в рамках докторской диссертации, было показано, что феномен, обозначенный теперь уже термином *эмоционально-чувственный компонент значения слова*, представляет собой исключительно сложное комплексное образование, в котором задействованы процессы разных уровней сложности и разных уровней осознанности. Кроме того, было показано, что при анализе чувственных компонентов психологической структуры значения слова необходимы ориентиры на психологические исследования в области эмоциональных процессов. Были выделены предполагаемые составляющие эмоционально-чувственного компонента значения слова, включающие как основные размерности семантического пространства по Ч. Осгуду (активность, сила, оценка), так и параметры, связанные с ощущением самого себя (комфортность), а также пространственно-временные параметры.

Представление о специфике эмоционально-чувственного компонента значения слова базируется на понимании того, что чувства и эмоции – не аномалия по отношению к рассудку, но его неотъемлемая часть: они формируются как результат действия направляющей силы механизмов биологической регуляции [Веккер 1998; Damasio 1995]). Эмоциональная сфера понимается как *многоуровневый* феномен, (по меньшей мере) трехуровневая структура, в основании которой лежит первичная эмоция (врожденный механизм жизнеобеспечения). Вторая ступень представлена чувствами, которые переводят первичные эмоции в область ощущения и первичной рефлексии. При этом первичные эмоции не «превращаются» в чувства, но действуют параллельно с ними и являются для них основой. Третью ступень составляют так называемые социализированные эмоции, отфильтрованные культурой, получившие название в языке и включающие в себя первичные эмоции базового уровня и основанные на них чувства (вторая ступень). Специфической характеристикой эмоциональной сферы человека является *одновременная* задействованность всех уровней и (в соответствии с природой каждого из них) разная степень их осознанности. В эмоции/переживании реализуются два компонента: отношение к объекту и отношение к себе. Кроме того, человек всегда отображает свои состояния на «карте» собственного тела. По-видимому, первичные репрезентации самого тела обеспечивают также пространственную и временную схему, на которой могут быть основаны другие репрезентации [Damasio 1995]. Именно эта схема и становится основанием для формирования сложного комплекса переживаний. Все специфические характеристики эмоциональной сферы в той или иной степени отражаются в том, что стоит за словом в индивидуальном лексиконе [Мягкова 2000; 2010].

Вопросы эмоциональной составляющей значения получили развитие в работе А.В. Сороколетовой (Кремневой). Изучая эмоционально-чувственную составляющую образа, стоящего за словом в сознании ребенка, А.В. Сороколетова (Кремнева) пришла к выводу, что при овладении иноязычным словом у ребенка формируется связанный с ним образ,

который характеризуется ярко выраженной эмоциональностью. Этот образ оказывается базой, на которую впоследствии «наслаиваются» новые знания, связанные с данным словом. Образ динамичен, и его специфика зависит от возраста ребенка, перестройки образа мира и себя в этом мире, ценностных ориентаций, а также может определяться особенностями процесса обучения иностранному языку. Результаты проведенных А.В. Сороколетовой экспериментов показали, что у детей 7–10 лет эмоционально-чувственная составляющая значения слова является доминирующей. Однако эта эмоциональная составляющая может со временем измениться, что ведет за собой изменение психологического значения слова для ребенка [Кремнева 2008; Сороколетова 2013].

Одной из первых работ будущей группы психолингвистики в области изучения стоящих за словом ментальных феноменов стало исследование Н.С. Федосюткиной [Федосюткина 2005], в котором слова-ценности рассматривались как средство доступа к ценностной картине мира индивида. На основании полученных результатов были сделаны выводы о том, что слова-ценности являются средствами выхода на «узлы» ценностной картины мира, а стоящие за этими словами значения и личностные смыслы могут рассматриваться как отображение ценностных представлений. Межъязыковое сопоставление слов-ценностей позволяет обнаружить различия культурных концептов ВАЖНОСТИ/ЦЕННОСТИ. Кроме того, результаты эксперимента позволили говорить о ценностной маркированности слова. Идея изучения стоящих за словом ментальных феноменов была продолжена в серии диссертационных исследований в области моделирования структуры концептов.

В работе Н.Ю. Перфильевой [Перфильева 2008], посвящённой экспериментальному исследованию специфики вербализации концепта ПОГОДА, было показано, что анализ средств его вербализации в разных языках позволяет сделать выводы о культурной специфике концептуализации одного и того же феномена. При межкультурном сопоставлении оказалось возможным выявить как универсальные, так и национально-специфические аспекты, отражающие культурно-историческую детерминированность формирования соответствующей когнитивно-прагматической области бытия и языковой картины мира носителей разных культур. В частности, в английской языковой картине мира концепт ПОГОДА реализует признак процессуальности, в то время как в русской языковой картине мира этот концепт имеет признак статичности. Е.В. Палеева исследовала способы вербализации концепта ДЕНЬГИ в английском и русском языках, основываясь на предположении, что относительно полное представление о структуре и содержании концепта может быть получено в результате интеграции данных, полученных в рамках различных исследовательских парадигм. Экспериментальное исследование стало средством уточнения структуры и содержания концепта в сознании современного носителя языка. При сопоставлении материала двух языков совпадение содержания обнаружилось на уровне ядерных компонентов соответствующих моделей концепта, а национальная специфика проявилась на периферийных участках и в культурологическом компоненте. При этом характерной чертой концептуальных признаков, функционирующих в периферийной зоне концептуального поля концепта ДЕНЬГИ, является амбивалентность [Палеева 2010]. В работах Е.А. Таныгиной слова-цветообозначения рассматривались как средства доступа к внутреннему миру человека и использовались для выявления (и описания) образа цвета в сознании носителя языка. В ходе экспериментов было выявлено, что образ цвета является динамичным и меняется в зависимости от изменений реалий культурной и социальной среды; разные культурные традиции определяют различия в восприятии и использовании основных слов-цветонаименований. Кроме того, было наглядно продемонстрировано, что на формирование образа цвета в сознании носителя языка оказывает влияние как индивидуальный опыт отдельного человека (его индивидуальное знание), так и культурное знание о данном цвете. На формирование образа цветообозначения в сознании рядового носителя языка оказывают влияние и гендерные стереотипы [Таныгина 2012].

Ещё одним аспектом изучения особенностей образа мира, выраженного средствами языка, стало исследование прецедентных феноменов. В работе Л.А. Кузьменко, исследовавшей особенности функционирования религиозного знания в языковом сознании русских и американцев, было доказано, что социумно-прецедентные феномены не являются полными аналогами в разных национальных культурах. При этом интерпретация религиозного вербального прецедентного феномена (исследование проводилось на материале притчи о блудном сыне) осуществляется на основе культурно универсального внешнего контекста и/или культурно специфического внутреннего контекста, имеющего сложную структуру и необходимо включающего конвенциональную и индивидуальную составляющие. Кроме того, Л.А. Кузьменко убедительно показала, что национально-культурная специфика внутреннего контекста формируется в результате действия аттрактивных сил национальной культуры. Она проявляется на структурном и содержательном уровнях [Кузьменко 2003]. Р.В. Попадинец сосредоточил внимание на специфике прецедентного имени. На основании результатов серии экспериментов в его работе был сделан вывод о том, что прецедентное имя может рассматриваться как «свернутая метафора» и в связи с этим может трактоваться как базовый элемент прецедентности. Именно поэтому динамика прецедентной базы культуры в значительной степени обусловлена динамикой прецедентного имени, которая может быть выявлена посредством обращения к сознанию носителя языка. Кроме того, прецедентная база имеет сложный, «диффузный» характер: в ней отсутствует инвариант восприятия некоторых литературных персонажей; появляются новые имена, на которые ориентируется личность (имена известных политиков, популярные киногерои, персонажи мультфильмов) [Попадинец 2006].

Проблемы двуязычия и многоязычия

Поскольку все исследователи, работающие в сфере изучения процессов функционирования слова в индивидуальном сознании, являются практикующими преподавателями иностранных языков, проблемы двуязычия и многоязычия неизбежно стали предметом их интереса. Так, З.Б. Девицкая исследовала процессы усвоения лексики при учебном многоязычии. В результате проведения серии экспериментов со студентами, изучающими второй иностранный язык (ИЯ2), она обнаружила, что на начальном этапе усвоения слов ИЯ2 большое значение имеют формальные связи со словами РЯ и ИЯ1, которые формируются на основе общности звукового или графического облика, а также наличия сходных структурных элементов (морфем, слогов и буквосочетаний). Слова ИЯ2 связываются со словами родного и обоих изучаемых иностранных языков на основе формальных и смысловых признаков. Наиболее сильной оказывается связь слова ИЯ2 с его смысловым эквивалентом в родном языке. Следующее по значению место занимают формальные связи, но в процессе овладения ИЯ2 их количество уменьшается в пользу разнообразных смысловых связей. Особое значение в формировании смысловых связей имеет опора на контекст (если слово представлено в тексте) или индивидуальный контекст, мини-ситуацию (в случае «изолированного» слова). Это говорит об обретении словом ИЯ2 доступа к единой информационной базе. З.Б. Девицкая показала закономерности вхождения слова ИЯ2 в индивидуальный лексикон: 1) ослабление формальных связей со словами родного и первого иностранного языков по мере овладения ИЯ2; 2) усиление формальных связей с другими словами ИЯ2; 3) увеличение количества смысловых связей со словами РЯ и внеязыковыми знаниями, стоящими за этими словами [Девицкая 2008]. В исследовании И.А. Толмачевой, в котором автор провела серию экспериментов со студентами-мьянманцами, владеющими английским языком и изучающими русский, было выявлено, что специфика связей между словами разных языков в сознании многоязычного индивида определяется особенностями становления многоязычия (с учетом национально-культурных особенностей страны родного языка). У носителей бирманского языка, владеющих английским и русским, эти связи обуслов-

лены спецификой овладения вторым языком и относительной закрытостью мьянманской культуры. Кроме того, было установлено, что связи между словами-терминами разных языков в сознании многоязычного индивида существенно отличаются от связей, устанавливаемых между словами, принадлежащими к кругу общеупотребительной лексики. В материалах экспериментов эти отличия проявились в отсутствии оценочных и наглядно-образных реакций, что, по-видимому, свидетельствует об отсутствии опоры на непосредственный чувственный опыт индивида. В сознании многоязычного индивида опорой для идентификации иноязычного слова-термина является слово на том языке, на котором оно было усвоено. И.А. Толмачева пришла к выводу, что связи, возникающие между словами бирманского, английского и русского языков обусловлены спецификой овладения вторым (английским) языком, которым испытуемые (помимо организованного обучения в школе и вузе) пользовались в двуязычной среде билингвальной языковой ситуации Мьянмы. Русским языком они овладевали в условиях организованного обучения уже на базе английского. Таким образом, опорой для идентификации русского слова-термина стало слово на английском языке, поскольку на нём оно было усвоено [Толмачева 2012; 2013].

Проблемы понимания текста и функциональной неграмотности

В связи с необходимостью решения практических проблем обучения языку и поиска новых подходов к организации обучения языку с точки зрения деятельности индивида как субъекта образовательного процесса были предприняты попытки разработки теории внутреннего метаязыка человека. Термин «метаязыковой» обычно ассоциируется с научным знанием, но в данном контексте метаязыковая деятельность носителя языка понимается как необходимое условие пользования языком. Речь идет о естественном внутреннем метаязыке, который сам индивид вырабатывает в процессе «врастания» в язык и культуру и который скрыт от непосредственного наблюдения, то есть об индивидуальном языке человека.

Индивидуальная, внутренняя метаязыковая деятельность протекает на разных уровнях осознаваемости и выступает как в виде непосредственного обдумывания и рассуждений об устройстве и правилах языка, так и в виде внутреннего знания, которое позволяет человеку пользоваться языком. При этом «условно-грамматические» элементы естественного метаязыка должны формироваться как опоры для обеспечения ориентировки в пространстве высказывания. Кроме того, «единицы» такого языка задействованы в приобретении нового знания, поскольку выполняют не только идентифицирующую, но и моделирующую функцию: на их основе и с их помощью могут создаваться новые речевые конструкции. Речь идет, в первую очередь, о речевой деятельности человека на родном языке [Мягкова 2012а; 2012б; 2013].

При разработке практических курсов обучения второму языку трудности возникают, в первую очередь, в связи с тем, что правила построения высказывания и использования лексики неродного языка не могут напрямую соотноситься с правилами родного языка.

Естественный метаязык работает, в основном, на неосознаваемом уровне, поэтому не всегда может выступать в качестве осознаваемой базы для выработки алгоритма пользования структурами изучаемого языка. «Внутренняя грамматика» носителя языка существует не в форме привычных словесных правил и имеет свои принципы действия. Как показывают эксперименты, в большинстве случаев носители языка не могут вывести свои внутренние языковые ориентиры на уровень рефлексии.

Результаты экспериментов заставили задуматься над тем, каким образом можно моделировать внутренний метаязык с целью использования таких моделей в преподавании родного и иностранного языков. Следующим шагом стало исследование внутреннего метаязыка в качестве средства диагностики функциональной неграмотности [Мягкова 2016а; 2016б; 2017].

С обозначенными выше вопросами тесно связаны проблемы понимания текста. Так, в работе Т.В. Кружилиной, которая изучала понимание текста детьми дошкольного возраста, было проведено сопоставление результатов экспериментов, проведённых с использованием одной и той же методики, но с временным интервалом в 30 лет (исследования Е.Г. Биевой, 1983г., и Т.В. Кружилиной, 2013г.). Это позволило сделать выводы о состоянии способности понимания текста у детей дошкольного возраста и о динамике изменения деятельности понимания за это время. В ходе сопоставления была выявлена тенденция к снижению уровня понимания среди детей дошкольного возраста. На основании теории взаимосвязи деятельности понимания и уровня сформированности когнитивных способностей в работе Т.В. Кружилиной был сделан вывод о снижении интеллектуального потенциала детей дошкольного возраста (что хорошо согласуется с результатами множества других отечественных и зарубежных исследований). Кроме того, была установлена связь между уровнем понимания в дошкольном возрасте и факторами социального окружения ребёнка. На основании анализа результатов исследования был сделан вывод о том, что неограниченный просмотр телевизионных передач, а также неограниченное использование электронных гаджетов препятствует осуществлению детьми игровой предметно-практической деятельности и общения и приводит к снижению уровня сформированности способности понимания текста в дошкольном возрасте [Кружилина 2014; 2016а; 2016б].

Анализ современной научной литературы (как отечественной, так и зарубежной) убедительно свидетельствует о том, что если на ранних этапах социализации не стимулируется активная познавательная деятельность ребёнка, предполагающая преодоление трудностей, а вместо этого предлагаются всевозможные удовольствия, в дальнейшем получится функционально неграмотный человек, который вряд ли будет способен успешно решать жизненные задачи. Современные школьники и студенты не умеют работать с разными видами информации. Большинство из них «не видит» структуры текста и не может его пересказать. Изменения происходят и на уровне значения слова: всё больше слов становятся «пустышками», они используются «автоматически», но за ними не стоит знание. Наличие многочисленных ошибок свидетельствует о том, что у множества современных носителей русского языка не сформированы глубинные опоры, которые позволили бы им различать формы слов и правильно строить высказывания [Кружилина 2014; Мягкова 2016а].

В настоящее время участники группы психолингвистики ЮЗГУ продолжают исследования в указанных направлениях. Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях (научных статьях и монографиях).

В работе группы принимают участие и другие члены кафедры иностранных языков ЮЗГУ (В.И. Егорова [2012], О.А. Андреева, А.В. Анненкова [2017], Л.Н. Казакова, Е.Н. Кондратенко, В.В. Махова [2-16], А.В. Павлова, М.В. Овчинникова, С.В. Пегов, О.Н. Занина [2016]). Защитили кандидатские диссертации С.В. Пегов («Терминологическая система атомной энергетики (на материале английского языка)» [Пегов 2018]), А.В. Павлова («Когнитивные и прагматические аспекты речевого акта просьбы при искусственном билингвизме» [Павлова 2019]) и М.В. Овчинникова («Англоязычные заимствования в индивидуальном сознании» [Овчинникова 2019]).

В ближайшее время планируется разработка единого научного проекта, связанного с вопросами функционирования термина. В плане теории будет продолжаться работа над решением проблем функциональной неграмотности, в частности, проблемами моделирования внутреннего метаязыка. Такое направление исследования позволит, как представляется, внедрять теоретические разработки непосредственно в практику преподавания языка.

Литература

- Анненкова А.В.* Особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы (некоторые результаты ассоциативного эксперимента) // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2017. Том 7. № 3 (24). С. 58–66.
- Баянкина Е.Г.* Переводческое решение как фактор формирования понятия у носителей языка перевода // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (19). С. 47–51.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
- Девуцкая З.Б.* Психолингвистическое исследование усвоения лексики при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 15 с.
- Занина О.Н.* Грамматическая ошибка как средство анализа особенностей внутреннего метаязыка // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (19). С. 20–28.
- Егорова В.И.* Дегерсонификация виртуальной коммуникации // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 4 (43). С. 212–216.
- Кремнева А.В.* Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иноязычным словом в лексиконе младшего школьника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 19 с.
- Кружилина Т.В.* Понимание текста детьми дошкольного возраста с учётом факторов социального окружения ребёнка (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.
- Кружилина Т.В.* Понимание текста как деятельности в свете зрелости когнитивных структур ребёнка-дошкольника // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика, 2016а. № 3 (21). С. 72–78.
- Кружилина Т.В.* Стратегии исследования текста в психолингвистике // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика, 2016б. № 4 (21). С. 71–77.
- Кузьменко Л.А.* Национально-культурная специфика функционирования религиозного знания в языковом сознании русских и американцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 19 с.
- Махова В.В.* Влияние фоновых знаний на переводческое решение при переводе текстов в области компьютерных и информационных технологий // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 78–84.
- Мяглова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000. 43 с.
- Мяглова Е.Ю.* Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118–124.
- Мяглова Е.Ю.* К вопросу о «формальной» и «внутренней» грамматике // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология», 2012а. № 24. Выпуск 4. С. 96–103.
- Мяглова Е.Ю.* Ещё раз к вопросу о грамматике говорящего // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика, 2012б. № 4. С. 53–59.
- Мяглова Е.Ю.* Внутренняя грамматика и овладение языком // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология», 2013. № 24. Выпуск 5. С. 257–264.
- Мяглова Е.Ю.* Овладение навыками чтения как основа функциональной грамотности носителя языка // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. № 4, 2016а. С. 53–59.
- Мяглова Е.Ю.* Цифровое слабоумие: миф или реальность? // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016б. С. 63–73.
- Мяглова Е.Ю.* Где живёт бурый белый медвежонок, или чтение и проблемы понимания текста // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. № 4, 2017. С. 145–151.
- Овчинникова М.С.* Психолингвистический подход к проблеме иноязычного заимствования // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2012. № 2 (15). С. 38–42.
- Павлова А.В.* К вопросу о прагматических ошибках в речевом акте просьбы на иностранном языке // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 4 (21). С. 95–98.
- Палеева Е.В.* Способы вербализации концепта ДЕНЬГИ средствами английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 18 с.

Раздел 3

Пегов С.В. Формирование неологизмов как способ терминообразования в терминосистеме атомной энергетики // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. № 3 (24). С. 67–72.

Перфильева Н.Ю. Специфика вербализации концепта ПОГОДА средствами русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 16 с.

Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование): автореф. дис. канд. филол. наук. Курск, 2006. 21 с.

Сороколетова А.В. Роль эмоционально-чувственного образа в формировании структуры значения иноязычного слова в лексиконе младшего школьника // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика, 2013. № 4. С. 37–44.

Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 19 с.

Толмачёва И.А. Термин в сознании полилингва (экспериментальное исследование на материале бирманского, английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 18 с.

Толмачёва И.А. Особенности многоязычия иностранных студентов // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика, 2013. № 4. С. 71–76.

Федосюткина Н.С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. 22 с.

Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. New York: Avon Books, 1995. 313 p.

3.3. Моделирование ментального лексикона в условиях билингвизма

И.А. Баринова, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева
Пермь

Психолингвистические исследования в Перми соответствуют Щербовской лингвистической традиции, поскольку в Перми работают ученики Леонида Владимировича Сахарного и Аллы Соломоновны Штерн. В последние годы исследования психолингвистов Прикамья объединяет интерес к проблемам билингвизма и двуязычия, а также к организации ментального лексикона и ее трансформации при билингвизме. Внимание к двуязычию обусловлено спецификой региона, в котором соседствуют типологически различные языки, принадлежащие разным языковым семьям, а среди жителей распространен национально-русский билингвизм. В аспекте учебного двуязычия исследуется восприятие речи на родном и изучаемом языках; с позиций естественного билингвизма рассматриваются особенности осознания значения русского слова носителями иных языков, распространенных в регионе.

Исследования пермских психолингвистов отличает приверженность полевым записям, экспериментальным методам и оценке статистической достоверности полученных результатов. Организация ментального лексикона анализируется на основе данных ассоциативных экспериментов разных типов и речевых сбоев. Для выявления типа билингвизма, степени сформированности иноязычной компетенции, меры межъязыковой интерференции применяются не только экспериментальные методы, но и слуховой анализ и методы корпусной лингвистики. Записи и обработанные экспериментальные данные обладают самостоятельной ценностью, поскольку могут быть использованы для решения новых исследовательских задач. Среди наиболее важных прикладных результатов, полученных психолингвистами Прикамья, стоит выделить:

- ассоциативные словари младших школьников (см. обзор: [Еленевская, Овчинникова 2016]);

- звучащие хрестоматии спонтанной речи и русской речи билингвов [Русская спонтанная речь... 2007, 2010, 2012, 2014];
- практикум по аудированию английской речи [Практикум... 2005].

С начала 2000-х годов работает Социопсихолингвистическая Школа для молодых исследователей и выходит сборник научных статей «Проблемы социопсихолингвистики», в 2013 г. учрежден научный электронный журнал «Социо- и психолингвистические исследования».

Обсудим наиболее актуальные результаты изучения ментального лексикона на фоне отечественных и зарубежных подходов к моделированию ментальной репрезентации языка.

О моделировании ментального лексикона

Современные модели ментальной репрезентации языка различаются не только отношением к противопоставлению лексикона и грамматики, но и ориентацией на порождение или восприятие речи, а также совместимостью с языками различного строя. Хотя психические и нейрофизиологические механизмы обеспечения речевой деятельности едины, процедуры существенно варьируют в зависимости от типа языка [Ваауен 2014]. В силу этого валидное для языков разных типов описание ментального лексикона в виде единой модели вряд ли возможно. Актуальные модели ментальной репрезентации языка группируются в четыре класса [Ваауен 2014]):

- односистемные модели, не разделяющие лексикон и грамматику;
- двусистемные модели, отграничивающие лексикон как инвентарь единиц от грамматических правил;
- гибридные модели, допускающие хранение в семантической памяти и целостной словоформы, и ее элементов, что предполагает использование правил соединения морфем при порождении словоформы;
- модели без ментального лексикона.

Большая часть исследований ментального лексикона пермскими психолингвистами соотносится с гибридными моделями, ориентированными на восприятие речи.

Гибридные модели предполагают как гештальтное хранение словоформ, так и разложение словоформ на морфемы; по крайней мере, продуктивные аффиксы могут храниться как самостоятельные единицы и, соответственно, выступать как оперативные единицы при планировании высказывания. В таком случае хранение единиц и оперирование ими происходит благодаря трем уровням репрезентации: представление о морфемах, представление о целостной словоформе, представление о лемме. Словоформа извлекается из ментального лексикона как гештальт, хотя возможно ее поэлементное извлечение по ходу речевой деятельности. Лемму трактуют по-разному, однако все трактовки объединяет отнесенность леммы к семантике; лемма опосредует переход от звукового или графического облика словоформы к семантической сети. Лемма представляет общее значение лексемы, таким образом обеспечивая доступ к единицам семантической сети.

Актуальные модели ментального лексикона, наряду с обобщением результатов экспериментов по стандартизованным методикам, зачастую явно или неявно опираются на положения ранней психолингвистики. Возможность двойственного осознания производного слова (и его словоформ) как целиком, так и на основе поэлементного анализа доказана Л.В. Сахарным [Сахарный 1985]. Если словоформа представляет единицу хранения практически во всех моделях ментального лексикона, то в процессе поиска доступа к ней возможно оперирование иными единицами: морфемами при восприятии и леммами при порождении речи. Единица хранения может не совпадать с оперативной единицей – той, которой оперирует говорящий / слушающий (об оперативных единицах см: [Штерн 1992]).

По сложившейся в российской психолингвистике традиции ментальный лексикон представляют как ассоциативно-вербальную сеть [Караулов 1999], как «динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между

процессом переработки и упорядочивания речевого опыта и его продуктами» [Залевская 1999: 154]. В таком случае единицей хранения в ментальном лексиконе могут выступать языковые единицы. Исходя из определения А.А. Залевской, ментальный лексикон можно изучать в когнитивном, функциональном и динамическом аспектах.

Ментальный лексикон в когнитивном аспекте

Организация ментального лексикона, обеспечивающая его функционирование в речевой деятельности, представлена в графовой модели [Доценко, Лещенко 2013; 2014], описывающей взаимодействие словоформ, лемм и концептов в единой сети. Модель ментального лексикона построена на трех основополагающих принципах: (1) ассоциативном, представляющем ментальный лексикон как ассоциативно-вербальное образование; (2) вероятностном, представляющем лексикон как вероятностную организацию его единиц, и (3) сетевом, согласно которому упорядочивание и объединение единиц ментального лексикона происходит в пределах сложной системы разнонаправленных и разнотипных ассоциативных связей, визуализированных в виде взвешенного ориентированного графа. Граф, реконструируемый по материалам различных ассоциативных экспериментов с носителями языка или инофонами, представляет собой аналог всей ассоциативно-вербальной сети (АВС); его узлами являются ментальные репрезентации словоформ с межузловыми связями (дугами/ребрами), которые демонстрируют способы взаимодействия узлов между собой в целостной структуре АВС.

В ходе анализа графовой модели Т.И. Доценко и Ю.Е. Лещенко изучают свойства как изолированных узлов сети, так и относительно целостных сетевых подструктур: кластеров узлов и отдельных подсетей, которые рассматриваются как базовые структурные единицы. Характеристика этих базовых структурных единиц, их типология и функциональная активность во многом определяются спецификой ассоциативных связей: их типом, направлением и силой.

Относительно устойчивые подсети имеют разные функции и активируются при решении разных задач. Особую роль среди устойчивых подсетей играют те, что устроены на основе семантического сходства. Данные подсети являются когнитивными аналогами семантических полей. Изучение семантических подсетей в ментальном лексиконе показывает, с одной стороны, их устойчивость (сохранение ядра при обращении к разным группам испытуемых и к разным методам исследования), с другой стороны, вариативность в зависимости от социальных характеристик информантов [Белоусов, Ерофеева 2015; Belousov et al. 2015]. Семантические подсети служат основой формирования социальных стереотипов, идентичностей и ценностей [Ерофеева 2014а, 2014б].

Ментальный лексикон в функциональном аспекте

Исследование ментального лексикона в функциональном аспекте дает возможность говорить о его дифференциации на функциональные сублексиконы в зависимости от разных видов речевой деятельности: перцептивный, активный [Доценко, Пересторонина 2016], актуальный иноязычный сублексикон [Доценко, Лещенко 2016].

Современные модели ментального лексикона билингва основаны на представлении о единстве сети, в которой формируются новые узлы доступа к уровню лемм и концептов [Барина, Нестерова 2016]. Освоение нового языка происходит при активном участии родного и всех ранее освоенных языков. В экспериментальных исследованиях [Доценко, Лещенко 2014; Доценко, Лещенко, Остапенко 2015] было выявлено, что структура полилингвального ментального лексикона искусственных билингов и «комбинированных» трилингов характеризуется межязыковыми разнокодowymi и внутриязыковыми однокодowymi структурами. Первые отвечают за процессы взаимодействия и взаимовлияния разных языков в единой сети. Вторые обуславливают разграничение и относительную независимость вербальных репрезентаций разных языков в лексиконе.

Такая организация полилингвального лексикона позволяет индивиду не смешивать языки между собой коммуникативных ситуациях и осуществлять быстрый переход между языками, свободно переключаясь с одного на другой. И в том, и другом случае единицы ментального лексикона становятся функционально активными.

Ментальный лексикон в динамическом аспекте

Исследование ментального лексикона в динамическом аспекте строится на материалах лонгитюдных ассоциативных экспериментов, а также на сопоставлении структуры ассоциативных связей в ментальном лексиконе детей и взрослых.

Разработке структурно-динамической модели становления полилингвального ментального лексикона, формирующегося в учебной ситуации изучения английского языка, посвящены работы [Баринаова, Нестерова 2015; Доценко, Лещенко, Остапенко 2015; Доценко, Пересторонина 2016]. Динамический характер разрабатываемой модели проявляется в ее способности к самоорганизации и непрерывному изменению на каждом этапе освоения иностранного языка: на стадии первичного становления иноязычного сублексикона и на стадии его наращивания.

Стадию первичного становления иноязычного сублексикона в формирующемся билингвальном лексиконе взрослого характеризует ярко выраженное стремление «русифицировать» иноязычное слово и разместить его в системе родного языка. Этот процесс наблюдается в подсистеме межъязыковых связей. На стадии первичного становления иноязычного сублексикона межъязыковые связи формируются, во-первых, на основе фонетико-графического сходства между экспонентами слов иностранного языка и родного (*girl* – *гурлянды, гриль; nice* – *низ, нос; every* – *вера, врун*); и, во-вторых, на основе разнообразных семантических связей слова родного языка, эквивалентного иноязычному (*nice* – *приятный; girl* – *красивая, маленькая*). Наличие незначительного количества собственно иноязычных связей, обычно дублирующих соответствующие межъязыковые связи (ср.: *girl* – *little* и *girl* – *маленькая*), указывает на зарождение процесса конкуренции между лексическими системами двух языков. Вероятно, межъязыковые связи на основе сходства экспонентов словоформ отступают по мере формирования перцептивных эталонов изучаемого языка, в результате чего звуковой облик иноязычного слова больше не ассоциируется со звуковой системой родного языка¹. Стадия наращивания иноязычного сублексикона характеризуется тем, что в его структуре активируются внутриязыковые фонетико-графические связи (*funny* – *full, happy* – *puppy*), увеличивается количество параллельных связей, свойственных одновременно обоим языкам, часть из которых актуализируется только на иностранном языке (*girl* – *boy, happy* – *sad, happy* – *birthday*).

Возникновение иноязычных двунаправленных связей указывает на усиление их «конкурентоспособности» и формирование ядра иноязычного сублексикона. В результате «окрепшая» иноязычная подсистема начинает активно «выталкивать» межъязыковые связи на периферию и наращивает свой потенциал за счет новых внутриязыковых связей, в которых закрепляются знания об иноязычном слове. Таким образом, при наращивании иноязычного сублексикона постепенно происходит блокирование/отторжение семантических путей в родной язык, и усилия индивида оказываются сфокусированными непосредственно на системе изучаемого языка, его соотношения с леммами и концептами. Представленные на уровне концепта знания подвержены воздействию разнообразного многоязычного когнитивного и коммуникативного опыта билингва, что приводит к изменению соотношений признаков, описывающих лемму, даже при сбалансированном билингвизме [Еленевская, Овчинникова 2015].

¹ Перцептивные эталоны обсуждаются в следующем пункте.

Взаимодействие языков в сознании билингва анализируют на материале оговорок и ошибок – отрицательного языкового материала, приоткрывающего механизмы лексического выбора, распознавания словоформ в речи, языковой рефлексии. Сбои в работе парадигматического механизма речевой деятельности обнажены в неверном выборе леммы или словоформы [Овчинникова, Павлова 2016]; сбои синтагматического механизма приводят к ошибкам комбинирования словоформ в синтаксической конструкции [Барина, Овчинникова 2015]. Если парадигматические сбои указывают на дефект активации узла в сети, то синтагматические обусловлены медленным затуханием уже активированных связей, по этой причине активированная единица выступает в качестве прайма для последующих [Овчинникова 2018].

*Ментальный лексикон vs перцептивная база языка:
теоретические и прикладные аспекты*

Представленность в ментальном лексиконе морфем, целостных словоформ и лемм на разных его уровнях в рамках гибридной модели предполагает возможность оценивать надежность распознавания словоформы, исходя из грамматических признаков, а также сегментных и супraseгментных фонетических характеристик. Более того, вариативность звукового облика словоформы в речевом потоке предполагает наличие такого механизма восприятия речи, который позволил бы соотнести изменчивый акустический сигнал с перцептивным эталоном языковой единицы, хранимым в сознании и связанным с уровнем лемм. Работа этого механизма опирается на вероятностное прогнозирование последующего сигнала речевой цепи на основе различных признаков, описанных А.С. Штерн [Штерн 1992]. В сущности, исследование восприятия речи в таком аспекте представляет собой анализ механизмов доступа к единицам ментального лексикона.

Особую важность данный аспект изучения восприятия речи имеет для овладения иностранными языками, поскольку освоение нового языка начинается с формирования его перцептивной базы для распознавания единиц в речевом потоке, вычленения словоформ и определения границ законченного высказывания.

В контексте продолжающейся дискуссии о построении единой комплексной модели восприятия речи новую значимость приобретает системное представление о перцептивной базе языка [Джапаридзе 1985] в его расширительной трактовке, предложенной А.С. Штерн [Мурзин, Штерн 1991], при которой система перцептивных эталонов включает единицы разных уровней: фонетического, лексического, синтаксического [цит. раб.]. Перцептивные эталоны, объединенные в перцептивную базу языка, соотносятся с единицами ментального лексикона: перцептивные эталоны лексического уровня представляют собой единицу доступа к уровню словоформ, соотнесенных с леммами, а тем самым – с семантическими репрезентациями. Актуальной задачей остается моделирование перцептивной базы языка как иерархической вероятностно организованной структуры многомерных матриц языковых единиц разных уровней, пронизанных множественными перекрещивающимися перцептивно значимыми лингвистическими признаками. Характеризуя форму языковых единиц, комплекс признаков опосредует доступ к перцептивному эталону и проникновение на семантический уровень.

В памяти носителя языка хранятся эталоны акустического слова (звукового облика) и основных синтаксических интонационно оформленных конструкций, соответствующих предложению. Комплекс лингвистических признаков характеризует план выражения языковых единиц и благодаря этому опосредует доступ к перцептивному эталону, соотнесенному с планом содержания, то есть с семантикой.

Механизмы восприятия иноязычного слова при учебном двуязычии исследовались на материале распознавания и понимания английской речи британцами, американцами и русскими аудиторам, осваивающими английский как иностранный. Материалом для исследо-

вания послужили программы английских словоформ (одно-, дву- трехсложные и длинные, т.е. 4-х и более сложные), сбалансированные по основным лингвистическим признакам; сбалансированные программы предложений, а также экспериментальные тексты. Экспериментальный материал был сформирован на основе лингвостатистического анализа Британского Национального корпуса (British National Corpus) (БНК) и Американского Национального корпуса (American National Corpus) (АНК). Проведен слуховой и аудиторский анализ записей звучащей речи (более 9,5 часов звучания). Общий объем обработанного экспериментального материала составил более 100 000 реакций.

Наиболее важными результатами исследований считаем:

- лингвостатистическое описание и выявление основных перцептивных типов английского слова (британский вариант) (более 10 тыс. единиц словоформ БНК) [Чугаева, Байбунова, Мякотникова 2015];
- лингвостатистическое описание ядерных типов английского слова (американский вариант) (более 2 тыс. единиц словоформ АНК) [Мякотникова 2014б], что может служить основанием для построения перцептивной классификации слов английского языка с учетом двух вариантов английского, описание их сходства и различия [Мякотникова 2014а; Чугаева, Байбунова, Мякотникова 2017];
- создание и практическую апробацию методики выявления механизмов восприятия речи носителями разных вариантов английского языка (британцев и американцев) и сопоставление аутентичных механизмов восприятия с механизмами восприятия русскоязычных, изучающих английский язык [Байбунова, Мякотникова, Чугаева 2016];
- обоснование автономности механизма восприятия предложения, описание и сопоставление стратегий опознания английского предложения носителями языка и русскоязычными аудиторами, и как следствие, необходимость целенаправленного формирования эталонов синтаксических единиц перцептивной базы языка наряду с формированием эталонов слов [Порческу 2014].

Следуя щербовскому принципу единства исследования и преподавания, Т.Н. Чугаева и ее ученики на основе полученных результатов разработали методику качественной и количественной диагностики перцептивных умений изучающих язык, что обеспечивает надежную лингвистическую основу целенаправленного обучения аудированию для разных вариантов английского языка.

Предложенное исследовательским коллективом оригинальное лингводидактическое направление особенно актуально в аспекте акмеологии, приобретающей все большее значение [Залевская 1996; Румянцева 2004]. В стремительно меняющихся российских условиях владение иностранным языком на высоком уровне рассматривается как неотъемлемая часть профессиональной компетенции специалиста [Ворожцова 2000], что предполагает сформированность умений понимать аутентичную речь. Особенно важным представляется эффективное системное формирование разных уровней перцептивной базы иностранного языка. Практическая апробация созданной на основе полученных экспериментальных данных методической системы обучения аудированию, а также метод качественной и количественной диагностики перцептивных умений на разных этапах овладения иностранным языком доказали свою эффективность.

Моделирование ментальной репрезентации языка оказывается одновременно и целью научного анализа речевой деятельности, и средством для обоснования прикладных разработок в области обучения языкам. Модели, базирующиеся на установлении связи между системными явлениями языка и скрытой от непосредственного наблюдения системностью речевой деятельности [Бондарко 1998], позволяют не только объяснить, как мы храним языки в сознании и используем в коммуникации, но и усовершенствовать методологию обучения языкам [Леонтьев 1988, Grosjean 2008].

Литература

Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю., Чугаева Т.Н. Особенности перцептивного строя английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология / 2016. № 1 (33). С. 36–52.

Барينو́ва И.А., Нестерова О.А. О некоторых особенностях языковой личности билингва // Филологические науки. Вопросы теории и практики; Грамота. 2015. № 4-1(46). С. 26–29.

Барино́ва И.А., Нестерова Н.М. О возможности моделирования переводческого билингвизма // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 5. С. 73–77.

Барино́ва И.А., Овчинникова И.Г. Переводческие ошибки: коммуникативные vs когнитивные // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2(16). С. 93–100.

Белосов К.И., Ерофеева Е.В. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. 2015. № 3(53). С.80–90.

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб.: СПбГУ, 1998. 275 с.

Ворожцова И.Б. Личностно-деятельностная модель обучения иностранному языку. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. 87 с.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва // Труды СПИИРАН. СПб.: СПИИРАН, 2013. Вып. 2(25). С. 371–382 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mathnet.ru/php/archive>] (дата обращения: 22.10.2017)

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Кластеры двуязычной ассоциативно-вербальной сети как модельный аналог ментальных репрезентаций // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты. СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2014. С.39–49.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Актуальный иноязычный лексикон монолингвов и билингвов // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: «Истоки», 2016. Вып.3. С. 49–58.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е., Остапенко Т.С. Динамика межъязыковых взаимодействий в ментальном лексиконе естественных билингвов (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография / Г.Б. Асавбаева, С.А. Бейсханова, Д.Д. Джантасова и др. Новосибирск: ЦРНС, 2015. С. 49–69.

Доценко Т.И., Пересторонина Д.В. Активный иноязычный лексикон детей дошкольного возраста в ситуации учебной игры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 66–75.

Джанапидзе З.Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 117 с

Еленевская М.Н., Овчинникова И.Г. Русскоязычные ассоциации израильтян как отражение изменений в языке и культуре // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 226–241.

Еленевская М.Н., Овчинникова И.Г. Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 69–92.

Ерофеева Е.В. Моделирование социальных ценностей через анализ актуального лексикона // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты. СПб.: Университетские образовательные округа, 2014а. С. 12–26.

Ерофеева Е.В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь: Перм. гос. нац.исслед.ун-т, 2014б. Вып. 2. С. 90–102.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Тверской государственный университет, 1996. 56 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 1999. 382 с.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.

Леонтьев А.А. Преподавание иностранных языков в школе: Мнение о путях перестройки. Иностранные языки в школе. 1988. № 4. С. 19–21.

Исследования ментального лексикона

Леценко Ю.Е., Доценко Т.И. Влияние профессиональной двуязычной компетенции на взаимодействие языков в ментальном лексиконе студента-филолога // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. Вып. 4. С. 74–81.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 169 с.

Мякотникова С.Ю. Сходства и различия фонетических типов слова в британском и американском вариантах английского языка (на материале корпусов АНК и БНК) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014а. № 3. С. 77–86.

Мякотникова С.Ю. Фонетические типы американского слова (на материале АНК) // Современные проблемы науки и образования. № 4, 2014б. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14177> (дата обращения: 14.12.2014).

Овчинникова И.Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 84–98.

Овчинникова И.Г., Павлова А.В. Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 302 с.

Порческу Г.В. Английское предложение в аспекте восприятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 93–98.

Практикум по аудированию английской речи: Listening Challenge. Пермь, ПГУ, 2005 / А.Thacker, О.В.Байбурова, О.В.Ощепкова, А.В.Новиков; под общ. ред. Т.Н. Чугаевой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 152 с. (+ CD).

Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: Перс Сэ, 2004. 319 с.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Н.В. Боронникова, Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Е.В. Овчинникова, И.А. Углонова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 72 с. (+CD).

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Н.В. Боронникова, Е.В. Ерофеева, К.В. Пунько, Д.Ш. Тимганова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. 100 с. (+CD).

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Ю.Э. Автухович, Г.А. Ахатова, Н.В. Боронникова, М.В. Гаранович, Е.В. Ерофеева, И.В. Кустова, Е.В. Овчинникова, Е.В. Пепеляева, Д.Ш. Тимганова, Е.С. Худякова; Пермь: Перм. гос. ун-т, 2012. 124 с. (+ CD).

Русская спонтанная речь коми-пермяков: Национальные традиции: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; В.Ю. Березина, Н.В. Боронникова, Е.В. Ерофеева, Е.В. Овчинникова, Е.В. Пепеляева, М.А. Томилина, Е.С. Худякова; Пермь: Перм. гос. ун-т, 2014. 112 с. (+CD).

Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л.: ЛГУ, 1985. 92 с.

Чугаева Т.Н., Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю. К вопросу о соотношении перцептивных баз английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. Вып. 1. №3. С. 111–123.

Чугаева Т.Н., Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю. К проблеме фонетических различий американского и британского произношения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71) ч.1. С. 123 – 126.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 207 с.

Vaayen R.H. Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation // Handbook of derivational morphology. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 95–117.

Belousov K.I., Erofeeva E.V., Erofeeva T.I., Zelyanskaya N.L., Leshchenko Y.E. University Teachers of Linguistics and Self-image of their Profession // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015, Vol. 214, p. 667–676.

Grosjean F. Studying Bilinguals. Oxford: Oxford University Press, 2008. 314 pp.

3.4. Группа слов-цветонаименований как объект психолингвистического изучения

А.П. Василевич
Москва

Многообразие цветов, которое воспринимается зрительной системой человека, принято называть «цветовым пространством». По некоторым данным человеческий глаз способен различить в нем до 2 млн. оттенков цвета, хотя в природе их гораздо больше. Однако на практике эти, в общем-то, немалые физиологические возможности глаза остаются по существу не востребуемыми. Восприятие человеком цветового пространства устроено так, что непрерывный континуум цвета делится на категории, объединяющие определенное число близких цветовых оттенков, и каждой такой категории соответствует одно или несколько слов – имен цвета.

Группа слов-цветообозначений беспрецедентно популярна у специалистов самых разных областей знаний – психологов и филологов, психо- и этнолингвистов, этнографов и антропологов, историков и даже физиологов. Число ежегодных публикаций по перечисленным направлениям исчисляется сотнями; особый их всплеск пришелся на 70–80-е года прошлого века.

Чем же объясняется неослабевающее внимание к этой относительно небольшой и специфической группе слов? Попробуем ответить на этот вопрос.

Начнем с того, что изучение процессов отражения цветовых ощущений в языке – естественное следствие значимости цветового зрения, которое, в свою очередь, рассматривается разными науками о человеке. Но, разумеется, внимание к этой лексической группе со стороны лингвистов вызвано и другими, более специфическими причинами.

Как писала Р.М. Фрумкина, интересно описывать те лексические группы, которые представимы как системы [Фрумкина 1984: 18]. При достаточно строгом подходе к определению самого понятия «системно организованное множество объектов» по-настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики. Типичным примером такого множества являются, например, термины родства. К числу подобных множеств относят и систему цветообозначений.

В настоящем разделе приводится обзор работ, выполненных в данной области представителями школы Фрумкиной-Василевича в период с 1981 по 2010 гг. Полный их список (более 50 публикаций) дается в конце раздела. Как видно из прилагаемого списка наших публикаций, за многие работы в этой области мы так или иначе затронули множество тем, но в данном обзоре хотелось бы остановиться на пяти основных направлениях: 1) теория возникновения и развития системы цветообозначений; 2) описание систем цветонаименований конкретных языков; 3) сопоставление цветонаименований разных языков; 4) использование цветонаименований как материала для решения различных исследовательских задач; 5) прикладные аспекты.

Практически все работы нашего цикла исследований носили экспериментальный характер, и проблемы методики всегда оставались для нас центральными. В большинстве случаев мы либо модифицировали методы, предложенные до нас, либо предлагали собственные решения. Некоторые наши работы были специально посвящены разработке того или иного методического подхода или приема. При этом мы старались описывать применяемые процедуры так, чтобы их можно было легко воспроизвести.

Теория возникновения и развития системы цветообозначений

Одной из самых интересных общетеоретических проблем является история возникновения и развития системы цветонаименований.

Наиболее распространена в литературе следующая точка зрения на последовательность этапов развития цветовой лексики [Василевич 2016] Вначале цвет передается опосредованно, путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (*белый*), «как сажа» (*черный*), «как кровь» (*красный*) и т.д.

Затем появляются абстрактные слова специально для обозначения цвета (*белый, черный, красный*). Некоторые из них впоследствии обретают статус «основных цветоименований», т.е. становятся названиями основных категорий, на которые делится цветовое пространство в данной культурно-языковой общности людей. Язык осваивает полный арсенал основных цветоименований, причем этот процесс занимает немалое время и подчинен строго определенным универсальным закономерностям (ниже мы обратимся к теории Берлина-Кея о семи стадиях развития).

Параллельно с процессом развития основных терминов в языке появляются слова, передающие *оттенки цвета*. Число этих слов напрямую связано с уровнем цивилизованности общества. Некоторые бесписьменные языки современных туземцев до сих пор содержат не более десятка-двух терминов цвета. Источники появления новых слов могут быть разными.

- Использование названий окружающих предметов и объектов природы с характерной окраской (вместо первоначального «как молоко», «как пепел» появляются обычные речевые формы *молочный, пепельный, кровавый*). Некоторые слова постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь и начинают восприниматься как абстрактные (ср. русск. *коричневый, малиновый, сиреневый, болотный*). Возникает модель «цвета...» (*цвета слоновой кости, цвета мха*), и ее эмоционально отмеченные разновидности (особенно в художественной литературе – *цвета давленной земляники, цвета мокрого асфальта*).

- Заимствования. Процесс обогащения языка за счет иноязычных заимствований протекает не хаотично, а «волнами». Так, известно, что французский язык XVII в. «снабдил» многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета; еще одна «французская экспансия» в русский язык произошла в конце XIX в. в связи с влиянием французской моды; русская лексика цвета испытывала также влияние торговли с Востоком (арабские и тюркские заимствования – масти лошадей и слова типа *алый*) с одной стороны, и Петровских реформ (внедрение европейского красильного производства) – с другой и т.д.

- Развитие собственного арсенала лексико-морфологических средств (ср. русск. двусоставные слова типа *багрово-красный, небесно-голубой* и специальные приставочные слова для передачи оттенков *темно-красный, бледно-зеленый, интенсивно-розовый*).

- Развитие у терминов цвета новой смысловой функции – рекламной. Она появилась в начале XX в., а в конце века становится важнейшей. Все чаще возникает потребность не столько назвать точный цветовой оттенок данного предмета, сколько привлечь к нему внимание. Воплощается это двумя способами. С одной стороны, бурно развиваются лексические сочетания типа «агрессивный красный», «монастырский белый», «лиловый шик», «сиреневая элегия». С другой стороны, все большее распространение получают сочетания, связанные с собственно цветом лишь чисто ассоциативно («Багамы», «восточный сад», «поляна Куинджи»).

В истории происхождения имен цвета (далее – ИЦ) в разных языках были обнаружены универсальные закономерности. Центральной публикацией здесь считается работа Берлина и Кея [Berlin, Kay 1969]. Авторы привлекли для своего сопоставительного исследования десятки языков, однако всякий раз ограничивались только группой «основных цветоименований» (basic colour terms). При этом попадание слов в эту группу было жестко регламентировано: слово должно быть простым (исключаются слова типа *сине-зеленый* или *ярко-красный*); значение слова не должно быть уже значения другого ИЦ, указывающего на какой-либо близкий оттенок (например, *малиновый* или англ. *crimson* не годятся на том основании, что они являются оттенками красного и в этом смысле как бы «включены» в

‘красный’ по значению) и т.д. Кстати, по нашим данным в ассоциативном эксперименте, когда ии. просят перечислить известные им цвета, основные ИЦ неизменно появляются в начале списка [Василевич 1981а; 1982б].

Каждое основное цветоименование образует свою категорию, объединяющую группу ИЦ соответствующих оттенков («оттенки красного», «оттенки синего» и т.д.). Число категорий строго ограничено, и что самое поразительное, одно и то же для всех индоевропейских языков – 11. Более того, универсален и состав категорий: семь цветов радуги («красный», «розовый», «оранжевый», «желтый», «зеленый», «синий», «фиолетовый»; три ахроматических – «белый», «черный», «серый» и стоящий несколько особняком «коричневый». Лишь в русском и некоторых других языках существует дополнительная категория «голубой».²

Принципиально важен еще один результат исследования Берлина и Кея: последовательность появления цветовых категорий в языке также универсальна. В любом языке первыми всегда появляются два основных ИЦ – слова, указывающие на белый и черный цвета («белыми» называют любые светлые оттенки, «черным» – все темные). По Берлину-Кею – это самая «низшая», первая стадия развития цветовой лексики. Психологи объясняют первичность бинарной оппозиции белого и черного в постоянной смене дневного света и ночной тьмы. Соответственно, свет ассоциировался с активной деятельностью и солнечным теплом, а мрак ночи – с пассивностью, холодом и таинственностью. И поныне в большинстве культур белизна имеет устойчивую положительную коннотацию, а черный цвет – отрицательную.

На стадии II к двум цветам добавляется третий – и это всегда слово, обозначающее красный цвет. Многие авторы указывают на красный цвет крови и огня как олицетворение живого, активного начала в человеческой жизни

На стадиях III–V добавляется каждый раз по одному слову из трех – «синий», «зеленый», «желтый».³ Востребованность этих слов обусловлена, прежде всего, с преобладанием соответствующих цветов в окружающем природном мире.

Седьмым словом (стадия VI) всегда бывает «коричневый», а на высшей стадии VII появляются сразу четыре – «розовый», «оранжевый», «фиолетовый» и «серый».

Авторы приводят реальные примеры языков примитивных народов, иллюстрирующие каждую из стадий развития системы ИЦ. Все индоевропейские языки находятся, естественно, на высшей стадии развития, где представлены все 11 категорий ИЦ. Косвенным подтверждением этого факта является наш эксперимент по методу свободной классификации, в котором ии. давалось множество ИЦ (в более 100 русских слов-цветоименований) и они должны были распределить их на группы – так, чтобы в одной группе оказались близкие по смыслу ИЦ. За редким исключением все ии. группировали слова по 12 названным выше категориям [Василевич 1987].

Подобные эксперименты можно смело отнести к более широкой области исследований, связанной с известной теорией лингвистической относительности, где категоризация действительности является основным «полем» сопоставления языков.

В этой связи уместно упомянуть еще один наш эксперимент [Василевич, Кулибали 1985: 75–78]. Группа ии. из Мали выполняла упомянутый выше эксперимент по свободной классификации 45 ИЦ своего родного языка (бамана). По итогам опроса было выделено всего 7 групп. Затем им же был предложен набор русских ИЦ с тем же заданием (малийцы владели русским языком в достаточной степени, чтобы понимать значение предъявленных им рус-

² Об особом значении ИЦ «голубой» для русского языка см.: [Василевич 2005а; 2006; Василевич, Михайлова 2003; 2004].

³ Здесь порядок может варьировать, однако почти всегда в языке появляется слово, означающее одновременно «синий» и «зеленый» и только с течением времени за ним закрепляется одно из этих значений, а для другого находится новое слово.

ских ИЦ). В итоге были выделены все те же 7 категорий (вместо 12 категорий, обычно выделяемых носителями русского языка). Условно можно считать, что язык бамана находится примерно на V или VI стадии развития системы ИЦ.

Принимая в целом описанный выше «стадиальный» подход к развитию лексики цветообозначений, мы не понимаем, почему рассматривается только направление эволюции назад, «в прошлое». Ведь все языки, в том числе и индоевропейские, продолжают развиваться, и вслед за VII стадией, возможно, придет VIII стадия развития. Чем она будет характеризоваться?

Заметим, что все четыре категории, появившиеся на VII стадии («розовый», «оранжевый», «фиолетовый» и «серый»), в определенной мере не являются «самостоятельными»; они либо выражают светлые оттенки сформированных основных цветов (розовый, серый), либо получены смешением двух основных цветов (оранжевый = красный + желтый; фиолетовый = красный + синий). Но аналогичным образом к числу «основных» могут в дальнейшем присоединиться и другие сочетания.

Для русского языка наиболее вероятными кандидатами такого рода могут быть светлые варианты основных цветов: *салатовый* (зеленый), *бежевый* (коричневый), *сиреневый* (фиолетовый), а также смешанные цвета, например, *бирюзовый* (зеленый + голубой) или *малиновый* (красный + фиолетовый). Об этом говорят данные об употребительности этих слов [Василевич 1981a] и результаты эксперимента, в котором носители русского языка оперировали этими словами примерно так же, как со словами «красный», «синий» и т.д. Более того, мы предложили способ численно оценивать вероятность перехода различных ИЦ в разряд основных цветонименований. Так, слова *салатовый*, *бежевый*, *бордовый*, *сиреневый*, *малиновый*, *бирюзовый* получили индексы в интервале от 30 до 50, в то время, как индекс таких слов, как *янтарный*, *кремовый*, *багровый*, *лазурный*, *оливковый*, *рыжий* и т.д. не превышает величины 5 [Василевич 2004: 38].

Описание систем цветоименований конкретных языков

Любое лексико-семантическое исследование не может быть успешным, если мы не располагаем достаточно представительным лексическим материалом. При описании системы ИЦ *русского языка* мы использовали три основных источника: словари, анализ текстов художественной и специальной литературы, а также опрос носителей языка. Результаты обобщены в трех монографиях [Василевич 1981a; Василевич, Мищенко, Кузнецова 2002; 2005]. Представленные там списки включают более 2 тысяч ИЦ. Заметим, что только чуть более 100 из них зафиксированы в толковых словарях современного русского языка.

Наиболее ценную информацию по ИЦ удалось получить путем проведения серии психолингвистических экспериментов, обращаясь непосредственно к носителям русского языка. Технология такого опроса была подробно описана в монографии [Василевич 1987]. Ее суть вкратце такова. Испытуемым (далее – ии.) предлагалось представить себе разные ситуации («вы наблюдаете закат солнца», «вы стоите на берегу моря», «вы присутствуете на показе мод женского платья» и т.д.) и записать все названия оттенков цвета, которые придут им в голову в данной ситуации (метод свободных ассоциаций).

В среднем от каждого испытуемого поступало около 40 слов, так что, например, в русском эксперименте от 102 человек было получено более 4 тыс. ответов.⁴ Очень важно, что одновременно со словником мы получили в свое распоряжение данные об употребительности отдельных слов, что позволяет в дальнейшем оценивать их относительную психологическую значимость для данной группы информантов.

Аналогичная процедура применялась для получения набора ИЦ по целому ряду языков, в т.ч. таких редких, как амхарский (Эфиопия), бамана (Мали) и др. [Василевич, Кулибали

⁴ Для получения аналогичного по объему материала по текстам пришлось просмотреть тексты общим объемом более 2 млн словоупотреблений.

1985; Vasilevich 1988]. По понятным причинам полученные для иностранных языков данные не могли отличаться такой полнотой, какой отличались данные по русскому языку. Однако полученные результаты были вполне достаточными для проведения сопоставительного анализа языков, о чем мы поговорим ниже. Отметим также публикацию [Василевич 2007б], где под одной обложкой оказались 13 очерков по ИЦ древних и современных языков индоевропейской семьи. Большое внимание там уделено этимологическим связям – достаточно сказать, что в ходе обсуждения в работах так или иначе упоминаются более 140 языков.

Сложнее было выполнить следующую задачу: уточнить значение слов, попавших в список цветоименований. Данные толковых словарей оказались здесь совершенно не состоятельными. Во-первых, как мы уже отметили, словари содержат далеко не все актуальные слова языка. Во-вторых, толкования порой бывают крайне неинформативными (скажем, в словаре Ожегова совершенно одинаково («темно-красный») толкуются слова *бордовый*, *багряный*, *вишневый*, *гранатовый*, *пурпурный*, хотя их вряд ли можно считать абсолютными синонимами. Наконец, в-третьих, толкования всегда субъективны, и потому могут быть разными у разных авторов. Вот несколько примеров сравнения толкований слов в словарях Ожегова, Ушакова, Даля, и в двух академических словарях русского языка:

васильковый: ‘светло-синий’ Û ‘ярко-синий’ Û ‘ярко-голубой’;

кирпичный: ‘желтовато-красный’ Û ‘коричневато-красный’;

бежевый: ‘светло-коричневый’ Û ‘светло-коричневый с кремовым оттенком’ Û ‘светло-коричневый с розовато-желтым оттенком’ Û ‘светло-коричневый с желтоватым или сероватым оттенком’;

кремовый: ‘светло-желтый’ Û ‘белый с желтоватым оттенком’ Û ‘белый с оранжевым оттенком’.

Итак, решалась задача уточнения значений ИЦ. Здесь в первую очередь речь шла, естественно, о денотативном значении. Его также целесообразно было исследовать в эксперименте с наивными носителями языка.

Надо признать, что ИЦ обладают большой денотативной неопределенностью. Это естественно: ведь мир цвета, наши цветоощущения непрерывны, а названия цвета – дискретны. Каждое из них «покрывает» целое поле цветоощущений. Совершенно очевидно, что для определения денотативного значения необходим какой-то стандартизированный метод представления денотатов. Для этой цели естественно воспользоваться множеством цветových образцов, или «выкрасок».

Этот подход убедительно отстаивается в работе [Василевич 1981б], а на практике впервые (хотя и с некоторыми методическими издержками) был применен на материале имен цвета в работе Леннеберга и Робертса [Lenneberg, Roberts 1956].

Колерный образец – общепринятый способ изображения цвета на непрозрачном материале типа бумаги или картона. Каждый цветообразец вызывает у носителя языка (все равно какого) достаточно определенные цветоощущения, хотя называть их они могут по-разному. Носитель языка, скорее всего, затруднится объяснить, что он понимает под словами *малиновый* или *багровый*, но он вполне в состоянии выбрать для этих слов наиболее подходящие оттенки красного цвета из предложенного набора цветообразцов или, что бывает чаще, некоторую область близких оттенков.

Сделаем естественное допущение: у разных носителей русского языка одно и то же слово вызывает примерно одно и то же цветовое ощущение, и тогда разные ии. поставят в соответствие одному слову примерно одну и ту же область оттенков (будем говорить, что это слово имеет для всех носителей «один и тот же смысл»). Если это так, то экспериментальная процедура определения денотативного значения становится довольно простой: рядовой носитель языка получает список слов и множество цветových образцов⁵ с заданием подобрать к каждому цветоименованию тот образец, который бы наилучшим образом соответство-

⁵ В наших экспериментах использованы образцы, взятые из таблиц Манселла [Munsell 1929].

вал его представлению о смысле данного слова. Технические детали процедуры (определение количества и формы представления цветообразцов, способы фиксации ответов, детали обработки данных и т.п.) подробно описаны в работе [Василевич 1982a].

Мы впервые предприняли попытку создать каталог названий цвета в русском языке, где значения слов не только описываются в виде традиционных толкований, но и соотносятся с цветовыми таблицами [Василевич 1983б]. Книга имеет следующую структуру.

Список 1. 100 наиболее употребительных цветоименований

Для всех слов списка приводятся толкования значений и образцы цвета. Для 12 основных названий цвета (*синий, красный и т.д.*) дается еще и краткая историко-этимологическая информация.

Список 2. Приставочные слова для выражения оттенков цвета

Полный список слов типа *ярко-, светло-*, и т.п., а также более 250 слов типа *агрессивный, элегантный, классический* и т.д., которые в последние годы активно используются в сочетаниях с названиями цвета.

Список 3. ИЦ, основанные на цвете предмета.

Слова списка разделены на две группы. В первой собраны названия предметов (*уголь, асфальт, чернила, кофе* и т.д., а во второй – словосочетания (*седой кирпич, давленная земляника, влажный торф...*). Всего в списке около 400 слов и словосочетаний.

Список 4. ИЦ, выполняющие экспрессивную функцию.

Более 300 слов, функция которых – не столько выразить оттенок цвета, сколько привлечь к нему внимание: *московское небо, изумруд Нефертити, влюбленная жаба, Аэлита* и т.п. Для части слов найдены конкретные цветовые соответствия (представлены на цветовых картах)

Список 5. Книжные и устаревшие слова

Более 300 слов и словосочетаний, встретившихся в текстах художественной литературы XII–XX вв.

Тематический список слов (тезаурус)

Слова списков 1–5, собранные по «гнездам» (*небо: небесный, небесно-голубой, ясное небо, северное небо; вино: винный, вино из одуванчиков, испанское вино, старое бургундское; Восток: загадка Востока, дыхание Востока, восход в восточных садах* и т.д.).

В *Приложении* даются 28 карт с образцами цвета, иллюстрирующими значение 650 слов.

Следует сказать, что книга [Василевич, Мищенко, Кузнецова 2002] вышла малым тиражом и вряд ли сейчас доступна. Отсылаем читателя к более поздней нашей монографии [Василевич, Мищенко, Кузнецова 2005–2016]. Эта монография выдержала уже три издания и практически полностью воспроизводит оригинал. Однако цветовые карты, иллюстрирующие значение ряда ИЦ, по техническим причинам в это издание не вошли.

В заключение отметим, что особую серию работ составили исследования отдельных русских цветоименований (*синий, голубой, пурпурный, бурый, коричневый, оранжевый* – их этимологию, особенности употребления и т.д. [Василевич 2005а; 2005б; 2006; 2007а; Василевич, Михайлова 2003; 2004; Василевич, Мищенко 2003б; 2006; Василевич, Мищенко, Кузнецова 2005–2016])

Сопоставление ИЦ разных языков

Сравнивая лексику двух языков, мы можем обнаружить, что в одном из них есть слово, для которого нет соответствующего лексического эквивалента в другом. Например, в европейских языках есть обобщающие слова типа *животное, птица, существо*; которых нет в некоторых других языках, однако нет слова, которое обобщало бы, например, фрукты и орехи, а такое слово есть в китайском.

Однако более существенно, что языки различаются тем, как в них осуществляется разграничение разных семантических сфер. Как раз цветовое пространство является наиболее

Раздел 3

популярной областью исследования в связи с этой проблемой. Они различаются по тому, какими способами делят они это пространство на категории. В некоторых языках отсутствует само слово, соответствующее понятию 'цвет', но нет ни одного языка, в котором отсутствовали бы слова, называющие конкретные оттенки цвета. В чукотском языке есть очень мало слов, обозначающих цвета, но есть 25 терминов, называющих масти оленей.

Обычно сравнение языков по характеру отображения в их лексике цветового пространства ведется по одной и той же схеме. В качестве «эталоном» берется какой-то язык (чаще всего в этой роли выступает английский). Далее привлекается какой-либо другой язык (чаще всего экзотический) и выбирается ограниченный участок цветового спектра, который представляется в виде континуума. Наконец, берутся слова, отображающие выбранный участок спектра в сравниваемых языках и показывается, что они «членят» этот участок по-разному. В качестве слов привлекаются только основные цветоименования (мы подробно обсуждали их выше).

Типичным примером графического представления результатов исследования по описанной схеме может служить следующая иллюстрация, заимствованная нами из работы Л. Ельмслева [Ельмслев 1960: 311].

английский	<i>green</i>	<i>blue</i>	<i>grey</i>	<i>brown</i>
валлийский	<i>gwyrd</i>	<i>glas</i>		<i>llwyd</i>

Существенное соображение здесь (и мы его разделяем): пространство делится на «области» (область синих цветов, область коричневых цветов и т. п.). Условимся в дальнейшем называть такие области «категориями».

Принципиально важным для нас была возможность оценивать числом силу сходства ИЦ, выражающих разные оттенки цвета. С этой целью применялась одна из процедур кластер-анализа.⁶ Установив соответствующий критерий, мы объявили некоторые ИЦ «близкими по смыслу» и тем самым образующими некоторую общую для себя категорию в каждом данном языке. При этом мы имели возможность оценивать числом степень близости каждой категории одного языка с каждой из категорий других языков.

Анализ наших данных показал, что число совпадающих категорий в разных языках очень велико. Более того, ни в одном из языков не оказалось ни одной категории, которой не нашлось бы соответствия сразу в нескольких других языках! Этот неожиданный для нас результат позволил поставить задачу создания универсального перечня категорий цветоименований.

Итогом соответствующей работы явился набор из 57 категорий. Мы посчитали удобным представить каждую категорию полным набором слов по каждому из языков. Приведем пример из полученного нами набора категорий. Здесь звездочкой отмечены основные цветоименования; знаком // разделяются простые и составные слова. В квадратные скобки взяты слова, которые распространяются на две и более категорий (в этих языках, соответственно, меньшее число выделяемых категорий).

Категория 34

рус.	фиолетовый*, сливовый, фиалковый, чернильный, гиацинтовый // темно-фиолетовый, темно-сиреневый, насыщенно-фиолетовый, густо-лиловый
болг.	морав // тъмно морав, тъмно-виолетов
серб.	љубичаст*, лила // тамно љубичаст
франц.	violet*, prune, aubergine, violacé // violet foncé
англ.	purple*, violet, amethyst, eggplant // dark purple, deep violet
венг.	lila*, ibolyalila // sötét lila, mély lila
эст.	– // tumelilla, tumeviolett

⁶ Пример процедуры описан в работе [Василевич 1982б: 63–65].

япон.	murasaki*, kurai murasaki, aomurasaki // koi-murasaki
узб.	[бунафша*, гунафша*, нопармон, кукногурли, кук кизил// оч бинафша]
тадж.	[бунафша* //бунафшаи паст]
амхар.	[woyn : teʃ]
бамана	[encriji]

Из приведенного примера видно, что мы привлекали к анализу не только основные ИЦ, но максимально возможный список цветоименований для каждого из сравниваемых языков.

Сопоставительному анализу посвящена целая серия опубликованных нами работ [Василевич 1982б; 1983б; 1985; 1986б; 1987; 1988д; Василевич, Алмере 1983]. Выбор языков для сопоставительного анализа был в определенной мере произвольным, поскольку мы не имели возможности обследовать все группы информантов, языки которых представлялись интересными. Тем не менее, в итоге нам удалось собрать данные по 8 индоевропейским языкам: славянским (русский, болгарский, сербскохорватский); германским (английский, немецкий); романским (французский) и иранским (таджикский, дари). Кроме того, в нашем распоряжении оказались данные по финно-угорским (венгерский, эстонский), тюркским (узбекский, киргизский), семито-хамитским (амхарский) языкам, а также по языку бамана (Мали) и японскому языку.

Кстати, для большинства рассмотренных нами языков данные о цветоименованиях получены впервые.

Если сопоставление категорий в разных языках имеет «выход» на проблему исследования языковой картины мира, то прямое сопоставление отдельных терминов цвета имеет чисто практическое значение – для поиска двуязычных эквивалентов и, соответственно, повышение качества перевода [Василевич 1988в; Алмере, Василевич 1986]. За редким исключением перевод цветоименований не требует рассмотрения контекста и сводится к рутинному поиску соответствующих лексических эквивалентов в двуязычном словаре. Возможно, именно поэтому мы не встречали в специальной литературе каких-либо указаний на существование трудностей перевода этой лексической группы. Такое благодушие объясняется, на наш взгляд, одной простой причиной: до сих пор не было способа оценки качества даваемых словарями «эквивалентов», равно как и оценки последствий тех ошибок, которые вкрадываются в практический перевод при неверном подборе «эквивалентов».

Предлагаемые словарями эквиваленты отражают, прежде всего, представления составителей этих словарей о значении соответствующих слов в двух языках, которые не всегда совпадают с представлением группы носителей этих языков [Василевич 1986а; 1988г; 1989; 1997; Алмере, Василевич 1982; 1986]. Приведем конкретный пример. Для слова *purple* почти во всех англо-русских словарях предлагается два перевода: «фиолетовый» и «пурпурный». По нашим данным связь слов {*purple* – *фиолетовый*}, действительно, очень высока, но в паре {*purple* – *фиолетовый*} она практически отсутствует (соответственно, очень слабая связь между «фиолетовый» и «пурпурный»; это отнюдь не синонимы).

Только оценивая степень близости различных ИЦ в разных языках, мы можем определить наилучшие варианты двуязычных эквивалентов. Именно такой подход позволил нам создать четырехязычный словарь цветоименований, включающий сотни ИЦ русского, английского, французского и немецкого языков, в том числе целый ряд слов, отсутствующих в двуязычных словарях [Василевич 1986а].

Использование ИЦ как материала для решения различных исследовательских задач

Цветоименования самым активным образом привлекаются в качестве лексического материала для решения таких совершенно разных задач, как отработка методов выделения семантических полей [Михеев 1983; Bidu-Vrančeanu 1976; Kelly 1955]; проблемы языка и мышления [Шемякин 1959; Rosch 1975; Saunders 1995], проблема доминантности полушарий мозга [Николаенко 1981] и др.

Приведем два примера реализации этой функции ИЦ в наших работах.

1. Методология проведения лексико-семантического исследования

Методическая сторона организации такого рода исследования всегда оставалась в центре нашего внимания – шел ли разговор о собственно методике исследования [Мостовая 1987; Михеев, Рюмина Фрумкина 1985], об обеспечении отбора достаточно представительного лексического материала [Василевич 1983а; 1986в] или о технической стороне обработки данных [Василевич, Скокан 1983]

2. Теория лингвистической относительности

Центральными проблемами этнопсихолингвистики считаются проблема соотношения языка и мышления; проблема различной категоризации действительности и проблема влияния языка на поведение людей. В современной науке это направление связывается, прежде всего, с авторами теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Для сторонников их теории цветовое пространство является, пожалуй, основным источником аргументов. Этому способствует целый ряд обстоятельств, не последнее из них – наличие существенных межъязыковых различий в лексике цветоименования. Мы обращались к этим проблемам в работах [Василевич 1982а; 1982б; 1986в; 2007а].

Прикладные аспекты

Определенная часть наших исследований носила выраженный практический прикладной характер.

Целая серия статей посвящена проблемам, связанным с ролью цвета в одежде и создании модной цветовой гаммы [Василевич и др. 2011; Василевич, Жученкова 1997; Василевич, Мищенко, Жученкова 1994; Василевич и др. 1999б; Василевич, Мищенко, Кузнецова 1997; Василевич, Мищенко, Жученкова 1999б].

Содержательно тесно связаны с этим работы, посвященные рекламной функции имен цвета [Василевич, Мищенко 1999а; 2003; Василевич, Мищенко, Жученкова 1999а]. Здесь обращает на себя внимание следующий результат: часть используемых в отечественной рекламе цветоименований-неологизмов являются прямой калькой с английского языка и не имеют никакого отношения к названию реального цветового оттенка (*розовая барби, коррида, Голливуд* вряд ли в оригинале воспринимаются американцами так же, как в переводе – носителями русского языка).

Исследовалось использование ИЦ в торговых знаках (выборка составила 320 названий фирм и товаров) [Василевич, Мищенко 1999]. Оказалось, что на три ИЦ (золотой, красный и белый) приходится более $\frac{2}{3}$ всех названий, всего $\frac{1}{3}$ – на остальные 19 слов списка.

Отдельно исследовалась семантика часто используемых в рекламных текстах словосочетаний «теплый цвет» / «холодный цвет» [Василевич, Жученкова 1999; Василевич, Багдасарова 2004] В результате серии экспериментов удалось расположить большую группу ИЦ на шкале «теплый – холодный» (самый «теплые» показатели у слов *оранжево-красный* (+2,00), *алый* (+1,86), *красный* (+1,80), *оранжевый* (+1,76), *терракотовый* (+1,70) и т.д.; самые «холодные» – *голубой* (-1,40), *ослепительно-белый* (-1,23), *серебристый* (-1,22), *бирюзовый* (-1,21) и т.д. Посредине, т.е. в районе нулевой точки шкалы оказались *болотный* (+0,27), *бутылочный* (+0,12), *черный* (+0,08), *темно-фиолетовый* (-0,10), *лиловый* (+0,15) и т.д.

Значительное внимание уделили мы роли отдельных русских ИЦ в национальной культуре [Василевич 2008; 2009; 2010]. Особенно выделяются здесь красный, белый и синий (голубой). В монографии [Василевич и др. 2011] показывается, что эти три цвета, совсем не случайно воплотились в государственном флаге России. Это традиционные славянские цвета, преобладающие в народном костюме, предметах народного промысла, фольклоре и т.д.

Весьма перспективна еще одна сфера применения цветоименований в качестве материала исследования. Мы имеем в виду работы по символике цвета, начатые еще И. Гёте.⁷

⁷ В отечественной науке в числе первых в этой области следует упомянуть работу [Шерцль 1884].

Наш вклад в эту проблематику описан в работе [Василевич, Семьянская 2007].

И, наконец, назовем еще работы, в которых исследовались проблемы смежных наук.

Литературоведение. Продуктивно используется материал цветоименований при анализе художественных средств языка писателя [Почхуа 1977; Соколова 1971; Adamson 1979]. Исследуя индивидуальный стиль того или иного писателя, многие литературоведы обращаются в этой связи именно к анализу цветовой лексики автора. В нашей работе [Василевич 1981б] подчеркивается, что употребительность тех или иных ИЦ в текстах является естественным инструментом анализа, но далеко не всегда его применяют корректно.

Только сопоставляя статистические данные по текстам изучаемого автора с данными по языку в целом, можно иметь основание утверждать о «богатстве» цветового языка писателя или наличии у него тех или иных предпочтений (ср. «Х – черно-белый писатель», «У особенно любит оранжевый цвет» и т.п.). Данные о языке в целом были получены нами путем анализа большого числа текстов художественной литературы (объем выборки – более 2 млн словоупотреблений).

Если говорить о насыщенности текста ИЦ, то самая простая мера – число случаев появления терминов цвета на 10 тыс. слов текста. Анализ данных разных авторов нашей выборки дал следующие результаты: наиболее насыщенными являются *поэтические* тексты (Белый – 196, Гумилев – 122, Прокофьев – 107, Блок – 89, Окуджава – 85). Из прозаиков резко выделяется Бунин – 87 случаев на 10 тыс. слов текста, далее идут Олеша – 66, Паустовский – 65, Белый – 47 и т.д. до Катаева – 13 и Шукшина – 10.

Однако мы полагаем, что «богатство» / «бедность» цветового языка меряется не только насыщенностью текста цветообозначениями. Мы предлагаем считать писателя «живописным», если наряду с высоким индексом насыщенности он характеризуется еще и тем, что употребляет относительно редкие («нестандартные») средства выражения цвета. Для того чтобы численно оценить этот последний показатель, мы предложили: индекс лексической оригинальности. По этому индексу в поэзии лидируют Белый (1,84), Прокофьев (1,0), Гумилев (0,76) – ср. Блок (0,13). В прозе выделяются Катаев (2,98), Грекова (1,96), тот же Белый (1,93), Цветаева (1,38) – ср. Окуджава (0,54), Олеша (0,29), Л.Толстой (0,17).

Ономастика. Как мы отмечали, ИЦ все чаще несут рекламную функцию, причем в их составе нередко можно встретить имена собственные (назовем их «хроматонимами»).

Проанализировав данные 15 языков, мы убедились, что более 95 % примеров хроматонимов приходится на английский, французский, немецкий и русский языки, причем по преимуществу это слова, включающие топонимы и антропонимы (*берлинская лазурь, поляна Куджи*, англ. *Cleopatra, Oxford blue*; франц. *Sahara*; нем. *Tizianrot* и др.).

Наше исследование [Василевич 1988б] показало, в частности, что подавляющая часть хроматонимов (более 90 %) являются топонимами, причем большинство из них связаны со странами Европы (особенно Средиземноморья).

Литература

Аллмере Р.А., Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению двуязычных лексических соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982. С. 52–64.

Аллмере Р.А., Василевич А.П. Верификация англо-русского перевода цветоименований // Проблемы перевода текстов разных типов. М., Наука, 1986. С. 104–114.

Василевич А.П. Обозначение цвета в современном русском языке. Рукопись депонирована в ИНИОН, № Деп 7699. М., 1981а. 169 с.

Василевич А.П. Цветоименования как характеристика языка писателя (к методике исследования) // Уч. Зап. Тартусск. ун-та. Вып. 585 *Linguistica*, XIV, 1981б. С. 68–78.

Василевич А.П. К методике исследования гипотезы Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., Наука, 1982а. С. 112–121.

Василевич А.П. «Психологическая значимость» слов-цветообозначений в разных языках // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982б. С. 65–75.

Раздел 3

Василевич А.П. К проблеме отбора материала для лексико-семантического описания группы слов // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983а. С. 82–89.

Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению лексических соответствий (на материале болгарских, русских и английских цветоименований) // Съпоставително езикознание, т. VIII, София, 1983б, № 5. С. 28–44.

Василевич А.П. Категоризация цветоименований в английском, болгарском, русском и сербско-хорватском языках // Психолингвистические исследования и психолингвистические структуры речи. М., 1985. С. 94–112.

Василевич А.П. Русско-англо-немецко-французские термины цветообозначения // Тетради новых терминов»: ВЦП, 1986а, № 98. 107 с.

Василевич А.П. Опыт сопоставительного исследования цветоименований в русском, сербско-хорватском, болгарском и английском языках // Сборник матицесрпске за славистику. № 31 Нови Сад, 1986б. С. 38–56.

Василевич А.П. Об одном подходе к исследованию лексико-семантической группы слов // Zbornik radova Instituta za strane jezike I kniževnosti. Sveska 7 Novi Sad, 1986в. С. 78–95.

Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987. 138 с.

Василевич А.П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988а. С. 84–95.

Василевич А.П. Собственные имена в составе цветообозначений // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., Наука, 1988б. С. 66–74.

Василевич А.П. Цветоименования и проблема перевода текста // Текст и перевод. М., 1988в. С. 127–138.

Василевич А.П. К проблеме верификации данных двуязычного словаря // Перевод и интерпретация текста. М., 1988г. С. 115–121.

Василевич А.П. Приложни аспекти на съпоставителните изследвания // Общуване и култура. София, 1988д. С. 57–66.

Василевич А.П. К исследованию субъективизма составителей двуязычных словарей // Болгарская русистика. София, 1989, № 5. С. 42–51.

Василевич А.П. Двуязычные лексические эквиваленты для младописьменного языка: специфика поиска и психолингвистические пути решения // Перевод и коммуникация. М., 1997. С. 219–235.

Василевич А.П. О современных тенденциях развития лексики цветообозначения // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. М., 2004. С. 5–14.

Василевич А.П. Цвет синий или голубой // Энергия, 2005а, № 6. С. 66–70.

Василевич А.П. Бурый и коричневый. История сосуществования и борьбы // Язык. Сознание. Культура. М.–Калуга, 2005б. С. 46–58.

Василевич А.П. Пурпурный и голубой: два примера национальной традиции в цвете // Русская традиция, 2006, № 7. С. 68–73.

Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. М.: Комкнига, 2007а. С. 9–28.

Василевич А.П. (Отв. ред.) Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. М.: Комкнига, 2007б (изд. 2-е – 2011, изд. 3-е испр. - 2015). 320 с.

Василевич А.П. Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции // Вопросы психолингвистики, 2008, № 8. С. 101–106.

Василевич А.П. Три цвета в истории российского флага // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты. М., 2009. С. 26–35.

Василевич А.П. Панславянские цвета на государственных флагах: каноны и исключения // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сб. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М., 2010. С. 419–426.

Василевич А.П. Имена цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Saarbrücken: Lambert Academic publishing, 2016. 76 с.

Василевич А.П., Аллмере Р.А. Психолингвистический подход к сопоставлению эстонских, русских и английских цветоименований // Уч. Зап. Тартуск. ун-та, 1983. Вып. 656. С. 153–162.

- Василевич А.П., Багдасарова Н.А.* Эмоции, цвет и температура // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. М., 2004. С. 1–4.
- Василевич А.П., Ведерникова Н.М., Мищенко С.С., Никитина С.Е.* Цвета российского флага в русской культуре. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 222 с.
- Василевич А.П., Жученкова С.Н.* Новый подход к разработке цветовой гаммы в России // Швейная промышленность, 1997, № 4. С. 32–34.
- Василевич А.П., Жученкова С.Н.* Цвет теплый, цвет холодный // КомпьюАрт, 1999, № 8. С. 8–11.
- Василевич А.П., Кулибали П.* Цветонаименования в бамана (проблема полноты материала при исследовании гипотезы Сепира-Уорфа) // Лексико-грамматические сопоставительные исследования в развитых и младописьменных языках. М.: УДН, 1985. С. 16–24.
- Василевич А.П., Михайлова Т.А.* Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // Российская наука: «Природой здесь нам суждено». Сб. научно-популярных статей. М.: Октопус-Природа, 2003. С. 296–304.⁸
- Василевич А.П., Михайлова Т.А.* Пурпурный и голубой. Два примера специфики картины мира в сознании носителей русского языка // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М., 2004. С. 87–99.
- Василевич А.П., Мищенко С.С.* Цвет в рекламе. Как расположить к себе российского потребителя // КомпьюАрт, 1999, № 9. С. 72–78.
- Василевич А.П., Мищенко С.С.* Лексика цветообозначения: реакция русского языка на новые реалии // Русский язык сегодня–2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: «Азбуковник», 2003а. С. 75–87.
- Василевич А.П., Мищенко С.С.* Пурпур: к истории цвета и слова // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2003б, т.62, № 1. С. 55–59.
- Василевич А.П., Мищенко С.С.* Коричневый или коричный // Энергия, 2006, № 7. С. 68–71.
- Василевич А.П., Мищенко С.С., Жученкова С.Н.* Тенденции развития цветовой гаммы промышленной фурнитуры // Швейная промышленность, 1994, № 4.
- Василевич А.П., Мищенко С.С., Жученкова С.Н.* Не все слова хороши. Цвет и его рекламное название // КомпьюАрт, 1999а, № 11. С. 58–61.
- Василевич А.П., Мищенко С.С., Жученкова С.Н.* Цвет, мода и фигура человека // Экспериментальные исследования речи. М., 1999б. С. 39–44.
- Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002. 125 с.
- Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н.* Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Комкнига, 2005 (изд. 2-е – 2008, изд. 3-е – 2011, изд. 4-е – 2013, изд. 5-е – 2016). 216 с.
- Василевич А.П., Семьянская М.А.* Символика цвета: Миф или реальность? // Энергия, 2007, № 10. С. 74–77.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике, т. 1, М.: Наука, 1960. С. 264–390.
- Михеев А.В.* Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1983. 18 с.
- Михеев А.В., Рюмина Н.А., Фрумкина Р.М.* Основные результаты анализа трех тематических групп слов «конкретной» лексики. // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985. С. 8–22.
- Мостовая А.Д.* Выявление семантических отношений на именах конкретной лексики и метаязык их описания. // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 102–117.
- Почхуа Р.Г.* Лингвоспектр русской поэзии XVII – XX вв. (состав и частотность). Тбилиси, 1977. 152 с.
- Соколова Л.Ф.* Колоративная лексика в поэзии Есенина. / Теория поэтической речи и поэтической лексикографии. Уч. Зап. Свердловского и Шадринского гос. пед. ин-тов, № 161. Шадринск, 1971. С. 84–92.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Шерцль В.П.* Названия цветовъ и символическое значеніе ихъ. Воронеж, 1884. 64 с.
- Adamson R.* The color vocabulary in L'Etranger. // Ass. Liter. Ling. Comp. Bull., 1979, 8, № 3. Pp. 54–70.
- Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, 1969. 178 p.
- Bidu-Vrančeanu A.* Systematique des noms de couleurs: Recherches de methode en semantique structurale. București, 1976. 157 pp.

⁸ Статья стала лауреатом конкурса научно-популярных статей (РФФИ, 2002 г.)

Kelly K.L., Judd D.B. The ISCC-NBS method of designating colors and a dictionary of color names. Washington, 1955. 178 p.

Lenneberg E., Roberts J. The language of experience // International Journal of American Linguistics, 1956, mem. № 13. Pp. 84–94.

Munsell A.H. The atlas of Munsell color system. Baltimore, 1929. 118 pp.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journ. Exp. Psychol.: General, 1975, № 104. Pp. 192–233.

Vasilevich A.P. Color names in Amharic // Proceedings of the 9th International congress of Ethiopian Studies. Moscow, 1988. Pp. 104–106.

3.5. Структура субъективного значения слова и интеллект носителя языка

И.А. Бубнова
Москва

Глобализация и цифровизация, стремительно меняющие окружающую реальность, обусловили повышенный интерес исследователей к содержанию внутреннего мира отдельного человека, специфике его духовной жизни, определяющей модели поведения, цели, мотивы, отношение к действительности и другим людям. Эта проблема с конца XX века объединила представителей разных областей гуманитарного знания, которые пытаются изучать данный феномен, описывая его различные аспекты под углом зрения своей науки.

Естественно, что в лингвистике мир человека рассматривается сквозь призму языка, анализируемого, обобщенно говоря, с двух позиций – системной и когнитивной, что и позволяет видеть в нем, с одной стороны, знаковую систему, средство коммуникации, а с другой – «ПРОСТРАНСТВО МЫСЛИ», «ДОМ БЫТИЯ ДУХА» [Степанов 1995], ту сокровищницу всех знаний, понятий и форм мышления, убеждений и оценок [Кубрякова 1999], которая не только позволяет кодировать, передавать и воспринимать информацию, но и становится средством, обеспечивающим возможность самовыражения, самопознания, и, таким образом, определяет самоощущение личности в целом.

Основной единицей анализа языка традиционно является слово, причем признание его феноменом, наиболее полно отражающим внутренний мир как отдельного человека, так и определенного этноса, не означает полного совпадения взглядов на значение и его роль в формировании мировидения. Особенно ярко существующие различия проявляются в моделях, реконструируемых в работах, выполняемых в различных лингвистических направлениях: в современной лексической семантике в фокусе внимания оказывается *языковая картина мира*, под которой понимается отражение реальности средствами языка, в когнитивно ориентированных направлениях лингвистики – психолингвистике и когнитивной семантике – исследование структуры значения слова, и, соответственно, моделирование *образа мира* отдельной личности предполагает обращение к сознанию человека, к его когнитивному слою, то есть к тем формам, в которых находит отражение специфика когнитивной деятельности, к *языковому сознанию*, а также к специфике *ментальных репрезентаций и концептов*.

С точки зрения психолингвистики в данном случае речь идет о психологической структуре значения [Леонтьев А.А. 1971], концепте_{инд.} [Залевская 2002], психологически реальном [Стернин 2003] или субъективном значении [Бубнова 2008], т.е. той самой структуре, которая, формируясь в процессе деятельности и объединяя в сознании человека два модуса существования слова – мысль и языковое значение, – обуславливает разнообразие содержания индивидуального *образа мира*, определяемого в отечественной теории речевой деятельности как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметны-

ми значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев А.А. 2003: 268].

Благодаря категориальной структуре сознания субъективное значение представляет собой тесное переплетение нескольких сущностей:

1) личностного смысла (т.е. «значение значения» для личности, по А.Н. Леонтьеву), который «порождается не значением, а жизнью» [Леонтьев А.Н. 1983] и является отражением «фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Красных 2003: 35.];

2) чувственной ткани, связывающей субъект с миром непосредственно [Леонтьев А.Н. 2004]. В этой составляющей структуры субъективного значения отражена чувственная данность мира в форме образов, представлений и впечатлений, возникающих в процессе различных видов деятельности и, как следствие, в той или иной степени окрашенных эмоционально;

3) языкового значения, в котором социальный опыт предыдущих поколений зафиксирован в форме понятий – научных, сформированных логическим путем, либо эмпирических (житейских, в терминах Л.С. Выготского) [Выготский 2004], полученных в результате обобщения на основе сходных чувственных либо эмоциональных переживаний.

Все эти аспекты субъективного значения – системное значение, личностный смысл и образность – выступают как нерасчлененное единство, связанное с определенным языковым знаком и являющееся формой обобщения и оператором классификации, упорядочивающим объекты и события окружающего мира.

Такая структура субъективного значения формируется в сознании отдельной личности в процессе разнообразных видов деятельности, в которую вовлечен человек либо объектом которой он оказывается, что требует от него концептуализации и категоризации феноменов окружающей действительности. Непосредственное влияние на эти процессы оказывают как многообразные чувственные впечатления, так и результаты рефлексии над объектами и феноменами, называемыми именем. Вследствие этого субъективное значение представляет собой динамическую функциональную ментальную схему деятельностного характера со структурой, состоящей из разнообразных комплексов признаков. В этих признаках представлена как инвариантная часть значения, т.е. общие знания, так и его уникальная составляющая, сформированная на основе личного опыта носителя языка под влиянием его мотивов, целей и т.д., а также индивидуально-психические особенности. Данное представление о субъективном значении слова как о единице индивидуального сознания, основной характеристикой которого является его одновременная ориентация на коммуникацию и внутренний мир личности, позволяет рассматривать его как основное звено, обеспечивающее переход от «мысли к слову». Мысль, осознанная или бессознательная, либо эмоция всегда отражаются в такой структуре, в поэтому иерархия комплексов признаков в ней, в отличие от значения конвенционального, построенного по принципу логического редуционизма, может выстраиваться на совершенно других основаниях. Именно этот факт подчеркивает А.А. Залевская, отмечая, что субъективное значение (обозначенное в ее концепции значения как концепт_{инд.}) в силу своей спонтанности и динамического характера, отличается по ряду параметров от конструкта, т.е. системного значения, описываемого лингвистами «через расчленение, препарирование, классифицирование, упорядочение в таксономию того, что извлекается из языка, абстрагированного от его носителей» [Залевская 2002: 17].

Важно отметить, что сложная структура субъективного значения как формы обобщения, формирующаяся при участии всех психофизиологических функций и процессов анализа, синтеза, классификации и сравнения, а также связи между ее компонентами, эксплицируемые различными типами ассоциативных реакций, выявляющимися в ходе экспериментов, являются не просто отображением структурного строения слова, но и свидетельствуют о доминирующем типе мыслительных операций и отражают основания категоризации, кото-

рые применяются отдельным носителем языка при обработке информации, поступающей из окружающего мира. При этом мы полагаем, что особая форма существования субъективного значения в сознании носителя языка позволяет выделять и описывать комплексы признаков, входящих в его структуру.

Однако если разворачивать этот тезис далее, то можно предполагать, что при неограниченном в принципе количестве комбинаций, существуют их определенные типы, зависящие от ведущего способа познания в самом широком смысле слова и, в частности, от стратегий понимания как способов когнитивной организации знания [Dijk 1995; Петренко 2010].

С точки зрения современной когнитивной науки процесс отражения информации в психике не однороден, а существует в разных форматах [Le Ny 1989; Meyer 2001]. Сам результат отражения представлен в репрезентации первой степени, причем ее содержание является субъективным [Eysenk, Kean 2005], (см. также [Heider 1946; Петренко 2010]) по двум причинам: во-первых, воспринимающий никогда не отражает все аспекты происходящего, так как он «активирует личностно связанные структуры знания» [Ikegami 1986], и, во-вторых, отражение определяется условиями и целями процесса познания, часто имплицитно задаваемыми извне. Вторая степень или репрезентационная матрица – это уже не содержание, а форма, представляющая собой определенные «структурные элементы системы переработки информации, к которым прилагаются некоторые операции» [Engelkamp, Denis 1989].

В результате переработки отраженной информации формируется структура индивидуального знания (СИЗ), представляющая собой «тоже конструкции, но обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи» [Ришар 1998: 5]. Как метапонятие категория *знание* в когнитивной науке обозначает наиболее общую составляющую опыта и скрытой от непосредственного наблюдения реальности внутреннего мира человека, которая, формируясь в различных сферах практической деятельности, детерминирует его психологические характеристики [Александров 2006]. За многообразие человеческих знаний отвечает совокупность двух факторов. Фактор *формата репрезентации*, объединяющий два способа кодирования и хранения информации – образный и вербальный [Clark, Ravio 1987; Eysenk, Kean 2005], с характерными для них механизмами ее переработки, обуславливает наличие в психике различных типов ментальных репрезентаций – образной (аналоговой) и пропозициональной (абстрактной), отвечая за структурную стабильность знаний. Фактор *формата «субъекта»* (личный опыт и когнитивные способности) включает в себя: а) субъективную точку референции, актуализируемую каждым человеком в процессе познания реальности (базовый уровень абстракции); б) понятие прототипа, представляющее в индивидуальном сознании всю категорию [Rosh, Mervis 1975]; в) понятие «пристрастности ответа» [Nosofsky 1992], определяя избирательность воспринимаемой информации и пристрастность при ее отборе.

В целом, стратегии понимания и когнитивной организации знания – это возможные комбинации мыслительных операций, определяющие конфигурацию ментальных пространств [Холодная 1983; Поспелов 1989; Шенк 1980; Fauconnier 1997; 1998; Fauconnier, Turner 1994; Cognition and representation 1998; Damasio 1989 и др.], а, значит, и конфигурацию структуры субъективного значения. Именно привычные для личности стратегии обуславливают глубину осмысления и степень рефлексии реальности, степени скоординированности в сознании человека субъективного видения мира, сформированного на основе его чувственно-практического восприятия, и познанных в процессе различных видов деятельности объективных связей. Другими словами, эти характеристики, детерминированные индивидуально-психологическими особенностями субъекта деятельности, определяют соотношение «субъективного», «наивного» и «научного» в восприятии действительности.

В этом случае мы убеждены, что ведущий способ познания, от которого зависит комбинации мыслительных операций, определяется общей когнитивной способностью человека – его интеллектом.

На современном этапе развития науки проблема интеллекта, в силу высочайшей значимости этого уникального человеческого качества, заняла одно из ведущих мест в ряду научных тем. Однако, как отмечают многие исследователи (см., напр., [Когнитивная психология 2002]), статус этой проблемы достаточно противоречив и даже парадоксален. Несмотря на то, что данный термин весьма активно используется в когнитивно ориентированных науках, значения, вкладываемые в него представителями различных научных школ, подчас диаметрально противоположны.

В психологических исследованиях интеллекта можно отметить несколько ведущих теорий, повлиявших на становление современного понимания данного феномена в рамках когнитивной науки. Сегодня, как правило, интеллект рассматривается как общая способность, свойство психики субъекта, целостная система, порождающая умственные операции и имеющая иерархическую структуру [Холодная 2002; Sternberg 1995 и др.], включающую в себя базовые и дополнительные интеллектуальные способности. При этом важно отметить, что такое определение интеллекта не только не противоречит, но и логично вытекает из данных, полученных в результате исследований различных его аспектов, проводимых отечественными и зарубежными учеными в течение нескольких десятилетий. Более того, предлагаемая трактовка интеллекта как способности принимать решения и действовать в реальном времени адекватно изменениям среды, акцентируя внимание на необходимости динамического подхода к интеллекту, наиболее точно отражает современное понимание интеллекта как когнитивными психологами, так и математиками, занимающимися поиском способов формализации гуманитарного и естественнонаучного знания.

Если суммировать все современные точки зрения на интеллект [цит. раб.], то необходимо подчеркнуть следующее:

а) интеллект – это чрезвычайно сложно устроенная активная динамическая система, формирующая поведение организма, которое складывается в результате взаимодействия с не менее активной и динамической средой и имеет множество альтернатив развития;

б) работа этой целостной когнитивной структуры обеспечивается ее материальным субстратом – мозгом. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать интеллект в двух, тесно связанных между собой аспектах – с точки зрения изучения внутренней локализации различных способностей (биологический аспект), либо исследования внешних продуктов мыслительной деятельности (когнитивный аспект);

в) важнейшая функция интеллекта – обеспечение понимания человеком окружающего мира с целью удовлетворения своих потребностей и адаптации к среде. При этом **главной чертой человеческого интеллекта является способность к постановке и решению проблем, не связанных с потребностями обеспечения биологических функций** [выделено нами – И.Б.];

г) основной характеристикой интеллекта является количественная характеристика когнитивной системы, которая определяет интеллектуальную продуктивность деятельности.

Главным спорным вопросом остается сама возможность количественного измерения интеллекта и, как следствие, чистота интерпретации результатов тестирования. Однако в современном измерительном подходе эти противоречия были сняты путем ограничения содержания понятия «интеллект», который был разделен на *биологический*, *социальный* и *психометрический* [Айзенк 1995]. В этом случае в ходе экспериментальных исследований выявляется только психометрический интеллект, под которым понимается психическое свойство, измеряемое с помощью тестов интеллекта, причем уровень интеллекта соотносится с успешностью их выполнения.

Ряд исследований психометрического интеллекта, проведенных с таких позиций, а также обобщение многочисленных результатов, накопленных в рамках тестологического подхода, к настоящему моменту позволили:

1) разработать модель интеллектуального диапазона, в которой соотносятся уровень психометрического интеллекта, индивидуальная продуктивность субъекта в различных видах

Раздел 3

деятельности и нижний и верхний пороги индивидуальных интеллектуальных достижений [Дружинин 1998];

2) уточнить структуру психометрического интеллекта и выделить в ней несколько уровней обобщенности:

– первый уровень – это общий фактор, который тестируется такими тестами как «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена и занимает вершину иерархии;

– ко второму уровню обобщенности относятся формальный (знаково-символический), механический (пространственно-динамический), лингвистический (вербальный) факторы, причем общий фактор интеллекта наиболее тесно связан с формальным;

– третий, самый нижний уровень обобщенности – поведенческий (смысловой) [Дружинин 2000].

В свою очередь, дальнейшее углубленное изучение выделенных уровней обобщенности позволило доказать, что:

а) уровни интеллекта имплицитивно взаимозависимы и неортогональны, а развитие следующего уровня с необходимостью требует, по крайней мере, минимального, развития предыдущего. Именно степень развития одного уровня задает пределы и предоставляет возможности для развития последующего уровня обобщенности в общей структуре психометрического интеллекта;

б) развитие уровней обобщенности происходит у каждого индивида с разной скоростью и зависит от средовых и генетических факторов;

в) первичными, без сомнения, являются смысловой (поведенческий) и вербальный уровни обобщенности;

г) общий уровень обобщенности (фактор G) задает верхние границы для проявления всех уровней обобщенности, поэтому по этому критерию можно судить о степени сформированности всех названных уровней [Дружинин 2000; 2001].

Для выявления связи между структурой субъективного значения слова как единицы индивидуального сознания и уровнем развития интеллекта носителя языка понимание последнего, принятое в современном измерительном подходе, представляется наиболее продуктивным по нескольким причинам.

Во-первых, данный подход дает возможность провести исследование психометрического интеллекта при помощи определенной отработанной психодиагностической процедуры, а затем проанализировать соотношение между полученными показателями интеллекта и структурой субъективного значения.

Во-вторых, тестологический подход, в отличие от других подходов к интеллекту, не предполагает выявления механизмов интеллектуальной активности, что полностью согласуется и с целями нашей работы. Тесты IQ измеряют лишь то, для чего они предназначены, а именно – способность индивида к планомерному мышлению с целью нахождения определенных связей между объектами. Такой тип интеллектуальной деятельности отличается по своим характеристикам от практического мышления и направлен на решение чисто умственных, познавательных задач, связанных с раскрытием наиболее общих принципов и законов. Именно он направлен на выявление объективных связей предметного мира, что, в свою очередь, определяет структуру субъективного значения и индивидуальное восприятие мира в целом.

В-третьих, предложенное понимание структуры психометрического интеллекта согласуется со стадиями развития понятий по Л.С. Выготскому, с гипотезой о врожденном механизме языка Н. Хомского и С. Пинкера, не противоречит теориям «множества интеллектов» (например, теории Гарднера). Более того, такое понимание структуры интеллекта может быть применено для объяснения процесса усвоения значений слов и формирования психологической структуры значения в онтогенезе.

Итак, если рассматривать познание любого предмета либо явления, обозначенного словом с точки зрения структуры психометрического интеллекта, т.е. в рамках когнитивной

психологии, то оно происходит одновременно на нескольких уровнях обобщенности. На смысловом уровне обобщенности человек воспринимает мир через призму своего субъективного опыта, причем основу опытного познания мира составляет восприятие. Вербальный и пространственный уровни обобщенности предполагают формирование компонента представлений. На знаково-символическом (логико-понятийном) формируются понятийные компоненты. Субъективное значение обретает свое целостное содержание только тогда, когда чувственно-конкретный образный материал смыкается со знаковым, языковым материалом, причем в этом содержании отражены как действительные отношения вещей, так и те отношения, которые имеют личное значение для субъекта.

С другой стороны, совершенно очевидно, что уровни обобщенности, входящие в структуру психометрического интеллекта, соответствуют уровням категоризации, выделяемым в теориях, которые развиваются в когнитивной семантике [Jackendoff 1996; Johnson 1987; Johnson-Laird 1983; 1993 [1989]; Labov 1973; Lakoff 1987; Langacker 1993 и др.]. Так, смысловой уровень – это уровень примитивов или доконцептуальный уровень категоризации, на котором предмет или явление, обозначенное словом, воспринимается целостно, недифференцированно, с фиксацией лишь основных характеристик – формы, размера и т.д. Пространственно-вербальный уровень обобщенности коррелирует с уровнем, обозначаемым как концептуальный, символическому (формальному) уровню обобщенности соответствует понятийный уровень категоризации.

Это позволяет сделать вывод, что формирование структуры субъективного значения, т.е. формирование ментальной репрезентации, отражающей смысл слова для личности, происходит одновременно на всех уровнях категоризации информации, которые коррелируют с уровнями обобщенности, входящими в структуру психометрического интеллекта.

Поэтому нам трудно согласиться с мнением сторонников умственной логики [Rips 1991], что построение ментальной репрезентации сводится к извлечению в рабочую память набора пропозиций, к которым применяются только логические правила. Как показывают эксперименты (см. напр., [Дернер 1997; Динсмор 1996; Johnson-Laird 1983; 1993 [1989]; Sternberg 1995] и др.), построение ментальных репрезентаций, которое вполне может быть сравнимо с решением комплексных задач, требует подключения всех способностей человека – когнитивных, эмоциональных, личностных, социальных [Ушаков 1989]. В силу этого ментальная репрезентация, отражающая структуру субъективного значения слова в сознании человека, включает самые различные компоненты и представляет собой сложное комплексное образование, которое не может существовать только в вербальной (пропозициональной) форме.

Однако, в силу структурной сложности интеллекта, его деятельность не ограничивается только поддержкой процесса формирования структуры значения в сознании индивида.

Известно, что одной из основных функций интеллекта является фокусировка внимания, которая также непосредственно связана с процессом категоризации. Причем мы полагаем, что неортогональность уровней обобщенности в структуре психометрического интеллекта является причиной того, что ведущим уровнем категоризации может стать как доконцептуальный, так и концептуальный либо понятийный уровни. В этом случае от интеллекта зависит **алгоритм формирования субъективного значения – когнитивная модель, которая может быть определена как интеллектуальный механизм, позволяющий объединить и упорядочить все комплексы признаков, сформированных на разных уровнях категоризации**, и, таким образом, вербализовать все имплицитные знания человека о слове. И именно эта модель, на наш взгляд, является одним из факторов, обуславливающих изоморфность, но не гомоморфность, структуры субъективного значения слова значению как единице языковой системы. При этом мы считаем, что степень субъективного в структуре значения зависит от степени развития различных уровней обобщенности в структуре интеллекта носителя языка.

Таким образом, с точки зрения структурной организации психометрического интеллекта представляется возможным объяснить:

1) одновременное существование различных уровней категоризации информации, а также наличие связей между этими уровнями, которые обеспечивают индивиду возможность включать в структуру субъективного значения комплексы признаков, сформированные на различных основаниях;

2) доминирование в структуре субъективного значения комплексов признаков, сформированных на одном из уровней категоризации информации;

3) различия в структурах субъективного значения на индивидуальном уровне и степень субъективного в значении как единице индивидуального сознания.

Кратко суммируя сказанное выше, можно заключить, что интеллект представляет собой не сугубо рациональную, автономно действующую логическую способность человека, но цельную систему когнитивных операций, связывающую внутренний мир человека, язык и окружающий мир. Если рассматривать процесс формирования значения в сознании индивида как процесс понимания, которое «есть последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому» [Брудный 2005: 141], то именно интеллект ответственен как за категоризацию информации на различных уровнях обобщенности, так и за установление связей между различными признаками и определение их значимости. Он не просто выделяет отдельные фрагменты действительности, но подключает чувства и эмоции, которые непосредственно участвуют в обработке информации и отражаются в слове. Любой мотив, чувство, желание способны сместить фокус внимания человека и породить новые смыслы слова, не зафиксированные ни одним словарем. Можно предположить, что именно с этими свойствами интеллекта, определяющими в целом Я-концепцию индивида, его самоидентификацию [Дилтс 1998], непосредственно связан выбор когнитивных моделей, с помощью которых личность структурирует мир вокруг себя, а также тип стратегии, используемой носителем языка при классификации и иерархизации явлений действительности. Все эти особенности индивидуального интеллекта находят свое выражение в смысле слова для отдельной личности, отраженном в субъективном значении, существующем в сознании, и проявляется в речи определенными вербальными средствами.

Выдвинутая нами гипотеза о зависимости структуры субъективного значения слова от психометрического интеллекта была проверена в ходе экспериментальных исследований, в которых на разных этапах приняло участие 394 человека. Средний возраст участников эксперимента 18–20 лет, все респонденты – студенты вузов с одинаковым уровнем образования и примерно одинаковым социальным происхождением. Группы были культурно однородными.

На первом этапе с помощью методики Равена (Тест «Стандартные Прогрессивные Матрицы») выявлялся уровень развития психометрического интеллекта (далее ПИ). Индекс интеллектуальной силы определялся специальной процедурой, включающей: 1) суммирование всех баллов, полученных в каждой серии; 2) последующее сравнение результатов с контрольными, выявленными в ходе процедуры статистической обработки при исследовании групп здоровых испытуемых, определенных стандартами. Суммарный результат по специальной таблице переводился в проценты. В соответствии с полученными результатами все участники были разделены на три группы – высокий и выше среднего ПИ, средний ПИ, ниже среднего ПИ.

При анализе материалов, полученных в ходе данного этапа исследования, были выявлены следующие тенденции.

1. Испытуемые с низкими показателями ПИ смогли справиться только с серией А теста Равена (установление взаимосвязей). Задание серии, заключенное в дополнении недостающей части основного изображения одним из приведенных фрагментов, требовало анализа основного изображения и обнаружения тех же особенностей в одном из нескольких фрагментов. Таким образом, ПИ этих испытуемых позволяет им сравнивать фрагменты действи-

тельности между собой, структурируя общий контекст, однако они не могут провести аналогии между парами фигур, и тем более не способны обнаружить изменения, построенные на принципе непрерывного развития и обогащения. Они не владеют навыками перегруппировки, анализа и синтеза. Различия по времени выполнения каждого задания теста у испытуемых с низкими показателями психометрического интеллекта статистически незначимы. «Эффект паузы» при выполнении заданий не отмечен.

2. Испытуемые со средними показателями ПИ достаточно успешно справились с заданиями серий А, В и частично С (установление взаимосвязей и определение закономерностей). Снижение интеллектуальной продуктивности выявлено при решении заданий на обогащение фигур новыми элементами по принципу прогрессивного развития, перегруппировку фигур, происходящую в горизонтальном и вертикальном положении и разложение фигур на элементы, подчиняющиеся принципам анализа и синтеза.

3. Результаты, полученные в группе испытуемых со средними показателями ПИ, могут объясняться с точки зрения сформированности у них различных уровней обобщенности. Данные испытуемые достаточно успешно справились с теми субтестами, выполнение которых связано с пространственно-образным мышлением, мышлением по аналогии. Что касается определения общего, то продуктивность выполнения заданий, требующих способности к надситуативному абстрактному мышлению, т.е. обобщению информации на формальном уровне, в этой группе сравнительно низка.

4. Испытуемые с высокими и выше среднего показателями ПИ хорошо справились с заданиями серий А, В, С, D, которые выявляют навыки пространственного мышления, мышления по аналогии и определения общего, т.е. умение решать задачу через отождествление разных фигур с некой общей формальной структурой. В этой группе испытуемых статистически значимо хуже было выполнено задание Е, основанное на принципе разложения фигур основного изображения на элементы. Точность выполнения последней серии ухудшается практически у всех испытуемых. Следует отметить, что в ситуации свободного обсуждения точность выполнения подобных заданий значительно выше.

5. Интересен и тот факт, что у всех испытуемых с уровнем развития ПИ, который определяется как высокий и выше среднего, время выполнения уменьшается от серии к серии, таким образом, задание Е выполняется, как правило, в условиях дефицита времени. Можно предположить, что ситуацию тестирования испытуемые отождествляли с ситуацией экзамена, что могло привести к актуализации установки на точность, подавлению установки на скорость, и, как результат, вызвать увеличение времени выполнения первых серий и снижение точности выполнения последнего задания.

На основании полученных результатов можно сделать следующие общие выводы.

1. Для испытуемых с низкими показателями ПИ характерно преобладание визуального либо сенсорно-эмоционального (нет «эффекта паузы») стиля кодирования информации. Неспособность провести аналогии может объясняться низким уровнем способности тормозить свои действия, полезависимостью (зависимостью от контекста) и низким контролем за категориальными преобразованиями при оценке сходства, что ведет к чрезмерной изоляции отдельных признаков (тенденция к компарментализации). Отсутствие «эффекта паузы» свидетельствует об импульсивном характере деятельности. Полезависимость предполагает глобальный, неаналитический, недифференцированный подход к ситуации, т.е. оценку явления на основе общего смутного впечатления при отсутствии преобразования информации в форме анализа и синтеза. Все это свидетельствует о тенденции к категоризации информации на смысловом уровне обобщенности.

2. Испытуемые со средними показателями ПИ также демонстрируют полезависимость в сочетании с ригидностью познавательного контроля. Фокусировка внимания на частных признаках фигур при установлении сходства указывает на свернутость ориентировочной и контрольной фаз интеллектуальной деятельности, т.е. на импульсивность. По результатам

Раздел 3

выполнения теста можно предположить, что понятийный уровень обобщенности у испытуемых этой группы окончательно не сформирован.

3. Помимо этого, испытуемые со средними показателями ПИ демонстрируют узкий диапазон эквивалентности, что может быть связано с частичной полезависимостью. Выполнение заданий типов 4 и 5 может тормозиться за счет ригидного контроля. Эффект центрации, выражающийся в игнорировании значительной части информации поля, может являться показателем частично закрытой познавательной позиции. У испытуемых данной группы более вероятно проявление конкретного способа концептуализации. Все эти результаты позволяют говорить о том, что категоризация информации ведется в значительной степени на пространственном уровне обобщенности.

4. Для испытуемых с высокими или выше среднего показателями ПИ характерны такие параметры как рефлексивность, сканирующий контроль, полнезависимость, широкий диапазон эквивалентности и абстрактная категоризация.

Полученные данные учитывались в последующей серии экспериментов: а) при анализе компонентного состава структуры субъективного значения, смоделированного по результатам проведенных ассоциативных экспериментов, стимулами в которых являлась как абстрактная, так и конкретная лексика; б) при анализе ответов испытуемых, полученных в ходе субъективного дефинирования; в) при многомерном шкалировании, позволившем провести сравнительный анализ структур субъективного значения у испытуемых с низкими и высокими либо выше среднего показателями ПИ; г) при моделировании субъективных значений абстрактных имен, полученных от испытуемых в разных группах, методом построения ассоциативных гештальтов; д) при построении семантических пространств психических состояний; е) при сопоставительном анализе семантических признаков субъективного значения с признаками значения, выделяемыми в лексикографических описаниях.

В целом проведенные эксперименты позволили продемонстрировать, что субъективное значение слова у респондентов с разным уровнем развития ПИ представлено в виде фреймов как набора комплексов признаков, каждый из которых отражен в определенном компоненте субъективного значения, построенных на различных основаниях.

Так, для формирования структуры субъективного значения испытуемые с высоким ПИ проявляют тенденцию к обобщению на понятийно-логическом уровне, используя фрейм в качестве структуры хранения и обработки информации. Как видно на рис. 1 (на примере

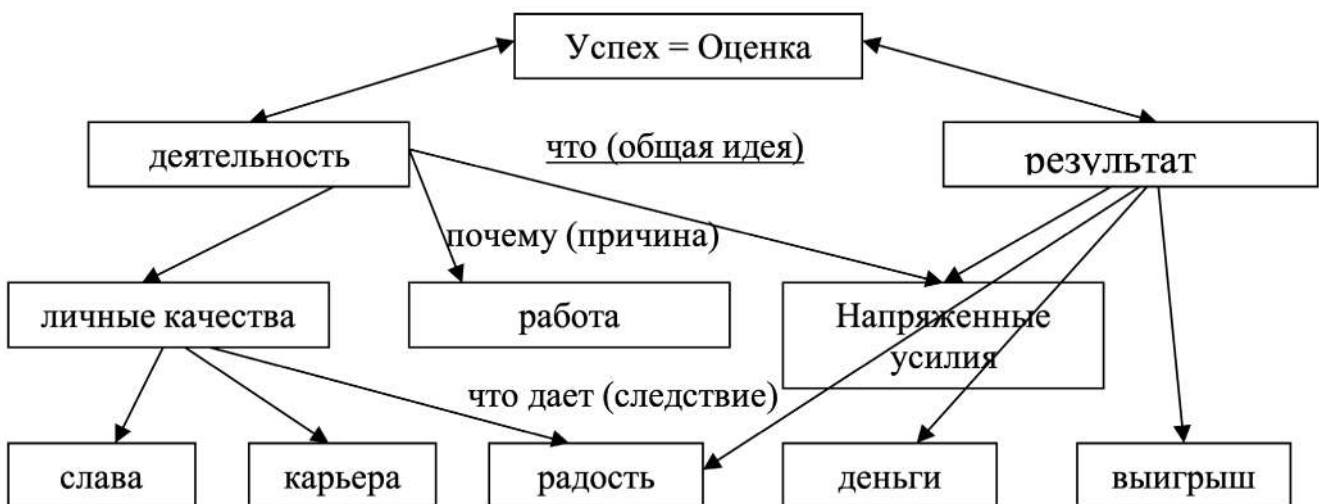


Рис.1. Фрейм слова *успех* в группе испытуемых с высокими показателями психометрического интеллекта

стимула *успех*), данный фрейм построен на логических основаниях. На верхнем уровне расположено общее понятие (что?) как формальная структура, отражаемая парадигматической реакцией суперординаторного типа (в логическом мышлении – подведение под категорию), через призму содержания которой рассматриваются как личная оценка достижения, так и реальное положение дел. Далее идет информация о факторах, ведущих к успеху (причина – почему?). Слова, представляющие нижний уровень фрейма, детализируют последствия успеха.

Причинно-следственные связи, по существу, представляют собой гиперогипонимическую иерархизацию лексем, причем психологически важным оказывается слово с предельно абстрактным значением, указывающим на доминирующий в данной группе базовый уровень обобщения. Выделенные значения в структуре единого целого связаны между собой по радиальному типу; общей нетривиальной частью для всех выделенных значений является «оценка результата деятельности», представляющая собой гипероним по отношению к остальным выделенным значениям, содержание которого определяется полностью надситуативным мышлением и поэтому максимально формально. Элементы фрейма, представленные отдельными значениями, расположенными на нижних уровнях фрейма, могут рассматриваться как согипонимы, т.к. их значения в сознании респондентов частично пересекаются.

Гипотетически можно предположить, что такая же фреймовая структура характерна и для когнитивной модели как ядерного компонента, определяющего процесс формирования субъективного значения в сознании испытуемых с высоким ПИ. Данная структура, в отличие от фрейма, в который, как правило, включается вся возможная информация о предмете или явлении, называемом словом (что и было продемонстрировано на примере целостной структуры субъективного значения на уровне группы), может быть обозначена как моноцентричный многоуровневый микрофрейм. Моноцентричность определяется одним фокусом – формальной структурой, «отражающей модель понимания как результата естественной обработки информации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996], через которую возможен переход от одного компонента значения к другому: на более низком уровне *успех* в разных выделенных значениях выражается через согипонимы, имеющие один гипероним в сознании носителя языка. О многоуровневости позволяют говорить причинно-следственные связи, существующие между компонентами фрейма.

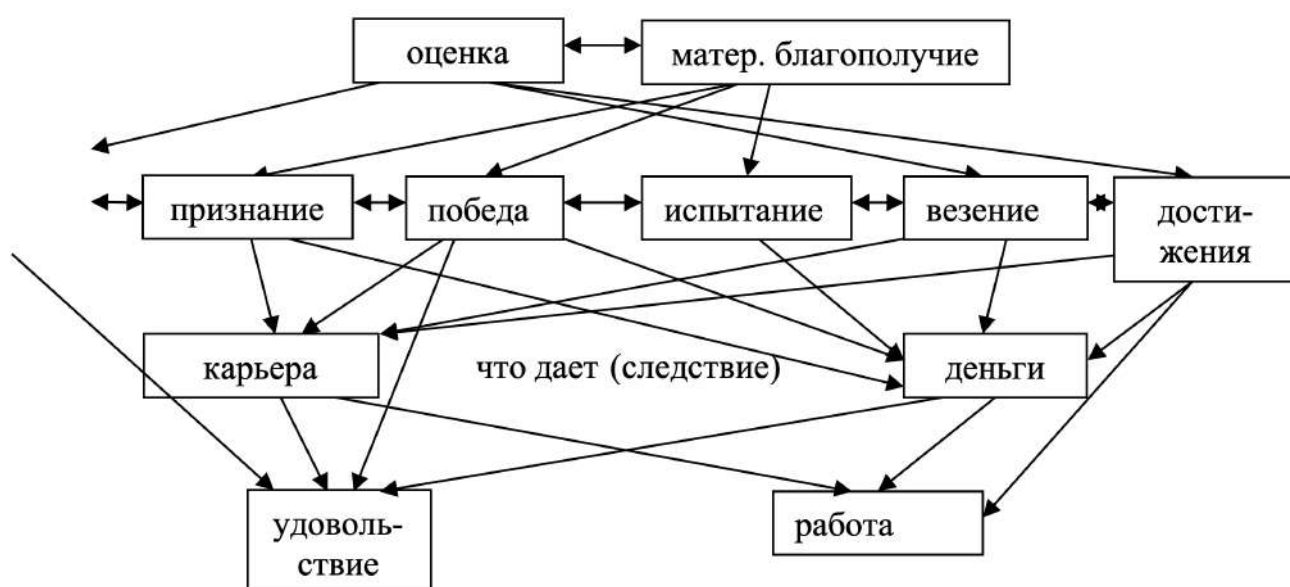


Рис. 2. Фрейм слова *успех* в группе испытуемых со средними показателями психометрического интеллекта

Раздел 3

Как и в первой группе, у испытуемых со средним ПИ структуру субъективного значения слова можно представить в виде фрейма (рис. 2.). Однако отсутствие формальной структуры, через которую основные значения, входящие в ядро субъективного значения слова как целостного образования, могут сравниваться между собой, не позволяют говорить о совпадении фреймов. Существенным отличием является то, что в данном случае в субъективном значении выделяются два различных фокуса (*оценка* и *материальное благополучие*), обладающих одинаковой психологической яркостью и выделенных на основе доминирующего прагматического отношения к явлению, в который входит общий эмоциональный-оценочный компонент *радость*. С точки зрения логического мышления эти фокусы выделяются путем трансфера – горизонтального переноса содержания одного значения на другое по методу аналогии, что вызвано, как представляется, практическим опытом и знаниями испытуемых. Более того, как можно заметить, один из выделенных фокусов (*материальное благополучие*) обусловлен стереотипными представлениями, бытующими в социуме, и эта особенность характерна для респондентов с данным уровнем ПИ.

На представленном рисунке видно, что шесть значений слова *успех*, выделяемых в ходе эксперимента, непосредственно соединены как с *оценкой*, так и с *материальным благополучием*. Поэтому гипотетически возможно представить когнитивную модель, на которой базируется субъективное значение в данной группе респондентов, как полицентричный одноуровневый микрофрейм. В основе формирования данного микрофрейма лежат прагматические отношения, напрямую связывающие идею и следствия, т. е. обобщение происходит на концептуальном уровне (на уровне представления) и основано на установлении аналогии, уподобления познаваемого объекта с известными явлениями. Представляется, что в данном случае можно наблюдать процесс формирования категориального сходства, не простое восприятие структуры и ее устройства, а ее достраивание, основанное на разных видах знания. Следует подчеркнуть, что обобщение на концептуальном уровне поддерживается двумя уровнями обобщенности в структуре психометрического интеллекта – вербальным и формально-логическим, при ведущей роли вербального.

Структура представления знаний в группе испытуемых с низкими показателями ПИ также является фреймом, построенным по цепочечному принципу и имеющим своим главным (прототипическим) значением «наличие материальных благ», причем следует оговориться, что эмоция доминирует во всем значении. В фокусе внимания респондентов *успех как материальное благополучие*, ассоциируемое с деньгами, удачей, радостью, победой и личными отношениями (рис.3).

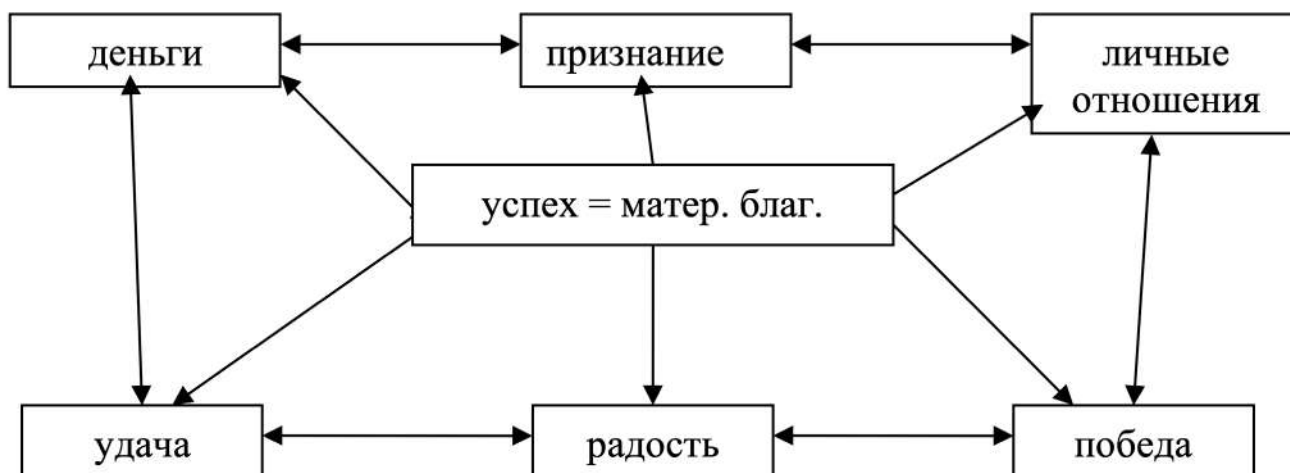


Рис. 3. Фрейм слова *успех* в группе испытуемых с низкими показателями психометрического интеллекта

Таким образом, гипотетически когнитивная модель, применяемая респондентами для концептуализации явления, может определяться как моноцентричный одноуровневый микрофрейм, построенный на прямых, имеющих яркую эмоциональную окраску, тематических, цепочечных связях. Обобщение происходит на доконцептуальном уровне (смысловой уровень обобщенности в структуре психометрического интеллекта), и в этом случае производимая на нем концептуализация упрощает восприятие мира, его дискретизацию, освоение, осмысление и систематизацию. Именно этим можно объяснить выявляющийся фокус внимания, отражающий естественным образом сформированные приоритеты: радость лучше чем печаль, наблюдаемое важнее ненаблюдаемого, конкретное важнее абстрактного, то, что происходит вокруг человека, важнее того, что происходит в другом месте [Langacker 1993: 30].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Полученные данные свидетельствуют о тенденции носителей языка с высоким и выше среднего уровня ПИ реагировать на стимул в основном парадигматическими ассоциациями (ассоциациями абстрактно-деятельностного типа), со средним ПИ – парадигматическими, синтагматическими и тематическими (абстрактно-деятельностный, функционально-прагматический и отношенческий типы). Испытуемые с низким ПИ, как правило, дают тематические реакции (реакции отношенческого типа), что свидетельствует о выраженной склонности воспринимать слово целостно на основе сопоставления и сравнения, восприятия структуры объекта без ее проецирования на другие явления. Выявляются различия и на уровне формальных связей между отдельными значениями в целостной структуре субъективного значения. Для группы испытуемых с высоким ПИ эти связи определяются как радиальные, в группе испытуемых со средним ПИ – как цепочно-радиальные, в группе испытуемых с низким ПИ отдельные значения связаны между собой по принципу цепочки. Выявляемые типы ассоциаций свидетельствуют о доминировании определенного уровня обобщенности в структуре психометрического интеллекта.

В целом в языковом сознании испытуемых слово *успех* представлено несколькими значениями. Наиболее актуальным по всей выборке является значение *успеха как материального благополучия*, однако смысловые компоненты, составляющие ядро данного значения в группах испытуемых с разным ПИ, различны. Для испытуемых с ПИ **выше среднего и высоким** *материальное благополучие* является следствием *приложенных усилий*, для испытуемых с **низким** ПИ – это *результат везения*. Более того, данное отдельное значение не является самым ярким в группе респондентов с высоким ПИ, но доминирует в языковом сознании респондентов с другими уровнями ПИ.

В группе испытуемых с ПИ **выше среднего** высшее место в иерархии значений занимает значение «оценка по достоинству», которое было актуализировано у 71% респондентов. Ядром этого значения слова у испытуемых со **средним** ПИ является смысловой компонент *оценка, выражающаяся в славе 4, признании 2, уважении 1*. Для испытуемых с **низким** ПИ более актуальным оказывается компонент *радость*, т.е. личные эмоции в связи с признанием окружающими успеха индивида.

Интересные результаты дает сравнение компонентного состава значения «реализация задуманных планов». Так, для испытуемых с высоким и выше среднего ПИ ядром данного значения является компонент *следствие удачно завершенного дела*. Испытуемые со средним ПИ выделяют компонент *победа*, т.е. эмоционально-личностное восприятие события, а для испытуемых с **низким** ПИ эмоция (*фураор, победа*) и материальные конкретные проявления успеха (*награда*), оказываются равно важными.

Значение слова *успех* как успеха в достаточно конкретной сфере личных взаимоотношений актуализировано только испытуемыми с **низким** ПИ, что еще раз свидетельствует о высокой зависимости респондентов данной группы от контекста.

Очевидно, что респонденты с **высоким** ПИ проявили тенденцию к выделению содержательного (понятийного) компонента значения слова, который отражается в общей структуре значения ассоциативными реакциями парадигматического типа и свидетельствует о том,

Раздел 3

что ядро субъективной структуры значения формируется при доминирующей поддержке формального уровня обобщенности в структуре психометрического интеллекта. Испытуемые с **низким** ПИ в большей степени склонны акцентировать внимание на конкретных составляющих успеха и эмоциональном восприятии явления. Эта тенденция выражается в преобладании экстралингвистических тематических ассоциативных реакций (реакций отношенческого типа). Обращает на себя внимание примерно равная яркость двух ядерных семем слова *успех* у испытуемых со **средним** ПИ, что делает эти значения примерно равнозначными в структуре субъективного значения, поэтому выделить одно основное значение не представляется возможным. Этот факт может быть интерпретирован как сбалансированность участия вербального и формального уровней обобщенности в структуре ПИ при формировании структуры субъективного значения слова.

Таким образом, основное различие в структуре субъективного значения действительно проявляется в базовом уровне категоризации информации, в фокусировке внимания на абстрактных компонентах (*признание, достижение*) – понятийный уровень обобщения; одновременно на абстрактных и конкретных составляющих (*признание + деньги*) – концептуальный уровень обобщения, либо эмоциональном состоянии (*радость, фурор*) – доконцептуальный уровень обобщения. Проявляющаяся закономерность позволяет утверждать, что категоризация информации поддерживается ПИ и производится на всех уровнях обобщенности информации, входящих в его структуру, однако один из них является доминирующим и определяет тот уровень, который становится базовым для носителя языка.

Статистическая проверка полученных данных, проведенная при помощи критерия χ^2 Фишера (угловое преобразование Фишера), варианта, разработанного и изложенного Е.В. Гублером [Гублер 1978], а также метода многомерного шкалирования с применением современного аппарата многомерной статистики (STATISTICA: Multidimensional Scaling) полностью подтвердила выдвинутую гипотезу.

Проведенный сравнительный анализ субъективных значений и данных энциклопедических и толковых словарей подтвердил и гипотезу о значительно более широком объеме субъективного значения, т.е. смысловой структуры слова, в сознании носителей языка по сравнению с его лексикографическим вариантом (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа слова успех по данным эксперимента и данным словарей

Значение		Кол-во ответов (%)		
По данным словарей	Субъективное значение	Высокий ПИ	Средний ПИ	Низкий ПИ
Положительный результат какого-либо дела, достижение, удача.	Реализация задуманных планов	10	8	12,5
Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений.	Оценка по достоинству	71	43	33
Хорошие результаты в работе, учебе.				
	Благополучное в материальном отношении существование	38	54	75
	Испытание		4	
	Выдающиеся достижения	5	2	

Исследования ментального лексикона

	Жить для других		2	
	Личные отношения			8

(В связи с тем, что многие смысловые компоненты повторяются в ряде выделяемых значений, количество ответов в процентах превышает 100%)

Как показал проведенный анализ, субъективное значение слова в сознании индивида и его лексикографическое описание имеют как общие, так и отличительные черты. В целом субъективное значение объемнее системного за счет включения в него достаточно конкретных или важных для личности значений, которые не отражаются в словарных толкованиях, однако степень субъективного в значении слова как единице индивидуального сознания варьируется и зависит непосредственно:

- от показателей психометрического интеллекта;
- от того, с данными какого словаря сравниваются структуры субъективного значения слова.

2. Как правило, с субъективным значением как единицей индивидуального сознания носителя языка с высокими показателями психометрического интеллекта совпадает значение, отражающее наиболее общие черты понятия или предмета. Такое описание значения характерно для толковых и энциклопедических словарей.

Так, в статьях, посвященных слову *жизнь*, в Словаре Ожегова, в БАС и Большом энциклопедическом словаре на первом месте стоит значение «периода физиологического существования всех живых организмов от рождения до смерти». Это же значение доминирует в структуре субъективного значения слова у респондентов с высокими показателями ПИ. В значении слова *любовь* ядерными для этих испытуемых становятся значения *любви* как «чувства глубокой привязанности, преданности к-ч-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах» и т.п., что также совпадает с иерархией значений, выделяемых в названных выше словарях. В этой группе испытуемых *смерть* рассматривается, прежде всего, как «прекращение жизнедеятельности организма», его гибели, *жизнь* – как «период существования живого существа», включая и человека, и т.д.

Отмеченная тенденция проявляется практически во всех случаях, для всех исследованных слов, как абстрактных, так и конкретных.

В структуре субъективного значения в группах испытуемых со средними и низкими показателями ПИ выделяется ряд значений, актуальных для носителей языка, но не зафиксированных в словарных статьях в словарях данного типа. Так, одним из актуальных значений слова *жизнь* в этих группах является значение жизни как «того, над чем человек не имеет власти». В субъективном значении слова *смерть* выделяется целый ряд значений, связанных со смертью как определенным «ритуалом или с началом нового периода существования», *деньги* – это то, что «непосредственно влияет на жизнь либо плата за труд», а значение *денег* «как меры стоимости» оказывается в дальней периферии структуры субъективного значения у испытуемых со средними и особенно с низкими показателями ПИ. Для глагола *есть* одинаковую психологическую яркость имеют значения «абстрактной идеи наличия/отсутствия» и значения *есть* как «принимать пищу».

3. Следует отметить, что часть значений, которые выделяются в словарях, не проявляются в структуре субъективного значения слова.

Например, для субъективного значения слова *любовь* нерелевантным оказывается различие *чувства* и *удовольствия*, за гранью смыслового содержания в языковом сознании остаются такие значения *жизни* как *быт*, *жизненный уклад*, *биография*, *движение*, *оживление как проявления деятельности и энергии в общем* (жизнь города и т.д.), *жизнь природы*, *неорганического мира*, *физических тел* и т.п., в слове *есть* не выделяется ряд значений (*разрушать химически*, *причинять жгучую боль*, *бранить*), не было зафиксиро-

вано значение *денег* как *капитала*, *дома* как *жилплощади*, *друга* как *защитника*, *силы* как *войск* и т.д.

4. Самое большое число значений, не зафиксированных в толковых и энциклопедических словарях, выделяют респонденты со средними показателями ПИ. Эти значения выделяются как на основе ориентации на энциклопедические и языковые знания, так и на основе прагматической, функциональной оценки тех феноменов, которые стоят за словом в сознании.

Респонденты с низкими показателями ПИ склонны фокусироваться на конкретных признаках значения слова, соотнося их с конкретной предметной областью или ситуацией и создавая значение по оппозиции «часть – целое», причем, как правило, такие значения несут высокую эмоциональную нагрузку. Следует отметить, что эти значения также имеют свою внутреннюю структуру, соответствующую базовым способностям человека расчленять объект на составные части и объединять эти части в целостный образ, представляющий собой единицы субъективного опыта, в основе которых лежит отношение личности к какому-либо феномену.

Показательным в этом отношении является значение слова *добро* как «наказуемый поступок», которое не выделено ни в одном из использованных нами словарей. Однако субъективный опыт и включенность в реальные отношения заставляет наших испытуемых со средними и, частично, низкими показателями ПИ включать это значение в смысловую структуру слова.

В этих же группах значение слова *я* определяется через социальные роли (*я – студент*, *я – дочка* и т.д.) или конкретные признаки, подчеркивающие уникальность (*я – красавица*, *я – умница*, *я – кошка* и т.д.). Значительное число ассоциатов, полученных на стимул *большой* – это *высокий*, *толстый*, *пышный*, *добрый* и т.д. В субъективном значении слова *умный* доминирует значение «отличающийся от других», причем данное значение несет высокую смысловую и эмоциональную нагрузку (*умный – злой*, *интеллигент*, *очкарик*, *заучка* и т.д.). Все эти характерные черты выявляют ведущий уровень категоризации, основанный на опыте либо эмоциональном отношении.

Носители языка с высокими показателями ПИ в процессе понимания слова и формирования его структуры в сознании ориентируются на категориальные связи и отношения, что выражается в категоризации информации на понятийном уровне, что (подчеркнем это еще раз) совпадает с принципами, положенными в основу описаний слов в толковых и энциклопедических словарях.

5. При сравнении структур субъективного значения с описаниями тех же слов, данными в идеографических словарях, в частности, в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, выявилось, что словарное описание в таком типе словаря практически совпадает со структурой субъективного значения, выделяемой в группе испытуемых со средними показателями ПИ. Эта группа испытуемых фокусирует внимание на тех признаках и значениях, которые выделяются в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка как основные.

Так, в глаголе *любить* для этих испытуемых ядерным оказывается значение «любить» 1.1., выделенное с НОССРЯ как основное. Слово *смерть* в данной группе обозначает не просто конец, но то, что имеет силу и прекращает жизнь, обозначает небытие, начинающееся после жизни, т.е. употребляется расширительно. Именно в этой группе *смерть* наиболее часто персонифицируется. *Добро* в сознании этой группы респондентов включает в себя два значения, выделенные в словаре – «добро» и «благо». В значении слова *сила* выделяется понимание силы как силы духа, т.е. невидимой субстанции, что также сближает субъективное значение слова со словарным описанием, в котором отмечается принадлежность силы невидимым органам. В слове *друг* явно выделяются значения *друга*, *товарища* и *приятеля*, что легко объяснимо основными способами понимания слова, характерными для данной группы: с одной стороны – формальный уровень (*друг*), с другой – функционально-прагматический (*товарищ*, *приятель*). Таким образом, распределение

внимания позволяет данным испытуемым смещать центр внимания то на категориальные, то на функциональные отношения.

Для испытуемых с высокими показателями ПИ характерно выделение одного из значений как ядерного. Как правило, таким значением становится наиболее общее значение слова, которое в данном типе словаря не всегда является основным. В слове *любовь* в этой группе фокус внимания смещен на «любить» 2 (уважать, ценить), *смерть* – это последний момент жизни, ее окончание (конец), в слове *добро* акцентируется абсолютность добра, *сила* – выражение психического качества (в фокусе воля), *друг* – это именно характер отношений с человеком. В слове *дом* слиты два значения – люди, которые включены в эту сферу и место, где человек чувствует себя комфортно и безопасно (в других группах *дом* – это, прежде всего, семья, семейный очаг). В значении слова *умный* явно доминирует значение интеллектуальных свойств личности и т.д.

В структуре субъективного значения слов у респондентов с низкими показателями ПИ важное место отводится эмоциональной (отношенческой) оценке предметов или феноменов, поэтому значительное количество значений, отмеченных в словаре, находятся на периферии структуры либо не выделяются совсем.

6. Однако следует подчеркнуть, что во всех группах, помимо значений, описанных в словаре, выделяется ряд значений, которые не зафиксированы в словарном описании слова.

Так, в словарном описании слова *любить* не отмечено значения *любить* как «испытывать глубокое чувство к себе», выделенное в группах со средними и низкими показателями ПИ.

В структуре субъективного значения слова *дом* во всех группах выделяется значение *дома* как «малой родины».

Для субъективного значения слова *смерть* характерно значения смерти как *ритуала*, сопровождающего смерть кого-либо, что может объясняться подсознательным стремлением определенной группы испытуемых к отстранению, к неприятию сознанием объективного хода жизни и связанному с этим исключению негативных ощущений из своего субъективного «образа мира».

Добро для респондентов со средними и низкими показателями ПИ связано, прежде всего, с благом, с их пониманием справедливости, поэтому оно активно. В этом значении выделяется деятельностный компонент, направленность добра на конкретного человека, не отмеченный в словарной статье и отражающий понимание того, что есть добро с субъективной точки зрения. Помимо деятельностного характера добра, как уже отмечалось, оно связывается с наказанием.

Оценка (прагматическая либо эмоциональная) определяет и субъективное значение слова *умный* в этих группах респондентов.

7. В целом можно сделать вывод, что степень субъективного в значении слова определяется, прежде всего, отношением носителя языка к явлению или предмету, который этим словом назван. Чем ярче выражена оценка, опосредованная личным опытом человека, тем более образным и наполненным эмоциями становится значение как единица индивидуального сознания.

В свою очередь, данный феномен получает объяснение с точки зрения степени сформированности уровней обобщенности в структуре психометрического интеллекта.

Доминирование формального уровня выражается в ориентации на категориальные связи и отношения и, в целом, в ведущем понятийном уровне категоризации информации.

Ведущая роль механического (пространственно-динамического) и вербального уровней обобщенности при достаточно сформированном формальном уровне обуславливает существование двух фокусов внимания – на языковые знания и на функционально-прагматическую оценку, непосредственно связанную с личным опытом. В этом случае преобладает концептуальный уровень категоризации информации.

Представляется, что именно ведущим уровнем категоризации в группе носителей языка со средними показателями ПИ обусловлена высокая степень совпадения субъективного

значения со словарными статьями, в которых отражено восприятие мира «наивным сознанием», т.е. восприятие мира на концептуальном, опосредованном опытом народа (но не отдельной личности) уровнем.

Ярко выраженное эмоциональное отношение, т.е. ориентация на субъективный личностный смысл, свидетельствует о преобладании смыслового (отношенческого) уровня обобщенности информации, и, как следствие, предпочтении доконцептуального уровня категоризации. В структуре субъективного значения это отражается в выделении смысловых признаков, важных для личности, которые в итоге и определяют высокую степень субъективности значения как единицы индивидуального сознания.

8. Сравнение структуры субъективного значения слова *друг* с его описанием, данным в Толково-комбинаторном словаре, а также попытка формализации смоделированных структур и их представление на метаязыке, разработанном в словаре, показала, что:

а) предложенная модель описания позволяет выявлять специфику структуры субъективного значения слова в группах носителей языка, различающихся по показателям психометрического интеллекта на формальном уровне;

б) в случае со словом *друг* выделяемые в субъективном значении компоненты практически полностью могут быть описаны предложенными лексическими функциями. Однако возможности применения метаязыка для описания субъективных значений слов, относящихся к различным группам лексики, должны быть проверены экспериментально.

Подводя общие итоги работы, направленной на доказательство гипотезы о существовании прямой зависимости структуры субъективного значения слова и Π носителя языка, еще раз отметим следующее.

Проведенное исследование показало, что в субъективном значении слова отражены естественные для человека процессы категоризации информации, получаемой личностью из внешнего и внутреннего мира в ходе отражения и познания действительности. Эти процессы поддерживаются и направляются интеллектом человека как общей когнитивной способностью, позволяющей перерабатывать поступающую информацию на всех уровнях обобщенности, входящих в структуру психометрического интеллекта: смысловом, вербальном, пространственном и формальном. Таким образом, интеллект человека выступает не просто как система умственных операций, в основе которой лежит логика, а представляет собой совокупность эмоциональных впечатлений, практических знаний, опыта и логических способностей. При этом каждый из уровней обобщенности, представленный в структуре психометрического интеллекта, проявляется в одном из способов категоризации информации – доконцептуальном, концептуальном и логико-понятийном, что находит свое отражение в структуре субъективного значения как глобальной семантической единице, единстве эмоционального и рационального, которое неразрывно связано со словом в сознании отдельной личности.

Взаимозависимость уровней обобщенности позволяет личности в процессе понимания слова и формирования структуры субъективного значения как единицы индивидуального сознания переходить от смысловых компонентов, в основе которых лежат концептуальные примитивы, сформированные непосредственно при встрече с миром, к компонентам-представлениям и предельно обобщенным понятиям и наоборот. Таким образом, реализация ментальной репрезентации, связанной с символом ситуации, полностью поддерживается деятельностью интеллекта и зависит от степени развития каждого из уровней, на которых обрабатывается поступающая информация.

Различные способы категоризации информации проявляются в разных типах ассоциативных реакций – лингвистических (парадигматических, синтагматических и тематических) и формальных. Эти типы реакций отражают различные по своему качеству интеллектуальные операции переработки информации, которые выполняются на разных уровнях обобщенности и формируют разнообразные смысловые компоненты, входящие в субъективное значение слова.

При детальном анализе состава смысловых компонентов и отдельных значений, выделенных на их основе, а также в процессе моделирования структуры субъективного значения, представляющей собой глобальную семантическую единицу, было выявлено, что в группах респондентов, различающихся по показателям ПИ, структура субъективного значения имеет свои особенности, прямо связанные с ведущим уровнем категоризации.

Гипотеза о том, что показатели ПИ являются независимой переменной, определяющей тенденцию к выделению общего (понятийного) либо конкретного (сформированного на до-концептуальном уровне категоризации) значения, была проверена статистическими методами. Полученные данные были обработаны при помощи коэффициента χ^2 Пирсона. Результаты статистической обработки представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты статистической обработки полученных данных при помощи коэффициента χ^2 Пирсона

Значение	ϵ^2	p
жизнь	16,75	0,00023
смерть	5,49	0,064
человек	22,5	0,000013
друг	25,16	0,000001
деньги	8,77	0,012
любить	22,56	0,00001
есть	4,25	0,12
я	16,35	0,00028
умный	7,04	0,03
много	6,39	0,04

Как видно из приведенных в таблице данных, величина ϵ^2 и p (при степени свободы = 2) практически во всех случаях не просто подтверждает нашу гипотезу, но свидетельствует о высокой достоверности полученных результатов.

Таким образом, влияние интеллекта на процесс формирования структуры субъективного значения выражается, прежде всего, в установлении баланса отношений между смысловыми компонентами, входящими в отдельные значения, и самими отдельными значениями, т.е. в различной специфике связей между знанием, функционально-прагматической оценкой и эмоциональным отношением в языковом сознании.

Этот факт может объясняться с точки зрения базового уровня обобщения.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в целостной структуре субъективного значения слова базовый уровень обобщения проявляется в доминировании одного из отдельных значений.

Было выявлено, что ядром смысловой структуры слова в группе носителей языка с высокими показателями ПИ, как правило, является значение, которое сформировано путем обработки поступающей информации на основе понятийного обобщения. Это позволяет утверждать, что данная группа носителей языка при формировании структуры слова ориентируется на категориальные, понятийные связи.

В основе формирования субъективного значения у носителей языка со средними показателями ПИ чаще всего лежит личная прагматическая оценка явления или события, т.е. базовым уровнем категоризации, как правило, становится концептуальный уровень. На этом уровне формируются два ядерных значения, одно из которых представляет собой обобщение частотных ситуативных «нелогических» связей и конкретных образов, связанных с явлением или объектом, обозначенным словом, второе отражает операцию логического мышления. Такой способ формирования субъективного значения слова свидетельствует об

ориентации как на языковые (и частично категориальные) связи, так и функционально-прагматическую оценку феномена, обозначенного словом.

В группе носителей языка с низкими показателями ПИ целостная структура субъективного значения как единица индивидуального сознания определяется ядерным значением, которое может быть обозначено как конкретный образ-гештальт. Такая конфигурация смысловой структуры слова обусловлена тенденцией к ориентации на субъективное отношение и, как следствие, к категоризации поступающей из внешнего мира информации на доконцептуальном уровне и формированию субъективного значения на уровне эмоционально-образного и достаточно конкретного восприятия явления, стоящего за словом.

Предпочитаемые базовые уровни категоризации выявляются в типах ассоциативных реакций (парадигматических, синтагматических либо тематических) и эксплицируются в речемыслительной деятельности в виде преобладания образов различных модальностей и базовых эмоций, выраженных словом; в метафорических, метонимических и других видах переносов, в синонимии, антонимии и гипонимии.

Выявленные в ходе исследования особенности категоризации информации позволяют заключить, что индивиды с разными показателями ПИ в процессе формирования субъективного значения используют разные когнитивные модели – интеллектуальные механизмы, которые отражаются в структуре субъективного значения в виде иерархии выделяемых отдельных значений и их связей, а также в составе смысловых компонентов. Данные когнитивные модели могут быть представлены как микрофреймы, отличия в структуре которых обусловлены доминирующим уровнем категоризации.

Когнитивная модель, обозначенная нами как *моноцентричный многоуровневый микрофрейм* (понятийный уровень категоризации), предполагает, что обработка информации в процессе понимания начинается с выделения наиболее общих, абстрактных признаков, позволяющих подвести явление или предмет под определенную категорию. Именно это позволяет определить данную модель как моноцентричную, имеющую один фокус – формальную структуру, через которую возможен переход от одного компонента значения к другому. Эта формальная структура становится ядром субъективного значения и определяет тип связей – гиперогипонимический – между всеми остальными значениями внутри структуры. Остальные значения, выделяемые носителем языка с высоким ПИ на основе различных операций логического мышления (подведения под категорию, включения в категорию, отождествления либо противопоставления), располагаются в ближней периферии структуры. К дальней периферии структуры относятся значения, выделенные на основе ситуативных связей. В овнешняющей речевой деятельности ядерное значение вербализуется парадигматическими ассоциациями (как правило, суперординаторного типа). Остальные значения, которые могут рассматриваться носителем языка как согипонимы, подчиненные гиперониму, т.е. его ядру, проявляются в речи субординаторными и координационными парадигматическими реакциями. Число тематических ассоциаций в данной группе минимально. Внутри структуры как единого целого выделяемые отдельные значения формально связаны между собой по радиальному типу, который определяется ее ядром.

Когнитивная модель, обозначенная здесь как *полицентричный одноуровневый микрофрейм* (концептуальный уровень категоризации), определяет структуру субъективного значения слова, характерную для носителей языка со средними показателями ПИ. Этой моделью объясняется специфичное строение ядра субъективного значения, в которое включены два значения, обладающих равной психологической яркостью в сознании индивида. Значения, входящие в ядро, формируются благодаря одинаково актуальным фокусам внимания, первый из которых обусловлен практическим опытом и знаниями личности, второй – восприятием и обработкой информации, поступающей из внешнего и внутреннего мира, на логических основаниях. Данная характерная особенность когнитивной модели определяет глобальную смысловую структуру слова и проявляется в речи, с одной стороны, тема-

тическими ассоциациями, а с другой – парадигматическими ассоциативными реакциями различного типа.

Как можно предполагать, ядерные значения выделяются путем трансфера по принципу взаимного дополнения, достраивания до целого на основе прагматических отношений, напрямую связывающих идею и следствия, и формально объединяются по принципу цепочки. Это свидетельствует в пользу того, что обобщение информации происходит на концептуальном уровне (на уровне представления) и основано на установлении аналогии, уподобления познаваемого объекта с известными явлениями, а в основе формирования смысловой структуры слова лежат разные виды знания – понятийные и языковые, с одной стороны, и функциональные, производные от опыта, с другой. Подчиненные ядру значения, расположенные в ближней и дальней периферии, выстраиваются по отношению к ядру по гиперогипонимическому типу, отражаясь в речи парадигматическими и синтагматическими ассоциациями. Именно поэтому в данной структуре присутствуют два типа формальных связей – цепочечные на верхнем уровне и радиальные с общим нетривиальным значением на периферии.

Структура субъективного значения, характерного для группы носителей языка с низкими показателями ПИ, образована когнитивной моделью, обозначенной нами в работе как *моноцентричный одноуровневый микрофрейм*. Испытуемые, бессознательно предпочитающие данный тип когнитивной модели, склонны к дискретизации, освоению, осмыслению и систематизации получаемой информации при помощи концептуальных примитивов или приоритетов, сформированных естественным, опытным путем, т.е. на доконцептуальном уровне. Именно этим объясняется структура ядерного значения, которое представляет собой эмоционально насыщенный и конкретный образ-гештальт. Отдельные составляющие такого образа формируются на основе прямых, предметных «нелогических» связей между явлением (предметом) и словом, его обозначающим. На глубинном уровне отдельные смысловые компоненты ядерного значения связаны по цепочечному принципу и овнешняются тематическими ассоциациями. Периферию смысловой структуры слова составляют значения, выделенные на концептуальном либо понятийном уровне категоризации и проявляющиеся в речи ассоциациями парадигматического и синтагматического типа.

В зависимости от типа используемой носителем языка когнитивной модели, в структуре субъективного значения на первый план могут выдвигаться различные, с точки зрения словарных описаний, признаки: как центральные, так и периферийные. Как показали экспериментальные данные, такая вариативность предопределяется базовым способом категоризации, бессознательно предпочитаемым человеком и непосредственно зависящим от интеллекта.

Ведущий способ категоризации проявляется в смысловой структуре слова, относящегося к любому типу лексики. Как представляется, именно этим механизмом объясняется тот факт, что выявляемое экспериментальным путем субъективное значение может быть уже или шире его лексикографического варианта, зафиксированного в словарях. При этом как правило, субъективное значение более объемно, чем системное значение за счет включения в него отдельных конкретных или важных для личности значений, которые не отражаются в словарных толкованиях.

Носители языка с высокими показателями ПИ в эксперименте демонстрируют представление о значении в объеме примерно равном его лексикографическому описанию, отражающему наиболее общие черты понятия или предмета и представленному в толковых и энциклопедических словарях. Наибольшее количество значений выделяется носителями языка со средними показателями ПИ, причем большая их часть в словарях данного типа не зафиксирована. Носители языка с низкими показателями ПИ склонны фокусироваться на конкретных признаках явления или предмета, обозначенного словом, соотнося их с конкретной предметной областью или ситуацией и создавая смысловую структуру слова

по оппозиции «часть – целое», причем выделенные ими значения, как правило, несут высокую эмоциональную нагрузку.

Структура субъективного значения слова в группе носителей языка со средними показателями ПИ в наибольшей степени соответствует значениям, описываемым в идеографических словарях. Это объясняется ориентацией данных словарей на воссоздание «наивной картины мира», которая формируется именно на концептуальном уровне категоризации.

Следует отметить, что любое субъективное значение, независимо от показателей ПИ человека, в сознании которого оно функционирует, имеет свою внутренне согласованную структуру, корреспондирующую с базовым уровнем категоризации, бессознательно предпочитаемым личностью.

Таким образом, смысловая структура слова в языковом сознании человека представляет собой единицу, коррелирующую с показателями ПИ личности, а, следовательно, интеллект человека является одним из основных факторов, определяющих ведущий уровень категоризации действительности и обуславливающих степень субъективного в структуре значения как глобальной семантической единицы, функционирующей в индивидуальном сознании.

Отметим также, что проведенное исследование позволило сформулировать ряд проблем, требующих дальнейшей разработки.

Прежде всего, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего исследования может быть исследование динамики значения слова. Разработки в этой области, в которых могут быть использованы полученные в работе результаты, позволяют моделировать субъективные значения в различных группах носителей языка, а сопоставление таких моделей с их лексикографическими вариантами дает возможность выявлять

- 1) актуальные для языкового сознания определенной группы компоненты значения;
- 2) нестабильные компоненты значения, свидетельствующие о накапливающихся смысловых изменениях в языковой системе.

В первом случае у исследователя появляется возможность проанализировать и описать *языковую картину мира* определенной социальной группы. Во-втором – смоделировать процессы эволюции отдельных значений, причем такие модели могут быть использованы для прогнозирования направления развития языка в целом.

Не менее важно провести сопоставление когнитивных моделей, лежащих в основе субъективных значений на материале разных языков. Считается аксиомой утверждение о том, что существует неполное семантическое, коннотативное и ассоциативное соответствие даже для соэквивалентной в переводе лексики различных языков, обусловленное культурными различиями. Однако мы разделяем мнение Ч. Хоккета, подчеркивающего, что «языки различаются не столько возможностью что-то выразить, сколько той относительной легкостью, с которой это может быть выражено» [Hockett 1954: 122]. А если принимать во внимание тот факт, что мир воспринимается человеком на различных уровнях, то *образ мира* есть производное не от языка, а от специфики видов деятельности, опосредованной категориальной структурой человеческого сознания. Поэтому существует высокая степень вероятности, что на когнитивном уровне (на котором и происходит членение действительности при ее осознании человеком) можно обнаружить гораздо больше общих черт у индивидов с одинаковыми показателями ПИ, но относящихся к разным культурам, чем у тех, кто относится к одному лингвокультурному сообществу, но различается по ведущему базовому уровню категоризации.

Представляется весьма перспективным изучение корреляций уровня ПИ, свойственного отдельным группам носителей языка, с механизмами референции, которые обеспечивают связь языка с окружающим миром и составляют основу языковой коммуникации. Вполне возможно, что такие исследования подтвердят, что показатели ПИ являются одним из источников разнообразия типов референции, обуславливающих коммуникативные неуда-

чи. В этом случае теория значения развивается в направлении все большего раскрытия взаимосвязей мысли с языком и языка с миром, что полностью соответствует современным тенденциям развития лингвистики.

Полученные результаты могут быть использованы и для изучения признаков, положенных в основу номинации концепта в сознании человека, и специфики языковых средств, при помощи которых происходит вербализация концепта носителями языка с разным уровнем интеллектуального развития. Описание инварианта концепта с использованием данных различных словарей и сравнение такого описания с конкретными конструктами, связанными с данным словом или явлением в сознании личности, может быть полезным для выявления оснований, используемых носителями языка при переходе от предмета или явления к его обозначению языковыми средствами.

Таким образом, как представляется, исследование структуры субъективного значения слова как единицы индивидуального сознания в описанном аспекте имеет достаточно высокий научный потенциал, который может быть использован во многих направлениях.

Литература

- Айзенк Г.Ю.* Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 11–131.
- Александров И.О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 560 с.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.
- Бубнова И.А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): дисс. ... д.филол. наук. М., 2008. 453 с.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. С. 208–548.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. С. 664–952.
- Гублер Е.В.* Вычислительные методы анализа и распознавания патологических последствий. Л.: Медицина, 1978. 296 с.
- Дернер Д.* Логика неудачи: стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997. 237 с.
- Дилтс Р.* Стратегии гениев. М.: Когито-Центр, 1998. Т.3. № 1. С. 55–65.
- Динсмор Дж.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М.: Изд-во «Прогресс», 1996. С. 385–411
- Дружинин В.Н.* Интеллект и продуктивность деятельности: модель интеллектуального диапазона // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 2. С. 61–71
- Дружинин В.Н.* Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с.
- Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб: Питер, 2000. 356 с.
- Залевская А.А.* Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь: Изд-во ТГУ, 2002. С. 5–18.
- Когнитивная психология. Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 275 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Авторы: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
- Кубрякова Е.С.* Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Матер. межд. конф. Тамбов, 1999. С. 13–16
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
- Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова Психолингвистические исследования. / Отв. ред. д.ф.н. А.А. Леонтьев. М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 7–19.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
- Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т.2. 318 с.

Раздел 3

- Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Поспелов Д.А.* Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М.: Радио и связь, 1989. 184 с.
- Ришар Ж.-Ф.* Ментальная активность: понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: ИП РАН, 1998. 232 с.
- Степанов Ю.С.* Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С.7–34
- Стернин И.А.* Значение слова и его компоненты. Воронеж: ВГУ, 2003. 22 с.
- Ушаков Д.В.* Логические операции в структуре когнитивных процессов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 23 с
- Холодная М.А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск: Том. гос. ун-т, 1983. 190 с.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
- Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М.: Энергия, 1980. 361 с.
- Clark J.M., Pavio F.F.* A Dual Coding Perspective on Encoding Processes / McDaniel M., Pressley M. (Eds). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences, and Applications. 1987. P. 5–33.
- Cognition and representation / Eds. R. Langacker, S. Schiffer, S. Steel.* Boulder, Colorado, 1998. 468 p.
- Damasio A.* Concepts in the brain // Mind and Language. 1989. Vol. 4. № 1–2. P. 24–28.
- Dijk T.A. van.* On macrostructures, mental models, and other inventions: A brief personal history of the Kintsch-van Dijk theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. Hillsdale, 1995. P. 383–410.
- Engelkamp J., Denis M.* Multimodal approach to the issue of mental representations // Centre d'Etude de Psychologie Cognitive. Doc. 1989. N 65. P.1– 23.
- Eysenk M.W., Kean M.T.* Cognitive Psychology. A student's handbook. Taylor & Francis, 2005. 646 p.
- Fauconnier G.* Mappings in thought and language. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1997. 185 p.
- Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. 190 p.
- Fauconnier G., Turner M.* Conceptual projection and middle spaces. UCSD: Department of Cognitive Science Technical Report 9401, 1994. P. 28–54.
- Heider, F.* Attitudes and cognitive organization. The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied, 1946. Vol. 21, 107–112.
- Ikegami T.* The role of affect in person memory: The influence of positive and negative affect upon recognition memory // Japanese Psychol. Res. 1986. Vol. 28. N 3. P.154–159.
- Jackendoff R.* Languages of the Mind: Essays on Mental Representation. A Bradford Book. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. London, England, 1996. 199 p.
- Johnson M.* The Body in the Mind: The bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 256 p.
- Johnson-Laird P.N.* Mental models (towards a cognitive science of language, inference, and consciousness). Harvard Univ. Press, 1983. 513 p.
- Johnson-Laird P.N.* Mental models // Foundations of cognitive science / Ed. M.I. Posner. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993 [1989]. P. 469–499.
- Labov W.* The Boundaries of Words and Their Meanings // New Ways of Analyzing Variation in English / Eds. Bailey C.J.N., Shuy R.W. Washington: Georgetown University Press. 1973. P. 340–373.
- Lakoff G.* Women, Fire, and dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Langacker R.W.* Reference-point Construction // Cognitive Linguistics. 1993. N 4. P.1–38
- Le Ny J.-Fr.* Les representations mentales // Document CEPCO. 1989. N 70.
- Meyer C.* Les representations mentales // Communication. Vol.21/1. 2001. P.9–31. <https://doi.org/10.4000/communication.5445>
- Nosofsky R.M.* Similarity Scaling and Cognitive Process models // Ann. Rev. Psychol. 1992. Vol. 43. P. 25–53.
- Rips L.* Deduction // R.J Sternberg, E.E. Smith (ed.) The psychology of human thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 116–153.

Rosh E., Mervis C. Family resemblance: studies in the internal structure of categories // *Cognitive Psychology*. 1975. Vol 7. P. 573–605.

Sternberg R.J. In Search of the Human Mind. Harcourt Brace College Publishers, 1995. 741 p.

3.6. Проблема психолингвистического исследования базовых ценностей

В.А. Ильина
Москва

Проблема исследования ценностей была и остается актуальной, так как если сами ценности можно определить как некую таксономию правил человеческого общежития, играющую значительную роль при описании специфики этнического содержания ценностей, то содержание ценностей характеризуется динамикой их развития, обусловленной процессами глобализации. В этой связи еще в 2012 году Е.Ф. Тарасов в программной статье «Проблемы анализа содержания общечеловеческих ценностей» указывал на необходимость фиксации изменения содержания ценностей и отмечал, что

«перед исследователями стоит задача вскрыть содержание ОЦ у носителей русской культуры, – проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних); – прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних); – основная социализация которых прошла только при социализме (поколение 60-летних)» [Тарасов 2012: 10].

Описание содержания ценностей способствует формированию культурной и этнической идентичности носителей русской культуры на современном этапе развития общества.

Классификация ценностей

Большой интерес представляет исследование восприятия ценностей членами различных социальных групп, изложенное в коллективной монографии «Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы» [Рябова, Курбангалиева 2003]. В книге описываются результаты эксперимента, на основании которых был определен список базовых ценностей и антиценностей россиян. Все выявленные 68 базовых ценностей и антиценностей можно описать, условно разделив на 6 групп:

- государственные ценности (Безопасность, Власть, Могущество, Независимость, Долг, Законность, Известность, Сотрудничество);
- государственные антиценности (Беззаконие, Вырождение, Безработица, Взятничество, Война, Святотатство, Безответственность);
- универсальные ценности (Мир, Порядочность, Равенство, Свобода, Смысл, Вера, Доверие, Внимательность (внимание к людям), Надежда, Родина, Семья, Здоровье, Достаток, Убеждение, Природа, Уважение, Творчество, Труд, Профессионализм, Образование, Развитие, Успех);
- универсальные антиценности (Бездуховность, Глупость, Корысть, Неудача, Бедность, Болезнь, Загрязнение, Наркомания и алкоголизм, Разврат, Непрофессионализм);
- аффективно-когнитивные ценности (Согласие, Справедливость, Покой, Стабильность, Любовь, Удовольствие, Дружба, Милосердие);
- аффективно-когнитивные антиценности (Слабость, Хамство, Черствость, Агрессия, Лень, Одиночество, Жестокость, Зависть, Мечь, Обман, Подлость, Порабощение).

Другими словами, базовые ценности и антиценности россиян можно распределить по 4 категориям: отношение к Богу, власти, обществу и переживание как взаимодействие с обществом.

Структура ценностного каркаса языкового сознания

Эти 68 аксиологических единиц послужили основой для психолингвистического исследования ценностного каркаса языкового сознания, в ходе которого было описано содержание общечеловеческих ценностей на уровне общественного сознания, обыденного сознания профанных носителей культуры и на промежуточном уровне.

Материалом для описания содержания общечеловеческих ценностей в конкретной этнической культуре являются тексты, овнешняющие этические принципы сосуществования в обществе (статьи в научных энциклопедиях и трудах аксиологов), а также данные психолингвистических экспериментов, в процессе проведения которых выявляется общественное обыденное сознание профанных носителей культуры (ассоциативные поля, семантические пространства, семантические категории-факторы, различные графики и профили, представляющие результаты психосемантического эксперимента и т.п.). Ключевым, определяющим вектор исследования, явилось утверждение о том, что в таком исследовании

«важно не то, что содержание одной и той же внутренней мысли во внешней вербальной форме может быть выражено по-разному, а то, что значения языковых знаков, с одной стороны, с неодинаковой степенью полноты отображают это содержание внутренней мысли, а, с другой стороны, языковые знаки добавляют к внутренней мысли некоторые неустраняемые содержания» [Тарасов 2012: 13].

Словарь «Базовые ценности носителей русской культуры»

Результаты многолетней работы коллектива сектора психолингвистики оформились в виде словаря «Базовые ценности носителей русской культуры», изданного в 2020 году. Каждая ценность описывается на трех рассмотренных выше уровнях. Прочитав эти описания, можно составить себе представление о содержании базовых ценностей носителей русского языка.

Рассмотрим структуру словарной статьи и отметим, что словарная статья начинается с вводной части, в которой формируется общее представление о ценности как объекте исследования. Вводная часть сопровождается тематически точно подобранными иллюстрациями, визуализирующими содержание базовых ценностей, наглядно демонстрирующими их значимость в сознании русских.

Как было отмечено выше, структура словарной статьи предопределяется необходимостью описания содержания ценностей на трех уровнях языкового сознания, что соответствует уровням описания содержания, выделенным в словарной статье. Так, например, описание содержания ценности на уровне общественного сознания осуществляется при помощи анализа текстов, овнешняющих этические принципы сосуществования в обществе, что соответствует первому разделу словарной статьи, в котором описываются семантические компоненты содержания ценности в энциклопедических источниках. Семный состав ценности описывается при помощи компонентного анализа. С целью достижения большей объективности наличие такого семантического компонента в содержании ценности иллюстрируем далее примерами из национального корпуса русского литературного языка.

Вторым уровнем является промежуточный уровень языкового сознания, который овнешняется текстами толковых словарей, что соответствует второй части словарной статьи, в которой приводятся семантические компоненты ценности, выявленные методом компонентного анализа на основе анализа словарных статей из лексикографических источников, и иллюстративный материал, также взятый из Корпуса.

Третьему уровню (уровню обыденного сознания профанных носителей культуры) языкового сознания в словарной статье соответствует ее третья часть, в которой приводятся компоненты содержания ценности, выявленные на основе анализа результатов ассоциативного эксперимента, представленные в ассоциативном словаре РАС 1, а также семантические микрополя, выявленные на основе семантической близости ассоциативных реакций.

Другими словами, на данном уровне рассматриваются слова, с которыми ценности в сознании носителей русского языка вступают в ассоциативную связь.

С третьим уровнем (уровнем обыденного сознания профанных носителей культуры) языкового сознания соотносится также четвертая часть словарной статьи (семантические компоненты содержания ценности в паремиологическом фонде русского языка), в которой приводятся пословицы как источник накопленной веками мудрости народа, имплицитно выражающий истинные отношения общества к тому или иному явлению, что помогает сформировать представление о содержании ценности и об изменениях в ней, вызванных переменами в социуме. Пословицы с ключевым словом группируются на основе семантической близости. В результате мы получаем семантические компоненты содержания ценности и их иллюстрацию в паремиологическом фонде русского языка.

С уровнем обыденного сознания профанных носителей культуры соотносится и дендрограмма, которая наглядно демонстрирует как отдельные ценности связаны с другими. Она составляется на основе данных, полученных в ходе психосемантического эксперимента, позволяющего выявлять оценку базовых ценностей представителями русской культуры.

Словарная статья «Агрессия»

В качестве примера приведем сокращенную версию словарной статьи «Агрессия» (полная версия представлена в указанном выше словаре).

АГРЕССИЯ

Вводная статья

В настоящее время это понятие используется для обозначения самых разнообразных видов и форм поведения – от реплик и элементов пародий до применения различных мер физического воздействия, включая и такие из них, которые заканчиваются индивидуальным или массовым летальным исходом. В значении, близком к нормативному, оно употребляется сегодня в психологии, где им обозначается индивидуальное или коллективное поведение, действие, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба, либо на уничтожение другого человека. Анализ этого определения свидетельствует об изначальной полисемичности данного слова, посредством которого обозначают разнообразные по целям, механизмам, методам и результатам индивидуальные и групповые действия людей.

Понятие современного международного права, которое охватывает любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости др. государства или народа (нации). Считается тягчайшим международным преступлением против мира и безопасности человечества. Понятие агрессии включает в качестве обязательного признак первенства или инициативы (применение каким-либо государством вооруженной силы первым).

Целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям.

Агрессия (биология) – инстинктивное поведение животных, выражающееся в нападении или угрозе нападения (агрессивных демонстрациях) на особей своего (реже чужого) вида.

Незаконное вооруженное применение одним или несколькими государствами силы против политической независимости и суверенитета какого-либо государства или народа.

Поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы. Агрессивное поведение служит формой отреагирования физического и психического дискомфорта, стрессов.

Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

Открытая неприязнь, вызывающая враждебность.

Наступление, нападение, агрессивное отношение к чему-н. Склонность к нападению, наступлению на кого-л.; агрессивность, враждебность.

I. Семантические компоненты содержания антиценности агрессия в энциклопедических источниках

Поведение, нацеленное на причинение ущерба

• *Очень часто эта агрессия находит выход именно в семье, поскольку на работе и с партнерами надо держать себя в руках [Евгения Ленц. Женские роли – и их исполнители (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.03].*

Насильственное вторжение

• *Кстати, когда началась гитлеровская агрессия в Европе, Бельгия и некоторые другие страны хоть как-то сопротивлялись [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003].*

Применение вооруженной силы

• *Оба ждали мировой революции, считая, что Россия – отсталая часть капиталистического мира, а потому Советской России не выжить без победы социализма в нескольких развитых странах: пусть для нее понадобится даже агрессия со стороны СССР [Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008].*

Агрессивное отношение к чему-л.

• *У наказанного человека повышается агрессия, которая может быть направлена как на себя, так и на окружающих [Ольга Шаповалова. Почему люди не работают? (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17].*

Результат фрустрации

• *Когда они приехали в Швецию, у них развились депрессия и агрессия, возникли нарушения аппетита – явления, на смену которым пришла пассивность [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)].*

Враждебность

• *На непривычную расовую, этническую и религиозную пестроту, которая ощущается как агрессия чужаков [Денис Драгунский. Помёт валькирий // «Частный корреспондент», 2011].*

Следствие неудачной социализации

• *И решила, что перво-наперво надо вспомнить, что перед тобой слабый ребенок, и его агрессия – это способ показать, что что-то не так. [коллективный. Как поступать, когда ребенок дразнит и замахивается на чужих взрослых? (2012)]*

II. Семантические компоненты содержания антиценности агрессия в лексикографических источниках

Применение вооруженной силы

• *Нам непонятно, почему когда мы входим в Афганистан – это агрессия, а когда США входят в Ирак – это борьба за демократию [Наталья Архангельская. Страна в отсутствие любви (2004) // «Эксперт», 2004.12.06].*

Агрессивное отношение к чему-л.

• *Я взяла, конечно, крайний случай с «дамой в очках», но в той или иной форме женская агрессия на дороге проявляется в наши дни все острее [Анна Ставрова. Дамская агрессия (2004) // «За рулем», 2004.04.15].*

Открытая неприязнь

• *Нормальными стали считаться школьные стычки, агрессия по отношению друг к другу, отсутствие элементарного уважения и настоящая эмоциональная травля [«Школа» Гай Германики (2010-2011)].*

Враждебность

• *Что ухо с ней надо держать остро, он понял мгновенно, в первый же день, когда пришел на беседу с Гуниным. Да, от нее исходит агрессия. Сразу же сокращает дистанцию [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008].*

При сопоставительном анализе семантических компонентов содержания антиценности *агрессия*, представленных в энциклопедических и лексикографических источниках, становится очевидным, что значение данной антиценности, во-первых, более детально репрезентировано в энциклопедических источниках, а, во-вторых, некоторые компоненты ее значения совпадают в энциклопедических и лексикографических источниках (*применение вооруженной силы, агрессивное отношение к чему-л., враждебность*). В-третьих, что данная ценность в сознании носителей русской культуры ассоциируется с поведением, нацеленным на причинение ущерба, насильственным вторжением, применением вооруженной силы, результатом фрустрации, следствием неудачной социализации, открытой неприязнью, а также враждебностью (см. табл.).

Таблица. Семантические компоненты содержания антиценности *агрессия*

В энциклопедических источниках	В лексикографических источниках
поведение, нацеленное на причинение ущерба	—
насильственное вторжение	—
применение вооруженной силы	применение вооруженной силы
агрессивное отношение к чему-л.	агрессивное отношение к чему-л.
результат фрустрации	—
следствие неудачной социализации	—
—	открытая неприязнь
враждебность	враждебность

III. Компоненты содержания антиценности *агрессия* в ассоциативном словаре

АГРЕССИЯ: злость 44; война, ненависть 22; страх 16; боль, злоба 15; гнев, драка, жестокость 10; конфликт 8; ссора, ярость 7; враждебность, обида, сила, удар, ужас 6; защита, зло, красный, крик, насилие, раздражение 5; зависть, кровь, неадекватность, фашизм, шум 4; власть, враг, вражда, глупость, крики, нападение, смерть, убийство, угроза 3; Америка, американец, безбашенность, безысходность, битвы, бои, бойцовский клуб, боязнь, бык, вспыльчивость, голубки, грусть, дагестанцы, дорога, драки, жёлчь, зубы, игры, Кирилл, кулаки, люди, Майдан, машина, мрак, недовольство, неконтролируемое, нервозность, нервы, нетерпимость, неудовлетворённость, оголтелость, оскал, печаль, плохо, против, разобщённость, разрушение, ругань, скупость, стресс, террор, толпа, Украина, универ, уничтожение, хаос, хачи, хищник, хохлы, человек, чурки, эмоции 2.

• Речевые синонимы и антонимы:

злость 44; враждебность 6; зло 5; защита 5.

• Чувства и состояния, связанные с агрессией:

ненависть 22; страх 16; боль 15; злоба 15; гнев 10; жестокость 10; ярость 7; обида 6; ужас 6; раздражение 5; зависть 4; неадекватность 4; глупость 3; безбашенность 2; безысходность 2; боязнь 2; вспыльчивость 2; грусть 2; жёлчь 2; недовольство 2; неконтролируемое 2; нервозность 2; нервы 2; нетерпимость 2; неудовлетворённость 2; оголтелость 2; печаль 2; против 2; разобщённость 2; скупость 2; стресс 2; эмоции 2.

• Источник агрессии:

фашизм 4; власть 3; враг 3; Америка 2; американец 2; бойцовский клуб 2; бык 2; голубки 2; дагестанцы 2; дорога 2; игры 2; Кирилл 2; люди 2; Майдан 2; машина 2; толпа 2; Украина

Раздел 3

2; универ 2; хачи 2; хищник 2; хохлы 2; человек 2; чурки 2.

• Следствие и результат агрессии:

война 22; драка 10; конфликт 8; ссора 7; удар 6; крик 5; насилие 5; кровь 4; шум 4; вражда 3; крики 3; нападение 3; смерть 3; убийство 3; угроза 3; битвы 2; бои 2; драки 2; мрак 2; разрушение 2; ругань 2; террор 2; уничтожение 2; хаос 2.

• Интенсивность проявления агрессии:

сила 6.

• Внешние признаки агрессии:

зубы 2; кулаки 2; оскал 2.

• Оценка:

плохо 2.

• Цвет агрессии:

красный 5.

IV. Семантические компоненты содержания ценности *агрессия* в паремиологическом фонде русского языка

• Безобидность

Кто много грозит, тот мало вредит.

Пословица о том, что вербальная агрессия часто заменяет физическое воздействие.

• Угроза

Возьму за хвост да перекину через мост.

Поговорка-угроза.

Кто нам грозит, тот и будет бит.

Поговорка о том, что вербальная агрессия будет наказана.

В бараний рог согнуть.

Говорится о ситуации, когда непокорного человека унижают физически и/или морально.

Грозит мышь кошке, да из норы.

Говорится о человеке, который грозит более сильному противнику за его спиной, не в силах не только выполнить своих угроз, но и встретиться с противником лицом к лицу.

Высоко замахнулся, да низко стегнул.

Говорится о человеке, который не смог выполнить своих угроз в полной мере.

• Драка

Крикуна и драчуна на пиры не зовут.

Пословица о неприемлемости физической и вербальной агрессии в обществе.

Дракою прав не будешь.

Пословица о бесполезности физической агрессии.

Рукам воли не давай.

Пословица о бесполезности физической агрессии.

Драчливый петух жирен не бывает.

Пословица о том, что физическая агрессия отнимает много сил и энергии.

• Борьба

Не силой борются, – умением.

Пословица о бесполезности физической агрессии и предпочтении интеллекта и опыта.

• Алкоголь

Напьется, так с царями дерется; а проспится, так и курицы боится.

Говорится о человеке, который под воздействием алкоголя становится агрессивным, а трезвым – очень робким.

• Удар

Замахнулся, так бей!

Пословица о том, что угроза агрессии должна быть реализована.

Лежачего не бьют.

Пословица о неприемлемости агрессии по отношению к слабому, сдавшемуся человеку.

· Вспыльчивость

Бодливой корове бог рог не дает.

Говорится о человеке, склонном к агрессии, но не имеющему для этого возможностей [Базовые ценности ... 2020].

Содержание ценности и психическое состояние

Если взять за основу положение о том, что содержание мысли, выражаемое при помощи значения языковых знаков, реализуется с разной степенью полноты, становится очевидным, что степень полноты выражения содержания мысли зависит не только от языковых знаков, ее выражающих, но и от смысловых образований (личностный смысл, смысловые установки и конструкты), которые актуализируют психические состояния. Эти состояния, в свою очередь, изменяют психический образ за счет увеличения субъективных параметров, нарушения его предметной логики и трансформации его значения.

Другими словами, состояние влияет на структуру индивидуального сознания, то есть состояние изменяет значения ценностей и антиценностей в сознании человека, что увеличивает их вариативность, то есть содержание ценности на уровне обыденного сознания профанных носителей культуры подвергается влиянию актуального психического состояния личности, и значение приобретает множество смыслов. В этом случае мы рассматриваем ценности не только как аксиологический объект, а скорее, как базовое понятие психологии смысла. «Смысл – это субъектное бытие ценности, т.е. ценности как бы помещенные в субъект посредством переживания и опыта, включенные в его жизнь и деятельность» [Петров 2001: 29]. А.О. Прохоров предлагает рассматривать отношение «ценность – система Я» как центральное образование в общей схеме механизмов смысловой регуляции [Прохоров 2016: 23]. По мнению Р.Х. Шакурова ценность также является смыслообразователем [Шакуров 2003: 23]. При этом осмысление объектов внешнего мира, во-первых, зависит от психического состояния субъекта, во-вторых, сами психические состояния могут стать смыслами в случае трансформации образа субъективной ситуации. Ценности как смысловые образования наряду со значением, переживанием, знанием и рефлексией являются основой психического состояния, которое, в свою очередь, влияет на формирование ценностного каркаса носителя языкового сознания. Проиллюстрируем данную мысль примером и с этой целью приведём данные двух пилотажных экспериментов, участниками которых были 2 группы испытуемых по 50 человек в возрасте от 20 до 27 лет.

В первом эксперименте в середине семестра (октябрь–ноябрь) студентов различных вузов попросили назвать абсолютную для них ценность и (отдельно) антиценность. Абсолютными ценностями оказались *семья* (28), *любовь* (18), *здоровье* (17) и *дружба* (17). Абсолютными антиценностями оказались *насилие* (16), *ложь* (15), *обман* (14), *агрессия* (14). Во втором эксперименте в конце семестра (декабрь) студентам различных вузов был предложен единый список базовых ценностей и антиценностей (68 единиц). Студентов просили обозначить, во-первых, какие из этих ценностей (антиценностей) вечные, какие, по их мнению, актуальны в данный период их жизни, во-вторых, обозначить плюсом ценности и минусом антиценности согласно собственной интерпретации содержания предложенных в эксперименте слов. В результате список вечных антиценностей открывают *лень* (21), *обман* (19), *беззаконие* (11).

Список ценностей еще находится в стадии обработки, но уже по антиценностям видно, что на психологическое состояние человека влияют наложенные ограничения, связанные с пандемией (при ровной картине в плане учебной деятельности: до сессии есть еще достаточное количество времени), поэтому состояние *насилия* воспринимается как актуальное. Ближе к декабрю доминанта в психологическом состоянии смещается, и близость сессии

Раздел 3

оказывает влияние на интерпретацию вечных антиценностей, в результате чего именно состояние *лени* начинает интерпретироваться как ярко выраженное. Психологическое состояние оказывает влияние на процесс осмысления той или иной жизненной ситуации, на процесс раскрытия смыслового потенциала значения при воздействии на личность, что позволяет нам в конечном итоге описывать структуру ценностного каркаса языкового сознания как динамичную.

Ценностное взаимодействие субъекта и объекта формирует ценностно-смысловое отношение к этому объекту и определяет его местоположение в образе мира.

Таким образом, структура содержания ценности воспринимается как динамичная структура: уровень обыденного сознания профанных носителей культуры тесно связан с психическим состоянием, которое актуализируется в процессе осмысления значения ценности носителем языкового сознания.

Литература

Базовые ценности носителей русской культуры: учебное пособие для студентов-иностранцев / И.В. Вашунина, В.В. Дронов, В.А. Ильина [и др.]; под ред. Е.Ф. Тарасова. Москва: РУДН, 2020. 479 с.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. / Под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалиевой. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Прохоров А.О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. М.: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.

Прохоров А.О. Образ психического состояния М.: Институт психологии РАН, 2016. 244 с.

Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. А.О. Прохорова. М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2004. 608 с.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. № 1(15). М., 2012. С. 9–17.

Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 18–33.

Раздел 4

АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

4. АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Ассоциативная лексикография в РФ активно развивалась на протяжении всего периода возникновения и развития в стране психолингвистики как науки. В этом разделе будут представлены описания ассоциативных словарей разных типов, как уже вышедших, так и находящихся в процессе подготовки. Аннотации словарей подготовлены их авторами или членами редколлегии монографии.

4.1. Общие ассоциативные словари

4.1.1. Словарь ассоциативных норм русского языка

И.А. Стернин
Воронеж

Первым ассоциативным словарем, вышедшим в СССР, был «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева, вышедший в 1977 г. [Словарь ... 1977]. Стоил он тогда 71 копейку.

Это первый в России общий и достаточно репрезентативный ассоциативный словарь русского языка (вышедший во Фрунзе на два года раньше «Киргизско-русский ассоциативный словарь» Л.Н. Титовой был фактически словарем киргизских ассоциаций с русскими переводами).

Во Введении к словарю А.А. Леонтьева было указано, что словарь имеет практическую направленность – это преподавание русского языка иностранцам, и он может быть использован составителями учебников, учебных пособий, учебных текстов, словарей. Словарь отражает наиболее частотные парадигматические и синтагматические связи слов, а также фиксирует семантический связи, отражающие специфику русской культуры.

Особенность словаря, в том, что к нему в качестве предисловия был предпослан раздел «Ассоциации и ассоциативные нормы» – 60 страниц научных пояснений того, что такое ассоциации, ассоциативные словари и какова методика их сопоставления. В раздел вошли общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах (А.А. Леонтьев), ассоциативном эксперименте как методе семантических исследований (А.П. Клименко, А.Е. Супрун), о природе ассоциаций (Ю.В. Любимов), их грамматическом аспекте (Н.В. Уфимцева), ассоциациях и целом высказывании (Т.Н. Наумова), межкультурном аспекте ассоциаций (А.А. Залевская), методике составления ассоциативных словарей (Н.Д. Зарубина, А.А. Леонтьев).

Таким образом, словарь А.А. Леонтьева заложил теоретические основы ассоциативной лексикографии в стране.

В ассоциативных экспериментах, результаты которых отражены в словаре, принимали участие испытуемые 16–50 лет, с высшим и незаконченным высшим образованием, в основном студенты. Эксперименты проводились в 1969–1972 гг.

Количество испытуемых по каждому слову – 600–700, для 64 слов – 220.

В словарь вошли 196 слов из состава наиболее частотной лексики русского языка. Планировалось довести словник до 500 слов во втором выпуске, однако он, к сожалению, так и не увидел свет.

Словник словаря

Бабушка, бежать, белый, билет, большой, бумага, вернуться, взять, видеть, вода, военный, война, войти, впечатление, время, вспоминать, встретить, встреча, входить, газета, глаз, говорить, год, голова, голос, город, гость, группа, гулять, давать, дать, девочка, делать, дело, день, деревня, детский, добрый, договориться, дом, дорогой, достать, дочь,

Ассоциативная лексикография

друг, думать, дядя, есть, ехать, желать, жизнь, жить, журнал, занятие, записать, звонить, здоровье, земля, знакомый, знать, идти, интересный, искать, история, картина, километр, кино, книжка, комната, кончать, кончиться, кричать, курс, лес, литература, любить, любовь, люди, мастер, мать, место, милый, мнение, молодой, надеяться, найти, народ, настоящий, начало, начальник, начать, небольшой, новый, обещать, оказаться, оказываться, определенный, оставаться, ответить, отвечать, отец, папа, передавать, передать, петь, писать, пить, плохой, площадь, повод, подойти, пойти, покупать, полный, положение, положить, помогать, помощь, понимать, послушать, поступить, потерять, появиться, право, праздник, прекрасный, прийти, прислать, приходиться, провести, производство, простить, простой, работа, работать, рабочий, разговор, район, ребенок, результат, рука, русский, садиться, свет, свободный, связь, сдавать, сделать, сесть, сидеть, сила, сильный, сказать, слава, следовать, слово, слышать, смотреть, смысл, советский, спросить, становиться, стараться, старый, стол, сторона, стоять, студент, суббота, существовать, счет, темный, течение, товарищ, точка, труд, тяжелый, увидеть, угол, уезжать, уехать, уметь, упасть, успеть, утро, учительница, учить, учиться, фамилия, форма, хлеб, хороший, час, человек, чистый, школа, экзамен.

Литература

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под А.А.Леонтьева (Москва: Издательство Моск. ун-та, 1977. 192 с.

4.1.2. Русский ассоциативный словарь (РАС)

Н.В. Уфимцева
Москва

История создания словаря

Работа над созданием Русского ассоциативного тезауруса началась в 1986 году. Этому предшествовало появление в Твери у А.А. Залевской экземпляра Ассоциативного тезауруса английского языка Дж. Киша [Kiss et al. 1972]. Активные исследования материалов этого словаря привлекли внимание московских психолингвистов, и встал вопрос, являются ли получаемые при анализе результаты проявлением универсальных закономерностей или отражением особенностей строения внутреннего лексикона носителей английского (британского) языка/культуры? Для ответа на этот вопрос было необходимо получить сопоставимую по объему базу ассоциативных данных на другом языке.

В процессе обсуждения, в котором принимали участие Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Е.Л. Гинзбург, Б.Л. Шварцкопф и другие коллеги из Института русского языка и Института языкознания, было решено предпринять попытку создания ассоциативной базы русского языка по образцу словаря Киша. Надо сразу сказать, что задача была само по себе непростой. К тому времени в активе советской ассоциативной лексикографии (самого понятия тоже еще не существовало) был всего лишь один небольшой Ассоциативный словарь, созданный Алексеем Алексеевичем Леонтьевым ([Словарь ...1970], см. выше).

Кроме того, мировая практика создания ассоциативных словарей, начиная с первого словаря вербальных ассоциативных норм, который был опубликован в 1910 году Кент и Розановым [Kent, Rosanoff 1910], предполагала использование одного и того же списка слов-стимулов, который состоял из слов высокой частотности (100 слов), и создание именно ассоциативных норм, для чего в ассоциативном эксперименте должны были принять участие не менее 1000 испытуемых. Именно такими были исследования, проводимые в США: в них использовался тот же список слов-стимулов (см., например, [Russel, Jenkins 1954]. В сборнике

под редакцией Л. Постмана были собраны почти все опубликованные ассоциативные нормы на английском, французском и немецком языках [Postman, Keppel 1970].

Совершенно новое слово в этой области исследований было сказано Дж. Кишем, который с группой психологов, работавших в Эдинбургском университете, создал первый ассоциативный тезаурус [Kiss et al. 1972] на материале британского варианта английского языка с целью смоделировать и исследовать структуру внутреннего лексикона и впервые представил эту структуру в виде ассоциативно-вербальной сети (графа). Испытуемыми в трех этапах ассоциативного эксперимента были студенты разных вузов и разных специальностей всех регионов Великобритании

Принципиально новым в ассоциативной лексикографии стало:

1) проведение ассоциативного эксперимента в три этапа с разным набором стимулов (первая тысяча стимулов была задана исследователями; стимулами для второго и третьего этапов послужили слова-реакции, полученные на первом и втором этапах эксперимента) и с разными группами испытуемых;

2) создание не только Прямого (от стимула к реакции), но и Обратного (от реакции к стимулу) ассоциативного словаря.

Площадкой для сбора ассоциативного материала для словаря русского языка стали очередные Всесоюзные симпозиумы по психолингвистике, которые проходили раз в три года – IX (1988), X(1991) и XI (1994). Именно поэтому на создание РАС ушло 10 лет. На симпозиумах всем желающим поучаствовать в сборе ассоциативных данных выдавалось определенное количество бумажных анкет, которые в заполненном виде возвращались в сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН, и инструкции для испытуемого и экспериментатора. Так сформировалась довольно значительная группа коллег, которые на добровольных началах помогали нам в проведении ассоциативных экспериментов со студентами разных вузов в разных городах СССР, и затем и России (см. список благодарностей в прямых словарях). Многие из них затем стали использовать ассоциативный эксперимент в своих исследованиях.

Самым узким местом в работе с анкетами была их обязательная вычитка, которой занимались все члены авторского коллектива, и перевод в компьютерную форму. Всей компьютерной стороной работы заведовала Галина Александровна Черкасова.

Стимулы, испытуемые

Задуманный в 1986 году по образцу Ассоциативного тезауруса английского языка Дж. Киша, Русский ассоциативный словарь уже в процессе предварительного обсуждения стал отходить от своего образца.

В ассоциативном тезаурусе Дж. Киша в качестве стимулов были использованы 8400 слов, принадлежащих к различным частям речи и различающихся по грамматическим формам. В общей сложности, как указывает А.А. Залевская, «АТ содержит 55837 словарных статей» [Залевская 1983: 31]. Для проведения первого этапа ассоциативного эксперимента Дж. Кишем были отобраны 1000 слов-стимулов, в число которых вошли 200 слов списка Палермо-Дженкинса [Palermo, Jenkins 1964] и 800 слов из первой тысячи наиболее частотных слов по материалам словарей Торндайка и Лоджа [Thorndike, Lordge 1944] и Словаря английского языка [Ogden 1934].

Исходный список слов-стимулов для Ассоциативного тезауруса современного русского языка был разбит на основной и дополнительный. В основной список были включены 700 слов, входящих в первую тысячу наиболее частотных слов русского языка (по словарю Л.Н. Засориной): 298 существительных, 212 глаголов, 114 прилагательных, 31 местоимение, 16 числительных, 24 наречия, 7 частиц, 6 союзов, 10 предлогов. В дополнительный список были включены: 1) существительные и глаголы из основного списка, но в косвенных формах и 2) несколько рядов (существительные, глаголы и прилагательные) синонимов:

Ассоциативная лексикография

идеографических (например, *обыденный, повседневный, будничный*) и стилистических (например, *имущество, добро, пожитки, вещи, скарб, манатки*).

Особо надо отметить, что в список слов-стимулов сознательно были включены все слова, использованные А.А. Леонтьевым при создании «Словаря ассоциативных норм русского языка», что, как и предполагали составители, позволило проследить изменения, которые произошли за полтора десятилетия в языковом сознании носителей русского языка.

Всего на трех этапах эксперимента было использовано около 7000 стимулов, принадлежащих к различным частям речи. Их включали в анкеты по 100 в каждой. Принципы формирования словника стимулов, сбора и обработки материала, подробно описано в статье Ю.Н. Караулова «Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник» (см. Послесловие к словарю [Караулов и др. 1994–1998]).

В ходе массового ассоциативного эксперимента было опрошено 11 тысяч студентов, в основном первых–третьих курсов разнопрофильных вузов из всех регионов России. Родной язык всех респондентов – русский.

Сбор материала проводился в три этапа, в течение десяти лет, с 1988 по 1997 год. Каждый участник эксперимента, получивший анкету, в течение 7–10 минут должен был заполнить ее, записав против каждого стимула только одну, первую пришедшую ему на ум ассоциацию-реакцию, вызванную этим стимулом. Реакция могла быть выражена в виде слова в любой форме или в виде словосочетания, иногда использовались цифры, знаки, формулы и даже рисунки. Всего было получено более 1 млн. ответов-реакций, содержащих почти 1 млн. 200 тысяч словоупотреблений.

В результате компьютерной обработки собранных экспериментальных материалов получено около 105 тысяч разных ассоциаций, содержащих почти 150 тысяч словоформ, 30 тысяч разных лексических единиц (слов в основной форме).

Немаловажен возрастной состав участников эксперимента: к 17–25 годам становление личности в основном завершается, и ее структура остается относительно стабильной на протяжении всей жизни. Следовательно, анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых, можно прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие десятилетия, т.е. на период, когда испытуемые будут составлять активное ядро общества.

Издания

Во второй половине 90-х годов обработанный экспериментальный материал публиковался поэтапно, по мере хода эксперимента. Части «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» (так тогда назывался будущий РАС) выходили попарно: соответственно книги 1-я и 2-я, 3-я и 4-я, 5-я и 6-я. Книги с нечетными номерами – прямой словарь (от стимула к реакции), с четными – обратный (от реакции к стимулу).

Первое издание «Ассоциативного тезауруса» растянулось на несколько лет (1994–1998), поэтому составить полное представление о масштабности и значимости исследования было сложно. Однако нельзя не упомянуть о том, что к выходу 5-й и 6-й книг первые четыре стали библиографической редкостью.

Второе издание словаря состоит из двух томов. Первый том «От стимула к реакции» – прямой словарь, второй том «От реакции к стимулу» – обратный, который, по сути, является индексом первого. Теперь материал представлен в сводном виде. Том I объединяет материалы из 1-й, 3-й и 5-й книг, при этом одинаковые стимулы сведены в единую словарную статью. Аналогично – из книг 2-й, 4-й и 6-й – сформирован том II, в котором в сводную словарную статью собраны одинаковые реакции.

Отдельно следует сказать о Предисловии к словарю и Послесловии. В этих разделах подробно рассказывается о том, как устроен словарь, какую информацию можно из него получить, кому он предназначен; проводится детальный анализ всего массива собранных данных.

РАС как объект научного исследования

Русский ассоциативный словарь – не только бесценный научный труд, не только свидетельство энтузиазма его авторов и их добровольных помощников. Это уникальный документ периода перестройки, ворвавшейся в конце 80-х во все сферы нашей жизни, включая язык и языковое сознание каждого из живущих в то время, уже ставшего историей.

В отличие от обычных словарей – толкового, орфографического, синонимического, словообразовательного и др., которые выступают в качестве беспристрастного зеркала состояния языка, ассоциативный словарь тоже служит «зеркалом», но уже не жизни языка в тексте, а его жизни в человеке, в языковом сознании его среднего носителя в определенный исторический момент его жизни, а значит, и жизни общества.

Кроме того, РАС представляет собой богатейший материал для исследований в области лексикографии, лексической семантики, психолингвистики, лингвострановедения, информатики, социологии, общей и педагогической психологии, психиатрии. РАС одновременно является и словарем-грамматикой, и словарем-учебником русского языка. Круг его потенциальных пользователей необычайно широк. Это:

- преподаватели русского языка (в том числе как иностранного);
- журналисты, публицисты, литераторы, редакторы, переводчики и все те, чьи профессии связаны с созданием текстов;
- профессиональные спичрайтеры и имиджмейкеры из области политики и избирательных кампаний, деятели шоу-бизнеса, рекламы, public relations;
- социологи, историки, философы, психологи (психотерапевты, психоаналитики), политологи и культурологи, анализирующие русское языковое сознание;
- лингвисты, изучающие законы владения языком и законы его функционирования;
- русисты, анализирующие субъективные формы существования русского языка;
- а также все любознательные читатели, желающие углубить свои знания в области русского языка.

Теоретическая значимость

Следует отметить, что, начиная с третьего этапа, ассоциативная тезаурусная сеть «стремится» к замыканию: в качестве реакций испытуемые все чаще и чаще используют слова, служившие стимулами на предыдущих этапах. Тезаурусное пространство замыкается, давая возможность судить об усредненном лексиконе носителя языка и об его образе мира. Ассоциативный тезаурус такого типа принципиально отличается от иных материалов ассоциативных экспериментов, поскольку в него входят данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами, в обоих случаях с указанием количественных показателей, позволяющих судить о силе этих связей.

Каждая словарная статья в Прямом ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на данное слово-стимул в порядке убывания частоты, «Черное имя» или имя словарной статьи – это слово-стимул, слова-реакции на этот стимул расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (**ЧЕЛОВЕК** – животное 23; умный 21; хороший 20; обезьяна 19 и т.п.), или указывается в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (**ЧЕЛОВЕК** – большой, гордый, машина 5; враг, высокий, глупый, дурак, индивид, собаке друг 4 и т.п.). В конце словарной статьи приводятся количественные показатели: **ЧЕЛОВЕК**...569+244+30+163. Первая цифра указывает на общее число реакций на слово-стимул, вторая – на число разных реакций, третья – на число отказов испытуемых и четвертая – на число единичных реакций, т.е. на число ответов с частотой 1.

Помимо информативной значимости каждого из показателей, их соотношение характеризует статью в целом, а именно, как естественно-языковое поле, имеющее не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус: ассоциативное поле – это не

Ассоциативная лексикография

только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образа мира данного этноса.

Обратный словарь устроен иначе, здесь входом становится реакция. «Черное слово», или имя словарной статьи, здесь – слово-реакция, ответ испытуемого на предъявленное ему слово-стимул. В правой части мелким шрифтом даны стимулы, «породившие» данный ответ. Цифры после стимула в правой части статьи указывают на частоту данной реакции, т.е. на число испытуемых, ответивших данным словом на этот стимул. Например, ЧЕЛОВЕК – молодой 157; свободный 137; умный 108... означает, что в ассоциативной статье слова-стимула МОЛОДОЙ форма *человек* как реакция встречается 157 раз, в статье СВОБОДНЫЙ – 137 раз, а статье УМНЫЙ – 108 раз. Итоговые цифры в конце статьи несут следующую информацию: первая указывает на суммарное число появлений данной словоформы или словосочетания в качестве реакции на всем массиве стимулов, вторая цифра обозначает общее число вызвавших эту реакцию стимулов, или, что то же, число ассоциативных словарных статей (в прямом словаре), где появляется данная реакция.

Таким образом, содержание статьи в обратном словаре (например, ВЫБОР – свободный 8; маленький, начало, путь, умный 1; 12+5) расшифровывается так: слово ВЫБОР в качестве ответа дано восемью испытуемыми на стимул СВОБОДНЫЙ и однократно употреблено в связи со стимулами МАЛЕНЬКИЙ, НАЧАЛО, ПУТЬ, УМНЫЙ. Следовательно, суммарная частота реакции ВЫБОР равна 12 ($8+1+1+1+1=12$), а встречается она в ассоциативных статьях 5 стимулов.

Если реакция единственный раз зафиксирована на всем массиве стимулов, то указывающая её единичность цифра «1» и итоговые цифры «1+1» опускаются (например, ВЯЛОСТЬ – утро); если реакция порождена только одним стимулом и с частотой больше единицы, то после стимула указывается только общая частота (например, ГЕНИЮ – памятник 2; ГЕРОИНЯ – мать 5).

Такая форма представления экспериментальных данных в ассоциативном словаре (Прямой и Обратный словари) позволяет изучать не только сходства и различия в содержании образов сознания носителя данной культуры, но и выявить системность образа мира данной культуры.

Применение специальных программ, предназначенных для машинной обработки материалов ассоциативного тезауруса, позволяет выявить наиболее вероятные прямые и обратные связи между словами, а также установить силу такой связи и судить о близости значений слов, рассматриваемых как максимально близкие, если они связаны с одним и тем же набором слов и силы этих связей равны.

Основным инструментом построения ассоциативных словарей (в том числе и тезауруса) является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. С помощью этой методики можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими методами исследования. Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность получить информацию относительно психологических эквивалентов «семантических полей» и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, что позволяет считать ассоциативный эксперимент значимым и интересным не только для психолога или психолингвиста, но и для лингвиста, занимающегося семантикой.

Материалы ассоциативного словаря удобны, во-первых, тем, что они являются результатом не избирательного, а массового эксперимента, что позволяет использовать их как источник лингвистической и психолингвистической информации. Подобрать испытуемых так, чтобы они представляли различные «речевые сообщества» внутри общенационального языкового коллектива, мы можем игнорировать все те признаки, которые не типичны для рядового представителя языкового коллектива.

Во-вторых, важен тот факт, что эти материалы можно рассматривать как специфический для данного языка и данной культуры «ассоциативный профиль» образов сознания (лексических единиц). Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения (но не общения) семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертонны», то, без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент, а источником данных на этот счет – ассоциативный словарь.

В-третьих, ассоциативные нормы следует рассматривать и в качестве «указателей» на глубинные механизмы вербального и невербального поведения (порождения речевого высказывания).

Необходимо указать на одно, пожалуй, самое существенное отличие ассоциативных словарей от традиционных: если словари, составляемые лингвистами, в значительной мере представляют собой описание «индивидуального лингвистического» языкового сознания, то ассоциативные словари – это один из возможных способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания реальных носителей языка. Ассоциативный словарь, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии.

Теоретической основой исследований в этой области служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений. Иными словами ассоциативный тезаурус является моделью сознания человека. Эта знаковая модель качественно отличается по презентации образов сознания от других предметных представлений образов. Если идеальный образ предмета существует (при рассмотрении процесса деятельности по стреле времени) сначала в форме деятельности, а затем в форме продукта деятельности, т.е. опредмеченно, то слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака. Следовательно, ассоциативный тезаурус – это такая модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о культуре, в результате которого у потребителя словаря формируется представление о фрагменте образа мира определенной культуры. Одновременно ассоциативный тезаурус является отображением уникальных моделирующих способностей вербальной памяти «усредненного» носителя языка, принадлежащего к определенному поколению: ассоциативный тезаурус есть не что иное, как модель знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов – образы, достаточные для взаимопонимания.

Ассоциативно-вербальная сеть (АВС), построенная по материалам Русского ассоциативного словаря, представляет собой первую сетевую модель образа мира носителя русского языка/культуры определенного поколения (эпохи Перестройки). Ассоциативно-вербальная сеть (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой) позволила впервые построить реальную модель языкового сознания носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, и увидеть систему составляющих ее значений и исследовать содержание языкового сознания.

Материалы ассоциативного тезауруса позволяют исследовать системность образа мира носителей данной культуры. Одним из способов изучения системности образа мира по материалам массового ассоциативного эксперимента является выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети (представленной в виде Обратного ассоциативного словаря). Принципы выделения ядра лексикона (в нашей терминологии – ядра языкового сознания) были разработаны А.А. Залевской при анализе материалов Ассоциативного тезауруса английского языка Дж. Киша [Залевская 1981]. Как показал анализ ядра языкового сознания русских по данным Словаря ассоциативных норм русского языка и РАС системность

Ассоциативная лексикография

языкового сознания, которая вскрывается при анализе материалов массового свободного ассоциативного эксперимента, является достаточно стабильной в исследуемый период. (См. табл. 1 и 2). Это позволяет использовать такого рода анализ и в сопоставительных межкультурных исследованиях.

РАС положил начало формированию такой области лингвистических и психолингвистических исследований, как ассоциативная лексикография и позволил сформировать новый объект психолингвистических исследований – языковое сознание. При таком подходе объектом исследования является образ мира как основополагающая компонента культуры, а его предметом становится сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения. Одной из таких форм и является языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7].

Таблица 1. Ядро языкового сознания русских по данным РАС
(первые 30 слов)

I этап РАС (1988–1991)			II этап РАС (1992–1995)			III этап РАС (1995–1997)			Сводные данные по трем этапам		
Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.
1	человек	382	1	человек	408	1	человек	614	1	человек	1404
2	дом	359	2	большой	264	2	дом	270	2	дом	864
3	нет	330	3	жизнь	264	3	большой	229	3	жизнь	711
4	хорошо	286	4	дом	235	4	плохо	221	4	плохо	691
5	жизнь	252	5	нет	233	5,5	дурак	213	5	большой	694
6	плохо	249	6	хорошо	231	5,5	жизнь	213	6	хорошо	677
7	друг	238	7	плохо	221	7	деньги	211	7	нет	667
8	много	212	8,5	деньги	199	8	мужчина	189	8	деньги	587
9	все	192	8,5	дурак	199	9	хорошо	160	9,5	друг	565
10	большой	191	10	друг	173	10	друг	154	9,5	дурак	565
11	дело	185	11	вода	154	11,5	вода	149	12	лес	438
12	деньги	177	12	есть	146	11,5	красивый	149	12	мужчина	438
13	быстро	172	13	хороший	145	13,5	лес	148	12	хороший	438
14	стол	171	16	думать	142	13,5	мужик	148	14	день	436
15	день	170	16	жить	142	15	день	147	15	много	429
16	радость	168	16	идти	142	16	смерть	145	16	любовь	428
17	мир	165	16	любовь	142	17	ребенок	142	17	работа	426
18	ребенок	160	16	работа	142	18	работа	140	18	вода	420
19	разговор	159	19	говорить	139	19	любовь	138	19	ребенок	413
20	думать	158	20	все	138	20,5	парень	137	21,5	радость	404
21	лес	157	21	красивый	137	20,5	хороший	137	21,5	все	404
22,5	время	156	22	радость	134	22	грязь	132	22	дело	390
22,5	хороший	156	24	дорога	133	23	война	128	23,5	плохой	378

Раздел 4

24 дурак 153	24 лес 133	24 машина 126	23,5 смерть 378
25,5 говорить 149	24 смерть 133	25,5 девушка 124	25 быстро 371
25,5 мужчина 149	26 мой 130	25,5 плохой 124	26 стол 369
27 любовь 148	27 плохой 127	27 мальчик 120	27 парень 368
28 долго 145	28,5 много 120	28 страх 117	28 дорога 361
29 работа 144	28,5 я 120	29 красный 116	29 мир 360
30 свет 137	30 день 119	30 дерево 113	30 говорить 355

Материалы РАС позволяют: 1) выявить то общее и специфическое, что реально присутствует в сознании носителя данной культуры и неосознанно определяет его поведение, оценки и отношению к миру; 2) выявить роль первого (родного) языка в процессе формирования образа мира родной культуры; 3) выявить влияния особенностей культуры на образы языкового сознания ее носителя, 4) позволяет анализировать значение слова как социокультурный феномен.

Таблица 2 .Ядро языкового сознания русских по данным САНРЯ (1968–1972)

Ранг	Ассоциат	Кол-во вызвавших стимулов	Общая частота	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызвавших стимулов	Общая частота
1	человек	75	2555	16	город	33	221
2	хорошо	69	355	19	вечер	32	436
3	дом	65	588	19	деньги	32	249
4	друг	51	637	19	кино	32	204
5	дело	46	313	19	долго	32	119
6,5	быстро	45	354	19	плохо	32	99
6,5	книга	45	237	22	свет	31	87
8	хороший	43	760	24,5	хорошая	29	237
9,5	нет	42	209	24,5	дорога	29	126
9,5	жизнь	42	122	24,5	ребенок	29	90
11	стол	39	137	24,5	что-то	29	85
12,5	день	38	415	28,5	время	28	262
12,5	большой	38	236	28,5	урок	28	246
14	много	36	141	28,5	товарищ	28	183
15	работа	34	182	28,5	тетрадь	28	158

О размахе этого направления исследований можно судить по приведенному ниже списку ныне существующих в российской ассоциативной лексикографии ассоциативных словарей.

Литература

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28–44.

Залевская А.А. Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1983. С. 26–41.

Ассоциативная лексикография

РАС 1 – *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь / Т. I–6. М., 1994–1998. (первое издание).

РА С2 – *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. Т.1,2. М.: Астрель, 2002 (второе издание).

Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7–22.

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburg, 1972. (EAT: Edinburgh Associative Thesaurus eat.rl.ac.uk)

Kent, G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity. American Journal of Insanity, 1910. 67(37–96). pp. 317–390.

Palermo D.S., Jenkins J.J. Word Association Norms, Grade school through collt; Ke. Minno-apolis: University Press, 1964. 488 p.

Postman L., Keppel G. Norms of word association. NY., L.: Academic Press, 1970. 476 p.

Russel W.A.&Jenkins J.J. The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff word association test. Minneapolis: University of Minnesota, 1954. Tech. Rep. No.11.

Moss H., Older L. Birkbeck word association norms. Psychology Press, 1996. 165 pp.

Thorndike E.L. and Lorge I. The teacher's Word Book of 30,000 Words., New York Teachers College, Columbia University, 1944. 274 p.

Ogden C.K. The system of basic English. New York: Harcourt, Brace, 1934. 320 pp.

4.1.3. Ассоциативные словари французского языка

М. Дебрени
Новосибирск

1. *Французский ассоциативный словарь: в 2 томах. Т.1. От стимула к реакции. 227 с. Т. 2. От реакции к стимулу. 455 с. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2010. 200 экз. Авторский коллектив словаря: М. Дебрени, А.А. Романенко.*

Данный словарь включает в себя 1100 стимулов. Каждый стимул был предложен 100 и более испытуемым – студентам французских вузов.

Опрос проводился в 2008–2009 гг. с помощью электронного формуляра на сайте проекта, в котором слова-стимулы предъявлялись по одному, а время на ответ на весь тест (100 стимулов) ограничивался 15 минутами. Были обработаны лишь ответы, данные респондентами, ответившим «французский язык» на вопрос о родном языке. В эксперименте участвовали жители 600 населенных пунктов из всех регионов Франции.

Словник ассоциативного словаря отбирался по следующим основаниям:

- Частотная лексика современного французского языка по версии сайта eduscol.fr (1000 слов);
- Слова, релевантные для сопоставления картины мира носителей французского языка во Франции и в Африке (100 слов)

Реакции, содержащие орфографические или грамматические ошибки, были заменены на правильные варианты. Только в некоторых случаях реакции (ошибочное написание, связанное с языковой игрой) были оставлены в авторской редакции. Были также сохранены реакции в виде смайликов. Опубликованные как прямой словарь (от стимула к реакции), так и обратный (от реакции к стимулу)

Исследование выполнено при поддержке совместного гранта РФФИ-Дом наук о человеке РГНФ 08-04-95041а/чел.

СПИСОК СТИМУЛОВ

- abandonner, absence, accepter, accompagner, accomplir, accord, accorder, acculturé, acculturer, acheter, achever, acte, action, adresser, affaire, affirmer, africain, africanisé, africaniser, âge, agir, agiter, aide, aider, aile, ailleurs, aimer, air, ajouter, aller, allumer, alphabétisé, alphabétiser, âme, amener, ami, amour, amuser, an, ancêtre, ancien, animal, animiste, année, annoncer, apercevoir, apparaître, appartement, appartenir, appel, appeler, apporter, apprendre, approcher, appuyer, arbre, argent, arme, armée, arracher, arrêter, arrière, arriver, art, article, aspect, asseoir, assimilé, assurer, attacher, atteindre, attendre, attention, attirer, attitude, aujourd'hui, auteur, authenticité, autre, autrefois, avancer, avenir, aventure, avis, avoir, avouer
- A**
- baisser, banane, bas, bataille, battre, beau, beauté, besoin, bête, bien, bière, billet, blanc, bleu, boire, boisson, bon, bonheur, bord, boubou, bouche, bout, boy, branche, bras, briller, briser, brousse, bruit, brûler, brun, bureau, but
- B**
- cabaret, cabinet, cacher, calme, camarade, campagne, capable, caractère, carte, cas, case, cause, causer, centre, certain, cesse, cesser, chaîne, chair, chaise, chaleur, chambre, champ, changement, changer, chant, chanter, charge, charger, charlatan, chasser, chaud, chef, chemin, cher, chercher, cheval, cheveu, chicotte, chien, choisir, chose, chrétien, ciel, circonstance, cité, civilisation, civilisé, clair, clan, classe, coeur, coin, colère, colline, colonisation, combat, commencer, compagnie, compagnon, complet, composer, comprendre, compte, compter, condition, conduire, confiance, confier, connaissance, connaître, conscience, conseil, considérer, construire, contenir, content, continuer, contraire, convenir, conversation, corps, côte, côté, cou, coucher, couler, couleur, coup, couper, cour, courage, courant, courir, cours, court, coûter, coutume, couturier, couvrir, craindre, crainte, créer, creuser, cri, crier, crise, croire, croix, cuisine, culture, curiosité
- C**
- dame, danger, dangereux, danser, debout, début, décider, déclarer, découvrir, défendre, défrisage, défriser, demande, demander, demeurer, demi, démocratie, dent, départ, déposer, dernier, descendre, désert, désespoir, désir, désirer, détail, détruire, deuil, devenir, deviner, devoir, dieu, différent, difficile, digne, dire, direction, diriger, discours, disparaître, disposer, distinguer, docteur, doigt, donner, dormir, dos, dot, double, doucement, douleur, doute, douter, doux, drapeau, dresser, droit, dur, durer
- D**
- eau, échapper, éclairer, éclat, éclater, école, école, écouter, écrire, éducation, effacer, effet, effort, égal, également, élections, élément, élever, éloigner, embrasser, emmener, émotion, empêcher, empire, employer, emporter, endormir, endroit, énergie, enfant, enfermer, enfoncer, engager, enlever, ennemi, énorme, ensemble, entendre, entier, entourer, entraîner, entrée, entrer, envelopper, envie, envoyer, épaule, époque, éprouver, escalier, espace, espèce, espérer, espoir, esprit, essayer, établir, étage, état, été, éteindre, étendre, éternel, ethnique, étoile, étonner, étrange, étranger, être, étroit, étude, étudier, européen, événement, éviter, évolué, examiner, exemple, exiger, existence, exister, expatrié, expérience, expliquer, expression, exprimer
- E**
- face, facile, façon, faible, faim, faire, fait, fait, falloir, famille, faute, fauteuil, faux, femme, fenêtre, fer, fermer, fête, fétiche, feu, feuille, fier, figure, fil, fille, fils, fin, finir, fixer, flamme, fleur, flot, foi, fois, folie, fonction, fond, force, forcer, forêt, forme, former, fort, fortune, fou, foule, frais, franc, français, frapper, frère, froid, front, fruit, fuir, fumée, fumer, funérailles
- F**
- gagner, garçon, garde, garder, gauche, général, genou, genre, gens, geste, glace, glisser, gloire, goût, goutte, gouvernement, gouverneur, grâce, grand, grandir, grave, gris, gris-, ris, gros, groupe, guérisseur, guerre
- G**
- habiter, habitude, haine, haricot, hasard, haut, haut, hauteur, herbe, hésiter, heure, heureux, histoire, hiver, homme, honneur, honte, horizon, hôtel, humain
- H**
- idée, ignorer, île, image, imaginer, immense, immobile, importance, important, importer, imposer, impossible, impression, inconnu, indigène, indiquer, inspirer, installer, instant, intellectuel, intelligence, intention, intéresser, intérêt, intérieur, intérieur, interrompre, inutile, inventer
- I**
- jambe, jardin, jaune, jeter, jeu, jeune, jeunesse, joie, joli, joue, jouer, jour, journal, journée, juge, juger, juste, justice, justice
- J**
- la droite, la fin, la mort, la rose, la somme, langue, large, larme, le bien, le bois, le devoir, le droit, le mal, le passé, le présent, le rire, le sol, léger, lendemain, lentement, l'est, lettre, lettré, lever, lèvres, liberté, libre, lieu, ligne, lire, lisser, lit, livre, livrer, loi, loin, long, long, longtemps, l'or, lourd, leur, lumière, lune, lutte, lutter
- L**
- machette, machine, madame, magnifique, main, maintenant, maintenir, maison, maître, mal, malade, maladie, malheur, maman, manger, mangue, manier, manioc, manquer, marabout, marche, marché, marcher, mari, mariage, marier, marquer, masque, masse, matière, matin, mauvais, médecin, meilleur, mêler, membre, même, mémoire, mener, mer, mère, mesure, métis, mettre, midi, mieux, milieu, million, ministre, minute, miser, mission, missionnaire, mixte, mode, moindre, mois, moitié, moment, monde, monsieur, montagne, monter, montrer, morceau, mort, mot, mourir, mouvement, moyen, moyen, mur, musique, musulman
- M**
- naître, nation, national, nature, naturel, nécessaire, neuf, nez, noir, nom, nombre, nommer, nord, nourrir, nouveau, nu, nuage, nuit
- N**

Ассоциативная лексикография

- O obéir, objet, obliger, observer, obtenir, occasion, occidental, occidentalisé, occidentaliser, occuper, odeur, oeil, oeuvre, officier, offrir, oiseau, ombre, oncle, ordre, oreille, oser, oublier, ouvert, ouvrage, ouvrir, page, pagne, pain, paix, palabre, palais, paludisme, papa, papaye, papier, paraître, pareil, parent, parler, parole, part, partager, parti, particulier, partie, partir, parvenir, passage, passer, passion, patois, pauvre, payer, pays, paysan, peau, peine, pencher, pénétrer, pensée, penser, perdre, père, permettre, personnage, personne, peser, petit, peuple, peur, phrase, pièce, pied, pierre, piste, pitié, place, placer, plaindre, plaine, plaire, plaisir, plan, plein, pleurer, plonger, pluie, poche, poésie, poète, poids, point, pointe, poitrine, police, politique, politique, pont, port, porte, porter, poser, position, posséder, possible, poste, poursuivre, pousser, poussière, pouvoir, pouvoir, préférer, premier, premier, prendre, préparer, présence, présenter, président, presser, prêt, prétendre, prêter, preuve, prévenir, prévoir, prier, prière, prince, principe, prison, prix, problème, prochain, produire, profond, projet, promener, promettre, prononcer, propos, proposer, propre, protéger, prouver, public, puissance, puissant, pur
- Q qualité, quartier, question, quitter
- R raconter, raison, ramasser, ramener, rapide, rappeler, rapport, rapporter, rare, rayon, réalité, recevoir, recherche, recommencer, reconnaître, reculer, réduire, réfléchir, refuser, regard, regarder, rejoindre, relation, relever, religion, remarquer, remercier, remettre, remonter, remplacer, remplir, rencontrer, rendre, rentrer, répandre, répéter, répondre, réponse, reposer, reprendre, représenter, résister, résoudre, respect, respirer, ressembler, reste, rester, résultat, retenir, retirer, retour, retourner, retrouver, réunir, réussir, rêve, réveiller, révéler, revenir, rêver, revoir, révolution, riche, rire, robe, rocher, roi, rôle, rouge, rouler, route, rue
- S sable, sac, saint, saisir, salle, saluer, sang, santé, santé, sauter, sauvage, sauver, savoir, scène, science, sec, second, seconde, secret, seigneur, sein, semaine, semblable, sembler, sens, sentiment, sentir, séparer, sérieux, serrer, service, servir, seul, sexe, sida, siècle, signe, silence, simple, simplement, situation, social, société, soeur, soin, soir, soirée, soldat, soleil, solitude, sombre, sommeil, sommet, son, songer, sonner, sorcier, sorte, sortir, sou, souffler, souffrance, souffrir, soulever, soumettre, source, sourire, sourire, soutenir, souvenir, souvent, spectacle, subir, succès, suffire, suite, suivant, suivre, sujet, supérieur, sûr, surprendre, symbole, système
- T table, tache, taille, taire, tambour, tam-tam, tard, teint, témoin, temps, tendre, tendre (vb), tenir, tenter, terme, terminer, terrain, terre, terrible, tête, théâtre, tirer, titre, toile, toit, tôle, tomber, ton, toucher, tour, tourner, tout, trace, tradition, traditionnel, train, traîner, trait, traiter, tranquille, travail, travailler, travers, traverser, trembler, trésor, tribu, triste, tromper, trou, troubler, trouver, tuer, type
- U un anglais, un étranger, un être, un général, un jeune, un pas, un saint, un secret, un souvenir, un vieux, un voisin, une vague, unique, université, usage, user
- V vache, vague, valeur, vaste, veille, vendre, venir, vent, ventre, véritable, vérité, verre, verser, vert, vêtement, vêtir, victime, vide, vie, vieillard, vieille, vieux, vif, village, ville, vin, violence, violent, visage, visite, vite, vivant, vivre, voie, voile, voir, voiture, voix, voler, volonté, voter., vouloir, voyage, vrai, vue
- Y yeux

2. Французский ассоциативный словарь ФАС-1. Прямой и обратный.

Электронный вариант.

Доступен по ссылке: <http://dictaverf.nsu.ru/ru>, вкладка «французский ассоциативный словарь ФАС-1».

От печатного варианта словаря 2010 года электронный словарь ФАС отличается следующим:

- для прямого словаря: была проведена повторная проверка полученных реакции.
- для обратного словаря: была проведена лемматизация реакций.
- из списка стимулов были убраны слова, внесенные в эксперимент для сравнения с французским языком Африки:

Ancêtre, authenticité, banane, bière, boisson, brun, cabaret, case, chrétien, cité, civilisation, clan, colonisation, coutume, culture, démocratie, deuil, dot, drapeau, école, éducation, ethnie, européen, expatrié, funérailles, haricot, indigène, intellectuel, justice, langue, maman, masque, mère, mixte, musulman, national, occidental, patois, piste, santé, sexe, sida, sœur, symbole, tambour, teint, tôle, tradition, université, vache, voter, acculturé, acculturer, africain, africanisé, africaniser, alphabétisé, alphabétiser, animiste, assimilé, boubou, boy, brousse, charlatan, chicotte, civilisé, coutumier, défrisage, défriser, élections, évolué, fétiche, gouverneur, gris-gris, guérisseur, lettré, machette, mangue, manioc, marabout, métis, mission, missionnaire, occidentalisé, occidentaliser, pagne, palabre, paludisme, papaye, sorcier, tam-tam, traditionnel, tribu, vieille

Раздел 4

Электронный формат словаря предоставляет поиск по отдельному слову (для прямого и обратного словарей), в алфавитном порядке, по частотности реакции и по количеству стимулов (для обратного словаря).

На сайте отдельно доступен редуцированный вариант словаря, составленный на основе 610 общих со словарем ФАС-2 стимулами.

3. Новый французский ассоциативный словарь 2019 ФАС-2. Прямой и обратный. Электронный вариант.

Доступен по ссылке: <http://dictaverf.nsu.ru/ru>, вкладка «Словарь французских ассоциаций 2019». Авторский коллектив словаря: М. Дебрэнн, А.А.Романенко.

Словник ассоциативного словаря содержит частотную лексику современного французского языка (существительные, глаголы, прилагательные, полнозначные наречия) на основе частотного словаря Lonsdale D., Le Bras Y. A frequency dictionary of French (2009).

Данный словарь включает в себя 1000 стимулов. Каждый стимул был предложен 100 и более испытуемым – студентам французских вузов.

Опрос проводился в 2019–20 гг., с помощью электронного формуляра на сайте проекта, где слова-стимулы предъявлялись по одному, сначала по 25, затем по 50 стимулов на каждого респондента. Каждый респондент мог пройти тест несколько раз (до 100 стимулов), не заполняя повторно анкетную часть. Были обработаны лишь ответы, данные респондентами, ответившими «французский язык» на вопрос о родном языке. В эксперименте участвовали студенты вузов-партнеров Новосибирского государственного университета.

Реакции, содержащие орфографические или грамматические ошибки, были заменены на правильные варианты. Для обратного словаря реакции лемматизированы.

Исследование выполнено при поддержке совместного гранта РФФИ-НЦНИ 19-512-15001 НЦНИ_а.

СПИСОК СТИМУЛОВ

A	abandonner, absence, absolument, accepter, accès, accompagner, accord, accorder, accueillir, accuser, acheter, acquérir, acte, action, activité, actuel, admettre, administration, adopter, adresser, affaire, affirmer, âge, agent, agir, aide, aider, aimer, air, ajouter, allemand, aller, améliorer, amener, américain, ami, amour, ancien, anglais, animal, année, annoncer, apparaître, appartenir, appel, appeler, application, appliquer, apporter, apprécier, apprendre, appuyer, argent, arme, armée, arrêter, arrivée, arriver, article, aspect, assemblée, assister, association, assurer, attaquer, atteindre, attendre, attente, attention, attirer, attitude, augmenter, autant, auteur, autoriser, autorité, avance, avancer, avantage, avenir, avis, avocat, avoir, avril
B	baisser, bande, banque, bas, base, battre, beau, besoin, bien, blanc, bon, bord, bout, bref, budget, bureau, but
C	caché, cadre, camp, campagne, canadien, capable, capacité, capital, caractère, carte, cas, cause, causer, central, centre, certain, cesser, chaîne, chambre, champ, chance, changement, changer, charge, charger, chef, chemin, cher, chercher, chiffre, choisir, choix, chose, circonstance, citer, citoyen, civil, clair, classe, client, cœur, collègue, combat, combattre, comité, commander, commencer, commerce, commercial, commission, commun, communauté, commune, communication, compagnie, complet, complexe, comporter, composer, comprendre, compte, compter, concentrer, concerner, concevoir, conclure, concurrence, condamner, condition, conduire, conférence, confiance, confier, confirmer, conflit, connaissance, connaître, consacrer, conscience, conseil, conseiller, conséquence, conserver, considérer, consister, constater, constituer, construction, construire, contact, contenir, contenter, continuer, contraire, contrat, contribuer, contrôle, contrôler, convaincre, convenir, corps, côté, coup, couper, couple, courant, cours, court, cout, couter, couvrir, craindre, création, crédit, créer, crime, crise, critique, croire, croissance, culture
D	danger, dangereux, date, débat, début, décembre, décider, décision, déclaration, déclarer, découvrir, décrire, défendre, défense, définir, demande, demander, demeurer, demi, départ, dépasser, dépendre, déplacer, déposer, député, dernier, désigner, destiner, détail, déterminer, détruire, deuxième, développement, développer, devenir, devoir, différence, difficile, difficulté, dire, direct, directeur, direction, diriger, discours, discussion, discuter, disparaître, disposer, disposition, distribuer, divers, document, dollar, domaine, dommage, donnée, donner, dossier, double, doubler, doute, droit, dur, durer

Ассоциативная лексикография

E	échange, échapper, échec, école, économie, économique, écouter, écrire, éducation, effectuer, effet, effort, égal, égard, élection, élément, élève, élever, émission, empêcher, emploi, employer, emporter, emprunter, endroit, énergie, enfant, engagement, engager, énorme, enquête, ensemble, entendre, entier, entraîner, entrée, entreprendre, entreprise, entrer, entretenir, envers, environ, environnement, envisager, envoyer, époque, équipe, erreur, espace, espèce, espérer, espoir, esprit, essayer, essentiel, estimer, établir, établissement, étape, état, été, étendre, étranger, être, étude, étudiant, étudier, européen, évènement, éviter, évoquer, exact, examiner, exception, exemple, exercer, exiger, existence, exister, expérience, expliquer, exposer, expression, exprimer, extérieur, eau
F	face, facile, façon, faible, faire, fait, falloir, famille, faute, faux, faveur, fédéral, femme, ferme, fermer, feu, février, figurer, fille, film, fils, fin, financier, finir, fixer, fois, fonction, fonctionner, fond, fonder, fonds, force, forcer, formation, forme, former, fort, fournir, frais, franc, français, frapper, frère, frontière, fruit, futur
G	gagner, garde, garder, gauche, général, genre, gens, gestion, global, gouvernement, grand, grave, gros, groupe, guerre
H	habiter, haut, heure, heureux, histoire, historique, homme, honneur, honorable, humain
I	idée, ignorer, image, imaginer, immédiatement, impliquer, importance, important, importer, imposer, impossible, impression, indépendant, indiquer, individu, industrie, industriel, influence, information, inscrire, insister, installer, instant, institution, intention, interdire, intéresser, intérêt, intérieur, international, interroger, intervenir, intervention, investissement, inviter
J	janvier, jeu, jeudi, jeune, jouer, jour, journal, journée, jugement, juger, juin, juste, justice, justifier
L	laisser, lancer, langue, large, lecture, lettre, lever, libéral, libérer, liberté, libre, lien, lier, lieu, ligne, limite, limiter, lire, liste, livre, livrer, local, logique, loi, long, lourd, lumière, lundi, lutte, lutter
M	mai, main, maintenir, maison, maitre, majorité, mal, malade, malgré, manière, manifester, manque, manquer, marché, marche, mardi, marquer, mars, matériel, matière, matin, mauvais, maximum, médecin, membre, mémoire, menacer, mener, mer, mercredi, mère, mériter, message, mesure, mesurer, méthode, mettre, milieu, militaire, milliard, millier, million, ministère, ministre, minute, mise, mission, mode, modèle, modifier, moindre, mois, moitié, moment, monde, mondial, monter, montrer, mort, mot, moteur, motion, mourir, mouvement, moyen, musique
N	naître, nation, national, nature, naturel, nécessaire, nécessité, négociation, neuf, niveau, noir, nom, nombre, nombreux, nommer, nord, normal, note, noter, nouveau, novembre, nucléaire, nul, numéro
O	objectif, objet, obliger, observer, obtenir, occasion, occuper, octobre, œil, œuvre, officiel, offrir, opération, opinion, opposer, opposition, or, ordre, organisation, organiser, origine, oublier, ouvert, ouvrir
P	page, paix, papier, paraître, parent, parlement, parler, parole, part, partager, partenaire, parti, participer, particulier, partie, partir, parvenir, passage, passé, passer, pauvre, payer, pays, peine, penser, perdre, père, période, permettre, personne, personnel, perte, petit, peuple, peur, physique, pièce, pied, place, placer, plaire, plaisir, plein, poids, point, police, politique, population, porte, portée, porter, poser, positif, position, posséder, possibilité, possible, poste, poursuivre, pousser, pouvoir, pratique, précédent, précis, préciser, préférer, premier, prendre, préparer, présence, présent, présenter, présenter, président, presque, presse, pression, prêt, prétendre, prêter, preuve, prévoir, principal, principe, prise, prison, priver, prix, problème, procéder, procédure, processus, prochain, proche, production, produire, produit, professeur, professionnel, profit, profiter, profond, programme, progrès, projet, promesse, promettre, prononcer, propos, proposer, proposition, propre, protection, protéger, prouver, province, provoquer, public, publier, puisque, puissance
Q	qualité, quartier, question, quitter
R	raconter, raisonner, ramener, rapide, rappeler, rapport, rapporter, réaction, réagir, réaliser, réalité, récent, recevoir, recherche, recommandation, reconnaître, réduire, réel, réfléchir, réforme, refuser, regarder, régime, région, régional, règle, règlement, régler, regretter, rejeter, rejoindre, relatif, relation, relever, remarquer, remettre, remonter, remplacer, remplir, rencontre, rencontrer, rendre, rentrer, renvoyer, répéter, répondre, réponse, reposer, reprendre, reprise, république, réseau, réserve, réserver, résoudre, respect, respecter, responsabilité, responsable, ressource, reste, rester, résultat, retenir, retirer, retour, retourner, retraite, retrouver, réunion, réunir, réussir, révéler, revenir, revenu, riche, rien, risque, risquer, rôle, rouge, route, rue
S	saisir, salaire, salle, sang, santé, satisfaire, savoir, scène, science, scientifique, second, secret, secrétaire, secteur, sécurité, sein, semaine, sembler, sénateur, sens, sensible, sentiment, sentir, séparer, septembre, série, sérieux, service, servir, seul, siècle, signal, signe, signer, signifier, simple, simplement, situation, situer, social, société, soin, soir, soldat, solution, somme, sorte, sortie, sortir, souffrir, souhaiter, souligner, soumettre, source, soutenir, souvenir, spécial, structure, subir, succès, suffire, suite, suivant, suivre, sujet, supérieur, supposer, sûr, surprendre, susciter, système

Раздел 4

T	table, tâche, tandis, taux, technique, télévision, témoin, temps, tendance, tendre, tenir, tenter, terme, terminer, terrain, terre, territoire, tête, texte, tirer, titre, tomber, ton, tôt, total, toucher, tour, tourner, traduire, train, traitement, traiter, transformer, transport, travail, travailler, travers, traverser, troisième, trouver, tuer, type
U	union, unique, unité, université, usage, utile, utiliser
V	valeur, valoir, vaste, vendre, vendredi, vente, véritable, vérité, version, vert, victime, vie, vieux, vif, ville, violence, violent, viser, visite, vitesse, vivant, vivre, voie, voir, voisin, voiture, voix, volonté, vote, vouloir, voyage, vrai, vue
Z	zone

Электронный формат словаря предоставляет поиск по отдельному слову (для прямого и обратного словарей), в алфавитном порядке, по частотности реакции и по количеству стимулов (для обратного словаря).

На сайте отдельно доступен редуцированный вариант словаря, составленный на основе 610 общих со словарем ФАС-1 стимулов.

4. Словарь ассоциативных норм французского языка. Электронный вариант.

Доступен по ссылке: <http://dictavetf.nsu.ru/ru>, вкладка «Словарь ассоциативных норм французского языка».

Небольшой словарь подготовлен для исследования определения влияния языка и внеязыковых условий на ассоциации. Материал собирался с помощью Google-опросника с 15 сентября 2013 по 15 сентября 2015 г. Все анкеты были одинаковыми и содержали следующие слова (в этом порядке):

être, avoir, faire, dire, pouvoir, aller, voir, bien, homme, mari, vouloir, femme, venir, grand, devoir, jour, prendre, petit, mer, trouver, donner, temps, parler, main, chose, vie, savoir, yeux, passer, regarder, aimer, heure, croire, monde, enfant, fois, demander, jeune, moment, rester, répondre, tête, père, fille, entendre, bon, cœur, an, terre, dieu, monsieur, voix, penser, arriver, maison, coup, beau, connaître, devenir, air, mot, nuit, sentir, eau, vieux, sembler, tenir, comprendre, rendre, attendre, sortir, ami, amour, pied, gens, vivre, reprendre, entrer, porter, pays, ciel, frère, regard, chercher, âme, mort, revenir, noir, nouveau, ville, rue, appeler, soir, mourir, partir, esprit, soleil, corps, blanc, mal.

На анкеты были получены 604 ответа из Франции, 466 из Бельгии, 427 из Швейцарии и 318 из Канады. В 2020 была проведена повторная обработка и лемматизация материала для обратного словаря.

Электронный формат словаря предоставляет поиск по отдельному слову (для прямого и обратного словарей), в алфавитном порядке, по частотности реакции и по количеству стимулов (для обратного словаря). Можно также рассматривать ответы как со всех респондентов, так и отдельно по странам. Цветовая маркировка позволяет определить совпадения реакций.

4.2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ

4.2.1. Проект «Русский региональный ассоциативный словарь»

Н.В. Уфимцева
Москва

Работа по изучению особенностей регионального языкового сознания была начата в секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН еще в 1996 г. в рамках Постоянно действующего семинара «Язык, сознание, культура: межэтнические аспекты». Именно в публикациях участников этого семинара появилось и получило широкое распространение в психолингвистических исследованиях и само понятие языкового сознания.

Интерес к русской культуре и к процессам, происходящим в сознании ее носителей, подвигли уже новый научный коллектив (Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Е.В. Харченко,

И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) продолжить работу по сбору экспериментального материала, расширить задачи исследования и попытаться смоделировать региональные особенности языкового сознания носителей русской культуры. Так в 2008 году родился новый проект, целью которого было создание трех региональных баз ассоциативных данных: ЕВРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ), СИБАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Сибири и Дальнего Востока) и УРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Урала), которые, с одной стороны, могут существовать как самостоятельные базы данных, но, с другой стороны, поскольку они собираются по единой технологии и на одном списке слов-стимулов, могут быть объединены в единую базу в зависимости от целей, которые будут решаться в конкретных исследованиях.

К настоящему моменту закончен первый этап ассоциативного эксперимента во всех трех регионах и созданы три электронные базы данных, а также изданы два двухтомных словаря – Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС [Шапошникова, Романенко 2014, 2015] и ЕВРАС [Уфимцева, Черкасова 2018, 2019]. Словарь первого этапа ассоциативного эксперимента с жителями Урала пока существует только в виде текстовой базы данных.

Испытуемыми во всех трех регионах (по 5000 человек) традиционно были студенты различных вузов разных специальностей (для ЕВРАС: Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Владимира, Воронежа, Ижевска, Калуги, Кирова, Курска, Липецка, Мурманска, Орла, Рязани, Твери, Саратова, Северодвинска, Сыктывкара, Ульяновска) в возрасте от 17 до 25 лет, родной язык – русский. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в свой список 700 слов-стимулов из РАСа, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании молодого поколения русских в начале 21 века.

Структура словарных статей аналогична структуре статей в РАС [Караулов и др. 2002]. Каждая словарная статья в Прямом ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на данное слово-стимул в порядке убывания частоты, «черное имя» или имя словарной статьи – это слово-стимул. В Обратном словаре «черное слово», или имя словарной статьи, это слово-реакция, ответ испытуемого на предъявленное ему слово-стимул. В правой части даны стимулы, «породившие» данный ответ. Цифры после стимула в правой части статьи указывают на частоту данной реакции, т.е. на число испытуемых, ответивших данным словом на этот стимул.

Поскольку Русский региональный ассоциативный словарь (РРАС) был задуман как новый ассоциативный тезаурус, то после завершения первого этапа была начата подготовка к проведению второго этапа эксперимента, создан на основе полученных слов-реакций новый список стимулов (4000) и было решено сбор анкет проводить в электронной форме на сайте Новосибирского университета. Предполагалось, что в ассоциативном эксперименте должны принять участие по 8000 испытуемых в каждом регионе. К настоящему моменту сбор материала для второго этапа словаря закончен в Сибири (см. соответствующий раздел этой монографии), в европейской части эксперимент завершен на 2/3. В процессе работы выяснилось, что сбор материала с помощью электронной анкеты идет очень медленно и неконтролируемо, и пришлось вернуться к работе с бумажными анкетами.

К сожалению, работы над Уральским региональным словарем (УРРАС) приостановлены и продолжения не получили.

Неожиданно для организаторов в отдельный исследовательский проект выделилось исследование языкового сознания жителей Приенисейской Сибири [Ассоциативный...2014]. Группа преподавателей Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (С.П. Васильева, А.Д. Васильев, М. В. Шибаев, А.В. Кипчатова,

А.Г. Тимченко, Н.Н. Бебриш) провела в 2013 году свободный ассоциативный эксперимент с жителями г. Красноярска, п. Емельяново, п. Никольское Емельяновского р-на, всего около 1000 человек разных социальных и возрастных групп в рамках регионального проекта «Изучение языкового сознания жителей Приенисейской Сибири», поддержанное фондами РГНФ и ККФПН. За основу были взяты технологии и методы проведения эксперимента, использованные при создании РАС и СИБАС. В словаре представлены только прямые ассоциативные статьи.

Хочется еще особо отметить вышедший в Якутске небольшой по объему, но очень интересный «Региональный русский ассоциативный словарь», созданный В.М. Тобуроковой [Тобурокова 2008]. Словарь был составлен по результатам ассоциативного эксперимента, проведенного в 1999–2002 гг. со студентами 10 институтов и факультетов ЯГУ, учащихся средних специальных заведений, сельских и городских школ на материале 120 слов-стимулов. Всего было получено 18000 реакций.

К настоящему моменту большой Русский региональный ассоциативный словарь обогатился материалами еще одного российского региона. Практически закончена работа над Крымским ассоциативным словарем.

Крымский ассоциативный словарь к настоящему времени существует в виде электронной базы данных, содержащей прямой и обратный словари. Словари созданы по материалам массовых ассоциативных экспериментов со студентами различных вузов Крыма.

В экспериментах приняли участие около 4500 респондентов обоего пола. По времени создания это самый «молодой» региональный ассоциативный словарь, но это не единственная его особенность. По условиям эксперимента в нем могли принимать участие коренные жители Крыма или лица, прожившие в Крыму не менее 10 лет. Учитывая средний возраст респондентов (19 лет), это означает, что они прошли социализацию и получили среднее образование еще в то время, когда Крым входил в состав Украины, и русские жители Крыма представляли собой диаспору, живущую в инокультурном, хотя и близкородственном, окружении. Сбор материала для словаря начался в 2018 году.

Особую ценность материалам Крымского ассоциативного словаря придает тот факт, что он является очередным в серии ассоциативных словарей носителей русского языка/культуры, которые собираются с 60-х годов прошлого века практически на одном исходном списке стимулов (1000 наиболее частотных слов русского языка), ассоциативные эксперименты проводятся с одной и той же социальной и возрастной группой респондентов (студенты разных вузов и специальностей в возрасте от 17 до 25 лет), а результаты интерпретируются с одних и тех же методологических позиций – теории языкового сознания Московской психолингвистической школы.

Содержание ассоциативного поля рассматривается как специфическое значение, как сумма знаний, которые стоят за словом в сознании носителя языка. При этом само значение рассматривается как социокультурный феномен. Именно такой подход и позволяет отслеживать те изменения, которые происходят в образе мира русских в связи с изменениями, происходящими в обществе. Итак, первая группа задач, которая может решаться с использованием материалов Крымского ассоциативного словаря [Крымский...], это исследование собственно региональных особенностей языкового сознания молодого поколения жителей Крыма по отношению к их сверстникам в России. Задача эта очень интересна, поскольку, как мы уже указывали, до 2014 года русские жители Крыма по отношению к России представляли собой диаспору. И вот эти-то особенности мы и имеем возможность отследить. Таким образом, мы можем исследовать особенности языкового сознания носителей русской культуры, которые получили образование и проходили социализацию в рамках образовательной системы Украины. Показательный пример: на слово-стимул ВОЙНА крымчане дают реакцию Вторая мировая война, Крымская война, а их ровесники в России (СИБАС, ЕВРАС) – Великая Отечественная. Можно предположить, что это есть результат отличий украинской образовательной программы и видения истории на Украине. Интересно, что на

стимул ГИМН крымчане дают наряду с реакцией *России, Россия* и реакции *Украины, Украина*. С другой стороны, на стимул ЧИНОВНИКИ крымчане и жители России дают сходные реакции: *власть, воры, коррупция* (в Крыму) и *бюрократия, власть, коррупция* (ЕВРАС). Еще одним аспектом регионального языкового сознания является территориальный, о наличии или отсутствии которого свидетельствуют факты появления реакций – реалий, указывающих на определенные пространственные объекты (например, Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, Ай-Петри, Аю-Даг, Чатыр-даг, море, причал, Черное море, гора, виноградники и т.п.) и апеллирующих к устойчивой во времени территориальной идентичности, связанной с природной средой и т. н. domestикатами (по Л. Гумилеву).

Заслуживающим исследования является и религиозный фрагмент обыденного языкового сознания молодых россиян. Как показывают первые результаты анализа, мы получаем очень интересный разброс по регионам России. Так, процент реакций на стимул ВОСКРЕСЕНЬЕ, которые можно отнести к религиозному сознанию, по данным ЕВРАС – 11,5 % от общего числа реакций, по данным СИБАС – 6,0%, а у крымчан – 7,8%. Традиционным аспектом исследования особенностей языкового сознания по данным массовых ассоциативных экспериментов является гендерный. Электронная база данных Крымского ассоциативного словаря позволяет исследовать особенности языкового сознания респондентов в зависимости от их пола. Эти исследования имеют давнюю традицию. В ассоциативной лексикографической практике имеются даже Ассоциативные словари, составленные по гендерному принципу (например, [Дмитрюк и др. 2014]).

Как показывают исследования (см., например, [Региональное языковое сознание...2017]), материал региональных ассоциативных словарей позволяет описать и систематизировать социально-культурные доминанты языкового сознания русских и тенденции их изменения. Для такого рода исследований наиболее продуктивным является понятие ядра языкового сознания. С помощью этого инструмента и благодаря наличию в арсенале исследователей материалов массовых ассоциативных экспериментов, которые проводятся с носителями русского языка/культуры начиная с 70-х годов прошлого века, исследователи получили возможность устанавливать доминанты обыденного русского языкового сознания, исследовать их содержание и иерархию и, тем самым, выявлять его системность. Сравнение разных срезов обыденного языкового сознания демонстрирует устойчивое сходство в составе ядра языкового сознания у русских респондентов на протяжении всего периода наблюдений. Однако существуют и определенные тенденции в изменении ранга входящих в него понятий и их содержания. Это касается, например, содержания понятия *жизнь*, которое изменилось в положительную сторону: в *ЖИЗНЬ* наших русских испытуемых вернулся *смысл*, эта реакция присутствует в ассоциативном поле крымчан; и содержания понятия *ДЕНЕГ*, которые перестали быть *злом*: теперь с ними связывается представление о *власти* и *богатстве*, а также *труд* и *работа*. А вот в Крымском ассоциативном словаре *ДЕНЬГИ* – это по-прежнему *зло* (вторая по частоте реакция). Наиболее интересными и многообещающими, с нашей точки зрения, являются исследования содержания образов обыденного языкового сознания русских в динамике (см., например, [Шапошникова 2020]), и Крымский ассоциативный словарь открывает новые перспективы для таких исследований.

В стадии сбора экспериментального материала находится работа над еще одним русским региональным словарем – Русским ассоциативным словарем Донбасса, которой руководит Вячеслав Исаевич Теркулов. Эксперименты проводятся на ставшем уже стандартным списке из 1000 слов-стимулов, который используется на первом этапе эксперимента во всех русских региональных словарях, на разных факультетах Донецкого национального университета и других вузов Донецка. Русское языковое сознание в условиях войны – вот объект исследования в этом словаре.

Материалы ассоциативных словарей демонстрируют неразрывную связь содержания обыденного коллективного языкового сознания русских и процессов, происходящих в обществе, и помогают спрогнозировать векторы его развития.

Литература

- Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири. Красноярск: КГПУ, 2014. 258 с.
- Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И.* Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь (КАС–2014). Алматы–Москва; Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь [В 2 тт.]. М.: АСТ: Астрель, 2002.
- Крымский ассоциативный словарь. Рабочая электронная база данных.
- Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.–Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. 246 с.
- Тобурокова В.М.* Региональный русский ассоциативный словарь. Якутск: ЯГУ, 2008. 84 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС). Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 560 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС). Т.2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. 687 с.
- Шапошникова И.В.* Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с.
- Шапошникова И.В., Романенко А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (СИБАС). Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 681 с.
- Шапошникова И.В., Романенко А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (СИБАС). Т. 2. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015. 763 с.

4.2.2. Словари языкового сознания в национальных республиках РФ

Н.В. Уфимцева
Москва

Отдельным направлением изучения особенностей регионального языкового сознания являются исследования, проводимые в различных национальных республиках РФ.

Первым словарем такого типа, созданным в новой России, можно считать словарь Т.А. Голиковой «Алтайско-русский ассоциативный словарь» [Голикова 2003]. Отличительной особенностью этого словаря является состав испытуемых: это русские и алтайцы-билингвы (диалектная группа алтай-кижи), проживающие в одном регионе Горного Алтая. Группа алтайцев участвовала в ассоциативном эксперименте как на русском языке, так и на своем родном. Список стимулов включал 105 слов, которые были получены методом опроса жителей Горно-Алтайска, русских и алтайцев, и был сформирован из слов, обозначающих жизненно важные для респондентов понятия. Респондентами выступали представители различных социальных и возрастных групп: школьники старших классов (15–16 лет), учащиеся средних учебных заведений (15–17 лет), студенты разных факультетов Горно-Алтайского госуниверситета (16–24 года), лица, имеющие среднее специальное образование (24–60 лет) и высшее образование (24–60 лет). Структура словарной статьи заимствована из РАСа. Опубликованы лишь прямые ассоциации и сводные ассоциативные статьи, не разделенные по группам испытуемых.

К числу региональных словарей можно отнести изданный еще во времена СССР Киргизско-русский ассоциативный словарь [Титова 1975], в котором приведены ассоциации на 140 слов киргизского языка и их русские эквиваленты, полученные от 1000 испытуемых-киргизов и 500 испытуемых-русских. В основу списка слов-стимулов положен список Кент-Розанова, дополненный словами, описывающими современные для респондентов реалии и особенности природы и хозяйства Киргизии. В словарные статьи включены лишь ассоциации с частотой не меньше 10.

Еще одним ассоциативным словарем такого типа является Латышско-русский ассоциативный словарь [Ульянов 1988], в котором зафиксированы результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями латышского и русского языков – студентами рижских вузов I–V курсов в возрасте от 18 до 30 лет (530 латышей и 530 русских) с 1977 по 1979 год. Список слов-стимулов включает 160 слов на латышском языке и 150 слов на русском, в основе которых лежит список Кент-Розанова, дополненный автором. В статьях словаря приведены все полученные от респондентов реакции, включая единичные.

Необходимо отметить, что научным консультантом и Л.Н. Титовой, и Ю.Е. Ульянова был доктор филологических и педагогических наук, профессор А.Е. Супрун.

«Ассоциативный словарь якутского языка», созданный в 2012 году, основан на материалах, полученных в процессе массового свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с 2005 по 2010 год. Список стимулов включал 140 слов, позаимствованных из Славянского ассоциативного словаря. В эксперименте приняли участие около 2000 студентов (носителей якутского языка), обучавшихся на разных специальностях в СВФУ в Якутске и других городах (Мирный и Нерюнгри) [Заморщикова и др. 2012]. Тот факт, что список слов-стимулов позаимствован из САС, позволяет проводить сопоставительный анализ содержания языкового сознания якутов и носителей разных славянских языков.

В двух больших исследованиях особенностей регионального языкового сознания русских и коренных жителей республик Коми, Татарстан, Бурятия и Саха (Якутия) (см. [Региональное языковое сознание... 2017]) в качестве испытуемых выступали русские, постоянно проживающие в названных регионах, и коренное население, владеющее как родным, так и русским языком – все студенты разных специальностей в возрасте от 17 до 26 лет. Минимально необходимое число респондентов было определено в 200 человек (100 мужчин и 100 женщин), но в высших учебных заведениях Республик Коми и Бурятии мы не смогли найти даже такое скромное число билингвов, одинаково хорошо владеющих родным и русским языком. Исходный список слов-стимулов включал 116 слов на русском языке и столько же слов-эквивалентов на татарском и якутском языках. Всего было опрошено около 4 тыс. человек. Были опубликованы результаты анализа экспериментального материала по двум республикам – Коми и Татарстану (см. [Региональное языковое сознание... 2017]) и Электронный республиканский ассоциативный словарь: Коми и Татарстан, составителем которого является Г.А. Черкасова [Электронный ... словарь 2017], который содержит ответы испытуемых – студентов, постоянно проживающих в Республиках Татарстан и Коми. Словарь состоит из пяти частей, четыре из которых содержат ассоциаты на русском языке, полученные от русских и татар в Татарстане, а также русских и коми в Республике Коми, пятая часть – ассоциаты на татарском языке.

Как показал наш анализ, обмен через посредство контактирующих языков приводит как к осознаваемым и частично осознаваемым (рефлексивным), так и неосознаваемым носителями языка изменениям в структуре и содержании знаний, связанных с наиболее важными в культурном отношении объектами. Это справедливо и применительно к русским, находящимся в условиях инокультурного окружения – в Республиках Коми, Татарстан, Бурятия, Саха(Якутия), а также к представителям автохтонного населения этих республик, находящимся в постоянном контакте с русским населением. Такое взаимодействие двунаправленно: для представителей каждого контактирующего этноса контакт обуславливает, с одной стороны, встраивание инокультурного знания в систему собственных знаний, их адаптацию в ней, а с другой – их неизбежную трансформацию на уровне культурных смыслов.

Экспериментальные исследования ассоциативного значения слов, в котором отражаются как отрефлексированные, так и неотрефлексированные знания о мире, способны обнаружить указанное смысловое содержание. Помимо территориального критерия (контактного проживания представителей указанных культур с русскими) указанные изменения обуславливаются также родным (материнским) языком – русским, либо национальным. Структура родного языка формирует языковую картину мира, на

которую при этнокультурных контактах могут накладываться новые элементы. Способы адаптации и трансформации культурно обусловленных знаний (выражаемых материально в «психологическом» значении слов), таким образом, представляют научный интерес с учетом двух выделенных критериев: территории и родного языка. Каждый из данных критериев обуславливает направление и характер изменений, поддающихся рефлексии при межкультурном контакте (для обыденного сознания) и выявляемых в психолингвистическом эксперименте содержательно и статистически.

Изучение влияние фактора родного языка на особенности языкового сознания показало, что на его содержание оказывает значительное влияние структура языка – в частности грамматическая «заданность» реакции и ограничение лексической вариативности, что выражается в значительном сходстве частотных реакций на русском языке у татар, отвечающих на русском языке, и у русских испытуемых, а также в возрастании числа устойчивых сочетаний на русском языке у татар, отвечающих по-русски. Речь идет, собственно, о сходстве когнитивных стратегий, задаваемых во многом структурой языка, что объяснимо, если учесть типологическое несходство русского и татарского языков. Переключаясь на другой язык, билингв вынужден использовать эти стратегии. Тем не менее содержательное различие, указывающее на глубокую *концептуальную* самобытность культур, заметно и в этом случае. Оно выражается в репрезентации компонентов ценностной системы и связанными с ней подсистемами.

Проблема установления содержания доминант русского регионального языкового сознания особенно хорошо высвечивается при сопоставлении содержания системы ценностей у русских по данным Русского ассоциативного словаря (РАС) и Русского регионального ассоциативного словаря в обследованных нами регионах. Сравнение демонстрирует устойчивое сходство в содержании ядра языкового сознания русских. Существуют, однако, определенные тенденции изменения этого содержания, отмеченные нами ранее на материалах РАС и ЕВРАС и подтвержденные в результатах исследования в Республиках.

Язык является одним из важнейших, но не единственным критерием, определяющим идентичность говорящих на нем народов, однако он является способом структурирования («упаковки») и выражения культурно-специфичных знаний, которые не могут быть полностью реконструированы с опорой только на вербальные знаки.

Материалы ассоциативного эксперимента, проведенные в дополнение к первому в республиках Бурятия и Саха (Якутия) позволили выявить и описать потенциально конфликтные зоны в содержании образов сознания, осознаваемые или неосознаваемые самими конфликтантами.

Впервые описание конфликтных языковых единиц осуществлялось с применением психолингвистических экспериментальных методов с привлечением большого числа испытуемых в разных регионах РФ.

Исследование показало, что применительно к феномену конфликта внешнее его проявление в виде соответствующих слов, грамматических форм, знаков и стратегий речевого поведения может быть обусловлено только языковыми факторами. В частности, это касается частотных связей слов, их запоминания респондентами (например, ОБЩЕСТВО – *прогнило* или ЛЮДИ – *идиоты*). Несмотря на наличие словарных помет, свидетельствующих о стилистической сниженности подобных слов, она вообще может не иметь никакой конфликтной основы, особенно в экспериментальной ситуации.

Однако существуют более значимые предпосылки для конфликта, обусловленные тем, что за «телами» языковых знаков у разных людей стоят разные концептуальные знания. Если говорить об их проявлении в языке, то речь идет о знаках, которые имеют эквиваленты в сопоставляемых языках (и в словарях), и о тех, которые таких эквивалентов не имеют, т.е. о культурологических (и языковых) лакунах.

По материалам наших исследований обнаружилось существование неявных, но более важных конфликтов, которые не выражаются однозначно в языке и которым по этой причи-

не уделяется явно недостаточно внимания. Эти типы конфликтов связаны с так называемым «широким контекстом» общения, с социокультурным фоном, на котором оно разворачивается. Речь идет о когнитивных структурах, связанных с константами национального сознания и различающихся от культуры к культуре, несмотря на то, что они имеют общечеловеческую основу – общее название. Наше исследование показало, что эти константы лежат в сферах **родственных отношений, ценностных ориентаций** носителей языка / культуры, представлений **о себе и о своих этнических соседях, профессиональной** сфере и в сфере этнокультурных традиций и шире – **деятельности**, особенности которой мыслятся неодинаково в зависимости и от культуры, и от региона проживания наших респондентов.

Как мы видим, материалы региональных ассоциативных словарей, в которых зафиксированы особенности языкового сознания не только русских, но и автохтонных жителей тех или иных регионов нашей страны открывают перед нами возможности изучения различных аспектов их взаимовлияния, роли языка и особенного родного в формировании идентичности и картины мира, особенностей когнитивных стратегий национально-русских билингвов, выявления потенциальных конфликтогенов в межкультурном общении и многое другое. А наличие в нашем распоряжении материалов региональных ассоциативных экспериментов еще времен СССР позволяет исследовать социокультурную динамику изменений в содержании языкового сознания русских.

Литература

- Голикова Т.А.* Алтайско-русский ассоциативный словарь. Москва-Барнаул: ИЯ РАН – АГУ, 2003. 204 с.
- Заморщицова Л.С., Борисова И.З., Романенко А.А.* Ассоциативный словарь якутского языка, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://adictsakha.nsu.ru>
- Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: Коллективная монография / Под ред. *Н. В. Уфимцевой*. М.: РФФИ-ИЯз РАН, 2017. 246 с.
- Титова Л.Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Изд-во «Мектеп», 1975. 94 с.
- Ульянов Ю.Е.* Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: «Зинатне», 1988. 186 с.
- Электронный республиканский ассоциативный словарь: Коми и Татарстан / Составитель Черкасова Г.А. [Электронный словарь]. М.: ИЯз РАН, 2017. 557 с.

4.2.3. Ассоциативный словарь Сибири и Дальнего Востока

И.В. Шапошникова
Новосибирск

Русская региональная ассоциативная база данных (СИБАС), собираемых в азиатских регионах РФ (в Сибири и на Дальнем Востоке), представляет собой продукт реализации междисциплинарных проектов, направленных на исследование русского языкового сознания. Базовая часть этих проектов выполняется исследовательской группой в секторе русского языка в Сибири Института филологии СО РАН и НГУ в сотрудничестве с академическими институтами (преимущественно ИЯз РАН), центрами и лабораториями, а также заинтересованными вузами России.

СИБАС содержит обновляемый и пополняемый основной корпус и подкорпусы. Подкорпусы создавались для решения конкретных задач в рамках локальных исследований. Они могут быть использованы и для других задач по потребностям пользователя. В 2018 году для пользователей был открыт ПВАС – Подкорпус ассоциаций военных. В 2019 году – РКАС – Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане. Весь массив вербальных ассоциаций, представленных в СИБАС, получен на основе массовых ассоциативных экспериментов в разные годы, начиная с 2008.

В структуре основного корпуса и подкорпусов СИБАС две части:

1) массив эмпирических (полученных экспериментальным путем) данных (в открытом доступе для пользователя);

2) информативно-исследовательская часть, которая включает в себя инструментарий для работы с ассоциативным материалом.

На сайте имеется информация об уже завершенных и текущих проектах и публикациях, в которых используются эмпирические материалы СИБАС. Обе части постоянно обновляются по мере накопления новых данных и результатов реализации конкретных проектов. Готовые в настоящее время для использования материалы представлены на сайте в виде (расширенных за счет электронного инструментария оперирования данными) ассоциативных словарей (прямого и обратного) базового корпуса и подкорпусов. В них отражаются полностью обработанные данные того периода времени, когда проводились соответствующие эксперименты.

Ресурс СИБАС в настоящее время нельзя свести к имеющимся в нем словарям. Его обновляемая часть содержит новые экспериментальные данные, которые находятся в процессе накопления и обработки и будут выставляться на сайте в свободном для исследователей доступе по мере завершения отдельных этапов новых экспериментов и подготовки материалов для пользователя.

Кроме того, авторы и исследовательская группа проекта проводят работу по оптимизации уже имеющихся данных. Оптимизация представляет собой поиски приемов формализации ассоциативных данных. В настоящее время это частичный аналог профессиональной лингвистической разметки (аннотирования) корпуса, с предоставлением пользователю возможности оперировать уточняющей, поясняющей характер ассоциатов и их связей информацией. Техническая поддержка этих работ осуществляется специалистами ФИТ НГУ – канд. техн. наук А.А.Романенко и канд. физ.-мат. наук Т.В.Батура.

СИБАС и его подкорпусы включают параметры описания, принципиально совместимые с уже существующими русскими (www.thesaurus.ru/dict/dict.php), английскими (www.eat.rl.ac.uk), французскими (<http://dictaverf.nsu.ru/>) и другими ассоциативными базами, что позволит использовать СИБАС в сравнительно-сопоставительных и междисциплинарных исследованиях. Пользователи могут осуществлять прямой выход из ассоциативных полей прямого словаря СИБАС на контекстный ресурс Национального корпуса русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru/new/>). Для этого необходимо, войдя в ассоциативное поле интересующего пользователя слова-стимула, выбрать нужный ассоциат, подвести к нему курсор и кликнуть, чтобы осуществить выход в поисковую систему НКРЯ. Эта операция выведет на экран результаты поиска контекстов при наличии заданной конфигурации соответствующих вербальных единиц в НКРЯ.

Из истории проекта

Общероссийский проект создания нового русского ассоциативного тезауруса был разработан в Институте языкознания РАН при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12059в «Информационная исследовательская база современного русского языка по материалам массового ассоциативного эксперимента»), руководитель: д-р филол. наук, проф., руководитель сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН Н.В.Уфимцева).

На создание такого словаря-тезауруса нацелен наиболее крупный многолетний эксперимент, первый этап которого уже закончен и отражен в созданных и опубликованных словарях (см. список публикаций ниже, а также на сайте ИЯз РАН). С этого эксперимента начиналась работа над региональными базами: СИБАС (Сибирь и Дальний восток), ЕВРАС (Европейская часть России) и УрРАС (Уральский регион). Представленные в опубликованных книжных версиях словарей данные соответствуют результатам эксперимента 2008 – 2013 гг. По мере продолжения экспериментальной работы и аккумуляции новых данных региональные словари (ЕВРАС, УрРАС и СИБАС) будут включать в себя результаты трех

Ассоциативная лексикография

этапов массового ассоциативного эксперимента. Ассоциативно-вербальные материалы – основной эмпирический ресурс для аутентичного исследования русской языковой личности. Подробнее о теоретических и прикладных перспективах данного направления исследований см. [Шапошникова 2020а; 2021а; Кузьмина 2019].

(1) Первый этап эксперимента в рамках СИБАС

Результаты первого этапа общероссийского ассоциативного эксперимента в азиатских регионах РФ в полной мере доступны пользователю (всего было получено 5011 анкет) в основном корпусе СИБАС 1.

Подготовка эксперимента

В Институте языкознания РАН для восточных регионов страны был подготовлен список стимулов первого эксперимента и 5000 анкет (при технической компьютерной поддержке Г.А. Черкасовой) по сто стимулов в каждой (список стимулов для этого этапа составил 1000 единиц).

Проведение эксперимента

Основной эксперимент проводился с 2008 по 2013 год в наиболее крупных городах азиатской части России – Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске, Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске, Чите и Иркутске. Небольшая часть анкет после отбраковки была заменена новыми в проведенном для этой цели дополнительном эксперименте 2012–2013 годов. Экспериментальные материалы направлялись в каждый регион с учетом демографических особенностей на местах (общее количество проживающих в регионе и доля студентов). В качестве испытуемых выступали студенты преимущественно в следующих возрастных категориях: основная масса от 17 до 19 лет; значительная доля испытуемых (от одной шестой до одной четверти в разных регионах) в возрасте от 20 до 22 и небольшое количество от 23 до 25 лет. Единичные случаи – в возрасте 16 лет или старше 25, но не старше 30 лет. Все испытуемые – студенты. В базе имеются данные о половой принадлежности испытуемых, об их профессиональной специализации и о конкретных регионах – местах проживания и обучения. В азиатской части эти экспериментальные данные аккумулировались и обрабатывались сначала на кафедре истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета (ранее в лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ), в настоящее время в секторе русского языка в Сибири Института филологии СО РАН. Экспериментальная работа в азиатской части была организована на базе НГУ и ИФЛ СО РАН с участием ряда крупных вузов Сибири и Дальнего Востока (см. информацию о региональных участниках проекта на сайте СИБАС).

(2) Второй этап эксперимента

Эксперимент второго этапа включает новых участников, его результаты пока ещё не доступны для широкого круга пользователей. С 2014 года ведётся сбор и обработка экспериментальных материалов, формируется новая, значительно расширенная база данных. Для эксперимента второго этапа в системе СИБАС было сгенерировано 8000 анкет (из реакций, полученных на первом этапе). Получение материалов второго этапа направлено не только на наращивание базы, но и на отслеживание динамики смысловых акцентуаций при развёртывании ассоциативно-вербальной сети в актуальной диахронии. Второй этап запущен как в электронном дистанционном формате (см. раздел ЭКСПЕРИМЕНТЫ на сайте СИБАС), так и в традиционном контактном с предъявлением анкет для заполнения в студенческой аудитории, в зависимости от условий на местах. В 2018 году начато формирование банка данных, включающего прошедшие первичную

обработку и редактирование новые экспериментальные материалы. В настоящее время сгенерирована база данных СИБАС 2 по результатам второго этапа эксперимента. Завершение подготовительных работ к открытию этого нового ресурса для пользователя планируется в 2021–22 гг.

Инструментарий СИБАС:

словари, подкорпусы, экспертное приложение, разметка

Словари

Представленные в СИБАС в открытом доступе эмпирические материалы могут использоваться автономно в режиме прямого и обратного словаря. Для этого на сайте имеется необходимый инструментарий (см. описание словаря и список стимулов). Обратный словарь позволяет распределить все ассоциаты по степени устойчивости и разветвленности их связей по различным слоям с выделением ассоциативных доминант корпуса (подробнее см.: [Шапошникова 2020в; 2021а]).

Подкорпусы

Развитие СИБАС подразумевает не только накопление данных описанного выше самого большого эксперимента по общероссийскому проекту. Оно также предполагает расширение эмпирического массива за счет локальных экспериментальных данных, полученных исследователями под конкретные задачи того или иного азиатского региона и отражающих ту или иную специфику испытуемых. Эти локальные данные организованы в виде автономных подсистем (подкорпусов), специфика которых (при её наличии) теоретически должна проявиться на фоне общих (эталонных) данных СИБАС. Некоторые результаты уже проведенных исследований такого плана отражены в статьях и диссертациях (см. список публикаций ниже).

Первым таким подкорпусом стал ПВАС (разработан в рамках исследования профессиональной идентификации военных к. филол. н. Р.А. Кафтановым [Кафтанов 2020 а, б]). Подкорпус РКАС создан преподавателем-исследователем (НГУ), сотрудником лаборатории ИФЛ СО РАН Е.В. Бентя [Бентя 2018]. Оба подкорпуса доступны в режиме словарей и Приложения. Подкорпус ассоциаций носителей якутского языка создан преподавателем-исследователем (НГУ), сотрудником лаборатории ИФЛ СО РАН С.В. Савицкой [Савицкая 2019]. Собираются экспериментальные материалы для подкорпуса учащихся православных гимназий (канд филол. наук М.А. Кузьмина). Все подкорпусы создавались при технической поддержке канд.техн.наук А.А. Романенко.

С 2019 года ведется работа по оптимизации СИБАС (создание и отладка расширенного инструментария для изучения ассоциатов, включая экспертное приложение). Оптимизация проводится в рамках проекта лаборатории Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884) (Подробнее о работах по мегагранту см. [Шапошникова 2020б; 2021б]).

Приложение

Разработано и подготовлено гнс ИФЛ СО РАН И.В. Шапошниковой (техническое сопровождение – Н.Ю. Зятков). Экспертное обучающее приложение представляет собой программу для предварительного статистического анализа представленных в СИБАС эмпирических материалов. С его помощью пользователь может анализировать любое из ассоциативных полей, имеющихся в прямом или обратном словарях основного корпуса и подкорпусов СИБАС. Анализ позволяет получить психоглоссы (статистику по структуре АП, с отраженными в ней векторами акцентуаций языковой личности) разного типа в зависимости от поставленных пользователем задач. Приложение оснащено справочными материалами: руководством по выявлению психоглосс и глоссарием терминов.

Ассоциативная лексикография

Скачать Приложение и базы данных (основной корпус или подкорпусы) для автономной работы можно с сайта СИБАС. Подробнее о векторной методике психоглоссирования ассоциативных полей и о её применении см. [Шапошникова 2019; 2020a].

Разметка

Разработка и апробация подходов к разметке СИБАС проводилась канд. физ-мат. наук Т.В. Батура. В 2019–2020 годах проведена частеречная разметка всего массива ассоциатов СИБАС, полученных по результатам первого этапа экспериментальной работы. Более подробную информацию об этом сервисе можно получить на сайте СИБАС. Подробнее о частеречной структуре в АВС см. [Шапошникова 2020в; 2021б].

Поиск и группировка ассоциатов по их морфологическим компонентам

Функция доступна в режиме обратного словаря. Интерфейс с подробной инструкцией по его использованию подготовлен преподавателем-исследователем (НГУ), сотрудником лаборатории ИФЛ СО РАН С.В.Евдокимовой. Состав морфологического компонента задается по требованию пользователя. Функция позволяет автоматически генерировать ассоциативные поля словообразовательных единиц в СИБАС 1, СИБАС 2 и подкорпусах, выявлять словообразовательные гнезда и иные группы ассоциатов в зависимости от постановки задач (подробнее см. [Шапошникова 2021б]). Возникающие иногда случайные aberrации автоматического поиска в полученных под целевую задачу готовых группах ассоциатов могут быть самостоятельно без особого труда удалены исследователем вручную.

Литература

Избранные публикации, выполненные новосибирской исследовательской группой на материалах СИБАС

(расширенный список приводится на сайте, публикации доступны для скачивания в полном формате).

Словари

Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Том I. От стимула к реакции. М., 2014.

Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Том II. От реакции к стимулу. М., 2015.

Монография

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020а. Монография. 336 с.

Статьи и диссертации

Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021а. Т. 12. № 2. С. 279–301.

Шапошникова И.В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021б. № 4 (в печати).

Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020б. № 1. С. 199–215.

Шапошникова И.В. Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020в. Т. 19. №5. С. 155–172.

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 24–38.

Бентя Е.В. Особенности языкового сознания русскоговорящих казахстанцев (на материале свободного ассоциативного эксперимента в Казахстане) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2018. №2. С. 70–82.

Раздел 4

Кафтанов Р.А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18, № 3. С. 154–165.

Кафтанов Р.А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных (экспериментальное психолингвистическое исследование): дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2020б. 313 с.

Кузьмина М.А. К вопросу об аксиологическом аспекте психолингвистического метода // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 122–138.

Савицкая С.В. Авто- и гетеростереотипы в языковом сознании носителей русского и якутского языков // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 512–515.

Образец ссылки на ресурсы СИБАС:

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2021) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко)

URL: <http://adictru.nsu.ru>

Образец ссылки на ПВАС:

ПВАС (2015 - 2018) – Подкорпус (СИБАС) ассоциаций военных (авторы-составители Р.А. Кафтанов, А.А. Романенко). URL: <http://adictru.nsu.ru>

Образец ссылки на РКАС:

РКАС (2017 – 2020) – Подкорпус (СИБАС) вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане (авторы-составители Бентя Е.В., Романенко А.А.)

URL: <http://adictru.nsu.ru>

Образец ссылки на ЯП:

ЯП (2019 – 2021) – Подкорпус (СИБАС) вербальных ассоциаций носителей якутского языка (авторы-составители С.В. Савицкая, А.А. Романенко).

URL: <http://adictru.nsu.ru>

4.2.4. Ассоциативно-семантический словарь жителей Омска

Л.О. Бутакова

Омск

В основе содержания словаря [Бутакова 2012] лежат материалы трех психолингвистических экспериментов – свободного ассоциативного, семантического (дефиниционного), семантического (рецептивного, семантического дифференциала), проведенных в 2009–2010 г.г. в г. Омске и некоторых районах Омской области. На всех этапах экспериментов информантами стали учащиеся школ, гимназий, лицеев, колледжей, техникумов от 10–12 до 17–18 лет, студенты разных вузов города Омска от 18 до 25 лет. Словарь включает 50 словарных статей (стимульный список представлен сорока общелитературными словами (именами существительными и прилагательными), маркирующими базовые этические, эстетические, ценностные концепты: *дом, жизнь, красота, любовь, деньги, воля, надежда, прощение, грех, ложь, слава, страсть, разочарование, сострадание, вина, щедрость, верность* и т.п. Кроме этого, в нем содержатся 10 слов, использованных в ассоциативных экспериментах одного из участников проекта Е.Н. Гуц в 80-х – 2000-х г.г. и входящих в ядро языкового сознания подростка, – *кайф, лох, плохо, зло, друг, секс* и т.п.) Каждая статья состоит из четырех полей (два ассоциативных поля студентов и школьников; два семантических поля – студентов и школьников) и сводной таблицы, отражающей информацию об эмотивно-чувственном значении слова-стимула, полученного с помощью семантического дифференциала. Ассоциативные поля имеют следующую структуру: стимул реакции на этот стимул, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается после каждого

Ассоциативная лексикография

слова или группы слов, если у них одинаковый индекс частотности; единичные реакции, представленные в алфавитном порядке; общее число реакций и отказов. Семантические поля построены схожим способом: стимул – семантические множители и конкретизаторы к ним; единичные реакции, представленные в алфавитном порядке; общее число отказов.

Образец словарной статьи

ДОМ: АП ШКОЛЬНИКОВ

ДОМ – семья (138); квартира (29); уют (23); мама (15); здание (14); родина (13); жильё; тепло; отдых (12); крепость (11); жизнь (10); крыша (8); жилище; коттедж (7); компьютер (6); защита (5); близкие; большой; дверь; земля; кровать; Родина; родной; свет; хата (4); камин; кирпич; место обитания; родители; тепло; очаг (3); диван; дом; моя крепость; строитель; подвал; покой; родное место; сестра; стены; спать; телевизор; тёплый (2); бабушка; безопасность; булочки; веселье; где живет человек; где жить; гнездо; гитара; горшок; гость; деревня; деревянный; дети; дом-2; домашний; домашние животные; еда; есть; жить; житьё; забота; задание; зал; замок; здоровье; изба; кирпичи; крепкий; ключ; крыша над головой; кот; кошка; круто; кухня; любовь; мамочка; место, где мне комфортно; место, где я живу; место для жилья; место жительства; надёжный; наш; ненависть; неприятность; ой; окна; очаг; пирожки; подъезд; пол; полный; помещение; понимание; потолок; построенный; проспект Маркса; решение; родное; родные; Рублёвка; свеча; сера; слон; сон; стиль; стоит; строение; строители; строительные материалы; счастье; тапочки; телек; тюрьма; ужин с семьей; улица Масленникова в г. Омске; хаус; хозяйство; хочу; хранитель; чистота; школа; house; 9-тиэтажка (1)

ДОМ: АП СТУДЕНТОВ

ДОМ — семья (150); уют (37); мама (23); тепло (22); родители (13); родной (12); жилище (11); любовь (9); крепость; радость (8); дерево; кровать (7); большой; домашний; кот; огонь (6); жизнь; крыша; уютный (7); жильё; защита; красиво; родные; семейный очаг (4); вечер; квартира; красивый; кров; любящая семья (3); благополучие; диван; должен быть у каждого; дружная семья; жить; забота; крепкая; дружная; круг; лес; любимая семья; мать и отец (2); мой; мой дом; мой дом — моя крепость; общага; отдых; охота туда быстрее прийти; очаг; помещение; в котором живет семья; родное; родное место; свет; светлый; свой угол; село Бобринка; собака; строение; тепловая нагрузка; тёплый; труба; тюрьма; у моря; фундамент; хавчик; хата; хорошо; цветы; это крепость; где тебя ждут родные и близкие (1)

ДОМ: СП ШКОЛЬНИКОВ

Место (195)

где (99) я живу (46); человек живет (27); ты живёшь (12); тебя ждут (10); можно жить (7), можно отдохнуть (3), кормят бесплатно (1); можно гадить без угрызения совести (1); родное место, где не просто живёшь, чувствуешь себя уютно, спокойно, куда возвращаешься с работы, учёбы (1)

жительства (63) людей (9), человека (7)

куда хочется (15) возвращаться (8), вернуться (7)

то, в котором я живу (8); для жилья (4); нашего проживания (2); жизни человека, подстроенное под него, в котором он является хозяином (1); иногда уютное (1); расслабления (1); тёплое, родное (1)

Там, где (68)

живу (32) я (18)

все родные (10); семья (9); хорошо (7); тепло (4); сердце (3); я родилась (2); человек родился (1)

Семья (58)

моя (8)

Где (31)

уютно (9); ждут (8); я живу (8); тебя любят (5); мама, папа, сестра (1)

Крепость (19)

моя (5)

Помещение (11)

жилое (4)

Жилище (11)

Раздел 4

Очаг (9)

семейный (7); где живут близкие люди (1)

Здание (7)

где можно жить (4); с 4 стенами (2); ну типа здание такое :))) (1)

Родина (4)

моя (3); где человек всегда чувствует себя хорошо (1)

Архитектурное сооружение; всё; друзей; жилплощадь; квартира, стены, окно; -2 Ксюша Собчак; Омск; планета Земля; плед, чашка, ложка; родной; родной уголок; состояние спокойствия, любви. Это внутреннее удовлетворение можно почувствовать только в кругу родных, близких; стена, крыша, дверь, окно; старый; сущестительное мужского рода в ед.ч.; тихая гавань; это там, где нас поймут, там, где надеются, ждут, там, где забудешь о плохом, — это дом твой; это твой дом; уют (1)

Отказ (17)

ДОМ: СП СТУДЕНТОВ

Место (247)

где (119) тебя ждут (19); тебя любят, всегда ждут (18); тебя ждут, любят (16); тебе всегда рады (15); тебя рады видеть (11); живет человек (9); живешь (8); я живу (8); ты всегда чувствуешь себя хорошо (4); все родные, которые тебя любят и уважают (1); живут люди, куда они приходят после работы (1); находится любимый человек (1); тебе всегда открыты двери (1); тебя ждет хотя бы 1 человек (1); ты живешь (1); ты можешь в любое время остаться в покое (1); ты провел жизнь (1); ты спишь (1); ты чувствуешь себя на 7-м небе (1); человек находит спокойствие, уют, душевное равновесие (1)

куда (33) всегда хочется вернуться (16); можно вернуться (14); ты приходишь после тяжелого трудового дня (1); хочется возвратиться (1); хочется идти, там тебя всегда ждут, любят (1)

то, где (27) тебя всегда ждут (17); тебя всегда ждут, любят (9); ты родился, вырос (1)

проживания (22) человека (21); тебя или несколько людей, групп (1)

самое... на земле (15) главное (11); родное, близкое (4)

уютное (10); жительства (9); родное для тебя (5); для жилья (3); теплое, уютное, любимое (1); то, куда всегда можно вернуться (1)

Семья (78)

моя (19); где всегда рады тебе (15); счастливая (5)

Помещение (43)

в котором (14) проживают люди (7); я живу и могу отдохнуть (6); проживает один человек либо семья (1) уютное (14); где живут люди (8); жилое (7)

Там, где (36)

тебя ждут (11); родители (8); спокойно (7); ты вырос (7); комфортно, уютно (2); чувствуешь себя самим собой (1)

Где (11)

живут мама с папой (5); свой уголок (3); всё спокойно, уютно, хорошо (1); есть любимые люди, уют, комп, тепло, еда (1); содержится всё твое нажитое (1)

Крепость (8)

моя (3)

Семейный очаг (4)

Жилище (3)

Куда хочется (2)

возвращаться (1); тебе идти при любой ситуации (1)

То (2)

где тебя ждут (1); куда есть возвращаться (1)

Дети; детство; жилье, где все члены семьи счастливы; здание из кирпича или бетонных плит; нечто родное; полная чаша; постройка, где живут люди; раковина, которая согревает; родина; свой угол; социальная ячейка общества; тепло; убежище от окружающего мира; уют; часть личного, ненарушимого пространства; человек живет один или с родными (1)

Отказ (3)

ДОМ: ЭМОТИВНО-ЧУВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Студенты	Индекс Ж	Индекс М	Школьники	Индекс
Весёлый / грустный	1,28657	1,916667	Весёлый / грустный	1,58
Хороший / плохой	2,5	2,66667	Хороший / плохой	2,3333
Полный / пустой	1,928	1,5	Полный / пустой	1,92
Светлый / темный	2,2857	2,5	Светлый / темный	2

СПИСОК СТИМУЛОВ

Б	борьба	М	месть
В	верность, вина, воля	Н	наказание
Г	гнев, горе, грех	О	ответственность
Д	доверие, дом, друг, дружба, душа	П	плохо, правда, преступление, прощение
Ж	жизнь	Р	равнодушие, разочарование, ревность
З	зависть, закон, зло	С	секс, сердце, сила, сильный, скупость, слава, соблазн, сострадание, страсть, страх, судьба, счастье
К	кайф, красивый, красота	Х	хорошо
Л	ложь, лох, любовь	Щ	щедрость

Литература

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска». Омск, «Вариант-Омск», 2012, 128 с.

4.3. Сопоставительные ассоциативные словари

4.3.1. Проект «Славянский ассоциативный словарь»

Н.В. Уфимцева
Москва

В рамках программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян», которая является естественным продолжением исследований, начатых в процессе создания Русского ассоциативного словаря (РАС), были проведены массовые ассоциативные эксперименты с носителями пяти славянских языков: белорусского, болгарского, русского, сербского¹ и украинского.

По материалам этих экспериментов был создан «Славянский ассоциативный словарь» (САС), который ввел в научный оборот принципиально новый объект лингвистического, психолингвистического, этно- и социопсихологического анализа. Его материалы позволили по-новому посмотреть на различия и сходства в образах мира славян и на проблему славянской общности. Как мы помним, С.Н. Трубецкой вообще отрицал наличие такой общности в культуре, считая ее только фактом языка, а Л.Н. Гумилев часть славянских народов, в частности чехов и поляков, относил к нациям романо-германского мира.

¹ По объективным, не зависящим от исследователей причинам, эксперимент с носителями сербского языка был проведен с большим опозданием, и его материалы не вошли в окончательный вариант словаря.

Раздел 4

Славянский ассоциативный словарь дает возможность проникнуть в мир образов сознания носителей четырех славянских культур и выявить их реальные сходства и различия. Этому способствует единый список слов-стимулов в исходном (русском) варианте, состоящий из 112 единиц, и подбор испытуемых: для всех пяти языков это были студенты в возрасте от 18 до 25 лет, не менее 500 человек (мужчины и женщины примерно в равном количестве), обучающиеся 11 наиболее распространенным университетским специальностям (математики, физики, химики, биологи, экономисты, философы (богословы), филологи, психологи, юристы, журналисты, педагоги); и проведение ассоциативного эксперимента в один и тот же временной период: 1998–1999 гг.

СПИСОК СЛОВ-СТИМУЛОВ (исходный русский вариант)

Гость	Деньги	Любовь	Ходить
Девочка	Памятник	Начало	Ненавидеть
больной	Гора	Сила	Красивый
Лес	Встреча	Добро	Свободный
Город	Друг	Зло	Старый
Деревня	Враг	Справедливость	Новый
День	Ночь	Дверь	Молодой
Голос	Слово	Бог	Радость
Дочь	Дом	Вспоминать	Чистый
Мать	Мужчина	Путь	Большой
Дядя	Женщина	Счастье	Маленький
Муж	Мальчик	Ветер	Родной
Жена	Дурак	Успеть	Белый
Разговор	Умный	Хотеть	Красный
Река	Война	Кричать	Стол
Утро	Голова	Надеяться	Зеленый
Вечер	Глаза	Обещать	Черный
Хлеб	Руки	Есть (кушать)	Богатый
Бабушка	Палец	Пить	Веселый
Земля	Рот	Терять	Семья
Вода	Лицо	Искать	Стыд
Огонь	Жизнь	Говорить	Глупый
Помогать	Смерть	Хорошо	Обман
Ребенок	Жить	Плохо	Жадный
Дело	Работа	Слабый	Вместе
Человек	Родина	Много	Душа
Народ	Свет (освещенность)	Быстро	Думать

Свободный ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых. Предварительно исходный список слов-стимулов был переведен двуязычными экспертами на белорусский, болгарский, сербский и украинский языки. Анкеты генерировались методом случайных чисел таким образом, что не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов. Каждый испытуемый получал бланк анкеты и

должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом. Кроме того, испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: пол, возраст, родной язык, будущая специальность и поставить дату заполнения анкеты. Наличие этих данных позволяет исследовать особенности ассоциативных полей в зависимости от пола и профессии испытуемых. Время на работу с анкетой ограничивалось 10 минутами.

Эксперименты проводились в Белоруссии со студентами Белорусского государственного университета (г. Минск) И.И. Савицкой, в Болгарии – со студентами Софийского государственного университета им. Климента Охридского (г. София) П. Илиевой-Балтовой, А. Ефтимовой, А. Липовской, К. Петровой, Н. Деренжи, в Югославии – со студентами Белградского государственного университета (г. Белград) С. Гашич-Павишич, на Украине – со студентами Нежинского педагогического университета (г. Нежин) Т.И. Крыгой.

Славянский ассоциативный словарь, созданный по материалам ассоциативных экспериментов с носителями белорусского, болгарского, русского и украинского языков, состоит из четырех частей по числу обследованных языков. Каждая часть в свою очередь состоит из Прямых и Обратных ассоциативных словарей.

Структура словарных статей в Прямом и Обратном словарях аналогична структуре статей в РАС. Каждая словарная статья в Прямом ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на данное слово-стимул в порядке убывания частоты, «черное имя» или имя словарной статьи – это слово-стимул, слова-реакции на этот стимул расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (**ЧЕЛОВЕК** – *животное* 23; *умный* 21; *хороший* 20; *обезьяна* 19 и т.п.), или указывается в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (**ЧЕЛОВЕК** – *большой, гордый, машина* 5; *враг, высокий, глупый, дурак, индивид, собаке друг* 4 и т.п.). В конце словарной статьи приводятся количественные показатели: **ЧЕЛОВЕК**...569+244+30+163. Первая цифра указывает на общее число реакций на слово-стимул, вторая – на число разных реакций, третья – на число отказов испытуемых и четвертая – на число единичных реакций, т.е. на число ответов с частотой 1.

Помимо информативной значимости каждого из показателей, их соотношение характеризует статью в целом, а именно как естественно-языковое поле, имеющее не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус: ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образа мира данного этноса.

В Обратном словаре «черное слово», или имя словарной статьи, это слово-реакция, ответ испытуемого на предъявленное ему слово-стимул. В правой части мелким шрифтом даны стимулы, «породившие» данный ответ. Цифры после стимула в правой части статьи указывают на частоту данной реакции, т.е. на число испытуемых, ответивших данным словом на этот стимул. Например, **ЧЕЛОВЕК** – *молодой* 157; *свободный* 137; *умный* 108... означает, что в ассоциативной статье слова-стимула **МОЛОДОЙ** форма *человек* как реакция встречается 157 раз, в статье **СВОБОДНЫЙ** – 137 раз, а статье **УМНЫЙ** – 108 раз. Итоговые цифры в конце статьи несут следующую информацию: первая указывает на суммарное число появлений данной словоформы или словосочетания в качестве реакции на всем массиве стимулов, вторая цифра обозначает общее число вызвавших эту реакцию стимулов, или, что то же, число ассоциативных словарных статей (в прямом словаре), где появляется данная реакция.

Такая форма представления экспериментальных данных в Славянском ассоциативном словаре (Прямой и Обратный словари) позволяет изучать не только сходства и различия в содержании образов сознания четырех славянских народов, но и выявить сходства и различия в системности их образов мира.

Славянский ассоциативный словарь издан при финансовой поддержке Московского государственного лингвистического университета. Полный текст словаря можно найти на сайте https://itclaim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf

Несколько слов о других славянских ассоциативных словарях.

В Болгарии был издан материал болгарской части САС в одном томе, прямой и обратный словари [Балтова и др. 2003].

Необходимо отметить, что первый ассоциативный словарь болгарского языка был создан коллективом авторов под руководством Е. Герганова и опубликован в 1984 году [Български норми... 1984].

Польский ассоциативный словарь (ПАС) [Gawarkiewicz et al. 2008] продолжает серию славянских ассоциативных словарей. Ассоциативные эксперименты с носителями польского языка – студентами разных факультетов Щецинского университета были проведены в 2006 году по той же методике, что была использована при создании САС. Всего было опрошено около 500 респондентов. В качестве слов-стимулов использовался перевод на польский язык 112 слов-стимулов русской части Славянского ассоциативного словаря. ПАС состоит из введения (от авторов), списка слов-стимулов, прямого и обратного словарей и нескольких научных статей, в которых приводятся первые результаты анализа его материалов.

Ассоциативный словарь сербского языка (Прямой словарь, от стимула к реакции) [Пийер et al. 2005] был создан и опубликован в 2005 году. В качестве испытуемых привлекались студенты разных специальностей из разных вузов в нескольких городах Сербии, всего 600 человек. Список слов-стимулов включал 600 единиц. Авторы следовали принципам, использованным при создании САС. В 2011 году по материалам прямого словаря теми же авторами был опубликован Обратный словарь сербского языка [Пийер et al. 2011].

Первый ассоциативный словарь сербского языка – это словарь С. Гашич-Павишич «Ассоциативные нормы детей старшего дошкольного возраста» [Gašić-Pavišić 1984]. Для создания ассоциативных норм был использован список из 80 слов разных частей речи, широко встречающихся в речи детей. В эксперименте приняли участие 200 детей (100 мальчиков и 100 девочек) в возрасте от 5 до 7,1 лет. Опрос проводился в устной форме с каждым из детей индивидуально.

Кроме указанных славянских словарей, существуют еще Ассоциативный словарь белорусского языка [Цітова 1981], созданный на базе 300 слов-стимулов (из которых 150 слов взяты из классического списка Кент-Розанова, 1000 информантов), и несколько ассоциативных словарей украинского языка.

Первый – это Словарь Ассоциативных норм украинского языка [Бутенко 1978], созданный на базе 133 слов-стимулов (100 слов из списка Кент-Розанова, 1000 информантов). Эксперимент проводился в 1974–1975 гг. со студентами львовских вузов в возрасте от 18 до 30 лет, для которых украинский язык был родным.

Затем – Словарь Ассоциативных определений существительных в украинском языке [Бутенко 1989], стимулами в котором были только имена существительные – всего 816. В направленном ассоциативном эксперименте участвовало 200 испытуемых, они должны были предложить по 5–7 определений на каждое слово-стимул.

Наконец, был создан двухтомный Украинский ассоциативный словарь [Мартінек 2007], который включает реакции на 841 слово-стимул разных частей речи, полученные от 200 респондентов. Том первый – от стимула к реакции, том второй – от реакции к стимулу.

Все перечисленные выше украинские ассоциативные словари были созданы и опубликованы в разное время во Львове.

Таким образом, семейство славянских словарей охватывает шесть славянских языков (включая русский) и большой временной отрезок, начиная с 1974 года и до 2007 года.

Больше всего ассоциативных словарей создано на материале русского и украинского языков.

Литература

- Балтова П., Ефтимова А., Липовска А., Петрова К. Български асоциативен речник. Прав и обратен. София: Софийский университет «Св. Климент Охридски», 2003. 148 с.
- Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови. Львів: Вища школа, 1979. 119 с.
- Бутенко Н.П. Словник асоціативних означень іменників в українській мові Львів: Вища школа: Вид-во при Львівському ун-ті, 1989. 324 с.
- Български норми на словесни асоциации / Под общата редакция на Енчо Герганов. София: Наука и изкуство, 1984. 272 с.
- Мартінек С. Український асоціативний словник. Том I. Від стимулу до реакції. Львів: ЛНУ, 2007. 344 с.
- Мартінек С. Український асоціативний словник. Том II. Від реакції до стимулу. Львів: ЛНУ, 2007. 466 с.
- Пийер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика (1 део; одж стимулуса ка реакцији). Београд: Београдска књига, 2005. 525 с.
- Пипер П., Драгићевић Р. и Стефановић М. Обратни асоцијативни речник српског језика. Београд, 2011. 720 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский – М.: МГЛУ-Институт языкознания РАН, 2004. 800 с.
- Цітова А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мн.: Выд-ва БДУ, 1981. 144 с.
- Gašić-Pavišić S. Asocijativne norme za predškolski uzrast. Београд: Просвета, 1984. 105 с.
- Gawarkiewicz R., Pietrzyk I., Rodziewicz B. Polski Słownik Asocjacyjny Z suplementem. Szczecin, 2008. 291 p.

4.3.2. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков

Н.В. Уфимцева, Москва
И.А. Стернин, Воронеж

Словник словаря [Ассоциативные нормы ... 2004] основан на лексическом ядре русского языка, выделенном в исследованиях сектора психолингвистики Института языкознания РАН и научной школы «Русская языковая личность», руководимой членом-корреспондентом РАН Ю.Н. Карауловым.

Словник словаря

бабушка	Großmutter	дело	Werk (Arbeit, Beschäftigung)	маленький	klein	родной	verwandt
белый	weiß			мальчик	Junge	рог	Mund
Бог	Gott	день	Tag	мать	Mutter	руки	Hände
богатый	reich	деньги	Geld	машина	Auto	свет	Licht
больной	krank	деревня	Dorf	много	viel	свободный	frei
большой	groß	добро	das Gute	молодой	jung	семья	Familie
брат	Bruder	дом	Haus	муж	Mann	сила	Kraft
быстро	schnell	дочь	Tochter	мужчина	Mann	слабый	schwach
веселый	lustig	друг	Freund	надеяться	hoffen	слово	Wort
ветер	Wind	думать	denken	народ	Volk	смерть	Tod
вечер	Abend	дурак	Schwachkopf	начало	Anfang	справедливость	
вечность	Ewigkeit	душа	Seele	ненавидеть	hassen		Gerechtigkeit
вместе	zusammen	дядя	Onkel	новый	neu	старый	alt
вода	Wasser	есть (кушать)	essen	ночь	Nacht	стол	Tisch
война	Krieg	жадный	geizig	обещать	versprechen	стыд	Scham
враг	Feind	жена	Frau	обман	Betrug	счастье	Glück
время	Zeit	женщина	Frau	огонь	Feuer	терять	verlieren
вспоминать	sich erinnern	жизнь	Leben	палец	Finger	умный	klug
встреча	Treffen	жить	wohnen	памятник	Denkmal	успеть	schaffen
глаза	Augen	зеленый	grün	пить	trinken	утро	Morgen
глупый	dumm	земля	Erde	плохо	schlecht	хлеб	Brot
говорить	sagen	зло	das Böse	помогать	helfen	ходить	gehen
голова	Kopf	искать	suchen	путь	Weg	хорошо	gut
голод	Hunger	красивый	schön	работа	Arbeit	хотеть	wollen
голос	Stimme	красный	rot	радость	Freude	человек	Mensch
гора	Berg	кричать	schreien	разговор	Gespräch	черный	schwarz
гость	Gast	лес	Wald	ребенок	Kind	чистый	sauber
дверь	Tür	лицо	Gesicht	река	Fluss		
девочка	Mädchen	любовь	Liebe	родина	Heimat		

Словарь строится на наборе 112 эквивалентных стимулов в русском и немецком языках. Исходный список стимулов на русском языке в данном словаре включает 112 слов. По техническим причинам список стимулов в русско-немецком словаре несколько отличается от списка стимулов в русско-испанском словаре Ю.Н. Караулова и соавторов (М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва–Мадрид, 2001): в русско-немецком словаре отсутствует стимул ГОРОД, но присутствуют стимулы ВЕЧНОСТЬ, ВРЕМЯ, БРАТ, ГОЛОД, МАШИНА. Остальные стимулы в двух словарях совпадают.

Структура словарных статей одинакова для русской и немецкой части.

Количество испытуемых в русской части словаря – около 500, в немецкой – от 400 до 500. Русские реакции представлены материалами из РАС, немецкий материал отражает результаты экспериментов, которые провел в 2002–2003 гг. доктор Хельмут Эккерт в Галле (ФРГ). Испытуемыми были школьники старших классов школ, гимназий и студенты высших учебных заведений. Возрастной состав испытуемых – 17–22 года.

Авторский коллектив словаря: Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Хельмут Эккерт, Милехина В.М., Топорова В.М., Марион Рутц, Новосельцева И.К..

Работа над словарем на всех этапах, кроме сбора материала (то есть на этапе подготовки опроса, обработки анкет, формирования словника, редактирования словаря, создания оригинал-макета) осуществлялась при поддержке гранта «Ведущие научные школы. Теоретико-лингвистическая школа Воронежского университета «Коммуникативное сознание и национальное коммуникативное поведение» под рук. проф. З.Д. Поповой (2003-2004 г.г., НИЧ 3088).

Литература

Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. Москва–Воронеж: «Истоки», 2004 г., 130 с.

4.3.3. Казахская ассоциативная лексикография

Н.В. Дмитриук
Шымкент (Казахстан)

Истоки ассоциативных психолингвистических исследований в Казахстане зарождались в экспериментальных и теоретических работах российских ученых психологов (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) и лингвистов (А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, Т.Н. Ушакова и др.).

В казахстанской лингвистической науке первые ассоциативные эксперименты со студентами-казахами разных вузов были проведены в г. Алма-Ате А.А. Залевской [Залевская 1971; 1977; 1980а; 1980б] в 1960–70-е годы. Материал тюркских межъязыковых сопоставлений впервые был введен А.А. Залевской в орбиту широких межъязыковых сопоставлений, в ходе которых была убедительно доказана способность ассоциативных реакций выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира, языковых картин мира, моделировать вербальную память человека, отображать центр (ядро) и периферию внутреннего лексикона человека, специфику ментального и лингвокультурного «климата» того или иного социума и многое другое. Ассоциативные эксперименты как средство выявления специфики национальной культуры привлекли в тот период внимание казахстанских исследователей М.М. Копыленко [Копыленко 1973; 1995], Н.В. Дмитриук [Дмитриук 1977; 1978; 1982], Г.Г. Гиздатова [Гиздатов 1997] и др.

Ассоциативные словари советского периода

В начале 1970-х годов в г. Чимкенте серию свободных ассоциативных экспериментов со студентами-казахами провела Н.В. Дмитриук, автор первого Казахско-русского ассоциативного словаря [Дмитриук 1978]. В этот же период, в 1970-е годы в Институте языкознания Академии наук под руководством А.А. Леонтьева была составлена перспективная программа и подготовлена инструкция проведения психолингвистических исследований во всех советских союзных республиках с целью составления словарей ассоциативных норм региональных языков. Словари составлялись на материале проведенных массовых ассоциативных экспериментов по единому списку слов-стимулов (на основе списка американских ученых Г. Кент и А. Розанова [Kent, Rozanoff 1910]) и по единой методике; в течение 10 лет были составлены и опубликованы 6 ассоциативных словарей, включая «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева [Словарь...1977], а также киргизского [Титова 1975], украинского [Бутенко 1979], белорусского [Цітова 1981], латышского [Ульянов 1988] и казахского [Дмитриук 1978, переизд.1998] языков.

«Программа перспективных психолингвистических исследований» в Казахстане

В начале 1980-х годов был подписан договор о научном сотрудничестве Чимкентского пединститута с ИЯ АН СССР, разработана «Программа перспективных психолингвистических исследований» казахстанской группы ученых и были определены направления, проблемы, цели и задачи овместной работы. Эта Программа, имея **целью** оптимизацию межкультурного общения, определила необходимость решения двух основных задач:

- 1) фиксация и «измерение» национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных (казахской и русской) культур и
- 2) создание методов «межкультурного обучения» для профилактики коммуникативных конфликтов в межкультурном общении.

Для решения *первой проблемы* было признано целесообразным использовать вербальное поведение студентов-казахов – участников массового ассоциативного эксперимента, поскольку ассоциативное поле, сформированное из вербальных реакций многих испытуемых, указывает на содержание, входящее в национальный ментальный образ конкретного культурного предмета. Сопоставление ассоциативных полей стимульных слов-эквивалентов в двух культурах (русской и казахской) стало инструментом измерения и *методом* фиксации национально-культурной специфики образов сознания, ассоциированных с этими словами.

Фиксация общей и специфической части ассоциативных полей призвана способствовать решению *второй проблемы* – формированию методики «межкультурного обучения». Общетеоретической основой такого обучения стала схема постижения чужой культуры М.М. Бахтина, согласно которой в чужой культуре (через знания о своей культуре) познается только ее специфическая часть, которая при этом «не должна терять чуждости». Схема описания чужой культуры требует определенного размышления и анализа над различиями образов сознания своей и чужой культуры и описания этих различий при помощи знаний своей культуры. Частным случаем этой процедуры является сопоставительное описание ассоциативных полей слов-эквивалентов в двух национальных языках.

Такое сопоставление казахских и русских образов сознания, овнешненных вербальными ассоциациями, на протяжении нескольких десятилетий стало основным объектом исследования группы казахстанских психолингвистов – преподавателей Чимкентского пединститута (ныне ЮКГПУ – Южно-Казахстанского государственного педагогического университета). В рамках Программы перспективных исследований по Договору о научном сотрудничестве идеи Московской психолингвистической школы, транслируемые ведущими учеными сектора психолингвистики ИЯ РАН Е.Ф. Тарасовым, Ю.А. Сорокиным, Н.В. Уфимцевой и др., способствовали формированию научного потенциала казахстанской группы исследователей-преподавателей и подготовке научно-педагогических кадров из числа выпускников – студентов, магистрантов и докторантов.

Диссертационные ассоциативные исследования

Координируемые научным планированием Сектора психолингвистики ИЯ РАН и перспективным планом работы кафедры русского языка ЮКГПУ в южном регионе Казахстана проводились массовые ассоциативные эксперименты, накапливался экспериментальный материал, на базе которого осуществлялись сопоставительные исследования образов сознания казахов и русских, формировалась широкая тематика диссертационных работ, первые из которых были выполнены под руководством Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина и Н.В. Уфимцевой и прошли защиту в диссоте ИЯ РАН (Москва). Эти работы были посвящены, в частности, лексическому ассоциированию и формам существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде (Н.В. Дмитриук 1986 – кандидатская диссертация, 2000 – докторская); трансформации форм русского и казахского речевого этикета (В.Д. Нарожная, 1991); ассоциативному соматологическому перекрестному портретированию – «Русские глазами казахов» и «Казахи глазами русских» в гендерном преломлении (Д.М. Кистаубаева, 2001); выявлению этнокультурной специфики представлений русских и казахов о доме и семье как о гендерно маркированных концептах (Р.А. Османова, 2001); описанию этнокультурных особенностей образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан (С.В. Дмитриук, 2001); исследованию специфики отражения взаимосвязи цветовой и эмотивной лексики в образах языкового сознания казахов и русских (А.К. Калжанова, 2003); сравнительно-сопоставительному анализу этносемантики русских, казахских и английских фразеологических компаративных единиц (Г.И. Абрамова, 2003) и др.

В дальнейшем психолингвистические исследования в Казахстане, связанные с проблемами межкультурной коммуникации и с изучением ментально маркированных концептов русской и казахской культуры, осуществлялись и по-прежнему продолжают выполняться в традициях Московской психолингвистической школы (ИЯ РАН) с привлечением научных связей с другими российскими вузами: РУДН, ММА (Москва), ЮУрГУ (Челябинск), ТвГУ (Тверь), ВГУ (Воронеж), СИМБиП (Сочи), КБГУ (Нальчик). Росло число инициативных работ по психолингвистике и теории межкультурной коммуникации среди студенческой молодежи разных вузов г. Шымкента, выполнялись дипломные работы и научные проекты; под руководством Н.В. Дмитриук были защищены кандидатские и докторские диссертации преподавателей пединститута и других вузов Казахстана на материале русской, казахской и английской фразеологии с использованием полевых ассоциативных данных (М.Ю. Шингарева, 2006, Г.А. Ахметжанова, 2007); изучались стереотипы, нормы и модели поведения в профессиональном общении (Л.К. Яковенко, 2007); исследовалась специфика невербальной коммуникации как этнокультурного феномена (В.Д. Нарожная 2010); рассматривались особенности языкового сознания русских в Казахстане и в России (Е.С. Мезенцева 2010) и др.

Расширялась география казахстанских ассоциативных исследований: инициированные научными контактами с Московской психо-лингвистической школой, ассоциативные эксперименты проводятся учеными ведущих вузов страны (в гг. Нур-Султан, Алматы, Кокшетау, Караганда, Петропавловск и др.), где под руководством известных ученых Н.Ж. Шаймерденовой, З.К. Ахметжановой, Б.Х. Исмагуловой, С.Ж. Баяндиной и др. исследовались архетипические образы-метафоры и аксиологические стереотипы языкового сознания с применением материала проводимых ассоциативных экспериментов (Ж.А. Джамбаева, 2010), описывались базовые ценности и формы их презентации в языковом сознании (Ф. Саметова, 2010, А. Базарбаева, 2010, А. Жукенова, 2010, М. Тавлуй, 2010, Г. Фаткиева, 2010) и др.

Достаточно активно продолжают лингвокультурологические и гендерные исследования с применением ассоциативных методик в Шымкенте. Так, в 2014 при поддержке гранта МОН РК² коллективом авторов был создан второй казахский ассоциативный словарь

² Работа выполнена при поддержке гранта МОН РК научного проекта 0771/ГФ «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность».

«Қазақша ассоциациялық сөздік» [Дмитрюк, Молдалиева, Молданова и др. 2014], где словарные статьи учитывают гендерную принадлежность информантов.

На основе двух названных выше ассоциативных казахских словарей (советского и современного периода) успешно ведутся сопоставительные исследования трансформации языкового сознания казахов в диахроническом аспекте (Ф.И. Артыкбаева, 2016, Р.А. Арынбаева, 2020, 2021), что представляет несомненный прогностический потенциал для исследования феномена меняющихся культурных ценностей титульного этноса Казахстана.

Казахские ассоциативные словари

Содержанием *первого* «Казахско-русского ассоциативного словаря (КРАС–1978)» [Дмитрюк 1978] советского периода послужили материалы свободного ассоциативного эксперимента, проведённого в 1975–1976 годах по кент-розановскому [Kent, Rozanoff 1910] списку стимулов (переведённому на казахский язык) со студентами казахского отделения разных вузов г. Чимкента, общим числом более 1000 человек. Составленный в соответствии с общепринятыми в международной практике требованиями к проведению САЭ, словарь КРАС–1978 обеспечивал достаточно объективную картину языкового сознания «усреднённого» носителя казахского языка в последние десятилетия советского периода. КРАС–1978 пополнил собой корпус ассоциативных данных по разным языкам мира и, как видно из названия, имеет переводы и стимулов, и реакций-ассоциаций на русский язык для удобства пользования им, поскольку тем самым расширяет возможности межъязыкового сопоставительного анализа вербальных ассоциаций, которые рассматриваются как модели речевых знаний носителей языков и не только отражают семантические и грамматические отношения внутри языка, но и репрезентируют фрагменты образов сознания и вербальной памяти человека. Подробное описание методики проведения САЭ, выбора испытуемых, проблем перевода и построение словарной статьи в КРАС–1978 представлено в Предисловии к этому словарю (см.: [Дмитрюк 1978] и более позднее его переиздание [Дмитрюк 1998: 5–27]).

Второй ассоциативный словарь («Қазақша ассоциациялық сөздік» («Казахский ассоциативный словарь» КАС–2014 [Дмитрюк и др. 2014]) составлен на основе материала, полученного в ходе серии свободных ассоциативных экспериментов (САЭ), проведенных в 2012–2013 годах с носителями казахского языка – студентами разных вузов Южно-Казахстанской области, обучающихся на казахском отделении (язык обучения – родной, казахский) общим числом более 1000 человек, из которых примерно поровну мужчин и женщин. Впервые в практике составления подобных словарей в содержание КАС–2014 был введен гендерный принцип систематизации более 124 000 ассоциативных ответов, которые представлены в табличном варианте мужских и женских ассоциаций на одни и те же слова-стимулы, тем самым репрезентируя гендерную специфику языкового сознания индивида и социума в целом.

Что касается списка слов-стимулов, то в КАС–2014 был использован составленный учёными сектора психолингвистики Института языкознания РАН список из 112 слов [Уфимцева 2000: 219–220], многократно использовавшийся в психолингвистических ассоциативных исследованиях (на основе этого обновлённого списка Кент-Розанова).

Сопоставив слова-стимулы двух ассоциативных казахских словарей, мы обнаружили, что совпавшей оказалась четверть списка (25 слов-стимулов) из предлагаемых анкет. Это, безусловно, важно для сопоставления отдельных смыслов, концептов, воспринимаемых разными поколениями одного и того же этноса, а также для сравнения с содержанием других ассоциативных словарей (например, интересно сравнить восприятие разными этносами отдельных понятий, маркированных и немаркированных по этническим, социальным, гендерным и прочим параметрам, например, таких наименований общечеловеческих цен-

Раздел 4

ностей, как *человек, друг, дом, семья, жизнь* и др.), увидеть разницу и обозначить общность представлений об окружающем мире и выявить специфику «опор» для понимания значения слова. Но, с другой стороны, для определения системности образа мира у разных народов и у разных поколений для выявления центральных и периферийных зон в структуризации языкового сознания одинаковость заданных в анкетах САЭ стимульных слов вовсе и не обязательна. По мнению Н.В. Уфимцевой, этот фактор для выявления ядра языкового сознания особого значения не имеет:

«Сравнив русскую часть <...»Славянского ассоциативного словаря» с результатами, полученными по материалам «Русского ассоциативного словаря», мы можем убедиться, что только 7 из 30 слов не входят в «большое ядро» языкового сознания русских. Тем самым ещё раз подтверждается факт, отмеченный нами при анализе материалов «Русского ассоциативного словаря»: любой, достаточно большой список слов-стимулов (не менее 50) приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру языкового сознания, т.е. к центральным для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом, т.е. в их системности. Можно предположить, что системность и состав ядра языкового сознания как раз и отражают системность и наполнение существующих в коллективном бессознательном этнических констант» [Уфимцева 2000, с. 217–219].

Списки стимулов казахских ассоциативных словарей

КРАС–1978

- | | | |
|-----------------------|---------------------|---------------------|
| 1. Адам (человек) | (здоровье) | 54. Қасқыр (волк) |
| 2. Азамат | 29. Дін (религия) | 55. Қой (баран) |
| гражданин) | 30. Ес (память) | 56. Қол (рука) |
| 3. Ай (луна, месяц) | 31. Ет (мясо) | 57. Қорқу (бояться) |
| 4. Ақ (белый) | 32. Жаман (плохой) | 58. Қуаныш |
| 5. Ақырын | 33. Жарық (свет) | (радость) |
| (медленный) | 34. Жасыл (зеленый) | 59. Қыз (девочка) |
| 6. Алаң (площадь) | 35. Жұмыс (работа) | 60. Қызыл (красный) |
| 7. Ана (мать) | 36. Жүгіру (бежать) | 61. Қышқыл |
| 8. Арақ (водка) | 37. Жігіт (парень) | (кислый) |
| 9. Арыстан (лев) | 38. Ине (иголка) | 62. Май (масло) |
| 10. Ауру (болезнь) | 39. Ит (собака) | 63. Музыка |
| 11. Ауыр (тяжелый) | 40. Киіз үй (юрта) | 64. Нан (хлеб) |
| 12. Аш (голодный, | 41. Көбелек | 65. Нәресте |
| открой) | (бабочка) | (ребенок) |
| 13. Аяқ (нога) | 42. Көгілдір | 66. Орындық (стул) |
| 14. Әдемі (красивый) | (голубой) | 67. Өрмекші (паук) |
| 15. Әйел (женщина) | 43. Көксеу (желать) | 68. Партия |
| 16. Әке (отец) | 44. Көше (улица) | 69. Патша (царь) |
| 17. Әлем (мир) | 45. Күту (ждать) | 70. Пеш (печь) |
| 18. Әсем (красивый) | 46. Кілем (ковер) | 71. Реніштік |
| 19. Бақыт (счастье) | 47. Кітап (книга) | (неприятность) |
| 20. Балға (молоток) | 48. Қайшы | 72. Сабақ (стебель) |
| 21. Бас (голова) | (ножницы) | 73. Сары (желтый) |
| 22. Бейбітшілік (мир) | 49. Қайырымды | 74. Солдат |
| 23. Биік (высокий) | (добрый) | 75. Стол |
| 24. Бұйрық (приказ) | 50. Қала (город) | 76. Сөз (слово) |
| 25. Бүркіт (орел) | 51. Қара (черный) | 77. Суық (холодный) |
| 26. Білу (знать) | 52. Қаранғы | 78. Сүю (любить) |
| 27. Дәрігер (врач) | (темный) | 79. Тамақ (еда) |
| 28. Денсаулық | 53. Қарын (желудок) | 80. Таңертен (утро) |

Ассоциативная лексикография

- | | | |
|----------------------|---------------------|---------------------|
| 81. Төсек (постель) | 88. Түн (ночь) | (купаться) |
| 82. Тегіс (гладкий) | 89. Тілеу (желать) | 96. Ыза (злоба) |
| 83. Темекі (табак) | 90. Уақыт (время) | 97. Ынғайлылық |
| 84. Терезе (окно) | 91. Ұйықтау (спать) | (удобство) |
| 85. Терең (глубокий) | 92. Ұры (вор) | 98. Ысқырық (свист) |
| 86. Түз (соль) | 93. Ұрық (плод) | 99. Іздеу (искать) |
| 87. Тұрпайы | 94. Үй (дом) | 100. Ірімшік |
| (грубый) | 95. Шомылу | (сладкий сыр) |

КАС–2014

- | | | |
|------------------------------|-----------------------------|------------------------------|
| 1. Аға (старший брат) | 34. Жақсы (хорошо, хороший) | 65. Қол (рука, руки) |
| 2. Адам (человек) | 35. Жақсылық (добро) | 66. Қонақ (гость) |
| 3. Айқайлау (кричать) | 36. Жаман (плохо, плохой) | 67. Қуаныш (радость) |
| 4. Ақ (белый) | 37. Жамандық (зло) | 68. Құдай (бог) |
| 5. Ақша (деньги) | 38. Жан (душа, человек) | 69. Қыз бала (девочка) |
| 6. Ақылды (умный) | 39. Жана (новый) | 70. Қыз (дочь, девушка) |
| 7. Ақылсыз (глупый) | 40. Жарық (свет, освещение) | 71. Қызыл (красный) |
| 8. Ақымақ (дурак) | 41. Жас (молодой) | 72. Махаббат (любовь) |
| 9. Ана (мать) | 42. Жасыл (зеленый) | 73. Мәңгілік (вечность) |
| 10. Ауру (больной; болезнь) | 43. Жау (враг) | 74. Мәшине (машина) |
| 11. Ауыз (рот) | 44. Жек көру (ненавидеть) | 75. Нан (хлеб) |
| 12. Ауыл (деревня) | 45. Жел (ветер) | 76. Ойлану (думать) |
| 13. Әдемі (красивый) | 46. Жер (земля) | 77. Орман (лес) |
| 14. Әділдік (справедливость) | 47. Жоғалту (терять) | 78. От (огонь) |
| 15. Әже (бабушка) | 48. Жол (дорога) | 79. Отан (Родина) |
| 16. Әйел (женщина) | 49. Жұбайы (жена) | 80. Отбасы (семья) |
| 17. Әлсіз (слабый) | 50. Жұмыс (работа) | 81. Өзен (река) |
| 18. Әңгіме (разговор) | 51. Жүру (ходить) | 82. Өлім (смерть) |
| 19. Бай (богатый) | 52. Кездесу (встреча) | 83. Өмір (жизнь) |
| 20. Бақыт (счастье) | 53. Кеш (вечер) | 84. Өмір сүру (жить) |
| 21. Бала (мальчик) | 54. Көз (глаза) | 85. Өтірік (обман) |
| 22. Бас (голова) | 55. Көмектесу (помогать) | 86. Сараң (жадный) |
| 23. Басы (начало) | 56. Көңілді (веселый) | 87. Саусақ (палец) |
| 24. Бет (лицо) | 57. Көп (много) | 88. Сәби (ребенок) |
| 25. Бос (свободный) | 58. Күйеу (муж) | 89. Соғыс (война) |
| 26. Бірге (вместе) | 59. Күн (день) | 90. Сөз (слово) |
| 27. Дауыс (голос) | 60. Күш (сила) | 91. Сөйлеу (говорить) |
| 28. Дос (друг) | 61. Кішкентай (маленький) | 92. Су (вода) |
| 29. Еркек (мужчина) | 62. Қала (город) | 93. Таза (чистый) |
| 30. Еске алу (вспоминать) | 63. Қалау (хотеть) | 94. Тамақ жеу (есть, кушать) |
| 31. Ескі (старый) | 64. Қара (черный) | 95. Таңертең (утро) |
| 32. Есік (двери) | | 96. Тау (гора) |
| 33. Ескерткіш (памятник) | | 97. Тез (быстро) |
| | | 98. Туған (родной) |

Раздел 4

99. Түн (ночь)	105. Үлкен (большой)	110. Іні (младший брат)
100. Уақыт (время)	106. Үміттену (надеяться)	111. Іс (дело)
101. Уәде беру (обещать)	107. Үстел (стол)	112. Ішу (пить)
102. Ұят (стыд)	108. Халық (народ)	
103. Үй (дом)	109. Іздеу (искать)	
104. Үлгеру (успеть)		

Материалы обоих казахских ассоциативных словарей (с переводами на русский язык) попадают «в обойму» актуальных многоаспектных психолингвистических, культурологических, этноментальных и гендерных исследований, что открывает возможности для широких межъязыковых и межкультурных сопоставлений.

Оба словаря содержат уникальные сведения о национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями казахской молодёжи двух поколений и могут служить инструментом этнолингвистических, культурологических и социально-психологических исследований, позволяющих судить о ментальном климате, характерном для прежних и настоящих участников эксперимента – носителей казахской языковой культуры.

В КРАС–1978 и КАС–2014 совпали 25 стимулов из 100.

Слова-стимулы, повторившиеся в двух казахских ассоциативных словарях (КРАС–1978 и КАС–2014)

1. Адам (человек)
2. Ақ (белый)
3. Ауру (больной; болезнь)
4. Әдемі (красивый)
5. Әйел (женщина)
6. Бақыт (счастье)
7. Бас (голова)
8. Жаман (плохо, плохой)
9. Жарық (свет, освещение)
10. Жасыл (зеленый)
11. Жұмыс (работа)
12. Қала (город)
13. Қара (черный)
14. Қол (рука, руки)
15. Қыз (дочь, девушка)
16. Қызыл (красный)
17. Нан (хлеб)
18. Сәби (ребенок)
19. Сөз (слово)
20. Тамақ жеу (есть, кушать)
21. Таңертең (утро)
22. Түн (ночь)
23. Уақыт (время)
24. Үй (дом)
25. Іздеу (искать)

Литература

- Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы, 1997. 176 с.
- Дмитрюк Н.В. Ассоциативные структуры антонимичных стимулов // Типология славянских языков и взаимодействие славянских литератур. Минск, 1977. С. 132–138.
- Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Чимкент, 1978. 246 с.; 2 изд. Шымкент-Москва, 1998, 258 с. или <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>.

Ассоциативная лексикография

Дмитрюк Н.В. Коммуникативная сущность ассоциирования // Тезисы УП Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1982. С. 92–93.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М. 1971. С. 178–194.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, КГУ, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин: КГУ, 1980а. 80 с.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореферат дисс. ... докт. филол. наук Л., 1980б. 48 с.

Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просв., 1973. 246 с.

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995. 178 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. *А.А. Леонтьева*. М.: МГУ, 1977. 190 с.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975. 94 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатие, 1988. 187 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян//Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207–219.

Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979. 120 с.

Цітова А.І. Асацыятыуны слоўнік беларускай мовы. Мінск: БДУ, 1981. 144 с.

Kent G., Rozanoff A. A study of association in insanity: I. Association in normal subjects. American Journal of Insanity, 1910. № 67.

4.3.4. Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка (СИБАС)

С.В. Савицкая
Якутск

Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка (далее *якутский подкорпус*) был создан для решения конкретных задач в рамках локального исследования, посвященного сопоставительному анализу образов сознания, входящих в семантическую категорию «государственность» и выявлению их этнокультурной специфики в языковом сознании якутов и русских³.

Эмпирический материал для якутского подкорпуса был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в г. Мирный Республики Саха (Якутия) в декабре 2018 г. В эксперименте в качестве испытуемых выступили студенты Мирнинского Политехнического института (филиала) Северо-Восточного Федерального Университета (СВФУ), всего 350 чел. После обработки результатов эксперимента, валидными были признаны 340 анкет, из них 248 – от испытуемых-носителей якутского языка и 92 – от испытуемых, которые обозначили своим родным языком (или языком основного общения) русский (в этой группе участников были как русские по национальности, так и якуты – жители городов республики, которые традиционно являются русскоязычными). Якутский подкорпус был сформирован на базе 248 анкет, полученных от испытуемых – носителей якутского языка.

³ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Гендерная принадлежность и возраст участников эксперимента: из 340 респондентов 210 чел. – мужчины, что составляет 62% от общего количества участников эксперимента, 122 чел. – женщины, что составляет 36% от общего числа, 8 чел. (2%) не указали пол. Такая гендерная диспропорция объясняется тем, что Мирнинский Политехнический Институт (МПТИ) готовит в основном кадры для алмазодобывающей и нефтегазовой отраслей Якутии – секторов традиционно мужской занятости. Большинство студентов МПТИ обучаются на факультетах «Горное дело» и «Нефтегазовое дело». 296 респондентов (87% от общего числа) относятся к возрастной группе 18-22 года, 33 респондента (9%) относятся к возрастной категории 23-24 года. Кроме сведений о гендерной принадлежности и возрасте, на сайте СИБАС также есть дополнительные данные о профессиональной специализации и географии респондентов.

Анкета свободного ассоциативного эксперимента была подготовлена на двух языках, якутском и русском, и содержит одинаковый набор слов-стимулов. Они были подобраны с учетом тематики исследования (категория «государственность») и представляют не только различные классы слов (существительные, прилагательные, глаголы и др.), но и разные сферы употребления. Так, например, стимулы ДОМ, ЧЕЛОВЕК, ФЛАГ, НАРОД, ЛЮБИТЬ, СВОБОДНЫЙ относятся к общеупотребительной лексике, тогда как стимулы КОРРУПЦИЯ, ПОЛИТИК, РЕФОРМА, ГОСУДАРСТВО, МИНИСТР являются терминами и характеризуются ограниченной сферой употребления. Полный список слов-стимулов для каждого языка можно найти во вкладке *Словари* вверху страницы (раздел *Стимулы*). Якутский подкорпус, равно как и основной корпус и другие подкорпусы СИБАС, доступен для использования в формате прямого и обратного словарей. Словарные статьи якутского подкорпуса построены по такому же принципу, что и в основном корпусе СИБАС, поэтому статистические данные приводятся в аналогичном порядке. Дополнительный функционал СИБАС (частеречная разметка⁴; функция поиска стимулов и реакций) также применим к якутскому подкорпусу.

4.3.5. Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане РКАС (2017 – 2020)⁵ (СИБАС)

Е.В. Бентя
Новосибирск

Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане РКАС создавался в рамках локального сравнительно-сопоставительного исследования процессов вестернизации как социокультурного и психолингвистического феномена на основе их отражения в русском языковом сознании молодых людей, проживающих в азиатских регионах России и Казахстане. Сравнительно-сопоставительный анализ базировался на использовании в качестве эталонных для азиатского региона материалов СИБАС 1, а также собранных Е.В. Бентя эмпирических материалов в результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2017 году в казахстанских вузах. Цель создания подкорпуса определила список стимулов. Большая их часть – 98 единиц – совпадают со стимулами СИБАС 1, на которые испытуемыми-россиянами было дано наибольшее количество реакций, отсылающих

⁴ Частеречная разметка в якутском подкорпусе осуществляется только в отношении реакций на русском языке.

⁵ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

к реалиям западной культуры. Два не вошедших в список СИБАС 1 стимула – *европейский* и *американский* – были включены в анкеты казахстанского эксперимента для более четкого определения ассоциативного ряда, связанного с западным миром (отношение, характер контактов и т.п.). Эти стимулы напрямую отсылают испытуемых к рассматриваемым реалиям. Несмотря на конкретную локальную цель создания подкорпуса, его ассоциативный словарь может быть также использован в других исследовательских целях.

Материал подкорпуса собирался с помощью свободного ассоциативного эксперимента по методике аналогичной той, что применялась ранее для СИБАС. Эксперимент был проведен в шести городах Казахстана: Астане, Кокшетау, Петропавловске, Павлодаре, Караганде и Костанайе. Выбор городов был мотивирован их географической принадлежностью к северным регионам страны, где плотность русского населения наиболее высока, что в данном случае также означает наличие большего количества носителей русского языка, как среди русских, так и среди других национальностей Казахстана. Караганда расположена в центральном регионе Казахстана (и представляет собой его административный центр, четвертый крупнейший город страны). Этот город был также включен в наш список в силу его статуса и близости к северному региону, что способствует появлению большего количества жителей, для которых русский язык – родной.

Эксперимент проводился в апреле-октябре 2017 года со студентами казахстанских вузов: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана), университет «Туран-Астана» (Астана), Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Кокшетау), Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева (Петропавловск), Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар), Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (Караганда), Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (Костанай).

В группы испытуемых привлекались носители русского языка, использующие его в качестве родного с детства как основное средство общения. Национальная принадлежность не учитывалась. Средний возраст испытуемых – 19 лет, минимальный возраст – 17, максимальный – 29.

Общее количество обработанных и включенных в подкорпус анкет – 600, по 100 стимулов в каждой. Всего в каждом городе собиралось в среднем около 120 анкет с учетом того, что некоторые из них будут отбракованы.

Применение инструментария СИБАС к подкорпусу РКАС-2017 в режиме обратного словаря позволило вывести ассоциативные доминанты РКАС-2017 – 10 наиболее устойчивых реакций, связанных с наибольшим количеством стимулов.

При сравнении полученного списка с рейтингами доминант эталонных региональных и общерусских баз данных СИБАС, ЕВРАС и РАС наблюдается совпадение свыше половины единиц РКАС-2017 с единицами в каждом из рассматриваемых источников. При этом наблюдаются флуктуации устойчивости совпадающих единиц в пределах ядра.

Ассоциативные доминанты РКАС-2017 были также сопоставлены с материалами двух казахских ассоциативных словарей разных лет (КАС-2014 и КРАС-1978), в результате чего было обнаружено только четыре общих реакции.

Таким образом, сравнение ассоциативных доминант показало, что РКАС-2017 имеет больше общности с СИБАС и другими русскими базами, чем с доминантами казахских ассоциативных словарей, что объясняется неомогенностью культурной и языковой ситуации в Казахстане. Однако три единицы – ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ И ХОРОШО – присутствуют в ядрах всех рассмотренных ассоциативных баз и словарей, что говорит об универсальности (в пределах трех-четырёх поколений) этих понятий как для русских в России, так и для русско- и казахоговорящих казахстанцев.

4.3.6. Ассоциативные нормы испанского и русского языков

Н.В. Уфимцева
Москва

Сопоставительный испанско-русский словарь [Санчес Пуиг и др. 2001] состоит из двух прямых и двух обратных словарей. Сбор ассоциативного материала для испанской части осуществлялся в 1997–1998 годах в Мадриде и Валенсии. В качестве респондентов в ассоциативном эксперименте выступали студенты различных высших учебных заведений по всем университетским специальностям в возрасте 19–20 лет, всего около 600 человек. Гендерную пропорцию соблюсти не удалось, женщин среди респондентов на 20% больше, чем мужчин.

В качестве русской части были использованы материалы Славянского ассоциативного словаря (САС).

Исходный список слов на русском языке включает все 108 слов из словника САС, в испанском переводе – 110 слов.

Словарь имеет стандартную двухчастную структуру: прямой словарь – от стимула к реакции и обратный словарь – от реакции к стимулу и в испанской, и в русской частях. Цифры в конце статьи несут информацию о формальных характеристиках ассоциативной статьи.

Сопоставительный анализ материалов испанской и русской частей словаря может помочь воссоздать особенности языкового сознания и образа мира носителей двух языков/культур, сходства и различия, а материалы обратного словаря помогут восстановить и особенности их системности.

Литература

М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва-Мадрид: «Азбуконик», 2001. 496 с.

4.3.7. Русский сопоставительный ассоциативный словарь

Н.В. Уфимцева
Москва

Интересные исследовательские возможности открывает перед нами уникальный словарь, созданный Г.А. Черкасовой [Черкасова 2008] по материалам сразу нескольких русских ассоциативных словарей: «Словаря ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева, «Русского ассоциативного словаря» и русской части «Славянского ассоциативного словаря».

Русский сопоставительный ассоциативный словарь (РСпАС) охватывает период с 1967 по 2002 год и включает 253 статьи Прямого словаря (от стимула к реакции) по материалам трех указанных выше словарей. Автор видит свою задачу не в формальном объединении одноименных словарных статей из ранее изданных словарей, а в попытке продемонстрировать процессы, происходящие в языковом сознании носителей русского языка под влиянием изменений, происходящих в российском социуме.

Словарь содержит все слова-стимулы, которые повторялись в трех или двух массовых ассоциативных опросах, пересечение стимульного списка всех словарей составило 53 слова. Слова-стимулы имеют шрифтовые выделения: повторившиеся в трех словарях 53 стимула даны жирным шрифтом; курсивом выделены стимулы, встретившиеся только в РАС и САС и их 58 (111 – 53); оставшиеся 142 слова даны без выделений, они встретились только в САНРЯ и РАС (195 – 53).

Словарные статьи Прямого словаря РСпАС построены по тем же принципам, что и словарные статьи САНРЯ, РАС и САС. Но есть отличие, которое вызвано тем, что количество испытуемых по отдельным стимулам в разных ассоциативных опросах разное. Поэтому в

Ассоциативная лексикография

РСпАС для реакций даны две частоты встречаемости: *абсолютная частота*, или количество ответивших респондентов, и относительная.

Для сопоставления отдельных временных срезов использована шрифтовая разметка слов-реакций. Реакции, повторившиеся в трех опросах, выделены жирным шрифтом. *Реакции*, полученные в любых двух экспериментах, даны курсивом. Если реакция не имеет выделений, то она встретилась только в одном эксперименте, т.е. «оригинальная», а число таких ассоциатов фиксируется последним числом в количественных показателях.

Литература

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. Москва, 2008. [Электронный ресурс]. URL: /http://elibrary.ru/item.asp?id=21628422.

4.3.8. Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков

Н.В. Уфимцева
Москва

Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков подготовлен на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета по результатам экспериментальных исследований языкового сознания носителей этих языков.

Ассоциативный словарь включает материалы массового ассоциативного эксперимента с носителями татарского и башкирского языков, которые свободно владеют родным языком. Эксперименты проводились на территории Республики Башкортостан с 2004 по 2012 годы с респондентами в возрасте от 14 до 90 лет (респонденты татары) и от 14 до 84 лет (респонденты башкиры), всего 1000 человек, по 500 человек в каждой группе. В эксперименте приняли участие как жители крупных городов, так и сельские жители разных профессий, от студентов до пенсионеров.

Ассоциативный эксперимент проводился в два этапа. Первый этап – в 2004–2005 гг. Список слов стимулов был составлен по результатам анализа состава ядра языкового сознания 7 языков и включал 36 слов-стимулов. Второй этап проводился в 2010–2011 гг. Стимулы были выбраны из числа наиболее частотных реакций, полученных на первом этапе, всего 97 слов для обоих языков.

На первом этапе было получено 7200 реакций, на втором – 26 000 (по 13 000 реакций для каждого языка), всего было опрошено по 500 респондентов (по 100 человек на первом этапе и по 400 на втором).

Словарные статьи имеют ту же структуру, что и статьи в РАС. Ассоциаты включались в словарную статью в той форме, в какой их зафиксировал в анкете респондент. Приводится перевод словарных статей на русский язык.

Словарь включает несколько приложений.

Приложение 1. Ассоциативная (психологическая) цветность звукобукв башкирского и татарского языков.

Приложение 2. Материалы ассоциативных экспериментов с испытуемыми разных возрастных групп носителей башкирского и татарского языков (дошкольники, младшие школьники, средний школьный возраст, старший школьный возраст).

Литература

Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков / Т.М. Рогожникова, Л.В. Газизова, А.В. Хуснутдинова и др./ под общей редакцией Т.М. Рогожниковой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 363 с.

4.4. Возрастные ассоциативные словари

4.4.1. Ассоциативный словарь ребенка

Н.В. Уфимцева
Москва

Ассоциативный словарь ребенка [Соколова 1996а; 1996б] является уникальным источником сведений об ассоциациях детей в возрасте от 3-х до 7 лет, в котором собраны 23000 слов-реакций.

Эксперимент проводился в Архангельской области с русскоязычными детьми в 1990–1995 гг. в устной форме индивидуально с каждым ребенком. Ребенку 3–4 лет на ответ давалось 30 секунд, детям более старшего возраста – 15 секунд. Список слов-стимулов включал 18 слов (7 существительных, 4 глагола, 4 прилагательных, 3 наречия) хорошо известных детям, 10 из 18 слов входят в число стимулов «Словаря ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева. Испытуемые были разбиты на 4 группы: 3–4 лет, 4–5 лет, 5–6 лет, 6–7 лет. Число испытуемых варьировалось от группы к группе, но не опускалось ниже 300 (примерно по 150 мальчиков и 150 девочек).

В прямой словарь (1 том) вошло 72 словарных статьи, где каждый из 18 стимулов представлен в 4-х вариантах. Словарная статья организована по частотному принципу и разделена по полу. Она включает все реакции, в том числе и единичные, а также цифровые данные. Частотные реакции объединены автором в гнезда по принципу корневого родства. Это сделано с целью описать картину формирования грамматического и семантического компонентов языковой способности в онтогенезе.

В семантическое гнездо автор включает начальную форму частотной лексемы, словоизменительные формы лексемы, словообразовательные формы семантемы, синкретические реакции. Оказиональные детские формы без правки включались в состав семантемы (например, *лисипед, велик* – см. ВЕЛОСИПЕД). Цифровые данные в конце статьи прочитываются следующим образом: первое число – отказы (общее число, мальчики/девочки), второе – единичные реакции (общее число, мальчики/девочки), третье – частотные семантемы (общее число детей, давших частотные реакции), четвертое – все испытуемые, давшие реакцию на стимул (включая отказы).

В обратном словаре (2 том) представлен сводный частотный словарь корней (ЧСК), под которыми автор понимает условно выделенные комплексы символов для обозначения семантики слов. Реакции (корни) ранжированы по частотному принципу, имеют свой порядковый номер. Материалы ЧСК суммируют данные первого тома по четырем возрастным группам.

Далее во втором томе представлен частотно-ранговый каталог корней и их значений и алфавитный каталог корней.

Список стимулов

МЯЧ, ГУЛЯТЬ, КРАСНЫЙ, БЫСТРО, ИГРУШКА, ГОВОРИТЬ, ТИХАЯ, ВКУСНО, КНИГА, ПЕТЬ, ОЧЕНЬ, ЧЕЛОВЕК, РИСОВАТЬ, ПЛОХОЙ, СЛОВО, ДОМ, СИЛЬНЫЙ, ЗВЕРЬ.

Литература

Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. Вербальные реакции детей 3–7 лет. Ч.1: от стимула к реакции. Архангельск: Изд-во Поморского международного педуниверситета, 1996а. 255 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. Частотный словарь корней в ассоциативном тезаурусе ребенка дошкольного возраста. Ч. II: от реакции к стимулу. Архангельск: Изд-во Поморского международного педуниверситета, 1996б. 306 с.

4.4.2. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Лексикон младшего школьника

И.Г. Овчинникова
Пермь

Этот подраздел посвящен двум словарям, содержащим сведения о лексиконе детей младшего школьного возраста [Ассоциации ... 1995; Лексикон ... 2000].

Словник ассоциативного словаря отбирался по следующим основаниям:

- существительные, прилагательные и глаголы, относящиеся к основному фонду русского языка и употребительные в повседневном общении дошкольника
- слова, частотные в детских книгах, ориентированных на учеников начальных классов;
- редкие слова, которые могут быть известны учащимся младших классов из русской и зарубежной классики и фольклора;
- многозначные слова и омонимы.

Этот словарь включает в себя 70 стимулов и 33 100 реакций. Каждый стимул был предложен 500 испытуемым – школьникам младших классов в возрасте от 6 до 10 лет. Эксперимент проводился в письменной форме в учебной обстановке. За один сеанс экспериментатор предъявлял испытуемым 5 слов-стимулов.

В обратном словаре приводится словарь субъективных частот младшего школьника, созданный под руководством Аллы Соломоновны Штерн.

Реакции, содержащие орфографические или грамматические ошибки, были заменены на правильные варианты.

Основные тематические группы словника

1. Наименования лиц : *бабушка, друг, мастер, рабочий, ребенок, товарищ*
2. Животные: *заяц, кошка, собака*
3. Растения и плоды: *береза, колокольчик, роза, рябина*
4. Явления природы и времена года и суток: *весна, вода, день, зима, лес, лето, ночь, осень, снег*
5. Быт, обиход, строение, продукты, одежда: *деревня, дом, кастрюля, конфета, кофта, рубашка, хлеб*
6. Школьная и книжная лексика: *буква, встреча, дело, загадка, звонить, картина, книга, начать, писать, помогать, работа, сила, слово, число*
7. Игрушки: *игрушка, кукла, машина, мяч*
8. Наименования эмоций и эмоциональных состояний.
9. Действия и состояния: *взять, встретить, ехать, идти, кричать, работать, стоять*
10. Глаголы речи, мысли, восприятия и эмоций: *говорить, думать, знать, любить, обещать, простить, слышать, учиться.*
11. Прилагательные: *дорогой, интересный, изысканный, плохой, темный, тяжелый, хороший, чистый*

В словаре отражено детское сознание: испытуемыми явились учащиеся младших классов. Время опроса – 1992–1994 гг.; опрашивались школьники младших классов, ученики школ Перми и городов Пермской области.

Авторский коллектив словаря: Наталия Ириковна Береснева, Людмила Александровна Дубровская, Ирина Германовна Овчинникова, Елена Борисовна Пенягина, Алла Соломоновна Штерн.

СПИСОК СТИМУЛОВ

БАБУШКА
БЕРЕЗА
БУКВА

ВЕСНА
ВЗЯТЬ
ВОДА

ВСТРЕТИТЬ
ВСТРЕЧА
ГОВОРИТЬ

ДЕЛО	КОНФЕТА	РАБОТАТЬ
ДЕНЬ	КОФТА	РАБОЧИЙ
ДЕРЕВНЯ	КОШКА	РЕБЕНОК
ДОМ	КРИЧАТЬ	РОЗА
ДОРОГОЙ	КУКЛА	РУБАШКА
ДРУГ	ЛЕС	РЯБИНА
ДУМАТЬ	ЛЕТО	СИЛА
ЕХАТЬ	ЛЮБИТЬ	СЛОВО
ЗАГАДКА	МАСТЕР	СЛЫШАТЬ
ЗАЯЦ	МАШИНА	СНЕГ
ЗВОНИТЬ	МЯЧ	СОБАКА
ЗИМА	НАЧАТЬ	СТОЯТЬ
ЗНАТЬ	НОЧЬ	ТЕМНЫЙ
ИГРУШКА	ОБЕЩАТЬ	ТОВАРИЩ
ИДТИ	ОСЕНЬ	ТЯЖЕЛЫЙ
ИЗЫСКАННЫЙ	ПИСАТЬ	УЧИТЬСЯ
КАРТИНА	ПЛОХОЙ	ХЛЕБ
КАСТРЮЛЯ	ПОМОГАТЬ	ХОРОШИЙ
КНИГА	ПРОСТИТЬ	ЧИСЛО
КОЛОКОЛЬЧИК	РАБОТА	ЧИСТЫЙ

Литература

Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). *И.Г. Овчинникова, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, Е.Б. Пенягина*. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1995. 254 с.

Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). *А.С. Штерн*. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 312 с.

4.4.3. Ассоциативный словарь подростка

Е.Н. Гуц
Омск

Данный словарь [Гуц 2004] является частью работы по изучению языковой личности подростка. В основе словаря лежит свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в школах г. Омска в 2002–2003 гг. Словарь включает 265 словарных статей (ассоциативных полей), имеющих следующую структуру: стимул – реакции на этот стимул, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается после каждого слова; единичные реакции, представленные в алфавитном порядке; общее число реакций и отказов.

Словарь предназначен лингвистам, психологам, социологам, педагогам и родителям, всем, кому интересен духовный мир современного подростка, его ценностные ориентации, «неофициальные» этические нормы и эмоции.

«Ассоциативный словарь подростка», включающий в себя 265 словарных статей, составлялся и обрабатывался в течение 2002–2003 гг. Словарь является частью работы автора по изучению языковой личности подростка. Выбор этого типа языковой личности обусловлен следующими причинами: подростки составляют значительную часть населения; их лексикон открыт для влияний со стороны всех имеющихся в национальном языке форм речи, как литературных, так и нелитературных, содержит большое количество собственно подростковых слов, языковая картина мира и речевые привычки подростков специфичны и недостаточно изучены.

Ассоциативная лексикография

В основе словаря лежит свободный ассоциативный эксперимент как один из способов изучения языкового сознания человека. Методика проведения эксперимента такова: испытуемому дается слово-стимул и предлагается ответить на него первым пришедшим в голову словом, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова-реакции. Испытуемые - ученики средних школ, гимназий, колледжей г. Омска. Их возраст – 15–17 лет.

Эксперимент проводился в несколько этапов с промежутками 1,5–2 месяца. Для каждого этапа были определены свои цели и задачи, составлен список стимулов, определено количество испытуемых, форма проведения эксперимента (устная или письменная). Теоретической основой данного исследования служит обоснованное в психологии представление о том, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [Ассоциативный ... 1996].

Цель первого этапа эксперимента - определить, есть ли в ядре языкового сознания подростков структурно-семантические особенности. Для того чтобы повысить валидность сравнительно-сопоставительного изучения «подросткового» ядра языкового сознания, мы максимально приблизили условия проведения ассоциативного эксперимента к тем условиям, которые представлены в исследовании Н.В. Уфимцевой: был использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), количество испытуемых (500 человек), письменная форма выполнения [Уфимцева 2000].

На следующих этапах эксперимента в списки стимулов, наряду с общеупотребительными словами, были включены жаргонные метафоры (по 15 слов в каждой анкете). Такое расширение словника объясняется целью экспериментального исследования – установить, как жаргонная метафора хранится в индивидуальном лексиконе подростка и идентифицируется при отсутствии внешнего вербального или ситуативного контекста, а также выявить ментальные структуры (обобщенно-абстрактные схемы), формирующиеся в процессе жизни человека и отображающие сложившуюся у него картину мира, социума и самого себя [Залевская 200: 99]. Списки стимулов формировались из наиболее частотных реакций, полученных на первом этапе. Эксперимент проводился в устной форме, т.е. испытуемые воспринимали слова-стимулы на слух. Такая форма проведения свободного ассоциативного эксперимента выбрана не случайно. Нам было необходимо уменьшить латентный период (время, прошедшее между произнесением слова-стимула и ответом испытуемого) до 5-7 секунд [Словарь...: 54], что позволило выполнить основное методическое правило – испытуемые должны отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом, не раздумывая и ни с кем не советуясь.

На последнем этапе из предыдущих списков слов методом случайных чисел были отобраны лексические единицы и использованы в качестве стимулов для ассоциативного эксперимента в «малых группах» (по 5–7 человек). При проведении исследования учитывалось время, место, условия проведения эксперимента, психические и поведенческие особенности испытуемых, их пол и межличностные отношения. Количество участников эксперимента – 208 человек.

Основная цель данного этапа изучение индивидуальных анкет испытуемых, т.е. анализ реакций не по «горизонтали», а по «вертикали». Ассоциативные пары слов рассматривались как дифференцирующие параметры возраста, гендера, уровня выраженности агрессивных реакций, условий жизни, эмоциональности испытуемых.

Словарная статья словаря представляет собой ассоциативное поле – «фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и грамматических отношений..., фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [Ассоциативный ... 1996]. Она построена по образцу статей прямого ассоциативного словаря [там же]: статья начинается со слова-стимула, за ним идут слова-реакции на этот стимул, расположенные по мере

убывания их частоты, которая указывается после каждого слова; далее в алфавитном порядке представлены единичные реакции; в конце статьи приводятся количественные показатели. Первая цифра указывает на общее число реакций, вторая - на число отказов испытуемых.

Слова-реакции зафиксированы в словаре в тех формах, в которых они были записаны испытуемыми. Мы сохранили все грамматические ошибки и некоторые орфографические (огромное количество последних не позволило нам оставить анкеты испытуемых без исправлений). Общенная и грубо-просторечная лексика дана в словаре с традиционными пропусками (многоточиями). Многие испытуемые, игнорируя комментарии. Экспериментатора, реагировали на стимул словосочетанием или (в редких случаях) предложением. Эти реакции, а также немногочисленные рисунки, схемы, символы и даже формулы также включены в словарь.

Материалы, представленные в «Ассоциативном словаре подростка», могут быть предметом исследования в психолингвистике, лексической семантике, лингвокультурологии, этнолингвистике, социологии, педагогической психологии, психиатрии.

Список слов-стимулов

- Б бабушка, базар, батон, бездельничать, белый, бить, бог, богатый, боль, больной, большой, борода, ботаник, бояться, брат, бык, быстро
- В весёлый, ветер, вечер, вечность, вздрогнуть, влюбиться, вместе, вода, война, враг, врать, время, врубить, всасывать, всегда, вспоминать, встреча, въезжать
- Г глаза, глупый, гнать, говорить, голова, голос, голубой, гора, город, гость, грузить, гудеть
- Д далеко, дверь, девочка, девушка, дело, деловой, демон, день, деньги, деревня, дерево, добро, доверчивый, дом, дорога, достать, дочь, драка, друг, дружба, думать, дурак, душа, дядя
- Е есть (кушать)
- Ж жадный, желтый, жена, женщина, жертва, жестокий, жизнь, жить
- З забитый, завязать, загорать, загрометь, залечить, заливать, заплатить, зашитый, зелёный, земля, зло
- И издеваться, интеллигент
- К кадр, кайф, кидать, кино, классный, клеить, книга, коза, колёса, косить, косяк, кошёлка, красивый, красный, красота, кричать, крутой
- Л лгать, лентяй, лень, лес, лечить, лицо, ложь, лось, лох, любить, любовь
- М маленький, мальчик, мать, машина, метёлка, мир, много, модный, молодой, море, мотать, мочалка, мочить, муж, мужчина
- Н наварить, наглец, наглый, надежда, надеяться, надоедать, народ, наслаждение, начало, небо, ненавидеть, неряшливый, нет, неудача, новый, ночь
- О обещать, обломать, обман, обмывать, овца, огонь, ответ, отвратительный, отдыхать, отмечать отрываться, отстегнуть, оттягиваться
- П палец, памятник, парень, пахать, перец, писатель, пить, плохо, плохой, подставить, покупка, поливать, помогать, понимать, попасть, поправка, праздновать, предавать, презирать, притворяться, путь, пылить
- Р работа, работать, радоваться, радость, развлекаться, разговор, раскрутить, ребёнок, река, родина, родной, рот, рубить, ругать, руки
- С свет, свистеть, свободный, сделать, семья, сесть, сила, сильный, синий, синяк, слабый, слива, слово, смерть, собака, справедливость, старый, стол, страх, стричь, стыд, сумасшедший, счастье
- Т таблетки, тащиться, терять, тетрадь, товарищ, толстый, тормоз, тормозить, торчать, травить, трус

- У убивать, уговаривать, удивляться, удовольствие, ужасный, умный, урод, урок, успеть, успокаивать, утро, ухаживать
- Х хитрить, хлеб, ходить, хороший, хорошо, хотеть
- Ч чайник, человек, чёрный, чёрт, чистить
- Ш шкаф, шланг, шнурок, шутка
- Ю юноша

Литература

Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1–6 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова; Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1996. 223 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: Вариант-Сибирь, 2004. 164 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 382 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. 192 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 207–219.

4.4.4. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области

А.П. Сдобнова
Саратова

«Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» [АСШС] был создан в Саратовском государственном университете в результате крупномасштабного сбора психолингвистического материала, проведенного в период с 1998 по 2008 г. Руководители проекта – В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, инженер-программист – А.О. Мартьянов.

Он существует в двух формах:

электронная база данных [АСШС];

печатный вариант словаря, созданный по материалам БД АСШС [РАСШ I; РАСШ II–1; РАСШ II–2].

АСШС

Состав и функциональная специфика АСШС. В электронной базе данных представлены 927807 реакций, полученных от школьников всех возрастных групп (с I по XI кл.) на 1126 стимулов в ходе свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся в устно-письменном формате (устное предъявление стимулов и письменная фиксация реакций испытуемыми). Ассоциативный эксперимент проводился в 130 городских и сельских школах, на анонимной основе в нем приняли участие более 30,5 тысяч учащихся в возрасте 7–18 лет. АСШС реализован как Access-приложение (о базе данных этого словаря см.: [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2009]).

База данных АСШС имеет фильтрацию материала по возрасту, полу испытуемых, месту их проживания, типу учебного заведения (школа, гимназия, лицей), дате проведения эксперимента и некоторым другим признакам. АСШС генерирует в табличной форме прямые статьи на заданные стимулы и обратные статьи по заданным реакциям, сопровождая статьи необходимыми количественными данными. Словарь предлагает стандартные перекрестные запросы, позволяет сопоставлять между собой множества реакций на выделенные пользователем группы стимулов, сопоставлять множества стимулов, вызывающих указанные пользователем группы реакций, получать общие перечни реакций и перечни реакций, ранжированные по убыванию «входящих» связей.

Существенной особенностью АСШС является то, что в нем сохраняется и доступен для анализа образ каждой анкеты, введенной в базу. Это дает возможность рассматривать индивидуальное использование типовых стратегий реагирования (Я-стратегия, стратегия оценивания, стратегия противоречия и др.), оценивать относительную значимость общих ассоциативных стратегий и ассоциативных потенций самих стимулов, а также возрастную динамику стратегий [Гольдин 2005; Сдобнова 2015].

Анкеты с преобладанием асемантических реакций и реакций, не мотивированных стимулами (такие анкеты традиционно отбраковываются создателями ассоциативных словарей), сохраняются в базе АСШС, но со специальной меткой и доступны для анализа как в качестве отдельного подмножества, так и, при необходимости, – в составе общего корпуса данных [Гольдин 2015].

В стимульный ряд АСШС в основном вошла высокочастотная лексика, в значительной мере совпадающая со словами-стимулами других русских ассоциативных словарей. Этим обеспечивается возможность сопоставления данных АСШС с информацией других ассоциативных словарей.

Сопоставление результатов экспериментов, отраженных в АСШС, с данными ассоциативных экспериментов, проведенных со школьниками других регионов страны (Москвы, Омска, Кургана, Уфы, Белорецка, Перми и Пермской области), показывает, что ассоциации русскоязычных школьников различных регионов России в основном совпадают [Сдобнова 2015]. Степень представленности регионального компонента в ассоциациях испытуемых, несомненно, требует отдельного специального исследования, но в целом АСШС не имеет регионального характера и репрезентирует общие особенности языкового сознания российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века.

При формировании списка стимулов АСШС были учтены такие параметры, как вхождение слова в ядро русской лексики, частотность слова в речи, представленность разных частей речи, наличие соответствующих стимулов в других ассоциативных словарях и ряд других. Главным и принципиально важным при формировании списка стимулов было обеспечить возможность сопоставления материалов АСШС с материалами других словарей, поэтому 90 % списка стимулов АСШС представлены в перечне стимулов РАС. Стимульный ряд АСШС включает все или почти все стимулы других опубликованных ассоциативных словарей детей и школьников разных возрастных групп (подробнее см.: [Сдобнова 2015: 62]).

Основу корпуса стимулов АСШС составляет высокочастотная лексика (60% списка), остальная часть стимулов – по преимуществу среднечастотная лексика. Малочастотные слова (типа *ностальгия*, *вакцина*, *колорит* и под.), включенные в стимульный ряд, составляют незначительную его часть.

В стимульном ряду представлены все части речи, включая не только знаменательные, но и служебные (*в*, *с*, *но*, *не*, *только*, *даже* и др.), а также междометия (*ох*, *эх*) и сочетания (*что делать* и др.) Большую часть стимулов составляют существительные (51%), глаголы (20%) и прилагательные (16%). Остальные части речи и сочетания – 13%. Более подробную информацию о стимулах см. в [Сдобнова 2015; РАСШ I].

Отобранный набор слов-стимулов позволяет проводить сопоставительное исследование языкового сознания разных возрастных групп школьников и взрослых носителей языка по ряду психолингвистических параметров (овладение семантической структурой слова, специфика ассоциативных связей слов в ассоциативно-вербальной сети и др.).

Названными особенностями базы данных «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» определяются широкие возможности использования АСШС как научного источника.

РАСШ I, РАСШ II–1 и РАСШ II–2

«Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» опубликован в двух томах.

Ассоциативная лексикография

Первый том «От стимула к реакции» [РАСШ I] включает прямой словарь, в котором впервые представлены ассоциативные реакции, распределенные по четырем группам в соответствии с возрастом школьников четырех возрастных групп отдельно: реакции учащихся 1–4 классов, 5–6 классов, 7–8 классов и 9–11 классов, что позволяет изучать на его материале возрастную динамику ассоциативных полей, языковой картины мира и активного словаря учащихся.

Второй том «От реакции к стимулу» – обратный словарь, он содержит две части [РАСШ II–1; РАСШ II–2].

Словарь предназначен для психолингвистов, лингвокультурологов, социолингвистов, лингвистов, психологов, философов и широкого круга специалистов, интересующихся проблемами связей между языком, сознанием, культурой, обществом.

В 2002–2007 годах создание словаря получало финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 02-04-00020а; 05-04-04142а).

Список стимулов

А	АВТОР, АВТОРИТЕТ, АКТЁР, АКТИВНЫЙ, АЛЫЙ, АНТИЛОПА, АРМИЯ, АТОМНЫЙ
Б	БАБОЧКА, БАБУШКА, БАНДА, БАНДИТ, БАРАН, БЕГАТЬ, БЕГЕМОТ, БЕДА, БЕЖАТЬ, БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ, БЕЛЫЙ, БЕРЕГ, БЕРЁЗА, БЕСЕДА, БИЛЕТ, БИТВА, БЛЕСТЯЩИЙ, БЛИЗКИЙ, БЛИЗКО, БОГ, БОГАТЫЙ, БОЙ, БОЛЕЗНЬ, БОЛЕТЬ, БОЛОТО, БОЛТАТЬСЯ, БОЛЬНОЙ, БОЛЬШОЙ, БОРОТЬСЯ, БОРЬБА, БОЧКА, БОЯТЬСЯ, БРАТ, БРЕХНЯ, БУДУЩИЙ, БУКВА, БУМАГА, БУРАН, БЫСТРО, БЫСТРЫЙ, БЫТЬ
В	В, В ЗАЛЕ, ВАЖНЕЙШИЙ, ВАЖНО, ВАЖНЫЙ, ВАКЦИНА, ВАРИАНТ, ВАШ, ВБОК, ВДВОЁМ, ВДРУГ, ВЕЖЛИВЫЙ, ВЕК, ВЕЛИКИЙ, ВЕЛОСИПЕД, ВЕРИТЬ, ВЕРНУТЬСЯ, ВЕРНЫЙ, ВЕСЁЛЫЙ, ВЕСЕННИЙ, ВЕСНА, ВЕСЬ, ВЕТЕРАН, ВЕЧЕР, ВЕЧНЫЙ, ВЕШАЛКА, ВЕЩЬ, ВЗГЛЯД, ВЗРОСЛЫЙ, ВЗЯТЬ, ВИД, ВИДЕТЬ, ВИНО, ВКОПАННЫЙ, ВКУСНО, ВЛАСТЬ, ВМЕСТЕ,
	ВНИМАНИЕ, ВНУТРЕННИЙ, ВИДЕТЬ, ВИНО, ВКОПАННЫЙ, ВКУСНО, ВЛАСТЬ, ВМЕСТЕ, ВНИМАНИЕ, ВНУТРЕННИЙ, ВОДА, ВОЕННЫЙ, ВОЗВРАЩАТЬ, В ВОЗДУХ, ВОЗИТЬ, ВОЗМОЖНО, ВОЗМОЖНОСТЬ, ВОЗРАСТ, ВОЗЬМИ, ВОИН, ВОЙНА, ВОЙТИ, ВОЛК, ВОЛШЕБНИК, ВОПРОС, ВОР, ВОРОВАТЬ, ВОРОТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ, ВОТ, ВПЕРЕД, ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ВРАГ, ВРАТЬ, ВРАЧ, ВРЕМЯ, ВСЕ, ВСЕЛЕННАЯ, ВСПОМИНАТЬ, ВСТАТЬ, ВСТРЕТИТЬ, ВСТРЕТИТЬСЯ, ВСТРЕЧА, ВСТРЕЧАТЬСЯ, ВЧЕРА, ВЧЕРАШНЕЕ, ВЧЕРАШ, ИЕ, ВЧЕРАШНИЙ, ВЧЕРАШНЯЯ, ВЫ, ВЫБОРЫ, ВЫПОЛНЯТЬ, ВЫСОКИЙ, ВЫСТАВКА, ВЫСТУПИТЬ, ВЫТЕКАЮТ, ВЫХОДИТЬ, ВЫШЕ, ВЬЮГА
Г	ГАЗЕТА, ГАСТРОЛИ, ГДЕ-НИБУДЬ, ГЛАВНЫЙ, ГЛАДИТЬ, ГЛАЗ, ГЛАЗА, ГЛИНА, ГЛУБОКИЙ, ГЛУПЫЙ, ГОВОРИТЬ, ГОД, ГОЛОВА, ГОЛОС, ГОЛОСОВАНИЕ, ГОЛУБОЙ, ГОРА, ГОРАЗДО, ГОРДЫЙ, ГОРЕТЬ, ГОРОД, ГОРЬКИЙ, ГОРЯЧИЙ, ГОСПОЖА, ГОСТИ, ГОСТЬ, ГОСУДАРСТВО, ГОТОВЫЙ, ГРАБИТЕЛЬ, ГРАВИЙ, ГРАЖДАНИН, ГРАНИЦА, ГРОМКИЙ, ГРУППА, ГРЯЗЬ, ГУЛЯТЬ,
Д	ДА, ДАВАЙ, ДАВАТЬ, ДАВНО, ДАЖЕ, ДАЛЁКИЙ, ДАЛЕКО, ДВЕРЬ, ДВЕСТИ, ДВИГАТЬ, ДВИГАТЬСЯ, ДВИЖЕНИЕ, ДЕВОЧКА, ДЕВУШКА, ДЕД, ДЕЖУРИТЬ, ДЕЛАТЬ, ДЕЛО, ДЕНЬ, ДЕНЬГИ, ДЕРЕВНЯ, ДЕСЯТЬ, ДЕТАЛЬ, ДЕТИ, ДЕТСКИЙ, ДИТЯ, ДОБРО, ДОБРЫЙ, ДОВЕРИТЬ, ДОВОЛЕН, ДОЖДЬ, ДОЛГИЙ, ДОЛГО, ДОМ, ДОРОГА, ДОРОГОЙ, ДОРОЖКА, ДОЧЬ, ДРАКА, ДРЕВНИЙ, ДРУГ, ДРУЖБА, ДУМАЕМ, ДУМАЕТ, ДУМАЕШЬ, ДУМАЙ, ДУМАЛИ, ДУМАТЬ, ДУМАЮ, ДУРАК, ДУРАЦКИЙ, ДУХ, ДУША, ДЫМ, ДЯДЯ
Е	ЕВРОПА, ЕГО, ЕДИНСТВЕННЫЙ, ЕЁ, ЕЛЕ-ЕЛЕ, ЕМУ, ЕРУНДА, ЕСТЬ, ЕХАТЬ, ЕЩЁ

Раздел 4

Ж	ЖАДНЫЙ, ЖАЖДА, ЖАЛЕТЬ, ЖАЛОСТЬ, ЖАЛЬ, ЖАРИТЬ, ЖАРКО, ЖДАТЬ, ЖЕЛАТЬ, ЖЕ, ЛЕЗНЫЙ, ЖЁЛТЫЙ, ЖЕНА, ЖЕНЩИНА, ЖЕСТОКИЙ, ЖИВОЙ, ЖИЗНЬ, ЖИРАФ, ЖИТЕЛЬ, ЖИТЬ, ЖУРНАЛИСТ, ЖУТЬ
З	ЗА, ЗАБАВЛЯТЬ, ЗАБОТА, ЗАБЫТЬ, ЗАВИСЕТЬ, ЗАВИСТЬ, ЗАВОД, ЗАВТРАК, ЗАГАДКА, ЗАДАНИЕ, ЗАДАЧА, ЗАЙТИ, ЗАКОН, ЗАКОНЧИТЬ, ЗАМЕНИТЬ, ЗАМЕЧАТЬ, ЗАНИМАТЬ, ЗАНУДА, ЗАПРЕТНЫЙ, ЗАРЯ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ЗАТКНУТЬСЯ, ЗАТОНУТЬ, ЗАТОРМОЗИТЬ, ЗАТЯНУТЬ, ЗАЧЕМ, ЗАЩИТА, ЗАЯЦ, ЗВАТЬ, ЗВЕРЬ, ЗВОНИТЬ, ЗВУЧИТ, ЗДАНИЕ, ЗДОРОВЬЕ, ЗЕБРА, ЗЕЛЁНЫЕ, ЗЕЛЁНЫЙ, ЗЕМЛЯ, ЗИМА, ЗЛО, ЗЛОБА, ЗЛОСТЬ, ЗНАК, ЗНАНИЕ, ЗНАТЬ, ЗРЕЛИЩЕ, ЗРЯ
И	ИГРА, ИГРАТЬ, ИГРУШКА, ИДЁТ, ИДЕЯ, ИДИ, ИДТИ, ИДУ, ИЗВЕСТНЫЙ, ИЗМЕНА, ИЗМЕНИТЬ, ИЗЫСКАННЫЙ, ИЗЯЩНЫЙ, ИМЕННО, ИМЕТЬ, ИМЯ, ИНАЧЕ, ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ, ИНОГДА, ИНСТИТУТ, ИНТЕРЕС, ИНТЕРЕСНО, ИНТЕРЕСНЫЙ, ИНФОРМАЦИЯ, ИСКАТЬ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ИСПЫТАНИЕ, ИСТИНА, ИСТИННЫЙ, ИСТОРИЯ, ИТОГ, ИХ
К	КАБИНЕТ, КАБЛУК, КАЖДЫЙ, КАК ВСЕГДА, КАКАО, КАКОЙ, КАКТУС, КАЛЕНДАРЬ, КАЛЕЧИТЬ, КАМЕННЫЙ, КАМЕНЬ, КАНИКУЛЫ, КАПЛЯ, КАПРИЗ, КАРКАТЬ, КАРЛСОН, КАРТА, КАРТИНА, КАСАТЬСЯ, КАСТРЮЛЯ, КАТАСТРОФА, КАТАТЬСЯ, КАЧЕСТВО, КАШЕЛЬ, КВАДРАТНЫЙ, КЕНГУРУ, КИДАТЬ, КЛАВИШИ, КЛАСС, КЛАССНЫЙ, КЛЕВАТЬ, КЛЁВЫЙ, КЛИМАТ, КЛИЧКА, КНИГА, КОЖАНЫЙ, КОЗА, КОЛЕСО, КОЛИЧЕСТВО, КОЛЛЕКЦИЯ, КОЛОКОЛЬЧИК, КОЛОРИТ, КОЛОССАЛЬНЫЙ, КОЛЮЧИЙ, КОМНАТА, КОМПОЗИТОР, КОМПЬЮТЕР, КОМФОРТ, КОНЕЦ, КОНЕЧНО, КОНТАКТ, КОНФЕТА, КОНФЛИКТ, КОНЦЕРТ, КОНЬ, КОПИЯ, КОРАБЛЬ, КОРЕНЬ, КОРИЧНЕВЫЙ, КОРОТКИЙ, КОРЫСТЬ, КОСТЮМ, КОТЁНОК, КОФТА, КОШКА, КОШМАР, КРАЙ, КРАСИВЫЙ, КРАСИТЬ, КРАСКИ, КРАСНЫЙ, КРЕМЛЬ, КРЕПКИЙ, КРИЧАТЬ, КРОВЬ, КРОШЕЧНЫЙ, КРУГ, КРУГЛЫЙ, КРУГОМ, КРУЖОК, КРУПНЫЙ, КРУТОЙ, КТО, КТО-ТО, КУБИКИ, КУВЫРКОМ, КУДА, КУКЛА, КУЛЬТУРА, КУМЕКАТЬ, КУПИТЬ, КУПЛЕТ, КУРИЦА, КУРС, КУЧА
Л	ЛАМПА, ЛГАТЬ, ЛЕВ, ЛЁГКИЙ, ЛЕЖАТЬ, ЛЕНЬ, ЛЕС, ЛЕТО, ЛИВЕНЬ, ЛИЛИПУТ, ЛИНИЯ, ЛИСА, ЛИСТ, ЛИТЕРАТУРА, ЛИЦО, ЛИЧНОСТЬ, ЛОСКУТ, ЛОСЬ, ЛОХМАТЫЙ, ЛОШАДЬ, ЛУЖА, ЛУНА, ЛУЧШЕ, ЛЬВЁНОК, ЛЮБИТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮДИ
М	МАЛЕНЬКИЙ, МАЛИНА, МАЛЬЧИК, МАМА, МАСЛО, МАССА, МАСТЕР, МАТЕРИАЛ, МАТУШКА, МАТЬ, МАФИЯ, МЕДВЕДЬ, МЕДЛЕННЫЙ, МЕЛ, МЕРА, МЕРЗАВЕЦ, МЕСТНЫЙ, МЕСТО, МЕСЯЦ, МЕТЕЛЬ, МЕТОД, МЕТРО, МЕЧТАТЬ, МЕШАТЬ, МИЗЕРНЫЙ, МИЛЫЙ, МИНУТА, МИР, МНЕНИЕ, МНОГО, МОЖНО, МОЙ, МОЛИТЬСЯ, МОЛОДЁЖЬ, МОЛОДОЙ, МОЛЧАНИЕ, МОЛЧАТЬ, МОМЕНТ, МОРЕ, МОШЕННИК, МУЖ, МУЖЧИНА, МУЗЫКА, МУСОР, МУЧИТЬ, МЫ, МЫСЛИТЬ, МЫСЛЬ, МЯГКИЙ, МЯЧ, МЯЧИК
Н	НА, НАБЛЮДАТЬ, НАДЕЯТЬСЯ, НАДО, НАДУТЫЙ, НАЗАД, НАЗЫВАТЬ, НАИВНОСТЬ, НАКАНУНЕ, НАКЛОНИТЬСЯ, НАПОРИСТЫЙ, НАРОД, НАСКВОЗЬ, НАСТОЯЩИЙ, НАУКА, НАУЧНЫЙ, НАХОДИТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, НАЧАЛО, НАЧАТЬ, НАШ, НЕ, НЕ ХОЧУ, НЕБОЛЬШОЙ, НЕВОЗМОЖНО, НЕДАВНО, НЕДЕЛЯ, НЕЛЬЗЯ, НЕМЕЦКИЙ, НЕНАВИДЕТЬ, НЕОБХОДИМЫЙ, НЕПРАВДА, НЕСТИ, НЕТ, НЕУЖЕЛИ, НИЗКИЙ, НИКАК, НИКОГДА, НИЧЕЙ, НО, НОВЕНЬКИЙ, НОВЫЙ, НОСИТЬ, НОСТАЛЬГИЯ, НОЧЬ, НУ, НУЖНЫЙ
О	О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЕД, ОБЕЗЬЯНА, ОБЕЩАТЬ, ОБЗЫВАТЬ, ОБИДЕТЬ, ОБЛАСТЬ, ОБМАН, ОБМАНУТЬ, ОБРАЗ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОБРАТНО, ОБУВЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВО, ОБЩИЙ, ОБЪЯСНИТЬ, ОБЫЧНО, ОВЦА, ОГОНЬ, ОГРОМНЫЙ, ОДНАЖДЫ, ОДНОВРЕМЕННЫЙ, ОКАЗАТЬСЯ, ОКЕАН, ОКНО, ОЛЕНЬ, ОН, ОНА, ОНИ, ОПЕРАЦИЯ, ОПРАВДАТЬ, ОПЫТ, ОПЯТЬ, ОРКЕСТР, ОСЁЛ, ОСЕНЬ, ОСНОВНОЙ, ОСОБЕННЫЙ, ОСОБЫЙ, ОСТАВАТЬСЯ, ОСТАВИТЬ, ОСТАЛЬНОЙ, ОСТОРОЖНЫЙ, ОСТРЫЙ, ОТВЕТ, ОТВЕЧАТЬ, ОТДАВАТЬ, ОТДЕЛ, ОТДЕЛЕНИЕ, ОТДЕЛЬНЫЙ, ОТДЫХАТЬ, ОТЕЦ, ОТКРЫВАТЬ, ОТКРЫТЫЙ, ОТКУДА, ОТЛИЧАТЬСЯ, ОТМЕЧАТЬ, ОТНОСИТЬСЯ, ОТНОШЕНИЕ, ОТОРВАТЬ, ОТТУДА, ОХ!, ОХОТА, ОХРАНЯТЬ, ОЧЕНЬ, ОЧЕРЕДЬ, ОЧКИ, ОШИБКА

Ассоциативная лексикография

П	ПАДАТЬ, ПАДЕНИЕ, ПАЛЕЦ, ПАМЯТНИК, ПАПА, ПАУК, ПЕНА, ПЕРВЫЙ, ПЕРЕВЕРНУТЬ, ПЕРЕДАЧА, ПЕРЕДОВОЙ, ПЕРЕХОДИТЬ, ПЕРИОД, ПЕСНЯ, ПЕСОК, ПЕТЬ, ПЕЧАТАТЬ, ПЕЧЕНЬЕ, ПЕЧКА, ПИАНИНО, ПИРАМИДА, ПИСАТЬ, ПИСЬМЕННЫЙ, ПИСЬМО, ПИТЬ, ПЛАН, ПЛАТА, ПЛАТОК, ПЛЕСТИСЬ, ПЛОХО, ПЛОХОЙ, ПЛЫТЬ, ПОБЕДА, ПОГОДА, ПОДЛИННЫЙ, ПОДНИМАТЬ, ПОДОЙТИ, ПОДУМАЕШЬ, ПОЕЗД, ПОЗВОЛЯТЬ, ПОЗДНО, ПОИСК, ПОКАЗАТЬ, ПОЛЕ, ПОЛИЦИЯ, ПОЛКА, ПОЛНОСТЬЮ, ПОЛНЫЙ, ПОЛОЖЕНИЕ, ПОЛОЖИТЬ, ПОЛУЧАТЬ, ПОЛУЧИТЬ, ПОЛЬЗА, ПОЛЬЗОВАТЬСЯ, ПОЛЮС, ПОМНИТЬ, ПОМОГАТЬ, ПОМОЩЬ, ПОНИМАТЬ, ПОПАСТЬ,
	ПОПУГАЙ, ПОРА, ПОРОШОК, ПОРЯДОК, ПОСЛЕДНИЙ, ПОСТОЯННЫЙ, ПОТОМ, ПОХОДКА, ПОЧКА, ПОЧТИ, ПОЯВЛЯТЬСЯ, ПРАВДА, ПРАВИЛО, ПРАВИЛЬНЫЙ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПРАВО, ПРАВЫЙ, ПРАЗДНИК, ПРАКТИКА, ПРЕДАВАТЬ, ПРЕДЕЛ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПРЕДМЕТ, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ПРИВЕТЛИВЫЙ, ПРИВЫЧКА, ПРИЕЗЖАТЬ, ПРИЁМ, ПРИЕХАТЬ, ПРИМЕР, ПРИНЦИП, ПРИПЁРСЯ, ПРИРОДА, ПРИХОДИТЬ, ПРИЧИНА, ПРИШЛА, ПРОБЛЕМА, ПРОВОДИТЬ, ПРОГРАММА, ПРОГУЛКА, ПРОДУКТ, ПРОЕКТ, ПРОСИТЬ, ПРОСТИТЬ, ПРОСТО, ПРОСТО ТАК, ПРОСТОЙ, ПРОСТОТА, ПРОТИВНЫЙ, ПРОХОДИТЬ, ПРОЦЕСС, ПРОЧЬ, ПРОШЛЫЙ, ПРОЩЕ, ПРЯМОЙ, ПТЕНЧИК, ПУРГА, ПУСТЯК, ПУТЕШЕСТВИЕ, ПУТЬ, ПЧЕЛА
Р	РАБОТА, РАБОТАТЬ, РАБОЧИЙ, РАДОСТЬ, РАЗВИТИЕ, РАЗГОВОР, РАЗГОВОРЫ, РАЗЛИТЬСЯ, РАЗЛИЧНЫЙ, РАЗМЕР, РАЗНЫЙ, РАЗУМ, РАЙОН, РАКЕТА, РАНА, РАСКРЫТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ, РАСТИ, РВАТЬ, РЕБЁНОК, РЕВОЛЮЦИЯ, РЕДКО, РЕЗКИЙ, РЕЗУЛЬТАТ, РЕКА, РЕЧЬ, РЕШАТЬ, РЕШЕНИЕ, РИСОВАТЬ, РИСУНОК, РОБКИЙ, РОД/РОТ, РОДИНА, РОДИТЕЛИ, РОДИТЬСЯ, РОДНОЙ, РОЗА, РОЛЬ, РОССИЙСКИЙ, РОССИЯ, РОЩА, РУБАШКА, РУБЛЬ, РУКА, РУКИ, РУССКИЙ, РЫБА, РЫСЬ, РЯБИНА, РЯД, РЯДОМ
С	С, САМ, САМЫЙ, СВЕТ, СВЕТЛЫЙ, СВЕЧИ, СВИНЬЯ, СВОБОДНЫЙ, СВОЁ, СВОЙ, СВЯЗЬ, СДЕЛАЙ-КА, СЕБЯ, СЕВЕР, СЕГОДНЯ, СЕКУНДА, СЕЛО, СЕМЬЯ, СЕРДЦЕ, СЕРЬЁЗНЫЙ, СИДЕТЬ, СИЛА, СИЛЬНЕЙШИЙ, СИЛЬНЫЙ, СИНИЙ, СИСТЕМА, СКАЗАТЬ, СКАКАТЬ, СКОРБЬ, СКОРО, СКОРОСТЬ, СКУПОЙ, СЛАБЫЙ, СЛАДКО, СЛЕДИТЬ, СЛЕДОВАТЬ, СЛЕДУЮЩИЙ, СЛИШКОМ, СЛОВО, СЛОЖНЫЙ, СЛОЙ, СЛУЖБА, СЛУЖИТЬ, СЛУЧАЙ, СЛЫШАТЬ, СЛЯКОТЬ, СМЕЛЫЙ, СМЕРТЬ, СМЕХ, СМЕШНОЙ, СМЕЯТЬСЯ, СМОТРЕТЬ, СМЫСЛ, СМЫТЬСЯ, СНЕГ, СНЕЖИНКА, СНИМАТЬ, СНОВА, СНЯТЬ, СОБАКА, СОБЕСЕДНИК, СОБИРАТЬ, СОБИРАТЬСЯ, СОБРАТЬСЯ, СОБСТВЕННЫЙ, СОБЫТИЕ, СОВЕРШЕННЫЙ, СОВЕТ, СОВРЕМЕННЫЙ, СОВСЕМ, СОЖАЛЕНИЕ, СОЗДАВАТЬ, СОЛДАТ, СОЛНЦЕ, СОЛЬ, СОН, СООБРАЖАТЬ, СОСНА, СОСТАВ, СОСТОЯНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, СОЮЗ, СПАСИБО, СПАСТИ, СПАТЬ, СПЕКТАКЛЬ, СПЕЦИАЛЬНЫЙ, СПОР, СПОСОБ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СРАЖЕНИЕ, СРАЗУ, СРЕДНИЙ, СРЕДСТВО, СРОК, ССОРА, СТАВИТЬ, СТАКАН, СТАРАТЬСЯ, СТАРЕЦ, СТАРИК, СТАРТ, СТАРЫЙ, СТАТЬЯ, СТЕНА, СТИЛЬ, СТО, СТОИТЬ, СТОЛ, СТОРОНА, СТОЯТЬ, СТРАДАНИЕ, СТРАНА, СТРАНИЦА, СТРАННЫЙ, СТРАУС, СТРАШНАЯ, СТРЕЛЯТЬ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, СТРЕМЛЕНИЕ, СТРОГИЙ, СТРОЙ, СТЫД, СУББОТА, СУДЬБА, СУММА, СУТКИ, СУЩЕСТВО, СУЩЕСТВОВАТЬ, СЦЕНА, СЧАСТЛИВЫЙ, СЧАСТЬЕ, СЧЁТ, СЧИТАТЬ, СЫН
Т	ТАЙНА, ТАКОЙ, ТАЛАНТ, ТАМ, ТВОЙ, ТЕАТР, ТЕЛЕГА, ТЕЛЕФОН, ТЕЛО, ТЕМА, ТЁМНЫЙ, ТЕПЕРЬ, ТЁПЛЫЙ, ТЕРРИТОРИЯ, ТЕРЯТЬ, ТЕХНИКА, ТЕЧЬ, ТИГР, ТИП, ТИХАЯ, ТИХИЙ, ТИХО, ТОВАРИЩ, ТОГДА, ТОЖЕ, ТОЛСТЫЙ, ТОЛЬКО, ТОНКИЙ, ТОРЖЕСТВО, ТОРТ, ТОТ, ТОЧКА, ТОЧНОСТЬ, ТОЧНЫЙ, ТРАВА, ТРЕБОВАТЬ, ТРУД, ТРУДНЫЙ, ТРУДОВОЙ, ТРУС, ТУДА, ТУТ, ТЫ, ТЯЖЁЛЫЙ, ТЯЖЕСТЬ
У	УБЕГАТЬ, УБЕЖАТЬ, УВИДЕТЬ, УГОЛ, УДАР, УДАРИТЬ, УДАЧА, УДИВЛЕНИЕ, УЕЗЖАТЬ, УЕХАТЬ, УЖАС, УЖАСНАЯ, УЖАСНЫЙ, УЖЕ, УЖИН, УЗКИЙ, УЛИЗНУТЬ, УЛИЦА, УМ, УМЕТЬ, УМНЕЕ, УМНЫЙ, УМОЛЯТЬ, УНИВЕРСИТЕТ, УНИЖЕНИЕ, УПАЛ, УПОРНЫЙ, УПРАВЛЯТЬ, УРАГАН, УРОВЕНЬ, УРОК, УРОНИТЬ, УСЛОВИЕ, УСПЕТЬ, УТРО, УХОДИТЬ, УЧАСТИЕ, УЧЕБНИК, УЧЕНИК, УЧЁНЫЙ, УЧИТЬСЯ

Раздел 4

Ф	ФАКТ, ФАМИЛИЯ, ФАНТАЗИЯ, ФИЛЬМ, ФЛАГ, ФОРМА, ФРОНТ
Х	ХАРАКТЕР, ХЛЕБ, ХОД, ХОДИТЬ, ХОЛОДНЕЕ, ХОЛОДНО, ХОЛОДНО, ХОЛОДНЫЙ, ХОРОШИЙ, ХОРОШО, ХОТЕТЬ, ХОХОТАТЬ, ХРУПКИЙ, ХУЛИГАН
Ц	ЦВЕТ, ЦВЕТОК, ЦЕЛЬ, ЦЕНТР, ЦИРК
Ч	ЧАЙ, ЧАС, ЧАСТЫЙ, ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕКА, ЧЕЛОВЕКОМ, ЧЕЛОВЕКУ, ЧЕМПИОН, ЧЁРНЫЙ, ЧЕРТА, ЧЕСТЬ, ЧИСЛО, ЧИСТЫЙ, ЧИТАТЬ, ЧТО, ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧУВСТВО, ЧУВСТВОВАТЬ, ЧУДЕСНЫЙ, ЧУЖОЕ, ЧУТЬ-ЧУТЬ, ЧУШЬ
Ш	ШАГ, ШАГАТЬ, ШАЙКА, ШАХМАТЫ, ШЕДЕВР, ШЁЛ, ШЁЛКОВЫЙ, ШЁПОТОМ, ШЕРСТЬ, ШЕРШАВЫЙ, ШИРОКИЙ, ШКОЛА, ШКОЛЬНЫЙ, ШЛА, ШЛЁПНУЛСЯ, ШЛИ, ШЛЯПА, ШМОТКИ, ШМЫГАТЬ, ШОКОЛАД, ШОССЕ, ШТРАФ, ШТУРВАЛ, ШУМ, ШУМЕТЬ, ШУМНЫЙ, ШУРШАТЬ, ШУСТРЫЙ, ШУТКА
Щ	ЩЕДРЫЙ, ЩЕНОК, ЩЁТКА
Э	ЭКЗАМЕН, ЭКЗЕМПЛЯР, ЭКРАН, ЭКСПЕРИМЕНТ, ЭЛЕГАНТНЫЙ, ЭНЕРГИЯ, ЭСТРАДА, ЭТО, ЭТОТ, ЭХ!
Ю	ЮГ, ЮМОР, ЮНОСТЬ
Я	Я, ЯБЛОКО, ЯВЛЯТЬСЯ, ЯД, ЯДРО, ЯЗЫК, ЯМА, ЯПОНСКИЙ, ЯРКИЙ, ЯРМАРКА, ЯРОСТЬ, ЯСНО, ЯСНЫЙ

Литература

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / Сост. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.

Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. М.; Калуга : Эйдос, 2005. С. 165–173.

Гольдин В.Е. Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2015. No 24. С. 218–225.

Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Электронный русский ассоциативный словарь школьников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 69–74.

РАСШ I – Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 500 с. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2016/12/19/assoc_slovar_shkol-v_t_ii_ch_1_obratnyu_a-n_0.pdf

РАСШ II–1 – Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 1. А–Н Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 480 с. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2016/12/19/assoc_slovar_shkol-v_t_ii_ch_2_obratnyu_o-ya_0.pdf

РАСШ II–2 – Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 2. О–Я Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 420 с. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2016/12/19/assoc_slovar_shkol-v_t_ii_ch_1_obratnyu_a-n_0.pdf

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.

4.5. Гендерные ассоциативные словари

4.5.1. Ассоциативный дифференциальный гендерный словарь лексического ядра русского языка

И.А. Стернин
Воронеж

Словарь [Соломатина 2020] составлен на базе единиц лексического ядра русского языка (112 лексем). Отделом психолингвистики ИЯ РАН определен список из 112 стимулов, которые входят в ассоциативное ядро русского языка.

С данными словами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (200 испытуемых, из них 100 лиц мужского пола и 100 лиц женского). Время проведения эксперимента – 2010–2011 гг. Испытуемыми были лица от 17 до 24 лет, жители Воронежа и области, русскоязычные студенты

Словарь является *дифференциальным*, поскольку в нем представлено дифференциальное гендерное описание мужских и женских ассоциативных реакций на исследованные стимулы.

Выявленные сходства и различия представлены в сравнительной форме.

Основными использованными параметрами сравнения являются:

1. Совпадающие полностью или незначительно различающиеся по частоте мужские и женские реакции (не более чем на 5 пунктов)
2. Совпадающие, но существенно различающиеся по частоте мужские и женские реакции (более чем на 5 пунктов)
3. Чисто мужские реакции
4. Чисто женские реакции

СЛОВНИК СЛОВАРЯ

бабушка, белый, бог, богатый, больной, большой, брат, веселый, ветер, вечер, вечность, вместе, вода, война, враг, время, вспоминать, встреча, глаза, глупый, говорить, голова, голос, гора, город, гость, дверь, девочка, дело, день, деньги, деревня, добро, дом, дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть (кушать), жадный, жена, женщина, жизнь, зеленый, земля, зло, искать, красивый, красный, кричать, лес, лицо, любовь, маленький, мальчик, мать, машина, много, молодой, муж, мужчина, надеяться, народ, начало, ненавидеть, новый, ночь, обещать, обман, огонь, палец, памятник, пить, плохо, помогать, путь, работа, радость, разговор, ребенок, река, родина, родной, рот, руки, свет (освещенность), свободный, семья, сила, слабый, слово, смерть, справедливость, старый, стол, стыд, счастье, терять, умный, успеть, утро, хлеб, ходить, хорошо, хотеть, человек, черный, чистый.

Литература

Соломатина В.И. Ассоциативный дифференциальный гендерный словарь лексического ядра русского языка. / Научный редактор - проф. И.А.Стернин. Воронеж: Центр коммуникативных исследований ВГУ, 2020. 151с. [Электронное издание].URL: (*полный текст*) <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/solomatina-gender.pdf>].

4.6. Тематические ассоциативные словари

4.6.1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики

А.В. Рудакова, И.А. Стернин
Воронеж

Словник ассоциативного словаря [Ассоциативный словарь... 2011] отбирался по следующим основаниям:

- актуальная и коммуникативно релевантная лексика современного русского языка;
- новые слова и термины, часто используемые в современных текстах;
- слова, получившие в последнее время новые значения, в том числе изменившие оценочность;
- эмоционально-оценочная, разговорная, сниженная лексика, денотативные значения которой нечётко определены в современных толковых словарях;
- лексика, описывающая чувства, эмоции, психологические состояния человека, а также морально-этическая лексика, которая недостаточно чётко описана в толковых словарях;
- конкретно-предметная и терминологическая лексика, имеющая социально-культурную «нагруженность» или содержащая часто актуализируемые переносные значения, часто оценочно актуализируемая в тексте с участием периферийных сем значения;
- лексика, представляющая интерес для лингвокриминалистического анализа текста – часто становящаяся предметом лингвистической экспертизы по искам об оскорблении, унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, но недостаточно чётко описанная в словарях либо представленная устаревшими описаниями, не отвечающими реальностям современного языкового сознания.

Данный словарь включает в себя 1080 стимулов. Каждый стимул был предложен 100 и более испытуемым – студентам воронежских вузов, представителям различных профессий..

В словаре отражено преимущественно молодёжное языковое сознание (как и в РАС под ред. Ю.Н. Караулова): испытуемыми явились в основном молодые люди, студенты и школьники. Время опроса – 2010–2011 гг., опрашивались жители Воронежа, Воронежской области и некоторых близлежащих городов.

Авторский коллектив словаря: Н.В. Акованцева, Е.О. Атланова, С.Г. Дюжакова, Н.А. Козельская, И.П. Конопелько, Е.А. Маклакова, М.Я. Розенфельд, А.В. Рудакова, М.А. Саломатина, Г.Я. Селезнёва, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина.

В словаре довольно много сниженной лексики – как в составе стимулов, так и в составе реакций, встречаются нецензурные реакции, в связи с чем по этическим соображениям издание словаря осуществлено авторами ограниченным тиражом под грифом *Для служебного пользования*, маркировка текста 18+. Словарь предназначен для специалистов-филологов, лингвистов, психолингвистов, лингвистов-экспертов, изучающих современное языковое сознание и интересующихся проблемами психологически реальной семантики языковых единиц русского языка.

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки РФ «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2011, проект 556.

СПИСОК СТИМУЛОВ

А	АБЗАЦ, АВТОРИТЕТ, АГРЕССИВНЫЙ, АДВОКАТ, АДРЕНАЛИН, АЗЕР, АЗИАТ, АКТИВНЫЙ, АКЦИЯ, АЛКАШ, АЛКОГОЛИК, АЛЬТЕРНАТИВА, АМБИЦИОЗНЫЙ, АМБИЦИЯ, АМЕРИКАНЕЦ, АМЕРИКАНСКИЙ, АНГЕЛОЧЕК, АНГЛИЙСКИЙ, АНГЛИЧАНИН, АНИМАТОР, АПЛОМБ, АППЕТИТНЫЙ, АРТИСТ, АФГАНЕЦ, АФЕРА, АФРИКАНЕЦ, АФРОАМЕРИКАНЕЦ, АХИНЕЯ
Б	БАБА, БАБКА, БАБКИ, БАБНИК, БАБОЧКА, БАБСКИЙ, БАЗАР, БАЗАРИТЬ, БАКЛАЖКА, БАЛАГАН, БАЛАНДА, БАЛДА, БАЛДЁЖ, БАЛДЕТЬ, БАЛОВАТЬСЯ, БАНДИТ, БАНДУРА, БАНЯ, БАРАН, БАРАХЛО, БАРДАК, БАРИН, БАРЫШНЯ, БАХИЛЫ, БАШНЯ, БАЯН, БЕЗБАШЕННЫЙ, БЕЗДАРЬ, БЕЗУМНЫЙ, БЕСИТЬСЯ, БЕСПОДОБНЫЙ, БЕСПРЕДЕЛ, БЕСТОЛКОВЫЙ, БЕСТОЛОЧЬ, БЕСШАБАШНЫЙ, БИЗНЕС, БИЗНЕСВУМЕН, БИЗНЕСМЕН, БИТЫЙ, БЛАГОВЕРНЫЙ, БЛАГОДАРНОСТЬ, БЛАГОРОДНЫЙ, БЛАЖНОЙ, БЛАТ, БЛАТНОЙ, БЛИН, БЛОГ, БЛОКБАСТЕР, БЛОНДИНКА, БОДРЫЙ, БОДРЯЧОК, БОДУН, БОДЯГА, БОЕВИК, БОЕВОЙ, БОЖЕСТВЕННЫЙ, БОЛВАН, БОЛТАТЬСЯ, БОЛЬШЕВИК, БОМБА, БОМБИТЬ, БОМЖ, БОМЖАТНИК, БОРЗЕТЬ, БОРЗЫЙ, БОТАНИК, БОУЛИНГ, БРАКОНЬЕР, БРАНЬ, БРАТ, БРЕВНО, БРЕД, БРЕНД, БРЕХНЯ, БРИГАДА, БРОСАТЬСЯ, БРУТАЛЬНЫЙ, БРЮХО, БУГАЙ, БУГОР, БУКСОВАТЬ, БУМАЖКА, БУРЖУЙ, БУРОБИТЬ, БУТЫЛКА, БУХАТЬ, БЫДЛО, БЫТ, БЫТОВУХА, БЫЧОК, БЮДЖЕТНИК, БЮДЖЕТНЫЙ, БЯКА
В	ВАЛИТЬ, ВАРЕЖКА, ВЕДЬМА, ВЕЖЛИВЫЙ, ВЕНТИЛИРОВАТЬ, ВЕРТЕТЬ, ВЕРТИХВОСТКА, ВЕРХУШКА, ВЕСЁЛЫЙ, ВЕЧЕРИНКА, ВЕШАТЬСЯ, ВЕЩЬ, ВЗБАЛМОШНЫЙ, ВЗДРОГНУТЬ, ВЗОРВАТЬСЯ, ВЗРОСЛЫЙ, ВЗЯТКА, ВЗЯТЬ, ВИРУС, ВИСЕТЬ, ВКАЛЫВАТЬ, ВКУСНЕНЬКОЕ, ВКУСНЫЙ, ВЛЕТЕТЬ, ВНЕДОРОЖНИК, ВОДИЛА, ВОДКА, ВОЗНИКАТЬ, ВОЙНА, ВОЛНОВАТЬСЯ, ВОР, ВОСПИТЫВАТЬ, ВПАРИТЬ, ВПРАВИТЬ, ВРАЧ, ВРЕДНИЧАТЬ, ВРЕДНЫЙ, ВРЕЗАТЬ, ВРУБИТЬ, ВСТРЕЧАТЬСЯ, ВЪЕХАТЬ, ВЫБИТЬ, ВЫБОРЫ, ВЫВЕСИТЬ, ВЫВЕСКА, ВЫГОДНЫЙ, ВЫДАТЬ, ВЫДРА, ВЫЗОВЫ, ВЫКИНУТЬ, ВЫКРУТАСЫ, ВЫЛОЖИТЬ, ВЫПЕНДРИВАТЬСЯ, ВЫРАЖАТЬСЯ, ВЫРОДОК, ВЫРУБИТЬ, ВЫРУБИТЬСЯ, ВЫСКОЧКА, ВЫСТРЕЛИТЬ, ВЫСТУПАТЬ, ВЫЧИСЛИТЬ, ВЫШИБАЛА, ВЫШКА
Г	ГАБАРИТЫ, ГАД, ГАДИТЬ, ГАДЮШНИК, ГАСТАРБАЙТЕР, ГАСТРОЛИРОВАТЬ, ГЕЙ, ГЕМОРОЙ, ГЕРОЙ, ГИБКИЙ, ГИГАНТ, ГЛАМУРНЫЙ, ГЛУШИТЬ, ГЛУШЬ, ГЛЮК, ГЛЯНЕЦ, ГНАТЬ, ГНИДА, ГНИЛОЙ, ГОЛУБОЙ, ГОМИК, ГОПНИК, ГОРДЫЙ, ГОРОД, ГОРЮЧЕЕ, ГОСПОДИН, ГОСТЬ, ГОСУДАРСТВО, ГОТ, ГОТИКА, ГРАЖДАНИН, ГРАЖДАНКА, ГРАМОТЕЙ, ГРАМОТНЫЙ, ГРЕСТИ, ГРЕТЬ, ГРОЗА, ГРОХНУТЬ, ГРУБЫЙ, ГРУЗИТЬ, ГРЫМЗА, ГРЯЗНЫЙ, ГУБЕРНАТОР, ГУДЕТЬ, ГУЛЯТЬ
Д	ДАЙВИНГ, ДАМА, ДАРМОВОЙ, ДАТЬ, ДВОРНЯЖКА, ДЕБИЛ, ДЕБИЛЬНЫЙ, ДЕВИЦА, ДЕВКА, ДЕВОЧКА, ДЕВУШКА, ДЕД, ДЕЛЕЦ, ДЕЛО, ДЕЛОВОЙ, ДЕМОКРАТ, ДЕМОКРАТИЯ, ДЕНЕЖНЫЙ, ДЕНЬГИ, ДЕПРЕССИЯ, ДЕПУТАТ, ДЁРГАТЬ, ДЕРЕВНЯ, ДЕРЖАТЬ, ДЁРНУТЬ, ДЕРЬМО, ДЕРЬМОВЫЙ, ДЕТКА, ДЕТСАД, ДЕФЕКТИВНЫЙ, ДЕШЁВЫЙ, ДЖЕНТЛЬМЕН, ДЖИП, ДИКАРЬ, ДИКИЙ, ДИНАМИТЬ, ДИПЛОМАТ, ДОБРО, ДОБРЫЙ, ДОГОВОРНИК, ДОКТОР, ДОЛБАНЫЙ, ДОЛГ, ДОЛЛАР, ДОМАШНИЙ, ДОНЕСТИ, ДОРОГУША, ДОСТАТЬ, ДОСТОИНСТВО, ДОСТУПНЫЙ, ДОХЛЫЙ, ДРАЙВ, ДРЕМУЧИЙ, ДРЕССИРОВАТЬ, ДРУГ, ДРЯНЬ, ДУМА, ДУРА, ДУРАК, ДУРДОМ, ДУРНОЙ, ДУТЫЙ, ДУШЕВНЫЙ, ДЫЛДА, ДЯДЬКА, ДЯТЕЛ
Е	ЕВРЕЙ, ЕВРО
Ж	ЖАБА, ЖАДНЫЙ, ЖАРГОН, ЖАРЕННЫЙ, ЖЕЛЕЗНЫЙ, ЖЁЛТЫЙ, ЖЕНЩИНА, ЖЕРЕБЕЦ, ЖЕСТЬ, ЖИД, ЖЛОБ, ЖЛОБСКИЙ, ЖМОТ, ЖРАТЬ, ЖУК, ЖУЧОК

Раздел 4

З	ЗАБИТЬ, ЗАБОЙНЫЙ, ЗАВАЛИТЬ, ЗАВАРИТЬ, ЗАВЕСТИ, ЗАВИДНЫЙ, ЗАВИСНУТЬ, ЗАВОДНОЙ,, ЗАВЯЗАТЬ, ЗАГНУТЬ, ЗАГРАНИЧНЫЙ, ЗАГРЕМЕТЬ, ЗАГУЛ, ЗАГУЛЯТЬ, ЗАДНИЦА, ЗАДРИПАННЫЙ, ЗАЕСТЬ, ЗАЖАТЫЙ, ЗАЖИГАТЬ, ЗАЖРАТЬСЯ, ЗАИГРЫВАТЬ, ЗАКАЗАТЬ, ЗАКАЗНОЙ, ЗАКАТИТЬ, ЗАКАЧАТЬ, ЗАКИДОН, ЗАКЛАДЫВАТЬ, ЗАКЛЕВАТЬ, ЗАКЛИНИТЬ, ЗАКОЛЕБАТЬ, ЗАКОН, ЗАКОННЫЙ, ЗАКРЫТЫЙ, ЗАЛЕТЕТЬ, ЗАЛИТЬ, ЗАЛОЖИТЬ, ЗАМЕСТИ, ЗАМОРОЗИТЬ, ЗАМОЧИТЬ, ЗАНУДА, ЗАПАСТЬ, ЗАРАЗА, ЗАРУБИТЬ, ЗАРУЛИТЬ, ЗАРЯДКА, ЗАСАДА, ЗАСВЕТИТЬ, ЗАСВЕТИТЬСЯ, ЗАСКОК, ЗАСОХНУТЬ, ЗАСТУКАТЬМ, ЗАЧИСТКА, ЗАШИБАТЬ, ЗАШИВАТЬСЯ, ЗАШИТЬСЯ, ЗВЕЗДА, ЗВЕРИНЕЦ, ЗЕЛЁНКА, ЗЕМЛЯК, ЗМЕЯ, ЗОЛОТОЙ, ЗРЕЛЫЙ
И	ИГРУШКА, ИДИОТ, ИЗВОРОТЛИВЫЙ, ИЗМЕНА, ИМЕТЬ, ИМИДЖ, ИМПЕРИЯ, ИМПИЧМЕНТ, ИМПОРТНЫЙ, ИНАУГУРАЦИЯ, ИНИЦИАТИВНЫЙ, ИНКУБАТОР, ИННОВАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТ, ИНТЕРАКТИВНЫЙ, ИНТЕРНЕТ, ИНТИМ, ИНТИМНЫЙ, ИПОТЕКА, ИСТЕРИЧКА, ИСТОРИЯ
К	КАБАК, КАБАН, КАВАЛЕР, КАВКАЗЕЦ, КАДР, КАДРИТЬ, КАЙФ, КАЙФОВАТЬ, КАМИКАДЗЕ, КАПАТЬ, КАПЕЦ, КАПИТАЛИСТ, КАРГА, КАРТОЧКА, КАРЬЕРИЗМ, КАРЬЕРИСТ, КАСТИНГ, КАТОРГА, КАЦАП, КАЧАЛКА, КАЧАТЬ, КАЧОК, КИКИМОРА, КИЛЛЕР, КИНО, КИНУТЬ,
	КИРПИЧ, КИСЛОТА, КИСЛОТНЫЙ, КИТАЕЦ, КИТАЙСКИЙ, КЛАСС, КЛАССИКА, КЛАССИЧЕСКИЙ, КЛЕВАТЬ, КЛЁВЫЙ, КЛЕИТЬ, КЛЕПАТЬ, КЛЕРК, КЛИЕНТ, КЛИКНУТЬ, КЛОУН, КЛУБНИЧКА, КЛУША, КЛЮШКА, КЛЯЧА, КОБЕЛЬ, КОБЫЛА, КОЗА, КОЗЁЛ, КОКТЕЙЛЬ, КОЛЁСА, КОЛОТЬСЯ, КОМАНДИР, КОМИССИЯ, КОММЕРСАНТ, КОММЕРЧЕСКИЙ, КОММУНАЛКА, КОММУНИСТ, КОМПРОМАТ, КОМФОРТ, КОНВЕРТ, КОНДИЦИОНЕР, КОНДИЦИЯ, КОНЕЦ, КОНКРЕТНО, КОНКРЕТНЫЙ, КОНСЕНСУС, КОНТАКТНЫЙ, КОНТОРА, КОНФЕТКА, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ, КОНЦЕПЦИЯ, КОНЧЕНЫЙ, КОНЧИТЬ, КОНЬ, КООРДИНАТЫ, КОРИФЕЙ, КОРИЧНЕВЫЙ, КОРОЛЕВА, КОРОЧКИ, КОСИТЬ, КОСОЙ, КОСЯК, КОТ, КОШКА, КРАСАВЕЦ, КРАСАВЧИК, КРЕАТИВНЫЙ, КРЕПКИЙ, КРЕТИН, КРИЗИС, КРОЛИК, КРОТ, КРОШКА, КРУТИТЬ, КРУТИТЬСЯ, КРУТО, КРУТОЙ, КРЫСА, КРЫША, КУКЛА, КУЛЬТОВЫЙ, КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРНЫЙ, КУРАЖ, КУРИЦА, КУСАТЬСЯ, КУСОК, КУХНЯ
Л	ЛАХУДРА, ЛЕВЫЙ, ЛЕЧИТЬ, ЛИБЕРАЛ, ЛИБЕРАЛЬНЫЙ, ЛИДЕР, ЛИРИКА, ЛОВКИЙ, ЛОПУХ, ЛОПУХНУТЬСЯ, ЛОХ, ЛОХАНУТЬСЯ, ЛОХОТРОН, ЛОХУШКА, ЛОШАДЬ, ЛЫСЫЙ, ЛЮБОВЬ
М	МАДАМ, МАЖОР, МАЗНЯ, МАКУЛАТУРА, МАЛИНА, МАЛЫШ, МАЛЫШКА, МАМА, МАНИЯ, МАНЬЯК, МАРАЗМ, МАРКЕР, МАСТЕР, МАТ, МАТЁРЫЙ, МАФИЯ, МАЧО, МАШИНА, МЕДИК, МЕДСЕСТРА, МЕНЕДЖЕР, МЕНТ, МЕНТОВКА, МЕРИН, МЁРТВЫЙ, МЕТЛА, МЕЧТА, МИГРАНТ, МИЛИЦИЯ, МИЛОЧКА, МИРОВОЙ, МОБИЛЬНЫЙ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, МОЗГ, МОЛОДОЙ, МОРДА, МОСКАЛЬ, МОТАТЬ, МОЧИТЬ, МРАЗЬ, МУЖИК, МУЖЧИНА, МУСОР, МУТНЫЙ, МЫЛО, МЫМРА, МЭР, МЭТР
Н	НАВОРОТ, НАГЛЕЦ, НАГЛЫЙ, НАГРАДИТЬ, НАГРЕТЬ, НАДРЫВ, НАЕЗЖАТЬ, НАИВНЫЙ, НАКАЗАТЬ, НАКРУТИТЬ, НАКРУЧИВАТЬ, НАПОРИСТЫЙ, НАПРЯГАТЬ, НАРКОМАН, НАСТОЙЧИВЫЙ, НАСТРОГАТЬ, НАСТЫРНЫЙ, НАТУРАЛ, НАХАЛ, НЕВРАСТЕНИК, НЕГАТИВ, НЕГОДЯЙ, НЕГР, НЕДОУМОК, НЕЖЕНКА, НЕЖНЫЙ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, НЕЗАВИСИМЫЙ, НЕЛЕГАЛ, НЕМЕЦ, НЕМЕЦКИЙ, НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ, НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ, НЕТЛЕНКА, НЕФОРМАЛ, НЕФОРМАЛЬНЫЙ, НЕФОРМАТ, НИКАКОЙ, НИЧТОЖЕСТВО, НИЩИЙ, НОВЫЙ, НОРМАЛЬНЫЙ, НУДНЫЙ, НУЖНЫЙ, НЮХАТЬ, НЯНЧИТЬСЯ
О	ОБАЛДЕННЫЙ, ОБИДА, ОБИДЕТЬ, ОБИДЕТЬСЯ, ОБЛОЖИТЬ, ОБЛОМ, ОБЛОМИТЬСЯ, ОБУТЬ, ОБЩАТЬСЯ, ОБЩЕНИЕ, ОБЩИТЕЛЬНЫЙ, ОВЕЧКА, ОВЦА, ОКНО, ОКУЧИВАТЬ, ОЛИГАРХ, ОЛУХ, ОМОН, ОПЕР, ОПЕРАТИВНЫЙ, ОПТИМИЗИРОВАТЬ, ОПУСКАТЬСЯ, ОПЫТНЫЙ, ОРИГИНАЛ, ОСКОРБИТЬ, ОСКОРБИТЬСЯ, ОСКОРБЛЕНИЕ, ОСОБА, ОСОБЫЙ, ОТВАЛИТ, ОТВЯЗНЫЙ, ОТДЫХ, ОТДЫХАТЬ, ОТЕЧЕСТВО, ОТКАТ, ОТКЛЮЧИТЬСЯ, ОТМОРОЖЕННЫЙ, ОТМОРОЗОК, ОТМЫВАНИЕ, ОТПАД, ОТПАДНЫЙ, ОТРАВА, ОТРОДЬЕ, ОТРЫВАТЬСЯ, ОТСТОЙ, ОТТЯНУТЬСЯ, ОФИС, ОХЛАМОН, ОЧКАРИК, ОЧУМЕТЬ

Ассоциативная лексикография

П	ПАДЛА, ПАЛЁНЫЙ, ПАПА, ПАПИК, ПАРАЗИТ, ПАРИТЬСЯ, ПАРШИВЕЦ, ПАРШИВЫЙ, ПАСКУДА, ПАССИЯ, ПАСТИ, ПАФОСНЫЙ, ПАХАТЬ, ПАЦАН, ПЕДИК, ПЕРЕКУР, ПЕРЕСТРОЙКА, ПЕРЕТЕРЕТЬ, ПЕРЕТЬ, ПЕРЕЦ, ПЁС, ПЕТУХ, ПЕШКА, ПИАР, ПИАРИТЬ, ПИЖОН, ПИЛИТЬ, ПИРАТСКИЙ, ПИСК, ПЛАВАТЬ, ПЛЮРАЛИЗМ, ПО-БОЖЕСКИ, ПОВЁРНУТЫЙ, ПОВЕСИТЬ, ПОДБРОСИТЬ, ПОДВИГ, ПОДЛЕЦ, ПОДНЯТЬСЯ, ПОДОНОК, ПОДРУГА, ПОДСЕСТЬ, ПОДСТАВА, ПОДСТАВИТЬ, ПОДХАЛИМ, ПОЗИТИВ, ПОЗИТИВНЫЙ, ПОЙМАТЬ, ПОЛИТИКА, ПОЛИЦАЙ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ПОЛИЦИЯ, ПОЛТИННИК, ПОЛЯНА, ПОНТОВЫЙ, ПОНТЫ, ПОНЯТИЕ, ПОПРАВИТЬСЯ, ПОПСА, ПОПСОВЫЙ, ПОПУЛЯРНЫЙ, ПОРНОГРАФИЯ, ПОРТФОЛИО, ПОРЯДОК, ПОРЯДОЧНЫЙ, ПОСЛАТЬ, ПОТОЛОК, ПОТРЯСАЮЩИЙ, ПОФИГИЗМ, ПОФИГИСТ, ПОШЛЫЙ, ПРАВА, ПРАВДА, ПРАВИЛЬНЫЙ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ Я, ПРЕЗЕНТАЦИЯ, ПРЕССА, ПРЕСТИЖНЫЙ, ПРИБАМБАСЫ, ПРИБЛУДА, ПРИБОР, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ, ПРИВОЗНОЙ, ПРИДУРОК, ПРИЖИМИСТЫЙ, ПРИКОЛ, ПРИКОЛЬНЫЙ, ПРИЛИЧНЫЙ, ПРИМИТИВ, ПРИМИТИВНЫЙ, ПРИСТОЙНЫЙ, ПРОБИВНОЙ, ПРОБИТЬ, ПРОБКА, ПРОБЛЕМА, ПРОВИНЦИЯ, ПРОГРЕСС, ПРОДЮСЕР, ПРОКОЛ, ПРОКОЛОТЬСЯ, ПРОКУРАТУРА, ПРОКУРОР, ПРОМОКАШКА, ПРОСТИТУТКА, ПРОСТОЙ, ПРОСТЫНЯ, ПРОФИ, ПРОХВОСТ, ПРОХИНДЕЙ, ПРОХОДИТЬ, ПРОХОДНОЙ, ПСИХ, ПСИХОЗ, ПСИХОПАТ, ПСИХУШКА, ПУГАЛО, ПУЗО, ПУЗЫРЬ, ПУРГА, ПУСТОЙ, ПУСТЫШКА, ПУТАТЬСЯ, ПУШКА, ПЫШКА, ПЬЯНИЦА
Р	РАЗБИРАТЬСЯ, РАЗБИТНОЙ, РАЗБОРКА, РАЗБОРЧИВЫЙ, РАЗВАЛ, РАЗВЕСТИ, РАЗВЛЕКАТЬСЯ, РАЗВОД, РАЗГИЛЬДЯЙ, РАЗДОЛБАЙ, РАЗМАЗНЯ, РАЗНЕСТИ, РАЗНУЗДАННЫЙ, РАЗОГРЕВ, РАЗОЙТИСЬ, РАЗУМНЫЙ, РАЗУТЬ, РАСКОЛОТЬ, РАСКОЛОТЬСЯ, РАСКОПАТЬ, РАСКРУТИТЬ, РАСКРУЧЕННЫЙ, РАСПИСАТЬСЯ, РАСПРОДАЖА, РАССЛАБИТЬСЯ, РАССОСАТЬСЯ, РАСТЯПА, РАСХЛЯБАННЫЙ, РАСШИФРОВАТЬ, РАФИК, РВАНЬ, РЕАЛЬНЫЙ, РЕАНИМИРОВАТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ, РЕЗЮМЕ, РЕЙТИНГ, РЕКЛАМА, РЕКЛАМИРОВАТЬ, РЕФОРМИРОВАНИЕ, РОБКИЙ, РОДИНА, РОЖАТЬ, РОК, РОКОВОЙ, РОСКОШЬ, РОССИЙСКИЙ, РУБИТЬ, РУБЛЬ, РУЛИТЬ, РУССКИЙ, РУЧНОЙ, РЫБА, РЫЛО, РЫНОК
С	САМЕЦ, САМКА, САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, САРАЙ, САРАНЧА, САЧОК, СБОРИЩЕ, СБРОД, СБРОСИТЬСЯ, СВАЛИТЬ, СВАРА, СВЕЖИЙ, СВЕТИТЬ, СВЕТИТЬСЯ, СВЕТСКИЙ, СВИНЬЯ, СВОБОДА, СВОЛОЧЬ, СВОРА, СГОРЕТЬ, СДАТЬ, СДЕЛКА, СЕКС, СЕКСАПИЛЬНЫЙ, СЕКСУАЛЬНЫЙ, СЕЛО, СЕЛЬСКИЙ, СЕМЬЯ, СЕРВИС, СЕРЫЙ, СЕТЬ, СИДЕТЬ, СИЛОВИК, СКИНУТЬ, СКЛОЧНИК, СКОЛОТИТЬ, СКОЛЬЗКИЙ, СКОТ, СКОТИНА, СКРОМНЫЙ, СЛАБАК, СЛАДЕНЬКОЕ, СЛЕНГ, СЛИВ, СЛИЗНЯК, СЛИНЯТЬ, СЛИТЬ, СЛЮНТЯЙ, СМЕЛЫЙ, СМЕШНОЙ, СМОРЧОК, СНИМАТЬ, СНОБ, СОБАКА, СОБАЧИЙ, СОБАЧКА, СОВЕТСКИЙ, СОВКОВЫЙ, СОВОК, СОЗНАТЕЛЬНЫЙ, СОЛИДНЫЙ, СОЛНЦЕ, СООБРАЗИТЬ, СОПЛЯК, СПАЛИТЬСЯ, СПИКЕР, СПОРТИВНЫЙ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СПУСТИТЬ, СТАРИК, СТАРУХА, СТАРУШЕНЦИЯ, СТАРЫЙ, СТЁБ, СТЕБАТЬСЯ, СТЕРВА, СТЕРИЛЬНЫЙ, СТИЛЬНЫЙ, СТРАННЫЙ, СТРАСТЬ, СТРАШНЫЙ, СТУКНУТЬ, СТУЧАТЬ, СУД, СУДАРЫНЯ, СЧАСТЬЕ, СЪЕЗДИТЬ
Т	ТАКТИЧНЫЙ, ТАЧКА, ТАЩИТЬСЯ, ТВАРЬ, ТЕАТР, ТЕЛЕГА, ТЕЛЯЧИЙ, ТЕМА, ТЁМНЫЙ, ТЕРПИМОСТЬ, ТЕРРИТОРИЯ, ТЕРРОРИСТ, ТЁТКА, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ТОЛКНУТЬ, ТОЛКОВЫЙ, ТОЛКУШКА, ТОПИТЬ, ТОПТАТЬ, ТОРМОЗ, ТОРМОЗИТЬ, ТОРЧАТЬ, ТОЧЕЧНЫЙ, ТОЧКА, ТРАВА, ТРАВИТЬ, ТРОГАТЬ, ТРУБА, ТРУБИТЬ, ТРУДОГОЛИК, ТРЯПКА, ТРЯПКИ, ТУЗ, ТУПИТЬ, ТУПОЙ, ТУСОВКА, ТУФТА, ТЯПНУТЬ
У	УБИТЫЙ, УБИТЬ, УБЛЮДОК, УБОЖЕСТВО, УБОЙНЫЙ, УЛЁТ, УЛЁТНЫЙ, УМНИК, УМНИЦА, УПАКОВАННЫЙ, УПЁРТЫЙ, УРОД, УСПЕХ, УСПЕШНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, УЧИТЕЛЬНИЦА, УЧИТЬ, УЧУДИТЬ, УЮТ
Ф	ФАНАТ, ФИГНЯ, ФИГУРА, ФИГУРИСТЫЙ, ФИЛОСОФ, ФИНИШ, ФИРМА, ФИФА, ФИШКА, ФОНТАН, ФОРМАТ, ФОРУМ, ФРАНЦУЗ, ФРУКТ, ФУФЛО
Х	ХАБАЛКА, ХАКЕР, ХАЛЯВА, ХАМ, ХАНЖА, ХАРИЗМА, ХАХАЛЬ, ХАЧИК, ХМЫРЬ, ХОЗЯИН, ХОХМА, ХОХОЛ, ХРУЩОБА, ХУЛИГАН, ХУЛИГАНКА
Ц	ЦВЕТНОЙ

Раздел 4

Ч	ЧАЙНИК, ЧАСТНИК, ЧАСТНЫЙ, ЧАТ, ЧЕРНУХА, ЧЁРНЫЙ, ЧЕСТЬ, ЧЁТКИЙ, ЧИНОВНИК, ЧИСТЫЙ, ЧМО, ЧОКНУТЫЙ, ЧТИВО, ЧУДНОЙ, ЧУКЧА, ЧУМА, ЧУМОВОЙ, ЧУРКА, ЧУЧМЕК
Ш	ШАЛАВА, ШАЛИТЬ, ШАНТРАПА, ШАРАШКА, ШАРЛАТАН, ШВАБРА, ШЕДЕВР, ШЁЛКОВЫЙ, ШЕФ, ШИЗАНУТЫЙ, ШИТЬ, ШИШКА, ШКАФМЯРМЯР, ШКУРА, ШМОТКИ, ШНЯГА, ШОК, ШОКОВЫЙ, ШОКОЛАДНЫЙ, ШОПИНГ, ШОУ, ШТУКА, ШТУЧКА, ШУРШАТЬ, ШУСТРЫЙ
Щ	ЩЕДРЫЙ
Э	ЭКЗЕМПЛЯР, ЭКОНОМИКА, ЭКОНОМНЫЙ, ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ, ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ, ЭЛЕКТОРАТ, ЭЛИТА, ЭЛИТАРНЫЙ, ЭНЕРГИЧНЫЙ, ЭФФЕКТИВНЫЙ
Ю	ЮМОРИСТ, ЮРИСТ

Литература

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики. 1080 стимулов / Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: «Истоки», 2011. 187 с.

4.6.2. Подкорпус вербальных ассоциаций военнослужащих (СИБАС)

Р.А. Кафтанов
Новосибирск

Подкорпус военных ассоциаций СИБАС (далее *ПВАС*) был создан для решения конкретных задач в рамках построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации российского военного.

Эмпирический материал для ПВАС был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в г. Новосибирск в декабре 2015 г. В эксперименте в качестве испытуемых выступили курсанты Новосибирского военного института внутренних войск (НВИ). После обработки результатов эксперимента, валидными были признаны 828 анкет.

Все участники эксперимента – мужчины, в возрасте от 17 до 26 лет. Более половины испытуемых до поступления в НВИ проживали на той территории, на которой проводился ассоциативный эксперимент в рамках проекта СИБАС (Сибирь и Дальний Восток). Абсолютное большинство испытуемых считают русский язык своим родным. Носители других языков (10 % от общего числа испытуемых) не вносят заметных флуктуаций в общую картину, так как в институте они наравне со всеми курсантами используют русский язык. Языковая ситуация в НВИ соответствует, таким образом (и наш эксперимент служит этому подтверждением) языковой ситуации в России, где русский язык является родным для большинства населения.

Для списка стимулов были выбраны слова, которые называют компоненты фрейма деятельности военного, относящегося именно к данной специализации (внутренние войска, мотострелковые подразделения, подразделения разведки и специального назначения). Например, стимулы КОМАНДИР, КУРСАНТ, ОФИЦЕР, БОЕЦ, СОЛДАТ можно определить, как словоформы, обозначающие субъекта профессиональной военной деятельности. Объект деятельности выражен стимулами: ДЕРЖАВА, ГОСУДАРСТВО, ОТЕЧЕСТВО, РОССИЯ (объекты, находящиеся под охраной и защитой); ВРАГ, ПРОТИВНИК (противоборствующий субъект в условиях войны).

При выборе стимулов учитывалось включенность лексических единиц в СИБАС (в качестве стимула или реакции), поскольку именно СИБАС представляет эталонные материалы для исследования АВС русской языковой личности в азиатской части России, где и локализуется военное учреждение с исследуемой группой.

4.6.3. Ассоциативный словарь внешнего человека

О.В. Коротун
Омск

Основу «Ассоциативного словаря внешнего человека» [Коротун 2010] составили данные направленных ассоциативных экспериментов, которые проводились с 2004 по 2009 г.г. Словарь состоит из двух разделов: 1) национальности; 2) профессии. В каждом разделе данные экспериментов представлены следующим образом: ассоциативные поля, включающие реакции всех информантов, информантов без высшего / с высшим образованием, информантов-женщин, информантов -мужчин; в каждом эксперименте участвовало около 500 респондентов – молодых жителей г. Омска от 16 до 25 лет (учащихся средних, средних специальных, высших учебных заведений).

СТИМУЛЬНЫЕ СПИСКИ СЛОВАРЯ

<i>Ассоциативный эксперимент «Национальности»</i>	<i>Ассоциативный эксперимент «Профессии»</i>
Азербайджанец	Актёр
Американец (житель США)	Библиотекарь
Англичанин	Водитель
Белорус	Врач
Болгарин	Дизайнер
Грузин	Кондуктор
Еврей	Менеджер
Испанец	Милиционер
Итальянец	Охранник
Казах	Повар
Латиноамериканец	Преподаватель вуза
Немец	Программист
Поляк	Продавец
Русский	Секретарь
Татарин	Слесарь
Украинец	Строитель
Француз	Телеведущий
Швед	Уборщица
Эстонец	Учёный
	Учитель

Литература

О.В. Коротун. Ассоциативный словарь внешнего человека. Омск, «Вариант-Омск», 2010. 376 с.

4.6.4. Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма

О.А. Кузина
Москва

В основе содержания словаря [Кузина 2008] лежит цепной ассоциативный эксперимент, проведенный в вузах Омска (Россия), Магдебурга и Берлина (Германия), Санкт-Петербурга и Тампа (штат Флорида, США) в 2004 и 2005 г.г. Первая часть включает 187 словарных статей (ассоциативных полей, составленных традиционно), Вторая часть содержит 63 семантических гештальта, в которых реакции распределены по компонентам в разными наборами смежных элементов, отличающимися в русском, английском, немецком языках. Каждый компонент обозначен заголовком и количеством слов-реакций.

Раздел 4

СПИСОК СТИМУЛОВ

Русский язык	Немецкий язык	Английский язык
Виды туризма		
Путешествие	Reise	Travel
Туризм	Tourismus	Tourism
Детско-юношеский туризм	Jugendreisen	Youth journey
Культурно-познавательный туризм	Studienreisen	Study trip
Лечебно-оздоровительный туризм	Wellnessurlaub	Treatment trip
Аристократический туризм	Luxusreisen	Aristocratic tourism
Программный туризм	Programmreisen	Package tour
Секс-туризм	Sexreisen	Sex-tourism
Размещение		
Пентхаус	Penthaus	Penthouse
Люкс	Suite	De luxe
Туристский класс	Touristen class	Economy class
1-ый класс	First class Hotel	First class Hotel
Гостиница конгрессная	Kongresshotel	Congress hotel
Гостиница курортная	Kurhotel	Sanatorium
Кемпинг	Camping	Camping
Бизнес-отель	Businesshotel	Businesshotel
Деревня экологическая	Öko - Dorf	Ecological village
Туристская база	Touristendorf	Tourist's base
Альпотель	Alpenhotel	Alphotel
Бунгало	Bungalow	Bungalow
Родотель	Strassenhotel	Road hotel
Ботель	Boothotel	Boot hotel
Гостиница	Hotel	Hotel
Предприятия питания		
Ресторан	Restaurant	Restaurant
Кафе	Café	Café
Бар	Bar	Bar
Бистро	Bistro	Bistro
Буфет	Anrichteraum	Buffet
Фабрика кухонь	Fabrikkueche	Municipal restaurant
Столовая	Speisegaststaette	Canteen
Кейтеринг	Catering	Catering
Инвентарь туриста		
Велосипед	Fahrrad	Bicycle
Катер	Kutter/ Dampfgeraet	Cutter
Байдарка	Paddelboot	Canoe
Лыжи	Ski	Ski
Спецодежда	Berufskleidung	Working clothes
Походная одежда	Sportkleidung	Alpine kit
Обеспечение сферы туризма		
Виза	Visa	Visa

Ассоциативная лексикография

Турагент	Touristenagent	Tourist agent
Туроператор	Touristenkameramann	Tourist operator
Туристский	touristen	tourist
Ваучер туристский	Reisecheck	Tourist pass
Бюро путешествий	Reisebuero	Travel agency
Гость постоянный	Stampgast	Permanent guest
Группа путешествующая	Touristengruppe	Traveling group
Иммигрант	Einwanderer	Immigrant
Отдых и развлечения		
Отдыхающий	Urlauber	Holiday-maker
Гость	Gast	Guest
Варьете	Variete	Variety-show
Казино	Casino	Casino
Клубы по интересам	Klubhaus/Interessen	Clubs of interests
Зал игровых автоматов	Spielothek	Gaming-house
Киноконцертный зал	Kino/Konzertsaal	Cinema-concert hall
Центр аттракционов	Attraktionen	Center of attractions
Природный ландшафт	Naturlandschaft	Nature landscape
Историческая местность	historische Umgebung	Historical area
Насыщенная программа	Komplettprogramm	Rich programm
Транспортные средства		
Автобус	Autobus	Bus
Поезд	Zug	Train
Самолет	Flugzeug	Plane
Корабль	Schiff	Ship
Канатная дорога	Drahtseilbahn	Cable railway
Дирижабль	Luftschiff/Zepplin	Airship (dirigible)

Литература

Кузина О.А. Русско-англо-немецкий ассоциативный словарь туризма. Омск: Омский гос. ун-т путей сообщения, Омский госун-т им. Ф.М. Достоевского. Engelsdorfe Verlag, 2008. 196 с.

4.6.5. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей

В.А. Пищальникова
Москва

Словарь базовых ценностей [Пищальникова и др. 2020] представляет собой модификацию двухязычного ассоциативного словаря, объединяющего немецко-русский, китайско-русский, якутско-русский словари, которые в последствии будут разделены на отдельные.

Под базовыми ценностями понимаются *аксиологически значимые убеждения и концепты человека, обуславливающие его жизнедеятельность.*

В состав стимулов вошли лексемы, номинирующие базовые ценности исследуемых лингвокультур.

СПИСОК СТИМУЛОВ

Семья, дружба, родина, гармония, доверие, вера, религия, независимость, порядочность, вежливость, справедливость, успех, мир, деньги, власть, уважение, толерантность, ум,

Раздел 4

безопасность, свобода, слава, саморазвитие, работа, честность, комфорт, богатство, готовность помочь, благосостояние, жизнь, закон, здоровье, правда, сочувствие / сострадание, образование, спокойствие, внимание по отношению к родителям.

Реакция (русские)	Реакция (якуты)
<p>дом 117 (ЕВРАС 18/538; СИБАС 22/500); спокойствие 57 (РАС 2/106; ЕВРАС 23/538; СИБАС 26/500); защита 55 (ЕВРАС 27/538; СИБАС 24/500); охрана 44 (ЕВРАС 38/538; СИБАС 33/500); жизнь 27 (ЕВРАС 6/538; СИБАС 7/500); надежность 27 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 11/500); комфорт 23 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 4/500); полиция 23; ремень 22 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 5/500); ОБЖ 20 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 7/500); огнетушитель 13 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 2/500); опасность 12 (ЕВРАС 10/538; СИБАС 10/500); семья 11; оружие 10 (СИБАС 2/500); осторожность 10 (СИБАС 2/500); уверенность 10 (ЕВРАС 7/538; СИБАС 10/500); жизнедеятельности 9 (ЕВРАС 18/538; СИБАС 17/500); замок 9; машина 9 (СИБАС 2/500); нет 8 (СИБАС 2/500); правила 8; аккуратность 7; защищенность 7; необходимость 7; стабильность 7 (ЕВРАС 4/538); вожделение 6; мир 6; МЧС 6 (ЕВРАС 13/538; СИБАС 4/500); покой 6 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); превыше всего 6 (РАС 2/106; ЕВРАС 4/538; СИБАС 8/500); сохранность 6 (ЕВРАС 6/538; СИБАС 5/500); страх 6 (ЕВРАС 3/538); ФСБ 6 (ЕВРАС 7/538; СИБАС 7/500); щит 6 (ЕВРАС 2/538); иллюзия 5; мужчина 5; прежде всего 5 (СИБАС 5/500); сила 5 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); стена 5 (ЕВРАС 2/538); важно 4 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); Dugex 4; нужна 4; отсутствует 4; пожар 4 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 3/500); безопасность 3; близких 3; бронезилет 3; движения 3 (РАС 43/106; ЕВРАС 11/538; СИБАС 11/500); деньги 3; дорога 3; жизнедеятельность 3 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 6/500); закон 3; здоровье 3; клетка 3; крепость 3; ложь 3; объятия 3; ответственность 3; пожарные 3; ремень безопасности 3; ремни безопасности 3; риск 3; свобода 3; сейф 3 (СИБАС 2/500); система 3; страна 3; уют 3; шлем 3; БЖД 2; близкие люди 2; важна 2; вольво 2; дверь 2; дети 2; доверие 2; дороги 2; жизни 2 (РАС 2/106; ЕВРАС 19/538; СИБАС 13/500); жилет</p>	<p>хорсун/ прил. смелый, храбрый, отважный 19; безопасность 10; күүс/ сущ. сила 8; эйэ/ сущ. мир 7; бесстрашие 6; дьол/ сущ. счастье 6; хорсун быһыы/ смелый поступок 6; хорсун санаа/ смелый характер 6; акаары/ прил. глупый 5; дьиэ/ сущ. дом 5; уоскулан/ сущ. покой 4; эрэллээх буолуу/ имя действия эрэллээх буол/ надеяться 4; спокойствие 4; эрэл/ сущ. 1) надежда; 2) то, на что уповает человек в будущем 4; без страха 3; бэйэбэр эрэни/ имя действия эрэн/ надеяться 3; куттаммат/ гл. не боится 3; свобода 3; сэрэх/ прил. осторожный, предусмотрительный 3; үөрүү/ сущ. радость, веселье 3; эйэлээх олох/ мирная жизнь 3; баттал/ сущ. подавление, подчинение 2; боотур/ сущ. богатырь 2; защита 2; көнүл/ 1) сущ. свобода; 2) прил. свободный 2; куттала суох/ без опасения, без страха, без угрозы 2; күүстээх/ прил. сильный 2; күүстээх санаа/ сильный дух 2; нет испуга 2; охрана 2; сила духа 2; суох/ нет 2; сымыйа/ 1) прил. лживый; 2) сущ. ложь 2; сырдык/ 1) сущ. свет, освещение; знание, просвещение; 2) прил. светлый, яркий 2; сэрии/ сущ. война 2; туохтан да куттаммат/ ничего не боится 2; чуупму/ 1) сущ. тишина; 2) прил. тихий, бесшумный, спокойный, размеренный, мирный (о жизни) 2; абааһы/ сущ. а) (миф.) злой дух, злое начало; б) (миф.) духи-покровители и помощники шамана во время камлания; в) (фольк) в героическом эпосе олонхо – чудовища враждебные племена айыы, богатырям светлого мира; албын/ 1) сущ. ложь; 2) прил. лживый, неправдивый; аһааһын/ имя действия аһаа/ есть, питаться; арыаллаах буолуу/ имя действия иметь 1) лицо, сопровождающее кого-л. куда-л.; 2) охрана, защита/ быть, делаться, являться, чувствовать себя защищенным; аэрофобия; билбэтим/ не знаю; билии-көрүү/ сущ. совокупность, запас знаний, познаний; босхо буол/ быть свободным; буойун саха/ якут-воин; быһыы-майгы/ сущ. поведение; бэрт дьыала/ хорошее</p>

Ассоциативная лексикография

2; зеленый 2; инстинкт 2; информационная 2; информация 2; каска 2; квартира 2; ключ 2; кресло 2; личная 2; личность 2; любовь 2; мало 2; медицина 2; на дорогах 2 (РАС 2/106; СИБАС 4/500); не в России 2; необходима 2 (ЕВРАС 3/538); обеспечить 2; обман 2; одиночество 2; окружение 2; папа 2; порядок 2; потребность 2; Родина 2; родители 2; родных людей 2; самосохранение 2; секс 2; семья 2; сигнализация 2; служба 2 (ЕВРАС 4/538; СИБАС 3/500); спасательный круг 2; тревога 2; успех 2; АБС; ангел-хранитель; армия; бани; бдительность; бездействие; безнадежность; без опасность; без угрозы; бессмертие; благо; броня; бункер; важнее всего; ванна; Великобритания; вирус; власть; военный; военные люди; вождения; война; в половой жизни; временность; всегда; всем; всеобщая; в стране; в школе; выживание; выше всего; газовый баллончик; гармония; ГИБДД; главное; гнездо; гора; горы Алтая; государство; да; далеко; движение; деградация; детское кресло; доброта; долг; достижение; друзья; дыхание; дядя Степа; Европа; заблуждение; забор; забыто; заграница; закрыто; замкнутое пространство; замкнутость; запрет; за семью; здание; здоровье и деньги; зимой; знаки; знания; изоляция; инкассация; интеллект; информатика; какая; камера; китаец; ко благу; колючая проволока; комната; компьютер; к работе; крамольность; круг; крыша; кулак; личности; мама; машинка; ментальная; место; металлоискатель; метро; мнимость; могила; молоток; муж; надежда; нарукавники; наручники; нарушение правил; настороженность; не всегда; недвижимость; недостаточна; недостижимость; ненадолго; не нужна; не полиция; необходимое; нет страха; нет терактов; не существует; не угрожает жизни; не хватает; ничего не угрожает; нож; нужда; нужно; обеспечение; оборона; общ. место; обязательно; обязанность; объятие; обязательно; ограды; одеяло; ОМОН; опека; основа; особняк; осторожность во всем; отделение; отношения; от пожара; отпор; отсутствие; отчуждение; ощущение; ПДД; первостепенная значимость; подушка;

дело; бэт/ разг. отлично; герой; глупость; добор/ сущ. друг; добор эрэниитэ/ доверие, надежда друга; доботтор/ сущ. друзья; дьол суох буолуута/ разг. имя действия не иметь счастья; дуоһуйуу/ сущ. удовольствие, удовлетворение; закон, полиция; инники диэки барыы/ продвижение вперед; итэбэл/ сущ. вера; ичигэс/ прил. теплый, ласковый; киһиэхэ/ сущ. человеку; көмүскүүр киһи/ защищающий человек; көнүл/ 1) сущ. независимость, свобода, отсутствие ограничений, освобождение; 2) прил. свободный, вольный, независимый; көнүл буолуу/имя действия быть свободным; күнүс/ сущ. 1) дневное время, день, светлое время, обеденное время; 2) нареч. днем; куттал диэн тугуй/ что такое опасность; куттанары кыайыы/ имя действия кыай, преодолеть, победить страх; куттаныма/ не бойся; куттас/ прил. 1) пугливый; 2) трусливый; кэрэ/ сущ. красота, прекрасное; кяха/ сущ. 1) сила, возможности, необходимые для осуществления каких-л. действий; 2) достаток, состоятельность, обеспеченность; 3) условие, определенное обстоятельство, необходимые для осуществления какого-л. действия; 4) способности, дарование, талант; 5) предел досягаемости, возможности чего-л.; кыайыы/ сущ. победа; кытаанах санаа/ крепкий, сильный характер; надежность; МЧС; наада/ надо, нужно; не боязнь; не будет страшно; невозможно; нет боязни; непоколебимость; ничего страшного; олоруу/ имя действия олоор/ жить; оннук буолбат/ так не бывает; өлүү/ сущ. смерть; өрө тыныны/ имя действия өрө тыын/ вздохнуть; познавая мир; полиция; привыкание; саалаах/ с ружьем; сильный; син биир/ все равно; ситиһии/ сущ. достижение, успех; соботох хаалыы/ имя действия остаться один; соһуйуу/ сущ. удивление; соһуйуу суох буолуута/ отсутствие чего-то неожиданного; спокойный; стена; стойкость; страха нет; сутурук/ сущ. кулак; сүрэх суох/ сущ. лень; счастье; сыннылан/ сущ. отдых; сэрэиини/ имя действие сэрэй/ догадываться; сэрэхтээх буол/ быть осторожным; талата суох/ не негодный; таптал/ сущ. любовь; таптыыр дьонум аттыбар бааллара/ когда мои любимые рядом со мной; толлубат буолуу/ имя действия толлубат буол/ не

Раздел 4

пожарная машина; пожарник; пожарный; пожарный шланг; помещение; постель; правило; превыше; Президент; привлекает; приоритет; природа; пристегнуться; простота; работник; ремни; решетка; Россия; рядом; рядом с любимым; сам; самого себя; самозащита; самооборона; СБУ; светлое небо; сердце; сеть; сидеть; скованность; смекалка; собака; соблюдение правил; спасатели; среда; стены; страдает; стратегическая; страх; страховка; супер; ТБ уверенность; телекоммуникационные системы; терроризм; ТОП; тревожность; трос; тюрьма; убежище; уверен; укрытие; умиротворенность; условие; устойчивость; фальшива; Фед. Служб. Безопасности; ФСО; хорошо; хромяя; цель; ЦРУ; шаткость; шаурма; школа; шлагбаум; Шойгу; экипировка; эфемерна; 0; airbag; bicherkeit; ESP, ABS; security; I Phone 1 (1028+24+нрзб 4)

бояться; труд; тулуйуу/ имя действия тулуй/ терпеть; туохтан да долгуйбакка сылдыы/ имя действия сырыт/ жить, ни о чем не беспокоясь; уверенный; уже нечего терять; улаатыы/ имя действия улаат/ взростеть, взростление; умиротворенный; уот/ сущ. огонь; үлэ/ сущ. работа, труд; үчүгэй/1) прил. хороший; 2) в знач. модального слова хорошо или согласен; үчүгэйгэ/ к лучшему; халлаан/ сущ. небо; ханна/ где; харса суох/ бесстрашно, храбро, смело; харысхал/ сущ. защита; хахай/ сущ. лев; холку/ прил. спокойный; хорсун киһи/ смелый человек; хорсун санаа/ отважное желание; хоһуун/ прил. смелый, отважный; мнение; храбрость; ЧОП; чтобы не было страха; чуустуба/ разг. чувство; чэпчэкистик сылдыы/ имя действия жить, ходить легко; ыраас дууһа/ чистая душа; эйэбэс/ прил. общительный открытый, контактный; эйэлээх сыһыан/ мирное отношение; эрэл/ сущ. надежда; эрэллээх/ прил. надежный; эр киһи/ сущ. мужчина 1 (253+отказ 46)

Безопасность / 刺激源:安全

Реакция (русские)	Реакция (китайцы)
<p>дом 117 (ЕВРАС 18/538; СИБАС 22/500); спокойствие 57 (РАС 2/106; ЕВРАС 23/538; СИБАС 26/500); защита 55 (ЕВРАС 27/538; СИБАС 24/500); охрана 44 (ЕВРАС 38/538; СИБАС 33/500); жизнь 27 (ЕВРАС 6/538; СИБАС 7/500); надежность 27 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 11/500); комфорт 23 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 4/500); полиция 23; ремень 22 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 5/500); ОБЖ 20 (ЕВРАС 9/538; СИБАС 7/500); огнетушитель 13 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 2/500); опасность 12 (ЕВРАС 10/538; СИБАС 10/500); семья 11; оружие 10 (СИБАС 2/500); осторожность 10 (СИБАС 2/500); уверенность 10 (ЕВРАС 7/538; СИБАС 10/500); жизнедеятельности 9 (ЕВРАС 18/538; СИБАС 17/500); замок 9; машина 9 (СИБАС 2/500); нет 8 (СИБАС 2/500); правила 8; аккуратность 7; защищенность 7; необходимость 7; стабильность 7 (ЕВРАС 4/538); вождение 6; мир 6; МЧС 6 (ЕВРАС 13/538; СИБАС 4/500); покой 6 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); превыше всего 6 (РАС 2/106; ЕВРАС 4/538; СИБАС 8/500); сохранность 6 (ЕВРАС</p>	<p>安全第一/безопасность – на первом месте (концептуальный призыв, часто встречающийся в повседневной жизни, особенно на производственных предприятиях) 20; 警察/полиция 15; 危险/опасность 10; 健康/здоровье 9; 事故/1) несчастный случай; 2) авария 8; 重要/важно 8; 家/ 1) семья; 2) дом 7; 注意/ 1) обращать [уделять] внимание; 2) внимание 6; дом 4; 安全帽/шлем, защитная каска (для предохранения головы рабочего от ударов) 4; 消防员/пожарники 4; 消防/противопожарный 3; 稳定/ 1) стабильность; 2) устойчивость 3; 中国/Китай 3; риск 3; 不安全/небезопасный 3; 防火/противопожарный 2; 很好/очень хорошо 2; 意识/сознание 2; 食品/продукты 2; 必要/ 1) необходимый, нужный; 2) необходимость; 3) необходимо, нужно, следует 2; 教育/образование 2; 亲人/родной человек 2; 火灾/пожар 2; 和平/мир 2; 很重要/очень важно 2; 身体/тело 2; 学校/школа, учебное заведение 2; 保密/ 1)</p>

Ассоциативная лексикография

6/538; СИБАС 5/500); страх 6 (ЕВРАС 3/538); ФСБ 6 (ЕВРАС 7/538; СИБАС 7/500); щит 6 (ЕВРАС 2/538); иллюзия 5; мужчина 5; прежде всего 5 (СИБАС 5/500); сила 5 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); стена 5 (ЕВРАС 2/538); важно 4 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 2/500); Durex 4; нужна 4; отсутствует 4; пожар 4 (ЕВРАС 3/538; СИБАС 3/500); безопасность 3; близких 3; бронезилет 3; движения 3 (РАС 43/106; ЕВРАС 11/538; СИБАС 11/500); деньги 3; дорога 3; жизнедеятельность 3 (ЕВРАС 2/538; СИБАС 6/500); закон 3; здоровье 3; клетка 3; крепость 3; ложь 3; объятия 3; ответственность 3; пожарные 3; ремень безопасности 3; ремни безопасности 3; риск 3; свобода 3; сейф 3 (СИБАС 2/500); система 3; страна 3; уют 3; шлем 3; БЖД 2; близкие люди 2; важна 2; вольво 2; дверь 2; дети 2; доверие 2; дороги 2; жизни 2 (РАС 2/106; ЕВРАС 19/538; СИБАС 13/500); жилет 2; зеленый 2; инстинкт 2; информационная 2; информация 2; каска 2; квартира 2; ключ 2; кресло 2; личная 2; личность 2; любовь 2; мало 2; медицина 2; на дорогах 2 (РАС 2/106; СИБАС 4/500); не в России 2; необходима 2 (ЕВРАС 3/538); обеспечить 2; обман 2; одиночество 2; окружение 2; папа 2; порядок 2; потребность 2; Родина 2; родители 2; родных людей 2; самосохранение 2; секс 2; семьи 2; сигнализация 2; служба 2 (ЕВРАС 4/538; СИБАС 3/500); спасательный круг 2; тревога 2; успех 2; АБС; ангел-хранитель; армия; бани; бдительность; бездействие; безнадежность; без опасность; без угрозы; бессмертие; благо; броня; бункер; важнее всего; ванна; Великобритания; вирус; власть; военный; военные люди; вождения; война; в половой жизни; временность; всегда; всем; всеобщая; в стране; в школе; выживание; выше всего; газовый баллончик; гармония; ГИБДД; главное; гнездо; гора; горы Алтая; государство; да; далеко; движение; деградация; детское кресло; доброта; долг; достижение; друзья; дыхание; дядя Степа; Европа; заблуждение; забор; забыто; заграница; закрыто; замкнутое пространство; замкнутость; запрет; за семью; здание; здоровье и деньги; зимой; знаки; знания; изоляция; инкассация; интеллект; информатика; какая; камера; китаец; ко благу; колючая проволока; комната; компьютер; к работе; крамольность; круг; крыша; кулак; личности; мама; машинка; ментальная; место; металлоискатель; метро; мнимость; могила; молоток; муж; надежда; нарукавники; наручники; нарушение правил;

хранить тайну; 2) держаться в секрете 2; 生活/ 1) жизнь, бытие, существование; 2) жить, существовать, быт, жизненный, бытовой 2; государство 2; 绑架/ 1) похитить (человека); 2) похищение 2; опасный 2; первый 2; пища 2; 家里/в доме 2; 无/нет 2; 第一位/первое место 2; 隐患/скрытая угроза [опасность]; 人身安全/личная безопасность; 安全/безопасность; 处理/1) устраивать, разрешать (проблемы), вести, разбирать (дела), принимать меры; 2) технический термин: обрабатывать, обработка; 3) распродавать (залежалые товары), распродажа; 意外/ 1) неожиданный, непредвиденный; 2) непредвиденный случай, случайность; безопасный; свой; 保障/ 1) гарантировать, обеспечивать; 2) гарантия, обеспечение; 国家/ 1) государство; 2) страна; опасно; 枪支/огнестрельное оружие; жизнь; 安全的/безопасный; предосторожности; 出口/выход; 街道/улица; 消防栓/пожарный гидрант; светофор; безмятежный; 可信的/достоверный; 晚上/вечер; 毒品/наркотики; 工程/строительство; 一切正常/всё в порядке; 合作/сотрудничество; 厕所/туалет; 拆迁/переезд (в новый дом) после сноса (старого), переезд из-за сноса (дома); 建筑/строить, сооружать; 确保/гарантировать; 长久/ 1) длительный; 2) долгий; 3) долго; 人身/ 1) тело человека, туловище, корпус; 2) в буддизме: физическое тело, брэнная оболочка (человека); 3) качества, характер (человека); 4) личность, личный; необходимость; дома; без; школа; 抢劫/грабить, (имя сущ. грабёж); 开车/водить машину; семья; продовольствие; 不可能/невозможно; милиция; 交通工具/транспортное средство; 遵守/соблюдать; 保卫人员/охранник; 没问题/без проблем, нет вопросов 1 (200+5)

Раздел 4

настороженность; не всегда; недвижимость; недостаточна; недостижимость; ненадолго; не нужна; не полиция; необходимое; нет страха; нет терактов; не существует; не угрожает жизни; не хватает; ничего не угрожает; нож; нужда; нужно; обеспечение; оборона; общ. место; обязательно; обязанность; объятие; обязательна; ограды; одеяло; ОМОН; опека; основа; особняк; осторожность во всем; отделение; отношения; от пожара; отпор; отсутствие; отчуждение; ощущение; ПДД; первостепенная значимость; подушка; пожарная машина; пожарник; пожарный; пожарный шланг; помещение; постель; правило; превыше; Президент; привлекает; приоритет; природа; пристегнуться; простота; работник; ремни; решетка; Россия; рядом; рядом с любимым; сам; самого себя; самозащита; самооборона; СБУ; светлое небо; сердце; сеть; сидеть; скованность; смекалка; собака; соблюдение правил; спасатели; среда; стены; страдает; стратегическая; страх; страховка; супер; ТБ уверенность; телекоммуникационные системы; терроризм; ТОП; тревожность; трос; тюрьма; убежище; уверен; укрытие; умиротворенность; условие; устойчивость; фальшива; Фед. Служб. Безопасности; ФСО; хорошо; хромая; цель; ЦРУ; шаткость; шаурма; школа; шлагбаум; Шойгу; экипировка; эфемерна; 0; airbag; bicherheit; ESP, ABS; security; I Phone 1 (1028+24+нрзб 4)

Список стимулов устанавливался на основе сравнения социологических, культурологических, этнологических и лингвистических данных – от научных статей до результатов социальных и лингвистических проектов, направленных на установление системы базовых ценностей (например: [Schwarz 2006; Deese 1965; Рябов, Курбангалеева 2003] и др.) по принципу пересечения данных.

В свободный ассоциативный эксперимент включались лексемы, которые в рамках разных исследований рассматривались как номинации *ядерных* (базовых) ценностей;

Предварительный список включался в эксперимент на ранжирование (ии. явились 520 представителей разных лингвокультур), для включения в свободный ассоциативный эксперимент отбирались лексемы, имеющие 35 первых рангов.

В эксперименте приняли участие 1890 студентов – представителей четырех лингвокультур в возрасте от 17 до 25 лет, обучающиеся в разных вузах и городах России (Барнаул, Белгород, Вологда, Воронеж, Киров, Курск, Мирный, Москва, Нерюнгри, Новосибирск, Санкт-Петербург, Хабаровск, Якутск, с. Чурапча Республики Саха (Якутия) и др.) по основаниям, выдвинутым Ю.Н. Карауловым [Караулов 1981], а также немецкие (Фехте, Баден-Баден, Берлин, Потсдам) и китайские студенты (Пекин, Сиань, на о. Хайнань) того же возраста. Эксперимент проводился с 2017 по 2019 гг.

В состав слов-стимулов первой версии русско-якутского словаря были включены 18 слов из полученного списка, представляющего ядерные базовые ценности, что обусловлено

Ассоциативная лексикография

спецификой семантики якутского языка. При этом 4 из 18 слов-стимулов представлены в имеющемся якутском ассоциативном словаре: ДЬИЭ КЭРГЭН/ СЕМЬЯ, ДЬОЛ/ СЧАСТЬЕ, КӨНҮЛ/ СВОБОДА, ҮЛЭ/ РАБОТА. В нашем словаре лексемы в качестве слов-стимулов впервые используются: КУТТАЛА СУОХ БУОЛУУ/ БЕЗОПАСНОСТЬ; ИТЭБЭЛ/ ВЕРА; ДОҕОРДОҕУУ/ ДРУЖБА; ТАПТАЛ/ ЛЮБОВЬ; АҢЫМАЛ/ МИЛОСЕРДИЕ; ЭЙЭ/ МИР; ҮӨРЭХТЭЭҢИН/ ОБРАЗОВАНИЕ; СИЭРДЭЭХ БУОЛУУ/ ПОРЯДОЧНОСТЬ; АЙЫЛҔА/ ПРИРОДА; ИЙЭ ДОЙДУ/ РОДИНА; СИЭРДЭЭХ КЫРДЬЫК/ СПРАВЕДЛИВОСТЬ; АЙАР ҮЛЭ/ ТВОРЧЕСТВО; ТӨРӨПҮТТЭРГЭ УБААСТАБЫЛ/ УВАЖЕНИЕМ К РОДИТЕЛЯМ; СИТИҢИИ/ УСПЕХ.

*Пример словарной статьи
из русско-якутской и русско-китайской частей словаря*

Безопасность / Куттала суох буолуу

Спецификой словаря базовых ценностей является сопоставление ассоциативных полей слов-стимулов с данными других ассоциативных словарей (РАС, ЕВРАС, СИБАС и т.д.). Помимо чисто технического удобства для читателя, это позволяет анализировать данные словарей *в динамике*, обнаруживать синхронную территориальную вариативность и временную изменчивость содержания ценностей, разную значимость ценностей для различных лингвокультур, наблюдать развитие смысловых компонентов психологического значения слов.

Наличие в словаре русско-немецкой, русско-якутской, русско-китайской частей обусловлено составом специалистов лаборатории МГЛУ. Количественные данные представлены в словаре общепринятым в ассоциативной лексикографии способом.

Принципиальным моментом для составителей словаря стало признание не только динамики системы ценностей, но и того, что эта система не может состоять из произвольного их списка. В основу аксиологического осмысления культуры положена ее диалектическая связь с ценностями, поэтому одной из первостепенных задач словаря является кросскультурное сопоставление значений слов русского и других языков, называющих базовые ценности лингвокультур.

Каждая часть словаря акцентирует культурную специфику вербальной фиксации разных аспектов аксиологического содержания слова, что позволяет судить о своеобразии мотивов речевой деятельности, отраженных в характере предикации между стимулом и реакцией.

Составители словаря основываются на том, что мотив – принципиально динамичное образование, и потому не может быть описан (адекватно целям речевой деятельности) путем интерпретации содержания ассоциата, что получило широкое распространение в исследовании языкового сознания. Мотив может быть смоделирован при характеристике своеобразия интеллектуальных операций, осуществляемых индивидом *в соотношении* стимул – реакция. При этом важно установить типичные операции (схемы речевого действия), анализируя актуализацию тех или иных семантических признаков стимула в предикативной связи стимул-реакция.

Данные словаря позволяют сопоставить своеобразие механизма ценностной детерминации деятельностей у носителей разных лингвокультур.

Литература

- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 367 с.
- Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Пэй Цайся, Яо Чжипэн. Двужызычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Изд-во «Спутник+», 2020. 262 с.
- Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. Монография. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
- Deese J. The Structure of associations in language and Thought. Baltimore, 1965. P. 347–357.
- Schwarz S. H. et all. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / Schwarz S., Jowell C., Roberts R., Fitzgerald G. E. (Eds) Measuring attitudes cross-nationally lessons from the European Social Survey. L.: Sage, 2006. P. 169–203.

4.6.6. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка

Н.В. Уфимцева
Москва

«Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» (АФС) [Добровольский, Караулов 1994] – лексикографический этюд в терминологии авторов, выполнен по материалам «Русского ассоциативного словаря» и представляет собой первую попытку описания русской фразеологии на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента. Авторы исходили из широкого понимания фразеологии и включили в свой словарь крылатые выражения, присказки, речевые штампы, пословицы и поговорки. Основная цель словаря – продемонстрировать способы актуализации фразеологических единиц в языковом сознании носителя языка и их разнообразные трансформации.

Структура словарной статьи включает три зоны: вход, помета, стимулы и реакции.

Словарь включает следующие приложения:

- 4096. Пословицы и поговорки;
- 4097. Штампы;
- 4098. Штампы советского периода;
- 4099. Прецедентные тексты;
- 4100. Фразеологизмы, не зафиксированные в нормативных словарях;
- 4101. Алфавитный указатель.

Литература

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: редакция АСМ, «Помовский и партнеры». 1994. 116 с.

4.7. Психолингвистические толковые словари (на базе ассоциативных)

Психолингвистические толковые словари выпускаются в рамках проекта «Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова)» (см. раздел 2.4 настоящей монографии) Центра коммуникативных исследований Воронежского университета.

Разрабатываются два типа психолингвистических толковых словарей:

- общие психолингвистические толковые словари;
- дифференциальные психолингвистические толковые словари.

Оба типа словарей относятся к разряду толковых, но дифференциальные толковые словари, в отличие от собственно психолингвистических толковых словарей (в которых приводятся дефиниции психолингвистических значений всех слов словника), содержат сопоставление психолингвистических значений слов по тем или иным признакам – гендерным, возрастным, территориальным, темпоральным, сопоставление синонимичных и оппозитивных лексем.

Словники психолингвистических толковых словарей составляются по частотному признаку – ставится задача описать частотное ядро русского языка, а также наиболее употребительные лексеммы тех или иных тематических групп.

Электронный адрес «Психолингвистического толкового словаря русского языка» (полнотекстовые версии разных выпусков):

<http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>

Словари составлены на базе результатов свободных ассоциативных экспериментов, отраженных в РАС, ЕВРАС, СИБАС, а также результатов проведенных составителями словарей ассоциативных экспериментов в 2010–2020 гг. с носителями русского языка разного пола, возраста, социального положения и территориального расположения.

4.8. Общие психолингвистические толковые словари

И.А. Стернин
Воронеж

4.8.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка

Составителями этого словаря [Стернин и др. 2019] являются И.А. Стернин, А.В. Рудакова, Е.И. Колесникова, Т.В. Растегаева, М.А. Ульянова и В.Н. Хаустова, при участии О.Е. Виноградовой, Ю.Г. Просветовой, В.В. Малышевой. Словник включает 47 существительных русского языка.

СЛОВНИК

АВТОР, БЕЛЫЙ, БОГ, БОЛЬШОЙ, ВАЖНЫЙ, ВЕЛИКИЙ, ВЕЧЕР, ВОДА, ВОЗМОЖНОСТЬ, ВОЙНА, ВОПРОС, ВСТРЕЧА, ВЫЙТИ, ГАЗЕТА, ГЛАВА, ГЛАВНЫЙ, ГЛАЗ, ГОЛОВА, ГОЛОС, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ДЕНЬГИ, ДОМ, ЖЕНЩИНА, ИЗВЕСТНЫЙ, КАЗАТЬСЯ, КНИГА, КОМПАНИЯ, КРАСНЫЙ, ЛИЦО, ЛЮБИТЬ, МОЛОДОЙ, МУЖЧИНА, НАСТОЯЩИЙ, ОБЛАСТЬ, ОБРАЗ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПОМНИТЬ, ПРЕДСТАВИТЬ, ПРОБЛЕМА, РАБОТА, РАЗГОВОР, РЕБЕНОК, РЕШЕНИЕ, РОССИЙСКИЙ, РУКА, СЕМЬЯ, СТАТЬЯ

Литература

Стернин И.А., Рудакова А.В. Колесникова Е.И., Растегаева Т.В. и др. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Частотная лексика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство РИТМ, 2019. 129 с.

4.9. Тематические психолингвистические толковые словари

4.9.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка:

Антропонимы

Вып.1-4. Сост. А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. / Научный редактор А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство РИТМ, 2018–2020. Вып.1–135 с., вып. 2 – 127 с., вып. 3 – 107 с., вып. 4 – 124 с.

СПИСОК ЛЕКСЕМ

Рядом со стимулом в списке указан год проведения ассоциативных экспериментов.

Вып. 1

- | | | |
|---------------------|----------------------|-------------------------|
| 1. Абрамович 2016 | 12.Гагарин 2017 | 23.Ельцин 2015 |
| 2. Айвазовский 2017 | 13.Гоголь 2016 | 24.Есенин 2016 |
| 3. Андропов 2015 | 14.Гребенщиков 2017 | 25.Зайцев 2016 |
| 4. Аракчеев 2017 | 15.Дали 2017 | 26.Исинбаева 2017 |
| 5. Ахматова 2016 | 16.Дарвин 2015 | 27.Кабаева 2018 |
| 6. Бах 2017 | 17.Джеки Чан 2017 | 28.Космодемьянская 2017 |
| 7. Безруков 2015 | 18.Джим Керри 2017 | 29.Крупская 2018 |
| 8. Бетховен 2017 | 19.Диоген 2017 | 30.Ломоносов 2016 |
| 9. Брежнев 2015 | 20.Диор 2015 | 31.Малевич 2018 |
| 10.Брэдбери 2017 | 21.Достоевский 2017 | 32.Мария Кюри 2018 |
| 11.Ван Гог 2017 | 22.Екатерина II 2015 | 33.Маркс 2016 |

Раздел 4

34. Мацуев 2018
35. Мохаммед Али 2018
36. Моцарт 2016
37. Некрасов 2018
38. Ницше 2016
39. Райкин 2016

40. Рылеев 2016
41. Саркози 2016
42. Сартр 2016
43. Солженицын 2016
44. Сперанский 2016
45. Татьяна Толстая 2016

46. Тургенев 2016
47. Чаплин 2016
48. Шанель 2016
49. Шекспир 2016
50. Юдашкин 2016

Вып. 2

1. Айседора Дункан 2016
2. Александр
Македонский 2016
3. Аристотель 2016
4. Архимед 2016
5. Барак Обама 2016
6. Берия 2016
7. Бонопарт 2017
8. Вашингтон 2017
9. Гай Юлий Цезарь 2016
10. Галилей 2017
11. Галкин 2016
12. Гёте 2016
13. Гитлер 2017
14. Ди Каприо 2016
15. Дмитрий Быков 2016
16. Жанна д'Арк 2016
17. Зюганов 2016

18. Иван Грозный 2015
19. Кадыров 2018
20. Калигула 2017
21. Камбербетч 2017
22. Кастро 2017
23. Киркоров 2016
24. Клинтон 2016
25. Кличко 2017
26. Коперник 2017
27. Кропоткин 2016
28. Кубрик 2017
29. Лавров 2016
30. Лукашенко 2016
31. М. Горький 2016
32. М. Монро 2016
33. Майк Тайсон 2018
34. Малахов 2018

35. Маленков 2016
36. Малышева 2016
37. Мартин Лютер 2017
38. Мартин Лютер
Кинг 2017
39. Махатма Ганди 2017
40. Махно 2016
41. Меркель 2016
42. Навальный 2018
43. Павлов 2018
44. Пелевин 2016
45. Пикассо 2016
46. Порошенко 2016
47. Пугачева 2016
48. Рейган 2016
49. Трамп 2016
50. Троицкий 2016

Вып. 3

1. Бёртон 2018
2. Вивальди 2018
3. Да Винчи 2018
4. Донцова 2018
5. Жириновский 2015
6. Кафка 2015
7. Ленин 2015
8. Лермонтов 2015
9. Маяковский 2015
10. Медведев 2015
11. Менделеев 2015
12. Миронов 2015
13. Михалков 2015
14. Нерон 2018
15. Нефертити 2015
16. Нобель 2018
17. Песков 2018

18. Пётр Первый 2015
19. Платон 2018
20. Познер 2018
21. Пушкин 2015
22. Распутин 2015
23. Рассел 2018
24. Ревва 2018
25. Ремарк 2018
26. Спилберг 2018
27. Сталин 2015
28. Стив Джобс 2015
29. Стивен Кинг 2018
30. Тарантино 2015
31. Терешкова 2018
32. Толстой 2015
33. Фрейд 2015

34. Хабенский 2018
35. Хазанов 2018
36. Хемсворт 2018
37. Хиддлстон 2018
38. Хрущёв 2015
39. Цискаридзе 2018
40. Цой 2018
41. Цукерберг 2016
42. Черненко 2016
43. Черчилль 2017
44. Чехов 2015
45. Эйнштейн 2015
46. Энгельс 2016
47. Эрдоган 2017
48. Янукович 2016
49. Ярослав
Мудрый 2015
50. Яценюк 2016

- | | | |
|---------------------|---------------------------|-----------------------|
| 1. Ада Лавлейс 2018 | 26. Пьер Карден 2018 | 35. Толкин 2019 |
| 2. Аффлек 2019 | 27. Рафаэль 2018 | 36. Тэтчер 2018 |
| 3. Босх 2019 | 28. Ривз 2019 | 37. Уайльд 2018 |
| 4. Вольтер 2019 | 29. Римский-Корсаков 2019 | 38. Хемингуэй 2019 |
| 5. Высоцкий 2019 | 30. Роналду 2019 | 39. Хью Лори 2019 |
| 6. Гэри Олдмен 2018 | 31. Роулинг 2019 | 40. Циолковский 2019 |
| 7. Джоли 2019 | 18. Мураками 2018 | 41. Чайковский 2019 |
| 8. Джонни Депп 2018 | 19. Набоков 2018 | 42. Че Гевара 2019 |
| 9. Кант 2018 | 20. Нельсон Мандела 2018 | 43. Чингисхан 2019 |
| 10. Кобзон 2018 | 21. Ньютон 2018 | 44. Чубайс 2019 |
| 11. Ландау 2018 | 22. Овечкин 2018 | 45. Шарапова 2019 |
| 12. Левитан 2018 | 23. Пифагор 2018 | 46. Шварценеггер 2019 |
| 13. Максвелл 2018 | 24. Плющенко 2018 | 47. Шишкин 2019 |
| 14. Маликов 2019 | 25. Путин 2015 | 48. Шойгу 2019 |
| 15. Мао Цзэдун 2018 | 32. Собчак 2019 | 49. Шолохов 2019 |
| 16. Маркес 2018 | 33. Сократ 2019 | 50. Шумахер 2020 |
| 17. Месси 2018 | 34. Столыпин 2019 | |

**4.9.2. Психолингвистический толковый словарь русского языка:
Наименования автомобилей**

Сост. И.А. Стернин, Э.В. Шаламова. Научный редактор И.А. Стернин. Воронеж: Издательство РИТМ, 2019. 36 с.

СПИСОК ЛЕКСЕМ

- | | | |
|-----------------|--------------------|------------------|
| 1. Альфа-Ромео | 23. ЗИЛ-«членовоз» | 45. Москвич |
| 2. Ауди | 24. Инвалидка | 46. Нива |
| 3. Багги | 25. Иномарка | 47. Нива-Шевроле |
| 4. Бентли | 26. Инфинити | 48. Ниссан |
| 5. БМВ | 27. Исузу | 49. Одиннадцатая |
| 6. Богдан | 28. Кадиллак | 50. Ока |
| 7. Внедорожник | 29. КИА | 51. Опель |
| 8. Волга | 30. Копейка | 52. Опель Астра |
| 9. Вольво | 31. Крайслер | 53. Пежо |
| 10. Восьмерка | 32. Лада | 54. Победа |
| 11. ГАЗ | 33. Лада Гранта | 55. Порше |
| 12. Газель | 34. Лада Калина | 56. Пятерка |
| 13. Датсун | 35. Лада Приора | 57. Рено |
| 14. Двенадцатая | 36. Ламборгини | 58. Рено Дастер |
| 15. Двойка | 37. Лексус | 59. Рено Логан |
| 16. Девятка | 38. Луаз | 60. Роллс-Ройс |
| 17. Десятка | 39. Лэндкрузер | 61. Сааб |
| 18. Джип | 40. Лэндровер | 62. Сан-Йонг |
| 19. Додж | 41. Мазда | 63. Семерка |
| 20. ДЭУ | 42. Матис | 64. Ситроен |
| 21. Жигули | 43. Мерседес | 65. Соболь |
| 22. Запорожец | 44. Мицубиси | 66. Субару |

Раздел 4

- | | | |
|-----------------|-----------------|-------------------|
| 67. Судзуки | 75. Форд | 83. Четверка |
| 68. Таврия | 76. Форд Фиеста | 84. Шевроле |
| 69. Тойота | 77. Форд Фокус | 85. Шестерка |
| 70. Тройка | 78. Хаммер | 86. Шкода |
| 71. УАЗ | 79. Хёндай | 87. Шкода Октавия |
| 72. УАЗ Патриот | 80. Ховер | 88. Ягуар |
| 73. Фиат | 81. Чайка | |
| 74. Фольксваген | 82. Черри | |

4.10. Дифференциальные психолингвистические толковые словари

А.В.Рудакова, И.А.Стернин
Воронеж

4.10.1. Психолингвистический толковый словарь русского языка.

Синонимы

Сост. И.А. Стернин, А.В. Рудакова, Э.Ю. Соколова-Сторчай. / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство РИТМ, 2019. 144 с.

СЛОВНИК

- | | | |
|-------------------------|-------------------------|---------------------------|
| 1. Актёр – артист | 8. Зверинец – зоопарк | 15. Наглец – нахал |
| 2. Бегемот – гиппопотам | 9. Киллер – убийца | 16. Пес – собака |
| 3. Брань – ругань | 10. Конь – мерин – | 17. Родина – отечество |
| 4. Врач – доктор | 11. Лентяй – бездельник | 18. Сервис – обслуживание |
| 5. Джип – внедорожник | 12. Лидер – главарь | 19. Удобство – |
| 6. Жаргон – сленг | 13. Лошадь – кобыла | 20. Яд – отравка. |
| 7. Жлоб – жмот | 14. Морда – рожа | |

4.10.2. Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь русского языка

Сост. И.А. Стернин, А.В. Рудакова, при участии Т.В. Растегаевой / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Воронеж: Издательство РИТМ, 2020. 159 с.

СЛОВНИК

- | | | |
|---------------------|------------------|----------------|
| 1. Большой | 15. Думать | 29. Полный |
| 2. Великий | 16. Жизнь | 30. Получить |
| 3. Военный | 17. Знать | 31. Помнить |
| 4. Война | 18. Книга | 32. Последний |
| 5. Вопрос | 19. Лицо | 33. Право |
| 6. Высокий | 20. Любить | 34. Проблема |
| 7. Главный | 21. Маленький | 35. Работа |
| 8. Глаз | 22. Место | 36. Ребенок |
| 9. Год | 23. Молодой | 37. Российский |
| 10. Государственный | 24. Настоящий | 38. Рука |
| 11. День | 25. Новый | 39. Русский |
| 12. Деньги | 26. Общий | 40. Сила |
| 13. Дом. | 27. Особый | 41. Сильный |
| 14. Друг | 28. Политический | 42. Система |

Ассоциативная лексикография

- | | | |
|-----------------|----------------|-------------------|
| 43. Слово | 46. Социальный | 49. Человек |
| 44. Советский | 47. Хороший | 50. Экономический |
| 45. Современный | 48. Хотеть | |

4.10.3. Гендерный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка

Сост. И.А. Стернин, А.В. Рудакова, Е.И. Колесникова / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство РИТМ, 2020. 198 с.

СЛОВНИК

- | | | |
|---------------|-----------------|----------------|
| 1. Автор | 18. Взять | 35. Женщина |
| 2. Бабушка | 19. Вид | 36. Известный |
| 3. Белый | 20. Видеть | 37. Измена |
| 4. Бог | 21. Власть | 38. Красный |
| 5. Большой | 22. Внимание | 39. Любовь |
| 6. Бояться | 23. Вода | 40. Молодой |
| 7. Брать | 24. Военный | 41. Мужчина |
| 8. Быт | 25. Возможность | 42. Надеяться |
| 9. Важный | 26. Война | 43. Ненавидеть |
| 10. Век | 27. Вопрос | 44. Обещать |
| 11. Великий | 28. Время | 45. Основной |
| 12. Верность | 29. Встреча | 46. Отношения |
| 13. Вернуться | 30. Выйти | 47. Последний |
| 14. Вести | 31. Высокий | 48. Разговор |
| 15. Вечер | 32. Дети | 49. Ревность |
| 16. Вещь | 33. Друзья | 50. Свидание |
| 17. Взгляд | 34. Думать | |

4.10.4. Территориальный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка

Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство РИТМ, 2020. 171 с.

СЛОВНИК

- | | | |
|------------|-----------------|-------------|
| 1. Белый | 9. Дверь | 17. Нога |
| 2. Бог | 10. Жена | 18. Ночь |
| 3. Бояться | 11. Закон | 19. Писать |
| 4. Вечер | 12. Земля | 20. Процесс |
| 5. Вода | 13. Имя | 21. Случай |
| 6. Глаз | 14. Интеллигент | 22. Стол |
| 7. Голова | 15. Мир | 23. Час |
| 8. Голос | 16. Мнение | |

Раздел 5

ПОРОЖДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ И ТЕКСТА

5. ПОРОЖДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ И ТЕКСТА

5.1. Исследования порождения и восприятия речи в отечественной психолингвистике

Т.В. Ахутина
Москва

Развитие российской психолингвистики тесно связано с теоретическим наследием Л.С. Выготского. По мере развития психолингвистики все новые повороты его мысли становятся актуальными и понятными в контексте современных исследований, новые кусочки мозаики встраиваются в общую картину. Проследим этот процесс на примере исследований порождения речи в отечественной науке и, в частности, на примере разработки модели порождения речи А.А. Леонтьева – Т.В. Рябовой-Ахутиной [Леонтьев 1969; 1997; Рябова 1967; Леонтьев, Рябова 1970; Ахутина 1975; 1989; 2008; 2016].

В основу модели легли следующие положения Л.С. Выготского.

Построение речи нужно рассматривать как речемыслительный процесс, как

«сложное динамическое целое, в котором отношение между мыслью и словом обнаружилось как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому» [Выготский 1982: 358]. В живой драме речевого мышления движение идет «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [там же].

Вслед за В. фон Гумбольдтом Л.С. Выготский полагал, что «различные по функциональному назначению формы речи имеют каждая свою особую лексику, грамматику и синтаксис» [цит. раб.: 337], и это относится к выделенным им планам речи. В частности, для внутренней речи характерны редуцированность фонетики, предикативность – речь «вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» (стр. 341), особый семантический строй – «преобладание смысла над его значением» (стр. 346), «агглютинация семантических единиц» (стр. 352). Интерпретируя данные Л.С. Выготским характеристики внутренней речи, Т.В. Ахутина в 1989 г. предположила, что

«единицы внутренней речи имеют двойственную природу – в основе их лежит значение слова (или другого знака...), нагруженное синпрактическими (образ ситуации) и (или) синсемантическими связями» [Ахутина 1989: 37].

Что общего между пониманием Л.С. Выготским речемыслительного процесса (и, соответственно, моделью Леонтьева – Ахутиной) и взглядами зарубежных исследователей на продуцирование речи в работах конца XX века? В нашей работе 1989 года, как и в учебнике А.А. Залевской [1999], выделено 5 признаков:

- 1) представление построения речи как многоуровневого процесса со специфической репрезентацией на каждом уровне;
- 2) разделение синтаксических и лексических операций, результаты которых объединяются с помощью «фрейм + слот» механизма;
- 3) разделение выбора значений слов и выбора форм слов и, соответственно, различных уровней синтаксиса;
- 4) принципиальное единообразие «фрейм + слот» механизмов разных уровней;
- 5) трактовка построения речи как взаимодействия прямых («сверху – вниз») и обратных связей, зависящего от конкурирующих стратегий.

Рассмотрим отличительные признаки модели Леонтьева–Ахутиной. Так как в ней наиболее разработана синтаксическая часть, обратимся к ней. В соответствии с эмпирическими данными, прежде всего, полученными при исследовании афазии [Лурия 1947; Рябова 1970; Ахутина 1975; 1989], и в согласии с концепцией речемышления Выготского в модели различается 3 уровня синтаксиса.

Самый глубокий синтаксис – **смысловой**. Он генетически связан с перемещением внимания [Брунер 1984] и отражает движение фокуса внимания в смысловом поле. С его помощью строятся бинарные предикативные структуры, где ситуативное поле внимания является подразумеваемым подлежащим (топик), а найденный фокус – сказуемым (коммент). Фокус выделен как фигура на фоне и может быть означен. Этот знак (внутреннее слово) становится именем ситуации в целом, его объективное значение дополняется ситуативным, вбирая в себя всю ситуацию, и превращается в *смысл*. В зависимости от ситуации общения этот смысл может быть развернут как иерархическая цепочка внутренних слов, как основа предложения или нарратива.

Смысловой синтаксис проявляется (выходит на поверхность) в однословных репликах участников диалога¹, в словах-предложениях у детей, при наиболее грубой форме нарушения синтаксиса при афазии (*Ну, лодырь / хоккей / пруд катался...*; *Радио – погода – дождь; «Цыган – телевизор – кино – [Ахутина 1989]. Следы смыслового синтаксиса видны в конструкциях разговорной речи с вынесением топика: «Книжный / я зайду» [Земская 1973]); в языках с «выдвижением топика» такие конструкции кодифицированы «Те деревья / стволы большие» [Ли, Томпсон 1982]. Только смысловая организация высказываний обнаружена в пиджин языках, как устных, так и никарагуанском «жестовом наречии глухих» [Бикертон 1983; Bickerton 1984; Kegl et al. 1999]; в конситуативной жестовой речи на производстве [Соболевский 1986]; в речи на поздних стадиях диссолюции сознания [Спивак 1986].*

Второй уровень синтаксиса – **семантический**. Ролевая грамматика позволяет строить структуры будущих предложений, отражающих объективные связи компонентов ситуации. Грамматическим минимумом этого синтаксиса у пациентов с афазией является различие функций «агенс – не агенс», к которому позже прибавляются противопоставления «агенс – действие», «агенс – объект». Грамматические различия передаются порядком слов [Ахутина 1989]. Исследователи детской речи также называют первое синтаксическое правило детей «Первое имя – агенс» [Slobin 1970; Bates 1976; Greenfield, Smith 1976; Pleh 1981; Nakuta 1982; Slobin, Bever 1982]. А.Н. Гвоздев приводит следующие примеры своего сына: «*Мама мася купать; Мама ниска цитац*» [Гвоздев, 1961]. Типично следующее исправление у пациентов с аграмматизмом: «*Хлеб... нет... мама... хлеб... нет... режет хлеб*» [Ахутина, 1989, с. 149].

Семантический синтаксис организует высказывания в креольских языках и никарагуанском жестовом языке, т.е. в языках второго поколения, выросшего в среде пиджина [Бикертон 1983; Bickerton 1984; Kegl et al. 1999]; в жестовой речи на производстве о не наглядной ситуации [Соболевский 1986]; в речи на средних стадиях диссолюции сознания [Спивак 1986].

Третий уровень синтаксиса – **формально-грамматический**, или **поверхностный**. Здесь используются фреймы синтаксических структур, свойственных данному языку, а их слоты заполняются лексическими единицами, возможно, в поморфемном представлении. Первое правило поверхностного синтаксиса, которое начинают последовательно применять пациенты с аграмматизмом, – падежное оформление прямого объекта [Ахутина 1989].

Насколько исследования в XXI веке подтвердили представление о трех синтаксисах? Отметим, что анализ языков без формально-грамматического поверхностного синтаксиса позднее был продолжен. Обзор исследований таких языков, языков с «линейной грамматикой» (linear grammar), сделан Р. Джекендоффом и Э. Виттенбергом [Jackendoff, Wittenberg 2017]. В обзор входят новые пиджины и креольские языки; речь при позднем овладении вторым

¹ В приводимом Л.С. Выготским примере реплики на трамвайной остановке контекст – ситуация ожидания трамвая – является подразумеваемым топиком, предикативность связывает его с комментом, который может быть выражен разными словами: наконец-то, идет, наш, трамвай – все они в этом контексте имеют один смысл и являются смыс-ловыми синонимами. Здесь мы видим особенность семантики внутренней речи – преобладание смысла над языковым значением.

Порождение и восприятие речи и текста

языком; деревенские жестовые языки, которые развиваются в изолированных сообществах с большим числом лиц с наследственной глухотой; выполнение обычными носителями языка неречевых заданий на передачу жестами или пантомимой содержания картинок, изображающих действия; понимание и порождение речи при афазии и при специфическом, грамматическом, недоразвитии речи. Отмечаются два вида языков с «линейной грамматикой». Для первого характерно отсутствие подчинения, минимум словоизменения или его отсутствие, отсутствие служебных слов, нестабильный порядок слов, зависящий от смысловой важности, известные из контекста названия персонажей действия опускаются. Второй вид опирается на линейный порядок выражения семантических ролей, при этом предпочтения по порядку удивительно стабильны. Авторы предполагают, что «линейная грамматика – это устойчивое явление, укоренившееся в мозгу современного человека. Оно обеспечивает основу, на которой могут развиваться полностью синтаксические языки» [цит. раб.: 223]. При первом виде линейной грамматики высказывания упорядочиваются на основе выделенности (saliency) его компонентов, часто первым упоминается агент действия. Закрепление первого места в предложении за агентом характерно для второго вида, что имеет место при креолизации пиджина. Эти признаки двух видов линейной грамматики хорошо соответствуют характеристикам смыслового и семантического синтаксисов в нашей модели.

Важные данные для верификации нашей гипотезы об использовании смыслового и семантического синтаксисов при порождении речи носителями языка содержит серия исследований роли визуального внимания в выборе структуры предложения Андрея Мячикова [Мячиков, Шеперс 2012; Myachukov, Tomlin 2008 и др.]. Эти исследования на материале четырех языков с устойчивым и свободным порядком слов показали, что референт, обладающий наибольшей визуальной выделенностью, маркируется в предложении позицией формально-грамматического субъекта и/или позицией исходной точки предложения. Фокусирование внимания на выделяющемся референте в зрительном поле есть операция смыслового синтаксиса с точки зрения нашей модели. По мнению А. Мячикова, она задействована на стадии формирования перцептивного плана с последующим переводом его в концептуальный [Мячиков, Шеперс 2012: 140–141]. В нашей модели выделение «главного» объекта автоматически влечет за собой его опознание и наименование и вызывает актуализацию ассоциативных связей и опознание модели ситуации, а использование правил семантического синтаксиса позволяет уточнить семантические роли участников ситуации. По А. Мячикову, от выбора попадающего в фокус внимания референта и определения его семантической роли зависит линейный порядок слов в предложении и выбор грамматической структуры. Таким образом, с обеих точек зрения выбор выделенного референта и определение его семантической роли предшествуют выбору грамматической структуры. В терминах нашей модели смысловой (прагматический) и семантический синтаксисы предшествуют формально-грамматическому синтаксису.

В табл. 1 представлена наша модель, которую по существу можно назвать моделью Л.С. Выготского – А.А. Леонтьева – Т.В. Ахутиной. Таблица взята из статьи [Ахутина 2008], она совпадает по содержанию с представлением модели в книге Т.В. Ахутиной [1989: 196] и в учебнике А.А. Залевской [1999: 219].

Таблица 1. Схема процесса порождения речи*

Мотив	
Преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего	
Смысловое синтаксирование	Выбор внутренних слов по значению
Семантическое синтаксирование	Выбор слов по значению
Поверхностное синтаксирование	Выбор слов по форме
Кинетическое программирование	Выбор артикулем

*Выходом *внутреннеречевого* уровня является цепочка:

((подразумеваемый топик – коммент1) – коммент2) – коммент3... ;

семантического уровня – структуры Агенс – Объект – ... – Действие;

поверхностного уровня – структуры S – P – O;

артикуляторного уровня – моторная программа синтагмы.

Слоты каждого уровня заполнены соответствующими единицами.

Описанная модель А.А. Леонтьева – Т.В. Ахутиной является лишь одной из возможных реализаций созданной А.А. Леонтьевым теории психолингвистики. В «Основах психолингвистики» он писал:

«Ниже дается подробное описание теории, изложенной в [Леонтьев 1969] и представляющей собой обобщение модели порождения, разработанной совместно с Т.В. Рябовой–Ахутиной. ...описываемая концепция является именно *теорией*, а не моделью порождения речи... она построена таким образом, что способна включать в себя различные модели порождения» [Леонтьев 2003: 113].

К числу принципиально близких моделей продуцирования речи можно отнести модель производства речи А.А. Залевской [1977; 1999], модель формирования и формулирования мысли И.А. Зимней [1985], модель речепорождения Т.В. Черниговской и В.Л. Деглина [1984]. Свой большой вклад в разработку вопросов порождения речи внесли в 80-90 гг. XX века Л.В. Сахарный [1989], И.Н. Горелов [1987], Ю.А. Сорокин [1985], Р.М. Фрумкина [1984]; В.Я. Шабес [1989]; Г.В. Ейгер [1990]; А.С. Штерн [1992] и многие другие. Идеи этих авторов из разных городов вошли в то понимание процессов понимания и порождения речи, которое нередко упоминается как московская школа психолингвистики. Однако более точным является ее название как «теории речевой деятельности» или как школы Выготского².

Выше мы описали работы по созданию моделей построения речи вплоть до конца XX века. Перейдем к работам последних 20 лет.

К началу XXI века общий фон научных исследований в психолингвистике (как и в других отраслях науки) изменился по сравнению с предыдущей четвертью века. С ростом числа компьютеров и развитием компьютерных технологий стала широко доступна мировая литература. Широко распространились и нейровизуализационные технологии, позволившие изучать работу мозга *in vivo*.

Когнитивная наука, делавшая крен в 70–80 гг. XX века в сторону антилокализации, под влиянием бурного потока работ с противоречивыми данными о локализации функций занялась методологией нейронаук и пришла к общему мнению о системной и динамической организации психических функций. В нашей стране эти принципы были рабочими благодаря работам Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, А.Р. Лурии, который развивал их вслед за Л.С. Выготским. В когнитивной нейронауке они развивались в «конструктивистском» направлении исследований, в рамках которого разработаны представления о «вероятностном эпигенезе» и важнейшей роли в развитии систем динамического взаимодействия различных факторов [Johnson 1997; Karmiloff-Smith 2002; Thelen 2002].

В XXI веке стала отчетливо видна тенденция к сближению когнитивной науки и подходов в отечественной психологии, таких как культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности. Это происходит в связи с тем, что обычная для когнитивной науки метафора познания как переработки информации техническим устройством все более уступает место пониманию того, что мыслит, воспринимает, запоминает, обращает внимание и принимает решения не система переработки информации, а человек как часть природы, социума и культуры.

В когнитивной науке лавинообразно растет число работ по «воплощенному познанию» (*embodied cognition*), «ситуативному (контекстно-обусловленному) познанию» (*embedded cognition*), по «эмоциональному познанию» и «распределенному познанию» (*distributed cognition*). Как пишет один из ведущих когнитивных психологов нашей страны М.В. Фаликман,

² Краткое изложение модели Леонтьева-Ахутиной дано О.В. Федоровой в ее статье 2020 г. в «Вопросах языкознания». К сожалению, описание модели, которая оценивается как «основное достижение отечественной психолингвистики», неполно и неточно [Федорова 2020: 117]. Она пишет о тема-рематическом членении внутренней программы, тогда как в модели говорится о членении топик-комментарий. Первое членение характерно, прежде всего, для предложений в письменной речи с максимумом информации в конце предложения. Организация топик-комментарий характерна для внутренней речи, разговорной речи, пиджина, максимально информативно здесь начало высказывания.

Порождение и восприятие речи и текста

«по мере того, как привычная для когнитивистов «система переработки информации» вновь обрывает плотью, обретает способность двигаться и переживать, встраивается в социальную среду и культурный контекст и, наконец, наделяется внутренней диалогичностью, которая, согласно взглядам Л.С. Выготского, имманентно присуща человеческому сознанию, происходит основательный пересмотр теорий и моделей познания, сложившихся за первые полстолетия существования когнитивистики» [Фаликман 2012: 35].

Тенденции в когнитивной науке к сближению разных наук: психологии, лингвистики, нейронаук, искусственного интеллекта, философии – способствовала также интеграция психолингвистики и смежных наук. Исследования речевых процессов с помощью нейровизуализации (функциональной МРТ, МЭГ) – это психолингвистика или психофизиология?

Приведу лишь один пример – исследование с помощью МЭГ (магнитоэнцефалографа) Т.А. Строгановой с соавторами из МГППУ и Курчатовского института [Butorina et al. 2017]. Они изучали актуализацию глаголов с помощью подсказки именем существительным, имеющим сильную (единственную) или слабую связь с глаголом. Испытуемый должен был прочитать существительное и ответить на вопрос: «Что он/она делает?». Например, *соловей... поет; бумага... мнется, горит, рвется*.

Фиксация зон активации в ходе ответа с очень высоким временным разрешением позволила показать мозговую динамику ответа. Так, чтение слова «начинается с низкоуровневого анализа зрительных признаков в затылочной коре (~ 100 мс), затем продолжается вдоль вентрального зрительного потока к более сложному анализу визуальной формы слова в левой задней затылочно-височной коре (~ 140 мс) и завершается устойчивой активностью в лексико-семантических областях левой височной и префронтальной коры примерно начиная с 200–250 мс и далее» [цит. раб.].

С той же подробностью описываются дальнейшие процессы, которые различаются в зависимости от силы ассоциативной связи имени существительного и глагола. В случае сильной связи успешный доступ к представлению глагола может происходить уже на этапе лексико-семантического анализа предъявляемого существительного. В этом участвуют левая височная доля и левая венстролатеральная префронтальная кора.

Казалось бы, наличие таких данных позволяет построить более детальные модели понимания и порождения речи, позволяет думать, что совмещение деталей в более общую цельную картину – дело ближайшего будущего. Однако выше неслучайно говорилось о новых направлениях в когнитивной науке: сейчас исследователи отчетливо настаивают на необходимости использования естественных стимулов при томографическом картировании когнитивных процессов.

Искусственные лабораторные стимулы (отдельные слова, статичные картинки предметов и т.п.) не отвечают требованиям экологической валидности, нужны более естественные стимулы, такие как фильмы или компьютерные игры. Именно при просмотре фильмов обнаружено высокое сходство динамики кровотока у испытуемых как в сенсорных областях коры, так и в префронтальной коре [Jääskeläinen et al. 2012]. В этой же работе авторы пишут, что одним из самых ярких результатов натуралистической нейронауки последних лет является демонстрация связи между активностью мозга собеседников в ходе реального взаимодействия [Stephens et al. 2010]. Близкая задача выявления с помощью ФМРТ нейронных коррелятов группового и индивидуального решения проблем была поставлена группой московских специалистов. Они сравнили активацию при решении перцептивных задач типа матриц Равена игроками команд игры «Что? Где? Когда?», когда они решали задачи или индивидуально, проговаривая решение вслух, или группой из трех человек [Shpurov et al. 2020]. Это тоже шаг к натуралистической нейронауке, к познанию человека как социально-го и культурного существа.

Как на этом фоне развивались модели порождения и понимания речи А.А. Леонтьева – Т.В. Ахутиной? Разработка затронула наиболее сложные для эмпирического анализа этапы мысли и внутренней речи. Они же были и наиболее дискуссионными.

В школе Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова отстаивалось представление о коде внутренней речи как универсально-предметном внутреннем коде (УПК) [Жинкин 1964; Горелов 1977; 2003]. Единицы этого кода – образы, которые составляют иерархическую структуру. Основное разногласие между школами Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова – динамичность или статичность единиц внутренней речи. По Л.С. Выготскому, смысл слова – «динамическое, текучее, сложное образование...», которое «вбирает в себя из всего контекста... интеллектуальные и аффективные содержания» [Выготский 1982: 346, 347]. Этот динамизм смыслов не обсуждался в школе Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова.

Не обсуждалась и предложенная Выготским двусторонняя характеристика плана мысли. Во-первых, динамическое развертывание мысли: «всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, имеет движение, течение, развертывание, устанавливает отношение между чем-то и чем-то, одним словом выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу». Во-вторых, целостность мысли: «Я вижу все это в едином акте мысли... Мысль всегда представляет собой нечто целое... *То, что в мысли содержится симультанно, в речи развертывается сукцессивно*» ([цит. раб.: 356], курсив Л.С. Выготского).

Более поздние данные позволили подтвердить эту характеристику мысли и уточнить, что задача развертывания мысли успешно решается при активном участии левого полушария с его аналитическим «предсказывающим» стилем работы, узкой фокусировкой семантической активации, а задача поддержания целостности мысли – правым полушарием с его холистическим, «интегративным» стилем работы, с широкой семантической активацией, включающей релевантные текущей ситуации эмоционально окрашенные знания о мире [Federmeier, Kutas 1999; Beeman 1998; Jung-Beeman 2005; Fassbinder, Tompkins 2006; Abdul Sabur et. al.: 2014].

Ранее А.Р. Лурия писал о «речевой адинамии» при поражении передних отделов левого полушария и о том, что речь больных с очагами поражения в правом полушарии легко «отклоняется от курса» [Лурия 2008]. Аналогично Б.И. Белый [1986], изучавший рассказ по серии картинок пациентов с опухолями левой и правой лобных долей, отмечал, что ошибки левого типа связаны с ослаблением речевой активности, тогда как ошибки правого типа связаны с фрагментарностью и общей тенденцией к конфабуляторным построениям. Эти выводы были подтверждены и в нашем анализе передачи смысла картинок детьми 5–7 лет [Ахутина и др. 2007; 2009].

25 детей, посещающих детский сад, и 21 первоклассник составляли предложения по 10 картинкам и рассказ по серии картинок «Мусор» [Фотекова, Ахутина 2002]. Все дети проходили нейропсихологическое обследование [Ахутина и др. 2012]. На его основе были выделены 2 группы детей: 19 детей с относительной слабостью функций левого полушария (ЛП) и 15 детей со слабостью функций правого полушария (ПП). При анализе текстов мы обнаружили два типа смысловых ошибок: неполное раскрытие смысла и искаженная передача смысла. Например, составляя предложение по картинке, где изображен мальчик, уступающий место старушке в трамвае, дети могли сказать: «Мальчик и бабушка едут в трамвае» (неполнота смысла) или «Бабушка приглашает мальчика в гости» / «Старушка дает мальчику пирожное» (искажение смысла ситуации).

Дети со слабостью функций ЛП делали преимущественно ошибки по типу неполноты (29% – в составлении предложений, 50% – в рассказе при 69% и 45% правильных ответов). Дети со слабостью функций ПП допускали и ошибки неполноты и, главным образом, ошибки по типу искажения (12% и 27% по типу неполноты, 15% и 60% по типу искажения при 73% и 13% правильных ответов соответственно в предложениях и рассказах). Эти результаты были подтверждены и на большей выборке [цит. раб.].

Полученные результаты поставили вопрос, как могут быть совмещены процессы сукцессивного развертывания и процессы обогащения и удержания целостного смысла. В упомянутой выше статье 2012 года «Текст и контекст» мы писали, что за приемом сенсорной ин-

формации (анализом картинки) следуют автоматические правополушарные процессы выбора *модели ситуации* – активации широкой ассоциативной семантической сети, дополняемой смысловыми догадками, смысловыми выводами. Так создается *поле внимания*. В этом поле последовательно выделяются *фокусы внимания* с их более узкими семантическими связями (функции левого полушария).

Вскоре исследовательница архива Л.С. Выготского Е.Ю. Завершнева опубликовала записи Л.С. Выготского о «смысловом поле» [Завершнева 2015]. Дополнительно новые записи были опубликованы в главе «Смысловое поле: полемика с Куртом Левином» в книге «Записные книжки Л.С. Выготского», выпущенной в 2017 году под редакцией Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера [Завершнева, ван дер Веер 2017]. Понятие смыслового поля многое проясняет в понимании Л.С. Выготским внутренней речи и протекании речемыслительного процесса. Приведем несколько важных цитат из этой книги:

«Внутренняя речь дает для речи *то же самое*, что речь для внешнего действия, т.е. новое поле и новую «систему свободы» в речевом поле: произвольность речи и осознание ее (теория стекла), направление ее и регулирование (например, во время доклада) возникает отсюда. Ср. во время длинной речи (внешней) – там внутри у меня есть тематика ее, заглавия, симультанно *слитые* в одном слове (влияние смыслов), мысли, облака над дождем, есть – <нрзб> *внутреннее речевое поле*... Если бы внутренняя речь была построена по тем же законам, что и внешняя (речь минус звук, слепок), она не могла бы выступать в функции *внутреннего независимого поля*, так же как речь, прямо отражающая внешнее действие и ситуацию без отлета от нее. Внутренняя речь – новый отлет от речи, новая ступень абстракции» ([цит. раб.: 343], курсив Л.С. Выготского).

«*Nur-Gedachtes* (только мыслимое) Köhler'a и есть смысловое поле – с одним различием: для Köhler'a оно есть *представления*, для нас понятия, обобщения» (цит. раб.: 467). «Внутренняя речь – непрерывно создает поля смыслов, *psychisches Feld* (психологическое поле (нем.)), отличные от ситуации внешней; *в этом сила абстракции и свободы* – мы бессильны изменить силовое поле и *внешний Aufforderungscharakter* (характер требования (нем.)), термин Левина и Коффки), но изменяя *внутреннее поле*, меняем действие на нас и извне ([цит. раб.: 395], курсив Л.С. Выготского).

«... главное психологическое свойство слова: то, что оно в <значениях> может представлять *поле*, т.е. создавать *эквивалент восприятия в мышлении*... ([цит. раб.: 394], курсив Л.С. Выготского).

Из этих цитат следует, что единица смысловых полей – смысл – является одновременно и понятием, и образным гештальтом = эквивалентом восприятия в мышлении, т.е. «динамическим, текучим, сложным образованием», где исходное значение (понятие) «вбирает в себя из всего контекста... интеллектуальные и аффективные содержания» [Выготский 1982: 346, 347].

Эти идеи Л.С. Выготского созвучны современным идеям о «воплощенном познании», в соответствии с которыми понимание речи – это не манипулирование абстрактными символами, скорее, оно является мысленным моделированием событий путем реактивации следов более раннего опыта [Barsalou 2003].

Для доказательства использования сенсомоторных репрезентаций значений слов при понимании речи были проделаны простые эксперименты на верификацию связи «предложение – картинка». В одном из них испытуемым предъявляли предложения, такие как «*Яйцо в коробке*» или «*Яйцо на сковороде*», а среди картинок – целое яйцо или желток. Время верификации было значимо короче при предъявлении соответствующей картинки, что поддерживает теорию сенсомоторной репрезентации значения в сравнении с теорией амодальной символической репрезентации [Zwaan, Pecher 2012]. Это вполне согласуется с мыслью Выготского о значении слова как «эквиваленте восприятия в мышлении».

Для прояснения идей Выготского о том, что значение слова может быть полем, что внутренняя речь – это смысловое поле, обратимся к современным работам по пониманию речи. Наши коллеги за рубежом единогласно утверждают, что на заключительном этапе понимания читающий или слушающий строит *Модель ситуации* [Van Dijk, Kintsch 1983], или

ментальную модель [Johnson-Laird 1983], того, что описывается в тексте [ср. Шабес 1989]. При этом большинство авторов согласно, что процесс понимания начинается с репрезентации поверхностной структуры текста, затем слушатель / читатель генерирует пропозиционную репрезентацию семантического содержания и, дополняя ее, конструирует аналоговую *Модель ситуации, описываемой в тексте* [Weaver et. al. 1995; Zwaan, Radvansky 1998; Schnotz, Banner 2003].

Таким образом, создание *Модели ситуации* предполагает объединение вербальной семантической структуры и аналоговой зрительной или полимодальной перцептивной репрезентации [Barsalou 2008; Zwaan 2016]. По мере знакомства с текстом символическая репрезентация и сенсомоторная репрезентация взаимодополняют и ограничивают друг друга. Обе они предполагают активацию ассоциативных связей в долговременной памяти, т.е. актуализацию инференционных выводов, или выводного знания (inferences) [Johnson-Laird, Byrne 1991; Graesser et al.: 1994; Kintsch 1998; Zwaan, Madden 2005]. В результате строится цельный осмысленный *гештальт модели ситуации*, в которой персональный опыт и его эмоциональная оценка также играют важную роль [Bartlett 1932; Kneepkens, Zwaan 1994, Zwaan 2016].

В соответствии с концепцией «воплощенного» понимания (embodied comprehension) понимание включает в себя мультимодальное моделирование (simulation), т.е. процесс извлечения перцептивных, моторных и аффективных знаний понимающего через реактивацию мозговых структур, ответственных за восприятие, действие и эмоции [Barsalou 2003; Zwaan & Madden, 2005; Meteyard, 2012; Kurby, Zacks, 2013; Chow et al., 2014, 2015; Zwaan, 2016]. Было показано, что прошлый опыт понимающего в отношении сцен и действий, описываемых в текстах, избирательно модулирует функциональные связи между низшими и высшими отделами областей, отвечающих за зрительные или моторные процессы. Такие интрамодальные взаимодействия играют важную роль в интеграции личных знаний об описываемой ситуации с возникающей репрезентацией содержания текста [Chow et al. 2014].

Эти положения хорошо совместимы с идеями отечественной психологии речи, где процесс понимания текста рассматривается как смысловое восприятие, как переход от слова к смыслу [Выготский 1982; Лурия 1975; 1979; 2004; Леонтьев 1969; 1997; 2001; Зимняя 1976; Сорокин 1985; Мурзин, Штерн 1991; Залевская 1999]. В 1934 году, в «Мышлении и речи» Л.С. Выготский писал, что полное понимание речи собеседника возможно только при понимании его мысли и его мотивов [Выготский 1982: 357]. Две стороны мысли, динамическое развертывание и целостный симультанный гештальт, составляют «смысловое поле». В работе 1935 года «Проблема умственной отсталости» Л.С. Выготский вслед за гештальт-психологами пишет, что интеллектуальный акт заключается в изменении структурных отношений в поле: «структуры поля скачкообразно изменяются, происходит группировка целых внутри них» [Выготский 1983: 233]. Изменение структуры поля происходит через создание целого по типу гештальта, когда два разделенных факта становятся частями единого целого или первичное целое расщепляется на самостоятельные области [цит. раб.: 240]. Вот эта возможность образования гештальтов в смысловом поле и является основой цельности смысла, начального и конечного пункта построения и понимания речи.

Л.С. Выготский писал, что во внутренней речи слово становится носителем содержания, далеко выходящего за пределы значения слова. Аналогично один из известных современных исследователей понимания речи R. Zwaan пишет, что при использовании слова, в частности абстрактного слова, в модели ситуации его текущее значение определяется ситуацией (its current meaning is instantiated by the situation). Оно может служить как указателем в памяти на предшествующую информацию, представленную сенсомоторной репрезентацией, так и быть использовано в качестве метки (placeholder) в рабочей памяти для накопления последующей информации о ситуационной конкретизации (situational instantiation) [Zwaan 2016].

Обратим внимание на сходство в устройстве внутренней речи и модели ситуации текста. Смыслы во внутренней речи, кроме языкового значения, несут ситуационно-личностное значение, они представлены вместе в смысловом поле. Модель ситуации объединяет пропозициональную вербальную структуру и аналоговую перцептивную информацию, словесные значения наполняются ситуативным содержанием через инференционные связи, включая перцептивные репрезентации. Таким образом, значение слова (символа) выступает во внутренней речи, или, в терминологии когнитивной науки, в ментальной модели ситуации текста как двуликий Янус, одна сторона которого обращена к языковым системам, а другая – к ситуативным ассоциациям, составляющим вместе «динамическое смысловое целое».

Л.С. Выготский придавал особое значение динамизму смыслового поля, которое возникает у ребенка на основе зрительного поля. Он писал:

«Поле восприятия организуется у ребенка вербализованной функцией внимания... Благодаря этому обстоятельству возникает возможность совместить в едином поле внимания фигуру будущей ситуации, составленную из элементов прошлого и настоящего сенсорного поля. И поле внимания, таким образом, охватывает не одно восприятие, но целую серию потенциальных восприятий, образующих общую раскинутую во времени сукцессивную динамическую структуру. Переход от симультанной структуры зрительного поля к сукцессивной структуре динамического поля внимания совершается в результате перестройки – на основе включения речи – всех основных связей между отдельными функциями, участвующими в операции: поле внимания отделяется от поля восприятия и развертывается во времени, включая данную актуальную ситуацию, как один из моментов динамической серии» [Выготский 1984: 48].

Теоретическая концепция «смыслового поля» и «динамического поля действия» Л.С. Выготского далеко опередила современную ему науку. Теория поля Курта Левина продолжала жить в социальной психологии и психотерапии, а теория поля Л.С. Выготского стала предметом рассмотрения только в работах по истории психологии ([Завершнева 2015], см. также [Ахутина 2016]). Тем не менее, понятие поля использовалось в физиологии человека. Н.А. Бернштейн ввел понятие «моторное поле»³ в статьях 1935 года, он использовал понятия «пространственное поле», «сенсорное поле», «силовое поле» в своих книгах 1947 и 1966 годов. Сейчас идеи Н.А. Бернштейна стали классическими, он признан предтечей кибернетики, родоначальником важного научного направления – теории динамических систем⁴.

В рамках этого направления возникли формальные теории поля, такие как «теория динамического нейронного поля моторного программирования» [Schöner et al. 1997] или «Модель динамического поля» сенсомоторного действия Esther Thelen и ее сотрудников [Thelen, Smith 1994; Thelen et al. 2001] и др. Полученные ими результаты поддерживают точку зрения на воплощенное познание, отображая ментальные события, участвующие в восприятии, планировании, принятии решений и запоминании на том же аналоговом динамическом языке, который используется для описания телесных движений, так что они непрерывно могут быть сцеплены (meshed). Они утверждают, что «такое сцепление представляет собой познавательный акт «познания» не только в младенчестве, но и в повседневной деятельности на протяжении всей жизни» [Thelen et al. 2001: 1].

О возможности создания модели динамического поля с включением семантики Thelen и соавторы пишут следующее:

«Теоретически мы считаем, что модели динамического поля в принципе могут быть расширены и продолжены, чтобы охватить семантику решений о действиях, а также их пространственные аспекты. Основное предположение здесь заключается в том, что такой семантический контент должен быть

³ Моторное поле – полимодальный образ пространства, освоенного субъектом в процессе реализации движения (по Н. А. Бернштейну) [БПС].

⁴ О теории динамических систем и шире о воплощенном познании см. [Мадни, Спиридонов 2018; Логинов, Спиридонов 2017 а, б.].

представлен в тех же текучих, непрерывных и временных пространствах, что и те, которые объединяют множественные вклады в решение задачи пространственного достижения с ошибками А-не-Б» [Thelen et al. 2001: 31].

Но ведь именно это и имел в виду Выготский, говоря, что «смысл» и значение слова могут быть представлены как поле.

Можно думать, что у Выготского значения слов репрезентированы не только статически в иерархии понятий и галерее «образ – слово», но и динамически как поле, что является точкой соприкосновения его идей и воплощенного познания. Будем надеяться, что понятия «смысл» и «динамическое смысловое поле» Л.С. Выготского будут востребованы современной наукой.

Литература

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии (К вопросу о механизмах построения связного грамматического высказывания). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 144 с.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1989. 218 с.

Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967-2015 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи. Под ред. Т.В. Ахутиной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79–104.

Ахутина Т.В. Роль правого полушария в построении текста // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М., 2009. С. 5–26.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 422.

Ахутина Т.В. Смысл, смысловое поле и модель ситуации текста. «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам». Часть 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и проблемам коммуникации, 23–26 мая 2016. М.: Изд-во «Канцлер», 2016. С. 19–24.

Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А. Анализ смысловой стороны речи у детей 5-7 лет // Школа здоровья. 2007. №2. С. 31–36.

Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А. Анализ смысловой стороны речи у детей 5–7 лет с точки зрения концепции речемышления Л.С. Выготского // Система языка и языковое мышление / под ред. Е.Ф. Кирова и Г.М. Богомазова. М.: «Либроком», 2009. С.162–173.

Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А. Текст и контекст: роль левого и правого полушарий мозга в построении высказывания // Когнитивные исследования. Вып. 5. М., 2012. С. 209–229.

Белый Б.И. Об особенностях толкования сюжетных картинок больными с опухолями левой и правой лобных долей // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М.: Наука. 1986. С. 103–112.

Бернштейн Н.А. Проблема взаимоотношения координации и локализации // Архив биологических наук. 1935. Т. 38. №1. С. 39–78.

Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 255 с.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Издательство «Медицина», 1966. 349 с.

Бикертон Д. Креольские языки // В мире науки. 1983. № 9. С. 80–88.

Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур. 2012. 308 с.

БПС – Большой психологический словарь / Сост. и ред. Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко. М., 2009.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М, 1984. С. 21–49.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч., т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

Выготский Л.С. Собр. соч., т. 5. М.: Педагогика, 1983.

Выготский Л.С. Собр. соч., т. 6. М.: Педагогика, 1984.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. 471 с.

Порождение и восприятие речи и текста

- Горелов И.Н.* Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. Т.36. 1977. С. 165–176.
- Горелов И.Н.* Вопросы теории речевой деятельности. Таллинн, 1987. 190 с.
- Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
- Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990. 183 с.
- Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964, №6. С. 26–38.
- Завершинева Е.Ю.* Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского. Вопросы психологии, 2015. № 4. С. 119–135.
- Завершинева Е., ван дер Веер Р.* (ред.) Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное. М.: Канон, 2017. 608 с.
- Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. 382 с.
- Земская Е.А.* (ред.) Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976. С. 5–33.
- Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985. 160 с.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997/2003. 285 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. М.: Смысл, 2001. 380 с.
- Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи. Тбилиси, 1970. С. 27–32.
- Ли Ч.Н., Томпсон С.А.* Подлежащее и топик: Новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982. С. 193–235.
- Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф.* Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // Вестн. СПбГУ. Психология и педагогика. 2017а. Т. 7. Вып. 1. С. 25–42.
- Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф.* Воплощенное познание (embodied cognition): основные направления исследований // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017б. Т. 7. Вып. 4. С. 343–364.
- Лурия А.Р.* Травматическая афазия. М. 1947. 368 с.
- Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы. Т.1. М.: Изд-во АПН, 1963. 479 с.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 253 с.
- Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1969; Дополненное издание: СПб.: Питер, 2008. 624 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание (под ред. Е.Д. Хомской). М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
- Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. М.: Питер, 2004. 320 с.
- Мадни А.О., Спиридонов В.Ф.* Радикальный подход к воплощенному познанию: теория динамических систем. Рос. журнал когнитивной науки, 2018, т. 5, № 3, С. 37–55.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 171 с.
- Мячиков А.В., Шеперс К.* Роль визуального внимания в выборе структуры предложения при порождении речевого высказывания // Когнитивные исследования. Вып. 5. М., 2012. С. 138–163.
- Рябова Т.В.* Механизм порождения речи по данным афазиологии // Вопросы порождения речи и обучения языку. М. 1967. С. 194–205.
- Рябова Т.В.* Психолингвистический и нейропсихологический анализ динамической афазии: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1970.
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989. 180 с.
- Соболевский И.А.* Кинетическая речь на производстве // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 107–133.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. 168 с.
- Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986. 90 с.
- Фаликман М.В.* Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3. С. 31–37.
- Федорова О.В.* Отечественная психолингвистика: вчера, сегодня, завтра (субъективные заметки об изучении механизмов порождения и понимания речи). Вopr. языкозн., 2020. № 6, С. 106–129.

Раздел 5

Фотекова Т.А., Ахутина Т.В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ, 2002. 136 с.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984. 175 с.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Труды по знаковым системам. Вып.17. Тарту, 1984. С. 48–67.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989. 175 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). СПб., 1992. 236 с.

Abdul Sabur N.J., Xu J., Liu S., Chow H.M., Baxter M., Carson J., Brown A.R. (2014). Neural correlates and network connectivity underlying narrative production and comprehension: A combined fMRI and PET study. *Cortex*, 57, 107–127.

Barsalou L.W. Situated simulation in the human conceptual system. *Lang Cogn Process* (2003)18: 513–562.

Barsalou L.W. Grounded cognition. *Annual Review of Psychology*, 2008; 59: 617–645.

Bartlett F.C. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1932.

Bates E. *Language and context: the acquisition of pragmatics*. NY: Academic Press, 1976.

Beeman M. Coarse semantic coding and discourse comprehension // *Right Hemisphere Language Comprehension: Perspectives from Cognitive Neuroscience* (Beeman M. & Chiarello C., eds.), 1998, Erlbaum, p. 255–84.

Bickerton D. The language bioprogram hypothesis // *The behavior and brain sciences*. 1984. Vol. 7. N 2.

Butorina A.V. Pavlova A.A., Nikolaeva A.Y., Prokofyev A.O., Bondare, D.P., Stroganova, T.A. (2017) Simultaneous Processing of Noun Cue and to-be-Produced Verb in Verb Generation Task: Electromagnetic Evidence. *Front. Hum. Neurosci.*, 30 May 2017. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00279>

Chow HM, Mar RA, Xu Y, Liu S, Wagage S., Braun A.R. Embodied Comprehension of Stories: Interactions between Language Regions and Modality-specific Neural Systems. *J Cogn Neurosci* (2014): 26:2 79–295.

Chow, H.M., Mar, R.A., Xu, Y, Liu, S., Wagage, & Braun, A.R.. Personal experience with narrated events modulates functional connectivity within visual and motor systems during story comprehension. *Human Brain Mapping*, (2015). 36: 1494–1505.

Fassbinder W., Tompkins C.A. Hemispheric differences in word meaning processing: Alternative interpretations of current evidence // *Aphasiology*, 2006. Vol. 20. PP. 110–122.

Federmeier K.D. and Kutas M. Right words and left words: Electrophysiological evidence for hemispheric differences in meaning processing, *Brain Research and Cognitive Brain Research* 8 (1999), 373–392.

Graesser A. C., Singer M., Trabasso T. Constructing inferences during narrative text comprehension. *Psychological Review*, 1994, vol. 101 (3), 371–395.

Greenfield P.M., Smith J.H. *The structure of communication in early language development*. N.Y., 1976.

Hakuta K. Interaction between particles and word order in the comprehension and production of simple sentences in Japanese children. *Developmental psychology*, 1982. Vol. 18, No. 1, 62–76.

Jackendoff R., Wittenberg E. Linear grammar as a possible stepping-stone in the evolution of language. *Psychon Bull Rev* (2017) 24, 219–224.

Jääskeläinen Lauri Nummenmaa, Enrico Glerean, Mikko Viinikainen, Iiro P Jääskeläinen, Riitta Hari, Mikko Sams. Emotions promote social interaction by synchronizing brain activity across individuals. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, 109, 24.

Johns C.L., Kristen M., Tooley K.M. and Traxler M.J. Discourse Impairments following Right Hemisphere Brain Damage: A Critical Review. *Language and Linguistics Compass*. 2/6 (2008): 1038–1062,

Johnson M. *Developmental cognitive neuroscience*, Blackwell Science, 1997.

Johnson-Laird P.N. *Mental models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

Johnson-Laird P.N., and Byrne R.M.J. *Deduction*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991.

Jung-Beeman M. Bilateral brain processes for comprehending natural language // *Trends in Cognitive Sciences*, 2005. Vol. 9, PP. 512–518

Порождение и восприятие речи и текста

- Karmiloff-Smith A.* Development itself is the key to understanding developmental disorders. In: *Brain development and Cognition. A Reader.* Blackwell Publishers. 2002. Pp. 375–391.
- Kegl J., Senghas A., Coppola M.* Creation through contact: Sign language emergence and sign language change in Nicaragua. In: M. DeGraff (Ed.), *Language creation and language change.* Cambridge, MA: MIT Press, 1999. Pp. 179–238.
- Kintsch W.* Comprehension: A paradigm for cognition. New York: Cambridge University Press, 1998.
- Kneepkens E.W.E.M. and Zwaan R.A.* Emotions and literal text comprehension. *Poetics* (1994), 23, 125–138.
- Kurby C.A., Zacks J.M.* The activation of modality-specific representations during discourse processing. *Brain and Language*, 2013, 126, 338–349.
- Myachykov A., Tomlin, R.S.* Perceptual priming and structural choice in Russian sentence production. *Journal of Cognitive Science*, 2008, 6 (1), 3–48.
- Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G.* Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*, 2012, 48(7), 788–804.
- Pléh C.* The role of word order in the sentence interpretation of Hungarian children. *Folia Linguistica*, 1981, Vol. 15, No. 3–4, 331–344.
- Schnotz W., Banner M.* Construction and interference in learning from multiple representation. *Learning and Instruction* 13 (2003) 141–156.
- Schöner G., Kopecz K. Erhagen W.* The dynamics neural field theory of motor programming: Arm and eye movements. In: *Self-organization, computational maps, and motor control*, eds. P. G. Morasso & V. Sanguineti. Elsevier-North Holland. 1997.
- Shpurov I.Y., Vlasova R.M., Rumshiskaya A.D., Rozovskaya R.I., Mershina E.A., Sinitsyn V.E., Pechenkova E.* Neural Correlates of Group Versus Individual Problem Solving Revealed by fMRI. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2020. Vol. 14. No. 290. P. 1–18.
- Slobin D.I.* Universals of grammatical development in children. // G.B. Flores d'Arcais, W.C.M. Levelt (eds). *Advances in psycholinguistics.* Amsterdam, 1970.
- Slobin D.I., Bever T.G.* Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections. *Cognition*, 1982, Vol. 12, No. 3, 229–265.
- Stephens G.J., Silbert L.J., Hasson U.* Speaker–listener neural coupling underlies successful communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2010, 107, 14425–14430.
- Thelen E.* Self-organization in Developmental Processes: Can Systems Approaches work? In: *Brain development and Cognition. A Reader.* Blackwell Publishers. 2002. Pp. 336–374.
- Thelen E., and Smith L.* (eds.), *A Dynamic Systems Approach to Development: Applications*, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994.
- Thelen E., Schöner G., Scheier Ch., Smith L.B.* The Dynamics of Embodiment: A Field Theory of Infant Perseverative Reaching. *Behavioral and Brain Sciences*, 2001, 24(1): 1–34.
- Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press, 1983.
- Weaver C.A., Mannes S., Fletcher C.R.* (Eds.). *Discourse comprehension: Essays in honor of Walter Kintsch.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Association, 1995.
- Zwaan R.A.* Situation models, mental simulations, and abstract concepts in discourse comprehension. *Psychol. Bull. Rev.*, 2016.
- Zwaan R.A., Madden C.J.* (). Embodied sentence comprehension. In D. Pecher & R. A. Zwaan (Eds.), *Grounding cognition: The role of perception and action in memory, language, and thinking.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 224–245.
- Zwaan R.A., Pecher D.* Revisiting Mental Simulation in Language Comprehension: Six Replication Attempts. *PLoS ONE*, 2012, 7 (12): e51382.
- Zwaan R.A., Radvansky G.A.* Situation models in language comprehension and memory. *Psychol. Bul.*, 1998, 123: 162–185.

**5.2. Очерк деятельности Лаборатории психологии речи и психолингвистики
в Институте психологии РАН**

Т.Н. Ушакова
Москва

Лаборатория психологии речи и психолингвистики в составе Института психологии РАН была организована в марте 1983 года по предложению Т.Н. Ушаковой, одобренному директором Института Б.Ф. Ломовым.

Т.Н. Ушакова была назначена также заведующей новой Лабораторией. На этой должности Т.Н. Ушакова работала почти 20 лет, после чего заведующей стала Н.Д. Павлова. Лаборатория продолжает свое существование до настоящего времени.

В определении понятия «психолингвистика» мы следуем традиции, заложенной организаторами конференции 1953 г. в США, где было положено начало науке психолингвистике. В конференции участвовали лингвисты, психологи, физиологи, математики, что соответствовало задаче комплексного подхода к научному исследованию речи и других высших психических процессов человека. Был также предложен соответствующий термин «психолингвистика» [Bates, Devescovi, Wulfeck, 2001].

В Лаборатории психологии речи и психолингвистики за время ее деятельности было подготовлено 7 кандидатских диссертаций (Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой, Н.С. Жуковой, В.В. Латынова, Н.А. Алмаева, Л.А. Шустовой, В.А. Цепцова) и 2 докторских диссертации: Н.Д. Павловой «Коммуникативный аспект речи» и Н.А. Алмаева «Элементы теории значения».

За время работы Лаборатории было издано 19 авторских монографий, коллективных монографий, сборников, глав в книгах и учебниках, один учебник для вузов [Психолингвистика 2006], осуществлялось редактирование коллективных монографий и сборников, 4 сборника подготовлены совместно Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой по материалам совместно организованных и проведенных конференций и симпозиумов.

В Лаборатории психологии речи и психолингвистики в теоретическом и экспериментальном планах разработан ряд исследовательских тем. По необходимости здесь будет кратко изложена лишь часть из них.

Предварительно к их описанию отметим особенности структуры нормального речевого акта. Структура речевого акта включает двух и более участников общения. Основными компонентами акта общения являются: говорение одного из партнеров и понимание речи со стороны слушающих. Эти компоненты качественно различны: при говорении произносятся слова (материальный продукт), при слушании – понимание сказанного (ментальный продукт). Взаимодействие этих компонентов при научном анализе этого процесса остается необъяснимым: как это происходит?

Из этого обстоятельства возникает необходимость объяснения ситуации взаимодействия материального и ментального. Это – вариант так называемой «малой психофизической проблемы». В настоящее время предложены гипотезы ее решения [Иваницкий 1997; Соколов 2004; 2010], которые мы рассмотрим в заключительной части раздела.

Сейчас обратимся к результатам наших исследований.

Довольно продуктивным оказался круг исследований, направленных на изучение механизмов психических процессов. Понятие механизмов может при этом пониматься в различных смыслах: как выявление реакций мозга, связанных с течением психического процесса, или как изменение течения психического процесса, связанное с организацией других процессов нервной системы. Существуют и другие варианты психофизиологических исследований: например, в ситуации обучения. Ниже приводятся примеры исследований 1-го и 2-го типа, проведенные в Лаборатории.

Порождение и восприятие речи и текста

Примером работы 1-го типа явилось исследование [Ушакова, Свидерская, Шустова 1983], в котором выявлялись мозговые зоны коры головного мозга человека, решающего психологическую задачу. Эта работа была передовой для своего времени. Она явилась ранней предтечей исследований мозгового картирования, возникшего в мировой науке много позднее.

В оригинальной методике, разработанной в соответствии с целями эксперимента нашей работы, испытуемый решал задачи оперирования словесным материалом. Так, например, ему предъявлялось существительное *учитель*, затем по инструкции требовалось образовать от него однокоренной глагол (*учит*), затем – дополнение (*учеников*). Далее из этих трех слов испытуемый должен был составить предложение: *учитель учит учеников*. Все моменты решения задачи в отдельной серии тщательно хронометрировались. Это давало экспериментатору возможность в ходе опыта достаточно точно знать характер психологического процесса, происходящего в разные моменты времени в течение эксперимента.

В момент опыта на голове испытуемого помещалось 48 электродов, через которые регистрировалась мозговая активность в разных точках мозговых зон. Для расшифровки физиологических данных использовался метод академика М.Н. Ливанова [Ливанов 1972]. Результаты М.Н. Ливанова позволяют характеризовать соответствие частоты электрических колебаний и активности мозговых структур.

Полученные в нашей работе результаты показали многие новые стороны протекающего процесса словесного характера. Обнаружилось, что процесс не имеет строго локального характера, а протекает с охватом многих участков коры головного мозга человека. Вместе с тем при работе испытуемого в разные моменты течения психического процесса наблюдается перемежающиеся активация преимущественно то одних, то других зон коры головного мозга испытуемого: зрительных – двигательных.

Тщательно разработанная оригинальная методика обеспечила получение достаточно богатых результатов, обладающих несомненной новизной. Это дало возможность Л.А. Шустовой по материалам работы успешно защитить кандидатскую диссертацию на Ученом совете Института психологии РАН [Шустова 1984].

Другая работа по исследованию механизмов психических процессов опирается на функционирования «вербальной сети». Было разработано принципиально новое предположение о соотношении вербальной семантики с физиологическими процессами в вербальной сфере. Предполагалось, что «вербальная сеть», активизируется своими узлами в соответствии с семантикой протекающей речи. Это можно показать на примере слов-омонимов, обеспечивающих адекватную мозаику активации в «вербальной сети» элементов [Ушакова, Павлова 1981].

Если слово имеет два или более значений, то оно входит в два или более семантических поля (контекста). Например, если многозначное слово *лук* (омоним) имеет значение овоща, то в «вербальной сети» активизирован узел, включающий слова *свекла, картошка, грядка, огород* и т. п. Если слово имеет значение старинного вида оружия, то активизируется узел со словами *колчан, щит, сражение* и др.

В процессе речевого общения под влиянием контекста и т.п. активизируется один из узлов «вербальной сети», что приводит к осознанию многозначного слова лишь в одном из нескольких его значений: В эксперименте испытуемым предъявлялись предложения, попеременно включающие омонимы то в одном, то в другом значении. Для характеристики состояния активности в узлах вербальной сети использовался метод тестирования, разработанный проф. Е.И. Бойко [Бойко 2002: 103].

Метод состоит в том, что в разные моменты течения психического процесса экспериментатор подает испытуемому экстренный сигнал, на который испытуемый отвечает по инструкции максимально быстрой двигательной реакцией нажима на ключ. Чем выше активность тестируемого участка, тем короче ответная реакция испытуемого. Осуществляя многократное тестирование разных участков и в разные моменты текущего процесса, экспериментатор получает картину нейродинамики семантического процесса.

Результаты измерений показали, что активность в зонах актуального значения слова выше, чем в зонах их латентного, неактуального значения.

Это говорит о том, что осознание конкретного значения слова происходит в результате активации определенного участка «вербальной сети». Полученные результаты свидетельствуют, что избирательная активация того или иного участка «вербальной сети» приводит к осознанию значения данного слова.

В Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН разработан оригинальный метод, помогающий повысить надежность и удобство анализа текстов, которыми люди обмениваются в общении. Этот метод получил название *интен-анализа*.

Метод был разработан в Лаборатории в 1990-е годы с целью охарактеризовать речевые приемы, какими пользуются политики в своих выступлениях, и объяснить способы использования слова в практической жизни, позволяющие человеку более успешно через речь оказывать влияние на слушающих. Задача помощи людям, профессионально выступающим в публичной аудитории, сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Материалом для нашего исследования послужили тексты выступлений российских политических лидеров, опубликованные в современных средствах массовой информации [Слово ... 2000: 5–40]. Использовались тексты конфликтных политических дискуссий, проходивших в нашей стране в 1994 г. преимущественно в связи с чеченским кризисом и обострением внутривнутриполитической обстановки в нашей стране.

Аналізу подверглись следующие тексты: 1) Анпилов В. Стенограмма выступления на вечере газеты «Завтра» 12 мая 1994 г. («Завтра». 1994. № 20 (25) май); 2) Макашов А. Стенограмма выступления на вечере газеты «Завтра». 12 мая 1994 г. («Завтра». 1994. № 20 (25) май); 3) Руцкой А. Интервью от 2 окт. 1993г. («Московский комсомолец». 1994. 21 апр.); 4) Шахрай С. Интервью газете «Аргументы и факты» («Аргументы и факты». 1994. № 16).

Данные тексты различаются по степени конфликтности, что допускает последующую общую верификацию анализа.

Цель анализа состояла в том, чтобы выявить совокупность заложенных в тексте интенций как показательных для конфликтной установки, определить приоритетность отдельных из них, описать индивидуальные варианты. В связи с этим производился сплошной анализ избранных материалов.

Была разработана специальная техника, способствующая выявлению и квалификации заложенных в анализируемый текст интенций. Эта техника включала две операции. На 1-м шаге происходило «вчитывание» в текст и внимательная оценка каждого слова. Переформулирование проводилось с соблюдением ряда правил:

- максимально сохранялся смысл исходного текста, который выражался как можно более кратко;

- максимально сохранялась лексика оригинала, не допускалось введение ассоциативной расширяющей смысл лексики;

- опускались второстепенные уточняющие выражения и характеристики;

- отдельные языковые фрагменты, в сжатой форме обозначались включенные элементы содержания, отчленялись и выводились для отдельной квалификации [Ушакова 2011: 246].

Рассмотрим несколько примеров. Анализируемый текст выступления В. Анпилова начинается фразой: «Во время мучительных раздумий о будущем России, о судьбах моего народа, мне все чаще вспоминаются слова одной из песен Владимира Высоцкого: “Нас наблюдают в трубы сотни глаз и видят нас от дыма злых и серых, но никогда – слышите, никогда! – им не увидеть нас прикованными к веслам на галерах“».

В этом отрывке мы выделяем два основных пункта, имеющих конкретное содержание и подлежащих интенциональной трактовке: «Я глубоко раздумываю о судьбе народа и России». Во фразе «Никогда не увидеть нас рабами» интенция автора, очевидно, состоит в том, чтоб подчеркнуть перед аудиторией свою заинтересованность в народном деле, ответственность перед ним, т.е. отметить свои положительные черты. Квалификация интенции – само-

одобрение. Мы видим проявление интенции обнаружить несогласие с насилием, порабощением, противостоять противнику.

В другом отрывке из того же выступления В. Анпилова мы видим проявление других интенций: «Движение “Трудовая Россия“, Российская коммунистическая рабочая партия с самого начала отвергали реформы Горбачева–Ельцина как предательские по отношению к интересам советских народов, как враждебные интересам рабочих и крестьян».

Здесь интенциональное содержание проявляется в нескольких фрагментах, их конкретный смысл может быть сформулирован следующим образом:

- а) трудовые объединения были против реформ;
- б) с самого начала понимали их суть;
- в) реформы Горбачева и Ельцина – по сути одно и то же;
- г) реформы предательские; д) реформы противоречат интересам народа.

Соответствующие интенции могут быть квалифицированы следующим образом:

- а) обнаружить противостояние,
- б) обнаружить свою неспособность оценить и предвидеть,
- в) разоблачить противника,
- г) обвинить его.

Проведенный анализ позволяет выделить круг интенций, содержащихся в текстах конфликтного характера, а также описать индивидуальные стили их авторов.

Разработанный подход был применен к анализу текстов других авторов того времени. Полученные данные позволили выделить общую схему, представляющую соотношение интенций, выраженных в текстах. Такого рода схема проявляется во всех материалах нашего анализа.

Основные черты схемы состоят в том, что говорящий выражает свое отношение по отношению к 3-м объектам:

- 1) себе самому;
- 2) противнику;
- 3) обсуждаемой ситуации.

Себе самому выражается одобрение, отводятся обвинения. Противник обвиняется, разоблачается. Анализ третьей стороны зависит от политической позиции говорящего и от глубины его политического анализа.

Учет такого рода структуры в текстах выступлений позволяет дать меру конфликтности записанных текстов. Так, чем большее количество интенций содержится в направленности на противника, тем выше мера конфликтности данного выступления. Наиболее «мирное» выступление связано с интенцией самооправдания или само-одобрения.

Что касается анализа ситуации, то это может быть по-разному. Так, если ситуация описывается как катастрофическая с целью обвинить ответственных людей – это одно. Другое дело, если она так описывается тогда, когда человек получает новую должность, и извещает избирателей о своих рабочих планах.

В целом полученные результаты позволили систематизировать круг интенций, используемых говорящим человеком в конфликтной ситуации и оценить ее силу.

Другие стороны и особенности анализа интенций говорящих политиков интересующиеся читатели могут найти в: [Слово в действии 2002] и [Ушакова 2011: 246-263].

Последняя по времени разработка Лаборатории, имеющая высокую значимость, проведена по теме соотношения ментальных и материальных процессов в речевом акте. Результаты разработки представлены в книге Т.Н. Ушаковой [Ушакова 2019].

Выше, при обсуждении структуры речевого общения, рассмотрены основания для возникновения так называемой «малой психофизической проблемы». Среди наиболее известных гипотез ее решения наиболее известны гипотеза «нейронов сознания» Е.Н. Соколова [Соколов 2004; 2010] и гипотеза повторного входа сигнала в воспринимающую систему коры головного мозга человека А.М. Иваницкого [Иваницкий 1997].

Гипотеза Е.Н. Соколова направлена на разработку представления о внутренних механизмах сознания. Сознание понимается как мозаика одновременно возбужденных нейронов сознания. Особенность нейронов сознания по сравнению с другими нейронами нервной системы человека состоит в их внутреннем устройстве. Е.Н. Соколов описывает физиологическое устройство такого нейрона на основе данных мировой науки. По гипотезе, возбуждение внутри нейрона сознания передается по микротрубочкам без потери энергии. По гипотезе А.М. Иваницкого, механизм сознания связан с повторным входом сигнала в воспринимающую систему коры головного мозга человека [Иваницкий 1997].

Надо отметить, что гипотеза нейронов сознания до настоящего времени не получает подтверждения какими либо фактами развития ребенка. Напротив, разработка Т.Н. Ушаковой, целиком построена на основе фактов раннего развития ребенка.

Кратко рассмотрим их. После рождения новорожденный поначалу пассивен. В это время его жизни происходит «упражнение прирожденных рефлексов» [Пиаже 1983]. В 3–4 месяца младенец постепенно начинает активнее усваивать правила организации окружающего предметного мира. Характерными становятся так называемые циркулярные реакции [там же]. Эти реакции состоят в том, что, совершив порой случайно некоторое движение, младенец стремится многократно повторять его. Типичным вариантом циркулярной реакции является схватывание предмета. Малыш заинтересовался неким предметом, но не может дотянуться до него. Ребенок будет снова и снова пытаться это сделать. При неудаче может подтянуться сам; но упорно добивается цели. Следуя идее оперантного научения Б.Ф. Скиннера, можно достаточно полно описать структуру, происхождение и значение этой реакции [Скиннер 2016].

Малыш тянется к интересному для него объекту, пытается схватить его, и огорчен при неудаче. При повторении неудачных попыток он опять испытывает неприятное чувство. Младенец снова и снова направляет свои пробы. Но вот попытка удалась, и это становится подкреплением вырабатываемого движения. Младенец приобретает новое знание [там же].

Одновременно это новое знание соответствует порядку, существующему в мире, т.е. его логике. Таким образом, ребенок автоматически становится обладателем полезного знания, соответствующего устройству мира, его логике. Это новое знание для ребенка и представляет собой осмысленность.

Осмысленность действий младенца возникает на основании его прирожденных психологических способностей, отражения его нервной системой логики организации внешнего мира.

Такого рода цепь событий происходит не в отдельном случае, а в отношении всех ситуаций, где малыш встречается с интересующими его объектами. Соответственно, во всех ситуациях происходит и осмысливание ситуаций. Данная схема начинает воспроизводиться и на других объектах, вызывающих подобную реакцию. Так, например, младенец начинает осмысленно стремиться попасть на руки к маме. Позднее эта схема распространяется и на других членов семьи. Достаточно рано ориентировочную реакцию вызывают разные игрушки, животные, позднее – явления природы (снег, дождь) [Ушакова 2011: 150].

Выработка смысла происходит в отношении каждого объекта, который воспринимается малышом. Соответственно, каждый объект и действие окружающего мира, вызвавшие ориентировочную реакцию, осмысливаются ребенком.

Без специальной аргументации понятно, что такого рода осмысленные реакции младенца выполняют адаптивные функции в его развитии. На их основе приобретаются разнообразные навыки поведения, полезные и даже необходимые в его жизни.

Встает вопрос, сохраняет ли силу схема осмысливания в ситуации овладения младенцем слов. Материалы показывают, что, начиная с 8–9 месяцев, а порой и раньше, в поведении детей отмечаются признаки усвоения ими воспринятых слов [Ушакова 2011: 160]. Примеры этого явления многочисленны и воспроизводятся в онтогенезе практически у каждого здорового ребенка. Так, на вопрос, «Где мама (бабушка, папа, киска)» и др. ребенок переводит

Порождение и восприятие речи и текста

глаза на названный объект. На просьбу «Покажи носик (ушко, глазки)» и др. – показывает правильно. Еще не пользующиеся словами дети исполняют многие не только простые, но и довольно сложные инструкции: «Возьми ложку в другую ручку», «Закрой дверцу машинки», «Поставь обе ножки на ступеньки велосипеда» и др. Выполняют просьбы: «Скажи „спасибо“» (поклоны головкой), «Скажи “до свидания”» (махание ручкой).

Начало новой формы реагирования младенца связано с тем, что в это время значимыми объектами его восприятия становятся словесные сигналы. Ситуация восприятия ребенком связана с его общением с взрослым и с эмоциональным тоном их взаимоотношений. Например, взрослый спрашивает ребенка сердитым голосом: «Лидочка, хочешь шоколадку?». Ребенок отвечает отрицательно. Тогда взрослый спрашивает ласковым голосом: «Лидочка, хочешь шлепка?» – ребенок отвечает утвердительно.

В целом главная линия развития идет в том направлении, что взрослый в различных ситуациях общения называет ребенку разные объекты – части его тела, членов семьи, его игрушки и мн. др. Ребенок при этом активно воспринимает слова, реагирует на звучащий голос. Причина этого в том, что здесь действуют прирожденные психологические факторы, нервная система ребенка, способности ребенка: чувствительность, активность, научение. Поэтому нервная система ребенка отражает происходящие события, у него формируется новое знание о связи слова с определенным объектом. Это и составляет начальную форму осмысливания слов маленьким ребенком. Такое направление развития дает малышу возможность лучше понимать окружающих и отчетливее выражать свои желания взрослому, а тем самым совершить некоторый шаг к успешному словесному общению с ним.

Своего рода слитность звукового обозначения с некоторым объектом или явлением обеспечивает легкость опознания ребенком значения слова, поскольку его восприятие быстро вызывает в сознании образ объекта в его целостности.

На этом достижении развитие словесных операций ребенка не останавливается. Следующий шаг в речевом развитии ребенка связан с расширением восприятия воздействующих на него слов. На основе общения с взрослым он усваивает постоянные формы семантических отношений между словом и различными наблюдаемыми ситуациями, знакомится с разными ситуативными категориями: быть объектом действия, иметь пространственное положение, иметь свойство. Такого рода опыт позднее начинает самостоятельно им пользоваться. Было установлено, что в возрасте 20–24 месяцев малыш не только адекватно реагирует, но и самостоятельно употребляет знакомые семантические отношения. Это явление наблюдалось во всех изученных исследователями языках [Бейтс 1984; Слобин 1984]. Общая направленность этого процесса имеет адаптивный характер: через использование усваиваемых слов ребенок получает возможность достаточно полно сигнализировать взрослому о своих пожеланиях или иметь какую-либо другую форму подкрепления. Так происходит прогрессирующий процесс семантической разработки структуры каждого слова, с которым ребенок встречается в своем обиходе. Подобные процессы формируют у растущего человека все более полноценный язык, каким мы обычно пользуемся в жизни.

Таким образом, мы видим, что осмысленность слов усваиваемого ребенком языка формируется на основании его прирожденных психологических способностей, при его словесном общении со взрослым человеком, в процессе которого малыш усваивает все расширяющееся знание о постоянных отношениях между словом и разными сторонами действительности, а также получает социальное подкрепление правильности своих действий со стороны окружающих.

Общее по данному разделу заключение, вытекающее из нашего исследования, состоит в том, что осмысленность возникает у младенца в результате процесса познания им действующих законов действительности. Такое познание происходит на основе прирожденных способностей младенца к чувствительности, активности и научению.

Начальный шаг формирования осмысленности действий младенца проявляется в направленности поисковых действий ребенка (активности) в отношении тех или других объектов действительности. Если эти действия соответствуют объективно действующим правилам жизни (ее логике), они закрепляются в поведении малыша на основе его прирожденной способности к научению. Тем самым логика действительности отражается в действиях малыша. Такое отражение по своему функционированию представляет осмысленность действий. Осмысленность состоит в воспроизведении (отражении) ребенком объективных правил, т.е. логики жизни. Можно видеть, что осмысленность не тождественна осознанию и пониманию. Для формирования осмысленности по описанной схеме в нормальном онтогенезе требуется несколько месяцев первого года жизни младенца.

В возрасте 8–9 мес. схема осмысливания действий ребенка начинает воспроизводиться и в ситуации усвоения им слов. Осмысленность слов усваиваемого ребенком языка формируется на основании его прирожденных психологических способностей, при его словесном общении со взрослым человеком, в процессе которого малыш усваивает знание о постоянных отношениях между словом и разными сторонами действительности.

В теоретическом плане наше исследование представляет собой разработку так называемой «малой психофизиологической проблемы», т.е. соотношения ментальной и материальной сторон речи. До настоящего времени исследование этой области представляет собой сложную научную проблему. Трудность состоит в том, что осмысленность, согласно психофизиологической квалификации, является ментальным явлением, не имеющим прямого материального выражения. Одновременно с этим слово (речь) организуется в форме материального процесса: ее произнесение реализуется с помощью речедвигательных органов говорящего человека, звучание слов воспринимается органом слуха и может быть различным способом записано, сохранено, воспроизведено. Это значит, что речь представляет собой материальное явление. Мы исследуем вопрос, как соотносятся между собой эти две сущности, обратившись к богатой истории исследований речи в разных областях науки и проанализировав эмпирические материалы, полученные нами в результате многолетней работы.

Литература

- Бейтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50–103.
- Бойко Е.И.* Механизмы умственной деятельности. Избранные психологические труды / Под ред. А.В. Брушлинского, Т.Н. Ушаковой. М.: Моск. псих.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 688 с.
- Иваницкий А.М.* Синтез информации в ключевых отделах коры как основа субъективных переживаний // Журн. высш. нерв. деят. 1997. Т. 47, вып. 2. С. 209–225
- Ливанов М.Н.* Пространственная организация процессов головного мозга. М.: Наука, 1972. 180 с.
- Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 133–137.
- Психолингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Пер Сэ, 2006. 415 с.
- Скиннер Б.Ф.* Поведение организмов. М.: Оперант, 2016. 368 с.
- Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика: Сборник статей / Сост. А. М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
- Соколов Е.Н.* Нейроны сознания. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004, № 2, С. 2–16.
- Соколов Е.Н.* Очерки психофизиологии сознания. М.: Изд-во МГУ. 2010. 107 с.
- Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. М.- СПб, 2000. 316 с.
- Ушакова Т.Н.* Природа осмысленности слова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 248 с.
- Ушакова Т.Н.* Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д.* Аспекты исследования семантики слова // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 23–33.

Ушакова Т.Н., Свидерская Н.Е., Шустова Л.А. Связь сложных психических процессов с функциональной организацией работы мозга // Психол. журн. 1983. № 4. С. 119–133.

Шустова Л.А. Особенности пространственной организации биоэлектрической активности мозга во время речевых актов: дисс. ... канд. психол. Наук. М., 1985. 148 с.

5.3. Психолингвистические исследования текста

5.3.1. Психолингвистика текста в исследованиях

Ю.А. Сорокина

В.Н. Базылев, И.Ю. Марковина
Москва

Изучение текста в отечественной психолингвистике – это прежде всего динамика исследовательских подходов к тексту за прошедшие пятьдесят с лишним лет, которая представлена в работах Ю.А. Сорокина, начиная со второй половины 60-х годов XX в. Его статьи и книги заложили основу для современной психолингвистической трактовки текста, а также потенциальных подходов к моделированию процессов понимания текста.

А.А. Залевская, ретроспективно оценивая психолингвистические исследования текста конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., полагает, что их главная задача заключалась первоначально в проверке психологической реальности лингвистических или логических построений. С переносом фокуса внимания с синтаксиса на семантику произошла переориентация психолингвистики на поиск факторов, направляющих понимание текста, на выявление стратегий воспринимающего текст субъекта, на изучение коммуникативных затруднений и путей их преодоления и т.п. Текст начинает пониматься как основа сложной и многосторонней психической деятельности активного субъекта, протекающей при взаимодействии памяти, мышления и внутренней речи [Залевская 1997: 248].

Именно на вторую половину 60-х и начало 70-х годов приходятся первые работы Ю.А. Сорокина по психолингвистике текста⁵.

В 1974 г под ред. А.А. Леонтьева выходит коллективная монография, посвященная актуальным проблемам, которые разрабатывает психолингвистика, своеобразный компендиум исследовательских задач. Подготовлена она была в 1968–1971 гг. и учитывала результаты I и II Всесоюзного симпозиума по психолингвистике с изложением позиций, как было написано в предисловии, советской психолингвистики и более узко – московской психолингвистической школы – по ряду кардинальных вопросов. Ю.А. Сорокину принадлежал раздел, посвященный исследованию внеязыковой обусловленности психолингвистических явлений, где он впервые затрагивал проблему текста в процессе перевода⁶ [Основы... 1974: 220–233].

Тогда же, в начале 70-х, в работах Ю.А. Сорокина и его коллег преодолевается системно-структурный подход в лингвистике текста, сменяясь представлениями о логико-композиционной вариативности текста и исследованиями смыслового восприятия и оценки текста [Сорокин, Шахнарович, Уфимцева 1975а; Сорокин, Шахнарович, Скворцова 1976]. В тезисах 1975 г. «О возможности определения некоторых признаков текста» он напишет:

«По-видимому, понятие текст вообще не может быть определено только лингвистическим путем.

Текст есть прежде всего понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики опре-

⁵ В 1973 г. он защитит кандидатскую диссертацию [Сорокин 1973].

⁶ Эта публикация дала Ю.А. Сорокину возможность высказать свои соображения относительно перевода, интерес к которому оформился чуть раньше: в 1972 г. выйдет его первая статья «Из наблюдений над переводами Лао Шэ “Рикша”» [Сорокин 1972].

деленного рода деятельности». Тогда же прозвучала идея о разбиении текстов на тексты-артефакты и тексты-ментефакты, что позволяет оптимально выявить такие характеристики текста как связность и цельность [Сорокин 1975: 52–53].

С этого момента Ю.А. Сорокин начинает свои систематические исследования текста. В 1976 г. он пишет статью «Книга как семантический объект». На первый план в ней выносятся проблема интерпретации текста и субъективного представления читателя о тексте. Пока еще с отсылками к Г. Фреге и к популярной в те годы теории информации [Сорокин 1976: 141–142].

В 1976 году, по инициативе А.А. Леонтьева был проведен семинар «Проблемы изучения детской и молодежной аудитории массовой коммуникации» под эгидой Центрального совета Педагогического общества РСФСР. На нем Ю.А. Сорокин выступил с докладом о специфике научно-популярного текста, которая, по его мнению, состояла в том, что в основе функционирования текстов этого типа лежат две модели: модель научных знаний (интерпретация фактов науки) и модель эмоциональных состояний автора и читателя [Сорокин 1976а: 59].

Теоретические разработки психолингвистики текста по тем временам не могли не носить прикладной характер. В 1977–78 гг. Ю.А. Сорокин участвует в экспериментальном исследовании учебных тестов, связанном с проблемой разработки для отечественной средней школы средств контроля над усвоением текста и его пониманием. Впервые в отечественной психолингвистике был сделан неутешительный вывод относительно текстов школьных учебников. Авторы эксперимента констатировали: «вызывает сомнение художественная и языковая ценность текстов» [Сорокин, Уфимцева, Шахнарович 1978: 183].

В 1978 г., как некий предварительный итог, выйдет коллективная монография, в которой Ю.А. Сорокину принадлежит вторая часть под заголовком «Взаимодействие реципиента и текста: теория и прагматика». В ней автор обратится к психологии читателя и методике шкалирования текста как одного из способов выявления ценностных ориентаций реципиентов, к особенностям жанра научно-популярной литературы, к историческому феномену библиопсихологии и переводу [Сорокин, Залевская 1978а: 67–101].

Некоторые мысли из своего раздела Ю.А. Сорокин конкретизирует позже в серии отдельных статей конца 70-х – начала 80-х годов: «Текст как совокупность читательских оценок» [Сорокин 1979], «Смысловое восприятие текста в библиопсихологии» [Сорокин 1979а], «Общение и текст» [Сорокин, Левченко 1983], «Отображение текста в тексте» [Сорокин, Тарасов 1984].

Само собой разумеется, что любой исследователь за время своей научной деятельности испытывает на себе воздействие смены научных парадигм. Тем не менее, Ю.А. Сорокин во многом шел своим путем – путем теории речевой деятельности, в рамках которой всегда ставилась задача изучения особенностей смыслового восприятия текста, что было еще в 20-е годы предвосхищено работами Н.А. Рубакина о читательской проекции текста, на которые ориентировался Ю.А. Сорокин [Сорокин 1968; Сорокин 1985а; 1993].

В 80-х годах исследования процессов понимания текста развивались в тесной связи со становлением новых подходов в области психологии познавательных процессов, искусственного интеллекта, машинного моделирования психических процессов. На этом общем фоне, во многом благодаря работам Ю.А. Сорокина того десятилетия, сложились некоторые общепризнанные положения, которые учитываются исследователями процессов понимания текста до сегодняшнего дня. К числу таких положений относится признание в качестве обязательного условия успешности анализа процессов понимания необходимости выхода за рамки лингвистики в область экстралингвистических знаний индивида и в сферу психических процессов, непосредственно связанных с репрезентацией знаний у человека, с организацией знаний и особенностями их хранения и извлечения, с ожиданиями индивида, на которые нацеливают мотивы, ситуация, личностные ориентиры, а также способность чело-

века опираться на схемы знаний о мире. Помимо этого Сорокин предложил анализировать текст как процесс его смыслового восприятия [Сорокин, Уфимцева 1981; Сорокин 1982; 1983; 1985; Сорокин, Белянин 1983; 1985; Сорокин, Тарасов 1984].

В начале 80-х Ю.А. Сорокин продолжает разрабатывать вопрос о психолингвистических признаках научного и научно-популярного текста. По сути, это переход к экспериментальной проверке гипотез, касающихся прагматического статуса текста [Сорокин, Белянин 1983: 63]. Эта прагматика, правда, в большей степени станет характерной для 90-х годов, когда на первый план выйдут социально значимые заказы на внедрение теоретических результатов психолингвистического анализа текста, как в случае со становлением судебной лингвистической экспертизы (см. ниже) или заказов со стороны средств массовой коммуникации, связанных с исследованием дезоптимизации передачи текстов по различным каналам связи [Сорокин, Базылев 1998: 4–14]. Сегодня, конечно, это уже история, но методика исследования может быть актуализирована.

В середине 80-х на первый план выходит также проблематика, связанная с изучением психолингвистических факторов, влияющих на восприятие, понимание и оценку текста индивидом. Так, в 1982 и 1983 году Ю.А. Сорокин организует два сборника, посвященных тексту как психолингвистической реальности и как инструменту общения [Текст...1982; Текст...1983]. В 1985 году он отметит отсутствие экспериментальных исследований по проблемам восприятия, понимания и оценке текста в целом, квалифицируемых как стереотипные или клишированные [Сорокин 1985: 4]. Понятие стереотипа Ю.А. Сорокин предложил тогда трактовать как некоторый процесс и результат общения (поведения) и конструирования поведения согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме [Сорокин 1985: 9–10]⁷.

В тот же период Ю.А. Сорокин инициирует серию исследований о соотношении между языком и культурой, оригиналом текста и языком, культурой перевода текста [Исследования...1985: 184–202]. Одним из теоретических направлений, объединивших решение этих исследовательских задач, стала теория лакун [Текст... 1989].

Итоги работы над проблемами психолингвистического подхода к тексту за десять лет Ю.А. Сорокин подвел в монографии 1985 года «Психолингвистические аспекты изучения текста»⁸. Работы разных лет в ней были объединены одним подходом: текст анализируется в своей процессуальной форме, в процессе его восприятия испытуемыми. Текст в теории Сорокина того периода – это некоторое знаковое образование, которому коммуниканты, ориентируясь на его функции в общении, приписывают статус текста. Главным моментом в подходе к анализу текста, реализованном в работах Ю.А. Сорокина, становится понимание текста, выходящее за пределы предметной области лингвистики. Рубеж, разделяющий лингвистический и психолингвистический подход к анализу текста, – это понимание текста [Сорокин 1985а: 5].

Как отмечал Е.Ф. Тарасов в своем обзоре тенденций развития психолингвистики второй половины 80-х гг.,

«определения текста, данные Ю.А. Сорокиным с разных позиций, ставят перед исследователем речевого общения задачу совмещения позиций, с которых анализируется текст, и субъект-объектной схемы описания общения, лежащей в основе деятельностной схемы» [Тарасов 1987: 148].

В конце 80-х – начале 90-х⁹ Ю.А. Сорокин выделяет в качестве приоритетных ряд новых направлений психолингвистических исследований текста в зависимости от используе-

⁷ Развитие сформулированные тезисы получают чуть позже, в начале 90-х. [Сорокин 1992: 54–56], получив полное оформление к концу 90-х. [Язык, сознание, коммуникация 1999: 4–38].

⁸ В 1985 состоялась защита докторской диссертации [Сорокин 1985б].

⁹ Ситуация начала 90-х ретроспективно описана в статье [Базылев, Красильникова 2021].

мых экспериментальных методик, конкретных задач и полученных результатов. Это работы с применением методик шкалирования текста реципиентами, анализа разнопорядковых предикатов в тексте, смысловой компрессии текста, восстановления текстов по их денотатной структуре, восстановления поврежденного текста, типологизации тема-рематической структуры текстов, разрезания текста исследователем и последующего его восстановления, ассоциативного эксперимента и др. [Сорокин 1991]. Он отмечает также исследования с целями изучения фоносемантической нагрузки текстов, их национально-культурной специфики, выявления особенностей восприятия креолизованного текста и т.д. В книге «Национально-культурная специфика художественного текста» [Сорокин, Марковина 1989] были представлены методики этнопсихо-лингвистического экспериментального исследования художественного текста, в частности методика лингвокультурологического тестирования, применение художественного текста для изучения тактик интерпретации лакунизированных текстов, способы изучения «авторских технологий» с помощью беллетристических лакун.

Особое внимание Ю.А. Сорокин уделяет различиям в подходе к тексту с позиций лингвистики и психолингвистики, подчеркивая, что понятие связности текста эксплицируется лингвистическими методами, в то время как цельность (или целостность) и эмотивность текста могут быть выявлены только через взаимодействие текста и реципиента, как возникающие при таком взаимодействии феномены ментального порядка [Сорокин 1985; 1988; 1993]. Он полагал также, что необходимо учитывать фоносемантическую характеристику текста в зависимости от его жанровой принадлежности (научный, научно-популярный, художественный), особенно если предположить, что в основе признаков текстов лежит фоносемантический субстрат [Сорокин 1989: 18].

Целая серия работ Ю.А. Сорокина на фоне описанной проблематики была специально посвящена исследованию книги как семантического объекта, библиопсихологии, собственно психолингвистическим аспектам изучения текста [Сорокин 1973; 1978; 1985].

Итоги работы над психолингвистическими проблемами текста получили очередное концептуальное оформление в изданной в 1989 г. коллективной монографии «Текст как явление культуры» [Текст... 1989]. В книге текст исследуется в его культурно-исторической определенности, в частности, как герменевтический феномен. Изучаются предпосылки и традиции осознания текста как явления культуры; просматриваются траектории духовной жизни, которые привели к возникновению различных способов работы с текстом, например, аллегорического и историко-критического. Помимо этого здесь впервые предъясняется целостная концепция лакунарности и теория лакун в трактовке Ю. Сорокина и И. Марковиной. Основным материалом для исследования феномена лакунарности являлся текст, который в данной концепции рассматривается как семиотическая форма актуализации (овнешнения) этнического языкового сознания. Текст (прежде всего, художественный) – по Сорокину – это модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы специфические характеристики вербального и невербального поведения этноса, а совокупность (художественных) текстов, созданных и функционирующих в лингвокультурной общности, понимается в лакунологии как модель этой общности.

В типологии и метрике лакун, зафиксированных в классификационной сетке лакун, нашли отражение психолингвистические взгляды Ю.А. Сорокина на перевод, который впоследствии был определен как «оппозитивный диалог сознаний». Сопоставление текстов оригинала и перевода, согласно теории лакун, позволяет получить данные о степени «согласуемости» двух образов мира, установить степень и «качество» их взаимной лакунизированности [Марковина, Сорокин 2010].

На рубеже 80-х – 90-х гг. Ю.А. Сорокин начнет активно разрабатывать проблематику прецедентного текста. Об этом пойдет речь в книге «Психолингвистические аспекты изучения текста» [Сорокин 1985]. В 1987 г. он напишет раздел «Что такое прецедентный текст?»

для коллективной монографии [Сорокин 1987]. В том же, 1987 г., он выступит с обширным докладом на Всесоюзном совещании «Семантика целого текста» [Семантика... 1987]. В 1993 г. в статье «Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания» он обращается к предыстории, анализируя взгляды Бахтина, Лотмана, Торопа и Караулова. Причем, он спорит с оппонентами и, вопреки Ю.Н. Караулову, считает, что существует не «языковая», а «семиотическая» личность в ее вербальных и экстравербальных (суправербальных) предпочтениях и отказах [Сорокин 1993: 113–114]. Десять лет спустя, возвратившись к проблематике прецедентного текста, он уже полагает, что «прецедентный текст, как культурно-аксиологический знак, представляет собой целостное, связанное, законченное в смысловом и формальном отношении, эмотивное образование. Цитата как один из способов существования прецедентного текста является формой устоявшегося смысла, который мигрирует из текста в текст, отсылая к исходному тексту» [Сорокин, Михалева 1997: 24].

В 1990 году выходит в свет коллективная монография «Оптимизация речевого воздействия», в которой Ю.А. Сорокину принадлежит раздел «Текст и национально-культурная рефлексия» и раздел «Креолизованные тексты и их коммуникативная функция» (в соавт. с Е.Ф. Тарасовым [Оптимизация... 1990: 87–99; 180–185]¹⁰). Названная публикация продемонстрирует расширение подхода к исследованию текста, а также смещение акцентов при исследовании понимания текста на психобиологические и социально-демографические ([Оптимизация... 1990: 87]; см. также: [Сорокин 1991б]).

Наконец, в 1991 году в издательстве «Педагогика» выходит его книга «Почему живут и умирают книги?» [Сорокин 1991]¹¹. В ней Ю.А. Сорокин подвел промежуточные итоги и своей работы, и работы коллег по «цеху», а также сформулировал новые исследовательские задачи. До сегодняшнего дня актуальны его рассуждения о том, каким образом те или иные мыслимые миры текстов ложатся на мысленные поля нашего сознания, его конструктивные предположения о значении звуко-смыслового восприятия слов, его размышления о том, как получается, что одни и те же тексты вызывают у разных людей совершенно разные впечатления.

Ю.А. Сорокин не случайно рассматривал книгу, как триединство: читатель–книга–автор. Тем самым, он возродил у поколения исследователей 90-х интерес к библиопсихологии Н.А. Рубакина, начало которому было положено его же обращением к рубакинскому наследию еще в конце 60-х [Сорокин 1968].

В дополнение к перечисленным направлениям психолингвистических исследований текста 90-х годов можно назвать изучение вариативности понимания текста, особенностей понимания художественных (прозаических и поэтических) и научно-технических текстов; понимания текстов на родном, иностранном или неизвестном читателю языке; роли заголовка, подзаголовка и ключевых слов в понимании текста; смыслового поля текста и т. д. [Сорокин 1993].

Отдельное направление интересов Ю.А. Сорокина 90-х годов, наряду с научно-популярными жанрами, – тексты драматургические. В статье «Многокультурность с позиции модели восприятия, понимания и воспроизведения драматургического текста актером» была впервые предложена модель восприятия, понимания и воспроизведения драматургического текста актером [Сорокин, Узилевский 1991: 279–280]. К этому времени относится и начало активной разработки проблем национально-культурной (этнокультурной) специфики текста, в том числе и драматургического [Сорокин, Марковина 1989].

К числу ставших в то время дискуссионными вопросов теории понимания текста можно отнести соотношение рефлексии и понимания, осознаваемого и неосознаваемого в процессах понимания, роль схем знаний (стереотипов, фреймов, сценариев и т.п.) в понима-

¹⁰ Подробнее см. раздел 1.3. настоящей книги.

¹¹ Второе, испр. и доп. издание вышло в свет в 1999 г. [Сорокин 1999].

нии и взаимопонимании и т.д. В этой связи актуальным остается мнение Ю.А. Сорокина [Сорокин 1998: 108–110], дискутирующего с Г.И. Богиным относительно того, какая наука и с каких позиций должна заниматься изучением и объяснением процессов понимания и непонимания.

Последнее десятилетие XX в. в целом характеризовалось повышенным интересом к текстоцентричности. По мнению Ю.А. Сорокина, текстоллингвистика как раздел науки о языке важна потому, что в ней рассматривается феномен диалогичности текста, провоцирующий в свою очередь обсуждение таких вопросов как интертекстуальность, межтекстовые фреймы, межтекстовая компетенция. На этом фоне Сорокиным к концу 90-х гг. актуализировались исследования связи когниции и эмоции в процессе порождения и интерпретации текстов [Сорокин 1982а; 1988; Сорокин, Томашева, Шахнарович 1998]. Не случайно, что вышедший в 1997 г. первый выпуск серии «Язык, сознание, коммуникация» открывался именно статьей Ю.А. Сорокина о тексте, в которой он продемонстрировал, что экспериментальные исследования позволяют установить, как имя автора влияет на характер оценки текста [Сорокин 1997: 5]

При этом одной из знаковых книг для Ю.А. Сорокина была и оставалась коллективная монография «Общение, текст, высказывание» 1989 года. Знаковой ее следует считать потому, что с одной стороны, она подводила итоги предварительных исследований 60-х–80-х годов, с другой, формулировала актуальные направления будущих поисков в области психоллингвистики текста [Общение, текст, высказывание 1989]. Три раздела, написанные Сорокиным, обозначают три сферы его будущих приоритетных интересов.

Раздел «Текст: психоллингвистика и семантика: итоги исследований» (в соавт. с Н. Уфимцевой) прогнозирует его работу по семантике текста, вплоть до сублогического анализа языка. Раздел «Авторство текста: некоторые теоретические и прикладные аспекты» (в соавт. с В. Батовым) – работу в области судебной лингвистической экспертизы текста. Раздел «Тексты на ИЯ и на ПЯ с точки зрения меры близости текстов» (в соавт. с Е. Ярославцевой) и «Сохранение и элиминирование национальной специфики оригинала при переводе драматургических текстов: постановка проблемы» (в соавт. с И. Марковиной) – исследования в области переводоведения.

Говоря о предыстории интереса к тексту как объекту переводоведения, к теории и практике перевода с позиций психоллингвистики, следует обратиться к началу 80-х. В 1983 году выходит в свет статья Ю.А. Сорокина с размышлениями о принципах перевода современной (второй половины XX в.) китайской поэзии на материале авторского перевода из Ай Цина, и с дискуссией с Л.З. Эйдлиным по проблеме перевода [Сорокин 1983а]. Годом позже Сорокин напишет небольшой этюд о переводе текстов классической китайской поэзии – из Ван Вей [Сорокин 1984].

В 1988 году на IX Всесоюзном симпозиуме по психоллингвистике и теории коммуникации, исходя из исследований феномена сознания [Сорокин, Узилевский 1988], Ю.А. Сорокин предложил свою модель процесса перевода, особенностью которой он считал то, что механизмы языка (речи) и интеллекта имеют свою собственную «память», а процесс смысловой обработки, свертки и преобразования текста рассматривается как параллельный и интегративный, а не последовательный и строго локализованный [Сорокин 1988: 167; см. также Сорокин 1989а]. Опыт переводчика-китаиста Сорокин поделится с читателем в начале 90-х [Сорокин 1991а: 5]

Конец 90-х – начало нулевых – это оформление в целостный теоретический подход психоллингвистической основы переводческой деятельности. Ю.А. Сорокин активно пропагандирует свою модель перевода текстов, как классических, так и современных: в орбите его собственной переводческой практики – Р. Шар, А. Мишо, Ф. Супо, Т. Тцара, А. Бретон [Сорокин 1999а; Сорокин 2000]. Концепция Сорокина базируется на интерпретативной или деятельностной теории перевода, основы которой он изложил

в статье 2000 г. [Сорокин 2000а: 109]. Тем самым им создается каркас будущей интерпретативной теории перевода, которая предполагает учет хронотопических ориентаций, ассоциативных миров, синкретической или идиопластической логики, с отсылкой к малоизвестной гипотезе советского философа Б.Ф. Поршнева [Сорокин 2001; 2001а].

Развивая интерпретативную теорию перевода с позиций теории языкового сознания, Ю.А. Сорокин отмечал самостоятельную исследовательскую ценность текста перевода как результата адаптации «чужого» образа мира средствами «своего», выполненного особым реципиентом, каковым является профессиональный переводчик. Этнопсихолингвистическая «герменевтическая модель» перевода как частного случая межкультурного общения, по мнению Сорокина, предполагает вариативность не только понимания авторского текста переводчиком, но и переведенного текста реципиентом. При таком подходе исследовательский интерес представляет сопоставление не только текстов оригинала и перевода, как это принято в переводоведении, но и текста перевода и его читательской проекции (в терминологии Н.А. Рубакина).

Через серию статей о личном опыте перевода из Дж. Моррисона [Сорокин, Красильникова 1998], переводе художественных текстов [Сорокин 2005; 2006] и, конечно же, из китайской поэзии [Сорокин 1999б; 2000б; 2005а; 2007] Ю.А. Сорокин приходит к целостной психолингвистической модели перевода поэтических и прозаических текстов [Сорокин, Базылев 2000; Сорокин 2003; 2009].

Еще одна научная инициатива Сорокина – организация проблемной группы «Сублогический анализ языка» в секторе психолингвистики в середине 90-х. Под руководством Ю.А. Сорокина участники группы разрабатывали вопросы, которые на тот момент воспринимались как абсолютно маргинальные – синергетика языка, психопэтика и психополитика, комментаторская практика, форматы непонимания, синдром языковой и речевой фрустрации. Предложенная Сорокиным исходная исследовательская программа была положена в основу разработки теоретических идей, оформившихся в трех сериях-направлениях: изучение феномена сублогичности языка, исследование политического дискурса в России, анализ соотношения текста и комментария. Итоги работы группы нашли отражение в серии публикаций с 1996 по 2007 гг.¹²

Еще одним направлением в исследовании текста в психолингвистике с непосредственным выходом в практику, начиная с 60-х гг., стала автороведческая экспертиза, центром разработки которой закономерно стал сектор психолингвистики Института языкознания¹³. Проявившийся интерес к названной сфере исследований приходится на середину 70-х гг., когда Ю.А. Сорокин и В.И. Батов опубликуют серию теоретических статей, посвященных атрибуции текстов на основе объективных характеристик, и предложат методику для установления авторства текста [Сорокин, Батов 1975; Сорокин 1975а; Сорокин, Батов 1977; Сорокин 1978].

Некоторое время спустя, в связи с изменениями в стране в целом, интересы Ю.А. Сорокина смещаются в сторону юрислингвистической экспертизы. Тогда это было чем-то абсолютно новым для отечественного прикладного языкознания – как теоретически, так и практически. Проведение лингвистической судебной экспертизы все чаще требовалось суду, прокуратуре, следственным органам для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения самых разных судебных дел.

¹² История создания и деятельности проблемной группы под руководством Ю.А. Сорокина, полное библиографическое описание изданий, подготовленных с 1996 по 2010 гг., см. [Сублогический...2011].

¹³ Предыстория события описана в главе «Психолингвистический аспект проблемы объективности и достоверности в советском судопроизводстве» книги А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича, В.И. Батова, [Леонтьев, Шахнарович, Батов 1977], и в статьях В.Н. Базылева [Базылев 2016; Базылев 2021].

Многие идеи, высказанные Сорокиным в ходе дискуссий в секторе психолингвистики при обсуждении содержания первой книги о постсоветской юрислингвистической экспертизе, стали ее стержнем. Это была книга «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», вышедшая в 1997 году [Понятие...1997]. Сразу за ней в том же году вышла книга «Защита чести и достоинства. Теоретические и практические аспекты» [Защита...1997]. В начале века выходят книги «Цена слова» и «Понятие чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» [Цена...2001; Понятия...2004], а также отдельные статьи [Сорокин 2000в; Сорокин, Власенко 2007]. Последней в 2009 году увидела свет книга «Понятие чести и достоинства: Психолингвистический анализ» [Понятие...2009].

Разумеется, сегодня нам важна не только история (ретроспекция) науки, но и ее перспективы. Это хорошо понимал Сорокин, оставив заповеди будущим поколениям психолингвистов. Как справедливо отметил В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин не был бы выдающимся ученым, если бы не видел перспектив нового тысячелетия, в которое он вошел совсем ненадолго [Шаховский 2010]. Трижды он обращался к прогнозам психолингвистических исследований.

Первый раз это произошло в 1995 г. Тогда МГУ провел эпохальную конференцию «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы». Говоря о психолингвистике в третьем тысячелетии, Ю.А. Сорокин прогнозировал смещение научных интересов:

«Вне всякого сомнения, окончательно сформируется и будет конкурировать с текстовой деятельностью компьютерно-биоидная деятельность с такими ее составляющими, как семиолектно-ретикулярные системы и семиолектно-аксиальные системы, семиолекты-ретикуляроиды и семиолекты-аксиоиды, компьютерофильная риторика» [Сорокин 1995: 480].

Второй раз попытка прогноза была сделана в 2007 г. [Сорокин 2007а]. Третья попытка 2008 года, за год до кончины, касалась именно текста и перспектив его изучения. Вот его последние слова:

«По-видимому, и в ближайшем будущем в психолингвистических исследованиях смыслового восприятия текста не перестанут рассматриваться и обсуждаться все рассмотренные выше проблемы. Но очевидно также, что следует ожидать и увеличения числа этих проблем. Следует, по всей вероятности, также ожидать увеличение числа психолингвистических работ, посвященных изучению смысла и значения текста; проекций текста; мощности тезауруса (лексикона) носителя языка; соотношения текста и контекста, текста и подтекста, текста и затекста, «текста в тексте», прецедентных и непрецедентных текстов как соотношений не только языковых/речевых, но и психоментальных; сжатия (компрессии) и /или развертывания текста как коммуникативно-аксиологических способов ориентировки в пространстве вербального (и невербального) общения; разбросанности и разорванности текста; его национально-культурной специфики, ментальных (личностных) состояний, опредмеченных в тексте (это изучение позволяет, по-видимому, найти путь к созданию психосемантической типологии текста; текста как совокупности графемных и параграфемных средств (точнее говоря, тех образов, которые испытуемые приписывают этим средствам; суперсегментных маркеров, влияющих на положительную или отрицательную оценку текста» [Сорокин 2008: 37].

Литература

Базылев В.Н. Графодеривация как воздействующий потенциал и как объект исследования в юрислингвистической экспертизе // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3. С. 26–38.

Базылев В.Н. Эволюция методов лингвистической экспертизы текстов, затрагивающих честь, достоинство и деловую репутацию личности // Право и образование. 2021. № 5. С. 84–92.

Базылев В.Н., Красильникова В.Г. Чтение – дело весьма увлекательное, или О продолжении исследований Ю.А. Сорокина // Вопросы психолингвистики, 2021. № 2. С. 28–37.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 350 с.

Порождение и восприятие речи и текста

Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы: коллективная монография / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышовой. М.: Шаг, 1997. 120 с.

Исследования речевого мышления в психолингвистике: коллективная монография/ отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Наука, 1985. 240 с.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977. 62 с.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 138 с.

Общение, текст, высказывание: коллективная монография / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Наука, 1989. 175 с.

Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография / отв. ред. Р.Г. Котов. М.: Наука, 1990. 240 с.

Основы теории речевой деятельности: коллективная монография / отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 368 с.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации: коллективная монография / Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А./под ред. А.К. Симонова, А.Р. Рагинова. М.: Изд-во «Права человека», 1997. 128 с.

Понятие чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблема их анализа и оценки юристами и лингвистами: коллективная монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 328 с.

Понятие чести и достоинства. Психолингвистический анализ: коллективная монография/ Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. / отв. ред. член-корр РАН В.А. Виноградов. М.: ИЯ РАН – Изд-во «Эйдос», 2009. 72 с.

Семантика целого текста: Тезисы выступлений на Всесоюзном совещании (Институт языкознания АН СССР – Одесский ГУ им. И.И. Мечникова)// отв. ред. А.П. Василевич. Одесса: Одесский ГУ им. И.И. Мечникова, 1987. 168 с.

Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина и смежные науки (к постановке вопроса) // Книга: исследования и материалы. М.: Наука, 1968. С. 55–68.

Сорокин Ю.А. Из наблюдений над переводами Лао Шэ «Рикша» // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М.: Институт языкознания АН СССР, 1972. С. 140–145.

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология: на материале восприятия текста научно-популярной литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 112 с.

Сорокин Ю.А. О возможности определения некоторых признаков текста// Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания АН СССР, 1975. С. 51–54.

Сорокин Ю.А. Смысловая защита текста / Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности / отв. ред. М.М. Муканов. Алма-Ата: Казахский педагогический институт им. Абая, 1975а. С. 119–127.

Сорокин Ю.А. Книга как семантический объект // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Институт языкознания АН СССР, 1976. С. 140–146.

Сорокин Ю.А. Научно-популярная литература и массовая коммуникация // Проблемы изучения детской и молодежной аудитории массовой коммуникации / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Педагогическое общество РСФСР, 1976а. С. 57–60.

Сорокин Ю.А. Методика шкалирования текста как один из способов выявления ценностных ориентаций реципиентов // Функционирование текста в лингвокультурной общности: коллективная монография / под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. С. 86–92.

Сорокин Ю.А. Текст как совокупность читательских оценок // Социология и психология чтения: Сборник статей / гл. ред. Н.М. Сикорский. М.: Книга, 1979. С. 194–199.

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста в библиопсихологии // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979а. С. 234–323.

Сорокин Ю.А. Связность и цельность как базовые понятия «лингвистики текста»// Тезисы VII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. С. 23–24.

Раздел 5

Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. М.: Наука, 1982а. С. 61–73.

Сорокин Ю.А. Применение понятий «номинатор» и «оператор» к анализу текста как сложного знака // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 241–256.

Сорокин Ю.А. Китайская поэзия и принципы перевода (по поводу статьи Л.З. Эйдлина «Поэзия Ай Цина и ее перевод») // Текст как инструмент общения: Сборник статей / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: ИЯ АН СССР, 1983а. С. 157–168.

Сорокин Ю.А. Поэзия Ван Вэя (701–761) и чань-буддизм // Философские вопросы буддизма / отв. ред. В.В. Мангатов. Новосибирск: Наука, 1984. С. 102–113.

Сорокин Ю.А. Отечественные исследования по массовой коммуникации // Знаковые проблемы письменной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. О.Д. Кузьменко-Наумовой. Куйбышев: Куйбышевский ГПИ, 1985. С. 3–15.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985а. 166 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1985б. 168 с.

Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста / отв. ред. А.П. Василевич, Е.С. Никитина. М.: Наука, 1987. 167 с.

Сорокин Ю.А. Формы сознания и его многослойность // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации // отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 164–166.

Сорокин Ю.А. Фоносемантика: актуальные задачи и ожидаемые результаты // Проблемы фоносемантики: тезисы выступлений на совещании / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Институт языкознания АН СССР, 1989. С. 17–19.

Сорокин Ю.А. Перевод как специфический вид речевой деятельности // Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология: Межв. сб. научн. тр. / отв. ред. И.Э. Клюканов. Калинин: Калининский ГУ, 1989а. С. 63–69.

Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. М.: Педагогика, 1991. 159 с.

Сорокин Ю.А. Интуиция и перевод: рефлексивный опыт переводчика-китаиста // Перевод как моделирование и моделирование как перевод: сборник научных трудов / отв. ред. И.Э. Клюканов. Тверь: Тверской ГУ, 1991а. С. 4–18.

Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Введение в психолингвистику: тексты лекций. М.: МГЛУ, 1991б. С. 30–56.

Сорокин Ю.А. Этнос, художественное сознание, норма // Принципы изучения художественного текста: Тезисы Саратовских стилистических чтений / отв. ред. М.Б. Борисова. Саратов: Саратовский ГПИ им. К.А. Федина, 1992. С. 54–56.

Сорокин Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность: коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 98–118.

Сорокин Ю.А. Психолингвистика в третьем тысячелетии (попытка прогноза) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. В 2-х т. Т. 2. М.: МГУ, 1995. С. 480–482.

Сорокин Ю.А. Ментальная реконструкция образа автора // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 1 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997а. С. 5–24.

Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. Самара: Самарская ГА, 1999. 112 с.

Сорокин Ю.А. Андре Бретон (переводческие версии Юрия Сорокина) // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 8 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999а. С. 114–118.

Сорокин Ю.А. Ориентальное переводоведение и его болевые точки // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 9 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999б. С. 149–153.

Сорокин Ю.А. Переводческие версии (Р. Шар, А. Мишо, Ф. Супо, Т. Тцара) // Несытые слова: Сборник памяти М.В. Тростникова. М.: МАКС-Пресс, 2000. С. 90–93.

Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000а. С. 107–115.

Порождение и восприятие речи и текста

Сорокин Ю.А. Фет и Ван Вей: генотипическое сходство? // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 10/ отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000а. С. 31–37.

Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика. 2000в. № 2. С. 187–195.

Сорокин Ю.А. Переводческий триптих / Новиков А.И. (отв. ред.) Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Сборник статей. М.: «Азбуковник», 2001. С. 261–275.

Сорокин Ю.А. Понимание непонимания: перечень дискомфортных вопросов / Романов А.А. (отв. ред.) Текст versus Дискурс. Проблемы понимания и интерпретации. Москва-Тверь: Институт языкознания РАН, Тверской институт экономики и менеджмента, 2001а. С. 32–36.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 158 с.

Сорокин Ю.А. Что мы делаем, когда переводим художественный текст? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 44–48.

Сорокин Ю.А. Поэтические энигмы: стихотворения Ли Бо в переводах Сергея Торопцева // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 15 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2005а. С. 169–175.

Сорокин Ю.А. Художественный перевод и его фиктивная реальность // Мир лингвистики и коммуникации. 2006. № 2. С. 124–127.

Сорокин Ю.А. Письма Ольги Лазаревны Фишман (к истории ориентального переводоведения) // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 17 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2007. С. 104–108.

Сорокин Ю.А. Поэтический текст и его коммуникативная тактика (попытка прогноза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2007а. № 3–4. С. 54–61.

Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 29–40.

Сорокин Ю.А. Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 146 с.

Сорокин Ю.А., Базылев В.Н. Речевой континуум и его дезоптимизации // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. С. 4–14.

Сорокин Ю.А., Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: коллективная монография / под ред. Ю.А. Сорокина. Ульяновск: Ульяновский ГУ, 2000. 134 с.

Сорокин Ю.А., Батов В.И. Атрибуция текста на основе объективных характеристик // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 1. С. 76–84.

Сорокин Ю.А., Батов В.И. Опыт построения методики для установления авторства текста // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 4. С. 289–296.

Сорокин Ю.А., Белянин В.П. Некоторые психолингвистические признаки научного и научно-популярного текста // Вопросы анализа специального текста: Межвузовский тематический научный сборник / отв. ред. А.А. Салищев. Уфа: Башкирский ГУ им. 40-летия Октября, 1983. С. 63–67.

Сорокин Ю.А., Белянин В.П. Значение анхистонимов в оценке художественного текста // Знаковые проблемы письменной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. О.Д. Кузьменко-Наумовой. Куйбышев: Куйбышевский ГПИ, 1985. С. 22–30.

Сорокин Ю.А., Власенко С.В. Текст и области его референции // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс-3. Сборник научных статей / под ред. В.Н. Базылева. Волгоград: Волгоградский институт бизнеса, 2007. С. 87–101.

Сорокин Ю.А., Залевская А.А. Функционирование текста в лингвокультурной общности: коллективная монография / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978а. 102 с.

Сорокин Ю.А., Залевская А.А. Функционирование текста в лингвокультурной общности // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–21.

Сорокин Ю.А., Красильникова В.Г. Русские художественные версии двух текстов Джима Моррисона // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. С. 41–50.

Сорокин Ю.А., Левченко Е.В. Общение и текст / Речевое общение. Проблемы и перспективы: Сб. аналитических обзоров / сост. В.Г. Садур. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. С. 20–31.

Раздел 5

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. М.: Госкомпечать СССР, 1989. 87 с.

Сорокин Ю.А. Михалева И.М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация Сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 13–26.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Отображение «текста» в тексте // Изоморфизм на разных уровнях языковой системы: Межвуз. сб. науч. тр./ отв. ред. Г.С. Клычков. М.: МОПИ, 1984. С. 69–78.

Сорокин Ю.А., Томашева И.В., Шаховский В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.

Сорокин Ю.А., Узилевский Г.Я. Взаимосвязь языкового и метаязыкового сознания и интеллекта в деятельности переводчика // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации // отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 166–167.

Сорокин Ю.А., Узилевский Г.Я. Многокультурность с позиции модели восприятия, понимания и воспроизведения драматургического текста актером // Психолингвистика и межкультурное взаимодействие: тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. С.279–281.

Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В. Психолингвистические проблемы семантики // Проблемы лингвистической семантики: Реферативный сборник / отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 115–132.

Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Шахнарович А.М. Учебный текст с экспертной точки зрения // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Институт языкознания АН СССР, 1978. С. 180–183.

Сорокин Ю.А., Шахнарович А.М., Скворцова А.В. К вопросу о логико-композиционной вариативности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М.: Наука, 1976. С. 77–79.

Сорокин Ю.А., Шахнарович А.М., Уфимцева Н.В. Смысловое восприятие и оценка текстов: обсуждение предварительных результатов на материале нормы и патологии // Проблемы психолингвистики / отв. ред. Ю.А. Сорокин и А.М. Шахнарович М.: Институт языкознания АН СССР, 1975а. С. 58–67.

Сублогический анализ языка: юбилейный сборник научных трудов к 15-летию юбилею работы научно-исследовательского коллектива «Сублогический анализ языка» / под ред. В.Н. Базылева. М.: Изд-во СГУ, 2011. 396 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.

Текст как инструмент общения: Сборник научных статей / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Институт языкознания АН СССР, 1983. 184 с.

Текст как психолингвистическая реальность: Сборник научных статей / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. 146 с.

Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. / отв. ред. А.Н. Кочергин, К.А. Тимофеев. Новосибирск: Наука СО, 1989. 197 с.

Цена слова: коллективная монография / Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. 184 с.

Шаховский В.И. Заповеди профессора Ю.А. Сорокина (памяти лингвиста) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2 (46). С. 206–207.

Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 8 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 4–38.

5.3.2. Психопоэтика текста

В.А. Пищальникова
Москва

Термин *психопоэтика* чаще употребляется психологами, когда речь идет о психологии литературного творчества, психологии восприятия художественных произведений (в частности художественных текстов). В литературоведении под психопоэтикой понимается

«область филологии, которая рассматривает соотношение *мысль – слово*, причем термин “мысль” <...> означает не только логическое умозаключение <...>, не только рациональный процесс понимания <...> но и всю совокупность внутренней жизни человека» [Эткинд 2005: 18].

В отечественной психолингвистике этот термин, во-первых, связывается с процессами порождения и восприятия *стихотворной* художественной речи:

«... мы понимаем под психопоэтикой психолингвистику не всякой художественной речи, а только *стихотворной*. Иначе говоря, в нашем понимании психопоэтика занимается психолингвистическими особенностями стиха» [Леонтьев А.А. 1997: 199].

Во-вторых, термин психопоэтика связывается с психолингвистикой художественной речи вообще [Пищальникова 1999], ведь если считать, что *художественная речь* обладает какими-то определенными закономерностями, то нелогично разделять художественную прозу и стихи, тем более что существуют их «переходные» формы (белый стих, стихотворение в прозе и др.).

А.А. Леонтьев, говоря о том, что «искусство есть деятельность особого рода – художественное производство, художественное познание и художественное общение одновременно» [там же], подчеркивал важность рассмотрения в психолингвистике третьего компонента искусства – художественного общения. Средством такого общения А.А. Леонтьев считал художественный образ как квазиобъект искусства –

«такой элемент общения, который несет самостоятельную функциональную нагрузку» [Леонтьев А.А. 1997: 200].

Характеризуя понятие квазиобъекта искусства, ученый отмечал, что этот конструкт, во-первых, не образуется набором конечного числа признаков. (Заметим, что это положение вполне соответствует теории смысловой доминанты, базирующейся на представлении о порождении личностного смысла как функциональной системы.) Важно, что определенные признаки художественного образа являются «носителями и трансляторами» личностного смысла.

Во-вторых, художественный образ обладает «очень большой степенью обобщенности и эвристичности» [там же] и поэтому не требует необходимого соотношения с реалиями. Отсюда следует специфика восприятия искусства – это восприятие

«предполагает бессознательную поисковую деятельность, в ходе которой мы, воспринимая какие-то отдельные характеристики этого квазиобъекта, синтезируем из них не просто изображение, а изображение, *отягощенное личностным смыслом*, который вложил в него творец» ([там же], курсив мой – В.П.).

А.А. Леонтьев полагал, что для восприятия искусства важны определенные конвенциональные знания о технике искусства. Они закрепляют, например, представления социума о характеристиках художественного образа и позволяют создавать и идентифицировать эти образы:

«*Техника искусства* – это те элементы художественного произведения и отдельных квазиобъектов, вплетенных в его ткань, которые сами по себе не имеют коммуникативной ценности, не являются носителями личностных смыслов, а лишь используются как признаки перцептивного компонента квазиобъектов искусства – чтобы строить или отождествлять такие объекты» [Леонтьев А.А. 1997: 201].

Поэтому ученый подчеркивает:

«... правильнее здесь говорить не о технике искусства, а о технике *восприятия* искусства, то есть не об элементах самого квазиобъекта, а о соответствующих им навыках и умениях восприятия» [там же].

Это положение отчетливо выделяет психолингвистический аспект исследования художественной речи, позволяет сформировать собственно психолингвистический предмет исследования – психолингвистические механизмы порождения, восприятия и понимания художественной речи. Цель психопэтики – не установление содержания художественного текста, а выявление представлений о характере речевой деятельности автора текста, что экспериментально доказано и сформулировано в рамках теории смысловой доминанты: см., например: ([Пищальникова 1992; Утробина 1997; Староселец 1997; Мухин 2011] и др.)

К способам реализации такого механизма А.А. Леонтьев относит ритм, рифму, строфику, фониду, поэтический синтаксис и др. То есть эти компоненты квазиобъекта – специфические знаки. Они указывают на принадлежность речевого произведения к сфере художественной речи и одновременно вводят реципиента в условность этого объекта, в определенное художественное смысловое пространство.

Приведем пример, показывающий роль перцептивных шаблонов при восприятии художественного текста, что очевидно обнаружилось в экспериментальном исследовании Т.Г. Утробиной, посвященном языковым репрезентациям комического смысла [Утробина 1997]. В качестве материала исследования были использованы рассказы А. Аверченко, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Тэффи; объект исследования – способы вербальной репрезентации комического в юмористических текстах, предмет – смысловая структура комического, рассматриваемого как эмотивно-когнитивный лингво-ментальный механизм психофизиологической и психологической природы, функционирующий по принципу функциональной системы и объективированный в продуктах деятельности человека, в том числе в вербальных.

Будучи репрезентированным в системе вербальных компонентов текста, комическое становится основой понимания содержания текста, основой для построения личностного смысла реципиента. Это предположение проверялось в серии последовательных экспериментов, в одном из которых реципиентам предлагалось восстановить разрушенную структуру текста (комический текст предварительно намеренно разделялся экспериментатором на ряд произвольных фрагментов). В эксперименте принимали участие разные группы респондентов, отличающиеся степенью владения навыками восприятия и анализа художественного текста. Это были школьники (учащиеся выпускных классов неспециализированных общеобразовательных школ), студенты филологических и нефилологических специальностей, учителя-словесники. В эксперименте решался ряд вопросов, одним из которых было установление характеристик текста, которые интерпретируются респондентами как репрезентанты комического смысла.

Результаты эксперимента позволили сказать, что традиционные стилистические средства в большинстве случаев осознаются респондентами как средство ввода в «художественный континуум». Они сигнализируют о том, что перед испытуемым – художественный текст, но не являются собственно репрезентантами личностного смысла.

(Ср.: «Гетерономные формы дают реципиенту возможность опоры на известные ему “правила игры” в искусстве, как в обычном языке правила построения высказывания и правила организации высказываний в текст дают ему возможность понять то *новое*, что хочет вложить говорящий в свое сообщение» [Леонтьев А.А. 1997: 203]).

Понимание/непонимание доминантного смысла юмористического текста, как и любого другого, строится на соотношении трех составляющих: доминантной эмоции, репрезентированной в системе вербальных единиц, авторского личностного смысла как функциональной системы содержания текста, культурной и языковой компетентности индивида. При восстановлении намеренно разрушенной структуры текста респонденты трех экспериментальных групп в подавляющем большинстве случаев опирались на формально-семантическое содержание языковых единиц и содержание конвенциональных стереотипов, и потому уровень реконструкции текста оказался тем выше, чем выше стереотипность авторского текста. Таким образом, процесс восстановления намеренно разрушенной структуры юмористическо-

го текста обнаружил не креативную, а операциональную доминанту деятельности даже в условиях, когда экспериментатор подчеркивал, что в задании предлагается восстановить юмористический текст. Результаты эксперимента актуализируют одну из прикладных задач психолингвистики – целенаправленную разработку методик обучения технике искусства:

«...технике нужно учить – сначала фиксируя внимание на ее компонентах, ставя их в “светлое поле сознания” (перцептивные *действия*), затем автоматизируя, подчиняя задаче комплексного «одномоментного» восприятия квазиобъекта искусства (перцептивные *операции*)» (цит. раб.: 201).

Подчеркнем, что в постановке задач психопэтики А.А. Леонтьев полностью следует теории речевой деятельности, разграничивая действия и операции в восприятии квазиобъекта искусства. Технику восприятия искусства А.А. Леонтьев называет «вехами», по которым воссоздается квазиобъект искусства.

Содержательно квазиобъект искусства, по А.А. Леонтьеву, фиксирует отношение человека к миру, является «образом человека в мире» [цит. раб.: 202]. В силу того, что художественный образ не обладает определенным количеством специфических признаков (то есть строится как функциональная система), основная проблема восприятия искусства, по А.А. Леонтьеву, – закономерности организации квазиобъектов в художественное целое и «построение квазиобъектов высших порядков (стихотворение) из более элементарных (поэтическое слово)» [цит. раб.: 203].

И здесь особое значение приобретают художественные стереотипы как конвенциональные реализации представлений о «художественности» вообще, «кодифицированные элементы художественной формы» – правила построения и оперирования с квазиобъектами, которые А.А. Леонтьев, вслед за Р. Грубером, называет гетерономными формами и противопоставляет их автономным – «таким сочетаниям исходных элементов, которые не стереотипны, не кодифицированы» [там же], могут накладываться на гетерономные и подчинять последние. Техника восприятия искусства предполагает, что «новый образ обязательно должен быть функционально осмыслен для реципиента в составе частично гетерономной конструкции: только тогда он начинает свое независимое существование как квазиобъект искусства» [Леонтьев А.А 1997: 204]. Это вполне соответствует законам познания, понимания и коммуникации («общение искусством строится в принципе так же, как любое общение» [там же]). А.А. Леонтьев отмечает и принципиальное отличие своей позиции в проблеме восприятия художественной речи:

«слабость большинства традиционных (и структуралистских) исследований поэтики как раз в том, что они видят системность в самом тексте, а не в процессах его порождения или восприятия» [цит. раб.: 205].

Если суммировать теоретические основания психопэтики по А.А. Леонтьеву, можно заключить, что психолингвистика должна установить те факторы, которые обуславливают мотивы использования речевых операций и структуру речевых действий в художественной речи и показать, каким образом эта система мотивов, операций и действий репрезентирована в тексте. В этом смысле актуальными являются исследования, выясняющие различные оценки текста реципиентами: тактики и параметры оценивания, степень совпадения/несовпадения оценок, обусловленные личностным опытом индивидов, в том числе и опытом восприятия различных текстов.

Один из путей решения поставленной задачи – установление специфики порождения смысла (личностного смысла) художественного текста.

При построении психопэтики актуальными оказываются несколько положений Л.С. Выготского:

- (1) предметом анализа является способ построения элементов художественного текста, его форма;
- (2) именно восприятие этой специфической формы художественного текста порождает и особую реакцию – эстетическую;
- (3) элементы и структура текста должны быть подвергнуты функциональному анализу,

устанавливающему специфику протекания эстетической реакции реципиента, а не ее результат;

(4) закономерности мотивационно-смысловой динамики художественного текста не требуют статистических обобщений: любое индивидуальное психическое событие закономерно.

Эстетическая речевая деятельность возникает из потребности, предметом которой является сам процесс деятельности. Это вполне согласуется с современными данными психологов, изучающих процессы мотивации психической деятельности. Так, В.К. Вилюнас пишет:

«... ряд важнейших человеческих мотивов вообще не имеет характера результативной направленности, в связи с чем отвечающие им частные цели могут не обнаруживать инструментальной подчиненности и зависимости от конечных целей... и предметы действий, и сами действия представляют ценность сами по себе» [Вилюнас 1999: 31].

Вспомним, что еще Л.С. Выготский отмечал:

«... художественные произведения, возникая из некоторого стремления художника, заканчивают собой это стремление и служат его цели» [Выготский 1990: 353].

Целью эстетической речевой деятельности является репрезентация личностных смыслов, а результатом ее – совокупность эстетически значимых смыслов, помещенных в условное пространство художественного текста.

Для реципиента содержание эстетической речевой деятельности автора выявляется в процессе понимания смысловой структуры речевого произведения, то есть построения своей собственной системы смыслов в процессе интериоризации этой структуры. Содержание текста для реципиента не равно ни авторским личностным смыслам, ни сумме инвариантных значений, соотносящихся с единицами языка, представленными в художественном тексте, потому что, согласно теории деятельности, оно принципиально возникает как система личностных смыслов реципиента, актуализированная текстом и *каким-то образом* соотносящаяся с содержащимися в нем смыслами.

В процессе восприятия языковые знаки ассоциируются со смыслами, извлекаемыми из вербальной памяти читателя, и порождают психологически актуальные смыслы, обусловленные как структурно-содержательными характеристиками текста, так и содержанием мышления реципиента. Следовательно, в процессе понимания художественного текста осуществляется специфическое взаимодействие концептуальных систем автора и реципиента, а сам художественный текст существует как эстетическая речевая деятельность только в процессах его восприятия и понимания. Частичное совпадение концептуальных систем автора и воспринимающего становится основой для понимания текста, и чем больше степень совпадения содержания концептуальных систем, тем адекватнее авторским личностным смыслам воспринимается его содержание. При отсутствии какой-либо общности между концептуальными системами осмысление художественного текста реципиентом тоже осуществляется, однако адекватное авторскому пониманию не возникает. Подчеркнем, что в силу принципиальной уникальности опыта индивида полного совпадения концептуальных систем автора и реципиента не может быть, а следовательно, невозможно и понимание художественного текста, вполне тождественное авторскому содержанию.

В связи со сказанным для научного анализа специфики понимания художественного текста актуален вопрос о характере и степени мотивированности языковой формы авторским личностным смыслом, поскольку именно на нее опирается реципиент в процессе порождения своих смыслов. Такой вопрос для автора и «наивного» реципиента художественного текста не релевантен, ведь мотивы эстетической речевой деятельности осознаются ими или частично, или не осознаются вообще.

Психолингвистическую базу восприятия личностных смыслов, репрезентированных в художественном тексте, образуют:

- сходные механизмы восприятия и порождения речи, основывающиеся на единых для всего организма человека нейрофизиологических процессах;

Порождение и восприятие речи и текста

- единый механизм эквивалентных смысловых замен;
- сходство в индивидуально-субъективном осмыслении предметной сферы объективного мира;
- механизм саморегуляции ассоциативных уровней;
- языковые, в том числе стилистические, конвенции;
- единый механизм образования и проявления эмоций (аффектов и чувств).

Деятельностный подход к моделированию понимания текста, сформулированный А.А. Леонтьевым, предполагает анализ ментальных операций (речевых действий и речевых операций), а не анализ языковых элементов. Это, как уже не раз отмечалось, анализ по смысловым единицам, а не по элементам языка, но с опорой на способы репрезентации этих операций в знаках языка. Такой анализ возможен лишь как следствие понимания текста. Понимание же базируется на соотношениях личностных смыслов, возникающих в процессе понимания.

Художественный текст рассматривается в психоэстетике как речевое произведение, форма опосредованной коммуникации, поэтому мы полагаем, что как создание его, так и понимание непосредственно связаны с проблемами речевого общения. Художественный текст – коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его понимания. В этом определении фиксируется несколько существенных свойств художественного текста.

Во-первых, коммуникативная направленность художественного текста проявляется в том, что каждый его создатель предполагает читателя, а потому любой художественный текст реализуется в конвенциональных языковых единицах, в том числе стилистических конвенциях, на которые опирается в своей эстетической деятельности автор.

Во-вторых, эстетическая ценность художественного текста – результат эстетической речевой деятельности автора, которая репрезентируется в тексте, а потому может быть смоделирована с той или иной степенью точности.

В-третьих, в определении в полном соответствии с теорией речевой деятельности подчеркивается, что личностный смысл художественного текста возникает в процессе его понимания; по Н.А. Рубакину, «содержание текста есть функция читателя». Отсюда и представление «о художественном тексте как потенциально плюралистическом состоянии знаков в их содержательно-формальном аспекте» [Сорокин 1985: 29].

Такая позиция, неоднократно подтвержденная экспериментально, отчетливо представлена в библиопсихологических законах Н.А. Рубакина, в свое время всесторонне и тщательно проанализированных Ю.А. Сорокиным [Сорокин 1968], который считал принципиальными такие положения психолингвистического анализа художественного текста:

- (1) понимание текста как формы субстантивации опыта, приобретаемого человеком во всех видах деятельности;
- (2) текст как совокупность знаков обладает потенциальным содержанием, которое формируется только в ходе интерпретации текста;
- (3) индивид как представитель этноса присваивает этнически специфичные способы и средства освоения мира и репрезентирует этот опыт в речевой деятельности;
- (4) семиотико-поведенческая сторона личности обнаруживает принадлежность её к культуре этноса и отражается в структуре и содержании созданных индивидом текстов;
- (5) маркерами этничности выступают единицы языка, имеющие культурно-символическое содержание.

Ю.А. Сорокин считает необходимым создание особых, «неаналитических» методов анализа текста, адекватных его свойствам как самоорганизующейся системы. Это прежде всего поиск инструментов измерения субъективных оценок, отражающих «аксиологические форматы» понимания или непонимания текста (например, метод семантического интеграла).

Доминантный личностный смысл художественного текста

Область существования смысла значительно шире области языка, но при этом всякое языковое выражение, направленное на коммуникацию, должно быть осмысленным. Организация языковых средств с позиций психолингвистики детерминируется личностным смыслом как мотивом речевой деятельности, но одновременно целью и продуктом ее понимания. Чаще смысл в лингвистике рассматривается «с позиции слушающего» – как некое мыслительное образование, возникающее *в результате* понимания текста. В этом случае смысл – исследовательский конструкт, опираясь на который интерпретаторы пытаются установить цельность и связность текста. Для психолингвистического объяснения смысловой организации речевого произведения нами введено понятие смысловой доминанты как конституента семантического пространства текста [Пищальникова 1992].

Экстраполируя *принцип* доминанты А.А. Ухтомского на процесс порождения речевого произведения, можно полагать, что отбор языковых единиц – репрезентантов смысла осуществляется в соответствии с действующей эмоционально-смысловой доминантой. Иными словами, доминанта, обладая низким порогом возбудимости, отбирает адекватные для своей репрезентации языковые выражения и определяет тем самым ход процесса текстопорождения, структурирует «поле смысла».

Понимание текста – сложный ментальный процесс, который управляется смысловыми доминантами – актуальными личностными смыслами данного речевого произведения. При сопоставлении содержания ряда художественных текстов одного и того же автора могут быть выделены инварианты личностных смыслов, представляющие знание и мнение автора о каких-либо реалиях и их эстетическую оценку. Такие инварианты личностных смыслов можно считать смысловыми константами определенной концептуальной системы, поскольку они интегрируют различные содержательные компоненты, представляющие смыслы определенной реалии, возникающие в различных актах речевой деятельности одного человека (в частности, автора художественного текста). Мы называем их доминантными смыслами концептуальной системы индивида, и выделение их возможно в научном анализе наряду с установлением доминантных смыслов конкретных речевых произведений. Это научные абстракции разного порядка, необходимые для обнаружения специфики речевого действия в эстетической речевой деятельности и законов ее продуцирования.

В определении личностного смысла исследователь, как и «наивный» читатель, опирается на текстовые языковые структуры, репрезентирующие содержательный характер речевого действия, и прежде всего на выделение «смысловых опор», которые обнаруживаются реципиентом как повторяющиеся, следовательно, акцентированные автором текста личностные смыслы. Непрерывное смысловое пространство художественного текста, представляющее содержание фрагмента образа мира его продуцента, дано реципиенту в языковых репрезентантах смысла, вследствие восприятия которых происходит актуализация ассоциативно-вербальной сети и возникновение собственных личностных смыслов в сознании реципиента. Поэтому интерпретация языковых выражений реципиентом осуществляется одновременно и как процесс осмысления зафиксированных в вербальном коде авторских личностных смыслов, и как эстетическое *осмысление самого вербального кода*: посредством языка происходит оперирование смыслами. Отсюда вопрос о смысле текста – это вопрос его интерпретации в определенной системе языковых значений, соотносящихся с содержанием сознания воспринимающего текст.

По сути, понимание текста – это возможность построения релевантной структуры смыслов в сознании реципиента с помощью той же системы языковых значений. При этом в художественном тексте не актуально системное значение единицы языка. Здесь осуществляется процесс «проникновения за значение» (А.Н. Леонтьев), и языковой знак не иллюстрирует некий «универсальный смысл», а фиксирует личностный смысл, возникающий в данной речевой деятельности и актуальный для нее. Значение языковой единицы,

Порождение и восприятие речи и текста

конвенционально соотносимое с определенным инвариантным содержанием, является только опорой для представления личностного смысла, потому что иной опорой индивид не обладает: язык – средство ориентации в сознании другого. «Степень расхождения» между психологическим значением и личностным смыслом, которую «улавливает» реципиент, свидетельствует об индивидуальности их ассоциативно-вербальных сетей.

Поэтому в художественном тексте осуществляется не «индивидуальное представление» конвенционального значения, о чем часто говорят исследователи, а *представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах*. Язык при этом, подчеркнем еще раз, выступает средством конвенциональной ориентации в системе эстетически значимых смыслов автора.

Исходя из того, что художественный текст структурируется в соответствии с мотивами и целью эстетической деятельности, можно считать, что его понимание «*вызывается с принудительной необходимостью организацией поэтического материала*» ([Выготский 1990:177], курсив мой. – В.П.). Подробно о содержании интерпретирующих терминов психопоэтики, об эстетизированной эмоции художественного текста, способах ее представления и анализа, о роли метафоры и ритма в репрезентации доминантного личностного смысла см в: [Пищальникова 2021].

Литература

- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Мухин М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование: на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова: дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 383 с.
- Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 131 с.
- Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. 209 с.
- Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина и смежные науки: (К постановке вопроса) // Исследования и материалы. М.: Книга, 1968. С. 55–69.
- Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
- Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997. 23 с.
- Утробина Т.Г. Экспериментальное исследование языковых репрезентаций комического смысла: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1997. 23 с.
- Эткинд Е.Г. Психопоэтика: «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования. СПб.: Искусство–СПб, 2005. 704 с.

5.3.3. Текст и его смысл (психолингвистические исследования в русле школы А.И. Новикова)

В настоящем разделе рассматривается направление психолингвистики, известное как «психолингвистика текста», основателем которого был исследователь текста и его смысла, Анатолий Иванович Новиков (1938–2003).

Научная парадигма, в русле которой на протяжении трех десятков лет осуществляются два региональных направления – пермское и уфимское – берет свое начало в 80-х гг. прошлого века. Основоположник научной школы – Анатолий Иванович Новиков, талантливый теоретик и «прикладник», ученик и аспирант Николая Ивановича Жинкина, полагавшего, что «логика развития исследований в области речи» ведет «к проблеме текста как центрального звена, где происходит взаимодействие языка и мышления» [Жинкин 1982: 3]. С 1977 г. А.И. Новиков осуществлял свою научную деятельность в Институте языкозна-

ния АН СССР, пройдя путь от старшего научного сотрудника сектора структурной прикладной математической лингвистики до заведующего отделом прикладного языкознания (1994–2003 гг.). В этот период времени под его руководством выполняются диссертационные исследования, посвященные различным проблемам текста, процессам его понимания и порождения, перевода и типологии текста: «Реферативный перевод как смысловое свертывание текста» (Н.М. Нестерова, 1985), «Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации» (Н.П. Пешкова, 1987); «Антиципация в процессе понимания текста» (Т.В. Вшивкова, 1988); «Принципы определения смыслового эллипсиса в тексте» (Л.В. Михайлова, 1988); «Когнитивные аспекты текста» (Т.В. Старцева, 1989); «Лингвистическая модель порождения вторичного текста» (Н.Л. Сунцова, 1995); «Научно-популярный текст: сложность понимания» (И.В. Богословская, 2001) и др.

По свидетельству современников и коллег Анатолия Ивановича, ему удалось создать, прежде всего, «новое направление исследования семантики текста» [Васильева 2004: 7]. Одним из важнейших достижений этих исследований стал метод денотативного анализа текста и графической экспликации глубинных семантических структур его содержания в форме денотатного графа, воплощенный затем в трудах его учеников и последователей, составивших «Новиковскую школу» в Уфе и Перми [там же].

Оценивая теоретическую значимость исследований А.И. Новикова, нельзя не вспомнить его первую монографию «Семантика текста и ее формализация», опубликованную в 1983 г. и ставшую почти мгновенно научным бестселлером [Новиков 1983]. Книга не просто заложила основы нового на момент ее создания направления психолингвистики, названного позднее самим автором «психолингвистикой текста» [Новиков 2007: 17], на протяжении четырех десятилетий она остается теоретической базой и источником новых прикладных разработок, воплощенных в теоретико-экспериментальных диссертационных исследованиях его учеников и последователей в Москве, Перми и Уфе. Принципы денотативного анализа содержательно-смысловой структуры текста, сформулированные ее автором в 80-х гг. прошлого века, обрели новую жизнь в современных компьютерных технологиях нового века, разрабатываемых группой пермских программистов в содружестве лингвистами «Школы А.И. Новикова».

Главным предметом научного интереса А.И. Новикова в последние годы его жизни стала проблема Смысла. По мнению ученого, с обращением исследователей к тексту и дискурсу смысл неизбежно становится одной из фундаментальных категорий как теории текста, так и всей науки о языке. Основы новой «текстовой» теории смысла, разрабатываемой исследователем на рубеже веков, с 1997 по 2003 гг., были заложены в ряде его статей и в незавершенной монографии «Текст и его смысловые доминанты», опубликованной в 2007 г. под редакцией Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой и Н.П. Пешковой [Новиков 2007].

В последних трудах А.И. Новикова получила глубокое освещение проблема онтологии смысла; исследовались закономерности и механизмы смыслообразования, отличные от механизмов формирования содержания, действующих в процессах восприятия и понимания текста; был разработан эффективный инструмент изучения процессов понимания, метод «встречного текста», основанный на принципах теории смысла [Новиков 1999; 2001; 2002; 2003; Новиков 2007].

Множество идей, связанных с разработкой теории текста и его смысла, были лишь намечены ученым и не получили дальнейшего развития при его жизни. Эти идеи научного наследия А.И. Новикова, оставленного его ученикам и перешедшие к новой генерации ученых, продолжают свое развитие. В настоящем разделе монографии получают освещение два региональных проекта, уфимский и пермский, реализуемые представителями школы А.И. Новикова в новых условиях развития психолингвистики текста. Отметим, что своим возникновением данные проекты, во многом, обязаны тому, что одними из первых учеников и аспирантов А.И. Новикова стали исследователи из Перми и Уфы [Нестерова, Пешкова 2009: 283–286].

5.3.3.1 Уфимское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов

Н.П. Пешкова
Уфа

Следует отметить, что уфимское направление «Школы А.И. Новикова» ведет свою историю с конца 80-х гг. двадцатого века. За тридцатилетний период его представители осуществили более двадцати разработок в русле психолингвистики текста, воплотившихся в успешно защищенных пятнадцати диссертациях, пяти опубликованных монографиях, десятках учебных пособий и не в одной сотне научных статей.

В 1987 году в Институте языкознания АН СССР под руководством А.И. Новикова первый представитель Уфы, Н.П. Пешкова, защищает кандидатскую диссертацию, посвященную изучению характеристик различных типов текстов, составляющих основания для их классификации. Теоретической основой исследования становится метод денотативного анализа текста, и денотатный граф используется как практический инструмент экспликации внутренних, принадлежащих структуре содержания, характеристик различных типов текста [Пешкова 1987].

Типологические исследования текста, начавшиеся с разработки классификационной схемы, основанной как на лингвистических характеристиках, так и на психолингвистических, глубинных свойствах текста, составляющих его содержательно-смысловую организацию, завершилось в 2002 г. опубликованием монографии «Типология научного текста: психолингвистический аспект» [Пешкова 2002а] и защитой докторской диссертации «Психолингвистические аспекты типологии научного текста» [Пешкова 2002б], научным консультантом которой выступал А.И. Новиков.

Предложенная автором типологическая система, основанная на моделях корреляции лингвистических и психолингвистических характеристик текста, прошла апробацию с использованием специальной компьютерной программы в московском Институте языкознания РАН и затем была подвергнута проверке в ходе психолингвистического эксперимента, проведенного в Уфе и включавшего этапы порождения и понимания письменных сообщений с участием более двух тысяч испытуемых – потребителей различных видов научных, научно-популярных и технических текстов [Пешкова 2002а; 2015].

Теоретическая значимость текстовых характеристик, выявленных в исследовании и составивших типологические модели корреляции, экспериментально подтвердилась их валидностью на всех уровнях «жизненного цикла» текста, представленного автором в виде схемы: порождение – текст – понимание, или замысел – текст – смысл [Пешкова 2002а].

Следующим вкладом уфимских исследователей в развитие теории текста и его смысла А.И. Новикова стала кандидатская диссертация Н.Л. Сунцовой «Лингвистическая модель порождения вторичного текста» [Сунцова 1995], выполненная в Институте языкознания РАН под руководством проф. А.И. Новикова в 1995 г. Денотативный метод также составляет теоретическую базу этого исследования. Денотатный граф остается инструментом изучения порождения вторичного текста с целью построения модели данного процесса, в очередной раз, на практике подтверждая свою эффективность в качестве технологии проникновения в глубинные психолингвистические структуры внутренней организации семантики целого речевого произведения.

В конце 90-х еще один представитель уфимской «ветви» «Школы А.И. Новикова», уже сложившейся к тому времени, И.В. Богословская, начинает разрабатывать проблему понимания текста на материале научно-популярной литературы. В 2001 году в Институте языкознания РАН она защищает кандидатскую диссертацию «Научно-популярный текст: сложность понимания» [Богословская 2001]. Совместно со своим научным руко-

водителем, опираясь на предложенный им алгоритм сложности понимания информации, И.В. Богословская строит модель понимания с использованием эксплицитной и имплицитной информации текста.

С конца 90-х и вплоть до своего ухода из жизни в 2003 г. Анатолий Иванович Новиков занимался «поисками смысла» текста, в шутку называя себя «смысловиком». Он не просто обсуждал проблемы со своими учениками, но и делился с ними своим новыми идеями с присущей ему щедростью и бескорытием. Сегодня можно с сожалением констатировать, что многим из этих идей не суждено было осуществиться в полной мере при его жизни. Тем не менее, научное наследие ученого перешло к новой генерации исследователей, в экспериментальных работах которых нашли воплощение идеи, высказанные А.И. Новиковым ранее, как сейчас видится, с опережением своего времени.

С начала 2000-ых в Уфе разработки в русле психолингвистики текста ведутся учеными следующего научного поколения под руководством проф. Н.П. Пешковой. В 2004г. в Башкирском государственном университете защищаются две кандидатские диссертации, каждая из которых вносит свой вклад в развитие теории текста и смысла А.И. Новикова и, одновременно, в психолингвистическую типологию текста Н.П. Пешковой. Работа Г.Х. Даутовой «Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков)» стала реализацией принципов текстотипологической модели Н.П. Пешковой с опорой на теорию текста А.И. Новикова [Даутова 2004].

Последовательным продолжением и развитием идей психолингвистики текста А.И. Новикова, связанных с изучением механизмов формирования содержания и смысла текста как принципиально различных явлений, стала диссертационная работа Н.В. Матвеевой «Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет)» [Матвеева 2004].

Экспериментальный материал в форме вторичных текстов-пересказов участников эксперимента свидетельствует о том, что при понимании письменного текста механизмы формирования его содержания реализуются в использованных испытуемыми вербальных стратегиях, основанных на применении так называемой «эндо-лексики» (по терминологии А.И. Новикова). Эта лексика извлекается реципиентами непосредственно из текста-оригинала и служит инструментом построения вторичного текста как результата понимания прочитанного. Важным является тот факт, что при этом во внутренней форме вторичного текста полностью сохраняется иерархия единиц структуры содержания, заданная автором произведения (на уровне подтем, субподтем, микротем).

Что касается механизмов смыслообразования, вербальные стратегии их реализации проявляются в употреблении испытуемыми «экзо-лексики», характеризующейся отстраненностью по отношению к тексту-оригиналу в большей или меньшей степени. Одновременно происходит перестройка иерархии внутренней структуры, присущей исходному тексту, на уровне не только субподтем, но и подтем, что со всей очевидностью демонстрирует денотатный граф, используемый исследователем в качестве инструмента экспликации и последующего сравнения содержательной структуры текста-оригинала, представленной контрольным графом, и содержательно-смысловых структур вторичных текстов, порождаемых испытуемыми [там же].

Таким образом, денотатный граф эксплицирует действие различных стратегий «извлечения» содержания и «приписывания» смысла в процессах понимания текста, что становится экспериментальным подтверждением одного из главных положений теории смысла А.И. Новикова.

Два исследования выполнены в русле уфимского направления «Школы А.И. Новикова» на материале нескольких языков и имеют сравнительно-сопоставительный характер. Одно из них – диссертационная работа Г.В. Вахитовой «Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)».

В диссертации исследователь успешно сочетает использование метода денотативного анализа текста с методом ассоциативного эксперимента [Вахитова 2007].

Г.В. Вахитовой исследуется также специфика понимания специального юридического текста профессиональными юристами и неподготовленным читателем. По мнению исследователя, она проявляется в степени эмоционально смыслового восприятия содержания текста тем или иным типом адресата, независимо от степени лингвистической экспрессивности самого текста, тем самым подтверждается еще один из тезисов А.И. Новикова об особенностях функционирования смысла как обширной, недифференцированной области сферы мышления [Новиков 1999–2003].

Особенности понимания иноязычного текста в русле психолингвистики текста А.И. Новикова исследуются и в диссертации А.А. Авакян (Шияповой) «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке)» [Авакян 2008]. Автор исследует механизмы перехода с одного уровня обработки информации на другой в условиях необходимости использования чужого языка, анализируя промежуточные варианты перевода от «чернового» к «беловому».

Представляет интерес гипотеза о механизмах «расширения», «сужения» и «перечеркивания» авторского смысла текста, действующих в процессе осмысления иноязычного сообщения, разработанная А.А. Авакян в сотрудничестве с Н.П. Пешковой и получившая экспериментальное подтверждение в диссертации.

На протяжении последних десяти лет уфимская группа исследователей, возглавляемая Н.П. Пешковой, занимается разработкой интерактивной модели понимания текстов различных типов на основе метода «встречного текста» А.И. Новикова. Метод был предложен, как известно, в последнем теоретико-экспериментальном труде ученого, опубликованном в конце 2003 г. в журнале «Вопросы психолингвистики» [Новиков 2003]. В июне 2003-го уфимская группа исследователей получила от автора метода предложение о сотрудничестве в области экспериментальных исследований с привлечением региональной аудитории испытуемых и с использованием метода «встречного текста» на материале различных типов речевых произведений.

Начало новому уфимскому проекту в русле «школы А.И. Новикова» было положено в 2004 г., а его первые результаты представлены в диссертационном исследовании И.В. Кирсановой «Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания» [Кирсанова 2007].

Напомним кратко процедуру экспериментальной методики, в основе которой лежит метод «встречного текста». Она заключается в том, что участники эксперимента, читая текст, последовательно записывают «все, что приходит им в голову» в момент прочтения каждого предложения, не забегая вперед. Это могут быть вербальные ассоциации, мнения, оценки, суждения, воспоминания, ожидания и т.п. Адресат сам регистрирует свои вербальные реакции на информацию, представленную в каждом предложении текста.

Продуцируемый в процессе чтения «встречный текст» (по терминологии А.И. Новикова), состоящий из множества вербальных реакций, можно рассматривать в качестве материализации процесса понимания средствами языка. «Встречные тексты» характеризуются большим разбросом реакций по каждому испытуемому, что, по мнению А.И. Новикова, свидетельствует о многообразии индивидуальных стратегий, используемых ими для решения «задачи на понимание». При одинаковых видах реакций, возникающих в процессе понимания, экспериментатор получает различные варианты их комбинаций, присущие разным реципиентам. Такие варианты комбинаций можно отнести к проявлению индивидуальных стратегий, используемых испытуемыми. Однако анализ экспериментального материала позволяет наблюдать не только индивидуальные стратегии обработки информации, но и выявить некоторые инвариантные комбинации реакций, присущие подавляющему большинству реципиентов при восприятии того или иного типа

текста. В таких инвариантах выделяются наиболее частотные ядерные реакции, менее частотные периферийные и малоупотребительные виды реакций.

Сравнительный анализ результатов, полученных И.В. Кирсановой на материале научно-популярного текста, а также данных, приведенных в работах А.И. Новикова с использованием художественного текста [Новиков 2003] и Н.П. Пешковой с привлечением текста научного [Пешкова 2006], позволил высказать предположения относительно разработки общей и частных интерактивных моделей понимания текстов различных типов.

Мы пришли к выводу о том, что общая модель понимания текста любого типа представляет собой достаточно устойчивую комбинацию реакций смыслового и содержательного типа, входящих в ядро и периферийную часть общего поля реакций «встречных текстов» реципиентов.

Что касается частных моделей понимания текстов конкретного типа (художественного, научного, научно-популярного, Библейского и др.), они входят в общую модель, отличаясь друг от друга, прежде всего, составом ядра, включающего доминирующие виды реакций, а также и компонентами периферийной части, сопровождающей ядро [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010].

Наше предположение подтвердили дальнейшие экспериментальные работы исследователей уфимской группы, осуществленные на материале различных типов текстов, выступающих в качестве объекта понимания. Среди них разнообразные научно-популярные статьи [Анохина 2010], фрагменты Библии [Давлетова 2012], статьи глянцевого журналов [Моисеева 2017], интернет-тексты [Титлова 2018].

По нашим данным, модель понимания научно-популярного текста отличается тем, что среди ядерных реакций в ней доминирует «ассоциация» (18,7%), «оценка» (16,1%), «мнение» (15%) и «ориентировка» (9,8%). Реакции ядра все вместе достигают 59,6% от общего числа реакций.

Периферийные виды реакций включают «перефразирование» (5,9%), «перевод» (5,4%), «констатацию» (5,6%) и «вывод» (4,9%). Они составляют 21,8%, а вместе с ядром модели достигают 81,4%. На малоупотребительные виды приходится оставшиеся 18,7%. Среди них «предположение» (4,3%), «прогноз» (4%), «генерализация» (3,9%), «свободный ответ» (3,6%), «визуализация» (1,1%), «компликативная» (1,1%), «инфиксация» (0,5%), «интертекст» (0,2%) [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010: 73–80].

Для ядра модели понимания текста Библии характерно преобладание реакций «оценки» (18,6%), «мнения» (17,1%), «генерализации» (11,8%), «констатации» (11,3%) и «компликативной» реакции (11,1%).

Периферийные реакции в процентном отношении значительно отрываются от ядерных. К ним относятся: «вывод» 4,5%, «ориентировка» 4,2%, «визуализация» 3,9%, «перефразирование» 3,7%, «перевод» 3,1% [Давлетова 2012].

В диссертационном исследовании А.В. Моисеевой, осуществленном на материале глянцевого журналов, доминирующими видами реакций, составляющих ядро модели понимания вербальных и поликодовых текстов соответственно, оказались следующие: оценочные реакции 31,1% и 29,8%; перефразирование 12,4% и 16,6%; ассоциация 12,8% (только для вербальных); перевод 14,9% (только для поликодовых).

Количественный анализ реакций по двум сериям эксперимента выявил значительное превосходство релятивных, т.е. смысловых, типов над содержательными при восприятии глянцевого текста, как без иллюстраций, так и с иллюстрациями. При понимании вербального текста это соотношение составляет 86% смысловых реакций к 14% содержательных видов. При понимании поликодового текста – 87% релятивных реакций к 13% содержательных [Моисеева 2017].

Анализ экспериментальных данных с целью построения модели понимания включал как количественный этап, позволивший выявить наиболее частотные виды реакций, составив-

Порождение и восприятие речи и текста

шие ядро модели, так и качественный. Одним из аспектов качественного анализа было выявление содержательных и релятивных или смысловых видов реакций.

По данным исследования И.В. Кирсановой, при понимании научно-популярного текста 40% используемых испытуемыми стратегий составляют стратегии с равным соотношением содержательных и смысловых (релятивных) реакций, т.е. характеризующиеся их равновесием. Другие 40% приходится на стратегии с преобладанием содержательных видов реакций. Смысловые виды реакций доминируют в 20% стратегий [Пешкова, Авакян, Кирсанова, Рыбка 2010: 110].

Особенности понимания текста Библии проявляются в явном преобладании во «встречных текстах» реакций смыслового типа, в том числе, оценочного характера (более 50%) [Давлетова 2012].

Таким образом, сравнительный количественный и качественный анализ позволил увидеть, что процесс понимания научно-популярного текста сопровождается равновесием содержательных и смысловых реакций, составляющих стратегии, лежащие в основе модели понимания текстов данного типа. В отношении понимания научного текста можно говорить об относительном преобладании содержательных реакций, по данным самого А.И. Новикова [Новиков 2003] и по нашим результатам [Пешкова 2015].

Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что тип текста играет не последнюю роль в выборе стратегий его понимания, и что общая модель понимания должна строиться на локальных моделях, связанных с различными типами речевых произведений. В денотатных структурах научного и научно-популярного типов текстов содержательный аспект либо доминирует, либо находится в отношениях равновесия со смысловым аспектом. Можно предположить, что этот фактор влияет на соотношение реакций во «встречных текстах» испытуемых.

Текст Библии, как известно, относится к типу речевых произведений без жестких смысловых направляющих, регулирующих процесс понимания, что создает большой интерпретационный потенциал подобных типов текстов и побуждает реципиента к продуцированию разнообразных смысловых реакций.

Модель понимания текстов глянцевого журналов, предложенная в исследовании А.В. Моисеевой, демонстрирует эту тенденцию в еще большей степени. Как мы упоминали выше, на смысловые реакции в модели приходится 86%-87% [Моисеева 2017].

Одно из последних исследований в рамках обсуждаемого проекта на сегодня – диссертационная работа А.С. Титловой – посвящено изучению особенностей восприятия интернет-текстов с целью разработки локальной модели понимания, функционирующей в интернет-коммуникации [Титлова 2018]. Это единственное исследование в русле уфимского направления, в котором не проводился эксперимент как таковой. Материалом для изучения в данной работе стали комментарии пользователей микроблогов, представляющие собой «встречные тексты», порождаемые не по правилам эксперимента, а в условиях естественной интернет-коммуникации. При этом, как показал анализ, все они представляют собой те же самые виды реакций, выявленные и описанные в оригинальной методике А.И. Новикова.

Количественный и качественный анализ данных в соответствии с методом «встречного текста» позволил исследователю построить модель понимания, в которой общее число смысловых реакций достигает 92,6% [Титлова 2018]. Это, безусловно, отличает модель понимания интернет-текста от всех предыдущих, однако и данной модели присущи общие закономерности, выявленные ранее на материале других типов текстов, обсуждаемых выше.

Нужно отметить, что свой вклад в построение интерактивной модели понимания письменного текста внесли еще две диссертационные работы, одна из которых была посвящена экспериментальному изучению соотношения эксплицитной и имплицитной информации в процессе понимания [Анохина 2010]; предметом изучения другой стала вторичность

как онтологическая характеристика текста, исследуемая на материале учебного дискурса [Яхиббаева 2009].

Сегодня мы можем констатировать, что проект уфимского направления школы А.И. Новикова достиг определенных результатов и продолжает свое развитие в исследованиях различных аспектов понимания текста. Разработку локальных моделей понимания научного и научно-популярного текстов, Библии и глянцевого журналов, а также интернет-текстов можно считать законченной.

Однако построение полной интерактивной модели понимания текстов различных типов на сегодня не завершено, по мере продолжения работы в нее вносятся и, вероятно, будут вноситься дополнения и изменения. Так, в 2017 г. И.Х. Мигранова защитила диссертацию, посвященную изучению гендерных особенностей восприятия текста и имеющую междисциплинарный характер. Исследование осуществлялось на методологической базе теории текста и его смысла А.И. Новикова с привлечением достижений современной гендерной лингвистики.

Условия и задачи организации эксперимента в данном исследовании ориентировали испытуемых на проявление гендерных ожиданий, присущих их языковому сознанию, посредством вербальных реакций «встречного текста» – это смысловые реакции оценки, мнения, прогнозирования, ассоциации. Нужно сказать, что сам метод в полной оригинальной форме в работе не использовался.

Следуя теории А.И. Новикова, И.Х. Мигранова показывает, как действует в процессах понимания смысловой гендерный компонент, обуславливая гендерные ожидания реципиентов, представляющих собой смысловую проекцию их гендерно-ориентированного сознания на понимание информации.

Автор диссертации приходит к выводу о том, что имеются все основания говорить о необходимости включения гендерного компонента в модель понимания текста, разрабатываемую на основе метода «встречного текста». Через смысловые реакции оценки, мнения, прогнозирования, ассоциирования, отражающие «вмешательство» гендерных ожиданий адресата в общий процесс понимания, реализуются гендерные механизмы восприятия, что должно найти отражение и в общей модели понимания текста [Мигранова 2017].

Таким образом, интерактивная модель понимания, основанная на методе «встречного текста», представляется нам открытой системой и, как можно предположить, имеет перспективы дальнейшего развития.

Два монографических исследования (2017–2018) коллектива авторов уфимского направления «Школы А.И. Новикова» посвящены изучению воздействующего потенциала текстов различных типов [Пешкова и др. 2017], а также проблемам вербального конфликта, среди них – факторы, способствующие его возникновению, особенности его развертывания, технологии выявления склонности коммуникантов к конфликтогенности, разрабатываемые с опорой на метод «встречного текста», позволяющий эксплицировать присутствующий внутри него «контр-текст» реципиента [Пешкова и др. 2018]. Теоретическую базу исследования составляют принципы психолингвистики текста, отражающие различия в содержательной и смысловой организации речевых произведений, обуславливающие степень вербального воздействия их конкретных типов на адресата информации.

В заключение отметим, что метод «встречного текста» и денотативный метод анализа содержания текста А.И. Новикова дополняют друг друга в исследованиях общих закономерностей понимания текста и содержательно-смысловых особенностей речевых произведений различных типов. Одновременно в одном исследовании эти два метода пока «не встречались», но их «встреча» открывает новые перспективы изучения текста и его смысла, в том числе, с привлечением современных компьютерных технологий.

Литература

- Авакян А.А.* «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 195 с.
- Анохина Н.В.* ИмPLICITность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 197 с.
- Богословская И.В.* Научно-популярный текст: сложность понимания: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
- Васильева Н.В.* Предисловие к сборнику «Проблемы прикладной лингвистики-2» // Проблемы прикладной лингвистики-2. Выпуск 2. М.: Институт языкознания РАН, 2004. С. 3–7.
- Вахитова Г.В.* Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 193 с.
- Давлетова Я.А.* Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 194 с.
- Даутова Г.Х.* Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 247 с.
- Курсанова И.В.* Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 194 с.
- Матвеева Н.В.* «Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет)»: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 217 с.
- Мигранова И.Х.* Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 189 с.
- Моисеева А.В.* Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 242 с.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация: монография М.: Наука, 1983. 216 с.
- Новиков А.И.* Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М.: МГУ, 1999. С.132–144.
- Новиков А.И., Зотова А.К.* Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Институт языкознания РАН, 2001. С. 234–247.
- Новиков А.И.* Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 1. М.: Институт языкознания РАН, 2002. С. 155–180.
- Новиков А.И.* Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты: монография. Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
- Пешкова Н.П.* Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных технических, учебных текстов): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 216 с.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект. Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002а. 261 с.
- Пешкова Н.П.* Психолингвистические аспекты типологии научного текста: дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002б. 353 с.
- Пешкова Н.П.* Смысл текста и его многозначность // С любовью к тексту: коллективная монография, посвященная памяти А.И. Новикова. Под ред. Н.П. Пешковой, Н.Л. Сунцовой и др. Уфа: Восточный университет, 2006. С. 39–51.
- Пешкова Н.П., Авакян А.А., Курсанова И.В., Рыбка И.Н.* Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография. Под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 268 с.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов): монография. 2-е изд., доп. и перераб. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 292 с.

Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., Моисеева А.В., Титлова А.С. Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов: монография. Под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 327 с.

Пешкова Н.П., Анищенко А.А., Гилязова Д.Р., Титлова А.С. Вербальная коммуникация: контакты и конфликты: монография. Под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 212 с.

Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 22 с.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 232 с.

Яхиббаева Л.М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 206 с.

5.3.3.2 Пермское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: алгоритмизация выделения основного содержания текста

Н.М. Нестерова, Д.С. Курушин
Пермь

Направление исследований в Перми имеет несколько иной вектор по сравнению с уфимским, но в основе также лежит психолингвистическая теория А.И. Новикова. Пермский проект ориентирован в основном на реализацию идеи ученого о создании автоматизированной системы выделения содержания текста для решения таких задач, как автоматическое индексирование, аннотирование, реферирование и машинный перевод. Но параллельно с этим направлением развивается и «смысловое».

Разрабатывая свою теорию смысла, А.И. Новиков обращается к принципу доминантности А.А. Ухтомского, что позволило ему сформировать новый взгляд на процесс смыслообразования. Ученый считал, что интегративным признаком смысла может стать явление, аналогичное явлению доминанты. В частности, он писал:

«доминантность, возникающая на основе транспозиции в процессе восприятия текста, представляет собой один из наиболее общих и существенных принципов, на основе которого возникает и функционирует смысл» [Новиков 2007: 56].

Основываясь на теории смысла А.И. Новикова, пермские лингвисты начали исследовать проблему понимания иноязычного текста и его перевода [Барина 2019; Нестерова 2009; Нестерова 2009; Нестерова 2005].

Психолингвистические экспериментальные исследования, проводимые сегодня в Перми, направлены на выявление именно доминанты при восприятии иноязычного текста, для чего, как и в Уфимской школе, используется методика встречного текста [Нестерова, Котельникова, Поздеева 2017]. Определение смысла, данное А.И. Новиковым, позволяет по-новому взглянуть на аксиому, принятую в науке о переводе и гласящую, что переводить нужно смысл: *Non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*. Возникает закономерный вопрос: какой (или чей) смысл?

Таким образом, мы считаем, что исследования в русле теории текста А.И. Новикова в Перми развиваются в двух направлениях, которые вслед за ученым можно назвать «формализация семантики текста» и «психолингвистика перевода».

Первая встреча А.И. Новикова с пермяками произошла 40 лет назад в 1981 году, когда у него появилась пермская аспирантка (Н.М. Нестерова). Тема ее исследования была связана со смысловым преобразованием текста в процессе реферирования. Результатом данного исследования стала совместная монография, написанная А.И. Новиковым и Н.М. Нестеровой «Реферативный перевод научно-технических текстов» [Новиков

1991]. Основным методом изучения механизма смыслового свертывания исходного текста в процессе реферирования явился денотативный анализ, методика которого была детально разработана А.И. Новиковым в его докторской диссертации и изложена в монографии «Семантика текста и ее формализация». Данная методика позволила выявить и эксплицировать процесс перехода от языковой внешней формы текста к его внутренней, представленной в виде денотатного графа, который отражает глубину понимания содержания исходного текста автором реферата, оценить семантическую адекватность первичного и вторичного текстов и, соответственно, дать рекомендации по обучению реферированию. Проблему понимания текста можно сформулировать в традиционных терминах: «дано» и «найти». Дан в этом случае вербальный текст, а решение направлено на поиски ответа, т.е. построение денотатного графа, эксплицирующего иерархическую структуру содержания текста. В дальнейшем в Перми будет выполнено не одно исследование, в котором денотатный граф используется как средство визуализации структуры содержания текста. Это работы Т.В. Вшивковой, [Вшивкова 1986], Т.В. Старцевой [Старцева 1989], А.М. Маркаряна [Маркарян 2007], Н.А. Герте [Герте 2016].

В диссертационном исследовании Н.А. Герте, выполненном под руководством Н.М. Нестеровой, была продолжена тема смыслового свертывания в процессе реферирования иноязычных текстов, но в нем уже использовались и сравнивались два способа построения денотатных графов – ручной и машинный. Впервые основное содержание исходного текста было представлено в машиночитаемой форме, что и сделало возможным построение графов с использованием компьютера. Это можно рассматривать как первый шаг в реализации предложенного А.И. Новиковым алгоритма формализации семантики текста. Была расширена и тема исследования – рассматривался не общий процесс реферирования, а специализированный реферативный перевод, т.е. извлечение информации из исходного текста в зависимости от целевой аудитории, т.е. специалистов, интересы которых определяются их специализацией в рамках общей предметной области. Это означает, что на основе одного первичного текста создаются не один, а несколько рефератов, содержащих различную информацию. В данном случае исследование проводилось на материале научных текстов, тематика которых была связана с различными направлениями в нефтяной промышленности.

В настоящее время этот же метод денотативного анализа используется в разработках систем автоматизированного реферирования, автоматического выделения ключевых слов и других задач, связанных с обработкой текста на естественном языке. Исследования ведутся на базе Центра робототехники ПНИПУ (Пермского национального исследовательского политехнического университета), в них принимают участие как специалисты в области информационных технологий, так и лингвисты. Руководителем этих разработок является кандидат технических наук Д.С. Курушин. Цель проводимых исследований – автоматизировать процесс выделения содержания предъявляемого текста на естественном языке (вне зависимости от конкретного языка) и создать такую форму представления содержания текста, которая являлась бы как машиночитаемой, так и человекочитаемой.

Для демонстрации того, что уже было сделано в решении этой задачи приведем пошаговый анализ автоматического выделения основного содержания исходного текста и автоматического построения денотатного графа, основанный на алгоритме, который был разработан и реализован А.И. Новиковым в «ручном» варианте (исполнении). Однако, как известно, ученый постоянно думал о возможности компьютерной формализации семантики текста и связанной с ней проблеме моделирования процесса понимания в автоматических системах. Он не раз подчеркивал, что одной из актуальнейших задач современной теории текста является разработка лингвистического обеспечения различного рода автоматических и автоматизированных систем поиска информации, перевода, реферирования, автоматизированного управления, а все эти задачи связаны с разработкой искусственного интеллекта [Новиков 2007: 81], что, в свою очередь, делает необходимым моделирование понимания

текстов, созданных на естественном языке. Другими словами, встает вопрос «компьютерного понимания». Если исходить из данных А.И. Новиковым определений содержания и смысла как двух результатов понимания текста (как известно, он определял содержание текста как проекция текста на сознание, а смысл – как обратную проекцию сознания на текст, т. е. «приписывание» смысла тексту), то в случае компьютерного понимания можно метафорически говорить о проекции содержания текста на «сознание» компьютера. Эту часть процесса понимания, т. е. задачу на понимание содержания Новиков считал в перспективе реализуемой, для чего им и был разработан детальный алгоритм перехода от внешней языковой формы текста к его денотатной структуре, средством визуализации которой является граф. Именно предложенный А.И. Новиковым алгоритм и стал «точкой отсчета» для пермских исследователей.

Разрабатывая алгоритмическую процедуру построения денотатной структуры, ученый прежде всего указывал, что такая процедура

«должна иметь два самостоятельных цикла, первый из которых, протекая на словесном уровне, обеспечивает выделение основного содержания, а второй, опираясь на это содержание и систему знаний, заданную в виде исходных данных, формирует результат» [Новиков 1983: 198–199].

Пермские исследователи в своей попытке решить задачу, поставленную А.И. Новиковым, опирается на имеющиеся сегодня компьютерно-лингвистические модели, разработчики которых не исходили в своей работе из необходимости реализовать данный алгоритм, предложенный А.И. Новиковым, а решали свои задачи. Поэтому установить взаимно-однозначное соответствие между шагом алгоритма и существующей технологией или моделью не всегда возможно.

А.И. Новиков, описывая методику построения денотатного графа, отмечает, что создание такой методики «связано со значительными трудностями, природа которых детерминирована сложным характером отношения мыслительного содержания и средств его выражения. Первая из этих трудностей связана с отсутствием непосредственной соотнесенности и изоморфизма между словесной формой текста и структурой содержания» [Новиков 1983].

Именно отсутствие такого изоморфизма между языковой оболочкой текста и его семантикой и делает трудно выполнимыми и пока до конца нерешенными такие задачи, как машинный перевод, автоматическое реферирование, автоматическое формирование вопросно-ответных систем. Однако А.И. Новиков делает попытку преодолеть названную им трудность и предлагает алгоритм, позволяющий моделировать процесс перехода от внешней формы текста к структуре его содержания.

Согласно А.И. Новикову, система построения основного содержания текста должна иметь две основных подсистемы:

- подсистему анализа входного текста;
- базу знаний о предметной области.

Весь алгоритм, должен включать следующие этапы обработки текста:

- 1) определение основного содержания;
- 2) предварительная обработка текста;
- 3) выделение именных сочетаний;
- 4) разбиение текста на фрагменты;
- 5) построение именных цепочек внутри фрагментов;
- 6) отбор ключевых слов;
- 7) формирование денотатной структуры текста.

Последний этап является завершающим, для его реализации необходимо иметь результат, полученный после выполнения предыдущих этапов (т. е. первого цикла), который должен представлять собой свертку исходного текста, содержащую наиболее существенные для его понимания элементы. Но, как указывает А.И. Новиков,

«эта свертка не есть само содержание, так как в ней не выделены содержательные единицы–денотаты, а также не установлены отношения между ними, кроме того, она не включает все элементы, необходимые для эксплицитного отображения содержания» [Новиков 1983: 202].

Порождение и восприятие речи и текста

Для формирования денотатной структуры необходимо:

- 1) выделить имена денотатов в свертке;
- 2) определить имена связанных с ними денотатов, не вошедших в свертку;
- 3) установить отношения между ними;
- 4) сформировать целостную структуру содержания.

Чтобы решить эти задачи, необходимо привлечь информацию, не содержащуюся в самом тексте и являющуюся внешней по отношению к нему. Такой информацией является словарь именных сочетаний и система знаний.

Первые шесть этапов (шагов) алгоритмической процедуры в той или иной степени выполнимы за счет применения современных моделей и их библиотечных реализаций. В работе пермских лингвистов, совместно со специалистами по информационным технологиям, развивается подход, основанный на правилах русского языка и корпусной лингвистике. Хотя существует и ряд подходов, основанных на так называемых глубоких нейросетях. Выбор пермской группы обусловлен сохранением человекочитаемости промежуточных данных (обученная нейросеть представляет собой массив матриц коэффициентов и сложна для «ручного анализа»).

Основные инструменты, применяемые пермской группой:

- 1) язык программирования Python [Welcome...];
- 2) библиотека анализа естественного языка nltk [GitHub...];
- 3) морфологический анализатор rymorphy2 [Морфологический...];
- 4) словарь OpenCorpora [OpenCorpora...];
- 5) модуль выделения словосочетаний rutermextract [rutermextract...].

Обработка текста включает стадии:

- 1) предварительной обработки, на которой производится очистка от форматирования, удаление «шума», связанного с форматом входных данных (например текст, полученный из вики может иметь строчки «править» в конце каждого абзаца);
- 2) выделения именных словосочетаний при помощи rutermextract;
- 3) фильтрации именных словосочетаний;
- 4) установления связей между ними.

Здесь мы остановимся на стадиях 3 и 4 как представляющих больший интерес. Rutermextract выделяет сочетания, состоящие из n слов, где n может быть от 1 до 5. Практика показывает, что однословные именные сочетания несут мало информации о содержании текста и, поэтому они отфильтровываются. Также rutermextract извлекает сочетания типа «число строка» или «строка число», что также обычно не несет информации о содержании (исключение – тексты исторической тематики). Таким образом, остаются только словосочетания, содержащие более одного слова и не содержащие числительных, и некоторых стоп слов (например «такой», «который» и т.п.).

Связи между словосочетаниями – именами денотатов устанавливаются способом, отличным от предложенного А.И. Новиковым. Фактически, на сегодняшний день реализовано установление отношения типа «связан с». Связь устанавливается методом запроса к информационно-поисковым системам интернета (ИПС) (напр. duckduckgo [DuckDuckGo...]). С некоторой натяжкой можно считать применение ИПС обращением к базе знаний о предметной области.

Для каждого имени денотата, извлеченного из входного текста осуществляется поиск в этой поисковой системе (можно также использовать любую другую, но duckduckgo постулирует анонимность, что в данном случае означает отсутствие взаимовлияния запросов, порожденных одним текстом на последующие). Выделенные из результатов поиска именные словосочетания (способ аналогичен ранее описанному) считаются связанными с текущим.

Оценить результативность данного подхода можно за счет сравнения результатов, полученных А.И. Новиковым и пермской группой. В качестве примера возьмем граф «газотурбинная установка» (рис. 1, 2).

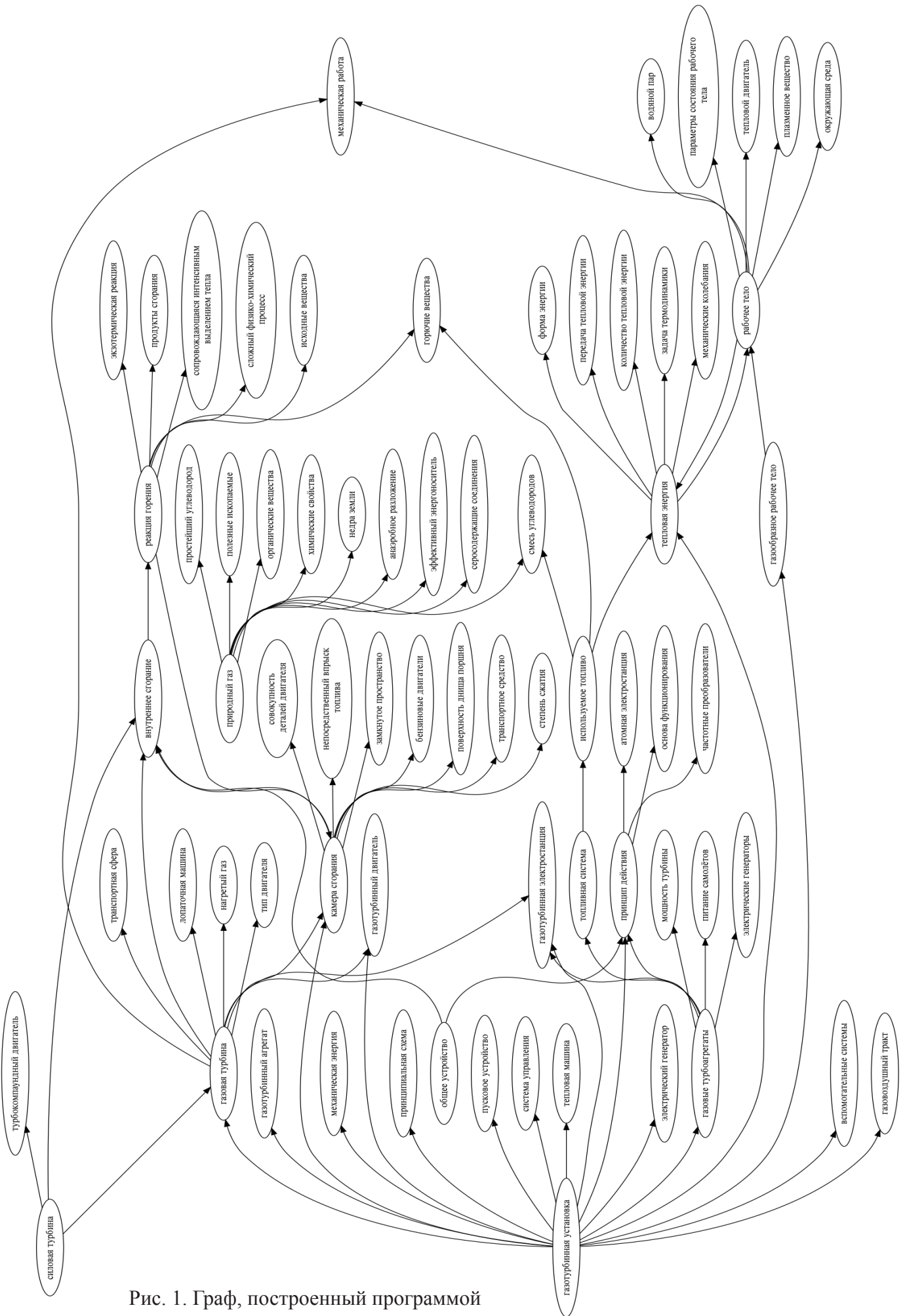


Рис. 1. Граф, построенный программой

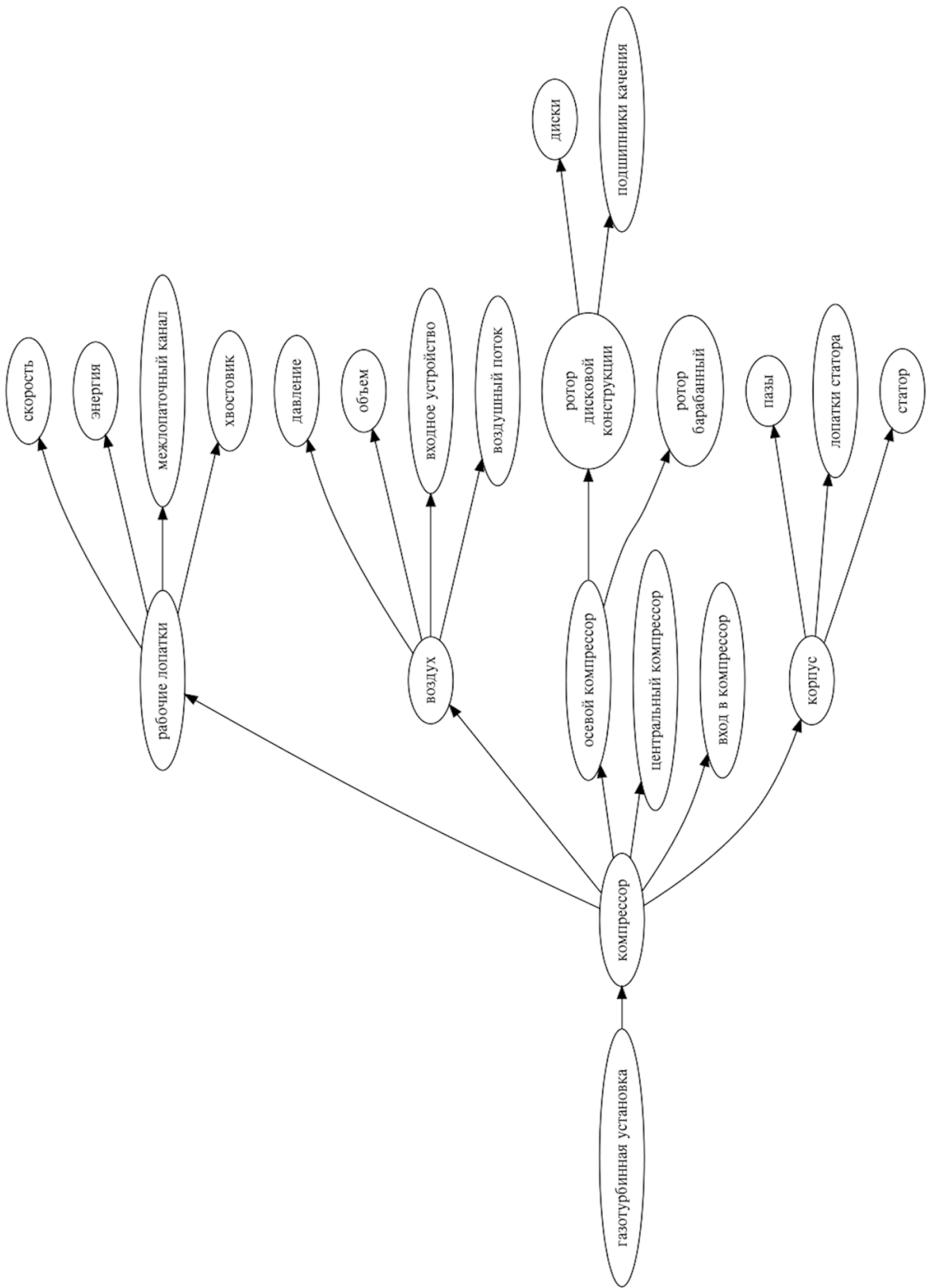


Рис. 2. Граф без отношений, построенный А.И. Новиковым

Следует отметить, что алгоритм пермских исследователей работал с текстом, отличным от того, с которым работал А.И. Новиков (этого мы не смогли найти в цифровом виде). Выбранный текст «Принцип работы ГТУ», описывает ту же установку. Ниже приведены графы 1,2, построенные, соответственно, автоматически и вручную.

Сравнительный анализ графов показывает, что автоматически сгенерированный граф полнее, чем построенный вручную. Это не указывает на достоинство или недостаток метода, т.к. и тексты, обработанные этими методами разные. Но для практического применения результатов выделения основного содержания граф с большим количеством вершин предпочтительнее. Также можно отметить, что оба графа имеют «корень» «газотурбинная установка», хотя алгоритм изначально не был снабжен необходимостью поставить этот денотат в корневую позицию.

В «автоматическом» графе присутствуют и такие имена из ручного (отдельно или в составе других имен денотатов) как:

- 1) воздух (газовоздушный тракт);
- 2) лопатки (лопаточная машина);
- 3) энергия (тепловая энергия, механическая энергия).

Не отражен в «автоматическом» графе денотат «компрессор», что, безусловно, является недостатком алгоритма (т.к. компрессор является важной частью ГТУ).

Таким образом, можно сказать, что идея А.И. Новикова о компьютерной формализации семантики текста частично уже реализуется. Однако она далека от завершения, поскольку, как указывал в свое время А.И. Новиков, полная формализация связана со значительными трудностями. Предложенный подход к алгоритмизации выявления денотатной структуры текста и ее визуализации в виде графа имеет ряд преимуществ перед традиционным. Это более высокая степень автоматизации, отсутствие субъективного фактора, связанного с личностью лингвиста, обрабатывающего текст, и главное – это доступ к практически неограниченной базе знаний – сети Интернет.

Дальнейшая работа должна быть направлена на решение следующих задач:

- 1) установление имен отношений в денотатном графе;
- 2) повышение точности работы алгоритма;
- 3) накопление базы знаний о различных предметных областях, т.к. в настоящее время алгоритм нарабатывает эту базу заново для каждого текста.

В Перми было выполнено несколько исследований в рамках магистерских и бакалаврских выпускных квалификационных работ (при совместном руководстве преподавателей кафедры и ИТАС и ИЯЛиП, в которых были сделаны попытки построить модели некоторых предметных областей (двигатель внутреннего сгорания, компьютерная лингвистика, искусственный интеллект, очистные сооружения).

Совершенно очевидно, что научное наследие Анатолия Ивановича требует дальнейшего осмысления и реализации, поскольку в нем содержится много ценных и перспективных идей, осваивать и реализовывать которые предстоит новым поколениям исследователей.

Литература

Баринова И.А., Нестерова Н.М. Смысл как философская проблема // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 98–106.

Вшивкова Т.В. Антиципатия в процессе понимания текста: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 122 с.

Герте Н.А. Денотативная модель реферативного специализированного перевода: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2016. 200 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации: монография М.: Наука, 1982. 158 с.

Маркарян А.М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 218 с.

Морфологический анализатор pymorphy2 // pymorphy2.readthedocs.io URL: <https://pymorphy2.readthedocs.io/en/stable/> (дата обращения: 29.7.2021).

Порождение и восприятие речи и текста

Нестерова Н.М. Sensum de sensu: смысл как объект перевода // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 4. С. 83–93.

Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. ... докт. филол. наук. Пермь, 2005. 368 с.

Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 213–219.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм: монография. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. 202 с.

Нестерова Н.М., Котельникова А.Н., Поздеева Е.В. «Встречный текст» как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста // Вопросы психолингвистики, 4 (34) 2017. С. 50–63.

Нестерова Н.М., Пешкова Н.П. «Новиковская школа»: Пермь – Уфа // Вопросы психолингвистики, 2009. № 9. С. 283–286.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография. Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация: монография. М.: Наука, 1983. 216с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. М.: Наука, 1991. 146 с.
Принцип работы гту // principraboty.ru URL: <https://principraboty.ru/princip-raboty-gtu/> (дата обращения: 20.8.2021).

Старцева Т.В. Когнитивные аспекты текста: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 155 с.

DuckDuckGo – Privacy, simplified. // duckduckgo.com URL: <https://duckduckgo.com/> (дата обращения: 20.8.2021).

GitHub - nltk/nltk: NLTK Source // github.com URL: <https://github.com/nltk/nltk> (дата обращения: 29.7.2021).

OpenCorpora: открытый корпус русского языка // opencorpora.org URL: <http://opencorpora.org/> (дата обращения: 29.7.2021).

rutermextract // pythondigest.ru URL: <https://pythondigest.ru/view/1026/> (дата обращения: 29.7.2021).

Welcome to Python.org // www.python.org URL: <https://www.python.org/> (дата обращения: 20.8.2021).

5.3.4. Психолингвистическое исследование текста в культуре

В.В. Красных

Москва

В настоящем параграфе представляется *один* из возможных подходов к изучению текста с позиций психолингвистики (первые шаги в рамках этого подхода – см. [Красных 1998; 2003]). Соответственно, в данном случае текст рассматривается как объект изучения, вторая часть термина «*психолингвистика*» определяет, с каких позиций данный объект изучается, а первая часть – *психолингвистика* – показывает, под каким углом зрения он рассматривается.

Представляется необходимым кратко остановиться на том, как понимается текст в данном случае, поскольку, как отмечалось многими исследователями, текст представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций и т. д. Все это обуславливает многообразие подходов, множественность описаний и многочисленность определений текста, в силу чего сам текст является объектом и предметом исследования разных наук, дисциплин, направлений и школ.

Основополагающим, базовым для психолингвистики (ПЛ) является положение о том, что текст – явление не только лингвистическое, но и экстралингвистическое. Это, по А.А. Леонтьеву, основная единица коммуникации, детерминированная потребностями общения, единица высшего уровня, к которой можно прийти от и после предложения и

Раздел 5

которая *не является собственно языковой единицей* [Леонтьев 1976: 67, 68], «сложная коммуникативная единица высокого порядка, продукт и предмет коммуникативно-познавательной деятельности» [Дридзе 1981: 135; Дридзе 1984: 133]. Это единица в значительной степени «автономная», «самодостаточная», которая *формируется «сразу как целое»* (А.А. Леонтьев) единицами «низших» уровней, но при этом не является простой суммой более «элементарных» единиц. Это и феномен реальной действительности, и использующий элементы языковой системы способ отражения действительности (А.А. Леонтьев, В.П. Белянин). Соответственно, порождение текста зависит не только от целей и условий коммуникации, но и от ситуации, которую он отражает. Целью любого текста как единицы коммуникации (а чтение художественной литературы, просмотр кинофильма и под. – это тоже коммуникация) является воздействие на реципиента, которое возможно только в том случае, если автор текста выбрал языковые средства, адекватные своему замыслу (коммуникативной программе), а реципиент понял текст адекватно замыслу автора.

В рамках представляемого ПЛ подхода исходным является следующее понимание текста: **текст** есть (1) *знаково зафиксированная архитектоника смыслов*, (2) *обладающая смысловой завершенностью, связностью, цельностью*, (3) *являющаяся результатом опосредованного отражения ситуации* (ситуации сообщения и ситуации общения, включая широкий историко-социо-культурный контекст) и (4) *самим фактом своего существования изменяющая действительность*. Если рассматривать текст комплексно, то следует отметить следующие его сущностные характеристики:

1) это вербализованный / вербализуемый (в процессе создания или потенциально) и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;

ПРИМЕЧАНИЕ

Очень многие тексты, формирующие среду нашего повседневного обитания (ТВ, печатные и интернет-издания, живое спонтанное общение, в котором важнейшую роль играют невербальные компоненты коммуникации, и т. д.), *изначально создаются знаками разных семиотических систем*. В ПЛ такие тексты – созданные знаками разных кодовых систем – называются *креолизованными* (термин Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [Сорокин, Тарасов 1990]). Если требуется более тонкая «шкала настройки», то для разграничения разных типов внутри креолизованных текстов используют пришедшие из когнитивной науки понятия «моно-/поликодовый текст» и «моно-/полимодальный текст». В любом случае текст – это то, что уже вербализовано, вербализуется «здесь и сейчас» или в принципе поддается вербализации (исключение, вероятно, могут составлять собственно музыкальные тексты, но это предмет другого разговора).

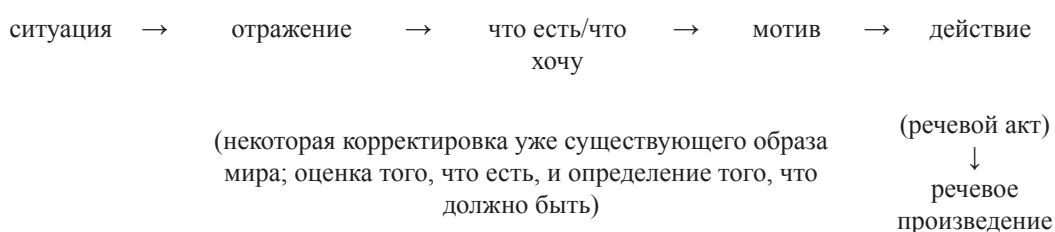
2) это вербализованная / вербализуемая и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;

3) это опосредованное и вербализованное / вербализуемое отражение ситуации;

ПРИМЕЧАНИЕ

По мнению психологов, даже у низших организмов реакция на раздражение проходит через «этап» ощущений. У человека данный процесс идет на более высоком уровне – через сознательное отражение действительности.

Таким образом, (весьма грубо и приблизительно) цепочка может иметь следующий вид:



Порождение и восприятие речи и текста

4) это речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;

5) это вербализованный / вербализуемый речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством;

ПРИМЕЧАНИЕ

Данное положение о трех единствах, необходимо обязательных для текста, восходит к идее О.И. Москальской о тематической, коммуникативной и структурной целостности текста [Москальская 1981]. Однако, критерий «коммуникативное единство», требует некоторых оговорок: этот критерий однозначно работает при анализе монологических текстов; при изучении же диалогических текстов (например, вопросно-ответных единств) он должен быть некоторым образом уточнен (см. далее).

6) это нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, электронных средств, аудио-/видео пленки, цифровой записи и т. д.);

7) это некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор «вписывает» в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира;

ПРИМЕЧАНИЕ

В отечественной ПЛ предикация понимается также как интеллектуальный процесс, в ходе которого порождается новый элемент – смысл. Следовательно, текст есть форма объективации субъектных смыслов автора во внешней, знаковой, языковой форме (А.М. Шахнарович, В.Б. Апухтин). Последнее утверждение никоим образом не противоречит положению 7.

8) нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования;

ПРИМЕЧАНИЕ

В качестве «вольной» иллюстрации можно привести известные картины Р. Магритта (картина – это тоже своего рода текст), на которых созданное художником изображение вписывается в окружающую его действительность. При этом, конечно, остается вопрос: изображение заменяет собой закрытый холстом фрагмент или воспроизводит его. Но воспроизведение – это отражение (отображение – в прямом смысле) того, что увидел / воспринял / осмыслил художник. Так что в любом случае мир с картиной и мир без картины не одинаковы. Самым ярким примером, думается, можно назвать картину «Человеческий удел». Говоря об изменении мира текстом, следует отметить, что, думается, Р. Магритту принадлежит идея дополненной реальности – см., напр., «Сотворение человека».

9) с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое открывается единицей, с которой начинается (или может начаться) вербализация речемыслительного потока, и заканчивается последней вербально выраженной (или поддающейся вербализации) реакцией на стимул (вербальный или невербальный).

И еще одно важное замечание: текст – это продукт речемыслительной деятельности, который первый раз рождается в момент порождения его автором и может переживать последующие рождения при восприятии его реципиентом, т. е. он *живет именно и только в момент своего порождения и восприятия*, что абсолютно не противоречит положению о материальности текста и возможности его фиксации.

ПРИМЕЧАНИЕ

Наиболее ярко это можно ощутить, если взять в руки текст на незнакомом / плохо знакомом языке. Думается, аналогичная ситуация имеет место, когда речь идет, например, о музыкальных произведениях (кстати, тоже текстах, но особого рода): музыка «живет», только когда звучит, но никто и ничто не мешает «фиксировать» ее с помощью нотных знаков и чисто технических средств (чернил, бумаги, пленки, электроники и т. д.). И в таком виде она может храниться сколь угодно долго, пребывая как бы во сне, оставаясь некой «виртуальной реальностью»: вроде, она есть (мы ее «видим», можем «взять в руки»), а вроде, ее и нет (мы ее не слышим); в таком же «виртуальном» состоянии пребывает и текст вне процессов порождения и восприятия.

Исходя из всего сказанного, правомерным и целесообразным при изучении текста представляется учет следующих его аспектов:

(1) *экстралингвистический*; текст есть реакция на ситуацию, одним из компонентов которой является *конситуация* (термин Е.А. Земской), т. е. собственно экстралингвистическая реальность; конситуация «провоцирует» порождение текста и в любом случае в нем отражается, но не непосредственно, а через представление о ней, которое – в идеале – входит в пресуппозицию;

(2) *когнитивный*; именно наличие широкой *пресуппозиции* (зд.: зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств / индивидуальных образов мира) предопределяет успешное протекание коммуникации, т. е. отбор адекватных средств при порождении текста и адекватное его понимание;

(3) *семантический*; *контекст*, наряду с пресуппозицией, влияет на отбор языковых средств и строение текста, с одной стороны, а с другой – обуславливает адекватное его восприятие;

(4) *лингвистический*; речь, *продукт речевой деятельности*, совокупность языковых и неязыковых средств, формирующих текст (напомним, что в рамках ПЛ включение в лингвистический аспект невербальных средств с точки зрения ПЛ вполне оправдано).

Текст объективно предстает как некий текстовый инвариант, который допускает некоторое число вариантов, причем число вариантов, соответствующих данному инварианту, всегда свободно, но не бесконечно. Проблема вариативности в целом представляется достаточно сложной, ибо что считать вариантным пониманием, а что непониманием (искаженным пониманием) текста? Когда речь идет о непосредственной коммуникации, то критерием может служить оппозиция: достигнуто взаимопонимание, необходимое и достаточное для совместной деятельности (успешная коммуникация) / не достигнута (коммуникативный провал). Когда же мы имеем дело с художественным текстом, то ситуация представляется намного более сложной. Что считать инвариантом в этом случае? Текст, как его понимает автор, или текст, как его понимает читатель / зритель?

ПРИМЕЧАНИЕ

Не случайны поэтому многочисленные скандалы по поводу экранизации / постановки того или иного произведения, напр., новые постановки «Евгения Онегина» в Большом, «Фальстафа» в Мариинке (режиссер – К.С. Серебренников), «Тихого Дона» С.Ф. Бондарчука и т. д. Примеры можно множить. И, кстати, обратите внимание, что упомянуты только конфликты в условиях монокультурной коммуникации. Что говорить об экранизациях инокультурных: вспомним, напр., «Идиота» в постановке Акиро Куросавы (1951), одну из лучших, по признанию многих критиков, экранизаций русской классики; или зачастую критикуемую специалистами экранизацию «Бесов» Анджея Вайды; или очень неоднозначные постановки «Войны и мира», напр., 1956-го года с Одри Хепберн – Наташей Ростовской (США) или фильм Джона Дейвиса с Энтони Хопкинсом в роли Пьера Безухова (Великобритания, 1972); или весьма забавную, на мой взгляд, но сделанную с «придыханием» версию «Евгения Онегина» Марты Файнс с Рэйфом Файнсом – Онегиным и Лив Тайлор – Татьяной («Онегин», Великобритания – США, 1999). Примеры опять же можно множить.

В связи с этим существуют и разные направления в изучении текста: первое исследует формирование замысла и порождение текста, т. е. идет от автора; второе анализирует восприятие текста и его замысла реципиентом, т. е. идет от читателя. Уже стало общим местом упоминание об известных литературе примерах, когда конечный продукт не (полностью) соответствует первоначальному замыслу. Не является ли в таком случае художественный текст не только абсолютно самодостаточной единицей, живущей по своим собственным законам, но и третьим – и едва ли не самым важным – участником коммуникации, предопределяющим и, если угодно, диктующим реципиентам определенное понимание (при этом и сам автор выступает в роли реципиента)? И обуславливается ли это неадекватным замыслу выбором знаковых форм? Или, напротив, полной адекватностью данного выбора, не зависящего от рационального замысла автора? Данная проблема представляется весьма интересной и заслуживающей особого разговора.

Еще один вопрос, не имеющий однозначного, принимаемого всеми решения: в тексте вообще присутствуют смыслы или они привносятся в него читателем? Иначе говоря, смыслы вычитываются из текста или вчитываются в него? Думаю, что истина опять же

Порождение и восприятие речи и текста

где-то посередине: если все-таки согласиться с тем, что текст есть архитектоника смыслов (все-таки «инвариант» восприятия с возможной вариативностью никто не отменял), то читатель / зритель / реципиент реконструирует (не конструирует – *sic!*) ее для себя, «вытягивая» все-таки из текста. Но вот что он (читатель...) «вытягивает», что и как он реконструирует, зависит он него самого. И еще одно соображение. Отношения «текст – реципиент» изучаются уже достаточно давно. Такого рода исследования коренятся в библиопсихологии Н.А. Рубакина (см., напр., [Рубакин 2006]; подробнее – см. п. 5.3.1. настоящего издания). В наше время проблемами восприятия текста занимаются психологи (см., напр., работы Д.А. Леонтьева [Леонтьев 2010], известного продолжателя знаменитой династии) и психолингвисты (напр., В.П. Белянин, развивший учение Н.А. Рубакина и предложивший «психиатрическое» / «психологическое литературоведение» [Белянин 1988; 1996; 2006]; подробнее – см. п. 5.3.5).

Текст «покоится на ситуации» (Х. Вайнрих [Weinrich 1966: 17]; цит. по: [Шмидт 1978]): именно ситуация создает мотив и интенцию для порождения текста. Создавая текст, автор производит селекцию знаковых форм и отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой – максимально соответствуют «типу» реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст. Таким образом, автор не только создает текст, но и некоторым образом прогнозирует его восприятие реципиентом (Н.И. Жинкин, В.А. Звегинцев, А.И. Новиков, В.П. Белянин, А.Д. Швейцер и др.). Будучи явлением не только лингвистическим, но и экстралингвистическим, текст связан с окружающей действительностью отношениями двунаправленной зависимости.

Определив в общих чертах, как понимается текст в рамках рассматриваемого ПЛ подхода, и представив его основные аспекты, остановимся на тех признаках, которые данную единицу характеризуют, отличают от единиц иного рода и выделяют из числа подобных, вычленив в дискурсе. Предлагаемые признаки едины для всех текстов, равно как едины для всех текстов и те текстообразующие категории, которые лежат в основе данных признаков (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение дифференциальных признаков текста и текстообразующих категорий

ПРИЗНАКИ	КАТЕГОРИИ
тематическое единство	1) концепт текста 2) смысловое (семантическое) строение 3) логическое строение
коммуникативное единство	1) коммуникативное воздействие 2) эстетическое воздействие
структурное единство	1) синтаксические категории 2) лексические категории 3) фонологические категории

Как видно из таблицы, *тематическое единство* охватывает психологическую категорию (концепт текста), семантику и логику текста. Под *концептом текста (КТ)* (это единый термин, не предполагающий «усечения» до «концепта») понимается *глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста*. Являясь своеобразной «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, КТ служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой – конечной целью при его восприятии. Об этом в принципе писал еще Л.С. Выготский в труде «Мышление и речь» [Выготский 1934], хотя он, конечно, не оперировал понятием «концепт». Если некоторым образом попытаться

ся соотносить термины Л.С. Выготского и те, которыми оперируем мы с Вами, то можно сказать, что понятие концепта текста в нашей системе в некотором смысле соотносимо с «замыслом» текста по Л.С. Выготскому.

Предлагаемому понятию «концепт текста» близко понятие *концепции*, предложенное Т.М. Дридзе и используемое в трудах некоторых исследователей. Итак, по определению Т.М. Дридзе, текст есть некая система смысловых единиц разной степени сложности, комплектности и значимости (с точки зрения достижения целей коммуникационно-познавательной деятельности), функционально (т. е. для конкретной цели / целей) объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией (замыслом). Концепция («главная мысль», «основная идея») может иметь или не иметь словесно выраженной формулировки в тексте, т. е. быть как невербализованной, так и вербализованной. Самое главное – это то, что концепция *всегда* присутствует в тексте в виде определенной мотивации и, естественно, при любых обстоятельствах может быть словесно сформулирована. *Если ее нет, то нет и текста (sic!)* [Дридзе 1981: 135].

Такое понимание концепции близко к пониманию термина «концепт текста», однако только на этапе восприятия уже существующего (т. е. созданного, порожденного) текста. Концепт текста «зарождается» значительно раньше – до момента начала порождения текста как речемыслительного продукта.

Фактически КТ соотносится также и с *представлением* по Н.И. Жинкину и принадлежит предметно-изобразительному коду: «... зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию» [Жинкин, 1997: 18]. Другими словами, «зарождение мысли» (порождение концепта) происходит в предметно-изобразительном коде, «представление» (КТ) может иметь бесконечное число (вербальных) выражений – собственно текстов. Вместе с тем, в работах Н.И. Жинкина используется и термин «концепт», однако концепт по Н.И. Жинкину – это «главная мысль», «основная идея», «концепция» (по Т.М. Дридзе), т. е. опять-таки КТ, по Н.И. Жинкину, релевантен только для уже порожденного текста, ибо, по Н.И. Жинкину, во внутренней речи текст сжимается в КТ (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. КТ хранится в долговременной памяти и может быть оттуда восстановлен, при этом «реконструкция» не всегда полностью совпадает с оригиналом [Жинкин, 1982: 84].

Говоря о КТ, необходимо кратко остановиться и на идеях А.И. Новикова (подробнее – см. п. 5.2.2. настоящего издания). Еще в конце XX в. он предложил разграничивать содержание текста и его смысл. Содержание, по А.И. Новикову, есть мыслительное образование, результат понимания текста на основе обработки языковой формы текста, языковых средств, его формирующих, и знания дополнительной информации, не обязательно вербализованной в тексте. Смыслу же принадлежат эмоциональные, оценочные, субъективные, прагматические компоненты, которые сопровождают процесс понимания и осмысления текста. Смысл – это и средство, и конечный результат понимания. Смысловая структура принадлежит не столько самому тексту, сколько смысловой сфере личности, текст воспринимающей. Следовательно, формализация смысла структуры текста необходимо требует обращения к смысловой структуре личности [Новиков 1983; 1999; 2003]. Представляется возможным провести осторожную параллель между единством содержания и смысла по А.И. Новикову и концептом текста. Отметим, что и содержание, и смысл в данном случае так же, как и в концепции Н.И. Жинкина, относятся к уже порожденному тексту.

Повторим еще раз, что в рамках рассматриваемой концепции и системы взглядов, КТ зарождается *до порождения* текста и «разворачивается» именно *в процессе порождения* последнего. При этом при порождении текста развертывание КТ может носить и нелинейный характер (самоперебивки, уточнения, возвращение к уже сказанному, забегание вперед и т. д.). Однако после порождения КТ никуда не исчезает, он наличествует в самом тексте (хотя и в скрытом виде). И вот на этом этапе наше понимание КТ и понимание его по Н.И. Жинкину абсолютно совпадают. Таким образом, КТ, будучи воплощением интен-

Порождение и восприятие речи и текста

ции, служит «отправной точкой» для порождения текста, является целью при восприятии последнего, хранится в памяти (в долговременной памяти) в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развернут в абсолютно новый текст. (Кстати, такое понимание концепта текста оказывается весьма полезным при рассмотрении системы прецедентных феноменов, в частности – прецедентных текстов, чем занимается, в том числе, этнопсихолингвистика; о КТ прецедентного текста – см. далее.)

С помощью схемы попытаемся показать «процесс порождения» концепта (см. сх. 1).

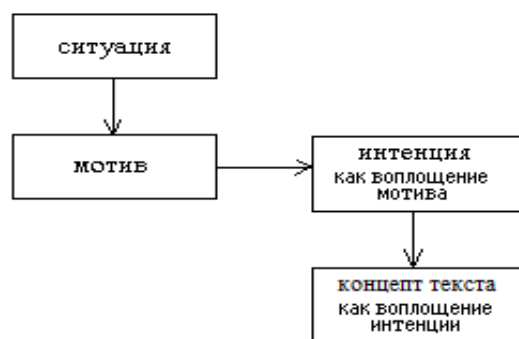


Схема 1. Отражение ситуации в концепте текста

В связи с этим возникает вопрос о «рациональности» КТ. (Особенно актуален этот вопрос для исследователя художественного текста, ибо уже ни у кого не вызывает сомнений и возражений идея о том, что художественный текст во многом создается автором интуитивно.) Представляется не совсем корректным ставить знак равенства между КТ и рациональным замыслом, с одной стороны, или КТ и «наитием» – с другой. Думается, что КТ в основе своей сугубо интуитивен и бессознателен, однако в процессе порождения текста, уже на начальном этапе КТ, вероятно, осознается автором на уровне «рацио». Однако данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения психологической науки.

Вместе с тем представляется достаточно очевидным уже сейчас, что монологические и диалогические, например, тексты различаются на уровне КТ. Специфика последних состоит в том, что в диалоге участвуют несколько коммуникантов, у каждого из которых изначально имеется своя коммуникативная программа, своя тактика и стратегия коммуникации. У каждого из них появляется свой мотив порождения текста, рождается свой КТ. И, следовательно, если они не могут (или не хотят) понять смысл и – через него – концепт текста собеседника, то они создают *параллельные* тексты. Это весьма характерно, например, для «театра абсурда». Но не только. Так, в массовой литературе также можно найти тексты, имитирующие «обычный» разговор, характерный для повседневного общения (в приводимом примере говорят: девочка по имени Киса и взрослая женщина Зоя Яковлева, при разговоре присутствует Евлампия / Лампа):

- У меня сегодня три пятерки, – продолжала ликовать малышка, – по матишу, англишу и поведению!
 - Хорошо, что ты пришла, – поджала губы Яковлева, – встал вопрос о...
 - За картину «Март наступил» мне тоже «отлично» поставили, – радостно объявила Кисуля.
 - Сейчас детей всяким глупостям учат, – поморщилась Зоя. – Февраль за окном! Холодина!!! Встал вопрос о...
 - Тепло точно придет, – оптимистично заявила Киса, – а мой рисунок нужен для выставки.
 - Встал вопрос о... – резко повысила голос Зоя.
 - «Чудеса весны», – весело болтала Киса, – она же всехняя весна, и каждому начудит!
- Зоя фыркнула.
- Всехняя, ихняя... Лампа! Твой ребенок чудовишно необразован.
- (Д. Донцова. *Вещие сны Храпунцель*)

Еще один пример того же рода, и тоже из массовой литературы:

– Я в новостях видела, – продолжала Зося. <...> – Правда показывали!.. Сказали, чо знаменитый рэпер ПараDon'tOzz задержан по какому-то там подозрению! Правда? Задержан?

– Да нет, ну... – начал Ник и осекся. <...>

– Вообще рэп сейчас – это сила, – сказал аспирант Олег, дуя в чай. – Сиплый такие перлы выдает! Новый Пушкин прямо! Хотя ПараDon'tOzz на прошлом баттле его уделал, конечно, особенно на дабл-тайме. Я и не знал, что ПараDon'tOzz так умеет! Я думал, только Файк и Домино!

– А за что его взяли-то? – не отставала Зося.

– Никто никого не брал! – Ник долил чаю Михаилу Наумовичу. – Просто... недоразумение.

– Так интересно, что он ваш брат, – протянул кто-то из аспирантов. – Вы совсем, ну, вот ничуть не похожи!

– Как не похожи! Одно лицо! Я иногда смотрю – прям наш Николай Михайлович, только бритый!

– А вы их всех знаете, да? ПараDon'tOzz прошлый сезон шоу «Вопли» судил с Полиной Брызгалиной и Александром Датским, вы были на съемках, Николай Михайлович?

– Мне нужно почту посмотреть, – сказал Ник себе под нос. – Там, оказывается, какая-то производная рвется...

– Вот бы на съемки попасть! Вы были, Николай Михайлович?

– Ты лучше баттл посмотри, это клевет гораздо! Они там такие тексты забубенивают, мама не горю...

– Так вы к нам в отдел непременно зайдите, напомнила Ирина, блестя глазами. – И как можно скорее, чтобы мы все успели, да?

Т. Устинова. Звезды и лисы.

Согласитесь, это действительно похоже на то, свидетелем чему мы становимся едва ли не каждый день. Дабы не быть голословной, приведу еще один пример – это случайно услышанный разговор трех возрастных дам (1–3), которые возвращались домой и подходили к подъезду:

- | | |
|--------------------------------------|-------------------------------------|
| (1) <i>(продолжая начатую фразу)</i> | ...а ключи-то он, наверное, унес... |
| (2) <i>(поскользнувшись)</i> | Ой, господи! |
| (3) | Тише! |
| (2) | Вообще не чистят! |
| (3) | Тише, мыши... |
| (1) | ...как я же теперь домой попаду... |
| (3) | ...кот на крыше... |
| (2) | Все ноги переломать можно. |
| (3) | ...а котята еще выше. |

Если же участники диалога стремятся к успешной коммуникации, то они будут пытаться создавать *один* текст, отражающий ситуацию. Приведу в качестве примера маленькие фрагменты научных дискуссий:

(1)

К. Можно назвать это квазипреcedентами, я называю это стереотипами.

С. Согласен, пожалуй. Тогда выясняется, что мы отделяем прецедентность от всех других явлений...

К. По факту.

С. Да... Даже еще лучше – по маске некоторой, по лицу

(2)

К. То есть, если говорить метафорически, это некие узлы АВС (ассоциативно-вербальной сети).

С. Да. Это узлы, несомненно. Прецедент «помнит» об этом, и поэтому начинают появляться лексические единицы, которых Вы не ожидали. Значит, использование прецедента невольно провоцирует какую-то ассоциативную цепь, которая не реализуется в ряде случаев в ситуациях (если редко встречаются

Порождение и восприятие речи и текста

такие ситуации, в которых используется данный прецедент). И вдруг неожиданное его появление активизирует всю цепочку, которая хранится где-то в запасе.

К. Прелесть прецедентов именно в том, что они порождают такие ассоциации.

С. Да. Прецедент – это свернутая, очень обобщенная ассоциация, которая помнит о себе и о своих соседях. И это тоже нужно описать.

К. Точнее, наверное, говорить, что это свернутая ассоциативная цепочка.

С. Да. Конечно, цепочка. И помните, мы говорили о пошаговости прецедента? Значит, он шагает в синхронию / диахронию, короче / длиннее. Он так и существует

(3)

Г. Действительно, классифицировать каким-то образом ответы по Павке Корчагину очень сложно. Пара ответов было весьма удачных: «одержимый ложной идеей, но кристально честный». Очевидно, это наиболее точная формулировка. И что из этого я буду актуализировать в той или иной ситуации...

С. ...это зависит от меня. Совершенно верно.

При этом некоторый «большой» текст (макротекст) может содержать в себе несколько «малых» / «субтекстов» (микротекстов). Роли коммуникантов в диалоге будут постоянно меняться: в каждый отдельный момент диалога кто-то один будет доминировать при создании текста. Доминирующий коммуникант будет выступать в роли «автора» текста, его собеседник будет выполнять роль реципиента, хотя и активно, возможно, участвующего в диалоге. Доминирующая роль будет определяться тем, чей КТ в данный момент развертывается в тексте. Так, если речь идет о вопросно-ответном единстве (представляющем собой текст), то доминирующая роль будет принадлежать тому, кто задал вопрос с неизвестным, определяющим (задающим) тему текста, ибо при правильном протекании диалога будет реализовываться именно КТ спрашивающего (автора вопроса). В качестве иллюстрации приведу еще один пример из научной дискуссии:

С. Следует признать, что это какие-то отношения между знаком А и знаком Б. Но смысл образа не в том, что он употребляется, а в том, что он навязывает или предлагает определенный эталон поведения. Следовательно, феномен прецедентности – это образ с некоторым алгоритмом поведения и некоторым алгоритмом оценок. Все, что обладает этими качествами, можно считать...

К. Прецедентностью?

С. Нет.

Г. Прецедентным феноменом.

С. На самом деле вы имеете дело с реализацией.

При этом реципиент должен понять смысл, реализующий КТ, «в середине» текста, т. е. как только вопрос задан, иначе не будет ответа или он будет неправильным. Следовательно, будет иметь место коммуникативный провал, и построение текста, адекватно отражающего ситуацию, окажется невозможным. Если вопрос продолжает (уточняет) тему текста, то в тексте разворачивается КТ автора первой (возможно, невопросительной) реплики. Данный КТ представляется реципиенту не (до конца) понятным, и поэтому последний уточняет смысл текста или фрагмент такового и – тем самым – КТ, лежащий в основе порождаемого текста; например (тоже из научной дискуссии, хотя это очень характерно и для повседневного общения):

Г. С Сусаниным еще более ярко: «Русский патриот, ценой своей жизни спасший царя от поляков», но: «Он назвал своего друга Сусаниным, потому что... тот завел его в лес и заблудился». Мы говорим именно о втором образе.

К. И это второе называем инвариантом.

Г. И вопрос этимологии...

С. Подождите, вы называете инвариантом то, что он завел в лес?

Г. Да.

С. В лес?

К. Завел в место, откуда выхода нет или он затруднен. Осознанно или нет – нерелевантно <...>. Здесь самое главное – завел (себя или другого – неважно, осознанно или неосознанно – неважно) туда, откуда выхода нет или он затруднен. Вот он инвариант.

Семантическое строение есть содержательная структура элементов смысла текста. Семантическое строение учитывает также количество тем текста.

Логическое строение текста – это последовательность и структура представления смысловых элементов в процессе развертывания текста.

Коммуникативное единство предопределяется коммуникативной целенаправленностью текста. Можно согласиться с тем, что,

«независимо от субъектов речевой деятельности, условия коммуникации требуют, чтобы речевой текст, являясь основной единицей общения, оказывал определенное воздействие» [Белянин 1988: 10].

Однако представляется необходимым уточнить, что воздействие должен оказывать любой текст: и «речевой», спонтанный, «импровизационный», и художественный, и какой бы то ни было еще. Но воздействие это может быть различным в зависимости от коммуникативной программы автора, его интенций и концепта текста. При *коммуникативном воздействии* (что весьма характерно для спонтанных, живых, речевых текстов) автор хочет сообщить информацию (рациональную или эмоциональную) или получить информацию (рациональную или эмоциональную), коммуникация осуществляется ради практической(-ого) передачи / получения / обмена информацией и некоторого воздействия на реципиента. Иначе говоря, цель коммуникации в данном случае – воздействовать на реципиента, вызывая, в первую очередь, его ментально-вербальную или физическую реакцию. При *эстетическом воздействии* (которое особенно актуально, например, для художественных текстов) цель коммуникации – воздействовать на адресата-реципиента и вызвать его ментально-эмоциональную реакцию. Безусловно, такое разграничение является достаточно категоричным и в определенной степени грубым. В реальности оно едва ли может быть отмечено, так сказать, в «чистом» виде. Однако как некоторое принципиальное положение, задающее общее направление анализа и лежащее в основе системы «ядерных» категорий, оно вполне допустимо.

Структурное единство на сегодняшний день, пожалуй, наиболее изученный и описанный аспект, что обусловлено, думается, тем, что оно имеет конкретное формально-знаковое выражение в виде языковых средств, поддающихся инвентаризации и определенной классификации, и сегодня уже существует целый ряд работ, посвященных именно языковым единицам, обеспечивающим структурную целостность текста (R. Barthes, M. Bellert, H. Weinrich, T. Givón, T. van Dijk, W. Koch, / B. Palek, K. Heidolf, Г.Е. Крейдлин, О.И. Москальская и др.).

В связи с обсуждаемыми проблемами необходимо остановиться еще на двух основных характеристиках текста, о которых писали еще психолингвисты первого поколения (А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, Л.В. Сахарный): *связности* и *целостности* (цельности).

Связность – категория лингвистическая, характеризующая особенности соединения внутри текста его элементов, связанная со структурным единством. Связность текста достаточно хорошо изучена лингвистами. Существует масса работ по средствам связи в тексте и проблеме связности текста, чему особое внимание уделяет отдельное направление лингвистических исследований – лингвистика текста. Связность текста можно непосредственно увидеть: это в первую очередь межфразовые синтаксические связи. *Целостность* текста (категория психологическая) связана со смысловым единством и – через него – с концептом текста. Самая простая, классическая целостность (цельность) текста, как пишет Л.В. Сахарный, – это логическое развитие одной мысли, идеи, доведение ее до логического конца [Сахарный 1983], что опять-таки связано с концептом текста. Отражением стремления к цельности (Л.В. Сахарный использовал именно этот термин), по его мнению, в поэтике классицизма были правила трех единств – места, времени и действия.

Рассуждая о цельности (целостности) текста, Л.В. Сахарный отмечает особую роль ассоциаций, который могут объединять в единое целое несколько изначально, казалось бы, и не связанных «цельностей». Это часто встречается как в повседневной практике, так и в художественных текстах. Приведем, вслед за Л.В. Сахарным, в качестве иллюстрации ассоциативно связанных частей, делающих текст целостным, фрагмент из письма А.С. Пушкина: «На что ни взгляну, всё такая гадость, такая подлость, такая глупость – долго ли этому быть? Кстати о гадости – читал я Фредру Лобанова» [Там же].

Следует сказать, что может быть текст связный, но не целостный, и наоборот, целостный, но не связный.

Пример первого рода – текст связный и не целостный (принадлежит известному бравому солдату Швейку):

Однако мне тоже хочется, господа, задать вам одну загадку. Стоит четырехэтажный дом, в каждом этаже по восьми окон, на крыше два слуховых окна и две трубы, в каждом этаже по два квартиранта. А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара его бабушка?

(Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны)

Пример второго рода – текст не связный и целостный. При этом, несмотря на отсутствие развернутых средств связи и связности, текст не перестает, как правило, быть текстом. По этому принципу построены, например, многие анекдоты (отсюда и эффект обманутого ожидания) или многие тосты (основанные на парадоксальности и отсутствии вербально выраженной логической связки между основным текстом и концовкой «*Так выпьем же за...*»). В качестве примера напомним сцену из фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», содержащую широко известный тост и заканчивающуюся словами плачущего главного героя «*Птичку жалко*»:

...и вот когда вся стая полетела зимовать на юг, одна маленькая, но гордая птичка сказала: «Лично я полечу прямо на солнце». И она стала подниматься всё выше и выше, но очень скоро обожгла себе крылья и упала на самое дно самого глубокого ущелья. Так выпьем же за то, чтобы никто из нас, как бы высоко он ни летал, никогда не отрывался бы от коллектива!

Вопрос о целостности не такой простой, как может показаться. Дело в том, что текст, лишенный целостности с точки зрения реципиента, может быть абсолютно целостным с точки зрения автора. Здесь мы опять возвращаемся к концепту текста: если реципиент «расшифровал» КТ и воспринял его адекватно «замыслу» автора, то расхождений в оценке текста реципиентом и автором не будет.

Если КТ по сути своей «поручик Киже, фигуры не имеющий» (поскольку он «разлит» в тексте и являет себя только в нем, т. е. в развернутой поверхностной форме), то можно ли выявить КТ экспериментально? Думается, для этого можно использовать несколько методик.

Многие ПЛ исследования преследуют цель проникновения в замысел текста, в ядро его смысла, по сути – имеют целью реконструкцию КТ. Одна из методик – методика Л.В. Сахарного и А.С. Штерн (подробнее – см. п. 5.2.5. настоящего издания). В основе этой методики лежит выделение набора ключевых слов (НКС). Объем НКС может быть различным, но оптимальным, по мнению Л.В. Сахарного и А.С. Штерн, является небольшой НКС: 7–10 слов. При этом следует иметь в виду, что под «ключевым словом» может пониматься не только отдельная лексема, но и словосочетание. «Ключевое слово» – это слово или сочетание, которое совместно с другими ключевыми словами / сочетаниями способно представлять текст, передавать его основное содержание, тематику, проблематику и т.д. По сути, НКС некоторым образом сопоставим с аннотацией, конспектом, изложением краткого содержания текста, но в отличие от последних не обладает стройной синтаксической структурой. Демонстрацию этого метода можно найти, например, в книге Л.В. Сахарного «К тайнам мысли и слова» [Сахарный 1983], в которой описывается эксперимент, проведенный со студентами и преподавателями филологического факультета.

Напомним, что эксперимент проходил в несколько этапов. На первом этапе 37 ии. предлагалось написать по памяти 10 ключевых слов к сказке «Муха-Цокотуха». Было получено 360 слов, из которых 140 были различны. Когда это лексическое много- и разнообразие свели к понятиям, которые стояли за языковыми единицами, то

Раздел 5

получили как раз 10 «понятий» (4 «понятия» – это действующие лица: *муха, паук, комар, гости*; 6 «понятий» – это события: *находка, покупка, чаепитие, нападение, спасение, веселье*), совокупность которых передает и основное содержание произведения.

Суть второго этапа эксперимента сводилась к тому, чтобы получить от ии. передающие основное содержание той же сказки высказывания. В первом задании объем предложений не ограничивался (в среднем ответы содержали по 14 знаменательных слов, самое длинное – 21 слово), во втором – были заданы границы объема в 10 слов (ответы в данном случае содержали в среднем по 6 слов). Свертывание текста в первом задании сводилось к сокращению числа слов, описывающих то или иное событие, во втором задании – к сокращению не только числа слов и числа самих событий, но самая главная суть сказки в ответах была представлена, даже в условиях двойного «свертывания» последнего задания.

Если, используя ту же методику, свести к 10 ключевым словами «Преступление и наказание», то получим следующее (эксперимент был проведен со студентами-филологами):

Раскольников. Ницета. Теория. Убийство. Расследование. Психология. Совесть. Наказание. Вера. Возрождение.

Раскольников. Идея. Старуха. Топор. Преступление. Порфирий. Соня. Сомнения. Муки. Вера.

При задании свести содержание романа к одному предложению (не больше 10 полнозначных слов) были получены следующие результаты:

Из-за идеи Раскольников убивает старуху, проходит через муки и раскаяние к вере и очищению.

Герой по теории совершает преступление, но, раскаявшись, несет наказание и возрождается к новой жизни.

В принципе это и есть в некотором смысле концепт текста по Н.И. Жинкину. И это есть некоторая вербализация того, что мы называем инвариант восприятия текста (этими вопросами, в частности, занимаются этнопсихолингвистика и психолингвокультурология, рассматривая прецедентные феномены).

ПРИМЕЧАНИЕ

Все прецедентные феномены входят в класс *представлений*, которые суть результат субъективного, эмоционально-образного восприятия феноменов действительности в условиях определенной культуры. Соответственно, *прецедентный феномен* – это являющийся коллективным достоянием культурозависимый результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена. *Прецедентный текст* – это являющийся коллективным достоянием обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального текста (подробнее о прецедентных феноменах – см. [Красных 2016]).

Еще одним способом выявить КТ, но только прецедентных текстов, предстающий как санкционированный обществом инвариант восприятия, можно, вероятно, считать комплексную методику, сочетающую анкетирование ии. и анализ функционирования прецедентных текстов в реальной коммуникации (благо существующие корпуса это позволяют). Анкетирование на прецедентные феномены по рассматриваемой методике до сих пор проводилось только на материале прецедентных имен и прецедентных высказываний (см. работы еще 1990-х годов Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных), но, думается, оно может неплохо «работать» и на прецедентных текстах. На основе уже апробированной методики можно было бы предложить следующее: анкета должна содержать *три задания на каждую единицу* (меньшее число заданий может дать неточные, односторонние, искаженные сведения, большее – может оказаться для ии. утомительным и затруднительным). Часть предполагаемых заданий должна быть на восприятие, часть – на порождение (в предыдущих экспериментах было 2 к 1: 2 на рецепцию, 1 на продукцию). Соответственно, можно предложить следующие варианты заданий (поскольку в данном случае важно показать принцип построения анкеты, приводятся примеры, содержащие разные единицы, но – повторяю – в рабочей анкете *каждая единица должна входить во все три задания*).

1. Задание сводится к тому, чтобы определить, к какому тексту имеет место апелляция; цель – выяснить степень знакомства ии. с текстом (как таковым и/или инвариантом его восприятия); при этом точность воспроизведения названия может не быть принципиальной (приведу в качестве примера названия художественных полотен, которые, как говорилось, тоже могут рассматриваться как тексты; так, например, известная картина И.Е. Репина «*Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года*» в повседневной речи обычно называется

Порождение и восприятие речи и текста

«Иван Грозный убивает своего сына», а не менее известное «Утро в сосновом бору» И.И. Шишкина больше известно подавляющему числу русских как «Мишки в лесу»). Например:

1. Какое произведение упоминается в данном тексте? О чем это произведение?

(1) Как понять, что там, за этими картинками? В детстве старуха читала [ей] сказку о том, как из кусочков льда нужно сложить слово «вечность» и получить в свое распоряжение все богатства мира. Глупая девчонка вместо того, чтобы дать Каю спокойно сложить это всемогущее слова, стала рыдать и все испортила. Кай должен быть вернуться с ней в чердачную каморку над улицей, к своей нищей бабушке и двум розам в горшках. Господи, какая несправедливость! Всего-то и нужно было – сложить одно слово, и в кармане был бы весь мир, и в самый последний момент удача отвернулась от мальчика. Но он хотя бы знал, какое слово ему нужно сложить... *Т. Устинова, Хроника гнусных времен.*

(2) *С. Шойгу:* Я не против Санкт-Петербурга, готов сам взять мастерок и пойти помогать реставраторам, но считаю, что деньги лучше занимать у мамы с папой (внутренних инвесторов. – *Ред.*), чем у старухи-процентщицы (Всемирного банка. – *Ред.*).

Комментарий газеты: У Питера, знаете ли, давние традиции ведения дел со старухами-процентщицами. После получения денег меняем мастерок Шойгу на топор Раскольниковова... *АиФ, № 23, 2004.*

(3) В итоге жестокий ревнивец валится на колени, рвет на себе волосы и молит о прощении. Разыгранная от первой до последней буквы пьеса заканчивается жарким перемирием. Мужчина счастлив, что его не бросили. Женщина счастлива, что провокация удалась и все прошло согласно сценарию. Как свидетельствует литература, иные сцены ревности заканчиваются не в пользу интриганки – даму душат. *МК, 27.03.2000.*

(4) Каждый год мы с друзьями ходим в баню. Каждый год мы с друзьями слушаем президентское послание. Такой в России обычай. От посещения бани ничего особенного не ждут – но иногда оно заканчивается эскападой вроде поездки в Питер и скоропалительной женитьбы. От президентского послания – еще с ельцинских времен – ждут особенного. Вот сейчас выйдет ОН и родит крутую национальную идею *МК, 19.04.2002.*

2. Задание сводится к тому, чтобы определить, что имел в виду автор, обращаясь в речи к прецедентному тексту; цель – выявить умение / способность ии. декодировать смыслы, выражаемые с помощью апелляции к инварианту восприятия (коллективно признанному КТ) прецедентного текста. Например:

II. Вы услышали или прочитали следующий текст. Как Вы думаете, что имел в виду автор?

(1) ... он, сильный и способный не самопожертвования человек, полюбил ее как Пигмалион Галатею. *Караван историй, 2001.*

(2) – Минуточку, – киллер осклабился, как Серый Волк при виде ни о чем не подозревающей Красной Шапочки, шагнул в квартиру, отгеснив хозяйку в глубину прихожей, и захлопнул за собой дверь. *Н. Александрова, Кот особого назначения.*

(3) Есть фигуры, есть игроки и есть люди, которые определяют правила игры. <...> Несколько раз меня хотели сделать фигурой, и каждый раз происходило нечто в духе сказки о Колобке. *Т/п «Познер, 25.05.2009.*

(4) «Жизнь и судьба» Гроссмана – это «Война и мир» XX века. Анонс фильма по роману В.С. Гроссмана на ТВ.

3. Задание заключается в том, чтобы дописать начало или конец предлагаемых фраз (в приводимых далее примерах – конец); цель – выяснить, насколько ии. способны не только декодировать смысл, выражаемый с помощью апелляции к инварианту восприятия (коллективно признанному КТ) прецедентного текста, но и вербализовать его, давая ему объяснение или опровергая утверждение, выраженное в предложенном фрагменте высказывания. Например:

III. Завершите, пожалуйста, предложения, дописав конец фразы.

(1) Ботанический сад может стать «Вишневым», если не _____.

(2) Историю ее жизни часто сравнивали со сказкой про Золушку, потому что _____.

(3) Шеф назвал мою объяснительную «Войной и миром», хотя она _____.

(4) Его рассказы о путешествиях друзья называли «Одиссеями», т. к. _____.

Замечу, что последнее задание представляет особую трудность для экспериментатора, поскольку в формулировке фразы внимание может оказаться сфокусированным на персонаже (возможном прецедентном имени), событии (возможной прецедентной ситуации) или фразе (возможном прецедентном высказывании), а не на собственно тексте, который и является в данном случае предметом изучения. Например:

Их стали называть **тимуровцами**, когда стало известно, что они _____.

В подобных случаях ии. могут дать ответ, апеллируя либо к тексту, упомянув кого-то из персонажей (*Женя, Гейка, Квакин*) и/или какие-то события-ситуации из текста, которые входят в инвариант его восприятия (см. также упоминавшиеся ранее эксперименты Л.В. Сахарного), либо к единице «*тимуровцы*» («добровольные, скромные, честные, юные помощники»). В рабочей анкете такого рода высказывания желательнее избегать.

Хотя данная методика отработана, как уже говорилось на прецедентных именах и высказываниях, думается, она вполне применима к текстам и способна не только дать новые данные о конкретных прецедентных текстах, но и углубить понимание того, что такое инвариант понимания прецедентного текста как санкционированного обществом представления о тексте (см. упомянутую ранее концепцию Н.И. Жинкина) и о концепте текста как таковом (его онтологии, бытии в сознании, функционировании в реальной коммуникации и т. д.).

В заключение повторим, что в данном параграфе представлен лишь *один* из возможных психолингвистических подходов к изучению текста в культуре.

Литература

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.

Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. München: Sagner, 1996. 281 с.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 123 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. 1934. URL: https://bookscafe.net/read/vygotskiy_lev-myshlenie_i_rech-219417.html (дата последнего обращения: 19.08.2021).

Дридзе Т.М. Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста. М.: Наука, 1981. С. 129–136.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 270 с.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика. 1997, № 1(4). С. 13–21.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 103. М., 1976. С. 60–70.

Леонтьев Д.А. Поэтическое творчество: от литературного и культурного контекста к жизненному // Библиотечное дело, 2010, № 10 (124). С. 20–25.

Москальская О.И. Грамматика текста : пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.

Новиков А.И. Семантика текста и его формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2003. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-4.html (дата последнего обращения: 19.08.2021).

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999, № 3. С. 43–48.

Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Акад. Проект: Трикта, 2006. 799 с.

Сахарный Л.В. К тайнам мысли и слова. М.: Просвещение, 1983. 159 с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Дрофа, 1990. С. 180–186.

Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 89–108.

Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1966. 90 S.

5.3.5. Психолингвистический анализ художественного текста

В.П. Белянин
Торонто

Проблематика художественного текста вполне вписывается в психолингвистику и художественному тексту посвящено много исследований. О важности анализа художественного текста свидетельствует и то, что на X конгрессе ISAPL (Международного общества прикладной психолингвистики) в 2013 году обсуждалась проблема «Методология психолингвистики применительно к анализу литературных текстов» [Уфимцева, Степанова 2013: 223].

Сущность художественного текста

Совокупность художественных текстов называется художественной литературой, которую можно определить как вид искусства, в котором материальным носителем образности является речь (словесные высказывания) [Эстетика 1989: 183]: В этом определении имеется в виду, что сама форма текста уже несёт в себе образность. Очень часто отмечается, что художественный текст содержит в себе

«такие “приращения смысла” у знакомых слов, которые превращают их в образы, служат образному отражению действительности» [Панов 1984: 327].

Художественный текст существенно отличается от других типов текстов – научных, публицистических, юридических, разговорных. При этом он является полифункциональным по своей природе, выполняя разные функции: эстетический объект, форма существования культуры, продукт определённой исторической эпохи, способ хранения и передачи информации, единица коммуникации, отражение событий в жизни человека, а также языковой картины мира [Кай Янь 2014: 200–201].

Исходя из этого, при анализе художественного текста следует учитывать следующие аспекты: лингвистический аспект, описываемый методами фонетико-интонационного, морфо-синтаксического и лексико-стилистического анализа; лингвокультурологический аспект, когда анализируются языковые единицы, несущие культурный смысл, метафоры (авторские, когнитивные и др.); символические выражения и словосочетания; средства выражения гендерных отношений; проявления стереотипного поведения; прецедентные феномены; лингвокультурные и лингвокогнитивные концепты и мн. др. [цит. раб.: 301]; психолингвистический аспект, когда учитывается и процесс порождения, понимания, восприятия и интерпретация текста как результата речемыслительной деятельности коммуникантов – автора и читателя [там же].

А.И. Новиков писал, что особенность текста заключается в том, что он представляет собой «целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных компонентов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяют его внутреннюю смысловую сущность» [Новиков 2003: 91–97]. Это же верно и в отношении художественного текста.

Теории художественного текста

В лингвистике художественному тексту уделено много внимания и психолингвистика обращается к результатам лингвистического анализа художественного текста. Но вот, к примеру, работе О.Г. Ревзиной «Методы анализа художественного текста» [Ревзина 1998] называется четыре типа анализа: 1) имманентный; 2) лингвистика и стилистика текста; 3) интертекстуальный; 4) миропорождающий. Однако, в этой работе даже не упоминается психолингвистический анализ, хотя они близки. Такое отношение лингвистики к психолингвистическому подходу вполне вписывается в представления, допустим, Г.О. Винокура, который отрицательно относился к попыткам выводить из языка тип мышления, психологическую структуру личности – идёт ли речь о коллективной личности или творце-художнике, считая это «бесплодным субъективизмом». Вот что он писал:

«Но занимаемся ли мы биографической, психологической или историко-литературной интерпретацией индивидуальных явлений языка, если только, действительно, цель наша состоит в

раскрытии известной индивидуальности, мы всякий раз неизбежно выходим за границы лингвистики и имеем дело с проблемами, которые не могут считаться принадлежащими собственно языковедению» [Винокур 1959: 243].

Психолингвистика преодолевает эти «границы», вводя в предмет анализа и автора, и читателя.

Психопоэтика

Одной из областей филологии, которую относят как к стилистике (или лингвостилистике), так и к литературоведению, является поэтика [Гальперин 1980: 17]. Соответственно, одна из дисциплин, изучающая художественный текст в советской и российской психолингвистике, носит название психопоэтики. В эстетике психопоэтика представляется собой комплекс теорий, исследовательских приемов и средств анализа художественного произведения. Она основана на классическом психоанализе (З. Фрейд) и на структурном психоанализе (Ж. Лакан).

Будучи психолингвистом, А.А. Леонтьев отмечал, что термин психопоэтика

«употребляется в различных, не вполне совпадающих значениях: обычно имеется в виду раздел психологии литературного творчества или психологии восприятия художественной литературы, связанный с психологической интерпретацией композиции, сюжета, образа автора ит.д.» [Леонтьев 1997: гл11].

При том, что некоторые исследователи вкладывают в этот термин широкие представления о психолингвистике художественной речи [Пищальникова, Сорокин 1993], сам А.А. Леонтьев предлагал понимать под психопоэтикой психолингвистику не всякой художественной речи, а только стихотворной, считая, что психопоэтика должна заниматься психолингвистическими особенностями стиха.

В качестве психолингвистического предмета исследования в психопоэтике выступают

«психолингвистические механизмы порождения, восприятия и понимания художественной речи.

Цель психопоэтики – не установление содержания художественного текста, а выявление представлений о характере речевой деятельности автора текста» [Пищальникова 2010: 5].

Это позволяет рассматривать психопоэтику как раздел психолингвистики, изучающий строение художественного текста, его порождение автором и восприятие читателями.

Другой дисциплиной, которая тоже претендует на то, чтобы быть разделом психологии, посвященным анализу художественного текста, является библиопсихология (Э. Геннекен, Н.А. Рубакин). Не рассматривая её суть, отошлем к работам Ю.А. Сорокина, способствовавшего переизданию работ Н.А. Рубакина [Рубакин 1977; 2006].

Ассоциативный анализ текста

Ю.Н. Караулов, занимаясь проблемами ассоциаций, разработал ассоциативную грамматику [Караулов 1993] и предполагал, что можно говорить о создании ассоциативной лингвистики, «оснащённой собственной концепцией языка, словарём и грамматикой» [Караулов 2015: 17]. Он писал, что в ассоциативных словарях имеются ассоциативные поля, обладающие лексико-грамматическими закономерностями, которые распространяются на весь состав поля [цит. раб.: 18] и они охватывают несколько типов структур ассоциативного поля – структуру лексическую, синтаксическую и морфологическую [там же], а также когнитивную, которая «отражает видение мира ... через язык его носителем», поскольку когнитивная структура «репрезентирует ... отношение “язык и человек”» [цит. раб.: 19]. В прагматической же структуре отражается «позиция, место носителя в окружающем его мире и ... представления ... о том, каким этот мир должен был бы быть с точки зрения носителя языка или, наоборот, каким он не должен быть» [цит. раб.: 18]. Эта структура «репрезентирует запечатлённое в языке отношение “человек – действительность”» [цит. раб.: 19]. Есть также статистическая структура, которая является «чисто формальной» [цит. раб.: 18].

Что касается анализа художественного текста, исследователь полагал, что источником его создания является авторская ассоциативно-вербальная сеть [Караулов 1993]. В частности, он писал, что выявление семантических гештальтов позволит

«эксплицировать, вывести на ... уровень наблюдения ... подсознательные, т.е. скрытые от читателя, да и от автора, мыслительные процессы, которые приводят к диалогу автора с читателем и делают возможным их взаимопонимание» [Караулов 2015: 20].

Говоря о методе анализа, Ю.Н. Караулов использовал приём филологической герменевтики, который называется аналитическим (медленным) чтением «под протокол», когда

«в ходе линейного движения читающего по тексту в нём вычленились некоторые ... отрезки ... на основании того, что читающий усматривает некий сверхсмысл, выходящий за пределы непосредственного значения ... и соотносимый с произведением в целом...» [цит. раб.: 21]. При этом он отмечает, что, поскольку «“умозаключения” – вещь субъективная, ... толкования одного и того же текста разными исследователями могут быть различными» [там же].

При анализе текста, однако, нарушается не только последовательность выделяемых фрагментов, но и в ходе интерпретации разрушается линейность исходного текста, разрушается сам исходный текст [там же]. Превращение «системы текста» в систему ассоциативных полей производится путём следующих операций: декомпозиция, делинеаризация, деграмматикализация, депропозиционирование, деперсонализация дискурсов (объяснения см.: [цит. раб.: 23]). Завершающим этапом ассоциативного анализа текста служит усмотрение параллелей с другими текстами, бытующими в культуре. В частности, по мнению Ю.Н. Караулова, рассказ Достоевского «Кроткая» проникнут духом Книги Иова (обоснование см.: [цит. раб.: 26]).

Ассоциативный анализ текста, построение ассоциативного пространства текста [цит. раб.: 33], позволяет, по мнению Ю.Н. Караулова описать не только миропонимание автора, но и психическую жизнь человека [цит. раб.: 27].

Лингвосинергетика

В работах по лингвосинергетике речевая деятельность изучается с позиций теории самоорганизующихся систем (синергетики). Предполагается, что

«текст – это ... не линейная последовательность языковых элементов, а сложный, иерархически организованный репрезентант некоей смысловой нелинейной целостности» [Герман, Пищальникова 1999: 13].

Метафора (скрытое сравнение по сходству признаков) рассматривается там как детерминанта синергетического процесса речевой деятельности [цит. раб.: 55–72] Приём метафоризации рассматривается при этом как

«универсальный когнитивный механизм, выявляющий актуальный компонент личностного смысла, существующий как функциональная система репрезентированных в тексте ядерных и периферийных составляющих этого компонента» [цит. раб.: 71]. Тем самым, «метафора инкорпорирована в концептуальную систему реципиента, являющуюся базой её осмысления, но одновременно направляет, задаёт путь своего осмысления» [там же].

Постулируется, что

«функциональная система смысла может быть представлена как смысловое поле <текста – В.Б.> ... , компоненты которого объединяются в цельную смысловую структуру на основе актуализации в них сходных компонентов смыслов, образующих смысловый инвариант поля (доминантный личностный смысл)» [цит. раб.: 36].

Кроме того, «анализ вербальных репрезентантов смысла, – пишут исследователи, – позволяет утверждать, что креативным аттрактором, вызывающим смыслопорождение в ... тексте, является амбивалентность чувств» [цит. раб.: 106]. В этом суждении с очевидностью просматривается переключка с высказыванием Л.С. Выготского, писавшем об «эмоции формы» [Выготский 1968: 56, 60], «борьбе двух противоположных чувств» [цит. раб.: 157] и о «выражении двух противоположных мыслей» [цит. раб.: 158, 162, 185, 199–257] в художественном тексте.

Перевод с одного языка на другой рассматривается в синергетике как «синергетический речемыслительный процесс» [Герман, Пищальникова 1999: 71–100]. При этом допускается

«возможная принципиальная смысловая эквивалентность, но не тождественность исходного текста и перевода» [цит. раб.: 101]. Это позволяет моделировать структуры текста и определять типы переводных текстов по разным позициям:

«гармонический центр, границы его, позиционные интервалы, плотность распределения повторяющихся конструкций, ... концентрации симметричных и ассиметричных компонентов текста, и др.» [цит. раб.: 108]. Этот же подход позволяет выявлять «наиболее структурно адекватные оригиналу тексты переводов» [цит. раб.: 109].

По мнению исследователей, лингвосинергетический подход «позволяет по-новому решать проблему моделирования процесса порождения/восприятия речевого произведения...» [цит. раб.: 113].

Герменевтический подход

Одной из дисциплин, изучающей проблему интерпретации содержания, является герменевтика толкования или объяснения, которая определяется как искусство и теория истолкования и интерпретации текстов. Главная идея герменевтики: существовать – значит быть понятым. Предметом исследования, как правило, является текст.

Г.И. Богин писал, что «просто смысловое восприятие текста» отличается от понимания и интерпретации текста. Он полагал, что

«интерпретация есть высказанная рефлексия ... <которая – В.Б.> одновременно обращена и “вовнутрь” – на нашу субъективность, и вовне – на то, что мы хотим освоить. ... рефлексия есть способность понимать свое понимание и, если нужно, объяснять причины именно такого, а не другого понимания. ... Выход в рефлексивную позицию есть постановка самого себя перед вопросом такого рода: “Я понял, но что же я понял? Я понял вот так, но почему я понял именно так?”» [Богин].

Иными словами, восприятие, а затем и понимание предполагают интерпретацию содержания художественного текста, которое – в свою очередь – требует от читателя осознанности, рефлексии, которой, по мнению исследователя, можно обучить. В частности, он предполагает, что при обучении чтению на иностранном языке текст можно понимать на нескольких уровнях: на уровне семантизирующего, когнитивного и распремечивающего понимания. Приводя примеры интерпретационной работы в аудитории студентов – иностранцев, изучающих русский язык, Г.И. Богин описывает систему из 105 техник понимания художественного текста: усмотрение и построение смыслов; использование «рефлексивного мостика»; «расклеивание» смешиваемых конструкторов; интерпретация; переходы и замены; выход в духовное состояние.

Работы Г.И. Богина выполнены в русле филологической герменевтики, целью которой является приобщение к духу, внешней формой выражения которого является текст.

Другим советским исследователем, который также развивал идеи герменевтики, сближая её с психолингвистикой, был А.А. Брудный. Он также писал о том, что

«понимание возникает как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры – эта способность лежит в основе существования человеческого сознания. Результат понимания – отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности» [Брудный 2005: 20].

Опираясь на идею С.Л. Рубинштейна о том, что «всякий текст должен рассматриваться как условие мыслительной деятельности читателя» [Рубинштейн 1973: 237], А.А. Брудный видит несколько типов текстов: 1) «дада»-тексты, в которых «не обозначены опорные точки, ограничивающие возможность варьировать их понимание»; 2) тексты, где «все элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в каком они только могут быть поняты читателем ...»; 3) тексты, которые «содержат ряд направляющих (смысловых, или семантических, линий)» [Брудный 2005: 138]. Исследователь полагал, что в любом литературно-художественном тексте содержится «сложное переплетение направляющих ... и они порождают значительное число вариантов понимания» [там же].

А.А. Брудный иллюстрирует это положение экспериментом по методике разрезания, когда текст делится экспериментатором на отрезки и эти отрезки предъявляются испытуемым на перетасованных карточках. Испытуемым

«предлагали расположить эти отрезки так, чтобы восстановить исходный текст, содержание которого не было <им – В.Б.> известно» [цит. раб.: 141]. Результаты эксперимента показали, что «операции, направленные на то, чтобы реконструировать исходный текст, зачастую приводят к образованию новых текстов, осмысленных, но по содержанию отличающихся от исходного» [там же].

А.А. Брудный исходит при этом

«из следующего рабочего определения: субъект может понять и понимает структуру функционирующего целого, если, имея перед собой элементы этой структуры и не имея инструкции по сборке, он способен собрать это целое таким образом, что оно станет функционировать. ... понимание здесь рассматривается как взаимодействие с некоторым объектом, в результате которого воссоздаётся работающая модель этого объекта. Понять – значит собрать работающую модель» [там же]. Исследователь также предполагает, что художественный текст «управляет его пониманием не столь жёстко, как это предусматривает структура текста <научного текста – В.Б.>, ... и относительно понимания текстов мы можем строить лишь гипотезы, в различной степени поддающиеся экспериментальной проверке» [цит. раб.: 138].

Теория эмоционально-смысловой доминанты

Особую роль в создании художественного текста играет авторский стиль, который отражает более общие психологические (когнитивные и эмоциональные) предпочтения писателя как личности и, в конечном итоге, является проявлением личностной доминанты автора. Писатель как личность задаёт доминанту текста, вербализуя свою картину мира в тексте в конструктах.

Выделение эмоционально-смысловой доминанты может проводиться как на основе поэлементного анализа текста, так и на основе холистического подхода к распознаванию авторского смысла с учётом как лингвистических, так и психологических особенностей текста. Определение элементов доминанты в процессе её обнаружения происходит следующим образом. В тексте выделяются маркеры доминанты, которые представляют собой ключевые слова как элементы замысла текста. Затем выявляются преобладающие предикаты к представленным в тексте объектам ментального и реального мира (по Проппу – функции). Модель мира, воплощённая в тексте, определяет и стиль, и синтаксис текста и конструирует эмоционально-смысловую доминанту текста, которая определяется как система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для автора текста как личности, и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте [Белянин 2000: 57].

Теория доминанты и теория текстовой модальности была использована для создания типологии текстов по эмоционально-смысловой доминанте. В рамках теории эмоционально-смысловой доминанты было выделено несколько типов текстов «светлые», «тёмные», «печальные», «весёлые» и «красивые» типы текстов. Что касается психологической основы доминанты художественного текста, то она была возведена к акцентуации характера. Так, каждой доминанте соответствует определённая модель мира и определённая акцентуация характера («светлая» – паранойяльность, «тёмная» – эпилептоидность, «печальная» – депрессивность, «весёлые» – гипертимичность, «красивая» – демонстративность) [Белянин 1992; 2000].

Были также созданы особые словари ключевых слов, характерные для разных типов текстов и, соответственно, для разных типов акцентуированных личностей [Белянин 2021]. Результаты этих психостилистических исследований были заложены в 1990-е годы в блок патологического анализа текста российской экспертной психолингвистической компьютерной программы ВААЛ [Богдановская и др. 2014: 184–186] и широко использовались в рекламе и сфере публичных рилейшнз при создании текстов, рассчитанных на неосознаваемое воздействие. Речь также может идти о создании психологических тезаурусов [Белянин 2019] в том числе в целях анализа тональности текста [Белянин 2021].

Данные типы текстов имеют разновидности: например, среди «светлых» выделяются «активные» и «энергичные» [Репина 2012: 72–75]; «тёмные» делятся на «собственно тёмные», «простые», «вязкие», «щемящие», «жестокие», «вычурные», «разорванные», а также «агрессивные» [цит. раб.: 54–63]; среди «красивых», помимо «собственно красивых», встречаются «эпатажные» [цит. раб.: 62–72] и т.д. И, конечно же, данный список является открытым.

Эмоционально-смысловую доминанту можно выявить не только в художественных текстах – она присутствует и в области публицистики и искусствоведческого дискурса [Белянин 2000], в научно-популярном тексте [Сорокин 1985] и в политическом дискурсе [Репина 2012], и в религиозных текстах [Саракаева 2000].

МИССИОНЕРСКИЕ ТЕКСТЫ

Своеобразие религиозных текстов состоит и в том, что они содержат знаки, которым в коммуникации верующих нередко приписываются те или иные трансцендентные свойства. Религиозные тексты насыщены эмоциональной лексикой, словами, несущими оценочную семантику, стилистическими тропами, что сближает их с художественными. Акцент в миссионерских текстах сделан на апелляции к эмоциональной сфере реципиентов, на определенной активизации в их сознании образов и эмоций, которые должны возбудить интерес реципиентов к предлагаемому тексту, вызвать активное одобрение, и, в конечном счете – побудить их усвоить постулируемую религиозную систему взглядов [Саракаева 2000]. Такие тексты характеризуются религиозно-проповедническим стилем [Костомаров 2005: 91] и, несмотря на своеобразие религиозной коммуникации, они имеют много общего с художественными текстами.

Применяя теорию эмоционально-смысловой доминанты к миссионерским текстам, Э.А. Саракаева выделила среди них те же типы, что и выявлены в работе [Белянин 2000] – «светлые», «активные», «красивые», «тёмные», «печальные». Исследователь отмечает, что для «светлых» текстов религиозной тематики характерны мотивы ликования, обретения веры и смысла жизни, уникальности личности, описания индивидуального религиозного опыта. Разновидностью светлых текстов являются тексты «активные» где превалирует идея борьбы, движения вперёд. Для религиозных текстов «красивого» типа характерно описание необычных ситуаций, происходящих с героями, и живого эмоционального отклика на них персонажей. В красивых текстах нередко выражен эротический компонент. В «тёмных» текстах религиозной тематики основным смыслом выступают идеи об опасности врага (дьявола) и о необходимости вести с ним непримиримую борьбу. Эти тексты отражают образ мира, насыщенный ощущениями опасности, страха, ненависти, вражды. В «печальных» текстах религиозной тематики на передний план выступают такие ключевые темы, как ‘одиночество’, ‘потеря связи с Богом и людьми’, ‘переживание вины’, ‘неотвратимость смерти и наказания за проступки’.

Иными словами, миссионерские тексты также психологически разнообразны, как и художественные тексты. Кроме того, Э.А. Саракаева утверждает, что

«эмоционально-смысловая доминанта выявляется в миссионерских текстах, созданных на разных языках; она представляется явлением общечеловеческим, не зависящим от национальной принадлежности, основанным на универсальных психологических механизмах» [Саракаева 2000].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Публицистический стиль речи представляет собой сплав разных стилей. Так, В.Г. Костомаров писал: «В научной литературе ... <публицистические тексты> относят то к книжным, то к разговорным, то к художественным, то к научным... » [Костомаров 2005: 125]. Исследователь отмечает, что «в публицистике сильна риторика, понимаемая как совокупность застывших регламентированных фигур, в которые заливаются те или иные формы мифической составляющей» [цит. раб.: 122].

Иными словами, некоторые политические тексты, являясь публицистическими по стилю, близки художественным. Так, в диссертации Е.А. Репиной [Репина 2002] делался психолин-

Порождение и восприятие речи и текста

гвистический анализ политических текстов в парадигме эмоционально-смысловой доминанты и было выявлено три типа политических текстов в соответствии с их эмотивностью: «агрессивные» «эпатажные» и «энергичные» [Репина 2012: 54–74].

Тексты «агрессивного» типа выражают гнев автора, они призывают активно действовать, мстить. Основным смыслом выступает идея об опасности врага, который сделал нашу действительность «отвратительной, мерзкой, страшной» и с которым нужно бороться. Тексты «эпатажного» типа настраивают читателя на чувство неполноценности, ущербности, жалости. В основе «энергичного» типа текста лежат положительные эмоциональные состояния: воодушевление, радость, гордость, восхищение. Исследование Е.А. Репиной в целом подтвердили теорию эмоционально-смысловой доминанты.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассмотрение речевого материала с позиций психолингвистики предполагает рассмотрение его в трех аспектах: порождение, структура, восприятие. Обратимся к анализу некоторых психолингвистических характеристик, которые учитывают как аспект порождения, так и аспект восприятия художественного текста.

Защищённость художественного текста

Художественный текст отражает вымышленные миры. Вместе с тем, он образно описывает реальность. И это сочетание реальности и вымысла создаёт новые смыслы. При этом в художественном тексте могут появляться описания объектов, которые, не существуя в реальности, создают ощущение того, что они могут существовать.

К примеру, М. Горький писал: *Над седой равниной моря гордо реет буревестник, чёрной молнии подобный*. Не всякий читатель знает, что птица буревестник бывает только белого цвета, а те, кто знает, могут не обратить на это внимание. Такого рода доверие со стороны и редактора, и рядового читателя к тексту Ю.А. Сорокин называл закрытостью [Сорокин 1985] или защищённостью текста, под которой он понимал свойство текста иметь в себе элементы содержания, истинность которых скрыта от читателя. Это содержание может быть, а может и не быть обнаружено читателем.

Большинство читателей доверяют тому, что они читают, полагая, что текст верно отражает действительность. Но иногда в тексте могут содержаться и ошибки или случайные неточности. Так С. Есенин в стихотворении «Выткался на озере...» пишет: *Плачет где-то иволга, / Схоронясь в дупло. / Только мне не плачется, / На душе светло*. В этом хрестоматийном тексте содержится фактографическая неточность: иволга живёт в искусно устроенных выско над землёй гнёздах, поэтому она не может прятаться в дупле.

В другом художественном тексте, которые мы, как уже говорилось, не привыкли проверять на истинность, также допущена ошибка в отношении живого мира, которую сложно обнаружить, не обладая знаниями из области орнитологии: *Травка зеленеет, / Солнышко блестит / Ласточка с весною / В сени к нам летит. / ... / Дам тебе я зёрен, / А ты песню спой, / Что из стран далёких / Принесла с собой...* [А.Н. Плещеев]. На самом деле, ласточки питаются исключительно насекомыми, а также бабочками и жуками, которых ловят на лету. Читатель, однако, может этого не знать или не заметить в тексте, который защищён своей «хрестоматийностью».

ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Восприятие речи – сложный психологический процесс восприятия знака и опознания того смысла, который стоит за ним. Это процесс вариативный и результат не всегда может быть однозначно предсказан. Однако восприятие художественного текста подчиняется тем же закономерностям, что и восприятие любого другого текста, только оно осложнено проблемой интерпретации содержания.

По словам А.А. Леонтьева, сущность восприятия текста – в создании у реципиента образа содержания текста [Леонтьев 2001: 239]. А содержание текста

«полифонично, многоаспектно, стоящий за ним мир может быть “увиден” читателем по-разному, в зависимости от того, что ему нужно в этом мире “увидеть”, только степень вариантности точек зрения разная» [цит. раб.: 240].

Художественный текст как совокупность читательских оценок

Читая художественное произведение, мы так или иначе оцениваем его по своим критериям. Если к анализу этих оценок применить научный подход, то можно использовать методику шкалирования теста. Если при анализе стилистики художественного текста [Виноградов 1963] анализируется стиль текста как способ отбора языковых средств, а при психологическом анализе внимание уделяется идейному содержанию и эстетическим оценкам [Никифорова 1972], то при психолингвистическом анализе основная ориентация на взаимодействие текста и реципиента [Сорокин 1985: 87]. Несомненно, что разные оценки текста, которые выразятся в разных проекциях текста, будут зависеть от психологических, социальных и культурологических причин, а также от установки читателя (к примеру, профессиональной или потребительской [Сорокин 1973]).

Ю.А. Сорокин проанализировал оценки, которые приписывались литературными критиками рассказу В. Токаревой «Инструктор по плаванию» (1969) и, предположив, что текст можно оценивать по некоторым критериям [Сорокин, Уфимцева 1976] составил 40 шкал такого типа [Сорокин 1985: 87–88]: *ассоциативно – неассоциативно; занимательно – незанимательно; нравственно – не нравственно; изящно – не изящно; странно – не странно; дерзко – недерзко* и др. Затем 30 испытуемым было предложено оценить рассказ В. Токаревой по этим шкалам, где антонимичные прилагательные расположены по полюсам на многомерной шкале от плюс 3 до минус 3:

глубоко +3 +2 +1 0 -1 -2 -3 неглубоко

Результаты показали, что ряд шкал оказались для испытуемых релевантны, т.е. значимы (напр., *интересно – неинтересно*), а ряд шкал оказались нерелевантны (напр., *камерно – не камерно*). Это позволило рассматривать оценки как признаки и как смысловые опорные точки в семантическом пространстве идиолекта реципиента [цит. раб.: 89]. (Напомним, что идиолект – это совокупность особенностей речи, присущей конкретному индивиду в определённый момент времени). Кроме того, оказалось, что

«испытуемые предъявляют к художественному тексту запросы ... иного порядка, чем это наблюдается у литературных критиков ... <которые – В.Б.> ориентируясь на «удовлетворение своих потребностей» [там же]. Это, по мнению исследователя, позволяет поставить под сомнение «эффективность литературной критики (и, шире, процесс взаимодействия реципиента и текста)» [там же]. Выдвигается гипотеза о важности «принадлежности критика к тому или иному психическому типу» [там же].

Влияние имени автора на оценку текста

В одном из психолингвистических экспериментов [Белянин, Сорокин 1989; Сорокин 1985: 90–98] была поставлена задача выяснить степень влияния имени автора на оценку текста. Для этого было взято несколько художественных текстов, принадлежащих разным авторам – как известным, так и малоизвестным, а именно М. Булгакову, М. Зощенко, Тэффи, Г. Альтову, Л. Измайлову, В. Лебедю.

Испытуемым предъявлялись тексты и шкалы, по которым их просили оценить эти тексты, приписав один из трёх баллов (1 – плохо, 2 – средне и 3 – хорошо, и указать мотивы своих оценок (были получены оценки типа «так себе», «хорошо – и всё!»). Было проведено четыре серии экспериментов, где испытуемым предъявлялись тексты таким образом: 1. Тексты предъявлялись с именами написавших их авторов; 2. Тексты предъявлялись без имен авторов; 3. Текстам были присвоены имена других авторов, выбранные в случайном порядке; 4. Текстам присваивались имена авторов, которые заняли противоположные места в иерархии предыдущей сессии.

Как и ожидалось, испытуемые считали, что если текст написан, допустим, Булгаковым, то этот текст должен быть необычен и интересен; те же, кому текст не понравился, писали, что они «ожидали большего». Ины-

Порождение и восприятие речи и текста

ми словами, читатели, оценивая текст, принимают во внимание имя автора текста, которое может придавать тексту дополнительную значимость, или снижать её в зависимости от того, как мы оцениваем другие тексты этого же автора, или самого автора как личность, если что-либо знаем о нём. Тем самым, имя автора оказывается некоторой компрессированной оценкой текста, что может оказывать влияние на суждение о тексте, т.е. быть суггестивным фактором при его восприятии [Сорокин 1985: 98].

Результаты эксперимента позволили также выделить из ряда проекций текста некоторый его инвариант и приблизиться к «выяснению объективных показателей текста, существующих независимо от индивидуальных читательских проекций» [цит. раб.: 95], т.е. классифицировать тексты объективно. Оказалось возможным также смоделировать оценочный (ценностный) профиль типов читателя.

Восприятие неологизма в художественном тексте

Возвращаясь к идее о постепенности формирования смысла текста, приведём пример эксперимента с восприятием неологизмов в художественном тексте [Нестерова, Наугольных 2014]. Как известно, окказиональные слова очень сложны для восприятия, читатель вынужден обращаться как ко внутренней форме слова [Виноградов 2006: 119], так и к смыслу всего текста.

Исследователи обнаружили в очень сложном для восприятия произведении английского писателя Джеймс Джойса «Улисс» более 1000 лексических новообразований. Эти окказиональные слова были образованы при помощи продуктивных способов словосложения (**jewgreek*), аффиксации (**spanishy*), конверсии (**to almost*) или были окказионализмы, которые были созданы по нетиповым словообразовательным моделям или по сочетанию нескольких приёмов (контаминация, вставки внутри слов, междусловное наложение слов).

Исследователи предложили нескольким группам испытуемых прочитать 15 предложений, взятых из произведения Дж. Джойса, в которых имелись окказионализмы. Причем они предъявляли как тексты из оригинала (на английском языке), так и немецкие и русские переводы этих фраз, сделанных разными переводчиками [Нестерова, Наугольных: 148-149]. Оказалось, что испытуемые, которые читали переводные предложения, интерпретировали неологизмы по пути, который был как бы предложен переводчиком. Тем самым, оказалось, что нередко процесс перевода текста становится «более авторским [цит. раб.: 147], принадлежа больше переводчику, нежели автору.

Кроме того, по мнению экспериментаторов, полученные данные подтверждают положение А.И. Новикова о механизмах формирования содержания и смысла текста в процессе понимания текста. Он полагал, что если значение текста – это соотнесение смысла текста с реальностью (денотатами), то смысл текста – это проникновение в собственно текст. При этом понимание окказионального слова осложнено отсутствием общепринятого референта (денотата), поэтому его понимание не происходит одномоментно, основано на возможных ассоциациях, из которых читатель выбирает один и приписывает его неологизму на основе понимания всего текста [цит. раб.: 151]. По мнению А.И. Новикова, «последующие смыслы не «гасят» предыдущие, а какое-то время существуют как бы одновременно, образуя своего рода определённый фон восприятия» [Новиков 2000: 171].

Ошибки в речи наборщика

В работе Ю.В. Красикова «Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика)» так описывается последовательность действий наборщика (линотиписта): «чтение с оригинала, запоминание его на короткий промежуток времени и воспроизведение текста побуквенно посредством нажатия на клавиши машины» [Красиков 1980: 25]. При этом наборщик практически оперирует четырьмя-пятью словами [цит. раб.: 26]. Труд наборщика довольно механичен, но набираемый текст проходит через механизм порождения речевого высказывания [цит. раб.: 27].

Ни один из видов деятельности не свободен от ошибок, и наборщик нередко утрачивает контроль за своей деятельностью [цит. раб.: 67] допускает ошибки, большую часть которых (58,5%) составляют пунктуационные ошибки, затем идут орфографические ошибки и лишь потом (1,5%) ошибки экстралингвистического характера [цит. раб.: 27].

Бывает так, что в набираемом тексте встречается слово, которое наборщику неизвестно, или «не имеет широкого распространения в речевой практике современного человека» [цит. раб.: 66]. В том случае, если значение воспринимаемого слова не ясно, для реципиента ослабляется смысловая ткань предложения» [цит. раб.: 67]. При этом, однако, реципиент (в данном случае наборщик) продолжает искать значение слова «среди гнёзд семантических единств, имеющих сходные черты. Так вместо <устаревшего – В.Б.> *предстатель* появляется *представитель*» [там же]. Реципиент полагает, что он нашёл нужное слово, хотя на самом деле оно является «фонетическим аналогом» [там же] непонятного и оформляет его согласно требованиям воспринимаемого контекста.

Тем самым, даже при наборе текста, где очень важна адекватная передача каждого элемента формы, у наборщика возникает собственное «творчество» [цит. раб.: 67], которое, однако в грамматическом отношении полностью согласуется с авторским текстом [там же]. Это свидетельствует о существовании не только формально-грамматической, но и семантической настройки на текст, в смысл которого наборщику вникать не обязательно.

Тем самым, в процессе набора происходит помимо основного, фиксируемого сознанием, механического чтения параллельное «теневое» чтение, в процессе которого так же, как и во время «обычного» чтения, в его сознании происходит переработка прочитанного [цит. раб.: 29], некоторая трансформация текста [цит. раб.: 43].

Характерно, что такой «теневой» поток даже осознаётся наборщиком, одна из которых, в частности, говорила Ю.В. Красикову:

«Вообще всегда, какой бы текст ни набирала: художественный, медицинский, научный – даже если совсем не понимаешь его, – складывается определённое отношение к тексту. В случае с художественным текстом впечатления, конечно, особенно яркие» [цит. раб.: 58].

Это ещё раз подтверждает справедливость мысли о том, что восприятие речи является смысловым, так как «нормально включает акт понимания, осмысления» [Рубинштейн 2009: 235].

ВОСПРИЯТИЕ РАЗНЫХ ТИПОВ ТЕКСТОВ

Восприятие миссионерских текстов

Э.А. Саракаева [Саракаева 2000] предлагала испытуемым в эксперименте для пересказа миссионерские тексты, предварительно предлагая им ответить на вопросы «Проективного литературного теста» [Белянин 1988: 89–106], точнее, оценить разные типы текстов по шкале «прочитал(а) бы – ни за что не стал(а) бы читать».

Она получила следующие результаты. Испытуемым, выбиравшим по Проективному Литературному тесту (ПЛТ) «красивые» тексты, свойственно украшение стиля. Они почти всегда дают текстам вычурные многословные названия. Предпочитающие «весёлые» тексты демонстрировали высокие мнемонические способности, пересказывая тексты почти слово в слово. Они привносили в пересказ текста лозунги и призывы, модальные глаголы, вносятся оптимистические концовки. Испытуемые, выбиравшие в ПЛТ «печальные» тексты, значительно сокращали объём экспериментальных текстов, высказывали эмоциональное отношение к излагаемому, приводили рассуждения на тему собственного одиночества. Особенностью пересказов испытуемых, выбравших в ПЛТ «светлые» тексты было то, что они представляли из себя импровизации на заданную тему, испытуемые излагали свои размышления на темы, заданные текстами-оригиналами. Предпочитавшие «тёмные» тесты по ПЛТ давали экспериментальным текстам краткие названия, и их пересказы строились из простых, коротких предложений и изобиловали знаками препинания.

Тем самым, все испытуемые осуществляли при пересказе трансформации на уровне лексики, графики и синтаксического строения предложений, которые были обусловлены помимо прочего типом текста, который они предпочитали. Э.А. Саракаева предполагает, что за предпочтением того или иного текста религиозной тематики, могут стоять психологические факторы, лежащие в основе вербализованных там эмоционально-смысловых доминант, а

Порождение и восприятие речи и текста

совпадение эмоционально-смысловой доминанты текстов с доминантой личностного плана реципиента определяет его эмоциональное отношение и интерес к излагаемым религиозным взглядам, тогда как несовпадение может привести к резкому отторжению того или иного религиозного текста.

Восприятие публицистических текстов

Одна из основных задач автора публицистического текста состоит в том, чтобы активизировать в сознании адресата определённые эмоциональные образы, настроить его на определённый эмоциональный лад, – пишет Е.А. Репина [Репина 2012: 6]. Исследователь предположила, что на результат восприятия текста оказывает влияние как то эмоциональное состояние, которое там вербализовано, так и эмоциональное состояние личности читателя. Для этого она провела следующий психолингвистический эксперимент.

На первом этапе было проведено тестирование читателей с целью определения их личностных особенностей как в целом, так и их состояния в момент эксперимента [цит. раб.: 39]. На втором этапе читатели оценивали политические тексты с помощью методики семантического дифференциала Осгуда. В качестве шкал использовались 28 как отрицательных, так и положительных обозначений неравновесных психических состояний [Прохоров 1998]: беспокойство, тревога, страх, гордость, восхищение, весёлость и др. [Репина 2012: 41]. Задача читателей, которые выступали в роли экспертов, состояла в том, чтобы оценить каждый текст по 28 семизначным шкалам в баллах от 0 до 6, косвенно указать, насколько тот или иной текст вызывает у них представленные в списке психические состояния.

Одним из результатов эксперимента было то, что реципиенты с низкой реактивной и личностной тревожностью оценивали тексты как менее тревожные, а реципиенты с умеренной реактивной тревожностью и высокой личностной тревожностью оценивали тексты как более тревожные [там же]. Это позволило утверждать, что эмоционально нагруженный политический текст может оказывать вполне конкретное и осязаемое эмоциональное, но немного разное воздействие на людей с разным уровнем тревожности.

На третьем этапе эксперимента была проверена гипотеза о том, что политический текст может менять эмоциональное состояние читателя. Оказалось, что оценки состояния до и после прочтения менялись в зависимости от заложенного в тексте состояния и эмоционального состояния реципиентов.

На четвертом этапе была предпринята попытка построения семантического пространства экспериментальных текстов. Было выделено 6 факторов и тексты были разбиты на группы в соответствии с эмоциональными состояниями, которые там были заложены. В частности, были выделены три группы текстов – «агрессивные», «эпатажные», «энергичные» [цит. раб.: 44–49].

Пересказ по картине

Живопись, будучи проявлением творческой деятельности человека, связана с эмоциональным отношением к миру, поскольку оно может выражать субъективные переживания, фантазии, умозрительные идеи.

В эксперименте О.Г. Гиль [Гиль 2000] был проведён психолингвистический анализ пересказов содержания картины, которая была эмоциональным стимулом для нарративов испытуемых. Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе испытуемые были протестированы на экстраверсию/интроверсию. На основании опроса были выявлены две группы испытуемых, у которых эти черты оказались наиболее выражены. Им предъявлялась цветная репродукция картины Павла Федотова «Сватовство майора» с заданием дать её описание. Картина отличается сюжетностью, на основе которой можно построить рассказ-нарратив по схеме «Что было, что происходит в настоящий момент и чем все закончится».

Для анализа полученных разных нарративов был использован метод создания и сравнения прототекстов, использованных в проекте «Аэрофлот» [Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.П. Белянин, Ю.А. Сорокин], где про-

тотекст определялся как сводное целое всего корпуса текстов одной из групп испытуемых, т.е. как групповая проекция текста. Прототекст содержал следующие компоненты: вступление, главные персонажи, второстепенные персонажи, описание общей обстановки, настроение-атмосфера, экспликации, итог.

В результате эксперимента была обнаружена корреляция между особенностями личности рассказчика, его психологической установкой и нарративом, точнее нарративной доминантой. В частности, оказалось, что в нарративах экстравертов преобладает повествовательная доминанта, а в нарративах рассказчиков-интровертов – описательная. Речевой стиль экстраверсии отличается динамичностью, оптимизмом, уверенностью, демонстративностью, ориентированностью на собеседника. В рамках речевого стиля экстраверсии был выделен ряд подтипов (со своим идиостилем), а именно «демонстративный», «ироничный», «практичный». Для речевого стиля интровертов оказалась характерна описательность, депрессивность, неуверенность, ассоциативность. И в их нарративах были усмотрены «депрессивный», «лиричный», «ассоциативно-критичный» подтипы [Гиль 2000].

ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Перевод является особым видом речевой деятельности, при котором происходят операции с языковыми знаками. В.В. Виноградов называл переводы «вариантными формами воплощения того же замысла» [Виноградов 1963: 57]. Цель перевода – как можно ближе познакомить читателя переводящего языка с текстом на иностранном языке, которого он не знает: «перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 1983: 10].

Текст оригинала – как и любой текст – имеет сложную структуру, в которой задействованы внешний (языковой) и внутренний (мыслительный) коды. Переводчик выступает в роли посредника, который сначала является реципиентом и осуществляет понимание художественного текста, т.е. пытается раскрыть смысл, стоящий за значениями слов, и лишь затем осуществляет языковое перекодирование. Тем самым, возникая в деятельности и являясь единицей сознания, смысл исходного текста претерпевает трансформацию от сознания автора через языковые знаки к сознанию переводчика; а затем от сознания переводчика через языковые знаки к сознанию адресата.

Коммуникативная деятельность переводчика заключается в трёх последовательных процессах: 1) восприятие оригинального текста в письменной или устной форме на одном языке; 2) перевод этого текста из одной языковой системы в другую (перекодирование); 3) воспроизведение полученного текста в письменной или устной форме на другом языке.

Анализ процесса обучения переводчиков и их работы во время перевода показывает, что один и тот же текст воспринимается, переводится и воспроизводится по-разному [Алимов 2015: 196].

ПЕРЕВОД И ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА

В рамках теории эмоционально-смысловой доминанты предполагается, что в художественном тексте существует некоторая доминанта, которая опосредованно соотносится с личностью автора как языковой личности. В переводе же, особенно художественном, можно выделить «вторичную» эмоционально-смысловую доминанту, или доминанту перевода, которая, в свою очередь, может определяться личностью переводчика [Красильникова 1998].

К примеру, замена статических элементов динамическими в тексте перевода может соответствовать экстравертной установке переводчика, а замена динамических элементов текста статическими в переводе может соответствовать интровертированной установке личности переводчика. Иными словами, синтаксические и семантические трансформации, которые осуществляет переводчик, могут быть маркерами языковой личности переводчика.

Тем самым перевод художественного текста во многом имеет характер интерпретации. Множественность интерпретаций одного текста может быть обусловлена: непредставленностью в действительности референтной ситуации, соотносимой с текстом; различным эмоциональным отношением переводчиков к описываемой в тексте ситуации.

Порождение и восприятие речи и текста

В целом же перевод является специфическим видом речевой деятельности, предусматривающим наличие посредника. Психологические характеристики посредника могут отличаться от психологических характеристик автора исходного текста. Кроме того, перевод художественного текста имеет интерпретативный характер, причем множественность интерпретаций одного текста может быть обусловлена различным эмоциональным отношением переводчиков к описываемой в тексте ситуации. При этом особенности «картины мира» переводчика вербализуются в тексте, проявляясь в семантических трансформациях, наличие которых в тексте перевода нельзя объяснить только различиями в системах исходного языка и языка перевода [Красильникова 1999: 112].

В работах Ю.А. Панькиной также идёт речь об индивидуальности поэтического перевода как индикаторе эмоционально-смысловой доминанты художественного текста и как о проявлении личностного начала переводчика [Панькина, Белянин 2019].

* * *

Обращение психолингвистики к художественному тексту предполагает анализ не только лингвостилистических особенностей самого текста, но и реконструкцию авторской картины мира, а также анализ рецептивного аспекта художественного текста.

Завершая краткий обзор, отметим, что количество работ в этом направлении не очень велико, но хочется надеяться, что их количество увеличится по мере расширения набора методов и техник психолингвистического анализа, и, прежде всего, экспериментальных.

Литература

Алимов А.А. Психическая основа интерференции при переводе текста с одного языка на другой // Вопросы психолингвистики. 2015 №2, (24). С. 195–199.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд. Московского ун-та, 1988. 123 с.

Белянин В.П. Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте. Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. М., 1992. 42 с.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.

Белянин В.П. Функциональный тезаурус и анализ художественного текста. // XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». М., 2019. С. 215–216.

Белянин В.П. Компьютерный анализ тональности текста. // Вестник Калужского ун-та, 2021. Сер. 1. Том 4. Вып. 1. С. 69–79.

Белянин В.П., Сорокин Ю.А. Значение мены анхистонимов в оценке художественного текста // Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989. С. 130–136.

Богдановская И.М., Зайченко Т.П., Проект Ю.Л. Информационные технологии в педагогике и психологии. Учебник для вузов. «Издательский дом «Питер», 2014.– 304 с.

Богин Г.И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста (для занимающихся иностранной филологией URL: <http://window.edu.ru/resource/096/42096/files/index.html> (дата обращения 24 августа 2021 г.)).

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Уч. пособие.- 3-е изд.- М.: КДУ, 2006. 240 с.

Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 489 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Изд-во «Искусство», 1968. 336 с.

Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике Вып IX. Лингвостилистика. М., 1980. С. 5–34.

Герман И.А., Пицальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. 130 с.

Гиль О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 20 с.

Раздел 5

- Кай Янь.* Художественный текст, культура, сознание: психолингвокультурологический подход // Вопросы психолингвистики. 2016 № 4 (30). М.: ИЯ РАН, С. 298–308
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М.: 1993. 330 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики, 2015. №3 (25). С. 14–35..
- Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
- Красиков Ю.В.* Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М.: Наука, 1980. 124 с.
- Красильникова В.Г.* Речевые проявления личности переводчика в тексте перевода: автореф. ... дисс. канд. филол. н. М., 1998. 24 с.
- Красильникова В.Г.* Психолингвистическая интерпретация семантических трансформаций, возникающих при художественном переводе // Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 8. С. 109–113.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; – Воронеж: НПО «МОДЕК», 2001. 448 с.
- Нестерова Н.М., Наугольных Е.А.* Восприятие и осмысление окказионального художественного текста в контексте психолингвистической теории текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики, 2014, 2 (20), С. 146–152.
- Никифорова О.И.* Психология восприятия художественной литературы. М.: Книга, 1972. 152 с.
- Новиков А.И.* Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000, С. 33–38.
- Новиков А.И.* Текст как объект исследования лингвopsихологии // Методология современной психолингвистики. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. С. 91–99.
- Панов М.В.* Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М.: Педагогика, 1984. 352 с.
- Панькина Ю.А. Белянин В.П.* Индивидуальное в поэтическом переводе как индикатор эмоционально-смысловой доминанты художественного текста. // Вопросы психолингвистики, 2019, 2 (40), С. 108–123.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопэтика. М.: АСОУ, 2010. 144 с.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопэтику. Барнаул, 1993. 209 с.
- Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. М.: Институт психологии РАН, 1998. 152 с.
- Ревзина О.Г.* Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1998, С. 301–316.
- Ретина Е.А.* Психолингвистические аспекты организации политических текстов: автореф. дис. канд. филол. н. М., 2001. 24 с.
- Ретина Е.А.* Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат / Под ред. В.П. Белянина. М.: ИНФРА-М, 2012. 91 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Изд-во «Книга», 1977. 263 с.
- Рубакин Н.А.* Библиопсихологическая психология. М.: Академический проект, Триста, 2006. 800 с.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М, 1973. 237 с..
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009. 713 с.
- Саракаева Э.А.* Психолингвистический анализ миссионерских текстов: автореф. дис. канд. филол. н. М.-Краснодар, 2000. 18 с.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
- Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В.* К вопросу об интегральной оценке художественного текста // Методика преподавания иностранных языков в школе и вузе. Ульяновск, 1976.
- Уфимцева Н.В., Степанова А.А.* X конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL), Москва, 26-29 июня 2013 г. // Вопросы психолингвистики, 2013. № 2 (18), С. 222–225.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). Изд-е 4. М.: Высшая Школа, 1983. 303 с.
- Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М. : Политиздат, 1989. 447 с.

5.3.6. Текст и его структура (психолингвистические исследования в русле школы Л.В. Сахарного и А.С. Штерн)¹⁴

Т.Е. Петрова
Санкт-Петербург

Одной из проблем современной психолингвистики является проблема текста: его статуса, свойств, внутреннего и внешнего устройства, механизмов построения и осознания. Это обусловлено интересом исследователей к процессам вербальной коммуникации, поскольку без выявления закономерностей порождения и восприятия сообщения, без учета условий, влияющих на коммуникацию, трудноразрешимыми остаются многие проблемы не только экспериментальной лингвистики, но и других гуманитарных наук (стилистики, поэтики, психологии речи, онтолингвистики, методики преподавания иностранных языков и др.).

Психолингвистические основы изучения текста как целостной структуры представлены прежде всего в работах отечественных психолингвистов – Леонида Владимировича Сахарного и Аллы Соломоновны Штерн [Сахарный 1982; 1990; 1991; 1994а; 1994б; 1998 и др.; Сахарный, Штерн 1988; Штерн 1992; Мурзин, Штерн 1990]. В этом разделе будут описаны основные результаты их исследований: особенности понимания текста в психолингвистике, модель построения текста, механизмы центростремительной и центробежной грамматик текста, способы описания смысловой структуры текста. При написании раздела были также использованы конспектные записи Т.Е. Петровой, сделанные во время посещения спецкурсов «Психолингвистика» и «Тема-рематическое структурирование текста», который Л.В. Сахарный читал на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета в начале 90-х годов XX века.

Исходные теоретические принципы

Модель построения текста, предложенная Л.В. Сахарным и А.С. Штерн, базируется на многочисленных исследованиях смысловой структуры текста, появившихся в психолингвистике во второй половине XX века. Наиболее существенными моментами этих исследований являются следующие.

1) Смысл текста понимается как психическое отображение объекта действительности и отсюда – соотнесение расчленения текста на высказывания с расчленением психического отображения объекта действительности на сегменты [Черняховская 1983].

2) Идея динамичности структуры текста и отсюда – выделение акта предикации как основной операциональной единицы речемыслительной деятельности. Смысловая структура текста рассматривается как иерархия предикатов, а понимание – как вычленение в тексте этой иерархической структуры [Выготский 1982, Жинкин 1982, Новиков 1983, Дридзе 1984, Апухтин 1977].

3) Идея актуального членения высказывания и идея зависимости типов тематической прогрессии от способов связи элементов в тема-рематической структуре текста. Установление соотношений между Темой и Ремой с последующим выведением смысла в процессе акта предикации [Апухтин 1977; Патрушев 1978; Дейк, Кинч 1988; Черняховская 1983].

4) Развертывание цельности текста как процесс перехода от более простых (нерасчлененных) структур к более сложным (расчлененным) структурам. Текст как единство внутреннего (содержательного, смыслового) и внешнего (формально-языкового) плана [Выготский 1982; Леонтьев 1979].

5) Глобальная идея Л.В. Щербы о создании активной грамматики «от содержания». Использование «отрицательного» языкового материала и психолингвистического эксперимента для изучения основных свойств текста – цельности и связности [Щерба 1974; Леонтьев 1976].

¹⁴ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, грант № ID 75288744 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности»

Понятие текста. Цельность как базовая характеристика текста

Под текстом в работах Л.В. Сахарного и А.С. Штерн понимается материальное тело любой длины и сложности, которое создается и/или осознается как вербальная (т.е. словесная) структура. Традиционные исследования текста проводятся, как правило, от формы к значению, от структурной организации текста к его содержанию. При психолингвистическом подходе главным оказывается, напротив, подход от содержания к форме. В реальных условиях коммуникация успешно осуществляется не только посредством развернутых, сложных по синтаксической структуре текстов, но и посредством текстовых структур небольшого размера, не имеющих традиционного грамматического оформления. Это, например, наборы ключевых слов (НКС), предметные рубрики в предметных каталогах и указателях, планы, наброски, детская речь, реплики диалога в разговорной речи, речь на малознакомом языке, речь больных с моторной афазией, реакции в свободном ассоциативном эксперименте [Сахарный 1986; 1991]. Такие текстовые структуры были названы текстами-примитивами.

В исследованиях Л.В. Сахарного, А.С. Штерн и их учеников были изучены и описаны механизмы порождения и восприятия разных типов таких «ненормативных» текстов [Сахарный, Штерн 1998]. Было показано, что всякий текст обладает цельностью. Под цельностью понимается динамическое отнесение говорящим и/или слушающим данного текста к одной ситуации, простой или сложной.

«Цельность – это особого рода психолингвистический феномен, возникающий в психике человека как бессознательное (и в принципе полностью неосознаваемое) представление о некотором объекте. Это представление можно охарактеризовать как чувственное, слитое с переживаниями субъекта, его отношениями к миру; к нему приложимы такие понятия, как simultaneity, интегральность, континуальность, диффузность, аморфность» [Сахарный 1998: 7].

Такое понимание цельности хорошо коррелирует с определением А.А. Леонтьева:

«Цельность определяется на тексте как смысловом единстве и не соотносима непосредственно с категориями и единицами лингвистики речи. Суть феномена цельности – психолингвистическая, она коренится в единстве коммуникативной интенции говорящего (говорящих) и в иерархии планов (программ) речевого высказывания. Цельный текст характеризуется иерархией смысловых предикатов (в смысле Н.И. Жинкина, В.Д. Тункель, Т.М. Дридзе). В этом плане можно определить цельный текст как текст, который при переходе от одной последовательной ступени компрессии к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет смысловую тождество, лишаясь лишь маргинальных элементов» [Леонтьев 1976: 47].

Цельность характеризует данный текст как один из ряда синонимичных ему текстов-перифраз (от текстов-примитивов типа НКС до развернутых текстов), как реально созданных, так и потенциально возможных. Поэтому цельность обладает относительной самостоятельностью от данного текста. Л.В. Сахарный пишет, что понятие цельности не может быть строго сформулировано в рамках современной лингвистики, которая привыкла работать с чисто дискретными элементами плана содержания и логическими структурами (правилами) их комбинирования и преобразования. В то же время цельность в процессе речемыслительной деятельности, приводящей к построению текста, не может быть представлена иначе, как через частичную дискретизацию, т.е. через вычленение в ней некоторых структур – одной или более. Другими словами, в процессе осмысления цельности в ней могут быть выделены (актуализированы, осознаны, вербализованы) некоторые узловые, важные фрагменты, «смысловые вехи» (по Н.И. Жинкину), которые как-то характеризуют данный объект и по своей природе тоже являются цельностями. С учетом их подчиненного характера в иерархии цельностей их удобнее обозначать как субцельности. При этом в каждой такой субцельности могут выделяться свои субцельности и т.д. Такое выделение субцельностей представляет собой шаги на пути осмысления цельности, на пути преодоления ее подсознательности, аморфности, неопределенности, т.е. ее структурирование.

Порождение и восприятие речи и текста

Механизмы построения текста. Две грамматики языка

Текст – как феномен, имеющий линейный характер, – строится как эксплицитное представление последовательности отрезков – субтекстов, которые в свою очередь могут быть простыми или сложными по структуре, и связь между которыми может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Каждый отрезок должен нести новый по сравнению с предыдущими отрезками «квант» информации. При этом с одной стороны, тенденция к надежности заставляет говорящего все время увеличивать число этих квантов, а тенденция к экономии заставляет как-то компрессировать текст и «экономить» на выражении этих квантов информации.

Каждая выделенная субцельность может быть либо вербализована во внешнем тексте (и тогда она становится содержательной характеристикой этого текста), либо может быть подвергнута дальнейшим внутренним преобразованиям (дальнейшему структурированию). В процессе усложнения структурирования цельности новые выделенные в ней субцельности должны сохранять связь с исходной («общей») цельностью. С усложнением как структуры общей цельности, так и структуры выделенных в ней субцельностей сохранить эту связь человеку (как создающему текст, так и понимающему текст) становится все труднее из-за ограниченности оперативной памяти. Отсюда – две антагонистические тенденции (См. рис. 1):

а) осознание данной субцельности как автономной – **центробежная** тенденция, ориентированная прежде всего на детальную проработку в тексте данной субцельности;

б) осознание данной субцельности как части общей цельности – **центростремительная** тенденция, ориентированная прежде всего на «укрупнение» структуры данной субцельности – для обеспечения сохранности связи ее с общей цельностью.

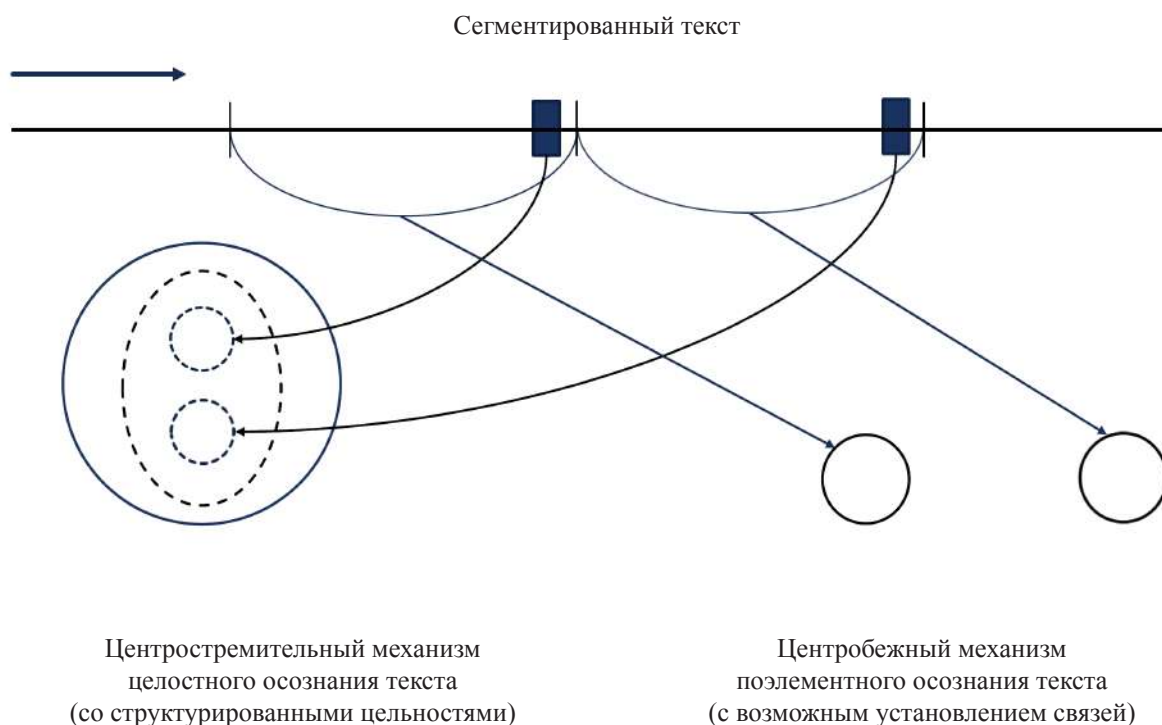


Рис. 1. Схематичное представление двухканальной обработки фрагмента текста

Таким образом, и при построении текста, и при осознании более или менее развернутого текста идет своеобразная двухканальная обработка информации, связываемой с тем или иным фрагментом данного текста.

Традиционная лингвистика, причем не только лексикология и синтаксис, но и «лингвистика текста», занимается прежде всего механизмами центробежной грамматики, определяющими «тонкую» поверхностную и глубинную структуру отдельных фрагментов текста и

их связей между собой. Механизмы же центростремительной грамматики, определяющие «грубую» поверхностную и глубинную структуру текста в целом и составляющие основу информации об общей цельности, остаются в стороне. Поэтому в работах Л.В. Сахарного [1993; 1994а; 1996] изучению механизмов центростремительной грамматики уделяется особое внимание.

Как и многие модели порождения речи, модель Л.В. Сахарного базируется на данных полученных при анализе нетрадиционного материала (прежде всего – данных по полушарной асимметрии головного мозга). Отсюда и обоснованное стремление отразить в модели оба механизма – правополушарный и левополушарный. Описывая механизм работы полушарий, Т.В. Черниговская и В.Я. Деглин пишут:

«Правое полушарие формирует глубинные уровни речепорождения. Но этих уровней несколько... Мы можем достаточно уверенно говорить о правополушарности первых двух – уровня мотива и уровня глубинно-семантического, на котором происходит глобальное выделение темы и ремы, определение “данного” (пресуппозиционного) и “нового”. Это уровень “индивидуальных смыслов” (Выготский), начала внутренней речи. Следующий глубинный уровень – это уровень пропозиционирования, выделения деятеля и объекта, этап перевода “индивидуальных смыслов” в общезначимые понятия, начало простейшего структурирования – следующий этап внутренней речи... И, наконец, далее следует глубинно-синтаксический уровень, формирующий конкретно-языковые синтаксические структуры» ([Черниговская, Деглин 1984: 42]; см. также: [Деглин 1996]).

По мнению Л.В. Сахарного [1994а; 1996], левополушарный механизм сосредоточен на выделении в тексте каждого предложения, его пословной обработке и полном структурировании, преобразовании глубинных структур в поверхностные.

Основные механизмы такой обработки описываются в рамках более или менее традиционного синтаксического и лексического анализа. Могут быть установлены связи между предложениями, сверхфразовые единства, связность и т.д. Действия центростремительных механизмов обработки цельности является прерогативой правого полушария. При этом именно сохранение «эталона» цельности позволяет человеку оценивать степень адекватности всех перифрастических преобразований текстов. Правым полушарием осуществляется и обработки основных просодических характеристик текста, обеспечивающих работу тема-рематического его структурирования. К тому же большая помехоустойчивость именно правого полушария объясняет возможность добиваться успеха в коммуникации в «нестандартных» ситуациях, несмотря на явные дефекты текста с точки зрения норм его «тонкого» структурирования. Правое полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание. Отсюда – «мягкость» операций, континуальность структуры единиц, иные принципы организации уровней и тому подобные феномены, непривычные для традиционных грамматик. Левополушарный механизм, образно говоря, можно назвать **центробежной** грамматикой, опирающейся на «тонкие» формально-логические правила синтаксических трансформаций, а правополушарный – **центростремительной** или «грубой» грамматикой, обеспечивающей удержание цельности, целостности «образа» речи.

Л.В. Сахарный выдвигает гипотезу о двояком характере формирования человеком содержательной структуры текста. При этом в «норме» имеет место параллельное действие механизмов обоих типов. Следует особо подчеркнуть базисный характер, хотя и более «грубых», но зато и более «надежных» механизмов, описываемых правополушарной грамматикой. Эти механизмы находятся в отношении дополнительности к более «тонким» механизмам левополушарной грамматики.

Порождение и восприятие речи и текста

Таблица 1. Сопоставительная характеристика речемыслительных механизмов левого и правого полушария головного мозга [Сахарный 1994б: 16–18]

Наименование феномена	Особенности проявления феномена	
	в механизмах левого полушария	в механизмах правого полушария
Характер когнитивных структур и основной принцип обработки информации	<ul style="list-style-type: none"> ▪ рациональный характер; ▪ тонкая вербализация; ▪ знания как системная взаимосвязь вербальных и логических структур; ▪ дискретность 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ чувственный характер; ▪ грубая вербализация; ▪ знания как связь вербализации с внешним миром; ▪ континуальность
Представление содержания целого (в связи с опорой на вербальные структуры)	Целое как совокупность конечного числа частей (вербальных структур)	Цельность как чувственный феномен (соотносимый с вербальными структурами)
Симультанная обработка информации: направленность процесса и максимальные размеры обрабатываемого текста	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Центробежная (проработка фрагмента) ▪ Фрагмент текста (целый текст, ограниченный в размерах объемом оперативной памяти) 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Центростремительная (удержание целого) ▪ Целый текст (без ограничений на его размеры)
Операция содержательного выделения «квантов» информации и характер их сукцессивной организации в тексте	Предикатно-актантное структурирование пропозиции – с опорой на формально-грамматические показатели логических отношений	Тема-Рематическое структурирование цельности (субцельности) с опорой на просодически выделенные компоненты («фокусы»)
Операция перифразирования и характер соотношения перифразируемых структур	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Точное перифразирование логических структур по правилам трансформаций ▪ Строгая эквивалентность 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Приблизительное перифразирование Тема-Рематических структур ▪ Условная эквивалентность
Операция реализации поверхностной структуры отдельного высказывания (предложения)	Детальная вербальная проработка на основе «предикатоцентрической» грамматики, с трансформами, тонкими показателями средств связности	Минимальная вербальная проработка на основе «номиноцентрической» грамматики, без трансформ, с грубыми показателями средств связности (в пределе – в виде текстов-примитивов, прежде всего – междометий и наборов ключевых слов)
Тенденции в содержательной и формальной обработке вербальной поверхностной структуры отдельного высказывания (предложения)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Поэлементная обработка (по «внутренней форме»). Буквализм. ▪ Алгоритмические трансформационные преобразования глубинных структур в поверхностные 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Фразеологизация и идиоматизация. Метафоричность. ▪ Эллипсис ядерных конструкций во внешней речи

Операция выбора наименований	Выбор наименования из микросистемы лексических единиц на основе тонких дифференциальных признаков и с опорой на логические отношения. Тенденция к выбору точного наименования	Выбор наименования из ядра ассоциативного поля, с учетом субъективно-вероятностных характеристик ассоциативных связей, на основе грубых дифференциальных признаков и с опорой на денотат. Тенденция к парафазии (к выбору гиперонимического наименования)
Примеры типов речи при подавлении (неразвитости, поражении) речемыслительных механизмов данного полушария	<ul style="list-style-type: none"> ▪ речь при различных видах афазии; ▪ речь маленьких детей ▪ некоторые структуры разговорной речи 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ речь при шизофрении; ▪ обработка текста на «формальном» (логическом) уровне – без обращения к денотату (в т.ч. малопонятного текста на родном языке)

Экспериментальные исследования различных типов текста показали, что при изучении механизмов центростремительной ориентации в структуре текста могут быть выделены следы предшествующих парадигматических преобразований-перифраз при его развертывании. Это делает возможным (через компрессию текста, в частности, через построение текстов-примитивов, в том числе – наборов ключевых слов) реконструкцию этих этапов и тем самым – восстановление иерархии структурирования цельности в ее базисной инвариантной структуре [Сахарный, Штерн 1988; Сахарный и др. 1984; Мурзин, Штерн 1991; Штерн 1978].

Изучение этих процессов позволило не только выявить и описать ряд базовых параметров центростремительных механизмов, уровней организации этих механизмов, единиц этих уровней и операций с этими единицами, но и создать модель построения текста и разработать достаточно нормализованную процедуру анализа, включающего описание «центростремительной грамматики» порождения/осознания текста.

Модель построения текста

На рис. 2 представлена обобщенная модель механизмов построения текста [Сахарный 1994б: 26]. В модели выделены блоки, обозначающие важнейшие этапы промежуточных и конечных результатов процесса, приводящего к формированию структуры внешнего вербального текста, и операции, с помощью которых формируются структуры того или иного блока (в том числе – операции контроля и коррекции).

Как и во многих психолингвистических моделях порождения речи в модели Л.В. Сахарного признается наличие довербального способа выражения текста, постулируется наличие первоначального общего неделимого представления о событии (ситуации), учитывается проверка соответствия замысла текста полученному результату. Структурирование цельности, доведенное до реализации во внешнем тексте, проходит три стадии (этапа):

1. Невербальное (довербальное) выделение (актуализация) Ремы в данной Теме.
2. Внутренняя вербализация выделенных невербальных компонентов.
3. Внешняя вербализация данной тема-рема-тической структуры.

Принципиальное разграничение первых двух этапов несомненно, однако на практике проводить такое разграничение во многих случаях затруднительно или даже просто невозможно. Поэтому при моделировании процесса порождения текста целесообразно оба эти объединить и рассматривать вместе, обозначив как комплексный этап внутреннего структурирования цельности [Сахарный 1998].

Порождение и восприятие речи и текста

На рис. 2 показано, что процесс порождения текста начинается в правом полушарии головного мозга. Именно там создается тот чувственный эталон, то целостное представление о некотором объекте, которое в дальнейшем подвергается внутренним и внешним преобразованиям (структурированию). В предложенной модели основной упор делается на основополагающее свойство текста – цельность, а сам процесс порождения текста рассматривается как процесс тема-рематического структурирования цельности.

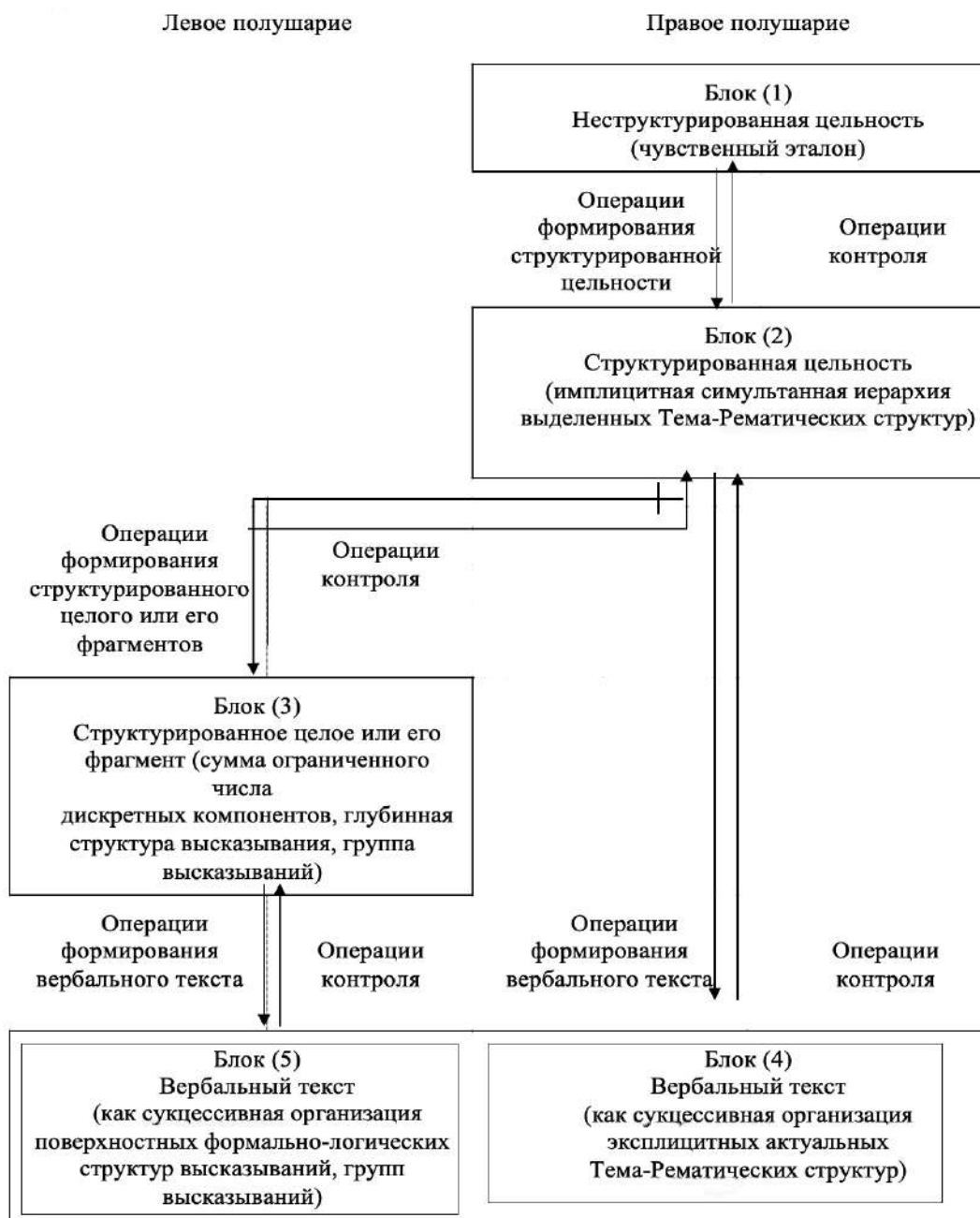


Рис. 2. Механизмы построения текста

Методика многоуровневого тема-рематического структурирования текста

На основе описанной выше модели порождения текста была создана методика тема-рематического структурирования текста, которая позволяет рассуждения о цельности и семан-

тической связности того или иного текста перевести на операциональный уровень, представить характер их отражения в тексте в виде многоуровневой иерархии тема-рематических структур. Процедура имеет универсальный характер, что позволяет на основе единых принципов анализа, единиц и операций описывать и сопоставлять любые тексты независимо от их длины, сложности структуры и правильности построения.

Технология анализа тема-рематической структуры текста опирается на различие в каждой единице текста Темы (данного, топика) и Ремы (нового, коммента), разработывавшееся в теории актуального членения. Отличие данного подхода от традиционного заключается в иной трактовке отношений между темой и ремой. В теории актуального членения тема и рема противопоставлены друг другу. В данной модели тема текста в самом широком смысле и есть его цельность, то есть подразумеваемое говорящим целое, о котором он собирается рассказать.

Тема в узком смысле представляет собой ту часть цельности, которую говорящий считает нужным вербализовать для того, чтобы слушающий не совершил ошибки в соотношении актуально выделяемого компонента – ремы – с тем или иным компонентом (уровнем) в порождаемой структуре цельности. Рема выделяет в теме новые, дополнительные детали и тем самым ограничивает, уточняет тему, уменьшает неопределенность в уже выделенной в ней информации, органически включаясь в цельность и не являясь чем-то внешним по отношению к теме.

В ходе анализа структуры текстов по методике Л.В. Сахарного выделяется 6 уровней тема-рематической организации текста (перечень уровней дается «снизу вверх»):

- 1) уровень минимальных актуализированных предикативных структур (МАПС);
- 2) уровень тема-рематических блоков (ТРБ);
- 3) уровень узких тема-рематических комплексов (УТРК);
- 4) уровень соединений узких тема-рематических комплексов;
- 5) уровень широких комплексов (ШК);
- 6) уровень соединений широких комплексов.

На каждом уровне на основании специфических для него критериев выделяется своя разновидность тема-рематической структуры со своей типологией. Это не означает, что каждый из уровней представлен в тексте отдельно, расчлененно. Достаточно часто одна и та же структура является реализацией нескольких уровней одновременно.

При переходе с нижележащего уровня на вышележащий происходит укрупнение единиц за счет объединения нескольких единиц нижнего уровня в одну единицу верхнего уровня, являющуюся их более слитным и обобщенным представлением. В итоге создается иерархическая структура, которая моделирует «восстановление» исходной цельности текста, которую говорящий/пишущий пытался в своем тексте отразить. Психологическая реальность такой операции свертывания при восприятии и обработке текстов показана многими работами в области когнитивной психологии [Дейк, Кинч 1988]. Методика дает возможность автономной обработки тема-рематических структур на каждом из уровней (при этом уровни и их единицы не сводятся к традиционно выделяемым лингвистами уровням и единицам языка).

Кратко охарактеризуем единицы различных уровней тема-рематической структуры текста, с помощью которых можно осуществить формальную процедуру реконструкции структурирования цельности текста. Для демонстрации Л.В. Сахарный использовал очень удобный в этом плане, компактный текст хорошо известной всем сказки К. Чуковского «Муха-Цокотуха».

На *первом уровне МАПС* базисным средством выделения единиц, из которых строится вся дальнейшая иерархия структур центростремительных механизмов, – просодика [Сахарный 1992; 1990]. Для МАПС характерен жесткий формальный признак – одна рема, один просодически выделенный фокус. Причем преимущество в этом смысле отдается логическому ударению. При отсутствии в МАПС логического ударения учитывается

Порождение и восприятие речи и текста

обычное фразовое ударение, связанное с концом данного отрезка текста. МАПС могут быть эксплицитными (выраженными в тексте) и имплицитными, которые в тексте не выражены и могут быть обнаружены лишь в результате реконструкции. Реальный текст предстает на первом уровне как последовательность эксплицитных МАПС.

Сами эксплицитные МАПС могут быть трех типов:

а) полные – в них выражен и рематический, и тематический компонент. Например, *Пошла Муха на базар. Базар* – рематический компонент, *Пошла Муха* – так или иначе связано с не-рематическим компонентом.

б) эллиптические – в них выражен тематический компонент и отсутствует тематический. Например, *Подлетает к пауку* – рематический компонент есть, а тематического нет.

в) дефектные – в них может быть только тематический компонент и отсутствует рематический. Такие МАПС обычно встречаются в разговорной речи. Это всякого рода заминки в подборе слов, типа *Ну вот это...*, оговорки, речевые ошибки, которые, как правило, сопровождаются интонацией незавершенности.

Для упрощения и ужесточения процедуры анализа, по-видимому, целесообразно говорить не о «рематическом компоненте», а именно о «слове-фокусе» или «психологическом предикате». И далее в ходе построения структуры текста каждому рематическому компоненту МАПС приписывается структура какого-то «психологического субъекта». Иногда его нет в тексте данной МАПС, но он легко восстанавливается из окружающих структур (Например, *Комарик – ‘подлетает к Пауку’*). Таким образом реконструируется структура «психологический субъект – психологический предикат», которая уже и представляет собой содержательный план данной МАПС именно как актуальной тема-рематической структуры.

Однако в тексте МАПС могут быть еще и другие слова, осложненные конструкции, результаты трансформаций. Особенно часто это встречается в «длинных» распространенных предложениях. Эти слова и конструкции представляют собой уже не «психологические предикаты», а «психологические атрибуты» (как «вырожденные» предикаты – по Г. Паулю). Они представляют в тексте структуру тонких центробежных механизмов и с точки зрения основной структуры МАПС оказываются избыточными.

Сам психологический субъект может быть двоякого рода. Он может обозначать феномен «наличия», «бытийности». При этом поверхностное наполнение текста МАПС может быть различным. Например, *Приходили к Мухе Блошки*. «Приходили» – это глагол «появления». Здесь много дополнительной семантической информации. Но для структуры МАПС важно только то, что «Блошек» здесь не было – и они появились. То есть в данном случае это эквивалент именно «бытийной» информации. Такие МАПС предлагается называть бытийными (МАПС-б). В других случаях психологический субъект сам требует восстановления при себе некоторой бытийной структуры. Например, *Пошла Муха на базар*. Предполагается, что имеется Муха (или появилась Муха и т.п.), которая и пошла на базар. Такие МАПС называются маркирующими (МАПС-м).

Восстановление при таких МАПС-м предшествующих им МАПС-б требует перехода на **второй уровень тема-рематического структурирования** – уровень узких тема-рематических блоков. Это несколько более сложная глубинная структура, чем МАПС. ТРБ обязательно начинается с МАПС-б. ТРБ могут быть двоякого рода: простыми (состоящими из одной МАПС-б. Например, *Приходили к Мухе Блошки*) или сложными (состоящими из одной МАПС-б и одной МАПС-м. Например, *Имеется Муха – «Пошла Муха на базар»*). Содержательная структура текста на этом уровне предстает как последовательность ТРБ.

МАПС и ТРБ имеют жесткие количественные ограничения. МАПС – это одна и только одна рема (фокус), а ТРБ – это одна и только одна МАПС-б и не более одной МАПС-м. Эти структуры удобный аппарат для анализа структуры текста, «кирпичики», из которых он строится. Цельности и субцельности могут выражаться различными комбинациями этих структур. Поэтому основной тема-рематической структурой, характеризующей цельность текста, является единица **третьего уровня анализа** – узкий тема-рематический комплекс (УТРК). Это более сложная структура, не имеющая жестких ограничений на количество МАПС. По терминологии Л. Выготского, МАПС и ТРБ – это «элементы», а УТРК – это уже «единицы».

В комплексе может быть не одна МАПС-б, а несколько. Поэтому необходимо ввести понятие МАПС-б-основной. Остальные МАПС-б, если они есть в данном комплексе, оказываются дополнительными и как-то характеризуют МАПС-б-основную. Приведем пример комплекса: *Муха, Муха-Цокотуха, Позолоченное брюхо, Муха по полю пошла, Муха денежку нашла, Муха пошла на базар, Муха купила самовар* – все эти структуры концентрируются вокруг одной основной структуры – Имеется Муха.

Можно выделить четыре принципиально различных типа комплексов, из которых комбинируется любая структура цельности текста: 1) простой УТРК (состоящий из одного ТРБ. Например, *Тараканы - под диваны*);

Раздел 5

2) куст (если две МАПС-б или более совпадают. Например, *Муха по полю пошла, Муха денежку нашла* и т.д. Все действия и признаки внутри этого УТРК относятся к одному психологическому субъекту); 3) цепочка (одна и та же МАПС-б совпадает с МАПС-м и тем самым оказывается дополнительной по отношению к МАПС-б. Например, *‘Имеются’ букашки → ‘Выпивали’ по три чашки → ‘Чашки’ с молоком и крендельком*); 4) смешанная структура куста и цепочки (Например, *Приходили к Мухе Блошки → ‘Блошки’ приносили ей сапожки → ‘Имеются’ сапожки, ‘которые’ не простые → В них застёжки золотые*).

Четвертый уровень анализа – уровень контактных соединений узких комплексов. Единицы этого уровня характеризуются тем, что они употребляются в одном месте текста, но в них уже выделяется не одна МАПС-б-основная, а несколько. Это принципиально иная структура, в которой соединяются три (или более) УТРК. Один из них является «обобщающим», а другие – «частными». Например, *Тараканы – под диваны, а Козявочки – под лавочки, а Букашки – под кровать – не желают воевать*. Здесь имеется три эксплицитных «частных» УТРК. Но здесь же имеется и некоторая обобщающая структура (имплицитный, «скрытый» узкий комплекс, что-то вроде «Имеются гости, которые ведут себя нехорошо, трусливо» – приблизительно так этот узкий комплекс может быть эксплицирован во внешнем тексте. Это обобщающий УТРК, который «расщепляется» на три частных, которые уже и «прорабатываются», реализуются во внешнем тексте. А все эти четыре УТРК (один имплицитный и три эксплицитных) составляют контактное соединение УТРК, в котором реализуется парадигматическая перифраза: обобщающий комплекс – группа частных комплексов. Иными словами, здесь человек, осознающий текст, производит «шаг» свертывания/обобщения при восприятии текста, зеркально соответствующий шагу развертывания при построении текста.

Контактное соединение комплексов может укрупняться и дальше. Так, в «Мухе-Цокотухе» через несколько шагов свертывания происходит выход на структуры-называния отдельных эпизодов, которые уже укрупняются в самую обобщенную структуру – структуру сказки в целом. На данном уровне тема-рема-тического структурирования текста осуществляется переход от представления текста как линейной структуры к представлению его сюжетной реальной содержательной структуры, с восстановлением структурирования цельности, с выделением субцельностей и установлением их отношений в реальном тексте.

На **пятом уровне анализа** выделяются широкие комплексы, которые распределяются по разным частям текста. Например, *Муха – Муха по полю пошла..., ‘Муха обращается к гостям’: ‘Дорогие гости! Помогите!’..., Муха криком кричит..., пляшет Муха с Комаром* и т.д. Иначе говоря, в разных местах текста имеется ряд структур, где в роли МАПС-б-основной выступает Муха. Это тоже текстовая структура, хотя она и выходит за рамки данного конкретного последовательного развертывания текста. Она «дистантна». Здесь возникает очень важная проблема выделения классов условной эквивалентности, поскольку в действие вступают дополнительные механизмы парадигматического выбора, связанные с квазисинонимией. Так, Паук в одном случае называется «Старичок-паучок», а в другом – «Злодей». Более сложный пример: Тараканы, Букашки, Блошки, Пчела и т.п. реально объединяются в один большой класс условной эквивалентности – «Гости».

Наконец, **шестой уровень анализа** – уровень соединений широких комплексов, на котором устанавливается взаимодействие классов условной эквивалентности. Если выявить в тексте все случаи взаимосвязи этих классов, то получится тема-рема-тическая структура, которая не только не расположена в одном месте текста, но и имеет несколько МАПС-б-основных. Например, *‘Вдруг какой-то Старичок-паучок нашу Муху в уголок поволок’* и далее *‘Муха криком кричит, надрывается, а Злодей молчит, ухмыляется’*. Здесь взаимодействие двух главных действующих лиц – Мухи и Паука. В другом соединении широких комплексов Муха вступает во взаимодействие с гостями: приглашает, угощает, просит о помощи и т.д.

Уровни широких комплексов и соединений широких комплексов – это самые «высокие» уровни, на которых выявляется взаимодействие основных действующих лиц. В «Мухе-Цокотухе» – три конкретных действующих лица (Муха, Комар, Паук) и одно обобщенное (Гости). При этом Муха взаимодействует и с Пауком, и с Комаром, и с Гостями, Комар и Паук – с Мухой и между собой, а Гости – только с Мухой. То есть по количеству взаимодействий Муха – явно самое центральное действующее лицо сказки, а Гости оказываются в этом смысле на периферии. Именно взаимодействие между этими действующими лицами и создают ту обобщенную структуру цельности, которая на самом деле составляет базисную ситуацию сказки и легко выявляется в соответствующих экспериментах: Когда Муха принимала Гостей, на нее напал Паук, но Комар его убил и женился на Мухе (См. подробное описание экспериментов, направленных на изучение механизмов компрессии развернутого текста, в [Сахарный 1982, 1989; Мурзин, Штерн 1991]).

Применение теории текстов-примитивов и методики тема-рематического структурирования

На базе выделенных уровней тема-рематического структурирования текста, единиц этих уровней и операций с этими единицами можно проводить сопоставительный анализ конкретных текстов, который позволяет выявить основные количественные параметры, определяющие как характер структуры «нормальных» текстов различных текстов, так и степень тема-рематической сложности текста.

С помощью методики тема-рематического структурирования текста учениками Л.В. Сахарного были описаны механизмы построения текстов разговорной речи [Барينو́ва 1988]; текстов детской речи – рассказов по картинкам, созданными детьми дошкольного возраста [Романовская 1992]; тема-рематические структуры текстов больных с афазией, показана валидность противопоставления парадигматика/синтагматика не только на уровне построения высказывания, но и при построении целого развернутого текста [Стрекаловская 1990]; исследовано влияние психологического типа личности на характер текстопорождения [Алексеева 1996]; изучены особенности построения текста в аспекте функциональной асимметрии мозга, а именно при помощи сопоставительного анализа выявлены основные характеристики текстов, полученных при относительно изолированном функционировании правого и левого полушарий головного мозга, сопоставлены тема-рематические структуры текстов, полученных при инактивации полушарий, с текстами контроля, когда функционируют оба полушария [Петрова 2000].

Однако современные нейролингвистические исследования показывают, вопрос о том, где проходит граница между правополушарными и левополушарными механизмами, остается открытым. В последние годы в нейронауке случился концептуальный скачок в понимании работы мозга. Сейчас мнение нейрофизиологов постепенно меняется в сторону представления о том, что функциональная единица – это не та или иная зона в мозгу, а нейрон. То есть акценты психоллингвистических исследований смещаются с изучения условно выделяемой мозговой области (будь то левый мозг или правый мозг, передний или задний) на отдельные нейроны или, как принято говорить, «ансамбль нейронов». Пользуясь лингвистической метафорой, предложенной Л.В. Сахарным, по-видимому, сейчас целесообразнее говорить не о правополушарном и левополушарном механизмах, а о центростремительном и центробежном способе исполнения / построения «музыкального произведения» – текста.

На базе теории текстов-примитивов Л.В. Сахарным, А.С. Штерн и их учениками в рамках Петербургской школы психоллингвистики была разработана достаточно формализованная процедура анализа текстов, позволяющая в явном виде представить основные правила работы центростремительного механизма при осознании текста читающим, определить уровень успешности обработки и понимания того или иного текста. Результаты этих исследований активно используются в практике преподавания русского языка как иностранного [Волкова 2006; Петрова, Калугина 2019] и при изучении поликодовых текстов – текстов, включающих вербальные и невербальные компоненты [Петрова и др., 2017]. Показано, что обучение читающего процедуре выделения ключевых слов в тексте позволяет активнее формировать навыки схватывания сути текста, основных структур цельности текста – и тем самым значительно ослабить антагонистическое противостояние центробежного и центростремительного механизмов при осознании текста, способствует улучшению технологии чтения / слушания.

Таким образом, обращение к идеям Л.В. Сахарного и А.С. Штерн до сих пор позволяет нам решать не только ряд методических проблем преподавания языка как родного и как иностранного, связанных с обучением построению устных и письменных осмысленных текстов, но и позволяет прояснить вопросы текстовой типологии и описать механизмы речемыслительной деятельности человека.

Литература

Алексеева Н.Г. Психологический тип личности и многоуровневое тема-рематическое структурирование текста // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4 «Семантика и коммуникация». СПб, Изд-во СПбГУ, 1996. С. 148–162.

Апухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 179 с.

Барينوва И.А. Особенности цельности и связности при построении текстов в разговорной речи: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 238 с.

Волкова Л.Б. Теория текстов-примитивов в современной практике преподавания РКИ // ... слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. Пермь, 2006. С. 306–311.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений. Т. 2. М., 1982. 504 с.

Деглин В.Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам-Киев: Женевская инициатива в психиатрии. 1996. 151 с.

Дейк ван Т., Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. 270 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982. 160 с.

Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 46–47.

Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979. С. 7–18.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 171 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

Патрушев В.А. Структурно-семантические различия письменной и устной речи (психолингвистический анализ): автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1978. 25 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 500 с.

Петрова Т.Е. Особенности построения текста в аспекте функциональной асимметрии мозга: дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2000. 149 с.

Петрова Т.Е., Риехакайнен Е.И., Кузнецова А.С., Мараев А.В., Шаталов М.А. Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах // Социо- и психолингвистические исследования, 2017, № 5, С. 149–157.

Петрова Т.Е., Калугина Н.В. Особенности движений глаз при чтении поликодовых текстов на русском языке // Когнитивные исследования языка, 2019, № 37. С. 825–830.

Романовская Л.Б. Формирование механизмов структурирования цельности при порождении текста (в онтогенезе): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1992. 16 с.

Сахарный Л.В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 29–38.

Сахарный Л.В. К основанию теории текстов-примитивов // Деривация и семантика: слово – предложение – текст / Под ред. Л.Н. Мурзина. Пермь, 1986. С. 89–98.

Сахарный Л.В. Опыт анализа многоуровневой тема-рематической структуры текста (к моделированию семантической деривации текста) // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1990. С. 28–49.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 221–237.

Сахарный Л.В. Смысловая обработка текста: две стратегии – две грамматики // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2. Вып. 4. С. 17–20.

Сахарный Л.В. Язык правого полушария: миф или реальность? // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика». Ин-т языкознания РАН. М., 1994а. С. 48–50.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994б. С. 7–59.

Сахарный Л.В. Язык и мозг: новые подходы // Филология на рубеже XX–XXI веков: тез. Междунар. науч. конф. Пермь, 1996. С. 9–11.

Порождение и восприятие речи и текста

Сахарный Л.В. Тема-ремагическая структура текста: основные понятия // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1. С. 7–16.

Сахарный Л.В., Сиротко-Сибирский С.А., Штерн А.С. Набор ключевых слов как текст // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. Пермь, 1984. С. 81–83.

Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности/ Отв. ред. Т.С. Серова. Пермь: Пермский политехнич. ин-т, 1988. С. 34–51.

Стрекаловская С.И. Механизмы цельности и связности в текстах больных с патологией речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1990. 146 с.

Тункель В.Д. К вопросу об устной передаче речевого сообщения: автореф. дисс..... канд. филол. наук. М., 1964. 20 с.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции). Учен. зап. Тартуск. Гос. Ун-та. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984, вып. 17. С. 48–67.

Черняховская Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового содержания: автореф. дисс... д-ра филол. наук. М., 1983. 44 с.

Штерн А.С. К построению оценки восприятия смысла текста // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978. С. 211–213.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

5.4. Психолингвистическое изучение звучащей речи: восприятие и порождение

Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, Е.В. Петроченко, И.В. Воропаева
Воронеж

Современное языкознание характеризуется очевидным переносом внимания от системы языка к речи. В поле зрения исследователей входят тексты разных стилей, все чаще тексты устной, разговорной речи. При описании этих явлений обнаруживается терминологическая проблема. За приведенными терминами закрепилось стилистически сниженное понятие по сравнению с другими функциональными стилями. Термин «звучащая речь» удобен для обозначения всех произнесенных, артикулированных типов текста. Этот термин разделяет явления письменной и устной речи. На первый взгляд может показаться, что с употреблением этих терминов происходит также отнесение текстов к отдельным уровням языка в плане исследовательского подхода. Традиционно произнесенные тексты относят к области фонетики, письменные тексты являются объектом лингвистического анализа в его полном, традиционном объеме. При таком разделении не снимаются проблемы поиска механизма исследования речи.

Если исследованию подвергаются тексты, спонтанно порожденные в устной форме, то для последующего анализа они нередко представляются в письменной форме и, кроме фиксации отдельных, наиболее характерных фонетических признаков, подпадают под грамматический и лексический анализ. За рамками анализа остается специфика устного спонтанного текста. Проблемы возникают и со стилистической характеристикой звучащих текстов, если их реализация обнаруживает жанровое несоответствие с лексическим наполнением текста, так как функциональные стили различаются по их лексическим характеристикам.

Иная позиция по отношению к исследованию явлений речи возникает при психолингвистическом подходе. Психолингвистическая ориентация лингвистики открывает возможности разработки иных механизмов исследования речи. Психолингвистика, как зарубежная, так и отечественная, при своем зарождении опиралась на положения теории (речевой)

деятельности, изложенной к тому времени в работах А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина. Термин «психолингвистика» используется далее А.А. Леонтьевым, работы которого получают широкую известность. В качестве основных направлений психолингвистических исследований определяются исследования процессов порождения и восприятия речи и речевого поведения человека. Сегодня исследования в области психолингвистики обширны и разнообразны по направлениям. Представляется, что значительную часть их занимают проблемы речевого поведения человека. Однако подход к речевой деятельности как к процессу, направленному на субъект, то есть деятельностное понимание речи, присущ в целом исследованиям в современной психолингвистике.

Представляется уместным остановиться на понятии «речь», так как в современных лингвистических и психолингвистических работах понятия «речь» и «язык» трудно различимы. Во многих случаях понятие «язык» не подразумевает систему знаков в концепции Соссюра, но вбирает в себя все то, что относится к реализации системы языка в процессе речевых действий, т.е. речи в ее различных проявлениях. В настоящем исследовании в центре внимания находится понятие звучащей речи. При этом мы не рассматриваем это явление в первую очередь в фонетическом плане. Именно психолингвистический подход ставит задачу осмысления речи с точки зрения порождения и восприятия речи и тем самым дает возможность разработать механизм исследования речевого материала. Известно, что процесс восприятия в большей степени доступен для экспериментальных исследований. Восприятие представляет собой декодирование поступающих в процессе коммуникации речевых сигналов. Проблема исследования процесса восприятия речи включает в себя определение уровней декодирования речевого потока.

Научно-методический Центр фонетики при факультете Романо-германской филологии Воронежского государственного университета (руководитель НМФЦ проф. Л.В. Величкова) совместно с Институтом фонетики и речеведения университета им. Мартина Лютера (Галле, Германия) с 2006 г. реализуют научный проект «Эмоция и просодия в межкультурной коммуникации». В рамках проекта исследуются параметры звучащей речи в различных коммуникативных стилях. Особенностью деятельности воронежских исследователей звучащей речи является их психолингвистическая направленность.

В научно-методическом Центре фонетики ВГУ разработаны механизмы исследования процесса восприятия. В частности, разработана *методика с использованием данных аудиотивного анализа*, выявляющего перцептивные (воспринимаемые речевым слухом) признаки интонации, сигнализирующие тот или иной коммуникативный тип высказывания. Разработан *механизм определения локализации и реализации дифференциальных признаков фонем и интоном на линейной протяженности фразы*, что способствует объяснению процесса восприятия речевого высказывания. Выявлены признаки интонационной завершённости в системе русского и немецкого языков [Величкова 1989, Лукьянчикова 1998], признаки интонационной завершённости и вопросительности в системе русского и английского языков [Сухарева 2003], русского и испанского языков [Петрова 2004], описана характеристика музыкально-ладовой структуры интонационных единиц немецкого языка на фоне русского [Петроченко 2001].

Установлено, что восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в эмоциональном ключе во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках. Немецкие фразы с интонацией завершения (терминальности) в экспериментах на восприятие их носителями русского языка (с привлечением большого количества испытуемых) почти без исключений были восприняты как категоричные [Лукьянчикова 1998]. Перенос интонационных признаков завершённости из русского языка в немецкий как факт интерференции придавал этим фразам с точки зрения носителей немецкого языка эмоциональный оттенок неуверенности, сомнения в содержании высказываний.

Механизм эмоционального восприятия признака завершённости в этой паре языков можно проследить и объяснить следующим образом. Дифференциальные признаки коммуни-

кативного типа высказывания «завершенность» в немецком и русском языках различны. В немецком языке этот признак выражается в падении высоты тона голоса до нижней границы голосового диапазона (Lösungstiefe), согласно фонологическому описанию интонации Г. Майнгольда и Э. Штока [Meinhold, Stock 1980]. В интонационной системе русского языка ни одна из единиц, представляющих основные коммуникативные типы высказываний, не реализуется с таким интенсивным падением тона голоса. Мелодические признаки с такой направленностью сопряжены с экспрессивными средствами «отрицательных» эмоций, относящихся к базовой эмоции «гнев». Эти данные объясняют не только механизм эмоционального восприятия дифференциального признака «терминальность» (завершенность) немецкой речи в восприятии носителями русского языка как родного, но и в целом картину восприятия на этом уровне.

Представляется, что компоненты интонации, а для многих языков ведущим считается мелодический компонент, составляют механизм для выражения основных коммуникативных типов высказываний, обладающих национальной спецификой на фоне универсалий, природа которых обусловлена физиологической общностью реализаций супraseгментных средств человеком.

Система *экспрессивных средств* речи сопряжена определенным образом с системой интономом. По нашей гипотезе, усиление при этом дифференциальных для этой системы признаков маркирует положительные эмоциональные состояния, интенсификация интегральных признаков означает проявление отрицательных эмоциональных состояний. Иначе говоря, система интономом сопряжена с системой выражения базовых эмоций на основе дифференциальных признаков. В речевом онтогенезе можно проследить становление системы интономом в связи с ранее формирующейся системой эмоционально – экспрессивных средств речи.

Воспринимая речь мы, прежде всего, регистрируем комплекс признаков, характеризующих говорящего и его состояние. Эти наблюдения до сих пор не были использованы для создания модели системного представления об экспрессивных средствах звучащей речи и их анализа. Систему средств выражения эмоциональных состояний, имеющую значение для речевой деятельности в целом, можно обнаружить именно на этом уровне. Однако при этом необходимо изменить традиционную для лингвистики точку рассмотрения, согласно которой средства звучащей речи являются материей для выражения готовых речевых произведений – высказываний, порожденных по лингвистическим правилам.

Можно предположить наличие отдельной системы средств звучащей речи для передачи эмоциональных состояний говорящего, которыми он окрашивает свою речь. Наблюдения за речью убеждают в первичности экспрессивной функции средств звучащей речи. Эти наблюдения до сих пор не могли быть использованы для создания некоего системного анализа экспрессивных средств звучащей речи без перехода на психолингвистическую позицию рассмотрения этих явлений. С этой точки зрения можно говорить о первичности порождения и реализации экспрессивных средств супraseгментного уровня и «вписывания» в них синтаксических моделей и лексических единиц.

В основе психолингвистического подхода к явлениям речи лежат два тезиса. Первый относится к факту акустической природы языка. Из него вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую акустическую природу. Именно признаки звучащей речи маркируют в восприятии все то, что мы различаем в потоке речи и описываем в лингвистических единицах, начиная с процесса переложения речи на буквенный код и кончая лингвистическим анализом текста.

Классический тезис об акустической природе языка до сих пор не интегрирован в лингвистическую теорию. В этом ключе можно рассмотреть тот факт, что реализация лексических единиц в звучащей речи может происходить с изменением семантического исходного содержания единицы или даже противоречить ему. Считаемые классическими модели порождения речи предполагают наличие ритмико-тонических характеристик фразы на фазе интенции. Признаки звучащей речи сопровождают в процессе восприятия все явления речи.

Восприятие звучащей речи представляет собой сложнейший объект исследования. В настоящем рассмотрении мы касаемся нескольких аспектов этого процесса. Прежде всего, в экспериментальном подтверждении нуждается идея ведущей роли средств звучащей речи при эмоциональной оценке высказывания (текста), а также вопрос о степени адекватности эмоционального восприятия иноязычной речи.

Вторым тезисом, лежащим в основе предлагаемого психолингвистического подхода, является признание эмоционального характера функционирования языка, или эмоционального базиса речи. Модели порождения речи в представлении известных психолингвистов исходят из наличия мотива коммуникации, или стимула порождения высказывания, имеющего эмоциональную основу. С позиции говорящего процесс порождения речи всегда имеет *эмоциональную основу*.

Эмоции человека вызывают традиционный интерес исследователей. В науке этот интерес проявляется с разной степенью интенсивности в различных ее областях. Основной вклад в так называемую теорию эмоциональности внесли психология, физиология высшей нервной деятельности, литературоведение. Эта теория складывается сложно и достаточно медленно на междисциплинарном уровне. В науке о языке исследования эмоциональности до последнего времени занимали относительно скромное место. В классической лингвистике этой темой занимается лексикология, выделяя эмоционально окрашенную лексику. Психолингвистический поворот в лингвистике привел к интенсивным исследованиям эмоционального поведения говорящего человека.

Наблюдения за функционированием экспрессивных средств языка, их соотношением со структурой высказывания обуславливают создание представления об их системной организации и самостоятельности с психолингвистической точки зрения. В этом контексте существенным является определение универсального и *национально специфического* в способах выражения эмоциональности в речи. Традиция наблюдения над общением представителей различных культур убеждает в существовании обоих типов средств. Степень выраженности универсальных признаков не подвергалась исследованию, в последнее время интенсивно шло накопление информации о национальной специфике средств различных уровней языка. В значительно меньшей степени этот процесс затронул параметры звучащей речи, вопрос о системном исследовании их не ставился. При исследовании в этом направлении можно обращаться к имеющимся в психологии классификациям эмоциональных состояний [Симонов 1975, Изард 1980, Вилюнас 1976]. Классификации эмоциональных состояний различаются по набору и подходу к их выделению, что свидетельствует о сложности вопроса и его несоответственности с рядом дисциплин. Тенденция к системному рассмотрению проблемы обуславливает обращение к описанию некоего минимума, содержащего основные эмоции (модальности). Таковыми в представлении Е.Н. Винарской являются 1) радость; 2) горе; 3) гнев/страх. Из этого можно сделать заключение о том, что на уровне средств звучащей речи в экспрессивной функции можно говорить о системном изменении некоего набора средств в определенных направлениях, что создает в восприятии впечатление этих *базовых эмоций* [Винарская 1989: 16].

Задачей проекта является **исследование экспрессивных средств речи**, которые имеют системную организацию в том плане, что они соотносимы с базовыми эмоциями. В каждом языке ведущими могут быть различные параметры этих средств, которые сами по себе имеют физиологически и акустически универсальную природу. Важным является, с нашей точки зрения, представление, согласно которому палитра эмоций на уровне звучащей речи создается интенсивностью «порций» реализуемых средств, относящихся к базовым эмоциям.

В рамках проекта создана *база данных средств выражения базовых эмоциональных состояний в русском и немецком языках*, разрабатываются данные о русском и испанском языках.

Инвентарь экспрессивных средств звучащей речи значительно меньше по объему, чем обозначений эмоций. Экспериментально подтверждается, что носители языка, воспринимая эмоционально окрашенную речь (на материале звучащей немецкой рекламы, звучащей спонтанной немецкой речи в художественных фильмах), затруднились соотнести слышимое со списком эмоциональных состояний, принятым в современных исследованиях

Порождение и восприятие речи и текста

эмоциональности. При этом тексты содержали лексемы, соотносимые с оттенками эмоций [Воропаева 2011; Кириченко 2007] однако восприятие основывалось на признаках звучащей речи.

При рассмотрении природы эмоциональности речи существенным является вопрос о статусе так называемого нейтрального стиля речи у наивных носителей языка. Ф. де Соссюр говорит в целом о характере литературного языка как о «некоем образовании, *наложенном в пространстве на другое образование* – на естественный язык [Соссюр 2000: 183].

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что носителям языка не свойствен стиль нейтральной речи в целевой реализации. Эксперимент позволил получить звучащие тексты в реализации их «наивными» носителями языка (русского и немецкого) с равными возрастными, гендерными и образовательными признаками в трех вариантах (с тремя установками): «нейтрально», «положительно», «отрицательно». При восприятии текстов, начитанных носителями языка (русского), этот стиль был оценен как отрицательно окрашенный в половине случаев, что может зависеть и от степени «нейтральности» при реализации текста. Определенная неуверенность прослеживалась у дикторов и экспертов при реализации задания с нейтральной установкой, при этом сама установка воспринималась как весьма понятная. Все носители языка – участники эксперимента лучше справлялись с заданием, реализацией и оценкой «положительных» текстов.

Иная картина наблюдалась с выражением и, в связи с этим, с оценкой «отрицательных» текстов. Экспрессивные средства с этой маркировкой значительно труднее поддаются сознательной реализации, их «пласт залегания» расположен глубже. Естественно, эти средства готовы к бессознательной, ситуативной реализации. Пласт же экспрессивных средств речи с положительной маркировкой более доступен и более подвержен сознательному управлению. Одной из «бытовых» причин этого может являться более частотное использование этих средств в культурной традиции, что может происходить без непременно участия соответствующих эмоций.

Экспериментом убедительно подтверждается существование эмоциональной основы речемыслительной деятельности. «Нейтральной» установке не находится места в восприятии и реализации. С фоностилистической точки зрения она должна представлять собой условный набор средств для обслуживания отдельных ситуаций коммуникации (тексты новостей и др.). Обучение употреблению набора этих средств представляется возможным. Однако это не должно зависеть от эмоциональной установки говорящего.

Представление о вторичном характере явления речи, где проявление эмоциональности носит периферийный характер, не способствовало попыткам системного подхода к этим явлениям. Основным является вопрос о характере *изменения дифференциальных признаков на сегментном и супraseгментном уровнях в зависимости от состояния говорящего*. Системный подход ориентирует внимание исследователя на соотношении дифференциальных и интегральных признаков в речевой ситуации, так как при таком подходе все признаки разделяются на эти две категории. Это может служить первым отправным пунктом для настоящего рассмотрения. Такой подход согласуется с тезисом об акустической природе языка.

Вторым пунктом, вытекающим из тезиса об эмоциональной основе речи, является направленность на наблюдения за изменениями дифференциальных и интегральных признаков при изменении состояния эмоционального говорящего с учетом того, что оно всегда может иметь определенную характеристику. Эта характеристика рассматривается в пространстве базовых эмоций, условно между неким положительным и неким отрицательным максимумом, между которыми различаются градации проявления эмоций, получающие в языке определенные наименования. В эту систему укладывается различное количество эмоций в разных типах классификаций.

Стабильность системы поддерживается определенным балансом дифференциальных и интегральных признаков. С этим явлением связана частотность появления фонем как носителей признаков, при этом средняя частотность появления фонем сохраняет пропорции в любых типах текстов с информационной точки зрения, т.е. с точки зрения лексического наполнения. При перемене эмоционального состояния соотношение признаков закономерно изменяется. При реализации одного высказывания с различными, противоположными по

характеристике эмоциональными состояниями, можно наблюдать тенденции изменения дифференциальных и интегральных признаков вокализма и консонантизма, причем в различных языках экспрессивная роль гласных и согласных фонем может существенно отличаться по значимости. На речевом материале большого объема характеристика и степень выраженности эмоционального состояния влияет на частотность реализации фонем. Следует произвести анализ изменения соотношения дифференциальных и интегральных признаков в зависимости от выражения базовых эмоциональных состояний в данном языке.

Исследование функционирования ритмических параметров в текстах различных стилей и речи разной степени спонтанности позволили обосновать вывод о наличии *ритмической канвы для различных фонетических стилей* [Stock, Veličkova 2002: 185–228]. Определены конфигурации ритмических единиц (ритмических групп), протяженность в слогах, место ударного слога, плотность ударностей для различных типов текста и различной степени напряженности.

В дальнейшем мы исходим из представления о наличии (наряду с универсальными) национально-специфических средств звучащей речи для выражения базовых эмоций. В речи взрослого они представляют собой наименее подвластный сознанию говорящего пласт средств. Обращение к сопоставительному аспекту может быть полезным при определении универсальных и национально-специфических признаков экспрессивных средств звучащей речи в нескольких языках. Мы исходим из экспериментальных данных, полученных в научно-методическом Центре фонетики Воронежского государственного университета на материале русского, немецкого и испанского языков. Экспериментальным материалом служат поэтические тексты, телевизионная звучащая речь, художественные фильмы, записи детской речи и (условно) спонтанной речи, а также записи песен различных жанров.

Исследование вокальной музыки в аспекте восприятия довольно широко представлено в музыковедении, в то время как лингвистика (фонетика, фоностилистика) и психолингвистика редко обращаются к данному языковому объекту. *Вокальная форма* языка есть *фонетический жанр* речи [Величкова, Петроченко 2021], организованный и воплощенный в универсальной для европейской культуры музыкальной системе. Конкретный язык со своими фонетическими системами (фонологической и ритмико-интонационной), взаимодействуя с ней, вызывает у слушающего психофизиологический эффект от интонационной гармонии, в которой присутствует некоторое *сопротивление* на уровне просодии (термин В. Жирмунского).

С *целью* установления характера и оценки фонетической реализации текста в *вокальной форме* языка (далее – ВФ) с *нормативным* сопротивлением было проведено перекрестно контрастное исследование, в котором участвовали 5 испытуемых (музыкантов-вокалистов), исполнявших песни на неродном (немецком/русском) языке [Петроченко 2001]. *Материал* составили: 1) ВФ НЯ (две народные песни Volkslied, песня в стиле Pop “Wer bin ich”) в исполнении 3 испытуемых (родной язык – русский); 2) ВФ РЯ (романс «Мне бесконечно жаль», песни «Катюша», «Ямайка») в исполнении 2 певцов (родной язык – немецкий).

Результаты. Посредством перцептивного анализа фонетические реализации песен (ВФ) были интерпретированы группой экспертов (немецких и русских фонетистов – 4 чел.) как «*интерферированные*», «*ненормативные*». В немецкой ВФ отмечались следующие «*фальшивые*» произнесения сегментов: реализация долгих закрытых напряженных гласных с отсутствием активной артикуляционной постановки губ; утеря стабильной артикуляции у открытых кратких гласных на длительной доле такта; широкая, «не прикрытая» артикуляция редуцированного [ə] в безударных позициях слова; зубное (не альвеолярное) положение кончика языка у сонорных согласных; отсутствие признака аспирации у согласных Fortes [Петроченко, Воробьева 2021].

В русских ВФ как «*типичный немецкий акцент*» составили следующие признаки: произнесение русских гласных с «*излишне напряженной*» артикуляцией; в паре твердый/мягкий сонорный [л]/[л'] осуществлялся альвеолярный контакт, для [л'] без палатализации; реализации начального гласного (часто) с твердым приступом. Установленные искажения ритмики в ВФ неродного языка перцептивно выявляемы и подтверждают наблюдения из многолетней практики о регулярной произносительной интерференции в вокальных жанрах речи.

Порождение и восприятие речи и текста

Так, немецкими студентами университета (г. Галле), реализации в пении немецких гласных русскими исполнителями были охарактеризованы как «слишком напряженный», «слишком долгий», «слишком открытый», «недостаточно огубленный» [Ахматова 2018].

Неадекватная передача ритмики в пении на неродном языке по-разному воспринимается и оценивается с вокально-музыкальной и фонологической точек зрения. Фонетические отклонения от нормы, как отмечают носители языка (специалисты и так называемые наивные носители языка), не только несут с собой негативный эстетический эффект от исполнения музыкального произведения, но и затрудняют понимание текста.

Разработан механизм исследования экспрессивных средств звучащей речи в восприятии носителей языка и носителей другого языка.

Он реализуется в два этапа.

Этап 1. Выявление эмоционального состояния в речевом материале в процессе психолингвистического эксперимента с привлечением достаточного количества участников – носителей языка.

Как характеристика (наименование) эмоции, так и степень ее реализации определяется в психолингвистическом эксперименте группой экспертов – носителей языка, состоящей из лиц, различающихся по возрасту, образовательному статусу и гендерному признаку. В их задачу входит выбор эмоции из набора базовых эмоциональных состояний, определение степени выраженности эмоции по трем ступеням (наличие +, более ярко выраженная ++, максимально выраженная эмоция +++).

Этап 2. Аудитивный анализ средств звучащей речи, ответственных за выражение данного эмоционального состояния. Эти средства имеют универсальные и национально – специфические черты.

Экспериментальным материалом служат поэтические тексты, телевизионная звучащая речь, художественные фильмы, записи детской речи и (условно) спонтанной речи. Задача эмоционального состояния в данных видах звучащей речи носит системный характер и связана с особенностью системы языка. При нарастании эмоциональности следует ожидать закономерных и системных изменений экспрессивных средств для ее выражения, что подтверждено в ряде исследований [Абакумова 2000, Лотышева 2004, Иванова 2006, Кириченко 2007, Воропаева 2011]. Эти средства могут в различных языках совпадать или различаться, что требует сопоставительного исследования.

Воспринимаемость ритма языка в вокальной речи доказывается не только оценкой артикуляционной фонации у певца. Опытным путем были получены данные о функционировании невербальных средств выражения при восприятии вокальной речи: жестов мимики, жестикуляции рук и движений корпуса тела, головы, глаз, бровей как своего рода фонетических жестов [Петроченко, Воробьева 2021]. Материал эксперимента на восприятие «вокального поведения» составили 8 ВФ: 4 произведения (2 песни Р. Шумана, Л. Бетховена, Volkslied) на немецком языке и они же в переводе на русский, исполняемые профессиональными вокалистами. Двум группам испытуемых (10 студентам-германистам ВГУ и 10 «наивным носителям языка» (“naive Sprecher”) предлагалось опознать язык ВФ по видеозаписи поющего (без звука), т.е. по визуальному каналу восприятия.

Большинство испытуемых (80% германистов и 60% других участников) уверенно идентифицировали язык исполнения (русский или немецкий/не русский). Первая группа поясняла свои ответы, перечисляя набор фонетических признаков: лабиализация гласных, высокая активность губ, более длительных уклад сонорных согласных – в певческой артикуляции на немецком языке и скользящий уклад в произнесении слога, отсутствие экспираторной позиции – в певческой артикуляции на русском языке.

Другие испытуемые, как выяснилось, хотя и обращали внимание в первую очередь на внешние признаки, отмечали, например, что у исполнителей русских песен «движения губ более плавные», чем у исполнителей ВФ на немецком языке. Как представляется, визуальное восприятие вокально-речевой поведения, согласно моторной теории, вызывает у реципиента подключение моторных представлений, которые трансформирует перцептивная база, посредством сравнения с эталонами жестов, типичных для родного и неродного языка.

Разработана методика исследования эмоциональности детской звучащей речи, а также речи взрослых, обращенной к детям [Абакумова 2000, Шурова 2001, Воропаева 2011]. Проведены контрастные исследования на материале пар языков: русский – немецкий,

Раздел 5

русский – испанский. В ходе экспериментов с различными категориями экспертов было установлено:

- национальная специфика определяет параметры звучащей речи уже на ранних этапах речевого онтогенеза, что свидетельствует в пользу концепции Е.Н. Винарской, принятой в настоящей работе в качестве одного из теоретических положений;
- детская речь рельефно отражает систему средств звучащей речи; эмоциональность передаётся в первую очередь системой средств звучащей речи на супraseгментном уровне родного языка языке (ритм, мелодика);
- при наличии универсальных экспрессивных средств в результате воздействия национально – специфических признаков возможно неадекватное восприятие эмоциональности в детской речи носителями другого языка.

Исследование эмоциональности детской звучащей речи представляет большой интерес как в теоретическом плане, с точки зрения функционирования параметров звучащей речи, так и в практическом – для разработки методик раннего обучения.

Представленный в этом разделе подход к проблеме изучения звучащей речи заключается в разработке механизма исследования звучащего языкового материала. В современной лингвистике наблюдается большой временной разрыв между исследованиями сегментного и супraseгментного уровней языка. Развитие психолингвистики дает возможность иного взгляда на функционирование языка в звучащей речи. В работах НМЦ фонетики представлены исследования *речевых патологий*, прежде всего, явления *заикания* с позиций междисциплинарного подхода с использованием данных физиологии, нейролингвистики, психолингвистики [Величкова, Абакумова 2021].

Рассмотрение звучащей речи в процессуальном аспекте, т.е. с психолингвистической точки зрения, в том числе данные о первичном усвоении параметров речевого ритма родного языка, создают с точки зрения фонетики представление о «вписывании» артикуляционных движений в ритмическую матрицу слова и фразы. Нарушения же в реализации этой матрицы дают возможность проследить поведение артикуляционных комплексов при сбое ритмической основы. Связь речевого ритма с явлением заикания известна специалистам, однако рассмотрение речевого ритма как значимой составляющей речи в фонетическом и психолингвистическом аспектах создает возможность уточнять логопедические методики в следующих моментах:

- нецелесообразность установки на тренировку отдельных звуков;
 - ориентация на параметры речевого ритма родного языка
- [Величкова, Абакумова 2021].

Научным коллективом научно-методического центра фонетики ВГУ разработана и апробирована на широком материале методика проведения экспериментальных исследований и методика аудитивного анализа звучащей речи.

Основными направлениями исследования являются:

- контрастивно-фонологический анализ на базе различных языков;
- психолингвистические исследования в аспектах восприятия и порождения речи: интонационные единицы и параметры звучащей речи, экспрессивные средства и эмоциональность единиц речи, эстетические и музыкально-психологические компоненты звучащей речи;
- психолингвистическое изучение речевого поведения;
- описание стилей различных речевых жанров (стилистические и фоностилистические параметры речи);
- исследования параметров детской речи.

Исследования звучащей речи в свете изложенной концепции приобретают междисциплинарный характер.

Литература

- Абакумова О.В.* Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи (на материале русский и испанской детской речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 17 с.
- Ахматова О.С.* Фонетическая интерференция в реализации немецкой вокальной музыки русскими исполнителями: дис. ... маг. филологии. Воронеж, 2018.
- Величкова Л.В.* Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж: ВГУ, 1989. 198 с.
- Величкова Л.В., Абакумова О.В.* Фонетический и психолингвистический подход к рассмотрению речевой патологии «заикание» // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2021. Вып. 1 (49). С. 19–29.
- Величкова Л.В., Петроченко Е.В.* «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 133–143.
- Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во МГУ, 1976. 142 с.
- Винарская Е.Н.* Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высш. шк., 1989. 136 с.
- Воропаева И.В.* Эмоциональное восприятие дифференциальных признаков гласных фонем носителями немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 27 с.
- Иванова В.Ю.* Сегментные и супraseгментные средства выразительности поэтического текста: на материале русских и немецких поэтических текстов: автореф. дисс. ... кандидат. филол. наук: Воронеж, 2006. 18 с.
- Изард К.Е.* Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. 440 с.
- Кириченко Н.В.* Экспрессивные средства звучащего рекламного текста: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.
- Лотышева И.А.* Количественные параметры исследования выразительности поэтического текста: на материале поэзии Гизелы Шток, Фридерике Майрекер, Керстин Хензель, Уллы Хан: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.
- Лукьянчикова Е.В.* Признак интонационной завершенности в русской и немецкой звучащей речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 22 с.
- Петрова Е.В.* Дифференциальный признак вопросительности в интонационной системе испанского языка: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 19 с.
- Петроченко Е.В.* Характеристика интонационных единиц по их соотносительности с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 18 с.
- Петроченко Е.В., Воробьева Е.В.* Певческая артикуляция как фонетический маркер вокальной речи // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 117–124.
- Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1975. 382 с.
- Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 280 с.
- Сухарева Е.Е.* Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 17 с.
- Шурова М.Е.* Ритмические параметры звучащей детской речи: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 21 с.
- Meinhold G., Stock E.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 256 S.
- Stock E., Veličkova L.* Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen // Phonus. Saarbrücken, 2002. S. 294–319.

5.5. Суггестивные ресурсы вербальных моделей

Т.М. Рогожникова
Уфа

Основная цель исследований уфимской группы психолингвистов, работающих на базе кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, заключается в аналитической и экспериментальной разработке, обосновании и установлении специфики *законов действия и законов воздействия вербальных моделей*, а также в поиске путей формализации их *суггестивных ресурсов*. Психолингвистика выступает как методологическая платформа для выявления единиц анализа и описания установленных законов.

В ходе многолетней работы была выстроена логика перепроверки результатов, которая предполагает определенную последовательность исследовательских шагов, метаязык описания данных, а также специально созданный для процедур анализа инструментарий, обеспечивающий формализацию процессов обнаружения и декодирования воздействующих ресурсов. В рамках данного раздела описываются наиболее важные результаты и достижения, связанные с декодированием суггестивного потенциала вербальных моделей разного уровня сложности.

Вербальная модель рассматривается как материализованная структура любой сложности – звукобуква, слово, текст, являющаяся носителем внутренней формы, через проявления которой во внешней среде реализуются латентные ресурсы воздействия конкретных моделей.

Под *суггестивным потенциалом* понимается «сила вербальной модели», которая может быть декодирована, измерена и представлена в количественных показателях. Потенциал соотносится с внутренней формой, существующей благодаря механизму ассоциирования.

Суггестивные ресурсы трактуются как совокупность воздействующих элементов, которыми обладает конкретная модель и обсуждать которые возможно с помощью аналитических единиц, выявленных для уровней, позволяющих производить количественные замеры, сопоставлять получаемые показатели и сравнивать характеризующие признаки. Для декодирования воздействующего потенциала вербальной модели и измерения «силы слова» обозначены десять направлений, в рамках которых расшифровка суггестивного потенциала возможна, а также описаны аналитические инструменты, пригодные для работы в данном формате.

Сегодня в арсенале 9 компьютерных программ (см. список в конце раздела), 6 из которых созданы нами. С их помощью можно работать на 5 языках (русском, английском, немецком, татарском и башкирском). Установлены 8 аналитических единиц, которые являются рабочими инструментами. Среди них: паттерны ритмической активности мозга (мозговые волны), ассоциативная цветность и потенциал звукоцвета, модальности восприятия, показатели электрического сопротивления кожи, эмоционально-оценочные признаки, ритмические коды вербальных моделей, процедура синкризы и некоторые другие, находящиеся в процессе разработки.

Исследования начались в 1981 году с изучения динамических аспектов семантики слова и функционирования слова в индивидуальном сознании в различных условиях, в широком возрастном диапазоне и на материале различных языков. Этап анализа семантического развития завершился в 2000 году выходом книги «Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова» [Рогожникова 2000].

В период с 1981 по 1986 годы была установлена специфика семантического развития в онтогенезе в условиях нормы и патологии и разработана *спиралевидная модель развития значения слова* на материале четырех языков (русский, белорусский, словацкий, английский) в возрастном диапазоне от дошкольного возраста до возраста взрослых испытуемых для условий нормы [Рогожникова 1981; 1984; 1985; 1986], а также рассмотрены особенности семан-

тической динамики на материале, полученном в ходе психолингвистических экспериментов с участием умственно отсталых испытуемых разных возрастов [Рогожникова 1983].

К 2000 году количество привлекаемых для исследований языков увеличилось до шести (добавились татарский и башкирский языки), возрастной диапазон расширился с 4 до 90 лет. С этого года начались проверка прогностического и объяснительного потенциала спиралевидной модели в различных условиях, отражающих аспекты семантической динамики, и моделирование различных семантических пространств.

Опираясь на разработанные модели и выявленные в ходе работы идентификационные стратегии в онтогенезе и в условиях зрелого интеллекта, используя созданные авторские инструменты для измерения «силы» слова и текста, автор в 2005 году приступил к реализации той части исследовательского проекта, цель которой заключалась в изучении потенциала *воздействия слова и текста* и в поиске путей формализации суггестивных ресурсов вербальных моделей. Первым результатом в разработке данного направления стала статья [Рогожникова 2005].

Для психолингвистического моделирования и формализации семантической динамики были нужны особые *единицы анализа*. Оценка суггестивных ресурсов вербальных моделей, декодирование их воздействующего потенциала и латентной информативности возможны при наличии соответствующего инструментария, поскольку отсутствие языковых манифестаций этих скрытых форм не поддается анализу с помощью традиционных лингвистических методов. Проявления скрытых форм, образующих виртуальное суггестивное пространство, обнаруживаются через разные модальности восприятия (аудиальная, визуальная, дигитальная, кинестетическая модальности) и манифестируются через расшифровку многих кодов, в которых задействованы различные единицы для работы в условиях данного пространства (ритмы мозга, суперпозиция взаимоисключающих состояний, ассоциативная цветность, кожно-гальваническая реакция, показатели эмоционального состояния, признаки комбинации, информационная плотность, ритмическая организация текста или «пульс» вербальной модели, гендерный статус).

Получаемые с помощью таких единиц результаты мы назвали *суггестивными ресурсами* вербальных моделей, поскольку обнаруживаемый воздействующий потенциал конкретных моделей отличается по качественным и количественным показателям, при этом создание текстов по заданным параметрам приводит к прогнозируемым результатам в уже не виртуальной, но реальной действительности. В данном контексте мы полагаем, что этот потенциал соотносится с *внутренней формой* вербальной модели и реализуется с помощью механизма ассоциирования.

Внутренняя форма и суггестивный потенциал *ассоциативны* по своей природе. Суггестивный потенциал, материализующийся во внешней речи через звукорезонансные вибрации текста, создает мыслеобраз, становящийся воздействующим фактором. По степени внутреннего воздействия звукорезонансные ряды разных моделей различны, но все они оказывают воздействие на психомоторную систему человека. Нейрофизиологическая природа механизма ассоциирования, исправная работа которого способствует запоминанию языка, делает его ответственным не только за процессы функционирования речевой организации человека, но и за многие другие процессы жизнедеятельности человека, включая эволюцию человеческого сознания. Ассоциативная активность представляет собой универсальный динамический принцип с большими суггестивными возможностями.

Таким образом, в ходе исследований мы обозначили два основных этапа: этап изучения действия или функционирования слова в индивидуальном сознании и этап изучения и измерения воздействующего потенциала слова и текста, что позволило нам говорить о *законах действия и законах воздействия вербальной модели*. Подробное изложение принципов работы на каждом из этапов излагается в отдельной монографии, готовящейся к изданию. В данном разделе речь пойдет о той части исследований, целью которых стало изучение потенциала воздействия слова/текста и разработка путей его формализации.

Латентность суггестивного потенциала языка можно отнести к самой большой проблеме при изучении языковых суггестивных ресурсов. Их скрытый характер затрудняет исследование, при этом непроявленность воздействующих составляющих не является свидетельством их «пассивности». Для декодирования суггестивного возможностей вербальной модели и измерения «силы слова» потребовалось обозначить наиболее перспективные, на наш взгляд, направления, в рамках которых расшифровка потенциала воздействия возможна. Сегодня мы выделяем *десять* таких направлений.

Первое направление увязывается с изучением результатов ритмической активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов [Рогожникова 2010].

Второе направление связано с исследованиями в области фоносемантики, психосемантики цвета и потенциала звукоцвета [Рогожникова, Кочетова 2012; Ефименко 2011; Рогожникова, Яковлева, 2016].

Третье направление опирается на возможную аналогию с моделями, используемыми в квантовой физике [Рогожникова 2009; Даминова 2010].

Четвертое направление ориентировано на изучение языковых явлений в контексте разных модальностей восприятия, что позволяет выявлять изменения, происходящие в моделях восприятия и кодирования информации об окружающем мире [Рогожникова, Навалихина 2011].

Пятое связано с ранжированием эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель [Рогожникова 2016].

Шестое затрагивает ритмическую организацию и ритмические коды вербальных моделей [Рогожникова, Кишалова 2015]. Мы предположили, что тексты с разной ритмической структурой обладают различным суггестивным потенциалом.

В рамках *седьмого направления* исследуются суггестивные ресурсы музыкального дискурса [Рогожникова, Кудашов 2012; Рогожникова, Богословская 2016].

Восьмое направление исследований сфокусировано на возможностях идентификации гендера в текстовом пространстве. Отчасти, это направление может рассматриваться одним из этапов в установлении авторства текста, поскольку затрагивает проблему организации языкового сознания по гендерному признаку.

В рамках *девятого направления* анализируются показатели медленной электрической активности головного мозга одновременно по одному отведению – лоб, темя, затылок, левый и правый виски. Прибор, который используется в ходе экспериментов, выполняет основные функции нейроэнергокартографа и позволяет проводить экспресс-изучение активности головного мозга.

Для целей данных исследований важно, что прибор приспособлен для выявления состояний стресса, определения стадий развития стресса, а также для наблюдения за результатами после воздействия созданных нами текстов с регистрацией показателей корректирующих процедур [Рогожникова 2019; Мухтарова 2019].

Десятое направление, которое интегрирует ряд названных выше, разрабатывалось первоначально как инструмент для судебной психолингвистической экспертизы, позволяющий устанавливать достоверность доминантных эмоций, скрытых в вербальной модели. Была разработана специальная процедура, названная греческим словом «синкриза» (*греч.* *synkrisis* — сравнение), поскольку использование данного алгоритма помогает устанавливать через сравнительное противопоставление результатов, полученных от использования различных инструментов, воздействующий потенциал дискурса. Впервые удалось через анализ проявлений эмоций в момент произнесения текста и вычисления доминантной эмоции определять соответствие или несоответствие эмоционального состояния человека латентной «эмоциональности» текста, который он порождает. Важным представляется то, что процедуру синкризы можно перепроверить, провести несколько раз, используя разный набор инструментов [Рогожникова 2020; Рогожникова, Мустаев 2020].

Перейдем к рассмотрению конкретных примеров наиболее значимых, с нашей точки зрения, результатов исследований.

Порождение и восприятие речи и текста

В настоящее время идет работа над созданием многофункциональной компьютерной программы с рабочим названием UNIVERSAL, позволяющей проводить максимально полный анализ вербальных моделей. Первые шаги в этом направлении коснулись вопросов создания математической модели для оценки информационной избыточности текста [Рогожникова, Воронов 2016]. Авторы предприняли попытку адаптировать теорию информации Клода Шеннона к языковым явлениям и применить полученный математический аппарат для анализа информационной избыточности произвольного текста на русском языке.

Для наших исследований важной представляется сама возможность измерения информации в любой вербальной модели. Количество информации, присутствующее в букве, зависит от частотности употребления этой буквы в конкретном языке. Часто употребляемые буквы обладают меньшей информацией, чем редкие. Информационная избыточность текста не увязывается с содержанием и индивидуальным смыслом напрямую. Скопления отдельных информационно избыточных или, наоборот, информационно ненасыщенных единиц в тексте ведут к определенному воздействию на зрителя/читателя еще до того, как он понял его содержание. Речь идет о реализации «надсодержательного» воздействия. Далее – содержание текста при воздействии информационной надстроечной насыщенности (если таковая имеется) будет трактоваться воспринимающим иначе, чем идентичное содержание, порождаемое информационно ненасыщенными единицами (подробно об этом см.: [цит. раб.]). Таким образом, существует вероятность множественных трактовок содержания, если текст информационно избыточен. Понятие избыточности можно трактовать как противоположное понятию информативности: чем выше избыточность текста, тем ниже его информативность.

Лингвистически избыточность можно определить как разницу между максимальной информативностью, которую мы можем структурировать с помощью вербальных единиц, и реальной информативностью, которой обладает конкретный текст.

Математически – это разница между абсолютной энтропией и общей удельной энтропией. Для целей психолингвистической экспертизы знание показателей информационной избыточности авторского текста помогает судить об однозначности или неоднозначности восприятия речевого продукта, что представляется важным показателем для самых разнообразных текстов, поскольку низкая избыточность текста существенно сужает границы вольных и помимовольных трактовок.

Одним из важных результатов проделанной работы являются модели, представленные в виде *картин ассоциативной цветности*, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского, башкирского и немецкого языков. Идею создания подобных моделей предложила Т.М. Рогожникова, технически ее выполнил Д.Д. Кудашов. Мы можем увидеть ту виртуальную внутреннюю форму, для которой была найдена внешняя форма материального представления. Ассоциативная цветность звукобукв русского языка богата синим цветом и его оттенками. Русский язык похож на васильковое поле. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевым, желтым вкраплениями, создавая яркий солнечный фон календулового луга. Психологическая цветность звукобукв башкирского языка сравнима с фисташковым цветом, а цветность звуков татарского языка – с изумрудным. Ассоциативная цветовая матрица немецкого языка похожа на фиалковое поле.

Эти картины в определенном смысле иллюстрируют понятие эмерджентности, которое является формой проявления принципа трансформации количественных изменений в качественные. Каждая звукобуква, психологически определенным образом окрашенная, присутствуя на полотне рядом с другими, помогает создать общий цветовой фон языка. Для перепроверки «правильности» созданных ассоциативных картин было необходимо найти еще один способ получения ассоциативного фона языка. Был избран путь установления частотности звукобукв каждого языка через анализ большого массива текстов разных жанров и сопоставления отдельной жанровой разновидности текста с полученными «эталонными» (средними) показателями. Последовательно набиралась база данных, в которой были представлены разные виды дискурса, и строилась «эталонная» или средняя модель, в основу которой был положен показатель частотности звукобуквы. С помо-

щью программы *СЧЕТОВОД* была построена эталонная (средняя) модель для русского языка. В итоге стало возможным сопоставление «эталонной» модели, полученной на основе частотности, с моделью, созданной по принципу равного долевого «цветового» участия каждого звука языка без опоры на показатель частотности. Модели практически идентичны, что позволяет нам говорить о том, что получаемые нами результаты могут рассматриваться как достоверные

Обратимся к наиболее сильно воздействующим на человека текстам – молитвенным текстам. С помощью компьютерной программы *БАТЫР* Г.Р. Кочетова проанализировала свыше 200 молитв на татарском и башкирском языках. Молитвенные тексты на башкирском языке изобилуют *белым и зеленым* цветами, на татарском молитвы наполнены *желтым, белым, черным и зелеными* оттенками. Анализировались как отдельные молитвенные тексты, так и весь корпус отобранных молитв как единый суггестивный текст.

Нами было проведено специальное исследование суггестивного потенциала имени. Рассматривались политические альтернативные имена и анализировались глубинные показатели «суггестивной успешности» или «неуспешности» подобного вербального камуфляжа на материале отдельных партийных псевдонимов и кличек. Политический псевдоним интересен как перекодирование суггестивной компоненты с внутреннего кода на ее внешнюю вербализацию в процессах порождения имени и интерпретации с учетом идеологических, социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок. Этот процесс перекодирования можно обозначить как считывание неявной информации, которая после многократных проверок на устойчивость полученных результатов вербализуется с помощью имеющегося на сегодняшний день инструментария. Были проанализированы свыше 200 псевдонимов видных партийных деятелей и революционеров, а также около 100 альтернативных имен Ленина и 22 псевдонима Сталина. Изучались *качество воздействия имени* (через установление доминирующего при его восприятии ритма мозга), *наборы характеризующих и определительных признаков*, которые описывают фоническую оболочку слова, а также информация о *цветовой ассоциативности* имен. Примерно в 70% случаев псевдоним меняет тип возникающих вибраций, запуская при восприятии имени иной физиологический процесс, который условно назовем «оптимизирующим» процессом, благотворно воздействующим как на носителя имени, так и на всех вступающих в коммуникацию с данным человеком.

Психолингвистический «портрет» имени Ленин, свидетельствующий о лингвистической интуиции вождя революции, «написан» в *синих, голубых, зеленых* тонах. Псевдоним характеризуется признаками: *прекрасный, светлый, радостный, яркий*, вызывая у окружающих легкий позитивный транс, расслабленность и доверие через возникновение дельта-плюс ритма. Анализ 22 альтернативных имен Сталина показывает, как тщательно отбирались и отбраковывались вождем его псевдонимы, как много удачных имен ему удавалось создать перед тем, как было создано его главное имя, вызывавшее и продолжающее вызывать и сегодня столь сильные эмоции у людей. Эти эмоции полярны, как полярны его настоящее имя (*тихое, темное, минорное, устрашающее, медлительное, злое, печальное*) и главный псевдоним его жизни (*прекрасный, светлый, радостный, яркий, нежный, медлительный*).

Важную информацию возможно получить при ранжировании эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель. Под доминирующими или сильными признаками имеются в виду высокие показатели среднего значения, полученного делением суммы всех показателей признаков звукобукв данного текста на их число в данном тексте. Под слабовыраженными или слабыми признаками предполагаются низкие показатели среднего значения. Условной границей между положительным и отрицательным значением признака считается нейтральная нулевая позиция.

Для примера приведем анализ имени ГРИГОРИЙ и его вариантов по шкалам эмоционально-оценочных признаков.

Имя ГРИГОРИЙ характеризуется следующими сильными признаками: *яркий, хороший, активный, радостный, подвижный, веселый*; периферийные признаки: *мужественный, холодный, угловатый, злой*.

ГРИША – *простой, радостный, хороший, могучий, храбрый, яркий, активный*; периферийные признаки: *мужественный, небезопасный*.

Порождение и восприятие речи и текста

ГРИШАНЯ – *светлый, хороший, простой, яркий, красивый, храбрый*; периферийные признаки: *мужественный, медленный, короткий*.

ГРИШКА – *простой, хороший, подвижный, шероховатый, угловатый*; периферийные признаки: *грубый, страшный, холодный*.

ГРИШЕНЬКА – *хороший, простой, красивый, активный, легкий, храбрый*; периферийные признаки: *шероховатый, тусклый, тихий*.

Среди сильных признаков только один (*хороший*) встречается в статусе сильного признака во всех рассматриваемых нами вариантах. Признак *хороший*: ГРИГОРИЙ – 0.56; ГРИШАНЯ – 0.47; ГРИША – 0.47; ГРИШКА – 0.33; ГРИШЕНЬКА – 0.36, т.е. ГРИГОРИЙ – самый *хороший*.

Рассматривая доминантные признаки в окружении других признаков, мы видим, что ГРИГОРИЙ «по-другому хороший». Он – *яркий, активный, радостный, подвижный, веселый*, но при этом он может быть *мужественным, холодным, угловатым, злым*.

Приведем пример работы по изучению результатов ритмической активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов. Мы обращаемся только к тем аспектам, которые касаются психолингвистического (не медицинского) аспекта проблемы.

Заслуживают описания результаты анализа 32 мантр, которыми пользовались для подготовки воинов в средневековом Китае. В XVI веке в Китае была создана методика, ставшая основой для дальнейшего развития китайского ушу. Как описывает в своей книге И.А. Воронов, методика была создана талантливым полководцем Ци Цигуаном (1528–1587) на основе эмпирических знаний психомоторных механизмов организма человека и структуры личности. В определенных условиях эта методика позволяла в кратчайшие сроки (3–10 суток) подготовить воинов к боевым действиям. «В середине XVI века этот военачальник командовал корпусом численностью 32 тысячи человек. Для обучения новобранцев основам боевых приемов генерал Ци Цигуан написал трактат – “Новый справочник назидательных приемов” (“Цзи сяо синь шу”») [Воронов, 2006: 355]. В основе методики используется психомоторная гимнастика «дао-инь», но все приемы выполняются вместе с хоровым произношением 32 четверостиший, описывающих как эти приемы, так и связанные с ними образы. Нас заинтересовало использование при подготовке бойца метода произношения звукорезонансных рядов в обучении двигательным действиям. Мы попытались смоделировать траекторию суггестивного воздействия звукорезонансных рядов данных четверостиший. Анализ четверостиший показал картину необычной ритмической активности: *стойкую активизацию тэта-минус ритмов мозга*. Ритмическая активность рассматривалась с помощью новой версии программы И.Ю. Черепановой, в которую встроена дополнительная функция – влияние текста на ритмы мозга. Технически возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ними эмоций. Преобладание определенного ритма означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению связанных с ним эмоций.

Возможно, что мантры, активизирующие тэта-ритмы и вызывающие потребность в разрушительных действиях, которые производились без помех по горным проходам и ущельям бойцами-новобранцами, приводили их в состояние длительного ассоциативного транса, в котором воины буйствовали и переворачивали все вверх дном. Подобное трансное состояние с «выключенной» критической оценкой происходящего и с концентрацией на словах заклинания и на тех образах, которые оно вызывает, безусловно, будет способствовать победам таких воинов в условиях военных действий. Тэта-ритм как материализованный коррелят эмоций (как положительных, так и отрицательных) может стать, судя по успеху использования метода произношения звукорезонансных рядов на примере подготовки войск китайского полководца XVI века Ци Цигуана, показателем степени эмоционального внушающего воздействия вербальной модели на психомоторную систему человека.

При этом вербальная модель, описывающая двигательное действие человека и мыслеобраз, ассоциативно с ним связанный, *сама становится воздействующим фактором*. И возможно, именно тэта-минус тексты способны сыграть решающую роль в быстрой подготовке супербойца. Именно такие стресс-тексты, создающие состояния напряжения, эмоционального возбуждения, раздражения и бессознательного гнева, оказались способны оказывать на психомоторную систему человека узконаправленное воздействие и формировать профессионально важные для воина качества.

В литературе по тэта-активности эти ритмы характеризуются также приведением человека в особое состояние сознания, которое называют «сумеречным». Этот волновой диапазон называется идеальным для не критического принятия внешних установок из-за уменьшения действия защитных психических механизмов, что

Раздел 5

дает возможность трансформирующей информации проникнуть в подсознание. Ментальный образ, совмещенный с определенным звукорезонансным рядом, обладающий собственной текстовой ритмикой, ассоциативной цветностью и способный активизировать устойчивые паттерны мозговых волн, становится носителем суггестивного заряда, сила которого зависит от комбинаций составляющих воздействующего потенциала внутренней формы.

Не всегда созданный инструмент оправдывает все надежды автора. В этом случае приходится искать пути для моделирования более тонких и точных «приспособлений» для анализа. В ходе работы с ассоциативной цветностью возникла идея ее представления не только через отношение доминантного цвета конкретного текста к доминантному цвету языка, но также через логарифм соотношения. Первым разработанным нами подходом к изучению ассоциативной окраски вербальной модели мы назвали подход, в рамках которого цветность анализируется через сравнение с эталонными или среднестатистическими цветовыми моделями языка, полученными разными способами: по принципу учета равного долевого участия каждой звукобуквы или по показателю частотности использования звукобуквы в дискурсе.

Недостатком первого подхода к анализу ассоциативной цветности относится естественная схожесть любой вербальной модели на русском языке с эталонной моделью русского языка, в котором доминантными цветами, как было установлено в экспериментах, являются *синий, красный, белый*. Отличия будут лежать в плоскости количественных показателей, касающихся доминантных цветов языка.

Второй подход, предложенный программистом Н.Н. Вороновым, основывается на логарифме соотношения. Помимо абсолютных (то есть исходных) показателей также интересны относительные, представляющие собой отношение числового значения параметра, рассчитанного для рассматриваемого текста, к числовому значению, рассчитанному для языка в целом. Например, в определённом тексте звукобуквы с белым ассоциативным цветом составляют 12,34 % от общей доли звукобукв в тексте, в то время как в языке их доля составляет 14,4%. Таким образом, 12,34% – это абсолютный показатель параметра. Относительный показатель параметра составит $14,4\%/12,34\%=1,167$. В качестве параметра мы рассматриваем количество ассоциативного цвета. Математически отношение записывается в виде дроби (текст/язык). При равенстве показателей отношение равняется 1. Однако сам по себе данный показатель крайне неинформативен из-за несоразмерности значения отношения в зависимости от того, какой параметр является доминирующим: если показатель для текста превосходит показатель для языка в 4 раза, соотношение будет равняться 4, а если наоборот – $\frac{1}{4}$. Проблема в том, что при росте числителя (при неизменном знаменателе) отношение стремится к бесконечности, а при росте знаменателя (при неизменном числителе) – к нулю. Таким образом, когда числитель больше знаменателя, отношение принимает значения от 1 до бесконечности, а когда знаменатель больше числителя – от 0 до 1.

Данные значения несоразмерны, что затрудняет анализ сразу нескольких соотношений. Решением данной проблемы является нормализация соотношения за счет перехода к логарифмической шкале. Тогда при равенстве показателей для текста и для языка значение соотношения равняется нулю, а значения соотношения больше и меньше нуля имеют одинаковую размерность и лежат от нуля до бесконечности и от нуля до минус бесконечности соответственно. Для простоты анализа в своих исследованиях мы используем логарифм по основанию 2, при котором соотношение $2/1$ дает значение

$$1 \left(\log_2 \frac{2}{1} = 1 \right), \text{ а } 1/2 - \text{ значение } -1 \left(\log_2 \frac{1}{2} = -1 \right).$$

Доминантным ассоциативным цветом при таком подходе принимается такой ассоциативный цвет, логарифм соотношения текст/язык которого является максимальным для данного текста. Например, в тексте молитвы «О непростении обид и памятовании злого» доминант-

Порождение и восприятие речи и текста

ными ассоциативными цветами являются *розовый, фиолетовый и темно-голубой* цвета, логарифм соотношения которых составляет 2.33, 1.61 и 1.34 соответственно. Впервые ассоциативная цветность молитвенных текстов на русском языке была проанализирована не через отношение доминантного цвета текста к доминантному цвету языка, а через логарифм соотношения.

Мы получили заслуживающие внимания результаты. Из корпуса проанализированных молитвенных текстов, который включает около 1000 молитв, были выделены 100 «идеальных» текстов, характеризующихся положительными показателями ритмов мозга, эмоционально-оценочными признаками, гармоничной ритмической структурой, и их психологическая цветность рассматривалась через логарифм соотношения.

Установлено, что в проанализированных православных молитвах доминируют *сиреневый, малиновый* и в меньшей степени – *коричневый* цвета. Сиреневый цвет чаще других оказывается в первой позиции. В психологии восприятия цвета есть точка зрения, в соответствии с которой сиреневый цвет – цвет медитации. Нейрофизиологи сегодня говорят о молитвенном бодрствовании как о четвертом состоянии мозга, которое характеризуется медленными дельта-ритмами, возникающими при глубоком сне или в бессознательном состоянии. Анализ доминирующих эмоционально-оценочных признаков показал, что рассматриваемые молитвы *светлые* (44%), *яркие* (21%), *медленные* (18%), *сильные* (6%).

Таким образом, сегодня мы можем говорить о двух подходах к рассмотрению ассоциативной (психологической) цветности вербальной модели. Оба подхода вносят существенный вклад в изучение суггестивных резервов речевых продуктов и могут быть полезны при их экспертизе.

Сегодня большой сегмент академического пространства составляют эмоциональные вычисления, обработка визуальной информации и системы детекции и распознавания эмоциональных состояний. При этом становится возможным анализировать поведенческие модели, физиологические показатели, а также перемены настроения человека. Ранжирование и классификация базовых эмоций происходит посредством нейронных сетей, обученных на большом тренировочном корпусе фотографий. Для анализа используются так называемые двигательные единицы лица (Action Units), которые входят в Систему кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System), созданную Полом Экманом [Экман 2018].

Мы воспользовались наработками в этой области для создания *процедуры синкризы*, в которой задействованы несколько версий программы EmoDetect (2.3.0; 3.0) [Бобе и др. 2016], а также ряд других созданных нами инструментов, позволяющих получать результаты по ритмической активности мозга, оценке признаков составляющей вербальной модели, ассоциативной цветности и другие. На основе изучения двигательных единиц лица мы прогнозировали психоэмоциональное состояние человека в определенный промежуток времени. Данное состояние «накладывалось» на вербальную модель, произносимую в момент проживания эмоций. В итоге становилось возможным сопоставлять результаты, которые не могут быть сопоставимы вне данного алгоритма анализа. Вербальный продукт анализировался отдельно от визуальной информации с помощью различных инструментов. Используя максимально возможное количество разных инструментов, мы устанавливали определенное психоэмоциональное состояние человека, а с помощью процедуры синкризы определяли взаимосвязь с текстом.

В ходе работы обнаружили эффекты *положительной синкризы*, если результаты были когерентны, или *отрицательной синкризы* при инкогерентности показателей. Процедура синкризы в данном контексте становится своеобразным «детектором лжи», позволяющим устанавливать искренность автора, обнаруживать завуалированную ложь или другие несоответствия, которые человек хотел бы скрыть. «Мимический сервис» способен трактовать микроэкспрессии лица, классифицируя их по базовым эмоциям: радость, гнев, грусть, удивление, страх, отвращение, а также нейтральное состояние. Авторы используемой нами системы распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица – А.С. Бобе, Д.В. Конышев, С.А. Воротников – разработали и исследовали новый алгоритм оценки базовых эмоций по П. Экману на основе расчета

20 информативных признаков изображения лица, причем степень выраженности эмоции оценивается тремя независимыми классификаторами. Для ранжирования используются классификаторы трех типов: *вероятностный, нейронная сеть и набор логических правил*. Итоговый классификатор – мультиклассификатор – создан «как функция результатов работы нейросетевого и вероятностного классификаторов, с поправкой на основе применения логических правил» [Бобе и др. 2016]. Достоинством выбранной нами системы для анализа эмоционального состояния является ее возможности снижать влияние помех.

Первоначально процедура синкризы разрабатывалась как инструмент для судебной психолингвистической экспертизы, в которой речь исследуется как особая форма психической активности человека в момент речевой коммуникации. Эксперт-психолингвист анализирует вопросы языкового воздействия, процессы производства и восприятия вербальных моделей. По своей точности и сложности данное научное направление может соперничать с математикой и физикой. Объективная оценка материала опирается на количественные показатели силы воздействия текста, на качество этого воздействия, на декодирование суггестивного потенциала языкового явления (на анализ компонентов и их последующее синтезирование), на ранжирование эмоционально-оценочных признаков, оценку мотивов и намерений автора текста, расчет «золотого сечения» текста как зоны бесконтрольного влияния на сознание.

Сегодня зона использования названной процедуры значительно расширилась. Получаемые результаты затрагивают многие сферы жизни человека, проникают в профессиональные пространства, охватывают широкий возрастной диапазон и касаются любого языка, на котором общается его носитель. Это обязывает нас дружить с точными науками, искать способы формализации языковых явлений и манифестации того, что функционирует как латентная форма.

Итак, мы кратко описали *результаты и достижения*, связанные с декодированием суггестивного потенциала вербальных моделей. Многие выводы оказались за пределами данного раздела, но они не рассматриваются нами как менее значимые. Свою главную задачу сегодня мы видим в формулировании *законов действия и воздействия вербальных моделей* разного уровня сложности и в приведении теоретических и экспериментальных доказательств их универсальности. Кроме этого важен прикладной потенциал результатов, созданных в пространстве психолингвистической парадигмы. Их востребованность и социальная польза свидетельствуют об актуальности направлений, над которыми работает автор раздела и его коллеги.

Литература

Бобе А.С., Коньшев Д.В., Воротников С.А. Система распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица // Инженерный журнал: наука и инновации. Электронное научно-техническое издание. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016. Вып. № 9 (57). С. 1–16.

Воронов И.А. Психотехника восточных единоборств (Восточно-азиатская классическая концепция психологической подготовки единоборцев). М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006. 432 с.

Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2011. 208 с.

Даминова Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 168 с.

Мухтарова Д.Р. Кожно-гальваническая реакция на вербальный стимул как инструмент оценки эмоционального состояния человека // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы XI Междунар. научно-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2019. С. 169–180.

Рогожникова Т.М. Предварительные материалы свободного ассоциативного эксперимента с русскими детьми разных возрастных групп // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвуз. сб. Калинин: КГУ, 1981. С. 100–104.

Рогожникова Т.М. Сопоставление ассоциативных реакций детей разных возрастных групп в условиях нормы и патологии // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1983. С. 133–139.

Порождение и восприятие речи и текста

Рогожникова Т.М. Межъязыковое сопоставление путей развития значения полисемантических слов у детей // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. С. 116–124.

Рогожникова Т.М. Развитие значения полисемантического слова у детей разных возрастных групп // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. М.: АН СССР, 1985. С. 185–186.

Рогожникова Т.М. О спиралевидной модели развития значения слова у ребенка // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 100–105.

Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова (монография). Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. 242 с.

Рогожникова Т.М. Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 96–103.

Рогожникова Т.М. Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект // Вопросы психолингвистики. Вып. 2(10). М.: ИЯ РАН; МИЛ, 2009. С. 50–56.

Рогожникова Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психолингвистики. № 2(12). М.: ИЯ РАН, 2010. С. 48–56.

Рогожникова Т.М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 4 (23). С. 95–108.

Рогожникова Т.М. Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов // Политическая лингвистика, 2020, № 5 (83). С. 164–182.

Рогожникова Т.М., Богословская И.В. Ассоциативная цветность нотного алфавита: предварительные результаты эксперимента // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 3 (22). С. 118–126.

Рогожникова Т.М., Воронов Н.Н. Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VIII Международной научно-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2016. С. 216–232.

Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского гос. ун-та. Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та. 2012. Том 17. № 3. С. 1313–1320.

Рогожникова Т.М., Кишалова Л.В. Слово-акцентный оберритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 272–282.

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д. Психологическая и физическая цветность звука: взаимосвязь двух реальностей // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы IV Международной научно-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2012. С. 280–290.

Рогожникова Т.М., Мустаев Р.Р. Психолингвистическая экспертиза продуктов речевой деятельности // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XII Международной научно-методической конференции / под редакцией Т. М. Рогожниковой; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. Уфа: РИК УГАТУ, 2020. С. 218–243.

Рогожникова Т.М., Навалихина А.И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестник Башкирского гос. ун-та. Том 16. № 2. Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та., 2011. С. 469–473.

Рогожникова Т.М., Яковлева Р.В. Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (106). С. 174–182.

Экман П. Психология эмоций. СПб.: Изд-во Питер, 2018. 334 с.

Используемые компьютерные программы

Бобе А.С., Конышев Д.В. Программа ЭМОДЕТЕКТ (версии 2.3.0, 3.0.) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / правообладатель ООО «Нейроботикс» (RU). М., 2018.

Кривошеев И.А., Ахмедзянов Д.А., Кожин Д.Г. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712. М., 2011.

Раздел 5

Программа экспертизы текстов внушения ДИАТОН, версия СЛОВОДЕЛ. Лаборатория «Ведиум». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ. № 2008611081. М., 2008.

Рогожникова Т.М., Воронков С.А., Ефименко Н.В., Яковлева Р.В. Программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299. М., 2011.

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д., Кочетова Г.Р., Ефименко Н.В. Программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238. М., 2013.

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д. Программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598. М., 2014.

Рогожникова Т.М., Кишалова Л.В., Кишалов А.Е. Программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549. М., 2015.

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д., Яковлева Р.В. Программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320. М., 2016.

Шалак В.И., Дымищц М.Н. Программный продукт / Психолингвистическая экспертная система ВААЛ. – М., 2005.

Раздел 6

ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

6. ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

6.1. Санкт-Петербургская школа онтолингвистики¹

С.Н. Цейтлин, М.Д. Воейкова
Санкт-Петербург

Петербургская школа онтолингвистики начала формироваться в начале 90-х годов в связи с открытием в РГПУ им. А.И. Герцена кафедры детской речи. Основной задачей научного коллектива являлось изучение процесса освоения родного языка ребенком дошкольного возраста и разработка соответствующего курса для студентов. В конце 90-х годов отдел теории грамматики ИЛИ РАН также включил в программу своих научных исследований данное направление. Оба научных коллектива работают в тесном контакте: ежегодные конференции, совместные публикации, обмен данными и пр. В 2013 году Петербургская школа онтолингвистики решением Комитета по науке и высшей школе была включена в реестр ведущих научных школ Петербурга. С 2014 по 2017 г обе научных группы являются участниками проекта «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка», поддержанного РНФ.

Задача этого раздела – описать основные результаты многолетних исследований двух научных коллективов: преподавателей кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена и научных сотрудников отдела теории грамматики ИЛИ РАН.

В течение многих лет эта работа поддерживалась отечественными научными фондами и Министерством образования Российской Федерации. В 2003 году Комитетом по науке и высшей школе «Санкт-Петербургская школа онтолингвистики» была зарегистрирована в Реестре ведущих научных школ Санкт-Петербурга. Научная школа онтолингвистики включает не только петербургских ученых, но и исследователей из других городов России². Всего в рамках научной школы защищено 5 докторских и 24 кандидатских диссертаций.

Кафедра/лаборатория детской речи

Работа коллектива (С.Н. Цейтлин, Г.Р. Доброва, М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, М.Б. Елисеева, М.В. Русакова, Т.А. Круглякова, позднее присоединившиеся Т.В. Кузьмина и М.А. Еливанова), объединившегося на кафедре детской речи, началась в 1991 году (год открытия кафедры) со сбора фактического материала, которого катастрофически не хватало для серьезных исследований. В течение многих лет основным источником знаний о том, каким образом русский ребенок осваивает свой родной язык, были работы Александра Николаевича Гвоздева, которого по праву можно считать основоположником данной научной области. Однако никакой дневник не может учесть всего многообразия языковых явлений и их возрастной динамики. При этом становится все более очевидным, что путь в язык разных детей чрезвычайно индивидуален, имеется генетически предопределенное различие стратегий (так наз. «референциальные» и «экспрессивные» дети), кроме того, на становление языковой системы воздействуют разнообразные факторы как внешнего, так и внутреннего характера, учесть влияние которых бывает достаточно трудно. Все это говорит о необходимости многократного увеличения количества обследуемых детей.

В 1993 году при кафедре была открыта лаборатория детской речи, которая существует и поныне. Одной из главных задач, стоящих перед коллективом, являлось создание надежного фонда данных детской речи. Речь

¹ Первый вариант этой работы подготовлен в 2018 г. при поддержке РНФ (проект №14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка») и опубликован в журнале «Вопросы психолингвистики», 2019, 1(39), с. 182–202. В настоящее издание добавлена актуальная информация за последние три года.

² Учесть исследования всех участников научной школы в кратком обзоре не представляется возможным. Некоторое представление о составе научной школы можно получить по сборнику статей «Санкт-Петербургская школа онтолингвистики». СПб, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

детей в их диалогах со взрослыми или друг с другом записывалась с помощью магнитофона или видеокамеры, расшифровывалась, вносилась в компьютер. Фонд данных детской речи включает не только записи речи детей от 8 месяцев до 4 лет, но и картотеку детских речевых инноваций, родительские дневники, а также результаты психолингвистических экспериментов, осуществленных при подготовке докторских, кандидатских, магистерских диссертаций. Большая часть расшифрованных материалов была издана и послужила основой для работы над кандидатскими и докторскими диссертациями (см., напр., [Речь ... 1994; От нуля до двух 1997; От двух до трех 1998; Две девочки... 2001], разнообразные словари детских инноваций, один из которых был издан в Германии и переиздан в России [Словарь ... 2001]).

В 2011 году вследствие реструктуризации кафедра детской речи была объединена с двумя другими кафедрами филологического направления. Лаборатория детской речи продолжает функционировать. Проведение ежегодных конференций «Проблемы онтолингвистики» в Петербурге продолжается.

Основные направления исследований сотрудников кафедры/лаборатории детской речи³

В докторской диссертации С.Н. Цейтлин «Детская речь: инновации формообразования и словообразования» [Цейтлин 1989] был представлен анализ детских речевых инноваций, который позволял объяснить их лингвистический механизм. Показана широкая вариативность русской языковой системы (особенно в словообразовании), выявлены лакуны, существующие на уровне нормы. Обнаружены огромные потенциалы системы слово- и формообразования, а также иерархический характер языковых правил, которыми руководствуется человек при порождении речи. Способность ребенка улавливать и использовать в процессе конструирования лексем и словоформ в первую очередь глубинные, прототипические правила демонстрирует иерархический характер устройства языковой системы. Спустя 30 лет диссертация стала частью монографии [Цейтлин 2009].

В дальнейшей деятельности С.Н. Цейтлин преобладающей становится не лингвистическая, а психолингвистическая ориентация исследований, так как в центре внимания оказывается сам процесс освоения ребенком языка, его возрастная динамика, характер получаемого инпута, индивидуальные особенности детей и т.д. Основным материалом для изучения стали лонгитюдные наблюдения за речью детей. Значительная часть дальнейших исследований связана с освоением морфологических и семантических (понятийных) категорий (посессивности, побудительности и т.п.). В целом подтверждается гипотеза о бессознательности освоения языка, об огромной роли стихийно складывающегося языкового чувства. При этом интуитивно освоенными часто оказываются и те процедурные правила устной и письменной речи, которые с трудом поддаются лингвистическому описанию – такие, например, как правила выбора вида в конкретных ситуациях.

С.Н. Цейтлин – автор 340 работ, среди наиболее цитируемых – [Цейтлин 2000; 2009; 2013а; 2013б]. Под её руководством подготовлено и защищено 16 кандидатских диссертаций по детской речи: [Кашина 1993; Яценко 1999; Мурашова 2000; Павлова 2000; Еливанова М. 2004; Еливанова В. 2004; Глушечевская 2004; Кузьмина 2005; Офицерова 2006; Круглякова 2006; Швец 2007; Ионова 2007; Сизова 2009; Панфилова 2012; Пузанова 2012; Краснощекова 2016]. С.Н. Цейтлин участвовала в конференциях и конгрессах, проводимых за рубежом, в течение 6 лет входила в президиум международной ассоциации исследователей детской речи (IASCL). В качестве приглашенного лектора читала лекции в университете Ольденбурга (Германия) и Тарту (Эстония).

³ В данном разделе представлены основные исследования сотрудников лаборатории детской речи, работающих в РГПУ в данное время. В разное время на кафедре детской речи работали также М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, В.В. Казаковская. Обзор их исследований см. далее в разделе. В последние годы обе исследовательские группы успешно работают над совместными проектами (Проект «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» поддерживался РФФ в 2014-2018 г., грант 14-18-03668, в настоящее время идет работа над проектом «Лексическое развитие детей-билингвов раннего возраста» (поддержан РФФИ, проект 19-012-00293).

В докторской диссертации Г.Р. Добровой «Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства» [Доброва 2005] и ряде ее публикаций [Доброва 2003] исследуется освоение слов релятивной семантики – терминов родства и личных местоимений. Выяснилось, что дети дважды, при усвоении личных местоимений и при усвоении терминов родства, проходят похожий путь усвоения именных шифтеров персональности – от «ярлыкового» их восприятия, непонимания их релятивности, зависимости от точки отсчета – к эгоцентрическому восприятию и лишь затем – к восприятию, соответствующему узуальному.

К середине 1990-х гг. относится начало исследования Г.Р. Добровой и ее учениками проблем вариативности речевого онтогенеза. В первую очередь, анализу подверглись различия в речи так называемых референциальных и экспрессивных детей [Доброва 2009]. В дальнейшем внимание исследователя было сосредоточено также на различиях в речи мальчиков/девочек, детей из семей с высоким/низким социокультурным статусом, а также детей, имеющих/не имеющих старших сиблингов (например, [Доброва 2013]). В 2018 году в издательстве «Языки славянских культур» выходит из печати основанная на многолетних исследованиях Г.Р. Добровой книга «Вариативность речевого развития детей». Под руководством Г.Р. Добровой были успешно защищены 4 кандидатские диссертации (см.: [Гридина 2010; Бондаренко 2011; Королев 2011; Бондаревич 2013]).

М.Б. Елисеева вела дневник речевого развития дочери (от рождения до 10 лет, общий объем дневника – 30 а.л., из них 20 а.л. – до 3 лет) и делала видеозаписи (всего 60 часов звучания, из них 48 до 3 лет). Электронная версия дневника и расшифрованные видеозаписи, введенные в компьютерную базу данных в системе CHILDES, используются в настоящее время как основа многих научных исследований в России и за рубежом.

М.Б. Елисеевой [Елисеева 2008; 2014] установлено, что различные компоненты индивидуальной языковой системы ребенка развиваются с разной скоростью и оказывают друг на друга разное влияние: некоторые из них относительно автономны и развиваются параллельно; другие взаимозависимы. В усвоении языка ребенком выделены две основные стратегии: 1) компенсаторная, «взаимодополняющая»: недоразвитие какого-либо компонента компенсируется развитием другого. Например, развитие флективной морфологии и появление грамматических категорий в сочетании с обширным лексиконом, может компенсировать бедность синтаксических структур; 2) «стимулирующая», активизирующая: развитие одного компонента ускоряет развитие другого. Так, развитие звуковой стороны речи, а именно умение ребенка артикулировать трехсложные и четырехсложные слова, является стимулом развития активного лексикона, толчком к лексическому взрыву [Елисеева 2015]. В свою очередь, лексический взрыв способствует возникновению морфологического взрыва; а развитие морфологии служит вспомогательным механизмом развития синтаксических структур – трех- и четырехсловных высказываний, грамматически правильно оформленных.

Исследования процессов понимания и репродуцирования речи Т.А. Кругляковой построены на материале записей спонтанной речи детей. В диссертации «Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка» (см.: [Круглякова 2006а; 2009]) выявлен ряд общих закономерностей, определяющих слуховое восприятие независимо от типа текста и возраста реципиента, разработана типология помех, возникающих на пути адекватного понимания текста, проанализированы стратегии взрослых, знакомящих детей с поэзией, и детей, читающих стихи. Анализ ошибок спонтанной речи позволяет уточнить представления об индивидуальных и возрастных особенностях слухового восприятия, запоминания и припоминания текстов, продемонстрировать существенность семантических связей в строении ментального лексикона дошкольника. Кроме записей спонтанной речи детей, используются записи фольклорных произведений: волшебных сказок, анекдотов, считалок. Анализ вариантов, записанных от одного носителя в разное время или от разных носителей – членов одного языкового коллектива, позволяет не только восстановить первоисточник, как это делается в фольклористике, но и судить о причинах и типах деформаций текста [Круглякова 2006б].

Неосознанное или сознательное видоизменение текста может привести к созданию нового произведения. В статьях Т.А. Кругляковой делается попытка психолингвистического исследования языка стихотворений детей 2–3 лет, сложенных в процессе пляски, игры и сознательного творчества [Круглякова 2007]. В сферу интересов Т.А. Кругляковой также входит изучение процессов конструирования ребенком грамматической системы при освоении русского языка как второго и вопросы овладения письменной формой речи билингвами. Подтверждается тезис о том, что ребенок самостоятельно конструирует систему как первого, так и второго языка, и рассматриваются отдельные фрагменты временных индивидуальных языковых систем [Круглякова 2011].

Кандидатская диссертация М.А. Еливановой «Формирование категории локативности в речи детей дошкольного возраста» [Еливанова 2004] была посвящена освоению ребенком пространственных отношений. Показано, что в освоении любой семантической категории первичным является освоение реалий окружающего мира через восприятие, создание представлений, осмысление и категоризацию внеязыковых явлений, а язык как бы накладывается на эти реалии, участвуя в категоризации и мышлении, а затем сам становится призмой восприятия и осознания.

Проблема взаимосвязи когнитивного и речевого развития ребенка остается в центре внимания М.А. Еливановой и в дальнейшем [Еливанова 2007; 2011]. Сравниваются механизмы освоения русского языка у носителей его и у тех, кто осваивает русский язык как второй в детстве и во взрослом состоянии. В сферу научных интересов М.А. Еливановой в последние годы входит также изучение того, как отдельные психические процессы и процессы высшей нервной деятельности (например, эмоции, память, мышление в связи с ведущим полушарием и т.п.) связаны с формированием стратегии освоения языка [Еливанова, Семушина 2013].

Кандидатская диссертация Т.В. Кузьминой «Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий в письменной речи детей (на материале согласных)» [Кузьмина 2005] посвящена проблеме освоения письменной формы речи детьми дошкольного возраста. Доказано, что ребенок осваивает письмо системно: сначала ядерные (базовые) структуры, а затем периферийные. Ребенок самостоятельно конструирует свою языковую систему в сфере фонемно-графемного кодирования. На начальных этапах освоения письма детские написания по большей части отвечают протописным правилам письма.

Т.В. Кузьмина изучает особенности речевого поведения ребенка, связанного с развитием языковой рефлексии [Дети о языке 2001; Кузьмина 2013].

Группа онтолингвистики в отделе теории грамматики ИЛИ РАН

С 90-х годов XX века часть исследований по детской речи стала проводиться в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН, которым руководил в то время д.ф.н. член-корреспондент РАН А.В. Бондарко. Разработанная им теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций послужила основой онтолингвистических исследований, выделенных в отдельную тему «Функциональные исследования детской речи» под общим руководством С.Н. Цейтлин. Идея системности языка пронизывает ее работы, начиная с ранних статей, посвященных формо- и словообразовательным инновациям, и заканчивая работами, в которых онтогенез речи описывается как последовательная смена промежуточных языковых систем [Цейтлин 1989; 2017]. Важным итогом серии ее работ, посвященных словообразованию и формообразованию у детей, является вывод о том, что усвоение детьми языковой системы предшествует осознанию ими нормативных ограничений [Цейтлин 2009: 65–74]. Это позволяет рассматривать языковую норму как реализацию потенциальных возможностей языковой системы, вариант некоего системного инварианта [цит. раб.: 73].

Представление о системности языка реализовано и в других ранних работах группы онтолингвистики в ИЛИ РАН. Так, в статьях Ю.А. Пупынина [Пупынина 1996; 1998] рассматриваются начальные этапы становления русских глагольных форм в речи детей и вводится важное понятие «формы-посредника». Тема становления глагольной системы получает

развитие в работах Н.В. Гагариной [Гагарина 2009]. В речи детей ею выделено четыре основных этапа в становлении значений и форм глагола: 1) доглагольный период; 2) период аналогий (формовоспроизводство); 3) период развития продуктивности (формопроизводство); 4) период усвоения грамматической нормы и периферийных правил [Гагарина 2008: 86–101; 105–144]. При этом обогащение глагольного лексикона и рост формальных оппозиций часто не совпадают: во время «лексического взрыва» замедляется развитие морфологии и наоборот [там же: 121–138].

В работах В.В. Казаковской этого времени рассматривается становление речевой компетенции ребенка [Казаковская 2004; 2006б]. Ею сформулировано важное положение о том, что усвоение языковой системы и обретение навыков ведения диалога могут обладать известной самостоятельностью и осуществляются параллельно: ребенок начинает с формулировки элементарных ответных реплик, а затем сам учится задавать вопросы в определенной последовательности.

Представления о системности языка развиваются также и в ранних работах М.Д. Воейковой [2002], посвященных усвоению детьми прилагательных. Основной идеей этих работ является то, что дети усваивают абстрактные понятия «с голоса», опираясь на диалогическое взаимодействие со взрослыми, а не только сопоставляя элементы инпута с окружающими реалиями. Анализ ошибок в выборе цветочных прилагательных показывает, что дети часто повторяют их за взрослыми, не заботясь о том, насколько слова отражают реальные свойства объектов. На основе проведенных онтолингвистических исследований М.Д. Воейкова [Воейкова 2004], В.В. Казаковская [Казаковская 2006а] и Н.В. Гагарина [Гагарина 2008] защитили докторские диссертации.

В 90-ые годы начинался сбор лонгитюдных записей спонтанной диалогической речи детей и их родителей. В это время в Европе и особенно в США развивалась Система Обмена Данными Детской Речи (CHILDES) [MacWhinney 2000]. С самого начала наша группа принимала участие в выработке принципов транскрибирования и разметки русских данных в этом формате [Воейкова 1995]. В конце 90-х годов была разработана программа полуавтоматического морфологического кодирования русских данных, которая применяется до сих пор [Gagarina, Voeikova, Gruzincev 2003]. Записи спонтанной речи детей, записанные в специальном формате и снабженные морфологической разметкой, наряду с дневниковыми записями, стали основным источником новых исследований коллектива.

С 1994 года участники научной группы активно сотрудничают с В.У. Дресслером (Австрийская АН, Институт языкознания Венского университета) в рамках проекта «Ранние стадии усвоения морфологии детьми»⁴. До сих пор этот проект остается единственным длительным сравнительным исследованием, посвященном проблеме усвоения морфологии детьми, говорящими на разных языках, таких как венгерский, иврит, литовский, палестинский арабский, финский, турецкий, хорватский, новогреческий, юкатекский майя и т. д.). Работа велась по нескольким узким темам: «Морфология глагола», «Усвоение падежа и числа», «Усвоение диминутивов», «Семантика и грамматика прилагательных». По всем темам были подготовлены коллективные монографии, в которых участвовали члены нашего научного коллектива, см. например [Gagarina 2003, Gagarina, Voeikova 2009, Protassova, Voeikova 2007]. Сравнительный анализ показал, что скорость появления противопоставленных друг другу форм и их количество различается в речи детей, говорящих на более или менее морфологически богатых языках: чем больше противопоставленных форм встречается в инпуте, тем быстрее дети овладевают морфологической техникой [Voeikova, Dressler 2002]. Более поздние исследования с применением специального математического аппарата подтвердили это предположение [Xanthos et al. 2011].

⁴ Рабочее название проекта «Пре- и протоморфология» соответствует оригинальному “Cross-linguistic Project on Pre- and Protomorphology in Language Acquisition” (1994).

Участие в проекте обогатило наши представления об онтогенезе данными других языков и позволило привлечь научный аппарат теории естественной морфологии для объяснения морфологических предпочтений детей. Основные положения этой теории можно сформулировать следующим образом: на начальной стадии усвоения языка дети, говорящие на разных языках, проходят фазу *преморфологии*: в этот период в их речи нет морфологических противопоставлений, слова употребляются в одной, обычно замороженной форме; даже если дети могут произнести разные формы одного и того же слова, они не противопоставлены по функции и могут встретиться в любом контексте. Начальная фаза преморфологии в речевой продукции ребенка постепенно переходит в фазу *протоморфологии*, которая характеризуется появлением морфологических оппозиций и так называемых минипарадигм – наборов из трех и более противопоставленных друг другу форм имен и глаголов. Третья стадия – *модулярной, или сравнимой с языком взрослых морфологии* – наступает тогда, когда ребенок овладевает основным набором продуктивных моделей формоизменения. Она наблюдается у детей в среднем к пятому году жизни и отличается значительной индивидуальной вариативностью. Теория естественной морфологии органично сочетается с исследованиями С.Н. Цейтлин по слово- и формообразованию: на материале русского языка ею убедительно показано, что более продуктивные модели склонения и спряжения усваиваются раньше, чем менее продуктивные, наличие фазы преморфологии можно было наблюдать уже в ранних дневниках родителей русских детей, в первую очередь, – в дневнике А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1961; 2005].

В 2007 г. вышла из печати коллективная монография «Семантические категории в детской речи» (грант РГНФ 03-04-00386-а) [Семантические категории... 2007]. В ней рассмотрен онтогенез ряда важнейших семантических категорий: темпоральности, аспектуальности, посессивности, квалитативности, модальности, количественности, персональности, локативности, составляющих основу когнитивного багажа маленького ребенка.

В 2014–2018 гг. осуществлялась совместная работа двух указанных коллективов по проекту «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» (грант РНФ, научный руководитель – М.Д. Воейкова).

В настоящее время оба коллектива заняты изучением особенностей становления языка у билингов (грант РФФИ «Лексическое развитие детей-билингвов раннего возраста», руководитель – М.Б. Елисеева). Исследования выполняются на материалах МакАртуровского опросника (сравниваются данные адаптированных русской, английской, итальянской, немецкой и др. версий), а также на материале экспериментальных исследований. Помимо проблем собственно лексического развития ребенка, обсуждаются вопросы особенностей инпута, языковой рефлексии, исследуется становление универсальной и этноспецифической картины мира, а также грамматических категорий в речи детей-билингвов. Сравняется развитие русскоязычных монолингвов раннего возраста и билингвов разных типов (сукцессивных и сумультантных) до 5 лет.

*Проект «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка»
(грант РНФ с 2014 по 2018 г.)*

Механизмы усвоения языка детьми описываются на примере нескольких существенных семантических зон языка, которые будут определены ниже.

Усвоение детьми имен прилагательных

В работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1996] подчеркивалось, что маленькие дети не путают прилагательные из разных семантических групп, но могут легко перепутать разные признаки внутри одной группы, например, ошибиться в названии цвета или в выборе антонима (*добрый – злой, большой – маленький*). Эта загадка разрешается при анализе адъективного инпута: сами родители часто ставят вместе антонимичные прилагательные, задавая детям вопросы.

Именно соположение семантически связанных прилагательных в вопросах взрослых и стало «виновником» того, что дети усваивают семантику прилагательных в группах, а не по отдельности [Воейкова 2015: 251–268]. При этом дети все же тяготеют к раннему усвоению перцептивных характеристик и употребляются в устойчивых сочетаниях [Воейкова и др. 2015: 505–522], а также чувствительны к созвучию окончаний прилагательных и существительных [Воейкова 2015: 268–286].

Сравнение с другими языками показало, что в усвоении прилагательных детьми, говорящими на разных языках, много общего, но есть и различия. Подготовленная в результате наблюдений книга [Tribushinina et al. 2015] основана на семантической и формальной гипотезах. Общий замысел монографии принадлежит Е. Трибушиной (семантическая гипотеза) и М.Д. Воейковой (морфологическая гипотеза). Семантическая гипотеза этой книги предполагает, что прилагательные усваиваются в составе семантических цепочек (антонимов, синонимов и отдельных семантических групп). Морфологическая гипотеза состояла в том, что в языках, в которых наблюдается фонетическое подобие окончаний именных форм, дети сначала будут усваивать подобные формы согласования и лишь затем перейдут к контрастным, например, *большУЮ машинУ* будет усвоено раньше, чем *большОЙ машинЕ*. В книге рассмотрены данные 11 разноструктурных языков, таких как русский, немецкий, английский, французский, хорватский, румынский, итальянский, литовский, греческий, финский, юкатеко майя. Важным для проекта является разработка понятия «вспомогательных механизмов», в качестве которых в русском языке выступает созвучие финалей прилагательного и существительного.

В.В. Казаковская предприняла ряд сравнительных исследований [Kazakovskaya, Balčiūnienė 2015, Argus, Kazakovskaya 2018, Kazakovskaya et al. 2018], в которых рассматривается влияние речи взрослых на усвоение детьми прилагательных, композитов, элементов субъективной модальности в русском языке в сравнении с литовским, эстонским, ивритом, и рядом других языков. Усвоение согласования также рассматривалось в контексте двуязычного овладения языком на материале русско-испанских и русско-каталонских билингвов [Vorobiova 2020].

Модальность в детской речи

С 2012 по 2021 готовилось к печати кросс-лингвистическое исследование [Aksu-Koç, Stephany 2021] «Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective». Русский язык представлен двумя разделами, посвященными усвоению эпистемической модальности [Kazakovskaya 2021] и императивных конструкций [Voeikova, Bayda 2021].

Исследование проводилось с учетом основных направлений описания императива в речи детей, намеченных в работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 2008]. На материале лонгитюдных наблюдений подтвердилось наблюдение об исключительной важности ситуации передачи объекта для усвоения императива. Форма *дай* оказалась в числе первых глагольных форм у всех обследованных детей.

Застывшие формы императива в инпуте (типа *смотри, скажи, слушай*) в силу своей частотности, могут влиять на усвоение императивных форм детьми. Дети зачастую не используют даже самых частотных дискурсивных маркеров из речи родителей, что доказывает высокую степень самостоятельности детей в выборе языковых средств даже на ранних стадиях языкового развития. Исследование подтвердило, что эпистемическая модальность усваивается детьми позже, чем деонтическая. Работы В.В. Казаковской выявили, что русские дети при усвоении эпистемической модальности начинают с выражения неуверенности, что оказалось необычным в кросс-лингвистической перспективе [Kazakovskaya 2017, Kazakovskaya 2021].

Отдельные семинары и обсуждения по усвоению модальности проводились в Вене в феврале 2015, в Хельсинки в сентябре 2015, в Вене в феврале 2016, в Санкт-Петербурге в апреле 2016 и в Кельне в декабре 2016.

По результатам первого года проекта была проведена конференция «Модальность в языке взрослых и детей» в ИЛИ РАН в апреле 2016 г.

Групповые и индивидуальные различия в усвоении языка

Освоение персонального дейксиса рассматривалось в работах Г.Р. Добровой на фоне вариативности речевого развития детей. На материале спонтанной речи детей (дневниковые записи, расшифровки видеозаписей), материалах МакАртуровского опросника, а также на материале экспериментальных исследований ею проанализированы закономерности освоения языка референциальными и экспрессивными детьми, мальчиками и девочками, детьми из семей с высоким и с низким социокультурным статусом. На примере построения ребенком временных окказиональных систем глагольных форм рассмотрен процесс построения, разрушения и нового строительства окказиональных языковых систем, лежащий в основе языкового онтогенеза.

Индивидуальное развитие ребенка освещается в работах М.Б. Елисейевой [Елисейева 2015]. На материале дневников и видеозаписей автора исследуется взаимосвязь лепета и словесной речи, порядок появления гласных и согласных фонем, фонетические преобразования слов нормативного языка, особенности имитации, соотношение понимания и продуцирования и т.д. Анализируются возникновение и особенности развития частей речи, появление грамматических оппозиций, окказиональных форм и словообразовательных инноваций, типы двусинтаксемных высказываний до двух лет, развитие союзных средств и синтаксических структур до трех лет.

С описанием индивидуальных различий в усвоении языка связано развитие современных диагностических средств, в частности адаптация к русскому материалу МакАртуровского опросника⁵ [Елисейева и др. 2017]. В каждом возрасте и для каждого пункта опросника были рассчитаны нормы – как на основании средних значений, так и на основании медиан, а также процентиля от 5% до 99%, служащие основанием для принятия решения о соответствии конкретного ребенка его возрастной норме. Нормы лексического развития русскоязычных детей размещены на международном сайте <http://www.cdi-clex.org> наряду с данными 11 других языков.

Особенности ранней деривационной морфологии

Почти через 30 лет после первых публикаций С.Н. Цейтлин участники проекта вернулись к описанию словообразования в детской речи, но на этот раз – на самых ранних этапах. В.В. Казаковской подготовлена глава о словосложении в речи русских детей для коллективной монографии по усвоению композитов [Kazakovskaya 2017]. Первичные наблюдения показали, что, несмотря на низкую частотность композитов в русском языке, дети употребляют их в речи чаще, чем предполагалось ранее. Исследование словообразовательных моделей в речи детей раннего возраста продолжается на основе идей о соотношении системы и нормы, высказанных в работах С.Н. Цейтлин. В работе [Kazakovskaya, Voeikova 2021] усвоение деривационной морфологии в рамках существительных, глаголов и прилагательных рассматривается с точки зрения порядка появления основных моделей и формальных предпочтений. Так, выяснилось, что приставочные способы словообразования характерны исключительно для глаголов, в то время как существительные и прилагательные в детской речи образуются при помощи суффиксов; были выявлены и ранние семантические предпочтения в детском словообразовании.

В новых работах С.Н. Цейтлин усвоение грамматики в первом языке сравнивается с особенностями постижения грамматического строя русского языка инофонами [Цейтлин 2015; 2016]. Русские дети оказываются успешнее, чем инофоны, в выборе грамматических

⁵ Опросник “The MacArthur Communicative Development” был адаптирован к русскому языку с разрешения авторов его американской версии Л.Фенсона и Ф.Дейла.

категорий и единиц. Анализ детских речевых инноваций позволяет выявить природу ряда процедурных правил, не подвергавшихся до сих пор описанию в существующих грамматиках русского языка. Результаты исследования нашли отражение также в ряде докладов автора, в том числе, на сайте «Постнаука» (<http://postnauka.ru/talks/44998>). По итогам первых трех лет проекта издана серия статей в журнале *Acta Linguistica Petropolitana*, XIII, ч. 3 [*Acta Linguistica Petropolitana* 2017].

Обобщая анализ новых исследований двух творческих коллективов, можно сказать, что его участники перешли от собственно лингвистической проблематики (освоения ребенком различных пластов, единиц и уровней языка) к психолингвистической постановке вопроса об индивидуальных и групповых особенностях различных детей, способах приобретения и хранения языковой информации, формировании единиц ментального лексикона и грамматикона, усвоении или создании процедурных правил.

Литература

Бондаревич А.А. Сегментные морфонологические чередования в онтогенезе (на материале речи русскоязычных детей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 26 с.

Бондаренко А.А. Индивидуальные особенности в освоении грамматики детьми 2–5 лет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 26 с.

Воейкова М.Д. Русская речь в системе CHILDES: учеб. пособие к спецкурсу. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1995. 22 с.

Воейкова М.Д. Типы и разновидности качественных отношений на ранних этапах речевого развития ребенка (анализ речи взрослого, обращенной к ребенку) // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2002. С. 206–235.

Воейкова М.Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском литературном языке: Дисс. в форме научного доклада ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Воейкова М.Д. Становление имени. М.: ЯСК, 2015. 350 с.

Воейкова М.Д., Казаковская В.В., Сатюкова Д.Н. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015. С. 251–268.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. 275 с.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 40 с.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи М., 1961. 470 с

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. 2-е изд. М., 2005. 320 с.

Глуцневская Н.В. Полисемантическое слово в речи ребенка дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004. 28 с.

Гридина И.Н. Гипо-гиперонимические отношения в ментальном лексиконе детей и взрослых: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 24 с.

Две девочки: Соня и Надя: дневниковые записи / сост.: О.А. Юнтунен, О.Б. Сизова; отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб.: Тускарора, 2001. 191 с.

Дети о языке: Приложение № 2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина. СПб.: Союз, 2001. 144 с.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства): автореф. дис. докт. филол. наук. СПб.: 2005. 48 с.

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 53–70.

Доброва Г.Р. О влиянии социальных и / или биологических факторов на особенности освоения языка детьми // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2013. № 4. С. 19–28.

Онтогенез языковой способности

Еливанова В.А. Двухкомпонентные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2004. 23 с.

Еливанова М.А. Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.

Еливанова М.А. Освоение детьми пространственных отношений и средств их языкового выражения: учеб. пособие к спецкурсу. СПб., 2006. 94 с.

Еливанова М.А. Категория локативности и ее выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи СПб.: Нестор-История, 2007. С. 317–338.

Еливанова М.А. Освоение детьми дошкольного возраста локативных синтаксисов, обозначающих ориентацию в рамках трехмерной сетки координат // Путь в язык: одноязычие и двуязычие: сб. ст. М.: Знак, 2011. С.100–121.

Еливанова М.А. Семушина В.А. Индивидуальные особенности языкового развития ребенка-правши с временным отставанием программирующей функции речи // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: к юбилею доктора филологических наук, профессора Стеллы Наумовны Цейтлин: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 228–236.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 172 с.

Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2014, 2015. 344 с.

Елисеева М.Б. Лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста как стимул развития морфологии // Уральский филологический вестник. Вып. 4. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. №1. С. 65–75.

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Изд. 2-е, испр. и доп. Иваново: ЛИСТОС, 2017. 76 с.

Ионова Н.В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2007. 19 с.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый–ребенок» // Вопросы языкознания. 2004. №2. С. 89–110.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» (на материале русского языка): автореф. дис. докт. филол. наук. СПб., 2006а.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок». СПб., Наука, 2006б. 455 с. .

Кашина Л.А. Совершенствование коммуникативной деятельности школьников при репродуцировании текстов: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1993. 20 с.

Королев В.Д. Освоение детьми предложно-падежных и наречных средств выражения локативного и темпорального дейксиса: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2011. 20 с.

Краснощечкова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2016. 21 с.

Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка 3–5 лет: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2006а. 21 с

Круглякова Т.А. Отражение индивидуальных стратегий воспроизведения текста в собрании считалок Г.С. Виноградова // Детский фольклор и субкультура детства: методология собирания, описания, изучения: Материалы междунар. науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (Санкт-Петербург, 29 июня – 1 июля 2003 г.). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2006б. С. 6–18.

Круглякова Т.А. Репродуцированный текст как объект психолингвистического исследования (на материале детской речи) // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 159–166.

Круглякова Т.А. Дошкольник как «наивный» стихотворец // Проблемы онтолингвистики – 2007: Материалы междунар. конф. СПб.: «Златоуст» 2007. С. 111–114.

Круглякова Т.А. Конструирование системы русских притяжательных местоимений детьми-билингвами с первым романским языком // Путь в язык: одно- и двуязычие: сб. ст. М.: Знак, 2011. С. 191–203.

Раздел 6

Кузьмина Т.В. Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий письменной речи детей (на материале согласных): автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. 20 с.

Кузьмина Т.В. Самоисправления в русской речи детей-инофонов // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: К юбилею доктора филологических наук профессора С.Н. Цейтлин: сборник науч. ст. СПб., 2013. С. 190–195.

Мурашова О.В. Онтогенез субстантивных синтаксем: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2000. 22 с.

От двух до трех: дневниковые записи / сост.: С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 159 с.

От нуля до двух: дневниковые записи / сост. С.Н. Цейтлин. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 215 с.

Офицорова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской речи: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.

Павлова Н.П. Способы передачи звучащей речи на письме детьми-дошкольниками: лингвистический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2000. 24 с.

Панфилова Е.Н. Категория числа имени существительного в русской детской речи: дис. канд. филол. наук. СПб., 2012. 222 с.

Пузанова Ю.С. Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.

Пупынин Ю.А. Усвоение русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 84–95.

Пупынин Ю.А. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 102–117.

Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия / сост.: Т.В. Кузьмина, Э.И. Столярова, С.Н. Цейтлин. СПб.: Бохум, 1994. 125 с. (Прилож. N 4 к Бюллетеню Фонетического Фонда рус. яз.).

Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. 436 с.

Сизова О.Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2009. 21 с.

Словарь детских словообразовательных инноваций / сост. С.Н.Цейтлин. Munchen: Verl. Otto Sagner, 2001. 202 p. (Specimina Philologiae Slavicae; bd.132).

Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка) Дис. ... докт. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. 427 с.

Цейтлин С.Н. Усвоение ребенком прилагательных // Детская речь: норма и патология: межвуз. сб. науч. трудов. Самара: Изд-во СамГУ, 1996. С. 4–15.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 239 с.

Цейтлин С.Н. Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 309–331.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2013а.408 с.

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: URSS, 2013б 187 с.

Цейтлин С.Н. К вопросу о лексико-морфологической координации на разных этапах освоения языка ребенком // Проблемы онтолингвистики–2015: Механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции: Материалы междунар. конф. СПб., 2015. С. 181–183.

Цейтлин С.Н. Почему лингвисты изучают детскую речь? // Русский язык в школе. 2016. № 3. С. 19–24.

Цейтлин С.Н. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т.3, ч. 3: Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. СПб.: Наука, 2017. С. 623–650.

Швец В.М. Освоение ребенком категории эпистемической модальности: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2007.21с.

Яценко М.А. Качественные имена прилагательные в детской речи: лексико-семантический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 1999. 19 с.

Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т.3, ч. 3: Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. СПб.: Наука, 2017.

Aksu-Koç A., Stephany U. (Eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective.* Berlin-NY: Mouton de Gruyter, 2021.

Argus R., Kazakovskaya V.V. Acquisition of noun derivation in Estonian and Russian L1. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*, 2018 (14), pp. 23–39.

Gagarina N., Voeikova M.D. Acquisition of case and number in Russian // Stephany U. and Voeikova M.D. (eds.). *Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective.* SOLA 30. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2009. P. 179–216.

Gagarina N., Voeikova M., Gruzincev S. New version of morphological coding for the speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // *Investigations into Formal Slavic Linguistics. Contributions of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages / Edited by P. Kosta, J. Blaszczak, J. Frazek, L. Geist and M. Zygis.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. P. 243–258.

Gagarina N. The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children // *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / Edited by D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 131–169.

Kazakovskaya V.V., Balčiūnienė I. Adult contribution towards early adjective acquisition: Evidence from Russian and Lithuanian longitudinal data // Tribishinina E., Voeikova M.D. and S. Noccetti (eds.) *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 243–312.

Kazakovskaya V.V., Argus R., Uziel-Karl S. The Early Expression of (Un)certainly in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew // *Philologia Estonica. On Language and Culture*, 2018. 3. P. 93–130.

Kazakovskaya V.V. Acquisition of nominal compounds in Russian // Dressler W.U., Ketrez N., Kilani-Schoch M. (eds.) *Nominal Compound Acquisition. Language Acquisition and Language Disorders*, 61. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 63–90.

Kazakovskaya V.V. Epistemic modality in Russian Child language // Aksu-Koç A., Stephany U. (Eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective.* Berlin-NY: Mouton de Gruyter, 2021, P. 421-453.

Kazakovskaya V.V., Voeikova M.D. Acquisition of derivational morphology in Russian // Mattes V., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K. and W. Dressler. *The acquisition of derivational morphology: A cross-linguistic perspective.* . *Language Acquisition and Language Disorders*, 66. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021.

MacWhinney B. *The CHILDES project. Tools for Analyzing Talk.* Hillsdale; New Jersey; Hove; London: Lawrence Erlbaum Ass., publishers. 2000.

Protassova E.Ju., Voeikova M.D. Diminutives in Russian at the early stages of acquisition. // Savickienė, I. and W.U. Dressler (eds.). *The Acquisition of Diminutives: A cross-linguistic perspective.* *Language Acquisition and Language Disorders*, 43. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 43–73.

Tribushinina E., Voeikova M.D., Noccetti S. (eds.) *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015.

Voeikova M.D., Dressler W.U. Introduction // Voeikova M.D. and Dressler W.U. (eds.) *Pre- and Protomorphology: early phases of morphological development in nouns and verbs.* *LINCOM Studies in Theoretical Linguistics.* LINCOM EUROPA München, 2002.

Voeikova M.D., Bayda K.A. Development of directive expressions in Russian adult-child communication // Aksu-Koç A., Stephany U. (Eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective.* Berlin-NY: Mouton de Gruyter, 2021. p.113–157.

Vorobiova T. *Gender Assignment in Russian: A Study of young heritage speakers in Spain.* PhD Thesis. Barcelona: Universidad Pompeu Fabra, 2020.

Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketrez F.N., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmovič Marijan, Pfeiler B., Voeikova M.D., Dressler W.U. On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection // *First Language*, 2011. Vol. 31. № 4. Pp. 461–479.

6.2. Онтогенез языковой способности в концепции А.М. Шахнаровича

К.Я. Сигал
Москва

Александр Маркович Шахнарович родился 3 ноября 1944 г. в Москве в семье служащих. В 1969 г. окончил факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. В Институте языкознания АН СССР (затем – РАН) А.М. Шахнарович проработал с 1969 г. вплоть до своей кончины в 2001 г., пройдя путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке.

А.М. Шахнарович стоял у истоков развития психолингвистики в СССР. Ему удалось обнаружить важнейшие закономерности онтогенеза речемыслительной деятельности, касающиеся природы и структуры языковой способности, основных тенденций развития речи, роли семантики наглядного образа в речи дошкольника, а также установить, как происходит переход от наглядного представления к обобщенному обозначению в лексике и грамматике родного языка.

А.М. Шахнарович получил широкую известность в России и за рубежом своими трудами как в области психолингвистики развития и теории детской речи, так и в области экспериментальной лингвистики, семантики, прагматики, теории текста и др. В 1997 г. по инициативе А.М. Шахнаровича в Институте языкознания РАН был создан отдел экспериментальных исследований речи, где ведутся изыскания в области теоретических и прикладных проблем онтогенеза речи.

Разработка такой фундаментальной научной проблемы, как онтогенез языковой способности, осуществлялась А.М. Шахнаровичем путем обращения к психологическим основаниям и к психологическим методам (в частности, к методу эксперимента), которые способствовали бы созданию объяснительных процедур в теории детской речи, понятой не как лингвистическое описание речевой продукции детей, а как объяснительная в своей основе психолингвистика развития. При том, что в детской психологии над речью только наблюдали, устанавливая нестрогие зависимости одних явлений от других, а также «смаковали» отдельные речевые факты, запечатленные в материнских дневниках, психолингвистика развития, взяв на вооружение метод эксперимента, получила возможность обьективировать «зоны ближайшего развития» (Л.С. Выготский), вызывая к жизни те языковые явления, которых, по сути дела, еще нет в речевой продукции детей, но которые уже подготовлены к функционированию в ходе когнитивного и собственно речевого развития дошкольников.

Поставив в центр своих научных интересов детскую речь как проблему психолингвистики, А.М. Шахнарович сосредоточил свое внимание на становлении семантики в дошкольном детстве как процессе развития категоризации в мышлении и речи ребенка, на природе и структуре языковой способности человека и на месте семантического компонента в ней. Освещение этих вопросов строилось у А.М. Шахнаровича на солидном экспериментальном материале и, главное, на единой методологической платформе теории речевой деятельности, где онтогенез речи рассматривается с позиции материалистического подхода.

Ключевым тезисом в психолингвистике развития А.М. Шахнаровича является мысль о том, что при овладении языковой действительностью и речевыми действиями образная

связь означаемого и означающего является глобальной характеристикой процесса развития речи, свойственной всем уровням языка.

В целом ряде психолингвистических экспериментов, поставленных как самим А.М. Шахнаровичем, так и его учениками (Л.И. Гараевой, Н.М. Юрьевой и др.), были обнаружены, с одной стороны, прагматическая ориентировка детей на звуковую форму слова, а с другой стороны, довольно долго сохраняющаяся тенденция к наделению звуковой формы слова мотивированным значением. При этом в основу подобной мотивации кладется не некая воображаемая наглядность, но наглядно-образный субстрат, возникший в психической жизни ребенка из его опыта действий с разными предметами, т.е. из его предметно-практической деятельности. Об этом свидетельствует не только детское словотворчество, т.е. образование по продуктивным моделям таких слов, которые отсутствуют в инпуте, но и семантические толкования производных слов (полностью узуальных или с окказиональными корнями и узуальными аффиксами), к которым ребенка побуждает экспериментатор в условиях беседы-игры.

Вместе с тем развитие речи состоит, по А.М. Шахнаровичу, в том, что вместо деятельности с предметами возникает деятельность со знаками, замещающими предметы и обладающими социально заданными значениями, т.е. в том, что на смену психологическому опосредованию значений в наглядных образах и представлениях приходит их связь с конвенциональными понятиями. В духе Л.С. Выготского, согласно которому в слове воедино «слиты» общение и обобщение, именно этот психолого-семиотический процесс рассматривается А.М. Шахнаровичем в качестве механизма вербальной социализации ребенка.

Синтаксис в аспекте психолингвистики развития предстает у А.М. Шахнаровича как переход от голофразы, т.е. однословного предложения, к предикативно расчлененному предложению с формально маркированными синтаксическими отношениями. Развитие синтаксиса в детской речи состоит, по А.М. Шахнаровичу, в столкновении и развитии двух форм синтаксирования – фазического и семантического (Л.С. Выготский). Первое из них соотносится с синтаксическими отношениями и включает в себя систему форм выражения и операции программирования, второе связано с предикативностью (в психологической ее трактовке) и с построением программы высказывания на основе знаний о действительности. А.М. Шахнарович установил, что формирование двух типов синтаксирования основывается на развитии деятельности ребенка. Деятельность развивается от манипуляций предметами и неотделения признаков и действий от предметов к предметным действиям («моей» деятельности), а затем к отчуждению себя в предметной деятельности.

Оценивая перевод «вовнутрь» внешних действий как важнейшее условие развития речи, А.М. Шахнарович подчеркивал, что опора на предметные действия необходима, хотя имеется она далеко не всегда. Некоторые языковые знаки, равно как и операции с ними, ребенок получает не из собственного опыта, а из чужого (ср. разного рода вербальные описания).

Исследования детской речи позволили А.М. Шахнаровичу с более конкретных позиций подойти к объяснению природы и структуры языковой способности человека, т.е. того психофизиологического механизма, который обеспечивает овладение и владение языком. В концепции А.М. Шахнаровича языковая способность характеризуется, во-первых, как система неосознаваемых (прескрипторных) правил речевой деятельности, по которым реализуется «индивидуальная система языка» (Л.В. Щерба); во-вторых, как иерархизированная система компонентов, служащих интериоризированным обобщенным отражением уровней системы языка; в-третьих, как система, реализующаяся по специфическим правилам в соответствии с коммуникативной задачей и деятельностной ситуацией.

По А.М. Шахнаровичу, языковая способность не является врожденной: биологической предпосылкой нормального овладения языком служит созревание соответствующих структур, но в них не содержатся ни правила языкового поведения, ни знания о языке. Поэтому ребенок не рождается с готовыми «глубинными структурами» (Н. Хомский), они формируются у него по мере активной деятельности по овладению окружающим миром, социальной в своей сущности.

Онтогенез языковой способности, как установил А.М. Шахнарович, в качестве своего ведущего процесса имеет генерализацию, а не имитацию (хотя роль имитации при овладении речью не отрицается). Предположение о ведущей роли имитации не способно объяснить появление в детской речи неологизмов, синтаксических структур и грамматических форм, которые ребенок не мог слышать от взрослых.

В структуре языковой способности А.М. Шахнарович дифференцировал ряд компонентов: фонопросодический, словообразовательный и др., отстаивая при этом точку зрения, согласно которой «стержнем» языковой способности является семантический компонент, на основе которого производится выбор элементов всех других компонентов языковой способности и контролируется адекватность этого выбора. Психолингвистический анализ разнообразных фактов детской речи привел ученого к мысли о том, что семантический компонент «пронизывает» всю схему порождения речи и имеет особые задачи на каждом этапе создания высказывания, а также о том, что семантический компонент задает перформатив, в котором фиксируются несобственно языковые, т.е. интенционально-коммуникативные, характеристики высказывания.

По А.М. Шахнаровичу, семантический компонент языковой способности берет начало из внешней деятельности и представляет собой результат обобщения и «вращивания» действий. При этом, естественно, фоном процесса «вращивания» остается языковая форма, черпаемая из опыта общения и «задаваемая» материальной стороной знака. Правила выбора семантически значимых формальных компонентов речевой деятельности определяются значением тех элементов ситуации, которые выделяются в деятельности и закрепляются в виде образов-эталонов. Эти образы-эталоны (морфемы, модели словообразования, синтаксической конструкции) формируют некоторую систему, «фильтр», «сетку», через которую пропускается опыт индивида, полученный главным образом в процессе речевого общения. В процессе онтогенеза речи в эталонах меняется тип представления языкового значения: наглядно-образный, предметный, операциональный, понятийный.

А.М. Шахнарович показал, что языковая способность ребенка представляет собой динамическое образование, обеспечивающее употребление языковых знаков разных типов, хотя культурные правила их выбора и «привязка» их к ситуации внеположны языковой способности. Все это принадлежит коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляет, согласно А.М. Шахнаровичу, языковую личность.

А.М. Шахнарович предложил условную этапность онтогенеза языковой способности. На первом этапе происходит образование эталонов, обеспечивающих речевую деятельность в конкретно-предметной ситуации. На втором этапе осуществляется переход к внеситуативной речи, не ограниченной дейктической осью «я, ты – здесь – сейчас». Третий этап связан с присвоением социально-коммуникативного опыта речевой среды. На каждом из этапов развития языковой способности один из видов деятельности с языковым знаком как «психологическим орудием» (Л.С. Выготский) выступает как доминирующий. На первом этапе преобладает предметно-практическая деятельность, на втором – когнитивная, на третьем – коммуникативная.

Исследования в области онтогенеза языковой способности во многом определили понимание А.М. Шахнаровичем предмета психолингвистики как изучения природы и структуры языковой способности человека, ее становления и реализации в речевой деятельности.

Основные публикации А.М. Шахнаровича

Шахнарович А.М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР, 1974. 174 с.

Шахнарович А.М. Семантика детской речи (психолингвистический анализ). Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР, 1985. 250 с.

Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: ИЯз РАН, 1999. 165 с.

Шахнарович А.М. Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 727 с.

Шахнарович А.М., Кубрякова Е.С., Сахарный Л.В. Роль человеческого фактора в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 238 с.

Шахнарович А.М., Негневицкая Е.И. Язык и дети. М.: Наука, 1981. 111 с.

Шахнарович А.М., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. 325 с.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М.: Наука, 1990. 165 с.

Основные публикации по проблеме онтогенеза языковой способности в концепции А.М. Шахнаровича

Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. М.: Ключ-С, 2014. 341 с.

Сигал К.Я. А.М. Шахнарович и современная психолингвистика // Вопросы психолингвистики. № 22. 2014. С. 9–15.

Сигал К.Я. А.М. Шахнарович и теория детской голофразы // Вопросы психолингвистики. № 4 (42). 2019. С. 14–25.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Памяти А.М. Шахнаровича (1944–2001) // Вопросы психолингвистики. № 13. 2011. С. 182–190.

Юрьева Н.М. О вкладе А.М. Шахнаровича в теорию речевого онтогенеза // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. № 1 (12). 2020. С. 255–274.

6.3. Онтопсихолингвистика и ее методы в концепции К.Ф. Седова

И.А. Стернин
Воронеж

Обзор по приведенной литературе

К.Ф. Седов (1954–2011) рано ушел из жизни, но оставил после себя богатое и разнообразное научное наследие. Он был незаурядным человеком и ярким ученым, работавшим во многих актуальных лингвистических и психолингвистических направлениях: занимался психолингвистикой, теорией дискурса, генристикой, онтолингвистикой, лингвоперсонологией, художественным текстом, кинотекстом и др.

В 2016 г. его коллеги и друзья издали его избранные научные труды [Общая ...2016] под редакцией В.В. Дементьева и С.Н. Цейтлин, с предисловием О.Б. Сиротининой.

В этом издании есть глава «Детская речь» (с.259–309) в которой отражены взгляды К.Ф. Седова на направление психолингвистики, которое он считал необходимым выделить – онтопсихолингвистику. Представляется, что его определение данной науки и описываемые методы, сформулированные еще в книге «Дискурс и личность» [Седов 2004], сохраняют свое значение и в настоящее время.

Кратко суммируем его взгляды на эту науку, ее содержание и методы. К.Ф. Седов указывает:

«Познание законов речевого развития человека имеет не только чисто практическое, но, я бы сказал, государственное значение. Каждый родитель, воспитатель, школьный учитель, психолог, логопед, тренер, вузовский преподаватель, врач и т.п. должен (я подчеркиваю это слово – должен) знать, как в норме происходит становление способности ребенка, подростка, юноши к общению. Как этот процесс связан с развитием интеллекта становящейся личности? Какова роль в нем окружающих ребенка людей? Они должны знать, что может способствовать, стимулировать его нормальное, полноценное протекание, а что может помешать, нарушить речевую эволюцию. Знания эти смогут избавить маленького человека от больших проблем в его будущей жизни. Смогут помочь нам всем вместе воспитать здоровое жизне-

способное поколение, поколение будущих граждан нашей страны. Кроме этого, онтопсихоллингвистика несет в себе привычную для гуманитарных наук миссию: она позволит построить мосты между людьми разного возраста, помочь обществу в решении вечной проблемы отцов и детей...» [цит. раб.: 260].

Ученый подчеркивает, что

«...разные науки изучают разные плоскости процесса коммуникативного становления человека. И в этом разнообразии подходов теряется единство и уникальность самого предмета. Онтопсихоллингвистика стремится объединить достижения разных исследователей и воссоздать, реконструировать целостную, объемную модель становления коммуникативной компетенции человека» [там же].

«Для обозначения науки о детской речи предлагаются разные термины, в том числе: *психология детской речи* и *лингвистика детской речи*, *онтолингвистика*, *возрастная лингвистика* и *теория логогенеза* и т. п. Однако на нынешнем этапе своего развития наука о речевом онтогенезе пока еще предстает в виде серии мало связанных между собой по задачам, методам и материалу исследований. Это обусловлено, главным образом, тем, что детская речь изучается учеными, которые принадлежат к разным научным направлениям, а подчас – и к различным наукам. Традиционно детская речь выступает объектом исследований и лингвистов, и психологов, и логопедов, и педагогов, специализирующихся в области преподавания родного языка в школе [цит. раб.: 260-261].

У онтопсихоллингвистики свой аспект в рассмотрении общего для психоллингвистики как науки предмета. Ее предметом следует считать процесс становления коммуникативной компетенции индивида [цит. раб.: 261].

К.Ф. Седов отмечает, что онтопсихоллингвистика пока еще не имеет четко проведенных границ внутреннего членения. Однако в ней уже сейчас можно выделить комплексы проблем теории речевого развития, дословесной стадии становления коммуникативной компетенции, онтогенеза языкового сознания, вопросы эволюции детского дискурса, становления речевого мышления, формирования коммуникативных черт характера и, наконец, нейролингвистический аспект речевого развития.

В своих исследованиях К.Ф. Седов систематизировал методы онтопсихоллингвистики. В его представлении эти методы выглядят следующим образом.

Описательный и сопоставительно-описательный

Описывая какой-либо процесс, исследователь вынужден систематизировать факты коммуникативных проявлений, группируя их на основе разных признаков. Результатом такого вида анализа становятся разнообразные типологии, или классификации, форм речевого существования становящейся личности.

Статистические методы

Для обработки многообразного материала и выявления динамики (изменения) в речевом поведении человека широко используются статистические методы – от простого количественного подсчета до привлечения сложных формул высшей математики

Психологические методы

К ним ученый относит прежде всего *наблюдение* и *эксперимент*.

Среди разных видов наблюдений исследователь упоминает прежде всего *лонгитюд*, или метод длительных регулярных наблюдений за одним или несколькими испытуемыми. Именно на подобном подходе строились первые родительские дневниковые записи, которые становились основой для создания первых моделей становления коммуникативной компетенции ребенка. При кажущейся простоте *лонгитюдные наблюдения* предполагают следование довольно строгой системе требований. К ним относятся:

1) точная датировка появления нового языкового феномена в речевой практике ребенка; 2) использование специальных знаков (транскрипции) в изображении языковых новообразований; 3) подробное описание особенностей коммуникативной ситуации, в которой протекает наблюдаемое явление (характер взаимоотноше-

ний говорящего с адресатом, цель высказывания и т. п.); 4) четкая фиксация невербального сопровождения высказывания (мимики, жестики и т.д.) и т.п.

Новые возможности для проведения лонгитюдных исследований открылись с распространением аудиовизуальных средств получения речевого материала.

Эксперимент – метод психолингвистического исследования, в основе которого лежат специально подобранные задания, предназначенные для участников опытов – испытуемых. В психолингвистику эксперимент пришел из смежных наук, прежде всего из психологии.

В психологии эксперименты, во-первых, подразделяются на естественные и лабораторные. Естественные эксперименты основываются на опытах, проводимых таким образом, что их участники не догадываются о том, что они выступают в качестве испытуемых. В лабораторных экспериментах их участники знают, что они будут выполнять функции испытуемых.

Другая дифференциация экспериментов – на констатирующие и формирующие. Констатирующий эксперимент в исследованиях по возрастной психолингвистике используется значительно чаще. Его цель – установить уровень коммуникативного развития испытуемых. Формирующий эксперимент проводится для того, чтобы выработать у группы испытуемых новые навыки коммуникативного поведения. Формирующий эксперимент обычно проводится в течение достаточно длительного времени. В нем принимает участие две группы испытуемых: контрольная и экспериментальная.

Методика «срезовых замеров» предполагает проведение эксперимента с двумя или более группами испытуемых, которые отличаются по возрасту или по каким-либо иным социально-психологическим характеристикам. Каждой группе предлагается одинаковый набор заданий. Отличия в полученных результатах позволяют судить о возрастной или иной динамике, характеризующей процесс становления коммуникативной компетенции.

Методики получения речевого материала

К их числу ученый относит:

Опрос – устные или письменные ответы на серию заранее поставленных вопросов. Опросы могут быть лаконичными, а могут приобретать характер развернутых рассуждений типа школьных сочинений.

Анкетирование – разновидность опроса, в которой при значительном количестве вопросов предполагается лаконизм в ответах. Анкеты можно предлагать как детям, так и родителям.

Тест – система вопросов с готовыми вариантами ответов, из которых необходимо выбрать правильный. Тесты удобны для последующей статистической обработки полученных данных.

Методика исследования ассоциативных реакций

Для исследования эволюции детского языкового сознания очень хорошо подходит методика исследования свободных ассоциаций. Она довольно широко распространена в психолингвистике.

Эксперимент, основанный на такого рода методике, проводится следующим образом. Перед испытуемыми лежат листы бумаги с пронумерованными строками. В верхней части листа заполняются сведения об участнике опытов (возраст, пол и т. д.). После этого экспериментатор объясняет процедуру эксперимента. Убедившись в том, что испытуемые поняли суть задания, он начинает произносить слова-стимулы; участники эксперимента записывают первое пришедшее на память слово-реакцию. В случае, если в качестве испытуемых выступают дошкольники, эксперимент проводится устно.

Разновидностью ассоциативного эксперимента, который может применяться для изучения речевого онтогенеза, выступает не а п р а в ленный ассоциативный эксперимент, в котором задание испытуемым ограничивается тем или иным способом.

Примером такого эксперимента может быть задание по подбору антонимов (слов с противоположным значением) к слову-стимулу. Другой пример: задание на продолжение предложения, в котором пропущено последнее слово.

Методика толкования слова

Методика заключается в описании испытуемыми содержания значения, которое передает то или иное слово (сейчас это часто называют методом лингвистического интервьюирования).

Методика семантического дифференциала

Она заключается в том, что испытуемый должен дать оценку какого-то явления на основе шкалы, которая располагается между двумя противоположными полюсами. Шкала включает в себя разное количество делений.

Приведем пример. Испытуемому предлагается оценить по пятибалльной шкале какой-либо речевой феномен, например звук (звукобукву) «р» в системе «активный – пассивный». Максимально выраженное качество (активность) = 5, минимально (пассивность) = 0. Не задумываясь, испытуемые должны поставить оценку (или же – отметить степень качества на отрезке, имеющем пять делений).

Методика перекодирования содержания при порождении и понимании текста

Для изучения особенностей дискурсивного мышления широко используются методики, в рамках которых предполагаются экспериментальные задания, содержание которых состоит в перекодировании содержания при порождении и понимании текста.

Для этой цели можно использовать разного рода визуальный материал (картинки, серии картинок, видеоролики, мультфильмы), который демонстрируют испытуемому с тем, чтобы они передавали содержание видеоряда при помощи вербальных средств. В качестве заданий подобного типа хорошо подходит составление (устное и письменное) рассказа по данным ключевым словам, по данному началу или теме, пересказ искаженных текстов (текстов без начала, концовки; текстов, в которых сознательно нарушена логика изложения, и т. п.).

К.Ф. Седов успешно использовал в своих исследованиях все перечисленные методы, их результаты подробно описаны в его многочисленных публикациях (см. [Общая ... 2016]).

Литература

- Возрастная психолингвистика. Хрестоматия. Уч. пособие. Сост. Седов К.Ф. М.: Лабиринт, 2004. 318с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. Изд-во «Лабиринт». М., 2001. 304с.
- Общая и антропоцентрическая лингвистика / под ред. В.В. Дементьева, С.Н. Цейтлин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
- Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. Становление коммуникативной компетенции человека. Уч. пособие. М.: Лабиринт, 2008. 318 с.

6.4. Коммуникативное поведение младшего школьника: экспериментальное исследование

Н.А. Лемяскина
Воронеж

Экспериментальное исследование коммуникативного поведения младшего школьника выполняется в Воронеже с 1996 года в Воронежском государственном университете по направлению «Коммуникативное поведение (народ, группа, личность)» под руководством проф. И.А. Стернина. Целью этого направления является исследование коммуникативного поведения как интегрального компонента национальной, групповой и личностных культур. Данный термин введен И.А. Стерниным [Стернин 1989: 279–282]. Сегодня решение данной проблемы является актуальной задачей, особенно исследование возрастного периода,

не только охватывающего младший школьный возраст, но и затрагивающего вопросы преемственности дошкольного – начального и начального – среднего школьного возраста [Лемяскина, Стернин 2000]. В дальнейшем исследование переросло в изучение и описание развития языковой личности младшего школьника (с 1 по 4 класс) в общении на материале его речевого поведения, что нашло отражение в монографиях [Лемяскина, 2004; Лемяскина, Хворостова 2014; Лемяскина, Малюкова 2015].

Теоретические основы исследования заложены в работах Г.И. Богина, А. Вежбицкой, И.Н. Горелова, А.Н. Гвоздева, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнаровича.

В кандидатской диссертации «Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование)» нами разработан комплекс методик, направленных на максимально объективное и системное описание коммуникативного поведения (методика включенного наблюдения, интервьюирование, методика наводящих вопросов, методика опосредованного наблюдения), разработана модель описания (продуктивный аспект, рецептивный аспект, реактивный и нормативный аспекты), осуществлено практическое описание коммуникативного поведения детей данной группы [Лемяскина 1999].

В дальнейшем осуществлялось изучение языковой личности в общении, или, точнее, коммуникативной личности ребенка в динамике (с 1 по 4 класс) как проявление его возрастного коммуникативного сознания, что ранее не являлось предметом исследования.

Под коммуникативной личностью нами понимается обобщенный образ человека говорящего, носителя культурных ценностей, знаний и представлений, которые в процессе коммуникации актуализируются и используются с помощью определенных стратегий и тактик как коммуникативная компетенция индивида. Языковая личность в ее традиционном понимании (Ю.Н. Караулов) традиционно рассматриваемая в процессе общения, выступает как коммуникативная личность, отражающая проявления коммуникативного сознания, и проявляется в результате использования определенного репертуара средств, с помощью определенных стратегий и тактик. Языковая личность в традиционном понимании включена в нее как составной компонент.

Д.Б. Гудков говорит о том, что коммуникация является взаимодействием «говорящих сознаний» [Гудков 2003: 10, 23]. Именно поэтому мы посчитали целесообразным обратиться к изучению сознания. В докторской диссертации 2004 году представлена теоретическая аспектная комплексная модель изучения языковой и коммуникативной личности, имеющая 41 параметр и 7 аспектов (аспект говорящего, аспект адресата, аспект сообщения, метакоммуникативный аспект, когнитивный аспект, а также коммуникативный идеал и коммуникативные ожидания), что дало возможность достаточно полно описать доминантные черты коммуникативной личности младшего школьника на материале его речевого (и, шире, коммуникативного поведения). В процессе изучения выявлена и описана динамика основных коммуникативных категорий и аспектов, релевантных для изучения коммуникативного сознания ребенка. Определено, что главной стратегией является стратегия сближения, которую ребенок стремится использовать в общении со всеми категориями партнеров [Лемяскина 2004].

Коммуникативное поведение ребенка регулируется его коммуникативным сознанием. Результаты исследования подтверждают тот факт, что в коммуникативном сознании идет процесс категоризации. Формирующиеся категории имеют яркую возрастную специфику. Ядро образуют коммуникативные категории «общение» и «вежливость». Нами выявлена динамика развития детского коммуникативного сознания. Так, категория «вежливость» претерпевает изменения от 1 к 4 классу, идет уточнение понятий и представлений. К 4 классу появляется составляющая «бесконфликтность», ядром данной категории является «вежливая речь», «приятность, приветливость в общении» [цит. раб.: 307–308]. Дальнейшее исследование продолжилось с использованием выделенных методов и комплексной модели, разработанной ранее [цит. раб.: 39–43, 47–53].

В кандидатской диссертации О.В. Хворостовой [Хворостова, 2009] выявлено, что развитие категории вежливости осуществляется от эмоционально-оценочной к собственно-коммуникативной. Лингвистический механизм развития категории вежливости находит выражение в использовании формул речевого этикета (от «детских» формул к взрослым), наличии коммуникативных табу (речевых, поведенческих, моральных) с их уменьшением от 1 к 4 классу; коммуникативного идеала (вежливая речь, вежливое поведение, моральные качества), с увеличением его доли к 4 классу. Определено, что в языковом сознании ребенка категория вежливости в онтогенезе проходит все стадии исторического развития (филогенеза) от представлений о вежливости как о моральном качестве личности, до стратегий вежливости, основанных на доброжелательности в общении с окружающими с соблюдением речевых и поведенческих табу. Одной из важнейших составляющих являются коммуникативные табу, которые представлены как речевые поведенческие и моральные. Выявление коммуникативного идеала вежливого человека в языковом сознании показало, что он также изменяется и проходит развитие от ведущей роли моральных качеств к составляющей «вежливая речь». Сопоставительный анализ составляющих коммуникативных табу в языковом сознании младших школьников и составляющих идеала вежливого человека показал, что для большинства учащихся начальной школы соблюдение коммуникативных табу важнее, чем использование речевых формул вежливости. Данные получены путем анализа коммуникативного поведения личности и составляющих языкового сознания, что было осуществлено нами на примере данного возраста и отражено в монографии [Лемяскина, Хворостова 2014].

Кроме того, проводилось углубленное изучение аспекта сообщения, а именно такого параметра, как «речевые жанры». Исследование показало, что дети 1-4 класса наиболее активно используют нериторические жанры: рассказ-историю, болтовню, разговор по душам, реже риторические жанры – комплимент, анекдот. Тематика наиболее часто используемых детьми речевых жанров определяется своеобразием детской картины мира, отмеченной антропоморфизмом, условностью, преобладанием игрового и сказочно-фантастического начала над объективно-реалистическим (*животные, сказочные персонажи, герои мультфильмов*). Тематика речевого жанра подчинена также ведущей деятельности (*школа, игра*) и коммуникативным потребностям (*мир человеческих взаимоотношений*). К 4 классу представления детей об этих речевых жанрах приближаются к представлениям взрослых [Толмачева 2009].

Наши более ранние исследования показали, что дети отдают предпочтение сказкам, произведениям о животных, приключениям. Проведенное в 2020 году исследование подтверждает, что все больший интерес учащиеся 3–4 класса проявляют к жанру фэнтези. Противостояние добра и зла в фэнтези роднит со сказкой – самым любимым жанром младших школьников. Приключенческий сюжет, необычные герои близки современному читателю. На наш взгляд, фэнтези может существенно влиять на формирование мировоззрения, представлений детей о нравственном и эстетическом идеале. Однако в литературном образовании младших школьников этот жанр практически не используется. Учителя не имеют опыта чтения подобной литературы, не знают ее особенности. Для юного читателя чтение фэнтези под руководством мудрого учителя может стать школой нравственности и решения многих психологических проблем [Лемяскина 2020: 51–52].

Дальнейшее изучение такого параметра в аспекте сообщения, как «дискурс» показывает, что значимой частью лексикона младших школьников являются прецедентные феномены. Дети используют ПФ для повышения своего статуса среди сверстников, для самопрезентации, обращая свою речь к «особо посвященным». В среде младших школьников более востребованы ПФ, восходящие к массовой культуре (т.е. использование «ключевых текстов текущего момента») и невелика роль классических произведений как источника прецедентности.

Самые узнаваемые младшими школьниками ПФ – это тексты рекламы, пословицы и поговорки, менее узнаваемые – тексты кинофильмов и литературы. Высокий процент узнаваемости текстов мультфильмов объясняется тем, что их часто показывают по телевидению, они интересны зрителям. Тексты реклам также легко запоминаются и отражаются в детском языковом сознании, телевидение сегодня вытесняет другие виды источников информации.

С опытом старшего поколения, а значит, и с культурными ценностями народа, дети знакомятся через пословицы и поговорки в основном в процессе учебы, наше исследование

показывает, что эти «сильные тексты» достаточно часто используются детьми. Расширение их жизненного опыта происходит в связи с изучением этих малых жанров на уроках в начальной школе, они широко представлены в учебных книгах по различным предметам (букварь, русский язык, литературное чтение, окружающий мир). Однако отмечается больший процент использования младшими школьниками «ключевых текстов текущего момента» [Лемяскина 2016: 362–367].

Наши наблюдения показывают, что при общении в семье и с друзьями младшие школьники используют прецедентные имена. Выбор имени зависит от совпадений выраженных личных качеств героя и человека, к которому обращаются. По мнению Ю.Е. Прохорова, употребление прецедентных имен влечет за собой апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит. Но, как показывает анализ, в ряде случаев прецедентный текст включается в речь не в качестве носителя определенной информации о некоей эталонной ситуации, а связывается детьми с личными ситуациями или чаще используется как шутка. Таким образом, младшие школьники (1–4 класс) в речевом общении достаточно часто используют прецедентные феномены, причем в детском языковом сознании преобладают ПФ, источниками которых являются мультфильмы, тексты рекламы, песен, режиссуры – фразы из сказок, пословиц, литературных произведений, фильмов, что определяется особенностью языкового сознания ребенка [Лемяскина, Бушманова 2012: 3–6, Лемяскина 2018: 61–63].

Как уже отмечалось, одним из аспектов изучения и описания языковой личности младшего школьника является когнитивный аспект, который включает исследование языкового сознания ребенка данного возраста, в том числе культурных концептов, актуальных для детской языковой картины мира. Мы исследовали наиболее значимые константы культуры, которые определяют коммуникативное поведение детей и лингвистически могут быть описаны в виде культурных концептов («совесть», «душа», «счастье» и пр.) [Лемяскина 2018а: 94–96, Лемяскина 2019: 299–304]. Кроме того, мы исследовали эмоциональный концепт «любовь», который входит в число базовых ценностей русского народа, влияющих на формирование смысла жизни человека [Лемяскина 2020: 176–185]. В рамках исследования определяются понятийная, образная, ценностная составляющая концептов, выявлена национально-культурная и возрастная специфика исследуемых феноменов.

Полученные данные обсуждались на многочисленных международных конференциях и симпозиумах (36), в статьях ВАКовских журналов (16).

Готовится к печати монография, в которой будут обобщены и представлены результаты исследований за последнее десятилетие, описана языковая личность современного младшего школьника в общении с окружающими.

Литература

- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва, Гнозис, 288 с.
- Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 231 с.
- Лемяскина Н.А. Языковая личность и коммуникативное сознание (на примере речевого поведения младшего школьника): дисс... докт. филол. наук. Воронеж, 2004. 469с.
- Лемяскина Н.А. «Ключевые тексты текущего момента» в речи младших школьников // «Языковое и литературное образование в современном обществе» – 2016 Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Рамзаевские чтения), 16–17 ноября 2016 г., СПб, Изд-во ВВМ, 2016. С. 362–367.
- Лемяскина Н.А. Прецедентные феномены в языковом сознании младших школьников // Вестник ВГУ, серия Филология. Журналистика. №4, Воронеж, ВГУ, 2018. С.61–63.
- Лемяскина Н.А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника // Вестник ВГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018а. № 4. Воронеж: ВГУ, С. 94–96.
- Лемяскина Н.А. Концепт «счастье» в языковом сознании младших школьников // Материалы Международной ежегодной научной конференции «Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия» г. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2019 г. Иваново, ЛИСТОС, 2019. С. 299–304.

Раздел 6

Лемяскина Н.А. Концепт «любовь» в языковом сознании младшего школьника // Социальные и гуманитарные знания т.6. №1 (21). ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2020. С. 176–185.

Лемяскина Н.А., Бушманова В.В. Прецедентные феномены в языковом сознании младших школьников // Современное начальное образование: перспективы развития в свете модернизации системы образования. Материалы III межрегиональной научно-практической конференции 6 апреля 2012, Воронеж, ВОИПКИПРО, 2012. С. 3–6.

Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Монография. Воронеж, 2000. 195 с.

Лемяскина Н.А., Хворостова О.В. Категория вежливости в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника. Монография. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2014. 160 с.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения / *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989 S. 279–282.

Толмачева С.Ю. Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника: дисс... канд. филол. наук, Воронеж, 2009. 185 с.

Хворостова О.В. Категория «вежливость» в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника: дисс... канд. филол. наук, Воронеж, 2009. 175 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение

Итак, завершено смело задуманное нами описание направлений и достижений отечественной психолингвистики с ее возникновения до сегодняшнего дня. Результат описания – данная монография.

Что же показала проделанная нами работа?

Основную роль в становлении отечественной психолингвистики сыграла Московская психолингвистическая школа А.А. Леонтьева. Она и в настоящее время определяет основные направления отечественной психолингвистики.

Москва – наиболее «психолингвистический регион» России – ИЯз РАН, МГУ, МГЛУ, РУДН, МПГУ, МГПУ, Сеченовский университет, МГОУ и другие московские вузы.

Значительные достижения есть у Санкт-Петербургских психолингвистов, особенно в изучении нейролингвистических проблем, онтолингвистики.

Важнейшей чертой отечественной психолингвистики является широкое развитие психолингвистики в регионах, возникновение признанных психолингвистических научных центров – Санкт-Петербург, Тверь, Саратов, Пермь, Уфа, Омск, Новосибирск, Воронеж, Екатеринбург, Курск, Челябинск; психолингвистика представлена в Череповце, Иваново, Волгограде, Вятке, Калуге, Красноярске, Иркутске, Владивостоке, Абакане, Майкопе, Барнауле, Улан-Удэ, Якутске, Сыктывкаре, Армавире и др. городах; в Белоруссии – Минск, на Украине – Львов, Черновцы, Харьков, в ДНР – Донецк, в Казахстане – Алма-Ата, Чимкент. Наши ученики работают в Болгарии, Венгрии, США, Китае, Швейцарии, Вьетнаме.

Отечественные психолингвисты есть в Канаде, США, Израиле, Австрии и ряде других стран.

Все ученые из этих регионов и стран внесли свой вклад в развитие отечественной психолингвистики, в разработку психолингвистической теории и методов психолингвистических исследований. Их участие не забыто.

Мы прекрасно осознавали трудность поставленной задачи и ограниченность возможностей исчерпывающего описания всей психолингвистической проблематики в стране, это было понятно изначально, об этом мы писали в предисловии «От редколлегии».

Есть много пограничных с психолингвистикой научных направлений (хотя сама психолингвистика ведь тоже пограничная наука, да и где она вообще, эта граница между науками? Окружающая нас действительность не знает, что мы поделили ее на «клеточки наук») – психология чтения, ай-трекинг, нейролингвистика, психокогнитивные исследования, афазиология, речь и шизофрения и многое другое – эти исследования не отражены в нашей книге.

Однако мы постарались представить основных отечественных психолингвистов в Приложении – в разделах «Наукометрия», «Монографии и пособия» и «Диссертации», даже если о них нет сведений в электронной библиотеке и РИНЦ. Принципы включения ученых в наукометрический список представлены в Приложении.

Не вся информация об отдельных ученых оказалась технически доступна редколлегии, приносим извинения этим коллегам, их последователям и ученикам. Полная информация об отечественных психолингвистах – дело будущего, других изданий.

Наш анализ содержания получившейся монографии о психолингвистических исследованиях в России позволяет сделать некоторые выводы об отличительных особенностях отечественной психолингвистики:

1. теоретический характер психолингвистических исследований как характерная черта отечественной психолингвистики. Наша психолингвистика всегда строила общую теорию порождения и восприятия речи, ментального лексикона, увязывала конкретные исследования с проблемами онтогенеза, соотношения языка и мышления;

Заключение

2. культурно-исторический подход к анализу психических явлений Л.С. Выготского и системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева как методологическая основа отечественной психолингвистики;

3. психолингвистические исследования речевого общения как важный предмет психолингвистики;

4. внимание к психолингвистическому анализу текста и разработка методик такого анализа;

5. активные исследования онтогенеза языковой способности;

6. вычленение языкового сознания как одного из важных предметов психолингвистики;

7. понимание необходимости создания ассоциативных словарей разных типов как важнейшей практической задачи психолингвистики;

8. широкое использование психолингвистических методов в прикладных целях, активное развитие прикладной психолингвистики.

Обзор основных направлений развития отечественной психолингвистики, осуществленный в данной монографии, отчетливо показывает, что направление, связанное с изучением языкового сознания, в настоящее время наиболее интенсивно разрабатывается в современной российской психолингвистике.

Именно языковым сознанием занимается большинство школ современной российской психолингвистики.

При этом в настоящее время существует много определений языкового сознания, причем часто не вполне четких и достаточно противоречивых в разных концепциях. Разные дефиниции представлены и в предлагаемых материалах монографии. Разумеется, понятие языкового сознания будет уточняться и корректироваться в дальнейшем. Однако нам представляется, что сейчас важно дать некоторое обобщающее, объединяющее основные исследования языкового сознания подходы определение, которое бы позволило очертить области интересов современной психолингвистики.

На заре возникновения психолингвистики Р.М. Фрумкина предложила, как нам кажется, удачное обобщающее определение психолингвистики – это *наука, изучающая язык как феномен сознания* (традиционная лингвистика изучает язык как явление, представленное в зафиксированных текстах).

В таком случае, как показывает практика многолетних психолингвистических исследований в нашей стране, предметом изучения психолингвистов является именно *языковое сознание* – это *часть сознания человека, отвечающая за порождение, понимание речи и хранение языка в сознании*.

Передовые теоретические исследования российских психолингвистов несомненно имеют международное значение – они не имеют аналогов в мировой психолингвистике (которой, вообще-то и нет как таковой), в отличие от российской. Ни одна страна не создала своей психолингвистической школы – разве что Америка на заре возникновения психолингвистики, но на этом она и закончилась. Представляется, что соотношение отечественной и зарубежной психолингвистики – явно в пользу отечественной, где есть развернутая психолингвистическая теория, методология, многочисленные практические исследования и ассоциативные словари разных типов. Кстати, ассоциативные словари немецкого и французского языков созданы в России.

Ассоциативные эксперименты являются ядром большинства психолингвистических методик и важны как в теоретическом, так и в практическом планах. Можно очертить следующие основные области практического применения результатов ассоциативных экспериментов.

1. *Образование*. Ассоциативные эксперименты являются основой для построения интеллектуальных карт (Mind Map), одного из наиболее перспективного инструмента для систематизации знаний, оценки качества, объемности и характера декларативных знаний

Заключение

(а с использованием специальных методик – и умений). Методы на базе интеллектуальных карт уже получили широкое распространение в методиках обучения иностранным языкам, быстрому и глубокому погружению в различные предметные области.

2. *Информационный поиск, поисковая оптимизация.* Результаты ассоциативных экспериментов могут существенно улучшить качество поиска информации, его эффективность, а также адаптивность под конкретного человека (социальную группу). При раскрутке сайтов (их продвижении в результатах поисковых запросов) ассоциативный эксперимент позволяет увеличить и улучшить качество охватываемой аудитории.

3. *Переводоведение, автоматизация перевода.* Ассоциативный эксперимент позволяет существенно повысить качество перевода, учитывать межкультурные и другие социальные особенности носителей языка.

4. *Компьютерная лингвистика и автоматическая обработка текстов.* Результаты ассоциативных экспериментов позволяют выявить особенности языкового сознания человека и способствуют развитию систем автоматической обработки текстов в широком спектре приложений естественно-языковых интерфейсов компьютерных программ и робототехнических решений.

5. *Реклама.* Использование данных об ассоциациях на конкретные слова, слоганы и тексты позволяет прогнозировать и улучшить рекламные тексты.

6. *Социальные отношения.* Анализ текстов с помощью данных ассоциативных экспериментов позволяет оценить тональность сообщений (негативные/положительные настроения, агрессию и другие характеристики) на базе комментариев пользователей в Интернет и социальных сетях, в прессе в различных проекциях (по личностям, событиям, организациям и т.д.) в различных социальных ракурсах, диагностировать формирование экстремистских идей.

7. *Контроль содержания и защита персональных данных.* Ассоциативные эксперименты позволяют улучшить качество выявления и фильтрации контента, выявляя ассоциативные поля в областях, подпадающих под возрастные ограничения, персональную информацию, рекламу табака и алкоголя, разжигания национальной розни и т.д.

8. *Гендеристика и индивидуальные отличия.* Данные ассоциативных экспериментов могут быть использованы для сравнения реакций (а в общем случае и других особенностей мышления) между мужчинами и женщинами, различными социальными и возрастными группами, представителями различных регионов.

Направления дальнейшего развития отечественной психолингвистики с позиций сегодняшнего состояния психолингвистической науки в стране видятся нам, прежде всего:

- в развитии исследований в разных областях языкового сознания, что будет способствовать развитию важного представления о речи как о вербальной модели неязыкового сознания, в которой для общества и от его имени закрепляются знания, вскрываемые общественной практикой и присваиваемые каждым членом социума при его инкультурации;

- в расширении проблематики, формирующейся под влиянием усиливающегося в мировом сообществе межкультурного общения, что неизбежно вовлекает в новую объектную область психолингвистики речевое поведение естественных и искусственных билингвов;

- в использовании возможностей национальных языковых корпусов в интересах исследователей, изучающих функционирование неязыкового и языкового сознания в речевых процессах;

- в расширении исследований по смысловому восприятию мультимодальных текстов, сфера использования которых чрезвычайно расширилась в связи с внедрением интернета как средства связи в жизни современного общества;

- во включении в объектную область психолингвистики проблем профессионального общения и профессиональной деятельности в связи с внедрением в общественную практику

Заключение

информационных технологий, влекущих за собой появление новых профессий и новых черт профессионального этоса;

– в дальнейшем развитии теории ментального лексикона (выявлении роли разных видов знаний в его становлении и функционировании, роли слова как единицы ментального лексикона в формировании образа мира, а также роли естественного/внутреннего метаязыка и его специфики в речевой деятельности);

– в широком развитии ассоциативной лексикографии, которая будет отвечать самым разным потребностям общества и когнитивных наук. Развитие ассоциативной лексикографии может повлечь за собой возникновение таких дисциплин как ассоциативная типология, ассоциативная вариантология, ассоциативная аксиология;

– в расширении сфер прикладного использования психолингвистики в общественных науках, социологии, семасиологии, лексикографии, в изучении мозга, лингводидактике, медицине и др.

Мы сердечно благодарим всех наших уважаемых авторов (а их 57, и многие из них представили несколько фрагментов), которые взяли на себя труд принять участие в этом издании и подготовить свои материалы.

И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

От составителей

Приложение составлено на основе информации, предоставленной редколлегии авторами данной монографии.

В Приложении представлены следующие данные.

1. Таблица наукометрических показателей ведущих отечественных психолингвистов.
2. Список избранных монографий и пособий по психолингвистике.
3. Список избранных докторских и кандидатских диссертаций по психолингвистике.

Наукометрические показатели

Для составления таблицы наукометрических показателей был определен список ведущих российских ученых, имеющих заметные публикации по психолингвистике. Разумеется, составление списка отражает субъективный подход составителей, но, по-видимому, это был единственно возможный путь.

Количественные показатели приводятся по данным электронной библиотеки – e-library. По данным этой библиотеки учитывались два основных показателя – количество цитирований и индекс Хирша.

Цель наукометрической таблицы, описывающей результаты научной деятельности ученых, – не расставить ученых-психолингвистов по рангам, а показать их реальное место в психолингвистике, отразить реальную научную активность ученого, прежде всего – в последние десятилетия, «в эпоху электронной библиотеки».

По какому принципу редколлегия включала ученых в наукометрический список?

Это не список всех российских психолингвистов. Это список докторов наук, исследования которых в области психолингвистики отражены в диссертациях (их собственных и их учеников), монографиях и пособиях по психолингвистике.

В список включены доктора наук, которые в советский период и в современной России занимались и занимаются психолингвистическими исследованиями, независимо от того, является ли психолингвистика их основным научным интересом или только одним из их научных направлений. По возможности указывается последнее место жительства ученого.

В список вошли и отдельные кандидаты наук – они включены, если у них есть известные монографии или работы в соавторстве с психолингвистами – докторами наук и достаточно высокие показатели цитируемости и индекса Хирша. При этом входным порогом для включения кандидатов наук в рейтинговый список российских психолингвистов были приняты количество цитирований (не менее 100) и Индекс Хирша (не менее 5). Если показатели оказывались меньше, кандидаты наук в итоговый список не включались. Для докторов наук, включенных в список, приведены показатели под данным e-library на август – сентябрь 2021 г.

В таблице приводятся данные о цитировании ученых, которые работали в разные периоды – в том числе и тогда, когда электронной библиотеки еще не было, и ссылки на их публикации в то время не были учтены. В действительности количество ссылок на работы ученых, конечно, больше.

Стоит заметить, что в электронной библиотеке никак не учитывается цитирование ученого в диссертациях и авторефератах диссертаций, что явно абсурдно – это как раз основной показатель научной востребованности. К сожалению, эти показатели в учетные данные электронной библиотеки не входят.

Необходимо иметь в виду, что приводимые данные о цитировании, как и индекс Хирша, отражают не только цитирование работ ученого *по психолингвистике*, но и его общую научную деятельность, все научные работы, в том числе и за рамками психолингвистики. Но в любом случае это – относительный показатель авторитетности конкретного ученого

и характеристика привлекательности его научных идей для ученых, ведущих именно психолингвистические исследования, – если он занимается, в том числе, и психолингвистикой.

У кого-то может быть много цитирований, ученый может иметь высокий авторитет в лингвистике, но в электронной библиотеке по тем или иным причинам представлен мало, и поэтому его наукометрические показатели по e-library будут невелики.

Понятно также, что реальные показатели ученых, которых давно нет с нами, чаще всего мало представлены в электронной библиотеке, поэтому показатели цитируемости у многих из них выглядят заниженными. Индекс Хирша тоже приводится по данным электронной библиотеки. Поэтому наиболее показательны, реально отражают рейтинг ученого наукометрические данные более молодых и интенсивно публикующихся в последние десятилетия ученых, которые активно работают уже в «эпоху электронной библиотеки» (например, именно поэтому, относительно высокими оказались эти показатели у И.А. Стернина: в последние десятилетия у него много публикаций, и большинство из них попали в электронную библиотеку).

Тем не менее, полагаем, что индекс Хирша все же дает относительное представление о рейтинге, отражает научную активность, а также востребованность ученого и его исследований.

Избранные монографии и пособия по психолингвистике

Список монографий и пособий составлен на основе материалов, присланных авторами монографии.

В список включены монографии и пособия непосредственно по проблемам психолингвистики, а также те работы, которые так или иначе соприкасаются с кругом ее интересов или используют ее методы, т.е. приближаются к изучению языка как феномена сознания (Р.М. Фрумкина) и посвящены проблемам порождения и восприятия речи, понимания текста, становления ментального лексикона и др.

Отметим, что о психолингвистической направленности некоторых изданий редколлегия имела возможность судить только по названию работы, так что в отнесении работ к той или иной категории возможны неточности.

В Приложение не включены работы по психологии, иностранным языкам, тематические сборники, не имеющие статуса коллективных монографий, методические пособия малого объема, учебные пособия по лингвистике общего характера. Не вошли в него также издания объемом менее 70–80 с. и различные хрестоматии. Если работа опубликована в соавторстве, она помещена в рубрику «Коллективные монографии». Монографиями названы издания, подготовленные одним автором. Если работа пережила несколько изданий, в том числе стереотипных – приводится, как правило, последнее по времени. В список монографий не включены авторские словари, они отражены в разделе 4 – «Ассоциативная лексикография».

Список составлен по городам, в которых выходили монографии и пособия по психолингвистике, сделано это с целью показать географию научных центров, в которых работают российские психолингвисты. Внутри рубрик издания приводятся по году выхода.

К сожалению, мы не имели возможности тщательно проверить библиографическое описание каждого издания, поэтому в Приложении сведения приводятся в основном в той форме, в какой их прислали авторы (например, иногда без указания количества страниц). Поскольку Приложение имеет справочный, а не библиографический характер, редколлегия сочла это допустимым. Некоторые сведения приводятся по данным электронных библиотек и личных библиотек членов редколлегии.

Надеемся, что эта справочная информация будет полезна всем заинтересованным лицам, она дает представление о проблематике и интересах психолингвистов разных регионов и в разные временные периоды и дает читателю возможность найти психолингвистические работы, которые, возможно, ему неизвестны и проблематика которых его может заинтересовать.

Избранные диссертации по психолингвистике

В список, составленный по географическому признаку (местоположению научной школы), включены диссертации, выполненные по психолингвистической проблематике или в рамках смежных подходов.

В Приложении отражены основные сведения о диссертациях докторов наук и их учеников. Если у доктора наук еще нет защитившихся аспирантов по психолингвистике, приводятся сведения только о его диссертации.

К сожалению, восстановить картину полностью оказалось невозможным, поэтому в Приложении приводятся лишь те сведения, которые прислали нам сами ученые, научные руководители аспирантов и научные консультанты докторантов. Основанием для включения работы в список послужила также информация, оказавшаяся доступной на сайтах вузов и научно-исследовательских институтов и центров.

Мы постарались максимально точно воспроизвести названия диссертаций, год и место защиты, однако не всегда это было возможно. Приносим свои извинения, если в описаниях вкрались ошибки.

Нам хотелось показать, как психолингвистические знания распространялись по городам страны, как формировались научные школы, как ученики продолжают и развивают дело учителей.

Конечно, в Приложение вошли далеко не все защищенные по проблемам психолингвистики диссертации, показаны не все работы аспирантов каждого из научных консультантов и научных руководителей. Более того, не удалось охватить все психолингвистические школы и лаборатории, действующие в городах России. Но мы надеемся, что на основании этого Приложения можно составить общую картину не только географии, но и основной проблематики российской психолингвистики и её достижений.

Разумеется, список российских психолингвистов, список диссертаций и монографий, представленный в данном Приложении, неполный, он требует уточнений и дополнений, для чего потребуется значительная специальная работа. Возможно, это задача будущего. В рамках настоящей монографии это вряд ли было возможно, к тому же беспредельно увеличило бы ее объем. Еще раз подчеркнем, что все материалы Приложений содержат информацию, предоставленную авторами.

Очень надеемся, что собранные в Приложениях сведения будут полезны всем, кто интересуется проблемами и достижениями российской психолингвистики, а также ее направлениями и перспективами роста.

Мы сочтем свою задачу выполненной, если смогли хотя бы в первом приближении представить тематику и объем психолингвистических исследований в Российской Федерации.

И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Наукометрические показатели
ведущих российских психолингвистов

ФИО город или страна	Число цитирований из публикаций на elibrary.ru	Индекс Хирша по всем публикациям на elibrary.ru
1. Ахутина Татьяна Васильевна, Москва	4287	19
2. Базылев Владимир Николаевич, Москва	1745	11
3. Барина Ирина Александровна, Пермь	80	3
4. Бгажноков Баразби Хачимович, Нальчик	Нет сведений	Нет сведений
5. Белоусов Константин Игоревич, Пермь	1115	13
6. Белянин Валерий Павлович, Канада	3378	8
7. Богословская Инна Валентиновна, Уфа	79	4
8. Бродович Ольга Игоревна, СПб	88	2
9. Бубнова Ирина Александровна, Москва	398	12
10. Бутакова Лариса Олеговна, Омск	886	12
11. Валуйцева Ирина Ивановна, Москва	284	7
12. Василевич Александр Петрович, Москва	2125	12
13. Вашунина Ирина Владимировна, Москва	247	8
14. Величкова Людмила Владимировна, Воронеж	291	12
15. Воейкова Мария Дмитриевна, СПб	928	11
16. Воронин Станислав Васильевич, СПб	Нет сведений	Нет сведений
17. Гаранович Марина Владимировна, Пермь	107	5
18. Голикова Татьяна Александровна	712	11
19. Гольдин Валентин Евсеевич, Саратов	3753	22
20. Горелов Илья Наумович, Саратов	Нет сведений	Нет сведений
21. Горошко Елена Игоревна, Украина	Нет сведений	Нет сведений
22. Гридина Татьяна Александровна, Екатеринбург	3382	21
23. Грудева Елена Валерьевна, Череповец	478	9
24. Гриценко Елена Сергеевна, Нижний Новгород	992	13
25. Гуц Елена Николаевна, Омск	451	10
26. Дебрени Мишель, Новосибирск	509	8
27. Дмитриук Наталья Васильевна, Казахстан	145	4

Приложения

28. Доценко Тамара Ивановна, Пермь	240	6
29. Елина Евгения Аркадьевна, Саратов	525	9
30. Ерофеева Елена Валентиновна, Пермь	1057	11
31. Ерофеева Тамара Ивановна, Пермь	952	8
32. Желтухина Марина Ростиславовна, Волгоград	3222	24
33. Жинкин Николай Иванович, Москва	Нет сведений	Нет сведений
34. Журавлев Александр Петрович, США	Нет сведений	Нет сведений
35. Залевская Александра Александровна, Тверь	8072	18
36. Зимняя Ирина Алексеевна, Москва	22787	27
37. Золотова Наталия Октябьевна, Тверь	263	4
38. Ильина Виолетта Александровна, Москва	35	2
39. Ионова Светлана Валентиновна, Москва	1176	15
40. Исенина Елена Исааковна, Иваново	251	5
41. Карабулатова Ирина Советовна, Москва	3052	25
42. Караулов Юрий Николаевич, Москва	28564	35
43. Касевич Вадим Борисович, СПб	4028	16
44. Кирилина Алла Викторовна, Москва	4664	18
45. Клименко Анна Петровна, Белоруссия	Нет сведений	Нет сведений
46. Клюканов Игорь Энгелевич, США	562	8
47. Колесникова Ольга Ивановна, Вятка	184	8
48. Коновалова Надежда Ильинична, Екатеринбург	1022	15
49. Красных Виктория Владимировна, Москва	7245	18
50. Крючкова Надежда Владимировна, Саратов	345	9
51. Курганова Нина Ивановна, Минск	224	9
52. Лебедева Светлана Вениаминовна, Курск	344	8
53. Левицкий Виктор Васильевич, Украина	Нет сведений	Нет сведений
54. Лемяскина Наталья Александровна, Воронеж	298	5
55. Леонтьев Алексей Алексеевич, Москва	8888	25
56. Лепская Наталья Ильинична, Москва	3	1
57. Ли Тоан Тханг, Вьетнам	Нет сведений	Нет сведений
58. Лукашевич Елена Владимировна.	427	8
59. Медведева Ирина Львовна, Канада	Нет сведений	Нет сведений
60. Миронова Наталья Изяславовна, Москва	177	7

Приложения

61. Михалев Андрей Борисович, Пятигорск	489	10
62. Мкртычян Светлана Викторовна, Тверь	109	4
63. Мохамед (Рафикова) Наталья Валерьевна, Австрия	Нет сведений	Нет сведений
64. Мыскин Сергей Владимирович, Москва	232	12
65. Нестерова Наталья Михайловна, Пермь	539	8
66. Новиков Анатолий Иванович, Москва	1063	6
67. Мягкова Елена Юрьевна, Тверь	965	12
68. Наумова Татьяна Николаевна, Австралия	Нет сведений	Нет сведений
69. Новичихина Марина Евгеньевна, Воронеж	603	12
70. Норман Борис Юстинович, Белоруссия	Нет сведений	Нет сведений
71. Овчинникова Ирина Германовна, Израиль	974	9
72. Орлова Наталья Владимировна, Омск	651	12
73. Ощепкова Екатерина Сергеевна, Москва	248	8
74. Павлова Наталия Дмитриевна, Москва	2712	23
75. Петрова Татьяна Евгеньевна, СПб	120	6
76. Пешкова Наталья Петровна, Уфа	816	14
77. Пильгун Мария Александровна, Москва	226	6
78. Пиотровская Лариса Александровна, СПб	495	9
79. Пищальникова Вера Анатольевна, Москва	2609	21
80. Прокофьева Лариса Петровна, Саратов	703	12
81. Протасова Екатерина Юрьевна, Финляндия	1091	10
82. Риехакainen Елена Игоревна, СПб	191	7
83. Рогожникова Татьяна Михайловна, Уфа	680	9
84. Рудакова Александра Владимировна, Воронеж	1231	13
85. Румянцева Ирина Михайловна, Москва	499	4
86. Сазонова Татьяна Юрьевна, США	Нет сведений	Нет сведений
87. Салихова Эльвина Ахнафовна, Уфа	466	7
88. Сахарный Леонид Волькович, СПб	2227	13
89. Сдобнова Алевтина Петровна, Саратов	538	8
90. Седов Константин Федорович, Саратов	6198	23
91. Сергиева Наталья Станиславовна, Сыктывкар	209	3
92. Сигал Кирилл Яковлевич, Москва	485	9
93. Синячкин Владимир Павлович, Москва	225	6

Приложения

94. Слюсарь Наталия Анатольевна, СПб	243	7
95. Соколова Татьяна Васильевна, Архангельск	Нет сведений	Нет сведений
96. Сонин Александр Геннадиевич, Франция	747	12
97. Сорокин Юрий Александрович, Москва	9027	20
98. Стернин Иосиф Абрамович, Воронеж	29955	67
99. Супрун Адам Евгеньевич, Белоруссия	Нет сведений	Нет сведений
100. Тарасов Евгений Федорович, Москва	9944	28
101. Теркулов Вячеслав Исаевич, Донецк, ДНР	Нет сведений	Нет сведений
102. Тогоева Светлана Ивановна, Тверь	182	3
103. Трощенко Екатерина Владимировна, СПб	175	7
104. Уфимцева Наталья Владимировна, Москва	6396	23
105. Ушакова Татьяна Николаевна, Москва	4342	24
106. Федорова Ольга Викторовна, Москва	369	9
107. Фрумкина Ревекка Марковна, Москва	4298	9
108. Харченко Елена Владимировна, Челябинск	511	8
109. Худякова Екатерина Сергеевна, Пермь	98	7
110. Хухуни Георгий Теймуразович, Москва	1205	15
111. Цейтлин Стелла Наумовна, СПб	3444	22
112. Черниговская Татьяна Владимировна, СПб	2586	18
113. Чернышова Елена Борисовна, Борисоглебск	49	2
114. Четверикова Ольга Владимировна, Армавир	33	2
115. Чиршева Галина Николаевна, Череповец	249	7
116. Чугаева Татьяна Николаевна, Пермь	146	3
117. Чугунова Светлана Александровна, Брянск	165	5
118. Шапошникова Ирина Владимировна, Новосибирск	478	10
119. Шахнарович Александр Маркович, Москва	4629	10
120. Шаховский Виктор Иванович, Волгоград	6990	22
121. Шкатова Людмила Александровна, Челябинск	570	9
122. Шляхова Светлана Сергеевна, Пермь	529	8
123. Штерн Алла Соломоновна, СПб	1033	3
124. Юрьева Надежда Михайловна, Москва	583	6
125. Ягунова Елена Валерьевна, СПб	946	9

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Избранные монографии и пособия по психолингвистике
(1966–2021)

МОСКВА

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Коллективные монографии и пособия

1. Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. 270 с.
2. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. Сборник / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1972. 142 с.
3. Основы теории речевой деятельности. / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. 367 с.
4. Фрумкина Р.М., Василевич А.П., Андрукович П.Ф., Герганов Е.Н. Прогноз в речевой деятельности. М., Наука, 1974
5. Смысловое восприятие речевого сообщения / Под ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1976. 262 с.
6. Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977. 265 с.
7. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. 327 с.
8. Национально-культурная специфика речевого поведения народов СССР. М.: Наука, 1982. 165 с.
9. Психолингвистические проблемы семантики / Под ред. А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича. М.: Наука, 1983. 285 с.
10. Исследование речевого мышления в психолингвистике / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 239 с.
11. Этнопсихолингвистика. / Отв. ред. Сорокин Ю.А. М.: Наука, 1988. 190 с.
12. Оптимизация речевого воздействия / Под ред. Р.Г. Котова. М.: Наука, 1990. 239 с.
13. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова (отв.ред.), Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1993. 174 с.
14. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: «Перемена», 1998. 149 с.
15. Сорокин Ю.А. (соавт. Базылев В.Н.) Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. Ульяновск. 2000.
16. Василевич А.П. (соавт. Мищенко С.С., Кузнецова С.Н.). Каталог названий цвета в русском языке. М., «Смысл», 2002.
17. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, 2004. 253 с.
18. Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А. Психолингвистика телесности. М., 2005.
19. Жданова В., Щеголев Ю.А., Сорокин Ю.А. Русские и русскость (лингвокультурологические этюды). М.: Гнозис, 2006. 335 с.
20. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН, 2008. 172 с.
21. Тарасов Е.Ф. (в соавт.) Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М.: РУДН, 2008.
22. Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Цвета российского флага в русской культуре. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 222 с.

23. Тарасов Е.Ф. (в соавт.). Формирование образов языкового сознания в процессе усвоения русского языка. М.: Изд-во РУДН, 2013. - 256 с. (в соавторстве с Синячкиным В.П., Дроновым В.В., Ощепковой Е.С.)
24. Тарасов Е.Ф., Бестерс-Дилгер Ю., Бразельманн П. и др. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга I. Монография / отв. ред. Г.П. Нешименко. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 397 с.
25. Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005 (изд. 2 – 2008, изд. 3 – 2011, изд. 4. – 2013, изд. 5 – 2016).
26. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Под ред. Н.В. Уфимцевой. Коллективная монография. М.: РФФИ–ИЯз РАН, 2017. 240 с.
27. Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. М.: Гнозис, 2017. 390 с.
28. Пильгун М.А. Россия в 1917 году в восприятии современной молодежи: медиадискурс. Монография / И.М. Дзялошинский, М.А. Пильгун. Т. 2. М.: Издательство АПК и ППРО, 2017. 445 с. (соавтор: И.М. Дзялошинский).
29. Пильгун М.А. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. В 3-х т. Т. III. М.: Academia, АПК и ППРО, 2018. 400 с. (соавтор: И.М. Дзялошинский).
30. *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания, 2019. 436 с.
31. Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А., Реут Д.В., Тхостов А.Ш. Психосемиотика телесности / Под общ. ред. и с предисл. И.В. Журавлева, Е.С. Никитиной. Изд. 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 152 с.
32. Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 180 с.
33. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Вашунина. Ред. колл. Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
34. Базовые ценности носителей русской культуры: учебное пособие для студентов иностранцев / Вашунина И.В., Дронов В.В., Ильина В.А., Тарасов Е.Ф. [и др.]; под ред. Е. Ф. Тарасова. М.: РУДН, 2020. 479 с.
35. Пильгун М.А. Социальные сообщества и коммуникационные сервисы в эпоху цифровой цивилизации. Монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 747 с. (соавторы: И.М. Дзялошинский, Л.К. Лободенко).

Монографии и пособия

1. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
2. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М.: Наука, 1964. 114 с.
3. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965; переизд. 2006.
4. Леонтьев А.А. Психолингвистика. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. Переизд. 2005, 2010.
6. Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969; переизд. 2007.
8. Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.
9. Леонтьев А.А. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М., 1972.

Приложения

10. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М., Наука, 1974.
11. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация: монография. М.: Наука, 1983. 216 с.
12. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
13. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
14. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 166 с.
15. Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. М.: Педагогика, 1991. 159 с.
16. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287с.
17. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: ИЯз РАН, 1999.
18. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 320 с.; 5-е изд., испр. М.: Академия, 2014. 336 с.
19. Шахнарович А.М. Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001.
20. Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
21. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.
22. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: Пер СЭ, 2004.
23. Никитина Е.С. 12 лекций по семиотике. М., 2005.
24. Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. М.: Гуманитарий, 2006.
25. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М., 2006.
26. Журавлев И.В. Как доказать, что мы не в матрице? М., 2006.
27. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: Институт проблем риска, 2007. 117 с.
28. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография. Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
29. Сорокин Ю.А. Неканоническая русистика (статьи, заметки, реплики). М.: Ариадна, 2008. 172 с.
30. Сорокин Ю.А. Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 146 с.
31. Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М.: Ключ-С., 2010. 92 с.
32. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 251 с.
33. Степанова А. А. Русская фразеология: психолингвистический аспект исследования. М.: Ин-т языкознания РАН, 2012. 123 с.
34. Жукова Л.С. Образ родного языка в картине мира современных англичан М.: 2013. 184 с.
35. Журавлев И.В. Семиотический анализ расстройств речемыслительной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 160 с.
36. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста. Психосемиотический подход. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
37. Балясникова О.В. «Свой-чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). М.: изд-во Канцлер, 2016. 202 с.
38. Василевич А.П. Имена цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Saarbrücken: Lambert Academic publishing, 2016. 76 с.

Приложения

39. Журавлев И.В. Сознание и миф: Что мы делаем, чтобы быть сознательными существами. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. Изд. 2-е, стереотип. 160 с.
40. Журавлев И.В. От Фрейда к Выготскому: Очерки истории психологии в ее связях с философией и лингвистикой. М.: ЛЕНАНД, 2019. 224 с.
41. Журавлев И.В. Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории «зонда». Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 160 с.
42. Журавлев И.В. Как доказать, что мы не в матрице? Сознание, коммуникация и психические расстройства. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 148 с.
43. Журавлев И. В. Взламывая психологию. Издательство АСТ Москва, 2019. 256 с.
44. Журавлев И.В. От Фрейда к Выготскому: Очерки истории психологии в ее связях с философией и лингвистикой. Москва: Москва, 2019. 244 с.
45. Журавлев И.В. Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории зонда. Москва: Москва, 2019. 160 с.
46. Журавлев И.В. Психология для каждого образованного человека. М.: АСТ, 2020. 192 с.
47. Никитина Е.С. Психосемиотика: Курс лекций. Изд.2, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 304 с.
48. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста. Психосемиотический подход. Изд. стереотипное. М.: Москва, 2019. 200 с.
49. Pilgun M.A. Neuroinformatics and semantic representations. Theory and Applications. Eds. A. Kharlamov and M. Pilgun. 2020. Cambridge Scholars Publishing. 310 p.
50. Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность. М. – Ярославль: Канцлер, 2020. 418 с.
51. Юрѳева Н.М. Устное повествование в онтогенезе речи: Экспериментальное исследование. М. Ярославль: Канцлер, 2020.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА РАН им. В.В. ВИНОГРАДОВА

1. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. 180 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 328 с.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

1. Лепская Н.И. Язык ребёнка: (Онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова 1997. 151 с.
2. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
4. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии (К вопросу о механизмах построения связного грамматического высказывания). М., Изд-во Моск. ун-та, 1975. 2 изд. М.: Теревинф, 2002. 144 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики: курс лекций. М.: Гнозис, 2012. 329 с.
7. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 422 с.
8. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
9. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 218 с. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2019.

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

1. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2004. 252 с.
3. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / Научные редакторы А. В. Кирилина; М. В. Гаранович. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Коллективные монографии

1. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1993. 209 с.
2. Пищальникова В.А., Чернова М.М. Ритм как структурообразующий компонент художественного текста. Москва – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-АлтГУ, 2003. 266 с.
3. Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. 150с.
4. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.С., Хлопова А.И., Шевченко С.Н. Ассоциативный эксперимент в аспекте теоретических и прикладных перспектив психолингвистики. М.: Р-Валент, 2019. 200 с.
5. Пищальникова В.А., Хлопова А.И. Этнопсихолингвистика. Этническая идентичность. Учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 112 с.
6. Пищальникова В.А., Дубкова О.В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р-Валент, 2020. 240 с.
7. Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Степыкин Н.С., Хлопова А.И. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности. М.: Изд-во «Спутник+», 2021. 216 с.

Монографии и пособия

1. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля: психолингвистический аспект. Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1992. 80 с.
2. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 134 с.
3. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1993. 176 с.
4. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 1. М.: ИЯРАН, МГЛУ, (изд 2. 2007). 296 с.
5. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч.2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007. 200 с.
6. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч.3. Психопоэтика. М.: АСОУ, 2010. 143 с.
7. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. В 3-х частях. М., АФСБ, 2013. 220 с.
8. Пищальникова В.А. Этническая идентичность и этнический стереотип. М.: АФСБ, 2016. 171 с.
9. Пищальникова В.А. Язык и сознание. Проблемы и решения. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 118 с.
10. Пищальникова В.А. Вопросы теории психолингвистики. Часть 1. Учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 161 с.
11. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. М.: Р-Валент, 2020. 488 с.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1. Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. Коллективная монография / отв.ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с. С. 97–173.

Приложения

2. Бубнова И.А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск: МГЛУ, 2004. 239 с.

3. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). Характеристика и подробный анализ. (научная монография). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2011. 519 с.

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Базылев В.Н. Сублогический анализ языка. Теория и практика исследования. М.: Изд-во СГУ, 2019. 276 с.

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

1. Карабулатова И.С., Шаброва Н.С., Немченко Н.Ф., Бабченко М.А. Психолингвистические стратегии в обучении английскому языку / Под ред. И. С. Карабулатовой. Тюмень, Изд-во «Печатник», 2008. 248 с.

2. Карабулатова И. С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. Тюмень: Печатник, 2008. 254 с.

3. Поливара З.В., Карабулатова И.С. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении. М.: Издательство «Наука», «ФЛИНТА» Москва, 2019. 152 с.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Коллективные монографии

1. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд-во С.–Петербургского ун-та, 1994. 232 с.

2. Черниговская Т.В., Алексеева С.В., Дубасова А. В., Петрова Т. Е., Прокопеня В.К., Чернова, Д.А. Взгляд кота Шредингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях. СПб, 2018. 228 с.

3. Черниговская Т.В., Заширинская О.В., Николаева Е.И., Алексеева С.В., Доброго А.С., Жукова О.В., Петрова Т.Е., Подвигина Д.Н., Прокопеня В.К., Риехакайнен Е.И., Чернова Д.А., Шелепин Ю.Е. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. СПб, Издательство «ВВМ». 203 с.

4. Семантические категории в детской речи. Я.Э. Ахапкина, Е.Л. Бровко, М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, Т.О. Гаврилова, Е. Дизер, Г.Р. Доброва, М.А. Еливанова, В.В. Казаковская, Ю.П. Князев, О.В. Мурашова, Е.А. Офицерова, В.А. Семушина, О.Г. Сударева, С.Н. Цейтлин, В.М. Швеиц, М.А. Яценко. СПб.: Нестор-История, 2007. 436.

5. Voeikova M.D. and Dressler W.U. Introduction // Voeikova M.D. and Dressler W.U. (eds.) Pre- and Protomorphology: early phases of morphological development in nouns and verbs. LINCOS Studies in Theoretical Linguistics. LINCOS EUROPA München. 2002.

6. Stephany U., Voeikova M.D. (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30, Berlin-NY: Mouton de Gruyter. Pp. 15–48. 2009.

7. Tribushinina E., Voeikova M.D., Noccetti S. (eds.) Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015.

Монографии

1. Воейкова М.Д. Становление имени. М.: ЯСК, 2015. 350 с.

2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 244 с.

3. Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. 275 с.

Приложения

4. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.
5. Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 172 с.
6. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2014, 2015. 344 с.
7. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
8. Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок». СПб., Наука, 2006. 455 с.
9. Касевич В.Б. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. СПб.: Издательство СПбГУ, 1990. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 248 с. (Соавт. Е.М. Шабельникова, В.В. Рыбин)
10. Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 197 с.
11. Протасова Е. Дети и языки. М.: Центр инноваций в педагогике, 1998.
12. Протасова Е. Дети и двуязычие. СПб.: ДССВС, 2002.
13. Протасова Е., Родина Н. Многоязычие в детском возрасте. СПб.: Златоуст, 2005, 2011.
14. Риехакайнен Е.И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 270 с.
15. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Издательский дом «ЯСК», 2013. 568 с.
16. Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., Ленингр. ун-т. 1985. 97 с.
17. Слюсарь Н.А. На стыке теорий: Грамматика и информационная структура в русском и других языках. Издательская группа URSS, 2012. 416 с.
18. Слюсарь Н.А. Введение в экспериментальные исследования грамматики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 74 с.
19. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 447 с.
20. Чистович Л.А., Венцов А.В., Гранстрем М.П. Физиология речи. Восприятие речи человеком. В серии «Руководство по физиологии». Л., «Наука», 1976. 388 с.
21. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб, Изд-во СПбГУ, 1992. 236 с.
22. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 239 с.
23. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
24. Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 408 с.
25. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: URSS, 2013. 187 с.
26. Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей). Пермь, Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. 395 с.

ТВЕРЬ

Коллективные монографии

1. Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. 207 с.
2. Барсук Л.В., Залевская А.А., Медведева И.Л., Мягкова Е.Ю., Сазонова Т.Ю., Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской / Тверь: Твер. гос. ун-т. 1999. 191 с.

Приложения

3. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.

4. Функционирование языка в социуме, тексте и индивидуальном сознании: коллективная монография / Под. ред. А.А. Залевской / Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 216 с.

Монографии, пособия

1. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, КГУ, 1977. 83 с.

2. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: Учебное пособие. Калинин: Калининский государственный университет, 1979. 84 с.

3. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин: КГУ, 1980. 80 с.

4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 206 с.

5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1992. 134 с.

6. Ключанов И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. Тверь: ТвГУ, 1998. 99 с.

7. Каминская Э.Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия: психолингвистическое исследование. Новгород, 1998. 134 с.

8. Ключанов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь: ТвГУ, 1998. 99 с.

9. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 1999. 382 с.

10. Медведева И.Л. Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 111 с.

11. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 144 с.

12. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 2000. 134 с.

13. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155с.

14. Тогоева С.И. Основы современной лексикографии и проблемы перевода: уч. пособие. Тверь: ТвГУ, 2002.

15. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с. Воспроизведено: // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 235–481.

16. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.

17. Klyukanov I.E. Principles of intercultural communication. Boston; New York; San Francisco etc.: Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.

18. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2 изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

19. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: монография. Тверь: ТвГУ, 2009. 144 с.

20. Мкртычян С.В. Стилистика устного делового дискурса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 316 с.

21. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с. [Электронная книга]. М.: Директ-Медиа, 2013. 240 с.

22. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 280 с.

23. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: АГПУ, 2013. 235 с.

Приложения

24. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография [Электронный ресурс] [Электронная книга]. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. / URL: www.directmedia.ru/

25. Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

КУРСК

Монографии и пособия

1. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 110 с.

2. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: монография. Курск: Изд-во КГУ, 2000. 112 с.

3. Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы?: монография. Курск: КГПУ, 2002. 202 с.

4. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке: монография. Курск: КГУ, 2006. 127 с.

5. Попадинец Р.В. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: монография. Курск: Курский гос. тех. ун-т, 2010. 126 с.

6. Кремнева А.В. Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иноязычным словом в лексиконе младшего школьника: монография. Курск: Юго-Западный университет. 2011. 207 с.

ОМСК

Коллективные монографии

1. Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Изд.дом «Наука», 2018, 446 с.

2. Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В., Харламова М.А., Худякова Н.О., Шифрова Е., Щербинина В. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование / под ред. Л.О. Бутаковой, Н.В. Орловой. Омск: ООО «Амфора», 2020, 372 с.

3. Алексеева А.В., Боброва Г.А., Бутакова Л.О., Ваганова К.Р., Гуц Е.Н., Орлова Н.В., Попова О.В. Современный русскоязычный документ: проблемы порождения и восприятия: монография. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского: ООО «Литера», 2014. 381 с.

4. Исенова М.Х., Орлова Н.В. Между Агнией Барто и мистером Максом: дискурсивное пространство младшего школьника: Монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. 136 с.

Монографии

1. Кузина О.А. Ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания русских, немцев и американцев. Монография. Омск: Омский ун-т путей сообщения, 2011. 134 с.

2. Попова О.В. Изучение процессов восприятия научно-учебного текста: психолингвистический аспект: монография. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского: ООО «Литера», 2013. 168 с.

3. Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского: «Вариант-Омск», 2010. 160 с.

4. Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ОмГУ: «Вариант-Омск», 2012. 128 с.

5. Орлова Н.В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы. Омск, «Вариант-Омск», 2010. 97 с.

6. Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.

ВОРОНЕЖ

Коллективные монографии

1. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989. 193 с.
2. Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: «Истоки», 2016. 157с.
3. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Монография. Воронеж, 2000. 195 с.
4. Абакумова О.В., Бердникова О.В., Величкова Л.В., Петроченко Е.В. Интонация и языковое сознание: Психолингвистическое исследование/ под общ. ред. проф. Л.В. Величковой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 156 с.
5. Стернин И.А., Чернышова Е.Б. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж: Истоки. 2004. 210 с.
6. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Иванова В.Ю., Серикова О.Н. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования: монография / под общ. ред. проф. Л.В. Величковой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2010. 136 с.
7. Величкова Л.В., Абакумова О.В. Путь к языку: Данные речевого онтогенеза. Билингвизм. Пособие по психолингвистике / под общ. ред. проф. Л.В. Величковой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2011. 58 с.
8. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с.
9. Величкова Л.В., Петроченко Е.В., Петрова Е.В., Сухарева Е.Е. Системное исследование интонации: монография / под ред. Л.В. Величковой. Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. 192 с.
10. Лемяскина Н.А., Хворостова О.В. Категория вежливости в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника. Монография. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2014. 160 с.
11. Лемяскина Н.А., Малюкова С.Ю. Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника. Монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. 172 с.
12. Новичихина М.А., Дрогайцева М.А. Медианоминация. Воронеж, 2018. 84 с.
13. Potapova R., Veličkova L., Stock E. Das Oekonomieprinzip in der Sprechkommunikation und die Sprechwissenschaftliche Phonetik// Sprechwissenschaftliche Phonetik/ Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik/ Hrsgs/ Susanne Voigt-Zimmermann, Frank Lorenz, Andre Huettner. 2019. Band 18. 277 s.
14. Новичихина М.Е., Самойленко Н.С. Номинативные способы позиционирования в тексте СМИ. Воронеж, 2020. 86 с.

Монографии

1. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: Монография. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2003. 191 с.
2. Лемяскина Н.А. Языковая личность и коммуникативное сознание (на примере речевого поведения младшего школьника). Воронеж, Изд-во ВГУ, 2004. 330 с.
3. Новичихина М.Е. Проблемы изучения коммерческой номинации. Воронеж, 2012. 108 с.
4. Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 177 с.
5. Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в сознании носителей русского языка. Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2017. 295 с.

Приложения

6. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография. Алматы: издательство «Полилингва», 2018. 199 с.
7. Лемяскина Н.А. Речевые жанры младшего школьника. Монография. Воронеж: ООО Ритм. 2018. 135 с.
8. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: теория и практика. Воронеж, 2018. 246 с.
9. Новичихина М.Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы: монография. Воронеж, 2019. 108 с.

ПЕРМЬ

Коллективные монографии

1. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 312 с.
2. Шляхова С.С., Шестакова О.В. Немецкая ономапоэзия: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeia: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.
3. Шляхова С.С., Лобанова А.С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке. Пермь: ПГГПУ, 2012. 296 с.
4. Шляхова С.С., Вершинина М.Г. Фоносемантическая звуковая картина мира. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. 424 с.

Монографии, пособия

1. Сахарный Л.В. Удивительный, надежный, коварный. Пермь, 1968. 49 с.
2. Сахарный Л.В. Язык мой – друг мой. Пермь, 1972. 49 с.
3. Сахарный Л.В. Как устроен наш язык. М., 1978. 160 с.
4. Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты) Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. 136 с.
5. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1994. 124 с.
6. Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка: учебн. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1997. 140 с.
7. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.
8. Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. 350 с.
9. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
10. Углова И.А. Экспериментальное исследование механизма вероятностного прогнозирования (на материале субъективных оценок частот слов младшими школьниками). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. 167 с.
11. Балашова Е.А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 178 с.
12. Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Екатеринбург; Пермь: УроРАН, 2007. 246 с.
13. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 240 с.
14. Кропачева М.А. Локальная вариативность студенческого жаргона: экспериментальное исследование / науч. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 146 с.
15. Литвинова Е.С. Иноязычное слово в коммуникативном пространстве интернета (на материале подязыка любителей и разработчиков компьютерных игр) / науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 166 с.

Приложения

16. Шестакова О.В. Категоризация мира сквозь призму ономотопеи. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. 301 с.
17. Белоусов К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта, 2017. 136 с.
18. Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. 148 с.
19. Худякова Е.С. Нарратив и идентичность: от детства до старости / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/khudyakova-narrativ-i-identichnost.pdf>
20. Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. 228 с.
21. Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан: Территориальный, социальный и психологический аспекты: 2-е изд. М.: ЛЕНАРД, 2020. 136 с.

САРАТОВ

Коллективные монографии и пособия

1. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Лабиринт, 2001. 303 с.
2. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография. Саратов: Науч. книга, 2008. 77 с.

Монографии

1. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974. 116 с.
2. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин: Валгус, 1987. 190 с.
3. Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 111 с.
4. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
5. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.;
6. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 280 с.
7. Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека: учебное пособие. М.: Лабиринт, 2008. 318 с.
8. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. 103 с.
9. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика : учебное пособие. М.: Лабиринт, 2009. 249 с.
10. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциация в языковом сознании и тексте: универсальный, национальный и индивидуальный аспекты. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 426 с.
11. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.;
12. Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.
13. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: ЯСК, 2016. 438 с.
14. Гольдин В.Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация : Избр. работы / сост. О.Ю. Крючкова, А.П. Сдобнова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2020. 496 с.

УФА

Коллективные монографии

1. Рогожникова Т.М. и др. Галерея ассоциативных портретов: монография / под общ. ред. Т.М. Рогожниковой; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. Уфа: УГАТУ, 2009. 448 с.
2. Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография / Под редакцией Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 264 с.
3. Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., Моисеева, А.В., Титлова А.С. Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов: монография / Под редакцией Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 327 с.
4. Пешкова Н.П., Анищенко А.А., Гилязова Д.Р., Титлова А.С. Вербальная коммуникация: контакты и конфликты: монография / Под редакцией Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 212 с.

Монографии, пособия

1. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография / Н.П. Пешкова. Уфа: Изд-во Уфимск. гос. авиац. техническ. ун-та, 2002. 261 с.
2. Богословская И.В. Понимание: две особенности одного процесса: Монография. Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2011. 192 с.
3. Богословская И.В. «Живой» смысл и «мертвая» буква: Монография. Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2013. 195 с.
4. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных, технических текстов): монография, 2-е изд., доп. и перераб. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 292 с.
5. Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: Курс лекций. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 158 с.
6. Рогожникова Т.М. Ассоциация как инструмент для изучения языков: учебное пособие. Уфа: РИК УГАТУ, 2019. 82 с.
7. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова (монография). Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. 242 с.

НОВОСИБИРСК

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Монография. 336 с. (Studia Philologica);

КАЗАХСТАН

Дмитрюк Н.В. Языковое сознание в негомогенной лингвокультурной среде: попытка теоретического истолкования. Москва-Шымкент, ИЯ РАН – Мирас, 2000. 140 с.

Дмитрюк Н.В. Языковое сознание: лингвокультурологические исследования. Монография. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany, 2012. 238 с.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Коллективные монографии и пособия

1. Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 368 с.
2. Лингвистика креатива-2. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 378 с.
3. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Психолингвистика в образовании. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 110 с.
4. Лингвистика креатива-3. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 344 с.

Приложения

5. Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 367 с.
6. Лингвистика креатива-5. Коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. 392 с.
7. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Метафора в свете национальной ментальности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. 226 с.
8. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. 2-е изд. М.: Флинта, 2021. 360 с.

Монографии, пособия

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.
2. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.
3. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 2-е изд-е. 298 с.
4. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. (2-е издание, испр. и доп.). 165 с.
5. Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. М.: Флинта, 2013. 152 с.
6. Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 121 с.
7. Гридина Т.А. «Своя игра»: ребенок в мире языка. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 177 с.
8. Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 2-е изд. 272 с.

ЧЕРНОВЦЫ

- Левицкий В.В. Звуковой символизм: Основные итоги. Черновцы: Рута, 1998. 130 с.
Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 264 с.

ПЯТИГОРСК

- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995.
Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск: ПГУ, 2018. 518 с.

ЧЕЛЯБИНСК

Коллективные монографии

М.В. Беляков, О.И. Максименко, К.М. Денисов, Е.В. Лукашевич, В.Е. Елыманова, А.П. Миньяр-Белоручева, М.Ю. Олешков, Е.В. Харченко, Т.Н. Хомутова, В.Н. Шапошников. Профессиональное общение: коллективная монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 183 с.

Лингвокультура университета: коллективная монография / С.А. Питина, Л.А. Шкатова, Е.И. Голованова, Е.В. Шелестюк, А.А. Селютин, В.Э. Будейко, М.В. Коновалова, О.Л. Заболотнева, И.В. Гостева, О.В. Свиркович. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2016. 212 с.

Монографии

1. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 234 с.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
3. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

Приложения

4. Нин Хуайин. Бизнес-коммуникация: психолингвистический подход (на примере русско-китайских переговоров): монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2019. 183 с.

СЫКТЫВКАР

Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. Монография. СПб.: Наука, 2009. 316 с.

ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРЫ

Беянин В.П. (Торонто, Канада)

1. Беянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М. : Изд-во МГУ, 1988. 121 с.,
2. Беянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. Verlag Otto Sagner. / Specimina Philologiae Slavicae. Band 107. Munchen, 1996. 298 с.
3. Беянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
4. Беянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. М.: Генезис, 2006. 320 с.
5. Беянин В.П. Психолингвистика: Учебник. 2-е изд. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2011. 420 с.

УЧЕБНИКИ ПО ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

1. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику : Курс лекций. ЛГУ. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 180 с.
2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 1999. 382 с.
4. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 239 с.
5. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Лабиринт, 2001. 303 с.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
7. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. 320 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2 изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
9. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика : учебное пособие. М.: Лабиринт, 2009. 249 с.
10. Беянин В.П. Психолингвистика: Учебник. 2-е изд. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2011. 420 с.
11. Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: Курс лекций. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 158 с.
12. Пищальникова В.А. Вопросы теории психолингвистики. Часть 1. Учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 161 с.
13. Рогожникова Т.М. Ассоциация как инструмент для изучения языков: учебное пособие. Уфа: РИК УГАТУ, 2019. 82 с.
14. Пищальникова В.А., Хлопова А.И. Этнопсихолингвистика. Этническая идентичность. Учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 112 с.
15. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. 2-е изд. М.: Флинта, 2021. 360 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Избранные диссертации по психолингвистике

МОСКВА

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Алексей Алексеевич Леонтьев

Докторская диссертация

Леонтьев А.А. Теоретическая проблема психолингвистического моделирования речевой деятельности. М., 1968.

Евгений Федорович Тарасов

Докторская диссертация

Тарасов Е.Ф. Теория речевого общения. Институт языкознания РАН. М., 1993.

Диссертации, защищенные под руководством Е.Ф. Тарасова

Докторские диссертации

Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста. М., 2009. 511 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма. М., 2001. 287 с.

Григорьев А.А. Репрезентация лексических категорий в языковом сознании. М., 2005.

Ильина В.А. Структура содержания слова в языковом сознании носителей разных культур: на материале номинантов образа одиночества. М., 2012. 536 с.

Мыскин С.В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования. М., 2016.

Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия. М., 2004. 428 с.

Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ. М., 2011. 323 с.

Кандидатские диссертации

Абрамова Г.И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на примере русского, казахского и английского языков). М., 2003.

Андрющенко Т.Я. Смысловое восприятие речевого сообщения в различных условиях коммуникации: одиночными и общающимися реципиентами. М., 1983. 209 с.

Аршавская Е.А. Экстралингвистические детерминанты формирования коммуникативной способности. М., 1985. 203 с.

Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: на материале ядра языкового сознания. М., 2010. 278 с.

Грибач С.В. Образ семьи в языковом сознании русских: гендерный аспект. М., 2005.

Ильина В.А. Гендерная и возрастная специфика фрустрационных эмоций в языковом сознании. М., 2003. 186 с.

Казакова Н.Ю. Общечеловеческие ценности Родина/Дом/Семья – Heimat/Haus / Familie в языковом сознании: на материале русского и немецкого языков. М., 2013.

Климова Г.В. Трансформация содержания мысли в процессе производства речи: психолингвистический аспект. М., 2006. 238 с.

Леви Ю.Э. Вербальные и невербальные средства ответственности рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 256 с.

Маховиков Д.В. Этнокультурная специфика образа «счастье»: на материале языкового сознания русских и французов. М., 2011. 132 с.

Приложения

Мельник О.Ю. Сопоставительный анализ русского и английского языкового сознания на материале тематической группы «Работа. Профессия». М., 2004. 166 с.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту: лексико-грамматический аспект. М., 2003. 154 с.

Палкин А.Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности. М., 2002. 212 с.

Пацева М.А. К проблеме национально-культурной специфики значения слова: на материале русского и болгар. языках. М., 1991. 296 с.

Пинигина С.В. Сопоставительный анализ якутского и русского языкового сознания: тематическое поле «семья». М., 2004. 224 с.

Самойлова С.П. Языковой образ базовых ценностей россиян. М., 2011. 229 с.

Соколова Е.Ю. Специфика образов языкового сознания в профессиональном общении: на примере русского языка и американского варианта английского языка. М., 2008. 187 с.

Узленко О.Е. Этнокультурная специфика языкового сознания носителей английского и русского языков: на примере фольклора. М., 2002. 167 с.

Наталья Владимировна Уфимцева

Кандидатская диссертация

Уфимцева Н.В. Лингвистический и психолингвистический анализ структуры падежной системы. М., 1976.

Докторская диссертация

Уфимцева Н.В. Динамика и вариативность языкового сознания (Психолингвистический анализ значения). М., 1994.

Под руководством Н.В. Уфимцевой

Докторские диссертации

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде. М., 2000.

Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах. Челябинск, 2004.

Миронова Н.И. Отражение характеристик адресанта в коммуникативной организации смысла высказывания (опыт применения ассоциативной экспериментальной методологии) М., 2009.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании. М., 2010.

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход. М., 2019.

Кандидатские диссертации

Горохова С.И. Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок. М., 1986.

Оганесян Гаяне. Этнопсихолингвистические особенности категоризации языкового сознания (на материале русского и армянского языков). М., 1993.

Григорьев А.А. Исследование субъективной репрезентации лексикона (на материале оценочных оппозиций). М., 1994.

Дашиева Будаханда В. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан: национально-культурный аспект. М., 1999.

Ван Эрдон. Специфика языкового сознания русских и китайцев: гендерный анализ. М., 2000.

Нгуен Тхи Хыонг. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ. М., 2000.

Дмитрюк С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан. М., 2001.

Приложения

Османова Р.А. Национально-культурная специфика образов сознания русских и казахов (гендерный анализ на материале слов семантического поля «Дом. Семья»). М., 2001.

Митирева Л.Н. Психолингвистический анализ неологизмов, заимствованных из английского языка: На материале экономических терминов. М., 2002.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: на материале ядра языкового сознания. М., 2002.

Балясникова О.В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. М., 2003.

Нго Тиен Занг. Влияние русской лингвокультурной среды на языковое сознание вьетнамцев, проживающих в России. М., 2003.

Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура. М., 2004.

Федченко А.В. Этнокультурная специфика формирования языкового сознания русских и американцев в школьном возрасте. 2005.

Погребнова А.Н. Специфика представлений о базовых эмоциях в обыденном сознании русских и англичан. М., 2005.

Псеунова Б.Н. Особенности языкового сознания русских, адыгов и англичан. М., 2005.

Сабуркина Н.В. Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян. М., 2005.

Степанова О.В. Особенности языкового сознания немцев и русских: на материале семантического поля «работа». М., 2006.

Этманова Л.А. Психолингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов. М., 2006.

Петрова Е.Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности (на материале русского и французского языков). М., 2008.

Чеканова С.А. Семантическое поле «профессия» в картине мира носителя языка (на материале русского и английского языков). М., 2008.

Полякова Т.А. Особенности языкового сознания русских (на материале семантического поля «нравственный идеал»). М., 2009.

Пыстина О.В. Семантическое поле «путь/дорога» в картине мира носителя языка (на материале автобиографического дискурса). М., 2009.

Воейкова А.А. Национально-культурная специфика рекламных текстов: аксиологический аспект. М., 2009.

Свинчукова Е.Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане. М., 2011.

Кечина Э.А. Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков). М., 2012

Никаева Т.М. Этнокультурная специфика образа себя и образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов. М., 2013.

Хуан Тяньдэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков). М., 2017.

Чжу Жуйшуан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков). М., 2017.

Разумкова А.В. Этнокультурная специфика образа «себя» и образа «другого» в языковом сознании русских, татар, коми (зырян). М., 2018.

Юрий Александрович Сорокин

Кандидатская диссертация

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология (на материале восприятия текста научно-популярной литературы). М., 1973.

Докторская диссертация

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1988.

*Под руководством Ю.А. Сорокина
Докторские диссертации*

- Базылев В.Н.* Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект). М., 1999.
Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. М., 2000.
Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. М., 2004.
Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование). М., 2006.

Кандидатские диссертации

- Красиков Ю.В.* Психолингвистический анализ речевых ошибок. М., 1980.
Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста. М., 1982.
Михеева Т.А. Психолингвистические функции словосочетания как одного из структурных элементов при восприятии специальных текстов (на материале русского языка). М., 1983.
Белянин В.П. Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста. М., 1983.
Кулешова О.Д. Фоносемантическая структура текста (экспериментальное исследование на материале английского языка). М., 1985.
Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. М., 1985.
Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. М., 1986.
Валуицева И.И. Влияние фонетической значимости текста на особенности его восприятия. М., 1987.
Михалева И.М. Текст в тексте: психолингвистический анализ. М., 1989.
Нарожная В.Д. Формы трансформации речевого этикета в негомогенной культурной среде. М., 1991.
Вартанян В.Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора. М., 1994.
Чижова Е.А. Репрезентация концептуальной картины мира в художественном тексте (на материале альтернативной литературы). М., 1995.
Глыбин В.В. Восприятие класса местоимений носителями русского языка (экспериментальное исследование). Барнаул, 1999.
Кистаубаева Д.М. Русские и казахские соматологические портреты (теоретико-экспериментальное исследование по материалам ассоциативного эксперимента). М., 2001.
Перфильева С.Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов – названий эмоций и их функционирования. М., 2001.
Калжанова А.К. психолингвистические аспекты соотносительности эмотивной и колористической лексики (на материале русского и казахского языков). М., 2004.
Сергеева Г.Г. Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде (школьники 10- 11 класса). М., 2005.
Нуриев В.А. Психолингвистический статус грамматических преобразований при переводе художественного текста (на материале французского и русского языков). М., 2005.
Цзинь Тао. Концептуальная система пространства (на материале китайского языка). Владивосток, 2005.
Рябова М.В. Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э.М. Ремарка на немецком и русском языках). М., 2011.

Александр Маркович Шахнарович

Докторская диссертация

- Шахнарович А.М.* Семантика детской речи: Психолингвистический анализ. М., 1985.

***Под руководством А.М. Шахнаровича
Кандидатские диссертации***

Биева Е.Г. Факторы, влияющие на понимание текстов (на материале детской речи). М., 1984.

Гридин В.Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики. М., 1976.

Овчинников В.Н. Психолингвистический анализ функциональных типов высказываний: на материале детской речи. М., 1982.

Юрьева Н.М. Функционирование производного слова в онтогенезе. М., 1984.

Ревекка Марковна Фрумкина

Докторская диссертация

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и прогноз в речевой деятельности. М., (1975) 1980.

***Под руководством Р.М. Фрумкиной
Кандидатские диссертации***

Василевич А.П. Субъективные оценки частот элементов текста (в связи с проблемами вероятностного прогнозирования речевого поведения). М., 1969.

Герганов Е.Н. Некоторые закономерности зрительного распознавания элементов текста. М., 1971.

Михеев А.В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). М., 1983.

Рюмина Н.А. Изучение семантики «конкретной» лексики психолингвистическими методами. М., 1987.

Анатолий Иванович Новиков

Докторская диссертация

Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности ее формализации. М., 1983.

***Под руководством А.И. Новикова
Докторские диссертации***

Пешкова Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста. М., 2002.

Кандидатские диссертации

Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных технических, учебных текстов). М., 1987.

Богословская И.В. Научно-популярный текст: сложность понимания. М., 2001.

Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста. М., 1995.

Александр Петрович Василевич

Докторская диссертация

Василевич А.П. Языковая картина мира цвета: Методы исследования и прикладные аспекты. М., 2003 г.

***Под руководством А.П. Василевича
Кандидатские диссертации***

Аллмере Р.А. Сопоставительное исследование прилагательных, указывающих на форму предметов. М., 1991 г.

Багдасарова Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур. М., 2004.

Леденева С.Н. Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия. М., 2004 г.

Грекова В.Е. Обозначение эмоций в языке: национально-культурный аспект. М., 2012.

Боголепова С.В. Психолингвистический анализ тематического поля соматизмов. М., 2012.

Ирина Михайловна Румянцева

Докторская диссертация

Румянцева И.М. Психолингвистические механизмы и методы формирования речи. М., 2001.

Под руководством И.М. Румянцевой

Докторские диссертации

Котова Л.Н. Прагматика нарратива (теоретико-экспериментальный аспект). М., 2013.

Кандидатские диссертации

Немтинова А.В. Лексико-грамматическое развертывание высказывания в аспекте зрительного восприятия (на материале китайского языка как неродного). М., 2020.

Кирилл Яковлевич Сигал

Докторская диссертация

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004.

Под руководством К.Я. Сигала

Докторские диссертации

Долотин К.И. Диагностика экстралингвистических факторов звучащей речи. М., 2007.

Кандидатские диссертации

Надежда Михайловна Юрьева

Докторская диссертация

Юрьева Н.М. Речевой онтогенез в теории и эксперименте. М., 2006.

Елена Сергеевна Никитина

Кандидатская диссертация

Никитина Е.С. Внутренняя речь и мышление (психолингвистический аспект). М., 1987.

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА**

Наталья Ильинична Лепская

Докторская диссертация

Лепская Н.И. Онтогенез речевой коммуникации. М., 1989.

Под руководством Н.И. Лепской

Кандидатские диссертации

Базжина Т.В. Становление внутренней программы высказывания и текста: На материале русской диалогической речи. М., 1986.

Виктория Владимировна Красных

Докторская диссертация

Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). М., 1999.

Под руководством В.В. Красных

Кандидатские диссертации

Завьялова К.В. Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах. М., 2007.

Ван Чжэ. Особенности восприятия русского художественного текста носителями русского и китайского языков (на материале рассказа А.П. Чехова «Шуточка»). М., 2012.

Каркищенко Е.А. Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков. М., 2014.

Приложения

Полевая И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ). М., 2014.

Ольга Викторовна Федорова

Докторская диссертация

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика. М., 2013.

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Ирина Советовна Карабулатова

Докторская диссертация

Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте. Краснодар, 2002.

Под руководством И.С. Карабулатовой

Докторские диссертации

Поливарова З.В. Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области). Тобольск, 2012.

Кандидатские диссертации

Шаброва Н.С. Эволюция языковой личности студента в билингвоментальном пространстве учебного дискурса. Краснодар, 2009.

Дубинина Н.В. Трансформация вторичной языковой личности студента-арабиста в академическом арабоязычном дискурсе. Майкоп, 2018.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ирина Александровна Бубнова

Докторская диссертация

Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). М., 2008.

Под руководством И.А. Бубновой

Докторские диссертации

Терентий Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса. М., 2018.

Кандидатские диссертации

Баранова О.Н. Субъективное значение слов, обозначающих морально-нравственные ценности (психолингвистический аспект). М., 2015.

Сардарова А.А. Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста: психолингвистический аспект. М., 2017.

Горохова Д.В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры. М., 2019.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ирина Алексеевна Зимняя (д-р психологических наук, профессор, академик РАО)

Докторская диссертация

Зимняя И.А. Психология слушания и говорения. М., 1974.

Вера Анатольевна Пищальникова

Докторская диссертация

Пищальникова В.А. Проблема смысла поэтического текста: психолингвистический аспект. М., 1992.

Под руководством В.А. Пищальниковой Докторские диссертации

Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект. Барнаул, 1998.

Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект. Барнаул, 2001.

Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания. М., 2005.

Лукашевич Е.В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект. М., 2003.

Москальчук Г.В. Структура текста как синергетический процесс. Барнаул, 1999.

Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект. Барнаул, 2005.

Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Барнаул, 2004.

Романовская Н.В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста. Тверь, 2004.

Скорнякова Р.М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира. М., 2010.

Сонин А.Г. Compréhension des textes multimodaux: L'exemple de la bande dessinée. Thèse de doctorat de psychologie. Université de Nantes, U.F.R. de Psychologie, Laboratoire «Education, Cognition, Développement», 2003.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов. М., 2006.

Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности. Барнаул, 2004.

Кандидатские диссертации

Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: Экспериментальное исследование. Барнаул, 1999.

Ван Биндун. Сравнительное исследование содержания концепта «экономика» в китайском и русском языковом сознании: По результатам ассоциативного эксперимента. Барнаул, 2004.

Волохова Е.А. Специфика понимания поэтического текста в условиях учебного двуязычия. Москва, 2008.

Воронова Н.Г. Деятельностная модель интерпретации художественного текста. Барнаул, 2000.

Гамалей Н.С. Психолингвистическое исследование категории «осмысленное – бессмысленное» как константы концептуальной системы индивида. Барнаул, 2001.

Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент репрезентации картины мира (на материале творчества В.В. Набокова). Барнаул, 1996.

Драчева С.И. Экспериментальное исследование национальной специфики концептуальной картины мира. Барнаул, 1998.

Карданова К.С. Лингво-психологическое исследование реструктуризации образа сознания империя/empire. Москва, 2006.

Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 1998.

Климашева О.В. Способы языкового представления невербальных компонентов коммуникации в тексте: экспериментальное исследование. Москва, 2012.

Кремнева А.В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: На материале произведений Джона Стейнбека. Барнаул, 1999.

Левченко М.Л. Концептуальная картина мира Н. С. Лескова и её отражение в идиостиле писателя: экспериментальное исследование. Барнаул, 2000.

Михалева М.М. Структура и содержание концепта брак/marriage в языковом сознании русских и американцев. Курск, 2009.

Приложения

Муравская И.А. Лексическое заимствование как фактор изменения когнитивных структур: на материале англицизмов в медиадискурсе. Москва, 2014.

Нагайцева Е.В. Концептуальная символическая модель: на материале творчества А.С. Грина. Барнаул, 2002.

Нестеренко С.И. Гарнитура шрифта как фактор регуляции восприятия текста: Экспериментальное исследование. Барнаул, 2003.

Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности. Москва, 2017.

Патсис Михаил Ионас. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова: На материале греческого языка. Москва, ИЯ, 2005.

Проскурин Е.Г. Когнитивная лакунарность текста как проблема межкультурной коммуникации. Барнаул, 2004.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев. Москва, 2019.

Романова И.В. Обусловленность переводческой деятельности универсальными стратегиями понимания текста. Барнаул, 2003.

Сонин А.Г. Комикс как знаковая система: Психолингвистическое исследование на материалах франкоязычных комиксов. Барнаул, 1999.

Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста. Барнаул, 1997.

Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта. Москва, 2011.

Утробина Т.Г. Экспериментальное исследование языковых репрезентаций комического смысла. Барнаул, 1997.

Федотова С.В. Библейский миф как конвенциональный стереотип: экспериментальное исследование. Барнаул, 2000.

Хлыбова С.В. Моделирование фрагмента региональной картины мира: На материале лексики русских говоров Алтая. Барнаул, 1998.

Чернетских Т.И. Лексико-семантическая группа «жилище» как репрезентант фрагмента региональной картины мира: На материале Словаря русских говоров Алтая. Барнаул, 2000

Чернышова Н.Ю. Ритм художественного текста как смыслообразующий фактор его понимания. Барнаул, 2002.

Шварко Л.И. Особенности формирования инокультурных концептов у младших школьников в процессе изучения иностранного языка. Барнаул, 1995.

Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем. Москва, 2017.

Шестерина Е.А. Структурно-содержательная характеристика образов языкового сознания: на материале русско-немецкого ассоциативного и переводческого экспериментов. Москва, 2007.

Шитикова Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект. Барнаул, 2002.

Яковченко Е.В. Экспериментальное исследование языковой способности в условиях учебного двуязычия. Барнаул, 2003.

Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках. Москва, 2019.

Валерий Павлович Белянин

Докторская диссертация

Белянин В.П. Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте. М., 1992.

**Под руководством В.П. Беянина
Кандидатские диссертации**

- Гиль О.Г.* Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа. М., 2000.
Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста. М., 1998.
Ретина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста: На материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в. М., 2001.
Саракаева Э.Е. Психолингвистический анализ миссионерских текстов. Краснодар, 2000.

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Алла Викторовна Кирилина

Докторская диссертация

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. М., 2000.

Под руководством А.В. Кирилиной

Докторские диссертации

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера. Тамбов, 2005.

Кандидатские диссертации

- Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии). М., 2006.
Захарова Т.Н. Семиотические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов). М., 2006.
Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе. М., 2012.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Леонид Владимирович Сахарный

Докторская диссертация

Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности: образование и функционирование производного слова в русском языке. Л., 1979.

Под руководством Л.В. Сахарного

Кандидатские диссертации

- Баранова И.А.* Особенности цельности и связности при построении текстов в разговорной речи. Л., 1988.
Волкова Л.Б. (1995) Диалог в речемыслительной деятельности (экспериментальное исследование вопросов к тексту). СПб, 1995.
Детинина О.Б. Устойчивые словосочетания в ассоциативных структурах. Л., 1987.
Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности. Л., 1984.
Овчинникова И.Г. Textoобразующая роль вербальных ассоциативных структур. Л., 1986.
Петрова Т.Е. Особенности построения текста в аспекте функциональной асимметрии мозга. СПб, 2000. Руководители – Л.В. Сахарный, Т.В. Черниговская.
Романовская Л.Б. Формирование механизмов структурирования цельности при порождении текста (в онтогенезе). СПб, 1992.
Сиротко-Сибирский С.А. Смысловое содержание текста и его отражение в ключевых словах (на материале русских текстов публицистического стиля). Л., 1988.
Стрекаловская С.И. Механизмы цельности и связности в текстах больных с патологией речи. СПб, 1990.

Приложения

Алла Соломоновна Штерн

Кандидатская диссертация

Штерн А.С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи. Л., 1981.

Под руководством А.С. Штерн

Кандидатские диссертации

Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Л., 1989.

Чугаева Т.Н. Механизмы аудирования родной и иноязычной речи. Л., 1989.

Ерофеева Е.В. Фонетическая вариативность фонологической системы гласных. СПб, 1993.

Агibalов А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека. СПб, 1995.

Стелла Наумовна Цейтлин

Докторская диссертация

Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Л., 1989.

Под руководством С.Н. Цейтлин

Кандидатские диссертации

Глуцевская Н.В. Полисемантическое слово в речи ребенка дошкольного возраста. СПб, 2004.

Еливанова В.А. Двухкомпонетные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста. СПб, 2004.

Ионова Н.В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций существительного в речи детей дошкольного возраста. СПб, 2007.

Кашина Л.А. Совершенствование коммуникативной деятельности школьников при репродуцировании текста. (1993)

Краснощекова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи. 2016.

Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка. СПб, 2006.

Кузьмина Т.В. Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий письменной речи детей (на материале согласных). СПб, 2005.

Мурашова О.В. Онтогенез субстантивных синтаксем. СПб, 2000.

Офицерова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи. СПб, 2006.

Павлова Н.П. Способы передачи звучащей речи на письме детьми-дошкольниками (лингвистический механизм). СПб, 2000.

Панфилова Е.Н. Категория числа имени существительного в русской детской речи. СПб, 2012.

Пузанова Ю.С. Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе. 2012.

Сизова О.Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта. СПб, 2009.

Швец В.М. Освоение ребенком категории эпистемической модальности. СПб, 2007.

Мария Дмитриевна Воейкова

Докторская диссертация

Воейкова М.Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском языке и детской речи. Л., 2004.

Под руководством М.Д. Воейковой

Кандидатские диссертации

Vorobiova T. Gender Assignment in Russian: A Study of young heritage speakers in Spain. PhD Thesis, 2020.

Галина Радмировна Доброва

Докторская диссертация

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). Л., 2006.

Под руководством Г.Р. Добровой

Кандидатские диссертации

Бондаревич А.А. Сегментные морфонологические чередования в онтогенезе (на материале русскоязычных детей). СПб, 2013.

Бондаренко А.А. Индивидуальные особенности в освоении грамматики детьми 2-4 лет. СПб, 2011.

Гридина И.Н. Гипо-гиперонимические отношения в ментальном лексиконе детей и взрослых. СПб, 2011.

Королев В.Д. Освоение детьми предложно-падежных и наречных средств выражения локативного и темпорального дейксиса. СПб, 2011.

Татьяна Владимировна Черниговская

Докторская диссертация

Черниговская Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты. СПб, 1993.

Под руководством Т.В. Черниговской

Кандидатские диссертации

Алексеева С.В. Распознавание слов на ранних этапах процесса чтения: экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб, 2018.

Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми: структурный и социоллингвистический аспекты (на материале русского языка). СПб, 2002.

Королева И.В. Роль лингвистических факторов в развитии процессов чтения (экспериментальное исследование на материале русского языка). СПб, 2006.

Лях Н.Ю. Особенности восприятия слов в шуме и функциональная асимметрия мозга: роль лингвистических факторов. СПб, 1996.

Петрова Т.Е. Особенности построения текста в аспекте функциональной асимметрии мозга. СПб, 2000 (руководители – Л.В. Сахарный, Т.В. Черниговская).

Прокопья В.К. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб, 2017.

Свистунова Т.И. Организация ментального лексикона: формирование в онтогенезе и распад при нарушениях языковой системы глагольной словоизменительной морфологии (экспериментальное исследование). СПб, 2008.

Чернова Д.А. Процесс обработки синтаксически неоднозначных предложений: психолингвистическое исследование. СПб, 2016.

Екатерина Юрьевна Протасова

Докторская диссертация

Протасова Е.Ю. Психолого-педагогические и лингводидактические основы двуязычного воспитания в детском саду. М., 1996.

Под руководством Е.Ю. Протасовой

Кандидатские диссертации

Белокурова А.В. Обучение старших дошкольников пониманию и воспроизведению иноязычного текста. М., 1998.

Ненонен О. Фонетическое развитие русско-финских билингвов дошкольного возраста. Helsinki, 2016.

Пуссинен О. Функционально ограниченный русский язык: контактные разновидности, вариативность языкового сознания и типы коммуникации. Helsinki, 2016.

Приложения

- Родина Н.М.* Становление речевого общения на втором языке у дошкольников. М., 1998.
Pikkarainen M. Finnish and Russian as lingua francas: Joint activity in conversations. Helsinki, 2015.

Владимир Яковлевич Шабес

Докторская диссертация

Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности (событие и текст) Л., 1990

Под руководством В.Я. Шабеса

Кандидатские диссертации

Троценкова Е.В. Экспериментальное исследование английских обращений на основе социокультурной когнитивной модели. СПб, 2005.

Докторские диссертации по психолингвистике и социолингвистике, защищенные в Санкт-Петербурге

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб, 2008.

Ерофеева Е.В. Идиомы как вероятностные структуры: социолингвистический аспект (на материале фонетического уровня). СПб, 2005.

Ильина С.Ю. Речевое развитие отстающих учащихся старших классов в процессе обучения русскому языку. СПб. 2006.

Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок»: на материале русского языка. СПб, 2006.

Любимова Н.А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия). СПб, 1991.

Мартинovich Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб, 1994.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности. СПб, 2002.

Слюсарь Н.А. Экспериментальное исследование ряда основных понятий теоретической морфологии (на материале русского языка): регулярность, синкретизм, маркированность. СПб, 2019.

Чугаева Т.Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка). СПб., 2009.

Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста: экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей. СПб, 2009.

ТВЕРЬ

Александра Александровна Залевская

Докторская диссертация

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980. 32 с.

Под руководством А.А. Залевской

Докторские диссертации

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход. Тверь, 2016.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь, 2005.

Приложения

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Саратов, 1999.

Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребёнка Тверь, 2006.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова. Тверь, 2012.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании. Тверь, 2002.

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка. Тверь, 1999.

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка). Тверь, 2012.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Уфа, 2000.

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова. Уфа, 2000.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова М., 1993.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Воронеж, 2000.

Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности. Тверь, 2009.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах. Тверь, 2009.

Кандидатские диссертации

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект). Тверь, 2016.

Балдова В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста. Тверь, 1999.

Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов). Тверь, 2005.

Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значения широкозначных слов (на материале существительных) Саратов, 1991.

Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке. Тверь, 1999.

Будина М.Э. Динамика языковых явлений от возникновения до приобретения новых смыслов (на примере именованных «цветных революций»). Тверь, 2015.

Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры. Тверь, 2016.

Воскресенская С.Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации. Тверь, 2007.

Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке. Тверь, 2007.

Галкина О.В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса). Тверь, 2004.

Гвоздева О.Л. Особенности понимания нестандартных художественных текстов. Тверь, 2000.

Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков). Тверь, 2000.

Жолтикова М.А. Стратегии идентификации аббревем (на материале аббревем компьютерной сферы). Тверь, 2017.

Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»). Одесса, 1989.

Ицук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности. Тверь 2009.

Приложения

- Каминская Э.Е.* Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова (на материале переводов поэтического текста). Тверь, 1996.
- Карасева Е.В.* Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания. Тверь, 2007.
- Колодкина Е.Н.* Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных. Саратов, 1987.
- Корниевская С.И.* Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия. Тверь, 2012.
- Корытная М.Л.* Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста. Тверь, 1996.
- Кузнецова Т.Д.* Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма. Тбилиси, 1982.
- Лачина И.С.* Особенности идентификации прилагательных. Тверь, 1993.
- Лебедева С.В.* Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании. Саратов, 1991.
- Маскадыня В.Н.* Отнесение к категории как способ идентификации значения слова. Саратов, 1989.
- Медведева И.Л.* Связи типа «и/или» в лексиконе человека. Саратов, 1989.
- Михайлова Т.В.* Особенности восполнения эллиптических конструкций. Тверь, 1997.
- Михайлова С.Е.* Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка. Тверь, 2003.
- Новичихина М.Е.* Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений. Воронеж, 1995.
- Поймёнова А.А.* Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуниктивных затруднений при пользовании иностранным языком. Тверь, 1999.
- Рафикова Н.В.* Динамика ядра и периферии семантического поля текста. Тверь, 1994.
- Рогожникова Т.М.* Развитие значения полисемантического слова у ребёнка. Саратов, 1986.
- Родионова Т.Г.* Стратегии идентификации неологизмов-глаголов. Тверь, 1994.
- Сазонова Т.Ю.* Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных). Тверь, 1993.
- Саркисова Э.В.* Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова. Тверь, 2014.
- Свицова А.А.* Лингвокультурная доминанта «ДОМ – РОДИНА – ЧУЖБИНА» в русских и английских пословицах. Ижевск, 2005.
- Соловьева М.В.* Стратегии понимания иноязычного текста. Тверь, 2006.
- Соловьева Н.В.* Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола. Саратов, 1989.
- Соломаха В.А.* Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителей языка. Тверь, 2003.
- Тарасова Е.И.* Номинативный бином в свете концептуальной целостности при вербальной раздельнооформленности. Тверь, 2007.
- Тогоева С.И.* Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования. Саратов, 1989.
- Туркова-Зарайская М.О.* Особенности понимания библеизмов современными носителями языка. Тверь, 2002.
- Хватова С.С.* Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имён носителями языка. Тверь, 2004.
- Чугунова С.А.* Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста. 2002.
- Швец Н.О.* Роль языка в структурировании знаний. Тверь, 2005.
- Шмелева Т.В.* Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке. Одесса, 1988.

Приложения

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами). Тверь, 1997.

Наталья Октябревна Золотова

Докторская диссертация

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь, 2005.

Под руководством Н.О. Золотовой

Кандидатские диссертации

Беляева В.М. Стратегии преодоления лексической неоднозначности в условиях учебного билингвизма. Тверь, 2015.

Гирнык А.В. Синергетическая модель концепта ЖИЗНЬ: экспериментальное исследование. Тверь, 2011. 20 с.

Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя. Тверь, 2009.

Карцова М.А. Психолингвистическое исследование идентификации лексических контаминантов в ситуации учебного билингвизма. Тверь, 2020.

Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии. Тверь, 2011.

Павлова М.С. Возрастная динамика языковой категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста. Тверь, 2013.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс. Тверь, 2008.

Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста. Тверь, 2010.

Светлана Ивановна Тогоева

Докторская диссертация

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Воронеж, 2000.

Под руководством С.И. Тогоевой

Кандидатские диссертации

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента). Тверь, 2017.

Ирина Львовна Медведева

Докторская диссертация

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка. Тверь, 1999.

Под руководством И.Л. Медведевой

Кандидатские диссертации

Зайцева Е.А. Слово в индивидуальном сознании: степени освоенности слов носителями языка. Тверь, 2005.

Иванова А.И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте (на материале журнальных статей). Тверь, 2006.

Иванова О.В. Динамические аспекты функционирования лексикона билингва. Тверь, 2004.

Татьяна Юрьевна Сазонова

Докторская диссертация

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова. М., 2000.

Под руководством Т.Ю. Сазоновой
Докторские диссертации

Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов. Курск, 2012.

Кандидатские диссертации

Виноградова М.В. Гендерный аспект идентификации значения нового слова носителями языка. Курск, 2009.

Звягинцева В.В. Обращение в семейном дискурсе. Курск, 2011.

Мелихова Ю.Р. Стратегии именования предметных изображений. Тверь, 2005.

Наумова С.А. Стратегии понимания и решения вербальных задач. Курск, 2006.

Стародубцева Е.А. Лингво-когнитивное моделирование культурных схем «Путешествие»/«Travel». Курск, 2008.

Умеренкова А.В. Лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания. Курск, 2009.

Светлана Вениаминовна Лебедева

Докторская диссертация

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании. Тверь, 2002.

Под руководством С.В. Лебедевой

Докторские диссертации

Зубкова О.С. Лингвосомиотика профессиональной метафоры. Курск, 2011.

Кандидатские диссертации

Гришкова В.И. Гендерные особенности близости значения слов (на материале молодежного жаргона). Курск, 2005.

Денисова В.В. Специфика образной репрезентации проксонимов в лексиконе человека (экспериментальное исследование). Курск, 2012.

Зубкова О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса). Курск, 2006.

Кривко И.П. Специфика синонимической аттракции в лексиконе индивида: синергетический подход. Курск, 2010. Мамонтова Т.Н. Специфика функционирования заимствованных слов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.

Нежура Е.А. Специфика проксонимических сближений в креолизованных текстах: экспериментальное исследование. Курск, 2012.

Орлова М.В. Специфика идентификации компьютерной терминологии (экспериментальное исследование). Курск, 2008.

Светлана Викторовна Мкртычян

Докторская диссертация

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка). Тверь, 2012.

Светлана Александровна Чугунова

Докторская диссертация

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах. Тверь, 2009.

Под руководством С.А. Чугуновой

Кандидатские диссертации

Залипаева Ж.П. Специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе человека. Тверь, 2020.

Приложения

Ольга Викторовна Голубева

Докторская диссертация

Голубева О. В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход. Тверь, 2016.

Елена Юрьевна Мягкова

Докторская диссертация

Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. М., 2000.

Под руководством Е. Ю. Мягковой

Кандидатские диссертации

Девущая З. Б. Психолингвистическое исследование усвоения лексики при учебном многоязычии. Тверь, 2008.

Кремнева А. В. Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иноязычным словом в лексиконе младшего школьника (экспериментальное исследование). Тверь, 2008.

Кружилина Т. В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование). Тверь, 2014.

Кузьменко Л. А. Национально-культурная специфика функционирования религиозного знания в языковом сознании русских и американцев (экспериментальное исследование). Тверь, 2003.

Овчинникова М. С. Англоязычные заимствования в индивидуальном сознании (психолингвистическое исследование). Тверь, 2018.

Павлова А. В. Когнитивные и прагматические аспекты речевого акта просьбы при искусственном билингвизме. Тверь, 2018.

Палеева Е. В. Способы вербализации концепта деньги средствами английского и русского языков. Курск, 2010.

Перфильева Н. Ю. Специфика вербализации концепта погода средствами русского и английского языков. Тверь, 2008.

Попадинец Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование). Курск, 2006.

Стрелкова О. А. Особенности современного женского политического дискурса (на примере речевых портретов женщин-политиков). Курск, 2006.

Таныгина Е. А. Образ цвета в сознании носителя языка. Курск, 2012.

Толмачёва И. А. Термин в сознании полилингва (экспериментальное исследование на материале бирманского, английского и русского языков). Курск, 2012.

Федосюткина Н. С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира (экспериментальное исследование). Курск, 2005.

ОМСК

Лариса Олеговна Бутакова

Докторская диссертация

Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект. Барнаул, 2001.

Под руководством Л. О. Бутаковой

Докторские диссертации

Дьяков А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование. Омск, 2015.

Кандидатские диссертации

Алферова Ю. И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков. Барнаул, 2005.

Приложения

Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: специфика представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида. Омск, 2006.

Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста. Барнаул, 2010.

Вязигина С.Ю. Экспериментальное исследование русского мультимедийного текста интернет-блога в аспекте ценностного воздействия. Омск, 2018.

Галкина Т. Г. Психолингвистическое обоснование методологии исследования образов авторского сознания в художественном тексте (на материале прозы В.В. Набокова). Барнаул, 2008.

Гречко Е.В. Когнитивно-семантическое моделирование образов счастья в дискурсе различных жанровых реализаций: на материале русского языка. Омск, 2004.

Захарова-Саровская М.В. Композиты в аспектах порождения и восприятия наименования (на материале эргонимов г. Новосибирска). Омск, 2018.

Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев. Барнаул, 2006.

Лещинская О.Г. Представление модальностей сенсорного восприятия в языке города Омска. Омск, 2008.

Мячин К.А. Особенности смысло- и текстообразования произведений современной прозы как отражение авторского сознания (на материале произведений лауреатов Пулитцеровской премии). Челябинск, 2021.

Оконешникова И.Г. Роль модусов перцепции в организации смыслового и коммуникативного пространства художественного прозаического текста (на материале творчества Р. Кинга). Барнаул, 2008.

Попова О.В. Восприятие научно-учебного текста в аспекте проблем адаптации научного текста к учебной коммуникации. Барнаул, 2012.

Шадрина А.А. Структура значения слова в учебном триязычии: психолингвистическое исследование. Екатеринбург, 2015.

Штехман Е.А. Особенности языкового сознания диалектоносителей в аспекте лингвистического моделирования основных составляющих (на материале русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья). Барнаул, 2007.

Елена Николаевна Гуц

Докторская диссертация

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект. Барнаул, 2005.

САРАТОВ

Илья Наумович Горелов

Докторская диссертация

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи. Магнитогорск, 1976.

Под руководством И.Н. Горелова

Кандидатские диссертации

Ивахнов Д.С. Психолингвистическое исследование корреляций общесемантической и ритмической структуры текста. Саратов, 1987.

Федюнина С.М. Англоязычная и русская лингводидактическая терминология в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах исследования. Саратов, 1988.

Шидо Т.А. Психолингвистическое описание лексических единиц семантического поля ощущения (на материале рус. и нем. яз.). Саратов, 1989.

Дубовцева Т.Ф. Психолингвистический аспект функционирования эллиптических конструкций (на материале рус., англ. и нем. разговорной речи). Саратов, 1989.

Приложения

Острикова Г.Н. Предметно-образный компонент именных лексических единиц вторичного образования в подъязыках информатики и кибернетики (на материале русского и немецкого языков). Саратов, 1990.

Полуэктов В.Н. Экстралингвистические факторы отбора и функционирования единиц лексического поля «Внешняя политика» (на материале прессы СССР и Германии 1982-1991 годов). Саратов, 1991.

Привалова И.В. Психологическая установка в процессе понимания иноязычного текста (на материале русского и английского языков). Саратов, 1995.

Петрова А.А. Психолингвистическая модель становления вопроса в онтогенезе (на материале речи русско- и немецкоязычных дошкольников). Саратов, 1995.

Кучерова Л.Н. Фонетическая мотивированность собственных имен в немецкой и русской художественной литературе. Саратов, 1997.

Константин Федорович Седов

Докторская диссертация

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности. Саратов, 1999.

Под руководством К.Ф. Седова

Кандидатские диссертации

Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Саратов, 2004.

Кощеева О.В. Речезанровый аспект становления коммуникативной компетенции в онтогенезе. Саратов, 2012.

Валентин Евсеевич Гольдин

Докторская диссертация

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997.

Под руководством В.Е. Гольдина

Кандидатские диссертации

Воздвиженская А.В. Гиперо-гипонимические системы в составе ассоциативных полей. Саратов, 2016.

Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре: на материале Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области. Саратов, 2007.

Нефедова В.А. Зона фонетического реагирования в ассоциативном словаре школьника. Саратов, 2003.

Одинокова Н.Ю. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций: на материале русского и английского языков. Саратов, 2004.

Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения: на материале ассоциативных реакций. Саратов, 2004.

Трещева Е.Г. Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей. Саратов, 2012.

Евгения Аркадьевна Елина

Докторская диссертация

Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект). Волгоград, 2003.

Под руководством Е.А. Елиной

Кандидатские диссертации

Илюхин Н.И. Коммуникативное поведение одаренной личности (на материале русскоязычных и англоязычных кинофильмов). Саратов, 2016.

Пятковская Е.К. Типология и специфика вербальных интерпретаций произведений живописи Китая и Японии. Саратов, 2009.

Приложения

Селиванова О.Н. Общее и различное в интерпретациях пейзажа в искусствоведческих текстах разноструктурных языков (на материале русского и английского языков). Саратов, 2007.

Лариса Петровна Прокофьева

Докторская диссертация

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты. Саратов, 2008.

УФА

Татьяна Михайловна Рогожникова

Докторская диссертация

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова. Уфа, 2000.

Под руководством Т.М. Рогожниковой

Абабкова С.Г. Развитие значения слова в индивидуальном сознании в условиях разных типов одаренности. Уфа, 2007.

Габдуллина В.Р. Возрастная динамика развития значения слова и пути ее формализации. Ижевск, 2013.

Газизова Л.В. Стратегии идентификации полисемантического слова (на материале разносистемных языков). Уфа, 2006.

Гарипова Р.Н. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии. Уфа, 2007.

Даминова Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова. Уфа, 2010.

Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста. Уфа, 2011.

Ефимова М.В. Психолингвистические особенности функционирования термина в индивидуальном сознании. Ижевск, 2015.

Закорко С.В. Особенности функционирования семантики слова при личностных различиях. Уфа, 2009.

Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в геронтогенезе. автореф. Ижевск, 2007.

Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность как проявление внутренней формы вербальной модели. Ижевск, 2014.

Навалихина А.И. Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия. Ижевск, 2013.

Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова. Ижевск, 2007.

Яковлева Р.В. Ассоциативная цветность как инструмент анализа текста. Ижевск, 2021.

Наталья Петровна Пешкова

Докторская диссертация

Пешкова Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста. Уфа, 2002.

Под руководством Н.П. Пешковой

Кандидатские диссертации

Авакян А.А. Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке). Уфа, 2008.

Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания. Уфа, 2010.

Приложения

Вахитова Г.В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках). Уфа, 2007.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов. Уфа, 2012.

Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков). Уфа, 2004.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. Уфа, 2007.

Матвеева Н.В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет). Уфа, 2004.

Мигранова И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы). Уфа, 2017.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала. Уфа, 2017.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания. Уфа, 2018.

ВОРОНЕЖ

Иосиф Абрамович Стернин

Докторская диссертация

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Минск, 1987.

Под руководством И.А. Стернина

Докторские диссертации

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника). Воронеж, 2004.

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования коммерческой номинации. Воронеж, 2004.

Кандидатские диссертации

Акрам А.Х. Лексико-семантическая характеристика ассоциативно-частотного ядра лексической системы современного русского языка. Воронеж, 2008.

Атланова Е.О. Субъективный концепт как предмет лингвокогнитивного исследования (экспериментальное исследование на материале концепта новое слово). Воронеж, 2009.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего. Воронеж, 1994.

Виноградова О.Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи). Воронеж, 2016.

Вовк Е.В. Образ идеального собеседника в языковом сознании носителей языка (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2012.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2001.

Гетте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания. Воронеж, 2004.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников). Воронеж, 2003.

Лазуренко Е.Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование. Воронеж, 2006.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. (Психолингвистическое исследование). Воронеж, 1999.

Полякова Е.К. Риторический идеал в русском коммуникативном сознании (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2003.

Приложения

Розенфельд М.Я. Перцептивный образ в структуре значения слова. Воронеж, 2008.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2005.

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания. Воронеж, 2006.

Чернышова Е.Б. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2001.

Марина Евгеньевна Новичихина

Докторская диссертация

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации. Воронеж, 2004.

Под руководством М.Е. Новичихиной

Кандидатские диссертации

Дрогайцева М.А. Коммуникативная эффективность медианоминии (на материале названий региональных печатных средств массовой информации). Тверь, 2019.

Дыкин Р.В. Социальная реклама в системе массовой коммуникации: динамический аспект. Воронеж, 2009.

Самойленко Н.С. Позиционирование в тексте СМИ: номинативный аспект. Воронеж, 2018.

Тулупов В.В. Репрезентация феномена спорта в процессе массовой социальной коммуникации. Краснодар, 2013.

Наталья Александровна Лемяскина

Докторская диссертация

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника). Воронеж, 2004.

Под руководством Н.А. Лемяскиной

Кандидатские диссертации

Хворостова О.В. Категория «вежливость» в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника. Воронеж, 2009.

Толмачева С.Ю. Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника. Воронеж, 2009.

Людмила Владимировна Величкова

Докторская диссертация

Величкова Л.В. Theorie und Praxis des Ausspracheunterrichts. 1990.

Под руководством Л.В. Величковой

Докторские диссертации

Петрова А.А. Становление просодической основы речи в раннем онтогенезе. Воронеж, 2013.

Кандидатские диссертации

Абакумова О.В. Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи (на материале русский и испанской детской речи). Воронеж, 2000.

Анненкова Д.В. Компоненты восприятия речевого поведения : на материале русского и немецкого языков. Воронеж, 2011.

Асефнежад Али. Влияние порядка слов на восприятие содержания высказывания. Воронеж, 2013.

Воропаева И.В. Эмоциональное восприятие дифференциальных признаков гласных фонем носителями немецкого и русского языков. Воронеж, 2011.

Приложения

Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста: на материале немецкого языка. Воронеж, 2007.

Киришинова О.В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «Радость»: на материале русского и немецкого языков. Воронеж, 2010.

Лукьянчикова Е.В. Признак интонационной завершенности в русской и немецкой звучащей речи. Воронеж, 1998.

Петрова Е.В. Дифференциальный признак вопросительности в интонационной системе испанского языка: В сопоставлении с русским. Воронеж, 2004.

Петроченко Е.В. Характеристика интонационных единиц по их соотношенности с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков). Воронеж, 2001.

Сухарева Е.Е. Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка: В сопоставлении с русским. Воронеж, 2003.

Шурова М.Е. Ритмические параметры звучащей детской речи: на материале русского и немецкого языков. Воронеж, 2001.

Шурупова Т.Ю. Средства звучащей речи для выражения дружелюбного отношения: психолингвистическое исследование на материале русского и немецкого языков. Воронеж, 2011.

Эйхгольц И.А. Восприятие признаков эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи: на материале речи спортивных комментаторов. Воронеж, 2008.

Елена Борисовна Чернышова

Докторская диссертация

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход. М., 2019.

ПЕРМЬ

Тамара Ивановна Ерофеева

Докторская диссертация

Ерофеева Т.И. Социолект: Стратификационное исследование. СПб., 1994.

Под руководством Т.И. Ерофеевой

Кандидатские диссертации

Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход). Пермь, 2005.

Ван Минь. Гендерный стереотип в языковом сознании носителей китайского языка (при сопоставлении с данными носителей русского языка). Пермь, 2018.

Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих. Пермь, 2011.

Дьяконова И.В. Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования. Пермь, 2002.

Корлякова А.Ф. Оценочный аспект в языковой картине мира русского и английского социумов (экспериментальное исследование). Пермь, 2012.

Мамонова Ю.А. Имя ВРЕМЯ и ЧАС в аспекте теории концепта (на материале русского и чешского языков). Пермь, 2006.

Миненко Е.В. Фрагмент политической картины мира в наивном представлении русских и англичан (экспериментальное исследование). Пермь, 2017.

Усманова М.В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций: на материале устных спонтанных монологов. Пермь, 2003.

Ирина Германовна Овчинникова

Докторская диссертация

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности. СПб., 2002.

Под руководством И.Г. Овчинниковой

Кандидатские диссертации

Береснева Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе (ассоциативный эксперимент). Пермь, 1997.

Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в Интернет-коммуникации: на примере французской блогосферы. Пермь, 2011.

Поломских Е.Г. Соотношение эмоционального и рационального в восприятии рекламного текста. Пермь, 2003.

Углова И.А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект. Пермь, 2004.

Черепанова Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психоллингвистический аспект. Пермь, 2007.

Тамара Ивановна Доценко

Кандидатская диссертация

Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности. Л., 1984.

Под руководством Т.И. Доценко

Кандидатские диссертации

Батыркаева Т.В. Функционирование механизма категоризации у детей и взрослых. Пермь, 2012.

Бочкарева Е.В. Функционирование фонетико-семантических связей в перцептивном словаре подростка: на материале ассоциативных экспериментов. Пермь, 2006.

Лещенко Ю.Е. Становление лексикона билингва: по данным ассоциативного эксперимента. Пермь, 2006.

Остапенко Т.С. Межъязыковые взаимодействия при комбинированном трилингвизме (экспериментальное исследование). Пермь, 2019.

Шабалина О.В. Структура и функционирование метафоры в детской речи. Пермь, 2007.

Елена Валентиновна Ерофеева

Докторская диссертация

Ерофеева Е.В. Идиомы как вероятностные структуры: социоллингвистический аспект (на материале фонетического уровня). СПб., 2005.

Под руководством Е.В. Ерофеевой

Кандидатские диссертации

Кропачева М.А. Локальная вариативность студенческого жаргона: экспериментальное исследование. Пермь, 2011.

Низгулов Т.С. Гибридизация юридических понятий в сознании носителей английского и русского языков: экспериментальное исследование. Пермь, 2015.

Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социоллингвистическое варьирование. Пермь, 2018.

Пепеляева Е.А. Структура лексико-семантического поля «Человек» в ментальном лексиконе: экспериментальное исследование. Пермь, 2011.

Тань Ин. Англоязычные заимствования в русском и китайском языках: социопсихоллингвистическое исследование. Пермь, 2019.

Татьяна Николаевна Чугаева

Докторская диссертация

Чугаева Т.Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка). СПб, 2009.

Под руководством Т.Н. Чугаевой

Кандидатские диссертации

Байбурова О.В. Механизмы восприятия разносложных типов английского слова. Пермь, 2008.

Порческу Г.В. Строй английского предложения в перцептивном аспекте: на материале британского варианта английского языка. Н. Новгород, 2013.

Мякотникова С.Ю. Перцептивные особенности звукового строя американского варианта английского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Пермь, 2016.

Вахотин А.В. Разносложные типы русского слова: система и функционирование в перцептивном аспекте. Пермь, 2019.

Светлана Сергеевна Шляхова

Докторская диссертация

Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи. Пермь, 2006.

Под руководством С.С. Шляховой

Кандидатские диссертации

Вершинина М.Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: на материале пермских говоров. Пермь, 2013.

Клюев Н.А. Ассоциативно-вербальная сеть концепта социальные медиа / social media. Пермь, 2020.

Шестакова О.В. Универсальное и специфическое в ономастопее. Пермь, 2013.

Наталья Михайловна Нестерова

Докторская диссертация

Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода. Пермь, 2005.

Под руководством Н.М. Нестеровой

Кандидатские диссертации

Герте Н.А. Денотативная модель реферативного специализированного перевода. Пермь, 2016.

Маркарян А.М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая. Уфа, 2007.

Поздеева Е.В. Оказиональное слово: восприятие и перевод: На материале произведений русскоязычных и англоязычных писателей. Пермь, 2002.

ЧЕЛЯБИНСК

Людмила Александровна Шкатова

Докторская диссертация

Шкатова Л.А. Терминологические наименования лиц в русском языке. Челябинск, 1987.

Под руководством Л.А. Шкатовой

Докторские диссертации:

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. Челябинск, 2006.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: лингвокогнитивный анализ. Челябинск, 2004.

Приложения

Халуно О.И. Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств. Челябинск, 2016.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск, 2009.

Кандидатские диссертации

Ваганова Е.В. Языковое сознание студентов технических и гуманитарных специальностей как представителей различных корпоративных культур. Челябинск, 2008.

Горбенко М.В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях (на примере диаспор г. Костаная). Челябинск, 2009.

Гостева И.В. Динамика лингвокультурного поля «духовность» в русской языковой картине мира (1981-2008 гг.). Челябинск, 2008.

Киуру К.В. Референт как профессиональный коммуникатор (анализ стереотипного речевого поведения). Челябинск, 1999.

Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса). Челябинск, 2005.

Купфер Л.В. Модели речевого поведения сотрудников организации: психолингвистический аспект. Челябинск, 2015.

Приходкина С.И. Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж: на примере речевой деятельности промоутера. Челябинск, 2007.

Селютин А.А. Корпоративная культура вуза как совокупность текстов: лингвокультурологический анализ. Челябинск, 2007.

Елена Владимировна Харченко

Докторская диссертация

Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных сферах. Челябинск, 2004.

Под руководством Е.В. Харченко

Кандидатские диссертации

Баландина Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур. Челябинск 2013.

Битюцких К.В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов. Челябинск, 2015.

Выговская Д.Г. Отражение содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании носителей русской культуры. Челябинск, 2014.

Евсеева О.В. Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования: на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков. Челябинск, 2008.

Иноземцева Л.П. Отражение корпоративной культуры преподавателей вуза в языковом сознании носителей русской культуры. Челябинск, 2012.

Кудрук Г.Н. Отражение образа профессионала в языковом сознании. Челябинск, 2008.

Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса). Челябинск, 2011.

Мань Шу. Восприятие и понимание имени собственного в межкультурной коммуникации (на материале прагмонимов и эргонимов китайского и русского языков). Челябинск, 2021.

Нин Хуайин. Этнокультурная специфика русско-китайской бизнес-коммуникации. Челябинск, 2020.

Плешков Е.С. Специфика образов языкового сознания у носителей разных субкультур (на материале имен собственных). Челябинск, 2021.

Цзинь Чжи. Образ ребёнка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур). Челябинск, 2019.

ЧЕРНОВЦЫ

Виктор Васильевич Левицкий

Докторская диссертация

Левицкий В.А. Проблемы экспериментальной семасиологии. Черновцы, 1974.

Под руководством В.В. Левицкого

Докторские диссертации

Кушнерик В.І. Фоносемантизм у германських і слов'янських мовах. АДД, Київ, 2009

Кандидатские диссертации

Львова І.Л. Звукосимволичні властивості початкових приголосних звукосполучень у сучасній англійській мові. Черновцы, 2007.

ПЯТИГОРСК

Андрей Борисович Михалёв

Докторская диссертация

Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995.

ВОЛГОГРАД

Желтухина Марина Ростиславовна

Докторская диссертация

Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. М., 2004.

НОВОСИБИРСК

Дебрэнн Мишель

Докторская диссертация

Дебрэнн М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии. Новосибирск, 2006.

Ирина Владимировна Шапошникова

Докторская диссертация

Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. Иркутск, 1999.

Под руководством И.В. Шапошниковой

Кандидатские диссертации

Жукова Л.С. Языковой пуризм в современной Англии. М., 2010.

Кафтанов Р.А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных (экспериментальное психолингвистическое исследование). Красноярск, 2020.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Татьяна Александровна Гридина

Докторская диссертация

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). М., 1996

Под руководством Т.А. Гридиной

Докторские диссертации

Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. М., 2003.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. М., 2007.

Устинова Т.В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: лингвокогнитивные модели читательской рецепции и межъязыковой перевод. Екатеринбург, 2017.

Кандидатские диссертации

Муль И.Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах: на материале скороговорки и частушки. Екатеринбург, 2000.

Никаноров С.А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе. Екатеринбург, 2000.

Колясникова О.С. Явление мотивационной рефлексии в детской речи. Екатеринбург, 2005.

Иванов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений. Екатеринбург, 2006.

Чемезова И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке. Екатеринбург, 2008.

Ваганова И.Ю. Языковая игра в ментальных пространствах произведений художественной фантастики (на материале творчества А. и Б. Стругацких). Екатеринбург, 2009.

Ваулина И.А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: лингвистический и психолингвистический аспекты. Екатеринбург, 2017.

КАЗАХСТАН

Наталья Васильевна Дмитриук

Докторская диссертация

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде. М., 2000.

Под руководством Н.В. Дмитриук

Докторские диссертации

Нарожная В.Д. Невербальная коммуникация как этнокультурный феномен. Кокшетау, 2010.

Кандидатские диссертации

Ахметжанова Г.А. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания. Алматы, 2007.

Мезенцева Е.С. Пословичная картина мира в языковом сознании русских: функционирование и трансформация. Кокшетау, 2010.

Шингарева М.Ю. Идиоматическая зооконцептосфера и ее отражение в языковой картине мира представителей разных лингвокультурных сообществ. Алматы, 2006.

Яковенко Л.К. Культура профессионального общения: стереотипы, нормы, модели поведения. Алматы, 2007.

АВТОРЫ МОНОГРАФИИ

1. Абакумова Ольга Владимировна – кандидат филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет.
2. Ахутина Татьяна Васильевна – доктор психол. наук, профессор, главный научный сотрудник ф-та психологии, МГУ им. М.В. Ломоносова
3. Базылев Владимир Николаевич – доктор филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет
4. Барина Ирина Александровна – кандидат филол. наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский политехнический университет
5. Белянин Валерий Павлович – доктор филол. наук, профессор, Торонто, Канада
6. Бентя Евгения Валерьевна – преподаватель-исследователь кафедры межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Новосибирского национального исследовательского государственного университета
7. Бубнова Ирина Александровна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет
8. Бутакова Лариса Олеговна – доктор филол. наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
9. Василевич Александр Петрович – доктор филол. наук, профессор, Московский государственный областной университет
10. Величкова Людмила Владимировна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии, Воронежский государственный университет
11. Воейкова Мария Дмитриевна – доктор филол. наук, зав. отделом теории грамматики, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
12. Воропаева Ирина Викторовна – кандидат филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет
13. Гридина Татьяна Александровна – доктор филол. наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет
14. Гуц Елена Николаевна – доктор филол. наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
15. Денисова-Шмидт Елена Викторовна – доктор философии (PhD), научный сотрудник, Университет Санкт-Галлена, Швейцария
16. Дмитрюк Наталья Васильевна – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Казахстан
17. Доценко Тамара Ивановна – кандидат филол. наук, доцент кафедры общего языкознания, Пермский гуманитарно-педагогический университет
18. Елина Евгения Аркадьевна – доктор филол. наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия
19. Ерофеева Елена Валентиновна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет
20. Журавлев Игнатий Владимирович – кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник Отдела психолингвистики, ИЯ РАН, Москва
21. Залевская Александра Александровна – доктор филол. наук, профессор, заслуженный деятель науки, Тверской государственный университет
22. Золотова Наталия Октябровна – доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственный университет

Список авторов

23. Золтнер (Коротун) Ольга Владимировна – кандидат филол. наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
24. Ильина Виолетта Александровна – доктор филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет
25. Кафтанов Роман Анатольевич – кандидат филол. наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Новосибирский ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
26. Коновалова Надежда Ильинична – доктор филол. наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
27. Красных Виктория Владимировна – доктор филол. наук, профессор, филологический факультет, МГУ им М.В. Ломоносова
28. Кузина Ольга Александровна – кандидат филол. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России, Москва, Химки
29. Лемяскина Наталия Александровна – доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, Воронежский институт развития образования
30. Марковина Ирина Юрьевна – кандидат филол. наук, профессор, директор Института иностранных языков, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
31. Мишель Дебрэнн – доктор филол. наук, профессор, Новосибирский государственный исследовательский университет
32. Мягкова Елена Юрьевна – доктор филол. наук, профессор, Тверской государственный университет
33. Нестерова Наталья Михайловна – доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
34. Новичихина Марина Евгеньевна – доктор филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет
35. Овчинникова Ирина Германовна – доктор филол. наук, профессор, Хайфа, Израиль
36. Орлова Наталья Васильевна – доктор филол. наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
37. Петрова Татьяна Евгеньевна – кандидат филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
38. Петроченко Елена Викторовна – кандидат филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет
39. Пешкова Наталья Петровна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Башкирский государственный университет
40. Пищальникова Вера Анатольевна – доктор филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет
41. Прокофьева Лариса Петровна – доктор филол. наук, профессор, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
42. Рогожникова Татьяна Михайловна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет
43. Рудакова Александра Владимировна – кандидат филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет
44. Савицкая Сардана Валерьевна – преподаватель-исследователь кафедры межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Список авторов

45. Сдобнова Алевтина Петровна – кандидат филол. наук, доцент, Саратовский государственный университет
46. Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филол. наук, главный научный сотрудник, зав. отделом экспериментальных исследований речи, ИЯ РАН, Москва
47. Стернин Иосиф Абрамович – доктор филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет
48. Тарасов Евгений Федорович – доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом психолингвистики, ИЯ РАН, Москва
49. Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором этнопсихолингвистики ИЯ РАН, Москва
50. Ушакова Татьяна Николаевна – доктор психол. наук, профессор, академик Российской Академии образования
51. Харченко Елена Владимировна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск
52. Цейтлин Стелла Наумовна – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН, профессор, зав. кафедрой детской речи, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
53. Чернышова Елена Борисовна – доктор филол. наук, профессор, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
54. Чугаева Татьяна Николаевна – доктор филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков и философии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
55. Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
56. Шкатова Людмила Александровна – доктор филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет
57. Шляхова Светлана Сергеевна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет

SUMMARY

The monograph reflects the problems of Russian psycholinguistics from the moment of its inception in Russia to the present day and characterizes its main directions that are being developed nowadays. In addition, theoretical achievements and practical results obtained in the framework of different directions and research centers are described in a concise form.

The task of the book is to reflect, as far as it is possible in one volume, firstly, the history of Russian psycholinguistics; secondly, its methodology and methods used; thirdly, the results obtained in research centers and scientific schools in different regions of Russia; fourthly, to outline the main directions of the Russian psycholinguistics further development.

There is no doubt that in the theoretical, methodological aspects and applications, main issues and results of their development by Russian psycholinguistics have no analogues in world linguistics and psycholinguistics, or are represented by completely original concepts and methods. We have tried to show this uniqueness of the agenda and methodology of Russian psycholinguistics in this book.

Moscow school of psycholinguistics which takes its name after A.A. Leontyev plays the main role in the formation of Russian psycholinguistics. Still it defines the main research directions of the art.

Russian psycholinguistics (the theory of speech activity – TSA) is based on the achievements of Russian psychology: a cultural-historical approach to the analysis of mental phenomena developed by L.S. Vygotsky and the system-activity approach of A.N. Leontyev.

Moscow is the most “psycholinguistic region” of Russia – INL RAS, Moscow State University, Moscow State Linguistic University, RUDN, Moscow State Pedagogical University, Moscow State Pedagogical University, Sechenov University, Moscow State University and other Moscow universities.

Saint Petersburg psycholinguists have significant achievements, especially in the study of neurolinguistic problems and ontolinguistics.

The most important feature of Russian psycholinguistics is the widespread development of psycholinguistics in the regions, the emergence of recognized psycholinguistic research centers – St. Petersburg, Tver, Saratov, Perm, Ufa, Omsk, Novosibirsk, Voronezh, Yekaterinburg, Kursk, Chelyabinsk; psycholinguistics is represented in Cherepovets, Ivanovo, Volgograd, Vyatka, Kaluga, Krasnoyarsk, Irkutsk, Vladivostok, Abakan, Maikop, Barnaul, Ulan-Ude, Yakutsk, Syktyvkar, Armavir and other cities. Russian research tradition continues in other post-Soviet countries: Minsk in Belarus; Lvov, Chernivtsi and Kharkov in Ukraine; Donetsk in the DPR, Almaty and Chimkent in Kazakhstan. Our researchers work in Bulgaria, Hungary, Vietnam, China, France, Switzerland.

You will also find Russian psycholinguists in Canada, USA, Israel, Austria and a number of other countries.

All scientists from these regions and countries have contributed to the development of Russian psycholinguistics, the progression of psycholinguistic theory and methods of psycholinguistic research. Their participation has not been forgotten.

We tried to present the main Russian psycholinguists in the Appendix (“Sientometrics”, “Monographs and Manuals”, “Dissertations”) even though there is no information about them in the Electronic Library and RSCI. The principles of including scientists in the scientometric list are presented in the Appendix.

Our analysis of the resulting monograph on psycholinguistic research in Russia allows us to draw some preliminary conclusions as to distinctive features of Russian psycholinguistics:

1. cultural-historical approach to the analysis of mental phenomena of L.S. Vygotsky and the system-activity approach of A.N. Leontiev as methodological basis;
2. theoretical nature of psycholinguistic research: Russian psycholinguistics has always developed a general theory of speech generation and perception and of mental lexicon, linked specific research with the problems of ontogenesis and the relationship between language and thinking;
3. psycholinguistic studies of speech communication as an important subject of psycholinguistics;
4. attention to the psycholinguistic text analysis and the development of its methods;
5. active research into the ontogenesis of linguistic competence;
6. investigation of linguistic consciousness as one of the important subjects of psycholinguistics;
7. understanding the need to generate different types of associative dictionaries as its most important practical task;
8. widespread use of psycholinguistic methods for applied purposes, active development of applied psycholinguistics.

The review of the main directions of Russian psycholinguistics, carried out in this monograph, clearly shows that the aspect associated with the study of linguistic consciousness is currently being most intensively developed in modern Russian psycholinguistics.

As the practice of many years of psycholinguistic research in our country shows, the subject of study of psycholinguists is precisely linguistic consciousness – this is a part of human consciousness responsible for generating and understanding speech and keeping language in mind.

Summary

Associative experiments are the core of most psycholinguistic techniques and are important both theoretically and practically. The main areas of practical application of associative experiments' results can be outlined as follows.

1. Education. Associative experiments are the basis for constructing Mind Maps, one of the most promising tools for systematizing knowledge, assessing the quality, volume and nature of declarative knowledge (and using special techniques and skills). Methods based on smart maps are already widely used in teaching foreign languages, fast and deep immersion in various subject areas.

2. Information search, search optimization. Results of associative experiments can significantly improve the quality of information retrieval, its efficiency, as well as adaptability for a specific person (social group). When promoting sites (promoting them in search results), associative experiment allows you to increase and improve the quality of the audience reached.

3. Translation studies, translation automation. Associative experiment can significantly improve the quality of translation, take into account intercultural and various social characteristics of native speakers.

4. Computational linguistics and automatic word processing. Results of associative experiments make it possible to reveal the features of a person's linguistic consciousness and contribute to the development of automatic text processing systems in a wide range of applications of natural language interfaces of computer programs and robotic solutions.

5. Advertising. The use of data on associations for specific words, slogans and texts allows to predict and improve advertising texts.

6. Social relationships. Text analysis using the data of associative experiments makes it possible to assess the tonality of messages (negative / positive moods, aggression and other characteristics) based on user comments on the Internet and social networks, in press – in various projections (by individuals, events, organizations, etc.) from various social angles, to diagnose the formation of extremist ideas.

7. Content control and protection of personal data. Associative experiments improve the quality of content detection and filtering by identifying associative fields in areas subject to age restrictions, personal information, tobacco and alcohol advertising, incitement to ethnic hatred, etc.

8. Gender and individual differences. The data of associative experiments can be used to compare the reactions (and, in general, other features of thinking) between men and women, different social and age groups, representatives of different regions.

We see the directions for further development of Russian psycholinguistics from the standpoint of the current state of psycholinguistic science in the country, first of all:

- in the development of research in various areas of linguistic consciousness, which will contribute to the development of an important concept of speech as a verbal model of non-linguistic consciousness, in which knowledge revealed by social practice and assigned by each member of society during its inculturation is consolidated for society and on its behalf;
- in the expansion of its problematics, which is formed under the influence of the growing intercultural communication in the world community, which inevitably involves speech behavior of natural and artificial bilinguals in the new object area of psycholinguistics;
- in using the capabilities of national linguistic corpora in the interests of researchers studying the functioning of non-linguistic and linguistic consciousness in speech processes;
- in expanding research on the semantic perception of multimodal texts, the scope of which has greatly expanded in connection with the spread of the Internet as a means of communication in the life of modern society;
- in the inclusion of the problems of professional communication and professional activity in the object area of psycholinguistics in connection with the introduction of information technologies into public practice, entailing the emergence of new professions and new features of the professional ethos;
- in the further development of the theory of mental lexicon (identifying the role of different types of knowledge in its formation and functioning, the role of the word as a unit of mental lexicon in the formation of world image, as well as the role of the natural / internal metalanguage and its specifics in speech activity);
- in the broad development of associative lexicography, which will meet the most diverse needs of society and cognitive science. The development of associative lexicography may lead to the emergence of such disciplines as associative typology, associative variantology, associative axiology;
- in expanding the spheres of its applications in social sciences, sociology, semasiology, lexicography, in the study of the brain, linguodidactics, medicine, etc.

This book is a kind generalizing summary of the modern Russian psycholinguistics development. Each section provides a bibliography of studies on the relevant issue. The Appendix contains the scientometrics of leading Russian psycholinguists, basic monographs, psycholinguistic textbooks and dissertations. The content of the publications presented here is convincing evidence of the relevance of psycholinguistic topics and the effectiveness of the development of psycholinguistic problems in Russia.

I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova

Contents

From the editorial board (<i>I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova</i>)	8
I. FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PSYCHOLINGUISTICS	
1.1. Methodological foundations of Russian psycholinguistics	14
1.1.1. Cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky (<i>I.V. Zhuravlev</i>)	14
1.1.2. The system-activity approach of A.N. Leontyev (<i>E.F. Tarasov</i>)	22
1.1.3. Systemic dynamic brain localization theory of higher mental functions of A.R. Luria (<i>I.V. Zhuravlev</i>)	27
1.1.4. The creative path of A.A. Leontiev – the history of the theory of speech activity (<i>E.F. Tarasov</i>)	31
1.1.5. Activity theory as theoretical basis of Russian psycholinguistics (<i>V.A. Pishchalnikova</i>)	35
1.2. Formation and development of the Moscow Psycholinguistic school	53
1.2.1. We were not as many (How it all began) (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	53
1.2.2. Major activities of MPLS	58
1.2.2.1. MPLS Research of speech communication (<i>E.F. Tarasov</i>)	58
1.2.2.2. MPLS Research of linguistic consciousness problems (<i>E.F. Tarasov</i>)	65
1.2.2.3. Organizational and scientific and publishing activities MPLS (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	73
1.3. Formation and development of psycholinguistics in St. Petersburg (<i>T.E. Petrova</i>)	81
1.4. Psycholinguistics in the regions of Russia (<i>I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva</i>)	95
1.5. Modern Russian psycholinguistics: new areas of activity as the expansion of the subject area of research (<i>V.A. Pishchalnikova</i>)	97
2. LANGUAGE CONSCIOUSNESS RESEARCH	
2.1. Gender studies of linguistic consciousness. Gender lexicography (<i>A.V. Rudakova, I.A. Sternin</i>)	109
2.2. Language consciousness: the age aspect	116
2.2.1. Regional language consciousness: the age aspect (<i>L.O. Butakova, E.N. Guts, N.V. Orlova</i>)	116
2.2.2. Age dynamics of the mental lexicon (<i>A.P. Sdobnova</i>)	130
2.3. Meaning as a phenomenon of language consciousness (psycholinguistic word meaning) (<i>A.V. Rudakova, I.A. Sternin</i>)	140
2.4. Ethnopsycholinguistic research	148
2.4.1. The subject and objectives of ethnopsycholinguistic research (<i>V.A. Pishchalnikova</i>)	148
2.4.2. Ethnopsycholinguistics as a branch of speech activity theory (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	159
2.4.3. Ethnolinguistic theory of lacunae (<i>I.Yu. Markovina, E. Denisova-Schmidt</i>)	172
2.4.4. Language personality (<i>I.V. Shaposhnikova</i>)	178
2.5. Language sign sensory motivation problem (<i>E.A. Elina, L.F. Prokofieva</i>)	195
2.6. The idea of non-verbal thinking in the works of I.N. Gorelov (<i>E.A. Elina, I.A. Sternin</i>)	204
2.7. Phonosemantics in Russia (<i>S.S. Shlyakhova</i>)	212
2.8. Professional consciousness language representation (<i>L.A. Shkatova, E.V. Kharchenko</i>)	224
2.9. Sociopsycholinguistic aspect of language consciousness (<i>T.I. Dotsenko, E.V. Erofeeva, T.I. Erofeeva</i>)	231
2.10. Psycholinguistic aspects of the linguocreativity phenomenon study (<i>T.A. Gridina, N.I. Konovalova</i>)	241
2.11. Commercial nomination perception by language consciousness (<i>M.E. Novichikhina</i>)	252
2.12. Psycholinguistic aspect of assessment research (based on the core of Russian language consciousness) (<i>E.B. Chernyshova</i>)	258
2.13. Psycholinguistic research in Novosibirsk (<i>I.V. Shaposhnikova</i>)	263
3. MENTAL LEXICON STUDIES	
3.1. Tver School of Psycholinguistics: meaning of the word as a unit of mental lexicon, text comprehension, problems of bilingualism, natural metalanguage (<i>A.A. Zalevskaya, N.O. Zolotova, E.Yu. Myagkova</i>)	270
3.2. Kursk group of psycholinguistics (<i>E.Yu. Myagkova</i>)	285

Contents

3.3. Mental lexicon modeling in bilingualism (<i>I.A. Barinova, T.I. Dotsenko, I.G. Ovchinnikova, T.N. Chugaeva</i>)	292
3.4. Color names as an object of psycholinguistic study (<i>A.P. Vasilevich</i>)	300
3.5. Subjective word meaning structure and native speaker intelligence (<i>I.A. Bubnova</i>)	312
3.6. The problem of basic values psycholinguistic research (<i>V.A. Ilyina</i>)	335
4. ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY	
4.1. General associative dictionaries	344
Dictionary of the Russian language associative norms (<i>I.A. Sternin</i>)	344
Russian associative dictionary (RAS) (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	345
French associative dictionaries (<i>M. Debrenn</i>)	353
4.2. Regional associative dictionaries	358
“Russian Regional Associative Dictionary” Project (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	358
Language consciousness dictionaries in RF national republics (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	362
Associative dictionary of Siberia and the Far East (<i>I.V. Shaposhnikova</i>)	365
Omsk residents associative-semantic dictionary (<i>L.O. Butakova</i>)	370
4.3. Comparative associative dictionaries	373
“Slavic associative dictionary” project (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	373
Russian and German associative norms (<i>N.V. Ufimtseva, I.A. Sternin</i>)	377
Associative lexicography in Kazakhstan (<i>N.V. Dmitryuk</i>)	378
Subcorpus of Yakut language speakers’ verbal associations (SIBAS) (<i>S.V. Savitskaya</i>)	385
Subcorpus of the Russian language speakers’ in Kazakhstan verbal associations – RKAS (2017–2020) (SIBAS) (<i>E.V. Bentia</i>)	386
Spanish and Russian Associative norms (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	388
Russian comparative associative dictionary (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	
Bashkir and Tatar associative dictionary (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	389
4.4. Age-specific associative dictionaries	390
Child’s associative dictionary (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	390
Associations of children from six to ten: lexicon of junior schoolchildren (<i>I.G. Ovchinnikova</i>)	391
Teenager Associative Dictionary (<i>E.N. Guts</i>)	392
Saratov and Saratov region Schoolchildren Associative Dictionary (<i>A.P. Sdobnova</i>)	395
4.5. Gender associative dictionaries	401
Associative differential gender dictionary of the Russian language lexical core (<i>I. A. Sternin</i>)	401
4.6. Thematic associative dictionaries	402
Associative dictionary of common Russian vocabulary (<i>A.V. Rudakova, I.A. Sternin</i>)	402
Subcorpus of military personnel verbal associations (SIBAS) (<i>R.A. Kaftanov</i>)	406
Outer person associative dictionary (<i>O.V. Korotun</i>)	407
Russian-English-German tourism association dictionary (<i>O. Kuzina</i>)	407
Bilingual associative vocabulary of core values (<i>V.A. Pishchalnikova</i>)	409
Russian phraseological associative dictionary (<i>N.V. Ufimtseva</i>)	416
4.7. Psycholinguistic dictionaries (on the basis of associative dictionaries)	416
4.8. General psycholinguistic explanatory dictionaries	417
Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language (<i>I.A. Sternin, A.V. Rudakova</i>)	417
4.9. Thematic psycholinguistic explanatory dictionaries	417
Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language: Anthroponyms (<i>A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin</i>)	417
Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language: car brands (<i>I.A. Sternin, E.V. Shalamova</i>)	419
4.10. Differential psycholinguistic explanatory dictionaries (<i>A.V. Rudakova, I.A. Sternin</i>)	420

Contents

Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian language. Synonyms Age differential psycholinguistic dictionary of the Russian language	420
Gender differential psycholinguistic dictionary of the Russian language	421
Territorial differential psycholinguistic dictionary of the Russian language	421
5. SPEECH AND TEXT GENERATION AND PERCEPTION	
5.1. Speech generation and perception research in Russian psycholinguistics (<i>T.V. Akhutina</i>)	423
5.2. Essay on the activities of Speech psychology and psycholinguistics laboratory at the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (<i>T.N. Ushakova</i>)	436
5.3. Psycholinguistic text studies	443
5.3.1. Text psycholinguistics in Yu.A. Sorokin's research (<i>V.N. Bazylev, I. Yu. Markovina</i>)	443
5.3.2. Text psychopoetics (<i>V.A. Pishchalnikova</i>)	455
5.3.3. Text and its meaning (psycholinguistic research in line with the school of A.I. Novikov)	461
5.3.3.1. Ufa research area in line with "A.I. Novikov's school": text generation and perception; interactive text comprehension model for various text types (<i>N.P. Peshkova</i>)	463
5.3.3.2. Perm research area in line with "A.I. Novikov's school": algorithmization of main text meaning selection (<i>N.M. Nesterova, D.S. Kurushin</i>)	470
5.3.4. Psycholinguistic study of text in culture (<i>V.V. Krasnykh</i>)	477
5.3.5. Psycholinguistic analysis of literary text (<i>V.P. Belyanin</i>)	491
5.3.6. Text and its structure (psycholinguistic research in line with the school of L.V. Sakharny and A.S. Stern) (<i>T.E. Petrova</i>)	505
5.4. Psycholinguistic study of sounding speech: perception and generation (<i>L.V. Velichkova, O.V. Abakumova, E.V. Petrochenko, I. V. Voropaev</i>)	517
5.5. Suggestive resources of verbal models (<i>T.M. Rogozhnikova</i>)	526
6. ONTOGENESIS OF LANGUAGE ABILITY	
6.1. St. Petersburg School of Ontolinguistics (<i>S.N. Tseitlin, M.D. Voeikova</i>)	538
6.2. Ontogenesis of language ability in A.M. Shakhnarovich's concept (<i>K. Ya. Sigal</i>)	550
6.3. Ontopsycholinguistics and its methods in K.F. Sedov's concept (<i>I.A. Sternin</i>)	553
6.4. Communicative behavior of junior schoolchildren (<i>N.A. Lemyaskina</i>)	556
CONCLUSION (<i>N. V. Ufimtseva, I. A. Sternin, E. Yu. Myagkova</i>)	562
APPENDICES	
From the compilers (<i>I.A. Sternin, E. Yu. Myagkova</i>)	567
APPENDIX 1. Scientometric indicators of leading Russian psycholinguists	570
APPENDIX 2. Selected monographs and manuals in psycholinguistics (1966–2021)	574
APPENDIX 3. Selected dissertations in psycholinguistics (1966–2021)	588
List of authors	617
Summary	620

Подписано к печати 10.11.2021

Сдано в набор 12.11.2021

Формат бумаги 205 x 292

Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.

Объем 39 усл.печ.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»

В коллективной монографии отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день.

Российская психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева, в настоящее время объединяет многочисленные научные направления и центры и справедливо может гордиться важными результатами как теоретического, так и прикладного значения.

Монография – своеобразный обобщающий обзор развития и достижений психолингвистики в России. Каждый раздел дополнен библиографией по соответствующей проблеме.

В Приложении приводится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия и диссертации, защищенные по психолингвистической проблематике.

Для специалистов в области теории языка, психолингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся историей и современным состоянием лингвистики и психолингвистики в нашей стране.

ISBN 978-5-6045633-7-3



9 785604 563373